

ПЕРЕСТРОЙКА:

гласность
демократия
социализм

ИНОГО
НЕ
ДАНО

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

Алесь (А. М.) Адамович
Е. А. Амбарцумов
Ю. Н. Афанасьев
Л. М. Баткин
А. Е. Бовин
Ф. М. Бурлацкий
Ю. Г. Буртин
А. П. Бутенко
И. И. Виноградов
Г. Г. Водолазов
М. Я. Гефтер
В. Л. Гинзбург
Д. А. Гранин
С. С. Дзарасов
С. П. Зальгин
Т. И. Заславская
Вяч. Вс. Иванов
Л. В. Карпинский
Ю. Ф. Карякин
В. П. Киселев
М. Я. Лемешев
М. В. Малютин
А. М. Мигранян
Н. Н. Моисеев
А. А. Нуйкин
Г. Х. Попов
А. Д. Сахаров
В. И. Селюнин
В. Г. Сироткин
М. Д. Франк-Каменецкий
В. А. Фролов
Д. Е. Фурман
Ю. Д. Черниченко
А. В. Яблоков

ИНОГО

ПЕРЕСТРОЙКА:

гласность
демократия
социализм

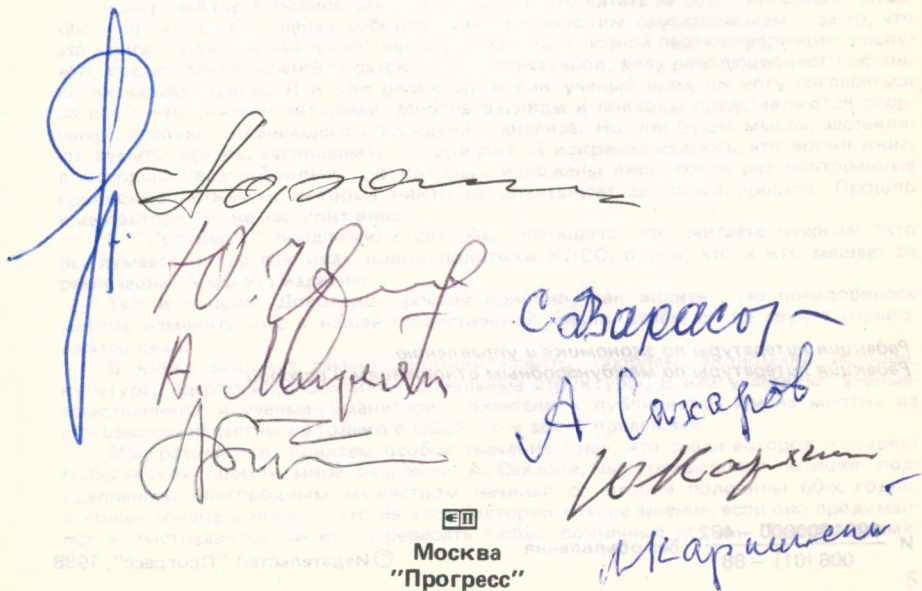
НЕ ДАНО

Судьбы перестройки

Вглядываясь в прошлое

Возвращение к будущему

Под общей редакцией
доктора исторических наук Ю. Н. АФАНАСЬЕВА

С. Барасов
А. Сахаров
И. Каримов
Каримов

Москва
"Прогресс"
1988

ББК 66.3 (2)
И 67

Редактор-составитель: *А. А. Протащук*
Редакторы: *В. И. Евсевичев, Х. Кобо, Н. К. Сазанович, О. М. Фролова*

Редакция литературы по экономике и управлению
Редакция литературы по международным отношениям и истории

И 0201000000 – 482
006 (01) – 88 без объявления

© Издательство "Прогресс", 1988

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ РЕДАКТОРА

Впервые в жизни я с удовольствием выполняю роль "ответственного редактора", вообще-то странную и, хотелось бы думать, обреченную исчезнуть в качестве анахронизма. Надо сознаться, что на языке отечественных обыкновений редактор, официально называемый "ответственным", отвечает не перед читателями (за то, что книга принесет им пользу и радость, за ее профессиональное и литературное качество), но перед начальством (на тот случай, если в ней окажется что-либо такое, чего начальство одобрить никак не может). Главным образом поэтому помимо просто редактора у нас заведено иметь еще и, часто номинального, "ответственного" на всякий деликатный случай. В этом смысле данная книга — исключение: устремления авторов, ответственного редактора и издательства стали общими.

Так вот: книга перед читателем. В ней даже сравнительно с тем, к чему уже более или менее привыкли в пору перестройки и гласности, немало непривычно откровенного и резкого. Но пусть читатели, сочувствующие курсу, связанному с именем М. С. Горбачева, желающие дальнейшего углубления и радикализации этого курса и, следовательно, разделяющие *в целом* умонастроения создавших эту книгу людей, не беспокоятся ни за авторов, ни за редакторов. Бог знает, что случилось бы с ними в те недалекие времена, когда, впрочем, такая книга и не могла бы появиться. Теперь же она — нормальное проявление перестройки и в некоторой мере сама служит ее подтверждением.

Как редактор я полностью отвечаю за то, что читать ее будет интересно. Отвечаю и политически — перед собственным критическим самосознанием — за то, что эта книга, выпускаемая в свет накануне XIX Всесоюзной партконференции, послужит, среди прочих усилий советских интеллектуалов, делу революционного обновления нашей страны. Я и как редактор, и как ученый вряд ли могу согласиться со всем, что сказано авторами. Многие взгляды и подходы представляются спорными, требуют дальнейшего обсуждения, анализа. Но они будят мысль, заставляют думать, искать, заглядывать за горизонт. Я искренне надеюсь, что время книг, в которых "все правильно", в которых изложены лишь сотни раз повторенные прописные истины и которые никто не дочитывает до конца, прошло. Прошло и не повторится, не наступит вновь.

В "Прогрессе" предложили авторам: напишите, что считаете нужным. Что вы думаете о перспективах новой политики КПСС, о том, что и кто мешает ее реализации. А мы это издадим.

Так и вышло. Довольно простой принцип, как видите... Но понадобилось многое изменить уже в нашей общественной жизни, чтобы он не звучал горько-насмешливо.

В книге затронут самый широкий спектр проблем: экономика, история, культура, идеология, политика, социальные структуры. В ней участвуют ученые-естествоведы и ученые-гуманитарии, писатели и публицисты. Имена многих из них широко известны не только в СССР, но и за его пределами.

Мы, разумеется, придаем особое значение тому, что среди авторов — лауреат Нобелевской премии мира академик А. Сахаров, чья гражданская позиция, подкрепленная благородным мужеством начиная со второй половины 60-х годов, в конце концов доказала, что на весах истории *личное мнение*, если оно продуманное и выстраданное, может перевесить любые безлические догмы. Пришло время,

чтобы голос Сахарова включился в открытые всенародные споры и раздумья.

Споры эти в известной мере продолжаются, как уже было сказано, внутри сборника. Иногда косвенно: так, с одинаковой болью за нашу академическую науку переживая ее невыносимую бюрократизацию, В. Гинзбург считает нужным требовать как можно большего смягчения этого гнета, а М. Франк-Каменецкий настаивает на том, что лишь полный отказ от прежних структур и способов ведения дела может придать этому делу подлинный динамизм.

Иногда спор ведется и напрямую: так, Л. Баткин, признавая, что предостережения Г. Попова, как и других сторонников перестройки, против нетерпеливого революционного романтизма заслуживают внимания, высказывает свой, резко отличный взгляд на эту социально-психологическую и политическую проблему. Амплитуда мнений на страницах сборника огромна, разнообразна и неоднозначны подходы к наиболее трудным проблемам обновления социализма в нашей стране. М. Гефтер, сосредоточивая внимание на феномене Сталина, доказывает возможность и необходимость пересмысления пути, пройденного нами за семьдесят лет, демонстрирует тем самым плодотворность принципов историзма при анализе современности. На основе социологического изучения разнообразных интересов составляющих наше общество классов, социальных слоев и групп, их неодинаковых, а иногда и противоположных отношений к перестройке академик Т. Заславская показывает, что господствовавшие до недавнего времени представления о строении современного советского общества устарели, а положение о том, что развитие социалистическое общество будет характеризоваться "полной социальной однородностью" — ненаучно. Напротив, считает она, поступательное движение каждой, в том числе и социалистической, системы ведет не к усилению единообразия, а к усложнению строения этой системы, повышению плюрализма ее элементов и связей. А. Бовин, Ю. Карякин, Ю. Черниченко, как и другие авторы сборника, демонстрируют взрывную силу и социально-политическую значимость современной советской публицистики.

Следует обратить внимание и на то, что авторы вообще выступают с разной степенью решительности и новизны — и это, безусловно, соответствует амплитуде настроений, существующих среди интеллигенции. Но, если быть честным, далеко не исчерпывает ее. Мы приглашали к участию в дискуссии — так уж получилось по понятным обстоятельствам — тех, кто действительно относится к политике перестройки как к великому историческому шансу, которым мы все обязаны воспользоваться. За пределами книги остались, во-первых, противники перестройки. Мы хотели бы пригласить их к участию в сборнике, но заранее были уверены, что они — откликнутся, не захотят откровенно изложить свои взгляды. Во-вторых, в книге не отражены мнения довольно многочисленных интеллигентов, кто смотрит на перестройку как на отрадную, но неизбежно недолгую оттепель, за которой опять придут холода. Итак, в книге не представлены негативные по отношению к перестройке мнения, как откровенно ретроградные, так и столь же откровенно скептические. Однако эти возражения, раздающиеся со стороны обоих флангов, ощутимы в ткани многих статей. Авторы ведут с ними полемику — такова реальная ситуация, в которой возник настоящий сборник.

Остается пожелать, чтобы эта книга дала читателям новую пищу для раздумий. И еще — чтобы она поскорей устарела. Разумеется не так, как устарели в 70-е годы издания предшествующего десятилетия. Мы — исторические оптимисты. Мы полагаем, что если история, как любил говаривать вслед за Гегелем Маркс, в первый раз являет трагедию, а во второй повторяется в виде фарса, то мы ведь прошли и через первое, и через второе.

Третий повтор был бы уже против повадок и требований истории. Пусть эта книга спустя, скажем, три-четыре года будет интересна только историкам, поскольку проблемы, в ней поставленные, будут отчасти решены, а отчасти потребуют новой постановки.

Разные темы, противоречивые мнения, нетривиальные подходы. Может быть, именно это и придает особую убедительность магистральной идее сборника: перестройка — это условие жизнестойкости нашего общества. Иного не дано.

Ю. Афанасьев

Судьбы перестройки

О СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКОЙ

1. Социальные факторы торможения перестройки

Исходным пунктом постановки проблемы, названной в заголовке этой статьи, является тот общепризнанный факт, что перестройка общественных отношений в нашей стране идет с трудом. Выдвинутая партией концепция перестройки как *социальной революции* пока еще не претворяется в жизнь. Если изменения в сфере печати и гласности пусть с некоторой натяжкой можно назвать революционными, то составляющая базу всех остальных перемен модернизация механизма управления экономикой носит компромиссный характер, так что осуществляемые в хозяйственной практике изменения экономических отношений нередко очень существенно отклоняются от первоначального содержания идей.

Так, работники большинства министерств упорно стремятся удерживать в своих руках всю полноту власти над предприятиями. Число доводимых до предприятий плановых и расчетно-аналитических показателей в 1988 году в ряде случаев оказывается даже большим, чем в предыдущие годы¹. Продолжает расширяться отчетность хозяйственных организаций перед партийными и советскими органами.

Идея законченного хозяйственного расчета и самофинансирования предприятий подменяется всепоглощающим "государственным заказом", представляющим иную форму прежнего детального плана. В этих условиях не приходится и говорить о выборе предприятиями экономически обоснованной номенклатуры продукции, широком развитии хозяйственно-договорных отношений и проч. Вот только одна из оценок современной практики отношений министерств с предприятиями: всю номенклатуру определили как государственный заказ, а чтобы окончательно добить самостоятельность предприятия, еще и довели расшифровку номенклатуры по ассортименту. Появление такого плана — это не перестройка, а грубый и ничем не обоснованный диктат. "Подобными действиями подрывается в людях вера в перемены, дискредитируется принятая партией экономическая реформа"².

Не меньший вред перестройке наносит и практика волюнтаристического установления норм отчисления прибыли предприятий в фонды министерств. Мало того, что нормативы устанавливаются, как правило,

¹ Р. Я р е м ч у к, Расставаясь с догмами. — *Правда*, 21 ноября 1987 г.

² Э. С в а з н о в, Игра без правил. — *Правда*, 22 декабря 1987 г.

на более высоком, чем прежде, уровне. К этому добавляется их нестабильность, присваиваемое министерствами право дополнительного изъятия прибыли предприятий, якобы исходя из отраслевых интересов. Такая практика подрывает основу экономической реформы — ее ориентацию на создание личной заинтересованности производственных коллективов в повышении результатов труда.

Сохраняется жесткое прикрепление предприятий-потребителей к конкретным поставщикам, что лишает их возможности экономического маневра. Остается в силе давно раскритикованное "фондирование" средств производства, которое содействует искусственному формированию дефицита и образованию ненужных запасов. Не преодолевается формализм в отношениях ведомств как друг с другом, так и с подчиненными предприятиями. Наконец, сохраняется "номенклатурная" система формирования руководящих кадров, противоречащая установке партии на глубокую демократизацию управления производством, выборность хозяйственных руководителей, усиление их ответственности перед подчиненными коллективами. Все это говорит о том, что центральные, ведомственные и местные органы управления все еще остаются неизблемой твердыней административно-бюрократических методов руководства хозяйством, внедрение же экономических методов управления производством едва начинается.

Сходным образом обстоит дело и с социальной политикой, направленной на укрепление и развитие социалистической справедливости, ускоренный рост благосостояния народа. Ее реальное претворение в жизнь решающим образом зависит от темпов развития экономики. Ведь любая социальная мера (будь то совершенствование пенсионной системы, упорядочение заработной платы, ускорение жилищного строительства или что-то иное) обязательно требует средств, которые могут быть получены только в результате роста экономики, а он пока далеко не достаточен.

Тенденция к выхолащиванию органами исполнительной власти принципиальных идей перестройки негативно влияет на общественное сознание, подрывает веру людей в успех. По данным опроса, проведенного Институтом социологических исследований АН СССР в 1987 году, мнение о том, что перестройка идет достаточно успешно, выразили 16% респондентов; что она идет медленно и с большими трудностями — 31,4, а что она вообще не ощущается — 32,3%. Остальные 20,3% не ответили или затруднились с ответом¹. Основными причинами торможения перестройки люди считают сохранение формализма, разрыва между словом и делом, бюрократизации общественных отношений. 80% опрошенных отметили, что лично сталкиваются с фактами формализма. Нежелание должностных лиц принимать на себя ответственность в решении актуальных вопросов отметили 57% опрошенных, их равнодушие и пассивность — 47, безнаказанность работников, допускающих формализм, — 42, некомпетентность должностных лиц — 34%².

Особо тревожит то обстоятельство, что в последнее время оптимизм трудящихся по отношению к перестройке начал снижаться. Так, по ис-

¹ В. Н. Иванов. Наше социальное самочувствие. — *Аргументы и факты*, 1988, № 1.

² Там же.

следованиям Р. В. Рывкиной, с 1980 по 1986 год доля сторонников радикальной перестройки среди хозяйственных руководителей аграрно-промышленного сектора Алтайского края выросла с 12 до 39%, а в 1987 году снизилась до 31%. Исследования, проведенные Ж. Т. Тощенко, показывают аналогичную тенденцию. В 1986 году более половины опрошенных рабочих считали, что если они прибавят в работе, то их заработок увеличится. Через год при повторном опросе такое мнение высказали чуть больше четверти рабочих и 21% руководителей. Четверть рабочих и треть руководителей выразили по этому поводу сомнение, остальные ответили отрицательно. Доля лиц, отметивших положительные сдвиги в деятельности руководящих органов и общественных организаций, в 1987 году составила 7—14%, что вдвое меньше 1986 года¹. Таким образом, общественное мнение об успешности перестройки не отличается оптимизмом и имеет тенденцию к ухудшению.

Трудность осуществляемой перестройки, ее медленный темп, периодическую смену успехов и неудач в принципе нельзя назвать неожиданными. Политики и ученые предвидели неизбежное возникновение многих трудностей и заранее предупреждали об этом. В качестве обстоятельств, затрудняющих быструю перестройку общественных отношений в СССР, назывались, в частности, следующие.

Во-первых, огромные масштабы страны, многообразие социально-экономических укладов, условий труда и быта в ее регионах; территориальная и социальная отдаленность периферии от центра; многосвязность системы управления обществом, затрудняющая "обратную связь" политической власти с народными массами.

Во-вторых, сохранение в народной памяти прежних неудачных попыток улучшить методы управления экономикой; связанное с этим недоверие к осуществляемым ныне мерам; допущение возможности поворота вспять, обуславливающее социально-политическую пассивность многих работников.

В-третьих, отсутствие крупных экономических резервов для первоначального ускорения развития хозяйства. Противоречие между насаждаемыми пропагандой надеждами на быстрое преодоление дефицита и наступление изобилия и фактически предстоящим ростом социально-экономических трудностей, неизбежно сопровождающим каждую крупную общественную реформу.

Названные обстоятельства действительно важны. Однако главная трудность состоит в том, что перестройка общественных отношений осуществляется в сфере переплетения жизненно важных интересов людей. Намечаемые и проводимые партией меры по-разному затрагивают их интересы, способствуя лучшему удовлетворению одних, ущемлению и ограничению других. Между тем выигрывающие или проигрывающие от сдвигов в общественных отношениях группы являются не сторонними наблюдателями, а главными силами перестройки. Решая зависящие от них вопросы, они не забывают о том, что выгодно или невыгодно им самим. Конечный итог взаимодействия групп, которые занимают разное положение, имеют разные (до противоположности) интересы, и определяет ход перестройки.

¹ Ж. Т. То щ е н к о. В зеркале мнений. — *Социалистическая индустрия*, 9 февраля 1988 г.

Прежде всего необходимо выделить те элементы концепции перестройки, которые способны оказать наибольшее влияние на положение общественных групп. С моей точки зрения ими являются:

1. Усиление гласности общественной жизни и активизация средств массовой информации, постепенно размывающие социальные перегородки, прежде прочно отделявшие руководящие кадры общества от массы трудящихся. Связанное с этим резкое усложнение и изменение условий управленческого труда.

2. Последовательное разделение функций партийного, государственного и хозяйственного управления, преодоление ненужной и вредной опеки политических органов над хозяйственной деятельностью предприятий. Сосредоточение партийных органов на решении стратегических проблем политического развития общества, разработке и пропаганде марксистской идеологии, подборе, воспитании и оценке работы кадров. Концентрация советских органов управления на укреплении правопорядка и социалистической законности, обеспечении комплексного социально-экономического развития территорий, удовлетворении материальных и социальных потребностей населения.

3. Осознание широкими кругами общества ошибочности многих прежде незыблемых догм, трактовок крупнейших исторических событий, важнейших проблем философии, политэкономии, социологии. Необходимость разработки новых обществоведческих концепций, адекватно отражающих историческую действительность и особенности современного этапа социализма, способных идейно поддерживать и правильно ориентировать перестройку.

4. Децентрализация управления экономикой, т.е. передача значительной части прав распоряжения общественной собственностью с верхних этажей управления на нижние. Увеличение экономической самостоятельности хозяйствующих субъектов, а соответственно и их ответственности.

5. Развитие производственного самоуправления, переход от назначения хозяйственных руководителей вышестоящими органами к их выборам трудовыми коллективами, усиление ответственности руководителей перед подчиненными за принимаемые решения, повышение гласности управления, роли общественного мнения работников.

6. Усиление зависимости заработной платы от конечных результатов труда — количества и качества продукции и затрат на ее производство. Дальнейшее распространение разных форм коллективного подряда. Усиление дифференциации заработков работников прибыльных и убыточных предприятий, а внутри них — добросовестных работников и халтурщиков.

7. Снятие запретов со всех полезных видов инициативной хозяйственной, организационной и технической деятельности трудящихся. Развитие кооперативной и семейной форм мелкого социалистического предпринимательства. Расширение возможностей повышения личных доходов за счет дополнительного высококачественного труда.

8. Значительное повышение общественной ценности творческого труда. Раскрытие реальных возможностей научного, технического, хозяйственного и социального творчества трудящихся, развитие социально-экономического экспериментирования, более активное использование интеллектуального потенциала народа.

9. Высвобождение части работников как из материального производ-

ства, так и особенно из сферы управления, необходимость их обучения новым профессиям, переподготовки и трудоустройства на новые места. Вероятное осложнение проблем занятости в национальных республиках с низкой подвижностью населения, районах добывающей промышленности и сельского хозяйства. Возможное усиление трудностей с получением работы женщинами, имеющими малолетних детей. Вероятное сокращение текучести кадров (при повышении интенсивности организованных перемещений), повышение ответственности работников за качество выполняемого труда, укрепление трудовой и производственной дисциплины.

10. Развитие кооперативной торговли, свободного вещевого и продуктового рынков, способствующее лучшему насыщению потребностей населения; постепенное расширение круга производителей потребительских товаров и развитие их конкуренции за рубль покупателя; сокращение и преодоление дефицита товаров и услуг. Ликвидация специальных каналов снабжения ответственных работников управления и формирование общенационального потребительского рынка, открытого для всех групп населения.

11. Необходимое при ориентации на экономические методы управления сближение розничных цен с общественной стоимостью потребительских благ, в том числе повышение государственных цен на мясо, молоко и хлебопродукты, установление экономически обоснованной квартирной платы, дифференцированной в зависимости от качества и местоположения жилья, значительное расширение сферы платных услуг.

Вероятна только частичная компенсация роста стоимости жизни увеличением денежных доходов населения, т.е. возможное временное снижение реальных доходов в расчете на единицу труда. Усиление зависимости уровня и условий жизни каждой семьи от ее собственных трудовых усилий, стимулирующее общий рост трудового вклада населения в экономику.

Разумеется, приведенный перечень не исчерпывает важнейших каналов влияния перестройки на положение общественных групп. Но он позволяет оценить глубину и сложность социальных последствий этого процесса.

Для того чтобы эффективно руководить ходом перестройки, важно знать, какие классы, слои и группы выигрывают или проигрывают от тех или иных мер. Для этого в свою очередь требуется адекватное правильное представление о социальной структуре общества, формирующих ее элементах и связях. Между тем в этой области обществоведения накопилось множество догм, не подкрепляемых ни серьезными теоретическими соображениями, ни результатами эмпирического анализа. Поэтому она нуждается в существенном обновлении¹.

Начиная с 30-х годов в государственных документах, научной литературе и учебниках обществоведения используется "трехчленная формула" социально-классовой структуры общества, включающая два класса — рабочий класс и крестьянство и так называемую классоподобную

¹ При рассмотрении вопросов, связанных с социальной структурой нашего общества, использованы материалы исследования, проведенного автором совместно с проф. Р. В. Рывкиной, изложенные в монографии "Социология экономической жизни" (Новосибирск, Сибирское отделение изд-ва "Наука", план выпуска IV кв. 1988 г.).

“прослойку” — интеллигенцию. Различия между этими группами рассматриваются как межклассовые, т.е. системообразующие, все же остальные различия — как внутриклассовые или внеклассовые, т.е. второстепенные. К внутриклассовым принято относить, например, различия между профессионально-квалификационными слоями рабочих, колхозников, интеллигенции, к внеклассовым — различия между сельским и городским населением, работниками сельскохозяйственного и индустриального труда. Однако социологические исследования доказывают несоответствие подобного представления реальному строению современного советского общества.

Во-первых, в настоящее время положение колхозного крестьянства СССР мало отличимо от положения сельской части рабочего класса. В социальном отношении рабочие совхозов намного ближе к колхозникам, чем к промышленным рабочим. Следовательно, социальная грань между рабочими и крестьянами является менее глубокой, чем между сельским и городским населением¹.

Во-вторых, социальные различия в положении колхозного крестьянства и промышленного рабочего класса, которые еще несколько десятилетий назад были действительно глубокими, тоже сравнительно быстро стираются и уже сейчас меньше, чем профессионально-квалификационные различия слоев внутри каждого класса.

В-третьих, довольно интенсивно размываются различия между наиболее квалифицированными рабочими и рядовыми инженерно-техническими работниками. Ни по характеру умений и знаний, ни по соотношению прав и обязанностей, ни по уровню и образу жизни они существенно не отличаются друг от друга. Не случайно в ряде отраслей промышленности до 10—15% рабочих имеют высшее образование, т.е. формально относятся к интеллигенции².

В-четвертых, классоподобный слой интеллигенции в социальном отношении крайне гетерогенен. От охватывает и подлинных “пролетариев умственного труда”, и интеллектуальную элиту, и высшее политическое руководство страны.

В-пятых, в “трехчленной формуле” социальной структуры не находится места для многих групп, которые реально существуют в обществе и играют немалую роль в перестройке. Таковы хозяйственные руководители разных уровней, работники, связанные с распределением и обменом продукции народного хозяйства, мелкие социалистические предприниматели, работники учета и делопроизводства (служащие), дельцы “теневой экономики” и др.

Все это говорит о необходимости разработки более конкретного и релевантного представления о структуре нашего общества, которая, по-видимому, должна быть не проще, а сложнее структур капиталистических обществ, равно как структуры советского общества, скажем, начала 30-х годов. Дело в том, что, согласно общим законам природы,

¹ См., например: Ю. В. А р у т ю н я н. Социальная структура сельского населения. М., Мысль, 1971; Социально-экономические проблемы перехода советского общества к бесклассовой структуре. Под ред. В. Г. Венжера. Институт экономики АН СССР, 1982, с. 7, 26—27, и многие другие работы.

² Пользуясь случаем, я хотела бы заявить свое несогласие с определением границ интеллигенции столь формальным признаком, как наличие диплома о высшем образовании. Тем более что дипломы в последние годы не только зарабатывались упорным трудом, но и выдавались выпускникам из-за необходимости выполнения вузом “плана по валу” и даже просто покупались,

поступательное развитие каждой системы ведет к усложнению ее строения, повышению плюрализма элементов и связей, а вовсе не к усилению единообразия. Поэтому бытовавшая долгие годы догма, согласно которой развитое социалистическое общество будет характеризоваться "полной социальной однородностью", попросту ненаучна. Другое дело, что социальные различия в таком обществе потеряют классовую сущность и приобретут новое содержание — эта перспектива бесспорна. Но можно утверждать, что социальная структура общества будет при этом не упрощаться, а усложняться, что, кстати говоря, и наблюдалось на протяжении последних десятилетий, хотя ученые упорно не хотели принимать этого во внимание.

Для того чтобы выяснить подлинную структуру нашего общества, целесообразно использовать методологию изучения социальных различий, потенциально заложенную в ленинском определении класса. В. И. Ленин определил классы как "большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают"¹. Особенность классов заключается в том, что они различаются одновременно по всем названным критериям. Но каждый из этих критериев, рассматриваемый независимо от других, тоже обладает немалой социалью дифференцирующей силой и позволяет выделять группы, хотя и не несущие классового характера, но играющие важную роль в социальном функционировании общества. Раскрою эту мысль подробнее².

Отношение к средствам производства дифференцируется, во-первых, формами собственности, во-вторых, способами и формами владения, распоряжения и использования средств и предметов труда. Эту сторону общественного положения можно учесть с помощью таких признаков, как причастность или непричастность групп к разработке экономической стратегии государства и хозяйственного механизма управления экономикой; объем их прав по распоряжению общественными средствами производства (например, их распределению, перераспределению, купле-продаже); экономические формы реализации общественной собственности; владение общественными и личными средствами производства (землей, многолетними насаждениями, скотом и птицей, хозяйственными постройками, транспортными средствами, сельскохозяйственным и другим инвентарем и т. д.). Кроме того, признаками, дифференцирующими отношение общественных групп к средствам производства, с моей точки зрения, являются, во-первых, характер используемых в процессе труда технических средств (их соответствие мировым стандартам, стоимость, дефицитность, социальный престиж) и, во-вторых, возможность бесплатного или льготного использования закрепленных средств производства в личных целях или для выполнения "левых" работ.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

² Названный методологический подход, заключающийся в использовании ленинских признаков классов для анализа внутриклассовых и внеклассовых социальных различий, используется в настоящее время рядом ученых. См., например: В. В. Радаев, Соотношение социальных сил на начальных этапах перестройки. Препринт доклада, Институт экономики АН СССР. М., 1988, с. 5—18.

Роль в общественной организации труда отражает качественные особенности вклада разных социальных групп в развитие общества. Она характеризует специфическое место каждой группы в системе законодательной и исполнительной власти; функциональную сферу ее деятельности (управление, производство, распределение и обмен материальных благ, социальное обслуживание населения, производство культурных ценностей, воспитание и обучение людей и др.); характер выполняемого труда (в частности, соотношение в нем руководящих и исполнительских, умственных и физических, сложных и простых элементов).

Доля общественного богатства, получаемого разными социальными группами, отражает объем и источники потребляемых материальных, социальных и культурных благ. Источниками этих благ могут быть оплата труда в общественном производстве, доход от частнопредпринимательской деятельности, наследование имущества, получение льгот из общественных фондов потребления, в том числе и в прямой связи с занимаемым служебным положением. Эту сторону социально-экономического положения можно описать такими характеристиками, как общий уровень текущих доходов; стоимость накопленного или унаследованного имущества; соотношение различных источников доходов; наличие или отсутствие среди них нетрудовых и противозаконных источников; качество экологической среды жизнедеятельности; уровень снабжения потребительскими товарами и услугами; обеспеченность социально-бытовыми услугами; стоимость и структура благ, получаемых от общества бесплатно или на льготных основах.

Хотя общее количество признаков, влияющих на положение групп, весьма велико, большинство из них тесно взаимосвязано. Так, роль, выполняемая конкретной группой в организации общественного труда, как правило, предопределяет ее отношение к средствам производства, совокупность же этих признаков в свою очередь существенно влияет на структуру и объем получаемых благ. Следовательно, социально-экономическое положение — это не случайное сочетание признаков, а качественная характеристика общественных групп, уходящая своими корнями и в историю, и в современное строение нашего общества.

В более фундаментальной работе, готовящейся в настоящее время к изданию¹, мы попытались последовательно использовать всю совокупность ленинских критериев социально-классовых различий для структурирования современного советского общества. Причем, несмотря на наше стремление получить достаточно агрегированную структуру, число выделенных групп составило несколько десятков.

Цель данной работы не требует описания и анализа такого количества групп, так как здесь меня интересуют лишь такие различия в социально-экономическом положении, которые определяют отношение к перестройке. В связи с этим я позволю себе отказаться от рассмотрения общественных групп, не оказывающих решающего влияния на перестройку (малоквалифицированные рабочие и служащие, младший обслуживающий персонал, пенсионеры, учащиеся, деклассированные элементы и проч.), и по возможности укрупню первоначально построенную структуру за счет повышения гетерогенности некоторых ее элементов.

¹ Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, Социология экономической жизни. Новосибирск, Сибирское отделение изд-ва "Наука", план выпуска IV кв. 1988 г.

В качестве социальных групп, представляющих главные силы перестройки и определяющих ее развитие, я предложила бы рассматривать:

1. Передовой в профессионально-квалификационном и социально-политическом отношении слой рабочего класса.

2. Основной (наиболее многочисленный) слой рабочих средней квалификации с обычной технической вооруженностью труда.

3. Слой рабочих, развращенный длительной практикой получения незаработанного дохода и привыкший давать обществу меньше, чем берет от него.

4. Колхозное крестьянство.

5. Научно-техническая интеллигенция (специалисты народного хозяйства, ученые естественно-технического профиля).

6. Ответственные руководители сферы материального производства.

7. Ответственные работники торговли и бытового обслуживания населения.

8. Мелкие социалистические предприниматели.

9. Социальная и гуманитарная интеллигенция (педагоги, врачи, журналисты, писатели, художники, ученые общественного и гуманитарного профиля и т.д.).

10. Ответственные работники аппарата политического управления, т.е. партийных, государственных и общественных органов.

11. Политические руководители общества.

Нельзя обойти молчанием и существование в нашем обществе групп организованной преступности, объединяющих коррумпированных работников аппарата управления, дельцов теневой экономики, ответственных работников торговли и бытового обслуживания, а также разложившуюся часть рабочих и служащих.

В следующем разделе я попытаюсь раскрыть особенности современного положения каждой названной выше группы, охарактеризовать ее интересы и отношение к перестройке.

2. Перестройка и социальные интересы

Ведущую и наиболее массовую группу нашего общества составляет *рабочий класс*. Его роль в общественной организации труда заключается в производстве материальных благ и услуг, повышении эффективности производства, развитии социалистической демократии. Являясь владельцем государственных средств производства, рабочий класс имеет возможность распоряжаться ими в рамках производственного самоуправления и непосредственно использует их в процессе производительного труда. Решающую часть доходов рабочих составляет заработная плата по месту работы и блага, получаемые из общественных фондов (на уровне, близком к среднесоюзному). Заработная плата рабочих дифференцируется в первую очередь в зависимости от сложности, квалифицированности, тяжести, вредности и других качеств труда, прямо не связанных с его результатом, но при новых условиях хозяйствования она начинает сильнее определяться экономическим качеством труда, т.е. его конечной результативностью.

Перестройка общественных отношений в целом отвечает интересам рабочего класса. В случае ее успеха он выиграет от лучшего удовлетво-

рения потребностей в товарах и услугах, снятия запретов на дополнительную трудовую деятельность, демократизации управления производством, более делового и эффективного решения социальных вопросов, ускорения жилищного строительства, расширения прав трудовых коллективов в борьбе с проявлениями формализма и бюрократии.

Но перестройка несет рабочим и определенные минусы, забывать о которых нельзя. Это — вероятное повышение цен на основные продукты питания и услуги до уровня, делающего их производство рентабельным, повышение платы за излишки жилья сверх гарантируемого государством минимума и др. Не менее сложный круг проблем связан с вероятностью сокращения неэффективных и просто ненужных рабочих мест в народном хозяйстве. Закрытие убыточных предприятий, освобождение хозяйственных организаций от излишних кадров, готовность многих трудовых коллективов выполнять тот же или больший объем работы меньшим числом рук неизбежно приведут к необходимости увольнения части работников. Это — органический результат перестройки, та “социальная плата”, которой приходится компенсировать ускорение социально-экономического развития страны, преодоление нашей отсталости.

Что касается отдельных слоев рабочего класса, то им перестройка сулит неодинаковые перспективы. Начну с *передового слоя*, объединяющего высокообразованных, квалифицированных, инициативных, творческих и политически активных рабочих, как правило, занятых на участках научно-технического прогресса, — в точном приборостроении, гибких автоматических производствах, сложных отраслях химической и биохимической промышленности, в области компьютерной техники и т.д. Квалифицированную и эффективно использующую передовую, нередко импортную и дефицитную технику, они производят высококачественную, технически сложную продукцию, находящую спрос и в стране, и за рубежом. Высокие профессиональные знания и умения, способность использовать уникальные для страны средства производства обеспечивают этой части рабочих заработную плату, нередко заметно превышающую доходы специалистов, хорошие жилищные условия, доступ к квалифицированной медицинской помощи, высокий социальный престиж, сочетающийся с уверенностью в себе и большой социальной активностью.

При административно-командной системе управления способности этого слоя рабочих недоиспользовались, так как они работали в основном “по указке”, не выполняя подлинно творческих функций. От перестройки данная группа, как мне кажется, выиграет больше других. Во-первых, она сильнее всех заинтересована в преодолении “уравниловки”, т.е. достойном и справедливом вознаграждении высококачественного и добросовестного труда в противоположность неквалифицированной и небрежной работе. Во-вторых, она особо заинтересована в организации небольших подрядных и арендных коллективов, хозяйственных товариществ, аккордных бригад для выполнения различных сложных работ. В-третьих, многие квалифицированные рабочие охотно участвуют в малых кооперативах, где могут полней реализовать свои творческие возможности. Наконец, в силу своей социальной и политической активности данная часть рабочих обычно становится движущей силой развития самоуправления, деятельности общественных организаций и Советов трудовых коллективов, проведения выборов хозяйственных руководителей, борьбы за повышение гласности управления и т.д.

Что касается социальных трудностей перестройки, о которых сказано выше, то квалифицированных рабочих они заденут меньше других. Поэтому данный слой рабочего класса представляет надежную социальную базу преобразовательной деятельности партии.

Многое из сказанного относится и к многочисленному слою *рабочих со средней квалификацией и обычной технической вооруженностью труда*. Они также проявляют большой интерес к подрядным формам организации производства. Правда, замена привычных способов получения зарплаты чуть ли не за пробитое на работе время учетом конечных итогов труда гораздо более четко, чем прежде, отделит добросовестных работников от халтурщиков. Первые справедливо вознаграждаются, вторые же, которых очень немало, оказываются в явном проигрыше по сравнению с прежним положением вещей.

Многие рабочие занимаются разными видами дополнительного труда на кооперативной или семейной основе. Для этого у них есть и возможности (нужные профессии, материалы), и насущная потребность в дополнительном заработке, поскольку уровень их доходов ниже, чем предыдущей группы. Выигрывая от общего ускорения социально-экономического развития страны, этот массовый слой рабочих, по-видимому, сравнительно скоро начнет непосредственно испытывать на себе результаты перехода предприятий на новые условия хозяйствования и ускорения технического прогресса. Часть из них будет вынуждена искать новые места работы. В крупных городах это вряд ли составит проблему, во всяком случае в ближайшее время. Но, во-первых, новые рабочие места, скорее всего, будут хуже прежних, а во-вторых, в малых городах и на селе ситуация может стать сложной. Наибольшие трудности возникнут, по-видимому, у пожилых малоквалифицированных рабочих, утративших способность к обучению новым видам труда, а также у населения с ограниченной территориальной подвижностью (матери семейств, пожилые люди).

В целом основной слой рабочего класса выигрывает от перестройки значительно больше, чем проигрывает. Поэтому он включает много сторонников перестройки. Но большинство из них отличаются недостаточной социальной активностью и инициативой, так как больше привыкли выполнять указания, чем действовать по своему разумению. К тому же, чтобы стать активным борцом за определенную идею, человек должен достаточно хорошо уяснить ее, пропустить через собственное сознание, соотнести со своими ценностями, потребностями, интересами. Между тем основная масса рабочих пока еще глубоко не усвоила суть концепции перестройки, не уяснила внутреннюю взаимосвязь ее мер, не до конца поняла ее соответствие собственным коренным интересам. Ведь наряду с кадровым костяком рабочий класс включает немало людей с низким образованием, малой квалификацией, ограниченным социально-политическим кругозором, сосредоточенных на собственных интересах. Поэтому наряду с убежденными сторонниками перестройки в его составе немало социально пассивных людей. Часть из них занимает скептическую позицию, не верит средствам массовой информации ("все это мы уже слышали, знаем. Раньше не получилось, и сейчас не получится"). Другая часть вообще не интересуется происходящими сдвигами, считая, что перестройка управления экономикой — дело руководителей и специалистов. Тре-

тья настроена консервативно и ориентирована на "лучшее прошлое".

Хотелось бы отметить и существование слоя рабочих, занимавших в прежней системе привилегированное положение и потому относящихся к перестройке настороженно. Этот достаточно гетерогенный слой имеет одну общую черту: привычку к получению "даровых" доходов, незарабатываемых заработков, не соответствующих профессионально-квалификационному уровню льгот. Возможность брать от общества больше, чем ему отдаешь, в принципе разлагает людей. Поэтому для данного слоя характерен явный приоритет личных и групповых интересов над коллективными и общественными.

Кто конкретно относится к названному слою? Во-первых, та часть рабочего класса, которая занята в привилегированных учреждениях и ведомствах и потому традиционно имеет более комфортные условия труда, более высокий заработок, расширенный объем благ из общественных фондов потребления. И все это — не из-за высоких результатов труда, а из-за особенностей места работы. Таково, например, положение водителей персональных автомашин ответственных работников, обслуживающего персонала привилегированных санаториев, медицинских учреждений и т.д.

Во-вторых, рабочие, которые обладают дефицитными профессиями и потому могут требовать от мастеров "выведения" заработной платы на высоком уровне, независимо от результатов труда.

Третьей частью этого слоя я назвала бы откровенных халтурщиков, "труд" которых сводится в основном к превращению добротного сырья в бракованную продукцию. За такую деятельность следовало бы не платить, а, напротив, взимать с работников компенсацию. Имя таким работникам — легион. Это они возводят дома, обваливающиеся на головы жильцам, устраивают пожары и взрывы в производственных помещениях, поездах и т.д. — и за все эти виды "труда" получают заработную плату.

Четвертый тип — это рабочие, имеющие существенные "левые" доходы (например, занятые в автосервисе, общественном питании, бытовом обслуживании, государственной торговле, на колхозных рынках и т.д.). "Доплаты", "благодарности", "чаевые", а нередко и прямые поборы с потребителей составляют значительную, если не главную, часть их доходов.

Близок к ним и пятый тип рабочих, строящих свое благосостояние на мелких, средних, а то и крупных хищениях производственных ресурсов и готовой продукции. Как известно, предприятия пищевой и легкой промышленности, строительства, сельского хозяйства до сих пор еще сильно страдают от систематического организованного воровства.

Занятый преимущественно в сфере обслуживания привилегированный, частично подкупленный и развращенный вышестоящими группами слой рабочего класса, естественно, не заинтересован в перестройке. Худшая его часть откровенно консервативна и даже реакционна. Лучшая, понимающая неблагоприятность своего положения и поведения, несправедливость получаемых привилегий и льгот, занимает пассивное положение, относясь к перестройке фаталистично. Мол, если и отберут какие-то льготы, то не только у меня, а у всех, и это будет не так уж обидно. В целом это скорей противники, чем сторонники перестройки, хотя противники не очень-то убежденные и не представляющие крупной

социальной силы. Из сказанного видно, что механизм торможения перестройки формируется не только бюрократами. В его формировании принимают участие и представители ведущей силы нашего общества — рабочего класса, причем в достаточно ощутимых масштабах. Так, по данным социологического исследования, проведенного Академией общественных наук в начале 1988 года, "только каждый четвертый-пятый рядовой работник безоговорочно поддерживает экономическую реформу, ожидает от нее положительных результатов в течение ближайших двух-трех лет. Остальные сомневаются в ее успехе, либо рассчитывают на ее плоды в отдаленном будущем. Только четверть опрошенных считают необходимым перестраивать свою личную работу"¹.

Колхозное крестьянство является второй по массовости социальной группой советского общества. Главными особенностями его положения служат бесплатное владение предоставляемой государством землей и кооперативная собственность трудовых коллективов на остальные средства производства. Находящиеся на хозяйственном расчете, коллективы колхозников по определению должны располагать правом самостоятельного распоряжения средствами производства, свободой экономической деятельности. Распределяемый между колхозниками фонд оплаты труда должен формироваться как результат их хозяйственной деятельности, т.е. как часть валового дохода данного коллектива. Следовательно, основные направления преобразования экономических отношений полностью коррелируют с принципами производственной, в том числе сельскохозяйственной, кооперации.

Но фактически на протяжении всего послевоенного периода из колхозного сектора настойчиво изгонялись все признаки собственно кооперативных отношений, начиная со свободы определения направлений хозяйственной деятельности предприятий, кончая порядком формирования и распределения доходов. Происходил неуклонный процесс огосударствления колхозов, превращения их в квазисовхозы, управляемые теми же бюрократическими методами, с таким же низким экономическим результатом². Убедена, что если бы 30—40 лет назад колхозам дали возможность работать в экономических условиях, соответствующих их природе, то сейчас бы мы не только не испытывали недостатка продовольствия, но и экспортировали его в другие страны.

Для колхозников перестройка означает возвращение к ленинским идеям развития кооперации, "разгосударствление" коллективных хозяйств, освобождение их от непрофессиональной и мелочной бюрократической опеки органов управления, возрождение захиревшей колхозной демократии, развитие самоуправления коллективов колхозников, предоставление им реальной возможности поиска выгодной структуры хозяйства и эффективных форм организации производства.

Разумеется, процесс перевода колхозов на полный хозяйственный

¹ Состояние и тенденции развития экономического сознания на первом этапе перестройки. АОН при ЦК КПСС. М., 1988, с. 44.

² Многие советские экономисты-аграрники (В. Г. Венжер, А. А. Никонов, Л. В. Никифоров, М. Я. Лемешев, А. М. Емельянов и др.) сопротивлялись тенденции превращения колхозов в совхозы, доказывая, что в условиях социализма колхозное производство эффективней совхозного, но голоса этих ученых тонули в хоре утверждений о том, что колхозная форма собственности является "низшей" по отношению к государственной и потому необходимо быстрее "стирать грани" между колхозами и совхозами.

расчет — не простой и не бесконфликтный. Ведь он означает, по сути, отказ от безвозвратного финансирования государством, переход от гарантированной (независимо от получаемых результатов) оплаты труда по расценкам ближайших совхозов к распределению реально заработываемого каждым коллективом дохода. Внедрение новых условий хозяйствования неизбежно высветит вуалируемую современными отношениями дифференциацию экономического положения колхозов. Открывая широкие пути развития одним хозяйствам, оно одновременно поставит перед угрозой разорения и ликвидации другие.

Долгосрочные стратегические интересы колхозников, несомненно, совпадают с направлениями перестройки. С более же непосредственными тактическими интересами дело обстоит сложнее. Хотя прежние экономические отношения были неэффективны, сковывали свободу хозяйств, приводили к ненужным потерям, но они создавали определенные социальные гарантии, обеспечивая даже худшим колхозам компенсацию убытков и неплохую оплату труда. Колхозы были практически лишены каких-либо хозяйственных прав. Но зато они не несли и ответственности за результаты своей работы, не подвергались экономическому риску.

Типичная картина застоя? Бесспорно, но к ней привыкли и притерпелись, самостоятельно же хозяйствовать и обоснованно рисковать разучились. Поэтому у заметной части колхозников перестройка вызывает серьезные опасения. Отношение к ней сходно с отношением рабочего класса: более энергичная, творческая, уверенная в своих силах и квалифицированная часть колхозников поддерживает перестройку, охотно включается в отношения хозяйственного подряда и умелым трудом добивается результатов, в несколько раз превышающих прежние. Более же инертная часть колхозников, особенно занятая в хозяйствах со слабой материально-технической и социальной базой, сомневается в возможности добиться положительных сдвигов без существенной финансовой помощи государства. Довольна широка и прослойка колхозников, не вникающих в суть перестройки, протекающей, с их точки зрения, где-то в иных краях и касающейся прежде всего "начальства".

Свыше трети колхозной продукции создается в подсобных хозяйствах крестьян, базирующихся на предоставляемой колхозом земле, личных средствах производства и личном труде. Как известно, отношение Советского государства к хозяйствам колхозников неоднократно менялось: от содействия их развитию как "части социалистического хозяйства" до принудительной ликвидации как "пережитка буржуазно-собственнических отношений".

Перестройка, открывая дорогу всем видам индивидуально-семейной деятельности, дает крестьянскому подворью как бы "второе дыхание". Так, колхозные семьи берут на подряд и откармливают либо в собственных помещениях, либо в самостоятельно отремонтированных общественных строениях по несколько десятков бычков, свиней и других животных, колхозы же обеспечивают эти семьи требуемыми кормами, подстилкой, ветеринарными услугами и т. д., а затем скупают созданную продукцию на заранее оговоренных условиях. При такой организации производства личный сектор, по сути, сращивается с общественным, выгоду же от этого получают и крестьянские семьи, и колхозы, и все общество. Линия на более полное использование резервов личного сектора производства полностью отвечает интересам крестьянства, нахо-

дит его искреннюю поддержку. К сожалению, она до сих пор еще разделяется далеко не всеми местными руководителями. На деле многие из них не столько содействуют, сколько препятствуют развитию этих хозяйств.

В целом колхозное крестьянство выигрывает от перестройки не меньше рабочих. Передовая часть его, как и рабочего класса, составляет социальную базу преобразования экономики, а основная масса является верным союзником перестройки.

Слой *научно-технической интеллигенции* составляют руководители среднего звена, специалисты народного хозяйства, ученые естественно-технического профиля. Функции этого слоя творческие: они заключаются в эффективной организации материального производства, прежде всего — в развитии научно-технического прогресса, конструировании, внедрении, реконструкции и эффективном использовании производственного аппарата общества. Современное социально-экономическое положение данного слоя не соответствует его общественной роли. Численность инженерно-технических работников существенно превышает потребность страны, а уровень их квалификации резко отстает от мирового. Не случайно большинство специалистов народного хозяйства фактически выполняют работу малоквалифицированных служащих, связанную с различной отчетностью, делопроизводством и т.п. Труд этих людей лишен творческого характера, заработная плата низка, социальный престиж невысок.

Что касается наиболее квалифицированной, творческой, дееспособной части научно-технической интеллигенции, то она сильнее других групп страдает от административно-бюрократических методов управления производством. Ее деятельность опутана бесконечным числом инструкций, она годами и десятилетиями не может добиться внедрения своих открытий и изобретений в практику. К сказанному надо добавить, что заработная плата специалистов в некоторых производствах ниже заработной платы рабочих. Возможность дополнительных приработков весьма ограничена, конечная эффективность творческой компоненты их труда при оплате почти не учитывается.

Названные особенности положения определяют неоднозначное отношение рассматриваемой группы к перестройке. Высококвалифицированной и наиболее творческой части специалистов она сулит значительный выигрыш как в смысле возможностей практического внедрения идей, так и в повышении доходов и престижа. Некоторые специалисты народного хозяйства входят в подрядные коллективы или кооперативы по производству технически сложной дефицитной продукции. Вместе с другими группами интеллигенции большинство их поддерживает линию на расширение гласности и дальнейшую демократизацию общества.

С другой стороны, общественное сознание этого слоя научно-технической интеллигенции сильно заражено скептицизмом в оценке реальности изменения хозяйственных отношений. Она слишком часто сталкивается с бюрократическим извращением идей перестройки ее квазисторонниками, формалистическим выхолащиванием ее содержания, прикритием фактически не меняющейся практики модными словами и лозунгами. Поэтому, сочувствуя концепции перестройки, отвечающей, по их мнению, общественным интересам, многие специалисты не верят, что механизм торможения можно сломать.

Наконец, есть довольно широкая группа научно-технической интеллигенции, привыкшая к занимаемым теплым местечкам, солидным окладам, фактическому отсутствию какой-либо ответственности за результаты труда. Представители этой группы никогда не имели либо потеряли свою деловую квалификацию. Эффективно работать в новых условиях они попросту неспособны и потому хотели бы дослужиться до пенсии в стабильных условиях.

К группе *хозяйственных руководителей* я отношу директоров и главных специалистов предприятий, производственных объединений, строительных и транспортных организаций, совхозов, председателей колхозов, а также руководителей таких крупных производственных подразделений, как цехи, отделения и др. Эта группа ответственна за управление материальным производством, его эффективное функционирование, научно-техническое и социально-экономическое развитие. В рамках действующего хозяйственного законодательства она наделена широкими правами распоряжения не только общественными средствами производства, но и деятельностью подчиненных трудовых коллективов.

Хозяйственные руководители получают высокую заработную плату, многочисленные премии, пользуются широким кругом привилегий и льгот из общественных фондов потребления. Кроме того, они имеют возможность некоторого манипулирования производственными ресурсами и готовой продукцией не только в общественных, но частично и в личных целях. Уровень их материального и социального благосостояния является высоким, но и труд исключительно сложен, интенсивен, связан с большими физическими и нервными перегрузками. Достаточно напомнить о бесконечных проверках их деятельности десятками контролирующих инстанций, об административно-бюрократическом стиле отношений с ведомствами, неустойчивости экономических условий хозяйствования, несбалансированности планов производства продукции по ресурсам, разлаженности материально-технического снабжения и т.д.

В результате перестройки условия деятельности хозяйственных руководителей коренным образом меняются, причем сдвиги в них носят противоречивый характер. С одной стороны, существенно расширяются возможности экономического, организационного, научно-технического и социального творчества руководителей. Вместе с подчиненными им коллективами они становятся действительными хозяевами вверенных участков производства, избавляются от связывавших их прежде запретов. Переход от назначения руководителей "сверху" к их выборам трудовыми коллективами дополнительно упрочивает их положение, облегчает решение вопросов с верхними звеньями руководства. Положительно скажутся на производстве вероятное снижение текучести кадров и укрепление трудовой дисциплины.

Но это — одна сторона вопроса. Другая же связана с необходимостью принципиального изменения привычных методов руководства, перехода от традиционного исполнения "спускаемых" сверху директив к самостоятельному, порой рискованному организационному и техническому поиску. И квалификационные, и личностные требования к хозяйственным руководителям в новых условиях возрастают, труд их становится более сложным и ответственным. Однако этого достаточно, чтобы часть руководителей заняла консервативную позицию и не торопилась с практическим изменением методов управления производством.

К названным факторам надо добавить недостаточную продуманность, неувязки и неразбериху, возникающие в большинстве отраслей в связи с первыми попытками перехода предприятий на новые условия хозяйствования. Это искусственно расширяет круг руководителей, недовольных течением перестройки. Поддерживая ее принципиальную концепцию, они считают, что последняя не внедряется в жизнь, а многие практически вводимые новшества лишь укрепляют административно-командное руководство. Так, на вопрос о том, в какой мере оправдываются их позитивные ожидания в отношении результатов экономической реформы, ответили "в основном оправдываются" только 9% хозяйственных руководителей и специалистов, "частично оправдываются" — 49%, "совсем не оправдываются" — 21%, затруднились ответить 21%; 38% представителей этой группы считают, что решения о реформе на уровне предприятий и подразделений проработаны слабо, 44% — что они проработаны только в общих чертах¹. Отсюда — скептицизм и неверие в конечное торжество перестройки, а соответственно и резервирование собственных позиций.

Материальное положение умелых руководителей производства в результате перестройки должно улучшиться, поскольку будут отменены необоснованные "потолки" премирования за достижение высоких экономических показателей, внедрение новых технологий, расширение экспорта продукции и проч. Но в новых условиях возрастет зависимость заработка руководителей от результатов работы трудовых коллективов, увеличатся различия в доходах директоров и специалистов предприятий, относящихся к аналогичным категориям, в том числе и внутри отраслей. Реальный экономический выигрыш получают только те руководители, которые сумеют использовать новые условия хозяйствования для ускоренного развития производства. Добиться этого, конечно, рассчитывают не все.

Перестройка затрагивает интересы хозяйственных руководителей слишком сильно и непосредственно, чтобы они относились к ней безразлично, нейтрально. Но отношение к ней неоднозначно. Во-первых, оно существенно различается у руководителей разных социально-личностных типов, разного социально-экономического мышления. Во-вторых, руководители производства лучше других отличают теоретическую концепцию перестройки от реальной практики изменения экономических отношений, одобряя первую, но часто осуждая вторую.

Следующую группу составляют *ответственные работники торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения*, а также организаций, распределяющих блага из общественных фондов потребления. Эта группа организует процессы обмена и распределения части общественного продукта, направляемой в фонд потребления. В ее отношении к средствам производства нет каких-либо специфических черт, но она занимает особое положение по отношению к производимым в народном хозяйстве потребительским благам. Отнюдь не являясь их владельцем, она тем не менее имеет широкие права распоряжения продукцией, предназначенной для нужд населения, а соответственно и возможность манипулировать ею в своих интересах.

¹ Состояние и тенденции развития экономического сознания на первом этапе перестройки. АОН при ЦК КПСС. М., 1988, с. 44.

Заработная плата этой группы работников не превышает среднего уровня. Вместе с тем, по данным социологических исследований, подкрепляемых многочисленными сообщениями прессы, именно она обладает самым большим объемом накопленного имущества, среди которого — дачи на морских берегах, автомашины иностранных марок, золото, драгоценности, произведения искусства, крупные денежные накопления и проч. Значительная, если не основная, часть доходов этих работников носит нетрудовой и незаконный характер, т.е. является результатом различных методов "игры на дефиците" — спекуляции, взяточничества (например, при распределении жилья), так называемой "пересортицы", когда товары низших сортов продаются по ценам более высоких, передачи продуктов, поступающих в государственную розничную торговлю, магазинам кооперации для продажи по повышенным ценам и т.д.

Благодеяние этой группы непосредственно связано с административно-бюрократическим механизмом управления экономикой, порождающим дефицит потребительских благ. Не меньшее значение имеет и ослабление социалистической законности, возможность сращивания с коррумпированной частью партийных, советских и правоохранительных органов, недостаток гласности управления, царившая в течение долгого времени атмосфера безнаказанности и вседозволенности власть имущих.

Перестройка общественных отношений выбивает почву из-под ног этой группы. Хозрасчет и самофинансирование заинтересовывают предприятия в строгом счете выручки от сбыта продукции. Переход от фондирования к свободной продаже производственных ресурсов ликвидирует монопольное положение тех, кто их прежде распределял. Гласность, настойчивое развитие демократии способствуют раскрытию махинаций, прежде годами совершавшихся безнаказанно. Наконец, кооперативная и индивидуально-семейная трудовая деятельность создают конкуренцию государственному предприятиям розничной торговли, общественного питания и бытового обслуживания, причем чем дальше, тем более сильную.

Старой системе приходит конец. Поэтому та часть данной социальной группы, которая глубоко "вросла" в прежнюю систему, противится преобразованиям всеми доступными методами. Прежде всего, она стремится скомпрометировать в глазах трудящихся идею перестройки. Не случайно, как свидетельствует печать, во многих местах прилавки магазинов постоянно пустуют при наличии продовольствия на оптовых базах. Напрашивается предположение о том, что ответственные работники торговли таким путем пытаются внушить людям мысль о бесперспективности перестройки.

Честной, нравственно здоровой части рассматриваемой группы перестройка несет надежду на очищение и обновление обстановки, возможность достойного труда по профессии, получение нормального трудового заработка. В целом обстановка здесь неблагоприятна. В сфере торговли сложилась достаточно развитая, прочная, самовоспроизводящаяся социально-экономическая система обеспечения работников незаконными дополнительными доходами. Поэтому сторонников и союзников перестройки в этой группе найти нелегко. Сфера деятельности, связанная с распределением и обменом готовой продукции, вероятно, еще долго останется одним из главных оплотов консерватизма и реакции в нашем обществе.

Мелких кооператоров и лиц, занимающихся индивидуально-трудо-вой деятельностью, можно рассматривать как одну социальную группу. Их роль в организации общественного труда заключается в инициативном производстве необходимых населению товаров и услуг, в основном — с помощью производственных, трудовых и интеллектуальных ресурсов, недоступных общественному производству. Мелкие социалистические предприниматели стремятся заполнить те "щели" и "бреши", которые систематически возникают при взаимодействии крупных предприятий и ведомств. Мелкое производство отличается гибкостью, подвижностью, отзывчивостью на нужды потребителей. Оно не нуждается в бесконечных согласованиях каждого шага с различными инстанциями и потому гораздо быстрее осваивает новые технические и экономические идеи. Особая роль в организации общественного труда сочетается со специфическим отношением этой группы к средствам производства, которые либо приобретаются ею в личную (кооперативную) собственность, либо берутся в кредит, либо арендуются у государства.

Мелкие производители самостоятельно владеют и распоряжаются средствами производства. В отличие от работников, занятых в общественном производстве, их доходы формируются за счет продажи продукции (товаров или услуг) по рыночным ценам, зависящим от спроса и предложения. Из полученной выручки кооператив (или отдельный предприниматель) покрывает стоимость материальных затрат, образует фонд развития производства, остальную же часть дохода направляет на потребление. Хотя такой порядок формирования и распределения доходов напоминает колхозный, доходы мелких кооператоров менее устойчивы, так как сильнее зависят от рынка. В силу этого они резко дифференцированы в зависимости от предприимчивости каждого конкретного коллектива, в среднем же являются более высокими. С другой стороны, мелкие предприниматели пока проигрывают по сравнению с другими группами в пользовании общественными фондами потребления (получении государственного жилья, пенсионном обеспечении, социальном страховании на случай болезни и проч.).

Новые формы кооперативной и индивидуально-семейной трудовой деятельности набирают силу. Только в Москве работают свыше 1400 кооперативов разного профиля — от производства дефицитных комплектующих изделий для крупных государственных предприятий до организации брачных знакомств. Умение точно определить неудовлетворенные потребности населения приносит кооператорам большие доходы. Идей же, касающихся того, какие товары и услуги можно производить со сравнительно ограниченными затратами, у творчески мыслящих людей очень много. Поэтому в дальнейшем развитии и расширении мелкопредпринимательской деятельности заинтересован довольно широкий слой населения, включающий не только уже работающих, но и потенциальных кооператоров, которые пока только присматриваются к возможному полю хозяйственной деятельности.

Все эти люди — союзники перестройки. Она позволяет им не только повысить свои доходы, но и гораздо более полно реализовать хозяйственные способности. Более прогрессивное крыло этой группы рассматривает свою деятельность не только с личных, но и с широких общественных позиций, как практическое участие в перестройке, относится к ее идейным сторонникам. Но есть и другое крыло той же группы,

озабоченное быстрейшим самообогащением, нередко без оглядки на право и мораль. У потребителей немало претензий к качеству услуг и продукции, поставляемых кооперативами и индивидуальными производителями. Хищнически настроенные мелкие предприниматели компрометируют прогрессивный процесс возрождения и развития кооперации, а их "поддержка" перестройки носит, по сути, фиктивный характер.

В положении *социально-гуманитарной интеллигенции* (педагогов, врачей, работников культуры и искусства, ученых гуманитарного и общественного профиля) есть много сходного с положением научно-технической интеллигенции. Но место этой группы в общественной организации труда иное: она обеспечивает воспитание и обучение новых поколений людей, формирует духовные и нравственные ценности, сохраняет и развивает общественную культуру. По роду своей деятельности социально-гуманитарная интеллигенция имеет самое отдаленное отношение к распоряжению общественными средствами производства. Источниками ее доходов являются заработная плата по основному месту работы, различные виды приработков (как правило, небольших), а также сравнительно высокие, но получаемые лишь небольшой частью данной группы творческие гонорары за книги, статьи, концертные выступления и т.д. Быть может, в порядке компенсации заниженной общественной оценки сложного и ответственного труда врачей и преподавателей в период застоя распространилась практика частной, причем довольно высокой оплаты оказываемых ими услуг. К сожалению, искренняя благодарность пациентов за восстановленное здоровье в данном случае нерасторжимо сплелась с организованной системой поборов, взимаемых по определенной таксе и за госпитализацию больных, и за проведение обследований, операций и пр. Хотя такая практика характерна не для всех городов и районов, но распространена она достаточно широко.

Положение социально-гуманитарной интеллигенции в период безгласности, духовного застоя и загнивания нашего общества было неблагоприятным как в материальном, так и в духовно-нравственном отношении. Для него были характерны униженно низкая заработная плата, крайне ограниченные дополнительные доходы, минимальный социальный престиж и, наконец, невозможность индивидуального творчества — ни в педагогике, ни в медицине, ни в литературе, искусстве, науке. Представители данной группы стояли перед альтернативой: либо "играть ту музыку, которую им заказывали", либо отстаивать свое право на выполнение профессионального долга в трудных, подчас невыносимых условиях. Социально-гуманитарная интеллигенция больше других групп страдала от зажима демократии, гласности, от искажения социалистических отношений и снижения общественной нравственности.

Сегодня в составе этой группы мы видим много таких людей, которые пронесли социалистические ценности через все трудности эпохи и тем самым подготовили перестройку. Как отметил Александр Гельман, "нравственное ядро партии (и народа. — Т.З.) никогда не умирало, оно замирало от страха, беззащитности в эпоху сталинизма, но, свернувшись, сжавшись, сохраняло свое внутреннее достоинство. Иначе не могло бы быть ни двадцатого съезда, ни сегодняшней перестройки"¹. Как

¹ А. Г е л ь м а н, *Время собирания сил. — Советская культура*, 9 апреля 1988 г.

инициаторов, идеологов, провозвестников будущей перестройки мы можем рассматривать певцов и поэтов такого плана, как Б. Окуджава и В. Высоцкий, ученых-обществоведов, выдвигавших идеи перестройки еще в период застоя; писателей и журналистов, мужественно выступавших против бюрократических извращений социализма, и др. И сейчас наиболее радикально настроенные представители гуманитарной интеллигенции понимают перестройку как социальную революцию, призванную вернуть советское общество на ленинский путь социалистического строительства. Они отдают делу перестройки все силы, выступают в качестве инициаторов ее дальнейшего расширения и углубления, ее идеологов, интерпретаторов и творцов. Основная часть социально-гуманитарной интеллигенции приветствует перестройку, в первую очередь — за резко возрастающую свободу духовного творчества, развитие гласности, демократии, возможность открытого обсуждения наболевших социальных проблем, приближающего их практическое решение. Она поддерживает инициаторов перестройки и ведет активную борьбу за нравственное и социальное очищение общества.

Отдавая должное борьбе гуманитарной интеллигенции с явлениями застоя, нельзя закрывать глаза и на то, что сложившаяся обстановка в обществе формировалась тоже не без участия ее представителей. Консервативная часть этой группы, которая служит носителем (а нередко и автором) прежних идеологических догм, не может по мановению волшебной палочки принципиально изменить свои взгляды. Она тоскует по прошлому, видит в преобразовании общественных отношений не движение вперед, а "отступление от принципов социализма", негодует на "чрезмерное" развитие гласности, слишком откровенные разоблачения прошлого и т.д. Ярким примером подобных взглядов явилось печально знаменитое письмо Нины Андреевой в редакцию газеты *Советская Россия*. Хотя большинство людей, подобных Андреевой, на словах выступает за перестройку, в действительности они не принимают последней, занимая консервативные или реакционные позиции.

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что большинство ученых-обществоведов и преподавателей идеологических дисциплин внутренне связаны своими прежними высказываниями и публикациями, известными их коллегам и ученикам. Сейчас, когда ошибочность этих взглядов становится все более очевидной, многие обществоведы переживают подлинный кризис и стремятся доказать справедливость хотя бы части ранее пропагандировавшихся ими идей. Это — одно из оснований консерватизма немалой части социально-гуманитарной интеллигенции.

Многие принадлежащие к рассматриваемой группе люди находятся как бы "на перепутье" между ранее усвоенными и ныне пропагандируемыми взглядами и ценностями или же занимают скептическую позицию, как бы не позволяя себе поверить в возможность серьезного изменения общественной жизни. Наконец, наряду с убежденными сторонниками или противниками преобразований в данной группе немало людей, не имеющих серьезных принципов. С трибун они клянутся в верности перестройке, но, вернувшись в свои кабинеты, забывают об этом. В целом социально-гуманитарная интеллигенция является, по-видимому, самым гетерогенным из всех рассматриваемых мною слоев.

Ответственные работники аппарата управления реализуют полити-

ческую и идеологическую линию партии, проводят определенную кадровую политику, осуществляют исполнительную власть, модернизируют и используют хозяйственный механизм, регулируют отношения социалистической собственности, выступая как полномочные представители ее подлинного субъекта — народа. Условия существования этой группы много лучше, чем большинства населения. Наряду с заработной платой она имеет большие материальные, социальные и культурные привилегии.

В период общественного застоя работники аппарата располагали огромной политической властью. Быстро разрастаясь количественно, эта группа, по существу, доминировала над обществом, постепенно отделяясь от остальной его части все более жесткими социальными и политическими барьерами. Командный стиль управления нижестоящими звеньями, безусловное исполнение приказов вышестоящих, формализм и бюрократизм в решении вопросов, затрагивающих интересы людей, минимизация прямых контактов с трудящимися становились все более характерными чертами поведения этой группы.

В новых условиях положение работников аппарата должно принципиально измениться. Отказ от административно-бюрократических методов управления производством, расширение прав предприятий, развитие производственной демократии сделают излишними многие из выполнявшихся политическим аппаратом функций. Сузится сфера его влияния, сократится общая численность. Следовательно, части работников угрожает потеря престижных и выгодных должностей, возможно — возвращение в сферу материального производства, где потребуются новые профессиональные знания и гораздо большая затрата физических и нервных сил. Перспектива, вряд ли особенно вдохновляющая тех, кому еще рано думать о пенсии.

С серьезными проблемами встретится и та часть работников, которая останется в аппарате. Ведь в новых условиях само содержание руководящей политической деятельности партии должно измениться, "партия должна научиться действовать, пользуясь идейной, духовной властью. А это такая власть, которой люди могут подчиняться только добровольно.

Когда можно приказать, любые сложности жизни, деятельности запросто упрощаются, низводятся до схемы, до догмы. Именно командный принцип деятельности стал причиной массового упрощенчества... Это одна из причин сопротивления демократизации — многие работники партии просто не способны справиться со сложными задачами, не обладают требуемыми для этого качествами. А каждый хочет то, что может. А если чего не может, говорит, что этого не надо, что это вредно и опасно для основ социализма"¹.

К сказанному надо добавить, что ответственные работники аппарата являются, пожалуй, наиболее стойкими носителями идеологических взглядов поры застоя. Многие из них все еще верят в эффективность командных методов управления, не понимают взаимосвязи плана и рынка, надеются на возвращение прежних времен.

К сожалению, пока консерваторы составляют большинство аппарата. Левое их крыло еще готово идти на какую-то демократизацию управ-

¹ А. Г е л ь м а н. Время собирания сил. — *Советская культура*, 9 апреля 1988 г.

ления, хотя неохотно. Правое же крыло откровенно реакционно. Оно вообще не желает сдавать позиций, уступать хоть толику власти, позволяет себе игнорировать даже резкие критические статьи в свой адрес в центральной прессе. В этой связи замечу, что противники перестройки успели хорошо адаптироваться к условиям гласности. Они поняли, что самое яркое и убедительное освещение в печати неприглядных фактов их деятельности — еще не катастрофа и не конец карьеры. Окончательное решение вопроса, как правило, формируется на основе других механизмов, в более высоких кабинетах и без участия прессы. Понимание этого консерваторами — одна из главных причин как медленных темпов перестройки в целом, так и почти полного отсутствия ее признаков в ряде республик, областей, ведомств и проч. Во всех этих случаях процесс ломки устаревших и развития новых отношений тормозится политическими лидерами консервативно-реакционного типа.

Большую опасность представляют и работающие в аппарате квазисторонники перестройки. Создавая видимость высокой активности, деятельного участия в выработке директивных документов и инструкций, они на практике, незаметно сводят усилия по преобразованию общественных отношений на нет. Названные в начале этой статьи явления, дискредитирующие перестройку в глазах населения, во многом являются делом этой группы.

Характеризуясь консервативными взглядами, она в то же время располагает (и еще долго будет располагать) очень большим объемом власти. В социальном механизме торможения демократизации ей принадлежит заглавная роль. Поэтому одним из центральных вопросов стратегии социального управления является способ нейтрализации антиперестроечной деятельности данной группы.

Сказанное, конечно, не значит, что среди работников аппарата нет прогрессивно мыслящих и квалифицированных специалистов, которые не только поддерживают, но и творчески разрабатывают, углубляют концепцию перестройки, активно содействуют ее претворению в жизнь. Но большинство из них делает это из идейных соображений, т.е. не на основе, а скорее вопреки групповым интересам.

Группа *политических руководителей общества* включает верхний эшелон партийной и государственной власти — членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, депутатов Верховного Совета СССР, руководителей союзных министерств и ведомств, высший генералитет Советской Армии, крупнейших дипломатов, партийных и советских руководителей республик, областей, крупных городов и других лиц аналогичного ранга. Это — высшие представители власти в стране, руководители ее политической жизни. Оценивая персональный состав этой группы, надо иметь в виду, что большинство ее представителей занимают ответственные места одновременно в нескольких правящих органах: так, члены и кандидаты в члены ЦК КПСС одновременно являются депутатами Верховного Совета СССР, партийные руководители республик и регионов — членами ЦК КПСС и т.д. Группа политических руководителей общества представляет собой реально правящее ядро КПСС и Советского государства.

Явное преобладание в управлении обществом централистского начала над демократическим обусловило исключительно важную роль высшего политического руководства в определении путей развития страны, решения ее актуальных проблем. В этой особенности наше-

го социально-политического строя сказались и недостаточное развитие демократических институтов в России (не говоря о большинстве южных республик), и отсутствие надежной системы изучения общественного мнения и учета его в управлении, и длительное господство административно-командного стиля взаимодействий разных "этажей" аппарата управления. На протяжении всей своей истории советское общество характеризовалось высокой концентрацией политической власти. В период сталинизма это проявилось особенно резко. В самые последние годы политическая система несколько либерализировалась, повернулась лицом к человеку, его проблемам. Но принципиальных сдвигов в распределении политической власти между различными общественными структурами, а также их вертикальными звеньями пока не произошло. Отсюда понятен исключительный интерес, проявляемый к личностным особенностям политических руководителей СССР населением как нашей страны, так и всего остального мира.

Специфическая роль рассматриваемой группы в организации общественного труда состоит в разработке стратегии экономического и социального развития страны, определении его долгосрочных целей, выборе эффективных путей их осуществления, формировании международной политики, способствующей укреплению позиций СССР в мире. Важнейшей прерогативой этой группы является и формирование (назначение, перемещение, отстранение) ответственных работников аппарата политического управления страной.

Материальное и социальное положение этой группы наиболее высокое, что соответствует максимальной ответственности и сложности выполняемого ею труда. Но главной чертой ее положения является не высокий уровень потребления, а большой объем политической власти над сферами общественной жизни, по сути, неограниченные полномочия по распоряжению национальной собственностью, возможности управления судьбами многих миллионов людей. Такое положение сочетает в себе чрезвычайно широкие права с высокой нравственной и политической ответственностью. Не всякий человек способен справиться с выполнением подобных функций, и, как показывает история, не каждый справляется.

Главные интересы представителей группы носят политический характер, причем в них можно выделить две компоненты: общественную и личную. Общественный интерес политических руководителей заключается в выведении советского общества из состояния стагнации и застоя, ускорении его социально-экономического развития, наращивании его могущества и обеспечении надежной обороноспособности. И это понятно. Во-первых, руководить динамично развивающейся страной с высоким уровнем экономики престижней и легче, чем технически и социально отсталой. Во-вторых, какую бы прочной ни была власть, в конечном счете ее устойчивость зависит от настроения масс, определяемого уровнем и условиями жизни, темпами роста благосостояния. В силу этого общественно ориентированные интересы политических руководителей совпадают с интересами страны в целом.

Личные интересы представителей данной группы проявляются в первую очередь в стремлении сохранить и укрепить свое служебное положение и власть. Было бы наивно считать, что борьба за власть (в том числе и личностей), пронизывающая всю историю человечества, при

социализме теряет корни и прекращается. Широко публикуемые в настоящее время исторические данные о 20-х, 30-х и последующих годах советской истории ясно показывают ошибочность такой точки зрения. Между тем сохранение и укрепление положения политических лидеров достигается двумя принципиально разными путями: либо высокоэффективной теоретической и организаторской работой, успешным решением сложных политических проблем, либо созданием личностных группировок, члены которых поддерживают друг друга в силу социальных и родственных связей. Тем, кто пользуется первым путем, необходимы высочайшие политические, экономические и социальные знания, огромное гражданское мужество, негибаемая воля и глубочайшая убежденность в исторической необходимости перестройки. По признанию народа, этими качествами обладают М. С. Горбачев, его ближайшие помощники, а также некоторые другие лидеры.

Вместе с тем в составе рассматриваемой группы пока осталось немало людей, сформировавшихся в период общественного застоя, пришедших к административно-командным методам управления, грубому выражению своего превосходства над подчиненными, постоянному ощущению всевластия и вседозволенности. Эти люди не поддерживают новых порядков и в большинстве своем не соответствуют новым профессионально-квалификационным и социально-личностным требованиям к политическим лидерам. К тому же в предыдущий период многие из них совершали деяния, забыть и простить которые народ не может. Потерявшая былую активность, не желающая и не способная понять дух современности, эта часть политических руководителей общества исповедует консервативные ценности. Формально высказываясь за перестройку, на практике она сохраняет прежние методы руководства и постоянно ставит палки в колеса попыткам демократизации общества. Поэтому пока сохраняется немало "заповедных зон", которых словно бы не касаются происходящие в других районах преобразования. Смена руководящих кадров хотя и меняет ситуацию в лучшую сторону, но происходит сравнительно медленно и далеко не всегда удачно.

Чтобы полнее охарактеризовать структуру нашего общества, необходимо рассмотреть и количественно немногочисленный, но чрезвычайно влиятельный и опасный клан организованной преступности (мафии), объединяющий разложившуюся часть работников торговли и бытового обслуживания, дельцов теневой экономики, а также коррумпированную часть аппарата власти, включая правоохранительные органы. В данном случае речь идет не о "несунах", мелких спекулянтах и взяточниках, а о крупных кликах преступников, установивших и годами поддерживавших на "опекаемых" территориях режим беззакония. Часть представителей этой группы раскрыта, предана суду и наказана, но остальная ее часть затаилась. Причем она не может позволить себе пассивного ожидания: ведь перестройка для нее означает не просто конец карьеры, лишение престижа и власти, но скорее всего — потерю свободы и жизни. Более непримиримых, чем эта группа, ни перед чем не останавливающихся противников у перестройки быть не может. Здесь мы имеем дело не с консерваторами, а с яростными реакционерами, которым чужды и враждебны главные социалистические ценности.

Хочу оговориться, что изложенные представления о структурных элементах общества, взаимодействие которых определяет ход пере-

стройки, не подкреплены репрезентативными социологическими исследованиями и носят скорее характер гипотезы. В его основе лежат материалы, публикуемые в советской прессе и научной литературе, письма, получаемые мной от читателей в ответ на публикуемые статьи, идеи, почерпнутые из различных дискуссий, личные беседы с представителями разных общественных групп и, наконец, результаты социологических исследований, проводившихся в разное время в тех или иных районах страны по отдельным социальным проблемам. Целенаправленные методически надежные исследования социальной структуры советского общества, которые нам еще предстоит провести, покажут, какие из элементов выдвинутой гипотезы справедливы, а какие нуждаются в корректировке.

3. Стратегия социального управления перестройкой

До сих пор мы рассматривали отношение к перестройке как функцию объективного положения в обществе, принадлежности к определенным социальным группам. Но в действительности взгляды и поступки людей в связи с перестройкой зависят от многих личностных обстоятельств.

Так, например, большое значение имеют уровень образования и квалификации, степень информированности о происходящих социальных процессах, характер трудовой и политической биографии, широта кругозора, глубина осознания личных, групповых и общественных интересов. Чем выше уровень социально-политического развития личности, тем более позитивно и действенно, как правило, ее отношение к перестройке. Передовая часть населения обращает основное внимание на принципиальную направленность и историческую необходимость проводимых преобразований, в то время как более инертная часть нередко обращается лишь к собственному, не всегда удачному опыту соприкосновения с перестройкой, нередко не отражающему ее общих закономерностей.

Существенное влияние на отношение к перестройке оказывает принадлежность людей к поколениям, сформировавшимся в разные исторические периоды. На первый взгляд кажется, что чем моложе определенное поколение, тем больше в нем должно быть сторонников радикальных общественных перемен и соответственно меньше консерваторов. Но жизнь не подтверждает этого ожидания. Согласно моим наблюдениям, наиболее высокой социальной активностью сейчас отличаются две возрастные группы: молодежь (не старше 35–38 лет) и пожилые люди (не моложе 55–60). Это поколения, успевшие еще в молодости (до 30–32 лет) сделать ощутимый "глоток свободы", в первом случае — после 1983 г., во втором — в середине 50-х — начале 60-х годов. Промежуточные же поколения, юность и молодость которых пришлось на годы социального безвременья, оказались во многом "потерянными" для общества. Они отличаются большим пессимизмом, слабо верят в социальные ценности, скептически оценивают возможности позитивного изменения экономических отношений, пассивно ведут себя в общественной жизни.

Субъективное отношение к перестройке зависит и от выраженности творческого начала личности. Людей творческого склада обычно отли-

чают высокая энергия, большая радикальность политических убеждений, склонность к революционному преобразованию действительности. Личности же противоположного типа более инертны, пассивны.

Немалое значение имеют и личный опыт участия людей в осуществлении экономических и других реформ, степень их включенности в прежнюю систему общественных отношений, уровень и развитость социальных связей, удовлетворенность достигнутым положением. Наконец, индивидуальное отношение к перестройке зависит и от таких качеств людей, как честность, порядочность, совестливость, способность к сочувствию людям, находящимся в менее выгодном положении, и проч.

В силу этих причин среди представителей каждого класса, социального слоя и группы можно встретить людей, относящихся к перестройке не только не одинаково, но даже противоположно. Рабочие, стоящие за соседними станками; ученые, разрабатывающие общую проблему; работники аппарата, отвечающие за одинаковые участки деятельности, по своим взглядам на перестройку нередко находятся "по разные стороны баррикады". Таким образом, дифференциация населения по отношению к перестройке носит как бы двухмерный характер. С одной стороны, группы, являющиеся элементами социальной структуры общества, различаются преобладающими типами отношения к перестройке. С другой же, в каждой из таких групп можно встретить, пусть в разных пропорциях, лиц с различным отношением к перестройке. Выполненный анализ позволяет выделить следующие типы этого отношения.

1. *Идеологи и инициаторы перестройки.* Эта группа объединяет людей, глубоко убежденных в необходимости радикального, революционного преобразования общественных отношений, унаследованных нами от прошлого. Они понимают, что никакой приемлемой альтернативы этому преобразованию нет, что отступление от намеченной линии, замедление, не говоря уже о "тихом свертывании" перестройки угрожают судьбам социализма как в СССР, так и во всем мире. Что решительная демократизация экономических и политических отношений, очищение общества от чуждых социализму явлений, честное и открытое осмысление предыдущей истории и современного положения страны — единственный путь, следуя по которому можно преодолеть тенденцию к усилению научно-технической и социальной отсталости СССР, сохранить выдающееся место нашей страны в современном мировом сообществе. Представители этой группы отличаются единством слова и дела: они не только выступают за перестройку, но и борются за нее практически, не жалея ни сил, ни здоровья. Это — флагманы перестройки, берущие на себя решение самых сложных проблем, преодолевающие самые большие трудности и открывающие путь остальным. Количественно эта группа не столь многочисленна, но ее историческая роль огромна. Это своего рода "дрожжи", на которых восходит "общественное тесто".

2. *Сторонники перестройки.* К этой более многочисленной группе относятся люди, которые полностью поддерживают концепцию перестройки, разделяют, а нередко и творчески развивают ее идеи, стремятся претворять их в действительность. Это — лучшая, наиболее прогрессивная, энергичная и творческая часть советского общества, готовая работать в полную меру сил и способностей, чтобы, с одной стороны, содействовать обновлению и процветанию страны, а с другой, повышать

уровень своего благосостояния, совершенствовать свой образ жизни. К этой группе относятся люди демократических и гуманистических убеждений, преданные идеям социалистической справедливости. Сталкиваясь с механизмами торможения перестройки, они вступают с ними в борьбу, но в силу своей разрозненности далеко не всегда одерживают победу. Многие из них переживают большие трудности и разочарования, но своих убеждений, как правило, не меняют.

3. Социальные союзники. К этой группе я отнесла бы людей, не являющихся убежденными сторонниками целостной концепции перестройки (хотя бы потому, что не знают ее или сомневаются, не согласны с какими-то ее положениями), но вместе с тем лично заинтересованных в отдельных аспектах проводимых преобразований (например, в развитии кооперативов, индивидуальной трудовой деятельности, расширении прав трудовых коллективов, повышении гласности управления, ускорении научно-технического прогресса и т.п.). Отношение этих групп к перестройке менее устойчиво и надежно, чем предыдущих. Оно в значительной мере зависит от трудностей, с которыми они сталкиваются, пытаясь реализовать свои интересы. Встречаясь с формализмом, бюрократизмом, обманом, коррупцией, невозможностью найти и доказать свою правду, многие из потенциальных союзников перестройки разочаровываются и отходят от активной деятельности.

4. Квазисторонники перестройки. К этой группе относятся люди, не имеющие ни глубоких нравственных принципов, ни прочных политических убеждений. Они готовы служить любому хозяину, утверждать любые "истины", организовывать народ на решение любых задач, лишь бы это было "созвучно эпохе", сулило благоволение начальства и продвижение на более высокие должности. Судя по словесным высказываниям, этих людей следовало бы отнести к пламенным сторонникам перестройки. Но стоит им заметить, что политическая атмосфера в стране меняется в иную сторону, как они сразу же примолкают, как бы резервируя свое мнение. В благоприятных условиях представители этой группы могут быть в известной мере полезными. Опасность состоит в их беспринципности, сочетающейся с подчеркнутой активностью и стремление к карьерному продвижению. Засорение руководящих кадров страны представителями этой группы, к сожалению, довольно реально.

5. Наблюдатели. Эта группа объединяет людей, в принципе поддерживающих концепцию перестройки, но имеющих негативный опыт, связанный с предыдущими попытками социального реформирования или с ходом современной реформы. Люди, относящиеся к этому типу, убеждены, что, хотя перестройка необходима, у общества пока нет ни достаточных сил, ни организационных средств для борьбы с бюрократией, обладающей исключительной властью и не собирающейся ее отдавать. Поэтому, как бы ни старались инициаторы, сторонники и союзники перестройки, последняя все равно будет заторможена противодействующими силами, а затем обращена вспять. При этом люди, которые прочно и безоглядно связали свою судьбу с перестройкой, потеряют позиции и, по-видимому, политически пострадают. Поэтому представители этой группы предпочитают следить за происходящей борьбой со стороны, хотя и с симпатией к сторонникам перестройки, но без веры в их торжество. Позиция этой группы также не очень устойчива

и в значительной мере зависит от реального развития перестройки. Каждый реальный успех последней размывает скептицизм этой группы, каждый провал его усиливает. В целом названная группа может с достаточным основанием рассматриваться как социальный резерв перестройки.

6. *"Нейтралы"* — это социально инертная часть населения, в сущности не имеющая определенного отношения к происходящим в стране процессам. Замкнутая на личные или узкосемейные интересы, не обладающая достаточной культурой и социальным опытом, эта группа отличается социальной пассивностью. Она не следит за конкретными направлениями перестройки, не осознает ее исторического значения, нередко отмахивается от сообщений средств массовой информации о происходящих процессах. Здесь много личностей консервативного типа, приверженных к сложившимся формам общественной жизни лишь потому, что они привычны, и с порога отвергающих новые веяния. В силу социальной пассивности этой группы ее деятельность не наносит перестройке ни вреда, ни какой-либо пользы, в целом способствуя скорее торможению, чем ускорению общественного развития.

7. *Консерваторы* — это группа, личностное формирование которой в основном протекало в периоды подавления демократии и расцвета административно-командного управления. Психика этих людей несет на себе неискоренимый отпечаток общественного застоя. Большинство из них убеждено во всесии "Его Величества Плана", в несомнительности рыночных отношений, в том, что Великая Отечественная война была выиграна гением Сталина, и т.д. Вынужденные приспосабливаться к новым условиям, эти люди готовы признать на словах необходимость определенных перемен и нередко используют лексикон перестройки. Но в узком кругу "своих" рассматривают концепцию перестройки как "антисоциалистическую". Эта группа прилагает большие и достаточно эффективные усилия к тому, чтобы затормозить намеченное преобразование общества, не дать перестройке набрать нужных темпов, не допустить такой ситуации, при которой она станет необратимой. Консерваторы — главный социальный субъект механизма торможения перестройки.

8. *Реакционеры* тоже не принимают идей перестройки, но по более глубоким причинам. Если консерваторы противопоставляют этим идеям догматические представления о "преимуществах" сталинского "казарменного социализма", то реакционерам принципиально чужды любые социалистические ценности. Часть их живет чисто стяжательскими интересами, не ограничивая себя ни правовыми, ни моральными нормами. Другая часть, развращенная неограниченной властью над многими тысячами людей, стремится сохранить или вернуть положение, обеспечивающее неподсудность любых своих действий. Противоречие групповых и общественных интересов в этом случае носит антагонистический характер. В историческом плане ответ на вопрос "кто — кого?" не вызывает ни малейших сомнений, но в настоящее время борьба облаченных властью реакционеров с убежденными сторонниками перестройки носит поистине беспощадный характер.

Встречаются и другие типы отношения людей к перестройке. Например, некоторая часть молодежи, не способная отличить мнимые ценности от реальных, слепо идет за псевдолидерами и "новаторами", веря, что

борется за перестройку, хотя в действительности наносит ей вред. Примером может служить деятельность общества "Память", ставшего своего рода оплотом современных "черносотенцев".

Каково же соотношение групп, выделяющихся, с одной стороны, по объективному положению в системе общественных отношений, а с другой, по характеру личных взглядов и убеждений? Чтобы ответить на этот вопрос, построим матричную таблицу, строки которой соответствуют социальным слоям и группам, а столбцы — типам отношения к перестройке. Если бы мы имели возможность разнести по элементам этой таблицы все взрослое население страны, то заполненным оказалось бы подавляющее большинство клеток. Но при этом в одни попали бы миллионы людей, а в другие — лишь единицы. Поэтому мне кажется важным обсудить вероятное распределение представителей каждого социального слоя по типам отношения к перестройке, выделив те элементы матрицы, которые наиболее значимы. Социальные слои и группы даны в порядке убывания позитивной и нарастания негативной роли в осуществлении перестройки, типы отношения к перестройке — в порядке снижения их общественной ценности. В перечень социальных групп и слоев по сравнению с использованным в разделе 2 внесены следующие изменения. Во-первых, передовой слой рабочих соединен с аналогичным слоем колхозников, отношение которого к перестройке такое же. Во-вторых, основная масса рабочих также соединена с колхозниками, так как их отношение к перестройке различается очень слабо. Наконец, по тем же причинам объединены группы политических и хозяйственных руководителей. Заштрихованные клетки означают типичность соответствующих позиций для представителей данных групп, незаштрихованные — сравнительную редкость, нехарактерность позиций (табл. 1).

Представленную таблицу можно рассматривать как по строкам, так и по столбцам. В первом случае мы увидим уже знакомую нам картину дифференциации отношения представителей каждой социальной группы (или же слоя) к перестройке. Во втором же случае сможем понять, из каких социальных групп "вербуются" люди, занимающие различные позиции по отношению к перестройке. Остановлюсь на этом втором аспекте.

В качестве инициаторов перестройки выступают прогрессивные политические и хозяйственные руководители, радикально настроенная часть социально-гуманитарной интеллигенции, передовые рабочие и крестьяне.

Сторонники перестройки — самая распространенная группа. Они встречаются в каждом общественном слое, за исключением самых консервативных, что свидетельствует о чрезвычайно широкой социальной базе проводимой реформы.

Союзники перестройки — это рабочие, крестьяне и мелкие предприниматели.

Квазисторонники встречаются во всех группах интеллигенции, выполняющих управленческие и исполнительские функции. Напротив, рабочим, крестьянам и ремесленникам подобный политический камуфляж ни к чему.

Позиция заинтересованных наблюдателей также типична для многих слоев. Не подвержены ей те группы, тип деятельности которых предполагает наличие определенной позиции. Это политические и хозяйствен-

Таблица 1

Типичные позиции представителей социальных слоев и групп по отношению к перестройке

Социальные слои и группы	Позиции в отношении перестройки							
	Инициаторы	Сторонники	Союзники	Квазисторонники	Наблюдатели	Нейтралы	Консерваторы	Реакционеры
Передовые рабочие и колхозники	Шaded	Шaded	Шaded					
Политические и хозяйственные руководители	Шaded	Шaded		Шaded			Шaded	
Социально-гуманитарная интеллигенция	Шaded	Шaded		Шaded	Шaded		Шaded	Шaded
Мелкие предприниматели		Шaded	Шaded	Шaded				
Основная часть рабочих и колхозников		Шaded	Шaded		Шaded	Шaded	Шaded	
Научно-техническая интеллигенция		Шaded		Шaded	Шaded		Шaded	
Ответственные работники управления		Шaded		Шaded			Шaded	Шaded
Ответственные работники торговли и обслуживания					Шaded		Шaded	Шaded
Необоснованно привилегированный слой рабочих					Шaded		Шaded	Шaded
Представители организованной преступности							Шaded	Шaded

ные руководители, работники управленческого аппарата, передовые рабочие и колхозники, мелкие предприниматели.

Нейтральное отношение к перестройке характерно для наиболее инертной и пассивной части работников физического труда.

Консерваторы, как и сторонники перестройки, достаточно представлены почти во всех группах, кроме передовых рабочих и колхозни-

ков, а также мелких предпринимателей, которые не стали бы связывать свою судьбу с перестройкой, если бы имели консервативные взгляды.

Что касается откровенных реакционеров, то они концентрируются в ограниченном числе групп, которым в процессе управления перестройкой следует уделить особое внимание. Это, во-первых, коррумпированная часть работников партийного и советского аппарата, во-вторых, ответственные работники торговли и бытового обслуживания, в-третьих, подкупленная предыдущими группами часть рабочего класса и, наконец, представители организованной преступности, консолидирующие ранее названные группы.

Как видим, картина достаточно сложная. С одной стороны, общество расколото на группы, существенно (часто — диаметрально) различающиеся своим отношением к перестройке. Борьба социальных сил, выступающих за или против изменения общественных отношений, повседневно освещается прессой, вызывая живейшие переживания и дискуссии. Общество все сильнее вовлекается в перестройку, группы “нейтралов” и “наблюдателей” постепенно редеют, противостояние же убежденных сторонников и последовательных противников обновления общества становится все более явным.

С другой стороны, позиции, занимаемые людьми по отношению к перестройке, хотя и детерминируются их принадлежностью к определенным слоям и группам, но, как мы видели, не очень жестко. В связи с этим общая расстановка социальных сил вокруг перестройки носит как бы “размытый” характер. Между тем М. С. Горбачев и другие лидеры партии не раз подчеркивали не просто глубокий, но *революционный* характер осуществляемой перестройки. С точки зрения ожидающих решения задач предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) *социальной революцией*. Речь, следовательно, идет о разработке *стратегии управления* не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а *революцией*, в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами.

В связи с этим возникают вопросы: 1) Каковы социально-классовые ориентации революции, в интересах каких социальных групп она осуществляется? 2) Какие альтернативы имеются намечаемой революции или вокруг каких возможных путей дальнейшего развития общества разворачивается борьба? 3) На какую социальную плату за успешное проведение перестройки может согласиться советское общество? Изложу собственную трактовку каждого из этих вопросов.

Мне кажется, что описанная выше картина расстановки социальных сил не дает оснований рассматривать перестройку как социальную революцию, скажем, рабочих и крестьян против работников аппарата или торговли и бытового обслуживания. Подлинная разграничительная линия проходит не столько между “строками”, сколько между “столбцами” матрицы, хотя известная корреляция между теми и другими имеется. Поэтому, с моей точки зрения, речь идет о революции радикально-демократически настроенной части нашего общества (охватывающей первые столбцы таблицы) против консервативно-реакционной части (показанной в двух последних столбцах) при возрастающем вовлече-

нии в борьбу пока еще не определившихся групп.

Теперь о втором вопросе — альтернативах развития. Здесь я солидарна с позицией А. Гельмана, выраженной в статье “Время собирания сил”. Гельман выделяет три принципиально разных пути, по которым теоретически может пойти советское общество: революционно-демократический, либерально-консервативный и откровенно реакционный (“обратно к Сталину”). Имея в виду нереальность последнего варианта развития, которого не допустит ставший иным народ, автор обращает основное внимание на опасность либерально-консервативного пути, которым деятели старого типа хотели бы подменить революционную демократизацию общества. Раскрывая разницу между названными путями развития, А. Гельман пишет: “Демократизация предусматривает перераспределение власти, прав, свобод, создание ряда независимых структур управления и информации. А либерализация — это сохранение всех основ административной системы, но в смягченном варианте. Либерализация — это подразжатый кулак, но рука та же, и в любой момент она может обратно сжаться в кулак. Только внешне либерализация порой напоминает демократизацию, на самом же деле это принципиальная и недопустимая подмена”¹. Действительно, реальная историческая альтернатива состоит не в том, *быть или не быть* перестройке, экономической реформе, демократизации общества. Силы тех, кто хочет, чтобы этого не было, относительно невелики. Действительная альтернатива заключается в том, *какою быть* перестройке — революционной (радикальной) или эволюционной (либерально-консервативной). Судьба народа зависит именно от того, какой из двух возможных путей развития фактически воплотится в жизнь. Если первый, то после японского, китайского и других “чудес” мир имеет шансы увидеть и “советское чудо”, заключающееся в резком повышении темпов развития, быстром превращении страны из технически и социально отсталой в мощную современную и динамичную державу. Если же реализуется вторая альтернатива, то отставание СССР от развитых капиталистических стран, накопленное в предшествующий период, может приобрести необратимый характер, и великая прежде страна станет терять международные позиции, пытаться отгораживать свой народ от остального мира новым “железным занавесом”, подавлять сопротивление демократических сил репрессиями, превращаться в изолированную окраину мира. Альтернатива слишком серьезна, чтобы фаталистически ждать, какие силы возобладают. Нужна продуманная стратегия управления, способная направить процесс в исторически прогрессивное русло.

Я не могу согласиться с высказываемой некоторыми авторами точкой зрения о том, что перестройка в равной степени соответствует интересам всех общественных групп, что никаких противоречий социально-классового характера в нашем обществе нет и все социальные группы находят “по одну сторону баррикады”. Выполненный выше анализ показывает, что это не так. К тому же если бы все социальные силы общества занимали одну и ту же позицию, то баррикада вообще не была бы нужна. Между тем баррикада (точнее, множество невидимых, но четко ощущаемых баррикад) явно рассекает общество на постепенно консолидирующиеся и осознающие противоположность своих интересов

¹ А. Г е л ь м а н. Время собирания сил. — *Советская культура*, 9 апреля 1988 г.

группы, с одной стороны, инициаторов, сторонников и союзников, а с другой, противников перестройки. В связи с этим и возникает вопрос о той "социальной цене", которую наше общество может, должно и субъективно готово платить за преодоление своей отсталости, очищение от накопленной грязи, нравственное обновление, ускорение развития.

Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет. Ведь оно резко меняет относительное и абсолютное положение классов, слоев и групп, одни из которых выигрывают в известной мере за счет других. Отрицать неизбежность не только противоречий, но и ожесточенной борьбы групповых интересов в связи с перестройкой — значит закрывать глаза на реальность, которая уже сейчас, на первых подступах к перестройке, свидетельствует о напряженной социальной борьбе.

Стратегия социального управления перестройкой призвана минимизировать межгрупповые конфликты, снижать социальное напряжение в обществе с тем, чтобы можно было добиться намеченных целей меньшей социальной ценой. Пострадать от перестройки должно возможно меньше людей, и наносимые им потери должны быть возможно менее ощутимыми. В этом случае перестройка будет содействовать не столько разобщению, сколько консолидации общества, не снижению, а возрождению общественной нравственности.

Однако вопрос заключается в мере. В условиях принципиального противостояния интересов демократической и реакционной частей общества попытка абсолютизации линии на смягчение конфликтов может обернуться выхолащиванием основных идей перестройки. Именно в этом контексте, мне кажется, нужно рассматривать совокупность явлений, отражающих медленный ход перестройки, неудовлетворенность трудящихся достигнутыми здесь результатами. Стратегия управления перестройкой должна стремиться к сдерживанию и ослаблению возможных и вероятных социальных конфликтов. Но односторонняя ориентация на социальные компромиссы, чрезмерная боязнь задеть интересы групп, явно не заинтересованных в перестройке, может стать мощным тормозом развития этого процесса как вширь, так и вглубь.

Известно, что даром ничто не дается. Не может быть получена даром и революционная перестройка общества. Она будет стоить напряженной борьбы, острых межгрупповых конфликтов. К этому надо быть готовыми политическим лидерам, это следует разъяснять населению, этого, наконец, не надо бояться тем, кто не боится самого слова "революция". Социальная же стратегия перестройки должна быть направлена на то, чтобы привести общественный корабль к желанному берегу через океан перестройки с наименьшими повреждениями и потерями.

Сказанным определяется сложность выработки эффективной стратегии социального управления перестройкой. Прежде всего возникает вопрос, какие социальные группы должны быть ее объектом: различающиеся объективным местом в организации общественного труда или субъективным отношением к перестройке? Группы первого типа видны на поверхности, их положение, проблемы, трудности ясны или могут быть установлены, поэтому легче выработать и меры, способные активизировать их отношение к перестройке. Но именно с точки зрения отношения к перестройке эти группы гетерогенны, и единые, недиффе-

ренцированные меры, применяемые к сторонникам и противникам процесса радикального преобразования общества вряд ли дадут большой результат.

Группы второго типа более адекватны как объект социального управления перестройкой, но трудно идентифицируемы: даже сплошной социологический опрос всего взрослого населения не решил бы этой задачи, так как ни один консерватор или реакционер не признает себя таковым даже наедине с собою. Значит, нужна “двухмерная” стратегия, направленная на управление развитием и поведением общественных групп обоих типов. Там, где не сработают меры, направленные на группы с разной позицией по отношению к перестройке, могут оказаться полезными меры, адресованные социальным слоям и группам, или наоборот. Конкретное содержание всей стратегии социального управления перестройкой будет разработано коллективно, прежде всего — в процессе подготовки и проведения XIX конференции КПСС. Здесь же я позволю себе ограничиться кратким наброском представляющихся важными мер.

Начну с политики по отношению к группам, различающимся своим отношением к перестройке. Главной целью такой политики должно быть создание демократических институтов, гарантирующих необратимость и поступательное развитие перестройки на базе постепенного превращения ее сторонников — в инициаторов и идеологов, союзников — в убежденных сторонников, наблюдателей — в союзников, “нейтралов” — хотя бы в заинтересованных наблюдателей, а консерваторов и реакционеров — в лояльно относящихся к перестройке людей.

Конкретными шагами, способными обеспечить достижение этих целей, с моей точки зрения, являются:

1) Создание политических условий для идейной и организационной консолидации инициаторов, идеологов и убежденных сторонников перестройки. Организация с этой целью, скажем, Народного союза содействия перестройке (НССП) во главе с известными стране журналистами, учеными, общественными деятелями, социальными экспериментаторами, передовыми рабочими и крестьянами. Создание общенародного финансового фонда содействия перестройке. Разрешение НССП выпускать свои периодические издания — информационные бюллетени, газеты, журналы, вести свои рубрики на телевидении. Организация местной сети НССП в форме клубов или комиссий народного содействия перестройке.

2) Преодоление политической подозрительности по отношению к неформальным движениям социальных инициатив, объединяющим, как правило, наиболее здоровые и активные силы молодежи. Включение социалистически ориентированных клубов социальных инициатив в НССП, оказание им материальной, организационной и нравственной помощи, обеспечение необходимыми помещениями для работы, снятие необоснованных запретов на такие формы их политической деятельности, как проведение массовых митингов, демонстраций, прямых встреч с политическими руководителями и прочее. Установление духовных и идейных контактов опытных членов партии и комсомола с представителями неформальных социальных инициатив.

3) Создание в СССР подлинного правового общества, где закон — нерушимая сила и отступления от него влекут за собой неотвратимую кару. Упорядочение существующего законодательства, его освобождение от противоречий и двусмысленностей, отмена устаревших инструкций,

препятствующих развитию перестройки. Систематический контроль, прежде всего со стороны НССП, за соблюдением отражающих перестройку законов ведомственными и отраслевыми органами управления. Установление строгих мер пресечения за уклонение должностных лиц от выполнения законов, привлечение злостно нарушающих законы руководителей к суду, проведение открытых процессов над бюрократами, тормозящими перестройку. Укрепление веры народа в надежность обязательств государства по поддержке мелкопредпринимательской деятельности. Организация юридической помощи и правовой защиты сторонников и союзников перестройки от административно-бюрократических и иных преследований.

4) Дальнейшее усиление гласности перестройки. Разъяснение народу не только перечня намечаемых мер и ожидаемых результатов, но главное — социальной концепции перестройки, ее политического смысла, исторического значения, роли в дальнейших судьбах страны. Доведение этих идей до всех национальных и социально-демографических групп. Пропаганда позитивного опыта перестройки в терминах не только выполнения плана или расширения производства, но и изменения общественных отношений, улучшения условий жизни людей. Систематическое изучение, а также формирование общественного мнения о перестройке, о ее успехах и трудностях. Учет общественного мнения народа при принятии важнейших решений, затрагивающих его интересы.

5) Глубокая демократизация кадровой политики. Ликвидация номенклатурной системы подбора и расстановки кадров, существенно тормозящей естественную ротацию руководящих работников, очищение высших эшелонов власти от консерваторов и реакционеров. Возможно более четкое выявление и разделение, с одной стороны, подлинных борцов за перестройку, а с другой, ее квазисторонников. Придание их поведению гласности путем широкого освещения работы органов управления в печати, теле- и радиопередачах. Трансляция по Всесоюзному телевидению работы Пленумов ЦК КПСС, сессий Верховного Совета СССР, заседаний коллегий Госкомтруда СССР, Государственного комитета по ценам, Президиума ВЦСПС и др. Систематическая информация населения о борьбе сторонников перестройки не только с ее противниками, но и с пристраивающимися в ее ряды квазисторонниками общественных перемен.

Таково мое представление о первом аспекте стратегии социального управления перестройкой, адресованном как бы всему народу без разделения на классы, слои и группы. Второй аспект той же стратегии обращен на конкретные элементы социальной структуры. Его задачи — во-первых, обеспечить количественное расширение, укрепление и активизацию групп, составляющих социальную базу перестройки, во-вторых, по возможности ограничить роль консервативных групп, добиться их количественного сокращения, а также уменьшения их власти, в-третьих, содействовать улучшению персонального состава групп, решающих судьбу перестройки, с точки зрения соотношения демократов и консерваторов. С этой целью необходимо, во-первых, определить задачи, которые надо решить применительно к каждой группе, во-вторых, указать средства, с помощью которых это можно сделать. Начну с групп, способных составить опору радикального варианта развития реформы, но нуждающихся в дальнейшем усилении и укреплении.

1. *Политические руководители страны.* Как уже отмечалось, эта группа гетерогенна. Наряду с идеологами и инициаторами перестройки в ней есть консерваторы и даже реакционеры (достаточно напомнить о партийных и советских руководителях Бухарской области Узбекистана и целого ряда других регионов, превратившихся в преступную мафию). Поэтому одной из задач является обновление персонального состава группы, которое содействовало бы ее омоложению, радикализации ее политических и экономических взглядов, повышению профессионально-квалификационных и социально-личностных качеств. Добиться этого можно, во-первых, систематическим повышением обществоведческой (исторической, экономической, правовой, социологической) культуры высших представителей власти, во-вторых, заблаговременной подготовкой резерва политических лидеров на перспективу (причем не из аппарата управления, а преимущественно из хозяйственных руководителей, научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции), в-третьих, с помощью демократизации методов выдвижения политических руководителей, большего учета общественного мнения о них, проведения конкурсов кандидатов на основе защиты ими программ своей деятельности, доведения до избирателей политических биографий кандидатов, освещающих не только смену мест их работы, но и линии поведения, поступки в сложные моменты истории. Улучшению качественного состава руководителей содействовало бы и ограничение времени работы на выборных должностях 2–3 сроками. Осуществление этих мер способно превратить эту группу в боевой союз единомышленников-революционеров, под руководством которого перестройка ускорила бы свой шаг.

2. *Хозяйственные руководители* — это группа, играющая одну из центральных ролей в экономической перестройке и при этом достаточно четко разделяющаяся на тех, кто “хочет и может”, и тех, кто “не может” и потому “не хочет”. В составе корпуса руководителей производства следовало бы оставить лишь тех, кто доказал свою способность эффективно вести производство, овладевать новым экономическим и политическим мышлением, чутко воспринимать и внедрять все новое, идти на обоснованный риск и в конечном счете выигрывать. Что касается тех руководителей, для которых главная ценность — это занимаемое кресло, а главное умение — угождать начальству, то от них надо освободиться, и чем быстрее, тем лучше. Хозрасчет и самофинансирование предприятий, если бы они вводились всерьез, а не формально, как это пока происходит, автоматически разделили бы описанные “фракции” руководителей. Известную роль в обновлении состава хозяйственных руководителей могут сыграть их выборы трудовыми коллективами, но опять-таки проводимые неформально, что случается не всегда. Пока же экономический и социально-демократический механизм совершенствования хозяйственных кадров было бы очень важно дополнить целенаправленной кадровой политикой ведомственных и местных органов. Но, к сожалению, именно эти органы наиболее заражены бюрократизмом и потому они вряд ли справятся с решением этой сложной задачи без настойчивой руководящей и контролирующей деятельности верхних эшелонов власти.

Повышению эффективности участия хозяйственных руководителей в перестройке могут содействовать и такие меры, как: а) придание более современного характера системе повышения их квалификации на

спецфаках и в Академии народного хозяйства; б) расширение прямых международных контактов с руководителями зарубежных фирм, участие в смешанных предприятиях; в) перевод разговора о расширении экономических прав предприятий и внедрении полного хозяйственного расчета из преимущественно словесной в деловую плоскость; г) создание правовых и политических гарантий безопасности хозяйственных руководителей, решающихся внедрять и творчески развивать идеи перестройки вопреки опутывающим их деятельность ограничительным инструкциям.

3. *Рабочий класс.* Выше я говорила, что перестройка проводится в интересах основной массы населения, прежде всего рабочего класса и крестьянства. Но понимают и разделяют этот взгляд не все. Поэтому в составе рабочего класса наряду с активными сторонниками перестройки есть немало пассивных и безразличных людей, а также наблюдателей, не спешащих определить собственную позицию в развивающемся процессе. Успех перестройки, ее переход в стадию политической необратимости будет в решающей мере зависеть от активизации рабочего класса, этой главной преобразующей обществу силы. Задача состоит в том, чтобы та часть рабочих, от интересов которых перестройка пока далека, пробудилась от социальной апатии и стала по крайней мере следить за тем, что происходит вокруг, формировать собственное мнение по наиболее актуальным вопросам. Ту же часть рабочих, которая с интересом, но несколько недоверчиво наблюдает за происходящими в обществе сдвигами, можно и нужно превратить в активных сторонников перестройки или по крайней мере в ее союзников.

Большую роль в решении этих задач, безусловно, играет гласность, активизирующая социально-политическое сознание всех без исключения общественных групп. Но одной только гласности мало. Постоянные сообщения о происходящих безобразиях и беззакониях вплотную подводят рабочих к выводу о необходимости собственными усилиями помогать осуществлению перестройки, не только выпуская больше продукции, но и преобразовывая общественные отношения. Нужны эффективные организационные формы, в которые могло бы вылиться это стремление. Часть из них возникает стихийно — это неформальные социальные инициативы — от дискуссионных клубов “Перестройка” в Москве и Ленинграде до всесоюзного движения за создание памятника жертвам сталинских репрессий.

Появление таких инициатив свидетельствует о том, что “температура в котле поднимается”, но настоящего полезного выхода для нарабатываемого пара не видно. Возможно, таким выходом могло бы явиться создание упоминавшегося выше Народного союза содействия перестройке, действующего на общественных началах, т.е. на народные, а не государственные деньги. Местные ячейки такого Союза пользовались бы полной свободой выбора полезного приложения сил и в то же время имели надежный социально-политический статус. В частности, их следовало бы наделить правами контроля за реализацией местными и ведомственными органами власти общесоюзных постановлений о перестройке.

4. *Колхозники.* За минувшие десятилетия много сделано для того, чтобы превратить крестьян в наемных рабочих, не ощущающих себя более хозяевами земли. Теперь необходимо восстановить то, что еще не совсем погублено, т.е. попытаться вернуть колхозникам такие замеча-

тельные крестьянские качества, как знание и понимание земли, домашних животных, любовь к сельскохозяйственному труду, привязанность к "малой Родине", умение рачительно, с выгодой вести хозяйство. Первым шагом к этому могла бы явиться "десовхозизация" тех колхозов, которые 25—30 лет назад одним взмахом бюрократического пера были превращены в совхозы, чтобы ими было проще командовать. В Литве и других прибалтийских республиках уже имеется опыт превращения "высшей" формы сельскохозяйственных предприятий в "низшую", т.е. преобразования совхозов в колхозы, который дает хорошие результаты.

Правда, в случае проведения этой меры численность рабочего класса в стране сократится, а колхозного крестьянства — вырастет, что, с догматической точки зрения, будет свидетельствовать об "ухудшении" социальной структуры общества. Но в действительности за этим будет стоять, с одной стороны, формальное воссоединение двух чрезвычайно близких социальных групп — колхозников и рабочих совхозов, а с другой, восстановление традиционно промышленного облика рабочего класса. Но в конце концов дело не в этом. Главное — это придать сельскому хозяйству организационно-экономическую форму, которая наиболее отвечала бы социальным особенностям этой отрасли. А в социалистических условиях такой формой служит кооперация.

Колхозникам следует предоставить право по решениям общих собраний разукрупнять свои хозяйства до экономически разумных пределов. Подавляющее большинство хозяйств-гигантов в сельском хозяйстве неэффективно, что доказано всем мировым опытом. Заслуживает внимания опытная проверка и новой формы организации колхозов как ассоциаций первичных кооперативов по производству сельскохозяйственной продукции¹. Наконец, необходимо далее развивать семейный подряд в общественном производстве, а также личные подсобные хозяйства колхозников. Проведение этих мер затронет всю массу колхозников, и шире — работников сельского хозяйства, пробудит в них трудовую и хозяйственную энергию, превратит большинство из них в сторонников или в союзников перестройки. Думаю, что многие колхозники охотно примут участие и в НССП.

5. Коротко остановлюсь на *интеллигенции*. Наиболее прогрессивная ее часть является одной из движущих сил перестройки. По мере того как последняя набирает силу, число равнодушных интеллигентов снижается, а заинтересованных и активных растет. Отмечу лишь две актуальные проблемы, связанные с этой группой. Первая заключается в чрезвычайно низком уровне профессиональной подготовки значительной части инженеров, агрономов, врачей и учителей. Это свидетельствует о том, что границы интеллигенции в полном смысле этого слова значительно уже, чем группы людей с дипломами о высшем образовании. Отсюда целесообразность сокращения необоснованно разросшегося числа специалистов в народном хозяйстве (общепризнано, что сейчас их слишком много) и направления менее квалифицированной их части на рабочие места с высокой технической вооруженностью труда. Численное сокращение группы специалистов позволит поднять не только оплату, но и социальный престиж тех, кто в ней останется.

¹ В. Е. Ф и м о в, Т. К а д ы р о в. Колхоз — ассоциация кооперативов. — *Известия*, 5 апреля 1988 г.

Второе соображение касается кадров обществоведов — как ученых, так и педагогов. Не секрет, что советское обществоведение не вынесло проверки перестройкой. Традиционные его догмы оказались разрушены, а создание новой теории требует немалого времени. Ученым легче, так как они сразу берутся за творческий поиск истины. Преподавателям же труднее, так как отвечать на вопросы студентов надо сегодня, а что отвечать, большинство не знает. Немалая часть преподавателей обществоведческих дисциплин не справится с этой кризисной ситуацией, не сможет изменить прежнего образа мыслей и, по-видимому, выйдет на пенсию. Другая часть будет самостоятельно искать ответы на волнующие вопросы. Но для общества это — не выход. В период коренного преобразования своих отношений оно как никогда нуждается в методологически надежной обществоведческой теории. В этом направлении должна быть развернута целенаправленная работа, желательно — на конкурсных основаниях, т.е. путем организации творческих коллективов, параллельно решающих аналогично сложные научные задачи.

Так обстоит дело с группами, наиболее заинтересованными в радикальном варианте осуществления перестройки. Задача активизации их вполне реальна.

А как поступать с теми слоями и группами, которые тормозят перестройку? Ясно, что группы организованной преступности надо выявлять, подвергать расследованию, судить и наказывать по всей строгости закона. Вопрос о какой-то более сложной социальной стратегии по отношению к ним не стоит. Иное дело те группы, деятельность которых, внешне не являясь преступной, тем не менее тормозит перестройку. Что это за группы, мы уже говорили.

1. *Работники аппарата политического управления* являются главными носителями административно-бюрократических методов руководства, старого экономического и политического мышления. Похоже, что большинство из них просто не в состоянии принять, а тем более осуществить предлагаемые политическим руководством меры. По отношению к этой группе можно поставить следующие задачи: 1) резкое (не менее чем в 2–3 раза) сокращение ее общей численности, 2) омоложение и обновление персонального состава за счет работников, привлекаемых извне аппарата, 3) решительное преодоление искусственно созданного в предыдущие годы социального и даже пространственного отрыва представителей этой группы от основной массы населения (расселение в особых районах и специальных домах, прикрепление к особым магазинам, столовым, предприятиям бытового обслуживания, поликлиникам, лечение в особых санаториях и больницах, посадка в самолеты и поезда через специальные “депутатские” комнаты и т.д и т.п.). Думаю, что руководящие кадры, выполняющие исключительно ответственную работу с ненормированным рабочим днем, имеют некоторое моральное право на приобретение потребительских благ без выстаивания длинных очередей. Но важно, чтобы предоставляемые им привилегии носили открытый, гласный характер, а не прятались от народа, а также чтобы снабжение руководителей не отличалось от государственной розничной торговли ни лучшим ассортиментом, ни более низкими ценами на товары. Только тогда этот специфический слой по-настоящему поймет нужды и проблемы народа, внутренне с ним идентифицируется. Причем руководящие кресла в этом случае потеряют половину своей привлекатель-

ности, и на работу в аппарат управления пойдут профессионально ориентированные и пригодные к этой работе люди.

Важными мерами, способствующими повышению социальных качеств этой группы, я назвала бы также, во-первых, восстановление примата законодательных органов власти над исполнительными, т.е. резкое ограничение власти в руках аппарата, во-вторых, демократизацию процедуры формирования, аттестации и продвижения руководящих работников, в-третьих, организацию эффективного повышения их деловой квалификации, преодоление провинциализма политических взглядов, формирование современного социально-экономического мышления, открытого новым фактам, идеям и представлениям.

2. Работники торговли и сферы обслуживания. О той части работников, которые связаны с крупными хозяйственными махинациями и хищениями государственной собственности, я уже говорила. Сейчас же имею в виду многомиллионную группу работников, находящуюся в достаточно специфическом положении. Получая явно заниженную заработную плату, как будто заранее рассчитанную на дополнение нетрудовыми доходами, она, с одной стороны, имеет возможность, а с другой, оказывается вынуждена заниматься малопривлекательной деятельностью типа обсчета или обвеса покупателей, торговли из-под прилавка, сбыта дефицитных товаров "своим" клиентам по повышенной цене и прочее. В советском обществе бытует прочное мнение, что, работая в торговле, честно не проживешь: даже если не захочешь мошенничать, то заставят. В силу этого вся сфера торговли, общественного питания и бытового обслуживания представляется своего рода "раковой опухолью", разлагающей и соседние части социального организма. Между тем в большинстве не только капиталистических, но и других социалистических стран торговля — такое же уважаемое занятие, как труд у станка или на тракторе.

Сложившаяся система привела к разложению значительной части кадров торговли. Они привыкли к дополнительным доходам и не желают от них отказываться, а потому тормозят перестройку. Между тем без их помощи, искреннего стремления содействовать проведению перестройки ее результаты не смогут дойти до главного потребителя — народа. Прилавки будут оставаться пустыми, даже когда на складах много продукции. Печать уже сообщала о такого рода фактах, имевших место в ряде городов.

Как же сделать нашу торговлю культурной, научиться торговать по-европейски, как хотел Ленин? Главный путь к этому, конечно, расширение производства необходимой народу продукции, преодоление дефицита. Но оно потребует немало времени. Сейчас же, как мне кажется, следовало бы увеличить плюрализм форм организации торговли, чтобы они могли конкурировать друг с другом за рубль покупателя. Перспективна прямая торговля предприятий своими изделиями в фирменных магазинах; перспективна организация местных потребительских обществ, активизирующих деятельность кооперативной торговли; перспективна и сдача небольших магазинов, кафе, столовых в аренду трудовым коллективам и проч. Развитие всех этих форм торговли и бытового обслуживания будет, во-первых, создавать конкуренцию продавцов, от которой мы поотвыкли, во-вторых, и это, может быть, главное, увеличивать долю сторонников перестройки в этой важной, но консервативной группе.

Таковы некоторые соображения о возможной социальной стратегии управления перестройкой. Конечно, они носят предварительный характер, являются дискуссионными и нуждаются в серьезном критическом обсуждении. Роль этой статьи я вижу главным образом в том, чтобы сформулировать стоящие в данной области проблемы и вынести их на общественное и научное обсуждение.

ЗАЧЕМ ДОРОГА, ЕСЛИ ОНА НЕ ВЕДЕТ К ХРАМУ

I

Это заметки о перестройке, об ускорении, о том новом, что постепенно входит в нашу жизнь и необходимо должно прийти, ибо... Я их начал обдумывать и писать около двух лет назад. Сразу после съезда. Но каждый день открывалось что-то новое. Приходили новые мысли, наблюдения; процесс изменений, как и всякий революционный процесс, нарастал, открывались новые горизонты и многое, что было написано вчера, сегодня казалось уже давно прошедшим.

Я долго не мог придумать названия моим заметкам, названия, отражающего мое понимание происходящего. И оно пришло вместе с тем потрясением, которое я испытал после фильма "Покаяние". Это потрясение не только дало мне название моим заметкам, но и заставило написать заново почти законченную статью.

Я, как и многие русские, люблю грузинское искусство, его блеск, его глубину и тонкость — порождение тысячелетней цивилизации и удивительного мужества народа. Как жаль, что здесь, в России, о нем так мало знают. Несмотря на то что Грузия отделена от нас Большим Кавказом, несмотря на различия в климате, образе жизни и истории, я всегда воспринимал ее как нечто очень близкое, почти как свое родное. По-видимому, в наших судьбах есть что-то общее, что заставляет нас ко многому относиться одинаково: фильм "Покаяние" тому свидетель. И тем более грустно, что большинство знает о Грузии лишь что-то очень поверхностное, вроде курортных или чисто туристских воспоминаний. А важно слышать ее многоголосое пение, видеть строгую прелесть ее древних храмов, построенных за много веков до Новгорода и Киева, читать стихи Бараташвили и наслаждаться неиссякаемым и добрым юмором ее народа, так хорошо осветившим, например, ее киноминиатюры. И вот теперь грузины мне подарили эту заключительную ключевую фразу удивительного и трудного фильма — фразу, вскрывающую, может быть, самый сокровенный смысл того, что происходит в обществе.

Нас ждет труднейший путь, нам предстоит глубокое переосмысление всего происшедшего за многие годы, накопившегося и вошедшего в нашу плоть и кровь. Нам необходимо пристальное изучение нашей Дороги и внимательная, непредвзятая, рассудочная оценка наших успехов и наших неудач и выросших на них пороках. Ни на минуту не забывая о том, что мы вступаем в последнее десятилетие XX века,

открывшего нам удивительные технические горизонты и почти ничего не добавившего в понимание человека по сравнению с тем, что уже знали Гоголь, Достоевский, Толстой. Но самое главное, отыскать именно ту Дорогу, которая необходима нам. И понять, что это на самом деле так! Что эта Дорога ведет именно туда, куда нам нужно.

* * *

Поиск будет трудным и долгим. Я не разделяю оптимизма ряда экономистов, которым кажется, что дело только лишь в систематическом использовании тех или иных экономических механизмов, таких, как хозрасчет, самофинансирование, введение более совершенных методов планирования. Эти меры необходимы, как и многое другое. Но будем говорить откровенно — нашей стране предстоит переход в качественно новое состояние, если угодно, в новую эпоху. А такие процессы не проходят за считанные годы. Они требуют нового восприятия окружающего мира и новой нравственности — я не побоюсь этого слова. Именно на этот трудный и долгий переход, требующий огромных усилий, и надо настраивать общество.

Мы создали индустриальную основу социализма, создали промышленного гиганта. Теперь необходимо, чтобы Человек мог всем воспользоваться в полной мере. А это невозможно, пока общество не освободится от всей скверны, которая, казаясь, лежала где-то на периферии, а на самом деле засекой легла на нашей столбовой дорожке. А для всего этого — я снова повторяю уже сказанную мысль — надо внимательно проследить не только хозяйственную, экономическую, но и духовную эволюцию общества. И здесь искусство, сама личность художника, его талант и ощущение реальности могут оказаться одной из важнейших опор перестройки. Во всяком случае, без вдумчивого талантливого искусства — литературы, кино, театра — вряд ли удастся разрушить пути послушничества и апатии и вернуть людям активное самосознание.

Искусство дает нам эмоциональную, нравственную опору происходящего, его моральную оценку и окраску. Может быть, сегодня это и есть самое главное: чтобы сдвинуть с места повозку, нужен порыв, взлет эмоциональности, общее напряжение. А дальше она покатится. Конечно, и тогда будет не проще, но усилия потребуются совсем другие — придется выбирать дорогу, видеть заранее рытвины и ухабы и искать способы как их обойти. Именно заранее — необходимо предвидение событий. А вот здесь нужна уже наука — без нее предвидение невозможно. Искусства теперь уже недостаточно. Но наука нужна тоже особая — не только умение решать отдельные сиюминутные задачи, что тоже надо, — а широкое видение перспективы и синтезирующие точки зрения. И не "вмороженность" человека в окружающий мир, в котором все происходит по воле законов, не зависящих от человека, как это видится физикам и естествоиспытателям. И не изучение процессов социальной, экономической природы, вырванных из контекста развивающегося мира, а их совместное бытие и развитие.

Диалектика, возникшая еще у древних греков, а затем развитая Гегелем, Марксом и Энгельсом, — гибкий и могучий инструмент, позволяющий увидеть целое как причудливое переплетение частных,

их противостояние, порождающее развитие. Много раз она уже служила нитью Ариадны в необъятных лабиринтах научного анализа. Может быть, и теперь она окажется способной предупредить людей о ждущих их извилинах Дороги в новом мире, столь непохожем на то, что он являл собой вчера. С его новыми законами, о которых мы можем пока только догадываться. В мире, который завтра будет также не похож на сегодняшний, как конец нынешнего века не схож с его началом.

Но одной диалектики мало — это всего лишь метод, способ анализа, а нужны конкретные знания, нужна некоторая общая научная позиция. Я не побоюсь сказать — позиция естествознателя, стремящегося увидеть мир “в целом”, пусть очень грубо, но увидеть единую картину развития. Не мир, космос без человека, не человека, оторванного от природы, а их единство и взаимосвязь. Без этой позиции понять процессы, происходящие в современном мире, вряд ли возможно. В самом деле, ведь человек со всеми его особенностями, с его разумом, способностью познавать самого себя и ощущать собственное “я”, изучать и изменять окружающий мир, человек с его общественным устройством не более чем естественный элемент всего остального мира. И еще раз: мы, люди, — естественная составляющая Вселенной, космоса, “естественным образом” возникающая в процессе его развития. Значит, человек также должен следовать неким общим законам развития материального мира. Его мысль, которая столь же материального происхождения, как и галактики, созвездия, амеба и вирусы, также должна вести нас по пути развития, разрешенному законами нашей Вселенной. Но на этом высшем, человеческом, уровне природа оставляет нам право выбора и средства, чтобы им воспользоваться.

Когда-то Маркс писал о том, что однажды настанет время, когда науки естественные и науки общественные сольются в единую науку о Человеке. К этому добавлю, что наука о Человеке превратится в науку о Природе, ибо ее будущность уже будет зависеть от Разума и Воли людей, которые сами являются порождением Природы, Вселенной.

Что же может дать подобная естественно-научная парадигма для всего того, ради чего пишется эта статья: для земных, мирских, сегодняшних дел?

Из этого следует, прежде всего, что необходимо искать эти общие законы, которым подчиняется развитие мертвого или, как говорил В.И. Вернадский, косного вещества, эволюция живого вещества и развитие общества. Искать, находить и следовать им, ибо при всем могуществе Разума и Воли людей, при той свободе выбора, которую нам дала эволюция, эти законы мы не можем преступать так же, как и законы физики, как закон сохранения массы, например. Как бы ни был велик человек, он никогда не превратится в джинна, которого однажды выпустил на свободу маленький оборванец из Басры. Попытка игнорировать эти законы может привести к бедствиям, к уродливым общественным структурам, к уходу со столбовой дороги в никуда не ведущие переулочки.

Действие одного из таких законов прослеживается и в развитии космоса, его созвездий и галактик и во всем живом мире, в том числе и обществе. Этот закон говорит о том, что в процессе развития происходит непрерывное усложнение организации материи и рост разнообразия ее организационных структур. В биологии этот закон носит название

принципа цефализации: в процессе эволюции живого вещества появляются существа все более и более сложно организованные. И одновременно растет разнообразие организмов и их свойств. Такая особенность эволюционного процесса обеспечивает стабильность жизни на нашей планете. Этот факт носит название закона Фишера. Развитие планет и ближнего космоса из облака протопланетного вещества проявляет такие же свойства.

Если мы окинем взглядом историю становления человека и его общественной организации, то опять увидим то же самое. Происходит не только непрерывное усложнение организации человеческого общества, характера и условий его жизни, но и рост разнообразия тех общественных структур, в рамках которых протекает жизнь человека. Эти явления происходят не только внутри отдельных формаций, хотя, конечно, бывают и периоды застоя, которые неизбежно сопровождаются деградацией общества. Они наиболее ярко проявляются при смене формаций. Капитализм организован уже гораздо сложнее феодализма. А организация социалистического общества, следует ожидать, будет значительно более сложной, чем организация общества "свободного предпринимательства". И можно думать, что разнообразие различных общественных структур при социализме многократно возрастет.

Вот почему стремление к унификации, которое так характерно для мышления и действий чиновника, мне представляется опасным и пагубным. Мы должны быть настроены на неизбежность многообразия форм общественного бытия, исповедующего великие принципы социализма. И социализм в Китае будет совсем не похож на социализм в Советском Союзе, а тем более в ГДР или Венгрии. Да и внутри страны один шаблон, один аршин вряд ли окажется пригодным. Те общественные структуры, те экономические механизмы, которые хороши для Прибалтики, могут оказаться недостаточно эффективными для Центральной России и совсем малопригодными для Средней Азии. Эта та реальность, с которой мы уже сегодня имеем дело. Множественность культур, традиций, условий обитания требуют и разнообразия форм общественной организации, в рамках одной и той же социалистической системы.

Значит, Дорога, которую мы ищем, — это не единая десятиполосная автострада. Это множество тропинок, сливающихся, разветвляющихся, пересекающих друг друга, тропинок, идущих в одном направлении, следующих общим ориентиром, которые будут неоднократно уточняться. И грандиозную задачу — задачу революционной перестройки, начавшейся в нашей стране, я вижу не в попытках построения некоторого нового унифицированного шаблона, а в поисках направления к Храму, в том, чтобы увидеть, где Север, а где Юг. А все детали люди должны искать сами. Как в альпинизме, когда связки преодолевают стену. Они все идут вверх, но каждая сама по себе выбирает точки и трещины, куда следует забивать страховочные крюки.

II

Мне лично в чем-то по-настоящему "повезло": я принадлежу к тому поколению, которое, несмотря на тяготы своей судьбы, всегда верило в то, что оно идет по Дороге к Храму, и до сих пор сохранило большую

долю оптимизма. Я плохо помню времена военного коммунизма, но отчетливо помню голод начала 30-х годов, когда приходилось простаивать часами в очереди для того, чтобы получить 200 граммов черного хлеба — наш ежедневный паек. Я помню, как меня и нескольких моих товарищей по школе не приняли в комсомол, а кое-кого и исключили из него по причинам, которые тогда были обычными. Но одновременно я вспоминаю и то, что мы все как один записались в агитбригаду, которая уезжала на Тамбовщину в период коллективизации. А ведь тогда там постреливали. И в нас тоже. А во время войны каждый из нас, тогдашних изгоев, произносил: “За Родину, за Сталина” не только во имя преданности своему Отечеству, но и с глубокой убежденностью и верой в Дорогу.

Все невзгоды и беды, все несправедливости тех времен мы принимали как должное, как неизбежные издержки в поисках Дороги — ведь мы были первопроходцами. Но кругом, как нас убеждали, были одни враги, да внутри их было немало. Мы в это верили и этим жили. Феномен состоял в том, что все подобные аргументы нам казались абсолютно убедительными: не может же быть все гладко в осажденной крепости с пятой колонной внутри! Нам, то есть людям моего поколения, не только рожденного в эпоху Октября, но и воспитанного на его лозунгах, бывало нередко и грустно, и больно, а порой и просто страшно. И тем не менее мы почти все оправдывали и даже прощали. Прозрение началось позднее. Я думаю, что оно связано с концом 40-х годов, когда снова начались репрессии и опять заговорили языком тридцатых годов, после сессии ВАСХНИЛа, после объявления кибернетики лженаукой... У всех или почти у всех невольно возникал вопрос — а как же так, почему такое недоверие к нам, к народу-победителю? Это недоверие казалось невероятным. И простить его мы уже не могли.

Вот почему в нашей жизни такую огромную роль сыграл XX съезд партии. Сколько энтузиазма и надежд он породил — сейчас это даже трудно себе представить! Мы опять начали обретать веру в то, что страна снова начала выходить на Дорогу, ту самую, необходимую нам и потерянную в эпоху, которую тогда называли периодом культа личности.

В 1956 году мне было 39 лет. За спиной была не только война, но уже и годы большой напряженной работы. Был уже накоплен немалый жизненный опыт. Но я и все мои сверстники, а тем более молодежь, затаив дыхание, ждали и надеялись — вот-вот нас сейчас призовут, как призывали в 41-м.

Но этого не случилось.

Конечно, людские судьбы разные. Многие из моих сверстников, и я в том числе, сделали участниками ряда важных технических проектов, реализованных в 50-е и 60-е годы. И тем не менее наши возможности и наша энергия были использованы далеко не в полной мере.

А затем начались, как их принято теперь называть, годы застоя. Я думаю, что со временем этому периоду найдут более точное и сильное название.

И тем не менее вера в Дорогу все-таки полностью не пропадала — она как-то теплилась. Несмотря на то что мы видели, как постепенно угасали порывы, позволившие народу совершить, казалось бы, невозможное, как постепенно из каких-то неандертальских глубин на по-

верхность общественной жизни стали вылезать всякие мерзости — низкопоклонство, коррупция, пьянство, бездумность, трусость... Несмотря ни на что, мы не потеряли Веры.

Вот почему поколения, разбуженные XX съездом, с таким энтузиазмом восприняли XXVII съезд и перестройку. И не просто с энтузиазмом, а как нечто, что не могло не произойти.

Перестройка — дело народное. И она не может быть нам дана только сверху. Перестройка должна быть результатом коллективного творчества и коллективных усилий. Только опираясь на них, можно говорить о ее необратимости. Но творчество масс необходимо требует опоры — опоры на глубокий и всесторонний анализ обстановки в обществе, экономике и путей ее возможного развития, на преодоление стандартов мышления и новое видение современного мира, столь непохожего на тот, который был еще несколько десятилетий тому назад.

III

Тревожные признаки апатии к работе, политике, потери инициативы, а тем более “гражданской мысли” можно обнаружить повсюду. В газетах часто приводят примеры растущей небрежности при выполнении технологических операций: все труднее, оказывается, обеспечить требуемый уровень качества выпускаемых изделий. Принципы “тяп-ляп” или “кое-как” проникают во все более и более опасные горизонты. Все меньше становится настоящих мастеров. Мы серьезно сдали в технологии, особенно в наиболее сложных современных ее видах.

Это лишь частное проявление некоторых общих процессов, протекающих в производстве, общественной жизни и интеллектуальной сфере. Их корни были заложены еще в конце 20-х — начале 30-х годов, когда начала устанавливаться та форма хозяйствования, которую сейчас принято называть командной экономикой. Она сейчас широко обсуждается, ее особенности, ее экономические и производственные следствия достаточно хорошо известны. Но становление командной или, лучше сказать, “казарменной экономики” обрело и далеко ведущие нравственно-растлевающие метастазы. Произошла канонизация принципа “начальству виднее”. И этот принцип утвердился не только в экономике: он проник во все поры общественной и интеллектуальной жизни людей, железным обручем стягивая инициативу, волю и талант во всех сферах деятельности и мысли, без исключения.

Выработалась четкая позиция — проявлять инициативу (точнее, инициативу, не санкционированную или не приказанную сверху) опасно — по-настоящему опасно! А если она к тому же преследует какие-то свои интересы — и не дай бог материальные, даже не для себя, а своего коллектива, — то последствия могут быть совершенно трагическими, какую бы пользу эта инициатива ни приносила Державе. Сколько таких случаев описано теперь в газетах и журналах. Таким образом, проявление инициативы в условиях командной экономики, когда человек служит не Делу, а персоне, превращает его в существо очень уязвимое.

Но деятельность человека, это говорил еще Маркс, всегда связана с теми или иными из его интересов — этот тезис стал теперь уже аксиомой! Значит, принимая принцип “начальству виднее”, он также обеспе-

чивает свои определенные интересы — свою стабильность, свое положение в обществе — свой гомеостаз, как говорят биологи. Командная экономика в итоге приводит не к отказу от своих интересов в угоду высоких общегосударственных целей, как иногда принято думать, а формирует специфические интересы и, следовательно, такое поведение людей, которое обеспечивает стабильность не только их самих, но и всей системы, породившей эти интересы. Вот почему сейчас речь должна идти не столько о перестройке отдельных частных, а о соответствии — и следовательно, перестройке — тех “правил игры”, которые существуют в стране, тем целям, которые ставит развитие социалистического государства, объективной необходимости этого процесса.

Сознание человека очень консервативно. И если однажды он усвоит “что такое хорошо, а что такое плохо”, то эта оценка будет жить с ним очень долго, порой всю жизнь. И даже во вред самому человеку. Вот почему перестройке мешают не только “правила игры”, утвердившиеся в предшествующие десятилетия, но и сознание людей, которое было ими воспитано.

Не годы, а многие десятилетия наши мысли были как бы спрессованы догматизмом. Мы все время оглядывались, даже в науке, даже в технике: “начальству виднее”! Мы утратили свободу духа. А без нее перестройке, настоящей революционной перестройке, о которой говорит партия, — не произойти.

Обретенная свобода духа и мысли пошатнет, конечно, позиции большого круга людей, поставит многое привычное и, казалось бы, азбучное под сомнение. Сначала это обретение будет напоминать болезнь, будет много ошибок и неудач. Но она как воздух нужна Державе нашей, всем народам нашей великой страны. Без нее невозможно найти Дорогу.

IV

Перестройка диктуется необходимостью соответствия состояния нашей страны и общества тем внешним обстоятельствам, которые складываются на планете. Прежде всего изменением уровня производительных сил, развитием научно-технического прогресса в самом широком смысле этого слова, изменением внешнеполитической обстановки, нарастающим экологическим кризисом и т.д. и т.п. Рассогласование, которое накапливалось за последние десятилетия, требует не “косметических улучшений”, а коренной революционной перестройки во всех сферах деятельности нашего государства и общества. И в экономической, и в политической, и прежде всего в организационной. Социализм надо проектировать, конструировать, создавать! И все время целенаправленно совершенствовать. Само по себе ничего путного не сложится. Об этом говорит опыт “самотека” последних десятилетий.

В этих условиях понять место науки в происходящей перестройке, ее ответственность за происходящее чрезвычайно важно. Это одна из насущных задач современности. И не только современности. Мне представляется, что все дальнейшее развитие общества должно происходить под знаком все возрастающей роли науки в жизни людей и их общественной организации. Эпоха, в которую мы вступаем или, лучше сказать,

которая нас ожидает, естественно назвать, следуя В.И. Вернадскому, эпохой ноосферы, она и потребует целенаправленного развития не только экономического, организационного, но и нравственного начала.

Попробуем сформулировать ту научную проблему перестройки, которая сегодня, может быть, является центральной: а какова должна быть организационная структура социалистического государства, именуемого Советский Союз? Именно сегодня. Не завтра и не послезавтра, ибо завтра не будет похоже на сегодня и потребует нового поиска, новой перестройки в новых условиях. И не социалистического государства вообще, а именно Советского Союза. В других странах социализма другие условия, другая экономическая и социальная обстановка, другие традиции, другая структура национальных отношений и т.д. Там тоже, наверное, потребует свой поиск, своя перестройка. Социализм — это вечный поиск, но поиск с открытыми глазами. Не стихийное развитие противоборствующих сил, а ясное понимание сути путей и их горизонтов. Без научного анализа это невозможно! В этом и состоит планомерность и, если угодно, "закон планомерности развития социалистического общества".

К сожалению, наука не сказала еще своего слова, и в оценках сегодняшнего дня и путей дальнейшего развития мы чаще всего продолжаем мыслить категориями начала века двадцатого. А мир за это время неузнаваемо изменился. И надо быть честным, во всяком случае перед самим собой, во многом приходится начинать заново и привычная манера рассуждений порой просто опасна. Так с чего же начинать?

Мы — марксисты, а марксистская классика нам дала в руки удивительный инструмент исследования общественных явлений — марксистскую диалектику. Так давайте же следовать ее логике. А она ясно указывает, чему следует быть началом, — анализу противоречий, существующих в обществе. А они неузнаваемо изменились не только за последние 70 лет, но и за послевоенные десятилетия.

Произошла не консолидация, а расслоение общества, породившая множественность интересов, целей, стремлений. Изучение содержания этих процессов, формирующих новые и усложняющих старые внутренние противоречия общества, — одна из важнейших задач общественных наук. Так же как и проблема девальвации ценностей и потеря веры в слова, которые приводят к духовному разложению, а порой и к предательству.

Но за последнее время все большее значение приобретает новый вид противоречий, который относительно недавно не играл заметной роли — противоречие между Природой и Человеком. Этот вид противоречий ранее не изучался специалистами-обществоведами. Если им и занимались, то только естествоиспытатели. Но теперь появилась проблема выживания рода человеческого. И многие привычные вопросы она переводит в совершенно новую плоскость. И традиционные подходы для ее решения непригодны. Заметим прежде всего, что эта проблема — общая для всех живущих на Земле, для всех стран и континентов, для всех классов, и капиталистов и рабочих, для всех государств, развитых и развивающихся, стран, идущих по социалистическому пути и стоящих на позиции свободного предпринимательства. Эти обстоятельства говорят о том, что у всех жителей нашей планеты появился некий общий интерес, некая общая цель. Постепенно возникает некая общепланет-

тарная общность. А это означает в свою очередь, что противоречия перестали быть строго антагонистическими: в интересах и целях людей возникла некоторая общая составляющая. В этом случае, как учит наука, разрешение противоречий можно искать, идя по пути компромиссов. Это ли не ведущая позиция нового мышления! И с высоты этой позиции просматриваются совершенно новые горизонты, о которых ранее даже не подозревали.

По существу, сейчас рождается новая "парадигма существования" на нашей "грешной планете". Постепенно внешние обстоятельства, порожденные научно-техническим прогрессом и стремительным ростом могущества цивилизации, заставляют понять неизбежность и новой организации общества, т.е. нового характера взаимоотношения между государствами, отдельными группами людей, и возникновения новых ценностных шкал. И в этом мировом процессе наши внутренние процессы перестройки играют сейчас едва ли не ведущую роль. От того, как скоро мы найдем собственную дорогу, в огромной степени зависит и судьба человечества в целом. У меня сложилось такое впечатление, что, не говоря об этом прямо, наших решений и их результатов ждут сейчас во всем мире. Волей истории наша перестройка оказалась в авангарде перестройки общепланетарной.

Как важно, чтобы все мы почувствовали эту ответственность и значение тех процессов, участниками и творцами которых мы являемся.

V

Наука, современный научный марксистский анализ состояния нашего общества как никогда нужны именно сегодня, на начальном этапе трудного и длительного переходного пути, на который, как мы все надеемся, необратимо вышла наша страна. Но, к сожалению, экономическая наука — а именно она, главным образом, и занята научными проблемами перестройки — оставляет в стороне ряд фундаментальных вопросов. И настоящих дискуссий среди экономистов, в том смысле как они понимаются в естественных науках, почти не возникает. А они совершенно необходимы: труднейшие проблемы выхода нашего общества в новое состояние требуют опоры на весь интеллектуальный потенциал страны.

Нельзя сказать, что дискуссий нет вообще. Порой публикуются очень острые статьи. Но они в большинстве своем напоминают кавалерийскую атаку, в то время когда нужна медленная и систематическая осада. Многие из них содержат лишь констатацию негативных сторон нашей действительности без попытки серьезного анализа истоков тех или других пороков нашего общества. И при этом забывается порой главное — нам надо искать Дорогу. Множатся попытки давать универсальные рецепты, а я убежден, что их не существует! В этой статье я не собирався давать критический анализ существующим экономическим концепциям, но об одном достаточно распространенном заблуждении я бы хотел высказать свою точку зрения.

В последнее время в газетах, журналах, в научных и публицистических статьях много внимания уделяется проблемам рыночного спо-

соба распределения и рынку как важнейшему регулятору процессов, протекающих в экономической сфере. Создается впечатление, что авторы подобных статей рассматривают рынок как некую панацею. В подобных работах порой содержатся интересные и свежие мысли, но в целом, как мне кажется, такие статьи грешат отсутствием системности, как теперь принято говорить, и не учитывают некоторых общих тенденций развития общества, его экономики, его "бытия". Мне слышатся в них и призывы возврата к нэпу 20-х годов.

Новая экономическая политика была гениальным изобретением Ленина и партии. Может быть, одной из наших многочисленных трагедий был отказ от нэпа в преддверии 30-х годов и неприятие его Сталиным (вспомним его слова: "На кой черт нам сегодня нэп?"), хотя существует и целый ряд очень серьезных соображений, которые обосновывают необходимость введения в эпоху первых пятилеток более глубокой централизации в управлении народным хозяйством и невозможности сохранения нэпа в его первоизданном виде.

Целый ряд идей нэпа, конечно, может быть использован и сегодня. Во всяком случае, знание его природы, движущих сил и организационных структур — основу его успеха — во многом облегчит нам поиск новых форм общественной и производственной жизни. Но от этой эпохи нас отделяет 60 лет, т.е. два поколения наших граждан выросли, возмужали, перенесли невероятные тяготы нашей истории и ... приспособились к правилам и стандартам жизни, характер которых начал формироваться еще в эпоху первых пятилеток, в период коллективизации, когда нас начали приучать к мысли о том, что все решения принимаются без нашего участия. Возврата к тому нэпу 20-х годов быть уже не может. И не только потому, что история никогда не идет вспять. Есть гораздо более глубокие причины, связанные с тем, что за многие десятилетия, которые прошли с тех пор, неизменно изменилось общество, его социальная структура. Стали иными и шкалы ценностей, а кризисные явления конца 80-х совсем не похожи на кризис начала 20-х, потребовавший введения нэпа. Обсудим некоторые из этих причин.

Я отчетливо помню переход от голодных лет военного коммунизма к "нэповской" сытости. Это был невероятный прыжок, осуществленный всего за два года.

Почему?

Да потому, что в силе был русский мужик! Другими словами, крестьянин, получивший землю из рук советской власти и впервые почувствовавший себя настоящим хозяином. И не просто хозяином, а увидевшим перспективу своего обогащения, то есть лучшей жизни для себя и своих детей. И сто миллионов крестьян начали работать. Так, как они никогда до этого не работали! На своей земле, для себя и для страны своей. Кое-кто богател. Кое-кто разорялся.

И хозрасчет работал, и кооперация тоже. Были люди, которые умели хозяйствовать в условиях рыночной экономики. Было много энергичных, оборотистых, инициативных, не боящихся риска, хватких людей. Это ведь тоже своеобразная культура, которой они обладали, и возникает она не враз. Где они теперь?

Десятилетия командной, по глубинной сути "казарменной", экономики, воспитание представлений о том, что существует тот, который там все знает, годы воспитания психологии "винтиков" даром не про-

шли — они свое дело сделали. В винтики, правда, большинство из нас не превратились, но и работать по-настоящему большинство разучились. И родились какие-то — черт его знает какие — “мировосприятия”.

Жить-то можно и так — не надрываясь, рассуждают сейчас многие. Как бы ни сложна была жизнь, никогда в истории нашей страны народ в среднем не жил так хорошо, как теперь, — голода не бывает, государство не допустит. Жиров и углеводов, да и белков тоже в среднем хватает. Жизненной необходимости “вкалывать, надрываться, изобретать” — нет! Да и зачем — ведь и так живем. А привычки такой, чтобы сызмальства быть нацеленным на самостоятельность, инициативу, мастерскую работу, тоже уже нет. Ведь и отцы, а может, и деды уже так работали! А о том, что можно жить как-то иначе, знают лишь понаслышке.

Вот она — первая трудность. Введем хозрасчет, будет самофинансирование, свободный рынок, кооперация... А много ли таких, которые захотят и смогут всем этим воспользоваться, захотят самостоятельности, права на риск? Будут, конечно. Будут. Но не много.

Все, что обдуманно сейчас и уже предложено, делать надо! Здесь нет сомнений. Но ожидать быстрого эффекта “раскрепощения” нельзя. Вспомним Некрасова: “Разорвалась цепь великая, одним концом по барину, другим по мужику”. Далеко не сразу люди начинают понимать свою выгоду и видеть перспективу. Сознание, как говорит философия, — категория вторичная. Это, конечно, верно. Но ведь требуется время и время, чтобы сознание пришло в соответствие с бытием, чтобы осознать и оценить новое, входящее в нашу жизнь, возродить утраченные навыки, понять, что и как надо делать.

Нет, я отнюдь не пессимист! Я верю, что все войдет в нужное русло и потенциал народа раскроется полностью. Но не должно быть и иллюзий — предстоит долгий и трудный переходный процесс перестройки. На это, на трудную работу, и должен быть настроен народ. И разочарования здесь недопустимы! Нас, я думаю, ожидает не возвращение к ленинскому нэпу, а изобретение новых форм, открывающих простор человеческой энергии, форм, соответствующих современному состоянию экономики, социальной природе общества и нравственным установкам складывающегося социалистического общества.

Вторая ошибка, которую допускают некоторые экономисты, — внушение нам представлений, будто рыночная экономика решит все проблемы дальнейшего развития. Такое суждение, если оно будет проведено в жизнь, может иметь трагические последствия, ибо противоречит основным тенденциям развития мирового экономического процесса, характеру производственной деятельности и общим условиям жизни человека в конце второго тысячелетия. Еще Маркс говорил о неизбежной концентрации производства, что уже само по себе влечет деформацию рыночного способа распределения.

Процесс концентрации, начавшийся еще в прошлом веке, стремительно развивался в веке нынешнем. Многократно — на несколько порядков, как говорят физики, — возросли все внутренние связи и сложность экономических организмов. Планирование постепенно становится жизненной необходимостью независимо от природы производственных отношений. Проблемы планирования для капиталистического монополизированного хозяйства не менее актуальны, чем для нас. Конечно, масштабы планирования и технология планирования у нас разные.

Да и цели другие. Правда, утверждать, что эффективность нашего планирования более высокая, я бы ни в коем случае не осмелился. Но об этом чуть позднее.

Развитие планового начала, расширение "зоны планомерности" происходит сейчас во всех развитых капиталистических странах. Тот классический рынок викторианской эпохи, рынок, который изучали и фетишизировали отцы неоклассицизма Вальрас, Бём-Баверк, Кларк и многие другие, уже просто не существует. Его уже нет и в капиталистическом мире, а тем более его нет у нас и не может быть в мире социалистическом. Рассматривать в конце XX века рыночные отношения как панацею от застоя и локомотив экономики — это значит смотреть назад. Да, Ленин не раз говорил о необходимости восстановления рыночных отношений, разрушенных военным коммунизмом. Обосновывая этот тезис, он говорил о патриархальной дикости деревни, неразвитости товарно-денежных отношений, тормозящих превращение Страны Советов в промышленное государство. Теперь в стране совершенно другая ситуация и планомерность нашего народного хозяйства — наше величайшее завоевание. Другое дело, что мы не умеем это хорошо делать. Но это означает лишь то, что плановость надо совершенствовать, улучшать, придавать ей новое звучание, отвечающее эпохе. Но и мыслить развитие социалистической экономики, особенно экономики такой грандиозной страны, как Советский Союз, вне руслу планоности недопустимо. Это противоречит всем представлениям экономической науки о тенденциях развития производственной деятельности.

Так что же? Нужен ли рынок социалистической экономике? Ответ однозначен: да, нужен! А как же совместить рыночные отношения с планомерностью? Вот это и есть "проблема проблем", которую пока ни капиталистическая, ни социалистическая формы хозяйствования удовлетворительно решить не могли, хотя для этого прилагались усилия.

VI

По моему глубокому убеждению, в данном случае постановка вопроса "или—или" не верна в принципе. Надо "и—и". И плановое начало, и рыночный механизм — необходимые составляющие рациональной организации современного общества.

Роль планомерности, планового начала непрерывно возрастает во всем мире по мере роста концентрации производства и его сложности. Это общий закон: если объем информации, необходимый для выполнения тех или иных целенаправленных действий, достигает некоторого порога, то стержнем дальнейшего развития становится плановое начало — планы, программы. Первыми это поняли, вероятно, военные. Затем в сфере планирования оказалась энергетика. Наконец стала понятной возможность в рамках чисто рыночных отношений создавать материальные объекты, требующие больших затрат и многих лет работы. Роль заказов государства в экономике развитых капиталистических стран также стала быстро возрастать. Госзаказ невозможен без планирования в той или иной форме. У капиталистического государства появились новые функции регулирования и воздействия на экономику для направления ее развития в нужную сторону. Госзаказ в развитых странах

становится не только важным регулятором промышленного развития, но и реализует определенные функции общегосударственного планирования.

К тому же в последние десятилетия развитие цивилизации столкнулось еще с одной трудностью, роль которой не просто возрастает, но и грозит стать определяющей уже в начале следующего века. Это то, что называется экологическим кризисом (я предпочитаю употреблять термин "экологический императив"). Становится все более очевидным, что в деятельности человека существуют такие пределы, преступать которые он не может ни при каких обстоятельствах. Это не только войны с современным оружием, которые грозят человеческому роду полным уничтожением, но и различного вида загрязнения, уменьшение озонового слоя, воздействия на генетическую природу человека и т.д. В этих условиях дальнейшее развитие человеческого общества требует определенной "направленности", что невозможно вне планового начала (я не случайно избегаю термина "планирование", который приобрел у нас очень узкий смысл).

Итак, плановое начало в экономике, в социальном развитии, в регулировании человеческой активности постепенно становится одним из важнейших атрибутов современной цивилизации. Оно необходимо любой социальной системе. В разной степени, по-разному, но любой!

Плановость, особенно плановость в масштабах страны, требует определенного уровня централизации экономики и системы выработки и обеспечения выполнения плана. А это в свою очередь невозможно без аппарата управления, т.е. возникновения некоторой бюрократической системы.

Замечу, что слово бюрократ само по себе не должно еще вызывать отрицательных эмоций: порядок нужен всюду. Но существует некоторая степень централизации, перешагнув через которую бюрократия превращается в негативное социальное явление. Аппарат управления перерождается в своеобразный "класс": возникает большая общественная прослойка людей, для которых обеспечение Дела, для чего и возникла эта прослойка, заменяет само Дело. И она постепенно обретает могущество безмерное, основанное на консолидации общих для нее интересов, далеко не всякий раз связанных с Делом. А поскольку материальные ресурсы и вся всенародная собственность сосредоточены в ее руках, то она сама для себя создает многочисленные привилегии, постепенно непроходимой стеной отгораживаясь от народа. Возникает чрезвычайно устойчивая Административная Система, — как ее определил наш экономист Г.Х. Попов, — внутри которой не рождается стимулов к совершенствованию во имя Дела, а лишь в угоду собственной стабильности и благополучию. Я называю ее "ватным" слоем, который почти невозможно поколебать снизу и, наверное, очень трудно расшевелить сверху. Созданная для обеспечения общегосударственных, общенародных целей, Административная Система, достигнув определенного уровня, начинает развиваться лишь во имя обеспечения собственной стабильности. Эта эволюция носит стихийный характер и является проявлением общих закономерностей, присущих любой организационной системе. Вот почему так необходимо непрерывное управление самим аппаратом управления и его совершенствование, почему так важно поддерживать достаточно высокую степень децентрализации управления и, конечно,

высокий уровень демократизации всех общественных институтов — важнейший заслон против превращения аппарата управления в “социальное явление бюрократии”.

Итак, без системы планирования и достаточно высокого уровня централизации управления я не могу представить себе будущее социалистического общества. Только такая система способна в наш трудный век обеспечить необходимое участие науки в выборе путей дальнейшего развития. Но использовать этот инструмент надо крайне осмотрительно. Неумелое планирование и чрезмерная централизация может легко выхолостить демократическую сущность социализма, сковать талантливость народа и утвердить принцип “не волновать неприказанной инициативой”, что эквивалентно более или менее быстрой деградации общества.

Ну а теперь — о рынке.

В теории управления существует так называемая теорема Эшби. Она утверждает, что система управления должна быть не менее сложна, чем сам объект управления. Я не буду уточнять это утверждение, надеясь, что оно интуитивно понятно и так. Применяя его к проблемам управления экономикой, мы неизбежно приходим к выводу о том, что та система, которая предназначена для ее управления, должна быть не менее сложной, чем сама экономика со всем ее грандиозным масштабом, связями между людьми, техникой, ресурсами... Ко всему этому следует добавить, что с ростом сложности управляющей системы растет и количество ошибок, которые надо обнаружить и исправить.

Сказанное приводит нас к пониманию того, что глубина управления экономикой, степень детализации управляющих команд должна быть ограниченной и соизмеримой с реальной сложностью системы управления. В достаточно сложной экономической системе неизбежно возникает и необходимость иерархии управления со своими специальными управляющими механизмами. Наука об управлении уже много лет всем этим занимается, но, увы, результаты подобных исследований остаются на полках. Управленцы и экономисты о них почти ничего не знают.

Итак, в масштабах государства эффективным может быть лишь то управление, которое оперирует интегральными показателями, так сказать, рисует картину грубыми мазками, дает перспективу, определяет стратегию — распределение инвестиций, структуру бюджета, назначение основных государственных программ. Вся же тактическая сторона управления должна ложиться на плечи нижних звеньев достаточной степени децентрализованной хозяйственной иерархии. Насколько я понимаю, Госплан при его создании был и задуман именно таким стратегическим штабом. Именно так, как учит сегодня управленческая наука, хотя вряд ли кто знал в те годы, что появится теорема Эшби и теория иерархических систем управления.

Но в теории управления есть еще одно важное утверждение — если управляемая система является стохастической, т.е. подверженной действию случайных факторов, то и регулятор, обеспечивающий стабильность ее функционирования, должен также быть способным к выработке случайных воздействий на систему, связанных со случайными внешними возмущениями. Вот таким механизмом и является рынок.

Рынок (и деньги — без них и рынок не рынок) — это удивительное изобретение человека. Все началось с простого обмена, но когда появились деньги, этот всеобщий измеритель, то обмен начал быстро разви-

ваться и к XIX в. он превратился в настоящий Рынок — с большой буквы, на котором, как это и не звучит грубо, все продается и все покупается. Рынок — категория историческая, и его характер непрерывно меняется — об этом я уже говорил.

Основная особенность рынка — он облегчает проявление закона стоимости. Труд — высшая ценность Человека, это ему он обязан своим становлением, возникновением общества, его прогрессу и его будущему. Оценка человека по труду — это высшее проявление социальной справедливости, великий принцип социализма. Так вот, с помощью денег, конечно, рынок стремится приблизить цены к затратам общественно необходимого труда, затрачиваемого на производство товара. Точнее: он рождает обратные связи, которые выравнивают цены в соответствии с затратами труда. И наконец, что не менее важно, — обратные связи, формируемые рынком, увязывают спрос и предложения, объективно содействуя удовлетворению потребностей и уменьшению дефицита.

Однако нельзя не видеть и многих отрицательных сторон рыночного способа распределения. Рынок не учитывает часто специфические общегосударственные задачи, в решении которых нуждается все общество в целом. Рынок, в частности, рождает мафию и коррупцию, он создает весьма удобренную почву для произрастания различных злоупотреблений. Ну, а где они не возникают? Разве в госторговле их меньше?! Не запрещение рынка, не отказ от его услуг, необходимых государству и народу, а поиск мер, препятствующих распространению скверны! А одна из таких мер, которая не менее важна, чем правовые действия Советской власти, — это демократизация и, конечно, ее фундамент: гласность.

Но рынок — это все же стихия: с помощью рынка план ГОЗПРО не реализуешь. Вот почему и на рынок нужна определенная управа. Выполняя важнейшие общественные функции, он отнюдь не независим от государства, от промышленности и крупного товарного производства. Существует много рычагов, с помощью которых можно управлять рынком, активно воздействовать на процессы, которые он порождает. Только пользоваться этими рычагами надо с умом и осторожно.

VII

Эта статья — не исследование по политической экономии, а всего лишь заметки, попытка дать эскиз тех трудностей, через которые должна будет перешагнуть перестройка. И среди них проблема преодоления противоречий между планом и рынком едва ли не важнейшая. При этом неизбежно возникает вопрос: а возможно ли это в принципе? Попробую высказать по этому поводу некоторые положительные суждения.

Прежде всего я глубоко убежден, что в рамках существующей ведомственной структуры и пирамиды единоначалия решить проблему включения рынка в плановую экономику, а значит, снова выйти на Дорогу нам не удастся — все со временем вернется на круги своя. Необходимо коренным образом сломать систему хозяйственных монополий, порождающих бюрократизм как социальное явление, мешающее проявлению любой инициативы и самостоятельности. Но есть ли альтернатива этой системе в рамках социалистического способа производства?

В начале 60-х годов, в период увлечения идеями оптимального планирования, целый ряд специалистов, которые относились критически к этому увлечению, стал изучать историю 20-х годов, когда после окончания гражданской войны начал создаваться новый хозяйственный организм нашей страны. И нас всех поразила тогда стройность и логичность организации управления государственной промышленностью и главное, что определило "феномен советской власти" — сочетание разработки перспективных, стратегических принципов с текущим управлением. Вот тогда-то, в 60-х годах, в нашей стране и возник термин "программное управление", так по-настоящему и не усвоенный большинством экономистов, спустивших его в русло бюрократического бумаготворчества.

Исходные положения этого метода, а лучше сказать, концепции народохозяйственного управления — очень просты. Цель управления любой общественной системой — это всегда некоторая доктрина. В нашей стране она вырабатывается партией — это ее программа, решения ее съездов. Хозяйственный механизм должен быть так устроен, чтобы при всей сложности человеческих отношений и различий интересов он должен быть способен реализовать программные установки партийных съездов. Поэтому сам метод управления получил название программного. При разработке его принципов перед учеными все время был пример того, как наша партия решала управленческие проблемы 20-х годов. Генеральная цель была поставлена: восстановление народного хозяйства. И не просто восстановление, но и создание плацдарма для следующего этапа — индустриализации страны. Вот тогда-то и появился план ГОЭЛРО — создание крупных районных электроцентралей. Не восстановление мелких электростанций, принадлежащих отдельным предприятиям и городам, а реализация принципиально новой концепции электроснабжения, основанной на системе крупных электроцентралей, обладающих резервными мощностями и способными сделаться в будущем узлами единой энергосистемы. Такого решения "просвещенные страны" еще не знали. Крупные энергосистемы на Западе стали возникать позднее не без влияния нашего опыта. Без плана ГОЭЛРО не было бы ни первой пятилетки, ни последующей индустриализации 30-х годов.

Итак, еще в конце гражданской войны партией были сформулированы основные программные установки, т.е. цели дальнейшего послевоенного развития страны. Затем на их основе силами наших лучших специалистов были разработаны принципы их реализации и основные хозяйственные мероприятия, т.е. способы использования ресурсов страны, необходимые для обеспечения поставленных целей. И наконец была создана организационная структура, способная реализовать намеченные мероприятия. Эту структуру можно коротко описать следующей формулой: ВСНХ — синдикаты.

Конечно, с тех пор утекло много воды и, наверное, многое должно быть устроено иначе. Но главные звенья этой системы сохраняют, по моему глубокому убеждению, свою силу и сегодня: цель — план — механизм реализации.

Выработка целей — назовем их генеральными целями страны, как и раньше, — прерогатива съездов партии. Организационная структура должна быть им подчинена — хозяйственный организм страны должен быть способным их реализовать. Когда цели поставлены, то, согласно

принципам теории управления, наступает этап выработки программы такого использования ресурсов, которое обеспечивает их достижение. Как при запуске очередного космического корабля: цель — стыковка на орбите. Она задается, а вот как использовать энергетику ракеты, как спроектировать программную траекторию движения к этой цели — это уже должны делать специалисты. Вот так же происходило и в 20-х годах.

Но теперь все стало значительно сложнее. В начале нэпа была одна единственная программа — план ГОЭЛРО. Теперь страна нуждается в целом ряде крупных общегосударственных программ. И все они должны черпать ресурс из одного источника. И надо уметь правильно разделить этот ресурс между всеми программами. Подчеркну, не между ведомствами, как это делается сейчас, а между программами!

Эти программы и есть стратегия народного хозяйства и социального развития страны. Вспомним, что именно для разработки подобных стратегий и был создан Госплан. Его первая большая работа — план ГОЭЛРО. Функции Госплана тех времен были не очень похожи на сегодняшние. Тогда он напоминал, скорее всего, научную организацию, обладающую известными законодательными правами. Бюрократический элемент в нем был минимален. В самом деле, и разработчиком всех планов и их заказчиком был сам Госплан. Да и во главе его стоял тогда не только крупный деятель партии, но и крупнейший ученый-специалист в области энергетики Г.М. Кржижановский. Замечу, что в его руках было тогда не только планирование программ развития, но и их обеспечение ресурсами: планирование и снабжение не были тогда разорваны, как сейчас.

В те первые годы Госплан не занимался планированием отдельных частных — речь шла о вехах. С точки зрения теории управления только так и надо было поступать. Я уже говорил о том, что сама по себе централизованная система управления в принципе не может обеспечить качество управления, если начнет заниматься деталями. Госплан в те времена был главным штабом ВСНХ — Всесоюзного совета народного хозяйства. И как всякий штаб, он определял лишь основные направления деятельности, оставляя детали нижним звеньям управленческой иерархии. Его задачей было реализовать баланс, определять стратегию капиталовложений, их распределение по программам... Одним словом, следить за тем, чтобы принцип "по одежке протягивай ножки" неукоснительно соблюдался.

Но план — это еще далеко не все. Планы имеют смысл лишь тогда, когда они выполняются. А добиться этого очень непросто. В жизни непрерывно возникают непредвиденные ситуации. И система управления должна уметь с ними бороться. Но ведь такое происходит и в технике. В том же космосе. Инженеры спланируют траекторию аппарата для его стыковки с орбитальной станцией, а тут случайный порыв ветра, и все замыслы летят насмарку. Вот почему кроме плана еще нужен и автопилот, который с помощью обратных связей парирует случайные, но неизбежно присутствующие помехи. Такой же автопилот нужен и экономике. Он должен реализовываться всей системой организации народного хозяйства и ее "механизмами управления", в том числе и рынком.

Техника дает нам еще один важный урок. Вместе с программной

траекторией инженеры проектируют одновременно и те характеристики автопилота, которые необходимы для управления траекторией, т.е. планом. Применительно к экономике это означает, что вместе с программой развития и планом обеспечения ресурсами необходимо уточнять также и характеристики экономического механизма, в том числе и меры воздействия на рынок. Т.е., как и в технике, должен реализовываться системный подход: планирование, снабжение и способы реализации плана должны рассматриваться и разрабатываться одновременно. "Проектирование" всего этого комплекса и должно сделаться важнейшей задачей Госплана. Это, конечно, куда более трудная задача, чем просто составление плана. Она потребует и новой квалификации, и творческих поисков. Увы, отсутствие такого комплексного рассмотрения проблем управления народным хозяйством страны — одна из наших больших бед!

Итак, программный метод предлагает четкую последовательность процедур управления в масштабах всего народного хозяйства. Первый этап — выработка генеральных целей. Второй — составление программ развития и их согласования по ресурсам. Наконец, третий — совершенствование хозяйственных механизмов, обеспечивающих реализацию программ. Вот в рамках этой схемы и происходит объединение плановости и стихии, плана и рынка. И рынок начинает играть роль важнейшей составляющей "хозяйственного автопилота".

Здесь не место подробно обсуждать детали программного метода, но несколько замечаний я все же сделаю.

Недавно принят закон о предприятии. Он, конечно, означает хороший шаг вперед. Но мне кажется, что это лишь первый и не очень широкий шаг. Он неизбежно потребует сделать и другие. Меня многое смущает в этом документе и особенно в последующих разъяснениях. Прежде всего попытки новой, более демократической, но все же унификации и жесткой регламентации, т.е. решение новых задач в рамках старой Административной Системы. А наука говорит о том, что без роста разнообразия организационных форм трудно ожидать существенного прогресса. Замечу, что стремление причесать всех под одну гребенку прослеживается практически во всех новациях. Взять те же кооперативы. Они нужны. Более того — необходимы! И самые разные. И по-настоящему независимые от чиновника. Они должны подчиняться только закону — это и есть высшая форма демократии. И платить налог, конечно! Налог с прибыли, часть которого должна идти в местные бюджеты, чтобы власти на местах были заинтересованы в рождении новых кооперативов.

Меня особенно беспокоит, что каждое предприятие должно быть "при ком-то", подчиняться тому или иному ведомству. Почему? Я много раз задавал этот вопрос экономистам и крупным хозяйственникам. Во всех случаях ответ был одинаковым: а как же может быть иначе?

Может. В том-то и дело, что может! Быть при Советской власти, работать, платить "продналог". Ведь было же так во времена синдикатов. Их юридический статус был очень похож на статус западных акционерных компаний, в которых, однако, капитал принадлежал государству. Синдикат заключал с "вышестоящими" договор — по-нынешнему получал госзаказ. Тогда, когда такой договор ему выгоден! А, кстати говоря, работать по договорам с Госпланом или наркоматом — нынешним министерством — было куда выгоднее, чем без него. Именно

так госзаказ становится основным рычагом управления и средством воздействия на предприятия. Синдикат мог много зарабатывать, а мог и прогорать. За это его руководство изгонялось, а могло и пойти под суд.

Ну, а ведомства?

Я убежден, что именно ведомственность — один из основных пороков нашего общества, причин застоя, научно-технического и технологического отставания от передовых стран, источник консерватизма и многих других бед. Ведомства — это монополии. И как всякие монополии они лишены внутренних стимулов к самосовершенствованию, к техническому прогрессу. Преодоление консерватизма ведомственных монополий принадлежит к числу важнейших задач перестройки. И тем не менее государство не может обойтись без ведомств. Существуют пути сообщения, оборона, образование, здравоохранение, внешние сношения, охрана вод, лесов, недр и вообще экологического благополучия общества, требующие единой общегосударственной политики, и в этом смысле требующие "ведомственности".

Что касается чисто производственных ведомств, то их существование мне представляется анахронизмом. Может быть, в период Великой Отечественной войны такая организация промышленности была оправдана — не берусь судить; но в современных условиях быстро прогрессирующего технологического уровня производства монополизация любой производственной деятельности неизбежно приводит к застою и сносу страны на периферию общечеловеческого прогресса.

Вопрос другой — нужны ли министерства, ведающие промышленным и сельскохозяйственным развитием? Я думаю, что без них также обойтись нельзя. Но деятельность министерств не должна носить по отношению к предприятиям административного характера. Их обязанность: определять техническую политику, финансировать новые перспективные разработки. Одним словом, работать на перспективу. Я думаю, например, что министерство сельского хозяйства должно отвечать за все сортоиспытательное дело, иметь сеть образцовых хозяйств или систем переработки продуктов земледелия и животноводства. В министерстве машиностроения, вероятно, следует иметь некоторое количество заведомо убыточных предприятий, где создается техника будущего (вроде бесприбыльных корпораций на Западе), которую по себестоимости еще никто приобрести не будет.

Что же касается массы предприятий, производящих основное количество товаров, то мне представляется, что они должны быть действительно самостоятельными и самостоятельно участвовать в системе товарно-денежных отношений, отчисляя в фонд государства определенную часть прибыли — продналог. Для управления этим процессом государство в лице Госплана, министерств, ВСНХ должно иметь значительные ресурсы, черпаемые в виде налога из прибыли этих предприятий.

VIII

Уверен, что дорога революционной перестройки откроет нам еще много новых проблем и горизонтов, о которых мы пока и не догады-

ваемся. И наряду с целенаправленным движением будет происходить и "самоорганизация". И это тоже благо, ибо в ней проявляется творчество масс.

Нас ожидает труднейший переходный период, когда будут возникать ростки нового, которые очень легко затоптать бюрократическим сапогом. Замедление перестройки очень опасно. Но порой не менее опасны и "большие скачки". Нужна умная, взвешенная последовательность действий. И в этом процессе меня очень беспокоит отчужденность науки от проблем перестройки, ее малая "задействованность". Я общаюсь с десятками умных, талантливых специалистов в области экономики, информатики, теории организации, экологии и т. д. У них много мыслей. Настоящих, конструктивных, порой очень дискуссионных, но оригинальных, интересных. Это прямой резерв "перестройщиков". А он ведь по-настоящему не задействован. Да и не может быть использован при существующих традиционных бюрократических каналах. Где-то там признанные и владеющие всеми степенями и званиями что-то делают, что-то пишут, а энергия, ум и смелость 30–40-летних не используется. Как работали, так и работают сегодня, каждый сам по себе.

Мне кажется, пришло время реализовать идею покойного академика М.А. Лаврентьева. В 60-х годах он начал создавать консультативную группу (или совет) специалистов при правительстве. К ее членам предъявлялись весьма жесткие и своеобразные требования. Первое из них — это, конечно, профессиональная компетентность. Она должна основываться на публикациях, доступных для проверки. Во-вторых, за каждым из них должна была стоять школа — научная школа, способная откликнуться энергичной и профессиональной работой. И наконец, члены этого совета не должны были занимать высоких официальных должностей. Они не должны были занимать постов и зависеть от вышестоящих, т.е. должны были иметь высокий уровень самостоятельности. Такой совет мог бы сделаться центром консолидации интеллекта страны. С его помощью могли бы разрабатываться перспективные сценарии развития страны, проводиться подробный научный анализ возможных последствий тех или иных решений, принимаемых на государственном или региональном уровнях. Главная идея академика Лаврентьева состояла в том, что проработка и анализ возможных альтернатив развития должны были быть изъяты из компетенции аппарата: руководство партии и страны должно опираться в выработке своих решений на сведения, минимально искаженные бюрократическим аппаратом ведомств. После ухода Н.С. Хрущева с поста генсека работа над созданием такого института прекратилась. Теперь, мне кажется, жизнь заставляет вернуться к этой идее.

Поиски путей, по которым должен идти без малого 300-миллионный народ, требуют решения сложнейших проблем экономического развития и организации не только всего нашего народного хозяйства, но и нашего общественного бытия. Это фундамент, без которого нельзя построить здания. Но не хлебом единым жив человек!

Не менее важным для народа, для устойчивости общественного развития, его климата является установление атмосферы социальной справедливости и социальной защищенности человека. Перефразируя Одоевского, я могу сказать так: решение экономических проблем подведет нас к воротам Храма, но не откроет их нам. И те слова, которые

сказала старая женщина в последних кадрах "Покаяния", относятся прежде всего к справедливости — социальной справедливости.

Сейчас о социальной справедливости много говорят и пишут, но ответить на вопрос о том, что же такое социальная справедливость, по-прежнему очень трудно.

Кто не работает, тот не ест; оплата по труду; несправедливо получать незаработанное, ибо оно у кого-то отнятое, а значит, ворованное. Эти все принципы очень важны. Но разве этим исчерпывается представление о справедливости? Нужен еще жизненный климат, теплота душ человеческих, желание помочь другому и многое, многое другое... Как этого добиться?

Социальная справедливость — такое словосочетание в каждую эпоху имело свой смысл. По мере развития общества, его интеллигентности, культуры, люди по-разному видят Храм и Дорогу к нему. И все-таки существует что-то вечное, изначальное.

Я думаю, что в основе социальной справедливости лежит все-таки соответствие благ, которые человек получает в жизни, т.е. от общества, его вкладу в жизнь этого общества и прежде всего объема и квалификации его трудовой деятельности. Оплата по труду — каждому по его труду — это великий принцип социализма.

И с его воплощения в жизнь и должно начаться нравственное возрождение нашего общества. Это будет важнейшим стимулом перестройки. Если миллионные массы людей не увидят, что принцип оплаты по труду раз и навсегда входит в нашу жизнь, то перестройка останется лишь поверхностным явлением, лишь косметическим ремонтом. Она по-настоящему не затронет народных масс и не превратится в тот революционный процесс, который как воздух нужен нашей стране.

Оплата по труду — проблема многогранная и очень не простая, ибо представление о ценности труда, о вкладе человека в жизнь общества меняется со временем и зависит от потребностей общества. Было время, когда даже простая грамотность, не говоря уже о высшем образовании, давала огромные преимущества. Ныне многое изменилось. Механик или рабочий, обладающий уникальной квалификацией, может зарабатывать больше ученого или администратора. Уникальность профессии, талант мастера, потребности рынка в результатах его труда и умение работать должны получать самую высокую оценку. Поэтому мне кажется естественным то, что порою у нас квалифицированный рабочий — Мастер с большой буквы — зарабатывает столько же, сколько и доктор наук. Значительно опаснее то, что в среднем инженерный персонал и другие специалисты умственного труда, на подготовку которых государство израсходовало большие деньги и которые сами затратили на приобретение специальности значительную часть жизни, получают за свою работу заметно меньше многих категорий рабочих и колхозников. Это уже нарушение социальной справедливости, и оно тяжело отражается на нравственном облике общества, не говоря о том, что в науку, в сложную инженерию сейчас стремится все меньше и меньше способной молодежи.

Одним словом, нарушение принципа оплаты по труду отражается на экономике, ее темпах развития и деформирует весь моральный климат общества. Сейчас на реализации этого принципа сосредоточено внимание широкой общественности и намечаемые мероприятия будут

безусловно полезными. Но не должно быть и иллюзий — процесс “гармонизации” распределения общественных благ в соответствии с вкладом каждого будет трудным и длительным. Тому я вижу две основные причины.

Во-первых, это глубоко укоренившаяся в нашу психологию тенденция к уравниловке. Отказ от нее не на словах, а на деле приведет к появлению недовольных, привыкших получать “за так”. Эту тенденцию необходимо переломить. Это потребует усилий. И не только законов, связывающих оплату с конкретными результатами работы и новой организации работы, т.е. новых хозяйственных механизмов. Потребуется и активное вмешательство партийных и общественных организаций, и прежде всего их пример.

Вторую трудность я вижу в том, что существуют элитарные (или элитные) группы, стремящиеся поставить себя в особое положение по отношению к другим, завоевать и сохранить определенные привилегии экономического и неэкономического характера. Их существование крайне отрицательно отражается на моральном климате общества, подрывает веру в перестройку и желание ради нее поступиться чем-либо.

Я хотел бы остановиться на нескольких примерах, иллюстрирующих эту исключительность. На открытом партийном собрании в нашем институте обсуждались итоги работы в подшефном совхозе. Они оказались неплохими. Особенно отличился отдел, возглавляемый членом-корреспондентом Академии, который вместе со своими шестью или восьмью старшими научными сотрудниками при полном отсутствии механизации почти сумел выполнить норму. Правда, на эту работу потребовалось потратить на несколько часов больше, чем затратили бы рабочие совхоза. Работник Октябрьского райкома партии — 30-летний здоровый мужчина — поблагодарил пожилого ученого. И все бы пошло по обычным накатанным рельсам, если бы кто-то не задал вопроса представителю райкома: “А Вам сколько удалось надергать моркови?” Наступило молчание. Затем, несколько смущаясь пожилой аудитории, молодой представитель райкома сказал, что их, весьма кстати сказать, немалочисленный коллектив шефской работой не занимается.

На этом инцидент был исчерпан. Аудитория была достаточно корректна, никто не напомнил, что Ленин ходил на субботники.

Перешли к другому вопросу. Но атмосфера изменилась. Ведь произошло что-то вроде публичной демонстрации такого факта, что есть организации и люди двух сортов. Одни должны бросать свою работу, ехать в село, жить в неотопливаемом пионерлагере и работать весь световой день, а другие?

Существует, что говорить, всенародная обязанность. Пока еще Дело — общее, и должны его делать все (если есть здоровье, конечно)! Но особые привилегии здесь вредны! После этого небольшого инцидента нам в следующий раз труднее будет организовать сельскохозяйственные работы. А могло бы быть совсем иначе. Представим себе, что райком партии вместе с райкомом комсомола взяли бы себе в том же совхозе собственную делянку и показали бы себя! Да и сами увидели бы некоторые особенности организации того важного дела, ради которого многие тысячи людей вынуждены временно превращаться в сельскохозяйственных рабочих.

Но подобные социальные несправедливости воспринимаются более

или менее привычно и спокойно, хотя для морального климата, для утверждения нравственности, повторяю, очень опасны любые тенденции расслоения общества, которые у нас сильны и общеизвестны.

Еще серьезнее другое: существуют большие группы людей, которые имеют специальное снабжение, специальные медицинские учреждения и даже... специальные правила уличного движения. По Рублевскому шоссе максимальная скорость 60 км/час. И повсюду обгон запрещен, а милиции больше, чем на улице Горького. Попробуйте только нарушить! Ан нет. Вас непрерывно обгоняют черные машины, скорость которых раза в полтора больше дозволенной. И милиция вместо того, чтобы брать штраф, берет под козырек.

Особенно негативные следствия имеет спецснабжение. Было время, когда, я в этом уверен, спецснабжение было необходимым. Продуктов было мало. По-настоящему мало. На всех хватить не могло. Были категории людей, которых надо было поддержать, помочь им выполнить те обязанности, те дела, от которых зависела судьба страны. И тогда спецстоловая или спецмагазин не воспринимались как социальная несправедливость, а к людям, которые пользовались этими благами, не возникало чувства недоверия. Сейчас совсем другое дело. Конечно, и сегодня многого не хватает. Но причины уже во многом другие.

Судя по данным нашей статистики, недостаток продуктов, их дефицит часто возникает не только потому, что не хватает, сколько потому, что эти продукты не доходят до потребителя, до народа, потому что плоха организация хранения, доставки, торговли... Особенно худо дело обстоит с овощами и фруктами. Они остаются в поле, гибнут на овощебазах...

Недостаток продуктов, таким образом, — это прежде всего следствие бесхозяйственности, плохой организации, плохого планирования капиталовложений и, конечно, структуры хозяйственного механизма, его предельной бюрократизации. Но кто же за все это ответствен? А как раз те, которые имеют привилегии и снабжаются в первую очередь из специальных магазинов или по специальным заказам. Поэтому всякое спецснабжение, помимо остро воспринимаемого чувства социальной несправедливости, имеет и чисто управленческий негативный аспект: у высоких должностных лиц не возникает личных стимулов в исправлении организационных огрехов и системы снабжения. Все, что надо, они и их семьи будут иметь в достатке, как бы плохо они ни работали.

Уравниловка, любая уравниловка — это одно из высших проявлений социальной несправедливости, и люди, вкладывающие в жизнь общества больше квалифицированного и нужного ему труда, обязаны и иметь больше благ. Это, на мой взгляд, аксиома нашего социалистического общества. И в то же время общие беды и трудности весь народ должен ощущать на себе вместе и бороться с ними сообща, всем миром. Это тоже аксиома, как и равенство всех людей перед законом. По этим общественным обязанностям не должно быть расслоения общества. Разница может быть только в оплате за труд.

Значит, единственным соизмерителем должен быть полновесный, обеспеченный продуктами, товарами и услугами рубль. Вряд ли кому покажется несправедливым, если секретарь обкома или ответственный работник Госплана будет получать много больше, чем его личный шофер, и для определенных категорий работников личные машины просто

необходимы, как и пишущая машинка или персональный компьютер! Такое положение сразу устранил многие трудности и расставит все по своим местам.

Правда, я уверен, что дефицит, во всяком случае, сразу устранить вообще невозможно. Более того, я убежден, что в той или иной форме дефицит всегда будет — всегда чего-нибудь будет неоставать. А чего-то будет в избытке. Но для того и существует рынок. Скажем, крабов и черной икры мало. Так пусть они будут в несколько раз дороже. Как в других странах. Но они должны быть, когда необходимы, например, детям или больным. Но с распределением основных продуктов — хлеба, масла, мяса, овощей и т.д. не должно быть элитных барьеров, особых городов и т.д. Разумеется, перейти к подобной системе непросто. Но последствия оправдают усилия такой перестройки. Главным ее итогом будет новый моральный климат, восстановится единство общества.

И не только это. Переход к оплате труда полновесным рублем, единственным измерителем, отвечает самому духу перестройки, основным тенденциям в преобразовании экономического порядка в стране. Одним словом, упорядочение оплаты — а точнее, переход к однозначной оценке труда, ликвидация разнообразных снабженческих привилегий — оздоровит моральный климат общества, создаст дополнительные стимулы к совершенствованию организации производственной деятельности и выравниванию условий жизни в различных районах страны.

IX

Всякое общественное явление революционного масштаба должно опираться на массы, на множество людей, заинтересованных в его развитии. Или, как принято говорить, иметь социальную базу. Точно так же и перестройка, начатая в стране, должна иметь прочную социальную базу — опору на большие слои активного населения, которой современные преобразования выгодны. Если такой опоры нет, она должна быть создана. Но необратимость процесса преобразований может быть гарантирована только при наличии широкого слоя общества, стремящегося к переменам.

Вследствие консервативности нашего сознания люди далеко не всегда способны видеть собственную "выгоду" и действовать, следуя их объективным целям. Перестройка, во всем многообразии своих проявлений — и в экономике, и в политике, и в морально-нравственном плане — необходима стране. Без нее у нас нет будущего. И дело не в том, что маленькая Япония, лишенная ресурсов, далеко обогнала нас по объему валового национального продукта. Гораздо страшнее потеря динамизма в поисках нового в технической, организационной и социальной сферах, рост апатии, падение дисциплины и качества труда. Одним словом, застойность, замкнутость с ее неизбежной бюрократизацией, ростом коррупции и т.д. Значит, перестройка — объективная потребность нашей страны, всего нашего народа, это общий объективный "Интерес!" А понимают ли люди, граждане нашей великой страны, всю глубину проблемы? Готовы ли они во имя перестройки больше и лучше работать, поступиться хотя бы частью привилегий и благ, которыми сегодня располагают?

Вопрос о социальной базе перестройки меня беспокоит давно. Еще в “эпоху застоя” угнетающее впечатление производила на меня апатия народа. Мне казалось, что чересчур много людей удовлетворяются тем ходом событий, который установился у нас с 60-х годов. Внутренняя неудовлетворенность проявлялась как-то подспудно и в таких формах, которые, казалось, были явно недостаточны для активного поиска новых форм труда и общественной жизни. Да и сейчас у меня нет полной убежденности в том, что народ “достаточно расшевелился”.

В печати, в партийных документах не раз говорилось о действительно революционном характере грядущих перемен. Замысел и на самом деле революционный, ибо предстоит настоящая смена всего характера нашей работы и жизни. Но сравнение с Октябрем, которое иногда проводится, по-моему, неправомочно. И не потому, что задачи менее трудные. Если вдуматься, то нынешние задачи, стоящие перед партией и народом, ничуть не уступают по сложности тем, что вставали перед нашей страной в Октябре. Успех нашей Великой Революции был достигнут не только благодаря таланту руководителей, монолитности и дисциплине партии. Был найден единственный правильный лозунг “Земля крестьянам”. Стомиллионное крестьянство стало стеной на защиту власти, которая дала ему землю. И не было силы, которая была бы способна повернуть историю вспять. Я уже не говорю о рабочем классе — надежнейшей опоре революции.

К сожалению, такой силы я сегодня не вижу. Рабочий класс — основной двигатель революции — очень изменился. Конечно, среди рабочих многие хотят перемен. И не только потому, что стремятся зарабатывать больше или видеть в магазинах полные полки. Очень многим надоело работать кое-как, в условиях, когда недостает нужной организованности, при вечных авралах и пустопорожней болтовне. Но не следует переоценивать этой неудовлетворенности. Вспомним, например, историю с исключением из партии честного шофера, восставшего против практики поборов и левых заработков, историю, которая была подробно описана в “Известиях”. Исключили его из партии не чиновники, а собственный брат — рабочий.

Крестьянство. А много ли настоящих крестьян осталось на нашей земле? Основная масса трудящихся в селе психологически уже не крестьяне, а сельскохозяйственные рабочие. Соответственно и ведут они себя — на чужой земле выполняют поденную работу. Конечно, есть маяки, есть труженики. И есть даже какие-то сдвиги. Но масса еще не шелохнулась.

А что сказать о многомиллионном слое управленцев разного уровня? Для них перестройка — беда! В буквальном смысле этого слова. Им-то и верно придется кое-чем поступиться, и отнюдь не малым. И личных машин должно поубавиться, да и современное распределение благ несовместимо с тем образом жизни, который называется социализмом. Или, точнее, с тем социализмом, идеи которого рождены Октябрем. С властью тоже кое-какой придется расстаться. Одним словом, аппарат не опора перестройки.

Я нарисовал довольно мрачную картину. Это так — все то, о чем я говорил! И вместе с тем это не совсем так. Посмотрите, как вырос тираж газет и журналов. Послушайте разговоры, и вы согласитесь, что в душе народ за перестройку, за демократизацию. Только не поверили

пока еще, что все может быть так, как об этом пишут. Уже не первый раз надеялись. И опять: там засудили невинного энергичного человека; там разогнали артель старателей за то, что делали не только то, что подрядились делать, и т.д. Вот это полувверие и сдерживает перестройку, мешает сформироваться ее социальной опоре — тому рычагу, с помощью которого можно перевернуть ход событий.

Я много думал о том, что может быть положено в основу консолидации общества. Мне кажется, первое и главное — борьба с бюрократией, с аппаратом и его традициями. И настоящая демократия для всех, без которой все остальное бессмысленно.

Второе — это воспитание, утверждение духа перестройки. Надо готовить управляющих, готовить чиновников — без них не обойдешься. Но им должны прививаться новые качества — отвращение к рутине, уважение к себе, чувство гражданственности. Не просто разрушение аппарата, как иногда предлагается, а замена его другим поколением людей, получившим иное воспитание. И одновременно — совершенствование законов, обеспечивающих, в частности, социальную защищенность человека. С этих позиций должна быть продумана вся система воспитания.

Ну и наконец надо смелее опираться на тех, кто готов отдать энергию, ум, душу, силу делу перестройки, бескомпромиссному служению будущему. А таких тоже немало. Это и широкие круги интеллигенции, стремящейся к творческому труду и самостоятельной деятельности. Это и многочисленная группа просто энергичных работников. Они есть всюду. Им надо помогать, давать простор их деятельности. И конечно, искать.

Нам предстоит долгий и трудный путь в завтра. Мы свернули с ленинской дороги в конце 20-х годов, и два поколения наших граждан постепенно воспринимали извращенное представление о социализме. Многие из них приспособились к тому порядку, который утвердился в стране, потеряли перспективу и стремление к поиску. Нам понадобятся десятилетия, чтобы те принципы, которые были сформулированы в партийных документах XXVII съезда, вошли в нашу плоть и кровь. Должно быть воспитано новое поколение. И воспитано нами, во многом уже свыкшимися с духом инерции и застоя. Задача огромная, требующая глубокой, всесторонней общегосударственной программы.

О ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА

По мере развития перестройки становится все более очевидным, что ее судьба в целом, как и важнейшая ее практическая часть — всесторонняя экономическая реформа — упираются в состояние политической системы, политической жизни общества. Сам ход перестройки, перемещение приоритетов от технико-экономической к политической проблематике, нарастание внимания общественности к проблемам самого характера общественного развития все отчетливее показывают, что без радикальных изменений в политической сфере невозможно решение ни технико-экономических, ни социальных задач. Богатейший, но нелегкий опыт перестройки, проблемы и трудности, с которыми мы столкнулись, подвели нас к осознанию первостепенного, самодовлеющего значения демократизации, которая только и может реализовать остающиеся втуне возможности социалистического строя, в полной мере расковать и задействовать важнейший ныне "человеческий фактор" развития и вместе с тем придать социалистическому обществу истинно гуманистический характер, выразив его изначальную суть.

Радикальная экономическая реформа и демократизация — это не просто два аспекта, два основных направления осуществляемой в странах социализма перестройки, но также два направления, которые теснейшим образом взаимосвязаны, которые друг без друга осуществлены быть не могут.

Глубокая демократизация политической жизни невозможна, если экономика управляется административно-бюрократическими методами, если экономические интересы трудящихся отчетливо не проявлены, если они не видят связи между своим трудом и своим материальным благосостоянием, если экономически не ощущают зависимость от потребителя своей продукции. В этом случае демократия трудящимся попросту не нужна: не только на уровне государства, но и в рамках производственного самоуправления она неизбежно будет формальной, если она не опосредована экономическим интересом.

Вместе с тем и переход от административных методов управления к экономическим невозможен без демократизации общества, при отсутствии демократического типа личности, осознающей свои интересы и нуждающейся в твердых политико-правовых гарантиях и защищенности со стороны государства. Выдающийся русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский справедливо заметил в свое время, что нель-

зя выдрессировать человека так, чтобы он был энергичным на ниве и безответным в приказной избе. Демократизация, ее необходимость обусловлены, таким образом, самим характером и типом современных народнохозяйственных задач.

Результаты процесса демократизации налицо, они очевидны всем. Прежде всего, коренным образом изменилась обстановка в стране, вся атмосфера в нашем обществе. Она стала живой, свободной, демократичной — словом, такой, какой она должна быть в социалистическом обществе. Здесь определяющую расковывающую роль сыграла гласность, решительный поворот к ней партийного руководства и соответственно — всех граждан, поверивших в перестройку, активно включившихся в нее. Содержательнее, эффективнее стала деятельность партии на всех ее уровнях, от низового до высшего, подтверждением чему являются памятные пленумы ЦК КПСС, встречи М. С. Горбачева и других руководителей партии с общественностью. В ряде государственных органов, общественных организаций произошло оздоравливающее обновление кадров. Но не менее очевидны слабость изменений в повседневной жизни, выражающаяся в сохранении и даже усугублении дефицитов и проблем в быту, нарастающие трудности на пути перестройки, когда кадровые изменения и благие намерения приводят не к реальным сдвигам, а к “откату” на прежние позиции, к прежнему состоянию. Трудно преодолимыми оказались силы инерции. И кроются они в непомерно разросшемся, обретшем самостоятельную силу бюрократическом аппарате, пытающемся подменить власть народа и руководство партии, в окостеневшей, неповоротливой, но обладающей огромной цепкостью и сопротивляемостью административно-бюрократической системе управления, в избыточном ее централизме, сочетающемся, однако, с местничеством и ведомственностью, в моноцентризме всей политической системы, ограничивающем и подавляющем местные инициативы, в отсутствии реального действенного демократического контроля, в формализме, парадности и заорганизованности общественной жизни. Несмотря на все усилия, остались принципиально прежними и структура, и способ организации, и методы работы нашей политической системы.

Нельзя сказать, что не было попыток переделки и оздоровления нашей политической системы. Соответствующий план был разработан Лениным на последнем этапе его деятельности, но, хотя после его смерти некоторые ленинские предложения были реализованы, на деле бюрократизм управленческой, всей политической системы при Сталине только усилился, возможности воздействия народа на политику, на управление ограничивались и подавлялись. Верно, в экстремальных условиях, например в ходе индустриализации и во время Великой Отечественной войны, административно-приказной характер политической организации общества, превращение всех политических институтов в “приводные ремни” высшей организаторской воли давали эффект, хотя с ценой такой системы, с ее издержками не считались. Однако по мере качественного роста и усложнения экономики, по мере развития общественного самосознания, культуры и интересов трудящихся эта система оказывалась все менее эффективной, общество — все менее управляемым, последствия же этой неуправляемости — все более неожиданными и неприятными. Оказалось, выражаясь словами В. И. Ленина, что “машина едет не туда, куда ее направляют... едет не

совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины”¹.

После XX съезда КПСС попытки реформы политической системы предпринимались Хрущевым, но, воспользовавшись их хаотичностью, неорганичностью и непоследовательностью, отсутствием демократической опоры, бюрократические силы добились смещения этого руководителя-реформатора.

И при Хрущеве, и после него принимались разумные решения по перестройке и совершенствованию работы отдельных элементов политической системы. Так, начиная с середины 50-х годов было принято полтора десятка партийно-государственных постановлений, долженствовавших коренным образом улучшить работу Советов, реализовать их изначальную функцию как основы государственной власти. Но этого так и не произошло, прежде всего именно из-за частичного, недостаточно радикального и традиционно-административного характера решений.

Попытки экономических реформ 50 – 60-х годов и последующих лет ушли в песок именно из-за того, что не были подкреплены реформой политической системы. Отсутствие подобной реформы явилось главной причиной кризисной или предкризисной ситуации, в которой оказался целый ряд социалистических стран, не исключая нашей. Не случайно все эти зарубежные страны социализма, правящие там коммунистические партии пришли к выводу о необходимости сочетания экономической реформы с политической и неотложного ее проведения. Причем чем основательнее та или иная страна реализует экономическую реформу, тем настоятельнее она добивается реформы политической.

Сегодня совершенно ясно, что унаследованная от прежних лет моноцентрическая, административно-приказная система власти и управления только тормозит необходимые преобразования, прежде всего экономическую реформу, рост самостоятельности предприятий, развитие хозрасчетных и товарно-денежных отношений, отрывает от потребителя производство, удерживая его на пути расточительных, часто бессмысленных трат. Приходится признать, что смелые, как нам представлялось, поворотные решения июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС на практике выхолащиваются, что министерства и другие “верхи” продолжают управлять в основном по-старому, а “низы” продолжают во многом плыть по течению.

Дело в том, что пока еще действующий, хотя явно устаревший, политический механизм подпитывает бюрократизм и другие социальные деформации, воспроизводит старый тип управляющих и управляемых, не соответствующий современным требованиям социализма и общественного прогресса, пассивность, безынициативность немалой части населения. Эта старая система все больше и очевиднее расходится с идеями и ценностями социализма, дискредитирует саму идеологию реформы и перестройки, играет в конечном счете на руку врагам социализма и демократии. Возникла ситуация, по поводу которой предупреждали основоположники марксизма, что “политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количест-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 86.

ве"¹. Словом, она, эта система, стала и неэффективной, и вредной.

Напрашивается, таким образом, вывод о необходимости глубокой, подлинно революционной реформы нашей политической системы, всех ее элементов, связей, отношений и методов функционирования. Опыт показал, что эта реформа не должна быть частичной — в таком случае она ничего не даст, а только себя дискредитирует, — ни половинчатой, ибо тогда она приведет к пробуксовке, а потом — и к откату, а возможно, и к контрреформе. Ленин точно предвидел бесплодность попыток "вливать новое вино в старые мехи старого, бюрократического государственного аппарата"².

Коренные проблемы и основные направления политической реформы освещены в выступлениях М. С. Горбачева, который чем дальше, тем подробнее и конкретнее разрабатывает эту проблематику. План такой реформы предложен в его выступлении на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Задержка с обновлением политической системы чревата нарастанием напряженности в обществе, возникновением кризиса доверия населения к партии, нарастанием пессимизма и апатии, распространением неверия в перестройку, размыванием системы социалистических ценностей, а главное — разочарованием в жизнеспособности и результативности социализма как общественного строя. В то же время неотложная и решительная политическая реформа даст "эффект компенсации" трудно и медленно преодолеваемых дефицитов и неполадок в хозяйственной жизни, переключив социальную энергию народа в политическую сферу. Подняв политическое сознание масс, она подкрепила бы их активность и в других сферах. В случае успеха она показала бы пример другим социалистическим странам и способствовала бы укреплению их дружбы с Советским Союзом.

Могут возразить: а не опасна ли политическая реформа сама по себе? Не выльется ли она в покушение на святая святых — руководящую роль партии? Можно было бы ответить, что именно бездеятельность, отказ от реформы более всего подрывает эту роль, как и социализм в целом. Но главное в том, что продуманное и последовательное проведение политической реформы только поднимет роль и престиж нашей партии в глазах народа.

Вместе с тем не стоит закрывать глаза на сложность, даже уникальность предлагаемой реформы. В отличие от экономических реформ политические реформы такого характера и масштаба не предпринимались ни в СССР, ни в других социалистических странах. Хотя Ленин предупреждал, что "каждая ступень, что нам удастся вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы..."³ Но ни он, ни Маркс и Энгельс не оставили указаний о конкретных формах оптимизации политического механизма социалистического строя. Более того, основоположники марксизма, предполагая, что социалистическая революция победит более или менее одновременно во всех цивилизованных странах, считали, что сразу же после этого и государство и политика

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 417.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 204.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 224.

станут отмирать и вскоре исчезнут. А поскольку наша революция пошла по иному государственному пути со всеми его издержками, Ленин в последний период своей жизни неотступно размышлял как раз над способами смягчения этих издержек, предотвращения тех негативных явлений, с которыми мы сегодня сталкиваемся. Но и из-за своей болезни, и из-за тогдашнего неразвитого состояния Советской России Ленин не мог развить свои мысли и тем более экстраполировать их на нашу современность. Хотя и в том виде они сохраняют свое значение, которым пренебрег Сталин, тем более что они вступали в непримиримое противоречие с его административно-приказным, тоталитаристским видением социализма.

Трудность реформы политической системы еще и в особенностях наших традиций. Если брать дореволюционную историю, то в ней отсутствовал присущий Западной Европе опыт буржуазной демократии и преобладали такие черты, как абсолютизм государственной власти, многочисленная и вместе с тем косная бюрократия, отсутствие массового правосознания и уважения к личности, бесправность масс и их привычка к авторитарным методам управления¹. Революция попыталась положить конец этим традициям, но ее изолированность, окруженность врагами, длительное ощущение "осады" толкали к ограничениям демократии. Затем — сталинское время с его осознанным пренебрежением к демократии, которое так и не преодолено полностью. Так что речь идет о том, чтобы, собственно, впервые в истории выработать нормальную, действительно адекватную социализму политическую систему.

Но сложившаяся именно тогда политическая система отличалась еще способностью к демократической мимикрии. Эту способность усвоили и воспроизведенная на сегодня — в многократно расширенном виде — традиционная бюрократия и ее идеологи. Ибо, если принимать всерьез исходящие из этих кругов квазидемократические рассуждения и оценки, никакой политической реформы и не нужно, так как у нас-де и без того налицо власть народа и оптимальная организация общества. Это приукрашивание и искажение ситуации, эта приспособляемость к переменам, способность выхолостить любую реформу окажется, очевидно, главным препятствием на ее пути.

Эта антиперестроечная платформа нашла свое откровенное выражение в статье "Не могу поступаться принципами", опубликованной за подписью Нины Андреевой в газете *Советская Россия* 23 марта 1988 г. Под предлогом отстаивания "чистоты принципов" автор — а точнее сказать, авторы — выступает за консервацию заложенной еще при Сталине административно-бюрократической системы, против допуска к власти пробужденных перестройкой активных сил народа. Статья вызвала живейшую дискуссию и — что особенно важно — отпор партийного руководства, нашедший свое выражение в редакционной ста-

¹ Проблема осложняется тем, пишет современный китайский общественник Гао Фан, что "в некоторых отношениях существует непостижимое сходство между феодализмом и социализмом, бывает трудно провести различие, например, между преклонением перед личностью и почитанием вождя, единовластием и централизованным руководством, слепым повиновением и сознательным подчинением, системой пожизненных должностей и принципом служения революции до конца жизни, системой привилегий и принципом заботы о старых кадрах" (Гао Фан, *Прошлое, настоящее и будущее социализма*. Пекин, 1982, с. 151).

тье центрального партийного органа — газеты *Правда* 5 апреля того же года.

Если безотлагательность политической реформы очевидна, то вопрос о ее темпах стоит особо. Здесь опасна не только половинчатость, непоследовательность, но и поспешность. Издержки такой максималистской спешки и поверхностных перестановок, не касаясь корней, уже обнаруживались в нашей недавней истории. Поэтому важно, очевидно, продумать и определить очередность разных этапов политической реформы, подобно тому как было предусмотрено в отношении реформы экономики.

Коснемся конкретных направлений демократизации общественной жизни и политической системы.

Застойность, неповоротливость и бюрократизм политической системы, сложившейся в ряде стран социализма, могут быть устранены лишь в результате преодоления фактической *монополии центра* на политическую инициативу, являющейся оборотной стороной недостаточно развитой инициативы рядовых трудящихся. Известный тезис Ленина о том, что монополия ведет к загниванию, вполне может быть распространен и на политическую сферу.

Мы иррационально привыкли к ведомственной монополии, забывая о том, что именно соревновательность движет развитие. Очень часто люди, искренне стремящиеся решить тот или иной вопрос, предлагают это сделать путем создания специального ведомства. Мы пошли по этому пути даже в науке, развитие которой должно основываться на свободной борьбе идей, и рассматриваем как прогресс создание монополистических, по сути дела, центров. Но ведь если всю травматологию сосредоточить в ЦИТО, то не будет института Илизарова, если всю офтальмологию передать Краснову, мы потеряем институт Федорова и т.д.

Правда, недавно один читатель центральной газеты предложил в целях улучшения работы Аэрофлота разделить его на две параллельные организации. Не такая уж плохая идея, хотя и ее не следует доводить до абсурда.

Монополизм и моноцентризм несовместимы с экономической реформой, предполагающей самостоятельность и самостоятельность предприятий. Она требует уточнения смысла демократического централизма, не такого буквального его понимания, к которому мы привыкли. Ленин на заре Советской власти указывал, что централизм, "понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели"¹.

Местному самоуправлению марксизм изначально придавал исключительное значение. Энгельс предлагал следующим образом сформулировать пункт программы социал-демократической партии: "Полное самоуправление в провинции, округе и общине через чиновников, избранных на основании всеобщего избирательного права. Отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государст-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 152.

вом"¹. В "Государстве и революции" Ленин специально цитирует эти слова, выделяя мысль Энгельса о том, что местное самоуправление устраняет бюрократизм, и подчеркивая, что полное местное самоуправление отлично сочетается с действительно демократическим централизмом. И с сожалением добавляет, что "на этот факт, как и на весь вообще вопрос о федеративной и централистической республике и о местном самоуправлении, в нашей партийной пропаганде и агитации обращалось и обращается недостаточно внимания"². Правда, в Советской России из-за гражданской войны и обстоятельств 30-х и последующих лет местное самоуправление не получило предполагавшегося развития.

Впрочем, в братских странах, развивающих экономическую реформу на сторону самостоятельности предприятий, новое понимание демократического централизма проявляется в развитии децентрализации в управлении, в предоставлении больших полномочий местным органам власти. В Венгрии, например, местные Советы получили право свободно распоряжаться своими бюджетами, устанавливать и собирать местные налоги, размещать займы на местные нужды, сдавать в аренду землю и т.д. По нашим подсчетам, даже в сугубо централистской ГДР около 35% предприятий находятся в местном подчинении, тогда как у нас — лишь около 5%. В принципе все вопросы, которые могут быть решены на местах, логично передать на усмотрение местных органов власти.

Блокирование этих решений вышестоящими органами, пока что не несущими за это никакой ответственности, должно влечь за собой санкции: так же как вышестоящая инстанция должна материально отвечать за нанесение ущерба нижестоящим уровням, в том числе нести ответственность за непредвиденные последствия. К примеру, областной или районный Совет смогут вчинить иск министерству мелиорации за вывод из строя земель или за гибель природы. Тогда министерство задумается, стоит ли затевать опасную для общества работу.

Хозяйственная реформа и идущая с ней в ногу политическая создают предпосылку для *развития разнообразия социализма*, являющегося основополагающим его качеством. Тогда нельзя будет добиваться всестороннего подчинения центру отдельных предприятий, коль скоро они станут самостоятельны, во всяком случае в вопросах своего хозяйствования. (В принципе прямые хозяйственные связи между предприятиями не оставляют места для бюрократии — поэтому она так и тормозит реформу, пытается ее выхолостить.)

В условиях хозрасчетного социализма политическая сфера не сможет больше осуществлять тот тип политического единства общества, к которому мы привыкли. На смену авторитарному единству однообразия придет *демократическое единство многообразия*. Политическая сфера наряду с экономической должна стать ареной, где находят выражение, сталкиваются и в конечном счете приходят к определенному единству различные социальные интересы. Одновременно политическая сфера становится и источником информации об этих интересах в их динамике, в их взаимосвязи, взаимопереходах, в их притяжении и отталкивании. Никакие социологические исследования — даже самые ква-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 240.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 74.

лифицированные и оперативные — такого рода информацию заменить не могут. Тем не менее у нас склонны по-прежнему добиваться единообразия предписываемой сверху *детальной регламентацией* — еще одной характерной чертой нашей управленческой деятельности. Не лучше ли предоставить практике возможность выработать оптимальные формы, подобно тому как в некоторых странах сначала пешеходы утаптывают дорожку, а затем уже ее асфальтируют?

Опасаются, правда, что такое нерегулируемое многообразие приведет к хаосу и цетробежным тенденциям. Однако из кибернетики известно, что многообразие, автономия подсистем обеспечивают жизнеспособность, устойчивость и развитие больших систем. Между тем именно детальная регламентация, являющаяся *raison d'être* бюрократии, сужает возможности инициативы и самостоятельности масс, способствует безответственности и в результате тормозит любое начинание, само развитие социализма.

В этой связи еще одно высказывание Ленина: "Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху... С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование, ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях, в приемах *подхода* к делу, в *способах* осуществления контроля..."¹

Что демократическое единство многообразия сильнее авторитарного единства однообразия, доказывает вся совокупность исторического опыта человечества, особенно в современных условиях. Демократическое общество легче переносит кризисы, тогда как для авторитарного они оказываются губительны. В демократическом обществе действуют внутренние силы сцепления, тогда как в авторитарном — лишь внешняя грубая сила принуждения.

Централизация носит у нас *иерархический, многоступенчатый характер*. Мало того, что промежуточные инстанции нередко обретают, по существу, паразитические качества передатчика директив и информации; в ходе этой передачи информация искажается, отражение представляемых интересов деформируется (эффект "испорченного телефона" — известной детской игры).

Система иерархического подчинения должна потесниться, чтобы предоставить больше места равноправию самостоятельных, самостоятельных *ассоциаций*, которые Маркс считал первичными ячейками социалистического общества. Та же идея содержится в ленинском представлении о социализме как "строе цивилизованных кооператоров"². Вертикальные связи руководства и подчинения должны быть дополнены слабо у нас развитыми горизонтальными связями, которые, видимо, сложатся по мере реализации реформы. Причем экономические связи будут перелестывать чисто хозяйственные рамки. Будет реализовываться тенденция к формированию *социалистического гражданского общества*.

Настало время извлечь должные выводы из высоких оценок, данных Марксом и Энгельсом гражданскому обществу: "... гражданское

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 203.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 373.

общество — истинный очаг и арена всей истории... Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации...”¹

Именно гражданское общество придает устойчивость, ускоренность буржуазному строю при смене правительств и даже при политических кризисах. Гражданское общество арматурой горизонтальных связей закрепляет политическую власть. Именно гражданское общество обеспечивает саморегуляцию капитализма, пока отсутствующую у социализма. На нынешнем этапе развития социализма, когда практически все население не знает и не представляет себе другого строя, социалистическое гражданское общество было бы естественным и оздоравливающим.

Нельзя сказать, что у нас вообще не сложилось гражданское общество. Но, оказавшись в вынужденном противостоянии с государством, оно деформировалось, обрело наряду с нормальными межличностными, межгрупповыми связями и уродливые, патологические. Целесообразно вывести их наружу и дать возможность гражданскому обществу изжить их самому, а не только внешней репрессивной силой государства.

Вопреки прогнозу Маркса—Ленина *об отмирании государства* оно обрело при социализме огромную мощь. На определенном этапе в связи с известными задачами (укрепление нового строя, борьба против внешних и внутренних врагов в условиях изолированности первой социалистической страны) это было необходимо и неизбежно. Но после того как угроза реставрации капитализма оказалась практически снята, издержки огосударствления общества стали перекрывать выгоды от этого. Чрезмерная и чересчур широкая власть государства, его повсеместное вмешательство подавляют самостоятельность общества, ассоциаций, общественных организаций, индивидов, оказываются источником отчуждения человека, его незаинтересованности в общих делах и политической пассивности, наконец, антисоциального поведения, идеальной почвой для умножения и распространения паразитической бюрократии. Главным противоречием в общественно-политической сфере стало противоречие между изначально присущей социализму тенденцией к полному самоуправлению, т.е. к передаче управления гражданам, и растущей ролью государства и его аппарата в этом управлении.

Говорить сегодня об отмирании государства было бы утопизмом. Но столь же дезориентирующими оказываются утверждения, будто наше государство вообще уже не является таковым. Когда Ленин говорил о социалистическом государстве как “полугосударстве”, он имел в виду не более чем его классовое содержание, выражение им воли и интересов ранее эксплуатируемого большинства. Но наращивая в 20-е годы критику бюрократии и придавая вместе с тем концептуальное значение развитию кооперативной сети, он, по существу, вел курс на *разгосударствление общества*, на освобождение его от сковывающей опеки государства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 35.

Тем более такая эволюция важна сейчас, с накоплением творческой энергии и конструктивных способностей граждан.

Правда, в современных условиях создается впечатление, будто глшатаями ослабления государства, сужения его функций выступает правое крыло западной буржуазии, так называемые неоконсерваторы от Рейгана до Тэтчер. Это так, но не следует забывать, что на Западе, в частности в США, первыми выступили за сужение функций государства именно леводемократические идеологи. Так, Р. Эмерсон писал: "Лучшее правительство то, которое правит как можно меньше". И еще: "Чем меньше у нас правительства, тем лучше"¹. С другой стороны, поборниками абсолютной власти государства были такие силы реакции, как русский царизм и германский милитаризм, Меттерних и Бисмарк. А Маркс и Энгельс подвергали особенно резкой критике государственный социализм Лассалья и Дюринга, в который мы в определенной мере впали.

Теперь наступила возможность реализации Марковского предвидения об *обратном поглощении государственной власти обществом*. Социализм в преимущественно государственной форме исчерпал свои возможности. Он должен обрести новые формы, более отвечающие его первоосновам, его ориентации на самореализацию человека.

Иерархическое до сих пор построение политической системы социализма отводило человеку, индивиду, личности место на нижнем этаже этой системы, место винтика, микроэлемента. Хотя права личности провозглашаются и развиваются. Но этого недостаточно: человек должен оказаться в центре системы, в роли ее демиурга и движущей силы. Дело не только в обретающем ныне, в условиях информационной революции, первостепенное значение "человеческом факторе", который своей неисчерпаемостью только и может возместить растущий дефицит и удорожание ресурсов: по самому своему характеру общественно-политическая система социализма должна стать *антропоцентричной*, а личность — главным ее субъектом. Это, кстати, соответствует изначальному и, как считал Энгельс, точно выраженному основоположниками марксизма в Манифесте Коммунистической партии представлению о будущем обществе, в котором "свободное развитие каждого является условием свободного развития всех"², а не наоборот.

В большем учете, представительстве и защите не только общих интересов классов, слоев, социальных групп, но и частных интересов граждан видят, например, венгерские обществоведы наиболее важную перспективу развития политической системы социализма. Как замечает И. Хорват, сейчас "главная задача состоит в том, чтобы создать более ясные, более однозначные, чем прежде, отношения между государством и гражданами"³.

Сейчас, когда мы впервые в истории получили и стараемся реализовать возможность практической организации общественной жизни, при условиях, по выражению Маркса, наиболее достойных человеческой природы и адекватных ей, социалистическое общество не может не учитывать и не отражать в своей политсистеме естественное стремление со-

¹ Эстетика американского романтизма. М., 1977, с. 335.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 447.

³ *Непсабадшаг*, 24.XII.1986.

ветских людей к самовыражению, к расширению круга своих прав. При всей широте перечня прав и свобод, провозглашаемых нашей конституцией, при всех сдвигах после начала перестройки некоторые братские страны пошли дальше в реализации гражданских прав и институционального их обеспечения. Так, в ПНР в прошлом году учрежден пост общественного правозащитника, избираемого сеймом. (Специалисты именуют его "омбудсман" — термин шведского происхождения, поскольку именно Швеция здесь явилась пионером.)

Человек социалистического общества стремится — и это естественно в наше революционное время — стать *гражданином* в высоком значении этого слова. Хотя, к сожалению, в последние годы это слово оказалось как бы приниженным, сведенным к бытовому его смыслу. Настало время вернуть ему его первоначальную суть.

Указанное стремление само по себе содержит чувство ответственности индивида перед обществом, которое сильнее, чем возлагаемые на него государством обязанности. Между тем на пути реализации этого стремления воздвигнуты стены из бюрократических регламентирующих инструкций и привычек и из априорных запретов "на всякий случай", осаживающих и отбивающих тягу к самовыражению в интересах общества и отталкивающих человека в сферу личных интересов.

Таким образом, для общества и для человека безразлично, происходит ли их развитие в результате административно-распорядительской деятельности сверху или извне или же в результате их собственных усилий, а итоги будут разные: в первом случае они могут оказаться и мнимыми, или даже отрицательными, во втором — положительными, несмотря на возможные издержки.

С одной стороны, управленческие структуры обычно воспринимают "постороннее" *вмешательство рядовых граждан* в их работу как досадную помеху, считая контакты с ними "потерей времени". И не понимают, что эти "потери" в конечном счете оборачиваются выигрышем, повышением качества жизни в целом. Не случайно в Польше, да и в Венгрии прочно укоренилась практика "консультаций" руководства перед принятием важных решений и для выверения своей политики. Сначала принятая под давлением обстоятельств, как своего рода предохранительный клапан для выпуска пара излишнего недовольства, сейчас эта практика, как оказалось, способствует сплочению общества, развитию в нем чувства взаимной ответственности и соучастия в общественной жизни. С другой стороны, у довольно широких масс граждан еще не возникла заинтересованность в политическом самовыражении прежде всего потому, что результативность последнего низка и к тому же чревата возможными неприятностями.

Здесь возникает вопрос об отношении к *стихийности* социальных движений. В нашем обществоведении до сих пор преобладает негативная его оценка, поскольку стихийность воспринимается как показатель низкого уровня движения. Но, между прочим, Советы — политическая основа нашего общества — были порождены стихийным движением масс. Ленин констатировал "самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов" в 1905 и 1917 годах¹. А еще раньше заяв-

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 3.

лял: "Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно"¹.

Да разве не стихийно, а по чьему-то мановению руки росло в наших массах активно-критическое отношение к брежневскому режиму коррупции и застоя? Разве не это отношение, не эта позиция народа подвела в конечном счете к перестройке? В условиях зарегулированности иначе и быть не могло.

Стихийно произошли сдвиги в наших творческих союзах, вырвавшиеся в итоге недавних съездов писателей, кинематографистов, театральных деятелей. И в результате были сняты многие препятствия на пути развития нашей интеллигенции, созданы предпосылки для уникального в нашей истории союза интеллигенции с политическим руководством страны — благодаря, конечно, активному соучастию обеих этих сил в организации перестройки.

В общем, грех бояться слова "стихия". Оно не обязательно синоним деструктивности и дезорганизации. Наоборот, оно несет в себе богатое и ценное жизненное содержание, так сказать, сырой материал для организационного оформления. Если же организации и структуры пытаются оградить себя от стихийного течения жизни железным занавесом запретов и ограничений, то они демонстрируют тем самым свою неспособность реагировать на стихийные проявления самодеятельности и управлять ими и сами оказываются жертвой стихии: рано или поздно она захлестывает их.

В этой связи можно прогнозировать изменения и в формах общественной жизни. Хозрасчетные организации, экономящие время, откажутся от длительных собраний, заседаний; сократится потребность в вахтерах и табелях, поскольку заработок по труду окажется самым жестко дисциплинирующим фактором; партийным и другим комитетам придется отвыкать от длительных и частых инструктажей, за правильность которых им придется отвечать: зато умножатся встречи по интересам, дискуссии по острым, в том числе и политическим вопросам. Именно через них будет корректироваться политика, благодаря им оживится *обратная связь* "управляющих" с "управляемыми", пока еще — это наш существенный недостаток — развитая традиционно слабо.

Встает вопрос и об оценке так называемых *неформальных движений* и объединений, особенно распространившихся в молодежной сфере. Сам факт их непредвиденного появления, проблемы их институционализации свидетельствуют об оторванности нашей организационной системы от живой жизни, о необходимости исправить эту систему.

Ценность неформальных движений заключается и в том, что в них находит выход никем не запланированная и не декретированная самодеятельность и инициатива населения, формируется демократический тип личности. Они являются одним из зародышей складывающегося социалистического многообразия и плюрализма.

К сожалению, не все еще понимают важное значение движения "неформалов". Некоторые организации — профсоюзы, комсомол, — да и иные партийные комитеты, порой относятся к ним предвзято, видят в них опасных конкурентов и возмутителей бюрократического спокойствия, которых нужно во что бы то ни стало устранить. Это прин-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 217.

ципиально неверная, несовременная установка. Надо привыкать к тому, что не только в экономике, но и в других сферах жизни живое, многообразное самовыражение людей — не только не помеха, но важнейший источник и стимул развития, гарантия от окостенения и застоя.

Неформальные объединения — это чуткие индикаторы, оперативно реагирующие на происходящие в жизни процессы и изменения, актуализирующие и легализующие их, придающие им форму и дающие тем самым бесценный материал для организаций “официальных”, сообщающие этим последним мощный импульс развития и творчества.

Вот почему крайне важно устранить все бюрократические препоны на пути “неформалов”. Общий принцип здесь, как и в любой самостоятельной сфере, может быть лишь один: разрешается все, что не запрещено законом.

Контроль за *соблюдением законности* в деятельности неформальных объединений в социалистическом обществе может и должен быть функцией не только государственных органов, но и самой общественности. Формирование социалистического гражданского общества предполагает формирование механизмов социалистического общественного самоконтроля.

Эту мысль можно проиллюстрировать на примере самостоятельного общества “Память”. Само по себе его возникновение в пору демократизации и гласности легко объяснить. Рост интереса к национальной культуре и национальным традициям во всех советских республиках, среди всех народов нашей страны, стремление людей организовать на почве идеи возрождения и защиты этих традиций от разрушения свидетельствуют о развитии глубоких патриотических тенденций среди населения, о его стремлении к демократической самоорганизации на этой основе. Но мы видим и то, как патриотические настроения порой переходят в откровенно националистические, шовинистические, а стремление к демократической самоорганизации — в пренебрежение к нормам социалистической морали и законности.

Сейчас общественность реагирует на эти явления от случая к случаю, главным образом через прессу. Причем из публикаций не всегда ясно, чего хотят, за что и против чего выступают люди, группирующиеся вокруг “Памяти” и подобных ей объединений. Это только усиливает нездоровый интерес к ним, а в самих объединениях создает почву для углубления экстремистских, антиобщественных тенденций.

Думается, что наиболее правильным подходом к решению такого рода новых для нас проблем было бы предоставление широкого права самоорганизации любым объединениям, цели и методы деятельности которых не противоречат закону. Это позволило бы решить по меньшей мере две важные задачи. Во-первых, негативные тенденции движения “неформалов” гасились бы внутри самого этого движения, находили бы реальные общественные противовесы. Во-вторых, усиление легализации движения позволило бы снять ореол таинственности, “запретности”, созданный вокруг некоторых самостоятельных организаций и стимулирующий повышенный интерес к ним, не соответствующий существу и общественной значимости их деятельности.

У нас уже достаточно политического опыта, чтобы понять: запреты (модернизма в живописи, некоторых направлений современной музыки и т.п.) гораздо менее действенны с точки зрения обеспечения об-

щественной стабильности, чем легализация. В конце концов, народ с его здоровым вкусом отсеет все наносное, проходящее, неразумное и отберет наиболее ценное. Надо только больше доверять ему.

Условием эффективного функционирования и самокоррекции общественно-политической системы является *разновариантность развития, возможность выбора*. Дело в том, что с количественным ростом и усложнением производительных сил, с усложнением развития и роста взаимосвязей любая ошибка в решении, в выборе пути оборачивается нарастающими как снежный ком отрицательными последствиями — тем более в социалистической стране с огосударственной экономикой и другими сферами. В этих условиях правильное решение может быть принято лишь при выявлении альтернатив и их научной, всесторонней проработке. Отсюда целесообразность обсуждения реальных вариантов решения. Между тем сейчас многим проектам решений свойствен эклектизм, поскольку в них стремятся отразить интересы разных ведомств и разные, нередко взаимно исключающие позиции. Этот эклектизм отразился даже в тексте важнейшего и очень прогрессивного Закона о предприятии. Множественность вариантов решения обеспечит и необходимую коррекцию даже при оптимальном выборе. ЦК ВСРП, например, считает необходимым, чтобы проекты решений содержали и информацию о расхождениях во мнениях при их подготовке.

Без сопоставления разных точек зрения, без демократических дискуссий и возможности выбора могут быть допущены крупные ошибки. Сегодня ясно, что из-за отсутствия такого выбора, например, в формах обеспечения экономического роста подобные ошибки допускались.

Полезным представляется практикуемое особенно в Польше (но также в Югославии, Румынии, КНР) создание консультативных советов экспертов-специалистов при высших органах власти — сейме и Государственном совете, а также при Совете Министров и воеводских советах. Члены этих советов, с которыми довелось беседовать, выражают удовлетворение результативностью своей работы. У нас такие консультации со специалистами стали правилом, но почти нет институционализированных советов экспертов, консультации с которыми были бы обязательными для соответствующих органов.

Разгосударствление, деэтизация общества не может не сопровождаться созданием параллельных центров сбора информации и подготовки важных решений, появлением инициативных общественных групп, работающих наряду с государственными органами над той или иной проблемой. Если в других странах, в том числе в социалистических, у профсоюзов есть своя позиция по вопросам динамики цен, зарплаты и политики доходов (которой у наших профсоюзов нет), то это, в частности, потому, что они имеют свое статистическое обеспечение и свои подсчеты. В других странах (есть они и у нас) возникают неформальные, независимые от государства группы экспертов, берущие на себя инициативу в исследовании волнующих общественность проблем (например, экологических: можно себе, например, представить всестороннюю проработку перспектив использования альтернативных, экологически чистых источников энергии).

В общем, можно говорить о *принципе состязательности*, внедрение которого позволит не только увидеть все аспекты обсуждаемого

вопроса, расширить круг участников управленческого процесса, но и найти оптимальное решение.

В этой связи представляется исключительно важной освоенная в большинстве социалистических стран практика *множественности кандидатов* при выборах в органы власти, выдвижение ими альтернативных предложений, прежде всего по местным вопросам, в рамках единой избирательной программы. Хотя примененная у нас на последних выборах в порядке эксперимента система многомандатных округов приглушает выигрыши от альтернативности. В Польше, где опробовалась эта система, но затем от нее отказались, видные юристы-государствоведы (например, член Госсовета проф. С. Завадский) подчеркивают преимущество одномандатных округов с несколькими кандидатами: здесь выбор для избирателя яснее и понятнее.

Применение выборного и конкурсного начала (в Югославии, Венгрии, а теперь и у нас) оказывается, судя по всему, хорошей формой саморегуляции, самокоррекции развития в разных сферах и на разных объектах. Я. Кадар на XIII съезде ВСРП следующим образом комментировал эту практику: "Но пусть никто не поймет это таким образом, что мы создаем на предприятиях анархию. Как раз напротив: руководитель будет в определенной мере зависеть от коллектива, и не беда, если он иногда немного поволнует, как же оценивает его коллектив. Но работу будет направлять руководитель"¹. Причем нововведения в избирательном механизме ЦК ВСРП связывает с тем, что "наш народ политически зрел, на него можно положиться"².

Из множественности социальных интересов и участвующих в управлении сил и альтернативности выдвигаемых вариантов вытекает не только возможность, но и *естественность конфликтов*, целесообразность их институционализации. До сих пор мы обычно исходили из постулата морально-политического единства народа. Оно действительно есть, но перед лицом внешней опасности, в экстремальные периоды. Само же растущее многообразие социалистического общества, усложнение его социально-профессиональной структуры (кстати, опровергающее поспешный вывод о социальной однородности советского общества) не должно отпугивать от признания внутренних противоречий и конфликтов. Отрицать их значило бы загнать их в подполье: придать им разрушительные, антиобщественные формы. Проблема состоит в позитивном использовании противоречий и конфликтов на благо общества, в их институционализации — учете их в системе, регулировании коллизий и способов достижения согласия, равно признаваемых участниками.

Не случайно Ленин в условиях нэпа в написанном им постановлении ЦК РКП (б) о роли и задачах профсоюзов констатировал, что ведомственные интересы и усердие в условиях хозрасчета "неминуемо порождают известную противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат"³. Подобное же противоречие стало

¹ XIII съезд Венгерской социалистической рабочей партии. М., Политиздат, 1985, с. 68.

² Там же, с. 69.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 343.

все чаще выходить наружу и сегодня, в условиях перехода предприятий на самоокупаемость.

Неотъемлемым компонентом подлинной социалистической демократии является *законность*. Ее развитие — процесс двусторонний. С одной стороны, необходимо укоренение правосознания, правовой культуры и чувства гражданского достоинства в массах, чего мы пока не достигли, поскольку своевольные действия многих властей и их фактическая неподсудность оказывались очевидным попранием законности. Так что речь идет о том, чтобы законность принималась всерьез и для всех без исключений. С другой стороны, речь идет о том, чтобы наши законы соответствовали этому слову, а не носили декларационный, отсылочный характер, из-за чего они часто попросту не работают. Не случайно юристы говорят, что у нас есть “мертвые” и “полумертвые” законы. Закон, как точно сказал депутат И. Т. Таранов налетней сессии Верховного Совета СССР 1987 г., “должен быть более требовательным, конкретным и ясным”. Характерное для наших законов “широкое, неконкретизированное толкование... создает излишние затруднения” при их применении, говорил тогда же другой депутат Н. И. Мальков. Речь должна идти и о возможности непосредственного применения конституции, не дожидаясь принятия соответствующих законов.

Большое значение имеет кодификация законов и упорядочения. В ПНР, например, число нормативных актов, составлявшее в 1959 г. 89 тыс., к концу 1986 г. было сокращено до 10 тыс.

Давно напрашивается создание, по примеру Югославии, Венгрии и Польши, Конституционного суда, который определял бы соответствие законов и правительственных решений (очевидно, и партийно-правительственных) Конституции и отменял бы незаконные. Сейчас эта функция закреплена за Президиумом Верховного Совета СССР, который в силу самого своего характера и состава не может ее выполнять, а перекладывает на аппарат. Между прочим, до конца 20-х годов Верховный суд СССР имел полномочия по надзору за конституционностью законодательных актов на уровне союзных республик, а также решений исполнительных органов, и он широко пользовался этими полномочиями, пока они не были упразднены (формально переданы Прокуратуре СССР). Однако в нынешних условиях Верховный суд загружен работой как высшая судебная апелляционная инстанция, и вряд ли ему уместно брать на себя функции совсем иного характера.

Конституционный суд мог бы избираться на определенный срок (вероятно, на 1—2 легислатуры) Верховным Советом СССР как высшим органом власти, быть ответственным только перед ним, а члены его — пользоваться иммунитетом и несменяемостью до истечения срока их полномочий. Формироваться он мог бы, учитывая опыт братских стран, из авторитетных специалистов — юристов и политологов, но, вероятно, также из наиболее уважаемых депутатов Верховного Совета.

Реформа политической системы немыслима сегодня без коренного пересмотра ряда устаревших положений нашей *политической теории*, без принципиального изменения некоторых наших представлений о демократии.

Сущность демократизации можно сформулировать в нескольких

словах: переход от формальной демократии к реальной. Но теоретические и практические задачи, которые скрываются за этими словами, грандиозны по своей революционной глубине.

Современная представительная демократия зародилась на Западе и была одним из тех завоеваний, которым человечество обязано буржуазии периода ее революционной молодости. В тех принципах, которые буржуазия противопоставила в свое время феодальной политической системе (разделение властей, всеобщее избирательное право, свобода слова, печати, политических организаций и т.п.), ничего классово ограниченного не было, принципы эти носили прогрессивный характер и заключали в себе мощный общецивилизационный заряд. Когда мы говорим об ограниченности буржуазной демократии, надо отдавать себе ясный отчет: ограниченными являются не сами по себе демократические нормы и принципы, действующие в буржуазном обществе, а их реальное политическое наполнение, обусловленное конкретными особенностями общества. Буржуазная демократия исторически ограничена лишь постольку, поскольку она непоследовательна, поскольку равенство политических прав она не доводит до равенства по отношению к средствам производства и потому неизбежно оказывается политическим инструментом в руках экономически господствующего класса.

К сожалению, в нашей политической теории отрицание буржуазной демократии долгие десятилетия было слишком абстрактным, метафизическим, "зряшным", если воспользоваться известным ленинским термином. Получалось так, что вместе с классовой ограниченностью буржуазной демократии отбрасывались ее общецивилизационные завоевания, а социалистическая демократия казалась чем-то таким, что возникло как бы вне традиций мировой политической мысли, вне всякой преемственности с ними. Логика "пролетарской культуры" нигде не пустила такие глубокие корни, нигде не оказалась столь устойчивой, как в этой сфере.

Демократизация не может не распространяться и на *образ жизни самой правящей партии*. Это — ключевое условие улучшения всего общественно-политического климата, обеспечивающее рост доверия к партии в обществе. Оно способствует восприятию и развитию демократических навыков и подхода в руководимых коммунистами государственных и общественных организациях, способствует преодолению в них элементов бюрократизма, пренебрежительного отношения к нуждам и запросам трудящихся, что в свою очередь стимулирует демократическую активность последних.

От обстановки в партии, степени и эффективности развития внутрипартийной демократии прежде всего зависит, примет ли совершенствование социалистической демократии в целом реальный или формальный характер. Во всех сферах именно партии, ее членам предназначено первыми своим образом жизни воплощать идеалы социализма. В этом — их почетный долг, но и большая ответственность. Нравится это или нет, но любое общество относится как к эталонному к социальному поведению своей верхушки. Факты коррупции и социального эгоизма ответственных партийных работников следует обнародовать — тем более что они все равно становятся известны — и подвергать жестким правовым, политическим и моральным санкциям.

Не обойтись и без отказа от материальных привилегий для руководящих партийных деятелей и работников аппарата, или следует хотя бы поставить их положение в зависимость от трудовых результатов подведомственных организаций.

Нельзя не учитывать издержек монополии нашей партии на власть в стране, издержек однопартийной системы. В 1921 г. один из руководителей Центральной контрольной комиссии РКП (б) А. А. Сольц, которого называли "совестью партии" (у А. Рыбакова в романе "Дети Арбата" он помогает герою, несправедливо исключенному из партии), писал: "Долгое пребывание у власти в эпоху диктатуры пролетариата возымело свое разлагающее влияние и на значительную часть старых партийных работников. Отсюда бюрократия, отсюда крайне высокомерное отношение к рядовым членам партии и к беспартийным рабочим массам, отсюда чрезвычайное злоупотребление своим привилегированным положением в деле самоснабжения. Выработалась и создалась коммунистическая иерархическая каста..."¹

Унаследованная от Сталина *концепция партии-монумента устарела*, да и, строго говоря, столь же лишена смысла, как и сравнение советских людей с винтиками. Монумент есть нечто неодушевленное, он не может мыслить, не может развиваться; в монументе нет живой жизни.

Ленин в свое время критиковал практику, когда аппарат диктует свою волю партии. Аппарат для политики, а не политика для аппарата — таков был ленинский принцип. Обеспечением социальной привилегированности и исключительности, с одной стороны, запугиванием и террором — с другой, Сталин поставил аппарат себе на беспрекословную службу. С уходом Сталина и прекращением террора аппарат все более успешно претендовал на самостоятельность, на подчинение общества себе, своим интересам. О силу и косность аппарата разбились хрущевские реформы. Лучшим для него временем оказался брежневский застой. Но и сегодня назревшие общественные реформы "вязнут" в аппаратно-бюрократическом болоте. Вот и перед Всесоюзной партийной конференцией аппарат во многих местах, как видно из читательских писем в печать, безуспешно пытался отстранить партийную массу от формирования делегатского корпуса конференции.

Правящие партии таких стран, как Венгрия, Польша, Югославия, Вьетнам, Китай, все определеннее признают *полезность дискуссий*, столкновения мнений внутри партии, реального, содержательного обсуждения членами партии коренных, принципиальных вопросов "большой политики" партии, в том числе и тех, которые раньше были табу. Между тем в действующем Уставе КПСС дискуссия внутри партии (см. п. 26) трактуется как нечто чрезвычайное и по существу отрицательное явление, хотя она должна стать нормой (но, конечно, не перманентным состоянием) внутренней жизни партии. Ленин еще на III съезде партии указывал на важность свободы дискуссии и единства действий и вносил соответствующее предложение к Уставу.

В Уставе КПСС (п. 3-б) обусловлено право члена партии "открыто высказывать и отстаивать свое мнение до принятия организацией решения". А если решение принято неправильное? Похоже, что это усло-

¹ *Правда*, 12 ноября 1921 г.

вие противоречит зафиксированному здесь же праву члена партии "свободно обсуждать на партийных собраниях, конференциях, съездах, на заседаниях партийных комитетов и в партийной печати" (почему только в партийной? А в органе Верховного Совета СССР "Известиях" или в книгах издательства "Прогресс" нельзя?) вопросы "политики и практической деятельности партии".

Во всяком случае, ВСРП, ПОРП, СКЮ, некоторые болгарские общественеды считают, что если в обществе проявляются противоречия и конфликты, то они должны находить отражение и внутри партии. Там обосновывается право меньшинства на критику взглядов и позиций большинства и после принятия решения. Вместе с тем руководство этих партий предупреждает об опасности превращения партии в место "бесконечных дискуссий".

ВСРП и ее руководство уже давно придерживаются интересного тезиса о том, что в условиях однопартийного режима партия должна сама быть "своей собственной оппозицией". В последнее время в партийной печати говорится и о целесообразности создания "своего рода противовеса, который мог бы предостеречь партию от принятия неверных решений, уменьшить возможность для появления формальных, бюрократических черт в партийной работе"¹.

А в декабре 1923 г. в единогласно принятой резолюции ЦК ВКП (б) говорилось: "Только постоянная, живая идейная жизнь может сохранить партию такой, какой она сложилась до и после революции, с постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением своих ошибок и коллективным обсуждением важных вопросов... Требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности"².

Сейчас, очевидно, пора вернуться к смыслу и духу подхода Ленина к этим вопросам, который понимал, что без оживленной внутренней идейной жизни партии она не сумеет правильно решить встающие перед ней серьезные задачи.

Труднейшей, но неизменно актуальной проблемой является *разграничение функций партии и государства*. Ленин, как известно, уже в 20-е годы возмущался тем, что без Политбюро не удается решать мелкие, по существу, вопросы, вроде закупки партии консервов за рубежом. При подготовке XI съезда он требовал: "разграничить гораздо точнее функции партии (и Цека ее) и Соввласти; ...за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства"³. XI съезд принял соответствующую резолюцию: "Парторганизации ни в коем случае не должны вмешиваться в повседневную текущую работу хозорганов и обязаны воздерживаться от административных распоряжений в области советской работы вообще"⁴. Однако реализовать эти благие

¹ *Таршадалми семле*, 1987, № 7.

² XIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет, с. 153.

³ В. И. Ленин и н. Полн. собр. соч., т. 45, с. 61.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 344.

намерения ни тогда, ни теперь, ни нам, ни правящим партиям в других соцстранах не удавалось и не удастся, что, в общем, понятно, ибо на практике ежедневно складываются ситуации, от вмешательства в которые правящая партия не может воздержаться.

Плодотворной представляется польская концепция партии не только как руководящей общественной силы, но и как арбитра в отношениях между различными социальными группами и организациями, между государством и народом. Хотя на практике свой авторитет в народе ПОРП далеко не восстановила и государство пользуется значительно большим престижем.

Руководящая роль, очевидно, не может даваться партии автоматически: ее нужно подтверждать изо дня в день своей эффективной деятельностью на благо народа и общества.

Ленин, как известно, говорил о необходимости контроля беспартийных над коммунистами¹. Сегодня практически и логически ставится вопрос о контроле общества над партией в связи с приоритетом народного суверенитета. Так высказываются сейчас даже китайские общественеды, причем руководство КПК поддержало тезис о необходимости для партии бороться за свое влияние в массах.

Другая сторона этого вопроса — более широкое *выдвижение беспартийных* на руководящие посты в разных сферах общественной жизни, что практикуется особенно в Польше, КНР, Венгрии (но пока что не у нас).

Словом, в ходе перестройки реформа политической системы социализма становится не только теоретико-методологической, но и практической проблемой, руслом сплочения и активизации всех живых общественных сил.

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 280.

МЕХАНИЗМ ТОРМОЖЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Сложности, с которыми мы встречаемся сегодня при функционировании нашей политической системы, обусловлены тем, что основоположники марксизма уделили недостаточное внимание проблемам формирования механизмов политической власти в послереволюционном социалистическом обществе. Маркс и Энгельс разработали эту проблему в негативном плане. До Октябрьской революции Ленин шел за ними. Проблемы организации политической власти — форм государственного устройства, взаимодействия различных элементов власти — были рассмотрены в самой общей форме.

Недостаточное внимание к проблемам организации политической власти при социализме со стороны Маркса и Энгельса объяснялось следующим обстоятельством. В свое время они наблюдали “минимальное государство” эпохи капитализма *laissez faire*, которое занимало по отношению к гражданскому обществу в Англии, США, Голландии подчиненное положение. Исходя из этого, они предполагали, что при наличии в развитых капиталистических странах свободного индивида и отделенного от государства гражданского общества, которое надежно контролировало “минимальное государство”, его роль в жизни общества является весьма скромной.

Только этим можно объяснить уверенность Маркса и Энгельса в том, что сразу же после переворота в сфере гражданского общества, ликвидации частной собственности и антагонистических классов государство начнет отмирать. Они полагали, что институционализированное гражданское общество, ядро которого составляют свободные индивиды, будет постепенно занимать место государства. Произойдет прогрессирующее сужение политической сферы — сферы государственной деятельности, и одновременное расширение сферы гражданского общества, вплоть до полного отмирания государства и утверждения полного самоуправления неполитического, институционализированного гражданского общества.

До Октябрьской революции, еще в период написания работы “Государство и революция”, Ленин стоял на аналогичных позициях. Однако революция произошла не в Англии, США или Голландии, а в России, где не было ни свободного индивида, ни институционализированного гражданского общества, отделенного от государства. В послереволюционной России, естественно, не могло быть и речи о немедленном отмирании государства. В условиях отсутствия свободного индивида и гражданско-

го общества, государство оказалось единственной силой, способной осуществить намеченные революцией цели по социально-экономическим преобразованиям. Таким образом, уже на заре становления нашей политической системы произошла инверсия функций между государством и гражданским обществом. Государство поглотило на определенном этапе как индивида, так и гражданское общество, тотально регламентируя сверху все сферы жизнедеятельности общества и индивида.

Ленин ясно видел эту инверсию отношений между государством, обществом и индивидом. Он предполагал, что подобное отклонение действительности от нормативной теории марксизма хотя и было неизбежным в российских условиях, но носило временный характер. Он был уверен, что сложившееся после революции в России "государство... с *бюрократическим извращением*", выполнив свои функции по укреплению индивида и гражданского общества, начнет процесс своего отмирания.

Однако на деле развитие политической системы пошло по-другому. Как отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, произошла абсолютизация сложившейся к тридцатым годам политической системы. Отношения между государством, обществом и индивидом перестали рассматриваться как аномальные, отклоняющиеся от политической теории марксизма. Они стали рассматриваться как идеально соответствующие требованиям социалистического общества, а вся последующая политическая литература вместо анализа теоретических проблем политической теории марксизма и степени эффективности функционирования политической системы занялась в основном восхвалением и вознесением сложившейся политической системы, несмотря на явное несоответствие этой системы требованиям политической теории марксизма. Так как сегодня партия взяла курс на демократизацию политической системы нашего социалистического общества, возникает настоятельная необходимость возврата к истокам марксистской политической теории, к указаниям Маркса, Энгельса, Ленина для революционной перестройки нашей политической системы.

В силу вышеназванных причин отсутствие фундаментальных разработок в марксизме об организации механизма государственной власти после победы социалистической революции в такой стране, как Россия, привело во многом к стихийному становлению новых органов власти. Ленину пришлось всерьез этим заниматься уже по ходу дела, по мере складывания новой политической системы. Так как объективные условия послереволюционной России были далеки от требований классической марксистской теории, то нет ничего удивительного в том, что вместо отмирания государства Ленин уже в 1920 году говорил, "что государство у нас рабочее с *бюрократическим извращением*"¹. Хотя у него в эти первые критические годы становления нового общества и аппарата государственной власти не было ни времени, ни возможностей для углубленного, специального анализа проблем государственного механизма и его практической перестройки в соответствии с требованиями эффективности функционирования государственного аппарата, Ленин тем не менее в общих чертах обозначил основные болевые точки складывающейся в России новой политической системы. Он очень тонко

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 208.

подметил возникающий глубокий конфликт между всевозрастающей бесконтрольной властью бюрократии и ослаблением роли выборных органов, что вело к отчуждению масс от новой власти, между политиком и бюрократическим аппаратом.

Многочисленные исследования современной политологии о становлении и развитии политических систем в новое время подтвердили универсальный характер вскрытых Лениным коренных противоречий политического механизма и на примере эволюции политических систем на Западе показали, что механизм торможения в любой политической системе — это результат изменения соотношения сил между сферой демократии и бюрократии, политиком и бюрократией в пользу последней.

В рамках данной статьи я остановлюсь на ключевых моментах становления институционального механизма торможения в качестве складывания бесконтрольной, всесильной и всеохватывающей бюрократии в нашей политической системе и на главных направлениях радикальной реформы нашей политической системы, исходя из общей концепции о необходимости революционного обновления всех сторон жизнедеятельности нашего общества, выдвинутой нашей партией, и откликаясь на призыв февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС о необходимости "подготовки к предстоящей партийной конференции развернутых предложений по совершенствованию политической системы, которые базировались бы на идеях XXVII съезда партии, пленумов ЦК о социалистическом самоуправлении народа, учитывали бы те процессы демократизации, которые происходят в обществе"¹.

* * *

В. И. Ленин рассматривал феномен бюрократии со всеми ее позитивными и негативными проявлениями как нечто универсальное и требовал изучения специальной литературы, немецкой и американской, по этим проблемам². Исходя из этого принципиального ленинского замечания, попытаемся разобраться, каковы взаимоотношения между бюрократией и демократией в нашей политической системе.

Некоторые закономерности во взаимоотношениях между бюрократией и демократией проявились и в функционировании нашей политической системы. Уже через несколько лет после создания органов новой власти Ленин обратил внимание на складывание ненормальных взаимоотношений между аппаратом того или иного органа власти и политиком, т.е. на конфликт, который выявил Вебер, но назвал его конфликтом между бюрократией и демократией. Ленин отмечал, что "без "аппарата" мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма"³. Ленин неоднократно подчеркивал, что "аппарат *для* политики, ... а не политика на службе (хорошей) бюрократии"⁴.

На начальной стадии становления новой государственной машины в

¹ М. С. Горбачев. Революционной перестройке — идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года. М., Политиздат, 1988, с. 34.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 278.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 381.

⁴ Там же, с. 373.

нашей политической системе мы действительно имели бюрократию и политика, т.е. людей, которые через общественную деятельность и политическую борьбу добились права занимать высокие государственные должности для реализации решений правящей партии. Составы законодательных органов в Советах также были в большинстве своем укрупленными людьми, которые проявляли себя в борьбе за новую власть, в гражданской войне, в деятельности непосредственно перед массами, которые их знали, ценили и выдвигали. Аналогичная ситуация была в партии, где выдвигались люди преимущественно благодаря своим знаниям, умению и организаторским способностям, благодаря качествам, необходимым политическому лидеру. В довольно широких пределах в стране существовала атмосфера открытости, гласности, внутривластная демократия, тот же дух в Советах. Печать имела возможность донести события, происходящие в политической сфере, до сведения масс. Все эти факторы создавали предпосылки для более или менее эффективной борьбы политика с бюрократией, против тайных каналов коммуникации, протекционизма, клиентельных отношений, изъятия из зоны общественного влияния и контроля процесса принятия важнейших решений по вопросам экономической, политической, культурной жизни общества. Однако с определенного периода развития нашего общества, когда, как сказал М. С. Горбачев, "в силу известных обстоятельств из теории и общественно-ведения ушли живая дискуссия и творческая мысль, а авторитарные оценки и суждения стали непрекаемыми истинами, подлежащими лишь комментарию", что самое печальное для развития политической системы, "произошла своего рода абсолютизация сложившихся на практике форм организации общества. Более того, подобные представления, по сути дела, отождествлялись с сущностными характеристиками социализма, рассматривались как неизменные и преподносились в качестве догм, не оставляющих места для объективного научного анализа". Необходимо отметить, что это все произошло не вдруг и не случайно. Оно стало результатом очень серьезных институциональных изменений в нашей политической системе.

Великое завоевание революции – советская форма организации власти в процессе развития нашей политической системы столкнулась с серьезными трудностями при выполнении возложенных на нее задач по выработке основных законов общества и по контролю за деятельностью исполнительных органов власти. Первоначальная, рожденная самим творчеством масс идея представительства рабочих, крестьян и солдат в Советах имела очень важное значение. Она давала возможность представителям народа из низов высказать свои суждения по тем или иным жизненно важным вопросам. Эти представители всех слоев нашего общества олицетворяли общую волю народа, через выражение которой новая власть легитимизировала свои первые, кардинальные для нового общества решения. Народная воля, выраженная в Советах, участвовала в решениях важнейших вопросов войны и мира, собственности, земли, принципов организации политической власти. В какой-то степени на начальном этапе становления нашей власти Советы представлялись как органы прямой демократии, где представители всех классов доносили через наказы общую волю народа. Это в чем-то напоминало идеальную концепцию выработки общей воли и организации политической власти, которые мы находим в "Общественном договоре" Руссо. Однако как в теории, так

и на практике мы не отказались от представительной формы организации высших органов власти.

На практике из-за того, что мы не смогли найти какой-то компромисс между принципом прямой демократии (попытка обеспечить тотальное участие всего народа в формировании Общей Воли через Советы) и представительной (избрание депутата как делегата для передачи Общей Воли через наказы соответствующего электората), наша законодательная отрасль власти оказалась в зачаточном и аморфном состоянии.

При таком смешении этих принципов мы на практике не получили прямой демократии, т.е. действительной возможности для всего электората непосредственно участвовать в формировании Общей Воли и реализации этой Общей Воли при принятии законодательных решений. Но мы не получили и нормальной системы представительной демократии, так как представитель оказался лишенным любой самостоятельности. В сложившейся политической системе он выступает всего лишь в роли посредника, который через наказы на том или ином уровне власти передает волю избравшего его электората. Поэтому в политической системе для подобного представителя-делегата не нашлось самостоятельного места, и ничего удивительного, что сфера законодательной власти превратилась в сферу непрофессиональной деятельности¹. Законодательная власть потеряла свои постоянные функции и полномочия, которые формировались в течение многих столетий, сначала в недрах сословных монархий, а затем в трансформированном виде в политических системах современных представительных демократий на Западе. В итоге и у нас сложилась такая политическая система, когда весьма далекие от политики замечательные люди, представляющие все профессии и социальные слои нашего общества — доярки, токари, шахтеры, врачи, актеры и т.д., — стали представлять Общую Волю нашего общества в течение нескольких дней в году, чтобы утвердить решения, представленные на их сессиях бюрократией исполнительных органов.

Сегодня мы знаем, что почти все политические системы используют референдум по тем или иным кардинальным вопросам, с участием всего народа, когда необходимо выявить волю большинства, вытекающую из принципа суверенности народа, но никому в голову не придет по любому поводу законодательной или административной деятельности созывать референдум. Это все делается с помощью постоянно действующих представительных органов власти, которые контролируют деятельность исполнительных органов. Отсутствие постоянно действующих законодательных органов власти, имеющих в своем составе профессиональных, квалифицированных политиков, представляющих интересы различных общественных слоев, делает действия исполнительных органов власти практически неконтролируемыми. Вся деятельность Советов на сессиях на деле превращается в референдум с участием депутатов. Так как в соответствии с нашей политической теорией взаимоотношения депутата и электората жестко регулируются наказами, за реализацию этих нака-

¹ Подробнее о том, кто должен быть представлен в органах законодательной власти и как себе представлял этот вопрос В. И. Ленин, см.: А. М. Мигранян. Взаимоотношения между индивидом, обществом и государством в политической теории марксизма и проблемы демократизации социализма. — *Вопросы философии*, 1987, № 8.

зов голосует фактически весь электорат, то получается так, что любое решение, принятое, как правило, единогласно в законодательных органах на разных уровнях, является решением всего электората данного района, области, республики или страны. Таким образом, законодательные органы власти на всех уровнях, которые олицетворяют демократию, — а от эффективной их деятельности зависит степень демократии того или иного общества — превратились в квазиплебисцитарный рудимент политической системы. Из-за неразвитости целой отрасли власти в политической системе монополия на власть оказалась в руках исполнительных органов власти, по сути никем не выбираемых и ни перед кем не подотчетных. Не случайно на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, характеризуя сложившиеся ненормальные взаимоотношения между законодательными и исполнительными властями, М. С. Горбачев сказал: "Давайте посмотрим на жизнь, как говорится, открытыми глазами: произошло непомерное разрастание роли исполнительных органов в ущерб выборным. На первый взгляд будто все идет нормально. Регулярно проводятся и пленумы, и сессии, заседания других выборных органов. Но работа их часто заформализована, на обсуждение выносятся второстепенные или заранее предreshенные вопросы. В результате отсутствует должный контроль за деятельностью исполнительных органов и их руководящих кадров. Что уж греха таить, некоторые товарищи стали смотреть на выборные органы как на некую обузу, от которой одни тяготы и помехи. Вот ведь до чего дошло!"¹

Таким образом, в сфере взаимоотношений законодательной и исполнительной власти роль законодательной сферы, сферы публичной политики, сферы демократии, была крайне ограничена. То есть сложилась ситуация, при которой в нашем обществе перестала существовать борьба между сферой демократии и сферой бюрократии, так как всецело доминировала сфера бюрократии.

* * *

Одним из главных вопросов, довольно основательно рассмотренных учеными-политологами, является вопрос об отношениях между политиком и бюрократией. Исследователи вопроса вскрыли неравноправные отношения между политиком и бюрократией. Они считают, что при демократии бюрократия является инструментом в руках избранного политика. Она должна беспрекословно подчиняться политику, если даже его приказы несправильны. Однако у большинства политологов на этот счет нет никаких иллюзий. Они считают, что контроль политика над бюрократией возможен только в очень ограниченной степени для тех, кто не является техническим специалистом. Вероятно, что прошедший специальную подготовку постоянный чиновник в долговременном плане проводит свою линию в большей степени, чем номинальный руководитель, министр кабинета, который не является специалистом.

Чиновник, бюрократ — это эксперт, по отношению к которому руководитель чувствует себя дилетантом. Более того, в процессе выполнения своих обязанностей чиновник получает большое количество конкретной

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27–28 января 1987 г. М., Политиздат, 1987, с. 46–47.

информации, которая не всегда находится в распоряжении политического руководителя. Это является еще одним важным источником бюрократической власти.

В. И. Ленин, анализируя взаимоотношения между политиком и бюрократией на начальном этапе становления наших органов власти, вскрыл абсолютно идентичные противоречия между бюрократией и политиком, что доказывает универсальный характер этого структурного противоречия. На начальном этапе становления нашей власти мы действительно имели феномен конфликта и специфических взаимоотношений между бюрократией и политиком, что Ленин называл конфликтом между бюрократической машиной и политическим руководством того или иного органа управления. Он считал недопустимым ситуацию, когда "машина едет не туда, куда ее направляют... едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины"¹. Этот конфликт был обусловлен тем, что мы тогда имели политиков в истинном смысле этого слова, о чем было сказано выше. Став во главе различных исполнительных органов власти, они в своей деятельности пытались адаптировать бюрократический аппарат к выполнению задач, стоящих перед обществом. Однако в дальнейшем, при прогрессирующем сужении сферы демократии (резкое падение роли органов законодательной власти вследствие складывания формальных процедур формирования состава этих органов и резкого сужения их компетенции) и резкой смене в течение первого десятилетия руководителей почти всех центральных и местных органов управления, вновь появившиеся руководители соответствующих органов управления с большой натяжкой могут называться политиками, если вообще этот термин к ним может быть применен. При сворачивании сферы публичной власти, при отсутствии выборов на исполнительные должности и какого бы то ни было контроля со стороны общественности за их деятельностью формирование руководящих звеньев органов власти начало носить исключительно бюрократический характер с наиболее яркими проявлениями таких негативных черт, вскрытых теоретиками бюрократии, как лояльность и личная преданность вышестоящему начальнику, расцвет системы клиентельных отношений, скрытая от глаз общественности борьба бюрократических клик и т.д.

Таким образом, к 30-м годам мы уже не имели конфликта между политиком и бюрократом, так как мы уже не имели ни сферы публичной политики, с выдвиганием и дебатированием разных подходов и программ по решению кардинальных проблем нашего общества, ни политика. К этому времени наша политическая система превращается в тотально бюрократизированную, на себя самое замкнутую систему с исключением и отчуждением от сферы политики почти всего населения страны.

К сожалению, практически в нашей политологической литературе проблема партии в политической системе социализма серьезно даже не затронута. Шестая статья Конституции не только не проясняет картину, а, скорее, наоборот, ставит ряд вопросов, на которые просто невозможно ответить с точки зрения политической теории марксизма. Конституция декларирует руководящую и направляющую роль КПСС в нашей политической системе. Однако в ней нет никаких даже намеков на то, что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 86.

партия занимается каждодневным директивным вмешательством в административно-распорядительную деятельность хозяйственников и что все органы государственной власти на всех уровнях замыкаются на институционализированных в масштабах всей страны соответствующих партийных органах.

Видимо, поэтому Конституция не определяет прерогативы и полномочия партийных органов на разных уровнях. Получается парадоксальная ситуация. Политическая теория и Конституция не предполагают каждодневного административного вмешательства партийных органов в решение текущих проблем по управлению государственными и хозяйственными делами страны, и, видимо, поэтому Конституция не определяет правовые рамки деятельности партийных органов в политической системе. Однако на уровне политической практики руководящая роль КПСС трансформируется в управление решениями текущих хозяйственных и социокультурных проблем на уровне района, области, края, республики и страны в целом в лице партийных органов соответствующего уровня. Подобная политическая практика приводит к дублированию партийными и государственными органами функций управления страной. Нередко партийные органы подменяют исполнительные, законодательные и судебные власти, что было особенно характерно для периода культа личности, но в значительной степени проявляется и в настоящее время.

Мне представляется, что существующая нерасчлененность функций между законодательными, исполнительными, судебными и партийными органами объясняется тем, что в нашей политической системе не было проведено четкое разделение властей. Путем разделения властей одни элементы власти уравниваются другими в силе и влиянии в общественных делах, создавая тем самым подобие механизма сдержек и противовесов, известного еще в политической практике Древнего Рима. Эти ориентированные на практический результат англичане античности создали политические институты, которые оказались в состоянии на долгие столетия сохранить за Римом статус мировой державы. В основе всего этого лежал найденный однажды в политическом развитии этого великого города механизм сдержек и противовесов, который покончил с греческим полисным сосредоточением всей полноты власти в едином центре, в каком-либо институте, социальном слое или классе. Власть была рассредоточена между различными социальными классами и институционализирована таким образом, чтобы предотвратить ее сосредоточение в едином центре. Подобная политическая система, с одной стороны, покончила с греческой полисной тотальностью власти, с другой, вовлекая и институционализируя политическое участие других социальных сил, снимала протест и нелегальную оппозицию против законной власти.

Фактически механизм сдержек и противовесов способствовал выработке консенсуса между конфликтующими сторонами через определенный институциональный механизм. Анализ римской политической системы, проведенный Макиавелли, Монтескье и другими мыслителями прошлого и настоящего, приводит к утверждению, что механизм сдержек и противовесов имеет ряд имманентно присущих этому механизму универсальных характеристик. Наличие этого механизма в рамках любой политической системы, как в античности, так и в Новое время, обеспечивает динамический характер политического процесса, легити-

мизирует конфликт между уравновешивающими друг друга институтами, за которыми стоят определенные социально-классовые силы и интересы.

В новое время первая демократическая республиканская политическая система воспроизвела римскую политическую систему с ее элементами сдержек и противовесов. Если в Риме, как говорилось выше, через эти институты одни классы и социальные силы уравновешивали другие, то в США впервые власть государства, приобретая представительный характер (вклад в политическую теорию и практику сословной монархии германских народов), отчуждалась от общества и индивида и тем самым уже внутри себя нуждалась в разделении и в элементах сдержек и противовесов. Чтобы, с одной стороны, затруднить возможность образования тирании, а с другой, ослабить ее до такой степени, чтобы общество и граждане через свои ассоциации и организации смогли бы эффективно контролировать ее и предотвратить возможный произвол со стороны государственной власти.

Из-за отсутствия в нашей политической системе постоянно действующей, профессиональной сферы законодательной власти, разделения властей и механизма сдержек и противовесов, сосредоточения власти в едином центре, в партийных органах на различных уровнях и при бюрократической иерархической структуре организации процесса управления наше общество столкнулось с тем, что на каждом уровне власти высший руководитель, используя централизованный и иерархический характер власти, сосредоточенный в его руках, и не имея над собой никакого контроля со стороны общественности, превращался практически в самодержца на каждом уровне власти, в каждом большом или маленьком институте общества.

В результате наше общество столкнулось с полным произволом не только со стороны Сталина и не только с культом его личности. Подобная система власти породила культы и культки практически на любом уровне власти, в любой организации. Руководители на всех уровнях стали рассматриваться как люди, наделенные особым провиденциальным даром видения будущего, способные принимать единственно верные решения, выражать сокровенные чаяния и надежды народных масс. Массам все больше внушалась мысль, что о них думают и заботятся. По отношению к руководителям на разных уровнях и к должностям воспитывалась почти религиозное трепетное отношение и беззаветная любовь и преданность.

Это привело к тому, что уже к концу 30-х годов Сталин и его должность в глазах народных масс обладали еще большей священностью, в гораздо большей степени символизировали единство народа, в несравненно большей степени обладали харизматическими качествами в глазах народа, т.е. качествами пастыря и поводыря, мудреца и теща в душах людей, существа, способного безошибочно отличить добро от зла, творить добро и искоренять зло, существа гораздо более могущественного, божественного и потустороннего, чем все цари с их тронами вместе взятые. На каждом уровне ниже Сталина большие и малые вожди создавали и внедряли, подобный верховному вождю, свой собственный образ у своих невежественных или запуганных подчиненных и подданных.

Одной из сильных сторон сталинского режима, которая всегда полу-

чала поддержку и одобрение у широких масс и которая и сейчас все еще могла бы получить большую поддержку у значительного числа наших граждан, была ее ориентированность на проведение систематических, жестоких репрессий против чиновников и начальства, начиная с самого высокого уровня. Традиционная ненависть к чиновникам и бюрократии и вера в доброго царя вызывали бурный восторг и одобрение, когда рушились вчерашние всемогущие чиновники и начальники. Это вызывало у многих людей иллюзию торжества справедливости. Не удивительно поэтому, что не у одного поколения пустила корни иллюзия, будто при Сталине все чиновники и начальники боялись и что на них была управа. То, что эта управа совершалась с помощью самых диких мер беззакония, никого не волновало, так как народ ничего другого не знал, не умел и не понимал. Все жестокости, бесправие и произвол воспринимались как зло, но неизбежное, и переносились стоически. Утешением служило то, что доставалось всем, а начальству, может быть, больше и чаще.

Чем сильнее проявление харизмы личности в политической системе и обществе, тем слабее позиции бюрократии и сложнее бюрократии бороться с этой личностью. Кстати, многие позитивные факторы в нашей экономике, и особенно в военных областях и тяжелой промышленности, в начальный период индустриализации страны, когда из центра еще без особого труда просматривалась ситуация в стране в целом, были осуществлены благодаря наличию в системе харизматического лидера, который делал различные кадровые назначения и принимал решения, минуя обычные бюрократические институты и процедуры. Отсутствие демократических институтов публичной власти в определенные периоды в авторитарно-тоталитарных политических системах делает харизматического лидера единственной эффективной управой на бюрократию. Хотя, конечно, его воздействие на бюрократию все же не в состоянии заменить постоянный контроль общественности через институты публичной власти над бюрократией и является лишь спорадическим, кроме, конечно, вопросов, непосредственно касающихся сохранения его личной власти. Правда, в этой борьбе харизматического лидера с бюрократией за сохранение своей власти, если она не держалась на внутренних убеждениях его последователей, а только лишь на страхе, бюрократии приходилось платить большую цену. Периодически различные эшелоны бюрократии репрессировали, ссылали. Поддержание харизмы вождем требовало постоянной борьбы добра и зла, постоянного наличия чрезвычайного положения, постоянной войны, мобилизованности и человека — харизматического лидера, который во всех этих сложных и запутанных ситуациях должен находить единственно возможные правильные решения. Стабильность и рутина — это гибель для харизматического лидера и пора расцвета для бюрократии, если в политической системе нет демократических институтов и публичной сферы власти. Вот почему по мере развития нашей политической системы бюрократия, умудренная опытом борьбы со Сталиным и воспоминаниями о тяжелых поражениях и нестабильностью своего положения в тот период, постаралась не допустить возникновения новой харизматической личности в лице Хрущева. Хотя внешне вроде бы сохранялись все атрибуты власти и риторика, но XX съезд КПСС нанес сильнейший удар по харизме верховного руководителя и сделал эту фигуру более уязвимой для бюрократии. В конечном счете бюрократия

одолела Хрущева, когда он попытался волевыми средствами поддержать динамизм бюрократической системы, не прибегая при этом к услугам репрессивных органов.

По мере снижения роли репрессивных органов в политической системе и ослабления их значения в политической борьбе, при внешнем сохранении всех атрибутов лидера, занимающего тот институт власти, который является носителем высшей харизмы в данной политической системе, его реальное значение и сила по отношению к бюрократии ослабевают. Практически бюрократия захватывает всю полноту власти, оставляя лидеру лишь внешние признаки власти. Это особенно наглядно проявилось в годы правления Брежнева. Политическая система, в которой практически отсутствуют институты публичной власти, призванные контролировать деятельность бюрократии, и отсутствует реальный харизматический лидер, который является потенциальной угрозой для бюрократии, делает ее бесконтрольной и всемогущей.

Таким образом, уже к 30-м годам в связи со сведением сферы законодательной власти к нулю и резким усилением роли партийно-административной бюрократии сложился механизм торможения в политической системе. Конфликт между сферой демократии и бюрократии, политиком и бюрократией закончился полной победой бюрократии. Отсутствие сферы публичной власти на определенном этапе развития нашей политической системы не приводило к окончательной ее бюрократической консервации, так как харизматическая власть Сталина, используя репрессивный аппарат, ценою колоссальных потерь и создания обстановки террора добивалась от бюрократии реализации определенных целей и достижения ощутимых результатов. После изъятия посреднической роли репрессивных органов в борьбе между харизматическим лидером, каковым был Хрущев, и бюрократией при отсутствии сферы публичной власти в нашей политической системе (о чем было сказано ранее, из-за чего народные массы, если они даже и поддерживали политику такого лидера, как Хрущев, не имели возможность через какой-то институциональный механизм выразить ее); эта борьба завершилась полной победой бюрократии и снятием Хрущева со всех занимаемых постов.

В результате мы получили эпоху застоя, что означает эпоху тотального господства бюрократии. При сложившейся политической системе бюрократия партийных и государственных органов имеет все возможности сведения на нет усилий любых высших органов по решению кардинальных социально-экономических проблем общества, если при решении этих вопросов их интересы в той или иной мере могут быть ущемлены.

Сложившаяся политическая система неприемлема не только в силу отсутствия в ней источников противоречий и институционализированного конфликта, что является необходимым условием для развития, вследствие которого она обречена на воспроизводство сложившегося статус-кво в неизменном виде. Негативные последствия сложившегося механизма торможения выходят за рамки самой политической системы и становятся деструктивными для всех сфер жизнедеятельности общества. Они деформируют хозяйственную систему и парализуют нормальное функционирование экономических механизмов, отравляют духовную сферу нашего общества. Бесконтрольная власть в руках функционеров приводит к упиванию властью, угодничеству, коррупции и казнокрадству, а это ведет к разложению морали и нравственности, отчуж-

дению широких народных масс от политической системы и наносит непоправимый урон нашим социалистическим идеалам. Осознавая всю глубину деструктивного воздействия механизма торможения в политической системе и свою ответственность перед народом за будущее социализма, партия стала инициатором радикальной перестройки нашей политической системы.

* * *

При прогрессирующем развитии гражданского общества и его институционализации потребуются не только изменения во взаимоотношениях между гражданским обществом и государством, но и между гражданским обществом, государством и партией. Так как ранее было указано, что партия, взяв курс на перестройку, ставит задачу демократизации нашего общества, институционализации гражданского общества и "разгосударствления" индивида и общества, то очевидно, что она не может сохранить себя в неизменном виде как на этапе институционализации гражданского общества, так и перехода государства под контроль гражданского общества. Учитывая нерасчлененность партии с государством в нашей политической системе из-за сохранения монополии власти в руках партийных органов по управлению текущими делами общества, невозможно подчинить государство обществу, не отчленив предварительно партию от государства. Если нам удастся осуществить переход государства под контроль гражданского общества безболезненно, мирным путем, сверху, под руководством партии, это будет уникальным случаем как в политической теории, так и в мировой истории развития и модернизации политических систем.

Различные общества имеют в переходные периоды различные политические центры силы, которые гарантируют стабильность политической системы и под сенью которых развиваются и модернизируются политические системы. Такими силами могут быть армия, партия, харизматический лидер — диктатор, опирающийся на массы.

Развитие автономных элементов гражданского общества и их конструктивное взаимодействие под сенью авторитарной власти со временем делают политическую систему подготовленной для самостоятельного функционирования и без авторитарной опоры, которая гарантирует стабильность политической системы в переходный период. Опыт развития Испании (классический случай) показал, что, как это ни парадоксально, испанское общество под сенью авторитарной власти созрело для перехода к демократии, и после Франко оно относительно безболезненно перешло к демократическим формам организации власти и функционирования политической системы.

Роль авторитарной власти, стабилизатора политической системы в течение всего переходного периода к демократии, занимала армия в ряде стран Латинской Америки, где шел процесс модернизации экономических и социальных структур, переход на стадию более динамичного капиталистического развития. В таких странах, как Бразилия, Аргентина, шел процесс преодоления поляризации общества и различных непримиримых социальных конфликтов, процесс создания стабильного центра, который может самостоятельно, не разлагая и не разрушая обще-

ство, взять на себя функции самоуправления через демократические политические институты.

Учитывая особый характер нашей политической системы, в процессе реформы требуется чрезвычайная осторожность и твердость со стороны властей, проводящих реформу. На основе анализа французской революции 1789 года один из крупнейших политических мыслителей Нового времени А. Токвиль вывел универсальный закон, применимый ко всем странам, вступающим на путь модернизации и демократизации. Он отметил, что нет ничего опаснее для страны, где нет традиции демократии и свободы, чем слишком быстрые реформы и изменения. Как правило, в таких случаях процесс модернизации и реформ может выйти из-под контроля. Народ не успевает воспринимать, усваивать, адаптироваться к новой системе, изменения в социально-экономической и политической системе не успевают институционализироваться и закрепляться. Бурный поток, направленный на модификацию старой системы, не удастся затем остановить и регулировать. Сильная поляризация общества, отсутствие устойчивого политического центра и социальных сил за этим центром не способствуют тому, чтобы ввести это движение в какие-то разумные демократические рамки и русла. Этот процесс неминуемо ведет к охлократии, к самой худшей форме тирании — тирании черни. И здесь Токвиль предупреждает, что результатом необоснованно быстрой демократизации и предоставления свобод может быть установление еще более жестокой тирании, которая приходит на смену охлократии.

Опыт развития реформы в переходный период в Китае, который раньше нашей страны вступил на путь радикальной перестройки, предупреждает, что прохождение этого пути чревато непредсказуемыми последствиями и требует неослабной бдительности. Недавние действия руководства Китая по сдерживанию реформы в политической сфере, связанные с выступлениями студентов, требовавших ускорения и подгонки реформы и снятия Ху Юбана с поста Генерального секретаря, являются ярким свидетельством осознания руководством Китая опасности выхода развития событий из-под контроля. Мне представляется, что в Китае курс на реформу, как в экономике, так и в политической сфере, проводится очень твердо и последовательно, что подтвердил и прошедший XIII съезд КПК. Однако страна огромная и очень сложная, есть угроза новой поляризации социально-политических сил в процессе модернизации. В таком случае страна, не успев укрепиться на завоеванных позициях, может забежать слишком далеко вперед и в результате снова откатиться к исходным рубежам.

На нынешнем этапе развития НТР, колоссального ускорения социального и экономического развития лидеры ни одной из больших стран, тем более с таким громадным населением, как Китай, не вправе, исходя из чувства ответственности перед собственным народом, допускать ошибки при модернизации и демократизации, когда реальна угроза, что реформа может обернуться двумя весьма печальными, но и весьма возможными последствиями. Во-первых, возможно, что промахи и ошибки реформаторов могут быть использованы консервативными силами, чтобы приостановить и повернуть социальное развитие вспять. Во-вторых, многословие в сочетании с бездеятельностью может возбудить силы протеста и вызвать к жизни оппозицию в стране, которая своими стихийными действиями, направленными на достижение немедленных

результатов, может сорвать процесс проведения умеренных реформ и снова привести страну в состояние социальной поляризации и фронтального столкновения. При этом результаты могут быть самые различные. Однако независимо от результата, который может быть в конечном итоге и таким, как при умеренном развитии реформы, цена, которую придется платить стране и народу, снова может быть слишком высокой, как это было и в прошлом при попытках обогнать время и объективные законы социального развития.

По всей видимости, учитывая уникальный характер нашей политической системы, процесс преодоления механизма торможения в нашей политической системе должен включить ряд этапов. Проводимая реформа политической системы должна исходить из императивного требования наличия в политической системе такого центра силы, который на каждом этапе реформы при возможных конфликтах и противоречиях и возможных потрясениях в обществе смог бы гарантировать политическую систему от распада и предотвратить выход этого процесса из-под целенаправленного контроля. Подобным центром силы в нашей политической системе является партия. На первом этапе перестройки политической системы, в интересах продвижения реформы в экономической и социокультурной сфере, первейшая задача партии по руководству перестройкой — это создание необходимых институциональных преград на пути всевластия бюрократии. Какие требуются меры, чтобы добиться этих целей?

Во-первых, учитывая характер нынешней законодательной ветви государственной власти, о чем было сказано выше, необходимо воссоздать основную ветвь государственной власти. На всех уровнях, начиная с районного и кончая союзным, необходимо функционирование постоянно действующих органов законодательной власти, где будут представлены профессионалы-политики, занимающиеся своим делом. Управление государством — слишком серьезное дело, чтобы этим заниматься даже не на полставки, а на условиях почасовой оплаты.

Чтобы обеспечить избрание наиболее достойных людей, особенно если они широко известны в республике или стране, но по тем или иным причинам не могут заручиться поддержкой каких-либо влиятельных институтов гражданского общества или же рассчитывать на большинство голосов в каком-то избирательном округе при выдвигении в законодательные органы на уровне республик и Союза ССР, целесообразно было бы прибегнуть к системе Гэра, которую еще в свое время очень высоко ставил Дж. С. Милль, предлагая в соответствии с ней организовать избирательный процесс в Великобритании. Элементы этой системы сейчас используются в некоторых странах Запада. Речь идет о возможности предоставить гражданам право на выборах отдавать свои голоса в высший законодательный орган не только за кандидата от своего избирательного округа, но и за другого, из другой части республики (или даже страны). При этом предполагается, что при определенном минимуме голосов для прохождения в высший законодательный орган известные всей стране люди, писатели, публицисты, журналисты, ученые смогут в целом по стране набрать необходимое количество голосов. Это даст возможность иметь в высших законодательных органах, как себе представлял Дж. С. Милль, цвет нации или по крайней мере часть наиболее достойных людей, пожелавших заняться профессиональной политической деятельностью. Напомним, что Дж. С. Милль писал: вели-

чие афинской демократии заключалось в том, что она обеспечивала возможность каждому афинскому гражданину в любое время, особенно в часы испытаний своего народа и города, давать советы своим согражданам при принятии тех или иных важнейших решений. Так было при вторжении персов под предводительством Ксеркса в древнюю Элладу, так было и во многих других случаях в истории Афин. Современные представительные демократии лишены такой возможности выслушать каждого на городской площади. Однако задача политической системы — найти такие механизмы, чтобы в час испытаний страны Фемистоклы и Периклы обязательно были представлены в органах законодательной власти и смогли давать необходимые советы и тем самым оказать услуги своему народу и отечеству.

Профессионализация законодательной сферы и создание постоянно действующих законодательных органов власти не может не затронуть и нашу нынешнюю двухпалатную систему. Мировой опыт показывает, что даже в унитарных государствах в двухпалатной системе существуют верхняя и нижняя палаты. Совершенно очевидно, что если в нижней палате собраны депутаты, представляющие целые регионы или же самостоятельно оформленные государственные образования и получающие свой мандат от населения всего этого региона или же политического образования, самостоятельного члена федерации, то орган, в который избраны эти представители, должен обладать большими полномочиями, чем, скажем, орган, где представлены депутаты от конкретных избирательных участков, где они выражают интересы (по сравнению с вышеназванными депутатами) гораздо меньшего числа избирателей. Безболезненное приравнивание этих двух палат в правах было возможно до сих пор только лишь по той причине неразвитости представительной демократии, о чем говорилось выше. При реформе нашей федеративной системы целесообразно формировать нормальную двухпалатную систему, где представители от союзных, автономных республик, областей и округов были бы представлены прямым голосованием избирателей этих регионов в верхней палате нашего законодательного органа, который по праву может называться Советом Союза. Это название больше будет соответствовать целям этого органа, так как в его рамках будет реализован федеральный принцип и выражены интересы этих компактных государственно образованных единиц в целом. Представители же от обычных избирательных округов, на которые традиционно делится страна в соответствии с численностью электората, могли бы избираться прямым голосованием в нижнюю палату, которую справедливо называть Советом депутатов. В рамках этого Совета, на уровне высшей законодательной власти, будут представлены интересы различных групп электората, которые могут быть различными внутри не только одной и той же республики, но и области, города и даже района.

Таким образом, подобная форма организации власти даст возможность обеспечить представительство в высшем органе политической власти не только интересам отдельных слоев и групп, но и республик, областей и округов в целом. Это позволит при публичном обсуждении всех интересов в конечном итоге выработать компромиссные решения, исходя из публично разработанных критериев выбора приоритетных направлений развития общества.

Во-вторых, необходимо на всех уровнях, начиная с районного и кон-

чая союзным, осуществить разделение законодательных органов власти от исполнительных. Руководителей исполнительных органов на всех уровнях целесообразно выбирать прямым голосованием электората района, города, республики, Союза. Как при выборах в законодательные органы власти, так и в исполнительные обеспечить необходимые условия для выдвижения неограниченного количества кандидатов и соревновательность между этими кандидатами за места в законодательных и исполнительных органах власти. Если с восстановлением законодательной сферы власти с участием профессиональных политиков мы восстановим в нашей политической системе сферу публичной власти, то введением прямых выборов руководителей исполнительных органов власти на основе соревновательности мы нанесем еще один удар по всевластию бюрократии и разрушим систему закулисной борьбы, бюрократических перемещений по закрытым каналам за спиной народных масс и избирателей, разрушим косность исполнительной ветви власти, когда все органы власти формируются по принципу бюрократической иерархичности, и в результате из политической системы исчезнет политик.

В сфере исполнительных органов власти прямые выборы руководителей исполнительных органов власти на уровне районов, областей и республик подорвут ныне существующую систему жесткой иерархической бюрократической организации исполнительных органов власти и существенно расширят автономию не только членов федерации, но и областей и районов, когда будет покончено с директивно-командным руководством сверху вниз и вышестоящие политические институты свое руководство будут осуществлять политическими средствами, не вмешиваясь во внутренние дела и компетенцию нижестоящих организаций до тех пор, пока те действуют в пределах своей законом определенной компетенции.

Принятие новой Конституции закрепит складывание новой политической системы. По всей вероятности, при создании подобной сложной политической системы, в рамках которой неизбежно возникнут конфликты и противоречия между различными ее элементами, необходимо будет и создание независимого Конституционного суда, который, став толкователем Конституции, объявлял бы неконституционными решения тех или иных органов власти. Такой суд представлял бы собой, наряду с другими вышеназванными, один из элементов сдержек и противовесов в обществе и предотвратил бы сосредоточение чрезмерной власти в руках какого-либо отдельного органа власти.

В-третьих, на нынешнем этапе, при существующей системе бюрократического всевластия, целесообразно введение в политическую систему таких форм политического участия граждан, как "гражданские инициативы", "акты гражданского неповиновения" и ad hoc (по конкретному одному случаю созданные) организации и движения. Любая демократическая политическая система, которая уже имеет развитую систему разделения властей, механизм сдержек и противовесов, сферу публичной власти и избранных политиков, тем не менее допускает эти вышеперечисленные формы политического участия, которые преследуют две цели: во-первых, через эти движения и действия граждане проявляют свою инициативу и активность, выражают одобрение или недовольство действиями конкретных лиц, облеченных властными полномочиями; во-вторых, они, обращая внимание на те или иные недостатки политической

системы, создают необходимые предпосылки для их решения легальным путем, что в свою очередь способствует совершенствованию и коррекции политической системы, интегрируя в легальную политическую систему любую потенциальную антисистемную силу, способствуя стабильности и прочности как отдельных политических институтов, так и политической системы в целом.

Хотя ни теоретически, ни законодательно проблемы, связанные с актами гражданского неповиновения и гражданскими инициативами, у нас не разработаны, но необходимо подчеркнуть, что в этих вопросах политическая практика нашей страны опередила политическую теорию, о чем будет сказано ниже. Эти формы политического участия достаточно хорошо проанализированы в политологической литературе. По мнению подавляющего большинства политологов, акты гражданского неповиновения рассматриваются как публичные, ненасильственные, сознательно подготовленные, но незаконные действия, которые обычно имеют целью вызывать какие-то изменения в законах или в действиях различных властей. Чтобы те или иные массовые действия могли называться актами гражданского неповиновения, необходимо, чтобы они соответствовали трем основным критериям: а) протест должен быть направлен против ясно определенных случаев вопиющих несправедливостей; б) возможности оказать влияние легальным путем на решение властей с определенными шансами на успех должны быть исчерпаны; в) действия по гражданскому неповиновению не должны принимать масштаба, который угрожал бы конституционному порядку. Гражданское неповиновение в форме плебисцитарного давления выполняет функцию последнего шанса исправить допущенную ошибку при принятии тех или иных важнейших решений со стороны официальных властей в соответствии с легальной процедурой. В нашей политической практике мы уже столкнулись с некоторыми "актами гражданского неповиновения", что делает особенно настоящим как теоретическое осмысление, так и правовое регулирование подобных форм политического участия граждан.

Можно привести лишь два наиболее известных примера, которые были широко освещены в печати и на телевидении. В Москве школьники и студенты отстояли Лефортовский вал и Щербаковские палаты от посягательств местных органов власти, прибегнув к "акту гражданского неповиновения". В Ленинграде действия студенческих пикетов, направленные на защиту от разрушения комнаты Есенина, где он покончил с собой в бывшей гостинице "Англетер", вынудили городские власти разъяснить свои планы по отношению к судьбе гостиницы и конкретно данной комнаты.

В нашей политической системе на данном этапе, при отсутствии конкурирующих партий и механизмов сдержек и противовесов, такие "акты гражданского неповиновения", при условии широкого вовлечения в этот процесс и всестороннего освещения мотивов и целей этих акций со стороны средств массовой информации, могут стать практически единственным эффективным средством давления на административную бюрократию и будут способствовать принятию с их стороны более мотивированных решений. Так как наша политическая система пока что лишена сферы публичной власти, то печать и телевидение своим освещением тех или иных конфликтов между заинтересованными группами и бюрократией на разных уровнях создают практически единственную сферу

публичной политики и доводят до общественности наличие точек зрения по важнейшим вопросам жизни района, города, области, страны, которые не совпадают с теми, что вырабатываются за закрытыми дверями.

При нынешнем всевластии бюрократии трудно рассчитывать, что она будет инициатором каких-либо новаций в жизни общества и тем более что она в состоянии учесть все нынешние и будущие потребности общества в экономической и социокультурной жизни. Поэтому для развития и самокоррекции нашей политической системы необходима теоретическая разработка проблем, связанных с гражданскими инициативами и юридическое регулирование этой формы политического участия граждан. И в этой сфере наблюдаются пока что стихийно складывающиеся, но довольно обнадеживающие процессы.

Стихийное возникновение и функционирование неформальных объединений по интересам в настоящее время — это одна из форм институционализации гражданского общества, а сами эти объединения могут стать готовыми институтами для выявления, выдвижения, пропаганды тех или иных важных проблем как для жизни отдельных социальных слоев или групп, так и общества в целом, которые по тем или иным причинам обходятся или умалчиваются со стороны бюрократии местных или центральных властей во избежание всяких ненужных для себя или же дополнительных хлопот. При нынешней нашей политической системе, где пока что фактически отсутствует сфера публичной власти, и до ее формирования, роль гражданских инициатив в развитии нашего общества и политической системы трудно переоценить.

Целью гражданских инициатив может быть стремление добиваться отмены тех или иных решений различных органов власти путем выдвижения и пропаганды в печати контраргументов или же доказательств негативных последствий реализации этих решений. Наиболее ярким примером подобных действий служат, может быть не в классическом виде, гражданская инициатива (отсутствие формализованного единства), массивные выступления ученых, писателей, общественности против переброски стоков северных рек. Гражданские инициативы могут быть направлены также на принятие решений, которым препятствуют всякие бюрократические препоны, устаревшие инструкции, ведомственные интересы и т.д. При всех случаях тесное сотрудничество групп гражданских инициатив по тем или иным вопросам со средствами массовой коммуникации может стать эффективным рычагом давления общественности на бюрократию для принятия общественно полезных решений. Появление групп гражданских инициатив и актов гражданского неповиновения является показателем повышения политического участия масс в нашей стране за последние три с лишним года на качественно новый уровень, свидетельством добровольной и заинтересованной вовлеченности граждан в политический процесс, что способствует преодолению отчужденности масс от органов власти, тем самым легитимизируя и укрепляя существующую политическую систему.

Какова должна быть роль партии на первом этапе перестройки политической системы? Совершенно очевидно, что партия в той форме и с теми полномочиями, которыми она обладает в политической системе, не только должна возглавить этот процесс, но совершенно очевидно, что только она имеет необходимые возможности для легального осуществления этого процесса. На первом этапе перестройки политической системы

оценка деятельности партийного аппарата, начиная с районного звена и кончая уровнем Политбюро, должна производиться в зависимости от того, насколько эффективно осуществляется реформа экономической и политической системы на соответствующих уровнях. Речь идет о руководстве чрезвычайно ответственным и сложным процессом перевода нашей общественной системы из одномерного измерения в многомерное. Партийные органы должны руководить процессом создания практически качественно новой политической системы, воссоздания дееспособной ветви законодательной власти, осуществления разделения властей и формирования на основе новых принципов исполнительных органов власти, о чем было сказано выше, и т.д. Однако очевидно, что, оставаясь совершенно неизменными как по своей организационной структуре, так и по функциям, партийные органы на разных уровнях сами по себе не станут осуществлять эти мероприятия, которые в той или иной степени ограничат привычную неограниченную власть партийных функционеров. Будучи реалистом и учитывая подобные последствия реформы политической системы, я считаю совершенно необходимым уже на первом этапе реформы политической системы проведение организационной перестройки самой партии и определения параметров деятельности партийных органов, которые, как было показано выше, вовсе не определены ни в действующей Конституции, ни в каких-либо законодательных актах.

Очевидно, что на нынешнем поворотном этапе, когда партия поставила перед страной задачу революционной перестройки экономической и политической системы, первой обязанностью партийных органов на всех уровнях становятся задачи организации наиболее соответствующих условий для перехода экономической и политической сферы на рельсы самоуправления. Необходимо решительно запретить директивное, прямое вмешательство партийных органов и функционеров в экономическую и социокультурную жизнь общества.

Опыт развития нашей страны показывает, что постоянные попытки замкнуть на уровне райкомов и выше решения всех текущих хозяйственных и социокультурных дел на партийных органах приводят к парализации деятельности законодательных и исполнительных органов власти на соответствующих уровнях. На уровне отдельных предприятий прямое вмешательство и указания создают авральные ситуации и дезорганизацию нормального функционирования предприятий. Если по-прежнему будет сохранена директивная форма управления экономической и социокультурной жизнью и будет продолжена линия на прямое вмешательство в действия отдельных предприятий, а все экономические и социальные вопросы будут решаться на бюро райкомов, горкомов и выше, то по-прежнему экономическая самостоятельность предприятий будет сведена на нет, а законодательные и исполнительные органы власти так и не получат никакой самостоятельности в своих действиях.

Переход к экономическим методам хозяйствования означает не только ограждение промышленных предприятий, колхозов и совхозов от необоснованного, произвольного вмешательства вышестоящих хозяйственных органов, но и в еще большей степени от прямого вмешательства партийных органов. Осуществляя свою политическую руководящую роль, партия и ее органы на местах ставят задачи социально-экономического развития страны, республики, области, района, однако их конкретная реализация не требует ежеминутного вовлечения в процесс реали-

защиты этих задач, так как во всех цивилизованных обществах, да и у нас тоже, по крайней мере формально, существуют институты власти, законодательные и исполнительные, которые должны реализовывать эти задачи.

На начальном этапе становления нового политического и хозяйственного механизма на партийные органы ложится особая задача и ответственность по созданию необходимых элементов политической и экономической системы, по устранению конфликтов и противоречий между возникающими самостоятельными элементами государственной власти, самостоятельных экономических институтов с другими институтами гражданского общества, которые возникнут в результате реформы и раскрепощения индивида и гражданского общества. Таким образом, на первом этапе перестройки политической системы партийные органы на всех уровнях должны переориентировать свою деятельность и из органов преимущественно административно-хозяйственного руководства страной превратиться в органы политического руководства. Они должны стать гарантом стабильности политической системы во время перехода, быть арбитром в политической системе, когда осуществится раскрепощение общества и возникнут конфликтующие интересы как в обществе, так и в рамках государственной власти вследствие профессионализации законодательной власти и проведения четкого разделения властей. На этом этапе основная задача партии как арбитра и гаранта стабильности — это примирение интересов, снятие конфликтов и создание механизмов сдержек и противовесов в политической системе.

Совершенно очевидно, что при нынешней организационной структуре партийные органы не в состоянии ни с того ни с сего играть такую революционную роль. Поэтому на первом этапе, чтобы дело двинулось с мертвой точки и политическая система начала двигаться, чтобы в партийной системе была восстановлена сфера публичной власти и появился политик в истинном смысле этого слова, а не бюрократ, необходимо осуществить изменение порядка выбора первых секретарей райкомов, горкомов, обкомов и республик.

Эти выборы должны быть прямыми, с участием всех членов партии и носить соревновательный характер, с выдвижением на каждом уровне неограниченного количества кандидатов от первичных парторганизаций или же групп коммунистов. Каждый из кандидатов должен представить конкретную программу перестройки района, города, республики, исходя из стратегической линии на перестройку, разработанной партией. Во-первых, подобная система выборов впервые сделает сферу выработки конкретных программ и решений, жизненно важных вопросов для жителей республики, города, района открытой для обсуждений и даст возможность выбора наиболее приемлемых альтернатив, разрушив сложившиеся закрытые каналы продвижений и жесткую иерархическую структуру в партии, отделит партийного политика, избранного партийными массами прямым голосованием, от партийного аппарата и партийной бюрократии и функционеров. Во-вторых, такая форма выборов и соревновательности сделает эффективным контроль партийных масс над своими избранными руководителями и укрепит в свою очередь силу и власть избранного руководителя над партийным аппаратом и бюрократией. И наконец, она даст возможность партийным массам на следующих выборах, в избирательной борьбе между различными кандидатами на

соответствующие должности первых секретарей, составить объективную картину о том, насколько удалось избранным секретарям реализовать свои программы по перестройке хозяйственной и политической системы.

Мировой опыт политической и экономической модернизации различных стран показывает, что для успешного проведения этой модернизации на всем протяжении переходного периода, от одной формы экономической и политической организации общества к другой, необходимо сохранение последовательного политического курса, что предполагает стабильность и неизменность как людей, так и идей в высшем органе политической власти, которая взяла на себя эту историческую миссию по кардинальной реформе политической системы. Об этом свидетельствует опыт таких наиболее продвинутых в плане радикальной реформы политической и экономической систем стран, как Венгрия и Китай. В Венгрии эта политика связана с именем Я. Кадара и его единомышленников, а в Китае — Дэн Сяопина.

Как показывает опыт стран — и не только социалистических, где когда-либо были успешно осуществлены процессы глубоких социально-экономических реформ, — эти реформы проводятся быстрее и безболезненнее, глубже усваиваются обществом, когда они проводятся одними и теми же людьми на вершине пирамиды власти, целенаправленно пытающимися реализовать определенную целостную концепцию и рассматриваемыми складывающиеся новые институты и механизмы как свое детище, защиту и развитие которых они превращают в смысл своего существования. Учитывая особую роль партии в нашей политической системе и то, что она выступила инициатором перестройки, совершенно очевидно, что нынешнее ее руководство должно обеспечить на весь переходный период неизменную политическую линию до тех пор, пока не произойдет окончательная институционализация гражданского общества, не сложится новый хозяйственный и политический механизм и не будут созданы необходимые условия перехода зрелого общества к действительному самоуправлению через сложившиеся институты и механизм общества.

Это даст возможность обществу самому сформулировать свои цели и реализовать эти цели на практике через механизмы общественного самоуправления. На этом закончится период инфантилизма нашего общества, когда за него думали и для него формулировали цели и задачи, наступит период зрелости, когда оно само станет достаточно компетентным и развитым, когда различные институты гражданского общества смогут эффективно сформулировать цели и задачи и сами их реализовывать на благо всего общества, через сложившиеся механизмы самоуправления.

* * *

При модернизации и реформе политической и экономической системы таких стран, как наша, весьма остро дебатруется вопрос о многопартийности или однопартийности будущей политической системы. Сторонники введения многопартийной системы при этом исходят из того, что принцип плюрализма, т.е. обеспечение возможности политического выражения разнообразных социальных, профессиональных и иных

интересов в обществе возможно реализовать только при наличии множества конкурирующих за голоса избирателей партий. В этой связи представляет большой как теоретический, так и практический интерес выяснение вопроса, действительно ли только наличие многопартийной системы может обеспечить эффективное функционирование плюралистической системы или же возможны иные институциональные формы, через которые различные интересы могут быть представлены в политической сфере, т.е. что плюрализм политической системы не связан жестко с наличием многопартийной системы. Так как сторонники зведения многопартийной системы апеллируют к опыту функционирования западных плюралистических буржуазных демократий, то попытаемся разобраться, какую эволюцию претерпели партийные системы в этих странах и что представляют собой современные политические партии на Западе.

В любом демократическом обществе Нового времени партии занимались и пока, худо-бедно, продолжают заниматься политической мобилизацией избирателей, играют роль посредников между политиком и избирателями. В отличие от США, в Европе партии носили менее коалиционно-компромиссный характер между разнообразными групповыми интересами, так как американское общество представляло собой гетерогенное сообщество в этническом, религиозном и социально-классовом отношении. В Европе демократические государства были в основном в этническом отношении едины, а в социально-классовом – более четко поляризованы и идеологически разобщены. Поэтому европейские партии имели более четко выраженную идеологическую ориентацию, т.е. более строго были ориентированы на соответствующие религиозные и социально-классовые группы. Отсюда и множественность партий в странах Европы, и большая непримиримость в политической борьбе между ними, особенно в период становления этих партийных систем. Это не относится, конечно, к странам Северной Европы и Великобритании, где изначально сложилась двухполюсная компромиссная политическая культура, где отсутствовала крайняя поляризация между национальными, религиозными и социально-классовыми силами, что способствовало мирному демократическому развитию этих стран.

Однако дальнейшее развитие политических систем европейских стран привело к образованию партийных систем американского типа, ослаблению идеологического характера больших партий, вовлечению в две партии или в две партийные коалиции основного, центристски ориентированного электората, что в настоящее время служит гарантией стабильности политических систем в этих странах. Помимо размывания идеологического характера партий и превращения их, подобно американским партиям, просто в институт по мобилизации голосов избирателей за своего кандидата на выборах, в последнее время с партиями и партийной системой в западных демократиях происходит и другая метаморфоза. Катастрофически падает их роль как фактора политической мобилизации.

Вовлекаясь в процесс политической мобилизации, средства массовой информации все больше занимают место партии и становятся эффективными каналами политической мобилизации электората. Кандидаты обращаются к избирателям прямо через телевидение и каналы массовых коммуникаций, минуя партийные организации и их руководителей.

Кризис партийной системы вызывает серьезное беспокойство у

западных политологов, так как появившийся вакуум в политической системе заполняют заинтересованные группы (или, как их иначе называют, группы давления). Как отметил один из американских политологов, "заинтересованные группы в настоящее время стали политическими партиями сегодняшнего дня". В 50 — 60-х годах среди большинства политологов, придерживающихся плюралистической теории демократии, было широко распространено мнение, что действия заинтересованных групп создают дополнительный канал представительства народа. Однако критики плюрализма на основе многочисленных эмпирических исследований доказали, что не все граждане представлены в группах. Не все группы равны по численности и влиянию. Тревогу вызывает тот факт, что если партийная система перестанет быть буфером между государством и заинтересованными группами, то государство будет действовать исключительно в целях наиболее могущественных таких групп. Правда, я думаю, что и в рамках существующих партийных систем при формировании платформ и выдвижении кандидатов главную роль играют именно эти группы.

Несмотря на все еще большую силу и, возможно, немалые потенциалы политических партий, необходимо согласиться все же с теми исследователями будущего развития политических систем на Западе, что рано или поздно заинтересованные группы, сегодня все еще формально функционирующие в политической сфере под вывеской отдельных партий, при более широком внедрении технических средств в сферу политической мобилизации и росте уровня как общей культуры, так и политической культуры широких масс проявят себя в политической сфере непосредственно, минуя политические партии. В любом случае в политическом процессе центр тяжести переместится от больших организаций с их аппаратами в небольшие группы, состоящие из очень активных организаторов процесса политической мобилизации. НТР обеспечит для этого все необходимые возможности, если, конечно, не будет осуществлена еще более радикальная перестройка политических систем вследствие развития и внедрения технических средств и представительная демократия будет заменена прямой демократией, когда весь электорат непосредственно примет участие в процессе принятия всех законодательных решений.

Уже неоднократно говорилось о трагических последствиях попыток решать экономические и политические проблемы в России не так, как в других странах. Между тем по вопросу политической мобилизации на современном этапе мы сможем догнать Запад. Но не на словах, не возведя в абсолют имеющиеся архаические и допотопные институты, а на самом деле, смело идя на институционализацию гражданского общества и широко используя новейшие средства массовой информации. Как отмечалось выше, уже сейчас в США, а в ближайшее время и в Европе, все больше, особенно на выборах в местные органы власти, кандидаты регистрируются как независимые. В США, чаще всего на национальном уровне и уровне штатов, партия на выборах дает им всего лишь свою этикетку. В поддержку кандидата от группы интересов на выборах активно выступают как отдельные добровольцы, так и социальные группы, которые разделяют идеи и программу кандидата.

Так как в нашей политической системе не существуют антагонистические классы и идеологические течения, то тем более нет необходимос-

ти в партиях, которые оформили бы идеологические цели и политические задачи для тех или иных классов, как это имело место на Западе к концу прошлого века и от которой Запад уже отходит начиная с 50-х годов XX века. Все в большей степени различные социальные силы, оформленные в партии, борются за власть не для кардинальных изменений или разрушения существующих систем на Западе, так как таких значительных антисистемных сил там уже не осталось, а скорее, разделяя базовые ценности организации и функционирования политической системы, партии превращаются в инструменты переноса в политическую сферу обсуждения и реализацию тех или иных интересов.

С развитием новой коммуникационной техники и потерей со стороны партий их идеологического характера они все больше и больше превращаются в крышу, под которой функционируют многочисленные заинтересованные группы. Таким образом, на Западе наблюдается такая эволюция партийных систем, при которой на левом крыле исчезают идеологически и классово ориентированные монолитные партии, работающие в нелегальных условиях, ставящие целью свержение политической системы с помощью военной силы и установление диктатуры, и вместо них складываются деидеологизированные, ориентированные на конструктивное сотрудничество и выработку консенсуса интересов партии, объединяющие и представляющие многочисленные группы интересов.

В нашей политической системе изначально партия заняла доминирующие позиции. Партийная идеология и программа, первоначально выражавшая классовые интересы, со временем стала общенародной. Так как все классы и социальные группы сегодня разделяют основные, базисные ценности марксизма и социализма, то, видимо, в политической системе нет необходимости осуществлять возврат ко временам многопартийности в старом смысле этого слова, когда классовые партии с диаметрально противоположными программами боролись за формирование правительства и реализацию целей тех или иных классов.

Плюрализм в политической системе, как показывает опыт эволюции партийных систем на Западе, возможно обеспечить не только через многопартийную систему, так как все больше партийные системы превращаются в простые механизмы по мобилизации избирателей на выборах. Этот плюрализм на самом деле реализовывается через заинтересованные группы, однако камуфлируется в рамках той или иной партии. В нашей политической системе этот плюрализм может быть реализован через институты гражданского общества, в результате прогрессирующего разгосударствления экономической и социокультурной сферы и формирования самостоятельных, самоуправляемых, хозяйственных, культурных, просветительных и иных единиц в рамках общества. Очевидно, что каждый из этих институтов будет иметь собственный интерес как в масштабах района, города, республики, так и в масштабах страны.

Эти институты могут выступить в политической сфере в роли заинтересованных групп, поддерживающих на выборах в органы законодательной или исполнительной власти кандидатуры тех политических деятелей, которые смогут сформулировать их интересы и представлять и отстаивать эти интересы в сфере принятия политических решений. Задача КПСС на этапе перехода от нынешней экономической и политической системы к этапу подлинного социалистического самоуправления — иг-

рать роль арбитра и примирителя этих интересов, так как в рамках новой институциональной системы совершенно неизбежно возникновение конфликтов из-за отсутствия политической культуры, необходимой практики и всех нужных механизмов для принятия безболезненных решений, при которых существенным образом не ущемлялись интересы одних групп населения и не были бы созданы неоправданно более выгодные или привилегированные условия для других. Если даже какие-то интересы не сразу могут быть представлены в различных органах власти, скажем, к примеру, не будет избран кандидат от общества охраны животных или же любителей классической музыки, то все равно сам факт возможности участия всех институтов гражданского общества в политическом процессе может означать в идеале, что любой интерес имеет право в обществе по крайней мере быть услышанным.

* * *

В заключение хотелось бы привести слова замечательного американского мыслителя Ралфа Уолдо Эмерсона, который говорил, что во всех свободных обществах политика концентрируется в двух партиях — в партии памяти и партии надежды. Партия памяти организует силы тех, кто боится будущего и предпочитает статус-кво. Партия надежды организует силы тех, кто верит в лучшее будущее. Партия надежды переносит идеи в программы, которые изменяют общество в сторону более позитивного будущего. Последние десятилетия политика в нашем обществе в основном концентрировалась вокруг партии памяти. Чтобы добиться революционных целей коренной перестройки экономической и политической системы, сегодня, как никогда в истории нашей страны, требуется объединение всех здоровых сил общества во главе с КПСС в единую партию надежды, чтобы перенести наши идеалы в сферу практической реализации.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

Наше общество оказалось (не "вдруг", конечно, а в результате сложного исторического процесса) глубоко больным. Симптомы болезни — последняя стадия которой получила название "эпоха застоя" — известны, в какой-то мере мы понимаем ее причины и внутренние механизмы (хотя до полной глубинной ясности еще далеко).

В первую очередь это отсутствие плюрализма в структуре власти, в экономике (за исключением периода нэпа), в идеологии. С этим тесно связана бюрократизация всей жизни страны. Все нити управления концентрируются в руках людей, обладающих властью в силу *должности* в государственно-хозяйственном или партийном аппарате и образующих особый социальный "бюрократический" слой. Бюрократия — необходимая часть современного общества, организованного общества вообще. Всюду с ее функционированием, часто весьма полезным, бывают также в той или иной мере связаны некоторые негативные явления — административно-командная структура управления с механическим подчинением средних звеньев вышестоящим инстанциям и пренебрежением демократическим контролем снизу, иногда вопреки интересам дела, элитарность, потеря гибкости. Но в "антиплюралистических" условиях нашей страны эти явления приобрели качественно иной, самодовлеющий характер.

Возникла новая общественная сила, олицетворением которой надолго стал Сталин. Это не значит, однако, что у бюрократии при Сталине была легкая жизнь. Фактически в тот период сформировалась единоличная диктатура, усугубленная жестокостью и другими общеизвестными качествами Сталина. Но "мандат" на власть он получил от бюрократии, правда, не только от нее.

Новая сила показала свои "зубы", ликвидировав нэп. Можно предполагать, что именно нэп мог бы явиться базисом плюралистического развития нашего общества в сочетании с добровольным (т.е. частичным!) производственным кооперированием в деревне и рациональным строительством государственной промышленности на здоровой экономической основе. Но именно это было бы неприемлемо для "новой бюрократии".

Что было потом — известно. Насильственная коллективизация и раскулачивание, разорение крестьянства ради темпов индустриализации. Голод с чудовищной изоляцией обреченных на смерть районов. Практически никакой помощи умирающим с голоду. Именно в это время вывоз

хлеба и леса на Запад достигает максимального уровня. Потом "великий террор", охвативший не только старую революционную гвардию и военачальников, но и все живые силы общества с трагическим апогеем в 1937 году. Потом многое другое...

Предпринятая Хрущевым и его помощниками попытка реформ так же, как экономическая реформа 60-х годов, встретила сопротивление "номенклатуры" и оказалась (особенно последняя) почти бесплодной. Эти неудачи в значительной степени предопределили психологический климат последующих десятилетий. Еще одна попытка "перестройки" в пределах соцлагеря была подавлена танками в 1968 году.

И все же после XX съезда КПСС система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала более "цивилизованной", с лицом если и не совсем человеческого, но, во всяком случае, не тигриным. Более того, в каком-то смысле эта эпоха была психологически комфортной для некоторой части населения. И в то же время она действительно была эпохой застоя, страна все более и более заходила в тупик!

В этот период возможности экстенсивного развития хозяйства уже исчерпали себя, а к интенсивному развитию система оказалась неспособной. Технический прогресс не выгоден хозяйственникам, действующим в рамках административно-бюрократической структуры, новинки не внедряются и даже не разрабатываются (так как бюрократизация захватывает и сферу науки). Большая часть научно-технических идей приходит с Запада, при этом часто с опозданием на годы и десятилетия. Фактически страна все больше выпадает из общемировой научно-технической революции, становится ее "паразитом". Эффективность вложений в народное хозяйство катастрофически падает. В строительстве преобладает "долгострой". Общий итог всего этого мы находим в недавнем заявлении М. С. Горбачева — уже 4 пятилетки нет абсолютного прироста национального дохода, а в 80-е годы наблюдалось даже его снижение. Сельское хозяйство страны находится в состоянии перманентного кризиса, в результате — низкое качество питания населения, скудость ассортимента продовольственных магазинов, необходимость закупок зерна и других продуктов сельского хозяйства за границей. Бюрократия при этом с особой силой противостоит всем инициативам, направленным на усиление самостоятельности низших звеньев хозяйственного механизма и реальной материальной заинтересованности людей в конечном результате их труда. Так был уничтожен Худенко, один из предтеч перестройки; как известно, он был обвинен в нарушении финансовой дисциплины и погиб в лагере.

Другая сторона эпохи власти бюрократии, тесно связанная с экономическими уродствами, не менее трагическая — нравственная деградация общества. В прессе, радио и телевидении, в школе, комсомоле, вузе, семье процветают лицемерие и ложь. Многократно обманутые красивыми словами люди больше уже не верят им, общество охватывает всеобщее безразличие. Особенно тяжело эта давящая психологическая обстановка сказывается на молодежи, разлагая и развращая ее.

Бюрократия далеко не бескорыстна. Прикрываясь демагогической фразеологией, она попирает социальную справедливость во всех сферах материальной жизни — таких, как проблема жилья, качество здравоохранения (большая часть населения, в частности, лишена возможности приобретения современных лекарств), качество образования и др. Зарплата

значительной части трудящихся искусственно занижена, что означает фактически скрытый налог, основная тяжесть которого ложится на людей с меньшим уровнем дохода. Особенно занижена зарплата в наиболее массовых интеллигентных профессиях. Постыдно малы пенсии у подавляющей массы пенсионеров. Одновременно существуют элитарные группы населения, обладающие огромными социально несправедливыми привилегиями.

Социальный портрет эпохи застоя будет неполным, если не отметить колоссального развития различных форм коррупции; возникают чисто мафиозные группы, срощенные с местным партийным и государственным аппаратом, от которого, как правило, нити тянутся вверх. Классический пример — узбекистанская мафия с ее многомиллиардными хищениями и приписками к производству хлопка, систематическим взяточничеством, эксплуатацией уборщиков хлопка, при этом тысячи людей, особенно детей, стали жертвами бесконтрольного массового применения дефолиантов и других химикатов с жесточайшими расправами над недовольными в подземных личных тюрьмах и психушках.

В сталинское время рабский труд миллионов заключенных, погибавших в чудовищной системе Гулага, играл существенную экономическую роль, в особенности в освоении плохо обжитых районов Востока и Севера. Конечно, эта система была не только безмерно бесчеловечной и преступной, но и неэффективной, это была часть экстенсивной расточительной экономики того времени, не говоря уж об отдаленных последствиях варварского уничтожения человеческого потенциала страны. В последние десятилетия размах этой рабовладельческой экономики существенно уменьшился, но все же, по-видимому, от одного до двух миллионов людей находится в лагерях и на так называемой "химии". Режим в местах заключения и сейчас очень тяжел, не соответствует современным стандартам и требованиям гуманности. Заключенные страдают от непосильного труда, плохого питания, от ограничения свиданий (разрешенных очень редко и только с родными), от произвола начальства. Сроки заключения непомерно велики. Лагеря и тюрьмы сейчас в отличие от сталинских времен пополняются в основном людьми, осужденными за уголовные преступления. Однако наша судебная и следственная система очень несовершенна (в последние годы гласности данные об этом проникли на страницы прессы). Нравственный и юридический уровень судей часто низок, они зависят от местного начальства, приговоры часто не мотивированы, повторяют выводы предвзятого следствия, иногда основанного на вынужденных избиениями признаниях обвиняемых. При этом наиболее опасные преступники оказывались безнаказанными, а некоторые занимали высокие посты; срощенной с этой мафией оказывалась в ряде случаев и милиция, МВД, прокуратура и суды.

Лагерный мир... Это дно нашего общества. Его ужас, серая беспросветность отражают в себе всю глубину социальной трагичности и нравственной ущербности нашей жизни, так же как быт и трагедия детских домов и детских колоний, о которых теперь стала писать наша пресса и показывать телевидение. Эти две стороны жизни тесно соприкасаются. Часто приходится слышать, что среди заключенных непомерно много воспитанников детских домов, слышать о жестоких приговорах им. Казалось бы, к этим обездоленным людям надо бы относиться особенно снисходительно. Но часто бывает наоборот. Очень часты также несправед-

ливые и жестокие приговоры бывшим заключенным. В 70-х годах я получал сотни писем, в которых нашли отражение все эти темы (а также в особенности тема эмиграции). Помочь кому-либо было не в моих силах.

Что касается КГБ, то в 70–80-е годы очень характерно новое усиление этой организации, после некоторой потери влияния в 50–60-е годы. При этом роль КГБ оказывается неоднозначной. С одной стороны — безжалостные репрессии против инакомыслящих. Как известно, в конце 60-х годов (или несколько ранее) в нашей стране возникли относительно немногочисленные, но принципиально важные общественные движения, психологически и морально подготавливающие необходимую плюралистическую эволюцию общества. В особенности мне близки те, кто решился на активные действия в защиту гласности и принципов прав человека. Среди них — издатели знаменитого информационного сборника “Хроника текущих событий”. Этот машинописный самиздатовский сборник с огромными жертвами и самоотверженностью издавался (с небольшим перерывом) более 13 лет. Он информировал советскую и мировую общественность о несправедливых судах, психиатрических репрессиях, условиях в местах заключения, о наболевших проблемах эмиграции, религиозной и национальной жизни. Другие группы инакомыслящих связаны с теми или иными частными проблемами, в том числе с некоторыми из перечисленных.

Инакомыслящие в 70–80-е годы жестоко преследовались, многие из них долгие годы провели в тюрьмах, лагерях и в психиатрических больницах. Многие погибли в заключении, среди них Юрий Кукк, замечательный украинский поэт Василь Стус, учитель Алекса Тихий, рабочий и писатель Анатолий Марченко. Особо жестокой и социально опасной являлась практика использования в политических целях психиатрии (эта опасность не уменьшается тем, что большей частью жертвами психиатрических репрессий становятся люди, нуждающиеся в доброй помощи психиатра, и лишь изредка — вполне здоровые, как, например, недавно умерший за рубежом один из выдающихся людей нашего времени генерал Петр Григорьевич Григоренко). Справедливости ради надо сказать, что масштаб политических репрессий в “годы застоя” был несравнимо меньше сталинского.

Существовали ли связи КГБ с возникшим в 60–70-е годы “террористическим интернационалом”, другими деструктивными акциями? Это важный вопрос, требующий детального непредвзятого изучения в обстановке гласности (подобно тому, как аналогичное изучение было проведено в США в отношении ЦРУ). Я уверен, что высшие интересы страны требуют полной правды о прошлом и настоящем, какой бы она ни была трудной. В нашей жизни не должно быть недоступных свету уголков. Это гораздо важнее, чем так называемые соображения “государственной безопасности”, специфика секретных служб и т.п. (конечно, “открывать” резидентов я не призываю!).

С другой стороны, именно КГБ оказался благодаря своей элитарности почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии. Эта двойственность отразилась в личной судьбе и позиции руководителя КГБ Ю. В. Андропова. Став во главе государства, он продолжил борьбу с коррупцией и преступностью, но не сделал никаких других шагов в преодолении негативных явлений эпохи застоя.

Особо необходимо сказать о международной политике последних десятилетий. В ней тоже проявились черты застоя, недостатка гибкости, отсутствие принципиально нового подхода к беспрецедентным проблемам современности. В некоторых регионах политика СССР объективно оказалась направленной на поддержку деструктивных сил (в частности, на Ближнем Востоке, где, конечно, необходим компромисс и готовность к уступкам как со стороны Израиля, так и со стороны палестинцев и арабских государств). Политика в области вооружения и разоружения не была достаточно гибкой и рациональной. Установка в 70–80-х годах ракет средней дальности в Европе — один из примеров. Доверие к СССР, а значит, международная безопасность непрерывно падали. Шумные, часто инспирированные акции “борьбы за мир” тут ничего не меняли.

Особенно большое, трагическое значение имели действия СССР в отношении Афганистана. Ввод войск вызвал острую реакцию национального сопротивления, СССР ответил жестокой многолетней войной, принесшей огромные страдания и жертвы всему афганскому народу. Число афганцев, погибших в результате “войны кишлаков”, превышает 600 тысяч и, вероятно, близко к 1 млн. человек, в стране голод и эпидемии, число беженцев больше 4 млн. человек, т.е. около одной четверти населения страны. Погибло и искалечено много советских солдат. Участие в несправедливой войне имеет для СССР пагубные психологические и социальные последствия.

События в Афганистане стали главным источником международной напряженности и недоверия в большом регионе, угрозой миру во всем мире.

Афганская авантюра как бы воплотила в себе всю опасность и иррациональность закрытого тоталитарного общества.

Такова общая картина тупика, застоя, как она вырисовалась к середине 80-х годов. К счастью, в СССР нашлись здоровые силы, осознавшие, что дальше так продолжаться не может. Лозунги перестройки, ее идеология известны. Это экономическая реформа, гласность, демократизация, в особенности новые принципы выдвижения руководителей, социальная справедливость, новое политическое мышление, провозглашающее приоритет общечеловеческих целей выживания и общемирового развития над всеми государственными, классовыми, национальными, ведомственными и частными интересами.

Реальна ли программа перестройки? Этот вопрос волнует сейчас всех.

Прежде всего я хочу подчеркнуть, что убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима. Но неизбежны большие трудности и препятствия экономического, психологического, организационного характера. Народ проходил на протяжении десятилетий развращающую “антишколу”, приучавшую многих не работать, а только создавать видимость работы, приучавшую к лицемерию, лжи, эгоизму и приспособленчеству (говоря “народ”, я имею в виду и интеллигенцию). Сохранились ли в нем достаточные внутренние нравственные силы? Если этих сил мало, то наш путь будет медленным, противоречивым, с отступлениями и падениями. Но я верю, что в народе всегда, в особенности в молодежи, под наносной оболочкой горит живой огонь. Он должен дать о себе знать. Это зависит от всех нас. Нужна нравственная и материальная мотивация перестройки, заинтересованность

каждого в ее успехе! И еще — чувство большой общей цели, такое по заказу и уговорам не получается, но без этого все повиснет в воздухе. Народ должен поверить, что ему говорят правду, — а для этого нужно одно — говорить только правду и всю правду и всегда подтверждать слова делами.

Но и в любом, даже самом благоприятном случае будут большие трудности. Уже сейчас переход к самокупаемости и самофинансированию, к новым системам снабжения и кооперирования приводит к потере многими части их доходов и даже работы. А ведь это только начало трудного пути. Поменьше бы при этом глупостей и побольше здравого смысла и чувства ответственности. Главные препятствия перестройки — в общей косности сложившейся десятилетиями административно-бюрократической системы, в реальных интересах миллионов ее деятелей на всех уровнях. Саморегулирующаяся эффективная система им просто не нужна, они окажутся как бы не у дел. Отсюда опасность того, что кто-то активно или пассивно, по неумению, будет мешать перестройке, искажать, карикатуризировать ее. И представлять ее временные трудности как окончательный провал. Через все это придется пройти.

О чем же я думаю, что жду от перестройки?

Прежде всего — о гласности. Именно гласность должна создать в стране новый нравственный климат! Общеизвестно, что в этой сфере мы шагнули дальше всего. Все меньше запретных тем, мы начинаем видеть свое общество таким, какое оно было в прошлом и есть в настоящем. Люди должны знать правду и должны иметь возможность беспрепятственно выражать свои мысли. Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни. Только внутренне свободный человек может быть инициативным, как это необходимо обществу.

Другая, не менее важная основа нравственного здоровья общества — социальная справедливость. Тема эта широкая и многосторонняя, я уже писал о таких ее аспектах, как привилегии элиты, уровень зарплаты и пенсий, социальное равноправие. Коснусь тут одного частного вопроса. По-видимому, неизбежно упорядочивание системы цен в соответствии с экономическими законами, в частности повышение цен на продукты питания. Люди с низким уровнем дохода на члена семьи должны получать компенсацию. Наиболее справедливой, на мой взгляд, является выдача 30—40% населения талонов на бесплатное приобретение части продуктов питания с тем, чтобы для этих менее обеспеченных людей скомпенсировать повышение цен. По-видимому, значительная часть существующих сейчас государственных дотаций на продукты питания должна быть использована для этих талонов. Остальная часть суммы дотации пойдет на другие формы компенсаций или останется в государственном бюджете. Если общая сумма дотаций в год составляет 60 млрд. рублей (точных цифр я не знаю), то выдача 100 млн. граждан талонов на 50% этой суммы составит 25 рублей в месяц на человека (в среднем), что должно компенсировать потери от повышения цен. Необходимо также скомпенсировать для менее обеспеченных граждан увеличение квартплаты и некоторых других статей расхода. При этом чисто денежные формы компенсации, особенно на продукты питания, не являются, на мой взгляд, приемлемыми. Ведь многие, особенно молодежь, а она составляет значительную долю плохо обеспеченных людей, при

этом будут тратить деньги на одежду и т.п. и просто голодать. Поэтому я писал о талонах, вероятно, нужно какое-то комбинированное решение.

Я, не будучи специалистом, воздержусь от обсуждения критически важных экономических вопросов и ограничусь некоторыми замечаниями "аутсайдера". Необходимо создать экономические и юридические условия, при которых выгодна инициатива, гибкое реагирование на экономическую конъюнктуру, выгоден технический прогресс, выгодна хорошая личная работа — без каких-либо тормозов и ограничений догматического свойства. Сейчас мы имеем: закон о государственном предприятии, проект закона о кооперации (вероятно, предварительный), закон об индивидуальной трудовой деятельности. Все эти документы очень важны и в принципе открывают качественно новые политико-экономические возможности. Вместе с тем в них бросаются в глаза недоговоренности и противоречия с основным духом документов. Например, что в условиях кооператива значит "контроль партийной организации"? В преамбуле проекта закона о кооперации оговорено право свободного выхода из кооператива. Но в дальнейшем в числе функций общего собрания колхоза почему-то не упомянуто рассмотрение вопроса о выходе (иными словами, общее собрание в противоречии с преамбулой наделяется правом отказа в выходе из колхоза). В законе о кооперации и Уставе колхоза необходимо предусмотреть право беспрепятственного выхода каждого члена, с соответствующей компенсацией за вложенный труд, с сохранением стажа и, по желанию выходящего, — с выделением земельного долевого участка. Колхозник не крепостной, колхоз должен быть абсолютным добровольным объединением. Всякое нарушение этого принципа чревато очень глубокими социальными, психологическими и экономическими опасностями для общества, плоды этого мы сейчас наблюдаем. Очень важно дальнейшее развитие системы семейного и коллективного подряда, его юридическая, экономическая и социально-нравственная поддержка. Необходимо долгосрочное выделение желающим хороших земель (с правом наследования). Только так можно гарантировать бережное сохранение одного из главных богатств общества — плодородной земли. Особо большую роль должны играть "малые кооперативы" (примыкающие с рядом переходных форм к коллективному подряду). Необходимо максимально поддержать индивидуальную трудовую деятельность, создать для нее максимально благоприятные экономические и юридические условия, создать психологическую атмосферу длительной перспективы. Конечно, надо отменить все постановления вроде указа о нетрудовых доходах, которые противоречат целям развития индивидуальной трудовой деятельности. Не надо бояться больших доходов отдельных граждан, если их источником явился личный труд, инициатива, изобретательство, использование конъюнктуры, использование личного имущества. Принцип "разрешено все, что не запрещено законом" должен пониматься буквально. Некоторые особенно социально полезные виды индивидуальной трудовой деятельности должны быть освобождены от налогов (например, пчеловодство).

Как я уже писал, в 70-х и 80-х годах происходили жестокие преследования инакомыслящих. В течение 1987 года большая часть узников совести — т.е., по терминологии международной правозащитной организации Эмнести интернешнл, людей, репрессированных за убеждения и связанных с убеждениями ненасильственных действий, — была освобождена.

дена (еще раньше были освобождены Анатолий Щаранский, Юрий Орлов, автор этой статьи и моя жена Елена Боннэр). Однако все еще остается в заключении около 20 осужденных по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР (включая ссыльных), а также некоторые осужденные по другим статьям и находящиеся в психиатрических больницах. Все они должны быть освобождены. Это чрезвычайно важно в нравственном отношении, для оздоровления всей обстановки в стране, для преодоления "инерции страха" (название одной из самиздатовских книг). Психологически и политически важно, чтобы все узники совести были реабилитированы, а не просто "втихую" освобождены как помилованные. Пора уже отойти от системы реабилитировать невиновных посмертно, а не при жизни. Требования в 1987 году от узников совести заявлений о помиловании, конечно, были неправомерны с нравственной и юридической точек зрения. Не менее важно — отмена всех тех статей Кодекса, по которым имели место преследования за убеждения. Это — уже упомянутая статья 70 УК РСФСР (и аналогичные статьи союзных республик), почти буквально списанная с одного из пунктов трагически знаменитой 58-й статьи сталинского кодекса. Это статья 190—1: "заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй"; суды не утруждали себя доказательством или анализом "заведомой ложности". Это две статьи, допускающие преследования за религиозную деятельность, — 142 и 227 УК РСФСР. Конечно, необходима гуманизация пенитенциарной системы в соответствии с международными нормами. Необходимо также полная отмена института смертной казни. Беккариа, Гюго, Толстой и другие писатели и гуманисты прошлого открыли людям глаза на психологическую бесчеловечность смертной казни. В судебной практике неизбежны ошибки, в случае смертного приговора исправление их невозможно. Отмена смертной казни, несомненно, будет способствовать гуманизации общества. К сожалению, многие не верят в это и, возмущенные известными им преступлениями, продолжают возражать против отмены смертной казни. Я надеюсь, что их точка зрения не возобладает.

Перестройка должна способствовать "открытости общества" как одного из основных условий нравственного и экономического здоровья страны, международного доверия и безопасности. Понятие открытости включает в себя контроль общественности за принятием ключевых решений (повторение ошибки вторжения в Афганистан должно быть невозможным), свободу убеждений, свободу получения и распространения информации, свободу выбора страны проживания и места проживания внутри страны. Все эти положения сформулированы в одном из важнейших документов нашего времени — "Всеобщей декларации прав человека" (ООН, 1948 г.) и в Пактах о правах человека ООН, ратифицированных СССР. На последний из этих документов имеется также ссылка в Хельсинкском акте. Коротко остановлюсь на последних двух правах. Свобода выбора страны проживания подразумевает право эмиграции и право возвращения. Право эмиграции не сводится к объединению семей, поэтому совершенно неправомерно требование так называемых "вызовов" от родственников, тем более — от ближайших родственников (сейчас очень многим отказывают в принятии заявления на эмиграцию по причине недостаточно близкого родства с лицом, пославшим вызов; а при отсутствии вызова вообще не разговаривают). В своем полном

виде право на эмиграцию имеет большое социальное, политическое и международное значение, давая каждому гражданину возможность лично выбирать то общественно-экономическое устройство, которое является для него наилучшим. Границы между странами в некотором смысле исчезают. В конечном итоге это будет важной гарантией мира. Выбор при этом не должен иметь окончательного, фатального характера, люди должны иметь возможность пересмотреть свои оценки, исправить ошибку — поэтому так важно дополнение права на эмиграцию правом на возвращение.

Право на свободу места проживания в пределах страны я хочу обсудить в связи с проблемой крымских татар. Это одна из двух национальных проблем, которым посвящено мое письмо на имя М. С. Горбачева, дальнейшее изложение частично следует этому письму.

В мае 1944 г., вскоре после освобождения Крыма, сотни тысяч крымских татар, в основном дети, женщины и старики, так как мужчины находились на фронте, были по приказу Сталина насильственно вывезены из Крыма. Переселение осуществлялось с большой жестокостью под руководством Кабулова, одного из заместителей Бериин (осужденного и расстрелянного вместе с ним в 1953 г.). "Переселение народов" — одно из преступлений Сталина, осужденное еще в 50-х годах. Почти все переселенные народы вернулись, за двумя или тремя исключениями; среди них крымские татары, до сих пор безуспешно добивающиеся права жить на родине. Созданная при Президиуме Верховного Совета СССР комиссия не нашла пока путей восстановления справедливости. На местах продолжаются дискриминационные действия в отношении крымских татар, желающих вернуться в Крым, — отказы по национальному признаку в прописке и приобретении домов, провокационная агитация в прессе.

Обстановка обостряется. Все еще используется, особенно неофициально, аргумент о сотрудничестве крымских татар с немцами во время войны. Но распространение на весь народ ответственности за действия отдельных его представителей неправомерно. Активистов национального движения называют экстремистами, между тем все движение всегда проходило в строго законных формах, с полным исключением насилия. И это несмотря на то, что дома татар в Крыму сносились бульдозерами, сжигались, людей доводили до самоубийства. Я считаю, что нужно привлечь активистов национального движения к работе комиссии. Целесообразно проведение референдума среди крымских татар для определения путей решения проблемы (приемлемых для других народов страны) и выявления всех желающих вернуться в Крым. Справедливость должна быть восстановлена! По моему мнению, необходимо правительственное решение об организованном возвращении в Крым всех желающих вернуться крымских татар с предоставлением им преимущественного права на прописку, льготных условий покупки домов, специальных ссуд, устройством на работу. Вероятно, целесообразно преимущественное переселение (в добровольном порядке) крымских татар в один из районов степного Крыма, с созданием там национального автономного округа в качестве компромиссной основы для дальнейшего продвижения в решении национальной проблемы крымских татар, с учетом общесоюзных интересов. Южный берег Крыма, вероятно, должен находиться в общесоюзном подчинении, как уникальная здравница для всего населения СССР и курорт мирового значения.

Другая особо острая национальная проблема, о которой я писал, — судьба Нагорного Карабаха. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 году. В настоящее время примерно 75% населения области составляют армяне, остальные 25% — азербайджанцы, русские и курды. В 1923 г. доля армян была еще выше — до 90%. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предположить, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина в результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени. Присоединение было произведено вопреки воле населения Карабаха. На протяжении последующих десятилетий оно являлось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имели место многочисленные факты национальной дискриминации армян, диктата, ущемления национальной культуры.

В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20 февраля 1988 года на сессии областного Совета народных депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, Армении и СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных Советов народных депутатов. Решения районных и областного Советов были поддержаны многочисленными мирными демонстрациями и митингами в области и Армении. Несомненно, во всем этом проявились новые демократические возможности, связанные с перестройкой. Однако дальнейшее развитие событий не было благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайств органом Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам, одновременно появились сообщения в печати и телевидении, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими и заранее как бы предопределялся негативный ответ. К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз гласность оказывается подавленной — как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это, естественно, не могло не вызвать соответствующей реакции. В Ереване, Нагорном Карабахе и других местах прошли новые демонстрации, забастовки и митинги, которые, однако, носили законный и мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода — трагические и кровавые, вызывающие в памяти страшные картины геноцида 1915 года. А опять убийства женщин и детей, чудовищные зверства, насилие и издевательства. Я думаю, что события в Азербайджане, так же как волнения 1986 г. в Алма-Ате, были спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии, как ее арвергардные (хотелось бы надеяться!) бои. 23 марта я написал дополнение к письму. В нем я пишу: "Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайства областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Армении и Верховном Совете Азербайджана; в случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР. В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие..." В тот же день было опубликовано

Постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором без упоминания о решениях областного Совета народных депутатов автономной области отвергалась возможность пересмотра территориальных границ в обостровке давления и нагнетания страстей, как крайне опасное действие с непредсказуемыми последствиями. По моему мнению, к крайне опасным последствиям для процесса перестройки может привести именно игнорирование демократического волеизъявления народа, решения органа Советской власти, отступление перед шантажом антиперестроечных сил. Не случайно преступление в Сумгаите произошло тогда, когда выявились признаки неуверенности в позиции центральных властей. Я надеюсь, что Постановление от 23 марта не последнее слово Верховного Совета СССР и его Президиума по этой проблеме.

С началом перестройки на поверхность вышли многие острые проблемы, до этого существовавшие подспудно, — социальные, экономические, нравственные, культурные и, к сожалению, национальные. Они стали пробным камнем перестройки — ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Вера людей в перестройку в значительной степени зависит от того, будут ли тут дела соответствовать словам. К числу таких ключевых проблем относятся: возвращение крымских татар в Крым и воссоединение Арцаха (Нагорный Карабах) с Арменией. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

Перехожу к проблемам мира и разоружения. Они всегда лежали в центре моих общественных выступлений, начиная с первой опубликованной в 1968 году в "самиздате" и на Западе статьи "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Эпоха гласности дала мне возможность изложить свои взгляды непосредственно перед советской аудиторией. В феврале 1987 года я принял участие в "Московском форуме за выживание человечества". В своем выступлении я, в частности, отрицательно оцениваю влияние на международную безопасность и стабильность, приоритетную ориентацию на создание системы противоракетной обороны с элементами космического базирования. Такая система может быть создана в чисто техническом плане, но она крайне уязвима и малоэффективна и может быть преодолена относительно меньшими (более простыми и дешевыми) усилиями потенциального противника. Однако при этом противник будет вынужден пойти на целый ряд ответных мер, а общий порог стратегической стабильности, основанный на концепции "гарантированного взаимного уничтожения", повышается. В результате процесс разоружения усложняется. Вместе с тем я защищал на форуме необходимость отказа от так называемого принципа пакета, увязывающего возможность соглашений по разоружению с заключением соглашения по СОИ. Это является очень важной частью моей позиции, а именно: я защищаю тезис о необходимости заключения соглашений по ракетам средней дальности и о 50%-ном сокращении стратегических вооружений, независимо от позиции США по проблеме СОИ и каких-либо иных условий. Более глубокое сокращение стратегических вооружений, по моему мнению, возможно лишь при наличии целого ряда дополнительных военно-стратегических и политических условий, в частности, относящихся к действиям сторон в области противоракетной обороны. Как известно, вскоре СССР заявил об отказе

от принципа пакета в отношении ракет средней дальности, а в декабре 1987 года М. С. Горбачев и Р. Рейган подписали в Вашингтоне договор о ракетах средней и меньшей дальности. Это поистине историческое соглашение впервые предопределяет уничтожение целого класса ракетно-ядерного оружия и устанавливает беспрецедентные меры контроля. Оно, как мы надеемся, открывает возможности дальнейшего прогресса.

По общему мнению, следующим этапом должно быть соглашение о 50%-ном сокращении стратегических вооружений. Стороны проявили волю к достижению этого соглашения, сделав важные встречные шаги. Очень важно дойти тут до конца, преодолев оставшиеся трудности в вопросе о контроле и некоторые другие.

Ни одна из сторон в обозримом будущем не может полностью отказаться от поисковых работ в областях, в которых возможны важные военные достижения. Необходимы компромиссные решения. Сейчас, по-видимому, наиболее полезным является заключение соглашений, относящихся к открытости научных исследований. Важное предложение сделал на встрече советских и американских ученых в Вильнюсе глава американской делегации Вольфганг Пановский. Научные и конструкторские работы с устройствами, которые потенциально могут быть использованы в качестве оружия нового типа, должны вестись *открыто, если параметры устройств превосходят определенные пределы*; другие страны должны быть информированы о ведущихся работах, в случае необходимости должно быть возможным посещение научных лабораторий. Так, например, открыто должны вестись работы по лазерным устройствам, если параметры пучка достаточны для использования в системе ПРО с космическим базированием или для поражения из космоса наземных целей. Пановский в Вильнюсе говорил именно в связи с проблемой СОИ, но его предложение имеет и более широкое значение.

Чрезвычайно важно установление равновесия обычных вооружений. В частности, это одна из предпосылок глубокого сокращения ядерных вооружений. Эксперты уже много лет ведут тут споры, связанные как с недостатком информации, так и с объективной сложностью и неоднозначностью ситуации. Важная задача — такое сокращение обычных вооружений и изменение их структуры, при котором каждая сторона уверена, что противоположная сторона преследует чисто оборонительные цели. Но достичь этого чрезвычайно трудно даже в чисто техническом плане, и тем более в мире, раздираемом взаимным недоверием, региональными конфликтами.

Одной из предпосылок укрепления доверия является прекращение войны в Афганистане. Я убежден, что вывод советских войск из Афганистана, о начале которого с 15 мая 1988 г. объявило Советское правительство, должен быть осуществлен без каких-либо предварительных условий. Но одновременно должны вестись переговоры о прекращении поставок оружия враждующим сторонам на взаимной основе, о создании условий для возвращения беженцев из Пакистана и Ирана, о предоставлении СССР убежища всем, кто этого пожелает. Для установления порядка в стране, вероятно, целесообразно использование сил ООН. Вероятно, необходима международная гуманитарная — экономическая и медицинская — помощь.

В Европе мне кажется целесообразным предложение об установлении коридора шириной в 150–200 км, разделяющего вооруженные силы

НАТО и Варшавского Пакта и свободного от какого-либо оружия (обязательно — не только ядерного, но и обычного). Это сильно уменьшит возможность внезапного крупномасштабного нападения одной стороны на другую и будет способствовать укреплению доверия.

В более широком аспекте я считаю возможным и необходимым рассмотреть вопрос об осуществлении СССР смелого, грандиозного по своему общечеловеческому значению шага — сокращения в одностороннем порядке срока службы в армии, флоте и авиации (ориентировочно — в 2 раза), тем самым уменьшения численности вооруженных сил с одновременным сокращением (в той же пропорции) всех видов вооружений (но, вероятно, с относительно меньшим сокращением офицерского состава). Конечно, такое решение может быть принято после всестороннего учета всех возможных последствий, в том числе — для военной безопасности СССР и других стран социалистического содружества, а также с учетом социальных и демографических факторов. Необходимо также исходить из прогнозов развития международной обстановки, возможных ее осложнений. Но нельзя не учитывать того, что лежит на противоположной чаше весов! Предполагаемый шаг сразу и кардинально изменит всю ситуацию в мире. Откроется прямая дорога к глубокому и всестороннему разоружению, к сбалансированному сокращению обычных и ядерных вооружений, вплоть до полного уничтожения ядерного оружия! Укрепится международное доверие. Это будет, в частности, способствовать урегулированию региональных конфликтов на всех континентах. Разоружение освободит огромные материальные средства, так необходимые для перестройки в СССР, а в общемировом масштабе — для решения социальных, экологических и других всеобщих проблем, для борьбы с голодом, болезнями, для преодоления неравномерности общемирового развития.

Значительными будут социальные последствия сокращения срока службы в армии внутри страны. Облегчится возвращение юношей к производительному труду и учебе. Произойдет также оздоровление внутренних отношений в армии — исчезнут корни так называемой "дедовщины" (помыкание солдатами первого года службы). Сокращение срока службы в армии вполне возможно, в частности, и потому, что в армию приходят сейчас гораздо более подготовленные ребята, чем, скажем, в 30-е годы; многие из них знакомы с трактором, автомобилем, радио; обучить их военным специальностям можно значительно быстрее!

Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете — настоятельная необходимость современного этапа мировой истории. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменений в направлении сближения (конвергенции) капиталистической и социалистической систем и открытости общества, при достижении большего равновесия всех рас и народов не только юридически, но и в экономическом, культурном и социальном отношении. Нужно новое мышление человечества!

ПРОТИВ БЮРОКРАТИЗМА, ПЕРЕСТРАХОВКИ И НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ

Когда мне любезно предложили принять участие в настоящем сборнике, я сначала отказался. В самом деле, основное содержание перестройки связано с глубокими изменениями в экономике и в социальной сфере. Я же сам более детально знаком лишь со сравнительно узким кругом вопросов, касающихся в основном работы научных учреждений и публикации научной литературы. К тому же кое-что на эти темы мне удалось опубликовать¹. Однако эти статьи были сокращены (их первоначальный текст частично использован ниже), а многие внесенные предложения вообще остались достоянием различных канцелярий. Главное же, значительные позитивные сдвиги хотя и имеются, но в вопросах, о которых пойдет речь, они все еще не радикальны и происходят слишком медленно. Поэтому я и решил все же попытаться изложить здесь целый ряд замечаний. Их направленность — борьба с бюрократизмом, перестраховкой и некомпетентностью. Без такой борьбы никакая перестройка невозможна.

Трудности, с которыми мы встречаемся, можно разделить, пусть и условно, на объективные и субъективные. Например, не хватает помещений для научных учреждений, да и почти везде. Не хватает жилья. Конечно, эти недостатки в конечном счете плоды допущенных ранее просчетов и ошибок. Но на сегодняшний день это объективные трудности — вскрыть их причины и характер еще недостаточно, чтобы обеспечить нужное количество материалов, рабочей силы и т.д. Приходится ждать, считаться с реальными возможностями.

Совсем иное дело, когда безобразное положение дел обусловлено бюрократической тупостью, перестраховкой и некомпетентностью. Такие трудности, для устранения которых в первую очередь необходимо понимание проблем и умение работать, а не "выбивание" фондов, материалов, штатов и зарплаты, я и называю субъективными. Так вот, эти субъективные трудности вызывают у меня (и, вероятно, у очень многих) какое-то особое возмущение. Еще раз повторяю, что приходится считаться с тем, что, например, разработка, отладка и массовое производство персональных компьютеров требует больших усилий и времени. Но никак нельзя смириться с укоренившейся практикой, согласно которой отмена многих безнадежно устаревших постановлений, инструкций и "правил" тоже якобы не может быть осуществлена в короткие сроки.

¹ *Литературная газета*, 19 марта 1986 г.; *Вестник АН СССР*, 1986, № 4, с. 39.

1. Бюрократизм многообразен и многолик, проник во все области нашей жизни. Все об этом знают, а примеров в газетных и журнальных статьях приведено предостаточно. Поэтому я сосредоточу внимание лишь на одной из форм бюрократизма, а именно на бюрократизме, который можно назвать “бумажным”.

Необходимо сразу подчеркнуть, что “бумажный” бюрократизм — это отнюдь не пресловутый “бумажный тигр”. Последний термин имеет своей целью указать, что мы сталкиваемся как бы с муляжом — облик тигра, а зубов, когтей и кровожадности нет. “Бумажный” бюрократизм, напротив, злобная гадина, источник инфарктов, горя и слез, не говоря уже о потере времени, неэффективности в работе и т.д. Очевидно, “бумажный” бюрократизм тесно связан с так называемым бумаготворчеством, которое часто трудно отличить просто от бумагомарательства. Буквально шага у нас сейчас нельзя ступить без справок, актов, характеристик, объективов, заявлений, отношений, отчетов и т.д. и т.п. Слов нет, в целом ряде случаев нельзя обойтись без тех или иных бумаг. Но беда в том, что значительная часть всех этих бумаг не нужна вообще или сами бумаги могут быть короче и не составляться в большом количестве экземпляров. Конечно, и бумаги жалко (ведь ее не хватает), но главное другое. За каждой бумагой стоит труд составителей, машинисток, почты, всех, кто эти бумаги подписывает, “подшивает к делу” и т.д. А сколько раз людям приходится для получения ряда бумажек приходиться, приезжать, просить и упрашивать? Наконец, какая с этим связана огромная потеря времени, какая проистекает неэффективность в работе!

Для понимания масштабов бумаготворчества сообщу, что только через канцелярию Президиума АН СССР “проходит” около миллиона бумаг в год. Думаю, что по Академии в целом оборот бумаг достигает нескольких миллионов в год (многие бумаги направляются ведь не в канцелярию Президиума). На долю Академии наук СССР приходится только 4% всех затрат на науку и числа научных работников по стране. Так мы приходим к оценке, что лишь в сфере науки оборот бумаг достигает у нас сотни миллионов в год. А ведь некоторые “бумаги” — это целые “дела”, содержащие много страниц. Вот и считайте...

Перечислю некоторые сферы деятельности, где процветает “бумажный” бюрократизм: всякого рода отчеты, планы, заявки и сводки, документация на получение квартир и оформление прописки, публикация статей, издание и распространение научной литературы, защита диссертаций и их утверждение в ВАКе, заграничные командировки. Собственно, областей нашей жизни, в которые “бумажный” бюрократизм не проник, я указать вообще не могу.

Приведу здесь лишь несколько примеров из числа тех, с которыми я сам сталкивался и сталкиваюсь: только это и имеет смысл — не писать же с чужих слов или повторять уже известное из газет. Особенность приводимых фактов состоит в том, что они в основном относятся, так сказать, к запретной сфере — о них у нас не пишут. Делается это под предлогом пресловутой секретности или, мягче выражаясь, закрытости. Подчеркну поэтому, что никаких секретных сведений я, конечно, не разглашаю. Все нижеизложенное знает или может знать любой сотрудник академических учреждений. Попытки же скрыть приводимые факты от глаз общественности продиктованы лишь очевидным стремлением избежать критики. Итак, перейду к фактам.

2. Направление в открытую печать (в журналы и сборники, при публикации книг) работ по физике, астрономии и целому ряду других дисциплин сопровождается бумагой за подписью руководителя отдела (или лаборатории) и директора (или его заместителя), направлением за подписью ученого секретаря и одним или двумя актами экспертизы, на четырех страницах каждый и за подписями шести человек. Всего только, например, в нашем институте (Физическом институте АН СССР) собирается 9 подписей. Но этого, оказывается, мало. Значительный процент статей направляется, еще с парой дополнительных бланков, на визу в Президиум. Все это относится и к тезисам докладов на конференциях. Вот и получается, что тезисы, которые обычно занимают несколько строчек, сопровождаются десятком страниц "сопроводиловок". Очевидно, что на все такое оформление тратится много бумаги, теряется время, загружаются все подписывающие и их помощники. Существенна и дальнейшая судьба рукописей. Все статьи, направляемые в журналы, да практически и все печатающееся, еще рецензируются, редактируются и на последнем этапе проверяются и подписываются в печать. Все это необходимо, но тем меньше оснований усложнять оформление рукописей до их поступления в редакции.

Нужна ли описанная громоздкая процедура, приносит ли она какую-либо пользу?

Всякому очевидно, что публикация результатов работы научных учреждений должна происходить не самотеком, а под строгим контролем и с разрешения дирекции учреждения. Если говорить о формальной стороне, то для всего этого достаточно одной бумаги на одной странице с подписями заведующего лаборатории и представителя дирекции. Какие-то дополнительные рассмотрения и визы нужны лишь в определенных случаях. К их числу, безусловно, не относятся: подавляющее большинство построений теоретической физики, исследования близких и далеких звезд и галактик, астрофизика космических лучей и т.д. и т.п. Да ни один разумный человек львиную долю направляемых ему для визы статей и не станет читать, и фактически не читает. За многие годы я не знаю ни одного случая, когда все это бесконечное активирование и визирование дало бы какой-то результат — приводило бы к предотвращению нежелательной утечки информации. Говорят, такие случаи все же бывают. Думаю, что их было бы замечено только больше, если бы проверке подвергалась лишь разумно отобранная часть всей массы публикаций. Объяснять здесь много не нужно: даже дети понимают, что найти иголку на столе или на полу несравненно легче, чем в стоге сена. Таким образом, я вовсе не выступаю за бесконтрольность публикаций. Напротив, я за эффективный и деловой контроль, который, однако, не имеет ничего общего с собиранием десятка подписей под всеми бесчисленными рукописями и тезисами докладов.

3. Выше я касался лишь опубликования статей в СССР. Послать статью за границу еще сложнее. Здесь нужно еще отвезти статью со всей упомянутой документацией и, конечно, визами из Президиума в Главлит, добавив еще одну бумагу с тремя подписями. Получив статью из Главлита (на это уходит 7—10 дней, да и то если сотрудники сами ездят туда с бумагами), нужно еще с двумя бумажками отправиться для регистрации статьи в ВААПе. Между тем регистрация статей в ВААПе вообще оправдана только в случае гонорарных статей. (Большинство же статей,

в том числе все оригинальные статьи, являются безгонорарными, и ВААП к ним вообще не имеет никакого отношения.) Только после всего этого можно послать статью за границу, получив еще только одну (о счастье!) дополнительную визу в самом институте.

Трудности с опубликованием научных статей за границей сказанным отноду не исчерпываются. Недавно было введено требование, согласно которому для такой публикации необходимо, чтобы статья была ранее опубликована или принята к печати в советском журнале. К счастью, это требование удалось сформулировать так, что в советской печати должно быть опубликовано лишь основное содержание направляемой за границу статьи. В первоначальном проекте соответствующей инструкции подобной оговорки не было, что ярко свидетельствует о некомпетентности составителей подобных инструкций. Дело в том, что хорошие иностранные научные журналы, предназначенные для опубликования оригинальных научных работ, вообще не публикуют какие-либо статьи, напечатанные в другом месте. Такие правила, кстати, приняты и у нас, причем с полным основанием. Поэтому, скажем, "Журнал экспериментальной и теоретической физики" не будет и не должен публиковать русские переводы статей, публикуемых где-то за границей. Более того, нет особых оснований публиковать в оригинальных журналах не только полные переводы, но даже какие-то варианты статей, основное содержание которых уже опубликовано в другом месте. Для всего этого существуют сборники переводных статей и т.п. Почему же мы ожидаем от зарубежных журналов каких-то скидок для направляемых в них статей советских авторов? Проблема опубликования научных статей советских авторов в иностранных журналах на самом деле действительно существует, но она лежит, так сказать, в иной плоскости. Об этом еще пойдет речь ниже, сейчас же сделаю только еще одно замечание, тесно связанное с предыдущими.

Независимо от каких-либо инструкций мне представляется вполне естественным и разумным стремление, послав какую-то статью за границу, сделать ее легко доступной и нашим читателям. Самый простой и эффективный способ достижения этой цели — опубликование статьи у нас в качестве препринта. (Язык здесь роли не играет, без знания английского языка физик сейчас работать вообще не может. Поэтому если уже сделан перевод, то разумно и препринт печатать по-английски.) Одной-двух сотен экземпляров (таков обычно тираж препринтов) вполне достаточно, чтобы почти все наши, а частично и иностранные специалисты, которых действительно интересует данная статья, могли с ней ознакомиться. (Речь идет ведь не о художественной литературе. Тиражи оригинальных научных журналов и монографий, как у нас, так и за границей, исчисляются обычно всего лишь в сотнях или тысячах, а поступают они в основном в библиотеки.)

Но здесь, поэтому об этом и пишу, опять тяжелым бревном поперек дороги лежат существующие правила. Проиллюстрирую это на конкретном примере. В сентябре и октябре 1987 г. я в ответ на предложение редактора серии сборников "Прогресс в физике низких температур" написал обзорную статью "Высокотемпературная сверхпроводимость: некоторые замечания". Написать такую статью (в ней 60 страниц и около 120 ссылок на литературу) дело нелегкое. Но еще труднее все "оформление": печатание на русском языке, вписывание формул, перевод на

английский язык, опять вписывание формул, получение всех описанных выше виз и разрешений. Наконец статья с разрешением на отправку за границу у меня, а тут я как раз после 18-летнего перерыва поехал в США в короткую научную командировку. Доклады в США я делал в основном по теме упомянутой статьи. И вот даешь перед докладом одному из организаторов единственный свой экземпляр статьи, а приходишь с доклада — на столе лежит стопка ксероксов, все желающие могут их взять. Естественно, вернувшись домой, я захотел сделать препринт статьи. В нашем институте все для этого есть, точнее, есть все, кроме права делать препринт. Полученного ранее разрешения послать статью за границу недостаточно, ту же статью (я и ни слова не добавлял) нужно снова "оформлять" (!). Опять бесконечные акты и разрешения Главлита. К тому же препринт на английском языке, а в Главлит нужно посылать два экземпляра статьи на русском языке, у меня же остался только один. Лишь благожелательное отношение в издательском отделе нашего института приближает счастливый миг, когда можно будет наконец сделать копии (препринты) с давно готового английского текста. То, что можно было сделать за неделю, потребовало минимум двух месяцев, не говоря уже о трате сил.

4. Здесь как раз подходящее место, чтобы перейти к еще одной важной проблеме или, если угодно, еще одному примеру разгула бюрократического "творчества".

Одним из крупных технических достижений последнего времени является создание и внедрение эффективных копируемых машин (ксероксов). Эти машины буквально революционизировали работу над рукописями, позволили быстро снимать копии журнальных статей, экономия и время и деньги, необходимые на выпуск многих копий журналов. Рациональный метод оформления рукописей статей таков: машинистка печатает лишь один-два экземпляра. В первый экземпляр вписываются формулы, он правится (второй экземпляр даже не всегда нужен, разве что для страховки), а затем ксерокопируется. При этом на современных машинах получаются копии, почти неотличимые от первого экземпляра. А что мы делаем? Печатаем 5 экземпляров, все их нужно исправлять и во все вписывать формулы. При этом последние экземпляры очень трудно читать, да иногда и 5 экземпляров мало, вот печатается и еще одна "закладка". На перепечатывание уходят многие дни. Огромный, тяжелый труд. И это в условиях, когда в институте имеются копируемые машины, позволяющие получить нужное количество хороших копий буквально за минуты или в крайнем случае за час. Дело же в том, что по существующим правилам ксерокопировать можно, если говорить о научных работах, только печатные материалы или рукописи, уже разрешенные к печати, то есть уже прошедшие все описанное выше "оформление". Такие требования мотивируются заботой о том, чтобы не копировались ненужные рукописи и вообще что придется. Ну что же, и я за такие ограничения. Но визы ответственного представителя дирекции должно быть достаточно для ксерокопирования, зачем еще нужно иметь для этого и другие разрешения? В итоге неразумных ограничений процветает ксерокопирование "налево". И упрекать нужно здесь не столько нарушающих "порядок", сколько не дающих возможности, пусть за деньги, сделать ксерокопии диссертаций, рукописей книг и т.д.

Выше я уже привел один пример постановки дела за границей. Соревноваться с "ними" мы здесь пока не можем — не хватает ксероксов и необходимых для ксерокопирования материалов. Это объективные трудности. Но отмена вредных запретов не требует денег и материалов, она требует лишь понимания и заботы об интересах дела. Увы, добиться результатов не удастся (я ведь писал об этом в названных выше статьях в печати, а также многочисленных докладных записках; писали об этом и другие; см. также ниже о деятельности комиссии по борьбе с бюрократизмом при Президиуме АН СССР).

5. Приведенные примеры "бумажного" бюрократизма и родственных явлений меркнут, пожалуй, по сравнению с тем, что творится в области заграничных командировок. Для поездки в капиталистическую страну раньше всего нужно подать ряд документов "для включения в план". Вот их перечень:

1. Сопроводительное письмо 2 экз.
2. Обоснование 3 экз.
3. Справка-объективка 3 экз.
4. Форма А 3 экз.
5. Письмо-приглашение 3 экз.

Само же "выездное дело", отправляемое из института, после "включения в план" должно содержать следующие "материалы":

1. Сопроводительное письмо 3 экз.
2. Обоснование 3 экз.
3. Директивные указания 3 экз.
4. Программа визитов 3 экз.
5. Характеристика 5 экз.
6. Выписка из протокола открытого партсобрания 1 экз.
7. Справка-объективка 7 экз.
8. Медсправка 2 экз. (кажется, сейчас можно уже обойтись одним экземпляром этой справки)
9. Письмо-приглашение 3 экз.
10. Его перевод 3 экз.
11. Фотографии 6 экз.

Всего на обе операции нужно представить 53 "единицы" бумаг, а если вычесть фотокарточки (они действительно нужны), то 47 "единиц". Кстати, еще несколько месяцев назад требовалось представлять 63 "единицы". Комиссия по борьбе с бюрократизмом Президиума АН СССР обсуждала этот вопрос и просила уменьшить число бумаг, после чего список сократили на 10 единиц. Но такое сокращение иначе чем косметическим не назовешь. Сказанное, по существу, относится и к командировкам в социалистические страны: число "единиц" в этом случае лишь ненамного меньше — их "всего" 42 (до недавнего времени было 47).

У меня просто не хватает слов чтобы охарактеризовать всю степень бюрократической вакханалии, нашедшей отражение в приведенном списке. Возьмем для примера "справки-объективки", которых для одной поездки нужно в сумме предоставить 10 штук. Справка-объективка — это просто анкета, в которой, в частности, нужно указать данные (место работы, место жительства и т.п.) жены (мужа), бывшей жены или жен (мужей), родителей, детей, братьев и сестер. Моя мать, увы, умерла

еще в 1920 г., отец — в 1942-м, развелся я (к счастью, один раз) в 1946 г. Так вот, уже многие годы я сообщаю все эти сведения, причем для каждой поездки снова. Я знаю людей, которые ездят по нескольку раз в год и, таким образом, за один год представляют 30—50 *идентичных* справок-объективов (!). Отмечу также, что в Академии текущая кадры очень низкая (среди научных работников), люди работают в одном и том же институте десятилетиями. Но все равно каждый раз нужны все те же справки, характеристики и т.п. Насколько укоренилась привычка требовать всякие совершенно ненужные документы, ясно и из такого примера, правда из другой области. На прошедших недавно (в конце 1987 г.) выборах в Академию наук СССР от членов-корреспондентов той же Академии, баллотировавшихся в академики, требовалось представить ксерокопию их член-корреспондентского билета, копию диплома об окончании вуза, копию диплома о присвоении докторской степени и в 2 экземплярах автобиографию и листок по учету кадров, причем обязательно написанные от руки (!). Я сам видел почтенных членов-корреспондентов, работающих в Академии несколько десятилетий, с проклятиями занимавшихся этим чистописанием.

Возвращаясь к "оформлению" выездов за границу, думаю, что число (и особенно число копий) можно очень сильно сократить. Использование компьютера (даже весьма скромного и вполне доступного) позволяет для постоянных сотрудников и особенно при повторных выездах (скажем, в течение трех лет) вообще не иметь характеристик и объективов (точнее, хранить их в памяти машины). Впрочем, здесь не место делать конкретные предложения. Замечу лишь, что для туристских поездок в соцстраны совсем недавно все необходимые бумаги сведены к одному листку. Нечто подобное, с добавлением деловых документов (копия приглашения и т.п.), можно и нужно сделать и в отношении командировок во все страны (возможны, конечно, исключения, например в отношении стран, не имеющих с СССР дипломатических отношений; но кто же туда ездит?).

Нельзя обойти молчанием и отчеты, которые необходимо представлять по возвращении из заграничной командировки. Это тоже деятельность, занимающая массу времени, причем в основной своей части бесполезное дело (подлинный отчет о своей научной командировке сотрудник делает на семинаре, а также путем ознакомления с привезенными им материалами). Помимо траты сил, времени и бумаги, нельзя забывать и о моральном факторе. Когда человек делает (вынужден делать) нечто, представляющееся ему бессмысленным и неприятным, это самым пагубным образом сказывается на его основной работе. Немало научных сотрудников, которым следовало бы поехать на те или иные научные конференции за границу, не хотят даже связываться со всем этим "оформлением". Зато ездит немало других людей, которых сама наука не столь уж и интересуется, но могущих поручить все оформление другим или готовых заполнять любые бумаги, лишь бы повидать (и, конечно, не просто повидать) заграницу. Вряд ли нужно дополнительно пояснять, какие потери несет советская наука в результате всех этих порядков, царящих в области командировок за границу.

Из сказанного ясно, как "бумажный" бюрократизм, связанный с заграничными командировками, отравляет атмосферу, мешает работе. Но, пожалуй, еще хуже до недавнего времени был тот факт, что иногда буквально

до последнего дня или даже часа перед отъездом командиремые не знали, едут ли они вообще. Люди готовились, затрачивали массу сил на подготовку докладов, получение разрешения "на вывоз" этих докладов и т.п., чтобы в конце концов остаться дома. Я сам начиная с 1970 г. многократно оказывался в таком положении, и не нужно богатого воображения, чтобы понять, как чувствует себя человек в подобных ситуациях. Не буду развивать здесь эту тему, поскольку очень рад констатировать, что за последний примерно год ситуация резко улучшилась. Явно снят целый ряд нелепых и вредных для дела ограничений. Этот факт обнадеживает и только укрепляет в уверенности, что можно радикально улучшить и "бумажную" часть проблемы.

6. Заграничные командировки, особенно на научные конференции и совещания, конечно, необходимы и, если ими не злоупотреблять, полезны. Но, само собой разумеется, они никак не могут заменить информацию, получаемую из научной литературы, будь то журналы и книги, оттиски и препринты и, наконец, письма. Нельзя объять необъятного, и я уже не буду здесь касаться выписки научной литературы. Остаюсь в этом плане только на работе почты. В наши дни даже из США и Японии, не говоря уже о Европе, корреспонденция в смысле транспортировки доставляется за день или максимум за несколько дней. А получаем мы письма иногда через два месяца!

Вот конкретные примеры. Один из сотрудников послал мне из Милана экспресс-почтой научный материал в ноябре 1987 г. (на конверте имеется штамп почты Милана от 12 ноября). Получил же я письмо 30 декабря (на конверте — штамп московской почты от 29 декабря). Вот другое письмо из Академии наук Индии от 25 ноября с просьбой ответить на некий вопрос до 20 декабря. Письмо же я получил 19 января 1988 г. (на конверте штамп московской почты от 18 января). Таких примеров сколько угодно, я писал об этом в *Литературную газету* и в Министерство связи. Писали и многие другие. Между тем положение сложилось совершенно ненормальное. Правда, по косвенным данным я заключаю, что от нас за границу письма в среднем идут несколько быстрее, но все равно на обмен авиаписьмами (и даже экспресс-почтой) нужно минимум месяца два! И это в наши дни, когда научные новости появляются каждый день. Мы же даже из писем не можем их быстро узнать.

Кстати, трудности здесь отнюдь не только объективные. Не говоря уже о том, что почта еще несколько лет назад работала значительно лучше, отмечу такой факт. Целый ряд материалов (например, приглашения на конференции) получает одновременно ряд сотрудников нашего отдела. И вот ко мне те же самые (по содержанию) письма приходят на 7—10 дней позже, чем к другим. Значит, быстро доставлять корреспонденцию времени и сил не хватает, а сортировать ее и, очевидно, "проверять" — на это сил хватает. Не говоря уже о том, что перлюстрация писем противоречит нашей Конституции, она совершенно бессмысленна. Если уж кто-то захотел бы сообщить мне нечто недозволенное, то, несомненно, нашел бы для этой цели иной канал, чем почта.

Характеристика состояния науки в СССР не входит, конечно, в задачу настоящей статьи. Ограничусь лишь замечанием, что физиков с высокой квалификацией у нас очень много. Не думаю, что здесь можно было бы говорить об отставании от Запада. Но в какое положение мы поставлены, как нас используют? Масса бумажной "работы", ксерокопи-

ровать в ряде случаев нельзя, поездка на конференцию — целая проблема, по почте не получаешь информацию своевременно. Даже телефонная связь затруднена. Еще несколько лет назад можно было разговаривать с заграницей, набирая сразу телефон по коду. А теперь заказывай международный разговор за много часов.

А как обстоят дела у "них" (имею в виду Европу и США)? Почта работает, как ей и полагается, ксерокопирование свободное, поезжай куда хочешь (если есть деньги), никаких разрешений для посылки статей в журналы и для изготовления препринтов не нужно (я имею в виду, конечно, "открытые" научные исследования, ведущиеся в университетах и т.д.). Во время уже упомянутой поездки в США в конце прошлого года в одну из лабораторий меня вез профессор Чикагского университета. В машине у него телефон, и он может из машины разговаривать по телефону с любым обладателем обыкновенного телефона в США и в Европе. Сам видел.

Персональные компьютеры включаются сейчас в международную сеть, и соавторы, скажем, американец и датчанин, все время могут прямо на компьютер передавать текст совместно обрабатываемой статьи и т.д. Привожу это все лишь для примера и информации, а не из зависти. Мне лично телефон в машине совершенно не нужен, хотел бы лишь без особых трудов звонить хотя бы с работы, если не из дома. Не нужна мне и возможность "писать" на компьютере совместные с иностранцами статьи. Но получать письма через неделю, а не через полтора месяца все мы хотим и вправе требовать этого.

7. Остановлюсь теперь на вопросе, затрагивающем сравнительно небольшое число людей, но все же достаточно важным в принципиальном отношении. Во многих странах существуют академии наук или эквивалентные им учреждения. Так, в Великобритании роль академии наук играет Лондонское Королевское общество. В США имеется несколько академий, главная из них — Национальная академия наук США. В Индии я знаю о существовании двух академий, одна из них также Национальная и т.д. Академии, помимо членов—граждан своей страны, обычно избирают и иностранных членов. Существует также целый ряд международных союзов, например Международный астрономический союз. Естественно, членами иностранных академий выбирают и советских граждан. Входят наши научные работники и в различные международные союзы, в редакции иностранных журналов и т.д.

Сразу же оговорюсь, что в некоторых случаях речь идет о представительстве нашей страны, скажем, в редакции какого-либо международного журнала. Тогда, разумеется, кандидатура должна обсуждаться и утверждаться. Но ниже имеется в виду, скажем, избрание в академию, присвоение почетной степени доктора наук какого-то университета, присуждение премии и т.п. В таких случаях советский гражданин, выражаясь официальным языком, выступает как частное лицо. Это его личное дело — принять или отклонить избрание или награду. За какими-то, хотя и мыслимыми, но на практике мне не встречавшимися исключениями, избранный, скажем, в иностранную академию наш научный работник (я крайне не люблю слова "ученый" и поэтому его избегаю) считает это честью для себя. Что же он должен сделать? Очевидно, в ответ на сообщение об избрании он должен сообщить, что воспринимает этот факт с благодарностью и т.п. Но я обо всем этом потому и пишу, что в силу каких-то ин-

струкций сотрудник Академии наук СССР (и, думаю, также любой другой советский гражданин) не имеет права без соответствующего разрешения "принять" избрание, премию и т.д. Нужно, таким образом, если строго придерживаться инструкции, сначала спросить у начальства разрешения, а потом отвечать.

Помимо всего прочего, для получения такого разрешения нужны практически месяцы. Поэтому, если ждать разрешения и ничего не отвечать, то подумают, что избранный или умер, или "отклоняет" избрание. Это у нас в Академии понимают и поэтому советуют отвечать что-то неопределенное, а потом, видимо, написать что-то более четкое. Абсурдность такого решения очевидна, "там" ведь просто не поймут, в чем дело.

Как решают эту "проблему" другие, не знаю, об этом обычно стыдливо умалчивают. Я ее решаю так. В ответ на телеграмму, сообщающую об избрании, немедленно отвечаю телеграммой такого примерно содержания: "Благодарю за Вашу телеграмму. Избрание в вашу академию (общество) большая честь. С лучшими пожеланиями. Искренне Ваш". Таким образом, во избежание придирок, поскольку посылаю телеграмму из института, я не пишу явно, что "принимаю" избрание. Но, конечно, мой ответ "они" однозначно понимают как положительный, и ничего больше писать не нужно, никогда и не писал. Одновременно я посылаю в нашу Академию письмо, в котором сообщаю об избрании. А в ответ получаю такое письмо: "В связи с Вашим письмом... относительно вхождения в... сообщаем, что для решения вопроса нам необходимы следующие сведения:

Характеристика Общества (редколлегия журнала) с указанием... Поддержанное Отделением подробное обоснование целесообразности участия советского ученого в работе Общества (редколлегия журнала).

Финансовые условия участия.

Заверенная отделом кадров Института справка-объективка на ученого (2 экз.).

Копия письма-оригинала из Общества (редакции) ".

Признаюсь, что сам я ничего больше не делаю. В Институте собирают нужные документы, а на Бюро Отделения общей физики и астрономии, в которое и я вхожу, мы все время "рассматриваем" и "решаем" подобные вопросы. Вывод же ясен: по моему убеждению, когда речь идет не о представительстве нашей страны в каком-то международном органе, а об избрании в иностранные академии и т.д., вообще никакое "оформление" совершенно не нужно. Выражаясь модным сейчас языком, я бы сказал, что такое "оформление" является нарушением прав человека.

В заключение настоящего раздела статьи еще несколько слов, касающихся взаимоотношений с научными организациями социалистических стран. На этот счет у меня имеется лишь один пример. В 1987 г. Польское физическое общество оказало мне честь, наградив медалью Мариана Смолуховского¹. Однако задолго до того, как я получил соответствующее уведомление от Президента Польского физического общества, этот вопрос "рассматривался" на Бюро Отделения общей физики и астрономии АН СССР (!?). Оказывается, по неизвестным мне соображениям или, скорее, в силу каких-то "инструкций" Польское физическое

¹ М. Смолуховский (1872—1917) — известный польский физик.

общество по каким-то каналам предварительно запрашивает Академию наук СССР, а может ли оно наградить В. Л. Гинзбурга "высшей научной наградой Общества, присуждаемой известным физикам в знак признания их научных достижений, а также их успешного сотрудничества с польскими коллегами" (цитирую упомянутое письмо президента общества). И вот АН СССР — и, очевидно, не только она — рассматривает этот вопрос. Между тем, по моему убеждению, во всех подобных случаях Академия наук СССР должна сообщить нашим коллегам из социалистических стран, что вопрос о том, кого они награждают или выбирают, — это их собственное дело, вмешиваться в которое у нас нет ни оснований, ни права. Только такой ответ может способствовать укреплению подлинно дружественных связей между учеными СССР и социалистических стран.

8. К сожалению, из-за недостатка места я не могу здесь коснуться целого ряда других вопросов: порядка присуждения Ленинских и Государственных премий, регистрации так называемых "открытий", вопроса об аспирантуре (об этом я три раза писал в газетах¹, но совершенно безрезультатно) и т.д.

Невозможно, однако, не остановиться и в настоящей статье на издании научной литературы (книг и журналов). Роль этого участка работы, очевидно, очень значительна. К сожалению, насколько я могу судить, именно этому участку как-то у нас особенно сильно не повезло в результате некомпетентности соответствующих руководителей. Считалось, видимо, что любому человеку, умеющему читать и писать (даже если он раньше занимался лишь, например, комсомольской работой), можно поручить наводить порядок в издательском деле. Судя по выступлениям в печати и по телевидению, сейчас положение изменилось и многое делается для устранения недостатков. Однако все время, насколько знаю, речь идет о массовых изданиях художественной и исторической литературы и т.д. У научных же изданий своя специфика. Во-первых, эти издания малотиражные. Во-вторых, проблема самоокупаемости и хозрасчета здесь совсем иная, чем для художественной литературы.

Для краткости буду вполне конкретен. Уже 30 лет, с самого его основания, я являюсь главным редактором журнала *Радиофизика*. Смее утверждать, что научный уровень журнала достаточно высок, он переводится на английский язык (в США), широко цитируется. Тираж журнала сейчас составляет 1300 экз. Объем 120 печатных листов в год, цена номера 1 р. 80 к. Тираж журнала, столь ничтожный по меркам *Нового мира* или *Науки и жизни*, вполне достаточен с точки зрения интересов дела. Действительно, научные журналы у нас поступают практически только в библиотеки. Индивидуальная подписка ничтожна, ибо научного сотрудника может интересовать, скажем, лишь одна небольшая статья в номере. К тому же места у всех не хватает, зачем же держать журнал дома, когда он есть в библиотеке. Очевидно, у нас имеется как раз около 1000—1200 библиотек, читателям которых нужна *Радиофизика*. При этом все читатели хотели бы, чтобы публикуемые статьи были как можно более современны, были бы еще "горячими" плодами тех научных исследований, которые они отражают. Но как раз этого мы и не можем сделать — статья сейчас публикуется в среднем через 20 месяцев

¹ *Известия*, 8 сентября 1976 г.; *Литературная газета*, 7 марта и 1 августа 1984 г.

после поступления в редакцию. Причина проста — мал объем журнала. По этой же причине приходится всеми силами "ужимать" статьи, ограничивая их объем 16 страницами на машинке. Ограничение объема журнала мотивировалось и мотивируется недостатком бумаги и несомокупаемостью. Но и тот и другой аргументы — плоды некомпетентности. При тираже в 1300 экз. увеличение объема даже в два раза потребует меньше бумаги, чем издание массовым тиражом сочинений одного из псевдоклассиков отечественной литературы. К тому же была и есть у журнала бумага, но вот уже почти 30 лет, как не позволяют ее использовать. Требование же самокупаемости научного журнала, определяемое по деньгам, вырученным от подписки, — просто нелепость.

Научные статьи, публикуемые в журналах, — это во многих случаях завершающий этап работы, стоившей огромные деньги. Да и вообще научная статья — это информация, цена которой не определяется и не может определяться ценой бумаги, на которой она изложена. Определять самокупаемость научной литературы по вырученным за ее продажу деньгам — это то же самое, как определять самокупаемость при производстве духов по цене флаконов, в которых они находятся. Поэтому за границей в целом ряде известных журналов авторы (или, практически, учреждения, в которых они работают) должны за опубликование платить большие деньги, пропорциональные числу страниц в статье. Другие же журналы для самокупаемости баснословно дороги. Третьи — получают субсидии.

В наших условиях, поскольку все научные журналы и научные учреждения являются государственными, правильнее всего пользоваться субсидиями. Так фактически и происходит. Увеличение таких субсидий, связанное с увеличением объема, ничтожно, а выгода колоссальна. Тот же факт, что эту выгоду, отражающуюся в ускорении развития науки, не учесть элементарным путем, для компетентных людей не играет роли. Но вот уже несколько лет сделать ничего не удастся, бюрократическая стена непробиваема.

Думаю, что имею моральное право задержать внимание читателей еще на несколько минут (или, точнее, еще на страницу-другую), рассказав об одной моей попытке все же пробить упомянутую стену. В 1964 г. я написал статью, в которой изложил сказанное выше и предлагал помочь малотиражным журналам. Статья была уже набрана в *Известиях*, но, как мне сообщили, была запрещена Главлитом. Через несколько месяцев, в сентябре 1964 г.; эту статью пыталась опубликовать *Литературная газета*. Но Главлит статью опять запретил — в ней ведь критиковалась организация издательского дела, связанного с тем же Главлитом. Возмущенный этим, я направил два письма в ЦК КПСС. Тут как раз произошла смена руководства, а в таких случаях на письма обращают больше внимания. Так или иначе, один из инструкторов сообщил мне по телефону буквально следующее (ручаюсь за точность, таких вещей не забываешь): "Мы вызывали начальника Главлита т. Романова, и он сообщил, что публиковать вашу статью Главлит не запрещал, он лишь настоятельно рекомендовал ее не публиковать. Так что никто вам и не мешает опубликовать статью"! И так, всесильный (особенно, в те времена) Главлит не "запрещал", а лишь "настоятельно рекомендовал не публиковать". Бывает так, что возмущение придает силы, и я продолжал попытки опубликовать статью. Это удалось "всего" через 5

лет¹. И уже в качестве почти анекдота такой факт. Эта моя статья кончается такой фразой: "Если работа научного журнала не встречает нареканий, а портфель пухнет, то редакция должна иметь право ежегодно определять объем журнала, сообразуясь с реальной обстановкой, делать это оперативно и без затраты усилий". Анекдот же таков. Фактически статья заканчивалась примерно такими словами: "... без затраты чрезвычайных усилий, сопоставимых с необходимыми для полета человека на Луну". Но за то время, что статья лежала в редакции, приблизилась дата полета американцев на Луну, он должен был вот-вот состояться, и чье-то "бдительное око" решило не беспокоить читателей лишним упоминанием о Луне.

На Луну-то тогда успешно слетали, недавно слетали и к комете Галлея, а никакого прогресса в деле, касающемся научных журналов, нет и до сих пор.

Примером некомпетентности в издательском деле может служить также определение тиражей научных книг. Сейчас это делается на основании количества полученных заявок. Но большинство читателей хочет поддержать книгу в руках в книжном магазине, а потом ее купить или не купить. Требуют же за год-два оставить открытку (заявку) в книжном магазине. Вот и получается, что нужную книгу не купишь. Дело же достаточно простое. Нужно изучать спрос², да и просто понимать, что при наличии, скажем, 2000 заявок нельзя выпускать книгу тиражом менее 4000–5000 экземпляров. Другая возможность, реализуемая на Западе, — это допечатывать тираж по мере продажи книги. При все более распространяющейся офсетной печати это легко сделать. Но опять вступает в свои права бюрократизм: допечатка возможна якобы лишь после нового сбора заявок, а значит, практически обычно нереальна. Научная литература во многих случаях быстро устаревает, наука все время движется вперед. Но новое издание книги опять затруднено: мало (по чьему мнению?) времени прошло с момента выхода предыдущего издания или, по какой-то сводке, где-то в "глубинке" осталось в магазине несколько экземпляров старого издания. Наконец, последний пример. Всегда раньше, на моей памяти, статьи цитировались, например, так: Гинзбург В.Л. УФН 151, 119 (1987). Все здесь ясно: том 151 (выделен полужирным шрифтом), страница 119, год издания 1987. Иногда, и быть может это удобнее, пишут так: 1987, 151, 119. А вот как нужно писать по установленным несколько лет назад правилам, обязательным для всех наших изданий: Гинзбург В.Л.//УФН, 1987, Т. 151. С. 119. А если статья на английском языке, то нужно уже писать 1987, V. 151, P. 119 (V — volume, P — page). Для статьи на немецком языке должно быть 1987, B. 151, S. 119 (B — Band, S — Seite) и т.д. В итоге "нововведения" информация о статье нисколько не увеличилась. Наборщики же (не говоря уже о редакторах издательства), которых так не хватает, должны еще поставить совершенно ненужные две черточки (//), две лишние буквы и две точки (Т. и С.). Зачем? Кому это нужно? Разве вред не очевиден? К сожалению, для выдумывающих эти, с позволения сказать, правила законы здравого смысла не обязательны.

¹ Литературная газета, 18 июня 1969 г.

² Примером того, что я здесь имею в виду, может служить ошибочное определение тиража при издании курса теоретической физики Л. Ландау и Е. Лифшица (см.: В. Л. Г и н з б у р г. — Наука и жизнь, 1986, № 3, с. 86).

9. Выше уже шла речь о посылке научных статей для опубликования за границей. Зачем это делается? Наука быстро развивается, для участия в этом мировом процессе, для более надежной защиты своего приоритета, для большей известности научные работники и стремятся помещать свои статьи в иностранных журналах.

Когда речь идет о хороших, известных журналах, то опубликование статьи в них обычно достигает цели. Если действовать разумным и умеренным образом, то против посылки статей в иностранные журналы нет оснований возражать. Для этого работа должна быть действительно ценной, в подробном варианте публиковаться по-русски, какое-то ее резюме посылаться за рубеж. Можно, конечно, поступить и наоборот (краткое сообщение публикуется на русском языке, а подробное по-английски). Сам я сторонник первого варианта. Впрочем, думаю, что в большинстве случаев и английского препринта достаточно.

Имеются, однако, еще две категории статей, направляемых (или, во всяком случае, направлявшихся) за границу. Во-первых, это слабые работы, которых наши хорошие журналы публиковать, особенно в подробном виде, не станут. А за границей имеется немало второсортных журналов и изданий, готовых печатать и слабые работы. В том факте, что на пути таких статей поставлен сейчас некоторый барьер, беды, конечно, нет. Во-вторых, за границу посылают различные обзоры. Мотивы таковы. Напечатать у нас обзор по физике не так-то легко, поскольку имеется только один чисто обзорный физический журнал — *Успехи физических наук (УФН)*. Этот журнал я считаю хорошим, в ряде отношений превосходящим все иностранные обзорные журналы. Но *УФН* перегружен, статьи сейчас лежат в портфеле в среднем более года, что недопустимо. Редакция ютится в очень маленькой комнате, нет ксерокса и т.д. Особенно печально, что приходится ограничивать максимальный объем обзоров, да и вообще опубликовать статью в *УФН* не всегда легко. За границей же имеются обзорные журналы, публикующие статьи иногда очень большого объема и нередко довольно быстро. К тому же за обзоры платят, причем в валюте, получаемой через ВААП. Все это стимулирует направление очень хороших обзоров за границу. И всегда ли можно упрекать в этом авторов, когда у нас они опубликовать статью не могут. Другое дело, что ряд таких обзоров публикуется в изданиях, очень мало распространенных и поэтому приносящих их авторам в основном лишь гонорар. А мы в СССР этих обзоров, к сожалению, и не видим.

Что нужно сделать для пользы дела? Вопрос, конечно, спорный. Я бы, если ограничиться физикой, раньше всего помог бы *УФН*: нужно увеличить объем, издавать приложения для больших статей. Но для этого необходимо предоставить журналу помещение, возможность использовать ксерокс, увеличить штат (речь идет об одном-двух сотрудниках). Что же касается публикации статей на английском языке, то радикальное решение таково: самим издавать английские переводы наших журналов или особые журналы на английском языке. Такое издание и с полным успехом раньше осуществлялось (например, до 1947 г. издавался журнал *Journal of Physics, USSR*).

Теперь, для ясности, нужно сообщить, как сейчас обстоит дело с переводами. Большинство наших журналов по физико-математическим наукам переводится рядом организаций в США. На первый взгляд такое решение кажется привлекательным: и возиться самим не нужно, и даже

какой-то гонорар платят. В действительности же такое положение дел совершенно неудовлетворительно. Во-первых, перевод наших журналов за границу сопровождается длительной задержкой, а качество перевода нередко является низким. Во-вторых, цена переводных журналов очень велика, например годовая подписка на перевод *Журнала экспериментальной и теоретической физики (ЖЭТФ)* стоит около 700 долларов. В результате, по имеющимся у меня сведениям, тираж английского перевода этого и других журналов весьма невелик, а их покупают лишь крупные библиотеки, да и то только в богатых странах. Вот и пропаганда достижений советской науки! Если же издавать переводы у себя, то при хорошей постановке дела это ускорит их публикацию, повысит качество и принесет экономическую выгоду. Достаточно сказать, что годовая подписка на *ЖЭТФ* у нас составляет 50 р. 40 к. Думаю, что перевод, и с немалой выгодой, можно будет продавать, скажем, за 200 долларов в год, то есть в три раза дешевле, чем он стоит сейчас.

Организация такой работы выгодна и с точки зрения повышения культуры перевода и использования большого количества людей, активно владеющих английским языком. Конечно, для решения этой задачи нужно, может быть, создать специальную типографию и т.д. Но, как ясно из сказанного, даже закупка иностранного оборудования для такой типографии быстро окупится. Она будет публиковать на английском языке также книги и сборники статей советских авторов (сейчас же мы в СССР лишены возможности покупать такие сборники, часто очень ценные и интересные). Поскольку организация всего этого дела (о чем, кстати, я упоминаю уже много лет) потребует немало времени, не должно возникнуть трудностей и с юридическими вопросами организации продажи наших журналов и книг за границей. Но начинать ее нужно как можно быстрее.

10. Каковы источники бюрократизма, причины, его порождающие? Не претендую на глубокий анализ этой важной проблемы, но несколько, хотя и довольно очевидных, замечаний, по-видимому, уместны.

Всякие бюрократические извращения, во-первых, порождаются перестраховкой, действиями по известному принципу: "Как бы чего не вышло". Если что-нибудь случится "не так" и действительно будет допущен промах, то с кого же из многих подписавших спрашивать? Вот и плодят подписи. Сюда же, хотя и условно, следует отнести, можно сказать, асимметрию между разрешением и запрещением. Разрешивший что-то, пусть и в ничтожном проценте случаев, но рискует. Запретивший же, скажем, публикацию статьи или какую-то командировку всегда прав и выглядит даже героем — он якобы защищает государственные интересы, демонстрирует свою бдительность. Довольно емкое и неприятное слово "якобы" отражает здесь то обстоятельство, что выше имеется в виду отнюдь не подлинная бдительность, против которой возражать, конечно, не приходится. Что же касается перестраховки, рядящейся в тогу бдительности, то вред от нее огромен, а сходит она с рук совершенно безнаказанно.

Вот, например, научный работник должен был делать доклад на конференции за границей. Иногда это доклад на пленарном заседании в присутствии сотен людей, доклад включен в программу, его ждут. А докладчик не приезжает, ибо в последний момент командировка отменяется, хотя на составление и оформление доклада затрачен огромный труд.

Вред от подобных срывов докладов очень велик и для престижа советской науки, и для всей научной работы, по существу. Но такая практика до последних двух-трех лет процветала, и я не знаю случая, чтобы виновников мнимой бдительности даже пожурили. Поскольку, по моим сведениям, сейчас положение радикально улучшилось, зачем же я об этом вообще пишу? Ответ ясен — чтобы не было возвращения к старому.

Вторым из источников бюрократизма служат раздутые штаты ряда учреждений или их подразделений. Сокращение бумаготворчества или бумагомарательства, как я считаю более правильным говорить, просто невыгодно соответствующим работникам. Они же должны демонстрировать, сколь загружены работой. В общем, ситуация в этом пункте ясна и без дальнейших пояснений.

Третьим источником бюрократизма служит некомпетентность. Человек, не знающий дела, которым он должен руководить, плодит нелепые инструкции, выступает со всякими вредными "нововведениями". А, как говорят, ломать — не строить. Развалить или усложнить работу ничего не стоит. В области естественных наук и техники такое случается, по-видимому, не столь часто. Всем ведь ясно, что руководитель должен хотя бы иметь специальное образование. А вот ряду других областей не повезло. Я уже приводил такой пример — издательское дело.

В-четвертых, бюрократизм порождается причинами субъективного характера. Как-то не смог выразиться точнее. Имею же в виду примерно следующее. Человек (слово "работник" как-то рука не поднимается здесь написать) занимается делом, которого не любит. Занимает он, формально говоря, невысокую должность, да за отсутствием образования и способностей не вправе претендовать на лучшую, с его точки зрения, работу. И вместе с тем, если от такого человека зависит выдача каких-то справок, оформление документов и различных "дел", то он обладает немалой властью над людьми. Говорят, что власть портит. Не считаю этого в общем виде. Но власть может портить и развращать. Одни, судя по газетным материалам, вымогают взятки и "подарки". Другие, и их гораздо больше, позволяют себе грубить и работать спустя рукава. А третьи буквально издеваются над посетителями, "просителями" и т.п. Доходит дело просто до садизма. Я вспоминаю бледные лица достойных и уже немолодых научных работников, вижу, как их буквально бьет озноб: их дело "забыли" вовремя послать или потеряли и уже якобы оформлять его поздно; какую-то из многочисленных бумаг или фотокарточек потеряли — извольте срочно представлять новые; их заставили по нескольку раз переписывать текст — было употреблено не то слово и т.п.; они за справкой (кстати сказать, обычно совершенно никому, по сути дела, не нужной) несколько раз ездили за город и т.д. и т.п.

Все жалуются и возмущаются, а пойдя сними такого бюрократа с работы. Одни и пикнуть боятся — отомстит. Другие ссылаются на трудность найти замену, ибо для этого нужно согласовать и "там", и еще где-то. И управы не найдешь. Впрочем, в условиях демократии и гласности ситуация изменяется, но об этом ниже.

Причины и источники бюрократизма в моем перечне далеко, конечно, не исчерпаны. Какая это богатейшая тема для писателей! И разве не долг художественной литературы проникать в психологию бюрократов и в сущность бюрократизма? Но это по плечу только подлинной литературе, а не объект для литературного чирикания.

11. Не претендую на то, что сообщил в предыдущих частях статьи, являющихся, так сказать, констатирующими и диагностическими, много нового. Сколь вреден и опасен бюрократизм, и так достаточно ясно. Без постоянных и настойчивых усилий по борьбе с ним добиться ускорения научно-технического прогресса невозможно. Более того, без войны с бюрократизмом, без решения соответствующей крупной социальной проблемы нельзя и мечтать о светлом будущем.

Главный вопрос таков: как бороться с бюрократизмом, что делать?

В широком плане важнейшим орудием в борьбе с бюрократизмом являются демократизация нашей жизни и гласность. Очевидно, что когда гласности нет и недостатки нельзя выставить на всеобщее обозрение (нельзя, например, как это было до недавнего времени, опубликовать некоторые приведенные выше факты и данные), то устранение этих недостатков крайне затрудняется. Демократизация, включающая выборность ряда должностей, явным образом позволит избавляться от бюрократов, перестраховщиков и некомпетентных людей. В несколько более конкретном плане, имея в виду "бумажный" бюрократизм, можно предложить также вполне определенные меры, которые, как я рассчитываю, окажутся эффективными.

Предварительно нужно, однако, заметить следующее. С пьянством бороться трудно, но, думаю, все же значительно легче, чем с бюрократизмом. Вредность неумеренной выпивки людям можно объяснить, многое можно сделать "на местах". Но, как мы знаем, до сравнительно недавних решительных мер "сверху" эффект был невелик — всякие соображения о пресловутом "выполнении плана" (хотя это был, по сути дела, план спаивания людей) оказывались сильнее увещаний и робких административных мер. С другой стороны, пусть пока и ограниченный успех предпринятых наконец действий против пьянства обусловлен тем, что изданные указы и постановления встречают поддержку населения. В случае бюрократизма такая поддержка, как я убежден, обеспечена даже в еще большей степени. Но "на местах" в целом ряде случаев без помощи "сверху" можно сделать не так уж много. Хотя и с очень большим трудом, можно иногда отстранять от соответствующей работы тех, кто некомпетентен, чинит препятствия, издевается над людьми. Как сказано, гласность и выборность ускорят и облегчат этот процесс. Вместе с тем в отношении "бумажного" бюрократизма главного "на местах" не устранишь — все те бумаги и бумажки, которые "полагается" сейчас оформлять, все равно придется посылать согласно всяким инструкциям и "указаниям".

Таким образом, единственный радикальный путь я вижу в постановлении высших органов о полном пересмотре всех без исключения существующих правил оформления различных разрешений (о прописке и т.д.), выездных дел, направлений в печать для статей и вообще всех норм переписки. Кстати сказать, известно замечание: "У нас инструкции не отменяют — о них забывают". И сколько же накопилось, повторю это, часто нелепых и вредных "правил", требований и т.п. Все должно быть пересмотрено! Огромная работа. Да, но иного пути нет. Впрочем, и трудности такого пересмотра кажутся мне преувеличенными. Комиссии, образованные во всех инстанциях и учреждениях (и, конечно, без создания новых штатных мест), должны обсудить целесообразность любого "бумажного" правила, выработать вполне четкие инструкции

делопроизводства, отменяя все лишнее. Такие комиссии должны включать тех, для кого составляются инструкции, и быть постоянными — речь не должна идти об очередной “кампании”. По мере необходимости комиссии должны вносить дальнейшие изменения и уточнения в правила. Но посылка “на места” бесконечных новых инструкций и правил без детального их обсуждения должна быть категорически запрещена. В общем, необходима хирургическая операция с последующим лечением — таков единственный способ подлинной борьбы с “бумажным” бюрократизмом.

Предложение создать комиссии по борьбе с бюрократизмом содержалось в моей статье в *Литературной газете* еще в марте 1986 г. Сегодня, в начале 1988 г., я могу кое-что добавить, а также поделиться некоторым опытом.

Сколько саркастических замечаний пришлось услышать: хотите создать еще одну бюрократическую комиссию для борьбы с бюрократизмом? И так далее в том же духе. Трудно согласиться с подобной критикой, которую я считаю по меньшей мере неглубокой.

В самом деле, как же убирать, ликвидировать бюрократические излишества? Они же не исчезнут без специальных мер, без того, чтобы их выявлять и хотя бы пытаться ликвидировать. Такая попытка и была предпринята Президиумом АН СССР, создавшим в начале 1987 г. Комиссию по борьбе с проявлениями бюрократизма в деятельности научных учреждений АН СССР, Президиума Академии, его управлений и отделов. Затем комиссию почему-то переименовали в Комиссию по совершенствованию стиля и методов работы и руководства в АН СССР. Но дело, конечно, не в названии. В составе комиссии 8 человек и секретарь. Я являюсь одним из членов комиссии. Председатель комиссии — Главный ученый секретарь Президиума АН СССР. Сообщаю об этом потому, что такой выбор, как и само создание комиссии, вызвало новую волну острот: как же, во главе комиссии по борьбе с бюрократизмом назначили главного бюрократа АН СССР и т.п. Между тем подобная критика опять же неглубока и, честно говоря, представляется мне просто демагогией. Очевидно ведь, что для борьбы с бюрократизмом, или, более интеллигентно выражаясь, для “совершенствования стиля работы”, комиссия и в первую очередь ее председатель должны иметь права и возможности, а не обладать лишь способностью писать новые бумажки. Главный ученый секретарь, как глава аппарата Президиума, имеет широкие возможности влиять на работу аппарата, и эти права использовались. Здесь не место подробнее писать о работе комиссии. Ограничусь двумя замечаниями. Комиссия за год кое-что полезное сделала. Могла сделать значительно больше, но помешала длительная болезнь председателя комиссии и недостаточная активность ряда ее членов. Главная же беда в том, что все наиболее острые вопросы Академия сама решить не может. Почти все, о чем речь шла выше в настоящей статье, обсуждалось, и мы (комиссия) обращались с соответствующими просьбами в “соответствующие организации”. А результатов довольно мало, например сократили число бумаг, “нужных” для оформления командировок, с 63 до 53.

Выводы, к которым я прихожу, таковы.

Комиссии, безусловно, нужны и могут быть весьма полезны. Правда, нужны некоторые организационные условия для успешной работы

таких комиссий. Комиссии должны существовать не только в Президиуме, но и во всех учреждениях, причем тесно взаимодействовать. Далее, необходимо создание комиссии более высокого ранга, например ответственной за "совершенствование стиля работы" научных учреждений во всей стране. Наконец, работа всех комиссий должна, в разумных пределах, быть гласной. Конкретно, результаты всей такой работы должны систематически освещаться и обсуждаться на собраниях трудовых коллективов и т.д.

В общем, как я убежден, в условиях демократизации и гласности, при понимании всей важности борьбы с бюрократизмом, перестраховкой и некомпетентностью можно достичь очень и очень многого. Такая борьба — один из самых существенных элементов перестройки, необходимое условие ее успеха.

Послесловие

Возможно, что к моменту выхода настоящего сборника в свет некоторые из описанных выше ненормальных явлений и непрезентабельных фактов станут, как говорится, достоянием истории. Такая перспектива может только радовать. Но ведь перемен мы ждем уже давно, а перестраиваться торопятся далеко не все. Поэтому автор считал, что не должен ничего замалчивать, а обязан обрисовать ситуацию на то время, когда статья написана (то есть на январь 1988 г.). Чем скорее моя статья устареет, тем лучше!

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ

1. От скептицизма к надежде

Когда-то поезда ходили медленно и застревали подолгу на станциях. Пассажиры привыкали к оседлости на очередной невзрачной стоянке. Если поезд вдруг тихонько трогался, сидевшие в нем не сразу в это верили. Вроде бы начинал подрагивать под ними вагон. А вроде бы и нет. Смотрели в окно. Но состав на соседнем пути был не то неподвижен, не то именно он-то и скользил мимо, а на месте оставались мы сами. Пока по всем приметам явственно нарастающей раскочки, и перестука, и заоконного мелькания не становилось бесспорным: поехали.

Вот так миллионы людей, не замечая особых признаков движения на своих заводах, в колхозах или институтах, в конторах и магазинах, озабоченно вглядываются сквозь пропыленные стекла, прислушиваются к рельсовым стыкам, стараясь понять, неужто и впрямь поехали. На это нынче сводится большей частью всякий разговор: может ли у нас в обозримом будущем что-то измениться *глубинно*, дойдя до корней, потому что положение таково, что *иначе не дожидаться и более скромных улучшений*.

У нас нет, к великому сожалению, чего-то вроде своего Института Гэллапа, и никто не располагает достаточно достоверными и независимыми данными социологических опросов, которые от месяца к месяцу свидетельствовали бы о динамике настроений и мнений советских мужчин и женщин относительно перспектив перестройки. Я могу судить по скромным личным впечатлениям и преимущественно об интеллигенции. Расспрашиваю друзей, у которых есть возможности общения, мне недоступные, наблюдения над иными социальными срезами. Толкую с таксистом или соседками, прислушиваюсь к репликам в очередях, ввязываюсь в застольные споры. И должен сознаться, что я со своим *мрачным оптимизмом* (ниже попытаюсь раскрыть смысл этой формулы) остаюсь обычно в одиночестве. Собеседники рады были бы согласиться, но не видят оснований и для такого, несколько странного и осторожного оптимизма.

А ведь я живу в нескольких остановках метро от Старой площади в Москве — от эпицентра перестроенного землетрясения. Предполагаю, что, живи я хотя бы в Подмосковье, не говоря уже о каком-нибудь уральском городе, псковском поселке, армянском или молдавском селе, — мой оптимизм вызвал бы еще большее недоумение...

Население страны судит по степени всевластия местного начальства

и его вмешательства во всё и вся, особенно же по состоянию доступных магазинных прилавков. А они, как известно, по-прежнему пусты. Недавно встретился со знакомыми свердловчанами, мне показали бледно-желтые талончики продовольственных карточек. В каждом подъезде есть уполномоченный, который их раздает. Восемьсот граммов вареной колбасы ежемесячно. Кажется, четыреста граммов сливочного масла. И два килограмма мяса в год — к майским и октябрьским праздникам. По воскресеньям подчас исчезают даже лапша и крупа: скупают деревенские.

С этими людьми о перестройке пока лучше не разговаривать...

Они не верят ничему, кроме наглядных результатов. Но без активного включения миллионов в политическую борьбу результатов не дожидаться. Образуется порочный круг.

В масштабе какой-нибудь школы или треста тот же круг: работники видят, что директор и его окружение держатся цепко или что новые администраторы — того же пошиба. Люди отмалчиваются, устают после одного-двух бурных, но бесполезных собраний, полны скепсиса, и это, конечно, способствует тому, что скепсис подтверждается.

Что до интеллигентов, то нетрудно наблюдать сезонные колебания между некоторой эйфорией и хандрой. Весной 1985 года все встрепенулись, но уже летом посматривали на телевизионный экран с привычной рассеянностью, а осенью недоверчиво усмехались в ответ на предсказания, что мы накануне подлинной оттепели, конечно, во многом не похожей на хрущевскую.

Весной 1986 года партийный съезд заставил, однако, "изучать материалы" безо всякой казенной надобности, для себя — впервые за два десятилетия. Но осень опять казалась тягучей и унылой.

Только после января 1987 г. — первый всплеск серьезных надежд и начало серьезных дискуссий!

Жить не стало лучше, жить стало веселей. Газетные статьи ошеломляли. Подписчики журналов стали вынимать из почтовых ящиков нечто такое, что недавно и называть-то вполголоса остерегались. Миллионы советских читателей, удобно устроившись в креслах и на диванах или на виду у всех в метро, увлеченно погрузились в занятия, которые три года назад квалифицировались по статье 190-й Уголовного кодекса РСФСР. Везде пошли собрания; мы всю жизнь дремали на них и вскидывали руки; однако тут выяснилось, что никто понятия не имеет, что за сложная штука собрание, если собравшиеся, вопреки рутинным и уверенным приемам местного истэблшмента, хотят добиться чего-то пусть скромного, но реального.

Всё же осенью 1987 года, несмотря на смелые внешнеполитические сдвиги, среди приверженцев отечественной гласности и перестройки вновь распространились тревога, разочарование, растерянность. Как-то так получается, что осень — вообще неудачный сезон в нашем политическом календаре... Какая-то мистика.

Мои собеседники: "Ну, вот гласность и не выдержала испытания". "Пока что", — отвечал я. "Посмотрим", — загадочно ронял я, отводя глаза в сторону. "Похоже, все кончается?" — "Нет, ни в коем случае! Все еще впереди". "Ваш оптимизм событиями не подтверждается". — «Почему же? Я ведь оговаривал, что он — "мрачный". Это означает по меньшей мере то, что придется набраться выдержки на целую историческую эпоху».

Каковы же настроения сейчас, весной 1988 г.?

Я не экономист и почти не буду касаться решающей сферы — перестройки производственных отношений. Но тут есть обстоятельства, все чаще признаваемые в печати, хотя, на мой взгляд, без достаточной определенности.

Самостоятельность государственных предприятий пока обречена оставаться бумажно-декларативной. Она явно несовместима с самим существованием министерств. Сколько бы деятельность министерств ни улучшать, реорганизовывать, укрупнять и пр. — выход только в том, чтобы их упразднить вовсе. Единственной разумной формой надстроек над предприятиями могло бы, по-видимому, стать их добровольное коммерческое объединение в гостресты, *им подотчетные* (а не наоборот!) и берущие на себя те функции, которые выполнять каждому заводу порознь невыгодно или невозможно. Вступивший в действие Закон о предприятии — первый пробный и непоследовательный шаг, который, хотя и сделан в нужном направлении, перестройку обеспечить будет не в силах.

Сельское хозяйство, вопреки всем партийным решениям, по-прежнему опутано идиотской регламентацией сверху. По-прежнему крестьяне сами себе не хозяева. Так было, так, увы, есть, так и будет, если не... И совсем не потому, что сверху сидят идиоты, а потому что если кто-то там "отвечает" за урожай и честно получает именно за это зарплату, то ему, будь он и семи пядей во лбу, что не всегда так, ничего не остается, как давать "указания", которые неизбежно оказываются — сверху, издаля, со стороны — *нелепыми по определению*. Пока крестьяне реально *зависят* от агропромов и от райкомов, а с тех тоже спрашивают, последним *поневоле придется* вникать в то, что и сколько сеют, и в какие сроки, и кого поставить председателем, и так далее. Поэтому, пока существуют отвечающие за мужиков инстанции; пока те колхозы и совхозы, которые совершенно убыточны, не будут распущены; а взамен то, что деликатно называют "семейным подрядом", не превратится в мощную и *напрямую* — через долгосрочную экономическую аренду, без содержания колхозно-совхозных и прочих контор — связанный продналогом и банковскими кредитами с государством мелко-крестьянский сектор экономики; короче, пока мы не вернемся к тем многообразным формам кооперирования крестьянства, которые когда-то изучали расстрелянные А. В. Чаынов и его коллеги по несуществовавшей "Трудовой крестьянской партии" и которые имел в виду Ленин в своей знаменитой и растоптанной статье, — до тех пор продовольственное положение страны не улучшится.

Между тем и наш собственный опыт 1922–1926 гг. и опыт современного Китая показывает, что *лишь в земледелии* возможен самый резкий сдвиг за считанные годы от низкого исходного уровня — без чрезвычайных капиталовложений и технологического переворота, только за счет радикальной реформы системы землевладения и землепользования. Сочетание богатых и свободных от всякой опеки колхозов и совхозов со значительным мелкокрестьянским сектором и гибким, добровольным, хотя бы частичным его кооперированием могло бы накормить страну досьта. А такое осязаемое и *очень быстрое* улучшение сделало бы курс на перестройку непобедимым.

Наверно, даже и незачем добавлять, что, скажем, разрешение индивидуальной и кооперативной деятельности не даст серьезного эффекта

по той же все уродующей причине. (Кроме хорошего закона, необходимо устранить внеправовое всеисие и вмешательство "инстанций".) Или что реформа ценообразования необходима, но в рамках административной системы крайне трудна, если вообще может стать сугубо экономической. А без этого она превратится в изменение *цен, но не механизм ценообразования*; то есть провалится. Реформа эта абсолютно необходима, но политически крайне опасна, поскольку может стать наилучшим подарком для врагов перестройки.

До рыночного социализма нам еще далеко.

Я не сказал ни единого оригинального слова, лишь касаюсь сюжетов, которые у всех на уме: от Политбюро до всякой семьи, где толкуют, что же будет завтра.

Мы вступили, справедливо констатировал М. С. Горбачев, в решающую стадию предпринятых преобразований. Думаю, не потому, что они уже начались: радикальные и главные решения пока все же не приняты, они, надо надеяться, впереди, их не избежать. Но переживаемая с 1987 года стадия — решающая именно потому, что она к ним ведет. То есть мы вошли в гущу политического выбора. Мы сейчас *пред-принимает*. Или *пред-не-принимает*. В ближайшие два-три года прояснится многое в судьбах нашей страны и всего мира. А именно и во всяком случае: *устойчивость самого вектора изменений*. Хотя последовательная реализация всемирно-исторического поворота потребовала бы, конечно, не двух-трех лет, а никак не меньше двух-трех десятилетий.

Тем важней в этот ответственный момент откровенно отдать себе отчет и вселюдно признать (Ленин умел делать такие вещи), что — при нарастающем бюрократическом сопротивлении — у политики перестройки нет пока действительно широкой социальной опоры. Огромные массы людей терпеть не могут начальства, безумно устали от учрежденческой бестолочи, давки в автобусах, нехваток, очередей и... от слов.

Неслыханные слова действуют, пока и поскольку в меру их правдивости возникает ощущение, что это *не слова*. Но идет время, и если выясняется, что это все-таки слова, то есть что после произнесения даже и правдивых слов жизнь остается той же, что и прежде, когда слова были лживыми, — люди не верят правдивой пропаганде совершенно точно так же, как и лживой, интерес к этому второстепенному различию пропадает. Если же еще и приврать хоть чуть-чуть (потому что приврать насчет *несколько* уже улучшившегося положения дел — соблазн для всякого руководителя этих самых сизифовых дел немалый и психологически более чем понятный) — лозунги перестройки начинают раздражать пуще прежних лозунгов.

Это от того, что к ним равнодушны. Равнодушие, расцвечиваемое анекдотами, сменилось или сменяется желанием как-то действовать, и недоверчивой тоской, и раздражительной надеждой.

У перестройки нет широкой и конкретной поддержки, но это не означает, будто такая поддержка в принципе не может быть получена завтра.

Ведь ее нет отнюдь не в том смысле, что в народе нет сочувствия ее конечным целям, нет желания перемен. Но в том смысле, что нет еще массовой *готовности действовать* — с неизбежным, разумеется, как и при всяком действии, *риском*. На риск очень многие (хотя, как обычно, далеко не все, но по крайней мере активное меньшинство) готовы пойти

(поле боя — прежде всего *свое* учреждение). И не дожидаясь гарантий успеха, когда и смелости-то, стало быть, не требуется; то есть пойти именно на риск поражения. Однако, чтобы ввязаться в драку, им необходима уверенность, что успех вполне *возможен*... что исчезли по крайней мере *гарантии поражения*. В этом-то все дело с социально-психологической точки зрения.

Сказывается застарелый страх: “Недовольные выскажутся, высунутся, засветятся, а затем за них и возьмутся”. Впрочем, страх заметно рассеивается. Разговорились откровенно. Но гораздо сильнее, чем страх, — апатия.

Мы пережили период, когда история словно бы остановилась. На экране появлялось лицо неинтеллигентного, старого и очень больного человека, читавшего, спотыкаясь, по бумажке. Вся страна, поглядывая на телевизоры, вяло обменивалась впечатлениями о том, *насколько* он плох; то ли чуть поживей он, чем месяц назад, то ли не выговаривает и тех слов, которые раньше выговорить ему удавалось. Вот эти нарастающие признаки дряхлости и были единственными явными признаками продолжения исторического процесса в великой стране. Больше *ничего не происходило*. Политика оказалась целиком медицинской проблемой.

Говоря же серьезно, с конца 20-х годов — хотя тогда событий происходило гораздо больше, чем могут выдержать нормальное человеческое воображение и ум, — политика, однако, из жизни нашего общества исчезла. Исчезла политика как *специфическая* современная сфера человеческой деятельности, в которой проявляются и сталкиваются различия интересов классов и групп, происходит прямое публичное сопоставление позиций и отыскиваются способы привести их к некоему динамическому компромиссу.

Политика исчезла — и поэтому *все стало “политикой”*. Любые научные взгляды, уже не только в гуманитарной сфере, но и вскоре в агрономии, языкознании, информатике, физике, биологии; интонация и стилистика устной и письменной речи; формы отдыха, эстетические вкусы, интимная жизнь, развод с женой, воспитание детей, манера одеваться и т.п. И конечно, выбор знакомств или круг чтения. Политической оппозицией стали проявления интеллектуального любопытства, склонность к ироничности или, напротив, избыток простодушия, преданность друзьям и близким, повышенное чувство достоинства, наконец, просто независимость характера. Все обычное течение человеческой жизни превращено было в “неконтролируемый подтекст”. Тем самым был нанесен, разумеется, неизмеримый урон действительному благополучию, интересам и безопасности СССР.

Не при Сталине, а еще на памяти нынешних подростков всякий, кто не то чтобы “восславил свободу”, а хотя бы “милость к падшим призвал”, тут же не только объявлялся *не* любезным народу, но и должен был готовиться к худшему. Вот она какова, наша бедная возлюбленная Родина, в которую ныне медленно и трудно возвращается *политика*, без чего не может быть не только социализма, но и вообще ничего не может быть.

Главное условие перестройки — возвращение реальной и открытой политики взамен ритуальной, абсурдистской, носорожьей лжеполитики.

О какой серьезной политике, например, в отношении к религии

можно было говорить, когда под запретом оказывалось само слово “бог” и, упаси Бог, это же слово с заглавной буквы¹.

Покойный академик Н. И. Конрад много лет добивался издания в “Литературных памятниках”, которыми он руководил, трех великих исповедей в одном томе: блаженного Августина, Руссо и Толстого. Где же этот том? Запретили.

И это называли политикой...

Сейчас, прислушиваясь к тем, кто “не верит”, — и понимая, что у них есть для этого серьезнейшие доводы, и не оспаривая этих доводов, — я позволю себе, прежде всего, напомнить, о чем мы разговаривали в застольях до 1982, до 1985 годов. “Не будет ли после Брежнева еще хуже?” — “Да, да, мы еще пожалеем о нем”. — “Будут искать выход из тупика в еще большем закручивании гаек”. — “Возможен ли новый 1937-й?” Вот о чем мы спорили совсем недавно...

Признаем, что даже самые неисправимые оптимисты не решились бы предсказать того, к чему мы пришли за три года. События нарастали по ломаной линии, но они, в общем, опережали и трезвые прогнозы, и даже дерзкие надежды. Речь, конечно, идет пока не о структурных сдвигах. Но именно о событийной фабуле перестройки, о необходимых предварительных изменениях психологического климата, о больших и малых фактах, показывающих, что мы не только вернулись к атмосфере XX и XXII съездов, но и пошли от них вперед. Поэтому начнем с того, с чем в состоянии согласиться каждый, с простейшей констатации: в обществе зарождается динамизм, все время *что-то происходит* и, я уверен, будет происходить. Разве все порядочные люди не рады этому? Наш поезд все-таки тронулся, хотя он еще не раз будет застревать на полустанках. Ладно, “не верьте”. Но только действуйте же, черт возьми, действуйте, как считаете нужным, на пользу перестройки. Вас не устраивает, вам кажется сомнительным *этот* шанс? Ладно. В сущности, нет смысла спорить. Пусть вы правы. Но история возобновилась, и мы приглашены к участию в ней.

Другого шанса не будет.

Я, историк, понимаю, что этого не могло не произойти, но я-то, скажем, лично и мои сверстники могли бы и не дожить до этого. Многие и не дожили. Умерли или эмигрировали. Такими пустяками, как плюс-минус десять-двадцать лет, история часто не интересуется. С другой стороны: пока сталинщина истребляла миллионы людей, работали Бор, Винер, Уотсон и Крик. Пока брежневщина доводила нашу страну до убожества, тем временем в мире появлялись лазеры, персональные компьютеры, вспыхнула постиндустриальная революция. История, собственно, никогда не останавливалась. О Маркс, умница! О развитие чужих производительных сил и необходимость приведения в соответствие с ними собственных производственных отношений!

История ни на миг не останавливается, как река с ее быстринами и плесами. Но плывущие по течению и зазевавшиеся могут опрокинуться

¹ Не далее как осенью 1985 г. мне пришлось отказаться публиковать свою статью о Леонардо да Винчи в сборнике, выходившем в редакции социологии издательства “Наука”, потому что от меня потребовали “только” убрать несколько замечаний... Леонардо о том, что “живописец творит как некий Бог”, и т.п. И многозначительно ссылался на надвигающееся тысячелетие крещения Руси, на “своего” контролера из Главлита.

или сесть на мель. "История возобновилась" — это означает, что мы снялись с мели, и пошли, и пошли... эй, повнимательней к корягам и порогам, несущимся навстречу.

Острая политическая борьба за "оттепель" и против нее продолжается — и было бы в высшей степени опасно считать, будто она выиграна бесповоротно. Но *одновременно* завязывается борьба несравненно более глубокая, историческая — за структурную перестройку. Обе стадии драматически накладываются друг на друга. Первая не изжита, однако центр тяжести все более переносится на вторую стадию, и это именно о ней споры 1988 года, это в нее "не верят" одни, яростно не хотят другие. Если вторая стадия излишне затормозится — под вопросом окажется и первая, курс на демократию в принципе! Если первая стадия — гласности, политико-идеологической, исторической, теоретической и правовой десталинизации — не будет самым решительным образом доведена до конца, второй стадии никогда не бывать.

То есть если не произойдет глубокой перестройки прежде всего самой партии, а следовательно, и экономики, и всего общества, даже и достигнутое ныне непрочное, может быть отобрано. Но перестройке мешает то, что достигнутого мало, мало. Об этом не устают напоминать нам М. С. Горбачев, замечая, что мы лишь в самом начале пути. Об этом не устают напоминать М. С. Горбачеву и его товарищам все те, кто надеется еще пожить в богатом, свободном и справедливом обществе. Пожить не при "реальном социализме" — а при социализме.

Легче было сказать в докладе XX съезду (до сих пор неопубликованном и, кстати, по чьему конкретному запрету, хотелось бы знать?) далеко не полную правду о кровавом тиране, и выпустить уцелевших жертв из лагерей, и разрешить напечатать "Теркина на том свете" и "Один день из жизни Ивана Денисовича", легче было Хрущеву — при всей исторической громадности этого шага — отменить террор, чем сейчас довести десталинизацию до конца, т.е. демократизировать саму систему, убрав бюрократически-сталинские ее элементы, схемы, обыкновения. Не умаляя оттепели 60-х, мы все понимаем, что Хрущев удалил вершки, и это не воспрепятствовало неосталинистской реакции. Ну, а теперь дело идет о корешках.

О них и споры, а не о так называемой либерализации, уже неоспоримой. Отдадим себе отчет в практическом парадоксе. Выжидание и недоверие к перестройке прямо пропорциональны как раз масштабам перемен, уже свершившихся в политико-психологическом климате страны. То есть в перестройку многие не верят именно потому, что оттепель продвинулась дальше, чем в 1985 г. можно было увидеть в самых смелых и цветных снах; и дала нам, с нашим горьким опытом отката от 60-х к 70-м, перейти на другой проблемный уровень.

2. Несколько соображений о гласности

Хотя газетно-журнальные дискуссии продолжают, вопреки окрикам, нарастать и углубляться, и за ними по-прежнему все следят, — но без недавней жадности и обольщений. Кое-кто даже воспринимает гласность как музыку в зубокабинете. Для общества начали проясняться вещи вообще-то простые, но требующие собственного реального политического опыта.

Во-первых, гласность — не самоцель, а средство. Абсолютно необходимое, но недостаточное. Если правду можно выговорить на всю страну — это уже, конечно, очень и очень немало! Но далее фактор гласности вступает в сцепление с другими, никак не менее важными факторами, и достижение цели зависит от этого неоднозначного и системного взаимодействия. Если публичность сама по себе — а это происходит сплошь и рядом — не срабатывает, если самая неподдельная и выстраданная правда, о которой ныне дозволено вопить в пустыне, ничего в пустынности ландшафта не меняет (а ведь раньше думали: только бы напечатать, только бы сказать открыто и громко, чтобы расслышали повсюду!) — это лишь усиливает общественную апатию. "Ну, напечатали. Ну, и что дальше? А ничего".

Вырисовывается несколько неожиданная угроза: гласность как живительный элемент застоя. То есть *встроенная в застойную систему* (о, разумеется, систему, уже тем самым модернизированную, более гибкую и, следовательно, более прочную и опасную).

Во-вторых, до тех пор пока остаются ограничения гласности и невозможна откровенная полемика относительно некоторых и притом самых больных и важных проблем, решающих сфер, наивысших уровней иерархии — а такие ограничения, и мы это все понимаем, существуют — у гласности ощутим привкус недозрелых, зеленых яблок. И мы, подобно мальчишкам, набросившимся на кислицу, уже начинаем чувствовать оскмину. (Разумеется, этакое "во-вторых" существеннейшим образом отягчает вышеозначенное "во-первых".)

Верно то, что любые сдвиги сознания исторически значимы, что узнанное, сказанное, продуманное в 60-е годы не сгнуло бесследно, но продолжилось так или иначе и при последующей стагнации, а теперь дает новые всходы. Статьи, стихи, кинофильмы, спектакли, романы делают свое дело — не только собственно-культурное, но и непосредственно социальное. Возглас андерсеновского дитяти весьма опасен для голого короля. Поэтому такие короли, независимо от личного темперамента и сообразительности, всегда относятся к интеллигентным детям с серьезностью Ирода. Они — будем надеяться! — имеют для этого все основания.

Верно, однако, и то, что никакие стихи и фильмы не помешают королю после громкого детского выкрика продолжать десятилетиями торжественно — и все так же нагишом — шествовать мимо выстроившегося на тротуарах населения. Кроме того, далеко не все услышали мальчика; не все расслышавшие, толком разобрались; не все разобравшиеся согласны помнить, если придут другие времена и фраза о голом короле исчезнет из переизданий Андерсена, и за нее снова станут наказывать; но и памятливые, и бесстрашные вынуждены будут спрашивать себя: что же, они только живут по совести или еще и воздействуют на ткань истории?

Слово могущественно. Слово бессильно. Это из разряда вечных вопросов, то есть тех, на которые не бывает окончательных ответов.

Но нас сейчас занимают не вечные вопросы, а только единственный насущный вопрос: в какой мере возвращение в общественное сознание и культуру некоторых фактов, имен, истин, текстов, все то, что называют "политикой гласности", придает необратимость новому курсу. Здесь, как мы ни радуемся, полезней — именно ради успеха этой политики — усомниться.

Есть известная острота: "Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью".

Но каламбур появился и приобрел протокольную точность как раз *после* того, как в нашей стране издали Кафку... А теперь, в 1988 году, нетрудно вообразить сановного аппаратчика, почитывающего перед сном свежий номер "Октября" с романом Гроссмана "Жизнь и судьба" и находящего этот роман талантливым, хотя и "кое в чем ошибочным"...

Лев Толстой, словно великолепный ветхозаветный пророк, возмущался, что люди с удовольствием слушают "Крейцерову сонату", а затем продолжают жить, как и жили, вместо того чтобы идти и делать то, что велит делать музыка. Это может стать внутренним мучением для индивида. Однако неизвестно, нужно ли упрекать в таком несоответствии других людей с точки зрения общественно-исторической.

Для практических обстоятельств художественно-публицистический феномен имеет значение изрядное — но замедленное, опосредованное и, признаемся, иной раз не лишённое парадоксальности. Например, когда первая оттепель была уже на исходе, в Москве среди читающей публики вдруг появился Воланд со своей странной свитой. Момент для обнаружения романа мессир выбрал с дьявольской находчивостью. Благодаря этому мы затем двадцать лет вольно читали "Мастера и Маргариту", живя или бывая все в том же древнем городе, которым руководили на данном отрезке истории некто Гришин и Промыслов. Что ж, Мастер умер, все счета его были оплачены и прощение совершилось; Иван сошел с ума и просветлел; Воланд улетел на черном коне и, возможно, сам конь был "только глыбой мрака", а шпоры всадника — "белыми пятнами звезд". Тем временем оставшиеся в громадном загадочном городе лица выступали с речами на сессиях и совещаниях. От пронзительных речей-присвистов, говоря словами романа, сыпались сухие сучья с деревьев, взлетали целые стаи ворон и воробьев, столбы пыли несло к реке. Было, впрочем, несравненно безмятежней и тише, чем до 1953-го: "Свистнуто, не спорю... действительно свистнуто, но, если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне". Мы тогда спорили на кухнях: не вздумает ли после Бегемота свистнуть снова и Коровьев?..

Булгаковский роман издавали для "Березок". Но мы все равно доставали его и выучили наизусть. Согрелись им в холода. И — все путем. Точнее, параллельными путями. Экскурсоводы возили любопытствующих по "булгаковской Москве". Находилась эта Москва, впрочем, в Москве гришинской. Или — наоборот? Или верно то и другое? И вымысел, и сегодняшняя реальность отличались неслыханной фантазмагоричностью, даже трудно сказать, в чем было больше фантазмагии. Роман и социальная реальность находились, разумеется, во враждебных отношениях, но тем не менее одаривали друг друга дополнительными ресурсами существования. Роман своеобразным клином втискиваясь в реальность, становясь какой-то ее частью и внутри нее одной из немногих дозволенных точек опоры, — делал существование словно бы более вольным и сносным. Цитаты из "Мастера и Маргариты" стали знаками невинной фронды. Они клеймили — и одновременно сублимировали — убогость реальности. Ну, а реальность способствовала тому, чтобы эта книга была для тысяч читателей чем-то большим (или меньшим?), чем просто мудрая книга, просто великий роман, вроде "Анны Карениной". Как бы к этому ни относиться, но свободная проза и несвободная жизнь причудливо сплетались и перетекали друг в друга. Булгаков заботился о бессмертии Гришина, а Гришин о злободневности Булгакова.

К чему я клоню? Прекрасное всевременное искусство попутно и нена роком выполняет сиюминутные прикладные социальные функции; это не плохо и не хорошо; но так бывает. Однако ожидать в *этом* отношении от культуры слишком уж многого было бы ошибкой. У нее свои дороги, своя судьба. У нас же сейчас речь о политике.

Культура — может быть, последнее оправдание истории. Однако не потому, что улучшает ее качество. А только потому, что вносит в нее смысловое измерение. Без культуры истории нет, ибо нет человеческой жизни. Но история часто вполне обходится без сознательной человеческой жизни. Ей может доставать и бессмыслицы.

Притом безжизненная бессмыслица способна процветать рядом со всеми "Докторами Живаго" на свете. Можно в принципе даже разрешить "Котлован" — и все-таки еще долго продолжать рыть котлованы.

Искусство и дух — это искусство и дух. Не меньше! Но, конечно, и не больше. Не духом единым жив человек, и хлеб его насущный для судьбы духа безразличен. Оживление советской прессы и культуры уже само по себе примечательно и превосходно. Однако оно должно стать прелюдией дальнейших и всеобъемлющих социальных перемен. Тогда и оживление, кстати, не окажется преходящим, перейдет в подлинный расцвет, как это было в начале 20-х годов.

Итак, да здравствует гласность. Но — какая и для чего?

Ответы не так просты, как может показаться.

Стало уже общим местом, что полуправда — худший вид лжи. Понятно, что и ограничение правды "только" на $1/100$ или на $1/1000$, а не на половину, та же ложь в политике, как и в науке. Тут дело в самом принципе ограничения. И пожалуй, для политики — дело даже не в безнравственном принципе, а в его институционализации. Если уж признается такой (конечно, негласный) "принцип", то неизбежны и н с т а н ц и и, которые выверяют эту одну ли тысячную или две пятых, неважно.

Далее происходит вот что. Общество вроде бы демократизируется, однако привычка контролировать остается, поскольку остаются инстанции. Даже если инстанции дозволяют стопроцентную правду, все равно дозволенная правда подозрительна. Даже если инстанции запрещают искажать правду, это смертельно опасно для правды. Поскольку получается, что некто заведомо владеет критериями, позволяющими отличать правду от ее искажений. Нет уж, пусть каждый будет волен врать — и каждый волен указать на вранье.

Как понимать то, что "в споре рождается истина"? Оставим в стороне тонкие диалогические культурные и философские споры, в которых всякая позиция внутренне нужна, значима для ее оппонентов. Не будем касаться сейчас и столкновения таких позиций в политике, где за ними стоят реальные и различные интересы тех или иных слоев и групп населения, так что *каждая* позиция истинна в *этом* плане.

Возьмем грубо элементарный случай. Если один говорит, показывая на черное, что это белое, а другой твердит, что это черное, то каким образом в подобном споре рождается истина? О чем тут, собственно, спорить? Но важно то, что говорят оба. Истина рождается на устах только у одного, а не где-то между спорящими, не посередине. Лжецу (допустим, какому-нибудь Т. Лысенко) вообще-то лучше бы помолчать. Однако если зажать рот одному, то нет ни малейших гарантий, что не произошло ошибки, что рот не зажали как раз Н. Вавилову. Поэтому — ради истины

Вавилова — пусть, пусть говорит и Лысенко. Пока спор не прекращен по команде сверху, у истины есть шансы возобладать.

Это своего рода принцип состязательности сторон на суде истории. И это отнюдь не означает пресловутой “культуры дискуссий”, то есть что якобы неудобно называть вещи своими именами или что ни один журнал не имеет права отстаивать *свою* позицию в споре с другим журналом, но все журналы должны делать вид, будто они одинаковые, никакие и рады любому мнению; и напечатав нечто “левое”, обязаны тут же рядом помещать (якобы для “демократического” равновесия) и нечто “правое”. Разве этому правому не естественное место в другом, скажем так, ретроградном журнале? Если уж толковать о политической культуре дискуссий, то ее нет без размежевания и плюрализма.

Борьба за гласность оказалась бы лишена подлинно нового исторического смысла, если бы она не привела в конце концов к возникновению таких социальных институтов, норм и обыкновений, благодаря которым в борьбе за гласность... не было бы больше надобности. Когда-то Ленин в “Государстве и революции” рассуждал о необходимости создания такого государственного устройства, которое способствовало бы в последнем счете отмиранию государства. Схожая, хотя и несравненно все же более простая и достижимая цель, замаячившая сейчас перед нашим обществом на горизонте перестройки, состоит в том, чтобы гласность привела бы к упразднению “гласности”. И сменилась бы просто свободой слова. То есть из дозволенного и поощряемого, направляемого сверху, а нами приветствуемого процесса превратилась бы в гарантированное законом высказывание разнообразных мнений граждан и их организаций, наряду или, может быть, вопреки официальным точкам зрения. Такое публичное сопоставление взглядов должно стать обыденным способом существования общества, стремящегося ощутить себя социалистическим. Или хотя бы просто современным...

Две реплики в сторону.

Во-первых. Закон о печати готовится в тиши каких-то кабинетов (как и Закон об общественных организациях). Иначе говоря, закон о гласности странным образом *разрабатывается* вне гласности. Надо надеяться, оба закона не превратятся в законы, скорее, *против* печати и *против* свободы создания общественных организаций. Речь должна идти об отмене предварительной цензуры и о том, что административные органы должны лишь регистрировать возникающие организации, а не “разрешать” их. Если какие-либо выступления печати или деятельность каких-либо организаций оказались бы оскорбляющими мораль или антиконституционными, вопрос о недопущении или прекращении может быть рассмотрен не в административном, но лишь в специально предусмотренном судебном порядке и, разумеется, совершенно публично. Нам остро необходимы газеты и журналы, которые не были бы ведомственными и государственными органами, а выпускались бы — на хозяйственной основе — группами журналистов, писателей, всех желающих и способных это делать. Что тут страшного? Не рухнула же Советская власть в 20-е годы от независимых изданий, — не рухнет и теперь, на 71 году своего существования.

Во-вторых. Предположим, проекты законов о печати и об общественных организациях будут все же опубликованы для широкого обсуждения. Это вполне соответствовало бы сложившейся формальной тради-

ции. Почему я называю ее "формальной"? Ну, хотя бы потому, что, если это единственный вынесенный на обсуждение проект и к тому же "проект ЦК КПСС", невозможно рассчитывать на то, что в результате обсуждения что-то было бы изменено в нем всерьез, изменено в самой его концепции или что он может быть вообще отвергнут. Такое "обсуждение" — всего лишь один из наших милых ритуалов. Но разве недостаточно даже и того, что именно ЦК КПСС будет принимать окончательное решение? Пусть, однако, такое решение принимается ввиду двух-трех всенародно опубликованных *альтернативных* проектов (остальные же могут быть собраны в специальном бюллетене). Пусть эти проекты отличаются по коренному подходу и, допустим, один из них будет весьма радикальным, другой осторожным и умеренным, третий вовсе неожиданным. И пусть такие проекты будут представлены от имени научных учреждений, экспертных групп и т. д., в том числе и в результате самочинных гражданских инициатив. А не от имени высшей власти, то есть безо всякой возможности и для самого руководства страны что-то реально выбирать и взвешенно решать на основе обсуждения (все *предрешается* на стадии *аппаратной* подготовки). Вот тогда действительно предварительное общественное обсуждение имело бы полноценное теоретическое и политическое значение. Тогда вероятность лжереформ, покоящихся на нелепых и вредоносных бюрократических постулатах вроде недавней так называемой школьной реформы, — такая погибельная вероятность, надо думать, сильно поубавилась бы.

Но вернемся к вопросу о природе гласности. Если согласиться, что борьба за гласность окажется успешной лишь при условии, что приведет к отмиранию борьбы за гласность, — то попробуем оспорить и высказанное ранее утверждение: "гласность — не цель, а средство". Да! — на ранней стадии перестройки. Нет и нет! — в дальнейшем, при гласности без разрешения. Ибо тогда гласность стала бы неотъемлемой стороной всего демократического, открытого и свободного жизненного уклада, частью гражданского самочувствия каждого человека, его достоинства, его социальной защищенности, тогда гласность в более глубоком значении этого понятия, несомненно, оказалась бы не просто инструментом полезных политических и экономических преобразований, но и чем-то самоценным, перетекающим в культуру, в наиболее универсальные ценностные основания.

Что до инструментальности — то в исторически развитом и наивысшем своем значении гласность тем полезней "для чего-то", чем она органичней и культурней по коренному своему составу, то есть чем она бесцельней, существуя "просто так". Доступ для каждого человека к информации и право на непринужденное ее обсуждение — элементы демократической открытости общества — всегда могут быть нужны и бывают нужны "для чего-то", для практической цели. Однако привычка *знать*, и *общаться по поводу этого знания*, и уже не просто обсуждать информацию, но и делиться при этом с другими *собой*, лично продуманной и выношенной позицией, — такая привычка тем даже и полезней для решения конкретных общественных проблем, чем более она конституировалась в качестве культурно-нравственной ответственности человека перед собой и только перед собой.

Наверно, еще очень нескоро подобная привычка станет для всего человечества и впрямь естественной привычкой. Мечтать об этом все

же необходимо. Иначе история лишается смысла. Ведь в ней нет объективного "смысла", как нет его в природе, ибо история тоже природна и, следовательно, "равнодушна", как сказал Пушкин. Но о-смысливаем ее, вносим в нее смысл мы сами, в ней живущие. Поэтому настойчиво возвращать смысл, используя в материальном историческом гумусе то, что делает объективно возможными желанные всходы, — тем необходимым, чем каменистой, засушливей, неподатливей выглядит мировая история.

Наш человеческий удел — не соглашаться с обстоятельствами, изучать их, дабы *пытаться изменить*. Что и называется политическим реализмом в отличие от оппортунизма. Эти две вещи многие, между прочим, смешивают. Приспособленцам приятней считать себя реалистами.

Я очень люблю прогремевший в 1968 году девиз студентов Сорбонны: "Будьте реалистами, требуйте невозможного!" В нем так парадоксально и поэтому так точно пронизывают друг друга равно необходимые трезвость и мечтательность.

Люди потому и люди, что, исходя из наличного, не удовлетворяются наличным, не остаются при нем. Мы мыслим — следовательно, мы революционны. Мы, таким образом, попросту обречены быть революционными... Но — *если* мыслим. Поэтому пусть никто не протестует и не пугается заранее. Кого-то чаша сия, возможно, и минует.

3. О левом уклоне и правом заслоне

Но вернемся с небес на землю.

Вот уж нет ничего проще, не так ли?

Недавно прозвучало предостережение: "не толкать под руку" перестройку. Речь идет о "крайности суждений", о революционном нетерпении, о таких взглядах и поступках, которые, хотя и порождены новой исторической надеждой, "на самом же деле объективно направлены на то, чтобы... опорочить смысл и значение"¹ перестройки. Нельзя, говорят нам, романтически настаивать на том, для чего время еще не пришло. Это лишь дает поводы для укрепления сторонников жесткого курса и грозит сорвать постепенный процесс демократизации. Незачем дразнить реакцию и снабжать ее в спорах с реформаторами свежими пугающими аргументами. Ведь "реакция" — это всегда ответ охранителей на давление слева, именно реакция *на что-то*. Поосторожней же с этим "что-то". Требуя слишком многого, можно потерять все, потому что наша правая очень сильна.

Вот что примерно говорят нам или *подразумевают* некоторые сторонники перестройки. Я воспроизвожу и слегка договариваю, заостряю существо их рассуждений. Это умные и осмотрительные люди. Послушаем же их и поразмыслим.

Обсуждается классическая ситуация. Спор либеральной и прагматической осторожности с революционным нетерпением (или, во всяком случае, с тем, что в глазах постепеновца является таковым) — старый спор. Неудивительно, что в ход идут исторические примеры. Зря поляки, восстав в 1863 г., помешали либерализации русского общества. Гер-

¹ См.: *Знамя*, 1988, № 1, с. 195.

цен им сочувствовал, да и как не сочувствовать, но — зря. Нам они помешали, а себе не помогли. Не нужно было народовольцам бросать бомбы. Убийство Александра II, конечно, отбросило Россию назад. Н. Аджубея «иногда это наводит на размышления о том, что *кто-то сознательно "подталкивал" историю "под руку"*» (курсив здесь и ниже всюду мой. — Л. Б.).

Его собеседник Г. Попов соглашается: «И в наше время было много похожего». Зря нетерпеливые чехи своей «пражской весной» 1968 года лишь пустили воду на мельницу нашей реакции и способствовали срыву так называемой косыгинской реформы. Не нужно сейчас крымским татарам, или прибалтийской молодежи, или евреям-отказникам устраивать демонстрации, это выгодно только врагам перестройки — отечественным и западным ультраправым, которые «поднимают на удивление синхронизированные крики». (Не в сговоре ли наши замшелые аппаратчики с радиостанцией «Свобода»?) «Иногда мне даже кажется, — продолжает уже прямым текстом Г. Попов, — что *кто-то искусственно раздувает некоторые "тлеющие угли"* в надежде, что возникнет потребность в «пожарном» и «воде», в тоске по праву «залить»»¹.

Прежде, чем высказывать свое мнение о проблеме революционного нетерпения и прагматизма в *общем плане*, я хотел бы заметить о некоторых из этих исторических и современных примеров следующее предельно кратко. Поляки восстали в 1863 г. потому, что грубый деспотический нажим Александра II, особенно после объявления с 1 января репрессивного рекрутского набора, просто вынудил революционную молодежь восстать. Полагаю, без излишне ученых ссылок, что в старом советском школьном учебнике М. Н. Покровского об этом написано ярко и более *верно*, чем у Н. Аджубея. Что до пражской весны, то не стоит все же забывать: Хрущев был снят за четыре года до кульминации тамошних событий; срыв экономической реформы обозначился уже в 1966—1967 годах (если не был заложен в ее робком замысле); весь отход от курса XX съезда был очевиден и предопределен верхушечным переворотом 1964 г.: короче, поправение у нас предшествовало событиям 1968 г., которые его в свою очередь неизбежно подхлестнули. Чешский вектор явился запоздалым и резко противоположным новому попятному вектору советской политической эволюции. Это фазовое несовпадение и сказалось роковым образом.

Надо признаться, историологическая идея Н. Аджубея настолько увлекательна, что и мне захотелось со своей стороны высказаться в ее развитие. Меня эта идея «наводит на размышление», что Парижскую коммуны спровоцировали те, кто ее затем расстрелял, в ней — это же ясно! — были заинтересованы версальцы. Становится понятным, кто сознательно подбил выступить немецких рабочих в 1918 г., чтобы иметь случай уничтожить Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Очевидно также, что за русской революцией 1905—1907 гг. скрывалась рука охранки и всякой самой черной реакции, затем последовавшей и, следовательно, в деятельности большевиков и эсеров глубоко заинтересованной. Я теперь лучше понимаю подоплеку всех вообще подобных событий в мировой истории — от восстания Спартака до Жакерии. Я догадываюсь, кто *сознательно* их подталкивал. А Дубчека, насколько я могу припомнить тогдашнюю «Правду», целеустремленно подстрекали из Москвы...

¹ См.: *Знамя*, 1988, № 1, с. 195.

Что до примеров совсем недавних и "перестроечных", то мне, как и Г. Попову, тоже кое-что "кажется". Во-первых, мне кажется, что такие подход и оценка могут воспрепятствовать главному: анализу причин, вызвавших к жизни выступления, тревожащие всех нас, хотя и по-разному. Все же сами-то "тлеющие угли" откуда взялись? Во-вторых, по-моему, собеседники в "Знамени" переоценивают правых аппаратчиков и потому думают о них слишком плохо и недоверчиво: мне кажется, те готовы "залить" и "залить", но *раздуть* "тлеющие угли" — даже ради последующего заливания — вот уж решительно неспособны. В-третьих, мне кажется и я боюсь, что "кем-то", кто толкает на демонстрации, скажем, крымских татар, советуя им терпеливо выжидать (а они выжидают уже скоро полвека) и ничего взамен не предлагая, — что этим "кем-то" невольно может оказаться весьма уважаемый мною Г. Х. Попов. Если одни граждане настаивают на своем праве проживать в Крыму и образовать там автономный национальный район, а другие граждане желают покинуть страну, то я не вижу ничего более политически выгодного для перестройки, ничего лучше упреждающего рвения "пожарников", готовых развернуть свои сланги, ничего более *прагматичного* (моральной и правовой стороны дела я сознательно не касаюсь), чем спокойное удовлетворение подобных ненасильственных и не противоречащих принципам социализма требований.

Последние шаги СССР во внешней политике доказывают возможность и — настаиваю именно на таком определении — практическую "нового мышления". Но кардинально решить проблему крымских татар, надо полагать, будет во сто раз легче, чем прекратить ужасную войну в Афганистане. Пора решительней обратиться "новое мышление" на дела в нашем собственном доме. Единственный способ выбить почву из-под ног "заливальщиков" — это сделать так, чтобы заливать было нечего, чтобы "тлеющие угли" сами собой погасли, поскольку им незачем было бы тлеть.

По поводу "исторических" сравнений с 1863 г. или террором "Народной воли" позволю себе заметить: известно, конечно, что всякие сравнения хромают, но эти хромают уже наподобие гоголевского городничего из "Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем": если помните, городничий "сделал дирекцию слишком в сторону, потому что он никак не мог управиться с своевольною пехотой... как на зло, закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно в противную сторону". В самом деле. Наши внутренние "поляки" только и настаивают, что на отмене системы закрытых магазинов для номенклатуры (без вывесок, с особыми товарами по особым ценам) и прочих постыдных привилегий, которые разительно отличаются от былого личного бескорыстия русских революционеров и наносят неизмеримый политический ущерб не кому иному, как стоящим у власти на всех уровнях, их коллективным (а не частным) интересам, партийному руководству страной. Наши современные Желябовы и Перовские не помышляют ни о чем, кроме защиты официально признанных прав советских граждан, кроме информационных бюллетеней и клубов в поддержку гласности. И наши совсем уж отчаянные головы из числа писателей добиваются создания кооперативных издательств. А в одном журнале даже появился возмутительный фельетон, автор которого высмеивала генералов от литературы и недвусмысленно давала понять, что хорошо бы

создать такое положение, при котором огромные тиражи, посты и почести в писательском ведомстве не доставались бы людям бездарным. Боже милостивый, какой тут поднялся переполох, как влетело журналу! Так что собеседники в *Знамени*, может быть, и правы. Только вот сравнения исторического революционного нетерпения с нынешним революционным нетерпением и "авантюризмом" приобретают довольно гротескный вид. И хромота их, достойная гогаевского пера, побуждает задаться некоторыми прямыми вопросами.

Каков конкретный политический смысл услышанных нами предостережений? Например, настало ли время сообщить *все* о сталинских лагерях, о ГУЛАГ'е? О подлинных *масштабах* репрессий, где счет шел на многие миллионы? Не пора ли рассказать не только о тех или иных загубленных государственных деятелях, писателях, ученых, но и о плановом истреблении собственного народа, которое в мировой истории было превзойдено только Пол Потом в процентном выражении и никем не превзойдено в абсолютных цифрах? Нужно ли заговорить не о бедах насильственной коллективизации, а о том, что она означала с точки зрения социально-исторической — то есть об уничтожении крестьянства как класса, об его прикреплении к земле, о третьем издании крепостничества в России и о том, что ввергнутое в такое состояние большинство населения страны составило объективно фундамент сталинского самодержавия? Следует ли нам сейчас последовательно поразмыслить, что все это могло означать для судеб социалистической идеи в стране и мире? Или такая излишняя логическая и политическая последовательность могла бы "опорочить значение и смысл" перестройки? Что тут опасней, что трезвей, что больше грозит усилить позиции чиновников и сорвать процесс социалистической демократизации или что помогло бы сделать его необратимым, что тут лучше, что выгодней и для кого — поспешить с такими шагами или помедлить?

Впросительных знаков *с точки зрения практической политики* немало. Есть ли некая истина в предостережениях осмрительных людей? Безусловно. Некая истина в этом есть.

Бюрократия может воспользоваться избытком революционного нетерпения, романтическим забеганием вперед, "левачеством" — чтобы попытаться повернуть все вспять. Бюрократия может, впрочем, с еще большим удобством воспользоваться и недостаточностью нетерпения, нерешительностью и медлительностью перестройщиков. Она вообще-то чем угодно может воспользоваться, пока в ее руках рычаги реальной власти. И она даже в состоянии не прибегать к грубой силе: "реакция" не нужна, ежели ее власти ничего всерьез угрожать не будет. Тогда мы не спровоцируем срыва перестройки. Правда, никакой такой перестройки в этом случае и не будет.

Поэтому, чтобы правильно оценить угрозу "толкания под руку" слева, надобно прежде всего спросить себя: а как обстоит дело с *толканием справа*?

Ведь излишне, допустим, романтические и максималистские требования слева сами по себе не враждебны перестройке. Они исходят от ее друзей. Действительные враги — только правые, только охранители, только чиновники. Собственно, сама опасность так называемого авантюризма мыслима лишь в связи с опасностью справа, в ее контексте. Но не наоборот. Тут нет — в нашей исторической ситуации — никакой сим-

метрии двух "уклонов". Возможны только непрактичный (в этом смысле "левый") уклон — и правый заслон.

Я что-то не вижу ни вокруг себя, ни по рассказам, ни в печати, чтобы наблюдался захлест революционного авантюризма. Романтики-леваки пока не бродят по улицам толпами. В учреждении, где работает 200—300 человек, обычно едва находятся двое-трое, способных сказать с трибуны, глядя в начальственные лица, нечто о них вразумительное и бескомпромиссное. Поэтому не трезвей ли поразмыслить о правом заслоне — и тоже не без исторических примеров.

Почему был свергнут Н. С. Хрущев?

Под его левую ("перестроечную") руку все время толкала его же правая рука. (Гораздо чаще, чем наоборот.) Левая рука не ведала, что творит правая. (Правая-то рука у нас всегда осведомлена о том, что творит левая.) Сознывая неэффективность командной системы, он сам был плоть от плоти ее и пытался взбудорить бюрократию посредством ее же ухваток, сугубо аппаратных затей. Отсюда вздорность Хрущева. Это не черта его характера, это свойство системы, когда она пытается что-то изменить, ничего не меняя. Хрущеву не хватило именно революционного нетерпения (как и большой социально-исторической концепции и просто здравого смысла). То есть нетерпение было — но без революционности. Получалось какое-то беспокойное политическое ерзанье.

В итоге в начале 60-х он был уже обречен. Повысить жизненный уровень народа не сумел, стал непопулярным. С интеллигенцией малограмотный Никита Сергеевич то мирился, то ссорился, но чаще ссорился и покрикивал. И все помешивал, помешивал чиновную элиту, не давая ей, успевшей оправиться от холопства и леденящего страха перед Хозяином, впервые почувствовавшей себя коллективным хозяином страны, наконец-то спокойно жить и править, насладиться застойностью (то бишь "стабильностью"). Она его и проучила: исторгла самого непоседливого, левого из своего лона. Увы — но (политически) поделом.

Иметь в руководстве кого-то левей себя Хрущев не догадался.

Бывшему верному соратнику Сталина было не по силам провести твердое различие между левоцентристской и правоцентристской ориентацией. Эклектизм, бесчисленные зигзаги его политического поведения сошли бы за маневрирование, за неизбежный в подобных делах компромисс, уступки и пр., если бы за всем этим ясно проглядывали вектор и принцип. Без маневрирования в нужном направлении не обойтись, но оно бессмысленно и ведет политика к неизбежному провалу, если он вздумает маневрировать самим вектором. Такой "прагматизм" — не прагматичен. Он не достигает цели, поскольку ее нет. Беспринципная политика невыгодна. Ленин, гениальный политик, это знал, у него есть известное замечание на сей счет.

Конечно, политик, стоящий у власти, не должен быть в своих действиях слишком радикален, ни в каком отношении. Он не может себе позволить быть ни слишком нетерпеливым, ни слишком осторожным и консервативным: никаких "слишком". Лидер современного государства нуждается в умеренной линии, выражая среднюю равнодействующую объективных общественных сил и настроений. Он трезво сохраняет взаимопонимание с большинством. В этом смысле ответственный руководитель — более или менее центрист по определению (или, если угодно, по должности). Он всегда находится посередине.

Однако и *просто* оставаться посередине, в качестве пассивного вместилища равнодействующей — быть посредственностью — настоящий политик тоже, разумеется, не может себе позволить. Особенно если это революционный политик (или, скажем шире: возглавляющий политику перемен) .

Ленин был политик до мозга костей, обдумывал, как и всякий политик, *условия успеха*. И как раз поэтому вечно забегал вперед по сравнению с товарищами по партии. Таковы его поражениечество во время первой мировой, апрельские тезисы, требование немедленного восстания в октябре 1917 г. (вопреки осторожным и вполне резонным возражениям Троцкого, Зиновьева, большинства в ЦК). И его великие уступки — Брестский мир, особенно нэп — тоже были уступками реальной истории, как он ее понимал, но не партии и не преобладающим в ней и в ее верхушке настроениям. Эти шаги тоже были ошеломляюще забегающими вперед, революционно-решительными, фантастичными. И несли в себе неизбежный в политике риск личного поражения — в собственной партии. Известно, что Ленин не раз был на волосок от такого поражения. Он все-таки побеждал, но порой в последний момент и лишь потому, что ход событий лишал его оппонентов возможности противопоставить ленинским инициативам какую-либо иную, способную вывести из кризиса. Альтернатив внешне экстремистским ленинским инициативам не находилось. Они, казавшиеся на первый взгляд чисто интеллектуалистской, кабинетной комбинацией, были впрямь извлечены из фактов и наблюдений, оформлены, достроены *мозговым воображением* — и потому оказывались реалистичней, конструктивней.

Сейчас нам говорят: не толкайте под руку перестройку. Очень хорошо. Толкать действительно опасно. Но ведь *не* толкать — того опасней. Как же проплыть между этими Сциллой и Харибдой?

А вот это и есть то, что называют политическим искусством: умение ощутить и реализовать в каждый момент, в каждой подвижной ситуации нужную *новую меру* возможного. Но так, чтобы не терять цели, чтобы и уступка была способом продвинуться вперед, то есть была бы *не* уступкой.

Руководителю общественных перемен необходимы — вдали и рядом — люди, которые, безусловно подпирая обновительный курс, занимали бы позиции более решительные, чем те, которых вынужден до поры притерпываться сам лидер. Во-первых, такие люди, во всяком случае, его союзники, в то время как действительные противники — справа. Во-вторых, лидеру, желающему сдвинуть с места заросший мхом жизненный уклад, важны оппоненты слева, голоса которых звучали бы внутренними голосами его собственного политического сознания. Что до консервативных и осторожных голосов — полезны и они, но их-то более чем достаточно. В-третьих, исчезновение с исторической арены направлений и людей, по-разному воплощающих — рассудительно или неблагодарно, это уже не столь важно — революционное нетерпение, то есть *исходный пафос движения в целом*, означало бы превращение центристов в заложников правой.

Более того: такое наращивание правых тенденций и поражение левых означало бы, что теперь нет ничего левее центра. И завтра участь левых разделили бы вчерашние центристы, поневоле переставшие быть таковыми. Примеров тьма. Начать можно с Великой французской революции.

Могут спросить: но что произойдет с центром, если вытесненным будет *правый* фланг? Произойдет то, что центр переместится влево. А те, кто пожелает остаться на почве того, что было центром вчера, образуют собою новую правую. Таким образом, политическая ситуация в целом революционизируется. Такова очевидная логика всякого исторического смещения общества, проводящего радикальные реформы. Иной подход — умиротворение консерваторов — кажется гораздо более рискованным. Это была бы тактика перманентного Мюнхена.

Мы хотим быть реалистами. Мы смолоду запомнили, что “политика — это искусство возможного”. То есть в этой сфере человеческой деятельности, при ведении государственных дел, не считается с обстоятельствами — значит заниматься политикой, будучи плохими политиками. Однако что понимать под “возможным”? И почему потребно “искусство”? Чтобы подчиняться обстоятельствам, никакого искусства не требуется. Достаточно сушить весла и плыть куда несет. Если не считается с обстоятельствами — значит быть плохими политиками, но подчиняться обстоятельствам — значит вовсе не быть политиками. Это оппортунизм, политиканство, житейская ловкость, все, что угодно, но не политика в серьезном смысле слова.

Есть возможное и невозможное *сегодня*. И есть то, что, пожалуй, станет возможным завтра. Есть опасливый *реализм констатации* наличных, готовых социальных форм — и *реализм тенденции*, процесса, предвидения. Искусство возможного состоит, конечно, в настойчивом зондировании и расширении зоны возможного — дабы упорно и продуманно действовать в пользу того, что пока невозможно, но станет возможным завтра. Или не станет (гарантий история не дает). Особливо, если мы действовать не осмелимся.

Различение рискованного и *слишком* рискованного, *слишком* утопичного — вопрос конкретного анализа и понимания. Однако бог владеет только тем политиком, в чьем наитрезвом реализме есть обязательная присадка утопизма. Поскольку политик — только тот, кто умеет что-то изменить в обстоятельствах. Тем более в глубинных пластах реальности. Угадав идущие в том же направлении желания миллионов других людей, ими самими, может быть, пока не вполне осознанные, невыявленные. Доля “утопии” в большой социальной политике всегда есть, если называть в данном случае утопией то, что расходится с господствующими структурами, интересами и пр. — в пользу только растущих, предполагаемых интересов и структур. Еще раз: мы за расчет. За прагматизм — пожалуйста, если “прагма” (цель) велика и достойна. Но есть шахматисты, умеющие считать на три-четыре хода вперед. И есть шахматисты, считающие на десять-пятнадцать ходов вперед, до победного конца партии. Есть, наконец, шахматисты, продолжающие борьбу — и столь же расчетливо — в почти безнадежных позициях, и подчас такие позиции выигрывающие.

Пусть скептики согласятся признать: за три года в нашей политической жизни произошло достаточно такого, что в 1985 году любой здравомыслящий человек признал бы лежащим вне сферы возможного и осуществимого.

И еще не вечер.

Поэтому я говорю скептикам, в том числе скептику внутри себя самого: да, политика — это искусство возможного, но не так-то просто

сказать, что для этой загадочной дамы Истории возможно и что невозможно. Все это, впрочем, слишком общо. Нужен анализ. Он уже начат нашими экономистами и публицистами. Надо надеяться, явятся наконец и серьезные труды историков, политологов, философов. И тут крайне важно оговорить следующее.

До сих пор речь шла о политиках, ответственных за окончательные решения. Ну, а интеллектуалы? И вообще все те, кто просто высказывает свое мнение о нынешнем положении вещей, кто выступает *от себя*. И формулирует — профессионально или в качестве граждан — оценки, пожелания, предложения, прогнозы. Участвует во всенародном думании.

Тут уж, безусловно, нужен “авантюризм”. То есть я хочу сказать, что тут огромная ответственность, но несколько иного рода: искренность, интеллектуальная честность, отвага ума.

Ведь мышление (в отличие от сознания) авантюристично по природе. Ведь если мысль (она же и *высший* социальный, то есть *культурный* интерес) не забежит вперед, то она будет безответственна (робка, сера, непродуктивна). Между политиком и интеллектуалом — явное разделение функций. Интеллектуал додумывает, доводит до логической и экзистенциальной предельности и преобразует настроение и потребности общества через необходимое индивидуальное заострение. Он призван — в особенной форме своего личного рационального или художнического дара — выступить в качестве всеобщего субъекта истории. Он разрабатывает свои концепции прошлого и предлагает модели будущего. В том числе и такие, которые, может быть, нереальны, но не беспочвенны. Он даже, простите, мечтает. Говорит о должном, а не о возможном. Он, короче говоря, и будучи строгим исследователем, воплощает в диалоге с обществом *культуру*. Ее запрос. “Возможность” — очень существенный (иногда самый затруднительный) момент выкладок интеллектуала, но все же не его первое и не его последнее слово.

Культурный политик делает все то же самое, чутко прислушиваясь ко всем звучащим в обществе голосам, включая и предостерегающие, и нетерпеливые, и враждебные, но для него момент возможности и целесообразности — специфически-решающий. (Конечно, с теми антиоппортунистическими оговорками, которые были сделаны выше.)

Господи, просвети высокомерных интеллектуалов, избегающих спускаться на землю практической политики. И упаси нас от политиков, чьи цели не сверены с культурой.

Впрочем, этот разрыв, эти проблемы известны, едва ли не начиная с Платона. И конца этому не видно.

4. С чего начать

Мы перевернули классическое марксистское соотношение политики и экономики. Базис стал надстройкой, политика и идеология стали базисом. Передав все средства производства в руки государства — а не общества — и создав аппарат, завладевший этим государством, мы сделали Аппарат вершителем исторических судеб, что и пожинаем сегодня.

Необходимо поэтому *сначала* добиться политической перестройки, то есть возвращения власти от аппарата к самому обществу: изменить *нынешний* базис. Одновременно это будет означать перестройку

производственных отношений, то есть *нынешней* надстройкой: возвращение им (всей сфере хозяйствования, а также всякой иной деятельности, духовно-практической, научно-технической, медицинской, педагогической и т.д.) надлежащей суверенности, первичности, базисности. Тогда, на следующем этапе (говоря условно, поскольку это, конечно, лишь разные стороны единого и одновременного процесса), политика вернется на свое место. Политика вновь станет *особой* общественной функцией (а не подменяющей все и вся, чудовищно разросшейся тотальностью). Она станет классической производной от возродившегося базиса, от отношений труда и разных форм собственности при социализме, от естественного и органичного движения жизни. Тогда прекратилось бы наконец-то "строительство социализма" — попытки подчинить жизненный рост новых отношений политическим указаниям, лозунгам, инструкциям. Между прочим, Маркс, Энгельс, Ленин не представляли себе будущего социалистического развития в виде "строительства" по "предначертаниям партии", по волевым решениям. Напротив: у Ленина речь шла, прежде всего в контексте раздумий над нэпом, о том, что советская власть и партийное руководство должны, исходя из экономических реалий и возможностей, всемерно *способствовать самодвижению* нового общества, политически подпирать это самодвижение к "строю цивилизованных кооператоров", через всемерное просвещение и "культурничество": "отноудь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм" ("Странички из дневника")¹.

Следует согласиться, что Ленин в последних работах не сводил экономические или иные цивилизованные отношения на политику, а политику на власть (*после* того, как эта власть была завоевана). Я думаю, что для Ленина политическая работа была в условиях нэпа чем-то вроде энергичной расчистки от снежных заносов и размещения дорожных знаков, дабы могло возобновиться некое нормальное движение, дабы население "...поняло все выгоды от поголового участия в кооперации и наладило это участие". *Само* понял и *само* наладило. ("Только" это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму... Нэп... приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина" и т.п. ("О кооперации"))². Надо признать, что если здесь и имеется в виду "строительство" социализма, то, во всяком случае, никак не в позднем, привычном для нас смысле. Не строительство платоновского Котлована. Политика "приноравливается" к самостоятельной жизни миллионов людей и помогает родиться в ней новому, а не возвращает гомункулуса в колбе. Все-таки Ленин был историческим материалистом, чего о его преемниках не скажешь. Он относился к базису почтительно и после 1918—1920 гг., когда чрезвычайные насильственные меры создали почву для иллюзий волшебного скачка к непосредственному продуктообмену и распределению, к социализму без рынка, без денег, без личной материальной заинтересованности, — первым признал ошибку и необходимость "отступления", понял несостоятельность "военного коммунизма" в мирное время. Жизнь должна была вернуться в единственно возможное для кровообращения постоянное положение: перевернуться с головы на ноги.

¹ В. И. Ленин. Полн.собр.соч., т. 45, с. 367, 373, 376.

² В. И. Ленин. Полн.собр.соч., т. 45, с. 372.

Новый партийный курс означает, что всюду, где это окажется возможным по внутренним условиям самой деятельности, по интересам дела и людей, непосредственно профессионально им занимающихся, — и в жесткой борьбе с сотнями тысяч чиновников, заполнивших распорядительные конторы всех уровней вплоть до совершенно ненужных министерств и возвышающихся над ними ведомственно-профилированных отделов в партийных органах, — всюду не миновать перехода от административного управления к общественной самодеятельности. И от тотальных институций, от “инстанций” — к плюрализму.

Чиновники привыкли размахивать “плюрализмом” и “открытостью общества” как жупелом. Десятки лет они вбивали нам в головы, что это подрывные понятия, занесимые с Запада. В чем-то они правы. Да, это “западные” понятия, родом оттуда — как, между прочим, и марксизм, и социалистическая идея, и идея демократии. К счастью, “окно в Европу” было прорублено у нас почти три века назад, и Россия — это тоже Европа, российская культура — это одна из важнейших фокусировок культуры европейской.

Нетрудно сказать и большее, и столь же тривиальное. Когда-то Северная Америка стала новой Европой. Теперь и Япония — это великолепный “Запад”. И весь мир — как это было возведено еще в “Манифесте коммунистической партии” — когда-нибудь станет в известном смысле “Западом”, усвоив достижения европеизма и окрасив их своими неповторимыми азиатскими, африканскими, латиноамериканскими почвенными своеобразиями. И мы — тоже “Запад” или, напротив, социально-исторический “Восток” *в той мере*, в какой нам удалось или до сих пор не удалось изжить то, что Ленин любил называть российской “азиатчиной” и “татарщиной”. “Запад” в конце XX в. — не географическое понятие и даже не понятие капитализма (хотя *генетически*, разумеется, связано именно с ним). Это *всеобщее определение* того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого немислимо существование любого истинно современного, очищенного от архаики общества. Это вынесенное за скобки условие, при осуществлении которого только и становятся возможными как капитализм, так и социализм (различия социально-экономических систем *надстраиваются* над исторической почвой, очищенной от “азиатчины”).

Без плюрализма и демократии развитие капитализма было бы невозможно. Но точно так же — и развитие социализма. Без фактического плюрализма, как все мы понимаем, никакое современное общество никогда не существовало, как и никакая экономика не существовала и не может существовать без рынка. Запрещенный рынок становится “черным рынком”; видимо, бывает и “черный плюрализм”. Но без *открытого*, культурного разнообразия сегодня нельзя и заикаться о созревании социалистического (и в *этом* смысле “европейского”, “западного”) общества, способного достойно выдержать соревнование с европейским, “западным” капитализмом. Такое общество должно не отменять плюрализм, возникший на капиталистической основе, а всемерно расширять его; сохранять и углублять замечательный правовой “формализм” западной демократии; как и она, тоже пестовать индивидуальность и ее инициативу, разнообразие артикулированных, самостоятельных элементов жизни. И преобразовать такое разнообразие в социализм за счет в конечном счете “только” одного, зато решающего и великого от-

личия — уничтожения “власти денежного мешка”, крупного частного капитала.

Вот в чем, насколько я понимаю, состояла идея Маркса о будущих ассоциациях свободных производителей. Вот почему Ленин накануне Октября под Разливым писал книгу о сломе старой бюрократии, о прямой власти пролетариата и об отмирании государства в конечном результате социалистической революции...

Ленин, что и говорить, в этом вопросе ошибся. Но бывают ошибки, в которых больше смысла, чем в истинах реального положения вещей. И если на смену старой бюрократии пришла новая, гораздо худшая, и Государство проникло во все общественные поры, стало всем, и управляла им далеко *не всякая* кухарка — что ж, во всем мире не найдется теперь такого шалаша, чтоб мечтать в нем вместе с классической социал-демократией об отмирании государства. И все же от нынешней реальности, от “реального социализма” мы можем — именно если смотреть на дело трезво и практически — двигаться только к стороне предполагаемого, нигде не проявленного “истинного социализма”. Речь, разумеется, не об “отмирании” государства. Но — о том, чтобы оно стало инструментом общества (а не наоборот), о максимальном *разгосударствлении* советской жизни.

Недавно в “Известиях” появилась статья под таким, кажется, названием: “Зачем парикмахеру министр?” Ну, а зачем министр крестьянину—колхознику, кооператору, артельщику, единоличнику? Зачем ему около полумиллиона чиновников Агропрома и еще невесть сколько других партийно-государственных погоняльщиков? Зачем министр заводу, *действительно* перешедшему на хозрасчет и самофинансирование, покупающему средства производства и сырье у других предприятий и ведущему конкурентную борьбу на социалистическом рынке?

Зачем ученым в Академии наук — сама эта Академия, ставшая натуральным министерством, где министра называют Президентом (и, конечно, как и всех министров, назначают, хотя и под видом выборов), коллегию министерства называют Президиумом, а главки — Отделениями. Причем пришедшая из XVIII—XIX вв. традиция кооптации академиком посредством тайного голосования — элемент “демократии”, grotesкно встроенный в систему, где истинный *демос* науки, тысячи научных работников, выступают в роли зависимых служащих государственной академии.

А зачем писателям, композиторам, художникам и т. д. “творческие союзы”, эти уродливые формы огосударствления искусства посредством обязательного вхождения в некоторое централизованное литературное или музыкальное ведомство, копирующее — при неизбежных специфических поправках — все прочие ведомства, с писателями-чиновниками, живописцами-чиновниками, “первыми секретарями”, “аппаратом”, окладами, загранкомандировками...

Стыдно сказать, у нас вообще нет вневедомственных форм интеллектуальной деятельности. Альтернатива назрела. Все чаще в печати звучат голоса, предлагающие то, что я назвал бы *параллельными структурами*. Нужно настаивать на беспорном праве создания вольных, самостоятельных, гибких, совершенно не унифицированных общественных организаций типа научных ассоциаций, художественных сообществ, гуманитарных и литературных журналов, кооперативных издательств и типогра-

фий, независимых хозрасчетных исследовательских лабораторий, наконец, "частных школ" — не частных, конечно, а принадлежащих преподавательским кооперативам.

Я считаю, что скорейшее возникновение и поощрение параллельных структур прежде всего в наиболее индивидуализированных и, так сказать, не громоздких областях деятельности — а это многие отрасли сельского производства, это мелкая торговля и ремесленничество и это интеллектуальный труд — вот наиболее эффективная и быстро достижимая задача в программе возвращения нашему обществу жизненной полнокровности. Возвращения высокого профессионализма, умения работать, ответственности и качества любой работы. Бюрократической бездарности был бы брошен публичный вызов.

Нас потряс апокалипсис Чернобыля. Но в Чернобыле взорвались не реакторы, а профессионально-социальная мнимость. Из-за низкой продолжительности жизни, из-за высокой детской смертности, из-за недостатка или отсутствия современных лекарств, оборудования, специалистов; из-за отвратительных больниц, где старики после инсультов часами лежат в коридоре, подпертые досками, и к ним никто не подходит; из-за того, что половина урожая овощей и фруктов сгнивает, не попав на стол потребителя; из-за аварий, травматизма, неочищенных стоков, производства никому не нужных товаров, варварского расхода энергии, металла, древесины; из-за того, что мы не умеем работать, учить, хранить, лечить, — может быть, тихо и почти незаметно каждый месяц у нас взрывается по Чернобылю? Или каждую неделю?

Итак, во множестве мнимые врачи, мнимые инженеры, мнимые поэты и мнимые слесари; и миллионы с мнимым средним или высшим образованием; и легион невежественных учительниц, ненавидящих детей и обкладывающих их посредством выражений, которые, положим, не исчерпывают ресурсов русского языка, но все-таки и у пивного ларька не показались бы любезными. Недавно Центральное телевидение дало нам посмотреть на молоденькую кассиршу столичного Курского вокзала, отчетливо матерящую клиента. А одна газета рассказала о докторе физико-математических наук и заведующем кафедрой, который не смог объяснить комиссии ВАКа, в чем существо его диссертации, и не ответил на вопросы из школьного учебника. Ну и что? Будто нельзя стать и членом АН СССР, будучи только чиновником, которому за всю жизнь не пришло в голову ни одной свежей профессиональной мысли. Будто, чтобы быть хотя бы и вице-президентом нашей Академии, невозможно зачитывать на всесоюзных конференциях под видом научных докладов тексты, уровень которых не выше какой-нибудь лекции в сельском клубе (то есть незачем даже уметь подобрать референтов, способных подложить докладчику нечто более занятное). Я сам видел таких учительниц и кассирш, мы то и дело их видим. Я сам слышал такие замечательно бессмысленные доклады. Но кто же их не слышал.

Хочу написать о том, что знаю лучше всего: о состоянии советской научно-гуманитарной среды.

Как известно, в этой сфере нет точных формализованных критериев и способов верификации, нет и непосредственной проверки практикой. Тут слишком трудно произвести выбраковку, установить недовес, сгнившие идеи, поломанные концепции, монографии с летальным исходом. Вот беда: гуманитарный ум и художественный вкус можно взвесить

лишь посредством ума и вкуса. В культурно-профессиональной среде отличие овец от козлиц, блестящих и оригинальных трудов от пустых и компилятивных чрезвычайно затруднено в том смысле, что всецело зависит от уровня этой же среды. А она в своей преобладающей и особенно в наиболее официально-влиятельной части — в глубоком и подчас анекдотическом упадке. Образуется замкнутый круг.

У антисреды есть свои чиновные, дутые "большие ученые". Тысячи мнимых докторов наук, иногда "лауреатов Госпремий" и "заслуженных деятелей науки". И немало своих новичков, поскольку антисреда внимательно себя воспроизводит. Десятилетиями шел противоестественный биологический отбор: с установкой на вырождение. Выживали самые серые и приспособленные, оттеснялись неординарные и угловатые. После войны, несмотря даже на сталинский террор, положение было лучше: не все были расстреляны и уволены, что-то еще оставалось от старой профессуры, обломки великой отечественной традиции. Потом эти люди умирали, но замены им уже не находилось. Не те были способы отсеивания, не тех обычно брали в аспирантуру и т. д. Будничная стагнация потрясюще завершила то, чего не смогли до конца сделать даже лагеря и шумные проработочные кампании.

Теперь и при, допустим, прогрессивном новом начальстве, при резком и правильном переключении руля — кто, собственно, будет осуществлять возрождение гуманитарных наук? Бессмысленно ожидать перестройки от тех, кому она невыгодна и к тому же попросту не по силам. Невозможно ожидать перемен от административных мер в пределах наличных рутинных структур, изнутри той же антисреды. Дело не в хороших указаниях и не в новых штатных единицах. Кто поверит, что в академическом ли, в министерском ли институте после любых разделов, слияний, переименований, аттестаций, сокращений, реорганизаций, координаций, декламаций — что-то всерьез изменится в самой сердцевине, в существе и качестве гуманитарного думания?

Настоящая научная и художественная среда нарастает медленно, как коралловые атоллы. Когда-то она у нас была, достигнув результатов мирового значения. Она обеспечивала — если угодно, тоже ради кровных своих интересов, ради социального самосохранения — поддержание должного профессионального и нравственного уровня. Люди бесталанные и мелкие попадались, конечно, всегда (Серебряков из "Дяди Вани"), но им приходилось считаться с условиями среды, не они в ней задавали "ля". Эта среда и атмосфера, этот по необходимости добротный средний уровень служил почвой для органического роста возвышавшихся над ним талантов — не без своих драматических сложностей и конфликтов, но нам бы *такие*, нормальные конфликты!

Так вот, именно подобные инфраструктуры, может быть, теперь дороже всего. Этого сплошного культурного слоя давно нет. Скорее уж можно встретить людей крупных, необычайных. Они ведь попадают всегда: как деревца сквозь треснувший асфальт или на полуразрушенных кровлях. Можно также насчитать у нас и не так уж мало отдельных хороших и дельных людей. Не так уж мало. Но — *не вместе, не в своей среде*.

Нет ли в моих словах мрачности и отчаяния? Мрачность пока синоним трезвого взгляда на вещи. Но отчаяния нет ни малейшего, что ж нам отчаиваться в 1988 г., когда и в 1978 г. все равно в культуре хватало дела для живых людей.

Но теперь *необходимо неотложное создание принципиально новых научно-творческих организмов*. Инициативы должны исходить *исключительно "снизу"* — от практикующих философов, филологов, искусствоведов, историков, социологов, психологов, музыковедов, киноведов, театроведов, людей, которые объединились бы, отобрали бы друг друга, без вмешательства "инстанций", в соответствии с естественными концептуальными тяготениями, исследовательскими программами.

Для чего нужны новые и разнонаправленные, не бюрократизированные, научно-культурные и художественные группы, наделенные правом и возможностью выходить со своими докладами, лекциями, журналами, книгами напрямую к научной общественности, часто к широкому читателю и слушателю? Для того, чтобы *быстро* создать обстановку соревнования теорий, школ, чтобы люди способные, но прозябающие на периферии устоявшихся косных институций получили бы случай развернуться и доказать свою социальную ценность. Особенно же люди молодые, без солидных научных титулов, но со свежими идеями. Так талант и бездарность были бы наконец-то *уравнены в правах*: то есть приняли бы участие в своего рода честной конкуренции.

Но дело не только в перегруппировке и консолидации творческих людей, которые могли бы встретиться, подружиться и поротовать во чистом поле, а не служить до пенсии в монопольных — часто просто единственных по данной специальности — институтах, на монопольных кафедрах, в "головных" или ведомых учреждениях, где для них нашлась когда-то "штатная должность", но где они, по правде, мало кому интересны и нужны. Дело еще и в том, что в такой динамичной и открытой ситуации вынуждены были бы впрямь зашевелиться и ныне существующие слишком парадные, перегруженные балластом, случайными людьми, инертные научные организации. А иначе их обновление, вся эта тягостная расчистка захламленных территорий в лучшем случае займет время жизни одного-двух поколений.

Я ничего не изобрел. Я лишь описал обстановку, сложившуюся в нашей стране в первое послереволюционное десятилетие. Тогда возникали уникальные, удивительные научные и учебные объединения, и некоторые останутся, очевидно, непревзойденными — как Академия истории материальной культуры, как "Зубовский институт", то есть Институт истории искусств в Ленинграде.

Будет ли у нас снова что-нибудь подобное? Хочется дожить.

"Параллельные структуры" намыли бы в этой сфере, как и в других, материально-производственных сферах, *социальную почву перестройки*.

Но, конечно, надо прежде всего, чтобы укрепились политические силы, которые *всерьез затребовали бы* такую социальную почву.

5. Об условиях укрепления руководящей роли КПСС

В мире много людей, начисто отрицающих историческую и социальную эффективность однопартийной системы. Аргументы такого рода хорошо известны. Они основаны на убеждении, что правление единственной партии при отсутствии оппозиции — несовместимо с демократией. Но в мире также много людей, которые родились именно при однопартийной системе и не представляют себе другой.

Я совершенно не собираюсь вдаваться в этот старый спор. Он вряд ли интересен. Незачем ломиться ни в открытую дверь, ни тем более в закрытую. Что действительно интересно знать, так это где здесь дверь и можно ли ее открыть.

Я хотел бы сознательно оставить в стороне всякую критику и сомнения с позиций, *внеположных* той исторической ситуации, которая сложилась в нашей стране, где уже семьдесят лет правит одна политическая партия. Пусть и те, кто всерьез желает процветания КПСС, и ее оппоненты, которые при этом доброжелательно относятся к нашему народу, в равной степени попробуют исходить в своих рассуждениях *изнутри реальной ситуации*.

Даже самым непримиримым противникам советского строя, принципиально не мыслящим себе политической жизни без свободно борющихся в рамках закона разных партий и т.п., в конце концов, придется считаться с однопартийной системой, полностью признавать ее в плане практической политики по отношению к СССР. Тем более так поступают западные коммунисты, хотя для собственных стран — по крайней мере теоретически, рассматривая пути в социалистическое будущее, — они предпочитают придерживаться многопартийной модели. Любой самый энергичный критик руководящей роли КПСС, будь то диссидент, эмигрант, либеральный интеллигент или консерватор из буржуазно-демократического лагеря и т.д., поступит, очевидно, разумно, если признает по крайней мере, что советская система существует и будет существовать. И что вместе с тем в нынешнем своем состоянии она больше существовать не может. Это нынешнее состояние не устраивает не только тех, кто в принципе ее не приемлет, но и наиболее разумных, дальновидных лидеров КПСС, никоим образом не желающих какого-либо умаления ее руководящей роли, однако задающихся вопросом: как укрепить эту роль перед лицом исторического вызова? Каким изменениям должна быть подвергнута прежде всего сама партия, чтобы политика радикальной и всесторонней перестройки нашего общества привела бы к успеху? По-видимому, наконец-то этот наиважнейший вопрос становится предметом особых забот и обсуждения. Примем же в нем участие.

Итак, в чем коренные причины так называемого "застоя", то есть загнивания, неэффективности, слабости партийного руководства, которые завели страну в трагический тупик и с которыми хотел бы покончить М. С. Горбачев? И соответственно, какие *структурные сдвиги во взаимоотношениях КПСС и советского общества* должны произойти в качестве главного условия, без выполнения которого ни о какой серьезной перестройке не может быть и разговора?

Я выдвигаю исходный тезис: все дело в том, что партийного руководства у нас на самом деле нет. Оно давно исчезло. Вот что плохо. Считающийся очевидным факт существования в СССР *партийной системы* также в высшей степени сомнителен. Партия утратила признаки политической партии. Поэтому КПСС не стоит у власти.

Теперь я попытаюсь пояснить, почему я так думаю и в чем, с моей точки зрения, состоят условия, которые вернули бы КПСС политическое руководство страной. Восстановили бы ее идейное и практическое влияние на советскую жизнь. Надо полагать, именно в этом сможет выразиться успех курса, связанного с именем М. С. Горбачева.

Слово "партия", как известно, производное от латинского pars, т.е. "часть". Партия — это *особая часть* общества, со своими особыми, независимыми, только ей свойственными функциями. Но такая особая часть возможна лишь там, где в обществе существуют и всякие другие особые части, тоже с какими-то незаменимыми, самостоятельными функциями. Напоминаю еще раз: я не говорю "другие партии", но — другие части общества, руководимого единственной политической партией, КПСС.

Наша главная беда в том, что советское общество не имеет никаких других частей, кроме КПСС. Поэтому неизбежно партия тоже не является его частью, не является, строго говоря, "партией". Во всяком случае, Коммунистическая партия Советского Союза если и может рассматриваться в качестве части общества, то это такая часть, которая равна целому. В стране нет ничего, что не было бы партией. Но, следовательно, нет и того, что мы могли бы считать партией — в понимании, например, Ленина и большевиков, в любом ответственном смысле этого слова.

Когда в 1936 году в "Правде" появилась статья "Сумбур вместо музыки", на одном из последовавших за этим обязательных одобрительных собраний выступил Юрий Карлович Олеша. Он говорил с обычной для него выразительностью и точностью (цитирую по рассказу М. Алигер об этом эпизоде: *Знамя*, 1987, № 10, с. 104): "...У нас нет в жизни и деятельности государства самостоятельно растущих и движущихся линий. Все части рисунка сцеплены, зависят друг от друга и подчинены одной линии. Эта линия есть забота и неусыпная, страстная мысль о пользе народа. Это и есть генеральная линия партии". Далее Олеша рассуждал так: если при этом усомниться хоть в одном партийном слове и решении, не согласиться с "этой линией в каком-то отрезке", то для усомнившегося распадется и весь "сложный рисунок". Ибо в нем любая часть есть целое, тождественна Всему. Ему, Олеше, раньше очень нравилась музыка Шостаковича. Но теперь, после партийной оценки, эта музыка ему уже не может больше нравиться, потому что это означало бы не просто несогласие с частным выступлением "Правды" по поводу некоей оперы, но несогласие с генеральной линией партии, в которой нет и не может быть частностей. Всякая частность есть знак и принадлежность генеральной линии. "И поэтому я соглашаюсь и говорю, что и на этом отрезке искусства партия, как и во всем, права".

Очень справедливое рассуждение. Если у "рисунка" жизни общества нет никаких частей, которые "самостоятельно росли бы и двигались", частей особых, непохожих друг на друга и автономных; если любая часть общества есть лишь все то же целое, воспроизведение и отражение все того же партийного начала, той же единой линии и единственной социальной воли, то — "партия всегда права". Но зато и ... нет партии, вот в чем штука. Если партия — Целое, если она — Все, то ее нет как *специфической* институции. У нее нет своего лица и функций, поскольку они суть Общее лицо и Тотальная функция.

Тогда, разумеется, никто, кроме партии, не может заботиться о пользе народа, и ее "неусыпная мысль" — единственно возможная мысль. Ни у кого больше никаких *своих* мыслей быть не может, и никто не в состоянии понимать об общественной пользе иначе, как со слов партии. Однако в этом случае и партийная мысль теряет признаки мысли. Нет и не может быть никакой мысли там, где рядом нет иных мыслей. "Инако-

мыслие” — синоним мышления и культуры как таковых, а не дополнительное и случайное их определение. Это как в анекдоте о том, что такому-то незачем дарить ко дню рождения книгу, потому что “у него уже есть книга” ... незатейливый юмор основан на том, что быть читателем одной книги — значит вообще не быть читателем. Совершенно так же: иметь одну мысль и при ней оставаться — значит вовсе не думать.

Партия никем и ничем у нас, увы, не руководит потому, что в нашем обществе нет в основном ничего такого, чем можно было бы руководить, поскольку нет ничего такого, чем нельзя было бы попросту командовать. Ни на уровне района или города, ни на высшем центральном уровне нет такого учреждения и организации, включая суд и прокуратуру, государственные органы власти или торговлю, завод или колхоз, “творческий союз” или исследовательскую лабораторию, цирк или больницу, ДОСААФ или газету, — нет почти ничего, что не подчинялось бы прямым распоряжениям партийного аппарата, и притом безо всякой волокиты и процедурных сложностей. Довольно бывает разговора в кабинете или телефонного звонка. “По щучьему веленью...”

Такая всеохватная и сказочно легкая возможность приказывать (пусть иногда в условной вежливой форме “советов” и “пожеланий”, равносильных приказу) несомнестима с возможностью влиять и руководить. Мы ведь не скажем о человеке, который включает или выключает телевизор, что он *руководит* телевизором. И мы не скажем, услышав строевую команду, что она *повлияла* на подразделение, тут же совершившее поворот кругом, или перешедшее на бег, или принявшее положение “Направо равняйся”. В этом смысле КПСС не пользуется — не привыкла пользоваться — каким-либо влиянием на общество.

Может ли партия, например, повлиять на выборы в Советы? Нет, никак не может, потому что те, кому надлежит заседать в Советах, в том числе в Верховном Совете СССР, назначаются до выборов, а население привычно и равнодушно проголосует на 99 и сколько-то десятых процента. На всех уровнях в Советы назначаются прежде всего те, кто занимает известные партийные, государственные, военные, экономические посты и кто должен быть депутатом *по должности* (потеряв должность или, скажем, уйдя на пенсию, он теряет одновременно и право значиться депутатом). А кроме того, в Советы отбираются (назначаются) в некотором установленном процентном отношении “представители” рабочих, колхозников, молодежи, женщин и т.д. Хотя, казалось бы, демократический принцип разделения исполнительной и законодательной власти, напротив, требовал бы, чтобы люди, занимающие известные административные посты, тем самым автоматически были бы лишены права заседать в Советах. Добавим к этому, что Верховный Совет (и все остальные точно так же) собирается на двухдневные сессии дважды в году, вместо того чтобы работать весь год, за исключением каникулярных перерывов. И что даже Верховный Совет незнаком с процедурой тайного голосования. Многие сотни депутатов — в двух палатах Верховного Совета их около полутора тысяч — голосуют, поднимая руки, за чем, кстати, председательствующий и не в состоянии уследить, приговаривая только “Принято единогласно”. А ведь следовало бы обзавестись и советскому парламенту компьютерной системой со скрытыми кнопками перед каждым депутатом и дисплеем, по которому вся страна могла бы следить за результатами тайного голосования. Словом, партии поэтому нет нужды

использовать свое влияние на депутатов, убеждать их, обосновывать правоту своих политических решений, возражать на возражения, незачем *руководить* деятельностью Советов. Поэтому Верховный Совет в глазах всего населения, как и в глазах партии, не политическая сила, не реальный институт, а декоративный. Разнообразия и борьбы мнений (реального столкновения, а не имитации разных мнений, то есть такой борьбы, которая означала бы *непредрежденность исхода голосования*) нельзя себе и помыслить. Значит, и понятие партийного руководства при таком положении вещей теряет политическую реальность. Партии не нужно ни как-то напрягаться, ни бороться, чтобы провести свою линию. Партии достаточно лишь сообщить депутатам, за что именно предстоит им голосовать.

Совершенно так же КПСС лишена малейшей возможности влиять на профсоюзы, на комсомол и пр. и не в состоянии руководить ими. По известному замечанию товарища Сталина — это “приводные ремни партии”. К сожалению, *отчасти* это действительно так: это давным давно не только бесполезные, но и крайне вредные для партийного *руководства* страной бюрократические аппараты, суть третьестепенные, подчиненные и избыточные ответвления того же партийного аппарата. Конечно, комсомол в минимальной, а профсоюзы в значительной степени выполняют некие технические распорядительные обязанности. Но никакой собственной и автономной социальной роли у них нет и в помине. Если, например, в Польше даже официально признанные партией профсоюзы могут при случае не согласиться с партийным решением о повышении цен и т.п., т.е. хотя бы в скромной мере выражают интересы некоторых слоев населения, то у нас нет и этого. И поскольку ни профсоюзы, ни молодежные, ни женские или иные организации, имеющие формальный статус “общественных”, на деле ничьих специфических особенностей и интересов не улавливают, не отражают, не защищают, то и партия лишена возможности вступать через эти институты в живые и подлинные контакты с разными слоями населения, ощущать социальную реальность, реагировать на нее, вступать в диалог с обществом и влиять на него. Иначе говоря: поскольку это именно “ремни партии”, они не могут быть “приводными”. Они не обеспечивают интересов своих членов, но как раз поэтому они бессмысленны и с точки зрения интересов КПСС: их нельзя использовать в качестве инструментов *обратной связи* между партией и народом. Напротив, это средостения, отсекающие возможность партийного руководства и его дополнительно омертвляющие и компрометирующие¹.

¹ Любопытно, что для адекватных, *общественных* объединений мы теперь употребляем понятие “неформальные”. Наряду с “неформалами” у нас есть государственные, по сути, организации под видом “общественных”. И вот, чтобы отличить не огосударствленные, внепартийные группы от квазиобщественных, распространилось это словечко “неформалы”, очень характерное и точное именно в силу своей расплывчатости и нелепости. Ибо что произойдет, если какие-то “неформалы” захотят зарегистрироваться и стать субъектами права, иметь возможность владеть каким-то имуществом, арендовать помещения, открыть свой банковский счет и т.п.? Значит ли это, что “неформалы” перестанут тут же быть таковыми? То есть окажутся встроены в бюрократическую систему? Но почему бы им не быть официально, юридически конституированными и вместе с тем действительно независимыми, действительно внесударственными и внепартийными, действительно (не формально!) общественными организациями? И тогда прозвание “неформалы” осталось бы только за компаниями, сборищами и т.п. без четких целей и границ

Положение еще больше осложняется тем, что механизма обратной связи нет и *внутри* самой партии. Нет *демократического* централизма. Нет внутрипартийных дискуссий. Нет способов давления миллионов рядовых членов партии на ее безмерно разросшийся и строго иерархизированный аппарат, подчиняющий себе и подменяющий партийные комитеты, как и все остальное. Когда у нас говорят "товарищ из ЦК" или "в обкоме есть мнение", это ведь вовсе не означает, будто товарищ входит в состав ЦК или что мнение есть у большинства членов областного комитета — все понимают, что речь идет о сотруднике аппарата и о мнении кого-то из аппаратчиков. Верхушка же аппарата, действительно входящая в соответствующего уровня комитеты, обладает в них — в отличие от остальных членов — подлинной, высшей и последней властью. Аппаратчики также назначаются, а не избираются; причем попытки при Хрущеве обеспечить хотя бы формальное регулярное обновление состава комитетов и ограничить сроки пребывания на партийных постах, как известно, провалились.

Итак, возможность политического руководства со стороны КПСС становится тем более призрачной, если учесть пассивность и безропотность подавляющего большинства ее членов и подмену партии партаппаратом. Тут дело отнюдь не в качествах чье-то характера, как это было во времена, когда Ленин отметил личную склонность Сталина, Троцкого или Пятакова подменять политику администрированием. Современный партийный руководитель местного или всесоюзного масштаба, совершенно независимо от своей доброй или недоброй воли, не в состоянии не администрировать. Любое его мнение или настроение уже есть команда — по всему устройству нашей системы. И допустим, даже от души желая, чтобы аппаратчики не командовали, а партийцы и граждане вели бы себя независимо, демократично, свободно, он в силах лишь скомандовать быть демократичными и свободными. И все будут послушно критиковать начальство, и все тут же нарочно откажутся от приказного стиля — по приказу об отказе от приказного стиля...

С конца 20-х годов то самое, о чем у Ленина можно прочесть столько тревожных, гневных слов, стало социальной структурой и нормой.

Между прочим, в "Письме к съезду" Ленин, говоря об опасности раскола партии, имел в виду *две* опасности раскола. Одна из них — в связи с борьбой за власть и личными качествами Сталина и Троцкого — представлялась угрозой "на ближайшее время", из-за которой "раскол может наступить неожиданно". Гарантией здесь, с точки зрения Ленина, могли послужить организационные меры, которые он и предлагал. Другая опасность была несравненно более глубокого порядка: "Наша партия опирается на два класса, и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры... бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными преду-

(скажем, молодых людей, склонных к одинаковому времяпрепровождению, которым незачем принимать какие-то уставы и как бы то ни было кристаллизироваться, теряя тем самым свою специфику и привлекательность). А пока что "неформалы" у нас — это и компании рокеров или "металлистов", и подпольная структура антисемитской "Памяти", и политический клуб "Гласность", и, допустим, московское Лингвистическое общество, включающее ученых с мировыми именами, которому, вопреки конституционным нормам, отказано почему-то в регистрации.

предить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить¹. Действительно, далее Ленин говорит не о нем, а о *другом* и вполне возможном вскоре расколе. Но все же в его письме именно процитированные строки наиболее существенны.

Цитируя теперь этот документ чуть ли не ежедневно, мы о них как-то забываем. Ленин не мог предусмотреть, что личная грызня и один раскол, происшедший в 1927 г., подготовят почву и для того, другого, самого страшного и неотвратимого раскола, который оформится, что ни говори, двумя годами позднее, когда "соглашение между двумя классами" было трагически попорно. Следствием было, не могло не быть, то, что не только принудительно коллективизированное крестьянство, но и рабочий класс перестали быть опорой партии, с которой она всерьез и органически считалась бы. Из двух расколов партия вышла переродившейся во всех отношениях, и в первую очередь в глубочайшем отношении своей структуры и функций.

Предсказанное Лениным ее "падение" приняло форму ее, так сказать, возвышения. При Сталине это уже больше не *партия у власти*. Но — *власть у партии*. Партия стала Всем "сложным рисунком" — и утратила возможность руководства. Превратилась в ничем не руководящую, а только направляющую силу: в качестве Аппарата *над* государством и *над* государственной бюрократией.

Поначалу — в условиях индустриально-развивающегося общества — такого рода сверхцентрализация дала впечатляющий эффект усиления военных и распорядительных сил государства (за счет жизненного уровня населения). Когда же этот экстенсивный эффект был исчерпан, уже в послевоенные годы, особенно в принципиально новых постиндустриальных условиях современного мира, отсутствие партийного руководства давало о себе знать все болезненней. Бесконтрольная власть аппарата над партией и обществом характеризовалась отсутствием *реальных* "приводных ремней" и какой бы то ни было повседневной и очевидной необходимости считаться и беречь обратную связь, как это могло бы быть, если бы партии доводилось впрямь руководить, прежде всего экономически самостоятельными госпредприятиями и гострестами, кооперативами всех видов и форм, а также подлинными профессиональными, молодежными, экологическими, культурными и прочими институтами, не огосударствленными университетами и студенческими союзами, независимой прессой и т. д. и т. п. — словом, всеми "самостоятельно растущими и движущимися линиями" полнокровного и артикулированного социалистического общества.

Такая задача истинного влияния и руководства была бы, разумеется, крайне сложной, постоянно обновляющейся. Она была по плечу только активным комитетам массовой и демократически организованной КПСС, которые играли бы роль энергетического аккумулятора идей и намерений — при крайне немногочисленном, не имеющем никаких привилегий, сугубо *внутрипартийном* аппарате, лишенном универсальных распорядительных прав и обязанностей. Тогда КПСС превратилась бы в руководящее звено политического баланса классовых и групповых интересов, заботясь об их интегрировании.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 344, 345.

Но есть ли у нас классы? В определенном смысле — нет. Мы давно живем в бесклассовом обществе. Поскольку крестьяне стали государственными служащими при тракторах, комбайнах, фермах и огородах, рабочие — служащими при станках и пр., инженеры — служащими при кульманах и конторах, ученые — служащими при институтах, продавцы — при магазинах, музыканты — при филармониях, учителя — при школах, чиновники — при "инстанциях", поэты или живописцы — при "творческих союзах" и т.д. и т.п., — постольку характер и интересы тех или иных слоев и групп советского населения различаются, преимущественно конкретными способами присвоения (денег, льгот, прав, явных и тайных привилегий) у Государства и его казны. Производственные отношения все свелись на прямые или косвенные формы государственного найма. И — распределения, только распределения! А что до отношений труда и собственности, то все более или менее едино, все опосредовано аппаратом власти. Все сосут одно, государственное вымя, хотя и на разные манеры. Что же касается частной инициативы, включая и воровство, жульничество, взяточничество, рвачество, а также вполне честное трудовое отходничество, шабашничество, любые приработки на стороне, то это — аура "второй", "теневой" экономики, по своему происхождению и механизмам целиком именно теневой, вторичной, производной от официальной, нивелирующей, бесклассовой экономики.

И вот все это, вместе с отсутствием правового общества, независимых суда и печати, вместе с невозможностью влиять на политику через выборы, через общественные организации и пр., — все это самым фатальным образом сказалось на жизнеспособности КПСС именно в качестве партии, призванной эффективно руководить советскими народами.

Мы привычно повторяем по всякому поводу, что "Партия борется за...". А с кем, позвольте спросить, она борется? С пустотой. С собой же разве что. Больше ей не с кем "бороться", напрягать волю и ум. Так толстяк борется с собою — со своими неразумными привычками и желаниями — и садится на диету, и начинает бегать трусцой. Политическая воля неизбежно атрофируется, как атрофируются мышцы при передаче и гиподинамии.

Главных проблем сейчас у КПСС две. Во-первых, она не может обеспечить принятие решений, которые проистекали бы из демократического, коллективного обсуждения и желания ее членов, шли бы снизу, из ее собственных рядов, то есть были бы действительно решениями всей партии, а не аппаратной верхушки. Такого механизма нет. Во-вторых, если, несмотря на заложенный в самой негласной системе принятия решений волюнтаризм, тем не менее решения оказываются своевременными и мудрыми, идущими навстречу реальности (скажем, многократные и мудрые решения дать колхозам быть и впрямь коллективными хозяйствами, то есть самоуправляться, ни от кого не зависеть в любых своих хозяйственных действиях, в выборах председателя и пр.), то в этом случае партия не в состоянии обеспечить выполнение своих решений. Я бы сказал даже, что ни одно принципиальное партийное решение, ни одно серьезное постановление за двадцать лет не было выполнено — никакая производственная программа, никакая другая программа. Вот что плохо в существующей системе и вот что больше продолжаться не может.

Если мы все, жители Советского Союза, — это футбольная команда, а КПСС наш тренер, то дело обстоит примерно так же, как если бы тре-

нер, не слушая игроков, не считаясь с их индивидуальными интересами, способностями и особенностями и с тем, что играть на поле выходит все же команда, а не тренер, пытался бы не ограничиться тренировочной работой и общими установками на игру, но сам во время матча выбегал бы на поле и старательно мотался бы одновременно рядом с каждым из игроков, непрерывно распоряжаясь, с какой ноги и куда отдать ему пас, и указывая, кто из футболистов, с какого места, на какой минуте и в какой угол ворот должен забить гол...

Больше так продолжаться не может. Надо надеяться лишь на одно: что в КПСС, в ее аппарате, найдется достаточно людей, которые коллективные, государственные, политические интересы партии поставили бы выше своих частных интересов и привычек, которые, перефразируя Станиславского, были бы способны доказать, что дорожат не собою в партии, а партией в себе.

Речь идет не о чем ином, как об *интересах партии* — если смотреть всерьез и далеко вперед (а может быть, и не так уж далеко). Пусть партия во имя своего будущего и будущего нашего народа перестанет отождествлять себя с государством, командовать экономикой и всем остальным тоже. Пусть партия начнет наконец-то руководить обществом, а не распоряжаться им. Пусть КПСС — ибо только она одна может это совершить, только ее правящие слои, ибо перестройка — детище известной части этих слоев, исходит сверху, — пусть КПСС употребит свою власть на то, чтобы установить такой порядок, при котором эта власть перестанет быть неограниченной и всепроникающей. Перестанет быть, если угодно, властью (которая должна принадлежать демократически избранным Советам), но станет подлинным политическим влиянием и руководством. Пусть партия вырабатывает политический курс в диалоге с иными, *не подчиненными* партии, а *сотрудничающими* с нею общественными институтами. Пусть партия основывает свое могущество исключительно на моральном авторитете и идейном влиянии своих членов и добивается одобрения своего курса всем обществом и, кстади говоря, не всегда и не обязательно "побеждает": то есть не обязательно побеждает общество... но обязательно старается убедить, пуще зеницы ока оберегая обратную связь с артикулированными и автономными частями общества.

Пусть и кадровая политика станет именно политикой, а не системой назначений и команд. Пусть кадры избираются и выдвигаются снизу, только по профессиональным, деловым и моральным критериям, дело же партии — влиять на эти кадры в качестве политического интегратора. И опять-таки, не обязательно "побеждая" при решении кадровых коллизий. Побеждать должен принцип гибкого руководства и *сотрудничества* партии *как таковой*, как особой руководящей силы, со всеми другими особыми частями общественного организма как таковыми. Речь идет об *обществе сотрудничества* на почве социалистической идеи и цели, на почве социалистической демократии, при возможном и естественном различии в понимании общей идеи и цели, путей к ней.

Кто-то может спросить по неразумию: а зачем вообще руководство партии? Но любое общество нуждается в руководстве. В любой демократической стране, также и при многопартийной системе, есть та партия, которая сумела стать наиболее авторитетной для избирателей, потому она и руководит, стоит у власти в данный момент. Чтобы и впредь руко-

водить обществом, отнюдь не узурпируя это право, не превращая его в вечную конституционную норму, оставляя в каждый исторический момент свою руководящую роль на усмотрение народа и его свободно избранных представителей, — любая политическая партия должна, разумеется, и впредь оставаться авторитетной в глазах народа. Таково единственное условие, *выявляемое на выборах*. Оно тем более отвечает принципам, провозглашенным коммунистами. В необычных условиях однопартийной системы тем безупречней, тем строже, тем ответственней в политико-правовом отношении должны соблюдаться эти принципы.

Иной опасливо скажет (про себя, конечно): а захочет ли население подчиняться авторитету, не подкрепленному властью и принуждением? В таких опасениях не очень-то много доверия и уважения к партии. Они циничны и ужасны, эти невысказанные опасения. Нет худших противников КПСС, чем люди в ее собственных рядах, которые от души полагают, основываясь, впрочем, на трезвой оценке своих духовных и интеллектуальных возможностей: убедительность силы не заменить силой убедительности. Тем более что убедительными пришлось бы быть все сызнова и сызнова, в каждом вопросе и при каждом повороте событий, *прежний* авторитет в политике мало что значит. А это безмерная трудность. Однако нет иного способа осуществить демократическую подотчетность, зависимость партии от народа. Нет иного способа быть коммунистами и служить народу, а не только возглашать это.

Кстати говоря, однопартийная система вовсе не означает, будто это есть вместе с тем непременно система одного профсоюзного объединения, одного молодежного союза, одного союза писателей или композиторов, одной (государственной) академии и т.п., вообще — система бюрократического монизма. Реальный выход и спасение для нашей страны — только в социалистической открытости и плюрализме при действительно специфической роли КПСС.

Мне могут сказать: "несбыточно". Мне могут возразить: "Что за пустая утопия. Не согласятся консервативные аппаратчики". Я отвечу: а перестройка, что же, на пустом месте, ни с того, ни с сего вдруг заявила о себе? Или она — знак давления исторической необходимости, осознания этой необходимости? Я скажу: рано или поздно даже наиболее эгоистичные, радеющие не о партии, а о себе аппаратчики согласятся. Ведь и личные их судьбы, и интересы тоже в конечном счете зависят от судьбы партии. Или — "после нас хоть потоп"? Однако потоп может случиться *не* после нас, неужто неясно? Согласятся. По вертушке историей и обществом, современной экономикой управлять и далее — не удастся. Сейчас не согласятся принести своего рода жертвы ради КПСС — со временем согласятся. Не было бы только поздно. Уже давно от партийного аппарата все зависит и все он решает — и в итоге ничего не зависит и ничего не решается. Проверено долгой исторической практикой. Поэтому власть партии должна смениться партией у власти.

Мне могут сказать с совсем другой стороны: "А?! Вы все-таки за сохранение — пусть и демократизированной, радикально преобразованной — однопартийной системы?" Я отвечу: да. Я скажу: дело ведь не в том, чего хотят мои возможные оппоненты справа или слева, дело не в том, чего я хочу или еще кто-то хочет, будь то в Политбюро, в райкоме КПСС, на кухне у интеллигента, где за полночь засиделись гости, или в рабочей и крестьянской семье, или в диссидентском кружке, или в сена-

те США. Желания, естественно, бывают разные. Аргументы очень или не очень связные. Но дело в том, что наша великая страна — именно такая, какой она исторически стала и является. Вместе с тем перестройка означает, что никто, начиная с руководства КПСС, такой, как сейчас, видеть ее больше не хочет. Она больше просто не в состоянии оставаться прежней. Это вопрос выживания. Но и стать капиталистической, подобной, допустим, США или Японии, она тоже не может, не хочет, не собирается.

Так вот: пусть люди, которым впрямь дорога КПСС, и ее противники согласятся в двух пунктах. Что страна должна глубоко измениться. И что это изменение стопроцентно нереально иначе как на основе рыночного социализма и под руководством КПСС. Изменение *от существующего*, изменение *этой* (а не воображаемой) системы, означающее *ее* (а не чью-либо) перестройку, привело бы к появлению неформального авторитета и укреплению (появлению!) руководящей роли КПСС.

Но для этого, конечно, самой партии необходимо радикально обновиться. Это трудный и мучительно, но исторически неотвратимый путь ее разрыва с полувековым прошлым.

6. Назад пути нет

Идти курсом перестройки — значит для интеллигента, рабочего, крестьянина бороться за *перманентную перестройку перестройки*. В этой точке совпадают *ближайшие* задачи и *самые глубокие* исторические цели: прийти к открытому социалистическому обществу, обладающему огромным запасом гибкости и динамизма, способному к непрерывной и естественной переналадке, самоформированию, самопреобразованию. А это — уже сегодня, немедленно — означает безостановочное развитие концепции перестройки, ее деловых структур и методов, раздвижение ее социально-исторических пределов.

Поэтому странно было бы вдруг услышать: вот теперь мы все продумали и знаем, что делать, осталось лишь это выполнять (хрущевское: “Цели определены, задачи ясны, за работу, товарищи!”). Конечно, за работу! — но и работа критического и конструктивного ума не прекращается. Это не последний вид работы. И цели углубляются, и задачи, ясные нынче, завтра могут оказаться не такими уж ясными, смениться иными задачами. Следовательно, полемика вокруг перемен будет и *должна* длиться ровно столько, сколько будут длиться сами перемены. В обществе, полном жизни, они происходят всегда, и надо надеяться, у нас они теперь будут происходить всегда.

По мере втягивания в перестройку новых, массовых сил она наполнится новым содержанием. Новые силы придут в политику с новыми позициями, новыми идеями. Между прочим, некоторые из них не вызовут у нас никакого восторга. Достаточно вспомнить о черносотенных лозунгах “Памяти”, где мы столкнулись с привнесением в перестройку чего-то незапланированного, чуждого и даже страшного. Но — как иначе? Даже самая начальная степень открытости общества неминуемо стократно активизирует, выводит на поверхность *всякие* интересы и тенденции. Если бы таковые были только отрадными, мы давно жили бы в буколической Аркадии... и не было бы нужды в перестройке. Мы с ужасом под-

час узнаем из газет о том и сем, но ведь все это было и раньше, и мы это видели, что же *тогда* не ужасались? *Тогда* не жаловались на газеты? Меня не пугает, что гной выходит наружу. Обывательскому озлоблению, как и чиновной татарщине, должен быть противопоставлен столь же открытый и не огосударственный отпор организованной общественности. Этим путем надо идти вперед.

Надо внести в перестройку всю разногласицу идей, взглядов, настроений народа, их неурезанный диалог, их откровенную борьбу. Такая борьба уже закипела. Но, что там ни говори, главная проблема — не "инерция внутри нас", не то, что перестройку "каждый должен начинать с себя". В этих клише заключены, конечно, верные психологические наблюдения, но мы не такие дурачки, чтобы подменить политику психологией и надеяться самовоспитанием выиграть борьбу с мощной бюрократической машиной. Никаких форм перестройки, кроме аппаратных, в общем, пока нет. Но Аппарат не может сам же понизить, так сказать, уровень аппаратности нашего существования — как Мюнхгаузен не мог приподнять себя за волосы.

Важней всего позаботиться о демократически-правовых способах и процедурах разрешения нарастающих социальных конфликтов — борьбы мнений, целей, интересов разных слоев и групп нашего, к счастью, не "монолитного", то есть не воображаемого, а действительного и живого общества. Опасней всего то, что подобные способы и процедуры пока не выработаны. Отсюда общий оправданный страх, что все могут прикрыть в одну ночь. Да и соблазн такой у некоторых налицо.

Нас, несомненно, ожидают непредсказуемые повороты, трудности, поражения, прорывы, события поразительной драматической напряженности и накала. По-моему, эти уже начавшиеся, то внезапно и сильно ободряющие, то страшно разочаровывающие события, если мыслить масштабами предстоящей эпохи (а не, как это бывает в наших разговорах и настроениях, масштабами недели или в лучшем случае весны или осени), не дают оснований ни для эйфории, ни для мрачного неверия. Запасемся выдержкой до конца своих дней.

А если все же назад? Может ли обернуться все скверно? Будем трезвыми: пока еще может. Но в таком случае наша страна перестанет быть великой мировой державой. Так же, как по детской смертности мы выпали на 52-е место в мире, так и по всем остальным параметрам в наступающую эпоху персональных компьютеров и сверхпроводимости при нормальных температурах мы станем безнадежно отсталой страной!

Без углубления нового курса *мы все, включая и правящие слои*, потерпим историческое поражение, бескровней, "тише", но непоправимей, в этом плане еще похуже того, которое нанесла социалистическому проекту и советскому обществу сталинщина.

Без перестройки мы навсегда потеряем статус развитой мировой державы даже и в военном, и в дипломатическом, и в экономическом, и в культурном отношении, потеряем также и там, где еще осталось что терять. А поскольку мы невообразимо большая страна и мы все равно будем в нарастающей степени встроенными в современный мир, который дожидаться нас не станет, — это грозит катастрофическими потрясениями: и нам, и всему человечеству.

Я думаю, что перестройка — в подлинном, структурном значении —

еще не началась. Все дрогнуло, зашевелилось, но мало что сдвинулось с места. Мы переживаем сейчас паузу между необходимым вступлением к перестройке, смятием умов, пробуждением страны-великана — и глубинными переменами. *Без* таких перемен ни одной из наших больших проблем решить не удастся, а у нас тысяча проблем, и никуда от них не деться.

Это поняли люди, стоящие у государственного руля.

Пусть навстречу верхушечным инициативам год за годом заволнуется, всплещет, разгуляется океан народных инициатив. И — от России сталинской к России гуманной и демократической!

Мы находимся в самом начале долгой, мучительной и захватывающе интересной эпохи. Судите сами, достоверно ли и оптимистично ли это предположение.

РЕВАНШ БЮРОКРАТИИ

В июле 1979 года вышло постановление со столь длинным и вычурным названием, что выговорить его одним духом, пожалуй что, и нельзя. В деловом мире краткости ради документ именовали 695-м постановлением, а иной раз и 695-м механизмом, поскольку директива обрисовывала хозяйственный механизм, который предстояло ввести в практику управления¹. Документ этот мог появиться только в атмосфере, насыщенной густыми застойными миазмами. То была, если говорить совсем уж в двух словах, контрреформа в пику остаткам экономических реформ, начатых в 1965 г. и вскоре успешно проваленных.

Конечно, легко быть умным задним числом, однако тогда еще думающие экономисты (думающие о судьбах страны, а не только о собственной карьере) мгновенно поняли, что ничего хорошего сей механизм не сулит. Ваш покорный слуга сделал тогда же для личного потребления анализ этого бюрократического опуса — получилась рукопись в сотню страниц на машинке. Я беспечно давал ее читать друзьям — кончилось тем, что она попала в "самиздат" и продавалась на черном книжном рынке. Санкций, впрочем, не последовало, однако о том, чтобы открыто опубликовать записку, нечего было и думать. Тем часом печать напропалую перевозносила 695-е постановление, отыскивая в нем все новые красоты и умопомрачительные глубины мысли. Я служил тогда экономическим обозревателем в большой центральной газете и мог лишь одно — не писать панегириков мертворожденному дитяте административной системы. Такая позиция сколько-то тешила самолюбие, но практически не оказывала никакого воздействия.

Без малого четыре года продолжались заведомо обреченные попытки подогнуть хозяйство под унылую управленческую схему, и если мы сегодня говорим, что времени на раскачку с перестройкой у нас нет, что его запас исчерпан, беспутно промотан в прошлом, то по справедливости и эти четыре потерянных года надо отнести к безвозвратно ушедшему прошлому. Где бы мы уже были сегодня, начнись перемены в ту пору... После смерти Брежнева 695-й механизм тихо скончался сам по себе, и

¹ Речь идет о Постановлении ЦК КПСС от 12 июля 1979 г. "О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов". — Совершенствование хозяйственного механизма. Сборник документов. М., Изд-во "Правда", 1982.

теперь только авторы его по привычке продолжают нахваливать показатель нормативной чистой продукции и еще кое-какие частности из того, отмененного жизнью постановления.

Этот эпизод из недавней истории наглядно показывает связь... нет, даже не связь, а нерасторжимое единство двух сторон перестройки — гласности и глубоких экономических реформ. Единство хотя бы уже потому, что выработать нужный хозяйственный механизм возможно лишь в обстановке свободного обсуждения его смысла и особенностей. А дальше опять нужна свобода, чтобы прилюдно сверять с жизнью каждый шаг — туда ли идем, то ли делаем, не пора ли внести поправки в курс.

События развиваются стремительно, и, полагаю, пришло время обсудить эти вопросы. Перестройка оказалась сложнее, чем предполагалось. Первоначально ее рассматривали как первый этап ускорения: мол, проведем экономические реформы, изменим способы управления хозяйством, а следом начнется собственно ускорение, т.е. более быстрое развитие экономики.

Можно, пожалуй, сказать, что в основу этой концепции лег несложный расчет, опубликованный академиком А. Г. Аганбегяном¹ и сразу ставший знаменитым. Вот он в теперешних цифрах. За год мы используем примерно 600 млрд. руб. национального дохода. Три четверти этой суммы идет на потребление (проще сказать, на прожитые), четверть — в накопление. При росте дохода на 1% в год прибавка составит 6 млрд. руб. Стало быть, фонд потребления возрастет на 4,5 млрд. руб. В этом случае потребление благ в расчете на душу населения останется, однако, на прежнем уровне — ведь и население прибавляется. Чтобы жить богаче, надо получать более значительные прибавки. Далее, второй и третий проценты прироста дохода, скорее всего, уйдут на то, чтобы заткнуть дыры, которых в большом хозяйстве предостаточно — желательно, например, поднять минимальные пенсии. Для ощутимого повышения жизненного уровня общий доход страны надо увеличивать на 4%, а еще лучше на 5% ежегодно.

Это рассуждение потом многократно повторяли экономисты и политики. На меня лично простые выкладки академика произвели ошеломляющее впечатление. Ведь что выходит? Сейчас годовой прирост дохода — около 3%, в удачные годы — до 4%. Допустим, в результате перестройки мы "вырвем" в будущем пятый процент. К тому времени он будет повесомее, но все равно, как показывают несложные расчеты, денежная прибавка составит около полутора рублей в месяц на человека с самостоятельным доходом. В последнее время среднемесячная зарплата рабочих и служащих увеличивается примерно на пять рублей ежегодно, а в условиях состоявшегося ускорения ее можно будет поднимать на шесть рублей с полтиной. Нелучезарно, не правда ли? Вряд ли люди станут выкладываться на работе ради такой цели.

Здравый смысл подсказывает: что-то тут не так. Как ни считай — хоть общепринятыми способами, хоть по более осторожным методикам, — трудами поколений у нас создана могучая экономика, вторая, ну пусть третья по мощи в мире. Но получается, даже в будущем, при боль-

¹ См. А. Г. Аганбегян. Научно-технический прогресс и ускорение социально-экономического развития страны. М., 1985.

ших скоростях развития она не способна обеспечить заметное повышение жизненного уровня народа. Да быть того не может!

Поставим для начала простой вопрос: действительно ли ускорение развития — единственный источник роста благосостояния? Можно ведь действовать и иначе: побольше "проедать" из произведенного дохода и поменьше пускать в накопление. На первый взгляд, резервы тут велики. Четверть национального дохода в накопление — по меркам развитых стран это многовато, но доля все же не чудовищная. Однако откуда взялась эта цифра? Фонд потребления и фонд накопления наша милая статистика измеряет разными рублями — в одном случае стоимость товаров исчислена в розничных ценах, в другом — в оптовых. Это все равно, что пользоваться резиновой рулеткой. Разница между теми и другими ценами падает в основном на так называемый налог с оборота. А он составил в 1985 г. 97,7 млрд. руб., в 1986-м — 91,5 млрд. руб. Исключив эти суммы из расчетов, мы убедимся: при измерении в оптовых ценах доля фонда потребления в использованном национальном доходе равна 68—69%.

Дальше выясняется, что и оптовые рубли не одинаковы. В 1986 г. с каждого рубля производственных фондов работники легкой промышленности "сняли" 23,5 коп. прибыли, а, к примеру, электроэнергетики — лишь 6,6 коп. Никогда не поверю, будто при круглосуточной эксплуатации электростанций их персонал (люди высокой квалификации) работает чуть ли не в четыре раза менее эффективно, нежели швейники или обувщики. Рентабельность всей тяжелой промышленности вдвое ниже, чем легкой. Объяснение может быть только одно: оптовые цены на продукцию легкой индустрии завышены относительно цен на изделия тяжелой промышленности.

Полезно далее приглядеться, какие товары, поставляемые тяжелой индустрией, особенно прибыльны. Вот лесная отрасль. Считается, что лесоруб работает семь часов в день (там шестидневная рабочая неделя). Но если учесть время на дорогу до делянки и обратно (а это зачастую сотни километров), фактически человек занят десять, а то и двенадцать часов в сутки. Трудится он в нелегких условиях: зимой мороз, осенью и весной грязь до пупка. Лесоруб имеет дело с великолепным естественным полимером — деревом, припасенным самой природой. Казалось бы, при такой раскладке лесозаготовки должны быть очень прибыльными. А на деле они сплошь и рядом малорентабельны и даже убыточны. Но, представим, лесоруб перешел на мебельную фабрику, где и условия труда намного привлекательнее — его труд сразу станет приносить большую прибыль.

Отчего так? Да все очень просто: на древесину установлены низкие оптовые цены, на мебель, напротив того, высокие. Но древесина — это продукция производственного назначения, мебель же — предмет потребления. Сходным образом расслоены цены и во многих других отраслях тяжелой индустрии. А это означает, что в официальных расчетах завышена доля фонда потребления, исчисленного не только в розничных, но и в оптовых ценах.

Есть и другие искажения в цифрах. Если измерить обе части использованного национального дохода в ценах одного уровня (а как же иначе?), то фонд накопления поглотит отнюдь не четверть, а гораздо большую долю дохода. Именно в сдвиге в сторону потребления, а не обяза-

тельно во вздувании темпов роста таятся главные резервы повышения жизненного уровня.

Между тем, официальная наука настраивает умы на темпы. Ускорение понимается как взвинчивание скоростей развития экономики: мол, в период застоя приросты дохода упали ниже трех процентов в год, этого мало, кровь из носу, а давай больше — тогда и жить станем богаче. Станем ли? С чего это ученые взяли, будто достаточно поднять доход на лишний процент, как в общем нашем кармане появятся дополнительные миллиарды на личное потребление? Дело обстоит не так, что мы сочли доход за год, а потом разложили на две кучки — это проедем, а это пустим на строительство предприятий, жилья, дворцов, словом, в накопление. В жизни национальный доход каждую минуту создается и каждую минуту расходуется. Деньги есть лишь символическое отображение натуральных благ, и если за стоимостными прибавками стоят станки, комбайны, ракеты, то их не пустишь ведь в личное потребление. Большая неправда абстрактного научного расчета состоит в том, что в нем проигнорировано вещественное, натуральное наполнение вновь созданной стоимости.

Нельзя этого делать. В течение многих десятилетий неуклонно снижается доля предметов потребления в общем выпуске продукции. Ограничим наши расчеты промышленностью. В 1928 г. 60,5% всей продукции составляли предметы потребления (группа Б). В 1940 г. эта доля упала до 39%. Ладно, то был предгрозовой год, тут не до жиру, быть бы живу. Но как объяснить дальнейшее развитие событий: к 1980 г. удельный вес группы Б понизился до 26,2%? В 1981—1985 гг. промышленное производство прирастало в среднем за год на 3,7%. Эта цифра складывалась из 3,6% прироста в группе А и 3,9% — в группе Б. В 1986 г. общий темп поднялся до 4,9%, в том числе прирост в группе А — 5,3%, в группе Б — 3,9%. Как видим, все ускорение достигнуто за счет производства средств производства, в производстве же предметов потребления темп нисколько не возрос. А сравнительно с ближайшими предшествующими годами он даже упал: в 1983—1985 гг. прибавки в группе Б составляли 4,3 — 4,1% ежегодно против 3,9% в 1986 г.

В итоге произошло дальнейшее сокращение доли группы Б в общем объеме производства — с 26,2% в 1980 г. до 24,7% в 1986 г. Если бы соотношение групп А и Б сохранилось на уровне 1980 г., то в 1986 г. промышленность дала бы на 12,6 млрд. руб. потребительских товаров больше, чем фактически произведено. (Укажу для сравнения: общая прибавка фонда потребления, созданная всей экономикой и истраченная не только на личное потребление, составила в 1986 г. лишь 9,2 млрд. руб.) А если считать по предвоенной "норме" (1940 г.), недобор потребительских товаров вследствие сокращения доли группы Б равен почти 120 млрд. руб. или около 425 руб. на душу населения. Это в оптовых ценах. В розничных же потери много больше.

Колоссальные, поистине тектонические сдвиги в сторону производства средств производства (в сторону первого подразделения) подвели нас к такой парадоксальной ситуации, когда ускорение темпов развития, более быстрый рост национального дохода очень слабо влияют на уровень жизни. Экономика во все большей степени работает не на человека, а на самое себя. При теперешней ее структуре она неумолимо воспроизводит совершенно неприемлемую для мирного времени пропор-

цию между первым и вторым подразделениями общественного производства, причем воспроизводит в ухудшенном варианте: в каждом следующем цикле доля производства предметов потребления ниже, чем в предыдущем.

Эта опасность пока не осознана. Стратегический замысел нынешней пятилетки заключается в том, чтобы перевооружить машиностроение — тогда в следующие периоды эта обновленная и окрепшая отрасль станет в достатке обеспечивать современными орудиями труда все народное хозяйство. Ясно, что гонка в машиностроении потребует подтягивания сырьевых и базовых отраслей, что и запланировано. Но это лишь первый виток развития, снова ориентированного на производство средств производства. За ним непременно последуют другие. Построим простую экономическую модель. Допустим, машиностроительный завод способен за год изготовить оборудование для двух предприятий, неважно каких отраслей. За десять лет он оснастит двадцать новостроек. В одиннадцатом году картина, однако, изменится: устареет оборудование на первом и втором предприятиях, наш поставщик обязан его заменить. Следом подойдет очередь третьего и четвертого предприятия... Теперь изготовитель оборудования навечно привязан к двадцати заводам, созданным с его помощью. И если мы затеваем еще одну новостройку, прежде надо создать новые мощности в машиностроении. Для этого опять понадобятся металл, энергия, сырье — машиностроение делает новые заказы смежникам. И так до бесконечности.

Фронт капитальных вложений растягивается сверх всякой меры. Сейчас у нас не меньше 350 тыс. строек производственного назначения. Ресурсы распылены — на один объект в среднем приходится, например, не более 12 строителей. Завершить в разумный срок такое количество строек немыслимо, и при хронической нехватке мощностей приходится сохранять в работе устаревшие предприятия. В итоге безбрежно разрастаются основные производственные фонды. В нынешней пятилетке пришлось пойти на крайнюю меру — впервые за длительный период увеличена доля накопления в национальном доходе. Однако никаких средств не хватает для того, чтобы поддерживать в нормальном состоянии действующие производства и одновременно строить новые. По выкладкам экономистов, владеющих счетом, вводы мощностей сейчас едва покрывают явное и скрытое их выбытие вследствие устаревания. Иначе говоря, разбухающий фонд накопления более не накапливает богатств.

Можно, конечно, оспаривать приведенные выше расчеты относительно того, какая доля национального дохода в действительности идет в накопление. Но вот специалисты из Экономического института Госплана СССР сделали сходные расчеты совсем другими способами — общепринятыми в мире. У них получилось, что в 1985 г. удельный вес накоплений в валовом национальном продукте в СССР был в 1,7 раза больше, чем в США, и в 1,5 раза больше, нежели в Западной Европе. Однако эффективность накоплений у нас вдвое ниже, чем, к примеру, в США. Непслыханное омертвление средств в незавершенном строительстве, растущие расходы на ремонт и восстановление устаревших производственных фондов как раз и приходится компенсировать накачкой хозяйства капитальными вложениями.

В таких условиях дефицит орудий и предметов труда может лишь обостряться. Наша страна далеко обогнала всех по производству метал-

ла, тракторов, комбайнов, по добыче топлива, по численности станочного парка, да всего и не перечислишь, и тем не менее не хватает всего-все-го и еще чего-то. Где предел этому безудержному росту? В товарной экономике существует естественное ограничение — платежеспособный спрос. Производство не имеет там ни малейшей ценности, если товар не нашел покупателя. В этом смысле даже кризисы перепроизводства бесполезны: они являются сигналом о том, что при достигнутом уровне потребления нельзя увеличивать выпуск продукции. Упразднение рынка снимает этот тормоз. Но если ограничения по спросу больше нет, чем лимитировано развитие экономики? Только наличными ресурсами, больше ничем.

А они истощаются неравномерно. Первым обнаружился дефицит трудовых ресурсов — отныне нет прибавок рабочих рук. Собственно, ускорение для того и задумано, чтобы компенсировать нехватку рабочих рук повышением производительности труда. Отсюда, кстати, и приоритет, отданный машиностроению: новая техника поднимет производительность, что в свой черед даст новый импульс росту экономики. До этой цели пока далеко. Но, предположим, она достигнута. Тогда все в порядке? Вряд ли. При более продуктивном труде экономика, лишенная тормозов, с новой силой начнет перемалывать другие ресурсы, в том числе и невозобновляемые.

Это не домысел, а вывод из практики. Сейчас модно бранить период застоя. Однако в базовых и сервевых отраслях никакого застоя не наблюдалось. Обратимся к энергобалансам народного хозяйства. В них все энергетические ресурсы (топливо, электричество с гидравлических и атомных станций) приведены к общему знаменателю — к тоннам условного топлива. В 1951—1970 гг. среднегодовое поступление увеличивалось на 51 млн т, в 1971—1985 гг. — на 69 млн. В 1984 г. израсходовано энергоносителей на миллиард с лишним тонн больше, нежели в 1970 г. Одна эта прибавка почти равна всему производству энергоресурсов в 1965 г. За те же 14 лет из недр добыто примерно столько топлива, сколько за всю предыдущую историю страны. Если это застой, то что же такое стремительный рост?

Мне довелось поехать по Западной Сибири, когда там начинали поднимать нефтяную целину. Тогда казалось, что запасов хватит ввухам и правнукам. Но мы умудрились, посрамляя нефтяных шейхов, при жизни одного поколения вычерпать эту природную кладовую. В 1960 г. было добыто менее 150 млн. т нефти, включая газовый конденсат, сейчас берем по 600 млн. т с лишним ежегодно, и все равно топлива не хватает — случается, не летают самолеты, не ходят грузовики. Еще быстрее растет добыча газа — на горизонте маячит триллион кубов в год. Понижающие люди честно предупреждают: "Не станет ли этот "скороспелый" триллион тревожным признаком в экономике?"¹

Может стать, ох, может! Все требуют сломать механизм торможения. Нет, как хотите, а исправному хозяйственному механизму и тормоза нужны — иначе мы оставим после себя пустыню, так и не насладившись плодами своих трудов праведных. Самоедская экономика навряд ли снизойдет когда-нибудь до человека, до наших с вами нужд.

Мы приближаемся к той последней черте, за которой высокие темпы

¹ Правда, 17 ноября 1987 г.

при сложившейся структуре отраслей вообще невозможны. Да, покамест упор на машиностроение приводил к более быстрому росту национального дохода. Но приглядимся повнимательнее не к стоимостным, а к натуральным показателям ускорения. По статистическим справочникам легко сопоставить количество тракторов и комбайнов в колхозах и совхозах с численностью механизаторов. За свою жизнь комбайн убирает семь-восемь урожаев, т.е. в работе находится максимум полгода. Как же можно допустить, чтобы в страду его использовали в одну, пусть и удлиненную смену? Точно так же расточительно выдавать каждому механизатору персональный трактор. На деле ситуация еще хуже: в 1986 г. 452 тыс. тракторов и комбайнов были "бесхозны", не укомплектованы кадрами.

Не подумайте, будто брошены устаревшие агрегаты: средний срок службы трактора 7 лет, комбайна — 7,5 года. Зарубежный фермер таких сроков обновления парка себе не позволяет. А тем часом выпуск комбайнов нарастает, и сейчас по крайней мере три новые машины из каждой десяти колхозы и совхозы отказываются покупать. И это при условии, что покупатель платит за комбайн меньше половины цены — остальное изготовителю доплачивает казна. Могучий "Дон" продается дешевле легковушки "Волга" и все равно, выходит, не нужен. Сотни тысяч тракторов стоят без дела, а, шутка сказать, затеяно строительство громадного тракторного завода в Елабуге. Дело ли?

Кого не убеждают отдельные примеры, тем советуем обратиться к весьма содержательным расчетам, которые опубликовал недавно известный экономист И. Малмыгин¹. По его выкладкам, 45% рабочих мест в основных цехах машиностроительных заводов излишни, для них нет рабочих. В основных цехах всей промышленности таких мест более четверти. Известно, что многими миллиардами рублей измеряется стоимость неустановленного оборудования. К полутриллиону рублей приближаются запасы товарно-материальных ценностей в народном хозяйстве, причем в отдельные годы прибавки национального дохода даже не покрывали роста материальных запасов.

Нам толкуют: нужно снижать расход ресурсов на единицу продукции, уменьшать вес машин, выпускать более совершенные изделия. Но, полагаю, в сложившейся ситуации взвинчивать объемы производства — значит еще энергичнее изводить труд, сырье, топливо и прочее добро.

Достигнутое ускорение иллюзорно. Лишние, неиспользуемые машины и оборудование зачтены, разумеется, в национальный доход, как положено. А поскольку эти товары, в отличие от сырья, дороги, темп развития на короткое время подскочил. Вместе с тем упомянутые, например, "бесхозные" трактора и комбайны не создают новой продукции, а стало быть, и национального дохода, потому что бездействуют. Чтобы поддержать темпы, в очередном году предстоит выпускать для счета еще больше машин, которые опять не будут производить продукции. Когда нет естественного роста, экономику приходится подгонять, подхлестывать. Тщетно! Перегруженная лошадь в гору вскачь не побежит.

Есть еще одна капитальная причина, по которой ускорение выдыхается. При росте номинальной зарплаты и одновременном сокращении

¹ См. И. А. Малмыгин. Техническое перевооружение труда и совершенствование системы рабочих мест. М., «Советская Россия», 1986.

удельного веса производства предметов потребления в общем объеме производства стремительно увеличиваются денежные сбережения — выплаты нечем отоваривать. Вклады в сберкассах к началу 1988 г. перевалили за 260 млрд. руб. Сколько хранится в чулках, мы не знаем, но, несомненно, общая сумма сбережений близка уже к годовому денежно-материальному доходу населения, если не превысила его.

Это буквально подрезает крылья перестройке. Кому не понятно, поясню. За хорошую работу надо бы платить много, а чем платить, когда и розданные на руки деньги не отоварены? Об этот камень споткнулся в свое время знаменитый щекинский метод. Суть его проста: где работали, скажем, четверо, там стали управляться трое, поделив между собой ставку высвобожденного. Прибавка зарплаты с лишней компенсировалась выпуском дополнительной продукции на каждого работника. Но какой продукции? Щекинский комбинат, например, выпускает удобрения, а они населению почти не продаются. На руки раздавали рубли, под которые требовались совсем другие товары, а их-то и не прибавлялось. Тогдашнему Госкомитету по труду не оставалось ничего другого, как пресекать неконтролируемый рост зарплаты у последователей щекинской инициативы. Прекрасное новшество было загублено.

Чтобы и с перестройкой такого не произошло, требуются глубокие структурные сдвиги в экономике — ее надо развернуть от работы на самое себя к человеку, к его нуждам. Человек — никакой не фактор, не резерв и не ресурс, а конечная цель экономики, то Солнце, вокруг которого она и должна вращаться.

Давно назревшая структурная перестройка несовместима с дутыми темпами. Прекращение выпуска излишних, неиспользуемых средств производства уже поведет к уменьшению суммарных приростов (но одновременно — к экономии ресурсов; я так думаю, что и к возможному неисполнению наметок нынешней пятилетки надо отнестись спокойно — будем считать, что сберегли ресурсы, вместо того чтобы истратить их на выпуск ненужного). Расчеты показывают далее, что разворот в сторону производства предметов потребления потребует довольно длительного периода, в течение которого общий темп развития будет минимальным, а возможно, и минусовым. Однако другого решения нет. Или ускорение, понимаемое как взвинчивание объемов производства, или перестройка структуры экономики. Третьего не дано, так что выбирать все равно придется.

Читатель, несомненно, заметил, что эти выводы расходятся с рекомендациями официальной науки. Делющие погоду ученые советуют ускорить развитие народного хозяйства, а мы считаем, что неизбежно и даже желательно снижение темпов ради структурных сдвигов. Наука требует приоритета машиностроению — по нашим выкладкам, предпочтение следует дать производству потребительских товаров. Согласно рекомендациям официальной науки в нынешней пятилетке увеличена доля накопления в используемом национальном доходе — на наш взгляд, она и без того чрезмерна. Понимаю, что мысли эти вызовут протест справа, слева, сверху, снизу и вовсе сбоку. Все мы привыкли гордиться высокими темпами, бескризисным, ничем не ограниченным развитием экономики, в нашу плоть и кровь вошла убежденность в том, что производство средств производства безусловно приоритетно — и вдруг эти вроде бы аксиомы поставлены под вопрос. Поставлены, однако, не

мною, а ее величеством жизнью. Так будем же послушны жизни, а не схемам.

Предположение о неизбежном замедлении темпов я сделал, не имея еще статистического отчета за 1987 г. Теперь он есть. Прогноз, к сожалению, подтвердился: прирост национального дохода в 1987 г. равен лишь 2,3% (годом раньше он составил 4,1%), промышленное производство увеличилось на 3,8% против 4,9% в предшествующем году. Собственная правота меня, конечно, не радует, но и паниковать нет причин: темпы — еще не все, у экономики есть более значимые параметры.

Начиная с 1983 г. ускорение достигалось за счет использования ближайших резервов. На первых порах хорошую службу сослужило наведение элементарной дисциплины и порядка на производстве. Затем положительно сказалась на темпах развития борьба с пьянством (немалое и вполне реальное достижение периода перестройки! Каждая невыпитая рюмка — благо само по себе). Но такого рода факторы можно использовать единожды.

А дальше? Приведем совсем простой расчет. Годовой фонд рабочего времени трудящихся — около 2 тыс. ч. Легко понять, что одна сотая часть годового результата (например, 1% национального дохода или промышленной продукции) производится за 20 ч. Чтобы обеспечить годовой прирост на 4%, надо как-то выкроить 80 ч. рабочего времени. Иначе говоря, за 1920 ч работники должны произвести столько продукции либо дохода, сколько получено за весь предыдущий год — тогда оставшиеся 80 ч они будут работать на прирост. Это удавалось не в последнюю очередь благодаря упомянутым разовым факторам.

Но если резервы, лежащие на поверхности, мы использовали, как дальше поддерживать высокий темп? Какой еще резерв имеется в нашем распоряжении? Хотя соответствующие статистические данные пока не публикуются, по живым наблюдениям смею утверждать: в 1986—1987 гг. прибавки производства во многом объяснялись вульгарными переработками, т.е. сверхурочным трудом. "Черные субботы" вошли в наш быт. А из только что приведенного расчета видно: достаточно сделать десять суббот в году рабочими, как мы получим добавочно 80 ч, необходимые для хорошего прироста. Но тогда, чтобы поддержать темпы, в очередном году надо работать еще десять лишних суббот, а всего уже двадцать. Так долго продолжаться не может — будет падать почасовая выработка, поскольку без нормального отдыха человеку трудно восстанавливать силы. Да ведь и вообще переработки — не наша социальная политика.

Нужно включать постоянно действующие факторы высокопроизводительного труда — экономические интересы, внутреннюю потребность к спорной и доброкачественной работе. Эту цель и преследуют начавшиеся в стране экономические реформы. На январском и июньском (1987 г.) Пленумах ЦК КПСС определены контуры нового хозяйственного механизма. В государственном секторе нам предстоит ввести пять крупных новаций — сделав это, мы сможем сказать: радикальная реформа состоялась.

Первое — планирование производства снизу, по заказам потребителей, как оно и происходит в добротной работающей экономике мира. Нужна заказчику та или иная продукция — ищи, кто ее изготовит, заключай договор. Сумма договоров (портфель заказов) и станет программой

производства, никакого другого плана не нужно. Из принятых к исполнению заказов в натуре просто и логично выводятся стоимостные, трудовые и прочие обобщающие показатели. Перемножьте цены на число изделий, суммируйте по всем заказам — получится выручка. Вычтите из стоимостного объема себестоимость — вы имеете цифру будущей прибыли. Поделите ее на стоимость производственных фондов — выйдет уровень рентабельности. И так далее. Значит, не только натуру, но и обобщающие показатели сверху планировать незачем.

В договорах конкретно указано, кому предназначена продукция. Следовательно, сверху делить ее между потребителями больше не требуется. На экономическом языке это называется переходом от распределения продукции по фондам к свободной оптовой торговле. Таково второе новшество.

Третье — самофинансирование, или, что одно и то же, полный хозрасчет. Хозрасчет — это когда доходы больше расходов. Но до сих пор при сопоставлении учитывались текущие производственные расходы, теперь в расчет берутся и затраты на расширенное воспроизводство. Проще говоря, казна, как правило, впредь не будет выделять денег на строительство новых цехов, на обновление оборудования, такие средства коллектив обязан заработать сам.

Четвертое — оптовые цены на продукцию в основном не назначают свыше, а устанавливаются по согласованию между изготовителем и потребителем.

Наконец, пятое — что работник будет иметь от всех новаций? Рассчитались с казной за платные ресурсы, внесли налог на общие нужды — остальное ваше, решайте в коллективе сами, как им распорядиться. Свобода выбора тут и впредь будет ограничена, но не запретами, а объективными условиями. Раз производство не останавливается, первым делом надо наполнить фонд возмещения. Далее. Пожадничали, не выделили средств на развитие и обновление производства — через считанные месяцы вашу дорогую и устаревающую продукцию, быть может, вообще не купят. Тогда и зарплату неоткуда будет взять. Нужно, таким образом, предоставить коллективам самостоятельность в использовании хозрасчетного дохода.

Такой механизм — не чьи-то фантазии. Все пять основополагающих принципов прямо названы в новом Законе о предприятии, принятом в июне 1987 г. Не задача, однако, в том, что эти прекрасные правила снабжены оговорками, отменяющими или по крайней мере ограничивающими их действие.

Естественно, Закон вообще не мог работать без коренных изменений в сфере хозяйственного управления. Поэтому следом был принят целый пакет постановлений о перестройке экономических ведомств (Госплана, Госнаба, Минфина, Госкомитета по ценам и других), а также министерств. Вкупе с Законом о предприятии эти документы и составили новый хозяйственный механизм. С января 1988 г. он введен на предприятиях, выпускающих 60% всей промышленной продукции.

Понятно, лучше бы погодить с оценками, дождаться первых результатов работы по-новому, только нет у нас с вами времени ждать — его и без того потеряно слишком много. Достаточно, впрочем, проанализировать тексты новых хозяйственных правил, чтобы уверенно предсказать: особого эффекта они не дадут.

Прежде всего мы не обнаруживаем существенных перемен в планировании. Разумеется, в духе времени в документах немало сказано о самостоятельности предприятий при верстке производственных программ, о заказах потребителей как основе плана. Но тут же вводится институция государственных заказов, обязательных для исполнителей. Вообще говоря, без госзаказов не обойтись. Тонкость, однако, в том, что в директивном порядке следовало бы планировать продукцию, требующую не хозрасчетным предприятиям, а лишь бюджетным организациям (школам, больницам, армии и т.п.).

В самом деле, допустим, что на одну и ту же продукцию претендуют завод и профтехучилище. Завод набавит цену и перехватит ее, училище же, средства которого жестко ограничены, останется ни с чем. Торговаться и тут можно — пусть бюджетное учреждение ищет, кто на приемлемых условиях исполнит его заказ. А уж не нашли, не сторговались — тогда договор в приказном порядке. В этом случае государство могло бы так или иначе возмещать убытки, понесенные исполнителем. Экономисты давно подсчитали: на первых порах под обязательные заказы достаточно отвести примерно четверть мощностей промышленности, а в дальнейшем их доля в программе станет еще меньше.

Однако эта доля в новых правилах не оговорена, и на подавляющем большинстве предприятий почти вся программа, заданная на 1988 г., состоит из государственных заказов. Выходит, производство в натуре как планировали сверху, так и планируют. Если кое-где и есть пока мизерный резерв под "вольную" продукцию, тем не менее я готов утверждать, что через год-два ни одного квадратного метра заводских площадей не останется для исполнения договорных заказов.

Такое уже было. По условиям реформы 1965 г. продукция тоже делилась на две категории: важнейшую номенклатуру планировали директивно, а второстепенную — по прямым договорам. И вот, скажем, для новой электростанции изготовлены турбины, генераторы, трансформаторы, словом, все важное, а "второстепенные" приборы, без которых объект не пустишь, не сделаны. Дальнейшее ясно: этого впредь мы допустить не можем, приборы тоже надо возвести в ранг важнейшей номенклатуры.

Кроме того, и сами предприятия не заинтересованы в самостоятельной верстке программы. Вспомним историю с лишними комбайнами. Обяжи сейчас комбайностроителей самостоятельно искать потребителя, они, вероятно, не загрузили бы и половины заводских мощностей. Худо ли им, когда Госагропром разом, на весь год выдает гигантский обязательный заказ. Куда потом деть ненужные машины? А это уж изготовителя не касается: заказали — платите. Аппарат агропрома сам денег не зарабатывает. Он может лишь нажимать на колхозы и совхозы: оплачивайте технику, не в переплавку же ее отправлять. Если у потребителя средств нет, ему автоматически дадут кредит. Скорее всего, это будет долг без отдачи — когда-нибудь его спишут. И тоже правильно: покупателю ведь буквально навязали ненужный товар. Словом, все правы, в виноватых выходит одна казна.

Когда производство в натуре жестко задано сверху, тем самым предпрешены все обобщающие показатели плана. Не успокоившись на том, сфера управления и в новых условиях будет доводить до предприятий (и уже доводит!) контрольные цифры по объему производства в рублях,

по прибыли, производительности труда и еще по четырем показателям. Разумеется, оговорено, что эти цифры вроде бы и не директивные. Моей фантазии, однако, не хватает, чтобы представить себе такую картину: по собственному варианту плана завод не вышел на контрольные цифры, а родимое министерство и местные власти с тем смирились. В жизни так не бывает.

Отчего все-таки сохранен прежний порядок планирования? Писать, так уж правду, всю правду, ничего, кроме правды. Думается, сами реформаторы пока не определились до конца, как далеко они готовы пойти в перестройке. В ст. 2 Закона о предприятии решительно сказано: "Деятельность предприятия строится на основе государственного плана экономического и социального развития как важнейшего инструмента реализации экономической политики Коммунистической партии и Советского государства"¹. Но государственный план — не пожелание, а закон, т.е. приказной, административный прием управления экономикой. Если он служит важнейшим инструментом, то какова роль экономических методов воздействия на производство, которым вроде бы отдается предпочтение? Одно с другим не согласуется. В пакете постановлений из этих конкурирующих принципов определенно выбран первый: плановое управление объявлено важнейшим завоеванием и преимуществом социализма.

На мой взгляд, следует аккуратнее обращаться со словами о завоеваниях и преимуществах. Мы толковали уже о производстве излишней продукции, о распылении ресурсов по бесконечному числу строек, об искажениях экономических пропорций. Все это, как известно, сделано по плану. И если плановое управление есть наше важнейшее преимущество, то невольно напрашивается мысль: плановики дурно им распорядились, они никудашные работники. Однако я знаю их не первый год и могу засвидетельствовать: пожалуй, большинство из них — первоклассные знатоки своего дела, в конкретной экономике тайн для них нет.

Бывает, далее, тезис о том, что только социализм создает идеальные условия для технического прогресса. Незабвенный корифей всех наук был тут по крайней мере последователен. В работе "Экономические проблемы социализма в СССР" Сталин объяснил: мол, зарубежные монополисты скупают изобретения и кладут их под сукно (им невыгодно переналаживать производство), у нас же это невыгодно. Бывали такие случаи? Бесспорно. Но теперь мы знаем, что не все новинки там консервируют, кое-какую мелочишку все-таки и применяют. У нас, как теперь признано, темпы технического прогресса ниже, чем в развитых странах. Опять выходит, будто наши конкуренты лучше использовали весьма ограниченные шансы, нежели мы свои безграничные возможности. Каковы тогда качества наших администраторов?

Или вот принято считать, что наш общественный строй уже по определению самый демократичный. А кто сомневался в том, что он самый свободный человек на свете, того не в такие уж давние годы отправляли поразмыслить над своими заблуждениями в дальние края. И это еще не худший вариант. И что любопытно: чем мрачнее было время, тем

¹ О коренной перестройке управления экономикой. Сборник документов. М., Политиздат, 1988, с. 5.

больше мы слышали рассуждений о правах и свободах. Мы только учимся жить в условиях демократии, так что не станем пока хвастать, будто давно черта за бороду ухватили.

Еще об одном мифе. Предполагалось, что в условиях социализма, когда человек работает в конечном счете сам на себя, а не ради интересов предпринимателя, он будет трудиться много старательнее. Гроссмейстер социальной демагогии торопливо возвестил: из зазорного и тяжело-го бремени, каким он был прежде, труд стал у нас делом чести, делом славы, делом доблести и героизма. Предвкушали уже благословенное время, когда труд станет первой жизненной потребностью, приятной игрой физических и духовных сил. А тем часом дело не шло так, что год от году мы работали все лучше и лучше. Скорее наоборот: долгие десятилетия воспитывалось наплевательское отношение к делу, пренебрежение к труду. Будем честны: сегодня мы не лучшие работники в мире. Скажем, в США ежедневно не выходят на работу 1,8 млн. человек, у нас — 4 млн.

Будь предположение о безграничном рвении к труду справедливо, согласитесь, не очень-то красиво выглядела бы наша государственная администрация: в ее распоряжении массы жаждущих отдать все свои силы на общее благо, а правители не умеют использовать эту ситуацию. Безрукость какая-то... Увы, эта картина существует разве что в трактатах философов.

Надо четко различать, что в жизни произойдет обязательно, какие события только вероятны, а чего не будет никогда, сколько бы мер мы ни предпринимали. Уверен, например: труд — вещь дьявольски серьезная, никогда он не станет игрой. Настало время инвентаризировать, в чем мы действительно имеем преимущества перед конкурирующим общественным устройством, а в чем, если позволительно так выразиться, недоимущества. Жить среди мифов, может, и уютно для души, да как-то некомфортно в других отношениях.

В идее, в потенции социализм действительно более подходящ для централизованного управления экономикой, а оно совершенно необходимо, тут и вопроса нет. Но централизм удобнее обеспечить не тотальным директивным планированием, а иначе — косвенными, по преимуществу экономическими приемами. Их широко используют в мире. Один пример, из которого многое будет ясно.

Япония первая среди развитых держав приблизилась к экологической катастрофе. Это ведь одна из самых перенаселенных стран, стремительно растущая экономика буквально сживала людей со свету. Дошло до того, что в больших городах полицейские стояли на перекрестках в кислородных масках, случались массовые отравления отходами производства. Сегодня, как утверждают и наши туристы, ничего такого нет. Так что же, население вдруг сговорилось и стало беречь среду обитания? Нет, тут государство взяло дело в свои руки. Допустил предприниматель вредные выбросы — уплатит такие деньги, за которые найдутся охотники убирать за ним грязь. Государство ввело жесткие стандарты на выхлопы из автомобилей и объявило: через пять лет эти нормы вступят в действие. Автостроительным корпорациям, хочешь-не хочешь, пришлось перейти на выпуск машин, отвечающих таким стандартам. Знакомый журналист, побывавший недавно в Японии, рассказывает: наш "москвич" там и квартала не проехал бы...

Это и есть централизм управления на деле. А мы все директивы ишем, планы составляем, как спасти Байкал и Ладогу.

В любом случае, хоть у нас, хоть у них, государство является распорядителем огромных средств, полученных в виде налогов или иных поступлений. Манипулируя ими, удастся направить развитие экономики в желательную сторону. Можно на определенный срок уменьшить и даже отменить налоги в казну с предприятий, исполняющих те программы, которые государство поддерживает. Можно давать им более дешевый кредит. Не исключены безвозвратные дотации. Да мало ли приемов централизованного регулирования? Благодаря им в США, Японии, Западной Европе в управлении хозяйством больше реального централизма, чем у нас. При формальной диктатуре плана отечественная экономика развивается в сущности анархично. Напомню, что последней исполненной пятилеткой была восьмая, все последующие оказались неудачными, причем степень невыполнения планов нарастала вплоть до двенадцатой пятилетки. Фактически мы потеряли контроль над событиями.

Не так давно наделала шуму небольшая статья Л. Попковой "Где пироги пышнее?", напечатанная в журнале *Новый мир*¹. Автор доказывает, что план и рынок несовместимы, надо выбирать либо то, либо другое (нельзя, мол, быть немножко беременной). Может, и несовместимы, но суть-то дела не в том. Как мне представляется, вопрос поставлен некорректно, автор сам себя загоняет в угол, предлагая выбор между планом и рынком. В действительности альтернатива иная: совместимо ли централизованное управление экономикой с рыночными регуляторами? Тогда ответ очевиден: весь мировой опыт учит, что эти вещи превосходно совмещаются и наибольших успехов достигают те экономики, где найдена верная мера этого совмещения, где применены способы, обеспечивающие реальный централизм.

В нашем новом хозяйственном механизме ни такой меры, ни таких способов, на мой взгляд, пока не содержится. Тем самым предreshены и другие его изъяны. Когда всю программу производства в натуре по-прежнему преподают сверху, изготовители продукции вправе потребовать: раз вы указали, что конкретно надо выпускать, так назовите, кому мы обязаны поставлять изделия, с кого получим деньги за них. Значит, сохраняется в неприкосновенности система фондового распределения продукции, для свободной оптовой торговли просто не остается места, сколько бы слов в похвалу торговле ни содержал пакет документов о перестройке экономики.

Впрочем, в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 г. о перестройке Госнаба сказано прямо: "Превратить... планы распределения продукции в главный инструмент организации материально-технического обеспечения в новых условиях хозяйствования..."² Тут уж ни убавить, ни прибавить – каждое слово будто на гра-
ните высечено.

В духе старого доброго времени облюбованы практические приемы, которыми предполагается пресекать расточительство ресурсов. Административной сфере и предприятиям предписано "при разработке планов производства применение научно обоснованных норм расхода материаль-

¹ См. *Новый мир*, 1987, № 5, с. 239–241.

² О коренной перестройке управления экономикой. Сборник документов, с. 114-115.

ных ресурсов..."¹ Задача не нова: печально известное Постановление № 695 (как уже упоминалось, оно принято в 1979 г.) тоже требовало разработки таких расходных норм. Из этой затеи ничего не вышло, да и не могло выйти.

Вспоминая выступление одного из руководителей Красноярского главснаба на коллегии союзного Госснаба. В ту пору начинали освоение Канско-Ачинского энергетического комплекса. Две тысячи специалистов из тамошних строительных организаций готовили заявки на материалы под программу следующего года, и, как заявил снабженец, все две тысячи хотят нас обмануть — завышают заявки, чтобы потом не бедствовать. В Красноярске не могли даже проверить, насколько точны заказы. Как проверить — ведь по каждой заявке надо в полном объеме повторить расчеты строителей, а таких штатов в снабженческом главке нет. Приходилось принимать явно завышенные расчеты на веру.

Снабженец просил ускорить разработку научных расходных норм. Следом на коллегии выступил директор научного института Госснаба и доложил: за пять лет удалось составить несколько тысяч таких норм. Это все, чем мог похвастаться Госснаб. Между тем в стране выпускается около 25 млн. видов продукции и на большинство их идет не один вид материалов. Нужны, следовательно, сотни миллионов расходных норм.

История повторяется: опять понадобились научные нормы. Нереальность замысла еще и в том, что их придется ежегодно пересматривать, ужесточать, чтобы уменьшить расход ресурсов. Но больше всего поражает даже не утопичность затеи, а косность мышления: предполагается, будто люди станут бережливо хозяйствовать не в расчете на собственную выгоду, а потому, что экономить приказано. Трудно себе представить, чтобы, например, правительство Франции предписывало государственным заводам Рено, сколько никеля позволительно расходовать на один бампер автомашины. Да хоть платину используйте, только вот рынок не признает этих затрат общественно необходимыми. А у нас? В конце концов, неудачи нас учат чему-то или не учат? Верим мы в экономические приемы управления или они служат лишь предметом речей и докладов?

Но продолжим анализ документов. Если в новой системе опять нет места для оптовой торговли, то автоматически отменяется и следующий принцип реформы — самофинансирование. Мало ли, что предприятие заработало деньги на развитие производства и социальной сферы. Деньги — это цифра на банковском счету. Под них нужен цемент, металл, кирпич, оборудование и многое другое, а в вольной продаже ничего этого нет и, как мы убедились, не будет. Опять надо ждать, пока неведомо кто и неизвестно когда выделит фонды под заводские деньги. Получится самофинансирование по особому разрешению чиновников в каждом отдельном случае.

Источником самофинансирования служит прибыль предприятия. Но, к примеру, угольная промышленность сегодня убыточна в целом и потому путь к новой системе хозяйствования ей вообще заказан. Неужто в этой отрасли трудятся сплошь недотепы, вгоняющие казну в убытки? Да нет же! Когда оптовые цены назначаются директивно, одним отраслям на роду написано быть убыточными, другим — высокорентабельными. Раз в пятнадцать-двадцать лет проходит пересмотр оптовых

¹ Там же, с. 124.

цен, выравнивающий уровень рентабельности отраслей. Цены на топливо, металл, древесину, электричество до очередного пересмотра остаются неизменными, тогда как техника быстро дорожает (по нашим расчетам, примерно на 30% за пятилетие). Опять происходит расслоение отраслей на убыточные и прибыльные.

В пакете постановлений предусмотрен внеочередной пересмотр оптовых цен в 1990 и 1991 гг. — иначе перевод множества предприятий на новые условия работы в принципе невозможен. Однако польза от этой меры будет кратковременной — года через два-три предприятия снова окажутся в неравных условиях.

Законы экономики суровы: или работай, как надо, или разорься. Но покамест успех или неудача коллектива зависит не столько от того, хорошо или дурно люди хозяйствовали, а от другого: выгодную или невыгодную цену назначили им на продукцию. Единственный надежный способ определения цены — рынок, ничего лучше человечество не изобрело. Имеется в виду установление цены на основную массу товаров по согласованию между изготовителем и потребителем. Между тем в новом хозяйственном механизме предусмотрено обратное — “усиление централизованных начал в управлении всем процессом ценообразования”¹. Тогда конец хозрасчету. Сейчас много говорят об использовании закона стоимости, о переходе к товарному производству. Но в товарной модели не столько, так сказать, товарности, сколько в ней свободы ценообразования.

Наконец, о последнем, пятом фундаментальном принципе глубоких реформ — об экономических интересах работника. Предприятие, добросовестно рассчитавшееся с казной, отнюдь не получает права самостоятельно распоряжаться оставшимся доходом. На какие цели и сколько направить средств — это по-прежнему определяют свыше через уйму нормативов. Стало быть, заработки опять-таки будут зависеть не от результатов труда, а от того, выгодные или невыгодные нормативы удалось выхлопотать, выклянчить в верхах.

Таким образом, мы не обнаруживаем серьезных изменений в производственных отношениях. Нет их и в практических приемах управления производством, во взаимоотношениях министерств и предприятий. Да, самостоятельность предприятий прокламирована, права их оговорены законом. Но это материя тонкая, деликатная, малейшая непоследовательность законодателя способна превратить закон в пустую бумагу.

Сделаем небольшую экскурс в историю. На сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, как известно, решались два вопроса: об экономических реформах и о воссоздании министерств вместо совнархозов. На мой взгляд, не была счастливой сама идея одновременно проводить эти меры: внедрять экономические методы управления и тут же возрождать министерства, т.е. органы, предназначенные для чисто административного, приказного руководства. Должно было победить что-то одно: или реформа вытеснит чиновников, или чиновники сведут на нет усилия реформы.

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 17 июля 1987 г. № 820. “Об основных направлениях перестройки системы ценообразования в условиях нового хозяйственного механизма”. — О коренной перестройке управления экономикой. Сборник документов, с. 153.

Коллизия проявилась уже в ходе Пленума. А. Н. Косыгин обрисовал довольно стройную новую систему хозяйствования. В ней содержались изъяны, я бы даже сказал, смертоносные гены, но для начала она была совсем неплоха, а там жизнь подсказала бы, что и как нужно поправить. Выступивший следом Л. И. Брежнев больше надеялся на министерства — они, мол, наведут порядок в народном хозяйстве. Ключевой тезис его речи таков: министерства несут всю полноту ответственности за обеспечение народного хозяйства продукцией по закрепленной за ними номенклатуре.

Но раньше, чем обеспечивать продукцией, ее надо изготовить. У себя в кабинетах администраторы товаров не делают. По логике вещей министерства отвечали и за производство, т.е. за использование живого труда, материалов, оборудования, за качество изделий, короче говоря, за все сколько-нибудь значимые стороны производственной жизни. Ответственности без прав не бывает. Естественно, министерствам объективно понадобилась и вся сумма прав, отпущенных отрасли. Взять их можно было только у предприятий — больше неоткуда. Так и произошло. Принятое в ту пору Положение о предприятии (формально оно давало “низам” немалые права) так и осталось бумагой. Иначе и быть не могло. Ведь если одно и то же право дано и директору завода и министру, то вопрос решается принципиально: тот, кто старше по должности, тот и прав.

Сегодня мы буква в букву повторяем старую ошибку. В пакете документов читаем: “Считать главной задачей министерств и ведомств... проведение в жизнь экономической стратегии партии на основе... удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в высококачественной продукции, работах и услугах...” И того чище: “Министерства, ведомства СССР... несут полную ответственность за безусловное удовлетворение требований потребителя по поставке необходимой для него продукции”¹. Тогда предприятие ни за что уже не отвечает. Одних этих коротких формулировок вполне достаточно, чтобы отменить новый хозяйственный механизм вместе с Законом о предприятии. Бюрократы заложили в механизм мину, которая непременно взорвется и разнесет его в клочья.

Им бы ограничиться этим подвигом, да только чиновники — люди основательные. Они предусмотрели ответственность министерств за научно-техническую политику, качество продукции, уровень технологии производства, сроки создания новой техники, экономии ресурсов, использование вторичных ресурсов (мыслимо ли доверить предприятиям помойки?), за незавышение цен и себестоимости, за использование основных фондов и оборотных средств, за сроки строительства объектов и ввод их в действие... Во всем остальном предприятия свободны, как птицы.

Нынешняя сфера хозяйственного руководства в перестройку не вписывается, ее просто невозможно приспособить к новым условиям. Вопрос стоит так: или немощное всевластие администраторов и неизбежный развал экономики — или перестройка с хорошими шансами на спасение.

Боюсь, что опыт внедрения негодного хозяйственного механизма даст козырь в руки противников перестройки. Я говорил уже, что в 1988 г. темпы развития могут упасть: разовые резервы ускорения исчер-

¹ О коренной перестройке управления экономикой, с. 194, 116.

паны, а постоянно действующие факторы новым механизмом включены не будут. Возникнет, однако, видимость неудачи с перестройкой: мол, худо-бедно, а в лучшие последние годы приросты в промышленности приближались к 5%, но вот начали реформы — и, пожалуйста, получили спад. Реформы тут ни причем — новый механизм не хуже и не лучше старого, он просто старый и в этом качестве нейтрален к ускорению. Однако далеко не каждому это будет понятно.

Всем нам надо осознать разумом и пережить болью сердца пороки испытываемого варианта хозяйственных правил. Если мы сделаем это быстро, у нас останется еще небольшой запас времени — 1989 и 1990 гг.— чтобы провести глубокую экономическую реформу. Тогда в тринадцатую пятилетку мы вступим, располагая работоспособным хозяйственным механизмом. Иначе — надежды наши не оправдаются. Пятилетний план и способы его реализации связаны между собою намертво. Опоздаем с переменами — еще пятилетие будет потеряно для перестройки. Не исключено, что при таком развитии событий реформы вообще не понадобятся — нечего будет перестраивать.

А какие реформы нужны — это мы знаем (как сказано у Булгакова, подумаешь, бином Ньютона!). Надо решаться на перемены — время, отпущенное нам историей, истекает, счетчик включен.

НЕФОРМАЛЫ В ПЕРЕСТРОЙКЕ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Неформальные объединения молодежи стали за последние годы одной из наиболее актуальных тем, обсуждаемых не только текущей публицистикой, но и научной периодикой. Вышли в свет и первые книги на эту тему и фильмы. Можно еще долго выражать свое эмоциональное отношение к проблеме или термину, ее символизирующему (до самого последнего времени отношение к кличке "неформал" у ее носителей было сугубо однозначным, самым мягким из ответных ругательств было, пожалуй, словечко "официал"), но, учитывая, что определенные подходы к ней уже сформировались, пришло, на наш взгляд, время дать им некоторую, хотя бы предварительную, оценку.

В приводимых ниже соображениях автор опирается как на опыт полтора лет собственной работы в совете Клуба социальных инициатив — КСИ, являющегося коллективным членом Советской социалистической ассоциации (ССА), года — в правлении Фонда социальных инициатив — ФСИ, регистрирующегося в настоящее время на правах добровольного общества в Севастопольском районе Москвы, так и на разработки многих знакомых ученых и практиков, часть которых объединилась в последнее время вокруг комиссии ССА по неформальным и самодеятельным объединениям.

В последнее время довольно отчетливо просматриваются два основных, во многом совместимых, но все-таки четко отличающихся друг от друга подхода к проблеме. Согласно первому из них, проблема молодежи в настоящее время носит глобальный характер и порождена в первую очередь глубоким кризисом всех существовавших моделей социализации; в 60-е годы он впервые выплеснулся на поверхность общественной жизни в развитых капиталистических странах, затем в еще более резких и трагических формах обнажился в развивающихся, а с конца 70-х выяснилось, что он затрагивает не только "загнивающий Запад" или "пробуждающийся Восток", но и нас самих, причем в лавинообразно нарастающих масштабах.

Поскольку кризис социализации касается не только молодых (хотя их — в первую очередь), неформал вполне может быть весьма разновозрастным. В рамках такого подхода речь идет, таким образом, в первую очередь, о построении качественно новой системы взросления, опирающейся на учет социальной и национально-государственной специфики советского общества. Второй подход берет за основу построения кон-

цепции неформального движения именно эту специфику. С этой точки зрения и в других странах по отдельности есть все те элементы (от протестных и расправно-самосудных подростковых команд через разного рода носителей контркультуры и альтернативных образов жизни до людей, занимающихся идейно-политической самодеятельностью в весьма разнообразных формах и целях), которые у нас образуют неформальное движение, но нет неформалов как таковых. Матерью последних является административно-бюрократическая система, которая (обладая у нас уникальной в мире мощью) вытолкнула за свои пределы и объединила по принципу чисто негативной зависимости самые разношерстные и взаимоисключающие элементы. И в самом деле, что еще общего между работником, которому не дают зарабатывать деньги, и писателем, которого не печатают, изобретателем, открытие которого давно воплотили за рубежом, ансамблем, который разогнали, проблемами престарелых и конфликтами молодых? И как только они начинали отстаивать свои интересы, с официально-формальной точки зрения в лучшем случае являвшиеся блажью, с ними начинали поступать соответственно — а они, в свою очередь, объединяться.

Неформальная солидарность в противовес всевозможным разновидностям "официального идиотизма" очень быстро стала действенным оружием, а соответствующие объединения — настоящей костью в бюрократической глотке (особенно в условиях перестройки и гласности). Обратной стороной этого процесса, естественно, стало объединение в рамках одной социальной ниши не только различных, но и взаимоисключающих сил, ведущих конкурентную борьбу между собой, нередко в самых крайних формах.

Для построения целостной теории происходящих на наших глазах процессов, безусловно, необходим диалог и синтез сильных сторон обеих позиций, но в то же время — критичный (а главное — самокритичный) анализ и обнаружившихся слабостей. Безусловно, велик соблазн использования наработанных зарубежными исследователями категориального аппарата и методик (особенно — в условиях длительного игнорирования у нас существования проблемы), но поскольку наши социокультурные условия являются во многом иными даже в сравнении с европейскими социалистическими странами, требуется время на их адаптацию (о различиях, доходящих до противоположности, в облике даже групп, имеющих прямые зарубежные аналоги — хиппи, панков, металлистов, — писали все серьезные исследования).

Другой недостаток обоих подходов (и второго — в особенности) — ретроспективный характер оценок, мало что дающих для анализа чрезвычайно динамичной среды. Как представляется, основой для возможного синтеза двух первых, более или менее сложившихся к настоящему времени подходов, является формирующийся в последнее время третий, который можно условно назвать "самореализационной концепцией" неформально-самодеятельного движения. Если для подростков (14 — 17 лет) явно преобладает ориентация на внутренние потребности участников процесса (а формы самореализации как необходимого этапа социализации во многом несамостоятельны, заданы спецификой "застойной эпохи" по принципу отталкивания), то у тех людей постарше, которых точнее называть уже не неформалами, а "самодельщиками", начинает преобладать ориентация на достижение каких-то социально зна-

чимых целей. Но и во втором случае деятельность осуществляется не только ради любых результатов, она носит самоценный для участников характер, отсюда — огромное внимание к формам общения. В этом смысле самые разные оттенки данной среды в чем-то напоминают персонажа знаменитого анекдота, который имел много детей не от любви к ним, а потому, что ему сам процесс нравился...

Ясно, что разные уровни неформально-самодеятельного движения связаны не только пунктирно намеченными здесь прямыми зависимостями, но и многочисленными обратными связями; резко изменились в последнее время и внешние условия его развития. Раньше многие его участники были "любителями поневоле", ибо отсутствовали элементарные условия для легализации своих занятий, теперь начался стремительный процесс "перехода в профессионалы", в ходе которого очень многое и теряется.

В общей форме понятно, что и дальше анализируемый феномен не станет всеохватывающим не только по числу участников, но и по "сфере применимости", в основном оставаясь в рамках сферы свободного времени и интеллигентно-молодежной среды. Но это не только не снимает, но и ставит в значительно более острой форме целый клубок вопросов: растет "неформал" или в обозримой перспективе исчезнет по мере перестройки "системы"; к каким последствиям для личности, микро- и макросреды, социума в целом ведут тенденции его развития? Учитывая определенный рост напряженности и конфликтности в общественном сознании (в основном пока на социально-психологическом уровне), все чаще приходится считаться с возникновением своего рода "бинарных сред", компоненты которых вполне инертны по отдельности, но в случае взаимодействия образуют настоящую гремучую смесь. "Неформал" в таких условиях неожиданно может оказаться катализатором, а то и детонатором самых внезапных вспышек социальной активности, которые пока оказывались в основном "пульсирующими", с большими провалами между пиками, но ведь возможны и самые неожиданные "цепные реакции" с необратимыми последствиями. Примеров тому — немало. Они — на наших глазах... Пока, к сожалению, можно констатировать нарастающее стратегическое отставание теоретических подходов (не говоря уж о практических мерах, вырабатываемых по-прежнему путем проб и ошибок) от стремительно меняющейся и количественно увеличивающейся за последнее время неформально-самодеятельной среды. Неформал все время играет белыми с форой в пять-десять ходов, и, пока партнер примерится к противнику и выработает план действий, за доской, как правило, сидит уже кто-то другой (в крайнем случае — тот же самый, но изменившийся до неузнаваемости); до последнего времени процесс шел практически стихийно и уровень самосознания, а соответственно — и самоуправления, — был в данной среде довольно низким. Но с конца 1986 г. положение дел стало резко меняться. В Ленинграде и Москве, на региональном и даже всесоюзном уровне стали множиться информационно-координационные центры, объединяющие усилия разных течений и групп, проводиться (чем дальше, тем регулярнее) дискуссии и круглые столы, распространяться бюллетени, организовываться конференции и семинары. Понемногу это перестает быть экзотикой, но далеко еще не стало нормой — и прежде всего потому, что сами нормы пока находятся в стадии становления. Идет процесс выработки свое-

го рода "правил игры без правил", диалога между переживающими непривычную для себя неопределенность официальными структурами и начавшими оформляться во что-то относительно устойчивое неофициальными.

Наиболее трудным по понятным причинам моментом является феномен нарастающей политизации происходящего взаимодействия, причем касается это не только неформалов. За три года перестройки стало ясным, что все основные элементы нашей надстройки (партия, комсомол и Советы) только учатся пока основам политических методов руководства, а сторонники административно-командных методов сдают позиции больше на словах, чем на деле. В то же время мало-мальские решительно настроенные группы стремительно политизируются по самой логике развития конфликтов (очень показательны в этом отношении примеры многих экологических и эколого-культурных групп, которые без всяких идеологических поводов оказались в состоянии чрезвычайно острого противостояния с местными властями). Раз принципы опоры на живое творчество народа и социалистического плюрализма провозглашены, необходимо искать наиболее эффективные пути конструктивного разрешения не только уже наметившихся противоречий, но и многих других, находящихся в настоящее время в фазах первоначального возникновения или формирования.

Из опубликованных к настоящему времени предложений по реформе политической системы (составным звеном которой является и законодательное решение по проблеме рамок идейно-политической самостоятельности) предложенная Б. П. Курашвили идея фронта или союза в поддержку политики перестройки представляется самой многообещающей. За истекший год к аналогичным предложениям пришел целый ряд объединений и групп. Во всяком случае, возврат к условиям, когда любая несанкционированная свыше активность в этой области считалась вредной уже самим фактом своего существования, вне зависимости от окраски и ориентации, осуществить в настоящее время возможным не представляется, равно как и зачислить оптом в антисоциалистические любые установки, отличные от официальных (тем более, что последние в надстроечной сфере пока не отличаются конкретностью, ясностью и определенностью).

В заключении этого небольшого введения можно сформулировать несколько основных закономерностей, присущих неформально-самодетельной среде. Первая из них может быть названа принципом сохранения: группы возникают и исчезают, но направления, к которым они принадлежат, остаются (начиная с коммунаров на одном полюсе и до хиппи на другом ни одно течение за последние 30 лет не исчезло). Второй принцип — пульсации, своего рода цикличности. Направление может взорваться как своего рода социальная "сверхновая", за считанные месяцы (но, как правило, за несколько лет распространиться "от Москвы до Бреста", как пелось в речевке спартаковских фанатов), а затем сжаться в "черную дыру", когда на всю страну может остаться несколько десятков "хранителей огня", но и их оказывается достаточно, чтобы через некоторое время Феникс возродился из пепла. Третий принцип — дополненности. Последние годы доказали, на наш взгляд, что существует своего рода официально-неоформальный "диполь", причем не только неформал (что бы он о себе при этом ни воображал) не может существ-

воват без сотрудничества с "системой", но и последняя — без партнера по взаимодействию, раз уж она торжественно отказалась от претензий на монополию и всеохватность. Не случайно, наверное, такой перспективный тип объединения, как фонд молодежных инициатив (удачные примеры деятельности которых можно уже обобщить на основе опыта Новосибирска, Йошкар-Олы, Волжского), как раз является по своей структуре диполом, объединяющим в себе формальную (комсомольскую, кооперативную и т.п.) и неформально-самодеятельную подсистемы.

Истекшие годы перестройки были периодом не только реализованных, но и упущенных возможностей. Опыт "Орнамента" в Москве, уже упомянутых фондов и целого ряда других объединений показывает, что в случае их своевременной поддержки (не обязательно было обеспечивать "режим наибольшего благоприятствования", достаточно — просто не мешать) значительная часть кооперативного движения и "индивидуалов", разговоры о рваческих тенденциях которых уже навязли в зубах, могла пойти совсем в другом направлении. Опыт кооперативного движения за рубежом и так называемой альтернативной экономики у нас пока практически не изучен, в то время как многие аналогии бросаются в глаза. Не случайно значительная часть (если — не большинство) неформальных объединений добиваются в настоящее время права на хозрасчетную деятельность, стремятся к самокупаемости как к основе самостоятельности. Уже представляется возможным раскрыть некоторые типовые варианты конфликтов между официальными структурами и их новыми партнерами. Структуры почему-то ожидали, что им окажут помощь в решении тех проблем, до которых у них раньше не доходили руки; неформальный же полюс довольно быстро расслаивается на тех, кто во главу угла ставит прибыли (и тем самым стремится сделать свою новую деятельность основной работой), и тех, для которых наивысшей ценностью является самореализация в свободное время. Общим знаменателем и первого и второго случая является стойкое нежелание выполнять официальные предписания насчет норм и форм своей деятельности — слишком отдающие той самой административно-командной системой, от которой эти люди всеми силами стремятся дистанцироваться.

До последнего времени среда, охваченная неформально-самодеятельным движением, качественно была довольно узкой, хотя количественно и росла. Ее типичным представителем был молодой интеллигент (в диапазоне от старшего школьника до молодого специалиста), возможности для самореализации которого в рамках основной сферы деятельности — безразлично, работы или учебы, — были близки к нулю, в связи с чем центр тяжести его активности неизбежно был смещен в сферу свободного времени. В настоящее время ситуация стала меняться, но, на наш взгляд, не настолько, чтобы предсказывать, что в ближайшее время наиболее заметной фигурой станет "производственный неформал" — детище хозрасчета и самокупаемости с самоуправлением. Первые шаги в этом направлении действительно делаются — в Севастопольском районе Москвы объединением "КОМПАС" проведены выборы в совет трудового коллектива на объединении "Дом модельной обуви", ФСИ и КСИ провели в конце 1987 — начале 1988 г. первые конференции по проблемам производственного самоуправления; в разных городах действуют кооперативы и иные структуры, связанные с проблемами внедрения новшеств и НОТ.

Однако, судя по всему, на быстрый результат, при всей потенциальной перспективности этого направления, рассчитывать пока не приходится. Опыт последнего тридцатилетия показывает, что административно-бюрократическая система создала в производственной сфере многоэтапную систему обороны против разного рода инноваций, одним из проявлений могущества которой является в настоящее время массовая пассивность (или даже оборонительная реакция) по отношению к активному меньшинству, стремящемуся эту систему преобразовать. Прорвать эту оборону можно только раскачав большинство. В настоящее время речь скорее может идти о подготовке кадров и создании объективных и субъективных предпосылок для этого процесса.

Несколько иначе обстоят дела в сфере досуга и быта. Здесь административная система традиционно держалась в основном на запретах прежде всего из-за собственной материальной слабости. Наиболее запущенным участком в результате оказалась работа по месту жительства. МЖК в своих лучших образцах и ряд других социальных экспериментов на микроуровне показали, что при самых незначительных ресурсах в области использования свободного времени населением возможен качественный скачок, причем оказывается возможным добраться до слоя малоквалифицированных и низкооплачиваемых, практически непроницаемого для разного рода реформаторских усилий на производстве в силу привычки к уравниловке. Наиболее разработанной из такого рода программ является, на наш взгляд, "Микрорайон" К. Ф. Леонтовича, получившая I премию на конкурсе ЦК ВЛКСМ "Социальное проектирование МЖК". В настоящее время делаются попытки по ее внедрению в некоторых районах Москвы (в осуществлении одной из них в микрорайоне Чертаново-Северное принимает участие автор).

В настоящее время наметился определенный кризис роста в усилиях, направленных на реанимацию социальных тканей по месту жительства (здесь образовался вакуум со времени распада общины в деревне и аналогичных структур в городе): пробы на микроуровне — до микрорайона включительно показали перспективность направления, но одновременно обнаружили границы возможностей чисто самостоятельных усилий. Для пробы в макромасштабе (район-область-республика) нужны согласие и поддержка целого ряда официальных структур, которые не без оснований видят в развертывании самостоятельной активности населения непрошенных контролеров, если не могильщиков. В Калининском районе Ленинграда готовится соответствующая по замыслу требованиям момента попытка перестройки всей работы на основах самоуправления и самокупаемости, но и районный масштаб явно не является самодостаточным.

Направление самостоятельной активности, нацеленное на перестройку системы социализации и повседневной жизни человека, вообще представляется чрезвычайно важным не только потому, что (наряду с рядом творческих дерзаний) эта сфера стала настоящим концентратом бюрократических обломков, разноликого мешанства и всевозможных форм отклоняющегося поведения, без преодоления которых никакие серьезные реформы просто нереальны (а многие предыдущие попытки именно здесь и захлебнулись). В настоящее время самоочевидным фактом является рост социального напряжения: ни одна из доперестроечных проблем до конца не решена, уже успели сформироваться и заявить о

себе конфликты переходного периода, а тем временем начинают "отбрасывать тень" противоречия будущего этапа, ныне обозначившиеся в форме борьбы за различные варианты дальнейшего хода преобразований. "Схлопывание", наложение разнонаправленных тенденций грозит самыми неожиданными потрясениями: в этих условиях именно сфера свободного времени, воспитания, досуга и быта является той областью, в которой, по моему мнению, можно создать "громаотвод" для накопившейся социальной взрывчатки. Издержки обучения демократии в сравнении с другими сферами общественной жизни здесь могут быть минимальными, а позитивная отдача в кратчайшие сроки наивысшей, поскольку для этого просто достаточно не мешать существующим тенденциям и дать им возможность нормально реализовываться, а не тащить неформала туда, куда его большая часть пока (или совсем) идти не готова. Но прежде чем делать какие-то прогнозы, требуется дать хотя бы небольшой очерк истории проблемы. При этом я буду максимально опираться на статью И. Ю. Сундиева в № 5 "Социологических исследований" за 1987 г. и многочисленные личные беседы с ним и К. Ф. Леонтовичем. Получилось так, что выводы, к которым приходил, и мои реконструкции разного рода феноменов, не только в общеконцептуальном плане, но и в деталях почти полностью совпали с независимо друг от друга развивавшимися разработками этих исследователей и практиков.

Представляется обоснованным мнение И. Ю. Сундиева, что первые неформальные объединения (в современном понимании этого термина), как и многие другие явления, для несведущих людей представляющиеся возникшими вчера, на самом деле существуют уже тридцатилетие, т. е. возникли после XX съезда партии (хотя, судя, например, по "Черным камням" А. Жигулина, зародыши, безусловно, существовали и раньше). Эта первая волна была главным образом окрашена в красные цвета и чаще всего именовала себя "коммунарским движением" (впрочем, "западнически" и "почвеннически" окрашенные группы существовали и тогда). Многие и не подозревают, что студенческие строительные отряды и добровольные народные дружины в момент своего возникновения были неформальными в строжайшем смысле этого термина: лишь много позже они были официально признаны, оформлены и в конце концов заформализованы (ДНД стали одним из символов принудилочки, участь ССО в последние годы застоя была немногим лучше). Еще реже осознается, что и коммунарская педагогика, клубы самодеятельной и авторской песни, дискуссионные клубы и неформальные политсеминары были в период "оттепели" составными частями единого целого, анализ истории их зарождения, расцвета и существования в фазе "после клинической смерти" в нашей общественной мысли еще впереди. Вся неформальность этого движения заключалась в том, что оно не формально, т. е. на полном серьезе восприняло лозунги XX съезда — о возвращении к ленинизму после Сталина, — и XXII съезда — о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. И не вина, а беда этого слоя (в основном — интеллигентной молодежи больших городов) в том, что "сверху" ему изначально не очень доверяли, а потом было сделано чрезвычайно много для его удушения. Разумеется, ликвидировать "неформальный коммунизм" (или "социализм") было невыполнимой задачей, но загнать его на обочину самодеятельной среды, прервать преемственность между разными этапами его развития и во

многим противопоставить его направления друг другу, к сожалению, удалось¹. Расплата за это наступила довольно быстро: уже во второй половине 60-х у нас впервые действительно появилось направление под непосредственным влиянием Запада (хотя еще не западническое в строгом смысле) — хиппи, а еще через несколько лет пришел и черед молодых со свастикой...

Однако до второй половины 70-х, хотя уже существовали довольно многочисленные объединения, неформального *движения* еще не было; количественные сдвиги перешли в новое качество первый раз примерно в 1977 г. под воздействием конкретного повода, которым стал вылет популярной футбольной команды "Спартак" в низшую лигу. Примерно через несколько месяцев со скоростью распространения эпидемии выяснилось, что от Москвы до Бреста нет такого места, где бы не болели за "Спартак", причем общим интересом подростковых команд оказалось отнюдь не боление. Впервые в массовых масштабах возникло то, что одними специалистами именуется расправной, а другими — самосудной группировкой. Таковые на микроуровне существовали всегда, но до этого ни разу не пытались наладить координацию действий сначала в региональных (кустовая структура до этого была зафиксирована только у КСП), а потом и во всесоюзных масштабах.

Реакция на такую попытку вполне отвечала условиям конца 70-х — начала 80-х годов и осуществлялась по принципу "чтоб зло пресечь, собрать все книги бы да сжечь". Заодно с немногочисленными полулегально существовавшими клубами болельщиков были ликвидированы федерация каратэ, клубы атлетистов, группы по изучению йоги и многие другие. Разумеется, реально существовать от этого все течения вовсе не перестали, они просто ушли на более или менее нелегальное положение. На этом примере можно проследить одно принципиальное различие между нашей и западной системой воспитания, не исключаящее, впрочем, и определенного сходства. Противоположная нам модель на своем знамени начертала символ "вседозволенности" и действительно стремится по возможности избегать прямых форм регуляции молодежного поведения. Однако имеющиеся в распоряжении мощные рычаги рекламы и моды в сочетании с налаженным механизмом индивидуальной и групповой конкуренции позволяют довольно точно прогнозировать и в среднем эффективно управлять данной чрезвычайно динамичной средой, "попутно" с выполнением социального заказа извлекая миллиардные прибыли. Нашу систему воспитания до последнего времени можно было символизировать термином "как бы чего ни вышло". Достаточно сравнить только количество обязанностей с фактическим отсутствием прав школьника и студента, чтобы понять, что разрешено было то немногое, что формально не было пока запрещено.

Но на практике чем дальше, тем больше разлаживались те механизмы социального контроля, которые раньше позволяли мало-мальски

¹ Все это, к сожалению, не ушло в прошлое. Весьма недоброжелательное отношение к Федерации социалистических общественных клубов (и не только со стороны части "официалов", что, в общем-то, понятно) некоторых лидеров коммунарских групп — О. Ульяновой из "Мануэля Родригеса", например, — вплоть до ярлыка антисоветские, и закрытия перед ними дверей в самом прямом смысле на октябрьской конференции интернационалистов шокировало многих.

эффективно функционировать административно-бюрократической системе вообще и ее подвиды в сфере социализации. Разного рода требования от имени общества чем дальше, тем больше превращались в чисто формально соблюдаемые правила игры, своего рода сложные и скучные обряды в честь великих и могучих предков, а под покровом этих декораций и деклараций чем дальше, тем больше разгуливалась стихия, в отличие от западной полностью неуправляемая, ибо само ее существование долгое время тщательно игнорировалось. В результате разрыв между словом и делом приобрел в конце концов кричащий характер, стал своего рода сигналом опасности, который можно стало обнаружить на стенах и заборах в Москве и других крупных городах с начала 80-х, на них появилась свастика. Чисто теоретически возможность возникновения чего-то подобного автору этих заметок была очевидна с момента первого знакомства с "фанатами": раз уж образовалась в массовом масштабе расправно-самосудная среда пока без идеологического оформления, то свято место вряд ли долго будет пустоовать. Тем не менее вопрос о конкретных причинах возникновения такого феномена, как доморощенный советский "нацист", требует ответа.

За последние годы мне приходилось сталкиваться с самыми разными попытками найти этот ответ. Точка зрения о том, что за молодыми недоумками стоят внешние силы или недобитые внутренние враги, отсидевшие свои сроки за сотрудничество с гитлеровцами, а теперь приступившие к подготовке пополнения, не имеет, по мнению компетентных людей, под собой никакого серьезного фактического основания. Пришлось столкнуться и с мнением, что виноват фильм "Семнадцать мгновений весны": высокохудожественно изображенная картина черномундирного братства "истинных арийцев" произвела неизгладимое воздействие на молодое неокрепшее сознание некоторых подростков. Общим знаменателем обеих позиций является полное игнорирование азов социальной психологии да и материалистического понимания истории, согласно которому первичным является общественное бытие, а разного рода надстроечные факторы (фильмы, книги, записи, пропаганда и агитация вообще) могут иметь успех только в том случае, если для их воздействия созрела адекватная социальная среда. Подобного рода псевдообъяснения неприятных фактов и по сей день не ушли в прошлое. Не далее как в октябре 1987 года на слете интернационалистов от ответственного работника ЦК ВЛКСМ, а в феврале нынешнего года на круглом столе в Московской школе МВД от генерала милиции, мне довелось на полном серьезе слышать, что "люберов" создали средства массовой информации, в то время как на самом деле из них многие подростки в лучшем случае впервые официально услышали, что они, оказывается, "любера", хотя сами об этом и не подозревали (сказанное, разумеется, не означает, что можно пренебрегать изучением значимости разного рода детонаторов дозревающих социальных процессов).

Из всех имеющихся объяснений в наибольшей степени соответствующим действительности представляется то, которое выводит "нацизм" из особенностей социально-психологической структуры феномена неформальности как таковой. Одной из важнейших его характеристик является стремление максимально выделиться из окружающей среды обитания путем провоцирующего противопоставления собственных ценностей и стереотипов поведения господствующим. Возможно, у меня недоста-

точно богатое воображение, но, как мне кажется, более провоцирующего символа, чем свастика, учитывая нашу историю, изобрести было просто невозможно. При всем отвращении к данному течению для меня ясно, что оно, тем не менее, не более чем неприятный симптом и никогда не станет по-настоящему массовым именно из-за крайнего, "предельного" характера противопоставления официальной системе ценностей. Но раз возник штурмовик, то в рамках логики дальнейшего развертывания данной тенденции оставалось ждать только черносотенца. И он, действительно, не заставил долго ждать...

Пик первый "волны" неформального движения пришелся примерно на 1982 г., а дальше (по мало понятным пока в деталях причинам) начался стремительный закат всего спектра движений, зародившихся во второй половине 70-х. Разумеется, фаза спада (1983 — 1985 гг.) не была всеобщей, многие направления, наоборот, впервые начали проявлять свою активность на периферии. Так, в Калининграде, например, именно в это время, как в замедленной съемке, проявились некоторые структурные особенности нацистских групп. Сначала вызвало шок "дело депутатских детей", вывесивших флаг со свастикой на бывшей ратуше (ныне — Дом культуры моряков), а примерно через год по отработанному принципу "куда элитный с копытом, туда и пэтэушник с клешней" обнаружались соответствующие группы в некоторых ПТУ Калининграда и Светлого. Но возникли и некоторые новые течения — законные дети эпохи борьбы с негативными явлениями, названные в прессе "очистителями" или "чистильщиками". Наиболее удачную статью о них в *Комсомольской правде* опубликовал, на мой взгляд, А. Радов под заголовком "Дети Деточкина", а те, кто ее не читал, имели возможность посмотреть фильм "Плюмбум, или Опасная игра". Единственный недостаток киноанализа проблемы заключался в том, что в ней был изображен очиститель-одиночка, в то время как этот феномен отчетливо приобрел уже не столько групповой, сколько стайный характер. В Москве из представителей этого течения были особенно заметны группа "Березка", специализировавшаяся на клиентуре соответствующих магазинов, и "Ремонт", ремонтировавший главным образом физиономии представителям течения, от которых нашу жизнь надо было, как они считали, оздоровить, — панкам, нацистам, хиппи, металлистам и т. п. Так что "любер" всплыл через год-другой далеко не на голом месте; вопрос о том, почему именно ему, а не, скажем, химкинским "русским витязям" или "большевикам" из Болшево удалось стать новым массовым символом, относится пока к тому кругу проблем, на которые нет сколько-нибудь убедительного ответа.

Слишком динамична изучаемая среда, которая к тому же по понятным причинам не горит желанием давать о себе сколько-нибудь достоверную информацию, зато очень горазда на изобретение разного рода слухов и мифов. Последние, впрочем, тоже являются чрезвычайно интересным объектом научного исследования; к тому же они обладают уникальной особенностью: очень часто явление, которое первоначально было мифом, становится затем реальностью, — и наоборот. Приведу только один пример. Весной 1987 г. мне довелось узнать из *Московского комсомольца*, что "любера" являются такими же фантастическими существами, как русалки, черти и ведьмы. Поведал об этом в своем интервью ответственный сотрудник органов внутренних дел. В тот же самый день

я узнал, что руководителей ДНД вызвали в партком Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева и передали им со ссылкой на райком распоряжение выйти в воскресенье на дежурство в район 1-й Хуторской улицы, где по совершенно точным данным состоится очередное "любер"-металлическое побоище...

Не только мне — в тот момент просто любителю, для которого неформалы на протяжении примерно десятилетий были своего рода хоби, — но и людям, занимавшимся проблемой куда более профессионально (А. Файну в Ленинграде и Ю. Сундиеву в Москве), в числе многих других стало ясно, что со второй половины 1986 г. пошла новая волна неформального движения. Понимания на первых порах эти прогнозы не встретили: например, на круглом столе во время съезда ВЛКСМ они были квалифицированы как ни на чем не обоснованные. Но уже весной 1987 г. выяснилось, что группы могут не только драться между собой: в Москве состоялась демонстрация протеста против насилия "люберов"; сначала в Ленинграде, потом в Москве и других городах усилились попытки наладить обмен информацией и координацию деятельности между объединениями самой разной природы. Стремительно стала усиливаться и политизация движения в целом, возник ряд острых конфликтов, свидетельствовавших о полной правовой неготовности к новым реальностям. С первой декады "жаркого мая" 1987 г. демонстрации таких групп, как "Демократия и гуманизм" и "Память", становятся в Москве в достаточной степени регулярными, происходит ряд инцидентов с милицией у хиппи и рокеров, 23 августа выходит постановление Моссовета о временных правилах проведения демонстраций, митингов и иных мероприятий, а объединения делают ответный ход: приобретают популярность сборы подписей на улицах под петициями и воззваниями. Хронологически первая из петиционных кампаний (в защиту минералогического музея им. Вернадского) завершилась в настоящее время полным успехом — здание на проспекте Маркса удалось отстоять.

Помимо крутого подъема экологического и эколого-культурного движений и оживления (на базе остатков правозащитного движения) групп открыто политической ориентации, нацеленных на ликвидацию существующего строя мирным путем (особенно много любит говорить об этом В. Новодворская, создавшая в начале мая 1988 г. "партию" "Демократический союз" на базе группы "Демократия и гуманизм" и еще нескольких мелких групп западническо-либерального толка), стали возникать и объединения совсем нового, ранее не встречавшегося типа.

Клуб социальных инициатив, отделившийся от него Фонд социальных инициатив и Клуб социальных новаторов в Москве, "Перестройка" в Москве и Ленинграде, Клуб социально-активных граждан в Риге и Клуб социально-активных людей в Вильнюсе и Каунасе, аналогичные организации в Виннице, Челябинске, Новороссийске и ряде других городов свидетельствуют о том, что в неформальной, самодеятельной среде усилилась потребность в конструктивной работе по внедрению разного рода социальных инициатив и разработке общественных проектов. Разумеется, и эта среда является чрезвычайно разнородной, но в основном укладывающейся в диапазон широко понимаемого социалистического плюрализма (среди активных деятелей этого направления можно встретить сторонника четвертого Интернационала и учеников М. А. Бакунина, де-

мократических социалистов и еврокоммунистов, "евролевых", "новых левых" и, конечно, марксистов-ленинцев всевозможных оттенков).

Вообще оживление сторонников социалистических и коммунистических идеалов среди неформалов впервые с 60-х годов сделали их довольно заметными, в том числе и в прессе. К сожалению, объективность в соответствующих публикациях является пока довольно редкой гостьей, чаще встречаются уклоны то в "черную чернуху", когда, например, *Комсомольская правда* на второй день семинара Федерации социалистических общественных клубов ухитрилась выразить сомнение в том, действительно ли она была создана на встрече-диалоге "Общественные инициативы в перестройке" в августе 1987 г., допустив похода в статье "Самозванцы и самодельщики" еще 6 фактических искажений, то в умиление перед новыми формами активности молодежи (в сентябрьской публикации о Всесоюзном социально-политическом клубе — ВСПК, главные герои которой, и прежде всего Д. Сухарев, на очередном съезде были исключены из организации).

Реальная действительность этой среды намного сложнее, а история ВСПК и ФСОК во многом показательна, хотя обеим организациям от роду нет еще и года. Первая организация была и во многом и по сей день остается провинциальной, ее московские и ленинградские члены пока малоавторитетны. Возникла она на первом этапе при участии *Комсомольской правды*, сначала опубликовавшей письмо Д. Сухарева о пользе перестройки и вреде бюрократии, против которой надо в новых формах организовать борьбу снизу, а потом переславшей ему тысячу откликов на нее, ответив на сотни из которых он и создал фактически ВСПК. Знакомясь с продукцией этой организации в период подготовки к встрече-диалогу в августе 1987 г., который первоначально мыслился как совместное мероприятие, некоторые участники оргкомитета охарактеризовали ее (на основе собственного жизненного опыта) как "самиздат по переписке". Не будучи настолько искушен, чтобы с первого взгляда определять, что "это раньше была статья 70-я, а вот эта фраза тянет на 190-ю", я обратил внимание на другое.

Приведу только несколько примеров. В одной из предложенных концепций перестройки по существу воспроизводилась расстановка классовых сил 60-х годов прошлого века: партийное самодержавие взялось под влиянием внешнеполитических неудач отменять крепостное право, на него с разных сторон давят консерваторы, либералы и революционные демократы (из ВСПК); в другой — действие происходит в 1905 г.: на этот раз помимо упомянутого самодержавия на месте буржуазии оказалось хозяйственное руководство, крестьянства — пролетариат, пролетариата — интеллигенция; согласно третьей — у нас на календаре 1917 г. и период двоевластия — соответственно лозунгом новых большевиков оказывается призыв: никакой поддержки нынешней пародии на перестройку сверху... А так как и после 1917-го года история наша никак не страдает отсутствием разнообразия, в наличии обнаружилось поклонники военного коммунизма (много) и нэпа (мало), Сталина и Троцкого (мало) и Бухарина (побольше).

Не скрою, что читая все это, я не испытывал особого восторга, но урезонив себя тем, что, как говаривал Н. В. Гоголь, "на зеркало неча пенять, коли рожа крива". Нравится такая идейно-политическая самодетальность кому-то или нет, она есть один из продуктов господства в

нашем общественном сознании марксистско-ленинской идеологии, просто носители ее в меру своего кругозора и интеллектуальной культуры начали активно мыслить самостоятельно. И если они производят разного рода ретроспективные мифы (в которых Сталин, Троцкий и все остальные персонажи не имеют практически ничего общего, кроме имени, со своими историческими прообразами), надо не смеяться и не плакать, а учиться понимать этот феномен со всеми его положительными и отрицательными закономерностями.

Насколько могу судить по собственным наблюдениям, индивидуальный член ВСПК — это молодой интеллигент, из-за конфликтов с начальством, как правило, работающий не по специальности, который в свободное время ликвидировал “белые пятна истории” и развивает социалистическую теорию. Единомышленников по месту жительства у него почти нет, практически он в результате бессилён, переписка и периодические встречи становятся основной формой самореализации точек зрения. Есть в структуре этой организации и довольно сильные на местах группы, говорить об общей характеристике их взглядов и деятельности несколько затруднительно (хотя бы потому, что многие “отцы-основатели” их в настоящее время из организации исключены или вышли), но если судить по последним документам и результатам третьего съезда в январе 1988 г., после исключения принятого К. Шульгиным семинара “Демократия и гуманизм” и ухода из солидарности социал-демократов, теперь ВСПК твердо стал на позиции марксизма-ленинизма (во всевозможных оттенках). Преобладает все же нелюбовь к товарно-денежным отношениям и другим реликтам капитализма вроде плюрализма, а идеалом является в области надстройки модель “Государства и революции”, а в базе “Очередные задачи Советской власти”; есть и радикалы, выступающие за перевоспитание интеллигенции физическим трудом и лишение ее политических прав. С сочувствующими ВСПК насчитывает не более тысячи человек, регулярно принимают участие в работе сто с небольшим, активно — несколько десятков.

Численность ФСОК примерно такая же, но есть и существенное отличие. Наиболее активна эта организация в Москве, имеется и ряд примкнувших клубов в Ленинграде и на периферии. Теоретический уровень концепций ведущих публицистов является, конечно, качественно иным, и попытки оценивать работы Б. Кагарлицкого (в уже упоминавшейся статье *Комсомольской правды*) как лифтера без высшего образования производят трагикомическое впечатление на людей, знакомых с автором если не лично, то хотя бы по мировой и европейской периодике левой ориентации. Странная временами складывается картина: за последние годы и даже месяцы в Москве все чаще появляются и весьма откровенно выступают представители самых разных идейно-политических сил (далеко не всегда левых), причем полемика наша с ними ведется весьма уважительно и корректно. А вот для внутреннего употребления по отношению к собственным представителям тех же течений новым мышлением пока похвастаться затруднительно, нередко все еще появляются публикации, авторы которых явно тоскуют по простоте и ясности времен борьбы с инакомыслием. Если гласность и новое мышление — это не товар в экспортном исполнении, от подобных приемов надо отучаться, и чем скорее, тем лучше.

Концепция революционной реформы Кагарлицкого заслуживает

серьезного научного отношения к себе, не стоит игнорировать и того обстоятельства, что нечто аналогичное ФСОКу он с группой единомышленников пытался создать еще в конце 70-х.

Не выдерживают критики и попытки представить его или, скажем, Г. Павловского в роли инородных тел в неформальных объединениях, многоопытных коварных диссидентов, облапошивающих доверчивую молодежь. Молодежь нынче хоть и молодая, да из ранних, костяком ФСОК, например, является отнюдь не Кагарлицкий с "евролевыми" единомышленниками, а "Община" и еще несколько политклубов, объединяющих в себе целый ряд хороших теоретических голов и весьма способных организаторов. Претензии к ним, высказываемые со стороны некоторых комсомольских активистов, обвиняющих их в склонности к разговорам и отсутствии практических результатов в работе, производят пока довольно забавное впечатление, учитывая, что ни одна из входящих во ФСОК групп пока официально не зарегистрирована и не располагает ни копейкой денег. Но делают они в таких областях, как производственное, студенческое и школьное самоуправление, политтеатр, и некоторых других немало. По ехидному замечанию одного из руководителей "Демократической перестройки" О. Румянцева, некоторые из этих призывов к практическим делам напоминают совет "дорывать котлован, воспитый в классической работе А. Платонова".

Очень тревожным симптомом является чрезмерно выжидательная позиция официальных органов по отношению к неформальной среде. Проводимую политику нельзя даже охарактеризовать как "кнут и пряник", скорее ей присущи то посулы, то угрозы, но так как ни те, ни другие обычно не подкрепляются делом, на них просто перестают обращать внимание — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если отвлечься от многочисленных конкретных поводов, которые вызывают у комсомольских работников и активистов самостоятельных клубов социалистической и коммунистической ориентаций взаимное неудовольствие, то по существу проблемы их взаимодействия на опыте последних месяцев можно сделать некоторые выводы. Если верить данным опросов научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы, опубликованным в *Аргументах и фактах*, и некоторым другим исследованиям, в городах с населением более 1 млн. жителей к неформальным и самостоятельным объединениям в той или другой степени принадлежит 30 — 40% молодежи комсомольского возраста. Говоря попросту, для некоторых социальных слоев быть неформалом становится престижнее и проще, чем им не быть.

Недавно в *Комсомолке* появился превосходный сюжет для "Ереша", в котором подростки обсуждают, чем им себя занять и как заставить старших себя уважать. Естественно, в голову им приходит идея податься в неформалы, дискуссия возникает по вопросу о том, в какие именно: в панки — неохота, прическу носить надо, в музыке разбираться, "любера" их бьют; неохота и в "любера" — дисциплина у них, "качаться" надо и приемы всякие знать, милиция за них взялась; в рокеры — тоже нехорошо, с мотоциклом и прочими железками возиться, опять же ГАИ. И наконец, кого-то осеняет, что надо такое объединение создать, где делать ничего не надо было бы, и в неформалах числиться все равно можно.

Самое интересное — то, что такое объединение давно существует: представители других презрительно именуют его членов "дофениста-

ми" — его членам все до фени. К прискорбию для комсомола надо признать, что в его рядах очень много последних, только зовутся они "пасивом". Раздражение "актива" против неформальных коммунистов понять можно: вместо того, чтобы возрождать комсомол, те фактически считают его Лазарем, которого уже не воскресить. А сил у актива пока не густо, почти все они до сих пор уходят на борьбу с аппаратным кретинизмом и засильем карьеристов в собственной среде. Репутация комсомола, как организации полностью бесправной перед вышестоящими, неспособной сделать ничего ощутимо полезного для своих членов или защитить их в случае необходимости от произвола, организации бездежной, способной в лучшем случае к красивым разговорам, установилась давно и прочно, отдельными решениями или мерами ее в лучшем случае удалось пока поколебать, но не коренным образом изменить.

Самым прискорбным для ВЛКСМ вариантом для меня является не та ситуация, когда с ним по тем или иным причинам вступают в конфликт (если его ругают, то он все же еще существует), — гораздо хуже, когда его начинают игнорировать вообще, а за решением вопросов, даже входящих в его компетенцию, обращаются туда, где они действительно могут быть решены, т. е. к хозяйственному и партийному руководству. Положение, однако, не выглядит безнадежным, пример фондов молодежных инициатив, лучших МЖК, некоторых других социальных экспериментов показывает, что в рамках комсомола возможно создание качественно новых, формально-неформальных структур, резко поднимающих авторитет организации и вводящих молодежную инициативу в конструктивное русло.

Имеются и примеры (прежде всего в Ленинграде и Москве) конструктивного сотрудничества комсомольских органов с неформальными политклубами. Все это пока, к сожалению, не приведено в систему, конкретные результаты (например, тот же ФСОКовский семинар) в чисто организационном плане готовятся и проводятся с таким трудом, что сил на содержательную сторону дела почти не остается. Из имеющихся проектов организационного взаимодействия ВЛКСМ с самостоятельными группами наиболее рациональным вариантом из пока предложенных мне представляется выдвинутая "Общиной" идея создания объединений по интересам (а не только ячеек по территориально-производственному принципу) и ею же предложенный принцип делегирования, когда первичная организация любого нижестоящего уровня в любой момент большинством голосов может отозвать своего представителя из вышестоящего органа в случае невыполнения ее наказа.

Немало проблем создают неформалы и для партийных организаций. Можно привести немало примеров (в частности, "Союз в поддержку перестройки" в Красноярске), когда объединившиеся вокруг конкретных конфликтов группы по логике борьбы присваивают себе право общественного контроля за деятельностью КПСС в лице ее аппарата, тех или других выборных органов. По аналогичной схеме, как уже говорилось, наиболее часто развертываются экологические и эколого-культурные конфликты. Особенно напряженно по понятным причинам складываются взаимоотношения с "Памятью" и ее многочисленными разновидностями ("Патриотом", "Родиной", "Отчиной", "Отечеством", "Молодой Россией", "Русью" и т.п.): Организации эти, разумеется, весьма неоднородны, если хотите — плюралистичны, хотя термина этого они не

любят; возглавляющие их люди тем не менее умеют поддерживать в своих рядах относительное единство в рамках широко понимаемых национальных ценностей. Мне не раз приходилось слышать от людей, считающих Васильева провокатором, а Емельянова — ненормальным, что оба тем не менее имеют непреходящие исторические заслуги: организация первым демонстрации у Манежа, когда делегация “Памяти” добилась встречи с Б. Н. Ельциным в Моссовете, заявляют они, может быть сопоставлена по своему значению для судеб страны только с восстанием декабристов; а публикация вторым “Десионизации” вообще имеет глобальное значение. Лидеров “Памяти” не следует окарикатуривать, они неплохо учатся на опыте разного рода конфликтов, приобретая при этом политический опыт.

Васильев, например, начал свою речь при попытке создания очередного объединения неформалов начал политической ориентации в декабре 1987 г. с наглядного доказательства существования мирового заговора: и буржуазные, и коммунистические средства массовой информации пишут о патриотах наглую клевету почти в одних и тех же выражениях, им же не предоставляется пока слова даже в самиздате (это, конечно, преувеличение, ибо национал-социалистическая партия белых людей в Северной Америке, исламские фундаменталисты и некоторые другие “патриоты” уже помещали сочувственные публикации о нашей “Памяти”). Далее оратор разделался походя с обвинением в антисемитизме, представив народу евреев, входящих в совет организации, и заявив, что без опоры на здоровые силы этого народа, тоже имеющего свою память, сионизм, конечно, неодолим; затем он стал выговаривать присутствовавшим на встрече диссидентам (С. Григорьянцу и другим): “Что же это вы, граждане, товарищи, господа, дразните народ отрицанием социализма, марксистско-ленинских идеалов, руководящей роли КПСС? Ведь все это — превосходные вещи в теории, а на практике они не реализовались не потому, что плохи сами по себе: их втоптала в грязь и кровь бюрократия. Мы их ей не отдадим в монопольную собственность, реализуем, а там уж посмотрим, что было в них реальным, а что иллюзорным”. Кончилось это выступление новым лозунгом “Памяти”: “Патриоты всего мира, соединяйтесь!”

Васильев, таким образом, в отличие от некоторых пишущих о нем, основываясь на его выступлениях с большим сроком давности, уже перестроился и стал не только патриотическим, но и демократическим. Аналогичная метаморфоза произошла и с С. Григорьянцем, выступление которого было фактически зеркальным отражением речи Васильева: и о клевете на демократов, якобы поголовно состоящих из евреев-отказников, зарабатывающих для Запада авторитет, и о ложных обвинениях в экстремизме и отсутствии патриотизма у людей, которые не собираются ни в какую эмиграцию, а будут бороться за перестройку, демократизацию и гласность до последнего. Наметившийся в результате блок идейно-политических групп в основном несоциалистической окраски может активно не нравиться, но он является реальным фактом. Многие ораторы (и особенно Васильев) активно доказывали окружающим, что они являются не только составной частью, но и ядром неформального движения; а когда у некоторых групп эти претензии “быть своим, неформальным” не встретили понимания, им ясно было сказано, что у “Памяти” есть свои люди практически во всех объединениях, и они зна-

ют, что именно о них говорят некоторые в КСИ и ФСИ. Учитывая, что за спиной оратора стояло несколько внушительных молодых людей, на черных майках которых было на фоне желтого колокола красной славянской вязью написано "Память", в эти слова верилось; в то, что у этой организации только в Москве 30 тысяч активистов, верилось слабее.

Когда приходится читать лекции на эту тему, в последнее время практически каждый раз задается вопрос: а не возникнут ли на основе различных группировок, появившихся на основе идейно-политической самостоятельности, альтернативные КПСС политические партии? Тот же вопрос как-то раз задали на пресс-конференции одному из руководителей КСИ Г. Пельману, который ответил, что при определенных тенденциях развития социалистического плюрализма такое может произойти, хотя и в условиях признания некоторыми клубами конституционной роли коммунистической партии. Я, однако, считаю, что возможность аналогичного развития событий представляется бесконечно малой.

Для возникновения многопартийности любого типа, как показывает исторический опыт, требуется общество с четко очерченными социальными структурами, интересы которых расходятся настолько далеко, что требуют подобных форм своего политического представительства. Хотя, как показывает опыт последних лет, наше общество устроено куда более конфликтно и сложно, чем можно было предполагать по декларациям предшествующего периода, оно пока довольно аморфно с точки зрения осознания социальными группами даже ближайших экономических интересов, не говоря уж о полном отсутствии в последнее десятилетие политического опыта даже у структур, которым политикой вроде бы положено заниматься по своему служебному положению — во всяком случае, в условиях хотя бы минимальной демократии и гласности (а не принудительного единомыслия).

Учитывая отсутствие серьезных традиций многопартийности в национальной культуре с ее традиционной гипертрофией функций государства, при позитивном варианте развития перестройки маловероятно ожидать в обозримой перспективе превращения клубов хотя бы даже в зародыши будущих партий — куда вероятнее интегрирование их части, стоящей на социально-конструктивных позициях, в Советы (и Комсомол) как автономных подструктур с перспективой образования Фронта в поддержку перестройки. Не более вероятным представляется, как показывает опыт кризисов в европейских социалистических странах, возможность и альтернативной многопартийности, возникающей "снизу". В Венгрии в 1956 г. возникла "национальная гвардия" на вооруженном этапе борьбы и "рабочие советы" — в мирный; в Чехословакии механизм конкуренции партий стремились сформировать прежде всего силы внутри самой КПЧ, и серьезной роли эта проблема в развитии событий не сыграла; в Польше неоднократно возникали забастовочные комитеты и пытавшиеся их направить группы интеллигенции, в конце концов породившие "Солидарность", но и здесь зародыши многопартийности не сыграли никакой серьезной роли в борьбе за власть.

Вообще, на мой взгляд, с точки зрения ленинизма вопрос преимуществ однопартийной или многопартийной системы — вопрос не столько принципа, сколько политической целесообразности. Идеалом коммунистов является отмирание государства и, следовательно, беспартийная система: каким путем мы к ней придем — более логически простым,

через совершенствование однопартийной системы, более сложным и зигзагообразным — может показать только практический опыт, и, решая наши нынешние неотложные проблемы, необходимо думать и об отдаленных перспективах.

Разумеется, в этих кратких заметках проблему не только не было возможности исчерпать, но и даже рассмотреть в единстве всех основных компонентов. Закончить их хотелось бы образом, который впервые использовала для характеристики этой темы Т. И. Заславская в таком далеком теперь уже от нас 1986 г. Перестройка откупорила бутылку, и джинн народных инициатив вышел из нее далеко не сразу — настолько его глубоко туда загнали. Тогда казалось, что его долго еще придется уговаривать выйти... Теперь можно с уверенностью считать, что при всем своем зародышевом характере в смысле массовости (активно в основном действуют люди, сложившиеся в доперестроечный период, а действие только-только начало выходить из фазы разговоров) в смысле активности джинн оказался вполне полноценным. Возникает вопрос — что дальше? Многие формы проявления его деятельности вызывают раздражение (заслуженное или не очень, это надо выяснять в каждом конкретном случае). Но даже если разбить бутылку, обратно джинн от этого явно не вернется.

Возникает другой вопрос: а что он будет делать дальше? Уважающий себя джинн, как известно, умеет и разрушать города, и их строить — вся проблема в том, кому он скажет "слушаюсь и повинуюсь", да и скажет ли он это вообще. А для этого надо его воспитывать (а заодно и заниматься самовоспитанием) и прежде всего — изучать.

НАСТУПАЕМ ИЛИ ОТСТУПАЕМ?

В истории нашей общественной мысли и жизни периода перестройки имел место случай, или лучше сказать — события, уроки которого выйдут далеко за рамки случая и события отдельного, зато характеризуют нынешнее наше общественное бытие — его состояние и его проблемы.

Мы имеем в виду дискуссию по так называемому “проекту века”, дискуссию, которая, казалось, закончилась с выходом в свет постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 августа 1986 “О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек”.

Да, дискуссия закончилась, и широкий читатель убежден, что проблема решена, что здравый смысл восторжествовал.

Но это — далеко не так. Это — совсем не так.

А чтобы убедиться в том, как же дело обстоит сегодня — а обстоит оно более чем неожиданно и тревожно, — необходимо восстановить в памяти ряд фактов.

Напомним, что дискуссия по этому проекту носила беспрецедентно массовый характер. По всей вероятности, этому случаю нельзя найти аналогии в истории Советского Союза, России, а может быть, и всего мира. Тысячи публикаций в газетах и журналах, бесчисленные — и прежде всего критические — выступления на сессиях Советов народных депутатов, начиная от сельских и кончая Верховным Советом СССР, поток писем трудящихся в редакции, в органы Советской власти и партийные органы, множество мнений и заключений, высказанных учеными и специалистами, — все это существенно не только само по себе. Это был едва не “первый вал” нового мышления, невиданной прежде общественной активности и убежденности людей в своем праве и на гласность, и на дело — великое дело перестройки.

Во всяком случае, это был если уж и не первый, так один из первых открытых и показательных боев, который общественное мнение дало бюрократической системе, сложившейся в течение предшествующих десятилетий.

И Политбюро ЦК КПСС, и Совет Министров СССР отнеслись к этому явлению — а это было действительно общественное явление — с пристальным вниманием. Мы бы даже сказали — и с новым пониманием, проистекающим все из тех же задач перестройки, — вот и появилось постановление “О прекращении работ...”

Мы не хотели бы быть понятыми так, будто постановление было принято под влиянием только общественного мнения, без необходимых экспертиз. Нет, технические экспертизы, выполненные к тому же как в обычном, государственном порядке, так и через многочисленные общественные комиссии вплоть до комиссий Академии наук СССР и нескольких ее отделений, доказали научную несостоятельность проекта, а в ряде случаев — элементарную подгонку и фальсификацию проектировщиками исходных данных и прогнозов.

Но мы хотим быть понятыми и в том смысле, что все те силы, которые мы называем общественными, оказались вполне способными разобрататься в технических и ведомственных проблемах — тех самых, вокруг которых до сих пор искусственно создается некий ореол недоступности для "простых смертных". Разрушение этих представлений, безусловно, тоже явилось достижением нашего времени, дискуссия доказала, что деятельность ведомств вполне может быть подконтрольной обществу.

Да, постановление было совершенно необходимым в наше время шагом партии и правительства навстречу трудящимся, а трудящихся — навстречу партии и правительству; без этих шагов теперь уже попросту немислимо наше существование. Но вот над этим-то принципиальным достижением нашего времени снова нависла угроза ведомственного диктата, и ведомство снова начинает брать реванш и верх. Бюрократия не сдастся. Она испугана результатом дискуссии, это для нее — жупел и предмет яростной ненависти. Обладая методами и долговременной выучкой, которые недоступны обществу в целом, она под маской все тех же общественных интересов ведет наступление, и это ей, к сожалению, удается. Удается чем дальше, тем, кажется, больше.

В самом деле, что происходит на практике, как "прекращаются" работы по переброске?

В северной части Союза, в бассейне Сухоны и других рек, работы, начатые, кстати, незаконно, без окончательно утвержденного проекта, действительно прекращены. Это было сделано в спешном порядке, буквально в ночь перед выходом в свет постановления. (Правда, по мнению многих специалистов Минводхоза — прекращены временно.)

Но вот в чем дело — объем этих "северных" работ составляет всего 7% стоимости проекта, а 93% его стоимости приходится на южную часть, прежде всего на Волгоградскую область, и здесь они ведутся во всевозрастающих темпах.

Никем и никогда не была окончательно доказана необходимость строительства второго канала Волга — Дон, все и всегда считали его главным объектом проекта переброски, но Минводхоз, Госплан и секретарь Волгоградского обкома КПСС, бывший министр мелиорации РСФСР тов. Калашников объявили этот канал объектом самостоятельным, независимым от общего проекта, на этом основании он и строится. Строится ударно, строится показательно для общественности: "Какое значение имеют для нас, строителей, для обкома критики, опровержения и обвинения? Пишите, что хотите, а мы — строим, мы хозяева положения, мы уничтожим доморожденных критиков на корню, а "чужих" пошлем дальше..."

Но даже если кто-то и доказал бы, что из Волги в Дон и в самом деле необходимо перебрасывать 5 км³ в год (а именно против этого и было направлено постановление "О прекращении работ..." от 14 августа

1986 г.), то и тогда канал Волга—Дон (бис) — сооружение совершенно ненужное, так как этот объем можно сбросить по системе уже существующих каналов. Так что строительство его идет не по необходимости, а из соображений сугубо "принципиальных". "Гидротехнический монстр" создается ради самого себя. Его глубина — 40 метров (для сравнения: Суэцкий и Панамский каналы имеют глубину 14-16 м). Омертвление капитала составит здесь 2,5 млрд. руб., и это в то время, когда колхозы и совхозы области уже должны государству 3 млрд. руб.

Увы, этот объект в системе Минводхоза не единственный. По существу, полным ходом идет строительство (опять-таки — по неутвержденному по всем статьям проекту) канала Волга—Чограй, который погубит огромные площади пастбищ в Калмыкии. Надвигается строительство канала Волга—Урал, идет строительство Ленинградской дамбы, готовится переброска вод Оби в озеро Чаны, из Дуная — в Днепр, из Амударьи до Каспия и т.д. и т.д. без конца.

И в то время как у Минводхоза закрыт "проект переброски", финансирование под этот проект идет в прежнем порядке: Минфин — дает, Минводхоз — берет, а что ему еще нужно? Ведь отчитывается Минводхоз не по урожаю, не по прибылям, не по эффективности производства (его бюджет — 10,5 млрд. руб. в год — самый крупный из всех строительных министерств), а по "освоению" средств. Деньги истрачены, и, значит, план выполнен.

Отсюда становится понятным, почему Минводхоз проектирует и строит, строит и проектирует объекты, которые не приносят ничего, кроме колоссальных убытков, он судорожно торопится с "освоением средств", потому что, если хоть однажды он не "освоит" свои 10,5 млрд. (да еще миллиард-другой не выпросит дополнительно), это будет значить, что бюджет следующего года у него окажется урезанным, а это — сокращение штатов, это потеря привилегий и престижа.

Вот и некогда Минводхозу остановиться, оглядеться — ему надо тратить и тратить. У него ведь еще и такой ход: в прошлом году министерство спрашивало дополнительно десятки миллионов на тот или иной проект, а в нынешнем оно "списывает" или "консервирует" тот же проект как неперспективный — и так на десятки, на сотни миллионов рублей ежегодно. Прозатратный ажиотаж принимает поистине гомерические размеры.

То же и с мелиорированными землями: взяли да и списали 3,5 млн. га орошаемых земель, "улучшенных" по способу Минводхоза.

Тысячи лет эти земли были землями, теперь их нет — вот такая масштабная деятельность. Правда, в некоторых областях (в Волгоградской, например) списание отменено — земли стали бросовыми, но актировать этот факт нельзя, сор из избы выносить нельзя.

Печать не устает обо всем этом говорить. Сколько статей опубликовал *Коммунист*, пишут *Правда* и *Известия*, *Огонек* (1987, № 40) требует привлечения виновных к суду, об этом же писал *Крокодил* (1987, № 23); из Магаданской области сообщают, что там Минводхозу предъявляется иск в нанесении ущерба природным ресурсам в сумме 3,5 млрд. руб. За 20 лет государство вложило в мелиорацию 130 млрд. руб., а урожайность практически не повысилась. На рубль капиталовложений в мелиорацию мы в среднем по Союзу получаем 33 коп. отдачи. И что же?

А — ничего! Министерство но дрогнуло, оно убеждено в своих дости-

жениях и даже постановление "О прекращении работ..." уже толкует в свою пользу, в пользу получения все новых и новых средств, ничуть не сознавая брака в собственной работе, не считая нужным объяснить реальное положение дел в водном хозяйстве, не смущаясь миллиардами, не только выброшенными на ветер, но и "освоенными" в порядке "списания" миллионов гектаров земель.

Никто не отрицает, что в принципе нам необходимы мелиорации, что часть мелиорированных земель (а именно 1/3) все-таки дает плановую урожайность, но разве выполнение плана на 1/3 можно признать удовлетворительной работой? А если из этой части вычесть все те поистине колоссальные убытки и аварии, подобные, скажем, каракалпакской, что же останется? А если учесть, что Минводхоз снижает и снижает плановые урожайности и таким образом увеличивает площади, на которых достигнут плановый урожай? Теперь уже в ряде случаев этот план по урожаю не превышает того, что дают земли богарные, немелиорируемые.

Если в Узбекистане не хватает воды, так почему же там оказались заболоченными земли всей Каракалпакской АССР? Каракалпакская драма, по существу, сопоставима с черновильской: там, на землях недавней пустыни и цветущих оазисов, теперь нельзя жить, люди болеют и умирают, женщины рожают неполноценных детей, заболачивание прогрессирует, оросительные нормы достигают 55 тыс. м³ на 1 га при максимально допустимых 15–20 тыс. м³ на 1 га.

Минводхоз виноват всерьез, по-черновильски, но и тут он поворачивает проблему в свою пользу: воды не хватает, значит, нужна переброска! Больше того — проблема эта используется в неблагоприятных целях и истолковывается так: РСФСР не хочет дать воду Узбекистану, где людям уже нечего пить.

Но вот в чем дело — чем больше воды, тем больше ее потери, — это во-первых; во-вторых, не спасет Арал проектируемая переброска; и, в-третьих, проект переброски ни технически, ни экономически не обоснован, он не выдерживает критики.

Начнем с того, что в оросительных системах Средней Азии на испарение, фильтрацию и сброс (по разным источникам) теряется 30–50 км³ воды, сбросные воды создают второй, искусственный Арал, заполняя колоссальную Сарыкамышскую впадину, заболачивая огромные пространства вдоль Каракумского канала в Туркмении.

Теперь уже и Ашхабаду угрожает участь Каракалпакии и Нукуса. Более 150 скважин откачивают из-под Ашхабада грунтовые (читай — оросительные) воды. И это происходит в безводной пустыне! Ведь еще 15–20 лет тому назад это было немыслимо — болота в пустыне!

Так вот, сэкономить от этих губительных потерь 1/3 или 1/4, построить независимые от орошения коммунальные системы водоснабжения — и проблема будет решена.

Но Минводхоз искусственно соединяет две проблемы — орошения и коммунального водоснабжения — в одну, а эту одну снова и снова сводит к проблеме переброски. Отсюда пренебрежение к возможностям использовать для водоснабжения подземные воды, создавать системы опреснителей, на которых существуют многие государства, расположенные в зоне пустынь. Однако такие решения вопроса подрывают позиции "перебросчиков", и вот они все еще не отказались от проекта канала Обь—Арал длиной 2500 км, шириной 200 м понизу, с перекачкой на вы-

соту 110 м. (Только на магистрали для этого потребуется мощность Куйбышевской ГЭС.) Этот объект обеспечит безбедное существование Минводхоза на десятки лет вперед, а заодно отведет от него все упреки в вопиющих просчетах и ошибках.

Что даст этот канал среднеазиатскому региону и даст ли что-нибудь, можно будет увидеть через несколько поколений, но пока что на него можно возлагать любые, самые фантастические надежды, списывать все сегодняшние просчеты и преступления, подобные совершенным в Каракалпакии: тот сказочный канал-де все перекроет, всех осчастливит — дайте только срок! И вот уже проектировщики считают потери на фильтрацию и испарение всего лишь 10% объема на всем его протяжении в 2500 км, тогда как в земляных руслах эти потери составляют минимум — 1% на километр. Кроме того, вода в этом канале будет неизбежно засолена, поскольку растворит грунтовые соли на том же протяжении. Но проект — это десятки бюджетных миллиардов сегодня — вот главное его достоинство с точки зрения Минводхоза.

Мы хотели бы также обратить особое внимание на роль науки в решении этих проблем, и не только на роль, но и на моральную сторону дела, на все то, что именуется научной этикой.

Многие крупнейшие ученые — математики, механики, геологи, юристы, почвоведы, три отделения АН СССР в целом, в служебные обязанности которых не входит изучение этой проблемы, тем не менее ее изучили и дали свои заключения. Вот некоторые из них.

А. С. Понтрягин, академик:

“Качество научных проработок... не выдерживает никакой критики”.

“Все делается для того, чтобы обосновать бессмысленные дорогостоящие проекты”.

Г. И. Петров, академик:

“...были подогнаны величины в уравнениях (!), а сами уравнения решены неправильно...”

“...подтасовка научных расчетов в таком проекте являлась не чем иным, как решающим компонентом подготавливавшегося широкомасштабного экологического и экономического преступления” (преступления! — С.З.).

С. Н. Чернышев, доктор геолого-минералогических наук: используются любые методы, “дабы подогнать результаты прогноза под ведомственный интерес...”

“Огромные коллективы были вовлечены в авантюрное, по существу, мероприятие”.

А. С. Мищенко, доктор физико-математических наук:

“В обмане участвовали все, начиная от рядовых сотрудников и кончая директорами институтов, министрами”.

Б. С. Соколов, академик:

“Проблема переброски стока северных рек России, проблема Байкала стали пробным камнем проверки силы советского общества в преодолении совершенно устаревших, антинаучных, волюнтаристских форм хозяйствования, в борьбе против личностей любых рангов, действующих по принципу временщиков — “после нас хоть потоп...” Одновременно это борьба и за сохранение нашего неповторимого наследия, во всем идущего от родной земли и ее истории, борьба за будущее страны и занятое ею место в семье народов Земли”.

Самое удивительное, что эти заключения публиковались уже не раз и... не возымели ни малейшего действия на "перебросчиков".

Может быть, министр мелиорации и водного хозяйства тов. Н. Ф. Васильев или его первый заместитель, теоретик и энтузиаст "переброски" тов. П. А. Полад-заде пытались эти заключения опровергнуть? Ведь как-никак министерство насчитывает в своей системе 150 научных учреждений, им и карты в руки — вступить в защиту идеи, от которой они неплохо кормятся-поятся. И в проектных организациях занято почти 70 тыс. человек. А для проектирования переброски был создан головной институт, там тоже тысячи работников — вот бы и доказывали свою правоту всем миром.

Но тут другая метода взята на вооружение — печать пишет, академики протестуют и обвиняют, а стройка того же Волга—Дона (бис) идет полным ходом. И еще как идет-то! И Минводхоз на все случаи жизни обеспечен поддержкой академического института — Института водных проблем, в лице прежде всего его директора Г. В. Воропаева и заместителей тт. А. Л. Великанова, М. Г. Хубларяна, а также Д. Я. Ратковича — эти не подведут.

И в то время когда "независимые" ученые на общественных началах выносят те заключения, которые мы только что привели, Институт водных проблем по ряду причин, в том числе и материальных, оказался в одной прочной упряжке с Министерством водного хозяйства.

Стоило выйти постановлению "О прекращении работ...", как Г. В. Воропаев через полгода опубликовал в печати ("НТР: проблемы и решения", 1987, № 5) статью: "Мое мнение: проекту жить..."

А когда в *Огоньке* выходит статья с требованием привлечь к уголовной ответственности руководителей Министерства и тов. Воропаева — неразрывная их связь и дружба становятся еще прочнее — тов. Воропаев становится официальным консультантом Минводхоза от лица АН СССР.

Как и в каком направлении работает научная мысль Института водных проблем, можно видеть из следующих фактов.

В 1986 г. институт утверждал, что к 2000 году водопотребление промышленностью СССР снизится на 17,7%. Это — реальная цифра; за счет введения новой технологии и введения водооборотных систем процесс снижения водопотребления наблюдается во всем мире. Но в 1987 году тот же институт утверждает: к 2000 году водопотребление на 21%... повысится.

Почему так? Да потому что потребовалось заново доказать наличие дефицита воды в ряде регионов страны. Раз дефицит — значит и переброска. Только теперь она снова называется "территориальным перераспределением стока", включается в "Программу водообеспечения" и таким образом снова подводится мина под постановление. А под "перераспределение" тем временем создан в Сибири второй академический Институт водных и экологических проблем, директор его — член. корр. АН СССР О. Ф. Васильев, — поборник и проектант "переброски", он тоже пока что не опроверг ни одного довода "против" этого проекта, он безоговорочно "за".

Итак, складывается, уже сложилось положение, при котором партия и правительство хорошо понимают общественность, общественность — партию и правительство, но вмешивается ведомство, и это взаимопо-

нимание не дает никаких результатов. И дело идет так, как шло раньше, до перестройки, а может быть, и хуже. И мы убеждены, что положение не изменится до тех пор, пока Минводхоз будет пребывать в прежнем своем составе, в прежнем статусе, с прежними правами, с прежней программой и направлением работ.

Минводхоз — строительная организация, а всякое строительство испокон веков исполнялось подрядчиком по инициативе и под контролем заказчика.

Но если мы хотим осуществить здесь перестройку, тогда его немедленно надо лишить министерского статуса, который до сих пор, несмотря ни на что, позволяет ему самому выбирать объекты проектирования, самому проектировать, строить и все еще самому себе эти объекты сдавать, отчитываясь лишь в "использовании средств". Мыслимо ли, чтобы заказчик подчинялся подрядчику? Но такое подчинение все еще имеет место и позволяет Минводхозу уклоняться от контроля, строить убыточно. Убытки — миллиардные и неисправимы навеки, поскольку сокращают наш земельный фонд.

Время идет, а линия Минводхоза на переброску продолжается, приобретая иные формы и так или иначе камуфлируясь.

Минводхоз и по существу подведомственный ему Институт водных проблем АН СССР сумели внести в текст последнего постановления правительства по проблемам водообеспечения пункт, в соответствии с которым должны проводиться экологические и экомические исследования в области регионального "перераспределения стока". [Видимо, в порядке "исследования" и строится усиленными темпами канал Волга—Дон (бис.)] Если бы этот пункт был десятым или двадцатым в ряду других пунктов, таких, скажем, как внедрение новых способов орошения, как селекция сортов сельхозкультур, обладающих малым водопотреблением, как проект водохозяйственного законодательства, как составление водноземельного баланса страны (в противовес балансу только водному и к тому же — произвольному, который соответствует прежде всего интересам самого Минводхоза), если бы так, тогда и этот пункт был бы закономерен.

Но в том-то и дело, что он один и поэтому совершенно недвусмысленно фигурирует в постановлении, и, значит, ведомство снова переходит в наступление в защиту своих интересов и наступает отнюдь безрезультатно.

"Программа водообеспечения", представленная Минводхозом в правительство, которая, по-существу, перечеркивала решение о прекращении работ, не прошла в том виде, как ее представил Минводхоз, но этот пункт прошел и таким образом, пусть отчасти, но "проекты века" снова приобретают права гражданства и обеспечиваются миллиардами из госбюжета.

Мелиоративное строительство давно приобрело чрезмерный, гиперболлизированный размах во вред земле и экологии в целом, в то время как строительство дорожное бесконечно отстает. Так почему бы часть мощностей водохозяйственников не переключить именно в эту сферу? Ведь построить асфальтированную дорогу ничем не труднее и не сложнее, чем облицованный канал, с этой задачей вполне справится любой инженер-гидротехник.

Ведь выпускают же автозаводы бытовые холодильники, маневри-

руют своими производственными мощностями? Почему нельзя скоординировать деятельность двух ведомств — водохозяйственного и дорожного? При том, что никому не будет грозить безработица, а все будут заняты безусловно полезным делом?

Подумаем и над дискуссиями, над тем, как они ведутся вокруг "проектов века".

Кто против них? Как правило те, кто не имеет к проектированию непосредственного отношения и видит факты со стороны. Кто за?

Прежде всего — сами проектировщики, само ведомство, для которого каждый такой проект — лакомый кусок. Ну, конечно, это обстоятельство не решающее, тут важны доказательства. Но доказательств нет ведомством и обходятся, оно не отвечает на главные вопросы своих оппонентов, а лишь на те, на которые так или иначе ответы находит. Значит, надо взять за правило: пока нет ответов на эти главные вопросы, которые заданы проектировщикам со страниц *Правды*, *Коммуниста*, *Литературной газеты* и многих журналов, — дело двигаться вперед не может.

Минводхоз же вместо доказательства выдвигает "согласования", скажем, тот же проект канала Волга—Чограй согласован им с Астраханским, Калмыцким и другими обкомами, с Советской властью этих регионов. Но вот в чем дело: проект этим областям и республикам ничего не стоит, это не их средства, а Минводхоза, который под проект построит и жилье, и кое-какие дороги и еще кое-что, а из госбюджета через Минводхоз им обязательно перепадет. А если бы вопрос стоял так: проект стоит 688 млн. руб., и если эти миллионы отдать соответствующим облисполкомам и предоставить им решать, куда они их направят — на строительство канала или на что-то другое? Сомнений нет — они нашли бы этим деньгам гораздо более рациональное применение. Они вложили бы их непосредственно в полеводство и животноводство и, несомненно, получили бы гораздо большую отдачу. Ведь до сих пор отдача капиталовложений в мелиорацию составляет в водном хозяйстве 33 коп. на рубль, спрашивается — зачем же загонять деньги в убыточное предприятие?

Но... план. Действует не государственный, не народный, а ведомственный план, ведомственный разорительный механизм.

И вообще — не пора ли задуматься над показателями производительности Минводхоза в целом, этого колоссального прозатратного механизма? Его годовой бюджет 10,5 млрд. руб., его численность 2 млн. человек (это численность чуть ли не всей рабочей силы Финляндии), следовательно, каждый водохозяйственник тратит в год 5250 руб., тратит, "осваивает" — вот и вся его задача; необходимость и экономическую эффективность этих затрат, выраженную в тех же реальных рублях, которые им затрачены, никто определить не может. Спрашивается, какое же это "хозяйство", которое не только своих доходов, но даже и убытков подсчитать в принципе не может? Что же это за принцип хозяйствования? И не пора ли с ним кончать?

Мы назвали годовой бюджет минводхоза — 10,5 млрд. руб. Но нигде не учитывается еще и фонд зарплаты министерства, так как заработок мелиораторов выше среднего общесоюзного (220 руб. в месяц), то круглым счетом этот фонд составит еще 5 млрд. руб. в год, итого — 15 млрд. Итак, с каждой души населения Советского Союза каждый мелиоратор получает в качестве зарплаты 20 рублей в год и еще 40

тратит неизвестно куда и зачем, по существу, безотчетно. Если еще и подсчитать убытки по Кара-Богаз-Голу, по Туркмении, по Каракалпакии, по Астраханской, Ростовской, Волгоградской, Саратовской, Куйбышевской и др. областям, по Белоруссии, где почвы Полесья пошли в распыл от пересушки, по Украине, где испорчены сотни тысяч гектаров чернозема, — что же получится? Какая получится эффективность?

Поэтому мы и говорим: мало того, что мы окончательно расставим все точки над "і" в данной, вполне конкретной проблеме. Мало того, что и тов. Н. Ф. Васильев, тов. П. А. Полад-заде, тов. А. С. Березнер, А. Л. Великанов, О. А. Леонтьев, В. А. Духовный и многие другие должны отчитаться по обвинениям, предъявленным им учеными и общественностью, отчитаться за тот же Кара-Богаз-Гол и Каракалпакию, за Волга—Дон (бис), за Полесье и многие, многие другие объекты и "проекты века" — все это само собой разумеется, но все эти факты необходимо осмыслить, сделать из них выводы, необходимо действительно осуществлять решения правительства и тем самым поддерживать его престиж, а не искать пути, какими эти решения можно дезавуировать, так или иначе обойти, а тем самым подтвердить, что и общественное мнение тоже ничего не стоит.

Если ведомству удастся преодолеть общественное мнение, снизить его активность, доказать его недееспособность, значит, будет утеряна движущая сила всей перестройки.

Нужно отдать себе отчет: что же происходит? Если министерство в результате поистине грандиозной дискуссии, в которой оно было многократно разоблачено, уличено в фальсификации, в преступной бесхозяйственности, не потеряло ровным счетом ничего, а продолжает делать то же самое, что оно делало в период застоя, тогда, спрашивается, кто же наступает, а кто — отступает?

Общественность протестует против затопления земель водохранилищами ГЭС, против антисанитарии, источником которой эти водохранилища являются, против колоссальных убытков в рыбном хозяйстве, а Минэнерго в это время проталкивает программу строительства 93 новых крупных ГЭС (в добавление к 200 существующим) по списку, в котором указаны: название ГЭС, мощность в киловаттах, стоимость строительства и сроки ввода в действие, но о размерах затопления в этом списке и речи нет. Проектировщикам совершенно безразлично, сколько они затопят, они и сами этого не только не знают, но и не хотят знать.

И вот уже в Совмине "согласован" проект Туруханской ГЭС, площадь затопления которой предположительно составит около одного миллиона га, в том числе 320 тыс. га продуктивного леса, плюс к этому — неразведанные минеральные богатства недр, которые тоже уйдут под воду, плюс — уничтожение территории целого народа, живущего в Эвенкийском национальном округе. Они предлагают узаконить за ними исключительные права и полномочия и не допускать к обсуждению проектов строительства ГЭС не только Советы народных депутатов и общественность, но и научные, и природоохранные учреждения, включая Госкомприроду.

А что творится в городах с нашими парками? Их уничтожают, вырубая под охраной милиции и служебных собак, пример тому — Москва и Подмосковье: Битцевский, Тушинский, Люберецкий, Томилинский и другие массивы.

А что мы делаем с лесами, в частности с кедром? Сколько их у нас было десять лет тому назад и сколько осталось сегодня?

Что делаем с почвами? Какими темпами загрязняем атмосферу и прибрежные морские воды?

Общественное сознание буквально с каждым днем становится сознанием все более и более экологическим, иначе и не может быть: народ и общество, а вовсе не ведомство являются подлинными владельцами своей земли и всех природных ресурсов, народ и общество осознают природу в целом как источник своего существования, в то время как ведомства искусственно делят природу на "отрасли", в которых они являются единственными и притом бесхозными хозяевами.

И мы переживаем этот период, в котором, повторяем, отнюдь еще не ясно: кто же наступает, а кто — отступает.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ НЕВЕЖЕСТВО И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АВАНТЮРИЗМ. ЗАВАЛЫ НА ПУТИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Перестройка необходима. Перестройка уже давно назрела. Но если не впадать в иллюзии, то нужно признать, что перестроить наше хозяйство в короткий срок вряд ли возможно. Причин тому немало, но одна из наиболее важных, на которую тем не менее обращается недопустимо мало внимания, состоит в трудности быстрого и эффективного решения накопившихся в стране экологических проблем. Анализу этого и посвящена настоящая статья, написанная с позиций биолога, более 30 лет тесно связанного с проблемами природопользования и охраны природы. Когда-то эти проблемы были в основном биологическими, потом — параллельно с ростом антропогенного давления на природу — они приобрели “атмосферное” и “гидросферное” звучание. Сегодня все эти проблемы частной экологии имеют огромное социально-экономическое значение.

Природа страны под угрозой

Предельно кратко рассмотрю состояние воздуха, вод, почвы, растительного и животного мира для того, чтобы показать масштаб возникших проблем, не претендуя на сколь-нибудь полный обзор.

Еще несколько лет назад в официальных отчетах по охране природы, появлявшихся в газетах обычно 5 июня — в День охраны окружающей среды, — мы читали, что, несмотря на рост промышленного производства, нам удастся сдерживать рост загрязнения воздушного бассейна. Как и многие другие, эти цифры оказались “лукавыми” — загрязненность атмосферы не только больших городских агломераций, но и крупных промышленных регионов увеличивалась, а не уменьшалась, и жителям Кемерово, Ангарска, Свердловска и сотен других городов это было хорошо известно. Мои подсчеты, проведенные с помощью весов, карандаша и листа бумаги (на основе количества выпадающей пыли в районе моего дома на Юго-Западе Москвы), показывают, что в год на гектар здесь опадают сотни килограммов пыли. К сожалению, в доступной мне литературе данные о количестве пыли нашлись только для некоторых западных стран. В промышленных районах ФРГ и Бельгии пыли было примерно столько же. В США и Швеции в 70-х годах меньше¹.

¹ А. В. Яблоков, С. А. Остроумов. Уровни охраны живой природы. М., 1985.

В 1987 г. атмосфера над 104 крупными городами страны, в том числе в Кемерове, Запорожье, Жданове, Новокузнецке, Ереване и других, была насыщена загрязняющими веществами в концентрации более чем в 10 раз больше предельно допустимой по окиси углерода, двуокиси азота, сернистому газу, фтористому и хлористому водороду, фенолам, аммиаку, сероводороду и др.¹

До опасного уровня снизилось качество воды Немана, Днепра, Печоры, Оби, в низовьях Волги.

По-видимому, не менее чем в половине наших рек концентрация загрязнителей достигает предельно допустимых величин, а в каждой седьмой реке их концентрация превышает предельно допустимую в 10 и более раз. В период обработки пестицидами рисовых полей ПДК в ряде южных рек превышает норму в сотни раз!

Вылов осетровых, лососевых, сельдевых, крупного частика, составивший в 1948 г. около 1 млн. т, снизился ныне в несколько раз. Уловы в когда-то самом продуктивном море мира — Азовском — упали в 25 раз. Общий улов рыбы в Каспии снизился в 1,5 раза, да и вылавливается теперь в основном килька. Рыбу из озера Балхаш и ряда крупных водохранилищ становится опасным употреблять в пищу из-за высокого уровня загрязнения воды.

Кое-где в Средней Азии увеличилась смертность населения в результате резкого ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, вызванной ухудшением качества воды.

В результате неправильного ведения сельского хозяйства — выпаса, распашки маргинальных земель, неправильного орошения — десятки миллионов гектаров продуктивных земель выпали из сельскохозяйственного пользования, и истинные масштабы этого процесса только сейчас выясняются с помощью спутниковых наблюдений. По некоторым подсчетам, из строя ежегодно выходит больше земель, чем их вводится благодаря мелиорации. Ежегодное увеличение площадей полупустынь составляет в ряде районов страны 10%.

Тает гумус — основа естественного плодородия почвы: черноземы с содержанием гумуса 14—16% перестали существовать вообще, а площадь черноземов с содержанием гумуса 10—13% уменьшилась в 5 раз...

Нарастает темп исчезновения видов — бесценного генетического фонда, потеря которого безвозвратна. Уже сейчас в нашей стране исчезает ежегодно по крайней мере по одному-двум видам животных и растений, но истинные темпы исчезновения, вероятно, много больше: тревожные сообщения поступают с Байкала, где сосредоточена большая часть (более 2 тысяч видов!) наших эндемиков, т.е. видов, которые нигде в мире больше не живут, и их потеря оказывается потерей не только для нашей страны, но и для всего мира. Всего же в Красную книгу СССР — перечень видов, находящихся в опасном состоянии, — было включено в 1984 г. 603 вида сосудистых растений, 81 вид мхов, лишайников и грибов, 202 вида насекомых, 2 вида ракообразных, 19 видов моллюсков, 11 видов червей, 9 видов и подвидов рыб, 9 видов амфибий, 37 видов и

¹ К. Кондратьев, В. Зуев, Л. Соловьев. Гроза над биосферой. — *Правда*, 11 июля 1987 г.; П. Полетаев. В ответе перед природой. — *Правда*, 5 июня 1987 г.

подвидов рептилий, 80 видов птиц и 94 вида и подвида млекопитающих¹.

За этими непримечательными на первый взгляд цифрами скрываются трагические факты. От 4 до 16% видов растений в разных районах страны находится под угрозой уничтожения. В ряде регионов Средней Азии уже исчезли около 10% видов бабочек, в Горьковской области исчезло около половины местных видов рыб. В Молдавской ССР численность насекомых сократилась за последние десятилетия в 20 раз, из водоемов республики исчезло 150 видов живых существ, а число несеомоядных птиц сократилось в 5 раз. Даже в могучих сибирских реках во много раз сократилась численность когда-то массовых видов ценных рыб, таких, как нельма, муксун и др. В целом по стране $\frac{1}{3}$ видов рептилий и амфибий находится на грани исчезновения, в таком же положении каждый десятый вид птиц и пятый — млекопитающих...

Можно долго перечислять конкретные причины, по которым животный и растительный мир нашей страны оказался, без преувеличения, в катастрофическом состоянии. Среди этих причин и непосредственная гибель от разных факторов (например, ежегодно под сельскохозяйственными машинами гибнет больше куропаток и зайцев, чем их отстреливают охотники, на водозаборах только в бассейне Волги гибнет более 10 млрд. мальков — больше, чем выпускается всеми рыбопроизводными заводами; ежегодно около 10 млн. птиц гибнет от столкновения с транспортом на дорогах, сотни тысяч крупных птиц гибнут на линиях электропередач — этот мрачный перечень можно продолжать долго...), и исчезновение в результате уничтожения местообитаний, и постепенная гибель в результате общего загрязнения среды.

О тяжелом состоянии среды косвенно говорят и недавно ставшие достоянием гласности цифры продолжительности жизни и детской смертности: статистическая средняя продолжительность жизни в стране с 1971 г. перестала увеличиваться и в 1985 г. была ниже, чем в 1958! С 1970 г. в среднем по стране возросла детская смертность². Все это особенно четко выражено в регионах, которые можно было смело называть регионами экологического бедствия, — республики Средней Азии, Молдавия, ряд районов Украины, промышленные регионы европейской части страны и Сибири.

Можно и сейчас назвать несколько районов страны, которые грозят вот-вот стать очередными районами экологического бедствия. Среди них северный Прикаспий, на территории которого начал работать экологически грязный Астраханский газоконденсатный комплекс, экологически неряшливо ведется разведка и добыча все большего количества углеводородного сырья, готовится к осуществлению не выдерживающий критики проект строительства канала Волга—Чограй, который погубит и без того находящуюся в критическом состоянии Калмыкию (см. ниже). Тревожная экологическая обстановка сложилась в северо-западном Причерноморье, в том числе в результате начала осуществления экологически не продуманного строительства канала Дунай—Днепр. Опасная ситуация на Обском Севере, где в результате безобразного хо-

¹ Красная книга СССР. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные и растения. Т. 1—2. М., 1984.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.

зайствованию вылило больше нефти, чем ее попадает в Мировой океан.

Закончу на этом краткий перечень наших некоторых экологических бед, будучи в полной уверенности, что любой читатель легко может продолжить печальный перечень, — напомним лишь о Севане, Балхаше, Полестье, Южном Урале, Восточном Казахстане, северных европейских и дальневосточных реках... Похоже, что сейчас уже невозможно найти какой-либо крупный регион страны без серьезных экологических проблем!

Кто виноват?

В чем причина экологических проблем страны?

Прежде всего надо отметить, что ссылка на неизбежность возникновения экологических проблем при развитии промышленности и народного хозяйства не выдерживает критики. Есть опыт развития крупных промышленных стран и целых экономических регионов, показывающий, что нерасторжимой отрицательной связи между технологией и экологией не существует: в тех случаях, когда экологии уделяется достаточно внимания, развитие технологии не ведет к разрушению природы.

Чтобы не быть голословным, приведу ряд примеров. Общее состояние природы в такой индустриально развитой стране, как Чехословакия, до эры кислотных дождей (середина—конец 70-х годов) было в целом лучше, чем у нас в стране: было больше заповедных территорий, надежнее охранялись растительный и животный мир, строже соблюдались законы по охране атмосферного воздуха и воды, больше порядка было в лесах и водоемах. Конечно, и в этой стране было и есть много экологических проблем, но они не такие разрушительные по своим последствиям, как наши.

Уверен, что многие удивятся, услышав, что в крошечной по сравнению с нашей страной Швеции (в 50 раз меньше) ежегодно отстреливается охотниками больше лосей, чем в СССР. Это отражает высокий уровень сохранения и поддержания качества окружающей живой природы. При значительно более широком промышленном развитии Швеции потребление воды, энергии, кислорода, металла и других ресурсов на единицу продукции здесь разительно ниже, чем в СССР. Даже в планируемых нами показателях на 2005 г. мы не предусматриваем того уровня энерго- и ресурсосбережения, которые характерны для Швеции начала 80-х годов! Добавлю, что в Швеции подвергается полной очистке более 90% всех стоков, у нас, наверное, около 50%. Высок и уровень урбанизации — в 1980 г. более 85% всего населения Швеции жило в городах и поселках городского типа. По климатическим условиям Швеция близка центральной части европейской территории СССР, и ссылки на особо благоприятные климатические условия, которые часто приводятся в оправдание — например, отставания нашего сельского хозяйства от сельского хозяйства других стран, — здесь не годятся. В этом же ряду назову еще Японию как пример в целом показательного сочетания небывалого развития промышленности и сохранения природы страны. О состоянии дел в этой области говорит тот простой факт, что главными проблемами Японии в области охраны среды ныне являются не выбросы загрязняющих веществ, не нехватка заповедных и других охраняемых территорий, не загрязнение водоемов, как у нас, а шум и запахи.

Однако и с этими видами загрязнения развернулась интенсивная борьба. Пример Японии показателен, поскольку еще два десятилетия назад она была лидирующей в загрязнении и воздуха и водоемов. Чтобы справиться с этими, как кажется до сих пор некоторым, неизбежными спутниками интенсивного развития промышленного производства, оказалось необходимым тратить на охрану окружающей среды не около 1%, как это было в период максимального загрязнения (и сколько тратится у нас), а 5—6% валового национального продукта.

Долгое время в природоохранной литературе гибель Великих Американских озер приводилась как пример неизбежных последствий индустриализации. Сконцентрировав усилия, федеральное правительство и правительства штатов смогли не просто улучшить ситуацию, а восстановить жизнь в озерах, где сейчас вновь начался даже промысел лососей. И хотя это обошлось стране в 11 млрд. долл., промышленность от принятых мер не пострадала, а выиграла, перейдя на более совершенные безотходные и малоотходные технологии.

Уверен, что подобных примеров можно было бы привести немало, но в этом нет необходимости, поскольку и так ясно, что тезис о неизбежности связи развития промышленности с возникновением экологически кризисных ситуаций несостоятелен. Если хозяйственное развитие не обязательно влечет за собой деградацию среды, то почему же наша страна оказалась ныне в преддверии опасной экологической ситуации? Прежде чем обоснованно ответить на этот вопрос, я приведу несколько разного уровня примеров удавшегося или предполагавшегося уничтожения природы. При этом я не буду вдаваться в детали, а коснусь лишь тех случаев, с которыми был связан лично.

Пример 1. Как-то в Октябрьском райкоме КПСС г. Москвы на семинаре секретарей парторганизаций, когда речь шла о проблемах района, секретарь райкома с сокрушением говорил о том, что ТЭЦ работает недисциплинированно — допускает отключение фильтров не только ночью, но и днем. Потом на каком-то другом совещании я слышал о том, что отключение фильтров с целью экономии электроэнергии широко практикуется в Москве. Мой дом расположен сравнительно недалеко от этой мощной ТЭЦ, и, как я уже говорил, на выпадающую пыль я давно обратил внимание. Оказалось, что действительно ночью обычно выпадало значительно больше пыли, чем днем!

Итак, работники ТЭЦ с ведома районного начальства отключали фильтры и посыпали город ядовитыми выбросами из труб. Понимая, что густые шлейфы дыма над трубами вызовут справедливые протесты населения, делали это тайком, по ночам. Люди сознательно отравляли свое собственное существование ради перевыполнения плана по экономии электроэнергии! Фильтры были, фильтры могли работать, но сознательно отключались! Судя по тому, что свежевыпавший по ночам снег вокруг моего дома чернеет значительно интенсивнее, чем днем, можно предположить, что подобная практика продолжается и ныне¹.

Пример 2. В одной из экспедиций мне пришлось работать в окрестностях озера Маркаколь (Восточно-Казахстанская область). Это одно из самых красивых Алтайских озер, хотя оно много меньше знаменитого

¹ *Литературная газета* недавно (10 февраля 1988 г.) сообщила, что подобная практика существует и в г. Тагиле.

Телецкого озера, но по составу обитающих в нем и вокруг редких видов животных и растений выделяется из всех алтайских озер. Сейчас, после многочисленных обращений общественности, на большей части его территории создан государственный заповедник, но время, о котором пойдет речь, было за несколько лет до создания заповедника, — начало 70-х годов. Это было время интенсивного развития рисоводства в пойме реки Черный Иртыш, в который впадает единственная вытекающая из Маркаколя река Кальджир. Секретарь Маркакольского райкома КПСС, желая резко увеличить площади орошаемых территорий, решил... спустить это высокогорное озеро (как это было сделано в свое время с Севаном)! Для этого к истоку реки местным совхозом были посланы бульдозеры, которые с большим трудом, но добрались до места и начали свою варварскую работу. Озеро спас вставший на пути бульдозеров директор леспромхоза, расположенного на берегах озера. Он не дал бульдозеристам уничтожить озеро, просто прогнал их оттуда. За это он был вскоре исключен из партии (позднее ЦК КПСС восстановил его) и перестал быть директором леспромхоза. К счастью для озера, ситуация с рисосеянием изменилась, рапортовать о баснословном приращении орошаемых площадей стало, по-видимому, неактуально. А тут подспела и организация заповедника на озере (к сожалению, истоки реки не вошли в заповедную территорию, и повторение попытки этого экологического преступления в принципе возможно).

Кстати, проезжая по орошаемым землям района, каждый может видеть много заболоченных и засоленных брошенных полей. Ясно, что орошение даже в таком масштабе, как оно было проведено, было не продумано и не принесло большой пользы.

В этой истории поражает легкость, с которой руководство района решило уничтожить расположенный на управляемой ими территории природный объект, ценность которого даже не республиканского, а все-союзного масштаба (о судьбе Маркаколя несколько раз писалось в центральной печати). Поражает и безропотность бульдозеристов — исполнителей преступного приказа. Наконец, восхищает патриотизм и государственный подход к спасению природы директора леспромхоза, предотвратившего экологическое преступление.

Пример 3. Судьба Аскании-Нова. Об этом много писалось в центральной и республиканской прессе, поэтому ограничусь кратким изложением. До сих пор заповедника в Аскании-Нова не существует. Крупнейший в Европе оставшийся нераспаханным участок степи в 10 тыс. га представляет собой территорию, принадлежащую зональному институту животноводства ВАСХНИЛ, и не имеет надежной охранной грамоты от государства. Словосочетание "Заповедник Аскания-Нова" на значках, конвертах, марках, в путеводителях по существу незаконно, так как такого заповедника как юридического лица не существует. Я дважды в составе высоких комиссий (одна лет 10 назад от Академии наук СССР, другая — год назад от ВАСХНИЛ) был в Аскании. Комиссии выносят хорошие решения, а воз и ныне там. При этом состояние заповедной степи угрожающее: наступают окрестные поселки, выпасается скот, началось ее подтопление от оросительных систем и т. д.

Причина такого положения в отчаянном сопротивлении руководства института и областных властей созданию заповедника. По моему глубокому убеждению, первопричина заключается в боязни лишиться весьма

существенных материальных благ, которые дают 10 тыс. га нетронутой целины изворотливым хозяйственникам. А дает эта целина сено, которое ценится на юге Украины на вес золота. Ведь до прихода человека по целинной степи бродили многочисленные табуны диких лошадей и других копытных. Они съедали траву, разбивали копытами плотные дерновины, и жизнь в степи текла по заведенному кругу. Сейчас в заповедной степи копытных нет, только много лет рассматриваются проекты выпуска туда оленей, и поэтому периодически участок за участком приходится косить заповедную степь, чтобы имитировать природные условия и не допустить гибели степи. Этот неучитываемый приход тысяч тонн сена — сильнейший магнит, не позволяющий учредить заповедник. Добавлю, что оставшийся кусок целинной степи сохранился чудом: в свое время Н. С. Хрущев распорядился распахать целинную степь. Только отсутствие нужного числа тракторов и бензина спасло степь от окончательной распахивки, дало передышку в несколько дней, за которые общественности удалось добиться прекращения этого экологического преступления. Именно преступления, потому что без эталона целинной степи нам не понять и никогда не узнать, что происходит с нашими землями в результате ведения сельского хозяйства, нельзя разработать мер по их восстановлению.

Наконец, мы должны сохранить навсегда генетический фонд природы — все без исключения виды животных и растений, даже если они не нужны нам в данный момент. Если же пропадет массив Асканийской степи, кто знает, сколько видов прекратит свое существование?

Если отбросить возможные уголовные аспекты современной асканийской действительности, то оказывается, что главной причиной сложившегося положения является такое руководство заповедником, при котором внутрихозяйственные интересы ставятся выше региональных (значение Аскании для всей степной зоны огромно), республиканских (Украина — одна из отстающих республик в СССР по величине заповедных территорий) и общесоюзных. Это, судя по всему, позиции областного руководства (хотя и поругивающего время от времени институт, но соглашающегося с его отношением к заповедной степи) и руководства ВАСХНИЛ. Показательно, что, создав и послав в Асканию нашу комиссию, после десятка резких выступлений печати, президиум ВАСХНИЛ не удосужился на протяжении многих месяцев заслушать ее отчет!

Пример 4. Случай с Национальным парком "Лосиный остров" на территории Москвы. Парк был создан на бумаге решением исполкома Моссовета в период, который принято называть застойным, на основе самой крупной зеленой зоны, входящей в Москву. Одно время было не редкость видеть пасущихся оленей вблизи шоссе Энтузиастов и у Ярославского шоссе. Затем в парке, который до сих пор не стал Национальным парком в настоящем смысле слова, стали твориться удивительные вещи: его территория стала самовольно захватываться как частными лицами под огороды и дачные строения, так и окрестными предпринятиями и учреждениями под застройку. Участились случаи браконьерства — находили убитых оленей с пулями. Мне пришлось и выступать в печати, и поднимать эти вопросы в Московском горкоме партии. Многие помнят, наверное, и резкие передачи Всесоюзного телевидения о положении в парке. Руководство парка сейчас сменилось, новому руководству удастся сделать кое-что хорошее. Но главное — остановить на-

ступление соседних городков, спускающих на территорию парка ядовитые стоки, осуществляющих крупномасштабное незаконное строительство — оно прекратить не в состоянии. И управление исполкома Моссовета, которое должно отвечать за парк, оказывается не на высоте задач вверенного ему учреждения.

В чем причина сложившегося положения? В нарушении норм землепользования окружающими организациями. Нельзя вести строительство без разрешительных документов: нельзя быть включенным в титульный список на строительство без нужных разрешений, нельзя без них открыть и финансирование в банке. Раз все это делалось без разрешений, то и руководство соответствующих министерств, и местные власти, и стройбанк — все они оказались втянутыми в преступную деятельность руководителями предприятий, строящих на территории Национального парка многоэтажные дома и продолжающих сбрасывать в водоемы парка отравленные отходы. Этот ведомственный активный подход оказался сильнее благих пожеланий, робко проявленных Моссоветом и не подкрепленных реальными действиями по защите Национального парка.

Руководители предприятий не могли не понимать, что они начали незаконное строительство. Они начали его, думая, что многоквартирный жилой дом, облегчающий положение с жильем на предприятии, важнее, чем соблюдение правил землепользования. Здесь не может идти речь об экологическом невежестве, надо называть такое поведение авантюрным.

Пример 5. Директор Института экологии Волжского бассейна АН СССР в г. Тольятти профессор Станислав Максимович Коновалов рассказал мне такую историю. Лет 5 назад их институт стал выяснять экологическую обстановку в городе. Получил данные об отходах, которые образуются на всех производствах, и сравнил их с количеством отходов, попадающих на официальные городские полигоны по переработке отходов. Оказалось, что ежедневно примерно около 300 т отходов в этом городе исчезает, минуя городские свалки. Это может означать только одно — незаконное, тайное их захоронение. Каждый из нас видел на обочинах пригородных дорог кучи производственного и строительного мусора. Нерадивые водители, не довозя отходы до отведенного места, выбрасывают их где попало. Безнравственность такого поведения вряд ли стоит доказывать. Но разве руководители предприятий не знают об этом?

Пример 6. Года два назад я был включен как официальный представитель АН СССР в комиссию Совета Министров СССР по определению места строительства нового экспортного нефтяного порта на Балтике. Проблема была для меня совершенно новая. Я попытался разобраться в ней с позиций эксперта-эколога. В распоряжении комиссии было несколько документов: от одного из научных советов Академии наук по изучению производительных сил и природных ресурсов, от республиканской Академии наук, на территории которой предполагалось строить нефтебазу. Все они содержали, на мой взгляд, очень серьезные предостережения, говорящие о недостатках предлагаемого места строительства. В частности, шла речь о том, что будут нарушены существующие распоряжения Совета Министров СССР об ограничении хозяйственного развития намеченного района с целью сохранения приемлемой экологической обстановки, и о том, что недостаточно обоснована прокладка нового

нефтепровода с геологической точки зрения, и о том, что недостаточно обоснован отказ проектировщиков от коренной реконструкции уже существующих старых причалов в другом городе, и так далее. К этим вопросам пришлось и мне добавить несколько, в частности оценить опасность нового сооружения с точки зрения перераспределения потока нефти в Балтике для рыбного промысла (дающего хотя и сравнительно немного продукции, но важной для получения высококачественных пищевых продуктов).

Сроки работы комиссии были крайне жесткие, нас все время пугали необходимостью положить на стол правительства результаты работы к какому-то определенному дню, и постепенно мне стало ясно, что по существу все уже предрешено и от комиссии ждут не объективного обсуждения вопроса о том, где строить и строить ли, а лишь подтверждения единственного предложения! Все, что шло вразрез с этим, твердо отодвигалось в сторону.

С накоплением новых данных становилось все очевидней, что предрешенное заключение не является оптимальным. Но для того, чтобы доказать это, мне нужно было получить несколько дополнительных фактических справок. Меня уверили, что такие справки будут запрошены, и... перестали приглашать на заседания комиссии! Еще ранее я обратил внимание на то, что на заседаниях комиссии отсутствовал вице-президент республиканской Академии наук — другой полноправный член комиссии. Я связался с ним по телефону и выяснил, что его даже не извещали о проводимых совещаниях. Как уж комиссия обошлась без наших подписей на заключении, не знаю...

Анализируя этот случай и поведение руководства правительственной комиссии, вынужден прийти к выводу, что и в этом случае был проявлен экологический авантюризм: говорить о неосведомленности руководителей в существовании крупных экологических проблем не приходится — они прекрасно об этом знали. Однако сиюминутные ведомственные интересы (выдаваемые за высшие государственные интересы!) были поставлены выше долгосрочных интересов развития страны в целом.

Пример 7. Мне как председателю Ихтиологической комиссии Минрыбхоза СССР недавно пришлось познакомиться с проектом строительства канала Волга—Чограй. Первоначально этот канал планировался как элемент проекта по переброске части стока северных рек в Волгу. Переброска, как известно, была отменена, но эта часть проекта осталась и ныне осуществляется практически, несмотря на то что строительством ставится под угрозу уничтожения 85% естественных нерестилищ осетровых на Волге.

Несмотря на то, что если Ставрополь и получит воду, то она будет сильно минерализована; несмотря на то, что попутно будут загублены обширные территории Калмыцкой АССР, негодные для обводнения путем мелиорации такого типа, который планируется, будет поставлено под угрозу существование единственной европейской популяции сайгака, обитающей в Калмыкии; несмотря на то, что сбросные воды, сильно минерализованные и насыщенные пестицидами, попав в северный Каспий, поставят под угрозу ликвидации этот уникальный и самый богатый рыбохозяйственный бассейн нашей страны; несмотря на то, что в самой Калмыкии вскрыты достаточные резервы воды, что есть возможность подачи некоторого количества подземных вод из Ставропо-

ля; несмотря на то, что калмыцкими учеными разработана экологически обоснованная стратегия использования имеющихся водных ресурсов, сулящая не ухудшение, а улучшение экологического состояния этого уже обезображенного нашим хозяйствованием региона, площадь пустынь здесь увеличивается ежегодно на 10% в основном в результате перевыпаса: там, где может пастись одна овца, официально пасется четыре (на самом деле — больше!). Вес этих четырех не превысит веса одной, если бы она имела возможность нормально кормиться!

Я ни минуты не сомневаюсь, что уже в ближайшие годы станут реальностью те отрицательные последствия строительства канала Волга—Чограй, о которых сегодня говорят ученые¹. Но для нашего анализа важно выяснить, что же за силы стоят в защиту этого канала.

Во-первых, большой коллектив разработчиков из регионального института Минводхоза, которые получили деньги за создание этого проекта и, естественно, хотят его оправдать. Во-вторых, само министерство, оказавшееся после запрещения колоссальных по масштабу работ по переброске перед необходимостью сворачивания их фронта; в его интересах любой ценой надо сохранить как можно больше объектов строительства. В-третьих, руководство автономной республики, замороженное, видимо, обещаниями того же Минводхоза дать крупные суммы на социальную культуру, на строительство дорог, помочь республике техникой и т. д.

В этой ситуации мне довелось сравнить поведение местных руководителей по экологическим вопросам на "своей" и соседней территории. Первый секретарь Астраханского обкома КПСС горячо поддержал в разговоре со мной по телефону идею добиваться экологической экспертизы проекта канала Волга—Чограй и даже сказал, что было специальное решение, в котором содержатся решительные возражения против такого строительства. Но как изменился его тон, когда я завел разговор об экологических опасностях, связанных с расположенным рядом Астраханским газоконденсатным комплексом: и никаких опасностей нет, и проект просмотрен самыми крупными специалистами, и так далее. Руководство же Калмыкии, как мне известно, не скрывает своего очень критического настроения по отношению к Астраханскому газоконденсатному комплексу (что совершенно правильно, поскольку существование этого комплекса ставит под угрозу экологическое благополучие огромного региона, включающего Калмыкию), но помалкивает по поводу экологических последствий канала Волга—Чограй. На самом деле и канал Волга—Чограй и Астраханский газоконденсатный, и развитие нефтедобычи в северном Каспии — все это ставит весь североприкаспийский регион на грань экологической катастрофы.

Итак, в основе осуществления проекта, крайне опасного с экологической точки зрения (и крайне сомнительного с экономической), лежит ведомственная заинтересованность и желание местных властей получить какие-то материальные ресурсы сегодня и в ближайшие два-три года, т. е.

¹ Об этом канале неоднократно писалось в центральной печати. См., например: А. Яблоков, В. Дубинина. И вода уйдет в песок. — *Социалистическая индустрия*, 21 августа 1987 г.; В. Казаков. Черноземельские миражи. — *Природа и человек*, № 12, 1987, с. 34—37; Два миллиарда на ветер? — *Правда*, 29 марта 1988 г.

в обозримый период. Если бы все эти товарищи не знали о существовании серьезнейших экологических опасностей, вызываемых проектом, то можно было бы говорить об их *экологическом невежестве*. Но они все это знают и тем не менее действуют. Самое мягкое выражение, которое характеризует позицию местного руководства, — *экологическая близорукость*, но, может быть, все же более точным определением будет *экологический авантюризм*.

Пример 8. Спор о водном хозяйстве страны. Известно, что после принятия в 1986 г. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек группа ученых Института водных проблем АН СССР обратилась в директивные органы с просьбой еще раз рассмотреть вопрос о перспективах развития водного хозяйства страны. Была создана правительственная комиссия. Подготовленный проект документа часть членов комиссии подписать отказались. Обсуждение вопроса было вынесено на совместное заседание президиума АН СССР и ВАСХНИЛ осенью 1987 г. Конференц-зал президиума АН СССР был переполнен. После выступления от имени комиссии академика, вице-президента АН СССР А. В. Коптюга слово взял академик Б. Н. Ласкорин, который с цифрами и фактами в руках показал, что главный вывод доклада о том, что за пределами 2000 г. будут нужны либо принципиально новые и отсутствующие сегодня технологии водоиспользования, либо территориальное перераспределение стока, совершенно не обоснован, что некоторые принципиально важные цифры водного баланса страны, приведенные в докладе, неверны, что дефицит водных ресурсов, о котором много говорится в докладе, с одной стороны, основан на жонглировании сомнительными цифрами, а с другой — на архаических технологиях использования воды в сельском и других областях народного хозяйства¹, что водное хозяйство в его современном виде оказывает разрушительное влияние на народное хозяйство страны в целом. Среди выступавших не было ни одного, кто подверг бы сомнению цифры, приведенные Ласкориним. Целый ряд ученых решительно поддержали идею о необходимости скорректировать доклад комиссии, учтя критические замечания, обобщенные Б. Н. Ласкориним.

К сожалению, не всем тем, кто просил слова, оно было предоставлено. Не была предоставлена возможность выступить и мне, хотя я просил слова как единственный попавший на заседание (и то не по приглашению!) представитель Минрыбхоза СССР. В то же время мы выслушали патетические выступления трех председателей колхозов, депутатов, героев из разных регионов страны, убеждавших нас, что водная мелиорация земель — хорошее дело.

Председательствующий, президент АН СССР академик Г. И. Марчук согласился с необходимостью учесть критику Б. Н. Ласкорина при подготовке заключительного варианта доклада для директивных органов. Еще раз подчеркну: никто не смог возразить Б. Н. Ласкорину, указавше-

¹ Так, потребление свежей воды на единицу промышленной продукции в СССР многократно (!) выше, чем в большинстве развитых стран, КПД оросительных систем в передовых в этом отношении странах превышает 0,9, у нас — только 0,6 (до 40% воды теряется при орошении в европейской части, 60% — в Средней Азии) и т. д.

му на арифметические ошибки и жонглирование цифрами в подсчетах, обосновывавших дефицит водных ресурсов на южном склоне страны. Однако, судя по принятому решению, именно эти лукавые цифры, по-видимому, фигурировали в докладе в Политбюро.

Как видно по опубликованным материалам, одна из целей "перебросчиков" — продолжение работ в этом направлении — была достигнута¹. Этот пример показывает, что сторонники ведомственного подхода считают крайне опасным оглашение информации об иных точках зрения, что они считают весьма важным оградить лиц, принимающих решения, от дополнительной информации.

Пример 9. В марте 1987 г. на общем собрании Академии наук СССР, определяя стратегию работ Академии на будущее, ее вице-президент академик Ю. А. Овчинников в очередной раз выдвинул задачу всемерно-го усиления работ по развитию химии пестицидов.

В ответ на мое выступление, поставившее под сомнение целесообразность такой стратегии при решении проблем сельского хозяйства, общее собрание поручило мне подготовить для президиума АН СССР специальный доклад о пестицидах и альтернативных способах защиты. Отложив в сторону все текущие дела, я за три месяца подготовил такой доклад (на основе анализа нашей и зарубежной литературы, многих консультаций со специалистами и знакомства с самыми различными материалами). Полученная картина оказалась еще более тревожной, чем я представлял себе ранее. Текст доклада был передан в мае 1987 г. в президиум АН СССР. Тогда же я передал доклад в ЦК КПСС, зная, что там собирается специальное совещание по химизации сельского хозяйства. К сожалению, мой доклад, видимо, "не добрался" до организаторов совещания: там по-прежнему шла речь о необходимости все более широкого распространения пестицидов, что с экологической, экономической и санитарно-гигиенической точек зрения является, на мой взгляд, серьезной ошибкой.

На протяжении целого года у президиума Академии не нашлось времени для выполнения поручения общего собрания и обсуждения моего доклада. Для доклада против пестицидов времени не нашлось, зато оно нашлось для принятия развернутого постановления о...дальнейшем развитии и расширении работ в области разработки новых пестицидов! И как прекрасно называется это пестицидное постановление: "О развитии исследований в области создания оригинальных отечественных высокоэффективных средств защиты растений в Академии наук СССР". Даже специалист в области защиты растений по такому названию не угадает, что речь идет исключительно о химических средствах защиты, и подумает, что Академия действительно взялась за новые средства защиты — микробиологические, экосистемные и др.

¹ О накале обсуждения этого вопроса можно судить хотя бы по таким фактам. Отвечая на вопрос С. П. Зальгины, не дезавуируется ли решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о прекращении работ по переброске последним решением Политбюро, М. С. Горбачев на встрече с руководителями средств массовой информации идеологических учреждений и творческих союзов ответил: "В проекте программы водопользования о переброске рек речь не идет" (*Правда*, 13 января 1988 г.). В Постановлении же ЦК КПСС и СМ СССР, опубликованном через несколько дней, мы читаем: "... продолжить изучение научных проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов..." (*Правда*, 27 января 1988 г.)!

Анализ этой ситуации показывает, что сторонники традиционных антиэкологических решений, хотя и знают о существовании иных подходов и возможностей, откровенно их игнорируют. Если это не экологическое невежество, если это не экологическая близорукость, если это не экологический авантюризм, то это — безнравственная позиция химиков не только с экологической, но и с общечеловеческой точки зрения.

Безнравственность этой позиции в данном случае заключается в том, что химики, зная о существовании широкого спектра нехимических средств защиты растений и лучше других зная огромные экологические и медицинские опасности, тающиеся в применении химических средств защиты, соглашались возглавить всю работу по разработке средств защиты растений¹, неизбежно отодвигая развитие действительно новых и перспективных — не химических! — средств защиты растений на задний план.

В чем причина такого положения? Видимо, непосредственной причиной является желание получить побольше средств на проведение химических исследований, причем получить любой ценой, в данном случае — ской сознательного ущемления экологически безопасных "не химических" решений.

Пример 10. Летом 1987 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли очень важное для дела охраны природы постановление: о порядке разработки проекта Долгосрочной государственной программы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов СССР на тринадцатую пятилетку и на перспективу до 2005 года².

По существу, речь шла о той самой национальной стратегии охраны природы, о создании которой мы все давно мечтали, надеясь, что она послужит мощным инструментом резкого улучшения экологической обстановки в стране.

В составе группы экспертов Госкомитета СССР по науке и технике я участвую в подготовке проекта этой программы. И вот что происходит: проект будущей программы составляется из предложений, которые представляют... заинтересованные министерства!

Механически сведя все эти, скажем прямо, ненапряженные предложения министерств и ведомств, мы получили внешне солидную, а на самом деле (за исключением, наверное, лишь раздела по охране воздуха, подготовленного под эгидой Госкомгидромета СССР и ставящего серьезные задачи перед ведомствами-загрязнителями) бесполезную и неэффективную концепцию программы. Требование, выдвинутое в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О коренной перестройке дела охраны природы в стране"³ ("Доводить... до министерств и ведомств СССР... соответствующие показатели... исходя из заданий и положений разрабатываемой Долгосрочной государственной программы

¹ Председатель Временной комиссии АН СССР по научным исследованиям в области средств защиты растений — член Академии, избранный по специальности "химия пестицидов", он же — председатель научного совета АН СССР "Научные основы химизации сельского хозяйства". Из 42 членов комиссии — 36 химиков!

² См. *Известия*, 24 сентября 1987 г.

³ *Правда*, 17 января 1988 г.

охраны окружающей среды...”), выгядит в свете сказанного выше бессмысленным — сами министерства и ведомства уже определили “соответствующие показатели”, исходя из своих, а не общегосударственных интересов.

В чем причина этого коренного промаха в разработке важнейшего природоохранного документа? Мне кажется — в ведомственно-бюрократическом подходе к выполнению этого архиважного общенационального дела. Правда, винить в этом главного разработчика — Госкомитет СССР по науке и технике я бы не стал: перед ним были поставлены, на мой взгляд, абсолютно нереальные сроки для такого дела — всего два месяца на создание концепции (при условии, что все привлеченные люди занимаются этим, как говорится, в свободное от основной работы время)! Когда же надо было перейти от работы над концепцией программы к самой программе, выяснилось, что уже упомянутым решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР все то, что мы делали по разработке программы, надлежит делать... создаваемой через несколько месяцев Госкомприроде СССР!

Теперь я опасаясь, что, выполнив поручение по созданию проекта Долгосрочной программы, Госкомитет СССР по науке и технике окажет плохую услугу делу охраны природы в стране, фактически связав вновь создаваемый Государственный комитет по охране природы СССР по рукам и ногам ведомственными подходами и цифрами: ведь эта программа рассматривается теперь как программа его работы. Вместо “коренной перестройки” дела охраны природы в стране торжествует и правит бал все та же ведомственность!

Что надо делать?

Из приведенных выше примеров, связанных с решением разного масштаба экологических проблем страны, определенно следует, что препятствием на пути их решения являются:

- экологическое невежество,
- экологическая близорукость,
- экологический авантюризм,
- экологическая безнравственность.

Экологическое невежество можно, казалось бы, ликвидировать экологическим образованием и воспитанием. Но этот путь не годится для высшего эшелона власти — лиц, принимающих решения, у которых возможности образования и воспитания уже упущены. Для них может быть только один выход — опираться при решении любых вопросов, затрагивающих природопользование, на *независимую экологическую экспертизу*.

Вопрос о введении Государственной экологической экспертизы всех проектов строительства и реконструкций, новой техники и материалов был поставлен Верховным Советом СССР перед Советом Министров СССР в 1986 году¹. Определенные шаги в этом направлении сделаны,

¹ “О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов”. Постановление Верховного Совета СССР. — *Правда*, 5 июля 1986 г.

пожалуй, только Госстроем СССР в отношении экологической экспертизы проектов. Разработка методики такой экспертизы, создание института ее осуществления — важнейшая общегосударственная задача, от решения которой, без преувеличения можно сказать, будет зависеть экологическая безопасность развития нашей страны. Важно, чтобы независимая экологическая экспертиза стала всеобщей и затронула бы процесс подготовки и принятия директивных решений.

Экологическая обстановка в мире способствует быстрому распространению нового политического мышления: за глобальными экологическими проблемами признается ныне пальма первенства даже перед проблемами идеологическими. Мне кажется, настало время распространить концепцию нового политического мышления и на внутривнутриполитические проблемы. Экологическая обстановка в стране такова, что без учета накладываемых ею ограничений развитие любого региона и страны в целом может оказаться под угрозой. Экологический императив быстро превращается не только во внешне-, но и внутривнутриполитический императив. Конкретные следствия из этого тезиса многообразны, но в общей форме они сводятся к беспощадной и последовательной борьбе со всеми четырьмя экологическими "антикачествами", о которых шла речь в начале этого раздела.

Существенно облегчить такую борьбу могут два обстоятельства. Первое: не только декларирование необходимости всенародного обсуждения затрагивающих крупные экологические проблемы проектов, но и скорейшее установление самого механизма такого обсуждения. Для этого надо законодательно ответить на вопросы: как организуется обсуждение экологических проблем на уровне области? На уровне нескольких соседних областей? На уровне республики? На всесоюзном уровне? По чьей инициативе может начаться такое обсуждение? В какой форме оно проводится? Кто может (и кто обязан) принять участие в таком обсуждении? Как реализуются итоги такого обсуждения советскими, партийными органами, министерствами и ведомствами? Наконец, надо определить, что можно и что необходимо считать крупными экологическими проблемами. Скажем, уже упоминавшийся Астраханский газоконденсатный комплекс, по мнению многих, представляет экологическую опасность для огромного региона, далеко выходящего за пределы Астраханской области и даже Прикаспия. Но, естественно, будут и другие точки зрения, скажем, об исключительно локальном характере его влияния. Кто будет судьей в таких спорах?

Второе обстоятельство, которое должно позволить эффективно бороться с экологическим невежеством, близорукостью и авантюризмом (но, к сожалению, не с экологической безнравственностью!), — это резкое изменение внутренней политики в отношении засекречивания данных о состоянии окружающей нас среды. "Скрывая от людей обобщенные сведения об условиях их собственной жизни... нельзя ожидать их активизации ни в производственной, ни в политической сферах"¹. Я глубоко уверен, что распространение данных по структуре заболеваемости в связи с применением пестицидов или других опасных веществ, по влиянию электромагнитных волн, по влиянию городского загрязнения, по

¹ Т. З а с л а в с к а я. Перестройка и социология. — *Правда*, 6 февраля 1987 г.

влиянию загрязненной воды на состояние здоровья помогло бы в кратчайший срок решить многие локальные экологические проблемы. Эти проблемы, пока о них не знают люди, как бы и не существуют вообще! Известно, например, что в домах, расположенных в 10–50 м от проезжей части крупных дорог, уровень заболеваемости раком в несколько раз выше. Известно, что большая часть работающих в теплицах с применением пестицидов после 10 лет работы тяжело болеет. То же самое в отношении механизаторов сельского хозяйства, связанных с пестицидами. Известно, что уровень мертворождений и новорожденных с отклонениями статистически достоверно коррелирован с уровнем использования пестицидов в данном регионе.

Пока большая часть подобных данных является полусекретными — предназначенными для служебного пользования. Это положение надо изменять и как можно быстрее.

Даже при организации эффективной борьбы с алкоголизмом необходим учет экологии. Известно, что, если предложить крысам на выбор чистую воду и слабый раствор спирта, они в нормальных условиях всегда выбирают воду. Однако если их поместить в атмосферу с повышенным содержанием углекислого газа (примерно таким, какое бывает на улицах больших городов в часы пик), то некоторые из них перестают пить воду и начинают пить слабый раствор спирта. С человеком таких экспериментов, насколько я знаю, не проводилось. Но мы — такие же млекопитающие, как и крысы, и не исключено, что рост алкоголизма в последние годы, совпавший по времени с ухудшением состояния окружающей среды в ряде регионов страны, не просто совпал с этим обстоятельством, но и мог быть как-то связан с ним.

Заключение

В жизни страны экологические проблемы стали играть огромную роль. К сожалению, это далеко не всегда учитывается при принятии внутривнутриполитических, хозяйственных, социальных решений. *Перестройка хозяйственного механизма, перестройка внутривнутриполитической жизни невозможна без экологизации.* О некоторых путях такой экологизации шла речь выше.

Все сказанное о необходимости резкого усиления “экологической составляющей” в принятии любых народнохозяйственных решений в первую очередь касается Коммунистической партии как правящей партии. Партия должна быть менее подверженной ведомственности в решении проблем природопользования. К сожалению, до настоящего времени это оказывается далеко не всегда так: и ЦК КПСС, и партийные органы на местах уделяют экологии меньше внимания, чем того требует современный этап развития нашего общества.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

1. Оценка экологической ситуации

В наши дни редко можно встретить человека, который бы не понимал необходимости охраны природы. Идея гармонизации отношений между обществом и природой близка и понятна каждому, поскольку все очевиднее становится зависимость благосостояния людей от качества окружающей их природной среды. В. И. Ленин в свое время справедливо утверждал, что "идеи становятся силой, когда они овладевают масса-ми"¹.

Казалось бы, в этой ситуации решение экологической проблемы в нашей стране не должно вызывать особых затруднений. Тем более что необходимость охраны природы и бережного расходования природных ресурсов не только утвердилась в сознании большинства членов нашего общества, но и является важнейшей составной частью социально-экономической стратегии Коммунистической партии и Советского государства.

Основные требования к охране окружающей природной среды закреплены в целом ряде законодательных актов Советского государства. Прежде всего это "Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик" (1968 г.), "Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик" (1970 г.), "Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах" (1975 г.), "Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик" (1977 г.), закон "Об охране атмосферного воздуха" (1980 г.), закон "Об охране и использовании животного мира" (1980 г.). СССР — единственная в мире страна, где конституционно закреплены охрана и рациональное использование природных ресурсов: "В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды"².

И тем не менее проблемы охраны окружающей природной среды остаются неудовлетворительно. Прошло 15 лет со времени принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об усилении охра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 332.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1977, с. 11.

ны природы и улучшении использования природных ресурсов" (1972 г.)¹. Начиная с 1975 г. задания по охране природы стали одним из важнейших разделов народнохозяйственных планов. В 1978 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов"². В июле 1985 г. Верховный Совет СССР принял постановление "О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов". Реализация этих важных решений позволила добиться некоторых положительных результатов в области охраны природы. Существенно возросли ассигнования на природоохранные цели. Если в 1971—1975 гг. на природоохранные мероприятия было выделено 7,3 млрд. руб., то на текущую пятилетку 15 млрд. руб. При этом общие расходы государства и предприятий за последние десять лет превысили 60 млрд. руб.³ За годы десятой и одиннадцатой пятилеток созданы сооружения для очистки сточных вод мощностью 63,7 млн. м³ в сутки, системы оборотного водоснабжения — 243,8 млн. м³ в сутки, установки для улавливания и обезвреживания вредных веществ из отходящих газов мощностью 372,4 млн. м³ в час. В результате в настоящее время почти три четверти водопотребления в промышленности обеспечивается за счет систем оборотного и повторно-последовательного водоснабжения. Около 80% вредных веществ, содержащихся в отходящих газах, улавливается и обезвреживается. Удалось несколько сократить забор свежей воды из источников, заметно улучшилось состояние воздушного бассейна в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Риге и других городах. Возросли площади рекультивируемых земель, нарушенных горными разработками, увеличилось число заповедников и национальных парков⁴.

Однако эти положительные сдвиги следует рассматривать лишь как первые и весьма скромные шаги на пути к решению экологической проблемы в стране, которая в целом остается крайне напряженной. Уровень загрязнения наших рек, озер, водохранилищ по-прежнему остается недопустимо высоким, а в ряде крупных рек, таких, как Обь, Иртыш, Кама, Дон, Кубань, в последние годы качество воды даже ухудшилось. В 1986 г. в водоемы страны было сброшено 15 км³ сточных вод, загрязненных выше допустимых норм, а 6,5 км³ сточных вод сбрасывалось вообще без всякой очистки. Насколько это тяжкий удар для наших природных вод, можно наглядно представить, если учесть, что 1 м³ неочищенных сточных вод способен загрязнить и превратить в негодность 60 м³ чистой воды.

Особую опасность для здоровья людей и для народного хозяйства представляет загрязнение атмосферного воздуха в городах и промышленных центрах. В том же 1986 г. общий выброс вредных веществ в атмосферу от стационарных источников и автотранспорта превысил 100 млн. т, что составляет в среднем примерно 350 кг в расчете на душу

¹ Собрание постановлений правительства Союза Советских Социалистических Республик (СП СССР), 1973, № 2, с. 6.

² Там же, 1979, № 2, с. 6.

³ Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., «Финансы и статистика», 1986, с. 380—387; П. О л е т а е в. В ответе перед природой.— *Правда*, 5 июня 1987 г.; Ю. И з р а э л ь. Экология без косметики.— *Правда*, 7 сентября 1987 г.

⁴ См. там же.

населения. Естественно, что в городах эта нагрузка гораздо выше. Почти в 100 городах страны загрязнение воздуха в течение нескольких дней превышало предельно допустимые нормы в десять раз¹.

Интенсивное загрязнение атмосферы сернистыми соединениями, особенно сернистым ангидридом, годовой объем выброса которого достиг 20 млн. т, привело к выпадению кислотных дождей, наносящих урон лесам, сельскохозяйственным посевам, водоемам, почвам, историческим памятникам культуры, современным зданиям и сооружениям. Растут площади эродированных земель, происходит затопление и подтопление обширных территорий, засоление и заболачивание почв, разрушение их структуры. Все это сопровождается потерей естественного плодородия сельскохозяйственных угодий, снижением урожайности, ростом затрат на производство единицы продукции земледелия и животноводства. Имеют место сверхнормативные расходы воды, допускается превышение нормативной лесосеки при лесозаготовках. Огромный вред окружающей среде наносят большие потери нефти, газа, угля, минерального сырья при их добыче, переработке, транспортировке и использовании.

В орошаемом земледелии — основном потребителе водных ресурсов, до растений доходит лишь половина воды, забираемой из источников. Только при транспортировке воды по магистральным каналам теряется 20—25% воды из-за фильтрации. Такое бесхозяйственное отношение к ценнейшему природному ресурсу объяснимо. Ведь руководители Минводхоза СССР и его местных органов свыклись с тем, что вода не имеет цены, забирается бесплатно и подается по каналам с земляным руслом. В Узбекистане, например, облицовано лишь 8% оросителей, а в Туркмении и того меньше². Кроме того, вода теряется в межхозяйственных и внутрихозяйственных каналах, затем ее поток оскудевает в головном оросителе и в поливных бороздах. Ушедшая в грунт вода заболачивает и засоляет поля, разрушает их плодородие. Вместо выбывших земель ценою огромных затрат осваиваются новые, худшие по качеству земли, а отсталая водорасточительная технология сохраняется.

Аналогичная ситуация наблюдается и в других отраслях хозяйства. На протяжении многих лет в Карелии и других районах Северо-Запада систематически наблюдаются перерубы лесов. В ответ на запрос Карельского обкома партии, когда будет прекращена такая недопустимая практика, министр Минлесбумпрома СССР т. Бусыгин через газету *Правда* ответил, что его ведомство разработало комплексную программу рационализации лесозаготовок, в соответствии с которой перерубы леса предлагается прекратить начиная с... 1991 г.³ Нечего сказать — хороша "программа", которая предусматривает продлить по сути своей преступную деятельность министерства еще по меньшей мере на четыре года. И это в условиях, когда миллионы кубометров заготовленной древесины десятилетиями гниют вдоль железной дороги, связывающей Вологду, Архангельск, Петрозаводск и Беломорск, а также в местах сплава леса по многочисленным рекам региона.

¹ См. П. Полетаев. В ответе перед природой.— *Правда*, 5 июня 1987 г.; Ю. Израэль. Экология без косметики.— *Правда*, 7 сентября 1987 г., М. Крюков. Ответить беду.— *Правда*, 26 августа 1987 г.

² См. *Коммунист*, 1986, № 17, с. 27; М. Волков и др. Вокруг канала.— *Правда*, 29 июля 1987 г.

³ В. Степанов. Лес и люди. — *Правда*, 7 сентября 1987 г.

На нефтяных месторождениях извлекается лишь 35—40% этого ценнейшего сырья, хотя прогрессивные способы добычи, с использованием так называемых вторичных методов извлечения ресурса, позволяют повысить нефтеотдачу пластов до 60—65%¹. Огромные резервы заложены в полном использовании наиболее ценных компонентов нефтяного сырья. В СССР глубина переработки нефти составляет 58% с выходом котельно-печного топлива 42%. Показатель глубины переработки нефти сформировался в тот период, когда удельные затраты в нефтедобыче и нефтепереработке составляли 3 руб. — в добычу и 1 руб. — в переработку. Сейчас они стали соответственно 12 руб. и 1 руб. При таком соотношении структура переработки требует пересмотра в сторону увеличения выхода легких нефтепродуктов и уменьшения выпуска котельно-печного топлива, которое стало эффективно замещаться углем и газом. По имеющимся оценкам, оптимальная глубина переработки нефти (с точки зрения рентабельности производства) для сегодняшних экономических условий СССР составляет 70%. Такое углубление переработки позволит в 1,2—1,3 раза увеличить производство моторного топлива без роста добычи нефти².

Недопустимо расточительно расходуются и готовые к употреблению светлые нефтепродукты. Использование изношенных ведомственных автомобилей, а их парк исчисляется сотнями тысяч, приводит к увеличению расхода бензина на 40% по сравнению с исправными машинами, эксплуатируемыми специализированными автопредприятиями³. Удельные нормы расхода горючего планируются в различных автотранспортных предприятиях и объединениях произвольно, без какого бы то ни было научного и технико-экономического обоснования. Так, например, в объединениях, расположенных в одной и той же автономной республике — Татарской АССР — нормы расхода горючего на тонно-километр пробега установлены: в "Татавтодоре" — 122 г бензина и 50 г дизельного топлива, а в "Таттрансуправлении" соответственно 99 и 40 г. Как видим, разница достигает одной четверти, за которой скрываются десятки тысяч тонн разбазариваемого горючего⁴.

В результате бездумного водохозяйственного и гидроэнергетического строительства затоплены и подтоплены миллионы гектаров ценнейших пойменных земель. Большие площади ценных земель разрушаются при горных разработках. Так, при разработке железорудных месторождений Курской магнитной аномалии открытым способом загублены сотни тысяч уникальных среднерусских черноземов. Добыча угля и руды открытым способом считается особо эффективной, однако при этом не учитывается, что добыча 1 млн. т сырья этим способом требует отчуждения 20—30 га земли⁵. Нарушенные земли в большинстве своем

¹ См. *Коммунист*, 1986, № 17, с. 20.

² См. Ю. Н. Ш в е м б е р г е р. Геолого-экономические основы и методология долгосрочного прогнозирования освоения ресурсов нефти и газа. Автореф. докт. дисс. М., ВИЭМС Мингео СССР и АН СССР, 1987, с. 40.

³ Ю. В о р о б ь е в с к и й. Авторасточительство.— *Советская Россия*, 9 июня 1987 г.

⁴ В. Г а т а у л л и н. Пережог.— *Советская Россия*, 24 января 1987 г.

⁵ М. Л е м е ш е в. Эколого-экономическая оценка научно-технического прогресса.— *Вопросы экономики*, 1987, № 3, с. 35; В. М а р к о в. Аномалия.— *Экономическая газета*, 1986, № 36, с. 17.

не рекультивируются, а если эти работы и проводятся на ничтожной (около 2% нарушенных) части площадей, то качество их низкое, а затраты достигают 25 тыс. руб. на 1 га. Примерно такое же положение и в Кузбассе. Здесь рекультивацией земель занимаются два объединения — ВПО “Кузбассуголь” и “Кемеровоуголь”. Из 60 тыс. га нарушенных земель в относительный порядок приведено лишь 13 тыс. га, да и эти так называемые восстановленные земли не пригодны для получения урожаев¹.

Недопустимо велики потери ценных полезных ископаемых при их добыче и переработке. Сошлемся на практику Заполярья. Особенность здешнего минерального сырья — его многокомпонентность. Однако извлекается из него лишь 50, максимум 70% ценных металлов и минералов, а остальные омертвляются в отвалах². Такое положение не только снижает эффективность работы предприятий, но и резко ухудшает экологическую ситуацию в регионе.

2. Организация охраны окружающей среды

В настоящее время семь ведомств контролируют качество окружающей среды в стране. Так, Минводхоз ответствен за охрану водных ресурсов. Госагропром — земельных, Мингео — минеральных, Гослесхоз — лесных и т. д. Как видим, на отрасли, эксплуатирующие природные ресурсы, возложены и функции их охраны. Что касается охраны атмосферного воздуха, то она входит в обязанности Госкомгидромета. Ни одно из этих ведомств в действительности не охраняет природу от загрязнения и истощения ее ресурсов. В лучшем случае они лишь фиксируют негативные воздействия на природу. До сих пор мы не имеем стандартов качества состояния биосферы и окружающей среды, данные о загрязнении атмосферы никак не увязаны с состоянием качества воды в реках и озерах, загрязнение полей ядохимикатами и излишками удобрений никак не нормируются в связи с состоянием поверхностных вод и почвенного покрова, отсутствуют обоснованные нормативы удельного потребления природных ресурсов на производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Как видим, положение явно ненормальное. Естественно возникает вопрос: чем же объясняется такая неблагоприятная ситуация? Причин, очевидно, здесь несколько. Это и недостаточная изученность весьма сложных экологических проблем, это и несовершенство техники и технологии, их экологическая несовместимость, это и недостаток средств, выделяемых на охрану природы, но главное, по моему глубокому убеждению, не в этом. Все наши экономические беды кроются в порочности действующего хозяйственного механизма, в противоречии между общественными, коллективными и личными интересами. А это противоречие происходит из деформации отношений собственности. М. С. Горбачев в докладе на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС дал принципиальную оценку этому негативному явлению:

“Особо следует сказать о социалистической собственности. Про-

¹ Б. Г л о т о в. Рекультивация для галочки.— *Правда*, 25 августа 1987 г.
² А. М и н а е в. На земле Заполярья.— *Правда*, 1 октября 1987 г.

изошло серьезное ослабление контроля за тем, кто и как распоряжается ею. Она нередко разьедалась ведомственностью и местничеством, становилась как бы "ничейной", бесплатной, лишенной реального хозяина, во многих случаях стала использоваться для извлечения нетрудовых доходов"¹.

Коренным образом улучшить дело рационализации всего социалистического природопользования можно только на основе согласования экономических интересов общества и предприятий. Такое согласование требует прежде всего экономической оценки природных ресурсов и предоставления их в пользование предприятиям на возмездной основе, а проще говоря, за плату. Известно, что в нашей стране субъектом общенародной собственности, и прежде всего природных ресурсов, является социалистическое государство. Коль скоро государство — собственник — оно должно пользоваться своим правом реализации собственности. Разумеется, не в фискальных целях, не для простого получения денег с хозяйствующих субъектов (предприятий, организаций, граждан), а в целях стимулирования эффективного использования национального богатства в интересах всех членов общества. К сожалению, природные ресурсы — эта основа основ общественного производства — до сих пор даже не учитываются в составе национального богатства страны.

В условиях бесплатности природных ресурсов и процветает их хищническая эксплуатация, а расточительное, некомплексное, экстенсивное, низкоэффективное использование природных ресурсов — это и есть источник загрязнений окружающей среды. Затраты природных ресурсов на единицу производимого совокупного общественного продукта в нашей стране непомерно велики. Это можно наглядно проиллюстрировать на конкретных сопоставимых показателях СССР и США. Так, в СССР железной руды производится 250 млн. т, тогда как в США лишь 49 млн. т, т.е. в 5 раз больше. Производство стали соответственно составляет 161 и 75 млн. т, или превышает американский уровень почти в 2,2 раза. В то же время объем промышленной продукции в СССР по отношению к американскому уровню составляет только 80%.

Особо следует рассмотреть проблему использования энергетических ресурсов. В последние годы в нашей стране много говорится и пишется об их нарастающем дефиците, поэтому важно разобраться в природе этого дефицита. Советский Союз производит нефти в 1,4 раза, а газа в 1,5 раза больше, чем США². Чем же в таком случае обусловлена известная напряженность с обеспечением народного хозяйства энергией? Анализ показывает, что она формируется под воздействием двух основных факторов. Первый из них — это экспорт энергетических ресурсов. В 1986 г. наша страна продавала зарубежным государствам 130 млн. т сырой нефти, 57 млн. т нефтепродуктов и жидкого топлива, что составляло 21% объема ее производства и 79 млрд. м³ горючего газа³. Это, разумеется, затрудняло внутреннее снабжение народного хозяйства топливом. Однако главная причина возрастающего дефицита энергетических ресур-

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС 27 — 28 января 1987 г. М., Политиздат, 1987, с. 9.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., "Финансы и статистика", 1987, с. 13, 670; *Правда*, 24 января 1988 г.

³ Там же, с. 641.

сов не в этом. Она кроется в расточительном расходовании всех материальных ресурсов, в том числе и энергетических. Во всем мире в последние годы идет интенсивное освоение ресурсосберегающих технологий. Идет этот процесс и в нашей стране, однако темпы снижения ресурсопотребления у нас значительно ниже, чем в развитых капиталистических странах. Так, например, материалоемкость валового национального продукта (ВНП) в США за 1971—1985 гг. снизилась на 20%, а в СССР за этот же период лишь на 5%¹. Энергоемкость национального дохода в СССР в 1,34 раза выше, чем в США. А если учесть, что в США расход энергии в коммунально-бытовом хозяйстве намного выше, чем в СССР, то в сфере материального производства этот разрыв окажется значительно большим. По имеющимся оценкам, энергоемкость материального производства в СССР в три раза превышает американский уровень. Дело в том, что в СССР на тысячу жителей приходится 45 легковых автомобилей, а в США — 700. На одну среднестатистическую семью здесь приходится 1,8 автомобиля, а 49,6% домохозяйств имеют более двух машин (включая пикапы и легковые грузовики)². К этому также следует добавить, что $\frac{2}{3}$ американских семей проживают в индивидуальных домах, в которых расход энергоресурсов значительно выше, чем в общественных многоквартирных жилищах. При этом снижения энергоемкости общественного производства в нашей стране практически не происходит. Так, в 1987 г. энергоемкость национального дохода по плану намечалось снизить на 1,8%, а фактически она возросла на 0,9%. Немногим лучше обстоит дело и с экономией других материальных ресурсов. Среднегодовые темпы снижения металлоемкости за 1986—1987 гг. составили 1% по сравнению с 2,2% в одиннадцатой пятилетке. Общую материалоемкость промышленной продукции страны за те же два года текущей пятилетки удалось снизить лишь на 0,4% вместо 1% по плану³.

Механизм живучести использования ресурсоемких загрязняющих и природоразрушающих технологий прост. Ведь чтобы перейти к более экономным и интенсивным способам утилизации природных ресурсов, необходима разработка новых малоотходных и безотходных производственных технологий. Это потребует дополнительных затрат и в результате вызовет удорожание выпускаемой продукции и снижение ныне принятых показателей эффективности данного производства. В таких условиях предприятия-природопользователи оказываются не заинтересованными во внедрении новых ресурсосберегающих технологий. Напротив, они стремятся повысить рентабельность и прибыльность производства за счет использования бесплатных "ничейных" природных ресурсов и "дешевых" загрязняющих технологий.

Между тем высокая экономическая эффективность с позиций хозяйствующего субъекта вовсе не является таковой с позиций народного хозяйства страны в целом, поскольку она достигается ценой большого расхода природных ресурсов и загрязнения окружающей среды.

Для преодоления такого ненормального для планового социалисти-

¹ СССР в цифрах в 1986 году. М., "Финансы и статистика", 1987, с. 84.

² В. Толстов. Автомобиль — не роскошь. — *Пресс-автоклуб* (приложение к газете *Ригас-Балсс*), 19 октября 1987 г.; Statistical Abstract of the United States, 1986, p. 734.

³ Д. В а л о в о й. Перелом. — *Правда*, 12 февраля 1988 г.

ческого производства положения необходимо, во-первых, ввести платность за использование природных ресурсов. О необходимости такой важной меры говорилось в докладе М. С. Горбачева на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Средства, получаемые государством в результате взимания платы за природные ресурсы, должны использоваться для формирования специального фонда для охраны и воспроизводства природных ресурсов. Во-вторых, необходимо, чтобы все предприятия, независимо от их ведомственной подчиненности, вносили по установленному нормативу средства в республиканские и местные бюджеты для строго целевого их использования на проведение природоохранных мероприятий в данном регионе. В эти же фонды должны перечисляться и средства, взискиваемые с предприятий и организаций за нанесение ущерба вследствие загрязнения, разрушения и деградации окружающей природной среды. В-третьих, средства предприятий, формирующиеся за счет экономии на расходовании природных ресурсов, использовании вторичного сырья (отходов), должны учитываться особо и поступать не в "общий котел" прибыли, откуда они безрассудно изымаются в бюджет в виде так называемого свободного остатка, а формировать особый фонд предприятия для проведения природоохранных мероприятий и стимулирования коллектива и отдельных работников за их успешную реализацию.

Политбюро ЦК КПСС 30 июля 1987 г. обсудило вопрос о санитарной и экологической обстановке в стране, условиях труда, оказывающих влияние на здоровье населения¹. При этом была подчеркнута настоятельная необходимость улучшения положения дел в этой сфере. Отмечено, что сейчас, как никогда, требует внимания и всеобщих усилий борьба с загрязнением атмосферы и водоемов, неуклонное соблюдение санитарных норм и правил при проектировании, строительстве и реконструкции промышленных и других объектов, последовательное улучшение условий труда рабочих, служащих и колхозников. Принято к сведению, что в этих целях Совет Министров СССР осуществит комплекс первоочередных мер по улучшению экологической и санитарно-гигиенической обстановки и проведет необходимую работу по разработке Долгосрочной государственной программы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов СССР на тринадцатую пятилетку и на перспективу до 2005 года.

В настоящее время разработка этой программы уже началась. Важно, чтобы она была не "сводом" отдельных частных мероприятий, намечаемых многочисленными министерствами и ведомствами, как это бывало до сих пор, а носила комплексный, научно обоснованный эколого-экономический характер, отвечающий стратегическому курсу партии на интенсификацию производства, ресурсосбережение и последовательное повышение благосостояния нашего общества.

В январе 1988 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление "О коренной перестройке дела охраны природы в стране"². Обратим сразу внимание читателя на то, что речь идет именно о коренной перестройке. В чем же должна состоять ее суть? Ведь как отмечалось выше, постановления директивных органов об охране природы не-

¹ В Политбюро ЦК КПСС.— *Правда*, 31 июля 1987 г.

² См. *Правда*, 17 января 1988 г.

однократно принимались и прежде. Принципиально важным моментом нового подхода к решению проблемы охраны окружающей среды является, во-первых, учет экономических интересов общества и конкретных природопользователей, а во-вторых, введение государственного экологического контроля за развитием производства. В принятом постановлении подчеркивается, что безответственное отношение некоторых министерств и ведомств СССР к вопросам природопользования привело к резкому ухудшению состояния окружающей среды в отдельных регионах страны. Во многих звеньях отраслевого управления преобладают ведомственность и субъективистский подход в принятии хозяйственных решений. Объективности ради следует признать, что этот порок относится, увы, не к "некоторым", а практически ко всем министерствам и ведомствам. А ведь этих бюрократических организаций высшего ранга ох как много — более 100 союзных и свыше 800 республиканских. Далее в постановлении говорится о том, что укоренилась порочная практика "остаточного" принципа выделения материальных и финансовых ресурсов на реализацию назревших задач охраны природы. Возникает необходимость выяснить, почему министерства, будучи государственными органами управления, столь безответственно, а точнее говоря, с преступной халатностью относятся к выполнению жизненно важных государственных заданий? Ведь в каждом министерстве имеются крупные управления или отделы охраны природы и трудятся в них ответственные государственные работники. Каждое министерство ежегодно расходует многие миллиарды народных средств. Откуда же возникает такая скаредность, когда речь заходит о выделении ресурсов на охрану ими же губимой природы? Неужели ответственные работники министерств все сознательные враги голубого неба, кристально чистых рек, благоухающих лесов и плодоносящих нив? В это просто невозможно поверить. Так в чем же дело? Почему творится систематическое разрушение природы? Откуда этот пещерный вандализм у вполне цивилизованных граждан социалистического общества?

По моему глубокому убеждению, главная причина столь драматической ситуации состоит в том, что задачи по росту производства и задачи по охране природы разделены буквально "китайской стеной", они решаются изолированно друг от друга, а такое решение заведомо обречено на неудачу.

Мы все воспитаны на уважении к плану. По выполнению плана мы приучены судить о наших экономических успехах, об уровне руководства предприятием, объединением, отраслью. С выполнением плана связана вся система оценок хозяйственной деятельности, материальное и моральное стимулирование работников всех рангов, а равно и санкции за невыполнение плана. Все это казалось бы хорошо и правильно. Плановое руководство экономикой — наше неоспоримое преимущество перед рыночной системой управления хозяйством. Но беда в том, что в период застоя сложилась порочная практика административно-командного, бюрократического планирования. Планы стали ориентироваться на экстенсивный, чисто количественный рост производства. Возобладал затратный подход в экономике. Ведомства стали соревноваться за то, кто больше "выбьет" капитальных вложений из государственного бюджета, а главным критерием оценки деятельности ведомств стал *экономически бессмысленный показатель — освоение капитальных вложений*. К сожалению

нию, по этому антиэкономическому, разорительному показателю судят о работе предприятий и отраслей и поныне.

В этих условиях *бюрократический план стал главной разрушительной силой и природы, и экономики, и социально-экологического благополучия общества.* Ведомственный бюрократический план производства, часто даже не продукции, а просто работ, любой, лучше максимальной ценой, сделался непреодолимой преградой на пути интенсификации, научно-технического прогресса и рационального природопользования.

Рост объемов производства промежуточных продуктов стал единственным светом в окнах министерских кабинетов. Вот динамика роста природоэксплуатирующих производств в нашей стране в сопоставлении с соответствующими данными в США (табл. 1) ..

Таблица 1

Производство промышленной продукции в СССР и США

	1970 г.		1987 г.	
	США	СССР	США*	СССР
Нефть (включая газовый конденсат), млн. т	475	353	440	624
Газ естественный, млрд. м ³	621	198	480	727
Железная руда, млн. т	91	197	49	251
Сталь, млн. т	122	116	75	162
Цемент, млн. т	87	95,2	80	137
Тракторы, тыс. шт.	224	459	123	595
Минеральные удобрения, млн. т	15	13,1	21,5	36,3
Национальный доход СССР по отношению к США, %	100	66	100	66

* 1986 г.

Источник: Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 94; СССР в цифрах в 1986 г., с. 256; *Правда*, 24 января 1988 г.

Как видим, в США в последние полтора десятилетия проводится последовательное сокращение производства сырьевых продуктов, а в нашей стране до последнего времени шло их необоснованное наращивание. Поскольку сырьевые отрасли самые капиталоемкие и ресурсоемкие, то при форсированном их росте промежуточные продукты используются в основном вновь для производства промежуточных продуктов. Такое "самоедство" не только разрушает природу и уводит экономику от истинной цели ее развития — повышения благосостояния общества, но и создает искусственный все возрастающий дефицит практически всех продуктов. Выше отмечалось, что энергоемкость и металлоемкость нашего материального производства намного превышает аналогичные показатели в хозяйстве США.

XXVII съезд КПСС выработал четкую стратегию экономического роста на базе интенсификации производства и ресурсосбережения. Однако из-за все того же ведомственного монополизма реализуется она неудовлетворительно. В оставшиеся три года пятилетки (1988—1990 гг.) намечается снизить металлоемкость национального дохода страны на 6,9, а энергоемкость на 5,3%. Такие темпы снижения ресурсоемкости не отвечают имеющимся резервам в нашем производстве, а главное — они явно недостаточны для экологически допустимого развития производства

и его воздействия на окружающую среду. Для сравнения укажем, что в экономически развитых странах темпы снижения ресурсосбережения намного выше. Так, за 1971—1985 гг. энергоемкость валового национального продукта в США сократилась на 33, а в Японии на 78%¹. Следует иметь в виду, что такое снижение в указанных странах было достигнуто при гораздо меньшей исходной материалоемкости производства по сравнению с СССР.

Следует ясно отдавать себе отчет в том, что при планируемых высоких темпах роста производства и таких ничтожных заданиях по его интенсификации достижение гармонии между экономикой и экологией вообще недостижимо.

Январским постановлением создан Государственный комитет СССР по охране природы (Госкомприрода), который наделяется большими полномочиями. В частности, Госкомприроде дано право налагать запреты на строительство, реконструкцию или расширение объектов промышленного и иного назначения, проведение работ по эксплуатации природных ресурсов, осуществляемых с нарушением природоохранительного законодательства, приостанавливать работу промышленных и других предприятий, грубо нарушающих нормы и правила охраны окружающей среды, предъявлять иски предприятиям (объединениям) и организациям, а также гражданам о взыскании средств в возмещение ущерба, причиненного государству загрязнением окружающей среды и нерациональным использованием природных ресурсов.

Комитет также должен проводить государственную экологическую экспертизу генеральных схем развития и размещения производительных сил страны и отраслей народного хозяйства. Именно в этой функции Госкомприроды заложен ключ к рационализации природопользования в стране. Но чтобы реализовать эту возможность необходима коренная перестройка всей сложившейся практики планирования природоохранной деятельности. А практика эта страдает принципиальными пороками.

3. Экономический механизм в сфере природопользования

Как отмечалось выше, в настоящее время в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 августа 1987 г. разрабатывается "Долгосрочная государственная программа охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов СССР на тринадцатую пятилетку и на перспективу до 2005 года". К сожалению, эта чрезвычайно важная работа выполняется формально, в традиционном ведомственном стиле. Министерства и ведомства, отвечающие за охрану отдельных природных ресурсов, т.е. Госагропром, Минводхоз, Госкомгидромет, Гослесхоз, Мингео, Минрыбхоз, устанавливают так называемые контрольные цифры — задания по охране природы для доведения их до всех других министерств и ведомств. Министерства в свою очередь должны разработать конкретные природоохранные мероприятия по своим отраслям. Таким образом, представляется, что свод этих мероприятий и составит государственную программу охраны природы.

¹ М. Л е м е ш е в. Земля тревоги нашей.— *Комсомольская правда*, 10 февраля 1988 г.

Очевидно, что такой *бюрократический подход к решению жизненно важной проблемы не может быть расценен иначе как профанация самой сути и метода программно-целевого планирования и дискредитация важного постановления партии и правительства*. Ведь перечисленные ведомства, ответственные за охрану природы, сами и являются главными губителями природы. Какова цена "контрольным цифрам" по охране, например, водных ресурсов, если Минводхоз вместо сокращения водопотребления планирует увеличение водозабора к 2000 г. промышленностью на 37%, а сельским хозяйством на 21% по сравнению с 1985 г.? Это ли не разрушающая стратегия водопользования? Как можно в природоохранной деятельности основываться на "контрольных цифрах" Госагропрома, если это ведомство вместо вывода из оборота, консервации и лечения разрушенных эродированных земель проектирует дальнейшее расширение площади пашни, а вместо широкого освоения биотехнологии делает ставку на увеличение парка тяжелых тракторов и на дальнейший рост потребления минеральных удобрений и пестицидов? Это ли не порочная линия на разрушение структуры почв, на загрязнение земельных угодий и водных бассейнов нитратами, фосфатами, пестицидами и другими опасными химикатами.

Такой порочный подход к разработке программы должен быть в корне изменен. Разработка программы должна выполняться силами Госкомприроды с привлечением академических, отраслевых и вузовских организаций и обязательно в тесном взаимодействии с местными Советами народных депутатов, с местными обществами охраны природы. *В разработке программы приоритет должен быть отдан не отраслевому, а региональному подходу*. Каждый регион обладает уникальными экономическими, социальными и экологическими особенностями, без учета которых немислимо рационализировать природопользование. Ключевыми характеристиками для обоснования природоохранной деятельности в регионе следует считать:

- обеспеченность различными видами природных ресурсов, их количество, структура, качество;
- плотность, структура и здоровье населения, демографическая обстановка;
- промышленно-производственный, сельскохозяйственный и научный потенциал;
- производственная и культурно-бытовая инфраструктура;
- сложившаяся экологическая ситуация и состояние окружающей среды.

С учетом этих характеристик должны быть уточнены, а в ряде случаев и коренным образом изменены схемы развития и размещения производительных сил в направлении максимизации социально-экономических благ в расчете на душу населения, проживающего в регионе, при строгом соблюдении экологических нормативов по качеству окружающей среды. Разумеется, развитие производства в регионе должно планироваться с учетом общесоюзного разделения труда.

И еще один чрезвычайно важный аспект проблемы охраны окружающей природной среды и социально-экологического благополучия общества. Речь идет об экологической безопасности используемой техники и технологии.

Следует особо подчеркнуть, что при *традиционном подходе задача*

охраны природы вообще неразрешима даже при условии выделения сколь угодно больших ресурсов на эти цели. Сложность ее решения состоит в том, что создание даже самых совершенных очистных сооружений, технически возможных на современном уровне знаний, не гарантирует от загрязнения природной среды. Во-первых, потому, что всегда остается вероятность возникновения аварийных ситуаций. Необходимо отдавать себе отчет в том, что абсолютная безопасность в принципе недостижима ни в одном виде человеческой деятельности, тем более в сфере современного промышленного производства. Коль скоро это так, то очевидно, что чем больше масштабы производства, тем больше, при прочих равных условиях, вероятность возникновения аварийности. Наши энергетики-атомщики на протяжении десятилетий усыпляли общественное мнение, внушая себе и другим мысль о полной безопасности атомных электростанций. Чернобыльская трагедия развеяла этот миф. Как отмечалось на заседании Политбюро ЦК КПСС 14 января 1988 г., только прямой ущерб от аварии на этой АЭС составил 8 млрд. руб.¹ А как оценить человеческие жертвы, разрушение сложившегося уклада жизни, переселение людей из родных мест, исключение на долгие годы из хозяйственного оборота обширной территории, подвергшейся радиоактивному заражению. Важно отметить, что здесь четко проявляет себя диалектический закон перехода количества в качество, в данном случае качество не только нежелательное, но и опасное для жизни людей. Если в 1954 г. в СССР была лишь одна атомная станция — Обнинская, мощностью всего 5 тыс. кВт, то в настоящее время в стране действуют 40 энергетических атомных реакторов общей мощностью 28 млн. кВт. На многих атомных гигавахтах, в частности на Ленинградской, Курской, Смоленской АЭС, эксплуатируются те же реакторы типа РБМК, что и на Чернобыльской станции. В дополнение к действующим в текущей пятилетке строится еще одиннадцать АЭС². Естественно, что с ростом числа реакторов возрастает и вероятность возможности аварий. Конечно, атомная, как и другие виды техники, совершенствуется. Дальнейшее развитие атомной энергетики в нашей стране и строительство новых АЭС будет базироваться на более надежных реакторах типа ВВЭР. И тем не менее количественный рост атомных реакторов, впрочем, как и других крупных объектов горной, металлургической, химической промышленности, объективно несет с собой увеличение опасности их губительного воздействия на окружающую природную среду, на здоровье и благополучие людей.

Здесь следует обратить внимание на еще одно очень важное обстоятельство. Речь идет о том, что повышение надежности, экологической безопасности любой технической системы предъявляет особо жесткие требования к качеству строительно-монтажных работ, выбору материалов и точности изготовления, монтажа, тщательности ремонта и реконструкции оборудования. В контроле нуждается и состояние оборудования на всех стадиях его эксплуатации.

Не трудно понять, что при сокращении производства, например, стали с 162 млн. т в год до 75 млн. т гораздо легче решить проблему повышения качества металла, чем при сохранении и тем более увеличении его выпуска. Точно так же на производство 123 тыс. тракторов в год

¹ В Политбюро ЦК КПСС.— *Правда*, 15 января 1988 г.

² *Правда*, 15 мая 1986 г.; *Советская Россия*, 26 апреля 1987 г.

гораздо легче найти хороший металл, резину, аппаратуру и квалифицированные рабочие руки, чем при изготовлении 595 тыс. единиц в год. Продолжая эту мысль, логично прийти к выводу, что меньшим количеством классных тракторов можно обрабатывать меньшее количество лучших по качеству земель и, соблюдая все требования агротехники, получить большее количество более качественной и более дешевой сельскохозяйственной продукции. Еще нагляднее зависимость качества и количества в животноводстве. Так, у нас в стране 42,9 млн. молочных коров. Обеспеченность их кормами из года в год не превышает 60—70% нормы, в ряде областей и районов и того ниже. Среди поголовья коров большая доля старых, больных, бесплодных, яловых, низкопородных животных. Поэтому продуктивность скота низкая. Сокращение поголовья, например, вдвое кардинально меняет положение к лучшему. Можно сказать "автоматически" решает проблему кормообеспеченности скота, качественного состава стада, а следовательно, и роста его продуктивности. К этому надо добавить, что при таком маневре вдвое сокращается потребность в дефицитных трудовых ресурсах, вдвое меньше потребуются строить животноводческих помещений. А это огромная экономия капитальных вложений и строительных материалов. Ведь по современным, так называемым индустриальным проектам на создание скотоместа для одной коровы требуется затратить 8 м³ железобетона и 4 тыс. руб. капитальных вложений, что значительно превышает стоимость строительства кооперативной квартиры для одного горожанина¹.

Развитие производства вширь экономически нерационально и экологически опасно и с точки зрения научно-технического прогресса. По оценке академика В. А. Легасова, современная химия становится определяющим фактором в развитии энергетики, производстве металлов, обеспечении экологичности и безопасности производств, т.е. ключевых направлений во всей системе производительных сил страны. Казалось бы, с полным пониманием этой роли химии быстрыми темпами растет производство химических продуктов. Их перечень непрерывно возрастает и достиг к настоящему времени 90 тыс. наименований. Но вот беда — такой химический бум привел к тому, что лишь $\frac{1}{5}$ часть этого огромного количества химикатов производится на основе детальных научных разработок. Технология производства более 90% из них не оптимизирована. А это неизбежно приводит к огромным потерям энергии, сырья, трудовых ресурсов, снижению качества продукции, неблагоприятным экологическим последствиям. К сожалению, положение здесь с годами к лучшему не меняется: из осваиваемых ежегодно примерно 600 новых химических продуктов лишь треть производится по оптимальным технологическим схемам².

Итак, в результате экстенсивного расширения производства неизбежно расточительно используются природные ресурсы, возрастают масштабы и интенсивность загрязнения и деградации окружающей среды, порождается или усугубляется дефицит природных, материальных и трудовых ресурсов, снижается качество продукции, ослабляется экологический контроль, нарушаются нормальные условия воспроизводства

¹ *Вопросы экономики*, 1987, № 3, с. 37—38.

² В. А. Легасов. Химия: новые приоритеты.— *НТП: проблемы и религия*, 1987, № 10, с. 4.

природных и производственных систем. Создаются обширные территории с кризисной экологической ситуацией, нуждающиеся в радикальном лечении. Таковы, например, природно-производственные комплексы в бассейнах Байкала, Ладоги, Азова, Арала, в низовьях Кубани, Волги, Амударьи, в районах Экибастуза и Курской магнитной аномалии, в ряде крупных городов и промышленных центров. Все это в конечном итоге снижает социально-экономическую эффективность общественного производства, нарушает экологическое равновесие в природе, ухудшает условия жизнеобитания людей и в конечном счете тормозит рост их благосостояния.

М. С. Горбачев, выступая в сентябре 1985 г. в Тюмени, подчеркивал: "Мы не можем и не будем поддерживать тех руководителей, которые ориентируются на прежние подходы, устаревшие нормы, связывают повышение темпов роста производства с получением дополнительных материальных ресурсов"¹.

Перманентный рост производства промежуточных продуктов работниками плановых и хозяйственных органов обычно обосновывается необходимостью преодоления дефицита этих продуктов. При этом лица, принимающие решения, как бы не замечают того удивительного факта, что с ростом производства недостающих продуктов, при сохранении сложившейся структуры производства их дефицит не ликвидируется, а, напротив, резко возрастает. Покажем это на примере электроэнергетики. В 1960 г. в СССР производилось 292 млрд. кВт. ч электроэнергии. В 1987 г. ее производство возросло до 1665 млрд. кВт. ч, т.е. в 5,7 раза². Между тем дефицита электроэнергии в 1960 г. в явной форме не наблюдалось. Электрички в ту пору ходили по расписанию, улицы в городах были освещены, заводы, фабрики и шахты работали без перебоев, хотя коэффициент сменности в промышленности был выше, чем теперь. В 1987 г. из-за дефицита электроэнергии и резких перебоев в электроснабжении многие промышленные предприятия пришлось переводить на скользящие графики, проще говоря, допускать перебои в работе, что особенно пагубно сказывается на предприятиях с непрерывным производственно-технологическим процессом³.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что важнейшую роль в рациональном использовании природных благ должна сыграть плата за используемые землю, воду, леса, минеральные ресурсы. Это положит конец тому ненормальному положению, когда к важнейшему народному достоянию ведомств и предприятия относятся как к ничейному. Плата за ресурсы из хозрасчетного дохода предприятий должна резко умерить их аппетиты на безоглядный рост потребления, на разбазаривание нашего национального богатства. Не менее половины этих платежей должны направляться в распоряжение местных органов Советской власти. Это позволит исправить и такое положение, при котором практически все финансовые и материальные ресурсы находятся в распоряжении отраслевых министерств и ведомств, а органы Советской власти попали в положение бедных родственников, зависимых от монополии ведомств. Концентрация средств, взимаемых за использование природных ресур-

¹ *Правда*, 7 сентября 1985 г.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 162; *Правда*, 24 января 1988 г.

³ *Правда*, 26 апреля 1987 г.

сов и за загрязнение окружающей среды, в руках местных советских органов позволит целенаправленно организовать природоохранную работу в каждой области, крае, республике с учетом реально складывающейся в них социальной и экологической ситуации. Важно также, чтобы вся деятельность по охране природы на местах планировалась и проводилась при самом активном участии общественности. Представляется, что вопросы развития производительных сил республик, крупных регионов, областей (краев), городов и районов, в том числе программы по охране окружающей природной среды, должны выноситься на всенародное обсуждение в соответствии с принятым в СССР законом.

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ, КОТОРОГО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Когда я пытаюсь представить (так повторяющийся тягостный сон вспоминают), что и на этот раз нам, обществу нашему не удалось вырваться из мертвящих объятий бюрократически-приказной, репрессивной системы, такой цепко-скользящей (держит, а ухватиться, чтобы оторвать от себя, не за что) — и все покатило, заскользило назад, память моя устремляется к ощущению, переживанию совершенно реальному, к одной незначительной неприятности, в общем-то неадекватной предмету разговора, но разве памяти прикажешь!..

На пятигорских холмах прогуливался беззаботно среди такой же, как и я, отдыхающей публики, и ничто ничем мне не грозило: трава, солнце, перед глазами — канавка, цементный желобок, по которому бежит прозрачная водичка, видимо, как и вся она здесь — лечебная. Можно было перешагнуть через ручеек, но был босой: неотменимая детская радость и необходимость, даже если ты давно солидного возраста, протопать обязательно по воде — вступил в воду, наступил на белесый, с белым налетом цемент — и будто на мокрое мыло наступил! Что-то со мною случилось, с моим телом произошло: только что вертикальное, прямоходящее, вполне человеческое и совсем не слабое тело в один миг обратилось во что-то распластанное руками вперед, лягушачье, беспомощно несомое, заскользившее на глазах у пораженной публики. И главное: все сознаешь, понимаешь, как жалок, нелеп, как это унижительно, а сделать что-либо, зацепиться за что-то, изменить, поправить уже не в состоянии.

Но там был стыд беспомощности. А будет, я уверен, ужас беспомощности. И бесконечное сожаление об упущенном: как же, как так получилось? Если заскользим, уже все — назад, от чего пытались, в который раз, уйти. И не на прежний рубеж, нет, не по знакомому маршруту заскользим. Тут начнется, конечно же, непредсказуемое движение всех и вся, какое-то боковое, запретное, неизвестно куда.

Впрочем, кое-что предвидеть можно и даже нетрудно.

Когда я представляю, что это уже произошло, случилось, не о том думаю, как невиданно подскочат, идиотски радостно подпрыгнут акции и настроение делателей оружия, планировщиков мегасмертей и как над планетой распластает совершенно свободно свои совиные крыла многочисленные СОИ, все новые и новые программы коллективного са-

моубийства. Подумал прежде всего о Крейге, о Кетти, о Роберте, о друзьях-американцах — наших партнеров по борьбе за мир без войн, о тех норвежцах, французах, немцах, японцах, людях других стран и наций, которые поверили в реальность, в серьезность и необратимость нашей перестройки, с жадностью поверили и надеждой. Да, с надеждой. Так приговоренный неизлечимой, казалось, болезнью к смерти человек услышал бы ободряющую весть, что диагноз-то был ошибочный. Но тем мучительнее было бы ему снова вернуться в прежнюю черноту, безнадёжность.

Сколько людей, нам и в нас поверивших, моментально ощутят себя и обманутыми, и обманщиками. (А доверчивые люди особенно этого не прощают — обмана.) Есть такие строчки из времен “культы”: мы так вам верили, как, кажется, не верили себе. Да, но уж если разувяжутся...

Они ведь любовь к собственным детям, естественное желание жить, выжить — на нас, на недавних “врагов” проецировали, поверив, что всех, и нас и их, спасет перестройка, демократизация нашего общества, социализма. Никак не могу стряхнуть с себя состояние испуга и неловкости от момента, когда женщина в Калифорнии дважды ловила руку “русского”, чтобы благодарно поцеловать (!). Но он перехватил ее руку и поцеловал сам. Иона и он — это от счастья и благодарности, что можно не бояться за детей, за будущее не бояться.

Не простят они ни нам, ни себе этого мгновения — как надругательства над их доверчивостью. И особенно не простят Джону, Джорджу, Крейгу — тем американцам, которые были рядом с нами, говорили одни с нами слова, про одно, одинаково...

И снова их доверие перехватят мастера лепить из других народов образ “врага”, который страшнее атомной войны. Снова предстанем перед миром страной, системой неумолимо скатывающейся, скользящей к положению, статусу слаборазвитой, особенно в научно-техническом отношении, то тем отчаяннее щетинящейся частоколом многомегатонных ракет.

И опять зазвучит: лучше быть мертвыми, чем подчиниться или уподобиться!

А мы, что мы — в ответ? Снова: полюбите нас, какие есть, со Сталиным, с нашим этим прошлым, которое для нас “все еще священное, “твердые принципы”, скрижали? Так что ли с этим собираются жить и выжить в ядерную эпоху те, кто ничего не забыли и ничему не научились? Сами не научились, а другим, кто мог бы, стараются не позволить.

Вся система “аварийной защиты”, которая за последние годы начала складываться в условиях доверия к нашей перестройке — против ядерного срыва защиты — отключится в один миг. А вернее, отключат ее — сразу с обеих сторон. С нашей — те, кто начнут мстительно торопливо гасить гласность, перестройку, осуществлять демонтаж перестройки.

Вот с такой тупой — так и видится! — настойчивостью избавлялись, отключались от аварийной защиты и чернобыльские “специалисты”, выполняя чьи-то приказы, преследуя узко-практическую цель.

А тем временем исподволь некоторые хотели бы нас приготовить, используя столь раздражающую их гласность и демократическую терпимость — к чему, однако, приготовить и заново приучить? — в статьях

типа "Оборонное сознание и новое мышление" А. Проханова¹. О "письмах" в *Советской России* да в *Молодой гвардии* Андреевой и Малахова, что из этого же ряда, говорилось и говорится достаточно. Любопытно, что из всех литераторов лишь Александр Проханов достоин чести по имени и цитатно прозвучать с газетной полосы — манифеста, помеченного именем Нины Андреевой. В положительном, разумеется, смысле — как образец и даже вроде бы идеолог.

Заглянешь в одну статью — увидишь вторую. Это как два зеркала друг напротив друга. Заглядывали где-нибудь в вагоне или в ванной комнате? Кажется, что целая гармошка зеркал, удаляющихся в бесконечность. Не напугаться бы? Нет, не страшно. А что противно порой — это да. Мы уже исторгли из себя, а нам хотят назад затолкать. Уговаривают проглотить, если не со счастливой миной на лице, то с "патриотической". Да простят меня за натурализм, но не могу забыть из памяти сцену, услышанную от ленинградских блокадников. Страшная, зимы 1941/42 г., очередь к хлебному магазину. Но эти люди, тоже пытаемые лютым голодом, с ужасом и отвращением смотрят на того, кто упал на снег и сгребает в котелок желто-зеленую слизь, которую минуту назад не смог удержать в себе...

Не знаю, что для других — символ антиперестройки. А для меня — вот эта сцена, оттуда...

Но ладно те, в которых ностальгия по старым "добрым" сталинским порядкам. В статье А. Проханова — иное. Хотя и тоже ностальгия, но по совсем недавним временам. Когда ему, Александру Проханову, не приходилось писать почти "пацифистские" (само слово ему ненавистно) статьи о разоружении и даже уничтожении красавиц-ракет. (Была и у него однажды такая, очень прочувствованная статья — сразу же после памятного Заявления М.С.Горбачева от 15 января 1986 г.) В новой же статье "Оборонное сознание и новое мышление" голос А. Проханова вновь затвердел, вернулись металл и поэзия в голос писателя, когда-то вопрошавшего: "Можно ли любить ракету?" (Стратегическую, само собой разумеется.) И восклицавшего с большой искренностью: "Можно!.." ("Медленно, в белых раскаленных парах, гранитно-отточенный, выдвигается бивень, громадный, как Александрийский столп, вместо ангела — заостренная бело-ртутная голова...")

Наши бессчетные, постоянные инициативы, смелые, открытые, добивающиеся до новых и новых классов смертоносных "красавиц" и "красавцев", вот уже сколько лет сильно нервнируют западный военно-промышленный комплекс и именно тем, что завоевывают доверие и симпатию к нашей стране во всем мире. И главное, хотя и медленно, но дело движется к уже обозначенной цели: к 2000 году избавить планету от войн. Ну, и попутно — от роли военных в политике, в жизни общества.

А не подрывает ли это авторитет армии, военных уже сегодня? Некоторым кажется, что да, подрывает. Особенно, если людям не разъяснить. И Александр Проханов разъясняет: армия, военная техника, все более совершенная, — они и только они спасут мир и человечество. Объединившись. Уже не: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" И не: "Все люди — братья!" А вот что: "Может, это утопия, но мне хочется верить,

¹ *Литературная Россия*, 4 мая 1988 г.

что, когда паритет станет незыблемой всепроникающей идеей, возникает как бы всемирный надармейский суперштаб, составленный из них и из нас”.

И он, этот суперштаб суперармии, будет контролировать все и вся, саму СОИ, а потом милостиво самоустранится и передаст СОИ в руки ООН...

И так уверовал А. Проханов, что путь и метод спасения человечества наконец обретен, найден, что сразу смахнул с карты планеты всех и всяческих пацифистов с их акциями, маршами. Только путаются под ногами у “их” и “наших” штабов — неприязнь к пацифистам, заметьте, удвоенная трогательная «кооперация» профессиональных интересов! Думаете, хотя бы поблагодарят их на прощание, ну, хотя бы за прошлые усилия? Ученых, врачей, писателей, что-то организовывавших, что-то предпринимавших. Или хотя бы вспомнят, что прежде всего марши мира да презренных интеллигентов назвал в дни подписания Вашингтонского договора об уничтожении ракет лидер нашей страны, а уже потом — заслуги политиков, военных. Ну да мало ли кто и что говорил, у певцов “объединенных штабов” свое ко всему отношение: только сама армия, военные, “только они, создавшие мегаструктуру, в состоянии ее нейтрализовать и медленно разобрать так, чтобы она не рухнула нам на голову”.

Завтра нам скажут (уже говорят) : совершенствование и сокращение управленческого аппарата — не ваше дело, мы сами! Кто лучше нас, бюрократов, знает все наши структуры? Вот нам и поручите. Мы ликвидируем себя г р а м о т н о. (У А. Проханова: “И утверждение, что разоружение сегодня возможно лишь благодаря пацифистам и вопреки мнению, желанию армии, — просто неграмотно”.) Главное, отключить общественность, ее волю, нажим, напор — а там мы перестроимся. Перестроим ряды и поговорим уже по-другому. У всех бюрократов военных и невоенных, повадки одни. И они вернут свои позиции. У нас. И за рубежом. Если истинная перестройка не удастся, если не сорвется, сорвут.

У одного редактора “перестроечного” журнала спросили: а не удастся, как будете жить? Говорят, ответил: а зачем мне тогда жизнь?

Я ответил бы не столь лично: а долго ли продлится жизнь, вообще жизнь? После того, как и эта попытка двух половинок планеты найти друг друга, принять друг друга не удастся.

Провозглашаемое А. Прохановым “оборонное сознание”, которое “при поверхностном взгляде может показаться даже казарменным” (опасение-оговорка самого Проханова) — откуда оно вырастает, из чего и почему именно сегодня его заявляют? Оборона, конечно, вещь необходимая в нашем мире. Но отчего, “оборонное сознание”, по Проханову, такое воинственное? Как бы самоценное, самодовлеющее? И что обещает нам? Движение вперед к спасительному разоружению или куда-то назад?

Казалось бы, заявлено прямо, самим временем: все, человечество отвоевалось! В больших, мировых войнах — это точно, тут уже и не спорят. Но и в “малых” — отвоевались. Хотя это понять и принять будет труднее. Тем не менее именно с Афганистана, с вывода советских войск начинается общий процесс лечения гангренозных очагов региональных “малых” (но таких бессрочных, бесконечных) войн.

Так что — это старая реакция на новый процесс — статья и пафос

А. Проханова. То же заявление “незыблемых принципов” в момент, когда их стало теснить новое мышление и в военных делах?

Как вы думаете, почему мы должны заботиться о ветеранах — “афганцах”? О ветеранах, хочется надеяться, последней нашей “малой” войны. Какой урок извлечь нам из афганских восьми лет?

Их, ветеранов, надо: “беречь, пестовать, лелеять, окружать идеологической и социальной заботой”, — хорошо пишет Проханов, но гуманизм его отнюдь не бескорыстен. “Если придет момент, когда надо будет пролить кровавый пот”, “государство будет очень нуждаться в проверенных, готовых жертвовать собой людях”.

А мне так кажется, что не “депонированным”, не замороженным “пушечным мясом” для новых “военных решений” будут эти замечательные ребята — я их видел, слышал, да и в разумность нашей будущей политики верю, — а как раз самым авторитетным голосом против любых подобных решений. А уж матери павших в этой войне — тем более. Сколько их в нашей стране — мы знаем? Война-то “малая”, а сколь велико материнское горе от утрат в такой войне! Из недавно услышанного: мать, получившая цинковый гроб “без окошечка”, не поверила. Так уж устроено сердце материнское: не верить очевидному там, где смерть. Ночью ей помогли гроб вскрыть — а там действительно не ее сын. (Мало ли по какой причине: война — большой бюрократ и путаник.)

Ужас этой ночной сцены, ужас ошибки, ужас радости материнской, что не ее дитя в гробу (и не меньший ужас: а куда же заслали ее сына, если все-таки?..) — вот он истинный образ “малых войн”. А не тот, который старательно, исполнительно лепил и все еще лепит Александр Проханов.

Наша перестройка спасает мир. Это безусловно. Но зачем и перестройка, если мир рухнет, пока мы будем озабоченно решать лишь “насущные задачи”, упуская из виду глобальные. Не упускаем ли — в горячке буден? Да, перестроечных, важнейших буден. Но не следует забывать, что если не будет мира — ничего не будет. И нельзя ни на миг расслабляться.

А мы, кажется, расслабились.

Прямая польза от таких выступлений, как Андреевой и Малахова “письма”, статья Проханова — они могут во время разбудить...

**Вглядываясь
в прошлое**

МОЖЕТ ЛИ ПРАВДА БЫТЬ ПОЭТАПНОЙ?

1

Есть много разных аргументов, доказывающих историческую необходимость нынешней перестройки. Но если перефразировать известное выражение Ленина, все они вместе могут быть выражены одной всеобъемлющей неотразимой формулой: страна наша перестройку поистине *выстрадала*. Это ведь и в самом деле так, ибо если русское освободительное движение когда-то *выстрадало* марксизм, то сегодняшнюю перестройку страна наша тем более должна была, не могла не *выстрадать*.

И мы действительно ее *выстрадали* — *выстрадали* и леденящей душу чудовищностью человеческих жертв, перемолотых годами общественной практики, которую мы ныне сопрягаем со словами "культ личности", и горькой отравой тех обманутых надежд на кардинальное общественное обновление, что были возбуждены очистительным импульсом XX съезда партии, но слишком быстро оказались захлестнуты вместе со всем общественным подъемом 60-х годов мертвой гнилью так называемых застойных лет. Мы *выстрадали* ее угрожающим ростом кризисных процессов во всех сферах нашего экономического и гражданского хозяйства, охваченного безнадежно прогрессирующим парадичом административно-бюрократического всевластия и уже почти разъеденного тотальной заразой коррупции, очковтирательства и воровства, и мы *выстрадали* ее неуклонным повсеместным падением общественной нравственности — одновременно с соответствующим неуклонным ростом общественной инертности, равнодушия и прочих асоциальных тенденций в нашей общественной жизни, почти задохнувшейся уже в чаду повальной публичной лжи, демагогии и пустословия. Мы *выстрадали* перестройку и чуть ли не апокалипсическими последствиями безудержной агрессии распоясавшегося чиновничьего самодурства, которое сумело привести целые регионы страны на грань экологической катастрофы, и все иссякавшим и едва ли уже не надорванным долготерпением народа, оказавшегося — вопреки всем прогнозам и программам его исторического революционного предназначения — в условиях, когда он мог по большей части лишь обреченно наблюдать за все более разverzавшейся пропастью между реальным положением дел в стране и беспардонной показухой сияющих парадных лозунгов, призывов и докладов. И мы *выстрадали*, наконец, нашу перестройку отчаянной, часто трагической борьбой лучших сил страны — лучших сил партии и народа — против всех этих и мно-

гих других не просто негативных, но воистину катастрофических процессов, все дальше уводивших нашу жизнь от тех идеалов общества высшей человечности, социальной справедливости и братства, экономической и политической демократии, гражданского товарищеского равенства и индивидуальной духовной свободы, с которыми всегда было связано для большинства людей предствление о социализме...

Мои формулировки слишком субъективны? И притом не только эмоционально, в своей экспрессии, но и по смыслу — содержательно?

Что ж, может быть и субъективны. И даже "слишком". Кто может быть уверен в тождестве своих суждений и объективной истины?

Но зато они вполне точно и откровенно выражают именно то, что я действительно думаю, в чем я убежден как в истине. А сегодня, когда выстраданную нами перестройку мы сами пытаемся взять на свои плечи, делая предметом широкого общественного обсуждения все ее наболевшие проблемы, трудности и заботы, я и не хотел бы говорить на все эти темы как-либо иначе — приглушая откровенность из привычного опасения, как бы меня именно и не "уличили" в какой-либо "субъективной односторонности" и "преувеличения", а потому и прячась осмотрительно за все сглаживающей солидной обтекаемостью "общепринятых" формулировок, способных устроить всех. И точно так же и ничей другой голос в наших сегодняшних обсуждениях я не хотел бы слышать упакованным в такого же рода осмотрительную мудрость, в неуязвимую безнадёжную "правильность" привычных стереотипов нашего публичного языкового обихода, но желал бы и жаждал всей полноты откровенности и искренности выражения именно *собственной, субъективной* точки зрения, как бы непривычна она ни была и даже если я сам не убежден, что она соответствует истине. Ибо только так, только имея возможность услышать по каждому обсуждаемому сейчас жизненно важному вопросу нашей перестройки все сколько-нибудь содержательные, то есть обладающие определенной концептуальной логикой и фактической обоснованностью *субъективные точки зрения*, мы получаем возможность с достаточной надёжностью проверить свою собственную, и, главное, составить себе достаточно полное и надёжное представление о том, каково реальное состояние сегодняшнего общественного сознания, чем живет и что думает сегодня о своей жизни общество. Иными словами, только так мы получаем возможность знать *всю, полную* правду об одной из тех важнейших реалий нашего сегодняшнего общественного бытия, без знания которых вряд ли можно даже и рассчитывать на какой-то серьезный успех любых наших перестроечных начинаний. И я настаиваю, что и мне, и всем другим в нашей стране вся эта полнота правды о том, чем живет и что думает общество, нужна именно *сейчас, сегодня, сразу*, а не по кусочкам и когда-то в будущем. Точно так же, как не завтра и не послезавтра, а сейчас, сегодня, и не отмеренными порциями, а по возможности сразу и целиком нужна нам вся полнота правды о всех сферах реальности, которые входят сегодня в орбиту нашего внимания и осмысления в связи с процессом перестройки, — вся правда о жизни нашей страны, о ее прошлом и настоящем, о ее экономике и экологии, о ее социальных институтах и реально действующих механизмах правопорядка, о строении ее социальной психологии и ее физическом здоровье, о ее уголовной, медицинской и любой другой статистике, исключая разве лишь сферу военной тайны.

Вот мой — и не только мой, конечно, — тезис, который я считаю насущно необходимым выдвигать и защищать сегодня в качестве формулы одного *из самых важных* для всего дальнейшего движения нашей перестройки, *самых первоочередных* ее дел. И считаю необходимым настаивать на этом именно потому, что сегодня в нашей жизни не только все еще существует, но более чем весомо дает о себе знать на каждом шагу как раз прямо противоположная позиция — позиция тех, кто если не прямо говорит, то все-таки думает и, главное, практически действует, исходя из уверенности, что полная (и тем более вся "сразу") правда крайне опасна для общества, ибо общество наше еще не готово к усвоению и правильному осмыслению всей полноты информации о жизни страны, особенно о темных ее сторонах в прошлом и настоящем, и она способна породить в нем и неверие, и растерянность, и ненужные сомнения. А потому если нельзя уже и вообще приостановить так бурно начавшийся и грозящий стать неконтролируемым процесс узнавания обществом правды о себе, то следует по крайней мере всячески его обуздать и твердо ввести его в разумные рамки, распространив всеми признаваемый правильным принцип *поэтапности* перестройки и на сферу правды и знания о ней...

Вот позиция, одним из характернейших и поразительнейших результатов которой и является, надо полагать, тот почти уже анекдотический факт, что даже доклад Хрущева на XX съезде партии до сих пор у нас не опубликован и страна не знает его, хотя нет, кажется, уже ни одного другого, самого отдаленного от нас уголка в мире, где бы его не читали... Вероятно, для этого *этапа правды* о нашем прошлом время в нашей стране тоже еще не наступило...

2

Что ж, может быть, и не наступило. Но вот, однако, вопрос: может ли вообще правда быть *поэтапной*? И что это такое, простите, — *поэтапная* правда? Какой-то кусочек, *часть* правды — та часть реальности, которая открывается нам для обозрения в ее действительном виде и состоянии? Ну, а все *остальное* пространство этой реальности — оно что, по-прежнему должно оставаться укрытым от нас завесой тайны и умолчаний или, того хуже, заставленным какими-нибудь картонными муляжами, выдающими себя за реальность?.. Однако каково же у нас будет представление об этой реальности в целом?..

Нет, правда о реальности так же неделима и целостна, как и сама реальность. "Порционная" или "поэтапная" правда о ней — это в лучшем случае всего лишь полуправда, четвертая или десятая часть правды — то есть правда, соединенная с какой-то дополняющей ее ложью. А правда, *приправленная ложью*, — это уже, простите, что угодно, но только не п р а в д а. Это такой же нонсенс, как осетрина первой и второй свежести, на что, как известно, и обратил сугубое внимание почтенного Андрея Фокича Сокова, буфетчика из Варьете, булгаковский Воланд, не упустивший возможности примерно наказать нашего новатора за столь отважную его попытку ввести подобного рода классификацию в понятие свежести.

Однако отвага этого рода если и любопытна, то разве лишь до тех

пор, пока не выходит из рамок чисто теоретических упражнений. Смеяться над дьявольскими шуточками хорошо в романе — когда ими оборачивается наше надругательство над добром, истиной и красотой в самой жизни, чаще приходится плакать. Поэтому и вопрос о том, что такое “позтапная” правда, достоин сегодня нашего внимания совсем не потому, что являет собой одну из очевидных — хотя и расхожих — теоретических нелепостей. Куда важнее, что в условиях нашей перестройки эта нелепость грозит обернуться такими чисто практическими и уже сугубо дьявольскими шутками, от которых и вправду как бы всем нам горько не заплакать.

Попробовать показать, что это конкретно значит и какие меры предосторожности, на взгляд автора (и, конечно, не одного только автора), здесь необходимы, — и есть цель этих заметок. Хотя бы применительно к некоторым, наиболее важным аспектам этой темы. И начиная хотя бы с того самого вопроса, который не случайно приобрел сегодня в наших спорах и обсуждениях особенно острый, даже болезненный, может быть, характер. Я имею в виду вопрос о тех преступлениях, которые были совершены в период так называемого “культа личности”. Это, кстати, и вообще очень показательный — методологически показательный — пример, и на нем действительно стоит поэтому задержаться.

3

В самом деле: сколько ведь приходится слышать сегодня голосов, с негодованием утверждающих, что те, кто пишет об этих преступлениях, “вытаскивая” на всеобщее обозрение все новые и новые ужасные факты и свидетельства, только уведят нас в сторону от действительно насущных проблем нашего сегодня!.. Да еще к тому же еще “подрывают веру” в социализм, столь неосмотрительно “поливая грязью” наше прошлое, то есть выступая по существу с “очернительских” и “антипатриотических” позиций...

Не будем, однако, следовать дурному примеру и впадать в пафос ответного негодования; вспомним, что среди тех, кто прибегает сегодня к подобного рода крепким выражениям, немало людей искренних и честных, действительно думающих так, как они говорят, и действительно обеспокоенных судьбами страны, судьбами народа. Поэтому давайте спокойно подумаем и трезво взвесим все, что имеет отношение к затронутому вопросу — слишком серьезному, чтобы здесь можно было ограничиться одними эмоциями. И прежде всего проверим, насколько уместны здесь и вообще подобного рода категории — “грязь”, “очернительство”, “подрыв веры” и т. п. Не уведят ли они проблему как раз в сугубо побочное, не главное и даже, в сущности, ложное измерение?

Конечно, спорить не приходится: обращение к реальностям такого плана всегда оставляет место и для нездорового ажиотажа, погони за сенсациями, подогревания недобрых, деструктивных эмоций — равно как и для других проявлений духовной безответственности. Это так. Но ведь таковы и вообще, как об этом свидетельствует самый разнообразный исторический опыт, неизбежные издержки всякого процесса, связанного с преданием гласности болезненных, темных сторон общест-

венного бытия. А между тем — как свидетельствует тот же опыт — не зная болезни, от нее не излечишься. Так что же в таких ситуациях важнее — действительное выздоровление общественного организма или побочные неприятности, связанные с процессом этого выздоровления?

Против подобного рода общих азбучных истин никто, впрочем, как правило, не спорит. Они слишком очевидны. Вся проблема состоит как раз лишь в том, насколько вопрос о преступлениях сталинских времен действительно еще *актуален* — потерял ли он уже или еще не потерял свою практическую жизненную значимость, можно ли и нужно ли все еще говорить здесь о необходимости какого-то *выздоровления* или и эта проблема тоже ушла уже в прошлое вместе с теми временами?

Хорошо, давайте посмотрим на нашу тему и с этой точки зрения. А для этого возьмем ее хотя бы в том ее повороте, который связан со статистикой — с чисто цифровыми, так сказать, “показателями” количества человеческих жизней, унесенных в результате репрессий за годы культа. Эта статистика до сих пор еще полностью не обнародована, а ведь между тем количественный показатель в любых статистических измерениях уже сам по себе, согласитесь, очень о многом говорит. И главное, ко многому обязывает. Так, от него самым непосредственным образом зависит всегда, как известно, даже и сам способ подхода к изучению и анализу той реальности, которая характеризуется этим показателем: чтобы объяснить его величину, мы должны найти и соответствующее ей направление нашего исследования этой реальности, определить сам характер тех вопросов, которые мы прежде всего должны задать ей, чтобы ее понять.

Но если это так, то, стало быть, и от того, каков этот показатель в статистике жертв периода “культа”, тоже не может не зависеть самым прямым образом, каков должен быть наш подход к анализу этого периода и к его оценке в отношении к нашему сегодня. Согласитесь: ведь если бы даже количество этих жертв исчислялось десятками (и тем более сотнями) тысяч, — даже этот масштаб требовал бы от нас совсем иного, куда более глубокого и широкоохватного изучения той совокупности жизненных обстоятельств, в условиях которой он оказался возможен, чем если бы жертв этих были сотни или даже тысячи.

А если верны те весьма серьезные и достаточно обоснованные вычисления, которые были проведены рядом исследователей у нас и за рубежом и согласно которым счет идет здесь даже не на миллионы, а на десятки миллионов? И что едва ли он не равен численности населения целой крупной европейской страны?.. Ведь тут уже одной только злой волей Сталина и его подручных всего никак не объяснишь, на нее все не спишешь! Тут уже только для того, чтобы на одном лишь последнем этапе репрессий — на этапе прямого истребления людей через расстрелы, убийство лагерной каторгой, ссыльный мор и адскую прополку целых регионов страны голодом начала 30-х годов, отнюдь не стихийным, — только уже для того, чтобы на одном этом последнем этапе злая воля Сталина и его подручных могла чисто практически материализоваться и осуществить всю эту гигантскую человекоуборку, нужен был, согласитесь, аппарат насилия, подавления и уничтожения, исчисляемый тоже, разумеется, не сотнями, не тысячами, даже не десятками, но едва ли уже не сотнями тысяч единиц, если не больше. И каких “единиц”,

если не только на их глазах, но и собственными их руками творилось то, что творилось — творилось со всем служебным, а нередко (совсем нередко!) еще и со всем сверхслужебным рвением, разогретым выпущенными на волю зверскими инстинктами жестокости и садизма, без разжигания которых в себе ни одно человеческое существо не в состоянии заглушить и подавить в себе голос нормальной человеческой природы, приучить себя убивать, мучить, истязать других людей...

Мало того, чтобы такой аппарат истребления и насилия мог реально существовать и "нормально" функционировать в тех масштабах, в каких он существовал и функционировал, нужна была, согласитесь, и соответствующая структура общественного устройства, его институтов и механизмов, — структура такого характера, анализируя и оценивая которую нужно еще сто раз подумать, прежде чем решиться говорить здесь, как мы привычно все еще делаем это сегодня, всего лишь о каких-то "искажениях", "деформациях" или "чуждых наслоениях" на некоей "здоровой основе" нашего тогдашнего общественного организма. Ничего себе искажения и наслоения, выражаемые шестизначными и семизначными цифрами!.. И ничего себе "здоровая основа", если она допустила истребление в лагерях и застенках мирного времени большего числа жителей страны, чем страна потеряла в огне самой страшной войны, которую ей довелось пережить!..

Но если это так, то давайте в таком случае и посмотрим, имеет или не имеет сегодня вопрос о статистике сталинских преступлений (та правда, которую мы все еще не знаем, "этап" которой все еще не наступил...) какое-либо прямое, жизненное отношение к нашему сегодня...

Имеет, увы. Имеет. И имеет именно потому, что из сказанного следуют по крайней мере два неизбежных и очень важных вывода.

4

Во-первых, тот, который обязывает нас признать и безусловно справедливым, и уже поэтому безусловно актуальным так настойчиво (и все настойчивее!) раздающийся сегодня из самых разных слоев нашего общества призыв к поистине *всеобщему* нашему, *всенародному* покаянию. И — к очищению через это покаяние в содеянном и допущенном нами. Ведь если упомянутая статистика верна, то тогда мы и в самом деле должны признать, что все случившееся отнюдь не может и не должно быть понято нами *только* как страшное несчастье, беда и величайшая трагедия народа. Это — и *вина* его. Вина всех нас — и живших, и не живших в то трагическое время, потому что вина наших отцов и дедов, которые жили тогда, остается *на них* до тех пор, пока она остается *на нас*, их детях и внуках. А она остается на нас, пока мы не искупим ее хотя бы сегодняшним нашим покаянием — за них и от их имени, по праву и долгу нашего им наследования. Это вина и тех, кто был организатором и вдохновителем преступлений, и тех кто был их исполнителем, и тех, кто знал о них, оставаясь их молчаливым свидетелем, а тем самым и соучастником, и тех, кто не знал или не хотел знать, потому что незнание тоже не исключало их из участия в жизни, сеявшей смерть. И это вина даже тех, кто боролся и, может быть, погибал в этой борьбе, —

вина, потому что они не сумели победить там, где поражение *слишком* страшно, чтобы с ним способна была смириться, не укоряя себя, человеческая совесть. Это вина всех — вина разная, но вина, и вот почему от каждого из нас она требует — не может не требовать — покаяния и искупления ее той полной мерой, к которой призывает каждого из нас голос нашей совести. Тут одного сбора средств на сооружение памятника жертвам репрессий мало, — как ни важно и ни благотворно само по себе и это общественное движение совести тоже. Тут нужно, как минимум, *чтобы в назначенный по воле самого народа его Верховной Властью день и час вся страна встала хотя бы в минутном общем скорбном молчании под соборный поминальный зов заводов, фабрик, поездов и кораблей перед незримыми лицами наших истребленных братьев, клятвенной символикой этого всенародного духовного порыва и акта признавая и подтверждая свою трагическую вину перед ними и очищая свою общую душу бесповоротным и полным в ней покаянием...* Ведь без такого духовного очищения — в этом ли, другом ли каком подобном ему духовном акте — нечего и думать о действительном духовном здоровье страны, о ее нравственном достоинстве и дальнейшем духовном развитии. Это, я думаю, истина, которая понятна сегодня всем.

Но ведь к такому духовному очищению, столь необходимому в любой нормальной ситуации общественной жизни, тем более в ситуации такой ее перестройки, которая направлена к общему ее оздоровлению, страна наша будет готова и почувствует в нем действительную внутреннюю потребность именно только тогда, *когда она будет знать всю, полную правду о нашем прошлом!* В том числе и всю, полную, достоверную авторитетной официальной информацией статистику человеческих (и иных) потерь, понесенных страной в годы так называемого "культы личности".

Вот вам, стало быть, и тот абсолютно актуальный нравственный императив, которым поворачивается сегодня вопрос об одних только *количественных* показателях сталинских жертв, стоит только взять его в его действительном значении и хотя бы в отношении лишь к одной только проблеме нынешнего духовного здоровья страны, к перспективам ее развития как соборного, общественного нравственного организма. А ведь это действительно только еще одна, хотя и самая важная, сторона дела.

5

Вторая (неразрывно сопряженная, впрочем, с первой и, в сущности, ее же, только в другом измерении, и выражающая) состоит в том, что наше знание и осмысление статистики сталинских преступлений не может не иметь самого прямого отношения и к *непосредственно-практическому* содержанию наших сегодняшних перестроечных замыслов и планов. Особенно — в области социально-политических и гражданских структур, где от такого знания (и от того, как мы осмыслим это знание) должно прямо зависеть, как и что мы будем здесь сегодня делать, осуществляя нашу перестройку, что и как будем перестраивать. И это не может быть иначе именно потому, что если упоминавшаяся выше статистика верна, то она, как уже сказано, не может быть объяснена без очень серьезного

и трезвого анализа всех тогдашних общественных структур, — анализа, способного ответить на вопрос, какие именно (и почему именно *эти*) из существовавших тогда общественных механизмов, институтов и установлений смогли оказаться такой податливой объективной “средой”, такой удобной “проводящей” системой для широчайшего и, в сущности, бесконтрольного метастазирования “злой” сталинской воли по всему общественному организму страны, и отсутствие каких именно других институтов и механизмов особо благоприятствовало этому. А отсюда следует, что если мы сегодня действительно не хотим, чтобы прошлое могло вернуться даже в сильно смягченном и модернизированном виде, то нам нужно еще очень внимательно посмотреть, не осталось ли и что именно осталось и в нашем *сегодняшнем* общественном устройстве от тех, *прежних* общественных структур и механизмов, природа которых так предрасположена к впуску в себя вируса зла, вносимого соответствующей субъективной волей. И не отсутствуют ли у нас по-прежнему именно те общественные механизмы и институты, которые способны обезопасить нас от действия такой воли — в случае если она вдруг снова объявит себя и ей снова заблагорассудится перекроить весь мир — и нас с вами — на свой адский лад. Ведь во всех *принципиальных* своих измерениях и основных реальных формах наша нынешняя общественная система — государственная, социальная, политическая, гражданская — непосредственно выросла из той, что окончательно сложилась и закрепились как раз при Сталине и мертвящее наследие которой таким пышным прощальным цветением дало о себе знать в хорошо памятные уже всем нам, только недавно отошедшие в прошлое (и отошедшие ли еще?..) “застойные годы”. Мы связаны с этой системой *генетически*, кровным историческим *родством*, и если психологически, духовно, нравственно мы сегодня как будто бы встали на путь решительного отказа от всего мрачного, жестокого, антигуманного, что она с собой принесла, от ее отрицательных *п о с л е д с т в и й*, то значит ли это, что мы уже вполне разобрались в *т е х п р и ч и н а х*, которые привели к этим последствиям? И более того, — *устранили эти причины из самой материи нашего общественного бытия?* Так ли уж много, говоря по правде, имеем мы таких кардинальных, принципиальных перемен в самих принципах, в реальных формах и механизмах функционирования нашей общественно-политической и социально-экономической системы, которые решительно отличили бы нас от прошлого, отделили бы нас от него и тем гарантировали и невозможность возвращения к нему? Кто возьмется утверждать, что вся необходимая работа в этом направлении — хотя бы в главных, основных ее измерениях — уже проделана?..

А ведь одними заверениями в том, что *с трагическим прошлым покончено навсегда, что никогда больше мы не допустим повторения прежних “ошибок”* и т. п., историю на нужный путь не направишь. Тут одной субъективно-психологической настроенности и решимости тех, кто сегодня искренне дает такие заверения, мало; тут требуются реальные изменения в самой *объективной* структуре нашего общественного бытия, в самой его *организации*, закреплённой соответствующими законами. Это сегодня понятно если не всем, то уже очень многим, и не нужно быть политиком семи пядей во лбу, чтобы догадаться, почему так растет сегодня в обществе тревога за судьбы нашей перестройки — тревога, суть которой так четко была сформулирована в известном

выступлении кинодраматурга А. Гельмана на открытом партийном собрании парторганизации правления Союза кинематографистов СССР, единогласно одобренном коммунистами в качестве их наказа XIX партийной конференции и напечатанном 9 апреля с. г. в *Советской культуре*:

“С момента начала перестройки прошло три года. Каков главный положительный итог? По-моему, он в том, что, несмотря на то, что прошло три года, перестройка продолжается. Каков главный отрицательный итог? По-моему, он в том, что, несмотря на то, что прошло три года, перестройка не стала пока необратимой...”

Это действительно ведь так, ибо если верно то, что у подавляющего большинства сторонников и участников перестройки ее продолжающийся разгон, ее непрерывное, хотя и трудное, с торможениями и борьбой, движение вперед не могут не вызывать естественного и мощного чувства радости, то столь же верно и то, что уверенности в ее необратимости все еще у нас нет. И это, как верно сказал тот же А. Гельман, “для всех, кто связывает с перестройкой судьбу нашего будущего, является огромным беспокойством, огромной тревогой, не отпускающей нас ни на день, ни на час”. Что это ни в какой мере не преувеличение, сомневаться не приходится: подтверждений тому наша печать публикует множество — от выражения такого беспокойства в статьях и выступлениях видных деятелей культуры, искусства, науки до проникнутых этой же тревогой бесчисленных читательских писем, затопляющих редакции наших газет и журналов — особенно после публикации в *Правде* 5 апреля с. г. известной редакционной статьи “Принципы перестройки: революционность мышления и действий”. Конечно, только малая часть этих писем попадает на газетные, тем более журнальные полосы, но даже и по этой части можно судить, насколько и в самом деле велика в обществе тревога за судьбу перестройки и насколько и в самом деле она связана прежде всего именно с проблемой *реальных гарантий ее необратимости*. Ведь едва ли не каждое второе или третье такое письмо в той или иной степени пронизано именно этой заботой — заботой, которая, как пишет читатель *Правды* Н. Новиков “сейчас не только у меня, но и у многих на сердце забота: есть ли твердая гарантия необратимости процесса перестройки”? Поэтому то он — как и многие другие — и считает именно эту проблему той *главной*, которую прежде всего должна, на его взгляд, обсудить июньская партконференция: “Думается, — пишет Н. Новиков, — на предстоящей XIX Всесоюзной партконференции партия должна выработать такой механизм демократизации собственной деятельности и жизни всего общества, такого функционирования всех руководящих и контрольных органов, который полностью исключал бы рецидивы старого, обеспечивал бы уверенное преодоление всех проявлений торможения во всех сферах”¹.

Но если это так, если теперь, смело можно сказать, согласно поистине о б щ е н а р о д н о м у уже мнению, что ключевая проблема сегодняшнего дня и состоит именно в создании таких *объективных*, структурно выраженных и закрепленных общественных *механизмов*, которые гарантировали бы от “рецидивов старого” и обеспечивали преодоление любых “торможений”, то как мы можем решить ее сегодня без очень серьезного и трезвого анализа существующих у нас общественных струк-

¹ *Правда*, 23 апреля 1988 г.

тур с точки зрения *проверки их на степень родства со структурами сталинских времен?* Если только, конечно, мы не на словах, а на деле хотим гарантировать себя действительно от любых рецидивов. И если только мы вполне сумеем, наконец, отдать себе отчет в той прямой объективной связи, которая существует между масштабами преступлений сталинской эпохи и гражданским, правовым и политическим характером того общественного устройства, которое эти преступления допустило и на родственную связь с которым именно поэтому и требуется сегодня тщательнейшим образом проверить наши нынешние общественные структуры, чтобы верно наметить пути их перестройки.

Вот вам, следовательно, и второй, на этот раз уже сугубо *практический* аспект, взятый со стороны наших конкретных перестроечных планов в области общественных структур, которым с предельной жизненной актуальностью поворачивается к нам сегодня в своих далеко идущих методологических последствиях уже один только вопрос о том, нужно или не нужно предавать сегодня гласности всю, полную статистическую правду о преступлениях эпохи "культы личности". А ведь сколько еще и других таких же, не менее важных в этом отношении проблем, связанных с прошлым! Проблем, суть которых иные явно неприлежные в усвоении исторических уроков ученики как раз только лишь и *затемняют* своими разговорами об "очернительстве", "поливании грязью", "непатриотизме" и т. п.

6

Или, напротив, не столько неприлежные, сколько, может быть, слишком как раз прилежные? Из тех, кто пуще огня боится гласности в этой области именно потому, что слишком хорошо понимает, какие реальные последствия может дать эта гласность и насколько эти последствия могут затруднить сопротивление перестройке, уменьшить надежды на ее срыв? Недаром же столько сил и энергии тратят они, чтобы не допустить нас до этой правды, так зримо растет их сопротивление всему, что делается сейчас и в этом направлении!..

Но тогда это только лишний раз доказывает, стало быть, что проблема фактического знания, полноты информативной осведомленности о нашем прошлом, в том числе и о его преступлениях, — это и в самом деле проблема отнюдь не только *историческая*. Это прежде всего проблема *нашей сегодняшней общественной практики*, проблема живой жизни. Вот ее главная суть, ее основное содержание и значение, потому что дело здесь вовсе ведь не в сведениях каких-то "счетов" с прошлым или с теми, кто его создавал, а прежде всего именно в тех *уроках*, которые мы обязаны извлечь из прошлого, — в их *понимании* и *анализе*. Существует, правда, мнение, что исторические уроки все равно ничему никому не учат и человечество склонно повторять свои ошибки. Но это очень сомнительная истина. Не усваивают уроков лишь плохие ученики — и, как правило, лишь тогда, когда наше невежество, лень и неприлежание еще не грозят нам смертельной опасностью. А когда жизнь подводит нас к этой черте, даже плохие ученики просыпаются и стремятся выбиться если уж не в отличники, то хотя бы в троечники. Во время войны мы очень быстро и очень многому научились уже в первые же ее месяцы —

иначе просто не выжили бы. И сегодня мы тоже отнюдь не в такой ситуации, когда можно относиться к урокам истории спустя рукава. Это, кажется, и в самом деле хорошо поняли ныне даже противники перестройки. Похоже, что они в этом отношении оказались даже прилежнее нас и успели уже очень хорошо сообразить, какой именно опыт прошлого нужно учесть в их сегодняшней борьбе против нас. Во всяком случае, борьба, и борьба ожесточенная, уже началась ныне и идет действительно, и победит в ней, несомненно, только тот, кто лучше научится извлекать нужные ему уроки из прошлого опыта.

Потому-то и всем нам, кто связывает свои надежды с перестройкой, тоже следует быть как можно более прилежными в усвоении этих уроков. А для этого нужно их прежде всего — з н а т ь. Знать всю совокупность фактов, к ним относящихся, всю правду о прошлом.

Вот почему, стало быть, принцип и политика "позапной" правды о прошлом — это сегодня принцип и политика безусловно и полностью *антиперестроечные*. И вот почему полнота этого знания о прошлом — одно из *первоочередных* и необыкновенно важных *исходных* условий для действительно успешного и плодотворного развития нашей перестройки.

Ну, а полнота правды о нашем настоящем, реальное видение которого — тоже ведь прямое (хотя и не единственное) условие успешного его изменения в желательном для нас направлении? Разве нам и здесь тоже не нужна *вся, полная*, в том числе и статистическая, правда о нас самих — и о нашем экономическом положении, и о том, какие масштабы приняло у нас, например, пьянство, наркомания, проституция, хищения или взяточничество, и каково действительное соотношение рубля с конвертируемыми валютами, и какие именно потери несет наша торговля от нереализованных товаров, и как обстоит дело с детской рождаемостью и средней продолжительностью жизни в разных регионах страны, и каковы все другие реальности нашего сегодняшнего бытия — прежде всего, конечно те, которые требуют скорейшего и решительного изменения? И разве правда эта не нужна нам сегодня тоже *вся сразу*, а не по кусочкам и не "позапно"? Как, действительно, можно надеяться что-то изменить в нашей нынешней крайне нелегкой ситуации (недаром даже в официальных формулах она именуется предкризисной, а многие серьезные экономисты считают ее и просто-таки кризисной, едва не тупиковой), если мы будем иметь перед собой не столько реальность, сколько разного рода фантомы, созданные нашим собственным невежеством, безответственностью или потаенным соблазном облегчить себе заботы, сыграв с самими собой в поддавки, а то и просто интеллектуальной и моральной ленью?..

Я очень хорошо понимаю, что и все эти вопросы тоже вряд ли кто сочтет требующими ответа. Они тоже носят как бы риторический характер, потому что все это совершенно азбучные очевидности, с которыми и спорить-то вроде бы нечего. Да, — но только до тех пор, пока они и задаются в общей форме. А как только становится понятно, что речь идет не просто о том, что в интересах перестройки нам — *каким-то "нам" вообще* — нужна вся полнота информации, а о том, что эта полнота нужна *всему* обществу, *всему* народу, так эта очевидность сразу же перестает быть для очень многих очевидностью. Иначе чем еще можно объяснить, что реальная статистика по всем беспокоящим сейчас нас

проблемам по-прежнему все еще скрыта, в сущности, от общества за семью печатями и лишь в результате партизанской самодеятельности самой общественности да изредка даруемых с высоких трибун откровенностей мы еще имеем возможность о чем-то здесь догадываться и что-то предполагать? Ведь даже экономическая информация, сообщаемая сводками ЦСУ, настолько неоткровенна и нарочито затемнена в своем реальном содержании всякого рода чисто процентными измерениями и соотношениями, что недаром не раз уже служила объектом самых скептических оценок со стороны наших серьезных экономистов. А что же говорить о всей остальной?..

Во всем этом отчетливо выказывает себя та же, что и в отношении нашего прошлого, логика откровенных опасений, что вся, полная правда о нашем нынешнем состоянии и положении слишком тяжела и опасна для общественного здоровья, чтобы можно было этим рисковать. Тем более что какая в этом, собственно, настоятельная и неотложная нужда? Разве, действительно, всей необходимой для понимания нашей реальности полнотой знания о ней не обладают наши руководители — инициаторы, вдохновители и реальные организаторы перестройки? Разве не из этого знания исходят они, разрабатывая планы перестройки и выдвигая перед обществом те или иные задачи? Так в чем же дело? Не разумнее ли, не спокойнее ли и надежнее будет, если мы — народ, общество, — веря своим лидерам, примемся поскорее, засучив рукава, за реализацию и претворение в жизнь намеченных планов, своим реальным трудовым вкладом способствуя нашему же собственному движению вперед? А со всем тем, что нам нужно знать о себе, в интересах опять же собственной духовной гигиены знакомясь именно разумно и постепенно, по мере наших успехов в деле перестройки, без ненужного ажиотажа и поспешности? Разве это не более серьезный и не более реальный в наших условиях путь?..

Что ж, предположим даже, что это так. Но в таком случае давайте будем по крайней мере честными друг с другом. Давайте не будем, как выражается современная молодежь, пудрить друг другу мозги и трепать к месту и не к месту слово "демократия". Да еще преданно поддакивать при этом на каждом шагу известной формуле, гласящей, что именно в *демократизации* — *суть перестройки, суть социализма*. Потому что если народ, общество не будут обладать всей полнотой знания о себе, то как же они смогут определять, что и как нам нужно сегодня перестраивать, и как будут реально контролировать эту перестройку? А если народ, общество не будут иметь такого реального права, власти и практических возможностей определять стратегию и тактику перестройки, принимать принципиальные решения по ее важнейшим проблемам и не на словах, а на деле контролировать их исполнение и руководить им; и вся демократизация сведется лишь к тому, что нам будет предоставлена возможность массово-энтузиастического участия в основном только в деле практической *реализации* перестроенных планов, более самодеятельного включения в этот процесс лишь на непосредственно *исполнительском*, так сказать, уровне; и лозунг "Дело перестройки — в руках народа" будет пониматься именно в этом, и только в этом смысле — то какая же это, простите, будет демократизация?

Такого демократизма у нас полным полно было и в так называемые застойные годы, и даже при Сталине, который в свое время даже органи-

зовал, как известно, знаменитое *всенародное обсуждение* проекта будущей (еще более знаменитой) сталинской Конституции, дав этим на долгие годы вперед блистательный образец проведения широкомаштабных и широкоовещательных "демократических" акций в условиях, когда общество начисто лишено (не говоря уж обо всем остальном) даже сколько-нибудь реального знания о самом себе (без чего, понятно, любое его участие в любых обсуждениях, принятии решений, контроле и т. п. становится чистой проформой)... Да и сейчас навыки такого рода отнюдь еще не забыты, так что если бы мы и не хотели их менять и нас устраивала бы и впредь демократизация *этого* уровня, то тогда непонятно, зачем вообще было говорить о демократизации как о чем-то действительно *новом* в нашей жизни? Более того — как о *стержневом* содержании перестройки и даже задаче поистине *революционной* значимости?..

Однако сегодня, кажется, не так уж трудно все-таки понять, почему задача демократизации для нас — задача новаторская, даже революционная. Да именно потому, что демократизация, о которой у нас идет сегодня речь, — это демократизация принципиально *иного* уровня и характера, чем демократизация исполнительских механизмов. Это демократизация, которая единственно, собственно, и соответствует реальному значению слова "демократия", его семантике, потому что демократия — это *власть народа, народовластие*, и проблема демократии — это *прежде всего проблема власти*, реальной власти народа в своем государстве, то есть проблема *политической* прежде всего власти как основа всякой другой власти в обществе. Это такая демократизация, содержание которой одно только, следовательно, и соответствует понятию *социалистической демократии*, адекватно его сути, если только мы не треплем все и слово *социализм*, прикрывая им что угодно, вплоть до байского феодализма или административно-экономического крепостничества, а употребляем этот термин в точном соответствии с его реальным значением. Ибо если социализм — это, как все мы заучили и знаем еще со школы, общественно-экономическая формация, основу которой составляет общественная собственность на орудия и средства производства и именно в этом ее генеральный принцип, ее природа и суть, то как же еще и понимать этот принцип и суть, если не как принцип *безусловной полноты и безоговорочности именно народовластия, демократии*, втягивающей теперь, на этой стадии своего социально-исторического развития и развертывания, в орбиту своего действия уже и самую сферу собственности? Иначе какая же это будет о б щ е с т в е н н а я собственность, если общество — *все общество* — не будет иметь реальной власти через свои демократические, политические и гражданские институты реально ею распоряжаться — на всех стадиях и во всех формах ее существования и функционирования?

Вот почему мне кажется совершенно верной формула М.С. Горбачева, когда он на совещании в ЦК КПСС 8 января 1988 года сказал, что демократизация, гласность — это не только *средства перестройки*, но и *реализация сущности социалистического строя, суть социализма*.¹ Во всяком случае было бы глубоко ошибочно отнестись к ней просто как к некой красивой метафоре — именно потому, что это действительно очень *точная формула*, и как раз в этой ее точности, в этой буквальности,

¹ См. *Правда*, 13 января 1988 г.

а вовсе не описательной приблизительности ее смысла и состоит, если угодно, ее *принципиальная общественная новизна*, хотя само по себе соединение понятий "демократия" и "социализм" не включает в себе ничего нового и кто только на эту тему не упражнялся — и у нас, и за рубежом. Однако если говорить о нас, то что-то я не помню, чтобы упражнения эти когда-либо акцентировали *такую* нераздельность этих понятий, при которой именно *мера демократичности* государства, осуществляющего власть над собственностью на средства производства, становится и *мерой его социалистичности*. Куда привычнее для нас было такое оперирование этими понятиями, при котором даже и явное отсутствие или резкое ограничение демократии не мешало нам тем не менее произносить слово "социализм", откуда и стали возможны такие понятия, как "демократический" (или "более демократический") социализм, "социализм с человеческим лицом" и т. п., — модель сознания, в основе которой как раз и лежит скрытое предположение, что возможен, стало быть, и "социализм" без человеческого лица, социализм *недемократический*, то есть что "социализм" — это, так сказать, одно, а "демократия" — это как бы некоторая хотя и желательная, но все же "прибавка" к нему...

Однако *недемократический социализм, социализм без человеческого лица* — это, простите, уже не социализм, а что-то совсем другое — похуже, чем сапоги всмятку или осетрина второй свежести. И сегодня мы, кажется, сумели уже это понять, если заговорили о демократии именно как о *сути* социализма, хотя еще нельзя сказать, чтобы все последствия такого понимания нами тоже были уже осознаны и соответствующие выводы сделаны¹. Но, во всяком случае, в том, что курс на

¹ Так, если мы твердо заявляем сегодня, что именно в демократизме суть социализма (как общественно-экономической системы, основанной на общественной собственности на средства производства) и что демократический критерий становится тем самым для нас критерием *социалистичности* общества, национализировавшего средства производства, то из этого со всей неизбежностью следует, на мой взгляд, что нам нужно как можно решительнее отказаться от все еще привычных сегодня формул в отношении того, что при Сталине были допущены всего лишь разного рода "искажения" и "деформации" здоровой основы нашего социалистического общества. Теоретикам еще предстоит разобраться, какой общественный строй установился у нас в результате безусловно контрреволюционного и безусловно антисоциалистического переворота, завершеного Сталиным за период от начала коллективизации до XVIII съезда партии, и как его следует именовать. Но то, что строй этот, общественную эту систему мы не должны и не имеем права называть *социализмом*, могут отрицать только те, кто именно и не считает демократию сутью социализма, или те, кто сумеет доказать, что чудовищное самоистребление населения страны при Сталине именно и произошло в результате и в условиях *политической демократии*, то есть в условиях и в результате расцвета *социализма*. И чем скорее и прямее мы скажем сегодня об этом и себе, и всему миру, тем лучше будет и для нас, и для тех, кто во всем мире связал себя с идеей социализма, авторитету которой сталинская (да и "застойная") ее интерпретация отнюдь, как известно, не способствовала. Не нужно бояться, что эта очистительная и честная акция "подорвет веру в социализм" — она подорвет не веру в социализм, а разрушит миф о том, что социализм может быть и таким, каким он был при Сталине. Она, иными словами, будет способствовать, напротив, лишь действительному подъему социалистической инициативы и общественного энтузиазма у тех, кого обретенный нами исторический опыт, при всей его трагичности, не заставил, однако, разувериться в исторической жизненности принципа общественной собственности, но кто ни в какой мере — ни практически, ни теоретически, ни, соответственно, терминологически — не считает возможным отождествить свои социалистические убеждения со сталинским "социализмом". А то, что вопреки теоретическим

наше дальнейшее перестроечное развитие взят и ориентирован именно в этом направлении — в направлении отказа от такого понимания демократизации, при котором полная гласность и полная информированность общества о самом себе вовсе не обязательны, — в этом сегодня, кажется, в самом деле можно уже не сомневаться. И не только потому, что во всех выступлениях лидеров нашей перестройки постоянный и все более энергичный акцент делается именно на том, что партия, как сказано в одном из последних таких выступлений (в докладе Г.П. Разумовского на торжественном собрании в честь 118-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина), “ориентируется на демократизацию не поверхностную, а затрагивающую корневые структуры общества, на развитие его политической системы”, при котором “ключевым вопросом” становится “необходимость кардинального повышения роли, обеспечения полновластия Советов народных депутатов как политической основы нашего социалистического государства”, а этому соответствует только “такой механизм власти и управления, который сверху донизу подконтролен народу”.¹ Надежда, что в действительности именно в таком выборе, выборе именно этого пути можно сегодня, по-видимому, не сомневаться, поддерживается, конечно, прежде всего тем, что путь этот намечен и заявлен инициаторами и лидерами нашей перестройки вовсе не из какой-то чистой любви к теории, не из абстрактно-прекраснодушного желания привести в соответствие с этой теорией, с действительными критериями и сутью социализма и нашу общественную практику. Путь этот намечен и заявлен, как это становится сегодня все очевиднее, прежде всего потому, что вполне уже осознано, кажется, и другое: то, что если мы не хотим в конце концов превратиться во второстепенную в экономическом, социальном и культурном смысле державу и хотим при этом попробовать выбраться из тяжелейшего экономического и социального кризиса, в каком оказались, *не* возвращаясь к капитализму, к принципу частной собственности, то другой возможности осуществить эту пробу, кроме как встать на путь *действительного социализма*, то есть на путь *полного развертывания социалистической демократии*, полного осуществления принципа *действительно общественной собственности, подлинного народовластия*, у нас просто уже нет. И то, что это, судя по всему, действительно уже так, доказывает и тот факт, что любой трезвый политик не может не понимать, с какими небывалыми и непривычными для нас трудностями и даже опасностями связан этот путь. Стало быть, для нас действительно *нет* уже никакого другого выхода, если наши руководители, обладающие, надо полагать, достаточно трезвыми головами, сумели не только понять эту неизбеж-

предположениям прошлого и начала этого века в результате исторического опыта вполне выяснилось, что на путях отмены частной собственности может осуществляться переход от капитализма совсем не обязательно именно к социализму, но возможно возникновение общественно-экономических формаций иного характера, не-капиталистических и не-социалистических (хотя, пожалуй, по своей принципиальной сущности гораздо более чужеродных именно социализму, чем капитализму в его тоталитарно-государственной форме), — что ж, с этим ничего уже не поделаешь. Это тоже одна из тех реальностей, которым нам еще предстоит научиться смотреть в лицо и которые нам еще потребуются теоретически осознать. И чем скорее мы это поймем, тем лучше. И для нас, и, повторяю, для идеи социализма во всем мире.

¹ См. *Правда*, 23 апреля 1988 г.

ность, но решились пойти ей навстречу. Только понимая весь подлинный масштаб, всю конкретную содержательную наполненность такой решимости, можно по достоинству оценить и степень того политического *мужества*, которого она потребовала и требует. Она, эта степень, настолько высока и настолько для нас непривычна, что и в самом деле не так уж трудно понять тех, кто в страхе перед небывалыми трудностями и даже опасностями, ожидающими нас на этом пути, пытается отыскать какие-то иные, обходные, менее, как им кажется, опасные и даже как будто бы более реальные пути.

7

В самом деле, решится ли сегодня кто-нибудь, имея достаточно трезвую голову на плечах, утверждать, что процесс демократизации, процесс расширения демократических свобод и овладения этими свободами со стороны широких масс, народа нашей страны, процесс освоения новых демократических структур населением, которое практически не имеет сколько-нибудь значимого серьезного опыта жизни в условиях таких структур, которое не так уж давно формировало свою психологию и общественные навыки в недрах сталинизма и после недолгой поры надежд на обновление и первых робких шагов в сторону демократии, сделанных в конце 50-х — начале 60-х годов, должно было пережить еще и долгий опыт так называемых "застойных лет", — что процесс этот будет исключительно победным и безболезненным, достойным лишь самых радостных ожиданий и эйфорических надежд? Наверняка дело это будет тяжелое, трудное, чреватое многими непредвиденными неожиданностями и даже деструктивными эксцессами, предвестием чего уже и сегодня могут служить некоторые не слишком радующие многих стороны в движении и деятельности так называемых "неформальных" организаций, заявившие о себе уже и при первых, так сказать, послаблениях в сторону демократии, — и даже, может быть, не столько еще демократии, сколько либерализма. А ведь между тем если мы всерьез говорим о необходимости развития демократии, и прежде всего *политической* демократии как условия действительного полновластия Советов народных депутатов, то мы неизбежно должны будем прийти к предоставлению общественным организациям и союзам — "формальным" ли, "неформальным" ли — и определенных в конечном итоге полновесных *политических* прав, вполне "формально" закрепленных законом и гарантированных предоставлением возможностей публичного выхода к народу и обществу через собственные органы печати и другие средства информации. В том числе — и право на объединение в избирательные союзы, на выдвижение своих избирательных программ, связанных с обоснованием тех или иных путей и форм социалистического строительства в стране, и на свободное соревновательное участие в выборах депутатов в органы Советской власти вплоть до Верховного Совета СССР, регулируемое лишь общими принципами Основного закона страны, конституционно закрепляющего социализм в качестве свободно избранного волей народа и являющегося его неприкосновенным достоянием общественного строя. Нам предстоит здесь проделать огромную работу — и практическую, и теоретическую, свя-

занную, в частности, с очевидной необходимостью решительного теоретического пересмотра фундаментальной догмы сталинского режима, гласящей, что в бесклассовом обществе (или в обществе, состоящем из дружественных классов) нет объективной базы для существования нескольких разных политических союзов, объединений, партий — как бы их ни называть. Ибо даже если, предположим, в ходе дальнейшей демократизации нашего общества статус *п а р т и и* по-прежнему будет признано целесообразным основывать именно на *к л а с с о в о м* принципе (что, замечу, в условиях новой действительности социалистического общества вряд ли все-таки целесообразно, ибо переводит проблему в догматически-формальный план) и если в соответствии с этим КПСС по-прежнему будет оставаться единственной партией в стране, это вовсе еще не означает, что должна быть закрыта дорога для других политических объединений и союзов, имеющих право выхода на избирательную арену со своими предложениями и программами практически организационного характера (в пределах общеобязательной принципиально-социалистической направленности) — для объединений и союзов на *иной*, не *классовой*, а, например, духовно-мировоззренческой, культурно-организационной или программно-экологической основе. Как быть, например, с теми же верующими, христианами или мусульманами (процент которых в стране вряд ли настолько невысок, чтобы они составляли такое уж незначительное меньшинство), если их религиозное мировоззрение закрывает им дорогу в КПСС, исповедующую атеистическое марксистское мировоззрение, а их безусловная преданность социалистическим принципам общественного устройства рождает в них потребность активного *политического* участия в социалистическом строительстве путем объединения на общей духовной основе в соответствующую политическую общественную организацию? В противоречие с какими принципами социалистической демократии вступает существование какого-нибудь, например, "Союза социалистов-христиан", имеющего право соревновательного участия в выборах со своими предложениями и программами социалистического строительства? Пусть весь народ решает, заслуживают ли их предложения внимания и стоит ли отдавать голоса их кандидатам. Это и будет социалистическая политическая демократия в ее действительном, подлинном, а не формальном, а потому и демагогическом выражении, ибо аксиома политической демократии состоит в том, что там, где нет демократических прав и свобод для меньшинства, там нет их и для большинства. Это только один пример из многих, как нетрудно понять, возможных, и потому-то и представляется очевидным, что если уж мы сегодня признаем реальность *социалистического плюрализма*, то признание этой реальности неизбежно должно быть доведено в условиях социалистической демократии до признания необходимости закрепления и выражения этого плюрализма и в *политических* формах — в соответствии с реальным составом нашего очень разнообразного социалистического общества. Ведь только на этом уровне, кстати говоря, мы и обретаем действительные *гарантии* необратимости дела нашей перестройки, и я думаю, что это сегодня понимает едва ли уже не большинство страны.

Но ведь создание этих гарантий, достижение уровня действительно развитой и полноценной политической демократии социализма — задача и в самом деле чрезвычайно сложная, требующая и колоссальной законо-

дательной работы, вплоть до конституционной, терпеливой, гибкой, осмотрительной, но и решительной, твердой кадровой политики, и громадной, если можно так выразиться, *политически-психологической перестройки* всего общества. Здесь тоже очень еще многое предстоит нам пережить и многому научиться. И не только обществу, но и властям, руководству, потому что те же, к примеру, очевидные и очень болезненно воспринятые широкими кругами общественности отступления от последовательно демократических (связанных с безусловной полнотой гласности) методов решения острых проблем, которые были допущены и в известной истории с Б.Н. Ельциным, и в трагедии Нагорного Карабаха, могут в дальнейшем, при их повторении в сходных ситуациях, привести и просто-таки к кризису доверия. А это на руку только противникам перестройки, заинтересованным в том, чтобы ошибки замалчивались, а не признавались, потому что открытое признание ошибок может только повысить авторитет лидеров перестройки и тем укрепить ее движение.

Но ведь сколько нам еще предстоит сложных, острых ситуаций — и такого же, и совсем другого характера, но так же прямо связанных с развитием демократизации! Сколько болезненного выплеснется еще наружу, в том числе и на страницы печати, когда, например, нам придется отказываться от практики, соответствующей ложным, но устоявшимся, обжитым стереотипам нашего привычного политического сознания! Сколько, например, поднимется недоумений, споров и даже прямого негодования в связи с неизбежно рождающимся из нашего привычного сознания вопросом о том, не означает ли полное развертывание политической демократии в тех (или сходных) формах, как это вкратце обозначено выше, снижения, а то и ликвидации *руководящей роли партии*, — как будто бы руководящая роль политической организации тождественна ее автоматическому, законодательно обеспеченному монопольному положению в качестве определенной структуры, а не вырабатывается и не завоевывается в свободном политическом соревновании за доверие народа!..

Все это предстоит терпеливо разъяснять, ко всему этому придется привыкать, а это процесс действительно крайне сложный, и вот почему, повторяю, вообще-то говоря очень и очень можно понять тех, кто искренне хотел бы, чтобы у нас развивалась здоровая экономика, улучшалось благосостояние народа, торжествовала социальная справедливость, расширялись возможности свободного творчества и т. д., но искренне опасается, что именно из-за неподготовленности народа к демократическим формам управления страной, из-за реального отсутствия у нас необходимой для этого политической культуры, может произойти такой “неконтролируемый” разгул “демократии без берегов”, что это только еще ухудшит наше положение. Ведь не одни же корыстные противники перестройки, заинтересованные в сохранении прежних порядков, которые обеспечивают им разного рода жизненные привилегии, отстаивают, к примеру, тот же принцип позтапной правды; среди них немало и таких, искренних и честных людей, которые по указанным выше причинам искренне хотели бы, чтобы перестройка двигалась вперед не методом ускоренной и кардинальной демократизации общества, а методами, которые, фигурально выражаясь, были бы ближе к методам, так сказать, *просвещенной монархии*, затеявшей дело

решительных реформ. Тем более что и такой путь в истории не раз применялся, и притом далеко не всегда безуспешно...

Однако в том-то и дело, что прошли времена, когда такими методами еще можно было что-то сделать для кардинального поворота нашего общества на путь динамичного и здорового социально-экономического развития. Все — поезд, как говорится, ушел. Слишком долго там, где нужна была и ожидалась решительность, энергия и добрая воля просвещенности, мы если и чувствовали на себе энергию и волю, то совсем не добрую и не просвещенную; слишком быстро первые проблески новой воли, показавшейся нам просвещенной, обернулись в конце концов просто политическим недомыслием и привели к возвращению традиционной непросвещенности, теперь разве лишь куда менее жестокой и страшной, но зато все больше приобретающей черты самодержавия уже самого пошлого и низкопробного пошиба, все более сосредоточенной в сущности, едва ли не на одном лишь упоении собственным кайфом, а потому и сеявшей вокруг себя заразу такого же утробного гедонизма и ненасытного потребительства чуть ли не на всех ступенях своей иерархической лестницы, совсем уже, кажется, переставшей служить народу. Слишком долго все это продолжалось — при сохранении и даже, можно сказать, мощном усилении громкости самых высоких слов и заверений в том, что все это делается исключительно для блага народа, — чтобы кредит доверия в народе к каким-либо нововведениям и действиям сверху не был бы уже доведен до такого уровня, что сегодня вряд ли уже можно реально рассчитывать что-то серьезно сдвинуть методами просвещенной воли. Все равно до тех пор, пока реформы спускаются нам сверху как милостивый дар, дело реформ так и останется в основном делом верха, как бы те иные части общества ни сочувствовали и ни поддерживали эти начинания. Именно здесь, несомненно, коренится основная причина того, отмечаемого всеми серьезными наблюдателями факта, что несмотря на, казалось бы, очевидные и значимые акции, удостоверяющие в серьезности намерений лидеров перестройки, решающего сдвига и перелома в настроении масс (прежде всего в провинции, где Москва все еще “не указ”) пока не произошло, а господствовать все еще продолжает заинтересованное, даже сочувственное, но все-таки пока преимущественно пассивное и осторожное ожидание: ну, посмотрим, чем это все кончится и куда повернется. В основе этого, как справедливо пишет известный наш экономист Н. Шмелев,¹ “определенного недоверия, распространенного “среди широких масс”, лежит, несомненно, “память о прошлом опыте”, которая отнюдь “не укрепляет доверия ко многим государственным мероприятиям” и заставляет серьезно опасаться, что “попытки оздоровления политической и социально-экономической жизни страны обернутся в конце концов блефом”. Спасение от всего этого уже только одно — чтобы, если воспользоваться выражением М.С. Горбачева, народ “через социалистическую демократию” был включен “во все процессы управления” и стал действительно полновластным хозяином дела перестройки.

Мало того, — если уж продолжить обозначенный выше фигуральный ряд, то следует сказать, что ныне сама просвещенная воля будет находиться в постоянной и очень серьезной опасности именно до тех пор,

¹ См.: Н. Ш м е л е в. Новые тревоги. — *Новый мир*, 1988, № 4.

пока надежно не обопрется именно на демократию, — как когда-то в борьбе против могущественных феодалов вступила в союз с демократией городов королевская власть и тем сумела уцелеть. Нынешние могущественные феодалы бюрократии не менее изобретательны и энергичны, а опыт дворцовых переворотов у них уже есть.

Вот почему сегодня с обеих сторон — и со стороны народа, который должен реально включиться в дело перестройки, чтобы оно выиграло, и со стороны ее лидеров, вряд ли имеющих шансы реализовать свою просвещенную волю и вообще иметь возможность ее заявлять без реальной защиты народом — мы, можно сказать, *обречены* на политическую демократию, если хотим победы перестройки. Наша перестройка беременна ею — и или она ею разродится наконец и сумеет ее выпестовать, или погибнет — если не от общего заражения крови, то от того, что хилый или не успевший вырасти и стать сказочным богатырем ее ребенок просто не сумеет или не успеет ее защитить.

Вот почему все, что сегодня не способствует развитию политической демократии социализма, все, что рассчитано на иные формы и пути развития нашего общества (т. е. не на развитие его в направлении действительного социализма), является объективно антиперестроечным.

Вот почему и политика "поэтапной" правды, политика торможения гласности, политика отстранения народа, общества от полной информации о самом себе, о своем прошлом и настоящем, есть тоже политика антиперестроечная. И потому и антиперестроечная, что (не побоимся сказать это — не ради сомнительного удовольствия "припечатывания" "ярлыками", а ради серьезного обозначения сути проблемы) антидемократическая, антисоциалистическая.

И вот почему я сильно надеюсь, что предстоящая Всесоюзная партийная конференция должна будет непременно рассмотреть и решить эту проблему — решить кардинально и бесповоротно, потому что такое решение — предварительное исходное условие, без создания которого всерьез говорить о демократизации просто нелепо. Играть в жмурки с самими собой нам здесь не приходится. Создание ответственного органа гласности и информации, окруженного различного рода общественными институтами информации, наделенными правами и самостоятельных исследований и контроля (а следовательно, и правом допуска к источникам информации) — поважнее, пожалуй, чем создание Комитета Государственной Безопасности, имеющего куда более узкие, в сущности, функции в обеспечении действительной Безопасности государства. Подлинный "комитет" и гарант Безопасности Социалистического Государства, Безопасности Перестройки — лишь Демократия.

Конечно, проблема "правды", информации, полной гласности — только одно и только начальное звено той цепи проблем, которые предстоит нам решить в ходе перестройки. Но, как хотелось мне хотя бы вкратце и частично показать это, она теснейшим образом связана со всеми другими, среди которых — и важнейшие, ключевые. И именно потому, что они — важнейшие, я и позволил себе высказаться по их поводу со всей субъективной своей искренностью и откровенностью.

“СТАЛИН УМЕР ВЧЕРА...”

Публикуемый текст представляет собой фрагменты из рукописи “От Сталина до перестройки”: книги интервью, данных автором своим отечественным и зарубежным коллегам и сведенных воедино журналистом Глебом Павловским.

В сжатом и более развернутом виде эти фрагменты публиковались в журналах *Век XX и мир*, 1987, № 8, и *Рабочий класс и современный мир*, 1988, № 1. Для настоящего издания текст доработан автором.

М.Г. Я хотел бы предварить нашу беседу некоторыми соображениями, которые я адресую себе прежде, чем другим. Наша тема — день сегодняшний в свете прошлого. Точнее: возможность и необходимость переосмысления пути, пройденного нами за семьдесят лет. Правда, в иных устах эта нормальная процедура знания вроде жупела. И тут мы сталкиваемся не с одним лишь противодействием “вечно вчерашних”. Все сложнее, перепутанней, в разладе — и разлад этот не спадает, напротив. Жажда исторической правды подобна прибою, гребень следующей волны выше предшествующей. Но как не заметить и пены, и грязи, поднимающейся со дна. Корысть ищет напарника в честном испуге, неистраченные мифы наскоро подновляются лицемерами, рвущимися в правофланговые правдоискательства. И горечь и радость очищения — если не вместе, то рядом. А могло ли бы быть иначе? Не при прежней же “ясности” оставаться...

Положение историка само собой не из легких. Идти навстречу фактам — без страха, но с сомнением (без которого какое же исследование обходится)? Да, конечно же, так. Но это лишь подступ к главной работе: из подробностей, из деталей — и “вопиющих”, и “обыкновенных” — восстановить историческое целое в его непредуказанном движении. А результат доступен, близок? — спросите Вы. Не знаю. Знаю только, чем он не должен быть. Ни анафемой, ни “славься”. Ни пресловутым судом истории. Хотим приблизить искомое, десятилетиями не дающееся прояснение собственной исторической судьбы, так миновать ли нам то, что и трезвее, и трудней: неестественные искания, равноправный спор течений, научных школ, предоставляя равный голос в этом споре и зарубежным исследователям, отрешаясь от дурной привычки всех несовпадающих зачислять в “фальсификаторы”.

То, что монополии на истину нет, стало лозунгом дня. Но пробьешься ли простым повторением этих слов к пониманию того, что самый предмет наших изысканий ждет обновления? И ведь не скажешь наперед, что за предмет. Лишь ощущаешь все острее потребность опознать "что-то", разительно отличающееся от нашего же первофеномена: историей вылепленное и замкнутое в нас состояние, у которого даже названия строгого нет, одно лишь коллективное "местоимение" — *мы* ...

Вот на чем споткнулись — на непрерывности процесса, отождествляемой с прямизной пути. Наше пионерство представлялось (целым поколениям) вечным, неисчерпаемым. И поныне здесь же спотыкаемся, заметно либо неявно, меняя знаки и уходя от вопроса: а кто мы, сегодняшние, в Мире — в том, что вне нас, и в том, что дома, в *Мире дома*?!

... Помню, уже вполне зрелым человеком, перечитывая "Былое и думы", я поразился тем герценовским текстом, в котором его философия истории предстала жизнеописанием Роберта Оуэна, практичнейшего из старых утопистов, и тем местом, в частности, где Оуэн сопоставляется с Гракхом Бабёфом, яростным сокрушителем и уравниателем. На чьей же стороне русский эмигрант-социалист, о России думавший и тогда, когда говорил о Европе, о европейском человечестве? Кто не помнит знаменитых строк: удайся Бабёфу заговор, он овладел бы Парижем, чтобы оттуда приказать Франции новое устройство: "*рабство общего благосостояния*"; насилие, которое в этом случае неминуемо развязал бы он, столь же неминуемо вызвало бы в ответ "страшнейшую реакцию, в борьбе с которой Бабёф и его комитет погибли бы, бросив миру великую мысль в нелепой форме, — мысль, которая и теперь тлеет под пеплом и мутит довольство *"довольных"*¹. А Оуэн, которому заговор был не нужен и который окончил жизнь не на гильотине? "Оуэна исподволь затянуло илом. Он двигался, пока мог (...). Ил пожимал плечами, качал головой; неотразимая волна мещанства росла, Оуэн старался и все глубже уходил в трясины; мало-помалу его усилия, его слова, его учение — все исчезло в болоте..."²

Что же задело меня в этой заочной ставке — публицистический ли блеск, бьющие в глаза ассоциации с тем, чему еще быть? Это само собой, но главным образом иное: чувство дистанции (Атлантида!) вместе с близостью и сердца, и ума, близостью к навсегда ушедшему; и еще: равняющее отношение к тем, кого уже нет и кого уже никогда не будет, — но без потери существеннейших несовпадений между ними, отличный, творящих наследство. ("*Через века, когда все изменится на земном шаре, по этим двум коренным зубам можно будет восстановить ископаемые остовы Англии и Франции до последней косточки*"³.) И еще поразило у Герцена: стоицизм человека, рвущегося к делу, к раскрепостительному делу всяя Руси, но с сознанием того, что результату он не хозяин, что история не принадлежит никому в отдельности, как не принадлежала она и тем, прежде — временным, тем из будто чужого прошлого, а на деле своего: предвещающего свои,

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Т. XI. М., изд-во АН СССР, 1957, с. 241.

² Там же, с. 242.

³ Там же, с. 240.

непохожие осуществления и свои, похожие на те, — обвалы, поражения, самоутраты.

На исходе XX века найдется ли место у нас такому стоическому взгляду? Спросим ли так об уже случившемся с нами, поразмыслим ли так над происходящим?

У нашего Девятнадцатого не грех поучиться, заново открывши этот век, который (как и то, что до него, и то, что после) и нелепо, и опасно растаскивать по станам и кланам; мало сказать — все тени прошлого, все исторические “односторонники”, великие и оставшиеся безвестными, все они н а ш и. Сегодня — мало, сегодня нужно в себя их принять. Трудность превеликая, но потребность еще острее — в одно и то же время побывать, *пожить* “западником” и “почвенником”, радикалом и либералом, Чернышевским и Кавелиным, Щедриным и Достоевским, Петром Чаадаевым-предком и Дмитрием Шаховским-потомком...

Скажут: а зачем все это, к чему эти эксперименты над собою? И где в таком случае “классовость” наша и наша “партийность”? И не скрывается ли тут какой-либо космополитический подвох, тайный замысел против самобытного русского духа, опять же масонская интрига? И с какой такой стати теперешнему либералу, поборнику “модернизации”, уверенному, что не велосипеды нам заново придумывать надо, а следовать за теми, кто воплощает “мировой уровень”, — так ему-то какой резон родниться с ревнителями патриархальщины, допотопной деревенской неподвижности, если даже эти последние правду-матку от мордобоя отделяют, подводя под нее и изысканное любомудрие, и простое земное страдание?

Отвечаю, неизбежной краткости ради, минуя промежуточные доводы. Отвечаю: во имя сохранения очеловеченной Земли. Сохранения развитием, у которого в главных азимутах отныне не единство на единственной, даже самой идеальной основе, а *единство, проистекающее из различий*, из диалога различий, из взаимного оспаривания их, как и взаимной заинтересованности в том, чтобы они *были*, были “вечно”.

Иначе... Стоит ли пророчествовать, предвещая худшее, — глядит ли оно из шахты со смертоносной ракетой, или из обыкновенной подворотни, или из respectable кабинета, владлец которого с еле скрываемой усмешкой всматривается сегодня в дежурный портрет над столом: посмотрим, что у тебя, новоявленного рушителя, выйдет...

Заслönиться ли от таких напастей памятью разных о разных, побратимством могил, встречей не встретившихся при жизни? Убежден: пустошь за спиной — опасность превыше других. Убежден: без *живых мертвых* нам не сделать сегодня ни шагу вперед — в том Деле, что только начинается начинаться, еще не вполне зная о себе, что оно такое и тем более — чем оно станет завтра...

А теперь, пожалуйста, Ваши вопросы.

Г.П. В том, что Вы сказали, много непривычного. Связь исторического сознания с перестройкой вводится Вами в чрезвычайно широкий контекст, но создается впечатление, что эта связь не прямая, а, скорее, окольная. Так ли?

М.Г. Ваш вопрос может звучать и упреком. Что ж, я принимаю его. Я действительно думаю, что “окольная” связь естественней и действеннее, ибо она соответствует и призванию историка, и, если угодно, его

социальному статусу. Оставим сейчас в стороне проблему “перестройки” внутри самой исторической науки, включая сюда давно назревшие (и перезревшие) проблемы образования и самоустройства, раздвижения и на профессиональной, и на общественной основе круга людей, для которых открыт доступ к любым источникам, документам всех эпох, включая и ближние к нам, и т.д. и т.п. Могут лишь присоединиться к тому, что об этом страстно и неумолимо говорит мой коллега Юрий Афанасьев. Но я сейчас не о том. А о другой, так сказать внешней коллизии: о взаимоотношении историка и политика. Полезно ли для последнего иметь в советчиках человека, знающего прошлое и умеющего мыслить им? Конечно же, и уместно, и на пользу делу. Но не будем предаваться иллюзиям. И хотя я не поклонник ходячего афоризма “история учит тому, что она никого и ничему не учит”, но не стану утверждать и противоположного. Ведь прошлое, которое воссоздается задним числом, — это и “голый факт”, добываемый немалыми усилиями, и вместе с тем это, по самой природе своей, гипотеза (как проверить *событие*, которое всегда в одном “экземпляре”?).

Да, умная политика, тем паче в эпохи, когда неумолимыми становятся изменения, касающиеся не частных, а оснований человеческой жизнедеятельности, не вправе оставаться равнодушной к тому, что достается ей по наследству. И сейчас так, быть может больше, чем когда-либо до нас. Концепция перестройки, не включающая собственный генезис, не только неполна, она ущербна — и сама лишает себя иммунитета к незримым подвохам, к внезапным проломам. Но генезис — это не готовый продукт. Это и происхождение, и возникновение — выход наружу, перевод “предпосылок” в действие. Мало того. Чем радикальнее переустройство, тем неизбежнее: главные свои предпосылки оно создает собственным ходом. Именно к этому, критическому “пункту” мы сейчас подошли. Генезис становится злобой дня. Это уже не только старое, но и совсем новое, чуть больше, чем тремя годами исчисляемое, — *откуда?*, без которого не узнать — *куда?*

Тут место включению историка в современное ему — в его действие. Не с подсказкой, не с нравоучением он приходит (если вхож!) в политику, а с теми своими размышлениями вслух, которые питаются всем его профессиональным и жизненным опытом, свободным от начальной опеки, от спущенной “сверху” генеральной схемы. Независим историк — в выигрыше политик. И тогда он в свою очередь становится способным мыслить не одними лишь заданными, “заказанными” иллюстрациями и аналогиями, и даже не только упущенными в прошлом возможностями. Перед ним открывается (может открыться!) самое глубинное и самое сокрытое — Невозможность: запрет, рождающий еще не изданные, принципиально новые возможности.

Г.П. Однако то, что происходит сегодня, имеет свой зачин — Пятидесятые, Шестидесятые годы. Вы думаете, что начатое тогда не дотянулось до “генезиса” или само обрубило его?

М.Г. Пожалуй, что так. И можно лишь пожалеть, что сейчас столь мало обсуждают уроки этих памятных лет. Пора, разумеется, воздать должное Н.С. Хрущеву. Падкие на юбилеи, мы не отметили сколько-нибудь заметно тридцатилетие XX съезда. Это все-таки поправимо. Но не опоздать бы с осмыслением того, что мы тогда обрели и что (и

почему!) потеряли. Первый шаг или даже первые шаги названных лет вселили великую надежду. Но каким могло стать продолжение? Каким призван был быть второй шаг? Хрущев этого не ведал. Он метался, обуянный горячкой перемен, на ходу рушил, на ходу вводил и отменял. Притом любое нововведение — повсюду и одновременно. Но его ли это только недуг или у этого недуга корни поглубже?.. Вынимаю из конверта памятный документ, осколок родословной. "Дело по вновь открывшимся обстоятельствам прекращено за отсутствием состава преступления". Состав — *не было*. А обстоятельства открылись *вновь*. Задумывался ли изобретатель этого стандартного текста, что он обнажил большее, чем нежелание назвать правду в ее полном объеме. Да и как выразить ее на языке юриспруденции? А на языке истории? В кажущемся противоречии со сказанным выше замечу — чем беспрецедентнее ситуация, тем существеннее для людей взгляд назад: заново обретаемое прошлое. Если и не учит оно прямо, то помогает людям увидеть свет в конце тоннеля... Мы не обрели тогда прошлого, не обрели поэтому и будущего. Не сподобились к совместности, к доверительной взаимности вобрать его: будущего в прошлом. И вновь возобладало недоверие — наследие Сталина; сначала на "верху", а затем обратным ходом — снизу.

Г.П. Не случится ли это вновь? Критическая мысль, относившая в названные годы большинство наших бед на счет "культы личности Сталина", все-таки наложила отпечаток на поколение, только вступавшее в сознательную жизнь. А ныне каково, по Вашему мнению, место разоблачений и критики Сталина в перестройке, замысленной как перестройка не только дел, но и людей?

М.Г. В иные минуты нет ничего важнее, чтобы кто-то решился сказать: король гол! Но проходит время, и оказывается, что эта простота мало что объясняет. Не то ли произошло у нас? Сначала миг прозрения, приоткрытая тайна. Еще бы усилие, еще бы совсем немного смелости... Решись в те годы Хрущев на обнародование сохранных временем обстоятельств убийства С.М. Кирова, может, и ходы назад были бы если не вовсе закрыты, то неизмеримо труднее. Не исключаю. Но остается затруднение — узнали ли бы мы (тогда!) в "до конца" разоблаченном Сталине самих себя? Дошли бы сообща до *второго шага*? Сюжет не уходит, а поколения меняются. Молодой человек конца 50-х — начала 60-х годов ощущал себя сильным и в пределах существующего. "Дети XX съезда" — это, разумеется, не пустая метафора. "Дети", переставшие быть детьми — по крайней мере с рубежа 1968 года... Нынешние же юные как будто изначально не обольщаются ничем, но властны ли они определить свою (и не свою!) участь?

Г.П. А как у "взрослых", у бывших молодых?

М.Г. Не ответишь однозначно, они ведь разные, а то и поляризованные. Одни оказались на вершине успеха, другие — "лишние" (чей результат оправданней?). И духовная многоликость: верующие открыто и "под сурдинку", упорные или стыдливые материалисты, люди, преданные революционной легенде, и "новая правая" на свой, отечественный лад и т.д. и т.п. Общее между ними тем не менее есть, хотя не так легко оно разгадывается, да к тому же все эти разные отнюдь не озабочены выявлением общности. Параллель с прошлым бьет в глаза, но все же нового

сегодня больше, чем повтора. Даже откровенно ретроспективные утопии (воспользуемся давним выражением Чаадаева) — скорее доказательство от противного того решающего, хотя еще и не осознанного до конца факта нашей жизни, который кратко, одной фразой, можно бы определить так: после Сталина нам некуда вернуться — в досталинских временах нам уже места нет.

Г.П. В таком случае актуален ли вообще Сталин?

М.Г. Да, и в двух смыслах: в меру его присутствия в нас и в меру нашего освобождения от него — и обе эти меры неизвестны! Сталин — фигура историческая, но по сей день спорят о “сталинизме”, и разве только как о пережитке? Мы чувствуем: к былому здесь примешано грядущее. Расхождение же не в одной оценке, но и в избранном масштабе. Пытаются ли, например, рассматривать Сталина в таком ряду, как “большая тройка”, с Рузвельтом и Черчиллем (и теми, кто заместил их)? Это что — не актуально? Ялта, Потсдам — перевернутая страница? А Воркута с Магаданом лишь географические малости, несопоставимые с планетой?

Г.П. Вы полагаете, что и нынешние обвинители Сталина боятся говорить о себе?

М.Г. Тяжкий вопрос. Для кого-то длящееся годами мучение, но трудный для каждого человека, спрашивающего себя: что же там произошло в этих роковых Тридцатых и сколь необратимо прошедшее — и не просто в буквальном календарном смысле? Если необратимо, то и непоправимо — не так ли? Но что-то мешает поставить знак равенства, что-то держит. Капкан. Попадешь в него и не вырвешься... Стоит ли повторять, но как не повторить: Сталин и кровь нерасторжимы. И не просто кровь человеческая, на которой история (вся!) зиждется. Нет, со столь избыточной кровью он весь, во всех своих действиях связан, что это крушит всякое рациональное объяснение — и его самого, и нас, и историю *как таковой*. Создаем ли, что именно этот шаг, это раздвижение вопроса до пределов истории нам как раз и более всего не даются? Почти бессознательное табу останавливает на полпути. И даже когда обнаруживаешь в себе этот запрет и силишься высвободиться из него, остается неясным — чего боишься: того ли только, что вместе с Другими подошел к краю истории своего отечества, или тот обрыв, что открылся, он готов всех на свете принять без возврата?

Г.П. Вы всерьез полагаете, что феномен Сталина (назовем это так) столь обширен, что затрагивет Мир в целом — и не только тот, прежний, но и нынешний и даже будущий?

М.Г. Кому-то, вероятно, сказанное покажется метафизикой или, чего хуже, мистикой. А отчего? Не то же ли табу мешает нам увидеть в натуральную величину феномен, о котором речь?.. Принимаем же мы если не за священное, то по крайней мере за то, что не подлежит пересмотру, наше отечественное пространство, наши державные пределы, самое державу, со всеми ее богатствами и ресурсами, с ее местом в Мире, которому живые считают себя обязанными тем, что “просто” живы. А это все, все нынешние наши заботы и тревоги, и потребность освободиться от них, и застарелое покорство судьбе, очистишь ли их

от Сталина? И не в этих ли историй сотканых и в истории не умеющих пределов настагает нас его тень, как и призраки мертвых, не успевших прозреть, сгинувших с кляпом во рту? Что же, державу эту — нам, гибели и призраки — ему одному?

Г.П. Такой подход таит риск: в обозначенных пределах может раствориться (и ускользнуть) "персональный" Сталин.

М.Г. Риск налицо, и не малый. Но давайте разберемся: чем именно мы рискуем? Рисуем забыть преступления или рискуем не понять их (непонятое-то и забывается всего основательней)? Отступим в те же Шестидесятые, вспомним человека, которого я без колебаний назову центральной фигурой духовного обновления, тогда и теперь, — Александра Твардовского. Разве легкость отказа от наследия (а там были и родные ему могилы) отвращала его не меньше, чем козни и лицемерие "наследников Сталина"? И сам Сталин, Сталин—человек и Сталин—распорядитель всех человеческих судеб, был для него как вызов чести. Стоит подумать, чего бы мы лишились, если бы Твардовский не принял *этого вызова*.

Г.П. Но тут в основе лежит моральная ответственность. Для многих же родившихся позже происходившее в "те" годы вызывает скорее недоумение.

М.Г. И я, живший тогда, нередко ловлю себя на странном сомнении: да было ли то, что было... вроде бы было... а может, и вовсе не было. Это ощущение утраты целого, потери связи. Мы довычеркивались, доигрались в подтексты, в "проходимую" память. Мы привыкли жить разрешенным, торопиться использовать "миг свободы" — в привычном же ожидании новых запретов на факты, имена, обстоятельства, на мысли, идущие дальше казенных прописей... Пора самим открыть дверь и войти нестесненно в Дом, всем принадлежащий лишь тогда, когда он принадлежит каждому. Принадлежит! Не иначе, не меньше. И только тогда "моральная ответственность" перестанет быть чистой риторикой. Это ведь тоже неприметное, вросшее в быт наследие Сталина — отчужденная ответственность. Лишенные права на нее, мы сумели даже это, быть может худшее из современных лишений, превратить в своего рода комфорт.

Г.П. Не тут ли подоплека столь жгучего внимания к фильму Тенгиза Абуладзе?

М.Г. Вы думаете, что именно это затронуло миллионы зрителей? К "Покаянию" можно относиться по-разному. Ведь чем сильнее произведение искусства, тем менее однозначно и восприятие... Случайно услышанная фраза: "Подумайте, что у них, в Грузии, творилось, а мы ничего не знали", уже стала хрестоматийной. (Не смейтесь! Вот и популярный критик усмотрел в фильме обличение "культа Берии".) Меня удивляет другое: отчего не вызвал этот фильм спора по главному своему существу? В самом деле — о чем он?.. Синкретизм "Покаяния", его хронологическая разноголосица принципиальны. Хотели ли авторы показать, что насилие над душой и телом человека, капитуляция его перед злом, его беспомощность — явление вездесущее, не миновавшее ни одной эпохи, ни одного континента? Однако место действия не зашифровано. Это о нас, это мы. Это мы о себе — и не то, чтобы своей судьбой исчер-

павшие земной ад, он неисчерпаем. Неисчерпаем, но остановим. Кто-то призван остановить. Почему же не мы? Разве не хватит для этого у нас страсти и ума? Первый порыв: хватит! Но трудность (прежняя и новая) в превращении порыва в поступок, в непрерывность поступка. И еще сомнение: не значит ли остановить — остановиться? Действие в "Покаянии" движется по двум календарям сразу, однако это мнимое движение. Время уничтожилось в бывшей вотчине Варлама. Его сожрало беспаямство, активное, воинственное. Беспаямство мертвит инстинктом самосохранения, питается контрастом между тем страшным (и уже непонятным), что заполняло собою жизнь, и тем, что после. Пустотой после. Нет ничего, способного вновь заполнить и быт, и бытие — все. А привычка к такому существованию пережила смерти и страх: оставшиеся жить играют в жизнь, во всезаполненность ее. Быть может, лишь одной из выживших удастся нарушить игру — воспоминанием, зовущим к возмездью? Вместе с Абуладзе мы хотели бы, чтобы это случилось, и вместе с ним догадываемся, что и этому не должно быть места — даже в мыслях. Забвение грозит возобновлением ужаса. А месья — крушением юных, гибелью и виноватых без вины. Где же выход?

Г.П. В равенстве мертвых, поскольку мертвые?

М.Г. Договаривайте: в уравнивании палачей и жертв... Можно бы и не произносить этих слов, обойти их (мало ли для этого есть приемов!), но я не посчитал бы самую тонкую и услужливую околичность отвечающей долгу человека, прожившего жизнь, перед теми, кто начинает ее в достаточно смутное время. Совесть ведь великая загадка — как пришла она к человеку и чем удержалась, чем держится, невзирая на все? Не была бы она загадкой — удержалась ли бы? "Мы никогда не должны становиться глухими" — это сказал человек, которого все на Земле считают эталоном нравственности, — Альберт Швейцер. И добавил в разъяснение своих слов: "Чистая совесть есть изобретение дьявола"¹. Я не стану комментировать эту близкую мне мысль. Я знал и в юности, и позже людей, не совершивших ни одной, даже мелкой подлости, но которые сегодня отказались бы считать себя невиновными по самому большому земному счету. Мои погибшие друзья студенческих лет — из их числа. И я хочу думать, что они согласились бы со мной: *неправедное уравнивание*, о котором речь, — это испытание, через которое нам нельзя не пройти, чтобы вылечиться от глухоты, препятствующей (сегодня!!) услышать друг друга, и не только за круглым столом избранных...

Г.П. Боюсь, однако, что такое толкование не примут даже те, кто свободен от пиетета перед генералиссимусом. Есть немало порядочных людей, которые, желая восстановления справедливости, не хотят, однако, считать себя лично причастными к совершавшемуся им и при нем.

М.Г. Как и лично причастными к происходящему после? И Сталин для них как вымершее чудовище, которое занятно разглядывать в книжке, зная, что не увидишь в окне. Во всяком случае, в текущих делах, из которых состоит жизнь, он их не беспокоит, и это ведь естественно? Я не собираюсь читать кому бы то ни было проповеди, занятие не по мне.

¹ А. Ш в е й ц е р. Культура и этика. М., "Прогресс", 1973, с. 315.

Но вот эпизод, врезавшийся в память: Смоленщина, начало октября 1941-го, удивительная голубизна неба и еще более удивительная тишина, бредущий по обочине красноармеец, один-единственный впереди и позади, — и мое упрямое, злое нежелание довериться его словам: там, в роце, немецкие танки...

Такое не повторится. Что бы ни произошло, та война — последняя. И вроде бы люди не нашли (нигде!) средств от собственной беспомощности, и сегодня не меньше она, а в чем-то сильнее той, и Чернобыль занозой в сердце, но так, как случилось с нами, больше не будет. Лучше ли это или хуже — нет у меня готового ответа. А перед глазами — человек, брошенный на произвол судьбы, и он же, этот человек, внезапно, на кромке смерти, обретающий свободу распорядиться собой. Именно — свободу. Конечно же, не добровольно принял он на свои "одинокие" плечи груз безмерного бедствия и отпора сверх приказа (сверх и даже без...), по крайней нужде взвалил, а добрая воля пришла потом, пришла и утвердилась. Я не о юных энтузиастах, а о коренном человеке, из самой толщи, вернее, о тех и других, едва ли не слившихся в одно — в одну власть над самими собой. Как очевидец и как историк свидетельствую: 41-й, 42-й множеством ситуаций и человеческих решений являл собою стихийную десталинизацию (и до сегодняшнего дня не вполне оцененную в этом ее сквозном, но не стойком качестве...). Да, это наше — русское, российское, советское, но это еще и Мир, вошедший в нас тогда. Теряя же то, что обрели в эти два страшных и великих года, теряли вновь и себя, и Мир. Неприметно, не сразу, а затем зримо, с беспощадной очевидностью.

Г.П. Вы в прошлом солдат, инвалид войны — и Победа, разумеется, была для Вас незабываемым днем. Но Сталин тоже причастен к этому торжеству, а если так, можно ли сохранить торжество, удалив его?

М.Г. Вопрос подразумевает ответ; заведомо ясно, что в центре тогдашнего ликования был он. А что сам я чувствовал 9 мая 1945-го? Кроме радости — горечь; в этот майский день я понял: мои близкие не вернутся. И было еще одно странное ощущение — какой-то опустошенности. Кончилась война, в которой мы привыкли жить, и к довоенному нет возврата. И это чувство, что придется как-то заново устроить все, думается, тоже соединяло со Сталиным. Но если нами владела неуверенность вместе с жадной жизнью, то Сталин в этом же чувствовал опасность для себя. Видел ли он в этих молодых людях в шинелях без погон будущих декабристов, овладел ли им прежний страх оказаться ненужным, подстрекавший его искать и создавать чрезвычайные ситуации, вернулся ли он к эйфории 1939 и 1940 годов, когда, казалось ему, Мир становится его единоличным поприщем?.. Так или иначе, подвижимый причудливым смещением разных поползновений и угроз, мнимых и действительных (мнимых, которые становились действительными!), он заново привел в действие механизм *перманентной гражданской войны*, составлявший, полагаю, самый существенный его вклад в то, что именуется сталинизмом. Так начала разворачиваться не описанная еще по-настоящему послевоенная трагедия: разлом поколения. После такой веры друг в друга, после такого братства люди вставали против людей, страна вновь кишела "изменниками". Масштаб человеческих утрат был, правда, меньше, чем в Тридцатые, но кто сосчитает потери душ и их не только ближние, но

и куда более далекие следствия. Карьера становилась жизненной программой начинающих. Все проникалось и лицемерием и худшим из самообманов; впрочем, то, что отличало их между собой, теперь на расстоянии многих лет (и человеческих превращений) не столь легко различить — так близки “диалекты” патриотизма, требующего ежедневного поклонения, и ксенофобии, непризнание которой могло стоить жизни... Справедливости ради нельзя не заметить, что у Сталина были достойные партнеры на Западе; холодная война не один исток имела. Но об этом надо говорить особо, ибо сегодня мы все расплачиваемся по многим послевоенным счетам.

Г.П. Это какое-то малозаметное время ...

М.Г. Незамечаемое по тому же навыку играть в прятки со Сталиным — неправомерно отделяя себя от него.

Г.П. И все же человечеству известны “кредо” главных действующих лиц мировой сцены, и, верно или неверно, оно представляет, чего ждать от них, а чего ждать ему от нас, “представляемых” Сталиным?

М.Г. Не забывайте, мы лишь начинаем пробуждаться после долгого времени, когда мы не смели (и не умели) быть откровенными в отношении самих себя, как и в отношении Мира, окружающего нас. Отделишь ли одно от другого? “Железного занавеса” вроде бы уже и нет, но инерция *окруженности* живуча. Преодолеть ли ее только дипломатическими средствами и культурными контактами, как они ни существенны? Раньше или позже нам придется выяснять совместно: куда мы идем — врозь и вместе. Отныне только так — врозь и вместе. Такого история не знала и знать не могла. Ведь трудность *главная* все же не в недостатке доброй воли. Она в том, что именуют миропониманием. Вот Вы употребили слово “человечество” и, казалось бы, ничего удивительного в этом нет. Разве мы все, на Земле, не из одного корня и разве не на то люди потратили самые богатые мысли и словом, самые энергичные столетия, чтобы достроить связь до единства? Получилось же иначе. Связь стала теснее и жестче. А единство? В конечном счете оно пришло ко всем угрозой прекращения жизни, и, мне кажется, было бы упрощением сводить причины к злым намерениям одних и с опозданием признаваемым ошибкам других... Я вырос интернационалистом. Затем в этом оптимистическом монолите появились трещины — сомнения. В какой очередности нарастали они — долгий рассказ. Но в финале вопрос: не в самых ли подспудных ошибках “человечества” — идея (и практика!) всемирного единства, признающего лишь варианты самого себя? Разные течения мысли сходились (и сходятся) в том, что представляют развитие человека восхождением, а “эпохи” — ступенями единственного в своей завершаемости прогресса. Кто-то ушел вперед, кто-то догоняет, ощущая себя отставшим, а кому-то еще предстоит и это последнее. “Формы, предшествующие капитализму”. А затем — и формы, предшествующие социализму, не так ли? Но вот на наших глазах произошла разительная перемена. “Эпохи” из смотрящих в затылок друг другу стали одновременными. Мировая вертикаль перевернулась в горизонталь. И не в том соль, что “постиндустриальное” сосуществует с “традиционными” укладами и цивилизациями, а в том, что все наличные способы человеческой жизнедеятельности становятся, если еще не

стали, *суверенами как собственного, так и всемирного процесса...* Однако совпадает ли второе с первым? Совместимы ли, когда в суверенах *все*? Открытый вопрос. Нет рецепта, есть лишь все более отчетливое понимание того, что ненайденный ответ сулит величайшие распри и не исключает всеобщую гибель.

То, что нас это затрагивает, не требует доказательств. Но до конца осознали ли мы, что речь идет и о нас самих, о Мире дома, о Мире внутри нашего дома?.. На уроке географии школьник узнает о существовании Евразии. А что скажет ему в этой связи учитель истории, а тому господствующая историческая доктрина? Считается ли она с тем, что историей (не-нашей и нашей) мы сложились в нечто, и большее и иное, чем страна. По сути, в конечном счете — мир в Мире. *Один из миров*. В отношении дооктябрьской России нет хотя бы трудности в наименовании, она сама называла себя империей. Правда, была ею на особый лад: сплошная территория, смешение рас и цивилизаций, межнациональный рабочий класс. Особая чуждость — и особая близость... Но есть ведь и постоктябрьское наследство. Мы верили, что оно полностью заместит собою прежнее. Так не вышло и, думается, в любом случае выйти не могло. А ныне? Не то же ли у нас, что в Мире вокруг? Все, что раньше разъединялось и соединялось (сквозь века!) преданием и традицией, диалогом потомков с предками, сегодня — встреча при жизни. Встреча вер, убеждений, нравов, отношений к труду, к собственности и власти... Но ведь можно и не встретиться. Входит ли это в перечень катастроф, подстерегающих нас, как и людей повсюду, или это внутри каждой из нынешних, "чужих" и собственных предкатастроф?!

Г.П. Вы пессимист?

М.Г. А Вы, вероятно, полагаете, что пессимизм противостоит оптимизму? Я думаю, что это ошибка. На самом деле пессимизм в споре (и в схватке!) с самодовольством. И разве я пессимист, когда говорю: Сталин умер вчера?

Г.П. Не испугают ли мир такие новости?

М.Г. Я и сам себя об этом спрашиваю. Ведь мы знаем, нас страшатся или по крайней мере страшились настолько, что готовы были не раз подойти к черте ядерного самоубийства — оказывается, страх перед нами больше! Конечно, тут вмешаны и корысть, и спекуляции политиканов, и неизжитые воспоминания. Но если существует что-то сверх этого, что-то иррациональное, то ведь это тоже факт, с которым нелепо и грешно не считаться. И оттого я спрашиваю себя: неужели мы действительно опасны другим людям, другим народам?

Я ишу ответ, не подвергая сомнению ни миролюбие своего правительства, ни отвращение молодых соотечественников к войне. Я хочу понять, в каких корнях гнездится не осознаваемая нами возможность — вдруг стать опасными... Свойства народов, наций — зыбкая тема, в обсуждение этого вносится немало произвольного, но сами эти свойства — не выдумка. Тут скрещиваются и география, и история, и строй речи, и укоренившийся способ обращения человека с человеком. Преувеличу ли, сказав, что последнее едва ли не важнее остального и что у него в свою очередь есть свой орел и своя решка, и если орел — это социальность, спрессованный событиями итог в людях, то решка — способ их

обращения с прошлым?! Несовпадение в этом — едва ли не самый скрытый источник взаимного недоверия государств и миров.

Г.П. А в данном случае — источник страха?

М.Г. Да, если даже испытывающие страх прямо этого не высказывают... Так, между дорузвельтовской и послерузвельтовской Америкой различие в высшей степени резкое. Американец либо помнит о прошлом, если он участник событий или профессиональный историк, либо, что чаще, пребывает в неведении, погруженный без остатка в настоящее. За эту односторонность своя расплата — то манией величия, то манией преследования. Не похоже ли это на нас — в нашем отношении к Сталину (как и к тому, что после него)? И да, и нет. И мы в тревожном конфликте со временем, но все же иначе. Былое не отпускает нас. Призраки его то исчезают словно по мановению руки, то вновь появляются, столь же неожиданно, и мы, еще вчера как будто пришедшие к согласию, сегодня обнаруживаем глубину несовпадений, "зов предков", невысказанные обиды, инстинктивную потребность отгородиться друг от друга, обустроив свой собственный "угол". Справедливо ли это желание, это стремление привести жизненный уклад в соответствие с родословной, которая всегда своя, особенная? Вопрос законный. Отчего бы не признать право на суверенность в мировом смысле, если только нет тут поэмы к насилию, угрозы кровью? Но будем откровенны (острота вопроса запрещает недомолвки): в какой степени достижимо это? Многое против. И нынешняя экономика, и ракеты, гиперцентрализация власти, далеко зашедшая культурная ассимиляция... Наш, и нынешних, и завтрашних поколений, мир в Мире — это то, что надо еще открыть (себе!), то, что еще предстоит обрести, материализовать. Мы не знаем пока, как нам устроиться, чтобы *единство заново* было в согласии и ненасильственном споре со старыми и новыми различиями и, более того, органически проистекало из них. А между тем как будто не лишены некоторого опыта по этой части. Но сдается, забыли и то, что знали.

Г.П. До Сталина?

М.Г. Да, разумеется — демаркационная линия здесь. Сталин начал свою карьеру с наркомнаца, а в его политической агонии "национальное" заняло едва ли не решающее место. Но и здесь не все так просто, каким представляется на первый взгляд. Сталин, равный себе, тоже не сразу. Для историка трудность не фактическая только — уяснить, как из "случайного" (не-непременного) Сталин становился все более необходимым, отчего эта его "самодетерминация" превзошла и исключила иные возможности...

Г.П. Вы считаете Сталина неизбежной фигурой нашей истории?

М.Г. Представьте себе на миг: мы вычеркиваем его из списка вождей в 1924 году. Что ж, другой, занявший его место, был бы таким же? Понятно, что нет.

Г.П. И тогда развитие пошло бы другим путем?

М.Г. Я бы не решился утверждать это столь категорически. Речь все-таки идет не только о Сталине, а и о нас. Переформулируем вопрос: чего могло бы не случиться с нами, если бы не было его? Тут двойная

зависимость, от которой не отговориться проклятиями или "сбалансированными" разведениями в сторону — процесса и его центральной фигуры. Сталин не был неизбежен изначально, но его неизбежность нарастала из года в год. Не сама собой, это очевидно. Он строил, и весьма искусно, свою нужность. И утверждая ее, придавал всему совершающемуся такие черты, которые делали именно его все более необходимым. Его политическое поведение, его лексику, весь его инструментарий нагнетания напряжений, дабы ими усилить свою нужность и выходить из каждой такой экстремальной ситуации все более неременным: победителем и вызволителем из бед, и тем, и другим...

Зададим себе кощунственный вопрос: он, Сталин, не ближе ли нам, нынешним, чем Ленин? Я не сопоставляю личности, это нелепо. Но вот два понятия, как будто отвлеченные: революция и мировая держава. Революция, которая перевернула жизнь в России и, как бы ее ни оценивали, сдвинула мировую ось. И держава, которая способна "физически" покончить со всем на Земле и пока еще бьется над тем, как устроить свои домашние дела. Разве по степени близости к нам держава, эта держава не ближе?

Г.П. Пожалуй...

М.Г. И не в силу ли этого ближе к нам человек, если не творец, то бесспорный режиссер-постановщик того чуда, что после жертв и наигорчайших бед, которым он же был первый виновник, Советская Россия, прежде не бывшая "сверхмировой" державой (таких мировых и не было вообще!), после 1945-го ею стала? И мы, которых нельзя пред- ставить вне этого целого (я, во всяком случае, отказываюсь от такой благородной дистанции), мы — те ли самые люди, отсчет существования которых идет от памятной даты 1917 года? Страшновато спрашивать себя об этом, а надо. Надо узнать — исследованием и спором: в самом ли деле непрерывный этот ход событий или же это два ряда событий, связанных внутренне, но все же принадлежащих разным жизням, двум нравственным и политическим мирам. Неузнавшие этого, мы можем стать невзначай опасными. Себе, а постольку и другим. Ибо бывшее бездум реанимирует худшие из предрассудков, плодит своего рода достоверную неправду и, что, быть может, тревожнее всего, — закрывает историческому сознанию вход в политику. Человек у власти ведь тот же человек, который в свое время учил историю по нашим учебникам, узнает ее по фильмам, романам, пьесам.

Правда, книга книге и фильм фильму рознь. Я говорил о "Покаянии". Но вот лента, которую можно было бы зачислить в оппоненты тому фильму. Я имею в виду "Мой друг Иван Лапшин" Алексея Германа. Действие происходит где-то в 1930-х, быть может, вскоре после убийства Кирова. Провинциальный город. Бандитизм и люди, которые с ним борются. Не на жизнь, а на смерть. Вы видите их, преданных своему делу, странных и смешных — человеческих. Вы знаете, что они не остановятся и перед самым жестоким. Они могут сами пасть жертвами жестокости, лишеной смысла, но могут быть и ее исполнителями и находить в ней смысл. И все это — глазами тогдашнего ребенка. Теперь он, взрослый, знает, что это было лютое время, но он видел тех людей прекрасными и такими запомнил навсегда... Не отдельные кадры, не игра актеров затронули меня до глубины души, а эстетика Германа,

его естественная "бинокулярность". Я, признаться, даже позавидовал ему — уже в качестве историка, от которого ждут и требуют определенности без всяких кривотолков. Историк лишен, что и говорить, тех возможностей быть собою, которыми обладает искусство. Но обречен ли он поэтому на одномерность? Или у него в резерве свои средства преодоления ее и, может быть, все дело в том, чтобы обновить, усовершенствовать, развить эти средства — и не только применительно к тому, что на дальнем расстоянии, а именно в том "месте", где главная трудность и нестихающая боль... Удивляться ли нам тому, что разоблаченный Сталин в 1980-х не менее загадочен для нас, чем четверть века назад?

Г.П. Но вернемся к Вашему исходному тезису. Выходит, что Сталин и есть тот человек, который приготовил нам нынешнюю роль в мире конца XX века?

М.Г. Я удлинил бы фразу: в том контексте его, где сегодня мы, разные мы, ставим здесь, у себя дома, вопрос о новых основаниях жизни. Не о новой жизни даже и тем более не о "новых людях", а о той, что есть, и о тех, что есть: *той же — и другой, тех же — и других*. О жизни, на перемены в которой есть один категорический запрет — запрет на катастрофу от незнания себя, от нежелания узнать себя в другом. Запрет на политический, национальный, социальный Чернобыль... Я спрашиваю: в те считанные мгновения, в которые оператор у четверного реактора еще мог (если мог) прервать смертоносную внезапность, какие мысли, какие приказы из его собственных недр успели пронестись в его голове? Не о профессиональной выучке его я думаю, а о его (о моей, о нашей!) человеческой квалификации. О нашей *альтернативности*, альтернативности способности, воплощаемой в жизнь.

Г.П. Итак, "сталинский" образ жизни — это прежде всего утрата альтернативы?

М.Г. Я бы предпочел говорить не просто об утрате, а об уничтожении ее. Вернее, и о том и другом. Но сначала о самом понятии. Альтернатива — это ведь не просто одно из двух: либо — либо. Это еще и выбор. Без выбора слово это — пустой звук. А сам *выбор* — что он значит, дабы опять-таки не был пустым звуком? Пусть иероглиф, еще подлежащий расшифровке; нет, именно подлежащий: событиями, действиями, даже иллюзиями и превозмоганием их... Вопрос из краугольных — был ли выбор в 1917 году? В качестве человека, много думавшего об этом, позволю себе высказаться решительно: выбора не было. Свершившееся тогда — единственное, что противостояло неизмеримо большей кровавой перетасовке, развалу без смысла. Выбор позже. Не исторического пути, а уже внутри "пути". Больше, чем варианты, иное, чем ступеньки, сами ведущие — вверх от первой. Развилка. Развилки...

Я вступаю в спор с прописями, утверждающими, что Октябрь — раз и навсегда. Разумеется, не о календарном дне речь. Не об Октябре — событии, а об Октябре — эпохе со своим прологом и своим эпилогом. Камень преткновения — эпилог. И даже не камень преткновения еще. Еще не "преткнулись", а пора. Пора потому, что *раз и навсегда* — не только дань догматизму, но еще и живучее наследство Сталина. А его прежде, чем отклонить и избыть, надо "принять" — в смысле: понять. Понять, как возникло оно. Как возник Сталин. Тут отсчет не от "генов"

и не просто от его подпольного бытия со всеми извилами и темными пятнами. Исток — в громаде “военного коммунизма”. И даже не в буквальном переживании продиктованных временем форм и способов “военно-коммунистического” действия. Шире, дальше — в возобновляемости его. Рискнем сказать: в его неискоренимости, “родившей” Сталина и им уже вносимой в человеческую толщу — вопреки иному началу, в борьбе с тем, чтобы *начаться сызнова*.

Второе начало — нэп. Сейчас о нем много говорят, главным образом в экономическом, хозяйственном разрезе. Это понятно. Разные люди спешат найти палочку-выручалочку, им кажется: повторим то же и будет у нас, притом сразу, и довольствие, и рвение, и общественное согласие. Но так ли? Ведь и мы другие, и Мир иной. А между тем именно этот довод, это признание присутствовали и там, тогда, свыше полувека назад. Я имею в виду даже не сам по себе феномен нэпа в его неожиданном, бурном и кратковременном протекании. Я имею в виду нэп как главу жизни Ленина, ее завершающий взлет — и предсмертную схватку (“*Le dernier combat de Lénine*”, как назвал свою книгу известный зарубежный историк Moshé Lewin)... Если опять-таки ограничиться прописями, то причины и следствия следуют друг за другом в должном порядке. Пришло время менять политику. И Ленин всю мощь ума, всю энергию и авторитет лидера положил на чашу перестройки, одержав бесспорную победу. Однако не только профессиональная честность, но и кровная заинтересованность в узнавании “концов” обязывают историка вернуться к исходному пункту. Обязывает спросить: почему опоздал Ленин с согласием на продналог? Просчитался ли в сроках, думая о голодающих городах, перевесили ли трезвые советы практиков его расчет на признательность крестьянина Декрету о земле? Либо главный источник сопротивления скрывался все-таки в нем самом?

Я склоняюсь к последнему. Я думаю, что в ленинском опоздании — им не изжитая эпоха, которую открыл Октябрь; еще не вылившийся в завершенную идею, тем более в теорию, — образ, ощущение, предсознание: за первым шагом отхода, пересмотра, переделки последуют другие, вносящие изменения в постоктябрьское целое. Изменения, затрагивающие облик и суть социализма, ритм всемирного процесса. Решиться ли на такое в новой, разоренной и торжествующей России, наперекор собственным прогнозам о сроках и формах международной революции?... *Целое*, теперь уже неотделимое от него самого, его же и удерживало, сковывая мысль, сдерживая действие, — пока не пришла расплата: протестующим, бунтующим мужиком, которого поддержали рабочие обеих столиц. И тогда наступила полоса выбора — уже не между продразверсткой и продналогом (хотя с этого началось). Действительный выбор затрагивал будущее больше, чем настоящее. Действительный выбор — между продуктообменом и рынком, между “коммунизмом на базе нищеты” и цивилизаторской работой с азов, с *заново открываемых азов!* Общий выбор, но с разными ипостасями — проблемными и человеческими. Выбор — это и Ленин, и его оппоненты на постоктябрьской почве. Это — и кронштадтские мятежники, и X съезд. Это — грузинские коммунисты, изгнавшие Ноя Жордания и унаследовавшие проблему его в иной редакции (вместо независимости среди держав — независимость внутри одной, *всем равно принадлежащей*), — между ними выбор и теми из коммунистов “центра”, мирового революционного центра, для которых неза-

висимость этносов, языков, культур если и была больше, чем тактикой, то заведомо не осознавалась их собственной судьбой и всесветным Завтра, тем и другим вместе...

Г.П. Где же тут место Сталину и какая из ипостасей его?

М.Г. В том и парадокс, что он отсюда, а выбор не его, поскольку всякому выбору, выбору как таковому он неизменно чужд. Деталь биографии: неучастник введения нэпа, где-то на обочине перевальных событий, в центр же их выдвинутый прихотями внутрипартийного соперничества. За этой "частностью" — контуры того явления, которое нас занимает. Достаточно ли оцениваем мы непредуказанность нэпа? Если Октябрь не был лишь "неклассическим" вариантом Великой французской революции, то сколь велика новизна *нэповской альтернативы Октябрю*... Отсчитаем от весны 1921-го четыре года, вернемся к лету 1917-го. Разгар революции, все более явные признаки неминуемой гражданской войны и нарастающей угрозы (как выразился Ленин впоследствии) "сплошной поножовщины". В сознании спорящих, пишущих, охваченных страхом витают призраки Конвента и Коммуны, Жиронды и Горы, якобинского "максимума" и не знающей отдыха гильотины. Ленин не был оригинален, обращаясь для понимания грядущего к тому веку, к тому опыту. Но в его сжатых репликах на обвинения противников есть одна нота, которая не может не привлечь внимания и сегодня. Смысл сказанного им: как истинно великая, Французская революция в своем эгалитарном порыве вплотную подошла к социализму, лишенная, однако, материальных возможностей его осуществления — крупной, "синдицированной" промышленности, железных дорог и банков (вдобавок окруженная застрявшими в феодализме странами). Террор — и от остроты борьбы, и от беспомощности! У якобинцев же XX века — Ленин не без гордости принимал это наименование — есть шанс пробиться к социализму, минуя гильотину. Цитирую: «"Якобинцы" XX века не стали бы гильотинировать капиталистов — подражание хорошему образцу не есть копирование»¹.

Гильотина, отказ от нее здесь все-таки не одна буквальность, а еще и символ. Слагаемое ленинской мысли: Россия может начать новый Мир, *не вводя* социализм, но и *не минуя* его. Для Робеспьера гильотина — равнодействующая непрерывной революции, отсекающей и "правые", и "ультралевые" головы, дабы согласовать равенство с собственностью. В России такой равнодействующей (по Ленину 1917-го: "летнему" и "осеннему") призваны стать радикальный аграрный переворот и общественление, ограниченное "командными высотами", экономический контроль над мелкотоварной стихией, укрепляемый и корректируемый участием самой широкой народной массы (и рабочей, и крестьянской) во влостовании. "*Госкапитализм*" в блоке с "*государством типа Коммуны*".² Но — повторим еще и еще — история не график. Она производит отбор идей и переиначивает принятое. Так и у нас. Всеобщая национализация оттеснила концепцию "командных высот". Государство типа Коммуны стало, в спазмах гражданской войны, замещаться "главклизмом", импровизируемым аппаратом управления, властью функционе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 307.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 135, 162.

ров. А российский “максимум” — продразверстка — подстегивал равенство, самодвижение его, достигшее безумной кульминации к концу 1920-го...

Г.П. Гильотина восторжествовала?

М.Г. Да, почти так. Но оставался просвет: обретенная массой полусознательная, полуинстинктивная воля решать — и червячок сомнения в ленинском мозгу. Из глубинных заделов сознания, скреживаясь с грозными событиями, вышла обновленной его прежняя доминанта — “американский путь”, — подкрепленная и надстроенная идеей многоукладности: унаследованной и *вновь творимой!* Отыскался ключ к иному целому, еще неизвестному и России, и Миру. Но обстоятельство переменялись (сравнительно с 1917-м). К лучшему? К худшему? Считать ли за лучшее превращение бывшего эмигранта, известного лишь сотням людей, в вождя мирового пролетариата, в главу отвоеванного государства? Кто усомнится, кроме него самого на грани смерти... “Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России” — первая фраза последней по времени диктовки. “...Я возложил чрезмерные надежды на свое выздоровление”¹. Это — о национальном вопросе: проекции и сердцевине целого. И границе его, Ленина, воздействия на будущее, пределе его “вмешательства”. Но это позже. А раньше, а до того? Ведь нэп стал реальностью, “военный коммунизм” — законченной главой. Общая опасность сплотила партию, но переменяла ли людей? Искомому якобинцу без гильотины противостоял теперь якобинец, сросшийся с ней: реальная, властвующая, командующая фигура. Свыше века назад рубежом явился Термидор: смена лидеров, предательство и расправа, из которых не сразу, не в один присест пришли империя и кодекс Наполеона. Буржуазная цивилизация, кровью кровь поправ, вводила себя в новую норму, какой не могло бы явиться на свет без революции — и без прекращения ее. Кому из сподвижников Ленина пришло бы на ум помыслить о своем Термидоре как необходимости, как неумолимой *норме*? А ему самому? Свидетельство Жака Садуля — слова, сказанные ему Лениным в мае 1921-го: “Рабочие-якобинцы более пронизательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать”² (интуиция подсказывает историку: текст подлинный!).

Самотермидоризация — вот он, ленинский выход. Выход — и выбор.

Г.П. Сделанный им одним?

М.Г. Сначала опоздавшим, затем опередившим. Нет, я не собираюсь приписывать Ленину мысль о прекращении революции. Но превращение ее в реформу, но принесение уже внесенного в жизнь социализма в “жертву” культурничеству, охватывающему и экономику, и политику, и верхи, и низы, — так ли просто было усвоить этот язык, заговорить на нем в *деле, делом*? То, что социализм (“пока”) один из укладов — это куда ни шло, это реальность, с которой трудно примириться, трудно, но должно. А дальше, а впереди? Даже ближайшие к Ленину шарахались, когда слышали из его уст: госкапитализм выше социализма. (Что это — полемическое заострение либо уже и плод разрушительной бо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 356.

² Письма В.И. Ленину из-за рубежа. М., “Мысль”, 1966, с. 284.

лезни?..) Я оставляю в стороне конкретную подоплеку тогдашней коллизии. Меня приковывает к себе не простой, не прямолинейный путь освоения Лениным нэпа: пики осени 1921-го и последних статей и диктовок, между которыми и паузы, и провалы, и шаги назад. Разорванная целостность его мысли, открывающая другую эпоху — и переходящая в схватку наследников. Его выбор — и их выбор: совпадают ли не буквой, а сутью?

В свете последующего доступней увидеть эту первую по счету альтернативу. Первую, не доросшую до себя. Первую развилку: спор без диалога. Спор, переходящий в разрыв: между естественно-исторической стихией (не от нее, а к ней, к ней!), между стихией развития, ищущего и утверждающего (не раз, а два!) свой новый предмет, между ней и самоувековечивающейся монополией: монополией власти, монополией хозяйствования, монополией духа, кредо которых — могущество. Могущество любой ценой...

Г.П. Не приходим ли мы таким образом к известному взгляду, сводящему "сталинизм" к реставрации имперского прошлого России?

М.Г. Если говорят это наши оппоненты и даже противники, это еще не значит, что тут все чистая напраслина. Надобно, полагаю, разделить разные вещи. Одно дело — преемственность, навязанная обстоятельствами (границы, например), другое дело — переживания старого патриотизма и шовинизма, и совсем иное — свежая традиция, растущая в новые, постреволюционные "комплексы". "Даешь Варшаву, дай Берлин..." — это не от Романовых. И один лишь здесь замах на мировую революцию? Да и в самом замахе весьма неодинаковые импульсы: от мессианизма в буденовке до своего рода теоретических вериг — начать, зная, что те, кто продолжат, неизбежно опередят. "Россия делается (...) опять отсталой ("в советском" и в социалистическом смысле) страной"¹. Опять отсталой! А ведь это сказано Лениным еще до того, как "врезались в Крым", до того, как потерпел сокрушительную неудачу замысел — общий, цеккистский: сквозь Польшу подвинуть вперед немецкую (= европейскую) революцию. Замысел не удался. Но это также еще надо было признать, введя в контекст "регулярных" домашних дел. Увидеть, что Европа в любом случае, при любых сроках созревания готовности ее к социализму, пойдет к нему иначе, непременно по-своему. Увидеть, что у пробуждающихся человеческих миллиардов Азии еще впереди свои азы "буржуазно-демократического развития"...

Г.П. Так что у нэпа были сугубо разные соавторы?

М.Г. Один из самых опасных мифов на свете — о единственном авторе у единственной истории. Коллективный ли это автор либо индивидуальный — разница мифологем существенная, но все же не коренная. Напротив, признание соавторства — верная примета реалистического мышления, нравственного, политического здоровья (а подчас и мужества). Я не стану утверждать, что Ленин и в указанном отношении действовал безусловно, но настаиваю на его мужестве, мужестве как раз этого рода. *Нэповская альтернатива Октябрю как новая мировая политика* —

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 4.

это не только заключительный аккорд, но и лейтмотив его прикидок, решений, расхождений и столкновений с ближними. Мысль, разрастаясь в одиночестве, предшествующем безмолвию.

... Мир у себя дома и дом как Мир – двуединый образ, рожденный мозгом уходящего Ленина, образ, отклоненный тем, что восторжествовало затем, и лишь теперь вернувшийся в нас, диктуемый сегодня той “жизнью после смерти”, какую мысленно уже прожили люди ядерного полувека.

Г.П. И все-таки – разве не имели бы мы то же самое: *державное место* в Мире и без такого “режиссера-постановщика”, как Сталин? Разве не к этому все шло?

М.Г. Так думать легче. Но я не верю в эту гипотезу. И именно потому не верю, что вижу в прошлом не профилированную магистраль, дополняемую пресловутыми зигзагами, а куда более сложную картину движения. Помните у Герцена: концы и начала. Непрерывность мирового процесса достигается сменой их – во времени и в пространстве. Нет концов, нет и начал. Но с какого-то момента этот закон (а это закон истории в строгом смысле) становится трудно исполнимым. Концы “застревают”. И это не простая инерция. Тут все запутанней и хитрее. За видимостью “ускорения истории” скрывается перемена в ее коренных свойствах. Меняются все, но более всего те, кто включается позже, кто силится догнать ушедших вперед. Происходит своего рода перенос классического прецедента: его конечный счет становится инструментом начала, как будто бы не нуждающегося в продолжении. И пропуск этапов, фаз ступеней кажется преимуществом, превосходством... Здесь и ловушка. За это также надо платить, и цена не только растет. *Цена обретает ранг смысла*. Она исподволь замещает и цель, и средства (средства, исторически приуроченные к цели). Новоевропейская поступательность вступает здесь в брак с циклизмом, унаследованным от ранних цивилизаций. И концы, принимая крайние, разрушительные формы, вместе с тем отвердевают, окостеневают в способах, приемах, нравах. Несостоявшиеся развилки режиссируют гибелями ...

Мы еще не вчитались, не вдумались как следует в судьбу наших предальтернативных лет. Что говорят нам такие даты, как 1923-й, 1928-й или 1934-й – до 1 декабря и даже после? У каждой свой “сюжет”, свой список действующих лиц, свои вычерки из него. В каждом случае мы можем прощупать наметку выбора, близость его, и в каждом – сужение поля его. *Нарастающее сужение поля выбора*. Мы останавливаемся в недоумении: отчего потерпел неудачу последний ленинский замысел перестановки лиц у власти, неотрывный в его сознании от изменений политического строя в самой болевой его “точке” – международных отношений? Мы пытаемся уразуметь причины банкротства поборников нэпа – поражения большинства среди лидеров, нанесенного им режиссируемым большинством функционеров. По смутным фрагментам из документов, воспоминаний, лагерных легенд мы тщимся реконструировать наиболее загадочную из наших развилочек, плодом которой явилась Конституция 1936 года и террор 1937-го...

Г.П. Но выбор – с все более суживающимся полем – был во всех случаях тот же, “нэповский”?

М.Г. А все-таки, что понимаем мы, озираясь назад, под нэповским перевалом? В самом широком и далеком смысле — переход от гражданской войны к гражданскому миру. Не просто — на время; окончательный запрет — отказ, открывающий путь принципиально иному разрешению всех конфликтов, любых социальных драм. “Кулак не Колчак”, — говорил Сталину Бухарин... Двойкая зависимость: выбору нужен гражданский мир, последний же получает в выборе прочность и развитие. Вот где “фокус” — *развитие гражданского мира*. Современность вглядывается в прошлое, чтобы лучше увидеть себя — свои напасти и свои возможности. Разве не время задуматься об исходе нэпа, о причинах его обрыва на восходящем витке? Мог ли бы один человек, каков бы он ни был, совершить такое? Катастрофа — коллективное действие, в главных субъектах которого — слабость. Изначальная слабость. Еще раз: нэп был всемирно нов, и эта новизна относилась не только к введению его, но еще больше — к удержанию. Удержание-то и альтернативно. Теперь это понятнее, хотя и тогда кое-кто понимал, и из марксистов, и из тех, кто говорил другим языком. По-разному выражалась эта мысль, общее резюме которой: если нет движения у нэпа, если его основания, не получив развития, не приведут к созданию целого, достроенного до самого верха, до *государства, сознательно опекающего и творящего многоукладность*, то велик ли шанс сохранения самого нэпа и не обречено ли наперед “голое” удержание его?.. “Из России нэповской будет Россия социалистическая”¹. Ленин верил в это “будет”. Полагал, что “Россия нэповская” уже налицо. Сегодня мы вправе спросить себя — не ошибался ли он, не в плену ли утопии был? Мы вправе спросить: нэп и нэповская Россия — одно и то же ли? Или тут, именно тут — зазор, в который и вошло все, что против, все, что в конечном (близком конечном) счете сосредоточилось в одном — в Сталине? О недостроенности (недостраиваемости?) и разбилась замысел. Разбилась о боязнь выйти за предел первоначальной дерзости. Замысел дробился на куски, каждый из которых легче было заземлить неисполнимостью, скомпрометировать расхождением с железным законом классовой борьбы. Кооперативный фермер; союз наций и этносов, основанный на договоре — *возобновляемом и обновляемом*; суверенность ищущей мысли и автономия культуры — это ведь “частности”, будто частности. Будто утрата одного куска не умаляет, не обезличивает искомое целое — социализм?

Г.П. Так в итоге — поражение умов?

М.Г. Одни “поразились” посредством силы, другие сами соорудили себе свивальник из цитат и прописей примерного революционного поведения. Успех и победа Сталина питались поражениями зачинателя и продолжателей, продолжателей — ортодоксов, продолжателей — эпигонов. А он, что говорить, был мастер утилизации поражений — и не только в плане сраживания разномыслящих, превращения магии единства в аутодафе из идей и людей. Поражения, питаемые слабостью “преждевременных”, оборачивались (временем — и им!) в его единоличный, единодержавный “позитив”. Плагиатор, перелицовщик? И это, и даже больше — архитектор своеобразного (и также нового!) циклизма...

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 309.

Сюжет из самых драматичных и животрепещущих. В самом деле, как разделить мощь, измеряемую тоннами, киловатт-часами, и развитие, выраженное в людях, в их словах и поступках? И как соединить во времени "культурническую" программу, рассчитанную на десятилетия просачивания в деревенскую и городскую толщу, с горячей сооружения того, что старая Россия не имела вовсе? Трудность величайшая — по сей день. Взгляните на циклы и судороги "третьего мира". Мы — предтечи его. Ему проложившие путь — и мощью, питавшейся развитием, и мощью против развития. Что же — по-иному быть не могло? Предмет обсуждения, дискуссии, но прежде всего — факт. Простое (и кажущееся простым) взяло верх над неопробованностью и робостью сложного, и еще тем взяло, и, может быть, особенно тем, что сложное не нашло своей антропологии, своего миро- и человековедения (ведения Мира в человеке!). А между тем однозначность, с "рукой, зовущей вперед", набирала силу, втеснялась в мозг, привлекала и увлекала... В моем родном городе был популярный оратор, культпроп горкома, у него были такие маленькие, высохшие ручки, — и он на каждом митинге, взмахнув ручками, восклицал: "Догнать, значит — победить! Перегнать, значит — уничтожить!!" Это же сидело внутри целого человеческого среза, разбуди меня ночью, и я бы сказал то же. Если Хрущев в избытке чувств крикнул: "Мы вас закопаем!", то он не грубил — просто из него выпрыгнула вторая половина этого уравнения, сделавшего эпоху.

Г.П. Ну а если бы без крайностей, то не заложена ли была в этой формуле непреложность задач, от которых никто не смог бы уйти?

М.Г. Я предпочел бы сказать — неумолимость. Сталин, конечно, не единственный автор ее. И капиталистическое окружение — не бред маньяка. Но я — историк, пытающийся взвесить реальность и сознающий, какую невероятную силу набрала при Сталине власть слов. Слов, которые распоряжались судьбами, руководили жизнью и смертью... Вы имеете дело с множеством социальных и иных конфликтов, разногласий, несовпадений внутри, а вовне — с целым спектром любопытства, и сочувствия, и враждебности, и вот вы вминаете все это в два пароля: "реставрация" и "интервенция" (стучащаяся в дверь сдвоенная, согласованная опасность их!), и вся картина меняется. Меняется соотношение задач и самый состав их. Вслед за политикой и даже опережая ее — перемены в поведении, в нравах. Или другой пример, уже затронутый выше. Слово, "знак" — отсталость. В устах Ленина не один смысл, а несколько, связанных и противоборствующих. В них — и прошлое, и предстоящее, последнее, притом не в результате поражения, краха, даже застоя. "Опять отсталая" — мерило движущегося человечества. Миру (догадывался, прикидывал он) суждено после войн и революций войти в нормальное русло, прочищенное и раздвинутое не в последнюю, в первую очередь нами ... "Отсталость" — знак обретения (знаний, умений, достатка), своего рода залог устойчивости, защиты от бюрократического монстра, преследовавшего его как дневной кошмар. Но вышло не по Ленину, и "отсталость" превратилась в слово-клеймо, слово-улику. Им изобличали, подхлестывали друг друга...

Г.П. Коллективный испуг?

М.Г. Лишь отчасти. Но в неизмеримо большей степени — подъем

чувств, страсть отпора, приливы самоотречения... И будто оправданная, наперед оправданная жестокость по отношению к себе самим и к себе подобным. Ведь мы изначально были людьми, убежденными, что раньше или позже за нами пойдут все. И уже идут. Всюду все! Отсюда склонность, вторая натура: определять собою иных. Иных, которые если не в данный момент, то вскорости будут, станут точно такими, как мы. Повторят нас в главном. Последуют за нами. Соединятся с нами. Разве дурно или тем паче—преступно? Но просмотрим эту цепочку до конца и в конце обнаружим утрату — себя же самих. С ужасом перечтем императив: вычеркнуть из жизни тех, "за кем не пойдет Мир"...

Г.П. И вы полагаете, что в истоках этого — нереализованный выбор, несостоявшиеся социалистические альтернативы?

М.Г. Попробуйте устранить этот вопрос, и вы окажетесь снова у разбитого корыта "зигзагов", "инфернальной личности", "всемогущества аппарата" и т.д. и т.п. Нет, чтобы понять ту однозначность, нужно преодолеть нынешнюю — собственную. Надо встретиться с теми, кого нет не только в силу их физического исчезновения, и сделать усилие, чтобы их понять. Встреча с потерпевшими поражение (в 1923-м, в 1928-м, в 1934-м)? Да, и на равных, и без всякой бессмысленной и оскорбительной снисходительности, без извинений и поклонов позорно запоздалой "реабилитации"... И со Сталиным randevu? Вопрос жизни для нас — принять его в свой круг, разговорить его, попытаться проникнуть в тайну близости к нему миллионов образованных и полуграмотных (банальности ли благодаря эта близость или для объяснения этого нужны какие-то другие, глубинные понятия...). Может быть, он и есть для нас, для нынешнего нашего ищущего духа предмет мысли — несмотря на то, что именно это, способность к независимой мысли, к нравственности серого вещества, к сомнению, без которого нет истины, он вытраивал и выбивал из нас и настолько преуспел в этом, что и сегодня мы чаще членораздельно мычим, полагая, что думаем вслух...

Г.П. Но вернемся еще к несостоявшимся развилкам. Ведь тут, как Вы выразились, "фокус" проблемы — исток необходимого Сталина. Почему же были обречены на неуспех преальтернативы — одна за другой? И не слишком ли индивидуализированы даты: 1923-й, 1928-й, 1934-й?

М.Г. В общем виде мне кажется, я уже сказал об этом выше. У альтернативы, конечно, есть своя объективная основа, но не больше. Выбор до известной степени возможен всегда, но опять-таки только до известной степени. И мера этой возможности либо возрастает, либо, напротив, идет книзу и способна дойти до нулевой отметки. Ведь выбор — это люди, совершающие его либо неспособные совершить. Самая неспособность — проблема. Ибо в лапы ее попадают и умные, и совестливые, и не лишены воли. Добавьте существовейшее: каждая из "пред", не доросших до самой себя, не исчезает. Неосуществленный выбор включается в следующую попытку, сужая и отягощая ее. А если учесть, что речь идет об одном-двух поколениях, то уйдешь ли от того, что отягощение приобретает и индивидуальные черты, личный облик. И несостоявшаяся развилка — это биографии, это человеческие судьбы. Сугубо разные, но в чем-то итогово близкие, родственные. Судьбы Троцкого, Бухарина, Кирова... Историческую вину не определить ни уголовным кодексом,

ни бранным словом. Да и уместно ли здесь само понятие "вина"? Троцкий уклонился от исполнения последнего ленинского замысла, обрекши этим себя на поражение. Но был ли он внутренне готов к тому, чтобы глазами уходящего Ленина увидеть по-новому *Россию в Мире*? На вершине славы он превращался в "лишнего человека", таким я вижу его. А Бухарин 1928 года? Что для него было в "последней инстанции" важнее — отстоять от Сталина нэп или сохранить, даже ценой собственной капитуляции, единство партии? Он тоже унаследовал незавершенность новой теории социализма, вынашиваемой Лениным, незавершенность в ключевом пункте — политическом эквиваленте многоукладности: как достроить ее до целого, чем и кем?

...Задним числом мы вправе разглядеть в последних текстах Ленина не только завещание, но и вызов. Самому себе и партии — своему детищу.

Г.П. Вызов самотермидоризацией?

М.Г. Если не прямо так говорил, то, по сути, об этом думал, уходя. Думал — "спрашивал": сумеет ли партия, взявшая и удержавшая власть, уберечься от искуса внедрить самое себя во все поры жизни, несводимой к одному, к единственному? Сумеет ли внутри самой себя представлять *иное*, вслушиваясь в его голоса, как в *собственные*? Понимал, что любое "да" — не идиллия. Скорее невозможность, чем возможность, если только последнюю измерять лишь тем, что в наличии, что в наследстве — чужом и своем, своем теперь даже больше, чем в чужом... Прошло свыше полувека, а с какой неистовой силой звучат слова диктовки, обращенной к мучительнейшему — национальному вопросу: "...*очень естественно*, что "свобода выхода из союза", которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный российский бюрократ. Нет сомнения, что *ничтожный процент советских и советизированных рабочих* будет тонуть в море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке¹. Я позволил себе выделить курсивом не самые взрывчатые слова, но те, которыми он отличал опасность "естественную", преграду которой искала в другой — новой естественности... Если не станет партия решающим соавтором ее, этой новой — другой, то не превратится ли в "пустую бумажку" и коммунистическая первородность — его партии естество?

Г.П. Вызов всем? Или только перечисленным в "завещании"?

М.Г. А разве перечисленные — в его глазах — не самая верхушка гигантского айсберга?.. И Сталин был тем, кто, пожалуй, раньше и острее всех ощутил предсмертные ленинские слова как вызов или, точнее, угрозу, адресованную ему даже и там, где о нем прямо не было речи. Кто с уверенностью прочитает в тайниках его души ненависть, которая питала с тех пор его расчеты (и его прозрения)?

Если из незавершенности ленинской *революции реформ* он сотворил трамплин к личной власти, то Бухарин, загнанный им в "правый

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 357.

уклон", лишенный места на Олимпе, продолжал бескорыстно действовать и без борьбы, находя и смысл, и радость жизни в том единственном месте на Земле, где он только и мог жить, оставаясь собою и даже переставая быть собою. Осудим его за это? Пожалеем? Не те слова... "Вот возьмите Бухарина, например. По-моему, пел как будто по нотам, а голос не тот. (Смех, аплодисменты.) Я уже не говорю о товарище Рыкове, о товарище Томском... Тут даже и мелодия другая. (Смех, аплодисменты.) И в тон не попадают, и в шаг не поспевают". Это из речи Кирова на XVII съезде, из раздела, названного им "О тех, кто просидел в обозе"¹. Меньше года оставалось жить этому человеку. И его слова я напоминаю не для того, чтобы пощекотать нервы обывателю. Они человечнее, слова эти, чем иные, произнесенные на том же съезде, который и делегаты его, и все мы, кто постарше, кто помоложе, называли съездом победителей. Теперь его с основанием именуют съездом приговоренных к смерти. Но будем честны перед ними и перед собою — это был еще и съезд самоубийц.

Г.П. В смысле — упустивших выбор?

М.Г. Да, в этом смысле. Но задумаемся: в чем же он состоял тогда? Позади—коллективизация, голод, гекатомбы, люди, вырванные с корнем из земли. И стройки. И обретаемая сила. И рвущееся вперед молодое поколение. И перемены, чуть не написал перестройка... Один благородный человек, талантливый историк, прошедший всеми кругами недантова ада, говорил мне с улыбкой, вспоминая и 1934-й, и 1935-й: "Это была весна". Весна писательского съезда и отмены карточек, ликвидации "политотделов" и передачи земли в "вечное пользование" колхозов, снижения темпов индустриализации и упора на благосостояние, весна сокращения забытых историков вместе с реабилитацией избранных эпох и фигур из "проклятого прошлого", весна готовящейся новой конституции и упразднения жестких классовых барьеров. Самокритика была в разгаре. От партийных и беспартийных (совместные активы!) доставалось и наркомам. А там, за кордоном, нацизм. Там — консолидация левых, всех, кто вступал в схватку, не без надежды и с верой, что решит эту схватку прямое вступление в борьбу советской державы. Литвиновское: мир неделим. И VII конгресс Коминтерна. И Испания, Испания!.. Так в чем же состоял выбор? В очеловечивании, в антифашистской демократизации *сталинского результата*, вводимого в строгие, недвусмысленные конституционные рамки? Или еще дальше: в осознании того, что главный выбор уже "по ту сторону" несовместимости капитализма и социализма? Не дошедшие до *этого* могли ли поднять руку на победившего Сталина, Сталина-кумира?

Г.П. Итак, механизм "больших процессов" уже был, по сути, запущен?

М.Г. Очередность фактов обязывает ответить согласием. Но у крокодила был все-таки свой пролог. Не сделавшие выбора отдали его в руки Сталину. И тому надо было решить: остаться ли в лидерах начавшейся нормализации, стать хозяином новой гласности? Либо верх

¹ XVII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 253.

взяли, и не могли не взять верх, страх утратить нужность (без “чрезвычайного” удержится ли абсолют необходимости?!), позыв сделать демократизацию наперед застрахованной от опасностей, адресуемых *ей* ему — даже если эта переадресовка еще не приходила в голову большинству сподвижников и тем более большинству “сталиноподобных” функционеров. Он и осуществил эту “демократизацию” на свой лад — поравняв смертью... А где-то под спудом зрел соблазн, разбуженный фашизмом (и антифашизмом!): неожиданным ходом выйти на мировое поприще.

Г.П. Вы считаете Сталина трагической фигурой?

М.Г. Шекспир бы ответил утвердительно. Но не изменилась ли природа трагедии за протекшие с тех пор века?.. Вместо ответа — коротенький рассказ. Время — 1940 год. Памятный для меня год: последний раз я видел родных; год отчаянных споров в студенческом общежитии, впервые мы так раздирались — до прекращения отношений (кто “за” Германию, кто “за” Англию); и во мне самом какое-то внутреннее смятение, загоняемое вглубь несогласие. Хотели ли мы с моим другом-единомышленником войны с Германией? Вряд ли — в буквальном смысле, исчисляемом ближними сроками. Но союз с Гитлером был все более невыносимым для нас, а мужество и единство англичан и восхищали и удивляли (откуда мужество — после Мюнхена? Откуда единство: не от неразвитости ли классовых антагонизмов, не от вошедшей ли в плоть “их” неревольюционности?..). И вот спустя почти четверть века я держу в руках книгу “Бисмарк. Мысли и воспоминания”. Год издания тот самый — 1940-й. Сигнальный экземпляр. Единственный, принадлежавший Аркадию Самсоновичу Ерусалимскому — автору вводной статьи. В тексте ее и на полях пометки и замечания Сталина. Да, это его рукой. Его почерк — человека, привыкшего много писать, беглый, но ясный, легко читаемый. Писал, вероятно, не в один присест — цвет карандаша разный. Я всматриваюсь — подобно археологу, открывшему древнюю надпись, старающемуся разгадать и смысл, и судьбу, заключенные в буквах... Сталина уже нет. Страшное о нем мы не боимся говорить вслух, правда это еще вновь, еще не стало расхожим. Я ищу в книге страшное. Нахожу же разумную редакторскую правку, свидетельства хорошего вкуса и понимания истории. Рассказ А.С. Ерусалимского о встрече в Кремле дополняет зрительную реакцию. Мы задерживаемся на самом крупном из исправлений. В статье, которую поручил написать профессору-историку нарком иностранных дел, финальные абзацы прозрачно донесли главную мысль. Бисмарк, не раз высказывавшийся против войны с Россией, боявшийся ее пространств и повторения участи, постигшей некогда шведского короля и французского императора, призывался в советчики настоящему, в наставники Гитлеру. Казалось бы, и Сталину финал должен был бы прийтись по вкусу (статья ему вообще понравилась). А встреча состоялась осенью — много после поражения Франции и Дюнкерка, изменивших ход мировых событий. Но как раз концовку Сталин решил изменить. Он снял патриотические курсивы, сократил размер предупреждений и весь русский сюжет согласился оставить под условием переноса его куда-то в середину (заключительным же аккордом избрал текст о старом юнкере, отставном канцлере, который незадолго до смерти посетил Гамбург и, с удивлением взирая на га-

вани, верфи, океанские корабли, промолвил: "Другой мир, новый мир"). «Что это было, — спрашивал я А.С., — каприз, хитрость или инстинкт человека, мерившего политику "эпохами"?» И автор, и заказчик — Молотов — были тогда обескуражены. Последний не произнес ни слова (как и присутствовавший на встрече Жданов), А.С. же робко возразил, упирая на актуальность. Сталин — в ответ: "А зачем вы их пугаете? Пусть попробуют..."

Г.П. Вы точно воспроизводите его слова?

М.Г. Еще бы. Я их запомнил навсегда, как и весь рассказ А.С., содержащий немало еще красочных подробностей. Слова же эти... Уже в зрелом возрасте, потеряв многое и многих, я возвращался к ним, работая над незаконченной рукописью "1940-й". Я пытался реконструировать и ситуацию, и историческую фигуру, за просчеты которой уплачено по минимальному счету двадцатью миллионами жизней (и целым поколением, из которого я сам) ... Что думал он в тот момент, произнося эти слова? Отдавал ли он отчет в том, что договор 1939 г. уже утратил смысл для партнера, вкусившего в Европе победы и жаждущего выйти на мировой простор? Стремился ли спокойствием — на грани равнодушия — вселить тревогу в Гитлера и тем выиграть время? Пытался ли из демонстраций силы сделать аргумент в пользу продления и обновления союза, сумевшего обеспечить своей державе "бескровные" приращения? Днями позже Молотов поедет в Берлин, а накануне встречи с историком Сталин впервые ощутит военное давление немцев на Балканах. Но сейчас я не об этом. Я знаю, что вариантов рационального объяснения не один. Но меня в данном случае занимает не столько политика Сталина, сколько он на переломе собственной судьбы... Вот он, достигший "высшей власти". Повержены все, с кем когда-то ему приходилось быть, по меньшей мере вровень (а то и ниже, именно — ниже...) . История — большая искусница связывать разное значением и ценой в один нерасторжимый узел. И тут она соединила днями: уничтожение Троцкого — и явный надлом столь невероятно до тех пор складывавшегося в его, Сталина, пользу соотношения сил во всемирной схватке. Сладость личного триумфа — и явный сигнал бедствия. Услышал ли? Или торжество от достижения сокровенного (Троцкого нет, нет навсегда!) притупило его чутье? Любый ответ — гипотеза. Однако гипотеза в рамках неумолимого. Рок стучится в дверь — в его дверь, в наш общий Дом... Нет соперников — нет оппонентов. Нет возражений — нет "обратной связи". Все отныне замкнуто в нем самом, и абсолютная независимость одного оборачивается абсолютной зависимостью от его вождельней — и от кошмаров, к которым неприменима обкатанная процедура расправы. Раб любого камешка, застрявшего в зубах. Нет, все же Шекспир...

Г.П. Если подвести итог, то вправе ли мы считать, что несостоявшиеся в прошлом альтернативы, если не все наше наследство, то его неотъемная и существеннейшая часть? И как в свете этого выглядит наш сегодняшний — перестроечный — день?

М.Г. Помните, у Чернышевского в "Прологе", одной из любимых моих книг, продлевающей тему романа о "новых людях" и вместе с тем в чем-то и оспаривающей его, первая часть именуется — *Пролог пролога*. Название как название, но в нем важная для автора мысль.

Он, которого обвиняли с самых разных сторон в идеализации будущего (из "хрустала и алюминия"), в выпрямлении пути к всеобщему счастью, еще в изначальном романе подводил молодое поколение к мысли: то грядущее, чистое в помыслах и свершениях, оно – в природе вещей и в силу этого достижимо. В него войти легко. Но нет ничего труднее и запутанней, чем пролог пролога. И потому нет ничего ошибочней для поборников коренной перемены, чем пренебрегать "нечистыми" современниками ("злыми" от нужды и по привычке), своим радикализмом и своим чистоплюйством отбрасывая их, и даже не к закоренелым стражам рабства, а к едва осовремененным бюрократам, игрокам в реформаторство, тем, для кого люди были и остаются "куклами", лишь ставкой в борьбе за власть.

Это не аналогия, скорее – ассоциация. Мы сейчас где-то на исходе своего пролога пролога. Нынешнего, многим не похожего не только на тот век, на судьбы "новых людей", но и на оборванные, проигранные, растоптанные предальтернативы своих 1920-х – середины 1930-х годов. Непохожего – и наследующего их, непохожестью наследующего. И родословными живых, от которых зависит, какой быть нашей перестройке. И – опасностью для них, для нас всех попасть снова, хотя и по-другому, в капкан взаимного отталкивания и инспирируемой распри.

"Вы за социализм или против?" Это нас спрашивают или мы себя, не догадываясь, что *социализм, вероятно, именно то общественное устройство, для которого допустим и – непременно – выбор самого себя и не один раз?!*

Г.П. И потому мы задержались именно на нэповской альтернативе?

М.Г. Да, она самая отчетливая в этом кровавом смысле. Ибо выбор – это все же не только диктат экономического и социального развития. Это еще и свобода человека XX столетия. Лишенный выбора – не свободен. Но и лишаящий других теряет ее. Не сразу осознается это, но, когда осознается, возникает снова стимул к выбору как условию жизни. И – как самой жизни. Поэтому в разгаре 1987-го я спрашиваю – Сталин умер? И отвечаю себе: Сталин умер вчера.

ПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И БЮРОКРАТИЯ: К ИСТОКАМ ПРОБЛЕМЫ

Из богатейшего, более чем 70-летнего опыта экономического и политического развития СССР, его успехов и неудач вытекают важные выводы для решения проблем нашей сегодняшней перестройки. Основной из них, на мой взгляд, состоит в том, что *адекватный социализму* механизм хозяйствования, обеспечивающий растущую эффективность экономики, невозможно создать без политических предпосылок, без демократии, обеспечивающей политическую свободу и развивающей творческую инициативу людей. Нэп не был доведен до конца потому, что отсутствовали политические предпосылки его осуществления. Реформа 1965 года захлебнулась по той же причине. Январский и июньский (1987 г.) Пленумы ЦК КПСС определили политический подход к созданию нового хозяйственного механизма. Вопрос в том, как его удастся реализовать на практике.

Сейчас мы предпринимаем третью за годы Советской власти попытку создания адекватной социализму политической системы общества. Первая была предпринята В. И. Лениным и сформулирована в его последних письмах и статьях, после его смерти получивших название "Политическое завещание". Вторая попытка по инициативе Н. С. Хрущева была предпринята на XX и XXII съездах партии. Ни та, ни другая не увенчались успехом. Соответствующий социализму механизм хозяйствования и политической демократии не был создан. Теперь в третий раз задача вновь встала перед нами. Надо проанализировать опыт прошлого, объективно расчленив причины неудач и успехов, побед и поражений и выяснить, почему две предыдущие попытки не привели нас к успеху.

Революционность перестройки

Нередко необходимость перестройки объясняют ошибками и недостатками прежнего руководства, его консерватизмом, инерцией мышления, неспособностью принять своевременные меры по устранению нараставших негативных явлений в политике, экономике, социальной и нравственной жизни. Такое объяснение нам представляется по крайней мере недостаточным. Нарушения и ошибки эти свойственны ведь не кратковременному периоду, а потому их нельзя объяснить явлениями текущего

характера. И тем более их нельзя объяснять личными качествами руководителей в центре или на местах.

Несомненно, что личные качества лиц имеют немаловажное значение. Бесспорно, что руководители в центре и на местах несут ответственность за происходящее. Но существует и нечто более важное, а именно: социально-экономические условия жизни общества, которые способствуют развитию одних явлений и исключают возможность возникновения других. На июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что перестройка вызвана к жизни нараставшими противоречиями, накапливавшимися в нашем обществе в течение продолжительного периода времени.

Возникновение противоречий само по себе является естественным процессом. Иначе быть не может. Вопрос в том, как они разрешаются. Но тот факт, что в течение длительного времени возникавшие противоречия не разрешались, а накапливались, свидетельствует о наличии в обществе тормозящих, консервативных сил. Для их преодоления и потребовалась революционная перестройка.

Признание исторической необходимости революционной перестройки вытекает из учета характера осуществленных в прошлом преобразований, оценки пройденного нами пути. И в этом смысле нам дано одно из двух: либо в прошлом все делалось в соответствии с марксизмом-ленинизмом как высшим достижением общественной теории и практики, и тогда и смысл перестройки непонятен; либо в прошлом допускались отступления от марксизма-ленинизма, а потому накапливались противоречия, и перестройка необходима как способ их разрешения.

Развитие нашей революции характеризуется не прямолинейным восхождением к высотам социально-экономического прогресса, а противоречивым, зигзагообразным движением с рядом отступлений и поражений. Революция не только двигалась вперед, но и отходила от своих первоначальных идеалов и целей. Отход выразился в отстранении трудящихся от управления обществом и узурпации этой функции народившейся в советское время бюрократией. Смысл революции и строительства социализма состоял в том, чтобы обеспечить фактическое социальное равенство людей и создать всем трудящимся одинаковые возможности участия в управлении обществом и экономикой. В действительности же произошло нечто другое. На основе формального равенства по отношению к средствам производства возникла бюрократия, а тем самым фактическое неравенство, постоянно воспроизводимое неравноправно-иерархической системой общественно-экономических отношений. Неизменность, окостенелость этих отношений стали серьезным тормозом нашего развития. Теперь нам надо преодолеть механизм торможения, выяснить, как и почему он возник, а для этого требуется проникнуть в его сущность.

Эволюция революции

Обобществление средств производства основоположники марксизма-ленинизма рассматривали не как самоцель, а как экономическую основу фактического социального равенства (равноправия) людей, достигаемого путем утверждения политической демократии, народовластия и самоуправления. Однако на пути достижения этой цели встала нарождавшаяся бюрократия, которая по природе своей насаждает отноше-

ния фактического неравенства, личной зависимости нижестоящих от вышестоящих.

Иные ветераны революции, встав у руля государства, превращались в бюрократов и сановников, стали добиваться привилегий, должностей, наград. Ленин решительно боролся с комчванством, ратовал за фактическое равенство людей независимо от занимаемого ими положения. Есть интересное свидетельство Луначарского на этот счет: "Ленин был человеком огромной авторитетности, но тем не менее начальственности в нем не было никакой... Ни малейшей начальственности! И ему страшно хотелось, чтобы ни у кого ее не было. Он часто это высказывал, и какому-нибудь советскому сановнику было обидно слышать, когда Ленин в совнарком начинал об этом распространяться... Мы людей ищем, повышаем, фиксируем на известных местах. Это естественный процесс, иначе и быть не может. Не получают ли все-таки из них совбуры, сановники? Сливки-то эти не скиснут ли? Не может ли получиться так, что эта публика рядом с нэпманами... превратится в зачатки нового командного класса?"¹

Этот порок, как мы видим, сказывался с самого начала Советской власти. Еще на VIII съезде партии в марте 1919 г. Осинский говорил: "С констатирования того, что у нас возродился бюрократизм, я должен начать свой доклад... Решение дел сосредоточивается в узких коллегиях, которые — это нам надо прямо констатировать — в значительной мере отрываются от масс... у нас усиленным образом развивается покровительство близким людям, протекционизм, а параллельно — злоупотребления, взяточничество; и в конце концов, особенно в провинции, нашими ответственными, иногда партийными, работниками чинятся явные безобразия.

В настоящее время старые партийные товарищи создали целый чиновничий аппарат, построенный, в сущности говоря, по старому образцу. У нас создалась чиновничья иерархия"². В таком же духе выступали Сапронов, Игнатов, Зиновьев и другие, ставшие впоследствии жертвами советской бюрократической машины.

Ленин считал, что от обюрократившихся партийных и советских работников исходит серьезная опасность делу революции. С переходом к мирному строительству он повел против них решительную борьбу. Возвзгласив поворот к новой экономической политике, он понимал, что осуществление ее будет невозможно без демократии, развивающей творческую инициативу народа, обеспечивающей трудящимся не формальное, а реальное участие в управлении государством.

Особое значение имели последние статьи и письма, продиктованные Лениным перед смертью и составившие его "Политическое завещание". В них он предложил осуществить политическую реформу. "Письмо к съезду" начиналось словами: "Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе"³. Предложенные Лениным меры были направлены на то, чтобы избежать двух главных опасностей: бюрократизма и раскола партии, которые могут оказаться губительными для советской республики, как предупреждал Ленин.

¹ А Луначарский. В. И. Ленин. М., 1924, с. 38—39.

² VIII съезд РКП (б). Протоколы. М., 1959, с. 187—188.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 343.

К сожалению, так оно и получилось. Бюрократизм и раскол в партии привели к искусственному раздуванию внутрипартийных разногласий, интересы социализма были подменены беспринципной борьбой за власть. В результате произошел отход от целей революции, демократия была не развернута, а свернута, необоснованные повороты в политике партии сопровождались физическим уничтожением множества видных и рядовых членов партии и беспартийных.

Эволюция революции неотделима от судьбы тех, кто ее делает, и потомков всегда будут занимать причины отхода революции от своих первоначальных целей, связанная с этим трагедия ее творцов. Почему они оказались столь беспомощными перед молохом, безжалостно пожиравшим революцию и ее детей? Напрасно менторы различных рангов уещевают нас не задавать подобных вопросов и не ворошить прошлое. Прошлое не уходит, оно остается с нами, и его, как и душу свою, нельзя вынуть и выбросить. Оно постоянно возбуждает нашу совесть чувством нравственной ответственности за историческое наследство. Ведь нам оно досталось от тех, кто не может сказать за себя. Павшие говорят лишь совестью живых.

И сколько будет стоять земля наша, а солнце Октября светить людям, столько они будут возвращаться к его затмениям. Ведь творцы нашей революции – кого как ни оценивай – были отнюдь не робкого десятка. И мыслями и делами они высоко возвышались над временем, каждый из них не раз смотрел смерти в глаза. Так почему же смелые в суровых условиях подполья, они дрогнули потом на вершине власти и так бесславно сошли со сцены? Этот же вопрос связан с другим: как и почему самая революционная большевистская партия не только добилась героических свершений, которые в корне преобразовывали страну, но и в то же время стала рассадником противоречащей ее идеям авторитарно-бюрократической системы, создала механизм торможения прогресса?

Отход от революции, на наш взгляд, нельзя сводить к досадным ошибкам партийного руководства, к тому, что оно не посчиталось с ленинскими предупреждениями. Вопрос в том, почему оно не захотело и смогло не подчиниться им.

Нередко полагают, что господство бюрократии с единодержавным правителем во главе фатально было предопределено мелкобуржуазно-крестьянским характером страны. Несомненно, если бы страна была пролетарской, а революция в России стала частью мировой, на что рассчитывали Ленин и большевики, ее развитие пошло бы по другому пути, на ней наверняка сильнее сказались бы западные демократические традиции. Марксисты того времени не мыслили иное развитие революции, кроме как путем превращения формальной буржуазно-олигархической демократии в фактическую демократию широких народных масс. Мировое воздействие рассматривалось как благоприятный фактор, нейтрализующий неблагоприятные внутренние условия. Но мировая революция не произошла. И тогда Сталин выдвинул свою версию социализма в одной стране. Она перевернула первоначальную концепцию социализма, поставила ее с ног на голову, способствовала формированию осадной психологии перманентной напряженности и противостояния внешнему миру. В таких условиях резко возросло влияние внутренних факторов на судьбу революции.

Тем не менее роковой ход событий не был предопределен, зло не было неизбежным.

Конечно, с победой революции монархистско-крепостнические традиции сразу не исчезли. Впоследствии они ожили и стали питательной почвой формирования бюрократической диктатуры личной власти. Но вначале революция подорвала их, разбудила политическое сознание не только пролетариата, но крестьянства и средних слоев города и деревни. Три русские революции, в которых участвовали различные социальные силы, победа в гражданской войне, энтузиазм первых пятилеток характеризуют устойчивую тягу широких масс народа к прогрессу, демократии и социализму.

В условиях отмеченной ситуации исход русской революции определялся борьбой всегда действовавших в ней двух тенденций: авторитарно-бюрократической и революционно-демократической. Вначале, когда революция была на подъеме, они выступали в едином потоке и различия между ними трудно было уловить. Однако позднее, когда революция вступила в период строительства, земные блага, должности, звания и награды вновь стали приобретать былую власть над людьми. Вокруг них обострялась борьба. Одни оставались верными идеалам революции, но другие перерождались и, не брезгуя ничем, овладевали ее плодами как собственной добычей.

Бескорыстных рыцарей революции, навсегда оставшихся верными ее идеалам, у нас было немало: Фрунзе, Красин, Цюрупа, Луначарский, Кржижановский, Чичерин и многие-многие другие. Вместе с тем жизнь выдвинула и другие персонажи, для которых революционные идеи и деятельность стали лишь ширмой борьбы за личное господство. Примкнув к революции по разным причинам и обстоятельствам, иные ее участники, как показала жизнь, преследовали в ней собственные интересы. Опасность, идущая от такого типа людей, не была учтена в должной мере, хотя партия располагала к тому времени опытом Великой французской революции. Ведь она показала, как низко падают многие из тех, кто в дни подъема революции летал высоко. Якобинский террор все изменил. Жаждавшая крови и благ толпа попутчиков революции стала поедать ее детей. "Террор, — писал Ф. Энгельс, — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убежден, что вина за господство террора в 1793 г. падает почти исключительно на перепуганных, выставивших себя патриотами буржуа, на мелких мещан, напускавших в штаны от страха, и на шайку прохвостов, обдeldывавших свои делишки при терроре"¹. Какие именно дела? Перехватывать звания, должности и богатства у прежних владельцев.

С той же опасностью столкнулась и наша революция. Ситуация особенно обострилась во время болезни Ленина, когда открылась возможность узурпации власти нарождавшейся бюрократией. Провозгласив нэп, Ленин сознавал, что осуществить эту политику будет невозможно без соответствующих политических предпосылок, без демократии, обеспечивающей политическую свободу и развивающей творческую инициативу народных низов. Поэтому он так упорно обдумывал и разраба-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 45.

тывал политическую реформу, обоснованную в его последних работах.

Однако бюрократия не была заинтересована в осуществлении ленинских идей и предложений. На словах бюрократы превозносили Ленина, а на деле воспользовались его усиливающейся болезнью и изолировали его с тем, чтобы сорвать осуществление политической реформы. А сама идея реформы и меры ее осуществления были скрыты от партии и народа.

До сих пор драматизм ситуации сводится к болезни и смерти Ленина, во время как он заключается в связанной с ней подмене ленинских идей другими.

Тот факт, что “Письмо к съезду” и ряд других документов готовились Лениным в глубокой тайне от членов ЦК и Политбюро, достаточно красноречиво передает атмосферу обострившихся к 1922 г. отношений между Лениным и его окружением. Причиной его фактической изоляции, на наш взгляд, является то, что Ленин предложил реформу по демократизации партийной и государственной жизни, которая запугала верхушку нарождавшейся бюрократии. Что же предлагал Ленин?

Расширение ЦК за счет рядовых рабочих

В качестве первой меры В. И. Ленин предлагал расширить состав ЦК за счет рядовых рабочих и крестьян. Когда он писал свое письмо, ЦК состоял из 27 человек, избранных XI съездом партии.

Ленин требовал увеличить их число до 50 или даже до 100 человек. “В число рабочих членов ЦК, – писал Ленин, – должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян, которые, однако, не попадают в разряд прямо или косвенно эксплуататоров”¹. Ленин предлагал выдвигать в ЦК рядовых рабочих, способных противостоять нарастающей партийной бюрократии. Увеличение числа членов ЦК до 50 или 100 при свободных, без давления сверху, выборах позволило бы не допустить того, “чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии”².

О каких конфликтах шла речь?

Уже во время болезни, а может быть и раньше, Ленин заметил тревожные сигналы – в условиях запрета фракций присущая в прошлом партии естественная идейная борьба приобрела характер беспринципных конфликтов небольших частей ЦК и примыкающих к ним лиц. Нормальные расхождения во мнениях стали возводиться в степень политических разногласий, за которыми следовал поток обвинений. В такой опасности, в основном исходившей от Сталина, Ленин видел угрозу раскола партии и потому поставил вопрос о его перемещении с поста генсека на другое место. Что касается других тогдашних руководителей, то он призывал к партийному контролю и над ними, не усматривая, однако, какого-то злого умысла в их позиции. Напомнив, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева не был случайностью, Ленин в то же время указал, “что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 347–348.

² Там же, с. 343.

он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому”¹.

Нам следует понять подлинный смысл этих ленинских слов. Он состоит в том, что в условиях партийной демократии (с ее свободой мнений и позиций) борьбу идей нельзя превращать в борьбу между людьми. Ленин призывал не к осуждению, а к пониманию того, что было, но отошло в прошлое. Позиция может быть верной или неверной, принятой или отвергнутой, но ее нельзя предъявлять человеку в качестве политического, а тем более криминального обвинения, ибо в таком случае демократия и свобода суждений невозможны. Названных в письме деятелей партии Ленин и не считал безгрешными (да и кто может быть безгрешен?), и тем не менее весьма полезными для дела революции и строительства социализма. В противном случае нельзя понять его многолетнее сотрудничество с ними, занятое ими при Ленине высокое положение в партии и государстве.

К сожалению, призыв Ленина не был услышан. Расширение состава ЦК на XII и XIII съездах произошло не за счет рабочих и крестьян, а за счет включения в ЦК сторонников единой тогда зиновьевско-сталинской фракции, которая вела борьбу против Троцкого и его сторонников.

Усиление контроля над деятельностью ЦК

В качестве второй меры по обеспечению перемен в политическом строе Ленин предлагал расширение контрольных функций ЦКК (Центральной контрольной комиссии) и РКИ (Рабоче-Крестьянской инспекции).

В “Письме к съезду” и в работе “Как нам реорганизовать Рабкрин” Ленин развивал ранее высказанную идею о том, что ЦКК ответственна “только перед съездом партии, строится так, что ни малейшего совместительства у членов ЦКК ни с каким наркоматом, ни с каким отдельным ведомством и ни с каким органом Советской власти быть не может”². Только при такой независимости и такой подчиненности съезду как высшему органу партии мог эффективно функционировать и ее высший контрольный орган.

В порядке подготовки к очередному съезду партии В. И. Ленин предложил такую реформу деятельности ЦКК, в результате которой ее члены, “обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, “не взирая на лица”, должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел”³. Привлечение к работе ЦК и ЦКК рядовых членов партии, независимых от центральных и местных партийных руководителей, составляло одну из важнейших мер, рассчитанных на то, что раскол партии таким образом будет исключен, а бюрократизм преодолен.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.

² Там же, с. 200.

³ Там же, с. 387.

После смерти Ленина ЦКК и РКИ были реорганизованы так, что превратились в придаток центрального партийного аппарата, в орудие установления единоличной власти вождя. Даже в случаях самых очевидных просчетов, как, например, во время коллективизации и голода, ЦКК не только не делала замечаний в адрес ЦК, но жестоко расправлялась с любыми формами несогласия с линией ЦК, что было прямым отходом от ленинских традиций внутрипартийной жизни.

В этой связи необходимо коснуться распространенного мифа, будто бы несогласие с линией ЦК равнозначно фракционности. В известном решении "О единстве партии" съезд РКП (б) определял фракционность как "возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину"¹. Запрет, как мы видим, направлен против возможности обособления определенной группы со своей особой дисциплиной, что расценивалось как зародыш самостоятельной партии.

Однако тогда же возникает вопрос: как оценивать группу, объединившуюся на основе единой платформы, но действующую открыто и честно в рамках единой для всей партии дисциплины? И ответ на него был дан: наличие особой политической платформы и даже борьбу за ее принятие партией нельзя рассматривать как фракционность. Ленин на том же съезде отстаивал право членов партии обращаться к партии, в том числе путем предложения особой платформы. Примечательно, что во время обсуждения этой резолюции Рязанов внес следующее дополнение: "Осуждая самым решительным образом всякую фракционность, съезд в то же время высказывается также решительно против выборов на съезд по платформам"². Выступая против предложенной поправки, Ленин подчеркнул: "Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии... мы не можем... а если будет такой вопрос, как, скажем, заключение Брестского мира? Вы ручаетесь, что не может быть таких вопросов? Ручаться нельзя. Возможно, что тогда придется выбирать по платформам. (Рязанов: "По одному вопросу?") Конечно. Но в вашей резолюции написано: никаких выборов по платформам. Я думаю, что запретить этого мы не в силах... Урок, который мы получили на этом съезде, не забудется. Если же обстоятельства вызовут коренные разногласия, можно ли запретить вынесение их на суд всей партии? Нельзя! Это чрезмерное пожелание, которое невыполнимо и которое я предлагаю отвергнуть"³.

Таким образом, по мнению Ленина, членам партии должна быть гарантирована политическая свобода вплоть до права предложения особой платформы и даже выборов на съезд (конференцию) тех делегатов, которые эту платформу поддерживают. Подобный демократический порядок работы Ленин считал условием полноценной внутрипартийной жизни. И не случайно он сослался на пример борьбы в партии вокруг заключения Брестского мира. Противников своей позиции Ленин воспринимал не как врагов и предателей — с такими он не мог бы находиться в одной партии, — а как товарищей, имеющих право занимать собственную позицию и отстаивать ее.

¹ X съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 571.

² Там же, с. 539.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 112.

Однако, как мы знаем, сделать этого не удалось. Впоследствии партия не раз сталкивалась с ситуациями, не менее сложными, чем Брестский мир. Но вскоре после смерти Ленина не стало никаких возможностей для предложения альтернативных решений. Так называемые правые во главе с Бухариным в конце 20-х годов не выдвигали особой платформы (на что, по Ленину, имели право), они только возражали против нереалистических планов индустриализации и чрезмерно быстрых темпов коллективизации. Но их возражение было квалифицировано как уклон. Малейший намек на позицию, отличную от позиции руководящего центра, жестоко наказывался не только политически, но и физически.

Совершенствовать государственное устройство

В качестве третьей меры Ленин предлагал разработку различных аспектов функционирования Советского государства: соотношения Советской власти и партийного руководства, основ межнациональных взаимоотношений равноправных народов, входящих в единый союз республик.

При этом Ленин неизменно исходил из того, что вся власть в стране принадлежит Советам. Что же касается партии, то она, по мысли Ленина, не властвует, а руководит и направляет. Это значит, что она является самостоятельной, не входящей в систему государства, политической руководящей силой общества. Свою мысль Ленин ранее разъяснял следующим образом: "Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих, просвещающая, подготовляющая, обучая, воспитывая эту массу ("школа" коммунизма), сначала рабочих, а затем и крестьян, для того, чтобы она могла прийти и пришла бы к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством"¹.

Согласно ленинской идее, партия служит народу тем, что делает его способным к принятию обоснованных решений, связывает массы с Советами и помогает им быть органами подлинного народовластия. В этой связи необходимо дать ответ на вопрос, который часто задают: почему не Ленин, а Сталин был избран генсеком? Все дело в том, что в то время власть в основном сосредоточивалась в Советах, Ленин же возглавлял Советское правительство. Так же было и на местах. Конечно, полной ясности в разграничении функций между партийными и советскими органами в то время не было, и Ленин не раз осуждал подмену советских органов партийными. Тем не менее была ясность в том, что руководящая роль партии — не в принятии и рассылке повседневных директив, а в разработке и принятии решений по вопросам, определяющим политическую линию развития. Соответственно и генсек рассматривался только лишь как организатор и координатор деятельности ЦК и его аппарата. Однако после смерти В. И. Ленина ситуация стала меняться. Советы постепенно превращались в "приводной ремень" (наряду с профсоюзами, комсомолом и т.д.), связывающий партию с массами. Вся полнота власти фактически перешла к партийным органам в центре и на местах. Партия стала силой, стоящей над обществом, а ее руководство встало

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 241.

над партией и тем самым оказалось вне контроля. ЦКК, которая и раньше не выполняла возложенные на нее контрольные функции, была окончательно ликвидирована на XVII съезде в 1934 г.

Чем чревато отсутствие сдерживающего начала в таких случаях — общеизвестно. В 1936 г. мы торжественно провозгласили самую демократическую в мире конституцию. Но через три месяца она была растоптана февральско-мартовским (1937 г.) Пленумом ЦК, который принял роковые решения о начале массовых репрессий. Сотни тысяч ни в чем не повинных людей были брошены в тюрьмы и уничтожены. В 1977 г. мы приняли еще лучшую конституцию. Но в стране распространялись произвол, хищения, коррупция, обман общества и личности. Почему так происходило? Под лозунгом повышения руководящей роли партии руководители фактически объявлялись "отцами" республик, краев, областей, районов, они приобретали власть, которая в силу своей неподконтрольности оказывалась выше и вне закона. Сохранение подобной практики вело к своего рода автоматическому воспроизведению ситуации, при которой на каждом этапе нашего развития осуждалось очередное поколение пришедших к власти руководителей. Избежать этого можно лишь путем изменения политической системы. Вырваться из этого порочного круга можно, лишь изменив саму политическую систему, вернувшись к рекомендациям Ленина. Всю власть необходимо передать Советам, где депутаты, свободно избранные из нескольких кандидатур, всенародно обсуждают и принимают окончательные решения по всем вопросам общественной жизни.

Особое значение для многонационального Советского государства имеют равноправность взаимоотношений между народами, их представительство на местном и союзном уровнях. Ряд предсмертных документов Ленина, посвященных этому вопросу, в свете наших сегодняшних задач также представляют чрезвычайный интерес.

Успехи Советского государства в строительстве новых взаимоотношений между народами, бесспорно, велики. Необыкновенное развитие получила экономика и культура каждого народа. Это, однако, не означает, что мы во всем следовали ленинским путем и у нас все решено лучшим образом. Разногласия между Лениным и Сталиным по национальному вопросу позволяют по-новому взглянуть на некоторые, ставшие сейчас весьма острыми вопросы. Эти разногласия особенно проявились накануне I Всесоюзного съезда Советов, когда возникло знаменитое "грузинское дело". Грузинские руководители (Мдивани, Махарадзе и др.) возражали против создания Закавказской федерации, выступали за прямое вхождение республик в союз, как это имеет место сейчас. Ленин был склонен согласиться с этим. Однако Сталин не просто отвергал предложение грузинских руководителей, но со свойственной ему грубостью третировал их, обвиняя в "социал-национализме". Дело дошло до того, что сторонник Сталина Орджоникидзе ударил по лицу одного из своих политических оппонентов.

Ленин, крайне недовольный таким недопустимым оборотом политического спора, в дни работы съезда продиктовал одну из своих замечательных статей «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Работа эта до сих пор по-настоящему не воспринята, официальная историография старательно приглаживает ленинскую постановку вопроса. Так, в биографии Ленина говорится: "30 декабря 1922 года состоялся

I Всесоюзный съезд Советов. Владимир Ильич был болен и не присутствовал на нем. Но вся работа съезда, который избрал Ленина своим почетным председателем, явилась воплощением ленинских идей¹. Если это так, то почему же в день открытия съезда Ленин писал: "Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик.

Летом, когда этот вопрос возникал, я был болен, а затем, осенью, я возложил чрезмерные надежды на свое выздоровление и на то, что октябрьский и декабрьский пленумы дадут мне вмешаться в этот вопрос. Но, между тем, ни на октябрьском пленуме (по этому вопросу), ни на декабрьском мне не удалось быть, и таким образом вопрос миновал меня почти совершенно"².

Сопоставления свидетельства Ленина с тем, что произошло позднее, с тем, что теперь утверждает наша литература, порождают множество вопросов, до сих пор остающихся без ответа. Во-первых, отчего у Ленина возникло чувство вины перед рабочими России? Не потому, конечно, что он более других был виноват, а потому, что более других считал себя ответственным за решение национального вопроса, искренне стремился строить открытые, прямые и честные отношения с рабочими России, которых не на словах, а на деле считал хозяевами страны. К сожалению, больше ни один из высших руководителей партии и государства такими качествами не обладал. Во-вторых, как совместить вышеприведенное утверждение о воплощении идей Ленина в работе съезда с его собственным признанием в том, что "вопрос миновал меня почти совершенно"? Не будем же мы показателем "воплощения" считать чисто ритуальное избрание Ленина почетным председателем. В-третьих, как совместить утверждение о таком "воплощении" с тем, что статья Ленина «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», в которой излагалась его принципиальная позиция по коренному вопросу строительства Советского государства, так и не была опубликована вплоть до 1956 г.? Если действительно ее идеи воплотились, то зачем их было скрывать?

На деле и для недовольства Ленина были основания, с одной стороны, и для сокрытия его статьи — с другой. Изучив события и документы "грузинского дела", Ленин обнаружил недопустимое к малому народу пренебрежение со стороны таких представителей власти, как Сталин и Дзержинский, которые выдвигали различные обвинения против грузинских руководителей. Ленин особо указал на порочность позиции Сталина. «Тот грузин, — писал Ленин, — который... пренебрежительно швыряется обвинением в "социал-национализме" (тогда как он сам является настоящим и истинным не только "социал-националом", но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности»³. К подлинному интернационализму Ленин предлагал идти не путем его навязывания сверху, а путем свободного выражения воли народов и борьбы коммунистов каждой

¹ Владимир Ильич Ленин. Биография. М., Политиздат, 1972, с. 644.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 356.

³ Там же, с. 360.

нации против национализма "своей" нации. Поэтому он решительно отвергал великорусский шовинизм, призывал к максимальной деликатности и уступчивости национальным меньшинствам. На съезде же возобладал подход навязывания равенства сверху, чреватый опасностью сохранения семян былого недоверия. В то время их не замечали. Но впоследствии они дали такие плоды, как необоснованные осуждения целых народов, их выселение с вековой родины, ущемление традиций и культур, постыдные проявления шовинизма и национализма. Нередкой стала и практика, когда коммунисты не осуждают, а наоборот, под флагом патриотизма подогревают национализм "своей" нации.

Сокращение ленинского письма и предложений

В свете обсуждаемых сейчас вопросов внутрипартийной демократии чрезвычайный интерес представляет судьба всего "Политического завещания" Ленина, и особенно его письма к съезду. До сих пор на разные лады повторяется изложенная в свое время в учебниках по истории КПСС просталинская версия, игнорировавшая на XIII съезде содержащиеся в письме Ленина соображения и предложения. "Письмо Ленина, — говорится в одном из последних таких пособий, — обсудили делегации съезда. Они учли непримиримую борьбу И. В. Сталина с троцкизмом и троцкистами и то обстоятельство, что освобождение его с поста генерального секретаря в то время было бы на руку троцкистам. Принимая во внимание также заверения И. В. Сталина исправить свои недостатки, указанные в письме Ленина, делегации высказались за оставление И. В. Сталина на посту генерального секретаря ЦК партии"¹.

Этот мотив повторяется в разных вариациях. Поэтому его следует особо рассмотреть.

Если согласиться с тем, что главной причиной оставления Сталина на посту генсека была его борьба с Троцким, то возникает ряд вопросов.

Во-первых, мог ли Ленин допускать пребывание в составе ЦК и Политбюро человека, от которого исходила столь серьезная опасность? Ведь всем хорошо известна непримиримость Ленина к идейным противникам партии, в том числе и к дореволюционной деятельности Троцкого, когда тот стоял на небольшевистских позициях. Если же версия учебника верна, то напрашивается абсурдный вывод о непонимании Лениным грозившей партии опасности.

Во-вторых, как понимать позицию Ленина, который в октябре 1922 г. в связи со своей болезнью предложил Троцкому занять пост заместителя председателя Совнаркома? Для многих наших современников этот факт неизвестен. Но делегаты XIII съезда не могли его не знать, ибо на предыдущем, XII съезде шла речь и о предложении Ленина, и об отказе Троцкого. В своем заключительном слове на XII съезде РКП (б) Сталин говорил: "В сентябре прошлого года т. Ленин внес в Политбюро предложение о том, чтобы т. Троцкого назначили замом его, зампред-

¹ История КПСС. М., 1985, с. 381.

совнаркома. Предложение это было проголосовано. Тов. Троцкий категорически отказался без мотивов. В январе этого года я повторил предложение т. Ленина, добавив, что по выбору Троцкого, либо он берет место зама и берет под опеку... ВСНХ, либо он берет пост зама, беря под опеку Госплан, которым он очень увлекался"¹. Таким образом, указанное предложение Троцкому по инициативе Ленина делалось дважды. Между тем до сих пор нам навязывают лживую сталинскую версию о том, что прошлый небольшевизм Троцкого не только исключал возможность его признания, но и вызывал необходимость борьбы с ним. Но как тогда понимать его членство в ЦК и Политбюро, предложение Ленина о выдвижении Троцкого на должность зама в СНК? Как понимать и то, что после отказа Троцкого Ленин предложил переместить Сталина с поста генсека на другой?

Нельзя игнорировать факты и документы. Они свидетельствуют о том, что, предлагая меры, исключая возможность раскола партии и установления диктатуры личной власти, Ленин вовсе не отказывал Троцкому в доверии. В частности, в связи с "грузинским делом" Ленин 5 марта 1923 г. писал Троцкому: «Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным»². Такая же близость позиций существовала и по вопросу о монополии внешней торговли. "Я бы очень просил Вас, — писал Ленин Троцкому, — взять на себя на предстоящем пленуме нашу общую точку зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли"³.

В-третьих, на чем основано утверждение, что Сталин якобы давал заверения об исправлении своих недостатков? Трудно представить, каким образом это происходило, поскольку оглашение письма Ленина, как нас уверяют, проводилось по делегациям. Заверял ли Сталин каждую делегацию в отдельности или всех вместе на съезде? Почему на сей счет нет никаких документов? Если он давал какие-либо обещания, почему никто никогда ему об этом не напомнил во время многочисленных дискуссий? Судя по всему, таких заверений либо не было вообще, либо они носили частный характер. Сталин, как видно, не собирался ничего исправлять в своем характере. Известно, что на одном из заседаний ЦК и ЦКК он говорил: "Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю"⁴. Было немало людей в верхних звеньях партийного руководства, которые в разное время также указывали на несовместимость присущих Сталину личных качеств с тем высоким постом, который он занимал. Но эти предупреждения, как и ленинское, не были приняты во внимание.

Все происшедшее в стране после XIII съезда партии показывает пророческий характер ленинской оценки Сталина. Передавая бумаги

¹ XII съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1968, с. 198—199.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 329.

³ Там же, с. 324.

⁴ И. В. Сталин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 175.

В. И. Ленина в ЦК, Н. К. Крупская писала: "Среди неопубликованных записей имеются записи от 24—25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года, которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета. Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда"¹. Никто не имел права препятствовать обсуждению на съезде предсмертных мыслей и соображений основателя и вождя партии. Тем не менее рассмотрения ленинского письма допущено не было. Пленум ЦК, состоявшийся накануне XIII съезда партии 21 мая 1924 г., принял следующее постановление: "Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат..."²

Прошлое мы изучаем во имя будущего. Нельзя не извлекать уроки, которые из него вытекают. Оценивая по прошествии стольких лет и событий все это, нам следует поднять вопросы, которые, к сожалению, никем не были поставлены в свое время. Сейчас в свете необходимости создания действенной системы партийной демократии они приобрели новый смысл.

Почему Пленум ЦК решал, как поступать с письмом Ленина, хотя оно было адресовано съезду? Ведь Ленин мог обратиться в ЦК, как он делал много раз, когда считал нужным. Но в данном случае он поступил иначе. Ленин составил письмо строго секретно, очевидно понимая, что оно не обрадует руководителей ЦК. Именно поэтому он обращался непосредственно к съезду. При этом Ленин обращался не к делегациям, а к съезду как верховному органу партии, единственно правомочному рассматривать вопросы, поставленные в его письме.

Откуда возник пункт, будто документы не подлежат оглашению? Ни в тексте, ни в сопровождающих документах на этот счет никаких указаний нет.

Мы имеем все основания считать, что воля Ленина сознательно и целенаправленно ограничивалась и искажалась. И это стало возможно благодаря несовершенству партийной демократии, непомерному усилению власти ЦК над партией и аппаратом, в особенности после запрета фракций на X съезде.

Увидев опасность раскола партии и усиления бюрократизма, исходящую от неограниченной власти ЦК и его вождей, Ленин предложил меры, которые, по его мнению, исключали подобную возможность. Указывая на особый характер взаимоотношений Троцкого и Сталина, их потенциальную конфликтность, Ленин, стараясь предотвратить раскол в партии, предложил переместить последнего на другое место. Но тем самым Ленин вступал в конфликт со многими в своем окружении. Ситуация серьезно обострилась. Не будучи в состоянии самостоятельно писать и действовать, Ленин вынужден был прибегнуть к помощи своих секретарей и диктовать свои соображения и предложения, строго предупредив их о необходимости сохранения тайны. Но руководители ЦК приказали секретарям вести дневник и записывать все действия и распоряжения

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 594.

² Там же.

Ленина. Теперь для нас этот дневник — бесценный источник знания того, что происходило вокруг Ленина. Но велся он для того, чтобы блокировать идеи и предложения Ленина.

Ленин отчетливо сознавал тяжелое положение, в котором он оказался в результате болезни и сознательно организованной изоляции. Составив очередной документ, он начинал обдумывать способ его доведения до партии и народа.

Так, в ряде последних статей Ленин подверг серьезной критике возглавляемую Сталиным Рабоче-Крестьянскую инспекцию (РКИ). Вместо борьбы с бюрократизмом РКИ стала способствовать его насаждению, потому что Сталин использовал этот орган для расстановки на ключевых постах своих сторонников. В статьях Ленина были предложены меры по обеспечению полной гласности работы партийных и государственных органов, по широкому привлечению рабочих и крестьян к их работе, к контролю над руководящими органами и лицами. Но Сталин и руководство ЦК в целом нервозно воспринимали всякое упоминание о контроле над их деятельностью. Поэтому когда Ленин потребовал публикации статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин", то первоначально в Политбюро было предложено опубликовать его в *Правде* тиражом в один экземпляр для "успокоения" Ленина, а от остальных скрыть. Но было принято другое решение: статью опубликовать, но место, где говорится о необходимости контроля над деятельностью членов ЦК, и в особенности генсека, — изъять. По жестокой иронии судьбы, основанные Лениным партия и государство применили цензуру против своего же создателя.

Но и этим дело не ограничилось. Вскоре после публикации статьи в *Правде*, во все губкомы партии были направлены письма, в которых сообщалось, что статья написана Лениным в состоянии болезни и умственной бездеятельности. Недвусмысленно давалось понять, что к последним письмам и статьям Ленина следует относиться как к неполноценным произведениям, обусловленным его болезненным состоянием. Так называемая забота о здоровье вождя обернулась клеветой на человека, который с прозорливостью ясновидца в неравной борьбе со смертью предпринимал отчаянные усилия, чтобы предупредить партию о грозящей ей опасности.

Подписали это клеветническое письмо Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский и Троцкий.

Впоследствии, после смерти Ленина, даже ссылка на его "Завещание" квалифицировалась не иначе, как клевета.

Троцкий, например, в 1925 г. выступил со следующим заявлением: «Никакого "завещания" Владимир Ильич не оставял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого "завещания". Под видом "завещания" в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о скрытом или нарушенном "завещании" представляют собою злостный вымысел и целиком

направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии»¹.

Печальная для современников и поучительная для потомков правда состоит в том, что по конъюнктурно-тактическим причинам тогдашние руководители ЦК скрыли от партии и народа основные идеи и предложения "Завещания" Ленина. Этот сговор был возведен в ранг партийной тайны.

В тот момент это всех их устраивало. Несколько лет спустя, когда Троцкий, ведя уже открытую борьбу со Сталиным, стал ссылаться на "Завещание" Ленина, его обвинили во лжи, ткнув под нос его же статью в *Большевике* от 1925 г.² Оказавшись за границей, Троцкий до самого трагического конца настаивал на своем, однако уже было поздно. И Бухарин в период обострения внутрипартийной борьбы в 1929 г. попытался опереться на последние работы Ленина, раскрыть их идейное богатство и практический смысл³. И опять было поздно. Скованный обязательством сохранения партийной тайны, Бухарин был вынужден ограничиваться полуправдой. Письмо к съезду и статья по национальному вопросу даже не упомянуты в докладе, словно их и не было.

Горький опыт истории подводит нас к необходимости широкой демократии и гласности. В давнем и недавнем прошлом за ширмой партийной тайны творились беззакония и произвол. Во мраке, недоступном взгляду народа, расцветают коррупция и обман. Устав партии един для всех. Наличие партийной тайны создает два устава: писанный для тех, кто не посвящен в нее, и неписанный для тех, кто в нее посвящен и из этой двойственности извлекает собственную выгоду.

Отметим для полноты картины, что вопрос о "Завещании" Ленина вновь был поднят в 1927 г. на XV съезде партии, который постановил опубликовать его. Однако к тому времени Сталин уже превратился практически в диктатора и был волен выполнять или не выполнять принятые решения. А так как он не был заинтересован в том, чтобы письмо Ленина и другие документы стали известными широкой общественности, то опубликованы они были лишь в 1956 г. после XX съезда.

Высказывалось мнение, что в период работы XIII съезда в партии еще было достаточно демократии, чтобы делегаты потребовали обсуждения письма. Конечно, если бы они знали, к чему приведет сокрытие письма, они бы наверняка проявили больше ответственности и настойчивости в этом вопросе. Но знать, что будет завтра, никому не дано. Потому-то и нужны гласность и демократизм, исключаящие тайные сговоры "небольших частей ЦК" (пользуясь выражением Ленина) за спиной партии и народа. К сожалению, и в то время — в последние месяцы жизни Ленина — в партии не было демократии, исключавшей подобную воз-

¹ *Большевик*, 1925, № 16, с. 68. В октябре 1927 г. на заседании Пленума ЦК и ЦКК Сталин признал, что он и другие члены ЦК оказали давление на Троцкого с тем, чтобы тот в 1925 г. опроверг появившееся в то время в американской печати сообщение, что ЦК скрывает завещание Ленина (И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 174).

² Троцкистская оппозиция прежде и теперь. Речь И. В. Сталина на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 23 октября 1927 г. — И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 174.

³ Н. И. Бухарин. Политическое завещание Ленина. — *Коммунист*, 1988, № 2.

возможность использования власти в корыстных целях. О том, какую власть уже тогда имел Сталин, говорит следующий факт. Когда возникло "грузинское дело", Сталин отказался представить Ленину материалы по нему. Л. А. Фотиева вспоминает: "29 января (1923. — Авт.) И. В. Сталин по телефону сообщил, что материалы без Политбюро дать не может. Спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел. Например, статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила, что не говорю и не имею оснований думать, что он в курсе дел"¹.

Кто же мешал Ленину продолжать начатое партией и народом дело революции? Ответ на этот вопрос рано или поздно придется дать. Лично я считаю, вина за это лежит на тогдашних членах ЦК, и прежде всего его Политбюро. К такому выводу приводит то обстоятельство, что Ленин, подготовив свое письмо в глубокой тайне, адресовал его партийному съезду через голову ЦК и Политбюро. Такой вывод подтверждают и действия членов ЦК и Политбюро, которые, не допустив обсуждения письма на съезде, затем и вовсе скрыли его. Тем самым избранные XI и XII съездами партии члены ЦК — независимо от того, кто и как ушел из жизни, — взяли на себя тяжелую ответственность за то, что произошло впоследствии. Лишь преждевременная смерть сохранила за немногими из них доброе имя. Но они и сами стали жертвами отхода от заветов Ильича, дорого расплатились за то, что не дорожили демократией как гарантией прав и свобод каждого. Завороженные великой целью, эти борцы за нашу революцию не были достаточно разборчивы в средствах ее достижения, не заменили обоюдоострое оружие революционного насилия на государственно-правовые гарантии соблюдения законности, прав и свобод личности. И со временем это оружие повернулось против них самих. Таков, на наш взгляд, основной урок, вытекающий из опыта прошлого, объективной логики вещей.

В романе А. Рыбакова "Дети Арбата" Софья Александровна обращается за помощью к брату, члену ЦК, по поводу сына Саши, которого забрало ГПУ. Понимая, что хлопоты эти бесполезны, он отказывается вмешаться. И Софья Александровна говорит: "Ты не защитил невинного. Тебя тоже некому будет защитить". Отказ в защите одного невинного ведет к беззащитности всех.

Демонизм или историзм?

Обстановка диктатуры личной власти породила противоречащую марксизму идеологию, объясняющую исторический процесс как продиктованный волей сильной личности. Борьба против культа личности, начатая на XX съезде партии, как мы знаем, не привела к преодолению этого уродливого явления.

В известном Постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. "О культе личности и его последствиях" было дано весьма поверхностное объяснение этого вопроса, не говоря уже о том, что не были приняты меры,

¹ Л. А. Фотиева. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967, с. 301.

исключающие возможность его возрождения. Культ личности нередко объясняют качествами того или иного руководителя. Распространенными стали и попытки представлять историческое развитие как результат деятельности "демонических личностей" вроде Сталина, Вышинского, Ягоды, Ежова, Берии и т.д. Но ведь эти демоны действовали не как отдельные преступники, — они были составной частью чего-то общего, какой-то системы, на которую опирались и от которой даже в определенной мере сами зависели.

В этой системе и надо искать ключ к объяснению того, как и почему этим "демонам" удавалось творить зло. Несомненно, что и личные свойства каждого из них играли свою роль.

Культ личности, как показал исторический опыт, порожден не входящими обстоятельствами, а более глубокими причинами. Объективной основой его возникновения, как мы попытались показать выше, стала подмена задачи утверждения народовластия другой целью — установлением диктатурой личной власти. И главная опора этой диктатуры — бюрократия. Она выставляет на вершину власти идола, ставит его вне критики и контроля, разукрашивает любыми цветами, объявляет безгрешным и делает предметом поклонения¹.

Часто спрашивают, как нам удалось превратиться из отсталой страны в индустриальную, победить в Великой Отечественной войне, первыми выйти в космос, если руководство страны находилось в столь губительном несоответствии с потребностями ее развития? И еще спрашивают, не прошла ли даром жизнь предыдущих поколений? Ничего подобного! Такой логики нет. Революция 1917 г. была беспощадной критикой прошлого, но и не отрицанием его достижений.

¹ Надо отметить, что споры о правильном соответствии между элементами централизма и демократизма во внутривнутрипартийной жизни, как известно, велись в партии с самого начала ее зарождения. В частности, Г. В. Плеханов предупреждал, что наделение руководящего ядра партии чрезмерными полномочиями при отсутствии должного контроля со стороны рядовых партийцев может привести к следующему: "ЦК всюду "раскассировывает" все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполняя этими креатурами все комитеты, все комитеты обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: "Ура!", одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха" (Г. В. Плеханов. Соч., т. 13, с. 90). Далее Плеханов, иронически используя обряд крыловской басни, в которой лягушки просят себе царя, продолжает: "Если бы наша партия, в самом деле, наградила себя такой организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов; в ней остались бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да *Центральный Журавль*, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой" (там же, с. 92). При этом Плеханов предупреждал, что он не против централизма вообще: "Я централист, но не бонапартист. Я стою за создание сильной централистской организации, но я не хочу, чтобы центр нашей партии съел всю партию, подобно тому как тощие фараоновы коровы съели жирных" (там же, с. 92). Ленин, споривший с Плехановым, защищал необходимость централизованного элемента в партии, но в то же время весьма тщательно следил за соблюдением внутривнутрипартийной демократии, своей практической деятельностью способствуя сохранению этих двух элементов. В конце жизни, видя нарастание бюрократически-централизованного начала в руководстве партии, он в своем "Завещании" специально подчеркивал настоятельную потребность и необходимость соблюдения такого равновесия, усиления контроля над ЦК со стороны партийных масс.

Народ при всех условиях и режимах остается самим собой, он тем бессмертен, что во все времена творит свое будущее.

Как было отмечено в докладе М. С. Горбачева, посвященном 70-летию Октября, революция дала мощный импульс и направление развитию страны и мы прошли беспрецедентный исторический путь. Приступив к новой жизни в тяжелых условиях войны и разрухи, народ строил ее с энтузиазмом и надеждой. Он проложил путь в будущее и превратил страну в могучую индустриальную державу с развитым экономическим и научно-техническим потенциалом. Несомненно, что выработанный партией и ее руководством курс на индустриализацию страны и кооперирование сельского хозяйства сам по себе соответствовал и потребностям общества и был верным. Никакой другой политики в тех условиях быть не могло.

Однако ни индустриализация страны, ни победа в войне, ни что-либо другое, возможное и при капитализме, не характеризует сущность социализма. Критерием потенциала того поворота, который был сделан нашим народом в октябре 1917 г., являются возможности, предоставляемые новым строем для развития человека, ибо в конечном счете, как говорили наши учителя, человек есть "мера всех вещей". Поэтому и наша критика прошлого не есть, как иногда полагают, перечеркивание реально достигнутого. Нет! Она есть критика отхода от основной исторической миссии социализма: "Все во имя человека, все для блага человека".

КОГО МЫ ПРЯЧЕМ? ЗАЧЕМ?

В декабре 1987 г. я дал интервью АПН и там, в частности, сказал:

“Одно дело — требовать правды от других, другое — самому жить по правде. Жить по правде труднее, чем произносить высокие слова, резать, как говорится, правду-матку. Жизнь по правде требует ежедневного мужества, постоянной работы совести. Реальная жизнь неизбежно приводит к некоторым компромиссам. Потому что одержимость правдой — это вещь непереносимая. Я знаю таких людей, и работать рядом с ними, жить с ними — такими осатанелыми фанатиками правды — очень тяжело. Обыкновенная человеческая жизнь, которая доставляет счастье и удовольствие окружающим, которая улучшает нравственный климат, не может быть жестокой в требовании абсолютной правды. В этой нормальной жизни неизбежно происходят какие-то компромиссы, что-то мы должны прощать близким, в чем-то надо идти на уступки. Добро и проявляет себя в уступках и в прощении”.

Это место вызвало энергичное возражение читателей, посыпались письма-протесты, письма-тревоги. “Правда есть правда, — писали мне. — Чем она беспощаднее, тем лучше, хватит компромиссов с правдой, не хлѣбались мы полуправды, мы разочарованы в вашей позиции, что это за нравственность — соглашательство, кому вы просите снисхождения, тем, кто снова хочет лгать и обманывать?..” И так далее и тому подобное. Я-то имел в виду примеры людей знакомых, конкретных, передо мной был жизненный пример прекрасного художника Павла Николаевича Филонова, человека одержимого, иступленно преданного своему искусству, и в то же время абсолютного ригориста. Он измучил и себя и своих ближних нетерпимостью к малейшим отступлениям от принципов. Жил впроголодь, не желая продавать свои картины советским организациям за деньги. Этот аскетизм так истощил его, что он погиб в самом начале ленинградской блокады, в первых числах декабря 1941 г. Была передо мной и изуродованная жизнь моего друга Б., которого то и дело лишали работы из-за неудержимого желания высказывать правду всем. Более же всего допекли меня к тому времени молодые правдолюбцы своими вопросами и “храбрыми” письмами: “Где вы, писатели, были раньше? Это вы теперь заговорили наперебой, когда стало можно, чего же в прежние годы вы помалкивали и поддакивали? Почему ни один из писателей не выступил против войны в Афганистане?”

Я встречался с этими экстремистами правды. Они не слушали ника-

ких доводов: можно было, нельзя было — ныне их это не интересует — надо было! Надо было выступать и при Хрущеве и при Брежневем, не считаясь ни с чем. И при Сталине! — требуют самые молодые. Короткая их память или полное неведение меня изумляют — неужели они не знают про всевластие цензуры, страхи редакторов, панические требования и на радио, и на телевидении. Вспомнить страшно про авторские мытарства, когда мне, вроде имеющему уже некоторый иммунитет, приходилось биться за каждое слово, за строчку. По "Блокадной книге" цензура нам предъявила 65 (!) замечаний. Это было в 1978 г. После всех предварительных вычерков редактора. Это в "Новом мире". Ни один из ленинградских журналов не смог бы вообще напечатать эту вещь. Завернул бы нас с порога...

Для меня вся многолетняя изнуряющая практика нашей писательской работы — повседневно. Постоянные битвы с цензурой привели к тому, что она свила себе гнездо внутри меня... Откуда же у читателей короткая эта память? Если не раздражаться, а попытаться понять злые их вопросы, то оказывается, что они имеют свои причины. Так, выйдя на свежий воздух, мы через несколько минут забываем о духоте, о том, как мы задыхались. Застой еще не запечатлен, долгие годы брежневщины еще никем не рассказаны. Жизнь наша в сталинские времена еще мало зафиксирована. Немудрено, что молодежь в фильме "Покаяние" многого не понимает. Парализующая обстановка страха, системы самооправдания — эти подробности быта тех лет проскакивают незамеченно. Историческое сознание у молодых не подготовлено. Те, кто не прожил, не испытал, ничего о прошлом не знают, и им неоткуда это узнать. В учебниках истории нет истории страха и лжи, ибо история нашей советской жизни не написана. В литературе тоже только сейчас начинают публиковаться вещи, написанные когда-то. Откуда им, вопрошающим, знать подробности нашего безгласия, механизм "единодушия", "сплоченности", "единомыслия", откуда им знать, что значили для нас даже те крохи свободы, которые иногда удавалось высказать.

Мы куда лучше понимаем и ценим волюнтерство в стихах Пушкина, чем в поэзии наших современников; вероятно, потому, что лучше представляем себе сложности подцензурной жизни поэтов николаевской эпохи.

Но возмущение Читателя свидетельствовало и о том, что возможность пользоваться правдой — это такое великое благо, которое нельзя уступать ни за что, и малейшее покушение, малейшее сомнение он встречает в стыки. И вникать не желает. И может быть, в этой бдительной нетерпимости есть та гарантия, которую мы ищем.

Куда, однако, больший протест вызвало следующее место моего интервью: "Искусство прощения — это труднейшее искусство, труднейшее нравственное испытание человека. Вот я сталкиваюсь сейчас с вопросом: люди требуют наказания тех, кто вершил репрессии в годы культа личности. Но ведь при этом нужна какая-то мера. Одно дело предъявлять вину, другое — требовать обязательного наказания этих людей. Проблема прощения и наказания, проблема суда и оправдания — для нашей истории достаточно сложная проблема. Я не берусь ее решать. Решать ее надо сообща. Такой разговор надо вести не абстрактно, а на примерах конкретных человеческих судеб. Нельзя же снова переходить к массовым репрессиям. Именно — массовым, мы ведь все хотя и в

разной степени, но соучастники. Были доносчики, были неправедные судьи, были садисты-следователи, были те, кто помалкивал, соглашался, голосовал за смертную казнь, исключал, славил порядки произвола и беззакония. В этом смысле виноватых очень много. Осознать эту свою вину необходимо великому множеству людей, иначе не очиститься”.

Вот что написал мне в ответ Ю. Козлов из Ярославля: «Объективно у Вас получается попытка спасти от справедливого наказания тех, кто совершал самые ужасные преступления за всю историю Советского государства, тех, чьи руки обгарены кровью невинных людей. Кого Вы, Даниил Александрович, призываете прощать? Какими моральными соображениями руководствуетесь?.. Осуждаемые Вами люди, одержимые правдой, считают, что преступления таких масштабов забвению не подлежат, для них нет срока давности. Это оскорбление светлой памяти погибших — призывать к прощению преступников. Мне не доводилось слышать, чтобы кто-то из них раскаялся. Зато я слышал рассуждения о том, что наказание виновных вызовет какие-то негативные явления и нанесет ущерб нашему обществу. Такие аргументы — от тех, кому интересно, чтобы все закончилось общими рассуждениями. В 1966 г., например, генерал Епишев заявил: “...на кой черт она (т.е. правда) нам нужна, если она невыгодна”» (*Наука и жизнь*, 1987, № 12, с. 15).

“Если мы не воздадим должное преступникам, то отголоски 30-х годов обязательно скажутся... Простая логика заставляет многих делать вывод, что если не наказываются даже чудовищные преступления, то бессмысленно бороться с более мелкими”.

Я получал одно за другим десятки писем подобного рода, гневных, отвергающих мое желание разобраться в нашей общей вине, отвергающих саму идею покаяния: “Почему мы будем каяться, когда преступники не наказаны!”

Кого же судить, наказывать? — никто не отвечал на этот вопрос, стоявший передо мною. Кого? Сколько их было в те годы, применявших незаконные средства допроса, нарушителей прав, начиная от Вышинского и вплоть до лагерных охранников-истязателей! И чтобы засудить сотни тысяч невинных, посадить, содержать в лагерях, чтобы сослать целые народы, чтобы раскулачивать, переселять в таких масштабах, как это было сделано, нужны были тоже массы людей. Массовое беззаконие требовало массовых нарушителей. Если ныне их всех выявлять, привлекать к ответственности, что же получится? Новые лагеря? И на ком кончается вина? Вот журналистка *Московских новостей* Евгения Альбац извлекла на свет божий и представила нам следователя Хвата, который вел дело Н. И. Вавилова, мучил его на допросах. Виновен ли этот Хват? Несомненно, виновен. А те, кто доносил на Вавилова, те разве не виновны? Те, кто давал на него ложные показания, те ведь тоже виновны. Следователя Хвата не судили, но очерк Е. Альбац обнародовал вину этого человека, тем самым свершив суд истории. Это уже немало. Хотя бы так, хотя бы укоренилось сознание, что все тайное зло, прикрытое службой, приказом, будет обнародовано и пофамильно оглашено. Позорные дела хватов, поведение их предстанут перед общественностью, перед их детьми и внуками. Такое сознание неотвратимого возмездия истории необходимо. Оно, это правовое сознание, поддерживает, воспитывает заботу о чести фамилии своей, своего рода.

Когда началось "ленинградское дело", помню, как у нас на собраниях в Ленэнерго выступали доброхоты и с пылом доказывали связь некоторых сотрудников с врагами народа — Кузнецовым, Попковым, Капустиным. Одни выступали искренне, другие — из карьеристских соображений, третьи — от страха. Чувствуют ли они сегодня свою вину? А мы, которые слушали этот абсурд, явную напраслину и не возражали? Ведь те и другие были люди, которые в блокаду работали вместе, терпели неслыханные лишения и не нашли мужества выступить на защиту своих друзей. Разве они не виноваты? Увы, виноватых много, малая вина — тоже вина, ее тоже осознать надо.

Добровольное покаяние стало вещью редчайшей. Ю. Козлов, видимо, прав, утверждая, что никто из виноватых в преступлениях сталинского периода не раскаялся. Ни после XX съезда, ни ныне. Личное участие не становилось личной ответственностью: "Мое дело маленькое, я исполнял то, что приказывали, я считал это полезным нашему делу". Знакомые системы оправданий.

Заменить работу совести работой уголовных судов невозможно. Покаяние, раскаяние, понимание своих ошибок, своей вины — эти состояния, мне казалось, необходимо пройти, без них трудно представить себе процесс нравственного обновления. Когда на одном из публичных вечеров я попытался поставить эту проблему, переполненный зал зашумел. Настроение резко сменилось. Недавние симпатии разом погасли, начались неодобрительные выкрики: "Мы-то при чем?", "Преступники гуляют на свободе, а вы обращаетесь к нашей совести!".

На следующем таком вечере меня уже спрашивали в упор, записки следовали одна за другой:

"Почему мы не делаем открытых процессов над теми, кто линчевал лучших наших ученых, режиссеров, писателей? Даже поименно назвать их не хотим?"

"Кто организатор "ленинградского дела"? Маленков жив, почему его не привлекают к ответственности?"

"Почему в печати не называют, не рассказывают про организаторов травли А. Твардовского?"

"Какая может быть история литературы, если скрывают имена писателей, которые требовали исключить из Союза писателей Пастернака, которые травили Зощенко, Ахматову, доносили на Мандельштама?"

Имена, давайте имена, давайте виноватых если не на скамью подсудимых, то на газетную страницу, если не в газету, то оглашайте хотя бы! Возмездие выросло в главную тему вечера. Я вдруг ощутил, какая огромная жажда возмездия, а вернее, не возмездия, а жажда справедливости накопилась за жизнь нескольких поколений, как она не утолена, как она жжет людей, передается неудовлетворенная отцов к детям. Неудовлетворенность эта охладилась веру народную в идеалы социализма. Я вдруг почувствовал и в самом себе тоску по возмездию, по праведному суду, которую отодвигал, прятал за рассуждениями о гуманности и нравственности. В самом деле, ведь не было у нас ни одного открытого "всесоюзного" процесса над виновниками беззаконий. Не было и при Хрущеве, не было и позже. И при Андропове, когда стали выявляться факты антигосударственной коррупции, тоже открытых процессов провести не успели. События в Узбекистане, в других республиках ограничивались местными судами, и суды

эти не стали школой гласности и торжеством ленинской законности.

Защита перестройки — не значит подавление демократии. Думается, что демократия не побеждает беззащитностью. Демократию надо отстаивать, враги ее сильны своей кровной заинтересованностью в нажитых во времена культа положениях, наградах, должностях. Посмотрите диссертации этих докторов наук, защитников культа, перелистайте их работы. Они мастера подавлять гласность, запрещать демократические начала. Они умеют командовать, навязывать свое мнение, вести идеологическую борьбу посредством угроз, выговоров, исключений. Они привыкли не к аргументам, а к цитатам. Они могут побеждать с помощью постановлений или милиции.

Сталинские подручные благополучно уходили в отставку, доживали в покое, а то и в почете, получая привилегии, неплохие пенсии, никто не помышлял привлекать их к ответственности за бесчисленные беззакония. На глазах у всего народа жили и доживали Маленков и Каганович, Молотов и Булганин, Шкирятов и Поскребышев, Лысенко и Презент и прочие деятели той поры. Помню, как А. Т. Твардовский, когда мы приехали к нему в санаторий, показал мне Поскребышева, разгуливавшего вместе с другими отдыхающими. Было это в 1969 г.

— Я с ним говорил, — сказал Твардовский. — Считает себя солдатом партии, с полным сознанием исполненного долга.

Гласность приоткрыла фигуры чудовищные, нравственные уроды вырастали в тени героев, замаскированные парадным блеском сводок, рапортов, наград. Как формировались их души, их двойничество? На первый взгляд они кажутся монстрами. Существование их настолько невероятно, необъяснимо, что даже публицистика смущенно отступает перед ними. Статьи, которые появляются о Бери, рисуют лишь самый общий портрет, силуэт, очертания фактов, не более. Но вот спустя почти четверть века появляется другой министр-преступник — Щелоков. Покончив с собой, он ушел от суда, так же как ушел Рашидов. Но остались вопросы, которые мучают людей, — каким образом это произошло? В силу каких причин происходило перерождение руководителей такого ранга? На подобной высоте перерождение становится особо безнравственным, непростительным. Руководитель, который каждодневно поучает, убеждает, призывает к самоотверженности других, т.е. тысячи, а то и миллионы людей, как он при этом совместительствует с преступниками, с мафией?

Один из читателей писал мне: "Вы выступали насчет отрицательных героев, какие они у нас слабые, худосочные. В самом деле, почему бы не изобразить такого матерого проработчика, губителя людей и демагога, как Ермилов. Скольким писателям он испортил жизнь и творчество!"

Но что Ермилов перед фигурами, представшими перед нами в последние годы. Психологические загадки возникают не только для художника, но и для народа, психологические загадки шекспировской глубины, которые далеко не всегда кончаются многообразием самоубийства. Ходят среди нас и живые, тоже немалые преступники. Поэтому и следуют один за другим вопросы-записки: почему не судят их открытыми судами, так, чтобы вся страна знала? Почему правосудие совершается в тиши и скрытности, не тревожа ничьей совести, не внушая страха. Боязливое правосудие это может лишь укреплять чувство безнаказанности. Правовое сознание народа, давно разрушенное, не восстанавливается.

Гласность странным образом стала уживаться с безнаказанностью. Очерк, где фигурировал следователь Хват, почти исключение. Большинство таких публикаций безадресно, там действуют анонимы. "Почему Юрий Карякин в своей замечательной статье в журнале "Знамя" не раскрывает, кто такой Инкогнито? Зачем прятать этого подльца от общественного презрения?"

Ничего не могу ответить. Сам Карякин справедливо замечает, что деятеля типа Инкогнито возмущает не преступление, а его раскрытие. Тем не менее преступление Карякин раскрывает, а инкогнито сохраняет. Из-за деликатности или в целях обобщения? Но не теряем ли мы на этом больше, чем получаем? Ныне читателя все больше возмущает *нераскрытие*. Я и сам грешен тем же. Обозначив в "Зубре" вполне конкретную личность доносчика инициалом "Д.", я пошел на это не только из-за своего обещания, но и пожалев его сыновей. Он же, заполучив анонимность, принялся писать новые доносы на моего героя, вернулся к привычному своему занятию. Кого я прятал, зачем?..

Многочисленные показательные процессы сталинских лет воспитали в нас недоверие к этим судилищам. Фальсификации "заговоров" раскрылись одна за другой. Реабилитируются люди, имена которых превратились в пугала. Для моего поколения Зиновьев и Каменев, Рыков и Бухарин, Троцкий и Томский были вместилищем всех мыслимых пороков. Это укоренилось в сознании, вошло в нашу плоть и кровь с того времени, когда материалы почти каждого из этих судебных процессов публиковались почти во всех газетах. Стенографически подробно, изо дня в день — допросы, признания, речи защитников, прокуроров, последние слова подсудимых. Публикации сыграли решающую роль в создании общественного мнения. До сих пор мы не можем до конца постигнуть тайный механизм спектакля этих процессов. Сфабрикованные процессы над невинными людьми были гласными, проводились показательно, как бы всенародно. Ныне же процессы над настоящими преступниками — теми, кто попирает доверие народа, издевался над всеми принципами морали, — эти процессы проходят безгласно, а то и вовсе не проходят. Объяснение этому дать трудно. Необходимость таких процессов — не только в наказании, она и в разоблачении, в том, чтобы ощутить страх несмываемого позора, позора всенародного, чтобы каждый мог понять, кто есть истинный враг своего народа, и, разумеется, в назидании всем большим и малым сановникам. В обеспечении, чтобы гарантия была какая-то, что разоблачат и не утаят, не покроют, а выставят перед всеми в неприглядной наготе. Как когда-то выставляли в России к позорному черному столбу. Ломали шапку над головой. Существовали подобные "устыдительные наказания".

Отсутствие процессов подобного рода, возмездия и мешает, не дает возможности поставить проблему покаяния. Прежде должна восторжествовать элементарная справедливость, а потом уже можно обращаться к совести людей.

Что же сегодня мешает избавиться от сталинизма? Почему находят защитники той жестокой эпохи и защитники брежневщины — времени и застоя, и растления, и попрания всех принципов? Кому, кроме явных преступников, выгодны были те времена? Что это за люди, которые, несмотря на множество публикаций материалов и документов, не стесняются оправдывать самые отвратительные злодеяния?

Привыкшие к слепой вере. И те, кому она выгодна. Кого не устраивает честное соревнование умов и способностей.

Вот бывший начальник то ли конторы, то ли цеха, совсем небольшой начальничек. Но его боялись, перед ним заискивали, его славил, он был всевластен на своем месте. А теперь попробуй накричи, выругай. Приказываешь, а тебе начинают доказывать, что не так, не то.

Вот преподаватель общественных наук. Тема его кандидатской была: "Процессы классовой борьбы в деревне и раскулачивания в 30-е годы на материалах Ленинградской области". Защитил в 50-м году и с тех пор дует в ту же дуду. Культ он будет отстаивать как оправдание своей научной работы, преподавания, всей жизни.

А вот инженер-химик, которая, кроме того, писала анонимные доносы, была недавно поймана, кое-как удержалась на работе, еще недавно она терроризировала всех, теперь никто с ней не считается.

А этот бойкий молодой критик делает себе карьеру при махрово-черносотенном журнальчике; подтасовывает факты, чтобы обелить проботчиков Твардовского.

А вот деятьель, который боится, как бы не выяснилось, что он во времена Брежнева затеял строительство комбината, отравившего озеро. И тут же группа влиятельных ученых, что поддерживала проекты гидросооружений, выгодных министру и губительных для нашего Севера.

Эти понастроили себе особняки и не хотят расставаться с ними, те брали квартиры своим детям за счет семей, стоящих на очереди уже по двадцать (!) лет.

Они-то все и не стесняются защищать прошлые порядки. А кого стесняться, кого стыдиться?

Это когда-то в России, в русской жизни существовало мнение общества. Действовало оно во всех слоях. В деревенской жизни издревле определяло и хозяйственные решения, и уклад жизни, оценки, требования к поведению односельчан. В купеческой среде устанавливалась своя этика, у дворян своя — в дворянском собрании, в салонах, в так называемом высшем свете. В русской науке энергично складывался и проявлял себя механизм общественного мнения. Вырабатывались свои требования порядочности, нормы поведения, приличия; механизм этот по-своему карал нарушителей.

Мог покарать жестоко, как в "Анне Карениной", как у Островского в пьесах. Справедливо, несправедливо — другой вопрос, общество имело свои неписанные кодексы чести, и каждый член общества обязан был их соблюдать.

Отказывали от дома. Переставали принимать. Не подавали руки.

Словесные общественные мнения вырабатывали нравственные критерии. При всех своих предрассудках они все же старались повысить моральные требования.

Замечательный физик нашего времени Петр Леонидович Капица великодушно понимал значение общественного мнения в научной среде. Он говорил, что для этого важно создать здоровую передовую научную общественность. Именно общественность как некую среду, сферу, котел, в котором выплавляется общественное мнение. Его знаменитые семинары—"капичники" практически способствовали формированию научной общественности у физиков. "Это труднее, чем постройка больших институтов, — замечал он. — Создание здоровой общественности вклю-

чает в себя воспитание широких слоев людей, связанных с научной работой”.

Общественное мнение не требует сговора, оно требует среды, возможности собираться, обмениваться мнениями, обсуждать, как это происходило и на сельских сходах, и в клубах. Свободно собираться с людьми близкими по духу, по взглядам, понятиям...

Крупным нашим ученым удалось создать свои замечательные школы — Лазареву, Иоффе, тому же Капице, Ландау, Н. Вавилову и некоторым другим. Но вот научной общественности сложить не удавалось. Ее разрушали в годы сталинских репрессий обстановкой страха, идеологического террора и лысенковщины, которая исказила обстановку во многих науках. Отсутствие общественного мнения позволило расцвести карьеризму, стали появляться случаи подделки данных, присвоения чужих работ, приписывали себя соавторами. Началась погоня за званиями, наградами. В приемах не стеснялись. Истинных талантов оттесняли. Академию заставляли избрать в свой состав деятелей вроде Пospelова, Вышинского, Г. Ф. Александрова, Ильичева и тому подобных “ученых”.

Не хватало общественного мнения, которое могло бы протестовать, встать на защиту, ослабить непорядочность, отлучить ученого, нарушившего нормы научной этики. Свое личное осуждение пытались высказывать отдельные ученые, хранители традиций, они делали это даже публично, хотя это было ох как нелегко, да и чревато. Большинство же не решалось. Требовались акты единоличного мужества для того, чтобы дать понять человеку, что он совершил подлость. Система же общественного мнения делает это коллективно, вынуждает это делать, в том ее сила.

Разговор о порядочности — разговор сегодня насущный, хотя вести его не просто, понятия о порядочности разошлись. Человек пишет диссертацию директору института, никто его за это не осуждает, все знают — он старается, чтобы получить квартиру, иначе ему не выбраться из коммуналки. Знакомый мой рыбак браконьерствует на Свири, он возмущен тем, что приходится прятаться от рыбнадзора, хотя у плотины станции гибнут косяки рыб, рыбоходы не действуют, никому дела нет до гибели тысяч рыб, “а инспектора гоняются за нами”. Обсуждают одного “несуна”, что попался в проходной, выносил детали карбюратора для своей машины. В магазинах нет, а с рук дорого. Товарищи его осуждают не за то, что он нарушил, а за то, что по-глупому влип.

Абсурд бесхозяйственности, расточительности, головоуятия пугает все критерии честности. В Ленинграде ставят на капитальный ремонт целые кварталы. Так технологически выгоднее. И вышибают подряд перегородки, стены... Раньше это делали вручную, можно было сохранять каминные решетки, двери, сейчас все крошится. Смотреть жалко, как гибнет лепнина, украшения, ценности. Появились люди, которые обирают дома, поставленные на капремонт. Увозят изразец от печей, медные ручки, те же решетки, всякую ценную всячину. Кто они? Воры? Расхитители казенного добра? Но ведь слава богу, что находятся такие расхитители. Хочется их приветствовать и не хочется думать, что при этом человек вынужден п р е с т у п а т ь. Он берет чужое, он нарушает. А мы его искренне амнистируем, защищаем.

В феврале 1988 г. произошел пожар в Библиотеке Академии наук СССР. Несчастье, можно сказать без преувеличения, постигло не только

отечественную, но и мировую культуру. Как же повела себя при этом дирекция Библиотеки? Вместо того, чтобы мобилизовать все силы и средства, попытаться спасти после пожара то, что еще можно спасти — обгорелые книги, книги, поврежденные водой и пеной, — вместо этих мер прежде всего занялись дезинформацией. Лишь бы преуменьшить размеры бедствия. Старались доказать, что ничего страшного не произошло, пострадала “часть газет советского периода, часть современных советских книг...”. То есть как бы легко возместимые потери. “Мы готовы начать работу библиотеки на следующий день”. Одно за другим следовали успокоительные заявления, лишь бы не потревожить начальство. Сделаем беспечное лицо, отметим героизм сотрудников и пожарников, важно не бедствия, а как замечательно с ним боролись.

Замять эту катастрофу ныне оказалось трудно. Стало известным, что сгорело 400 тыс. книг, из них половина знаменитого всему миру фонда Бэра XVIII—XX вв. Как пишет Д. С. Лихачев, не стало больше зарубежных книг из библиотеки Аптекарского приказа, четверти уникального газетного фонда, многих экземпляров газет более нет нигде, три миллиона двести тысяч книг пострадало от воды и влаги. Тем не менее дирекция продолжала упорно обманывать общественность. Этот обман обнаруживала пресса, журналисты, я уже не говорю о сотрудниках библиотеки. Перед ними начальство и вовсе не стыдилось. На собрании директор мог преспокойно заявить, что беда невелика, поскольку это те книги, которые никто не спрашивал. И директор и его заместитель были публично, через газеты, в частности через *Ленинградскую правду*, уличены во лжи. Называлось это дезинформацией, но было самым обыкновенным враньем. Что должен делать порядочный человек, если ему всенародно говорят: вы лжец! Доказывают это, уличают. Должен был бы, как раньше говорили, сгореть со стыда. Уйти в отставку. Перестать показываться в обществе. Как бы не так. Они продолжают преспокойно действовать и начальствовать.

На заднем дворе библиотеки я ходил по кучам мокрой гари, перемешанной с обугленными папками, ключьями обгорелых страниц. Молодые сотрудники библиотеки, студенты уже которую неделю перетаскивали в соседний дом горелые останки газетных подшивков, развешивали их на веревках сушить. Кипы, аккуратно сложенные, — это газеты, которые ждут своей очереди на просушку. Работают добровольцы, пытаются спасти газетный фонд, от которого отделалась библиотека, списала его. Ребята остановили экскаватор, когда дирекция пыталась скорее убрать “некрасивые следы” пожара. Между прочим, из этих завалов, спасенных от ковша экскаватора, они вытащили 250 уцелевших книг фонда Бэра. Вот так порядочность сталкивается с беспорядочностью. Немудрено, что они рассказывают о действиях своих начальников с брезгливой grimасой:

— Заместитель директора библиотеки Леонов вскоре после пожара уехал на десять дней в Женеву.

— Зачем?

Они пожимают плечами: выставляет свою кандидатуру на пост директора библиотеки ООН.

Как же так, в разгар такой беды, такой страшной катастрофы все бросить, все оставить, ради чего?

На меня смотрят недоуменно, выразительно, с горькой ухмылкой,

кто как, но для всех для них мотивы такого поведения очевидны: а что ему пожар, если есть возможность поехать в Женеву, да гори вся библиотека... Они так воспринимают его поведение, но он и не думал объясняться перед ними, оправдываться.

А мне вдруг вспоминается Кайсын Кулиев, печаль о котором до сих пор сжимает сердце. Вспоминаю, как в конце войны, лежа в госпитале, раненый Кайсын узнал, что его балкарский народ насильно переселили из Чегемского ущелья в Киргизию. Кое-как подлечив рану, в 1944 г. он вышел, опираясь на палку, и тут ему Николай Тихонов сообщил, что после немалых хлопот удалось добиться в порядке исключения разрешения Кайсыну жить, где он захочет. Кроме Москвы и Ленинграда. Это — учитываемые боевые заслуги капитана Кулиева и то, что он был уже известным поэтом. Кайсын это исключение, эту привилегию не принял. Он не захотел оставить свой народ в тяжелую пору и уехал за ним в Киргизию.

...В 1975 г. мы прилетели с ним во Фрунзе. Кайсын показывал мне, где он жил, как ходил отмечаться, как над ним, бесправным, тогда измышались. Он обрек себя на это добровольно. И никогда я не слышал, чтобы он хвалился этим. Порядочность проявлялась у него не только поступком, но и отношением...

Если взять последние десятилетия, то вот что примечательно — они дали нам прежде всего "героев" застоя. Гласность выявила целую галерею хапуг, очковтирателей, виртуозных хищников самого разного калибра, героев цинизма и двуличия, подпольного бизнеса, экологического разбоя... Имена их стали популярными: академик Жаворонков — "герой" Байкала, Воробаев — "герой" поворота рек, участники ростовского дела, такие "руководители", как Бодюль, Кунаев, Медунов, "герой" узбекских подземелий Адылов.

Время от времени появлялись истории упорных борцов за правду. Среди них почти не встречалось руководителей высокого ранга. Где они, герои без кавычек? С кого брать пример, кому поверить?

"Руководящая элита не жертвует личным ради общего дела, — пишет мне из Перми А. Пугачев. — Они поступают как раз наоборот. Где же пример, где же брать образ, кто делом убедил нас за эти годы — вот так надо жить для людей. Выходит, никто?"

Дефицит народной любви — вещь серьезная. Я оглядывался, вспоминая партийных деятелей, советских руководителей высокого ранга. Такого, чтобы заслужил любовь всенародную, чтобы ходили о нем рассказы, легенды... Кого полюбить, кому отдать свою веру? Неужели никому?

Если не из начальства, то почему-то все больше вспоминались честные, смелые, идейные герои, но потерпевшие поражение, изничтоженные машиной Административной Системы.

С какой-то непонятной, почти болезненной настойчивостью мы возвращаемся к прошлому, к годам культа, к годам застоя. Что мы там ищем? Наверно, прежде всего гарантий. Как не допустить повторения прошлого. Чем обезопасить себя, будущее своих детей. Ищем психологические гарантии, материальные, политические.

В одной из дискуссий я услышал такое высказывание: вместо того, чтобы реально изменять жизнь, вместо этого ищут врагов, которых надо победить.

Восстановление порядочности — это восстановление требовательнос-

ти к закону, к праву. Осуждение должно происходить. И судебное, и общественное. Мы не можем жить рядом с подлецами, доносчиками, милиться с ними, подавать им руку. Порядочность — это нетерпимость, презрение к бесчестию, подлости и безнравственности. Осуждение должно происходить не только общественное, но и судебное. Но прежде всего хотя бы назвать всех поименно. Это хорошее лекарство для нравственного возрождения общества. Ныне видно, как неразборчивая наша терпимость воодушевляет противника и обескураживает союзников. В Чимкенте привлечены были к уголовной ответственности бывшие руководители области во главе с первым секретарем обкома. Они вовлекли в преступную деятельность больше четырех тысяч человек, расхитили 25 миллионов рублей. И вот спустя несколько месяцев на партийном активе (в апреле 1988 г.) выяснилось, что количество должностных и других преступлений в Чимкенте не уменьшилось, а увеличилось.

Разоблачать, наверное, означает развенчивать носителей уродств социального зла. Дискредитация требует аргументов, требует публично показать убожество, ничтожество внутреннего облика этих перерожденцев.

Порожденные застойным периодом, который сам логически порожден сталинизмом, они сегодня смыкаются с защитниками Сталина. Используя Сталина, обрушиваются на перестройку, списывают на нее коррупцию, аварии, благо все подобные вещи теперь публикуются. Они не только тормозят — они пытаются дать задний ход перестройке, им ведь ничего не грозит. Сталина и сталинизм недостаточно осудить, их, по-видимому, следует судить по всем законам права и этики. Мне могут сказать, что дело писателя не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виновных, раз уж они осуждены и несут наказание. Но ведь не несут, и это ощущается ныне, как, может, самая мучительная социальная несправедливость.

СКОЛЬКО МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА БЫЛО В СССР?

Выступая 2 ноября 1987 г. в Кремлевском Дворце съездов с докладом "Октябрь и перестройка: революция продолжается", М. С. Горбачев сказал, что "цель перестройки — теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма", и выразил надежду на "революционное очищение и возрождение"¹. В чем причина сегодняшнего внимания к историческому прошлому, к ленинскому периоду социалистического строительства? Почему через 70 лет строительства нового общества понадобилась не только перестройка всего общества, а и своего рода частичный возврат назад, возвращение к истокам социализма? Попытаемся ответить на эти вопросы, соотнеся накопленный опыт СССР с развитием социалистического идеала — от Маркса до современного его видения. Но прежде — о положении дел в обществоведении, не сумевшем во многом выполнить свое предназначение.

Пробуждение от догматического сна

Сегодняшние проблемы социализма нельзя втискивать в железобетонное русло старых схем, идеологических догм. По существу, мы находимся в преддверии рождения новой социалистической модели, в создании которой должны принять участие все общественные науки. Пора преодолеть растаскивание теории социализма по отдельным ведомствам — необходимо объединение усилий экономистов, философов, социологов, политологов в создании целостной концепции социализма. Не обойтись и без историков, которые должны внести свой вклад в ответ на вопрос, сформулированный когда-то французским художником Полем Гогеном: "Откуда мы пришли? Кто мы? Куда идем?"

Ответ на этот вопрос не легкий, так как длительное время "теоретические представления о социализме во многом оставались на уровне 30–40-х годов", а "развивающийся социализм, диалектика его движущих сил и противоречий, реальное состояние общества не стали объектом глубоких научных исследований"².

¹ М. С. Горбачев. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 31–32.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27–28 января 1987 г. М., 1987, с. 8.

Обвинение справедливое. Некритическое, почти коленопреклоненное отношение к социализму давно превратило распространенный в общественном сознании социалистический идеал в идеологический предрассудок, имеющий мало общего с повседневным драматизмом жизни. Хотя русский поэт Е. Баратынский и назвал предрассудки обломком древней правды, они порождаются и не столь далекой историей — ожесточенностью классовой борьбы, крайностями революционной ломки прежней общественной системы, упоением властью представителей класса-победителя, догматическим отношением к утвердившимся формам социальной жизни, идеологической обработкой общественного сознания. У социализма, таким образом, есть не только своя история, но и свои собственные иллюзии, которые преодолевать не менее трудно, чем враждебные взгляды. Но преодолевать нужно. И чем быстрее, тем лучше. Делать это можно лишь избавляясь от апологетического характера марксистской идеологии, самодовольства ее нынешних носителей, сокращая разрыв между словом и делом, возвращая элементарную честность в оценке достигнутого.

Нельзя превращать в иконы теоретико-идеологические постулаты, а отношение к ним — в средство проверки политической лояльности. Освободить науку от конъюнктурной политической опеки, а политическую практику от дорогостоящего метода проб и ошибок — одна из плодотворных задач перестройки. Страх перед свободой мысли, перед "пожаром идей" (К. Маркс) — не есть ли наиболее яркое выражение духовной слабости тех, кто претендует на идеологическую монополию? Социализм не сможет познать самого себя, если над обществоведением и дальше будет довлеть "боязнь прикоснуться к проблемам, которые еще не входят составной частью в политические решения", а в отношении последних оно будет "оставаться на уровне комментаторства"¹.

К сожалению, наше обществоведение длительное время во многом находилось в состоянии стагнации, если не кризиса, в результате чего увеличивался его отрыв от практики. У значительной части обществоведов существовало, говоря словами И. Канта, состояние догматического сна, а вместо мужества ума — конъюнктурная сообразительность. Проявилось это в таких чертах, которые вряд ли совместимы с научностью, с претензиями на познание объективных законов развития общества.

Разумеется, в этом не только вина, но и беда общественных наук, ситуация которых отражала застойные явления в стране и была выражением социального заказа работодателя — бюрократических слоев, пытавшихся не только узурпировать власть, но и установить чиновничий контроль над мыслью. Достаточно перечислить лишь часть тех проблем, которые не только не решены наукой, но подчас даже не были поставлены.

Например, бесплодной оказалась функция прогнозирования — сегодняшняя ситуация для многих ученых явилась в своем неожиданном драматизме и противоречивости. Общественные науки не сумели создать теорию реформ социалистических обществ, их регулярной перестройки, обосновать экономические, социальные, правовые и политические механизмы, с помощью которых новый общественный строй может и должен постоянно качественно обновляться.

¹ *Коммунист*, 1987, № 8, с. 10.

Обществоведы не смогли осознать и выразить растущее многообразие социальных и духовных интересов трудящихся, их борьбу и взаимозависимость, поднять голос в защиту социальной справедливости, грубо попираемой десятилетиями. Мимо их внимания прошли такие новые (неклассовые) формы эксплуатации человека, как эксплуатация таланта посредственностью, трудолюбия — ленью, честных трудящихся — скорумпированными элементами, управляемых — управляющими и т.д. Не изучались серьезно распределительные отношения и отношения в сфере потребления.

В политической сфере не была поставлена задача решительной борьбы с бюрократизмом, с формальным характером демократии, с растущим отчуждением. Практически не были глубоко проанализированы трагические уроки культа Сталина, его последствия, не вскрыты объективные корни и причины воспроизводства авторитарного режима. Самоуправление было отброшено как ревизионистский идеал либо относилось к далекому будущему. Кабинетные ученые как бы не замечали систематических злоупотреблений властью на разных уровнях, углубления разрыва между личностью и государственным аппаратом, доходящего до антагонизма.

В области духовной жизни фанфары о созданном новом человеке заглушали отдельные востливые голоса о растущем нравственном одиночии, упадке трудовой и общественной морали, разрушении традиционных связей.

Подобный мартиролог общественных бед во всех сферах жизни, не нашедших своего отражения в науке, можно было бы продолжать. Одна из причин этого — во многом упрощенное, а точнее, вульгарно-экономическое понимание нового строя, сведение его строительства к огосударствлению средств производства. В свою очередь это вело к технократическому отношению к культуре, к утрате экономическими и социальными отношениями социалистического качества. Возникло пренебрежение сущностью социализма как этапа очеловечивания действительности, преувеличение самодовлеющего значения сложившихся и окостеневших общественных структур. В числе средств, ведущих к разрушению чиновничье-бюрократических оков, мешающих творчеству масс, — преодоление идеологического конформизма, создающего иллюзию идейного монолита. Возрождение идеальных устремлений общества, расширение духовных горизонтов личности, укрепление у трудящихся, а может быть, возвращение многим из них доверия к социалистическому идеалу — важная задача сегодняшней перестройки. Но идеалом не может быть "застывший образ" социализма, пригодный для всех времен и народов. Социалистический идеал, как и любое явление, подвержен развитию, у него тоже есть история. Попытаемся взглянуть на эту историю.

Марксова модель социализма

Капитализм, по Марксу, имеет две порочные особенности. Первая — необходимость производства продуктов в форме товаров, создающая торгашеский, prostituteванный характер общественных отношений, фетишизацию вещей. Вторая — определяющий мотив и цель производства — прибавочная стоимость, являющаяся источником эксплуатации

человека человеком. Государство в условиях буржуазного строя служит господствующему классу и в свою очередь выступает орудием угнетения.

Суть Марксовой концепции социализма в том, что это должно быть посткапиталистическое общество, сменяющее капитализм с его законом стоимости и государственной организацией общества. По логике Маркса и Энгельса, капитализм постепенно исчерпывает возможности своего развития, создавая предпосылки для прекращения действия закона стоимости, товарно-денежных отношений. На место прибавочной стоимости как определяющей цели производства встанет цель всестороннего развития человека — тем самым "отпадет вся эта история с ее судорогами и страданиями"¹.

Социализм, по Марксу и Энгельсу, сознательно регулируемое, т.е. планируемое, бестоварное и самоуправленческое общество, базирующееся на общественной собственности на средства производства. Диктатура пролетариата будет необходима только для переходного периода, а насилие — лишь по отношению к свергаемой и сопротивляющейся буржуазии. Трудящиеся массы организуются в самоуправляющиеся ассоциации по типу Парижской коммуны, а правительство для руководства общими интересами станет дешевым и будет под контролем масс. Армия и полиция отменяются.

В итоге этих революционных преобразований на смену опосредованным (товарным и политическим) отношениям утвердятся непосредственно-общественные ("прозрачные", "разумно-ясные") отношения.

Думаю, что в свете опыта социализма интересно вновь посмотреть на полемику Ф. Энгельса с Е. Дюрингом по поводу сути социализма, изложенную в "Анти-Дюринге".

Доказывая, что закон стоимости, товарно-денежные отношения несовместимы с планированием, сознательным регулированием и приводят к анархии, к господству продукта над производителями, Энгельс подчеркивал, что современное государство есть "идеальный совокупный капиталист". Он считал поэтому, что утверждение государственной собственности в ходе революции не разрешает основного противоречия буржуазного общества, но содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения. Производительные силы становятся как бы "укрощенными", а государство само себя делает излишним, т.е. отмирает. Установление государственной собственности на средства производства приводит к следующему:

- 1) ликвидируется социальное разделение труда;
- 2) устраняются тормозы в развитии производительных сил, в том числе кризисы;
- 3) устраняется безумная роскошь и мотовство господствующих классов и их политических представителей.

Дюринг же полагал, что разделение труда по родам деятельности останется при социализме, будут существовать "экономические разновидности" людей, "различающиеся по своему образу жизни". Сохранится конкуренция между коммунарами и даже эксплуатация наемного труда, ибо хозяйственная коммуна явится субъектом права наряду с обще-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, с. 123.

ством в целом (федерацией коммун). Энгельс уточняет рассуждения Дюринга: "Во всяком случае, хозяйственная коммуна распоряжается своими средствами труда в целях производства ...Место капиталиста заняла теперь коммуна. ...Отныне каждому предоставляется свободный выбор профессии и ... устанавливается равная для всех обязанность труда"¹. По Дюрингу, будет и соревнование в коммунах. Энгельс иронизирует над стремлением Дюринга сохранить в будущем социалитете профессиональных тачечников и архитекторов с их прикованностью к производству одного вида продуктов.

Дюринг также говорил о сохранении денег в коммунах, золота как всеобщего эквивалента, оплаты труда за особо сложный труд, права наследования. Но он считал, что избытки частных средств не найдут капиталистического применения из-за специальных ограничений. Энгельс же, отказываясь от конструирования будущего, все же предполагал, что в принципе деньги в обмене между коммунами и их членами будут не деньгами, а всего лишь рабочими квитанциями и могут быть заменены любыми знаками — расчетной книжкой, жетоном, клочком бумаги и т.д. Основа рабочих квитанций, нужных для получения продуктов, — час труда. По Энгельсу, сами работники не будут вправе претендовать на добавочную оплату за сложный труд, так как расходы по обучению их этим видам труда будет нести общество.

Поскольку, по Энгельсу, в результате ликвидации частной собственности утверждаются непосредственно-общественные отношения (в том числе в сфере труда), возникнет и планирование, определяемое не законом стоимости, а "взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда"².

Почему нельзя сохранять деньги при социализме? В случае сохранения денег, считал Энгельс, они "взорвут" коммуны, "разложат" ее. Нелепо, говорил он, пытаться сохранить закон стоимости в коммуне, не распространяя его на рабочую силу, ибо по логике своей "товарная форма приобретает всеобъемлющий характер"³.

Дюринг также полагал, что при социализме будут существовать армия, полиция, жандармы и суды. Энгельс, протестуя против этого, сравнил Дюринга с образцовым пруссаком, который, по словам министра внутренних дел Пруссии фон Рохова, "носит своего жандарма в груди"⁴.

Оставляя в стороне другие детали размышлений Энгельса, направленных против Дюринга, зададимся вопросом — кто же исторически оказался прав? Энгельс с его бестоварным и безгосударственным социализмом или эклектик Дюринг с его представлением о будущем социалитете, в котором сохраняются и деньги и государство?

Если прав Энгельс — значит социализм не стал действительностью, он по-прежнему остается лишь мечтой, в лучшем случае прогнозом. Но если этот прогноз верен и в то же время реальный социализм построен почти по Дюрингу, можно предположить, что между коммунистической

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 301.

² Там же, с. 321.

³ Там же, с. 322.

⁴ Там же, с. 327.

формацией Маркса и Энгельса и капитализмом возникло еще одно общество.

Его можно назвать государственным социализмом. (Оставим в стороне мало соответствующую реальной жизни, но широко распространенную оценку товарно-денежных отношений и государства при социализме лишь как формальных, "условных". По-видимому, сторонники такой точки зрения исходят из "условности" продуктов во многих наших магазинах.)

Энгельс и Маркс, выдвигая социалистический идеал, исходили из общей логики развития капитализма. Они полагали, что закон стоимости и политические формы организации общественной жизни исторически изживут себя и тем самым будут созданы полнейшие материальные предпосылки для перехода к новому способу производства.

Такая логика классиков научного коммунизма оправдана. Устранение верхних этажей власти (общегосударственных структур) при сохранении товарных отношений привело бы к рыночной стихии, конфликтам между ассоциациями, регионами и т.д., ибо не было бы способа регулирования и защиты общенациональных интересов. Причина этого заключается в том, что товарно-денежные отношения по своей природе стремятся к полному господству, к расширению пространственного плацдарма. Отсюда необходимо препятствие в лице государства, персонифицирующего коллективную волю. Тем самым товарные отношения должны обрести социалистическое качество, перестать быть средством эксплуатации одних групп населения другими.

Но устранение товарно-денежных отношений создает условия для бюрократизма, произвола власти, так как трудящиеся утрачивают способ экономического контроля над эффективностью деятельности госаппарата. Госаппарат имеет тенденцию к "самообладанию", извращению своей сути, к отрыву от масс, к перераспределению общественного богатства в свою пользу. Государственная бюрократия становится своеобразной раковой опухолью на общественном организме в случае отсутствия легальных товарных отношений. Кроме того, отсутствие механизма компенсации просчетов государственного планирования в виде развитой системы социалистических товарно-денежных отношений неизбежно подрывает официально организованную экономику. Появляется нелегальная или параллельная экономика, приобретающая довольно большие масштабы и сводящая на нет попытку планирования. Поэтому отрицание Марксом и Энгельсом необходимости государства при социализме одновременно приводило их и к отрицанию нужды в законе стоимости, и наоборот.

Чрезвычайно важно, что они рассматривали государство диктатуры пролетариата лишь как условие начала обобществления.

Парижская коммуна, по мнению Маркса и Энгельса, уже была не особым разветвленным аппаратом, стоящим над народом, а самоуправлением трудящихся. Дешевое, находящееся под постоянным контролем со стороны трудящихся правительство для выполнения центральных функций и повсеместное самоуправляющееся общество — такова самая общая картина государства рабочих, которое по мере ликвидации системы классового угнетения лишится политической направленности своих функций, и на место управления людьми встанет управление вещами. О вынужденном политическом характере управления на время переход-

ного периода говорил Маркс в полемике с М. Бакуниным, который предсказывал, что в случае сохранения государства после революции оно станет новой системой "деспотизма управляющего меньшинства".

Народ, говорил Бакунин, вновь станет "управляемым стадом". А бывшие работники, сделавшись правителями или представителями народа, "будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом"¹. Маркс внимательно читал работы Бакунина, в которых звучали эти предостережения, бесспорные для вождя пролетариата. Но, отдавая должное опасности "правительственной узурпации классового господства"², Маркс подчеркивал служебную, временную роль рабочего государства. Он писал, что "в период борьбы за разрушение старого общества пролетариат действует еще на основе старого общества и поэтому придает еще своему движению политические формы... которые после освобождения отпадут"³.

Нельзя забывать и о том, что Маркс и Энгельс постоянно отказывались от конструирования будущего и провозглашения раз и навсегда готовых решений для всех грядущих времен.

Ленинский вклад в концепцию социализма

Как известно, история с ее альтернативностью, вариантностью не железнодорожная система, а теоретики и вожди — не диспетчеры. В. И. Ленин, продолжатель дела Маркса и Энгельса, писал: "Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни"⁴. А в 1918 г., выступая на VII съезде партии, он сказал, что мы не знаем, как будет выглядеть законченный социализм, потому что нет еще для его характеристики материалов⁵.

И Ленину действительно удалось внести свой вклад в концепцию социализма.

Вплоть до начала социалистического строительства в России Ленин разделял взгляды Маркса и Энгельса на социализм как на нетоварный и самоуправляющийся.

Самоуправление рассматривалось им как фундаментальное свойство социализма. Достаточно прочитать работу Ленина "Государство и революция", чтобы убедиться в этом. Из нее видно, что в дореволюционный период В. И. Ленин понимал государство как организацию, необходимую для подавления эксплуататоров и для полного уничтожения классов, выполнение функций которой ложится на весь трудовой народ. Иначе говоря, по Ленину, это должно было быть не государство чиновников, а "государство вооруженных рабочих". "Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные

¹ М. А. Бакунин. Избранные сочинения. Пг., 1919, т. 1, с. 294—295.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 548.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 618.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

⁵ См. там же, т. 36, с. 65—66.

рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного "синдиката"¹, — писал В. И. Ленин.

Представительные учреждения безусловно будут необходимы, но сведены к минимуму и принципиально изменят свой характер, который позволит "постепенно сводить на нет всякое чиновничество"²: во-первых, функции государственной власти должны быть лишены даже тени "чего-либо привилегированного", "начальственного"; во-вторых, будет "полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц... (*в с е* будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял)"³; в-третьих, жалование этих лиц будет сведено к обычной заработной плате рабочего⁴.

Изменение характера власти приведет к ликвидации парламентаризма как системы разделения труда и привилегированного положения депутатов⁵, и В. И. Ленин подчеркивает, что "количество переходит в качество": "Если действительно все участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться"⁶.

Самоуправление должно было сочетаться с бестоварным и безденежным механизмом. В соответствии с классической моделью социализма, разработанной Марксом и Энгельсом, в России до 1921 г. фактически шло осуществление плана создания бестоварного хозяйства.

"В области распределения, — было записано во II Программе РКП (б), — задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительных коммун..."⁷ Поскольку немедленное уничтожение денег было экономически невозможно, Ленин намечал следующие шаги в этом направлении: "РКП будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготавливающих уничтожение денег, в первую голову замену их сберегательными книжками, чеками, краткосрочными билетами на право получения общественных продуктов..."⁸ В Программе РКП (б) ставилась задача превращения банковского аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской республики. "По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества"⁹. Этот процесс был подстегнут разрухой гражданской войны. Торговля стала рассматриваться как вредное, паразитическое занятие, была декретом от 21.XI.1918 г. национализирована и заменена принудительным государственно-организованным распределением. В январе 1920 г. был ликвидирован Народный банк, а в системе Наркомфина образовано бюджетно-расчетное управление.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 101.

² Там же, с. 48.

³ Там же, с. 44, 116.

⁴ Там же, с. 44, 49, 50.

⁵ Там же, с. 48.

⁶ Там же, с. 100.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 55.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 100.

⁹ КПСС в резолюциях..., с. 56.

11.X.1920 г. было издано постановление Совнаркома об отмене платы за предоставляемые государством продукты и жилье¹. Возникла карточная система снабжения предприятий и населения из "общего котла". Политика "военного коммунизма" (организация всемогущего ВСНХ, снабжение сверху, продразверстка, потребительские коммуны, бесплатность распределения и т.д.) — результат не только условий гражданской войны и интервенции, разрухи, но и видения социализма, попыток реализации его классической модели.

Но это действительно были только попытки. Революция в одной, к тому же отсталой, стране заставила отойти от марксовского понимания социализма. Прежде всего понадобилось создать новый госаппарат, включая армию, карательные, другие правоохранительные органы. Опыт уже первых революционных лет привел Ленина к поискам экономических рычагов управления, материальных стимулов к труду, к использованию товарно-денежных отношений, рынка, хозрасчета, налогов и т.д. Неудачи "штурмового" способа перехода к социализму, кризис 1921 г. заставили принять нэп — в марте того же года X съезд РКП (б) принял декрет о продналоге.

Возник принципиально новый период в теории и практике социализма. Ленин искал экономические механизмы укрепления дисциплины, роста производительности труда, работал над созданием новой системы интересов к труду, которая бы свела на нет внеэкономическое принуждение. "Раньше было: рынок упраздняется, свободная торговля упраздняется, конкуренция упраздняется, калькуляция коммерческая упраздняется, — писала *Правда*. — Что вместо этого? Вместо этого централистический верховный "священный" ВСНХ, который все распределяет, все организует, обо всем заботится, куда машины, куда сырье, куда готовые продукты; он из единого центра через свои ответственные органы решает, все распределяет"². Ленин обдумывал принципы хозрасчета, самокупаемости и безубыточности работы трестов, предприятий. "Мы знали, видели, говорили, — писал он, — нужен "урок" у "немца", организованность, дисциплина, повышение производительности труда. Чего не знали? Общественно-экономическая почва этой работы? На почве рынка, торговли или *против* этой почвы?.. Товарообмен предполагал... некий непосредственный переход без торговли, шаг к социалистическому продуктообмену. Оказалось: жизнь *сорвала* товарообмен и поставила на его место *куплю-продажу*"³.

Особое значение приобрела и кооперация, давшая возможность, по словам Ленина, найти "ту степень соединения частного интереса... проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов"⁴.

Введя в модель социализма закон стоимости и государство, Ленин проделал эволюцию от оценки нэпа как "шага назад" к признанию, что это "всерьез и надолго"⁵.

¹ См.: История СССР, эпоха социализма. М., 1958, с. 168—169; Декреты Советской власти. М., 1975, т. 7, с. 113.

² *Правда*, 31 марта 1922.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 470—471.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 370.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 329, 340, 409.

С возведением товарно-денежных отношений в ранг существенного элемента концепции социализма Ленин меняет, естественно, и представления о государстве — от самоуправления к большей роли чисто государственных, аппаратных звеньев. Именно с этим связаны мучительные раздумья вождя о том, как в этих условиях обеспечить контроль трудящихся над аппаратом власти. Рассчитывая, что государство овладеет стихией рынка, Ленин сознавал и грозную опасность бюрократизма: вместо "государства вооруженных рабочих", самоуправленческой ассоциации возникло государство чиновников.

Но эти раздумья Ленина были во многом забыты, а мысль о том, что нэп — это "всерьез и надолго", проигнорирована. В конце 20-х годов начался процесс отказа от нэпа, стала утверждаться модель государственного социализма с его внеэкономическим принуждением, с административно-приказными методами, сложной бюрократической иерархией. Эта сталинская модель фактически продержалась до нынешней перестройки, задача которой — создать социализм, во многом основывающийся на ленинском наследии.

Сталинская модель социализма и причины ее утверждения

В последние годы жизни Ленина беспокоили две важнейшие задачи. Первая: как поставить рынок под контроль плана, каким образом государство должно овладеть рынком? Вторая: как подчинить массам государство, его аппарат, превратив его в орган самоуправления? Так получилось, что решение этих задач актуально и сегодня, ибо социализм оказался во многом деформированным, а его развитие пошло иным путем.

Сталин создал свою модель социализма, используя по форме ленинское наследие (товарность и государственность), но извратив его по сути. Поставленную Лениным проблему — найти способ согласования плана и рынка — он решил. Но решил, отбросив в конце 20-х годов нэп, а вместе с ним и элементы рождающегося рынка, перейдя к прямым, командным методам управления. Товарно-денежные отношения были низведены до учетно-регистрационных, а деньги, как и предсказывал Энгельс, к простым квитанциям. Но государство не только не стало медленно отмирать, а безмерно усилилось.

Характерными чертами сталинской модели социализма стали:

- тотальная централизация управления всеми сферами общественной жизни; административно-командные методы в сочетании с государственным террором, вплоть до организации массовых репрессий и создания лагерей с принудительным трудом в них;

- экстенсивный и затратный хозяйственный и политический механизм, при котором полностью исключается оценка достижений на основе социальной эффективности;

- отказ от ценностей предшествующих форм демократии, устранение масс от управления и формализация институтов демократии; отказ от идеи самоуправления. Сакрализация власти вплоть до культа личности;

- неподвластность общественной жизни даже формальным демократическим процедурам; сращивание партийного и государственного аппарата; контроль исполнительных органов над выборными; выход кара-

тельных органов из подчинения законам и обществу и как результат — произвол.

Все эти черты деформированного, “казарменного коммунизма” прямо противоположны самоуправленческому социализму, идеалам социального освобождения, за что боролись Маркс, Энгельс, Ленин.

Каковы же причины торжества такой деформированной модели социализма? Какие условия способствовали этому? Попробуем, хотя бы в первом приближении, ответить на эти непростые вопросы.

Думается, что истоки деформаций социализма следует искать в исторических особенностях развития России. Важнейшая из них — отсталость, частично объясняемая своеобразием путей, связанных с наследием азиатского способа производства.

Мне кажется, до сих пор недостаточно глубоко исследована мысль Энгельса о двойном пути образования классов¹ как предпосылке двух различных (хотя порой и взаимопересекающихся) форм цивилизации. Первый путь образования классов связан с зарождением товарной цивилизации. Товарность проникает в общину, разлагая рядовые отношения как исходную форму социальных связей: возникает рабство, затем феодализм и, наконец, капитализм с его царством закона стоимости. Эта дорога экономической эксплуатации, но одновременно и утверждение личной независимости, свободы на основе вещной зависимости.

Другая цивилизация формировалась иначе. Общины не разлагались, а по ряду причин сохранили жизненность. Необходимость регулирования одинаковых, но отнюдь не общих интересов привела к появлению лиц, превратившихся в эксплуататоров в обмен на выполнение функций управления. Принадлежность к сфере управления обеспечивала этому классу прибавочный продукт через налоговую систему.

Возникая как патриархальная власть, госаппарат становится коллективным деспотом, а народ попадает в поголовное рабство к тем, кто олицетворяет единое начало².

Формы правления азиатского типа отторгают товарно-денежные отношения. Они довольно устойчивы, хотя и проигрывают в эффективности западному пути развития цивилизации. Вместо вещных связей здесь царят внеэкономические, личностные зависимости. Объективной основой их является коллективная (государственная, общинная) собственность на основные средства производства, прежде всего на землю.

Какое это имеет отношение к социализму? Думаю, что прямое. История социализма в СССР показала, что схожие с азиатским способом производства структуры можно воспроизвести и при помощи “верхушечной”, правительственной деформации общественного строя. Тем более что в сталинской модели социализма была заложена утопическая надежда на то, что огосударствление средств производства как бы автоматически приведет к стремительному скачку из “царства необходимости в царство свободы”. Отказавшись от политики нэпа, Сталин форсировал полное огосударствление всех средств производства и осуществил насильственную псевдокооперацию крестьян. Однако в условиях предельной централизации средств производства возникла опасная монополизация аппаратом государства всех ресурсов жизни. Контроль над

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 183.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 481.

функциями власти стал определять контроль над собственностью, а производственные отношения оказались поглощенными политическими регуляторами. Такая чрезмерная политизация всех общественных отношений, с одной стороны, устранила подлинную политику, свела ее к волюнтаризму одних и аполитичности других, с другой — создала тупик в открытии и внедрении экономических методов управления обществом.

Государствление основных средств производства было воспринято как необходимый и достаточный критерий обобществления и даже как его финал. Власть над средствами производства предоставила госаппарату монополию на представительство общественных интересов. Одновременно причастность к управлению, к власти стала обеспечивать экономические привилегии. Социалистическое самоуправление народа, за которое выступали Маркс, Энгельс, Ленин, было свернуто, а затем и отвергнуто как ревизионистский путь. Не следует забывать и того, что идея социализма родилась в лоне европейской культуры. В принципе идеал социализма — это идеал посткапиталистического общества, который не может не вобрать в себя и все завоевания буржуазного строя, в том числе такие выстраданные черты человеческого общежития, как трудолюбие, самоценность человеческой личности, ее право на свободу и т.д. Но социалистическая революция победила в стране, которая не только не прошла школу буржуазной демократии, не имела, по словам Ленина, основных посылок цивилизации, а, наоборот, несла многовековой груз азиатских, деспотических традиций. По чьему-то меткому выражению, в России всегда было много воли, но никогда не было свободы. Об этом когда-то с горечью говорил А. С. Пушкин: "...Наше современное общество столь же презренно, сколь глупо... это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости, праву и истине... это циничное презрение к мысли и к достоинству человека"¹.

Можно сказать, что не только строй определяет социальный климат, социальную психологию, но последние могут предопределять выбор строя или по крайней мере его разновидность.

Утверждение нового строя явило собой такое своеобразие хода социалистической революции, как слияние воедино процесса социальных преобразований и индустриализации, т.е. рывка отсталого народа к мировому уровню экономики. Этот рывок был настолько необходим и одновременно мучителен, что потребовал огромной цены и предельной концентрации всех сил в едином штабе — государстве.

Почти поголовная безграмотность (около 75% населения), отсутствие демократической культуры и политического опыта в массах, страстная ненависть к прошлому и радикализм в переделке мира, революционное нетерпение, многовековая традиция подчинения деспотизму и его мифологизация, изрядная доля утопических взглядов на социализм и самые абстрактные представления о путях его строительства, "метод проб и ошибок" — все это способствовало укреплению государства, а его аппарат превратило в самодовлеющий. Этот аппарат, созданный для защиты народа от внутренних и внешних врагов, создавал и опасность "узурпации классового господства", о чем предупреждал еще Маркс.

В разоренной, крестьянской, полупатриархальной стране большеви-

¹ Переписка А. С. Пушкина. В 2-х томах. М., "Художественная литература", 1982, т. 2, с. 291—292.

ки жили в первые годы строительства нового строя под знаком непрерывной возможности реставрации капитализма, реальная угроза которой возникла в год кризиса, в 1921 г. Положение усугублялось и тем, что промышленный пролетариат в результате первой мировой и гражданской войн и хозяйственной разрухи был во многом деклассирован и составлял в 1921–1922 гг. менее 1% населения.

Еще одна причина деформаций нового строя — изменения классового состава правящей партии. Соблазн вступления в правительственную партию был огромным. И она, несмотря на чистки, не могла избежать грязной пены “присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов...”¹. Поскольку напор в партию элементов мелкобуржуазных и прямо враждебных всему пролетарскому возрос в гигантских размерах, Ленин откровенно признавал, “что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией”. И далее предупреждал о последствиях, возможных в такой ситуации: “Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него”². По-видимому, точнее называть Сталина и его окружение представителями не рабочего класса, деформировавшими его интересы, а представителями люмпен-пролетарского слоя. Стремительно возрастали и бюрократизм, комчванство, сановность советских чиновников. “Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте “ведомств”³, — писал Ленин. В письме Сокольникову он отмечает: “Вся работа всех хозорганов страдает у нас больше всего бюрократизмом. Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это”⁴. “*Ч а с т о*: не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему!”⁵

Все, что было достигнуто силой и умом масс, стало силой и умом государства. Возник культ социалистического государства, которое было построено иерархически: те, кто управлял, стали независимыми от тех, кем управляли. Подчиненность управляемых стала сочетаться с всевластием управляющих. Потребность в дисциплине выродилась в дисциплинирование потребностей, т.е. социальную муштру. Как и герой писателя А. Платонова, власть начала разрабатывать и внедрять “принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия”⁶.

Сыграли свою трагическую роль и личные качества тех, кто оказался на вершине этой пирамиды власти. Не случайно Ленин предупреждал о чисто личных свойствах Сталина, “который сосредоточил в своих руках необъятную власть”, и настаивал на его замене на посту Генерального секретаря партии.

В Сталине развращающая сила абсолютной власти нашла свое предельное воплощение. Личность стала мифом, а миф обрел силу реально-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 193.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 20.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 369.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 180.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 441.

⁶ А. Платонов. Избранное. М., “Московский рабочий”, 1966, с. 164.

сти. Культ государства стал культом личности, т.е. социальным суррогатом религии, преклонением перед теми, кто был персонификацией не только социалистического государства, но и всех его достижений, всего его прошлого, настоящего и будущего. Всевластие Сталина включало и монополизацию им наследия ленинизма, контроль над мыслью в стране.

Манипуляция людьми, миллионами сограждан вызывала и страх аппарата перед возможным бунтом масс. Этот страх был импульсом для системы репрессий, конец которой мог наступить только со смертью вождя.

Историки еще отделят то значительное и полезное для социализма и страны, что сделано при Сталине, от того, что сделано им во вред стране и социализму. И не правы те, кто полагает по разным причинам, что завоевания социализма хотя бы частично искупают вину Сталина и его окружения.

Во-первых, нужно помнить о цене достигнутого, о тех, кто лег в братские могилы или стал "лагерной пылью". Во-вторых, это достигнутое — результат воли, труда, крови и страданий миллионов трудящихся, прежде всего военного и, по терминологии тех лет, трудового фронта. Это результат великого энтузиазма и надежд, разбуженных идеей социализма, хотя и деформированной при своем воплощении. В-третьих, никто не сможет снять со Сталина вину в личной организации уничтожения значительной части крестьянства, интеллигенции и ленинской партийной гвардии, в массовых репрессиях на протяжении примерно двух десятилетий и ответственности за трагедию начала войны. Надо, конечно, учитывать систему объективных условий, в которых выросла сталинская узурпация власти, но нельзя в них растворять его субъективную вину. "Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна, — сказал М. С. Горбачев. — Это урок для всех поколений"¹.

Возрождение социализма

После Ленина в советской литературе надолго восторжествовало вульгарно-экономическое понимание социализма, "грубо-вещественный" взгляд на него. Огосударствление средств производства в качестве высшего критерия обобществления и создание колхозов дали основание заявить в 1936—1939 гг. о полной победе социализма. Уже в 1939 г. на XVIII съезде партии была поставлена задача постепенного перехода к коммунизму. XX съезд КПСС в 1956 г. был первой попыткой возрождения социализма. Но эта попытка восстановления идеалов, во имя которых свершилась Октябрьская революция, заглохла. В числе многих причин этой драмы начала 60-х годов была и непоследовательность тех, кто "сверху" начал процесс "очищения". Власть номенклатуры, груз догм, идеологических предрассудков сыграли свою роковую роль в сохранении стагнирующей, а затем и гниющей сталинской системы. Политика Н. С. Хрущева, наследовавшего ее и осознававшего необходимость перемен, была глубоко противоречива. Его разоблачение культа

¹ М. С. Горбачев. Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 21.

Сталина сочеталось с поклонами тени идола в "сияющих голенищах", а реформы сопровождалась заклинаниями в преданности системе, утверждениями, что культ вождя "не мог изменить и не изменил природы нашего строя". Несмотря на эти заверения, система отторгла Хрущева за его реформаторский "волютаризм". Не помог и выдвинутый в 1961 г. на XXII съезде КПСС лозунг об этапе непосредственного строительства коммунизма, в который якобы вступила страна. В реальность этапа не поверила даже идеологическая номенклатура.

Постепенно, хотя и неизбежно, шел процесс приближения к правде. В 1967 г. вслед за рядом братских стран, объявивших об этапе строительства развитого социализма, руководство КПСС заявило о том, что в СССР построено развитое социалистическое общество. Затем речь стала идти о его совершенствовании на собственной основе, т.е. на законах и принципах социализма. Но явное несоответствие между провозглашаемым этапом и трудностями реальной жизни большинства населения заставило Ю. Андропова признать, что СССР находится лишь в начале длительного этапа развитого социализма.

В настоящее время термин "развитой социализм" вообще исчез из официального политического лексикона и заменен термином "развивающийся социализм". Думается, что в этом осторожном термине, с одной стороны, есть признание победы основ социалистического строя, а с другой — отказ от насильственной схемы, от навязывания жизни искусственно сконструированных этапов и исторических вех. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС были подвергнуты критике легковесные представления о коммунизме, разного рода пророчества и абстрактные суждения.

Важно то, что сейчас в СССР идет процесс решительной десталинизации, возвращения к ленинским идеям, на базе которых рождается новая модель социализма, отвечающая реальным условиям и избавленная от утопизма и доктринерства. Разумеется, было бы ошибочным полагать, что эта модель будет разработана вначале на партийных пленумах, научных симпозиумах и в монографиях, а затем осуществлена на практике. Практика, жизнь не только критерий теории, но и ее источник; однако и без теории, без серьезного обобщения практики ни эксперименты, ни суровые будни перестройки никогда не приведут к системному обновлению советского общества.

Требование более пристального изучения самой жизни привело к тому, что в советской науке и публицистике пробивают себе дорогу мысли о том, что сложился государственный социализм, что надо вернуться к пониманию социализма как самоуправляемого общества.

Прежде всего утверждается понимание сути социализма как ассоциативного, коллективистского, при котором открываются многообразные формы взаимосвязи инициативы личностей, коллективов и общества.

Присходит отказ от стремления к игнорированию и унификации интересов, переход от административного и принудительного подчинения этих интересов к признанию их многообразия, к демократическим способам их выражения. Концепция многообразия социалистических форм общественной жизни, утвердившаяся на XXVII съезде КПСС, привела к признанию, наряду с государственной собственностью, необходимости дальнейшего развития различных форм кооперации и индивидуальной трудовой деятельности.

Возобновился процесс дальнейшего обобществления и в рамках государственной формы собственности благодаря осуществляемому перераспределению прав распоряжения ею от центрального госаппарата к предприятиям.

Полный хозрасчет — это, по существу, способ возрождения адекватных социализму отношений собственности, способ утверждения хозяйских отношений тружеников. Создается основа для массовой инициативы, самостоятельности, делового риска. Преодолевается уравниловка в оплате труда, поощряются талант, трудолюбие, профессиональная компетентность.

Началась радикальная реформа хозяйственного механизма на основе повышения роли товарно-денежных отношений. Большее значение придается социалистическому рынку, его функциям, присущим ему договорным отношениям между производителями и потребителями, вплоть до договорных отношений между предприятиями и управленческими звеньями. Цель — преодолеть диктат производителя над потребителем, использовать состязательность и даже социалистическую конкуренцию в качестве двигателя социально-экономического прогресса.

Речь идет о контроле общества над государственными институтами, создании системы конституционных и правовых гарантий перестройки, последовательной демократизации, широкой гласности в работе всех звеньев управления, многообразных способах защиты личности от бюрократических структур. Назрела необходимость осуществить преобразования и политической системы, которую, как считал Ленин, надо постоянно доделывать и переделывать. Перестройка немыслима без всестороннего обновления, без использования и развития социалистического плюрализма. Социализм — это общество нарастающего многообразия в суждениях, взаимоотношениях, деятельности людей.

Необходима такая перестройка советской общественной системы, которая бы создавала возможность ее непрерывной адаптации в соответствии с меняющимися условиями. В самом механизме строя должны быть заложены способности к саморегуляции, к гибкой и быстрой реакции на потребность обновления. В противном случае страна будет постепенно наткаться на "застой", на тупиковые ситуации, а народ жить надеждами на очередного "вождя-реформатора".

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ К ГРАЖДАНСКОМУ МИРУ

В истории нашей страны 1921—1922 годы сыграли исключительную роль. Именно в эти два года, как писал В. И. Ленин в статье "О кооперации": "Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм"¹.

Обычно в нашей исторической и экономической литературе эта "коренная перемена" связывается лишь с переходом от внутренней политики "военного коммунизма" к нэпу. В принципе это верно, но в то же время это только часть гораздо более широкой ленинской программы "коренной перемены", которую по глубине можно разве что сравнить с Октябрьской революцией 1917 года.

Сведение этой "перемены" к одному вопросу — замене продразверстки продналогом в марте 1921 года на X съезде РКП (б) — восходит к сталинской интерпретации нэпа в "Кратком курсе" как временного отступления от "столбовой дороги" — "военного коммунизма" с его репрессивными, командно-административными методами в отношении крестьянства, "спецов" (интеллигенции), всех "бывших".

Причем это обоснование И. В. Сталин взял вовсе не у Ленина, а у Л. Д. Троцкого, что неоднократно отмечалось серьезными исследователями этого периода нашей истории.

Однако и позднее, уже после XX съезда, в 1956 году, историки изучали эту "коренную перемену" — нэп — главным образом сквозь призму замены продразверстки продналогом, игнорируя все остальные слагаемые "перемены" — внутренние ("гражданский мир", 10-кратное сокращение армии, финансовую реформу и др.) и внешние (экономическое сотрудничество с капиталистическими странами, "единый фронт" Коминтерна, переговоры о совместных действиях с социал-демократами и т.д.).

В немалой степени такому обедненному представлению о нэпе содействовал и суженный анализ ленинского наследия "учиться нэпу" не только внутри, но и на международной арене. Обычно за отправную точку брались последние письма и статьи В. И. Ленина (23 декабря 1922 года — 2 марта 1923 года), помещенные в 45-м томе его Полного собрания сочинений.

Между тем, по нашему глубокому убеждению, отсчет теоретического

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 376.

и практического обоснования этой “коренной перемены” во внешнеполитической сфере следовало бы начать с сентября 1920 года, с IX партконференции РКП (б), где впервые произошло столкновение двух точек зрения: продолжать ли прямую помощь при участии Красной Армии революционному движению в Европе (Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Бухарин и др.) или искать другие решения (В. И. Ленин, К. Б. Радек и др.).

Кроме того, коренной поворот останется не до конца понятным, если ограничиться только ленинскими документами сентября 1920 — марта 1923 г. Их необходимо дополнить стенограммами съездов и партконференций 1920—1928 годов, а также стенографическими отчетами III—VI конгрессов Коминтерна (особенно IV в 1922 году и VI в 1928 году) и расширенных пленумов ИККИ (особенно I и VII в 1922 и 1926 годах).

Материалы Коминтерна важны тем, что именно на этих форумах обе главные тенденции в ВКП (б), расходившиеся в *методах* строительства социализма в СССР (сторонники “военного коммунизма” во главе с Л. Д. Троцким и сторонники нэпа во главе с Н. И. Бухариным), подробно аргументировали свои позиции перед участниками всемирных форумов коммунистов.

Октябрьская революция — первый этап всемирной пролетарской революции

Сейчас как-то уже довольно прочно забыто (опять же не без влияния “Краткого курса”), что, совершая в октябре 1917 года революцию, *все* большевики были убеждены, что она открывает первый этап, первую фазу всемирной пролетарской революции, которая вот-вот грянет вослед Октябрю и свергнет господство мирового капитала.

Даже во второй программе Коминтерна, составленной Н. И. Бухариным и принятой 1 сентября 1928 года на VI конгрессе, Октябрьская революция теоретически трактовалась как “начало *международной революции пролетариата*”¹.

Вплоть до середины 30-х годов эта концепция оставалась господствующей в идеологической политике партии и государства. Лишь с началом кровавых репрессий 1935—1938 годов она постепенно исчезает из программных документов, исследований и учебников с тем, чтобы в 1938 году окончательно пропасть в “Кратком курсе”, где мировая пролетарская революция подменяется “перманентной” и она приписывается “иностранным шпиону” Троцкому.

Между тем вплоть до 1936 года, когда была принята “сталинская” конституция, во всех изданиях “нэповской” конституции 1924 года (преамбула — “Декларация об образовании СССР”) говорилось: “...Доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем”, а СССР “послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в

¹ Программа Коммунистического Интернационала. М., 1933, с. 19.

Мировую Социалистическую Советскую Республику”¹.

Во всей официальной литературе до 1936 года не было праздника “Октябрьская революция”, а были “7 ноября — День пролетарской революции” (1925 г.) или “7–8 ноября — Дни пролетарской революции” (1929 г.)².

На протяжении всего “Краткого курса” И. В. Сталин настойчиво проводил мысль, что “именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму...”. Он якобы еще на VI съезде РСДРП (б) в 1917 году, незадолго до Октября, высказывал такую мысль: “Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь”³. В подтверждение этой совершенно ложной идеи Сталин, как обычно, ссылался на Ленина и его работу “Империализм, как высшая стадия капитализма” (1916 г.), где якобы утверждалось, что “победа социализма в одной, отдельно взятой, капиталистической стране признается *возможной*”⁴.

А вот что В. И. Ленин говорил на самом деле. Давая 5 июля 1921 года на III конгрессе Коминтерна в своей речи о тактике РКП (б) оценку перспектив мировой пролетарской революции, В. И. Ленин четко выделил два этапа, два фазиса концепции большевиков на этот процесс: “Еще до революции (Октябрьской. — В.С.), а также и после нее, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть”. “Нам было ясно, — продолжал В. И. Ленин, — что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции (в России. — В.С.) *невозможна*” (курсив наш. — В.С.)⁵.

Теоретическую концепцию Октябрьской революции как начала всемирной пролетарской революции (с некоторыми модификациями места ее продолжения: у Троцкого — это Европа, у Бухарина — Восток) разделяли в 20-х — начале 30-х годов все большевики (исключая Сталина), несмотря на разногласия по другим вопросам.

Эта общая идея была выражена уже в основном докладе Л. Д. Троцкого “Мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коминтерна” на III конгрессе Коминтерна в Москве 23 июня 1921 года [доклад был одобрен ЦК РКП (б)]: “Мы только сейчас видим и чувствуем, что не стоим непосредственно близко к конечной цели, к завоеванию власти в мировом масштабе, к мировой революции”. Но теперь “положение не таково, как во время I и II конгрессов (Коминтерна. — В.С.)... Тогда... мы говорили себе — это вопрос месяцев, теперь же мы скажем, что это вопрос, может быть, нескольких лет (?!). Точно это нам неизвестно, но мы знаем, что развитие идет в этом направлении...”⁶

Как мыслилось до поражения Красной Армии под Варшавой в ав-

¹ Ежегодник НКВД на 1929 год. (Справочник для иностранных дипломатов на русском и французском языках.) М., 1929, с. 6.

² Ежегодник НКВД на 1925 год. М., 1925, с. 19; Ежегодник НКВД на 1929 год, с. 24.

³ История ВКП (б). Краткий курс. М., 1953, с. 189.

⁴ Там же, с. 163.

⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, с. 36.

⁶ III Всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Пг., 1922, с. 45–46.

густе 1920 года развитие мировой пролетарской революции? Как непрерывная цепь "октябрьских" революций в Европе, создание советских республик и их последующее объединение в Мировой союз советских социалистических республик (по образцу "дочерних республик" времен Великой французской революции).

Именно поэтому на I Учредительном конгрессе Коминтерна в марте 1919 года в Москве была провозглашена программа борьбы за мировую пролетарскую диктатуру, за мировой коммунизм, сам Коминтерн объявлен революционным инструментом создания этого планетарного государства трудящихся¹.

Мир в нашем тогдашнем представлении раскололся после Октября и невиданного ранее революционного подъема в Европе на две части — абсолютное большинство трудящихся и жалкую кучку капиталистов-буржуа вместе с их "приказчиками" из числа "желтых лидеров" II Интернационала. И высшая историческая справедливость была на стороне большинства: именно оно и было человечеством, за благо которого шли на смертный бой коммунисты. Именно об этом абсолютном большинстве человечества говорил нарком просвещения А. В. Луначарский в 1918 году, выступая перед учителями с лекцией о коммунистическом воспитании: "... нужно воспитывать и н т е р н а ц и о н а л ь н о е, человеческое. Воспитывать нужно человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо, для которого каждый человек, к какой бы он нации ни принадлежал, есть брат (по классу. — В. С.), который абсолютно одинаково любит каждую сажень нашего общего земного шара... Вот почему мы, социалисты, прежде всего должны положить в основу преподавания интернациональный принцип, принцип... всеобщности человечества"².

Полный разрыв с прошлым, отказ от буржуазных принципов права, морали и национального суверенитета, надежды на скорый слом любой государственной машины (аппарата, дипломатии, армии, полиции), отмену денег, отказ от царских долгов и публикация секретных договоров — все это, казалось, действительно предвещало победу "принципа всеобщности человечества".

Теоретические установки 1917—1920 годов первоначально подкреплялись практикой. С одной стороны, в 1919 году Советская Россия оказалась в огне гражданской войны и иностранной интервенции, подвергнута дипломатической и экономической блокаде. С другой — революционное движение нарастало: ноябрьская революция 1918 года в Германии, советские республики (хотя и кратковременные) в Венгрии, Словакии, Баварии в 1919 году, захват предприятий рабочими в Италии осенью 1920 года, революционный подъем во Франции и Великобритании, развал Османской империи и пробуждение народов Востока.

Понятно стремление создателей III Коммунистического Интернационала не только защитить первый "остров" мировой пролетарской революции — Советскую Россию, но и протянуть руку братской пролетарской помощи восстающим против ига мирового капитала братьям по классу. Летом 1920 года II конгресс Коминтерна принимает знаменитый Манифест: "Коммунистический Интернационал есть партия революцион-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 491—510.

² А. В. Луначарский. Просвещение и революция. Сб. статей. М., "Работник просвещения", 1926, с. 93—95. — *Новый мир*, 1988, № 1, с. 268.

ного восстания международного пролетариата... Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказалась бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых!

Дело Советской России Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира"¹.

Один из теоретиков и практиков Коминтерна Карл Радек, выступая в сентябре 1920 года, говорил: "Мы всегда были за революционную войну... Мы принципиально за то, что всякий пролетарий, могущий нести в своих руках оружие, должен помогать международному пролетариату"².

Таким главным "пролетарием" выступала Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА), которая в 1919–1920 годах обеспечила советизацию Бухары (М. В. Фрунзе), Закавказья (С. М. Киров). По той же модели велась в 1920 году и война с панской Польшей. И хотя прорыва на Запад и соединения с революционными пролетариями Германии, Венгрии, Италии, Балкан не произошло, теоретические установки не изменились и в 1921–1922 годах, в момент поворота к нэпу.

Н. И. Бухарин, даже будучи ревностным сторонником нэпа, и на IV конгрессе Коминтерна предлагал включить в его программу следующее положение: "Каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию", поскольку "распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции"³ (предложение Бухарина было отклонено В. И. Лениным и К. Б. Радеком). Тем не менее IV конгресс принял воззвание "К Красной Армии и флоту РСФСР", где говорилось: "... мы единодушно называем вас бойцами Коммунистического Интернационала, героями общей борьбы всего человечества... Время всеобщего разоружения, время прекращения войны еще не пришло"⁴.

В этой глубокой убежденности В. И. Ленина и его соратников 1917–1924 годов (за исключением Сталина и его последующего окружения из числа ближайших аппаратных работников), что нэп есть лишь более долгий путь к мировой пролетарской революции, коренилась, на наш взгляд, та главная причина последующих разногласий в руководстве партии (осложненная к тому же личными амбициями и борьбой за власть), которая привела к политическому поражению сторонников этой концепции (как "левых", так и "правых"), победе Сталина, опиравшегося на "практиков", и последующей деформации строительства социализма в нашей стране методами государственного террора.

Как бы потом Сталин ни открещивался и ни переименовывал ленинские высказывания, но в 1922 году вместе с В. И. Лениным и другими лидерами РКП (б) и Коминтерна он голосовал за резолюцию "О русской революции", где была такая формулировка: "IV Всемирный конгресс напоминает пролетариям всех стран, что пролетарская революция никогда не

¹ Девятая конференция РКП (б). Протоколы. М., Политиздат, 1972, с. 354, 359 (приложения).

² Там же, с. 69.

³ IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции. М.—Пг., 1923, с. 196.

⁴ Там же, приложения, с. 8–9.

сумеет восторжествовать в пределах одной только страны, — что она может восторжествовать только в международном масштабе, вылившись в мировую революцию”¹.

Ленинский план нэпа как нового пути к мировой революции

Не отрицая в принципе мировую пролетарскую революцию как конечную цель Октябрьского переворота 1917 года, В. И. Ленин в сентябре 1920 — марте 1923 года по-другому поставил (“коренная перемена”) вопрос о методах и сроках достижения этой революции.

В письме одному из деятелей “рабочей группы”, Г. И. Мясникову (5 августа 1921 г.), В. И. Ленин пишет: “Да, кто не понимает смены лозунга “гражданская война” лозунгом “гражданский мир”, тот смешон, если не хуже. Да, в этом вы правы”². Нэп означал прежде всего “гражданский мир” с многомиллионным российским крестьянством, более того, с возникавшей на базе свободной купли-продажи “новой буржуазией” — нэпманами, наконец, мир с капиталистическим окружением на основе экономического сотрудничества (торговля, концессии, займы и т.д.). Из этой концепции нэпа как “гражданского мира” (прежде всего внутри страны) следовал целый ряд практических мер. По предложению В. И. Ленина IX Всероссийский съезд Советов 27 декабря 1921 года принял постановление о значительном сужении полномочий ВЧК. 6 февраля 1922 года президиум ВЦИК преобразовал ВЧК в ГПУ, обязав его всех арестованных передавать в суды, держать под следствием не более одного месяца, без решения суда казней не производить и пр.³

Почти одновременно, 20 февраля 1922 года, В. И. Ленин пишет наркомюсту Д. И. Курскому (копии членам Политбюро, в Совнаркоме, во ВЦИК) о необходимости создания “нового гражданского законодательства” в стране: “Прежде боевыми органами Соввласти были главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь *особенно* боевая роль выпадает на долю НКЮста”. В этом законодательстве главное — борьба против извращений, вызванных к жизни нэпом, — взяток, коррупции, экономического саботажа; это — “тройная кара коммунистам против кары беспартийных”⁴.

Поскольку не только управленческий, но и общекультурный уровень в стране был крайне низок (в “Страничках из дневника” В. И. Ленин приводит данные из брошюры Наркомпроса за 1922 год): на 1 тысячу жителей в 1920 году в Европейской России было всего 330 человек грамотных; в 1897 году — 229 человек⁵, “гражданский мир” означал активное подключение к нэпу “спецов”.

Положительный опыт здесь был уже накоплен в годы гражданской войны — сотни бывших царских генералов и старших офицеров честно

¹ Там же, с. 401.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 78.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 261, 328, 567; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1. М., Политиздат, 1954, с. 593; *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*, № 4, 20 февраля 1922 г.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 396—397.

⁵ Там же, т. 45, с. 363.

служили в Красной Армии как "военспецы". В недавно вышедшей книге полковника А. Г. Кавтарадзе приводятся биографии и фото (очень многие — впервые с 1937 года) этих "военспецов", среди которых более 140 человек — бывшие генералы (из них многим в гражданскую доверено было даже командование армиями РККА)¹.

И наверное, не так уж и далек был от истины А. И. Деникин, когда, оправдывая поражение в 1919 году своей Добровольческой белой армии, писал в своих эмигрантских мемуарах, что в немалой степени Красная Армия "строилась... умом и опытом" старых царских генералов².

Но уж если удалось привлечь на сторону Советской власти в условиях гражданской войны бывших царских генералов и офицеров, то тем более, полагал В. И. Ленин, надо это сделать в еще большем масштабе при назе — "гражданском мире". 17 января 1922 года "Правда" публикует "Тезисы о роли и задачах профсоюзов в условиях НЭПа", составленные В. И. Лениным и утвержденные Политбюро (с поправками Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина и др.). 10-й пункт тезисов ("Профсоюзы и спецы") гласил: "Если все наши руководящие учреждения, т.е. и компартия, и Соввласть, и профсоюзы не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи"³.

Более того, Ленин видел в "спецах" важнейший человеческий фактор, без которого, раз уж соединение с передовой Европой оказалось недостижимым, *невозможно* строить социализм в такой крайне отсталой и малокультурной стране, как Россия: "Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом..."⁴

В. И. Ленин не только высоко ставил "спецов", но и лично вступался за них, когда нужна была помощь. В феврале 1922 года он по телефону из Горок диктует секретарю оргбюро В. М. Молотову гневное письмо, требуя срочно пересмотреть необоснованный отказ Политбюро (по инициативе Сталина) отпустить на лечение за границу крупнейшего теплотехника профессора Л. К. Рамзина; более того, Ленин настаивает на принятии противоположного решения Политбюро: удовлетворить просьбу, отпустить валюту на лечение и дать еще, если окажется, что в Германии эта сумма мала⁴. 23 февраля Политбюро удовлетворило просьбу Рамзина, а 30 марта 1922 года выделило ему на лечение дополнительные средства. (В декабре 1930 г. Л. К. Рамзин по сфабрикованному делу о т.н. "промпартии" был осужден и на этот раз отправлен на "лечение" уже в тюрьму — у Сталина всегда была хорошая память.)

Не все из ленинского замысла осуществилось. Так, не удалось привлечь значительное количество иностранных концессионеров (что уже в

¹ А. Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920. М., 1988 (приложения 4 и 5).

² А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Берлин, 1924, т. 3, с. 144.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 351.

⁴ Там же с. 402–403.

наши дни, в других международных условиях, успешно реализовал Китай), хотя первоначально, в марте—июне 1921 года, В. И. Ленин делал очень большую ставку на привлечение иностранного капитала в Советскую Россию в виде займов, концессий, смешанных обществ и т.д. Более того, Ленин полагал, что основной формой государственного капитализма при диктатуре пролетариата станут концессии. В своем докладе "О концессиях" 11 апреля на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, комментируя декрет Совнаркома от 29 марта 1921 года, он говорил, что иностранные концессионеры могут быть основными поставщиками промышленных товаров, столь необходимых для товарообмена между городом (где российская промышленность в разлухе) и деревней¹. Именно так (до провала экономических переговоров с Антантой весной—летом 1922 года в Генуе и Гааге) теоретически мыслили Ленин и его соратники "первоначальный" нэп: "Обмен продуктов крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства через продовольственные органы государственной власти... через кооперацию рабочих и крестьян"².

Никаких денег, как мы видим, в этом "первом" нэпе нет, а есть только прямой товарообмен. Схема эта оказалась недолговечной. Спустя семь месяцев после апрельского доклада о продналоге в докладе 29 октября 1921 года на VII Московской губернской партконференции В. И. Ленин делает принципиально другой доклад — уже не о замене продразверстки продналогом, а о *настоящей* "новой экономической политике": "... товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу... Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо... еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения"³.

Отсюда ключевым элементом настоящего нэпа стал финансовый вопрос. Как и в наши дни, тогда остро встала проблема конвертируемой валюты — твердого рубля (червонца). Сама по себе свобода купли-продажи ничего не давала: при той эмиссии денег (их мерили мешками) никакой торговли через рынок, разумеется, не могло и быть. Это, между прочим, также учитывал В. И. Ленин, когда говорил о прямом товарообмене — денег же нормальных все равно не было.

С 1922 года реформа рубля, которую блестяще провел и к лету 1924 года полностью завершил наркомфин Г. Я. Сокольников (он опирался на аппарат своего наркомата, в большинстве состоявший в 1922—1926 годах из бывших царских финансовых чиновников, бывших меньшевиков и эсеров, т.е. тех самых "спецов", которые "со знанием дела" дали финансовую опору нэпу), явилась тем стержнем, на котором держался весь нэп, внешний и внутренний. В. И. Ленин в 1922 — начале 1923 года, пока мог, активно поддерживал Сокольникова (хотя нередко и критиковал его за излишнюю "теоретичность"), а на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года, говоря о "золотом (конвертируемом) рубле", прямо заявил: "Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит, мы выиграли"⁴.

¹ Там же, с. 166—167.

² Там же, т. 43, с. 149.

³ Там же, т. 44, с. 207—208.

⁴ Там же, т. 45, с. 66.

К сожалению, "навсегда", как свидетельствует практика, рубль стабилизировать не удалось: в декабре 1929 года Сталин официально объявил о "конце нэпа". А между тем именно этот рубль обеспечил очевидный экономический подъем в 1924—1928 годах. Никогда, ни до, ни после, мы не имели такой стабильной валюты, и в свете идущих сегодня разговоров о конвертируемом рубле опыт финансовой реформы Г. Я. Сокольникова следовало бы изучить подробнее¹.

А. И. Рыков на V конгрессе Коминтерна сообщил: "золотой рубль"—основа наших успехов, ибо "благодаря валютной реформе впервые стало возможным серьезно проводить плановое начало и учет на фабрике, в тресте, во всем хозяйстве государства"².

К лету 1924 года удалось накопить резерв в 40 млн. золотых рублей (В. И. Ленин в 1922 году говорил на IV конгрессе о 20 млн. как о величайшей победе на финансовом фронте), продать в обмен на станки и машины за границу 180 млн. пудов зерна и поставить как реальную задачу (без ущерба для питания населения) в ближайшие год-два вывозить по 400—500 млн. пудов³. Рыков особо подчеркивал, что хлеб этот получен от крестьян не путем реквизиций, не подрывающей, а куплен государством через рынок как излишек кооперирующей деревни⁴.

И только тогда, когда финансы наладились, В. И. Ленин выдвинул лозунг "учитесь торговать". Предприятия государственного сектора в 1922—1924 годах постепенно переводились на финансовый хозрасчет. Возросла роль банков. "Ежегодники" НКВД с 1924 года начинают публиковать на иностранных языках (русском, французском, английском, немецком, арабском и др.) данные о наличии твердой валюты в государственных, кооперативных, смешанных (советско-иностраных) и частных банках, предприятиях, акционерных обществах и т.д., причем под основным капиталом обязательно указывается обменный курс (например, в 1925 году один червонец равнялся 5 долл. 14 центам)⁵. Знакомая с этими рекламными приложениями сегодня, поражаешься обилию банков — чисто государственных (Госбанк СССР, Банк для внешней торговли, Сельскохозяйственный банк, Электробанк и др.), кооперативных (Банк коммунального и жилищного строительства — выдача ссуд на приобретение квартир, Всеукраинский кооперативный банк и др.), региональных (Дальневосточный, Ростово-на-Дону банк и др.) и особенно банков и акционерных обществ со смешанным капиталом (Монголбанк, Русско-персидская банкирская контора, а/о "Руссотюрк", русско-американское общество "Амторг", русско-австрийское а/о "Русавторг" и др.).

Конечно, "настоящий" нэп породил немало "гримас", хорошо известных нам из литературы и кинофильмов 20-х годов.

Одной из них была безработица и сопутствующие ей биржи труда. Именно ликвидацию этих "гримас" нэпа ставил себе Сталин в заслугу в 1929 году, а многие историки и сегодня оправдывают его методы дово-

¹ Чем обернется обратимость рубля? — *Московские новости*, 24 апреля, 1988 г., с. 5.

² V конгресс Коминтерна. М.—Л., 1925, ч. I, с. 526.

³ Там же, с. 517—519.

⁴ *Новый мир* (1988, № 3, с. 30) сообщил, что Сталин в 1932 г. вывоз еще больше хлеба, но какой ценой?

⁵ Ежегодник НКВД на 1925 год. М., 1925. Рекламное приложение, с. 9.

дом — как же, он ликвидировал извечную язву капитализма, безработицу...

Но разве кто-нибудь пробовал выяснить подробно, а кто они были, эти безработные при нэпе? Откроем первый том стенографического отчета V Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала (Петроград—Москва, июнь—июль 1924 г.). Доклад председателя Совнаркома А. И. Рыкова высшему форуму коммунистов мира "Об экономическом положении СССР и о дискуссии в РКП (б)". Читаем — на 1 января 1924 года в стране 1 млн. безработных. Кто же они? А вот кто — 750 тыс. "конторских служащих", "советских барышень" из "всех и всяческих советских, промышленных, торговых, кооперативных и прочая аппаратов", уволенных в ходе укрепления нэпа. Что касается рабочих, отметил Рыков, то в оставшиеся 250 тыс. входят в основном неквалифицированные, недавно приехавшие из деревни люди, которых нэп вытолкнул в город¹.

Четыре года спустя, на VI конгрессе Коминтерна в августе 1928 года, в докладе Е. С. Варги об экономическом положении СССР после семи лет нэпа картина предстает аналогичной: безработные — это вытолкнутые из деревни дети бедняков (чернорабочие) и "советские барышни" (50% всех безработных совслужащих). "Безработные в СССР (в отличие от Запада. — В.С.), — заключал Варга, — это не промышленные рабочие", которые составляли в 1928 году всего лишь 10% всех ищущих работу².

Нетрудно себе представить, как эти безработные, ставшие лишними при наступлении хозрасчета, чиновники возносили хвалу Сталину, когда он, ликвидировав в 1929 году нэп, вновь взял их на работу в многочисленные бюрократические конторы.

В своей обширной концепции новой экономической политики В. И. Ленин огромное внимание уделял не только нэпу "внутреннему", но и нэпу "внешнему". В речи на IV конгрессе Коминтерна (ноябрь — декабрь 1922 года) — последнем конгрессе, на котором он присутствовал, — В. И. Ленин выдвинул непонятную тогда до конца многим коммунистам мира задачу "учиться нэпу" как переходному периоду от капитализма к коммунизму, обязательному для всех стран мира. К сожалению, Ленин выступал 13 ноября совершенно больным и не смог детально раскрыть характер этой "учебы нэпу". За него это на последующих двух (V — в 1924 г. и VI — в 1928 г.) конгрессах и расширенных пленумах ИККИ (Исполкома Коминтерна) сделал Н. И. Бухарин.

Как и внутри ВКП (б) в 1922—1928 годах, в Коминтерне нэп вызвал яростную полемику между "левыми" и "правыми". Речь шла о дальнейших путях развития мировой пролетарской социалистической революции, о победе коммунизма в "мировом масштабе". Уже на IV конгрессе Коминтерна в 1922 году отчетливо прозвучали две точки зрения на нэп "внешний" — В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Характерно, что оба они выступили в прениях по докладу председателя Коминтерна Г. Е. Зиновьева один за другим и с почти идентичными темами — "Пять лет российской революции и перспективы мировой революции" (Ленин) и "Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции" (Троцкий).

¹ V конгресс Коминтерна, ч. I, с. 512.

² VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. М.—Л., 1929, Вып. 5, с. 48.

Позиция В. И. Ленина (развитая Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и другими "правыми"). "Кавалерийская атака" (поход на Варшаву для соединения с революционной Германией в 1920 г.) не удалась — мировой капитализм отбил эту атаку и устоял. Наступило временное равновесие капитализма и социализма при заметном отливе революционного движения в Европе и росте его на Востоке, откуда, скорее всего, и придет неизбежная мировая революция. Но это будет длительный период, во время которого пролетарская диктатура в СССР станет "важнейшей составной частью международной социалистической революции, ее головным отрядом, базой ее развития"¹.

В. И. Ленин в 1922 году ориентировал Коминтерн на то, что в новых условиях стабилизации капитализма большевикам, скорее всего, придется строить социализм какое-то время одним в условиях капиталистического окружения. Еще ранее, возражая "левакам" в РКП (б), он говорил: "При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма"².

Развивая эту ленинскую мысль, на том же IV конгрессе Н. И. Бухарин выдвинул идею "национальных типов социализма", для которых будет обязательным переходный период в виде нэпа: "Я говорю: проблемы новой экономической политики носят международный характер... Если взять даже наиболее развитые в промышленном отношении страны, как, например, Германию или даже Америку, неужели вы думаете, что они не очутятся перед такой же проблемой? Да, очутятся тотчас же после переворота. Разве можно, например, уже в первый момент подчинить определенному организованному плану хозяйство американских фермеров? Никоим образом. Такие слои нуждаются в некоторой экономической свободе. То же самое относится и к Германии..."³

Шесть лет спустя, на VI конгрессе Коминтерна Н. И. Бухарин уже как председатель (вместо подавшего в отставку в ноябре 1926 г. Г. И. Зиновьева) этой международной пролетарской организации говорил в своем заключительном слове по итогам дискуссии о программе Коминтерна об "универсальности нэпа"⁴. Эта концепция "универсального нэпа" не только для компартий зарубежных стран, но и вообще для всех промышленно развитых стран опиралась, с одной стороны, на подмеченную В. И. Лениным с 1919 года новую тенденцию "ллойджорджизма", с другой — на теорию самого Бухарина об "организованном капитализме".

Что касается сроков мировой революции, то в своей последней (2 марта 1923 г.) статье "Лучше меньше, да лучше" В. И. Ленин определял их так: капиталистические страны придут к социализму, "но они завершают его (переход. — В.С.) не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным "вызреванием" в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государ-

¹ Проект программы Коминтерна 1928 г. — VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 3, с. 182.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 168.

³ IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции, с. 193.

⁴ VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 3, с. 154.

ства (Германии. — В.С.), соединенной с эксплуатацией всего Востока”¹.

В январе 1929 года, разъясняя концепцию В. И. Ленина о развитии перспектив мировой революции в межвоенный период, Н. И. Бухарин говорил: “... Владимир Ильич связывал следующий революционный взрыв непосредственно с *грядущей войной*”².

Позиция Л. Д. Троцкого (поддержана Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и другими “левыми”). На IV конгрессе в 1922 году в своем докладе Троцкий заявил: мы вынуждены временно отступить от нашей стратегической цели 1919 года — непосредственной мировой европейской революции. “Да, действительно, в тот период мы твердо рассчитывали, что революционное развитие в Западной Европе пойдет более быстрыми темпами”. Как мыслилась тогда, по Троцкому, схема строительства социализма в России? “...Если европейский пролетариат завоюет власть в 1919 году, то он возьмет на буксир нашу отсталую... страну, поможет нам технически и организационно и, таким образом, даст нам возможность, путем исправления и изменения методов нашего военного коммунизма, прийти к действительно социалистическому хозяйству”³.

На IV конгрессе Коминтерна в 1922 году Л. Д. Троцкий внешне солидаризировался с Лениным. Но при внимательном сравнении их докладов нетрудно заметить, что Троцкий расставлял совсем другие акценты, нежели Ленин. Так, соглашаясь на временный поворот к нэпу, он акцентировал внимание делегатов на другом: на какой срок этот поворот? Ведь “за спиной частного капитала, действующего в России, стоит мировой капитал. Мы все еще живем в капиталистическом окружении”. На риторически поставленный им же самим вопрос — “Куда же ведет нас нэп: к капитализму или социализму?” — Троцкий недвусмысленно давал понять — к капитализму, если мы с нэпом затынем⁴.

Последующее развитие событий (уже в 1923 году, когда стало окончательно ясно, что Ленин неизлечимо болен) показало, что Троцкий и его сторонники приняли лишь “первый” нэп — товарообмен без денег. “Второй нэп” (с деньгами) они категорически отвергали как отступление от марксизма и “угрозу Термидора”.

Где же выход? По Троцкому, он заключался в форсировании мировой революции, прежде всего в Европе, причем основным инструментом этого форсирования по-прежнему должна была служить Красная Армия как “сила международного действия”. Он так и заявил в сентябре 1920 года на IX партконференции, по предложению В. И. Ленина санкционировавшей “второй Брест” — Рижский мир с белополяками: “Дипломатия пойдет в Ригу, а Красная Армия — в Варшаву”. На той же партконференции Троцкому вторил Л. Б. Каменев: “Вылазка... не удалась ни на военном фронте, ни на дипломатическом фронте” (имеется в виду миссия Каменева в Лондон в 1920 г. — В.С.) ... но... когда мы сделаем следующую вылазку, а мы сделаем ее несомненно, все равно, подпишем ли мы мир с Польшей, который предлагает Владимир Ильич, или нет, все

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 402—403.

² Н. И. Бухарин. Политическое завещание Ленина. — *Коммунист*, 1988, № 2, с. 96.

³ IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции, с. 83.

⁴ Там же, с. 93.

равно вылазка будет сделана и она будет победоносной. Соединение с нашими пролетарскими армиями, если не удалось в первый раз, удастся в следующий раз"¹.

В свете этих теоретических установок Троцкого понятно то сопротивление, которое он оказывал в 1920—1924 годах (до смещения его с поста Председателя Реввоенсовета и Наркомвоенмора и заменой на М. В. Фрунзе) ленинскому плану 10-кратного (с 5,5 млн. до 562 тыс.) сокращения армии. Ленину пришлось в 1920—1922 годах выдержать настоящий бой с Троцким на заседаниях Совнаркома, но он настоял на своем². Не дал он Троцкому развернуть и строительство большого военно-морского флота. Никогда — ни до, ни после — Советское правительство не шло на такое сокращение непроизводительных расходов. По сути, в армии был оставлен лишь командирский корпус (причем до 30% его — военспецы, бывшие царские офицеры). Этот ленинский план небольшой, но высокопрофессиональной РККА четко выразил М. В. Фрунзе: "Дать республике сильную, крепкую и в то же время дешевую армию"³.

Далеко не все даже среди сторонников Л. Д. Троцкого в 20-х годах разделяли его концепцию "экспорта революции" с помощью РККА. Так, Карл Радек, в 1921—1924 годах активно поддерживавший ленинскую концепцию внешнеполитического нэпа, возражая Троцкому, говорил: "Штык будет хорош, если надо будет помочь определенной революции, но для нащупывания положения в той или иной стране у нас имеется другое орудие — марксизм, и для этого нам не надо посылать красноармейцев"⁴.

Но у Троцкого было и немало сторонников и в армии, и в партии, считавших нэп никчемной затеей, уводящей пролетариев от столбовой дорожки мировой революции, которую можно организовать очень просто — лихим наскоком, шашкой. Насколько глубоко эти настроения в начале 20-х годов были распространены в Красной Армии, недавно поведал один из красных латышских стрелков, ветеран гражданской войны: "В то время существовало глубокое убеждение о грядущей мировой революции и о необходимой интернациональной помощи в случае восстания пролетариата в европейских странах. Встал вопрос, на каком языке бойцы Красной Армии будут общаться с народами Западной Европы. И вот в 1921 году приказом по армии... было предписано всему личному составу изучать язык эсперанто под ответственность комиссаров частей". (Уроки продолжались до 1923 года⁵.)

В период борьбы с "новой оппозицией" Зиновьева и Каменева в 1925—1926 годах Н. И. Бухарин процитировал письмо молодого ленинградского рабочего, который требовал немедленной отмены нэпа и "объявления революционной войны международному империализму (конечно, нас может ждать и поражение, но без риска до коммунизма не дойдешь — или пан, или пропал)"⁶.

¹ Девятая конференция РКП (б), с. 75.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 295. См. также: М. А. Гареев. М. В. Фрунзе — военный теоретик. М., 1985, с. 78, 256—258.

³ М. В. Фрунзе. Собр. соч. М., 1929, т. 1, с. 426.

⁴ Девятая конференция РКП (б), с. 37.

⁵ Огонек, 1988, № 8, с. 4.

⁶ Ленинградская организация и XIV съезд. Сб. материалов. М.—Л., 1926, с. 169.

Атакую нэп "слева", Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев и их сторонники в партии спешили публично объявить любое крупное забастовочное выступление в Европе как новое начало мировой революции (осень 1920 года — в Италии, 1923 год — выступление шахтеров Рура в Германии, 1926 год — забастовка английских горняков), а в 1926 году оба они со страниц партийной печати заявили, что временная частичная стабилизация капитализма закончилась¹.

Более того, Г. Е. Зиновьев как председатель Коминтерна на IV конгрессе в 1922 году вообще объявил, что мировая революция непременно произойдет через пять лет, т.е. в 1927 году².

Важным элементом "внешнеполитического нэпа" стала резолюция III конгресса Коминтерна в 1921 году о создании "единого фронта" рабочих двух течений — коммунистов и социал-демократов, — допускавшая до определенных пределов переговоры с лидерами II Интернационала. По сути, это была "социал-демократическая Генуя", и не случайно, что именно в дни широкоизвестной Генуэзской конференции проходила другая, малоизвестная, в Берлине: в апреле 1922 года делегация III Интернационала в составе Н. И. Бухарина, К. Радека и Клары Цеткин вела переговоры с руководителями II и II 1/2 Интернационалов (Венского и Амстердамского). Эта так называемая конференция трех интернационалов в случае ее удачи могла бы положить начало созданию действительно "единого фронта", и, кто знает, если бы он сохранился до начала 30-х годов, пришел ли бы Гитлер к власти в Германии?

На конференции представители трех Интернационалов договорились о созыве в Гааге всемирного рабочего конгресса как первого шага к созданию "единого фронта" в международном и национальном масштабах³. К сожалению, по вине обеих сторон дальнейшие переговоры были прерваны, и Гаагский всемирный рабочий конгресс состоялся без участия представителей Коминтерна.

Не снимая вины с социал-демократических лидеров, нельзя не увидеть и сектантство тогдашних руководителей Коминтерна, прежде всего его председателя Г. Е. Зиновьева. Его многочисленные публичные заявления в адрес партнеров по переговорам ("социал-предатели", "кретины", "гнусные лжецы" и т.п.), конечно, не способствовали успеху диалога.

И хотя, несмотря на неудачу первого после Октябрьской революции контакта Коминтерна со II Интернационалом, IV конгресс в ноябре 1922 года вновь подтвердил правильность стратегии "единого фронта", Зиновьев продолжал клеймить "социал-предателей": "Капитализм теперь держится исключительно милостью социал-предателей из II Интернационала. Рабочий класс теперь уже настолько многочислен, что одним нажатием плеча мог бы стряхнуть международный капитал, если бы только социал-демократы постоянно не путались у него в ногах, не удерживали бы его за руки..."⁴

¹ Пути мировой революции. Седьмой расширенный Пленум ИККИ 22 ноября — 16 декабря 1926 г. М.—Л., 1927. т. 1, с. 32.

² IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции, с. 14.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 140—144, прим. 28.

⁴ IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции, с. 9.

На V Конгрессе летом 1924 года, через полгода после смерти В. И. Ленина, Зиновьев уже открыто повел атаку против стратегии “единого фронта”, что вызвало резкую отповедь К. Радека, почти три часа громившего председателя Коминтерна за откровенное отступление от заветов Ильича¹.

Почему не все большевики выучились нэпу?

Серьезные зарубежные исследователи (в частности, бывший посол США в Москве Дж. Кеннан²) уже давно отметили дуализм внешнеполитической деятельности СССР в 1921–1934 годах: с одной стороны — Коминтерн, с другой — НКВД. Наши же историки со времен “Краткого курса” в своих книгах по истории внешней политики СССР межвоенного периода упорно отрицают этот реальный дуализм, для вящей убедительности не упоминая само слово “Коминтерн”³.

Между тем, этот дуализм был отмечен уже в самом начале введения нэпа. Более того, о нем открыто писали тогда в советской печати, цитируя зарубежные газеты. Вот, например, как информировал официоз НКВД о реакции в Польше на заключение Рижского мира (перевод из газеты “Курьер польский” от 4 октября 1921 года): «За границей должны надлежащим образом оценить тот большой труд, с которым Польша старается сохранить и укрепить мирные отношения с большевистской Россией. Мир с государством, не признающим никаких норм цивилизованного мира... ненавидящим политическое устройство всей остальной Европы и желающим видеть ее объятаю пожаром и бунтом... связь с людьми с янусовыми лицами, из которых одно говорит: “Я член правительства, и мне ничего неизвестно о III Интернационале”, а другое: “Я член III Интернационала, и меня не интересуют обязательства правительства”»⁴.

Это дуализм проявлялся в постоянных взаимных напаках в 1922–1925 годах председателя Коминтерна Г. Е. Зиновьева и народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина, обвинявшего первого в непродуманных заявлениях, вредящих делу нормализации дипломатических отношений с Западом (например, на V конгрессе Коминтерна 17 июня 1924 года). “Победы еще нет, — заявил Зиновьев, — и нам предстоит еще завоевать 5/6 земной суши, чтобы во всем мире был Союз Советских Социалистических Республик”⁵.

В. И. Ленин еще в 1921 году настоял на специальном постановлении Политбюро, запрещающем руководителям Советского правительства и членам русской секции Коминтерна делать публичные заявления (особенно иностранным корреспондентам) без санкции Г. В. Чичерина. Однако, судя по иронической реплике Л. Д. Троцкого в адрес Чичерина на

¹ V конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. М.—Л., 1925, ч. I, с. 9–10, 143–172.

² G. K e n n a n. The Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1960.

³ См., например: А. О. Ч у б а р ь я н. Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976.

⁴ *Бюллетень НКВД*, № 99, 31 октября 1921 г. М., 1921, с. 9.

⁵ V конгресс Коминтерна, с. 9.

IV конгрессе Коминтерна¹, сторонники мировой революции мало считались с этим ленинским решением, поскольку рассматривали нэп (как и само Советское государство) явлениями временными — ведь все равно не сегодня-завтра будет “всемирный” Советский Союз.

Безусловно, такой дуализм (один СССР — “нэповский”, другой — пролетарской революции) создавал большие трудности и в повседневной работе советской дипломатии (например, в Генуе), и в переговорах со II Интернационалом в Берлине и Гааге в 1922 году, тем более что с высоты 70-летней исторической ретроспективы можно, наконец, признать, что та всемирная пролетарская мировая революция, которая ожидалась в 1919 году через несколько месяцев или в крайнем случае несколько лет, не свершилась.

Почему — это отдельный большой вопрос, требующий самостоятельного исследования.

Но наиболее дальновидные политики на Западе увидели в нэпе нечто большее, чем временный тактический ход. В их числе первым оказался бывший английский премьер Д. Ллойд Джордж. Лондонская газета “Нейшн” 2 апреля 1921 года так оценивала позицию лидера вигов в отношении нэпа: в своей речи в палате общин по поводу заключения англо-русского торгового соглашения Ллойд Джордж назвал речь Ленина на X съезде “эпохальной в эволюции Коммунистической Республики”. Более того, престарелый виг понял нэп как отказ от прежней концепции непосредственной мировой революции, что, по его мнению, давало основание признать Советскую Россию как государство “де-факто”.

В редакционном комментарии газета не согласилась с Ллойд Джорджем, увидевшем в нэпе “отказ от социализма”: “...Ленин умеет делать временные уступки и отбрасывает одну меру, когда видит другую лучше. Но в общем, как мы его понимаем, он неуклонно преследует все ту же свою главную цель организации всей русской страны на принципах коллективного производства... Если Ленину удастся получить машины и в особенности если он осуществит свой грандиозный план электрификации России, то он в несколько лет превратит отсталых индивидуалистичных мужиков в социалистов”².

С высоты исторического опыта строительства социализма в СССР следует признать ту горькую истину, что часть “того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией”³, не поняла и не приняла нэп как “столбовую дорогу” к социализму не только в СССР, но и во всем мире, оставшись на прежних позициях “непосредственной” мировой революции и методов “военного коммунизма”.

Л. Д. Троцкий и его единомышленники не поняли главного в ленинской концепции нэпа — изменение *методов* господства мирового капитала после первой мировой войны и Октябрьской революции в связи с появлением новой тенденции, которую В. И. Ленин в своих последних работах называл “ллойджорджизмом”, а мы сегодня — буржуазным реформизмом (государственное регулирование не только экономических, но и социальных отношений при существенных уступках труда-

¹ IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции, с. 106.

² *Бюллетень НКВД*, № 75, 5 мая 1921, с. 12.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 20.

щимся с 1919 года — 8-часовой рабочий день, пособия по безработице, социальное страхование и т.д.). В своей последней работе “Лучше меньше, да лучше” (ключевой, на наш взгляд, теоретической работе В. И. Ленина 1921—1923 годов) он особо подчеркнул этот принципиально новый момент, отдаляющий мировую революцию на длительный срок: «... ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие “социального мира”»¹.

Правда, при жизни Ленина этот “капиталистический нэп” делал еще только первые шаги, но общая тенденция была определена Ильичем правильно: позднее она наиболее ярко проявилась в межвоенный период в 30-х годах в “новом курсе” Ф. Д. Рузвельта в США и политике Народного фронта во Франции.

На закате своих дней В. И. Ленин настойчиво призывал отказываться от старых представлений, не выдержавших испытание временем, предпринимать новые смелые шаги, учитывающие реальную действительность: “Если мы не сумеем... подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков”².

Не подлежит сомнению, что между идеологической надстройкой в виде ожидания мировой революции (а ведь до начала 30-х годов все митинги и собрания кончались лозунгом “Да здравствует мировая революция”) и реальной базисной черновой работой по строительству основ социализма в условиях нэпа создавался все увеличивающийся разрыв. Теория и практика все более и более не совпадали.

Н. И. Бухарин после идеологического поражения на XIV съезде партии в декабре 1925 года “новой оппозиции” стал вместо Зиновьева на короткий срок (1926—1928 годы) председателем Коминтерна и попытался свести это противоречие теории и практики к минимуму путем обновления на VI конгрессе программы Коминтерна, принятой на V конгрессе.

Это был самый длительный из всех конгрессов, и, безусловно, Бухарин был на нем главным действующим лицом: он сделал основной отчетный доклад, доклад о программе, неоднократно выступал в прениях и на секциях конгресса. Его главной задачей было обоснование ленинской концепции нэпа как “столбовой дороги” к будущей мировой революции. Основная сложность коренилась в том, что к 1928 году революционный подъем застопорился не только в Европе, но и в Азии (откат националистов Турции на реакционные позиции, поражение китайской революции в 1927 году и начало гражданской войны КПК и Гоминьдана).

По иронии судьбы, это был не только последний конгресс Коминтерна в ленинском духе, но и последний год нэпа — в следующем году Сталин начнет сворачивать нэп, а В. М. Молотов на X пленуме ИККИ в июле 1929 года объявит на весь коммунистический мир Бухарина “правым уклонистом”, проповедником “развязывания нэпа и свободного товарооборота, т.е. в конечном счете развязывания элементов капиталистиче-

¹ Там же, с. 402.

² Там же, с. 356.

ского развития в нашей стране", обвинит в том, что Бухарин якобы "стреляет по нашему социалистическому хозяйству"¹.

По сути, X пленум полностью дезавуировал все решения VI конгресса, причем Бухарин (формально еще числившийся председателем Коминтерна) не был на этот пленум даже приглашен.

Что же вызвало в решениях VI конгресса Коминтерна такой гнев Молотова и стоявшего за ним Сталина?

Во-первых, аргументированное обоснование того, что нэп оказался жизнеспособным и принес ощутимые социально-экономические результаты (они еще более детально были изложены в докладе Е. С. Варги на VI конгрессе).

Во-вторых, очередное публичное осуждение Бухариным командно-административных методов "военного коммунизма".

В-третьих, обоснование им устойчивости капитализма (до сих пор троцкисты доказывали его неминуемый крах со дня на день), выдвигание теории двух мировых хозяйственных систем и перенос вопроса о мировой революции из плоскости ее постоянного стимулирования через Коминтерн в плоскость защиты СССР международным рабочим классом как "единственного отечества международного пролетариата"².

Наконец, Бухарин не ограничил нэп никакими сроками и отверг зиновьевскую концепцию о "социал-предателях". Он отверг и сталинскую идею о "социал-фашистах": "Было бы неразумно валить социал-демократию в одну кучу с фашизмом" — и пророчески предсказал: "В нашей тактике не исключена возможность обращения к социал-демократическим рабочим и даже к некоторым низовым организациям социал-демократии"³.

По сути, это было продолжение ленинской стратегии "единого фронта" со времени III конгресса Коминтерна.

Год спустя устами Молотова на X пленуме ИККИ Сталин опрокинет эту продуктивную идею Бухарина, которая могла остановить в Германии фашизм: Молотов призвет громить социал-демократию, особенно ее левое крыло, ибо "социал-демократия все более перерождается в социал-фашизм"⁴.

Почему Сталину в конце 20-х годов удалось сравнительно легко справиться с Бухариным и его единомышленниками из так называемого правого уклона и так быстро похоронить нэп?

Не претендуя на исчерпывающий ответ, обратим внимание на один лишь фактор, обычно не привлекающий внимания историков и публицистов, освещающих сегодня "феномен Сталина", — состав партии к концу нэпа, к 1929 году.

Среди документов "ленинского завещания" (понимаемого расширенно, с сентября 1920 по март 1923 года) историки редко обращают внимание на три письма В. И. Ленина В. М. Молотову от 9, 24 и 26 марта 1922 года о составе партии и условиях приема в нее. Эти письма — ключ к пониманию "феномена Сталина" и всех последующих репрессий против крестьян, "спецов", армии, партии, государства.

¹ Международное положение и задачи Коминтерна. X Пленум ИККИ. М., 1929, с. 293.

² VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 3, с. 185.

³ Там же, с. 144—145.

⁴ Международное положение и задачи Коминтерна. X Пленум ИККИ, с. 281.

Поводом для написания писем послужил проект тезисов Г. Е. Зиновьева "Об укреплении партии". Однако под видом укрепления Зиновьев, по существу, предлагал широко раскрыть двери партии всякой, как называл ее Ленин, "мелкобуржуазной швали". Это в корне противоречило взглядам В. И. Ленина на партийное строительство, особенно укороченные сроки кандидатского стажа. "Я считаю крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки, — диктовал Ленин Молотову по телефону из села Троицкое-Лыково под Москвой, где он находился на отдыхе. — Несомненно, что у нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих"¹.

Как раз незадолго до того, как были продиктованы эти слова, прошла очередная, самая крупная после гражданской войны чистка: за период с августа по декабрь 1921 года из партии было "вычищено" почти 160 тыс. человек (около 1/4 ее состава) из таких вот мелких буржуа, числившихся "рабочими от станка" (20%), крестьянами (45%), служащими (24%) и "прочими" (11%)².

То ли Молотов не довел первую телефонограмму до сведения членов Политбюро, то ли они уже начали мало прислушиваться к часто болеющему вождю, но оно утвердило тезисы Зиновьева без учета замечаний Ленина и 17 марта опубликовало их в "Правде". Прочитав тезисы, Ленин вновь диктует Молотову с интервалом в один день (24 и 26 марта) два письма, настаивая на ужесточении условий приема: "Если у нас имеется в партии 300—400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные указывают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии"³.

Среди всех прегрешений соратников Ленина в 1922—1923 годах, о которых так убедительно написал М. Ф. Шатров в своей пьесе "Дальше, дальше, дальше...", это — облегченный прием в партию — одно из самых роковых. На том самом Пленуме ЦК РКП (б) 25 марта 1922 года (Ленин на нем не был, находясь на отдыхе), где было принято решение назначить вместо Молотова генеральным секретарем Сталина с 1 апреля 1922 года, приняты были и тезисы Зиновьева без учета основных замечаний Ленина. И еще неизвестно — что сыграло в дальнейшей судьбе партии, страны и Коминтерна более негативную роль — назначение Сталина или облегченный прием в партию тысяч будущих кагановичей, ежовых, берий и им подобных?

Остается пока неясным, почему В. И. Ленин не довел свои возражения до конца — ведь он участвовал в работе XI съезда партии, окончательно утвердившего тезисы Зиновьева⁴.

Дальше случилось то, чего больше всего опасался В. И. Ленин, — в широко открытые ворота партии хлынул мелкобуржуазный поток. А после смерти Ленина, 31 января 1924 года, Пленум ЦК РКП (б) объявляет "ленинский призыв", но он идет по облегченным уставным требова-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 18.

² Там же, прим. 10.

³ Там же, с. 18.

⁴ Одиннадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., Политиздат, 1961, с. 737—738.

ниям Зиновьева, одобренным XI съездом партии. В "Датах жизни и деятельности В. И. Ленина", приложенных к 45-му тому его Полного собрания сочинений, говорится: "Всего по ленинскому призыву в ряды РКП (б) вступает 240 тыс. лучших, наиболее подготовленных, стойких и надежных рабочих"¹.

Примерно так же рапортует И. В. Сталин XIV съезду в декабре 1925 года: на 1 июля 1925 года в партии состояли 58,6% рабочих от станка, не забывая упомянуть, что партия численно стремительно растет: на 1 июля 1925 года — 911 тыс., на 1 ноября того же года — 1 млн. 25 тыс.²

А Ленин и 400 тысяч считал "чрезмерным"... Кто же были эти новые члены партии? Сталин дает только их социальное происхождение: ни образовательного ценза, ни данных об их предыдущей работе ни у него, ни в орготчете Молотова на том же съезде нет.

Наконец, спустя два с половиной года в докладе Д. З. Мануильского 22 августа 1928 года VI конгрессу Коминтерна о положении в ВКП (б) появляются тревожные проценты. Опасения Ленина сбываются: "тончайший слой старой партийной гвардии" (партийцы с дореволюционным подпольным стажем) составляет всего немногим больше 1%, участники Октябрьской революции и гражданской войны — 32,6% (обе первые категории — 33,6%, т.е. 1/3 состава), все остальные вступили после 1921 года, в период нэпа³.

Конечно, и среди них было немало честных людей, отдавших все свои силы делу строительства социализма. Но и немало было таких, которые, по дневниковым записям 1924—1927 годов председателя первого в России Иваново-Вознесенского Совета А. Е. Ноздрина, "людишки, пришедшие к новому делу от миллиарда, а не от станка"⁴.

Мануильский, не называя численности партии, с тревогой, однако, говорит, что выросшая до огромных размеров партия становится малоуправляемой: "Мы вынуждены дробить единую нашу партию на группы, со своими особыми "корпоративными" и "ведомственными" интересами", возникает угроза образования своеобразных "партий" с узкими корпоративными интересами, непрерывно сталкивающихся между собой"⁵.

Могли эти новые члены партии вместе с теми, кто пришел в нее во время гражданской войны, при их образовательном уровне "выучиться нэпу"? "...Недостаточно безграмотность ликвидировать, — говорил В. И. Ленин в октябре 1921 года на II Всероссийском съезде политпросветов, — но нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры"⁶. Нэпу нужны были "не лихие конники Буденного", не шолоховские Макары Нагульновы с двумя классами, пистолетом в одной руке и словарем английского языка — в другой (для изучения иностранного языка на случай поднятия индусов на мировую революцию против британских империалистов), а люди, умеющие торговать. Это предопределяло не только умение с закрытыми глазами разбирать и собирать

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 718.

² XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М.—Л., Госиздат, 1926, с. 51—52.

³ VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 5, с. 84.

⁴ *Известия*, 1 мая 1988 г.

⁵ VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 5, с. 84.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 170.

пулемет "максим", но и наличие сведений о бухгалтерском учете, финансах, внутренней и международной конъюнктуре, знание иностранных языков.

Как бы пытаюсь снять подозрение со "спецов", над которыми стали сгущаться тучи после шахтинского процесса о "вредителях" (май—июнь 1928 года), Е. С. Варга, наоборот, подчеркивал на VI конгрессе Коминтерна их важную роль в реализации экономической программы нэпа, приведя в подкрепление следующее высказывание В. И. Ленина: "Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, — такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестного, изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца"¹.

А не из этих ли вступивших по облегченному приему Зиновьева "обывателей", для которых партия — "это свобода требований", свобода для "зоологической личности" (из дневника того же А. Е. Ноздрина), выросли изуверы-следователи НКВД шварцманы, родосы и иже с ними, которые позже пытались и самого Зиновьева, и многих других из старой партийной гвардии?

Для таких членов партии Сталин, освободивший их от необходимости "учиться нэпу" и оставивший им самую простую функцию — командовать, закономерно стал, употребляя выражение К. Маркса применительно к Наполеону Бонапарту, "не личностью, а программой"².

Тщетно некоторые члены ЦК, подобно А. И. Микояну на XIV съезде в декабре 1925 года, пытались призывами к единству партии примирить "вождей", окончательно расколовшихся на сторонников методов "военного коммунизма" и форсирования мировой революции и сторонников "гражданского мира" и достижения мировой революции через нэп: "Здесь, товарищи, выступали с докладами тт. Зиновьев и Бухарин. Во что вылилось их выступление? Это есть по сути дела взаимное раздевание вождей, взаимное оголение... — заклинал делегатов Микоян, — ... раздевать друг друга перед всей страной, перед всем миром, — зачем это, в чью это пользу? Вы думаете, мы не знаем, кто такой Сталин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие? Мы очень хорошо это знаем. Ильич дал каждому из членов нашего руководящего коллектива справедливую оценку. Но дискредитировать наших вождей перед мелкобуржуазной массой — зачем это?"³

Правда, в 1925 году А. И. Микоян еще надеялся на своего рода "обруч" — единство рядовых членов ЦК: "Мы говорим, что наша задача — членов ЦК середняков, не претендующих быть вождями, знающих свою роль, указанную Ильичем, — удержать вождей от того, чтобы они не передрались. Это бывает. Ильич говорил: ваш долг сидеть в ЦК в роли, выражаясь вульгарно, городских и не допускать, чтобы вожди передрались. Мы это делали, являясь обручем, сковывающим единство ленинских рядов партии и ее штаба — Центрального Комитета"⁴.

Однако последующее развитие логики внутривнутрипартийной борьбы по-

¹ Цит. по: VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 5, с. 49.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 43.

³ XIV съезд ВКП (Ф). Стенографический отчет, с. 188.

⁴ Там же, с. 187.

казало, что большинство этих членов ЦК — “городовых” из нэповского призыва “средняков” отвергли и Зиновьева, и Бухарина, предпочтя близкого им по стилю руководства и образовательному уровню Сталина.

Когда же старая партийная гвардия, увлеченная затянувшейся дискуссией о путях развития мировой революции, спохватилась, было поздно: повсюду — в партаппарате, в ЦК, на местах — сидели уже “чингизханы с телефонами” (термин Бухарина применительно к Сталину) и именно они поднятием рук по указанию “отца народов” решали судьбы и сторонников немедленной пролетарской революции, и поборников нэпа. Погубив руками “городовых” ленинский план нэпа, Сталин с помощью Ягоды и Ежова, вместе с левыми и правыми “вождями” отправил в небытие и почти весь “обруч” — делегатов и членов ЦК XVII съезда партии 1934 года. Спустя 60 лет XXVII съезду и XIX партконференции КПСС пришлось заново восстанавливать ленинский план строительства социализма в СССР, реабилитируя и “вождей”, и членов ЦК — “средняков”.

ЧТОБЫ ЭТО НЕ ПОВТОРИЛОСЬ

То, что происходит сейчас в стране, не может не только оставить кого-либо равнодушным, но и требует самого глубокого осмысливания, поскольку нужно четко определить свое место в перестройке и сделать все, чтобы она стала необратимой, а сие невозможно без взгляда в прошлое и извлечения из него уроков на будущее не только для страны в целом, но и для каждого отдельного человека.

Взгляд непрофессионала, по роду службы не связанного с историей, иногда может быть полезным, поскольку у него отсутствуют знания, являющиеся генераторами "шума", который маскирует полезный сигнал.

Законы природы одинаковы для всех. Человек, как известно, существо не только биологическое, но и социальное, однако если обратиться к истокам жизни на Земле, то наша общая прамама — амеба в первую очередь была биологическим объектом, и лишь потом, на определенных ступенях эволюции, к биологическому присоединился социальный фактор. Социальное есть функция биологического, а это означает, что законы природы могут служить своеобразным ключом к пониманию и самых сложных социальных взаимоотношений, тем более что у человека социальное и биологическое переплетаются настолько тесно, что оба эти компонента надо рассматривать только в комплексе, особенно когда речь идет о психологических моментах, в основе которых лежат закономерности функционирования центральной нервной системы, ее высших отделов. В настоящее время в медицинской и биологической науках все шире и шире применяется системный подход, а законы, сформулированные в этом отношении Уолтером Эшби, одинаковы для любой системы, какой бы сложной она на первый взгляд ни казалась.

Исторический подход к анализу современных взаимоотношений в обществе в последнее время применяется весьма широко, причем при рассмотрении как известных фактов, так и "белых пятен" отечественной истории наблюдается двоякая реакция, что представляет собой отражение неоднозначной оценки процесса перестройки в целом. На перестройку, как не раз отмечалось, наблюдаются нападки как справа, так и слева. И это вполне закономерно, поскольку только в поиске можно найти истину. Иначе и не может быть. Выдающийся русский физиолог А. А. Ухтомский писал: "Если массивный полимолекулярный химический субстрат (ткань, орган, организм) может обладать единством действия, то не иначе как при том условии, что он, во-первых, способен к подвижно-

му равновесию и, во-вторых, структурно сложен и многофазен. Если под микроскопом мы не открывали бы структурной сложности в тканях и органах, то нам пришлось бы ее придумать, чтобы как-нибудь объяснить себе их фактическое единство действия"¹. Это положение является биологическим отражением общего закона природы, свидетельствующего о том, что гомогенная система мертва. Только в столкновении противоположных мнений можно найти верный ответ. И поэтому чем больше будет высказано суждений по волнующим наше общество вопросам, тем надежнее будет и гарантия познания истины и ее воплощения в конкретные дела.

Сознание того, что настало время, когда каждый из нас должен вспомнить, что он прежде всего гражданин, и побудило взять для анализа совершенно непривычную для автора тему и попытаться высказать некоторые мысли, которые, возможно, окажутся бесполезными при осмыслении того, что надо сделать, чтобы не повторилось тягостное прошлое, которое хотя и не "ревизует" основной линии развития нашего общества, но тем не менее заставляет задать вопрос, как такое стало возможным.

Поэтому я и собираюсь возвратиться к анализу периода культа Сталина и еще раз попытаться понять отдельные моменты этого сложного времени. Не берусь даже пытаться ответить на вопрос о том, в результате каких политических комбинаций и личных качеств Сталин стал тем, кем он стал. Наверное, пока еще сознание всего человечества в целом не поднялось на новый уровень, кровавые тираны были, есть и будут в его истории. Дело лишь в масштабах. Проанализировав характеры диктаторов-тиранов, отличившихся особой жестокостью и коварством, мы наряду с временными национальными и прочими индивидуальными отличиями обнаружим у всех них сформировавшийся с детских лет огромный комплекс неполноценности, который потом каждым был "отработан" после прихода к власти. Вероятно, увидим и относительно низкий — для занимаемого высокого социального положения — уровень образования: действительно образованный и культурный человек кровавым тираном стать не может принципиально.

Не вызывает слишком большого интереса и психология людей, стоявших в непосредственной близости к Сталину: во все времена, пока сохраняется возможность тирании, были, есть и будут опричники, то есть люди, которые вследствие фатальной недоразвитости центральной нервной системы и невыраженности тормозящих механизмов, направленных на предотвращение или недопущение противоестественных поступков, обладая садистскими наклонностями, или же в силу наличия самых банальных житейских побуждений, связанных с достижением собственного благополучия, хладнокровно и методично творят самые различные дела, начиная с написания документов, запрещающих другим людям просто думать, и кончая применением самых утонченных пыток и издевательств как над телами, так и над душами. Здесь к анализу ближе стоят психиатры. Умственный пауперизм, составляющий основу примитивного отношения к жизни, не в состоянии обусловить выдающихся деяний, но лишь может служить основой воспитания колоссального эго-

¹ А. А. Ухтомский. О некоторых новых чертах парабиоза. — *Труды Петергофского Естественно-научного института*, 1930, № 7, с. 29.

центризма, подчиняющего все и вся только исполнению своих личных желаний: материальных или духовных (если к последним можно отнести ненасытную жажду власти и ощущение возможности распоряжаться жизнью и смертью других людей).

Но есть еще одна сторона проблемы, которая представляет исключительно большой интерес, во-первых, в социально-психологическом аспекте, а во-вторых, и с чисто практической точки зрения, поскольку тщательный разбор этой стороны вопроса даст возможность что-то предпринять, чтобы повторение национальной трагедии стало невозможным.

Речь пойдет о страшном социальном феномене, проявившемся в годы культа Сталина и заключавшемся в том, что самые чудовищные нарушения социалистической законности, бьющие в глаза извращения исторической правды хотя бы формально находили всеобщую поддержку. Ведь приговоры так называемым "врагам народа" всенародно одобрялись на митингах и партийных собраниях, на которых люди с неподдельным гневом и болью клеймили и осуждали своих вчерашних товарищей и искренне верили в то, что человек, отдавший лучшие годы своей жизни, здоровье и силы делу революции, мог в один момент идеалы этой революции предать.

Именно этот аспект нашей недавней истории требует самого пристального разбора и глубочайшего анализа. Известная циничная фраза о том, что народ заслуживает своего правителя, абсолютно правильна в плане того, что без определенного благожелательного восприятия народом действий руководителей невозможно формировать никакой деспотической режим, если только он не устанавливается в результате вооруженного переворота, когда сопротивление масс может быть просто подавлено штыками и картечью.

И если можно, например, достаточно четко представить, как была оболванена Гитлером немецкая нация, когда спекуляция на самых низменных националистических чувствах позволила большей части высококультурного народа уверовать в свою национальную исключительность, особенно при подкреплении этой веры эшелонами с награбленным, приходящими из завоеванных стран, в которых проживают "недочеловеки", то ведь Сталин и его окружение никогда не обращались напрямую к темным глубинам человеческого подсознания, и если политическая спекуляция и происходила, то шла она на идеалах революции. Вся система воспитания советского общества была построена на вере в чистоту человека, на положениях, сформулированных самыми светлыми умами человечества, на принципах гуманизма. И тем не менее население многомиллионной страны в целом благославляло группу маньяков, одержимых жаждой власти, на совершение тягчайших преступлений по отношению к народу.

Хотя это и не входит в круг вопросов настоящей статьи, но, пользуясь тем, что разговор идет о событиях 30-х годов, хотелось бы сказать, что как нет срока давности военным преступлениям, так нет и не может быть срока давности преступлениям Сталина и его окружения. Но моральное возмездие пришло, а от людского суда подавляющее большинство из них уже успело уйти. Дело не в этом. Мы должны вновь и вновь возвращаться к одним и тем же вопросам для того, чтобы это не могло повториться. И в первую очередь здесь надо проанализировать психологию масс в период культа Сталина, причины изменений этой психологии,

дать ответ на вопрос, почему народ, который совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, который в безудержном порыве смел белогвардейщину, буквально выдернул страну из разрухи, отстоял свою независимость в борьбе с фашизмом, почему этот народ подобно быку на бойне в течение стольких лет не только подставлял свою голову под обух, но и благословлял этот обух. Попробуем разобраться.

Одной из причин определенного формирования общественной психологии для восприятия культа личности являлось наличие в стране в тот период так называемого маргинального слоя населения, то есть людей, вырванных обстоятельствами из сложившегося веками уклада жизни и не успевших еще прорасти корнями в новую почву. Сюда относятся вчерашние крестьяне, ставшие рабочими, вчерашние рабочие, попавшие сами или направленные на работу в деревню, очень большое количество людей, вдруг поставленных на непривычную для них работу: партийную, административную, хозяйственную.

Не обладая необходимым жизненным или трудовым опытом для существования в новых условиях, этот слой в известной степени терял уверенность в завтрашнем дне, что порождало необходимость в руководителе, который бы четко и ясно определил правила жизни и поведения, суждения которого были бы безгрешными и требовали бы только одного — неукоснительного их исполнения, по возможности, безо всякого раздумья.

Надо учесть и уровень образования этого слоя, волею исторических обстоятельств поставленного к управлению в значительной степени разрушенной страной.

Не обладая в силу совершенно иной профессии возможностью оперировать глобальными статистическими материалами, остановлюсь на доступных мне цифрах, почерпнутых из стенограмм XIV и XVI съездов ВКП (б).

По данным доклада мандатной комиссии XIV съезду ВКП (б)¹ среди делегатов съезда было:

- с высшим образованием 5,1%,
- со средним образованием 22,3%,
- с низшим образованием 66,1%.

О 5,5% состава съезда в докладе мандатной комиссии не говорится; остается предположить, что это были люди без образования вообще.

При этом надо учитывать, что в составе делегатов съезда "рабочие от станка" составляли 5,1% (34 человека), а "крестьяне от сохи" — 0,3% (2 человека). Около 70% делегатов съезда составляли партийные работники всех уровней. В остальную часть, исключая "рабочих от станка" и "крестьян от сохи", входили советские, профсоюзные работники, представители Красной Армии и в небольшом количестве (0,6%, т. е. 4 человека) работники кооперации.

Другими словами, съезд включал в себя партийное и административное руководство страны на самых различных этажах, а образовательный ценз этих руководителей был весьма невысок.

Ни в коей мере не выводя зависимости между уровнем образования

¹ XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., Госиздат, 1926, с. 808 — 811.

и деловыми качествами людей, их революционным самосознанием, идейной убежденностью, все же необходимо отметить, что между степенью образованности и уровнем общей культуры должны существовать определенные корреляции.

Невысокий образовательный ценз отмечается и у делегатов XVI съезда ВКП (б): с низшим, неполным средним (и, по-видимому, без образования) было 74,7% делегатов съезда¹.

На основании приведенных данных можно высказать вполне обоснованное предположение о том, что в годы формирования культа личности Сталина общая культура партийных и административных руководителей во всех звеньях была не очень высокой. То же самое, по-видимому, можно сказать и о населении в целом.

А низкая общая культура, несомненно, способствовала формированию потребности в идоле, обладающем если не божественными, то близкими к божественным качествами (язычество и духовная темнота — две стороны одной медали).

В тесной связи с изложенным следует обратить внимание на еще один из важных моментов, позволявший воздействовать на психологию масс в плане принятия ими культа Сталина, на тезис, неоднократно формулировавшийся как им самим, так и официальными идеологами и деятелями литературы и искусства. Пожалуй, наиболее четко это положение сформулировано в одном из многочисленных стихотворений, написанных в 1949 г. к семидесятилетию Сталина:

И в том твое доподлинное счастье,
Что, может, рядовой из рядовых,
Ты к Сталинскому гению причастен,
И ты в веках живой среди живых.

Другими словами, каждый мог ощущать себя частицей вождя и частицу вождя ощущать в себе, а это давало чувство сопричастности к тем историческим делам, которые вершились партией, народом и страной.

Надо сказать, что подобное умонастроение нередко бывает характерным не только для вопросов политических, но и куда более приземленных, например "болевание" в спорте, когда вроде бы без каких-либо особых усилий человек становится сопричастным к успехам своей любимой команды или даже — при ее выступлении на международной арене — к спортивным успехам (и вообще — к престижу) страны в целом. То есть принцип "и мы пахали" в данном случае из разряда язвительной шутки переходит в категорию, формирующую самоуважение.

А отсюда — один шаг для более серьезных выводов, поскольку, если непогрешим кумир, в котором есть твоя частичка, значит, непогрешим и ты.

Лион Фейхтвангер в своей книге "Москва. 1937", говоря о том, что многое в ситуации, происходившей в этот период в СССР, остается вне его понимания, цитирует слова Сократа по поводу некоторых неясностей у Гераклита: "То, что я понял, прекрасно. Из этого я заключаю, что остальное, чего я не понял, тоже прекрасно"². Таким образом, ощущение сопричастности через вождя к героическим делам страны, делает

¹ XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., Госиздат, 1931, с. 598 — 600.
² Л. Фейхтвангер. Москва. 1937. М., Гослитиздат, 1937, с. 103.

сопричастным и к другим делам, которые при непредвзятом анализе могли бы показаться и не столь уж бесспорными, и не оправдываемыми.

Безусловно, мощнейшим фактором, определившим психологию масс в период не только расцвета, но и формирования культа Сталина, явился террор.

Террор не был изначальным оружием Великой Октябрьской социалистической революции, недаром октябрьский переворот считается одним из самых бескровных в истории. То же относится и к периоду триумфального шествия Советской власти. Красный террор как оружие революции возник в ответ на белый террор, и в условиях гражданской войны его применение было неизбежным. Но когда окончилась гражданская война, В. И. Ленин сразу же поставил вопрос об ограничении карательных функций ВЧК и об укреплении социалистической законности. Однако после смерти В. И. Ленина развитие этого процесса было приостановлено, и террор, бывший вынужденным в период гражданской войны и военного коммунизма, постепенно нарастая к концу периода нэпа, из крайней меры обороны пролетариата, отстаивавшего право на существование нового общества, превратился в средство превентивной защиты существующего режима, а с течением времени и в средство личной охраны, а затем и поддержания авторитета руководителей страны. В этот момент жестокое, но необходимое оружие революции перешло в свою противоположность. Ведь в буквальном переводе с латинского "террор" — это страх, ужас. А устрашение формирует двоякую психологию: рабскую у тех, кого устрашают, и вседозволенности у тех, кто устрашает. Террору 30-х годов посвящены многочисленные исследования и публикации, и поэтому в данной статье нет необходимости повторять известные факты и мысли. Здесь хотелось бы остановиться на одном психологическом аспекте террора, касающемся не отдельных лиц, а всей популяции в целом.

После XX съезда КПСС, несмотря на определенный "откат" от его позиций в годы застоя, по-видимому, никому в голову даже не приходила мысль о возможности повторения массовых репрессий времен культа Сталина. Несмотря на сложнейшие обстоятельства, процесс демократизации советского общества, начатый XX съездом партии, все же сразу стал необратимым: его можно было затормозить (что и произошло в годы застоя), но прекратить было уже невозможно, о чем свидетельствует нынешнее время — гласность и перестройка возникли не на голом месте, а как результат воздействия накопленных в течение длительного времени демократических сил. Тем не менее эпоха террора сказалась на психологии нескольких поколений.

К сожалению, за давностью лет не могу дать точную ссылку на источник, но в 1973 г., в период, предшествовавший перевороту в Чили, когда возможность путча стала явной, в одной из наших центральных газет (или в одной из телевизионных передач) в числе других откликов было письмо, автор которого задавал вопрос: почему Альянде не "пересажает" всех противников своего правительства? Характерная деталь! Террор как средство расправы с политическими противниками (причем превентивно) стал в сознании людей делом обыденным и само собой разумеющимся. Подобные сентенции нет-нет да приходится слышать и в настоящее время. Поэтому очень важной идеологической задачей нашего общества на современном этапе является освобождение сознания

людей от того, что в любых условиях террор может быть применен как средство решения политических или идеологических разногласий.

В связи с этим особое значение приобретает наращивание темпов перестройки по укреплению социалистической законности. Достаточно вспомнить ряд статей, опубликованных недавно в периодической печати, чтобы понять: без установления четких правовых норм, без доведенного до максимума права обвиняемого на адвокатуру, без жесткого повседневного контроля народа за деятельностью правоохранительных органов невозможно раскрепощение психологии людей. Именно с этой точки зрения являются не только вполне правомерными, но просто необходимыми публикации, касающиеся террора периода культа Сталина. Нужно привить людям отвращение к самому понятию "террор" как к чему-то порожденному извращенной психикой. С другой стороны, только грамотный исторический анализ, причем не только в специальной исторической, но и в научно-популярной литературе соответствующего профиля, должен объяснить роль террора в период социальных революций и гражданских войн, показав, что как только террор из крайнего, вынужденного оружия пролетариата превращается в средство охраны вождей и побудительную причину всенародной любви к ним, он сразу становится контрреволюционным действием.

Отношение к террору в период культа Сталина, оправдание этих методов базировалось также на одной особенности, ярко проявлявшейся на протяжении всей истории русского государства. Любая война, которая, например, в средние века велась в Европе, чаще всего захватывала ограниченные контингенты населения: регулярную армию и государственных руководителей (включая и местные власти). Для населения той или иной западноевропейской страны война была бедствием лишь в той степени, в какой она требовала рекрутов, или в связи с тем, что конкретные сражения развертывались на конкретных территориях, где поля вытаптывались воюющими, а крестьянский скраб или дома горожан разграблялись проходящими через эту территорию армиями. Для русского же народа любая война была национальной борьбой против чужеземного ига, направленного на политическое уничтожение страны и физическое уничтожение ее населения как такового, начиная от татаро-монгольского нашествия и кончая Великой Отечественной войной. Историк Ф. Ф. Нестеров, развивший эту мысль в своей книге "Связь времен", пишет: «Русский патриотизм отличался от всякого иного своей беспредельной и безусловной, то есть не требующей ничего взамен, верностью государству. Если в Киевской Руси, как и в Западной Европе, в трудный час призывали ратников встать грудью на защиту своего домашнего очага, жен и детей своих, то Минин, напротив, предлагает "дворы продавать, жен и детей закладывать", чтоб только "помочь Московскому государству"»¹.

Наверное, в силу этой особенности, видеть в руководителе государства защитников от уничтожения позволило сложиться легендам об Иване Грозном, который, хотя и был суров, но и татар окончательно разгромил и от ливонцев оборонял.

В известной степени этот тезис срабатывал и в 20 — 30-е годы наше-

¹ Ф. Ф. Нестеров. Связь времен. М., "Молодая гвардия", 1987, с. 128.

го столетия. В памяти народа еще были свежи события братоубийственной гражданской войны и интервенции. Страна находилась в политической и экономической изоляции, по ее адресу раздавались весьма недвусмысленные угрозы, подкрепляемые периодическими провокациями, убийствами советских полпредов, разного рода ультиматумами. И это постоянное ощущение того, что ты находишься буквально в огненном кольце, причем не только ты, но и вся страна в целом (а у человека, пробужденного революцией к новой жизни, чувство патриотизма и отождествления себя с государством, естественно, было развито чрезвычайно сильно), заставляло народ сплачиваться вокруг тех, кто мог его оградить, мог создать эффективные механизмы защиты: происходило небывалое сплочение вокруг правительстве, Центрального Комитета партии, а в силу ряда особенностей и вокруг появившегося лидера. В. И. Ленин был, и это не является преувеличением, вождем и объектом поклонения, близкого к религиозному. После смерти В. И. Ленина говорилось о том, что его может заменить только партия в целом: именно на этом тезисе был основан знаменитый Ленинский призыв в партию. Первое время многими политическими деятелями страны того периода многократно повторялась мысль о том, что В. И. Ленина может заменить только коллегиальное руководство. Обратимся к словам Сталина в его заключительном слове на XIV съезде ВКП (б) :

“Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича, глупо об этом говорить.

Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству — вот что нам нужно теперь”¹.

Но постепенно в силу обстоятельств партийное руководство в значительной степени начало ассоциироваться с личностью Сталина, и именно на этой личности стало концентрироваться внимание народа как на защитнике, как на вожде, который единственный способен быть “надежей и опорой” страны в исключительно трудный период.

Сочетание этого фактора с отождествлением себя с личностью вождя хотя бы в какой-то части обуславливали не только создание культа Сталина как такового, но и оправдывали все его действия, что усиливалось возникновением коллективной ответственности за содеянное.

Это проявлялось на всех уровнях. Сначала под приговором М. Н. Тухачевскому и И. Э. Якиру поставил свою подпись В. К. Блюхер, а на следующем витке новые подписи были уже под приговором самому В. К. Блюхеру. Этот принцип действовал и в том случае, когда на самых различных собраниях одобрялись приговоры “врагам народа”: каждый из тех, кто поднимал руку, утверждая эти приговоры, становился сопричастным к преступлению. И это ломало психику людей, заставляя их потом считать, что все, что ни делалось, делалось правильно, причем с течением времени эта убежденность из чисто конъюнктурной становилась для каждого человека истиной — его собственным мнением. Мне довелось быть знакомым с рядом крупных ученых, которые, поддавшись обстоятельствам, в конце сороковых годов громили генетиков. Прошли

¹ XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. Государственное издательство. М., 1926, с. 508.

десятилетия, канул в прошлое Распутин советской биологии — “народный академик” Лысенко, а эти ученые продолжали скептически относиться к достижениям генетики, поскольку в их сознании четко зафиксировались постулаты, к которым их склонили в свое время даже против их воли. И мало у кого хватило сил признать, что они совершили в прошлом моральное преступление. А обелить себя хотя бы в своем собственном мнении они могли только тогда, когда продолжали считать свои прошлые действия правомерными. Эта коллективная ответственность давала новый толчок формированию психологии, принимающей культ личности как нечто естественное и единственно возможное. Наверное, даже самый испорченный человек подсуден собственной совести и, естественно, ищет самооправдания. А последнее могло появиться лишь в том случае, если можно было убедить себя в правильности содеянного, и не только убедить, но и (что самое страшное) воспитывать в этой убежденности своих детей. Вот один из механизмов передачи психологии культа личности молодому поколению и причина апологетики Сталина, с которой мы сталкиваемся сейчас у людей, которые и родились-то позже XX съезда, которые о Сталине могут судить только с чужих слов и тем не менее готовы всеми силами и средствами доказывать его правоту.

Извращения общественной психологии, которые уже были разобраны, закреплялись и своеобразным пропагандистским механизмом, основанном на раздвоении человеческого сознания и последующей спекуляции на таком раздвоении.

Механика этого процесса интересным образом прослежена в романе Джорджа Уорруэла “1984”. Об этом раздвоении действительности, существовавшем в сознании наших людей в 30-х годах, очень точно сказал и Е. Евтушенко в одной из глав поэмы “Братская ГЭС”¹:

...Не мог понять, что делается — словно
две разных жизни были у страны.

В одной — я строил ГЭС под вой шакалов,
В одной — Магнитка, Метрострой и Чкалов,
“Вставай, вставай, кудрявая...”, и вихрь
аплодисментов там, в кремлевском зале...
В другой — рыдания: “Папу ночью взяли...” —
И звезды на пол с маршалов моих.

В условиях этой двойственности особую роль приобретала пропаганда, превращавшая ирреальность и несправедливость всего происходящего в само собой разумеющееся и правильное. Почва для этого в тот момент существовала: подавляющая часть населения громадной страны была воспитана на революционных идеалах и безоглядной вере в то, что руководящее ядро партии и страны делает все для того, чтобы как можно скорее достичь светлого будущего, поднять обороноспособность, распространить идеи социализма на весь мир. Эта уверенность мобилизовывала людей на свершение казалось бы недостижимого, порождала трудовой энтузиазм, равному которому не знала история, заставляла

¹ Е. Евтушенко. Избранные произведения в 2 томах, т. I. М., “Художественная литература”, 1975, с. 476.

закрывать глаза на, как считали, временные трудности, вернее — сознательно мириться с ними.

И вот на фоне общенационального героического подъема на страну накатывается какой-то невероятный смерч. Сотни тысяч людей оказываются "врагами народа", причем среди них те, кто совершал революцию, кто шел вместе с Лениным. Судя по газетным сообщениям, этот гигантский заговор пронизывал все слои общества. Понять это чудовищное перерождение огромного слоя партийных и государственных руководителей, понять возможность наличия врагов и шпионов в любой семье, на любом производстве было возможно только при условии абсолютной веры в правильность того, что сообщает пропаганда, другими словами, при условии принятия этого искаженного мира за реальный. И в этом случае все становилось на свои места: да, международная обстановка, временные трудности построения социализма в СССР, личные отрицательные качества ряда людей привели к их перерождению, сделали их шпионами и диверсантами, а значит, во имя счастья страны в целом, их надо уничтожить. Если принять, что значительная часть крестьянства — это кулаки, готовые сжечь хлеб, но не дать его трудящимся, значит надо их раскулачивать, расстреливать и т. д. Стоило лишь изменить точку отсчета, чтобы полностью уверовать в реальность этой ирреальности. Иначе быть не могло, поскольку каждый видел наши действительные успехи, видел, как за кратчайший срок трудящиеся нашей страны получили возможность строить новую жизнь, а значит, те, кто руководил страной, не могли столь чудовищно ошибаться.

Формированию таких представлений безусловно способствовали тогдашние методы пропаганды — упрощенной до предела, но бьющей в одну точку и закрепляющей в сознании людей реальность ирреального.

Как такая пропаганда может калечить разум даже весьма неглупых людей, мне довелось убедиться в гораздо более поздние годы, может быть, на менее ярких примерах, но тем не менее наводящих на глубокие размышления.

Однажды в конце 70-х годов я присутствовал на очередном собрании партийного актива Москвы, где с докладом выступал тогдашний первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Надо сказать, что подавляющее большинство докладов, которые делались на подобных собраниях в годы застоя, отличалось крайне малой информативностью, обилием общих, ничего не значащих фраз, нудным, монотонным чтением вне зависимости от личности докладчика. Но В. В. Гришин занимал, на мой взгляд, в этом отношении особое место: его доклады были совершенно бесполезны для слушателей, поскольку не содержали ни одного бита информации сверх того, что было в переделах центральных газет.

По окончании этого собрания я встретил одного своего старого знакомого, работавшего в то время заведующим отделом агитации и пропаганды одного из районных комитетов партии Москвы. Это был весьма неглупый человек, с которым, в общем-то, можно было обсуждать достаточно сложные проблемы текущей партийной работы. Учитывая наши довольно близкие отношения, я в весьма конкретных выражениях высказал свое отношение к заслушанному докладу и к бездарной потере времени. Но в ответ от своего собеседника я услышал: "А я получил большой идеологический заряд!" Взглянув в его гла-

за, я убедился, что он верует в то, что говорит.

К сожалению, эта слепая вера во все, исходящее от высоких руководящих органов, как в истину в последней инстанции, не лежащей никакой критике, имеет место и сейчас, не давая возможности людям хоть с какой-то долей аналитического отношения подойти к некоторым неизбежным, с их точки зрения, постулатам.

В № 18 (25 370) газеты *Правда* от 18 января 1988 г. в разделе "Дискуссионная трибуна читателей" под заголовком "Чтобы веру не терять" опубликовано письмо жительницы г. Минска О. Вечер, в котором она, в частности, пишет:

"Наше поколение (мне 30 лет), как и много других поколений, выросло при социализме и без веры в бога. Нашим богом, если можно так сказать, был социализм, его идеалы. Все родительское, школьное и общественное воспитание сводилось к вере в эти идеалы. В принципе я со всем согласна — и с писателями (их письмо "Легко ли быть молодым", 10.11.87), и с архиепископом. Согласна в том, что нельзя нам плыть по течению и сводить воспитание к потаканиям вкусам молодежи. Но мне кажется, авторы этих выступлений не договаривают. Самое-то главное — идея социализма, которой мы живем 70 лет и которая давала и дает нам цель жизни, в результате политики гласности и безудержной критики со всех сторон в чем-то себя дискредитировала.

За всех не говорю, но во мне лично вера поколебалась. Это у меня-то, которая глотку могла перегрызть любому, кто чернил наш социалистический строй и хвалил капиталистический. А что говорить о молодых, неокрепших душах, если на них обрушивается огромный поток негативной информации. Вспоминаю пьесу М. Шатрова "Так победим!". Мой девятилетний сын, увидев на экране телевизора известного актера в роли В. И. Ленина, обескураженно произнес: "Разве Ленин такой? Смотри, он же ласковый, добрый." И показал мне марку с улыбающимся Ильичем".

Весьма примечательное письмо. Автор не пытается понять, что же происходило у нас в не очень далекое время. Она убита крушением идеалов, а точнее, тем, что появилось что-то, что может уничтожить ирреальность в сознании. А ведь автору письма тридцать лет. Она родилась уже после знаменитой "оттепели" конца 50-х годов. Но, по-видимому, идеологическое воспитание в духе сталинизма привело к тому, что ее сознание не приемлет возможности не отказа, а просто критического осмысления казавшихся ранее неизбежными догм.

Но если даже сейчас, когда гласность, опубликование ранее запретных фактов и литературных произведений, прояснение некоторых (к сожалению, далеко не всех) "белых пятен" в истории нашей страны начинают раскрепощать умы, слышен стон по потере возможности ирреального существования, что же говорить о 30-х годах, когда героика самой жизни была той основой, на которой формировалось восприятие происходящего. И урок, который может быть из этого извлечен, сводится к тому, что всеми средствами необходимо формировать в сознании людей аналитическое и критическое осмысление всего происходящего. Иначе вновь сформируется вера типа религиозной в те или иные идеалы, причем вера, основанная не на истинах, а на догматах. А отсюда один шаг до подмены труда и свершений народа делами отдельной личности.

Нужно сказать, что немарксистское толкование истории играет в

этом отношении далеко не последнюю роль. Не Сталин выиграл Великую Отечественную войну, а советский солдат и советский труженик тыла, советские полководцы — выиграла вопреки ошибкам Сталина. Мы в силу ряда объективных обстоятельств, в первую очередь вследствие необходимости безоглядного сплочения в тех условиях, в которых существовало молодое Советское государство, сначала привыкли отождествлять себя с вождем, а затем и отдавать вождю то, что мы сделали сами. А это в свою очередь неизбежно вело к искажению восприятия происходящего и к смещению оценок конкретных исторических ситуаций. Сформировавшаяся вера в непогрешимость вождя заставила в конечном итоге воспринимать все, от вождя исходящее, как единственно верное. А это приводило к формированию совершенно уродливых представлений о личности советского человека, причем через некоторое время эти уродливые представления воспринимались уже как санкционированные официальной пропагандой правила.

Ирреальность происходившего в 30-е годы, наслоившись на истинно героический фон общенародного труда и энтузиазма, произвела в сознании людей глубокий болезненный сдвиг, проникший и в последующие поколения и не преодоленный и по сию пору.

Сформировавшийся на определенном социально-психологическом фоне культ Сталина по принципу обратной связи начал вызывать дальнейшее углубление деформации сознания, причем последняя качественно дифференцировалась у различных групп населения.

Прежде всего надо коснуться обывателя. Это слово употребляется здесь отнюдь не в "ругательном" смысле, а для характеристики достаточно широкой группы людей с невысоким уровнем образования и культуры, которые были лишены способности к критическому анализу (или, во всяком случае, не стремились эту способность проявлять), принимали на веру любую информацию и были убеждены в непогрешимости установленных в стране порядков, поскольку последние гарантировали им необходимый минимум материальных благ и уверенность в завтрашнем дне, вернее, надежду на то, что такая уверенность будет возрастать день ото дня. Другими словами, речь идет о том же "маргинальном слое", но уже в определенной степени "устоявшемся" и по этой причине не только не желающем никаких перемен, но даже не пытающемся о них думать. Характерной особенностью этой группы являлась полная, беспредельная вера в правильность установок, исходящих от руководства, и стремление предельно аккуратно эти установки выполнять. Думается, что в годы Великой Отечественной войны именно этот слой питал наибольшую, но все же существовавшую прослойку коллаборационистов. Речь идет не о тех военных преступниках, которые активно сотрудничали с фашистами. Нет, просто эти благопорядочные обыватели, для которых в силу их психологии любая власть являлась ниспосланной сверху, шли в полицию, чиновники различных управ или просто добросовестно трудились на фабриках и заводах, пущенных завоевателями в работу. К сожалению, в открытой печати не было представлено точной социальной характеристики этой группы населения, но даже те сведения, которые можно почерпнуть из мемуаров участников Сопrotивления, дают возможность судить о том, что далеко не все эти приспособленцы происходили из семей "бывших" или же были поражены националистическим недугом. Просто рабская психология, сформировавшаяся в годы культа,

никуда не могла исчезнуть и продолжала по нарастающей калечить души людей и определять их поведение. Те же представители этого слоя, которые в силу обстоятельств не попадали в экстремальные условия, продолжали добросовестно трудиться, столь же добросовестно воевали, а в послевоенные годы восстанавливали разрушенное хозяйство. Но именно они пополняли собой ряды тех следователей, охранников и прочих исполнителей, которые даже не задумывались о том, что они вместе со своими руководителями нарушают социалистическую законность, попирают права человека и т. д. Сформировалось своеобразное "болото", представители которого в обычных условиях шли туда, куда ему приказывали, вне зависимости от того, кто приказывал.

Из этого же слоя вышла и другая группа, которая в силу отменного развитого инстинкта приспособленчества начала выводить культ на новый виток. О таких людях еще более ста лет тому назад очень точно сказал М. Е. Салтыков-Щедрин¹: "Под "бонапартистом" я разумею вообще всякого, кто смешивает выражение "отечество" с выражением "ваше превосходительство" и даже отдает предпочтение последнему перед первым. Таких людей во всех странах множество, а у нас до того довольно, что хоть лопатами огребай". Этот слой оказался очень живучим, по-видимому, вследствие закономерностей естественного отбора, так как его поведение обеспечивало ему выживание при любом режиме. Пройдя нетронутым через время XX и XXII партийных съездов, этот слой пыльным цветом расцвел в годы застоя, в частности (этот пример наиболее ярко) именно ему мы обязаны публичными обсуждениями небезызвестной тетралогии мемуаров наряду с партийными документами.

В силу этих же особенностей данный слой представлял наиболее серьезное препятствие в борьбе с культом Сталина и представляет, пожалуй, наибольшую опасность и сейчас, в период перестройки.

Культ личности нанес непоправимый урон нашей науке в первую очередь тем, что он деформировал психологию ученых, сместил для них понятие нравственности.

В относительно небольшой статье, к сожалению, невозможно сколь-нибудь подробно остановиться на этом вопросе, заслуживающем самостоятельного исследования. Но достаточно обратиться к стенограммам сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и объединенной ("Павловской") сессии АН и АМН СССР 1950 г. (а обе эти книги в свое время были выпущены достаточно большими тиражами), чтобы понять, какой гигантский вред нанес культ Сталина нашей науке именно через моральный фактор. Не нужно обращать внимания на выступления таких проходимцев от науки, как Митин или Президент, надо прежде всего прочитать выступления тех, кто своими трудами до того (а многие и после того) оставили в науке заметный след. Эти люди, пойдя на моральные компромиссы, сохранили свои рабочие места, но потеряли учеников. Из лабораторий научных коллаборационистов не вышел ни один сколь-нибудь талантливый ученый. И это не случайно: спрос рождал предложение — и в лаборатории к научным коллаборационистам шли те, кто был уже заранее готов к такой роли. И здесь надо учитывать следующее: отступничество ученого проявляет какую-то замаскированную негативную черту его характера, но не

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом. — Собр. соч., т. 14. М., "Художественная литература", 1972, с. 11.

стирает ни накопленных знаний, ни его способности мыслить. А вот готовность к отступничеству изначально свойственна людям посредственным. Но докторские степени и профессорские звания эта категория людей получала, поскольку и то и другое далеко не всегда является свидетельством выдающегося таланта. Полученные в достаточно молодом возрасте соответствующие дипломы — это лишь визитная карточка, в которой, к сожалению, зачастую может блеснуть лишь глянцевоый картон, на коем она напечатана. Так случилось, что в научную жизнь вошла большая плеяда таких людей, которые потом в силу занятия с возрастом тех или иных руководящих научных постов, искусственно создавая вокруг себя вакуум, не допуская новую (новую и в психологическом отношении тоже) генерацию исследователей к этим постам, заняли в отдельных областях науки (прямо не связанных с вопросами обороны, где оценки иные, о чем свидетельствует, например, полностью независимое поведение И. В. Курчатова даже в самые тяжелые годы) господствующее положение и превратились в тормоз развития ряда научных областей. Сейчас, когда сама жизнь требует иного отношения к развитию всех сфер научной деятельности, эта группа уходящих по возрасту (но, к сожалению, еще не ушедших) деятелей науки пользуется сформировавшимися за десятилетия околонучными связями, прибегая к методам интриг и сколачивания научных “кланов” (или, хуже того, “мафий”), пытается всеми силами не дать прорваться в замкнутый круг лицам, являющимся носителями совершенно иной морали. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на известные публикации об академических делах в периодической печати.

О психологической деформации, вызванной культом у творческой интеллигенции — писателей, художников, деятелей киноискусства, — сказано достаточно много, да, кроме того их произведения на виду у всех, и нет необходимости на этом останавливаться подробнее. Хочу подчеркнуть только ту мысль, что пропаганда ирреальных представлений, захватившая нашу литературу и искусство, в значительной степени определяла нарастание дальнейшей деформации социальной психологии.

Отдельно надо сказать о том, какой ущерб нанес культ сознанию молодежи.

Не говоря уже о том, что сама обстановка воспитывала резко отрицательные моральные качества: приспособленчество, бездумное поклонение авторитетам, жестокость и т. д., были и более страшные воздействия. Практика осуждения на собраниях “врагов народа” привела к тому, что дети были вынуждены публично отречься от своих роителей, а если они этого не делали, то их сверстники заставляли их это делать. Большого извращения принципов, заложенных в личности как социальной, так и биологической эволюцией, трудно придумать. Но, пожалуй, более существенным вследствие широты охвата было другое. Несколько поколений молодежи воспитывалось на почти религиозной вере в Сталина, и 1956 г. стал для многих из них подлинной трагедией, поскольку именно в юности крушение идеалов переносится наиболее тяжело. Правда, молодежь в силу высокой подвижности нервных процессов и перестраивается легче, и поэтому подавляющее большинство молодых людей тяжело, но с честью выдержало это испытание. Однако последовавший в 60-е годы отход от принципов, провозглашенных XX и XXII съездами КПСС, определенная “реабилитация” Сталина, сгустив-

шиеся над страной идеологические тучи — все это вызвало уже у очень многих молодых людей полное безверие, окончательное крушение идеалов и навсегда бросило их в трясины коррупции, приспособленчества и бюрократизации общества. В этом огромной силы урок нам всем и предупреждение, что новый “откат” с завоеванных позиций обернется уже гибелью.

Все эти изменения социальной психологии вкуче, наряду с определенными экономическими и политическими закономерностями развития общества, способствовали рождению, становлению и прорастанию во все слои общества мощного партийно-государственного бюрократического аппарата, составляющего в настоящее время главное препятствие на пути перестройки. Здесь нельзя применить слово “класс”, поскольку в основе марксистского определения классов лежит их отношение к орудиям и средствам производства, но говорить о наличии определенной большой социальной прослойки в нашем обществе — можно. При этом следует учитывать, что присвоившая себе право на административное управление населением, право на получение определенных материальных благ, эта прослойка добровольно эти права не отдаст и будет за них бороться, как те самые свергнутые эксплуататорские классы, сопротивление которых удесятерится их свержением.

Таким образом, практика культа Сталина привела к формированию нового уровня социальной психологии общества, который во многом определил и дальнейшее развитие страны.

Но были и другие люди, чьи моральные установки, несмотря на все, остались такими, какими они должны быть у “послеоктябрьских” людей. Об этом говорят в первую очередь примеры небывалого героизма во время Великой Отечественной войны, совершенно потрясающие письма академика П. Л. Капицы на имя Сталина, Молотова, Берии относительно арестованного Л. Д. Ландау, факты из биографии А. А. Кузнецова, который, как это ясно следует из материалов о нем, опубликованных в *Комсомольской правде* (от 15.01.88), не просто отдавал все силы делу, которому служил, но и оказывал сопротивление дальнейшему развитию идеологии культа Сталина (самоубийственно, но — факт!). После погрома в биологии, учиненного Лысенко, Лепешинской, Бошьяном и иже с ними, когда подавляющее большинство биологов поступило по примеру “храбрецов”, подведомственных одному щедринскому градоначальнику: “А что, если это так именно и надо, чтобы в Глупове был и именно такой, а не иной градоначальник? Соображения эти показались до того резонными, что храбрецы не только отреклись от своих предложений, но тут же начали попрекать друг друга в смутьянстве и подстрекательстве”¹, нашлись ученые (и не единицы), которые сумели сохранить полученные результаты, разработанные методики, накопленные реактивы и в полном смысле в нелегальных условиях продолжали исследования, сумев сберечь ту основу, с которой наша биология в конце 50-х — начале 60-х годов стартовала вторично.

И еще один пример, носящий уже личный характер. Однажды, будучи учеником шестого класса (1948 г.), я учил наизусть стихотворение, в котором были следующие строки:

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города.— Собр. соч., т. 8, с. 283.

Мы отвагой горя, проплываем моря,
Нас враги победить не сумеют.
Над советской землей свет не сменится мглой:
Солнце — Сталин нам светит и греет!

Не помню сейчас автора этого стихотворения, да это и не принципиально. Важно другое. Когда я вслух прочитал эту строфу, то мой отец, обращаясь ко мне, сказал: "Запомни, человек не может быть солнцем". И после этого он всерьез взялся за мое политическое воспитание, результатом которого, в частности, было то, что уже в восьмом классе я прочитал бережно хранившийся у отца экземпляр ленинского "Письма к съезду" (в машинописном виде, разумеется) и был тогда уже твердо убежден, что ни Н. И. Бухарин, ни Г. С. Зиновьев, ни Л. Б. Каменев и другие врагами народа никогда не были. Вследствие этого для меня 1956 г. и XX съезд не были причиной духовного надлома, но наоборот — началом торжества справедливости.

Мой отец многим рисковал, поскольку у двенадцатилетнего школьника язык не всегда подчинялся разуму, и эти уроки политграмоты случайно могли стать всеобщим достоянием, последствия чего отец мог весьма точно рассчитать. Но он пошел на такой риск, полагая, что он стоит возможного воспитательного эффекта, и я глубоко благодарен отцу за это. Не думаю, что мой отец был единственным, кто поступал подобным образом.

Все приведенные выше примеры дают основание прийти к двум выводам. Во-первых, изменения социальной психологии советского общества, вызванные культом Сталина, не поразили общество в целом, не смогли выкорчевать в людях того, что было заложено Октябрем.

Во-вторых, по-видимому, существует определенная закономерность сохранения мыслящего слоя общества даже в самые черные периоды истории человечества.

В животном и растительном мире мы можем наблюдать схожие ситуации, когда в условиях, грозящих той или иной популяции вырождением или гибелью вследствие неблагоприятных условий существования, эта популяция даже ценой почти поголовной гибели сохраняет тех, кто может в дальнейшем обеспечить новое развитие этой популяции. Наверное, иначе жизнь и по сей день оставалась бы лишь экспериментом, поставленным природой и находящимся под постоянной угрозой прекращения.

Наличие такого механизма свидетельствует о высокой жизнеспособности популяции.

То же произошло и в годы культа. Несмотря на планомерное подавление инициативы всех и каждого, несмотря на стремление все глубже и глубже ввергать население в мир ирреальной пропаганды, несмотря на физическое уничтожение лучших представителей общества в самых различных его сферах, не только сохранялась интеллектуальная элита, но общество в целом имело тенденцию к выздоровлению при благоприятных условиях, свидетельством чего является тот факт, что первый период очищения наступил всего через три года после смерти Сталина.

Еще раз хочу подчеркнуть, что эти свежие очищающие силы зрели в нашем обществе и в застойные годы, именно эти силы и начали процесс перестройки, в их наличии определенная (и весьма значительная) гаран-

тия того, что перестройка будет продолжаться, хотя на ее пути есть еще немало трудностей, преодоление которых возможно только при четких и однозначных делах, определяющих ее необратимость, поскольку еще есть силы противодействия, уходящие корнями в прошлое.

В течение последнего времени, по мере все более и более широкого и гласного обсуждения вопросов нашей истории, четко выявляется тенденция отнюдь не незначительной части людей активно противодействовать этому процессу, стремиться если и не обелить темные страницы нашего прошлого, то, во всяком случае, постараться их забыть. Налицо попытки своеобразной апологетики Сталина, в чем можно убедиться по целому ряду писем, которые публикуются на страницах нашей периодической печати.

Этот социальный феномен заслуживает подробного анализа, поскольку наличие такого слоя не позволяет считать, что на настоящий момент перестройка стала необратимой. Пока существует слой людей, стремящихся в той или иной степени оправдать (а значит, при возможности и воскресить) методы эпохи культа Сталина, существует и опасность отхода от кардинальных принципов перестройки. Но для того чтобы наметить пути предотвращения этого отхода, следует прежде всего разобратся в том, какие причины заставляют выискивать что-то положительное в этом уродливом явлении.

Чисто условно можно выделить пять категорий апологетов культа Сталина.

Первая группа — это молодежь, которая о временах культа может знать либо по литературным (историческим) источникам, либо вследствие определенного воспитания в семье. Что касается литературных источников, то даже в годы застоя, хотя и наблюдался определенный возврат к возвеличиванию Сталина, все же это делалось с весьма серьезными оговорками, касавшимися в основном нарушений социалистической законности. Поэтому у молодежи поддержка идей Сталина является скорее результатом воспитания в соответствующих семьях, старшее поколение которых в силу рассмотренных выше причин является убежденным сторонником сталинских методов. Противопоставить такому воспитанию можно правду и одну только правду, причем не только в литературных произведениях, которые всегда можно обвинить в недостаточной документальности, авторских домыслах и эмоциях, а в исторических исследованиях, должных стать предметом рассмотрения и в специальных изданиях, доступной самому широкому читателю популярной литературе.

Ко второй группе следует отнести сравнительно небольшое (в силу чисто возрастного фактора) количество людей, являвшихся участниками тех событий и бывших проводниками идей культа личности и его методов. По вполне понятным причинам надежды на то, что они "прозреют", весьма слабы.

Третья группа в психологическом отношении является наиболее сложной. К ней можно отнести, во-первых, представителей того самого "маргинального" слоя, повязанных коллективной ответственностью за содеянное или хотя бы бывших пассивными свидетелями происходившего. Когда человек на склоне лет оценивает свой жизненный путь, он неизбежно связывает свою биографию с историей общества своего времени. И поскольку те годы в значительной степени ассоциируются с именем Сталина, у многих людей возникает боязнь, что крушение их тогдаш-

него кумира сделает и их самих, как андерсеновского короля, голыми. Во-вторых, к этой группе принадлежат люди, фанатично преданные революционным идеалам, для которых все, связанное с Советской властью, может рассматриваться только в положительном аспекте. Даже несмотря на то, что они сами или их близкие пострадали в годы культа, они сохранили, несмотря ни на что, светлую веру в идеалы социализма. Перед такими людьми остается только преклоняться, хотя, конечно, любой вид фанатизма, даже продиктованного самыми лучшими побуждениями, не является предметом подражания.

Четвертая группа апологетов Сталина порождена годами застоя и теми негативными явлениями, которые накопились в этот период. Результатом этого явилась своеобразная ностальгия по "сильной личности". Определяющий тезис этой группы людей: да, при Сталине были нарушения законности и много другого негативного, но при Сталине не было воровства, была железная дисциплина, мы выиграли войну, общество, в том числе и его экономика, развивалось.

В таких утверждениях заложено сразу несколько ошибок.

Во-первых, многое в нашей истории было достигнуто не благодаря Сталину, а вопреки ему. Достаточно вспомнить первый период Великой Отечественной войны, который был во многом определен грубейшими политическими и военно-организационными промахами Сталина, а также репрессиями в Советской Армии.

Во-вторых, страна действительно развивалась, но общий уровень мировой экономики позволял в тот период добиваться определенных успехов волюнтаристскими методами руководства.

В-третьих, высокий уровень дисциплины, меньший размах коррумпированности, воровства и бесхозяйственности был обусловлен не только жесточайшими, поистине драконовскими, методами принуждения, но в первую очередь морально-политическим революционным подъемом общества. Когда были выбиты лучшие из лучших и сместилась мораль целого слоя, и наступил период коррупции.

И наконец, цена, заплаченная за экономическое развитие страны, была непомерной. Извращения в претворении в жизнь ленинского кооперативного плана в сельском хозяйстве и подъем промышленности за счет введения военного коммунизма в деревне, голод начала 30-х годов, инспирированный сверху и унесший миллионы человеческих жизней, — все это было сверхдорогой платой за успехи в индустриализации.

И наконец, последнюю, пятую группу составляют противники гласности и демократизации. На мой взгляд, это самая опасная группа, прежде всего в силу своей большой численности, поскольку она включает тот самый непомерно разросшийся бюрократический аппарат, который за многие десятилетия привык к чисто бумажной работе, директивным методам руководства, который получил определенные дополнительные материальные блага (прямые или косвенные) и который, конечно, без самой ожесточенной борьбы свои позиции не сдаст. Методы террора, применявшиеся в годы культа Сталина, оставили неизгладимый след в психологии этого слоя: идеологическое, политическое и физическое ограничение или даже уничтожение противников их благополучия может толкнуть этот слой на возрождение в той или иной форме сталинских методов управления. А поскольку они до сих пор держат в руках

немаловажные рычаги власти, их сопротивление перестройке является весьма реальным и опасным.

И наконец, последнее, на чем необходимо остановиться, исходя из того, что было изложено выше, — это вопрос о том, что необходимо сделать, чтобы перестройка стала необратимой, чтобы были исключены возможности повторения нашей трагедии. К сожалению, период “оттепели” 50-х годов таких гарантий не дал, результатом чего явился период застоя, который нанес нашему обществу моральный, а экономике — материальный урон не меньший, чем культ Сталина, хотя в застойные годы и не было массовых репрессий и столь непристойного идеологического шабаша, как в том периоде, которому посвящена настоящая статья.

Не являясь ни политиком, ни историком, осмелюсь высказать некоторые соображения, которые вытекают просто из личного жизненного опыта, опыта работы в выборных комсомольских и партийных органах и из анализа конкретного исторического материала.

Одной из важных гарантий предотвращения возможности любого культа является глубокая демократизация. И необходимым ее условием внесение в соответствующие уставы и законы обязательного правила: любые выборы должны производиться из большего количества кандидатур, чем должно быть избрано.

Есть ярчайший исторический пример, свидетельствующий о том, к каким последствиям привело отсутствие этого правила. Имеются свидетельства, что на XVII съезде ВКП (б) при выборах руководящих партийных органов Сталин получил “против” около трехсот голосов и был последним по списку. Если бы в состав ЦК партии избиралось бы количество членов хотя бы на одного меньше, чем было выдвинуто кандидатур, Сталин бы в состав ЦК не прошел, а следовательно, не было бы “ежовщины”, в том числе и разгрома военных кадров, что, несомненно, сказалось бы и на ходе войны с фашистской Германией. Отсутствие, казалось бы, чисто организационного пункта обернулось величайшей трагедией.

В связи с этим стоит и классическое указание В. И. Ленина о необходимости периодической сменяемости всех чиновников. Если срок пребывания в должности конечен и после этого хотя бы на короткий период руководитель лишается какой-либо власти, он при всех других условиях становится подсудным любому суду — от морального до уголовного. И в этом гарантия недопущения этим руководителем деяний, идущих вразрез с интересами общества в тот период, когда он находился у власти. Одновременно должна быть ликвидирована любая элитарность руководящих работников всех уровней: их отличие от любого другого трудящегося может заключаться только в размере заработной платы согласно выполняемой им работе. Иных преимуществ быть не должно.

Если коснуться сферы не организационной, а идеологической и экономической, то хотелось бы остановиться на некоторых частных, но важных моментах.

В настоящее время ни одно государство не может развиваться и вообще быть в достаточной степени самостоятельным без повседневного стремительного развития науки, в которую идеология имеет право вмешиваться только в той степени, в которой такое вмешательство способствует добровольному приобретению учеными философских и общественно-политических взглядов, необходимых им для перспективного

определения дальнейших путей научно-технического прогресса. И ни на йоту более того. Сессии ВАСХНИЛ и "Павловская" должны стать только печальной историей.

Подъем общей культуры народа также значительная гарантия успехов перестройки. Высокий культурный уровень, естественно, не защита от какого-либо переворота, произведенного сверху и опирающегося на армейский или полицейский аппарат. Но он — гарантия от восприятия и тем более формирования идеологии культа личности.

Как частность этой высокой культуры — изучение своей собственной истории без "приливов" и "отливов" в зависимости от господствующей в обществе идеологической доктрины. История, как и материя, — это объективная реальность. История уже состоялась! Если мы этого не поймем, то с горечью будем рассматривать статьи, подобные тем, которые написаны с интервалом в 17 лет и в одной из которых говорится об "этом австрийском монахе Менделе", а в другой — "о великом сыне чехословацкого народа Грегоре Менделе".

А главное — все делать по Ленину, не отступая от него ни на шаг и не допуская трактовки его положений, зависящей от желаний и умонастроений отдельных, даже очень высоких личностей.

“ЖДАНОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ” ИЛИ ПРОТИВ ОЧЕРНИТЕЛЬСТВА

“Моральная тягота разрядилась.
Столбы подрублены, заборы повалятся
сами...”

А. А. Жданов

Успеете наахаться,
И воя, и кляня,
Я научу шарахаться
Вас, смелых, от меня.

Анна Ахматова

Всего год назад требование освободить ЛГУ от имени, которое носит он вот уже сорок лет, казалось немыслимым “потрясением основ”, а сегодня оно пробилось даже в газеты. Здесь тоже знамение нашего времени, необыкновенно быстро расставляющего, наконец, все по своим местам. Да, необыкновенно быстро, если – смотреть назад, однако все еще слишком медленно, если – смотреть вперед. Вот и имя это по-прежнему красуется на ЛГУ. Требование есть, освобождения нет. Даже согласие есть – на словах, а на деле – скрытое, упорное и вполне осознанное сопротивление. Тоже знак “текущего момента”. Московский университет – имени Ломоносова, Ленинградский – имени Жданова. Или Жданов и есть Ломоносов XX века?.. И по-прежнему выпускники получают дипломы с этим именем. По-прежнему вчерашние школьники старательно выводят его в своих заявлениях: “Прошу принять меня...”

1

В 1946 году, когда Жданов организовал погром Ахматовой и Зощенко, родилась у исстрадавшихся от него ленинградцев (или припомнилась им еще с 34–35-х годов?) невеселая шутка, грозившая шутникам, в случае доноса, немалым “сроком” (а могло быть и того хуже). Дело в том, что была в прошлом веке так называемая “ждановская жидкость”, которой заглушали, забивали трупный запах (об этом есть и в предпоследней главе “Идиота”). Ну и, совершенно естественно, “жидкость”, которой Жданов “кропил” культуру, люди, помнившие историю, не могли не прозвать “ждановской”. Только она, в отличие от прежней, сама была смертельной, трупной, сама смердела, а выдавалась за идеологический нектар. К шутке той можно отнести опять ахматовское:

За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне б свинцовую горошину
От того секретаря.

Кошунство? Очернительство? Очернительство человека, о котором всего два года назад центральная газета писала: “Имя его хранится в памяти народной”?..

25 сентября 1936 года из Сочи в Москву, в Политбюро, пришла телеграмма-молния: "Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ ОПОЗДАЛ В ЭТОМ ДЕЛЕ НА 4 ГОДА. Об этом говорят все парработники и большинство представителей НКВД". И две подписи: Сталин, Жданов.

Эта сочинская телеграмма-молния — одна из самых кровавых депеш в истории нашей и общечеловеческой: сигнал к 37-му году. Если бы соавторы этой телеграммы сами писали родившиеся из нее бесчисленные арестантские повестки и приговоры, сами арестовывали людей, сами их допрашивали и пытали, забивали и расстреливали, сами закапывали и сжигали трупы, а потом еще, снова и снова, проделывали то же самое — с родственниками и детьми убитых (и с детьми этих детей), — сколько миллионов дней понадобилось бы им для всего этого? Им понадобилось бы — бессмертие. Бессмертие для уничтожения живых людей. Бессмертие для распространения смерти...

Тут что еще поражает? "Не на высоте..." Это — проговорка. Их представление о высоте измерялось потоками пролитой крови. Мало им было крови в 29—33-х годах. Мало и в 34—36-х. Уровень, график назначенной, нужной им высоты и вычерчивала тройка: Ягода, Ежов, Берия.

У Ягоды, расстрелянного за то, что он "оказался не на высоте", был маленький сын, Гарик. Затерявшийся в кровавой суетлоке, прежде чем окончательно и бесследно исчезнуть, он сумел послать своей бабушке несколько писем, начинавшихся одинаково: "Дорогая бабушка, я еще не умер..." И сколько таких слов, написанных и не написанных, отосланных и не отосланных, звучало в те годы по всей стране: страшный детский сиротский хор, организованный двумя дядями из Сочи. И каким стоном-воем откликнулся на него другой хор — материнский, — из тюрем, "столыпинских вагонов", лагерей.

А. А. Жданов — соавтор 37-го года (и 38-го, конечно). Вот главное дело его жизни, вот главный "вклад" его в нашу культуру. Тут уж он был на особой высоте. О результатах его тогдашних "художеств" в Ленинграде мы знали по "Реквиему" Ахматовой и прочитали недавно в повести Л. К. Чуковской "Софья Петровна"¹.

А вот еще одна страничка о таких же "художествах" Жданова в Уфе. Она — из письма ко мне М. Чванова, уфимского писателя, специально занявшегося этой темой:

"Поводом для его приезда послужило письмо первого секретаря Башкирского обкома Я. Б. Быкина Сталину, полное отчаяния. Видя, что творится вокруг, видя, что над ним самим собираются тучи, видя, что провокаторы уже рвут горло с трибун, обвиняя его в "мягкотелости" по отношению к "врагам народа", к сосланным в Уфу ленинградцам, которых он трудоустроил, — Быкин писал: "Прошу одного: пришлите толкового чекиста. Пусть он объективно разберется во всем!"

Жданов появился в Уфе со своей "командой" и бросил встречавшему его Быкину со зловещей ухмылкой: "Вот я и приехал! Думаю, что я покажу себя толковым чекистом".

На срочно собранном пленуме Башкирского обкома Жданов был

¹ *Нева*, 1988, № 2.

краток. Он сказал, что приехал “по вопросу проверки руководства”, зачитал готовое решение: “ЦК постановил – Быкина и Исанчурина (второй секретарь. – М. Ч.) снять...” Быкина и Исанчурина увели прямо из зала, не дожидаясь конца пленума. Быкин успел крикнуть: “Я ни в чем не виноват!” Мужественно держался Исанчурин: “В Быкина верил и верю”. Обоих расстреляли. Расстреляли и беременную жену Быкина.

В заключительном слове Жданов снова был краток: “Моральная тягота разрядилась. Столбы подрублены, заборы повалятся сами...”

Перебы М. Чванова. Тут опять, как и в случае с “высотой”, вырвалась проговорка об их морали: “Моральная тягота разрядилась...” “Моральная тягота” для них – это когда мало крови.

М. Чванов: “Не успел Жданов уехать, а в Уфе уже повалились заборы”. Оставшиеся в живых уфимцы до сих пор с содроганием и ужасом вспоминают о той “исторической” экспедиции, о вакханалии арестов и расстрелов, обрушившихся на город. Один из доносчиков с гордостью говорил потом с трибуны писательского собрания, что он, несмотря на свое слабое здоровье, лично выявил 26 “врагов народа”. Кстати, он жив до сих пор, здравствует и пишет стихи о любви...

Я до сих пор с замиранием сердца прохожу мимо Ивановского кладбища (оно сейчас застроено), где по непроверенным данным (а как их проверишь?), по ночам, в длинных траншеях, закапывали убитых. Но закапывали не только там. Огромная уфимская тюрьма не была рассчитана на такое массовое “производство”. Расстреливали в многочисленных уфимских оврагах, карьерах, увозили за город... Однажды благообразный старичок-пенсионер, бывший тюремный надзиратель, хвастался мне, что в те времена у них в тюрьме не хватало патронов, а камеры были переполнены, так чтобы как-то разгрузить тюрьму, устраивали что-то вроде субботников или воскресников (его слова), на которые приглашали уголовников, и, как полагается на субботниках и воскресниках, вооружали их ломami... Другой старичок, наоборот, жаловался, что времена были трудные, приходилось работать сверхурочно, и приходилось ему, следователю, заниматься не своим делом: “Надо уже домой идти, а тебя попросят: не успеваем, помогите, там еще семнадцать человек осталось. Устанешь, бывало, еле домой идешь. За это доплачивали, правда...”

Кроме Уфы, Жданов побывал тогда еще в Казани и Оренбурге, где провел аналогичные пленумы.

Документы, которые я использую, хранятся в Архиве Башкирского обкома КПСС (фонд 122). Они отчасти попали в *Советскую Башкирию* от 28 февраля 1988 г.

Такая вот страничка. Всего лишь одна из многих сотен, если не тысяч.

Это он, Жданов, заменив в декабре 1934 года убитого Кирова на посту первого секретаря обкома и горкома Ленинграда, и организовал “кировский поток”, то есть это он прямо заказывал, составлял и подписывал те списки (главная часть его “Литнаследства” – хватит не на один том), по которым многие десятки тысяч ленинградцев “потекли” в тюрьму, в лагерь, в ссылку, на пытки, на смерть. Жизни и этих убитых, искалеченных людей, равно как и сломанные судьбы их детей, – прямо на его личном счету (тут никак не выговаривается: на его совести).

Сколько раз в своих длинных речах Жданов клеймил писателей,

художников, философов, музыкантов за "отрыв от жизни". Зато сам и продемонстрировал эту связь, как он ее понимал: в тех списках, в той телеграмме. Одобрить, прославить такую связь — вот чего он хотел прежде всего, больше всего от самой культуры хотел, чтобы культура прославляла убийство самой культуры, кровавое насилие над народом, чтобы Ахматова и Шостакович создавали гимны в честь своих палачей.

И еще об этой связи, точнее — о первом и последнем звеньях ее (а сколько их еще — между ними!) : от Жданова-идеолога до тех двух старичков-исполнителей, о которых пишет М. Чванов. У идеолога вроде бы чисты руки, у исполнителей — чиста совесть: разделение труда! А в итоге — чудовищный социально-нравственный разврат, выдаваемый за "твердость основ" и "чистоту учения". В итоге — преступления, переименованные в подвиги. Да учтем еще, что Жданов как "чистый идеолог" — это миф. Он — самый непосредственный организатор кровавой вакханалии, ничуть не лучше Ягоды, Ежова, Берию. И когда писал свои литературные, музыкальные, философские доклады, когда музицировал на фортепьянах (умел), — когда писал эти доклады, листал их, читая, он писал, листал, музицировал — кровавыми руками. К этим его докладам тоже относится: "Моральная тягота разрядилась. Столбы подрублены, заборы повалятся сами..." И валились — люди, люди, люди...

Я знаю: уже написаны (и уверен: будут еще написаны) страницы и о его позорно-преступной роли в дни страшной и великой блокады Ленинграда, такие страницы, от которых, кажется, должны содрогнуться и все умершие тогда, но все равно, все равно закричат некоторые из живущих: "Очернительство!"

2

Тут мне хочется перейти на прямое обращение к этим энтузиастам борьбы с очернительством. Подчеркну: не к тем, кто не знает фактов, а к тем, кто их знает и скрывает. Не к тем, кто обманут или ошибается, а к тем, кто обманывает людей сознательно, — разумеется, разумеется, с самой "высокой целью".

Это раньше, лет тридцать назад, мы не всегда умели отвечать на ваши иезуитские, кривые вопросы. Теперь другое. Теперь уже вам приходится отвечать на вопросы прямые и ясные.

Что такое очернительство?

Сознательная клевета на миллионы честных людей — от мужика до академика, от грузчика до маршала — это *не* очернительство?

Сознательное уничтожение этих оклеветанных миллионов, уничтожение их "во имя социализма", — это *не* очернительство социализма?

Те списки, та телеграмма, те экспедиции в Уфу, Казань, Оренбург? Травля представителей всех без исключения новейших областей науки?

Травля Ахматовой, Зощенко, а еще сотен, тысяч честных талантливых писателей, художников, музыкантов?

Имя Жданова на ЛГУ?

Это все — *не* очернительство культуры? Это все *не* оттолкнуло от нас десятки и сотни миллионов наших сторонников?

А правда об этом — очернительство.

А раскрытие чудовищных преступлений — очернительство.

А "Великая Реабилитация" (Евтушенко) — очернительство...

Сначала были оклеветаны, арестованы, уничтожены миллионы людей.

Потом арестованы, сосланы, заточены факты об этом (расстрелять факты — это, казалось, никому не под силу, но многие факты действительно были расстреляны, испепелены, развезены, и никогда уже больше мы их не найдем).

Наконец, началось освобождение фактов.

И что же? Это освобождение вы и объявляете очернительством?

Вы пытаете факты точно так же, как ваши предшественники пытали живых людей.

Вы снова хотите их, эти факты, арестовать, заточить, испепелить.

Для вас преступлением является само раскрытие преступлений.

Почему?

Почему вы приходите в неистовство против тех, кто раскрывает преступления?

Почему не находите слов сострадания для жертв и слов негодования для палачей?

Почему — в лучшем случае — вы готовы признать черные страницы нашей истории "государственной тайной", до которой, мол, народ наш еще не дорос? (До расправы над собой дорос, а до правды об этой расправе не дорос?)

Почему?

Да потому, что боль человеческая, боль народная для вас — не боль, а "дежурная тема". Потому, что совесть для вас (*со-весть*) — это *весть* не о боли, не о судьбе народа, а *весть* о воле начальства сталинско-ждановской выучки. Вы сетуете о притеснениях народов во всех странах, кроме своей (да и в те ваши сетования я не верю, да вы и сами не верите).

Почему? Да потому, что вы — боитесь, боитесь и народа своего, и правды, и совести.

Потому, что доклады Сталина—Жданова, "Краткий курс истории ВКП (б)" — вот, по-прежнему, и весь ваш марксизм-ленинизм.

Потому, что вам мил именно тот социализм, очерненный, очерненный Сталиным—Ждановым, мил тот, и страшен этот, — очищенный, очищаемый на наших глазах.

Потому, что свободно дышать вы можете только в атмосфере, отравленной "ждановской жидкостью" (это для вас — нормально), а в атмосфере чистой вы — задыхаетесь.

Потому, что лишь в темноте вы чувствуете себя сильными (да и в самом деле — сильны), а на свету? На свету вы бессмысленно хлопаете глазами, как филины, и лепечете, что вы всегда тоже — "за", "за", "за"...

Знаю, знаю, всю жизнь от вас слышу: в сознании народа слова социализм и Сталин — слились, отождествились, и надо с этим считаться. Да, к беде нашей великой, это так (впрочем, далеко не у всех). Я бы даже добавил: слова эти — склеились. Ну и что?

Были в свое время склеены слова христианство и инквизиция, Христос и Торквемада. Расклеились. (Представляю, как обрадуется моей ереси идеологически безработный Кривелев: тут же отыщет богоискательство.)

А разве не склеивались в нашей истории слова Ягода, Ежов, Берия и —

социализм? Или: Вышинский и советское право? Или: Бошьян, Лепешинская, Лысенко и — наука? Или: Заславский, Ермилов, Эльсберг и — совесть? Даже слова Лидия Тимашук и честность склеивались. Ну и что? Расклеились! И что случилось? Случилось очищение социализма, очищение науки.

Очернительство — это ложь.

Правда не может быть очернительством. Правда может быть только очищением.

Но все равно, снова и снова, слышу: “Но ведь были же у них и заслуги — у Сталина, у Жданова! Нельзя же так. Ведь должна же быть и тут диалектика...”

А знаете, я соглашусь с вами, если вы согласитесь с одним моим дополнением. Пусть будет по-вашему. Пусть будет, например, так: “Наряду с заслугами, у Сталина и Жданова был всего один недостаток: они были палачами”...

Кстати, вам вопрос: а к Ягоде, Ежову, Берии эта формула применима? А если нет, то почему?

И еще вопрос: сколько всего людей было незаконно репрессировано? Сколько из них — уничтожено?

Давайте подсчитаем вместе, друг друга поправляя и уточняя, давайте вместе все и опубликуем? Что, не хочется? А почему?

Не хотите вы этого даже и знать, а если б знали, сделали бы все для того, чтобы — скрыть. И — скрываете уже известное. И — травите тех, кто хочет узнать.

Вам еще придется доказать, что без ареста, без истребления миллионов честных людей мы не победили бы в войне. Докажите!

Докажите, что с этими миллионами мы бы войну проиграли.

И опровергните, что с этими миллионами мы не имели бы таких потерь и заплатили бы такую непомерную цену за победу.

Вот вся ваша “диалектика”, если ее обнажить:

Да, Сталин оклеветывал и уничтожал честных людей, но ведь — “во имя коммунизма”! То, что оклеветывал и уничтожал, это, конечно, плохо. Но то, что “во имя коммунизма”, — это хорошо...

А Ягода, Ежов, Берия, Вышинский, Жданов — не “во имя”?..

Иезуитство это, а не диалектика!

Правда в том, что слово Сталин на самом деле намертво, нерасторжимо, навсегда склеилось с другими словами, как раз вот с этими — Ягода, Ежов, Берия, Вышинский, Жданов плюс гигантский корпус доносчиков и палачей помельче, то есть плюс хваты, пытавшие академиков и маршалов, плюс рюмины, избивавшие врачей, плюс те старички, помогавшие в молодости перевыполнять планы по уничтожению людей не столь именитых. Вот все это (и еще многое, многое другое, подобное) и есть ваш совокупный Сталин. И эти слова уж никому и никогда не удастся расклеить...

А самое главное: Сталин — это непрерывное, систематическое понижение цены человеческой жизни — до нуля, понижение цен личности — до отрицательной величины: личность — вот главный враг, вот что всего подозрительнее, всего опаснее. И когда повторяют, что при Сталине “снижали цены”, то, во-первых, это просто неправда, если говорить о вещах, о продуктах (см. статью О. Ладиса)¹, а во-вторых, надо добавить: снижа-

¹ Известия, 15 апреля 1988 г.

ли цены — на человека, на личность!.. (А уж абсолютная аморальность его политическая — лишь одно из следствий этой основной посылки, определяемой в свою очередь мотивом абсолютного самовластия.)

Не отменяются всем этим наши победы, а лишь выясняется их цена. Не дискредитируются и действительные (а не мнимые) победители, но вам придется еще доказать, что обманутые люди лучше строят социализм и лучше его защищают, а необманутые — хуже. Докажете?

В череде всех этих вопросов, на которые придется теперь отвечать вам, не избежать и вопроса о гласности. Интересно, с какими чувствами, с какими мыслями прочитаете вы такие слова: "Свободная печать — это зоркое око народного духа, воплощенное доверие к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и с целым миром; она — воплотившаяся культура, которая преображает материальную борьбу в духовную и идеализирует ее грубую материальную форму. Свободная печать — это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание, как известно, спасительно. Она духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости... Она всесторонняя, вездесущая, всеведущая. Она — идеальный мир, который непрерывно бьет ключом из реальной действительности и в виде все возрастающего богатства духа обратно вливается в нее животворным потоком".

Да разнесете вы эти слова в пух и прах — и потому, что они — дышат талантом (по сравнению с любезной вам казенной серятиной), и потому, что они враждебны вам, ненавистны по существу, и потому еще, что не знаете, чьи они. А когда вам подскажут, ухватитесь, как тонущий за соломинку: "Это же Маркс ранний, несовершеннолетний, так сказать..."

Так вот, к вашему сведению, Маркс "поздний" не только не отказался от этих слов, а развил их: он предлагал, например, задуматься над осуществлением требования независимости партийно-коммунистической печати от ЦК, — именно для того, чтобы объективнее, независимее, плотворнее проводить коммунистическую же точку зрения, которая вовсе не есть истина в виде военного приказа. Кстати, он и вас всех предусмотрел, когда сказал о точно таких, как вы: "Послушать их, так я не марксист..."

Ни одного вопроса нового не можете вы ни поставить, ни решить. Ведь ни единого проблеска, ни единого взлета своей собственной мысли, то излюбленной и выстраданной, то вдруг неожиданной и ошеломляющей! И неведомо вам возвышающее восхищение перед вдохновенной мыслью другого человека. Вместо этого вы знаете только то чувство, которое испытывает один пушкинский богач к "скрипачу" на досуге. И это-то свое бесплодие вы и выдаете за "верность приципам". Для вас, в сущности, и Мысль — "вредитель", и Мышление — "враг народа". Вы и марксизм весь превратили в "зэка" и стережете, охраняете его, чтоб не сбежал. Вот единственное, на что вы способны, вот единственная ваша функция, единственное ваше "творчество": *охрана*. Но теперь вы даже и тут — исыякли. Подорван источник вашего пустоцветного процветания. Вам грозит идеологическая безработица, ибо ваша идеология — это феномен уникальный, мутант, загадка природы: расширенное воспроизводство бесплодия, размножение интеллектуального импотентства.

Однако: сколько — при всем при том — у вас еще энергии, вашей специфической *энергии нелюбви*! Мне порой ее даже жалко: сколько ее

расходуется зря или во вред. А если бы рационально? Бросить бы ее всю на СПИД — не будет СПИДА. Но бросить ее на культуру — культуры не будет...

3

В февральском номере *Нового мира* Андрей Нуйкин предупреждал — готовится ваше контрнаступление, и оказался прав: 13 марта появилось письмо Нины Андреевой. Никому не известный химик вдруг сделался всем известным идеологом. Превращение, прямо скажем, подозрительное. Не стоит ли за ним какая-то социальная алхимия?

Год назад один из прототипов моего Инкогнито¹, кстати, кажется, тоже химик, забрал из редакции свой донос со словами: "Сейчас не время ударять..." Представляю, как обрадовался он письму коллеги: настало, мол, время... Представляю, как пришлось оно вам всем по нутру, — вот они, ваши новые "Основы", ваш новый "Краткий курс", ваш первый идеологический "Манифест", насквозь пропитанный "жда-новской жидкостью". Представляю еще, как мобилизовывали вы все свои интеллектуальные, моральные, организационные способности, чтобы превратить этот "Манифест" в сигнал к немедленному контрнаступлению, но... опять наступили на грабли.

Убежден: будет воссоздана — день за днем, во всех драматических и комических подробностях — вся хроника событий вокруг "Манифеста", вся хроника его замысла, написания, публикации, хроника организации его одобрения. Чем определялся выбор дня публикации? Какой стратегией? Какой тактикой? Почему не появился "Манифест", скажем, 10 марта или 21-го? Особенно будет интересна хроника событий между 13 марта и 5 апреля. Сколько местных газет перепечатали "Манифест"? Сколько было размножено с него ксероксов? Сколько организовано обсуждений-одобрений? По чьему распоряжению? Как пробуждалась местная инициатива? Кем? Почему три недели не было в печати ни одного слова против, за исключением, кажется, лишь *Московских новостей* и *Тамбовской правды*? Почему Нину Андрееву хочется назвать лишь соавтором "Манифеста" и, к тому же, далеко не главным? А кто главный? Почему частное мнение, совершенно очевидно противопоставленное всему курсу партии и государства на обновление, почему оно фактически господствовало в печати, господствовало беспрекословно и безраздельно в течение трех недель (точнее: двадцати четырех дней)? Почему оно фактически навязывалось — через печать или как-то еще — всей партии, всему народу, всей стране? Как это согласуется с лозунгом "больше демократии, больше социализма", с гласностью, с Уставом и Программой партии, с Конституцией государства, наконец? Что это за Нина Андреева такая, обладающая столь небывалым и непонятным всемогуществом? А если это действительно не она, то кто? Стало быть, речь идет о чьей-то платформе? О чьей конкретно? И почему тогда ее истинные создатели спрятались за бедного химика? И последний вопрос: если оказалось возможным такое, то почему невозможно и худшее?

Или все эти вопросы неправомерны и надо запретить их задавать?

¹ См. *ЗНАМЯ*, 1987, № 9.

А может быть, надо еще запретить над ними и думать? Или они нас не касаются? Не нашего ума дело? Почему это не нашего? А чьего тогда, позвольте узнать? Разве от прямого ответа на них не зависит тоже ход, судьба обновления?

Нет, никуда нам от этих вопросов не деться, и мы должны чувствовать и сознавать не только свое право, но и обязанность их задавать, задавать и требовать на них прямого ответа. Или я чего-то не понимаю в перестройке? Разве не есть она освобождение и от всякого политиканства, и от всякой алхимии?..

Совсем недавно (24–26 марта), будучи в Ленинграде, я вдоволь наслушался, начитался славословий в честь неглавного автора. Воочию наглядился на самый настоящий рецидив ждановщины. Надышался, нанюхался “ждановской жидкости”. Это славословие разворачивалось как по команде. Впрочем, почему — как? Оно и было очень даже хорошо организовано. Многим опять показалось: “Моральная тягота разрядилась. Столбы подрублены, заборы повалятся сами...” Я слышал: “Наконец-то!”, “Наконец-то дан отпор очернителям”, “Наконец-то все поставлено на свои места!”.. Я слышал: “Вот идейный камертон XIX партконференции!” Слышал: “Вот кого, вот каких надо послать туда делегатами!”.. Опять: “пятна красных флажков”... И что же удивительного, что статья в *Правде* от 5 апреля у организаторов этой “моральной разрядки” никакого энтузиазма не вызвала?

Это — отрезвляет. Гарантий необратимости обновления еще нет. Зато нам наглядно и радостно продемонстрировали маленькую репетицию удушения перестройки, микромодель реванша. Будем благодарны за хороший урок: гарантии только в нас самих. Я видел, слышал, знаю людей (их больше, чем казалось), которых уже ничем нельзя сбить с толку, запугать, сломить и для которых статья в *Правде* стала своей. Нет ничего важнее, как все глубже понять самому и убедить других: всякая алхимия, подобная той, что произошла с упомянутым “Манифестом”, — гибельна. “Спасение принципов”, на которых он основан, грозит уже не просто застоєм, а настоящей катастрофой — для страны, для социализма, для мира. Сталинщина, не выкорчеванная до конца, закономерно породила рашидовщину. Сейчас, если ее действительно не выкорчевать, она может породить нечто несравненно худшее.

И нельзя больше кропить людей “ждановской жидкостью”, а между тем...

24 февраля 1986 года (подарок XXVII съезду?) появилась статья В. Глаголева, посвященная 90-летию со дня рождения А. А. Жданова. Читаем: “Всей своей деятельностью, всей силой своего огромного организаторского и пропагандистского таланта Андрей Александрович Жданов беззаветно служил трудовому народу, делу Ленина, Коммунистической партии... В городе Ленина, колыбели социалистической революции, развертываются его замечательные способности и особое дарование политического деятеля... Как истинный коммунист он не знал разрыва между словом и действием, между теорией и практикой... Имя его хранится в памяти народной...”

Что это? Неужели автор ничего не знал о фактах палаческой деятельности Жданова? Не мог не знать! Об этом говорилось и на XXII съезде. Значит? Значит — знал и все-таки написал. Почему? Потому что поручили? Ну, а почему не отказался? Ведь не расстреляли бы его за это и даже

не арестовали бы. Так почему? Служба дорожке чести? Что ж это за служба такая? Ну, а если завтра прикажут его восхвалять завтрашнюю Андрееву?..

Или вот еще. Только что вышла 7-м изданием, тиражом в 200 тыс., книга Анатолия Абрамова "У кремлевской стены". Вышла в Политиздате. Подписана в печать 3 декабря 1987 года. Читаем в этом издании о Жданове то же самое, что и в первом (1974): "Под его руководством трудящиеся Ленинграда успешно боролись за досрочное выполнение планов второй и третьей пятилеток... В 1948 году именем выдающегося деятеля Коммунистической партии назван г. Мариуполь, имя Жданова носят улица, станция метро и "Первая образцовая типография" в Москве, улицы и заводы во многих городах и поселках страны". Ведь опять же: все, все знает человек о Жданове — не может не знать! — и все равно зачисляет его в "герои", в "легендарные соратники", в "мужественные строители". И точно такие же аморальные, внеморальные, "объективные" характеристики дает он и Вышинскому, и Мехлису...

Да, есть город Жданов. Есть даже еще один университет имени Жданова (в Иркутске). Есть многие тысячи улиц, заводов, фабрик, типографий, кораблей, институтов, колхозов, совхозов, школ, клубов, даже детских садов, двorcов пионеров (в том же Ленинграде) — имени Жданова. Уже имени Сталина почти нет, а имени Жданова — сколько угодно. Вся страна окроплена "ждановской жидкостью". Это своего рода рекорд. Только рекорд чего? Рекорд цинизма тех, кто сознательно не желает отказаться от прославления этого имени? Или рекорд нашего собственного невежества, равнодушия и бесхарактерности?

Получил письмо от г. Жданова: людей травят за то, что они хотят снова жить в Мариуполе. А вот еще из того же письма М. Чванова: "Мне казалось, что в Уфе нет ничего, носящего имени Жданова: был когда-то район его имени, но сразу же после смерти Сталина его переименовали, боялись народа, но вчера позвонили: появилась улица имени А. А. Жданова"...

В Елабуге сохранился дом, в котором Марина Цветаева прожила последние дни своей жизни, в котором и погибла. На доме — мемориальная доска, будет, вероятно, и музей. Адрес — улица Жданова.

И это все — опять *не* очернительство? *Не* очернительство не только нашего прошлого, но и настоящего? *Не* заведомое очернительство и нашего будущего? И в XXI век войдем с этими клеймами?

Экология. Поворот рек. Отравление Байкала...

А еще — экология нашей нравственности. Повороты рек нашей культуры. Отравление наших духовных Байкалов... Все это предельно конкретно, наглядно — осязаемо и грубо — и выразилось в нашем самоокроплении ждановщиной, в нашем самоочернительстве.

Ну, так давайте опомнимся. До чего мы дожили: имеем в 1988 году Дворец пионеров имени Жданова — и где? на углу Невского и Фонтанки, у Аничкова моста... Какие добрые сказки должны сочинять вожатые детям об этом добром дяде?

От кого все это зависит? Да от кого же еще, как не от нас самих? От взрыва чувства нашего собственного достоинства, нашей чести, да просто — безгливости. Если мы не хотим или не умеем добиться столь малого, то как добьемся большего? Вот мне и пришла в голову простейшая мысль: давайте (я обращаюсь к вам, читатели), давайте поставим экспе-

римент. Сколько же времени понадобится нам для того, чтобы решить столь очевидную элементарную задачу: отмыться от “ждановской жидкости” хотя бы внешне (отмывание внутреннее — дело несравненно более долгое, сложное, но, может, и оно от того чуть ускорится) ?

Ну, а тем, кому любезно это имя, посоветуем (этот совет при нынешней демократизации вполне реален): пусть выстроит для себя — на кооперативных началах — хоть Ждановград, хоть Славождановск, хоть Ждановфильск, а в нем — площадь имени Жданова, а на ней — памятники: Жданову-мыслителю, Жданову-полководцу, Жданову-литературоведу, Жданову — истребителю “врагов народа”, и пусть опояшут этот последний теми списками, пусть выгравировуют золотом ту телеграмму. Пусть ходят на демонстрации с его портретами, слушают кантаты в его честь и поют о нем песни. Все улицы, конечно, — ждановские, под номерами. Пусть выроют хоть десять искусственных рек его имени и ежемесячно перебрасывают их куда заблагорассудится. Пусть объявят конкурс на создание “Основ” и “Краткого курса” ждановизма (победят, конечно, главные соавторы Н. Андреевой, но может быть, и ей что-нибудь достанется). Пусть принимают ежедневно постановления в ждановском духе. Пусть объявят всех Мадонн, созданных всеми Рафаэлями и Леонардами, — богоискательством и некрофильством. Но вот тут-то и начнется: кто бдительнее? Кто мягкотел?.. Соревноваться будут. Вырезать из предпоследней главы “Идиота” цитаты о “ждановской жидкости”! Вырезать всю главу! Запретить весь роман — как диверсию против Жданова! Запретить всех тех, кто его читал! Запретить тех, кто это запрещал: ведь они же помнят! Запретить вообще думать о “ждановской жидкости”! И будут они все ошалело бормотать про себя: “Я о ней не думаю. Я думаю не о ней...” Глядишь, придется ведь открыть и тюрьму имени А. А. Жданова, и лагеря. Пересажают они все друг друга, так что два последних ждановца (ждановки?) друг на друга доносить побегут за то, что — думают о ней. Только — кому и куда?..

4

А теперь — осмелюсь оспорить мнение любимого мною Д. Гранина, который предложил: пусть будет просто — ЛГУ. Но есть имя бывшего студента Петербургского университета, гениального ученого, которого действительно по праву называют “Ломоносовым XX века” и без чьих идей “ноосферы” немыслимо и третье тысячелетие, — имя Владимира Ивановича Вернадского. По-моему, будет справедливо, если Ленинградский университет станет носить это имя своего студента, имя человека, который, помимо всего прочего, твердо противостоял ждановщине, который бесстрашно вступался за людей, преследуемых ждановыми, имя человека, воплотившего в себе как раз все то, что было одинаково и недоступно, и ненавистно таким, как Жданов.

Однако не будем питать иллюзий: освободиться от ждановщины — несравненно труднее, чем переименовать университет, а переименовать университет — несравненно легче, чем чувствовать, мыслить и жить в духовно-нравственных координатах В. И. Вернадского. Но ведь вне таких высоких, чистых, благородных координат, вне координат нового мышления — нам вообще не выжить. А низкие, злобные, завистливые и

мстительные координаты ждановщины-сталинщины — сегодня уже буквально самоубийственны.

Не имени Жданова, а имени Вернадского, — пусть само это противопоставление, пусть сама история этого переименования тоже станет для нас великим уроком. Это же действительно красиво, это — вдохновляет: Вернадский — вместо Жданова, благородство духа — вместо корыстного иезуитства, “ноосфера” — вместо... вместо чего? Ведь низость ждановской мысли даже и сферой никакой не назовешь. Не сферой же нязности?

В. И. Вернадский писал: “Мы переживаем не кризис, волнуемый слабые души, а величайший перелом научной мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия, переживаем научные достижения, равных которым не видели долгие поколения наших предков.

Стоя на этом переломе, охватывая взором раскрывающееся будущее, мы должны быть счастливы, что нам суждено это пережить, в создании такого будущего участвовать”.

Даже во сне, в болезни, в бреде ему виделось это счастье, это будущее. Прочитайте его дневник за февраль—март 1920 года¹ :

“Мне хочется записать странное состояние, пережитое мной во время болезни. В мечтах и фантазиях, в мыслях и образах мне интенсивно пришлось коснуться многих глубочайших вопросов жизни и пережить как бы картину моей будущей жизни до смерти... В сущности и здесь — особенно в начале болезни — проходили и ставились две идеи: одна о новой мировой организации научной работы, другая — о соответствующей ей постановке исследований в области учения о живом веществе... В новых открытиях и среди новых вопросов шла вся моя жизнь, постоянно стремясь вперед. А вопросов и задач все более крупных являлось все больше. В свободное время по окончании работ я читал по философии, общим вопросам и великих поэтов. Почему-то не раз мне представлялось, что углубился в испанскую литературу, как новую, так и старую. Здесь я набрасывал мысли для последнего сочинения “Размышления перед смертью”... Умер я между 83—85 годами...”

Прошу Вас, читатель, поверить: если б Вы только знали, до чего же не хочется заниматься какой-то “ждановской жидкостью”, когда есть Пушкин и Достоевский, Швейцер и Бор, когда есть такие люди, как Вернадский, есть такие мысли, такие сны. А все-таки — надо. Надо — именно для того, чтобы перестала она, жидкость эта, отравлять то счастье, чтобы не помешала она тому будущему, о котором говорил Вернадский.

И пусть выпускники ЛГУ получают, наконец, дипломы с именем чистым и навсегда надежным. Пусть и вчерашние школьники выводят это имя в своих заявлениях — и почему бы уже не в этом году?

Я уверен: все так и будет, как уверен еще и в том, например, что придется переименовываться и Ростовскому университету имени М. А. Суслова. Опять очернительство? Нет: опять *против* очернительства! Однако, как говорится в эпилоге “Преступления и наказания”: “Это могло бы составить тему нового рассказа, — но теперешний рассказ наш окончен”.

¹ Наука и жизнь, 1988, № 3.

ХРУЩЕВ

(Штрихи к политическому портрету)

Хрущев и его время. Один из бесспорно важных и, быть может, самых непростых периодов нашей истории. Важных — потому что непосредственно перекликается с идущей сейчас в стране перестройкой, с нынешним процессом демократизации. Непростых — потому что касается десятилетия, которое поначалу называлось “славным”, а потом было осуждено как период волюнтаризма и субъективизма. В то время состоялись XX и XXII съезды партии, отразившие острые политические борения и определившие новый курс страны. При Н. С. Хрущеве сделаны первые шаги к возрождению ленинских принципов и очищению идеалов социализма. Тогда же начался переход от “холодной войны” к мирному сосуществованию и заново пробито окно в современный мир. На том крутом изломе истории общество вдохнуло полной грудью воздух обновления и захлебнулось... то ли от избытка, то ли от нехватки кислорода.

Долго, очень долго об этих бурных годах не принято было говорить. Как будто чья-то рука начисто вырвала целую главу из нашей летописи. Почти двадцать лет лежало табу на имени Хрущева. Но жизнь берет свое. В докладе о 70-летию Октября, с которым выступил М. С. Горбачев, мы услышали давно ожидаемое слово о том времени — что было тогда сделано, недоделано или сделано не так. О том, что дожило до 80-х годов и что было размыто, утрачено в период застоя.

Так в чем же сложность и противоречивость личности, с которой мы связываем один из переломных моментов новейшей истории?.. Не ставя задачу ответить на все накопившиеся вопросы, хочу лишь поделиться личными воспоминаниями и некоторыми суждениями, навеянными сравнением дня нынешнего и дня минувшего¹.

Кто кого находит — история личность или личность историю? Я много размышлял и писал о таких несхожих и противоположных политических фигурах XX века, как Ленин и Сталин, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Писал и о Гитлере, и о Муссолини. Писал и о Джоне Кеннеди. Но до сих пор не могу с полной ясностью ответить самому себе на этот вопрос.

Помните у Булгакова: можно ли говорить о свободе человеческой воли, если мы не в состоянии иметь план хотя бы на какую-нибудь ты-

¹ Автор статьи в 60-х годах работал в центральном аппарате партии, неоднократно сопровождал Н. С. Хрущева в его поездках за рубеж.

сячу лет? И другое: кирпич на голову человека случайно не падает — все предопределено. Нам тоже в юности внушили веру в предопределение, правда, оно называлось научно — закономерность. Быть может, это шло от Гегеля: все действительное разумно. Это значит, что было, то и должно было быть. И только с возрастом и опытом мы стали понимать многовариантность истории. В ней заложены разные возможности, в игре участвуют разные фигуры. Пешка добегаёт до последней линии и превращается в ферзя. Или ферзь попадает в ловушку и становится пешкой. А иногда и случайный ход пешки оказывается роковым для самой влиятельной фигуры на доске. Я не вхожу здесь в обсуждение проблемы "народ и личность". В конечном счете именно идущие от народа социальные и нравственные импульсы определяют лицо эпохи. Но в конкретный период огромный отпечаток на нее накладывает и крупная историческая личность. Как бы там ни было, очевидно одно: политический деятель, особенно руководитель страны, не только выступает как орудие истории, но и самым непосредственным образом влияет на события и судьбы.

Как могло случиться, что после Сталина к руководству страной пришел именно Хрущев? Вроде бы Сталин сделал все, чтобы "очистить" партию от любых своих противников — подлинных и мнимых, "правых" и "левых". В 50-х годах передавалась из уст в уста одна из его афористичных фраз: "Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы". В результате в живых остались, казалось бы, самые верные, самые надежные. Как же Сталин не разглядел в Хрущеве могильщика своего культа?

В последние годы, незадолго до кончины, Сталин подверг опале Молотова и Микояна, готовя им, вероятно, такую же участь, какая постигла других руководителей, уничтоженных при их помощи и поддержке. Создание на XIX съезде Президиума ЦК КПСС, заменившего более узкое по своему составу Политбюро, было шагом к "отстрелу" следующей генерации засидевшихся соратников. Но Сталин — парадокс! — "не грешил" на Хрущева.

Старческое ослепление? Пожалуй, нет. Никколо Макиавелли, этот блистательный разоблачитель тирании, бросил некогда фразу: "Брут стал бы Цезарем, если бы притворился дураком". Думается, Хрущеву каким-то образом удалось притвориться человеком вполне ручным, без особых амбиций. Рассказывали, что во время длительных ночных посиделок на ближней даче в Кунцеве, где вождь жил последние тридцать лет, Хрущев отплясывал гопака. Ходил он в ту пору в украинской косоворотке, изображая "широкого казака", далекого от каких-либо претензий на власть, надежного исполнителя чуждой воли. Но, видимо, уже тогда Хрущев глубоко затаил в себе протест. И это выплеснулось на другой день после кончины Сталина.

Хрущев пришел к власти не случайно и одновременно случайно. Не случайно потому, что он был выразителем того направления в партии, которое в других условиях и, вероятно, по-другому оказалось представлено такими во многом не схожими деятелями, как Дзержинский, Бухарин, Рыков, Рудзутак, Киров. Это были сторонники развития нэпа, демократизации, противники насильственных мер в промышленности или в сельском хозяйстве, а тем более в культуре. Несмотря на жестокие сталинские репрессии, это направление никогда

не умирало. В этом смысле приход Хрущева был закономерным.

Но, конечно, здесь был и большой элемент случайности. Если бы Маленков столкнулся с Берией, если бы "сталинская гвардия" сплотилась в 1953 году, а не в июне 1957 года, не быть бы Хрущеву лидером. Сама наша история могла пойти по несколько иному руслу. Нам трудно сделать это допущение, но на самом деле все висело на волоске.

И все же история сделала правильный выбор. То был ответ на реальные проблемы нашей жизни. Все более нищавшая и, по сути, полуразрушенная деревня, технически отставшая промышленность, острейший дефицит жилья, низкий жизненный уровень населения, миллионы заключенных в тюрьмах и лагерях, изолированность страны от внешнего мира — все это требовало новой политики, радикальных перемен. И Хрущев пришел — именно так! — как надежда народа, предтеча Нового Времени.

Нас тогда глубоко волновало все, что было связано с XX съездом КПСС. Как решился Хрущев выступить с докладом о Сталине, зная, что подавляющее большинство делегатов будет против разоблачений? Откуда он почерпнул такое мужество и такую уверенность в конечном успехе? То был один из редчайших случаев в истории, когда политический руководитель поставил на карту свою личную власть и даже жизнь во имя высших общественных целей. В составе послесталинского руководства не было ни одного деятеля, который решился бы выступить с подобным докладом о культе личности. Хрущев, и только Хрущев мог сделать это — так смело, так эмоционально и во многих отношениях так необдуманно. Надо было обладать натурой Хрущева — отчаянною до авантюризма, — надо было пройти через испытания страданием, страхом, приспособленчеством, чтобы решиться на такой шаг. Вот как он сам объяснял мотивы своего выступления на XX съезде во время встречи с зарубежными гостями:

— Меня часто спрашивают, как это я решился сделать тот доклад на XX съезде. Сколько лет мы верили этому человеку! Поднимали его. Создавали культ. И вдруг такой поворот...

Так вот, я хочу рассказать вам историю, которая мне запомнилась с детства, еще когда обучался грамоте. Была такая книга "Чтец-декламатор". Там печаталось много очень интересных вещей. И прочел я в этой книге рассказ, автора не помню. Сидели как-то в тюрьме в царское время политзаключенные. Там были и эсеры, и меньшевики, и большевики. А среди них оказался старый сапожник Янкель, который попал в тюрьму случайно. Стали выбирать старосту по камере. Каждая партия предлагает своего кандидата. Вышел большой спор. Как быть? И вот кто-то предложил сапожника Янкеля, человека безобидного, не входящего ни в одну из партий. Посмеялись все, а потом согласились. И стал Янкель старостой. Потом получилось так, что все они решили из тюрьмы бежать. Стали рыть подкоп. Долго ли рыли, неизвестно, только вырыли. Ну и тут возник вопрос, кому идти первым в этом подкопе. Ведь неизвестно, может, тюремное начальство уже дозналось о подкопе и ждет там с ружьями? Кто первым будет выходить, того первым и смерть может настичь. На эсеров-боевиков указывают, а те на большевиков. Но в этот момент из угла поднимается старый сапожник Янкель и говорит: "Если вы меня избрали старостой, то мне таки и надо идти первым".

Вот так и я на XX съезде. Уж поскольку меня избрали Первым,

я должен, я обязан был, как тот сапожник Янкель, сказать правду о прошлом, чего бы это мне ни стоило и как бы я ни рисковал. Еще Ленин нас учил, что партия, которая не боится говорить правду, никогда не погибнет. Мы извлекли уроки из прошлого, и мы хотели бы, чтобы такие уроки извлекли и другие наши братские партии, тогда наша общая победа будет обеспечена...

Не все помнят, что хрущевская "оттепель" состояла не из одного, а из двух периодов. Первый — с марта 1953 по июнь 1957 года; второй — с июня 1957 года до октября 1964 года. Уже где-то в середине 1953 года мы по указанию руководства готовили и публиковали в журнале *Коммунист*, где я работал в ту пору, статью "О роли народных масс в истории" — в то время как до этого особый упор делался на роли личности, — с резкой критикой бюрократизма, коррупции, постановкой вопросов развития демократии. Эта линия достигла своей кульминации на XX съезде КПСС.

Мне не довелось присутствовать на этом съезде в тот момент, когда Хрущев произнес свой доклад о Сталине. Вообще, доклад был, как известно, сделан уже после того, как состоялись выборы в ЦК КПСС, и сам Хрущев был избран Первым секретарем ЦК партии. Вероятно, он считал неосмотрительным выступать с докладом до выборов. И не случайно. Во время моих разговоров со многими партийными работниками в ту пору я имел возможность убедиться, насколько рискованной была акция, предпринятая Хрущевым.

Сам я впервые ощутил весь драматизм происходящего, когда встретился с членом редколлегии нашего журнала Павлом Африканычем Усольцевым (назовем его так), который был в редакционной группе на съезде. Он пришел вечером в редакцию прямо после заседания и уселся, не говоря ни слова, в свое кресло — весь белый как снег, да что там, не белый, а серый, как земля под солончаком.

— Ну что там произошло, Павел Африканыч? — спрашиваю я. А он молчит. Даже губы не шевелятся. Как будто бы язык застрял между зубами, не ворочается. Прошло какое-то время. Дал ему выпить воды. Он сделал глоток, другой. Посидел немного. И опять ни звука.

— Не томите, Павел Африканыч! Что, сняли там кого-то или избрали не того? Или журнал наш решили прикрыть? — неуместно сострил я.

— Журнал... Не до журнала тут... Тут такое порассказали... Неведомо, что и думать... Куда идти... Что делать?

— Домой, вероятно, пора идти, восьмой час вечера. Я и так задержался, чтобы услышать ваш рассказ.

— Не положено рассказывать. Специально оговаривалось, не должно просачиваться. Используют враги, чтобы сокрушить нас под корень!

— Как это сокрушить, Павел Африканыч? У нас самое могучее государство и армия такая, которой боится даже Америка. Не так давно взрывали, на этот раз не атомную, а водородную.

— Да не в этом дело, — поморщился Африканыч, — бомбы разные бывают. Это тоже бомба, только замедленная. Когда взорвется — неизвестно, и что оставит после себя в нашей идеологии — тоже непонятно.

— Павел Африканыч, вы все загадками говорите. Рассказали бы все, что к чему и о чем речь.

— Не могу, пойми ты, не могу. Нет права. Погоди, может, пройдет

время, и всех проинформируют. Официально. Потому что знать-то всем надо, кто в печати. Да и партийным работникам. Вопросов будет тысячи...

Так я и не дознался в тот вечер. Правда, уже через несколько дней всем нам, по крайней мере всем сотрудникам нашего журнала, стало известно о том, что говорилось в "Секретном докладе". А еще через небольшой срок об этом стало известно всему миру. Доклад этот через какие-то каналы попал в руки зарубежных средств массовой информации и стал сенсацией.

Одно было ясно: партия и вся страна пойдут новым путем. Неясно только было, каким будет этот путь, как быстро дадут эффект новые решения. Всем хотелось плыть дальше и скорее к величественным целям, но многие опасались, что поиск новых путей и ломка традиций могут дестабилизировать обстановку и раскатать лодку. В их числе был, конечно, Усольцев. Впрочем, его сознание было маленькой частицей того умонастроения, которым были охвачены многие партработники в 50-х годах. Они были против "Секретного доклада", и было ясно, что предстояла острая борьба вокруг наследия прошлого и в особенности вокруг новых решений, обращенных в будущее. Мне не раз приходилось слушать воспоминания Хрущева о Сталине. Это были пространные, нередко многочасовые размышления-монологи, как будто разговор с самим собой, со своей совестью. Он был глубоко ранен сталинизмом. Здесь перемешалось все: и мистический страх перед Сталиным, способным за один неверный шаг, жест, взгляд уничтожить любого человека, и ужас из-за невинно проливаемой крови. Здесь было и чувство личной вины, и накопленный десятилетиями протест, который рвался наружу, как пар из котла... Характерна в этом смысле его речь, произнесенная на банкете в Кремле, где присутствовали участники Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1960 году.

Старшее поколение, конечно, помнит эту характерную фигуру, а младшее, наверное, никогда не видело даже его портретов. В ту пору ему было уже за 60 лет, но выглядел он очень крепким, подвижным и до озорства веселым. Его широкое лицо с двумя бородавками и огромный лысый череп, крупный курносый нос и сильно оттопыренные уши вполне могли принадлежать крестьянину из среднерусской деревни. Это впечатление, так сказать, простонародности усиливалось плотной полноватой фигурой и подвижными руками, которые почти непрерывно жестикулировали. И только глаза, маленькие, с острым взглядом, глаза, излучавшие то доброту, то властность и гнев, только, повторяю, глаза выдавали в нем человека сугубо политического, прошедшего огонь, воду и медные трубы и способного к самым крутым поворотам.

Именно таким я увидел его тогда и таким запомнил, хотя больше все-таки привлекла меня сама речь. То, что я услышал, при мне повторялось по меньшей мере еще дважды в другой обстановке, более камерной, в присутствии всего нескольких человек. Но что удивительно — он повторял этот рассказ почти слово в слово.

— Когда Сталин умер, мы, члены руководства ЦК, приехали на ближнюю дачу в Кунцево. Он лежал на диване, и врачей возле него не было. В последние месяцы своей жизни Сталин редко прибегал к помощи врачей, он их боялся. Берия его что ли напугал или сам он поверил, что врачи плетут какие-то заговоры против него и других руководи-

телей. Пользовал его тогда майор из охраны, который был когда-то ветеринарным фельдшером. Он же и позвонил о кончине Сталина...

Стоим мы возле мертвого тела, почти не разговариваем, каждый о своем думает. Потом стали разъезжаться. В машину садились по двое. Первыми уехали Маленков с Берией, потом Молотов с Кагановичем. Тут Микоян и говорит мне: "Берия в Москву поехал власть брать". А я ему: "Пока эта сволочь сидит, никто из нас не может чувствовать себя спокойно". И крепко мне тогда запало в сознание, что надо первым делом Берию убрать. А как начать разговор с другими руководителями?..

И вот прошло время, и я стал объезжать по одному членов Президиума. Опаснее всего было с Маленковым: друзья ведь были с Лаврентием. Ну, я приехал к нему, так и так, говорю, пока он гуляет на свободе и держит в своих руках органы безопасности, у нас всех руки связаны. Да и неизвестно, что он в любой момент выкинет, какой номер. Вот, говорю, специальные дивизии почему-то к Москве подтягиваются.

И надо воздать должное Георгию — в этом вопросе он поддержал меня, переступил через личные отношения. Видимо, сам боялся своего дружка. А Маленков тогда был Председателем Совмина и вел заседания Президиума ЦК. Словом, ему было что терять, но в конце разговора он сказал: "Да, верно, этого не избежать. Только надо сделать так, чтобы не получилось хуже".

Потом я поехал к Ворошилову. Вот здесь сидит Клим Ефремович, он помнит. С ним пришлось говорить долго. Очень он беспокоился, чтобы не сорвалось все. Верно я говорю, Клим?

— Верно, верно, — громко подтвердил Климент Ефремович. — Красный то ли от смущения, то ли от выпитого. — Только бы войны не было, — прибавил он почему-то не совсем кстати.

— Ну, насчет войны — это отдельный разговор, — заметил Первый. — Значит, поехал я тогда к Кагановичу, выложил ему все, а он мне так: "А на чьей стороне большинство? Кто за кого? Не будет ли его кто поддерживать?" Но когда я ему рассказал обо всех остальных, он тоже согласился.

И вот пришел я на заседание в Кремле. Сели все, а Берии нет. Ну, думаю, дознался. Ведь не сносить нам тогда головы. Где окажемся завтра, никто не знает. Но тут он пришел, и портфель у него в руках. Я сразу сообразил, что у него там в портфеле. И у меня на этот случай тоже было кое-что припасено...

Тут рассказчик похлопал себя по правому карману широкого пиджака и продолжал:

— Сел Берия, развалился и спрашивает: "Ну, какой вопрос сегодня на повестке дня? Почему собрались так неожиданно?" А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: "Открывая заседание, давай мне слово". Тот побелел, смотрю, рта раскрыть не может. Тут я вскочил сам и говорю: «На повестке дня один вопрос. Об антипартийной, раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение вывести его из состава Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду. Кто "за"?» И первый руку поднимаю. За мной все остальные. Берия весь позеленел — и к портфелю. А я портфель рукой цап! И к себе! Шутись, говорю! Ты это брось! А сам нажимаю на кнопку.

Тут вбегают два офицера из военного гарнизона Москаленко (я с ними договорился заранее). Я им приказываю: "Взять этого гада, изменника Родины, и отвести куда надо". И тут Берия стал что-то бормотать, бормотать... А ведь такой герой был других за холку брать и к стенке ставить. Ну, остальное вы знаете... (Уже впоследствии я узнал, что в одном вопросе Хрущев лукавил: он умалчивал о роли Г. К. Жукова в аресте Берии. И как мы увидим дальше — не случайно.)

— Так вот, я хочу выпить, — тут он взял рюмку, — за то, чтобы такое никогда и нигде больше не повторялось. Мы сами смыли это грязное пятно и сделаем все, чтобы создать гарантии против подобных явлений в будущем. Я хочу вас заверить, товарищи, что мы такие гарантии создадим и все вместе пойдем вперед к вершинам коммунизма!..

Непосредственное мое знакомство с Первым состоялось во время поездки в Болгарию. Сейчас мне нелегко представить себе волнение, которое я испытал — молодой человек академического склада, неожиданно для себя попавший на политический Олимп. Но я хорошо помню, что я не спал практически всю ночь накануне вылета спецсамолетом, на котором находилась делегация и сопровождавшие ее лица. Я старался уснуть в самолете, но безуспешно — его изрядно болтало над горами, особенно перед посадкой в Софии.

Во время ужина, организованного болгарскими руководителями в честь делегации, меня, как и других консультантов и помощников, посадили за тот же стол, что и наших руководителей, но по другую сторону. Случайно я оказался прямо напротив Первого. И вот он, как обычно, поднялся произносить тост — на этот раз за советско-болгарскую дружбу, и — тоже как обычно, — отвлечшись от тоста, начал вспоминать прошлое. Здесь я снова услышал историю — о том, как умер Сталин, как брали Берию, о нравах, которые царили среди высших руководителей при Сталине, о 1937 годе и о многих других политических событиях. Говорил он не меньше двух часов, а я сидел, застывший и замороженный, слушая эту исповедь, произносимую не тоном обвинения, а тоном печали и страдания. Я не в силах был оторвать своих глаз от рассказчика, а он, видя мое такое необычное внимание, все чаще обращался в разговоре лично ко мне, жестикулировал, объяснял, доказывал и еще более углублялся в волновавшие его воспоминания, черпая их из самого нутра своего. Все остальные сидели тихо, молча, терпеливо ожидая окончания его речи. И наверное, каждый про себя думал о своем. Меня потрясли эти откровения, эти грозные страсти на политическом Олимпе, эти мучительные переживания, через которые проходят деятели в окружении высшего руководителя. "Ближе к царю — ближе к смерти", — думалось мне в этот момент. Как эта близость выворачивает наизнанку всего человека... Вот она, плата за власть и влияние.

Не помню, чем закончился этот вечер, но хорошо помню, что я долго не мог уснуть, перелистывая в своем возбужденном мозгу страницу за страницей мрачную исповедь участника и жертвы минувших времен... Наутро меня неожиданно пригласил помощник Первого. Оказывается, тот пожелал познакомиться с "интересным молодым болгаринном", который так внимательно его слушал. Каково же было удивление Первого, когда он узнал, кто я и где работаю. Он задал мне два-три формальных вопроса и долго жал мне руку и смеялся по поводу своей ошиб-

ки. Потом во время встреч в Болгарии, в частности в бывшем дворце царя Бориса в Варне, он кивал мне и, весело улыбаясь, покачивал головой: вот, мол, какого дурака сваял. Вообще он был прост и предупредителен в общении с интеллектуальной "обслугой". Особенно он выделял и ценил "речеписцев", поскольку сам чувствовал недостаток образования и культуры, чтобы довести до конца и обработать для печати свое выступление. Многие пользовались этой его слабостью в личных целях. Особенно это развилось при его преемниках, когда составители речей унижались до того, чтобы выпрашивать плату за свои услуги, и плату немалую — академические звания, лауреатские значки, премии или высокие должности.

Впрочем, сам Первый нередко произносил свои речи без всякой подготовки. Иногда они бывали сумбурные, особенно если он был чем-то сильно возбужден и заведен. Но вот в Болгарии мне довелось слышать речь, которую он произносил явно экспромтом в клубе шахтерского поселка, вернувшись после спуска в шахту. Он еще находился в каске, в специальном шахтерском сюртуке. Выйдя на сцену, он произнес речь, которая длилась минут сорок. Ничто ему не мешало, и никто его не торопил. И это была на редкость складная речь с простыми, но четкими мыслями и суждениями, в ясной и грамотной форме. Она вызвала прекрасный отклик у аудитории и не составила никакого труда для редакторов при подготовке ее к печати.

Вообще Хрущев был человеком глубоко уверенным в себе, раскованным и даже озорным. Когда он начинал говорить, никто, даже он сам, часто не знал, чем кончит. Он попадал в поток сознания, заквашенный на страстях и эмоциях. И ему самому было трудно вогнать этот поток в берега. Отчасти это было свойство его натуры, но отчасти он пользовался этим для политической игры. Он демонстрировал возмущение и произносил слова, которые, будучи изображенными в виде печатного текста, наверняка вызвали бы взрыв негодования у собеседника, партнера или оппонента. Но ему это сходило с рук, поскольку списывалось за счет эмоций. Мне иногда казалось, что он заговаривается, настолько бурно и необузданно он говорил. Медленно успокаивался и, нащупав дно, возвращался к предмету своего разговора, остро следя своими маленькими, озорными, веселыми глазами за выражением лиц своих слушателей. "Ну и актер! — думал я, глядя на эти превращения. — Вот кого не хватает Олежке Ефремову в "Современнике" для полного комплекта".

Во время митинга на площади им. Димитрова в Софии докладчик не раз "отвлекался" от текста. Я сидел на стуле за трибуной, с которой он выступал, и помечал места, пытаюсь записать новый текст. В этот момент его жена, женщина с добрым, славным крестьянским лицом, сказала мне: "Оратор не учитывает, что люди стоят под солнцем на жаре, и напрасно расширяет свою речь. Ее и так можно было сократить".

Я слышал от нее и другие критические замечания в адрес мужа и думал про себя, что он, вероятно, нередко советуется с ней, а может быть, и проверяет свои речи на ней, как на слушательнице. Впоследствии я имел случай убедиться, что это так и было. Жена Первого долгое время работала заведующей парткабинетом и неплохо ориентировалась в лекционной работе.

Забавный эпизод произошел во время приема в советском посольстве по случаю пребывания делегации. Когда Первый вошел в большой

зал приема, он, не пройдя и нескольких шагов, остановился как вкопанный. В зале были расставлены столы, которые буквально ломились от изобилия напитков и яств. И тут Первый разыграл сцену, к которой, я думаю, давно готовился “Это что за купеческий стиль! — вскричал он сердито. — Или вы думаете, что мы уже достигли коммунизма? Кто распорядился? Кто вас финансирует?” — накинулся он на посла, который стоял ни жив ни мертв. Посол стал было что-то бормотать насчет дополнительных средств, спущенных Совмином для этого приема, о доставленных в натуральном виде самолетом продуктах, но Первый и слушать не стал.

Замечу попутно, что я так и не понял, почему он с таким упорством произносил “коммунизм” с мягким знаком перед последней буквой. Свое горловое “ге”, вероятно, он действительно не мог исправить, хотя я не исключаю, что и здесь была игра. Что же касается “коммунизма”, то я на сто процентов убежден, что он так произносил умышленно, создавая некий эталон, которому должны были следовать все посвященные, как авгуры. Я сам наблюдал, как один за другим окружающие его лица, в том числе получившие образование в университете или МГИМО, склонялись к подобному произношению. Этот сленг как бы открывал дорогу наверх, в узкий круг людей, тесно связанных между собой не только деятельностью, но и общим уровнем культуры...

Мне доводилось слышать, как Хрущев понимал свою роль в истории нашей страны. Он говорил, что Ленин вошел в нее организатором революции, основателем партии и государства, а Сталин, несмотря на свои ошибки и преступления, — человеком, который обеспечил победу в кровавой войне с фашизмом. Свое предназначение Хрущев видел в том, чтобы дать мир и благосостояние советскому народу. Он не раз говорил об этом как о главной цели своей деятельности.

Проблема, однако, заключалась в том, что он неясно представлял средства для осуществления этих целей. Несмотря на весь свой радикализм, он отверг критическое замечание Пальмиро Тольятти, который советовал искать корни культа личности в сложившейся системе, хотя Тольятти, конечно же, не ставил вопроса о замене социализма капитализмом, а имел в виду само изменение режима личной власти.

Жажда новизны, деятельный характер были органическими чертами Хрущева. Широкая программа восстановления сельского хозяйства, создание совнархозов, интенсивное жилищное строительство, техническое перевооружение промышленности. Паспортная система в деревне, пенсионное обеспечение крестьян, повышение зарплаты низкооплачиваемым категориям трудящихся. Подготовка новой Программы партии, обновление основных законов, изменение принципов и стиля отношений с Западом. И даже знаменитая эпопея с кукурузой... Во всем отражался поиск своих путей и решений, его неумный общественный темперамент. Хрущевское время было пропитано духовным возрождением, хотя процесс этот и носил явную печать прошлой эпохи, был противоречивым и нередко малоэффективным.

Именно Хрущев по собственной инициативе выдвинул задачу создать прочные гарантии против рецидивов культа личности. Он вел бескомпромиссную борьбу за это внутри страны и на международной арене, не считаясь с теми издержками, которые такая борьба могла при-

внести в отношения с теми или иными странами, входившими в социалистический лагерь.

Главное значение Хрущев придавал идеологической стороне дела, необходимости до конца разоблачить культ личности, высказать правду о преступлениях 30-х годов и других периодов. Но сама эта правда, увы, была половинчатой, неполной. С самого начала Хрущев споткнулся на проблеме личной ответственности, поскольку многие в партии знали о той роли, которую сыграл он сам в преследовании кадров и на Украине, и в московской партийной организации. Не сказав правды о себе, он не смог сказать всей правды о других. Поэтому информация об ответственности различных деятелей, не говоря уж об ответственности самого Сталина за допущенные преступления, носила однобокий, а нередко двусмысленный характер. Она находилась в зависимости от политической конъюнктуры. Например, разоблачая на XXII съезде КПСС В. Молотова и Л. Кагановича за избиение кадров в 30-х годах, Хрущев умалчивал об участии А. Микояна, который впоследствии стал его надежным союзником. Говоря о 30-х годах, Хрущев тщательно обходил период коллективизации, поскольку был лично замешан в перегибах того времени.

Хрущев стремился сформировать у всех членов Президиума ЦК общее отношение к культу Сталина. По его указанию каждый из выступивших на XXII съезде представителей руководства должен был определить свое отношение к этому принципиальному вопросу. После съезда, однако, оказалось, что многие из тех, кто метал громы и молнии против культа личности, легко пересмотрели свои позиции и вернулись, по сути, к прежним взглядам.

Вопрос о гарантиях против повторения где бы то ни было культа личности и его последствий занял большое место при подготовке Программы партии. Мне довелось участвовать в этой работе. Помню, в частности, как готовилась записка в Президиум ЦК КПСС о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству, что имело важное значение, поскольку стереотип диктатуры пролетариата использовался в 30-х годах для обоснования репрессий. Записка была направлена О. В. Куусиненом и вызвала буквально скандал среди многих руководителей. Я сидел в кабинете у Куусинена, когда один из членов руководства кричал ему по телефону: "Как вы могли покуситься на святая святых ленинизма — на диктатуру пролетариата?" И только благодаря энергичной поддержке Хрущева эта идея попала в Программу партии.

Один из практических выводов, если говорить о прошлом, был связан также с более последовательным осуществлением принципа сменяемости кадров. Этот вопрос вызвал больше всего споров. Идея ротации кадров, которая исходила непосредственно от Первого, претерпела ряд изменений. Было проработано не менее десяти вариантов формулировок, которые бы дали ей адекватное воплощение. Хрущев хотел создать хоть какие-то гарантии против чрезмерного сосредоточения власти в одних руках, "засиживания" руководителей, старения кадров на всех уровнях, начиная с первичных организаций и кончая верхним эшелоном. Что касается первичной организации, то это не вызвало особых споров. Но относительно ротации наверху мнения разошлись кардинальным образом. В этом пункте даже ему, с его авторитетом, упорством и настойчивостью, пришлось отступить.

В первоначальном проекте фиксировались принципы, согласно которым можно находиться в составе высшего руководства не больше двух сроков. Это вызвало бурные протесты со стороны более молодой части руководителей. Им казалось крайне несправедливым, что представители старшего поколения, которые уже "наседелись", пытаются ограничить их возможности. В следующем проекте два срока были заменены на три, но и эта формулировка была отвергнута. В окончательном тексте весь замысел — создать новую процедуру сменяемости кадров — оказался препарированным до неузнаваемости.

С другой стороны, немало было сделано для создания юридических гарантий против нарушения законности. Начался пересмотр всего законодательства, подготовка новой Конституции, которая завершилась в 70-х годах.

К сожалению, принятые тогда кодексы (законов) также носили на себе печать половинчатости. Поэтому прочные институциональные гарантии против режима личной власти и его рецидивов так и не были созданы.

Более того, в обстановке хлуйства и своекорыстного пресмыкательства сам Хрущев стал все больше отделять себя от других руководителей, парить над ними, над всей партией и государством. На наших глазах, за несколько лет — с 1960 по 1964 год — произошла стремительная эволюция в самооценке Хрущевым своей собственной роли.

Проблема гарантий против режима личной власти натолкнулась на непреодолимое препятствие — ограниченность политической культуры самого Хрущева и тогдашней генерации руководителей. То была во многом авторитарно-патриархальная культура, почерпнутая из традиционных представлений о формах руководства в рамках крестьянского двора. Патернализм, произвол, вмешательство в любые дела и отношения, непогрешимость патриарха, нетерпимость к другим мнениям — все это составляло типичный набор вековых представлений о власти в России.

В этом отношении показательны события, последовавшие за июньским Пленумом 1957 года. На нем, как известно, представители старой "сталинской гвардии" посредством так называемого "арифметического большинства" стали добиваться изгнания Хрущева. В результате голосования в Президиуме ЦК КПСС было принято решение об освобождении его с поста Первого секретаря. Это решение, однако, удалось поломать благодаря усилиям горячих сторонников Хрущева. Выдающуюся роль в разгроме сталинистов сыграл маршал Г. К. Жуков. Как рассказывали тогда, во время заседания Президиума ЦК КПСС Жуков бросил историческую фразу в лицо этим людям: "Армия против этого решения, и ни один танк не сдвинется с места без моего приказа". Эта фраза в конечном счете стоила ему политической карьеры.

Вскоре после июньского Пленума Хрущев добился освобождения Г. К. Жукова с поста члена Президиума ЦК КПСС и министра обороны СССР. Сделано это было в традиционном для того времени духе — в момент, когда маршал находился в зарубежной командировке. Ему не было предоставлено минимальной возможности по-настоящему объяснить, точно так же, как не было дано необходимого разъяснения партии и народу о причинах изгнания с политической арены самого выдающегося полководца Великой Отечественной войны. И причина изгнания была опять-таки традиционная — страх перед сильным человеком.

На протяжении полутора лет мне довелось работать над проектом Программы партии. Мы работали в филиале санатория «Сосны» на Николиной Горе. Тем временем другая группа, расположившись в бывшей даче М. Горького по другую сторону Москва-реки, трудилась над Отчетным докладом ЦК КПСС. Однако, незадолго до XXII съезда партии, мы получили указание готовить самостоятельный доклад по поводу проекта Программы КПСС.

На самом съезде все его участники, как и вся партия и народ, стали свидетелями почти скоморошного зрелища. Хрущев вначале зачитал четырехчасовой Отчетный доклад, а затем, после перерыва, снова взобрался на трибуну и еще часа три зачитывал доклад о проекте Программы партии.

Мне кажется, именно в хрущевскую пору сложилась эта странная традиция: считать, что авторитет лидера определяется количеством произносимых им слов.

Кроме того, немалую роль сыграла и известная слабость Хрущева как руководителя. За ним давно закрепилась репутация человека, который ходит "в стоптанных тапочках". Была замечена еще в период его работы в Киеве, а затем в Москве неспособность разбираться в кадрах. Он был всегда склонен скорее полагаться на льстецов, чем на подлинных сторонников его реформаторских преобразований. Поэтому он окружал себя такими людьми, как, например, Н. Подгорный, которые в рот ему глядели и готовы были взяться за любое его поручение. Поэтому же ему мало импонировали самостоятельные, крупные личности, независимые характеры. Хрущев был слишком уверен в себе, чтобы искать опору в других. И это стало одной из причин его падения. Люди, которые в глубине души не разделяли его реформаторских взглядов, считали их проявлением некомпетентности или даже чудачеством, при первом же удобном случае избавились от него...

Правда, одно время Хрущев тянулся к более интеллигентным кадрам в партийном аппарате. Достаточно напомнить его отношение к Д. Шепилову, которого он выдвинул на посты секретаря ЦК, министра иностранных дел. Однако предательское поведение "примкнувшего к ним" Шепилова в ходе июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС навсегда отвратило Хрущева от "интеллигентиков".

Сыграли свою роль в отношениях Хрущева с интеллигенцией и топорливость, стремление вмешаться в любой вопрос и быстро его решить. Тут он нередко оказывался игрушкой небескорыстных советчиков, а то и скрытых противников, готовивших его падение. Хорошо помню, что посещение им художественной выставки в Манеже было спровоцировано специально подготовленной справкой. В ней мало говорилось о проблемах искусства, зато цитировались подлинные или придуманные высказывания литераторов, художников о Хрущеве, где его называли "Иваном-дураком на троне", "кукурузником", "болтуном". Заведенный до предела, Хрущев и отправился в Манеж, чтобы устроить разнос художникам. Таким же приемом тайные противники Хрущева втравили его в историю с Б. Пастернаком, добились через него отстранения с поста президента АН СССР А. Несмеянова в угоду Лысенко, рассорили с многими представителями литературы, искусства, науки.

К несчастью, Первый был окружен советниками, которые сводили на нет многие разумные назревшие преобразования или заменяли их чис-

то организационными решениями, нередко невзвешенными, не проверенными, не продуманными. Так было, например, с решением вопроса о преодолении ведомственности, бумажно-бюрократических форм управления экономикой. Вместо ведомств были поспешно и небрежно сформированы совнархозы.

Так что система новых экономических взаимоотношений так и не была определена. Все было сделано наспех, при большом сопротивлении многих работников хозяйственного аппарата, не понимавших целей этих преобразований, ломки традиций, а также их личных судеб, поскольку им нередко приходилось оставлять насиженные кабинеты в Москве и отправляться в отдаленные места. Еще хуже обстояло дело с преобразованиями в области государственного управления и структуры партийного руководства.

* * *

В октябре 1964 года в составе группы представителей двух международных отделов я находился на загородной даче. По прямому поручению Хрущева мы готовили один из важных документов, касавшихся внешней политики. Нас очень торопили. Секретари ЦК по несколько раз в день спрашивались, в каком состоянии находилось дело. Накачивая себя кофе, мы мучительно вынашивали очередную "бумагу". Другой телефон затих. Никто не звонит. Проходит день. Начинается другой — ни звука. Тогда мой старый друг Елизар Кусков говорит мне: "Съездил бы ты в Москву, узнал, что там происходит, подозрительная какая-то тишина!

Приехал я на Старую площадь. Зашел на работу и первое, что почувствовал — именно подозрительную тишину. В коридорах — никого, как метлой вымело. Заглядываю в кабинеты — сидят по двое, по трое, шуткаются. Но вот встретил одного человека, помнится, — заведующего сектором Чехословакии. Суетливый такой мальчик, из бывших комсомольских работников. Он говорит мне: "Вы там сидите, пишете. Писаки! А люди уже власть берут!" — "Какие люди?" — «Да вот Колька Месяцев — уже председатель Комитета по радиовещанию и телевидению". Он работал в свое время с А. Н. Шелепиным в ЦК комсомола, который и был душой заговора против Н. С. Хрущева. Наконец узнаю подробности. Второй день идет заседание Президиума ЦК... Выступают все члены руководства. Критикуют Хрущева. Предлагают уйти "по собственному желанию". Правда, пронесся слух, будто кто-то предлагал оставить его Председателем Совета Министров СССР. Однако то ли не прошел вариант, то ли слух был неверен. Но на октябрьском Пленуме было решено принять заявление об уходе "по собственному желанию"...

После Пленума Ю. В. Андропов выступал перед руководством нашего отдела и рассказывал подробности. Помню отчетливо главную его мысль: "Теперь мы пойдем более последовательно и твердо по пути XX съезда". Правда, тут же меня поразил упрек, первый за много лет совместной работы, адресованный лично мне: "Сейчас ты понимаешь, Федор, почему в *Правде* не пошла твоя статья".

А статья, собственно, не моя, а редакционная, подготовленная мной целая полоса называлась так: "Культ личности Сталина и его наследни-

ки". Была она одобрена лично Хрущевым. Но на протяжении нескольких месяцев ее не печатали. Почему? Уже после октябрьского Пленума стало ясно, что ее задерживали специально.

Как-то в моей голове концы не сходились с концами. Собираемся последовательно идти по пути XX съезда, зачем же задерживать статью против культа личности? Может быть, все не так просто?

Вскоре я получил возможность встретиться с Л. И. Брежневым. Убедился — продвижения вперед не будет. Правда, не будет и резкого откатывания назад. Топтание на месте — вот что стало на очередь дня. Разрушение некоторых недостроенных построек, например совнархозов. Но не открытый возврат к началу 50-х годов. Это было не по мне. Попросился из аппарата на творческую работу. Наверно, я повел себя резко, чем это было дозволено правилами игры. Потом достали и рассчитались...

* * *

Человек идет дальше всего, когда он не знает, куда идет, говорили древние. Но шаг его при этом извилист и неровен — он то резко вырывается вперед, то сильно откатывается обратно. Так выглядели многие экономические и социальные реформы Хрущева.

Экономическая политика оставалась одним из наиболее уязвимых мест в его деятельности. Он видел задачу в основном в изменении методов руководства экономикой на аппаратном уровне — в Госплане, совнархозах, министерствах, — но не понимал значения глубоких структурных реформ, которые меняют условия труда и жизни непосредственных производителей — рабочих, крестьян, научно-технической интеллигенции.

Особенно неблагоприятно такой подход сказался при подготовке Программы партии 1961 года. Самые большие споры вызвало предложение включить в Программу цифровые материалы об экономическом соревновании на мировой арене. С этим предложением приехал на одно из заседаний председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР А. Засядько. Доклад, который он сделал в рамках рабочей группы, показался всем участникам легкомысленным и ненаучным. Выкладки о темпах развития советской экономики и экономики США фактически были взяты с потолка — они выражали желаемое, а не действительное.

Однако сам Засядько легко положил конец разгоревшейся дискуссии. Он открыл первую страницу книжки в синем переплете с машинописным текстом примерно на 80 страницах и показал резолюцию "Включить в Программу" и знакомую подпись Первого. Так в Программу партии оказались включены цифровые выкладки о том, как мы в восьмидесятых годах догоним и перегоним Соединенные Штаты. Порывы были высокие, но, как говорится, кроме амбиций, нужна еще и амуниция.

Надо, впрочем, попытаться представить себе общий дух того времени. Хотя мало кто верил в цифры Засядько, энтузиазма и оптимизма у нас хватало. И базировались эти чувства вовсе не на пустом месте, все были убеждены, что принимаемая Программа открывает этап крупных структурных преобразований и сдвигов — иначе зачем было бы прини-

мать и утверждать новую Программу. И даже уход Хрущева сразу не остановил дела. В сентябре 1965 года состоялся-таки Пленум ЦК КПСС о хозяйственной реформе. Отрицательное отношение к ней Брежнева светло, однако, на нет усилия предыдущей эпохи.

Еще хуже обстояло дело с преобразованиями в области государственного управления и структуры партийного руководства. Кто "подсунул" Хрущеву идею разделения обкомов и райкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные? Интуитивно я убежден, что это было сделано не без злого умысла — чтобы окончательно подорвать его авторитет среди партийных руководителей.

Названные ошибки были поставлены Хрущеву в вину на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС. На нем сложился странный симбиоз политических сил — от сторонников последовательного продвижения по пути XX съезда до консерваторов и затаившихся сталинистов, все они сплотились против лидера, который вывел "наверх" большинство из них. Последующие события не оставили сомнения в том, что Хрущев был отстранен не столько за волюнтаризм, сколько за неумную жажду перемен. Лозунг "стабильности", выдвинутый преемниками, надолго затормозил назревшие реформы. Само слово "реформа", как и упоминание XX съезда, стало опасным и стоило многим сторонникам этого курса политической карьеры.

...Время не рассеяло бесчисленные мифы вокруг имени Хрущева у нас и за рубежом. Разделив судьбу других реформаторов, Хрущев не снискал объективного признания в массовом сознании. Народ, который когда-то возвышал Ивана Грозного и осуждал Бориса Годунова, не мог принять после Сталина общественного деятеля, лишенного мистической магии, земного и грешного, подверженного ошибкам и заблуждениям. Шолохову еще в период "оттепели" приписывали фразу о Сталине: "Конечно, был культ, но была и личность". То был скрытый упрек Хрущеву как куда менее значительной фигуре. Упрек человеку, который будто бы, подобно шекспировскому Клавдию, стащил корону, валяющуюся под ногами.

А тем временем в странах Запада Никиту Хрущева ставили на одну ступеньку с Джоном Кеннеди и папой Иоанном XXIII и видели истоки ухудшения международного климата в конце 60-х годов в том, что эти лидеры по разным причинам сошли с политической арены. Появилось множество книг, посвященных анализу "хрущевизма" как нового течения в социализме.

Можно было бы сказать — нет пророков в своем Отечестве, но это было бы неточно. Вопрос глубже и сложнее. Пожалуй, ближе других к оценке Хрущева подошел Эрнст Неизвестный, с которым Хрущев вел свою "кавалерийскую" полемику в Манеже. Созданный скульптором памятник на могиле Хрущева — бронзовая голова на фоне белого и черного мрамора — удачно символизировал противоречивость "оттепели" и ее главного героя.

Сейчас, почти четверть века спустя, сравнивая период до и после октября 1964 года, мы лучше видим силу и слабость Хрущева. Главная его заслуга состояла в том, что он сокрушил культ личности Сталина. Это оказалось необратимым, несмотря на все трусливые попытки водворить пьедестал на прежнее место. Не вышло. Значит, вспашка была достаточно глубокой. Значит, пахарь трудился не зря. Мужественное решение

о реабилитации многих коммунистов и беспартийных, подвергшихся репрессиям и казням в период культа личности, восстанавливало справедливость, истину и честь в жизни партии и государства. Мощный, хотя и не во всех отношениях эффективный и умелый, удар был нанесен по сверхцентрализму, бюрократизму и чиновному чванству.

Во времена Хрущева положено начало перелому в развитии сельского хозяйства — повышены закупочные цены, резко уменьшено бремя налогов, стали применяться новые технологии. Спорное решение об освоении целины при всех недостатках сыграло определенную роль в обеспечении населения продовольствием. Хрущев пытался повернуть деревню к зарубежному опыту, первой сельскохозяйственной революции. И даже его увлечение кукурузой было продиктовано благими намерениями, хотя и сопровождалось наивными крайностями. Худую роль сыграла, однако, гигантомания в деревне и в особенности грубейшая ошибка о сокращении приусадебных хозяйств.

С именем Хрущева в то же время связаны крупнейшие достижения в области науки и техники, позволившие создать фундамент для достижения стратегического паритета. До сих пор у всех перед глазами стоит встреча Юрия Гагарина с Хрущевым, ознаменовавшая прорыв нашей страны в космос. Мирное сосуществование, провозглашенное на XX съезде КПСС, после потрясения в период Карибского кризиса, становилось все более прочной платформой для соглашений и деловых компромиссов с Западом. К эпохе "оттепели" восходят истоки Заключительного акта в Хельсинки, который закрепил итоги второй мировой войны и декларировал новые международные отношения, экономическое сотрудничество, обмен информацией, идеями, людьми.

В ту пору партия приступила к решению многих социальных проблем. Жизненный уровень населения в городе и деревне стал постепенно расти. Однако намеченные экономические и социальные реформы захлебнулись. Серьезный удар по надеждам реформаторов нанесли трагические события в Венгрии в 1956 году. Но не последнюю роль сыграла и самоуверенность Никиты Сергеевича, его беспечность в вопросах теории и политической стратегии. "Хрущевизм" как концепция обновления социализма не состоялся. Если воспользоваться образом, который так любил главный оппонент Первого секретаря Мао Цзэдун, Хрущев ходил на двух ногах: одна смело шагала в новую эпоху, а другая безвылазно застряла в тине прошлого.

Отвечая на вопрос, почему в 60-х годах реформы потерпели поражение, можно было бы сказать и так: консервативные силы смогли взять верх над реформаторами потому, что аппарат управления да и все общество были еще не готовы к радикальным переменам. Но это слишком общий ответ. Нужно попытаться выяснить, чем воспользовались консерваторы.

Одна из ошибок состояла, на мой взгляд, в том, что поиск концепции реформ и путей их осуществления был основан на традиционных административных и даже бюрократических методах. Хрущев обычно давал поручения о "проработке" тех или иных проблем — экономических, культурных, политических — министерствам, ведомствам, то есть тому самому аппарату управления, который должен был сам ограничить свою власть. Аппарат же всегда находил способ прямыми, косвенными, двусмысленными решениями уберечь себя от контроля.

Более или менее удачные реформы как в социалистических странах, так и в капиталистических обычно намечались группой специалистов, главным образом ученых, и общественных деятелей, которые работали под руководством лидера страны. Так было, скажем, в Венгрии, Югославии. В Китае особую роль в подготовке реформ сыграла группа советников под руководством Чтао Цзыяна. В Японии я встречался с профессором японского "чуда". В ФРГ план реформ был составлен в свое время профессором Эрхардом, который впоследствии стал канцлером страны.

Второе — "народ безмолвствовал". Теперь, опираясь на опыт гласности, мы особенно ясно видим, как мало было сделано, чтобы проинформировать людей о прошлом, о реальных проблемах, о намечаемых решениях, не говоря уж о том, чтобы включать самые широкие общественные слои в борьбу за реформы. Сколько раз слышал в ту пору: "А чем Хрущев лучше Сталина? При Сталине хоть порядок был, бюрократов сажали, и цены снижались". Не случайно в момент октябрьского Пленума ЦК КПСС в 1964 году едва ли не большинство во всем обществе вздохнуло с облегчением и с надеждой ожидало благоприятных перемен.

И последний урок. Он касается самого Хрущева. Этот человек острого природного политического ума, смелый и деятельный не устоял перед соблазном воспевания собственной личности. "Наш Никита Сергеевич!" Не с этого ли началось грехопадение признанного борца с культом? Прилипали топили его в море лесты и восхвалений, получая за это высокие посты, высшие награды, премии, звания. И не случайно, чем хуже шли дела в стране, тем громче и восторженнее звучал хор прилипал и льстецов об успехах "великого десятилетия"

* * *

Древние говорили: "Судьба человека — это нрав его". Никита Хрущев стал жертвой собственного нрава, а не только жертвой среды. Торопливость, скоропалительность, эмоциональность были непреодолимыми его чертами.

Мне рассказал один из помощников Хрущева об удивительном разговоре, который состоялся у его шефа с Уинстоном Черчиллем. Это было во время визита Хрущева и Булганина в Англию в 1956 году. Они встретились с Черчиллем, помнится, на приеме в советском посольстве. Вот что сказал старый британский лев: "Господин Хрущев, вы затеиваете большие реформы. И это хорошо! Хотел бы только посоветовать вам не слишком торопиться. Нелегко преодолеть пропасть в два прыжка. Можно упасть в нее". Я рискнул бы добавить от себя: пропасть нельзя преодолеть и тогда, когда не ведаешь, на какой берег собираешься прыгнуть.

КТО ВИНОВАТ, ЧТО ДЕЛАТЬ И КАКОЙ СЧЕТ?

Какой-то остролов заметил, что именно эти три вопроса, вынесенные в заголовок, волнуют отечественного интеллигента конца XX столетия — в отличие от русского интеллигента XIX в., мучавшегося лишь над первыми двумя. В добавлении третьего вопроса — довольно злая, но в чем-то справедливая ирония, отражающая усталость части нашей интеллигенции от двух первых вопросов, от которых только пухнет голова да бегут по спине мурашки, а вера в возможность их теоретического и тем более практического решения ослабеваает. И тогда-то в усталом от роковых вопросов мозгу все большее место начинают занимать размышления о футбольных или хоккейных баталиях: какой там счет? И материал для работы мысли есть, и на душе спокойно.

Но ныне время круто сменило свой ход — оно начало отсчитывать минуты революционной перестройки. Вопросы "кто виноват?" и "что делать?" вновь перестали быть академическими, кабинетными, вопросами "для себя", "для писания в стол", — они вновь становятся предметом широкого общественного внимания и немедленного социального действия. И вот теперь, в этом новом, современном контексте и третий вопрос не выглядит лишним. Он просто утрачивает свой иронический подтекст и отражает новое и глубокое содержание: какой счет сегодня в борьбе сил новаторства и консерватизма, прогресса и реакции, развития и торможения, какой счет побед и поражений сил революции и застоя.

Кто виноват?

Успехи сегодняшних перемен зависят от многого, и в значительной степени — от общественной науки, от ее способности вести стратегию перестройки, от ее умения дать ясный ответ на вопросы: *что* перестраивается, *почему* перестраивается, *во что* перестраивается и почему этот процесс является *революционным*.

Между тем общественная наука пока эту функцию по-настоящему не выполняла, серьезно отставая от процессов жизни. В чем причина этого — кто виноват? Как ей двигаться дальше — что делать? Обобщенный краткий ответ, который сегодня можно встретить в различных публикациях, гласит: Кто виноват? — Догматизм, отрыв от действительности. Что делать? — Творчески развивать теорию.

Как будто бы верно. Да что там "как будто", просто очевидно. Разве догматизма, отрыва от действительности не было? Было, еще как было! И разве это хорошо? Нет, плохо, очень плохо! И разве твор-

ческое развитие теории не нужно? Нужно, крайне нужно! Ну так вот мы и получили ключик к преодолению бед нашей общественной науки, ключик к пониманию того, кто виноват и что делать.

Однако в этой-то очевидности ответов и заключается вся заковыка. Неужели раньше все это трудно было понять? Неужели раньше кто-нибудь говорил или думал, что догматизм и отрыв от действительности — это хорошо, а смелое творческое развитие теории не нужно? Нет, так никто никогда не говорил и не думал. Но если все это хорошо понимали всегда, а теория тем не менее буксовала, значит, это — не ключик, ибо он ничего не открывает, значит, эта формула не разъясняет, кто действительно виноват и что на самом деле делать?

И имеющийся исторический опыт вполне подтверждает основательность нашего скепсиса по поводу объяснительной способности указанной формулы. Так, в "установочном" для обществоведов докладе 28 апреля 1956 г. — вскоре после XX съезда, начавшего серьезную перестройку всей нашей тогдашней жизни, — член-корр. АН СССР (с 1946 г.) П.Н. Федосеев впервые предложил эту формулу преодоления серьезного отставания общественной науки: "...Необходимо повести решительную борьбу с догматизмом и начетничеством, против отрыва от жизни, сосредоточить усилия на творческой самостоятельной разработке актуальных вопросов общественной науки"¹. Иначе говоря: Кто виноват? Догматизм. Что делать? Творчески развивать теорию. А через десяток лет — после известных политических изменений 1964 г., когда из этой задачи мало что получилось, — П.Н. Федосеев, ставший, кстати, тем временем уже академиком (в 1960 г.), в своих новых "установочных" докладах вновь твердо заявлял: Кто виноват, что не получилось? Догматизм, схоластика. Что делать? Творчески развивать теорию. А еще через десяток-другой лет, после XXVII съезда, когда выяснилось, что и на этот раз задачу реализовать не удалось, в очередном "установочном" материале уже вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев в очередной раз повторил известную нам такую правильную и такую очевидную формулу. И уже с некоторой опаской ждешь статьи П.Н. Федосеева в каком-нибудь 1990 г.: "ничего не получилось", "кто виноват? — догматизм", "что делать? — творчески развивать теорию".

Стоит всерьез задуматься над причинами отставания общественных наук, стоит всерьез определить, что делать, дабы в 1990 г. появились статьи более оптимистического содержания. Не будем заниматься прожектерством, административно-схоластическими рекомендациями: как надо делать, чтобы все пошло хорошо. Ибо сила и точность подобных прожектов и рекомендаций может быть установлена лишь после испытания их на практике, через какое-то количество лет. А мы и ждать не можем, да и рекомендации эти должны вырабатываться иначе. Их надо извлекать не из головы (как это делал когда-то чемпион всех времен и народов по схоластике и прожектерству Евгений Дюринг), а, как настоятельно советовал Фридрих Энгельс, *при помощи* головы из практического опыта истории. К истории наших перестроек, их урокам, анализу указанных выше "очевидных", но почему-то плохо поддававшихся реализации формул мы и обратимся. А путеводной нитью в этом путе-

¹ П. Н. Федосеев. Коммунизм и философия. М., 1962, с. 5.

шествии по дорогам исторического опыта нам послужат "установочные" доклады и прочие работы П.Н. Федосеева, человека, вот уже несколько десятилетий стоящего у штурвала нашей общественной науки.

Итак, перед нами выступления П.Н. Федосеева эпохи перестройки на рубеже 50—60-х годов: доклад на Всесоюзном координационном совещании по вопросам философии 28 апреля 1956 г. "XX съезд КПСС и преодоление недостатков в научной работе по философии", написанная вскоре после XX съезда статья "О связи философии и политики", доклад "XXII съезд КПСС и задачи научно-исследовательской работы в области философии".

Общая схема рассуждений П.Н. Федосеева такова. Вначале называются "недостатки" (после XX съезда, сказавшего людям немало горьких и правдивых слов, это сделать, разумеется, было нетрудно): "догматизм", "отрыв от жизни", "лакировка действительности", "затушевывание трудностей", "потеря вкуса к изучению живой действительности", "забвение роли практики как верховного критерия истины", неумение применять общие положения к конкретной действительности, "цитатничество" как результат "преклонения перед отдельными авторитетами...". И затем ставится задача эти недостатки "преодолеть", то есть не "лакировать", не "затушевывать" и т.д.¹

В этой-то схеме, думается нам, и лежит зародыш будущих неудач в решении задачи "преодоления", ибо здесь только *по видимости* присутствует ответ на вопрос "что делать?". В действительности же никакого ответа тут нет. Ну что реально могут дать призывы: "не лакировать!", "не затушевывать!" и т.д. Как будто бы прежде ученые не догадывались, что все это — плохо, и вследствие этого "лакировали", а вот теперь из выступлений П.Н. Федосеева впервые узнали, что это — плохо, и решили перестроиться! Как будто бы прежде не призывали быть "лицом к действительности", "не отрываться" от нее! Задача, следовательно, и состояла в том, чтобы объяснить, почему эти хорошие и ясные для всех призывы повисали в воздухе. Ведь дело было вовсе не в незнании, что такое хорошо и что такое плохо. Главные причины лежали вообще не в сфере знания как такового. Ну в самом деле. Вот П.Н. Федосеев, полагая, что вскрывает причины негативных явлений в философской науке, писал, что некоторые ученые, "не умея творчески применять диалектический материализм к живому и вечно развивающемуся естественнонаучному материалу... доходили до прямого отрицания величайших достижений теории относительности, квантовой механики и других научных направлений (конечно же, имеется в виду генетика и кибернетика. — Г.В.) и тем самым тормозили развитие философской мысли". В общем, выходило: философии надо немного бы подучиться "применять", сменить "неумение" на "умение", и дело пойдет, и генетике с кибернетикой все дороги откроются. Но ведь если серьезно-то посмотреть, разве в "неумении" дело было? Ну да, Лысенко "не умел", но Вавилов-то "умел". Но почему-то "неумелые" шли в гору, а "умелые" — известно куда. Вот какие "недостатки" требовалось объяснить и "преодолеть".

Или П.Н. Федосеев называет такую причину отставания философии, как "потеря вкуса" к изучению живой жизни, и убеждает ученых повернуться лицом к действительности. Но он же прекрасно знал, что вкус

¹ См. там же, с. 5, 38.

этот не "теряли", его *отбивали*. Ведь некоторое время спустя, в 1962 г., уже после XXII съезда и, по-видимому, под очень сильным давлением общественного мнения, П.Н. Федосеев публично признал, что было время, когда "глушилась творческая мысль", когда "незаслуженно избивали и чернили многих работников науки". Последнее выражение, правда, немного странное: как будто "заслуженно" можно "избивать и чернить". Но суть все же ясна: люди "не теряли", у них *отбивали* вкус к творчеству и к живой действительности. Вот об этом "механизме" отбивания, об этой ненормальной для науки атмосфере и следовало бы поговорить поподробней и поосновательней в самом начале обновления, сразу после XX съезда партии.

Это-то и должно было быть главным пунктом, центром анализа причин тяжелого состояния науки. И такой анализ ясно показал бы, что вся беда не в "догматизме", "лакировке" как таковых, а в "догматизме" и "лакировке", поддерживаемых методами административного и политического насилия, иначе говоря — в бюрократизации науки.

Беда в возникновении такой атмосферы, в которой наука просто не может дышать. "Догматизм", "лакировка" и прочее не страшны, если у их оппонентов имеется возможность свободно и публично отвечать, аргументировать, развивать свои взгляды. В вольном воздухе науки "догматизму" не удержаться.

Что взывать к тому, чтобы ученые ничего не "затушевывали", ничего не "лакировали", шли к "живой жизни". Да сломать "механизм отбивания" — и подавляющее большинство ученых без всяких призывов ринется к "живой жизни". Не надо соловья обучать пению, стоит лишь клетку открыть, окно распахнуть — и он сам сядет на зеленую веточку и запоет на воле так, как нам и не снилось; ведь прекрасное пение — это способ его существования (конечно, в нормальных условиях, а не в кошачьих лапах).

Итак, вот важный урок опыта той перестройки: не в области мысли, не в сфере чистого знания, не в распространении ошибочных научных идей надо искать главные причины научного застоя, а прежде всего — в той общественной атмосфере, в которой существовала наука. Настоящую перестройку следует начинать с создания такой атмосферы, в которой новые идеи смогут существовать, развиваться, конкурировать со старыми и в силу своей новизны и жизненности побивать их. Если не поняты закономерности, способы, особенности работы механизма отбивания, или механизма торможения, если сам этот механизм оставляется, по сути дела, без изменения, то самые хорошие слова мало что будут значить. Слова будут звать в одну сторону, а механизмы торможения — двигать дело в другую. Наука будет буксовать на месте.

Призывы потому и повисали в воздухе, что они не связывались с необходимостью изменения всей атмосферы научной жизни, со сломом "механизма отбивания", с задачей уничтожения мелочной бюрократической регламентации.

Вспомним, к примеру, как реагировал П.Н. Федосеев на научный поиск, который после XX съезда партии повели многие обществоведы, на их стремление поглубже, поосновательней разобраться в явлении, которое получило название "культы личности", на их попытки заново, глазами без шор прочесть Маркса, Ленина, Гегеля, пересмотреть интерпретацию, которую в 30–40-х годах давали важнейшим положениям

диалектического и исторического материализма. В добром старом духе, стремясь уложить этот поиск в жесткое и узкое русло "установочных" предписаний и регламентаций, П.Н. Федосеев дает свое объяснение "культу личности" и тут же называет тех, кто это явление пытается объяснить иначе, "гнилыми, чуждыми элементами", которые не останавливаются "перед извращением исторических фактов" и "пытаются под флагом критики культа личности огульно охаивать и отрицать достижения советского народа в хозяйственном и культурном строительстве"¹. Вот ведь как: еще не открыты архивы, проливающие свет на тот период, еще только-только наука пробует нащупать верные подходы к его оценке, еще научная-то дискуссия по-настоящему не началась (всего несколько месяцев прошло после XX съезда, приоткрывшего самую возможность объективного анализа прошлого), а уже "установочный" ответ готов. И новый грозный ярлык отштампован, который и будет теперь дамокловым мечом висеть над каждым, кто попытается отклониться от установочных формул (я пока не говорю об уровне и качестве объяснения — об этом разговор ниже, я лишь только обращаю внимание на методологию и стиль "руководства" научным процессом).

Далее предпринимается попытка обучить философскую общественность тому, как сегодня по-новому, правильно надо истолковывать важные положения диалектического и исторического материализма. При этом даже не помышляется о какой-либо научной дискуссии на сей счет. И тут просто даются "установки": к социалистам-утопистам и гегелевской философии прежде относились так-то, а теперь надо по-другому, закон отрицания отрицания ранее недооценивался и часто не упоминался, теперь надо упоминать и оценивать должным образом, механизм смены надстройки понимался так-то, теперь надо иначе и т.д. и т.п. — на десятке страниц. Я снова не касаюсь пока конкретного содержания и научного уровня этих новых установок. Речь в данном случае идет о самих принципах "руководства" наукой. А суть этих "принципов", как видим, — вместо системы старых догм навязывается (под угрозой наклеивания ярлыков) система новых догм. Только и всего!

С помощью нового догматизма можно победить старый, но нельзя победить догматизм как таковой. Нельзя бюрократически бороться с бюрократизмом. Нельзя демократизацию осуществить административно-репрессивными методами. Невозможно грозными предписаниями развивать самостоятельность и самодеятельность людей. Обновление, таким образом, коснулось лишь поверхности. Глубинных пластов оно не задевало. На смену старому механизму бюрократического торможения приходит новый, модернизированный механизм торможения. Так стоит ли удивляться, что к 1964 г. этот механизм не только не исчез, но в чем-то даже усовершенствовался: стал погибче, принарядился в более привлекательные словесные одежды: не сразу и раскусишь, что это то же тормозящее устройство. Конечно, благодаря прорыву, который осуществил XX съезд, народной инициативе и активности, процессам демократизации удалось продвинуться вперед на многих участках общественной жизни. Сила народного порыва, разбуженного высшим форумом партии, была столь велика, что тормозящие устройства не мог-

¹ П. Н. Федосеев. Роль народных масс и личности в истории. М., 1957, с. 44, 45.

ли сдерживать его. Но, увы, они не исчезли и постепенно вновь, шаг за шагом набирали свою силу и усиливали тормозящий эффект. Это были механизмы не только научного торможения, но и общественного торможения вообще. Перед общественной наукой все яснее вырисовывалась задача их глубинного осмысления. А общественное мнение все решительнее связывало все эти сковывающие развитие моменты с "культом личности", который как раз и был не чем иным, как механизмом социального торможения тридцатых—сороковых и начала пятидесятых годов. Перед отечественной наукой и встала одна из главных задач: дать анализ того явления, которое получило обозначение как "культ личности". В своей, цитируемой нами работе П.Н. Федосеев, естественно, не мог обойти эту задачу. Однако авторский анализ оказался разочаровывающим.

Вот исходное положение автора: "культ личности ставит того или иного деятеля над партией и народом, приписывает ему чудодейственные свойства, превращает его в творца истории, вершителя исторических событий и судеб народов. Такие представления в течение многих лет распространялись об И.В. Сталине"¹. Откуда такая неопределенность в важнейшем вопросе? Как это "культ личности ставит" ... читатели хотят узнать, как это получается, что некая личность превращается в "вершителя судеб", от автора ждут разъяснений этого странного механизма, обезпечивающего (в социалистической стране!) обожествление одного и принижение всех других. А автор отвечает: "культ личности ставит" и т.д. Да что за мистическая сила этот "культ личности", способный кого-то "ставить" туда или сюда. Эту весьма странную формулировку можно было бы отнести на счет погрешности стиля, но, думается, что тут не погрешность, не случайная стилистическая неряшливость, а сознательно используемая неопределенность выражения. Ведь и в самом конце приведенного пассажа тот же стилистический прием: такие представления *распространялись* об И.В. Сталине. То есть как это "распространялись"? Сами собой, что ли? Возникали вдруг где-то некие "представления", начинали "распространяться", как дорожная пыль под воздействием ветра? Так, что ли?

Не бывает такого о "представлениями"! И потому вполне резонно будет спросить: ну, а кем все-таки конкретно "распространялись" эти "представления"? Ну что же о главном-то умалчивается?

Впрочем, эта неопределенность, касающаяся причин и корней "культ личности", по-видимому, беспокоила и П.Н. Федосеева. Она ведь давала читателям простор для всяких (в том числе и "нежелательных", "гнилых" — пользуясь лексикой нашего автора) размышлений на сей счет. И П.Н. Федосеев предпринимает попытку дать более конкретный, более определенный ответ на вышеназванные вопросы. Результат оказывается весьма и весьма любопытным.

Начинает он с констатации существования "враждебного капиталистического окружения", ожесточенной борьбы с империализмом, "острейшей классово-борьбы с остатками эксплуататорских классов" в стране, что по необходимости, по его мнению, приводило к "усилению централизации управления" и "суживанию рамок демократии", и далее

¹ П. Н. Федосеев. Роль народных масс и личности в истории. М., 1956, с. 49.

отмечается, что в этих трудных условиях успехи борьбы связываются в массовом сознании обычно с личностью вождя.

Так что же, это — причины "культы личности": враждебное окружение, острая социальная борьба, ведущая к сужению демократии и усилению централизма и т.д.? Признать это означало бы, конечно, не объяснить, а оправдать "культ личности", представить его как необходимое и неизбежное следствие "объективных условий", это означало бы открыто выступить против решений XX съезда. И потому, естественно, автор оговаривает: "Это не означает, конечно, что вышеуказанные объективные предпосылки ведут с необходимостью к культу вождей, стоящих во главе движения"¹. Итак, это не причина, а некие "предпосылки". Ну а в чем же, наконец, причина-то? Внимание! Мы, кажется, подходим к самому главному. Дело, оказывается, в "индивидуальных отрицательных качествах" личности. В таких, как властолюбие, увлечение администрированием, грубость, нетерпимость, "капризность"; "злоупотребление доверием и уважением масс — это главный корень распространения чуждого марксизму-ленинизму культа личности". И самый главный вывод: "При всем этом нельзя не видеть того, что ответственность за распространение культа того или иного деятеля, сложившегося при его жизни, лежит на самом этом деятеле".

Действительно, никакой неопределенности, никакой двусмысленности: причина "культы личности" в огромной мере — в индивидуальных качествах самой этой личности, она и несет, в первую очередь, всю полноту ответственности за сложившуюся в обществе ситуацию. Ну а если быть последовательным, то что из этого следует? А то, что, собственно, что-то переделывать и перестраивать незачем. Ведь "злоупотребившая доверием" личность уже ушла из этого мира и вместе со своими "индивидуальными свойствами" унесла с собой все причины печального явления и всю ответственность за него. Перестраивать, таким образом, нечего и спрашивать не с кого.

А поскольку на смену той личности пришла другая с как будто бы более симпатичными "индивидуальными качествами", то все плохое теперь позади, и уже предлагается забыть это прошлое, в котором незачем-де ковыряться, ибо это послужит только врагам. Требуется смотреть лишь в сегодняшний и завтрашний день, которые так прекрасны. И автор просто не находит слов, чтобы обрисовать эти радужные перемены, происходящие благодаря новому политическому руководству "во главе с товарищем Н.С. Хрущевым": и "морально-политическое единство народа поднимается на новую ступень", и "осуществление ленинских принципов партийного и государственного строительства" происходит, и "упрочение неразрывных связей партии с массами" налицо, и решаются "задачи технического прогресса во всех отраслях промышленности", и "на основе успехов в развитии промышленности и сельского хозяйства растет материальное благосостояние трудящихся"; не забыто между прочим и "расширение посевов кукурузы" как важный символ перемен. Это писалось в 1956 г., всего через несколько месяцев после XX съезда партии. А к 1962 году восторженность П.Н. Федосеева переходит все пределы: "успехи социализма, достигнутые со времени XX съезда КПСС,

¹ П. Н. Федосеев. Коммунизм и философия. М., 1962, с. 90.

поистине величественны"; "принципиально новые теоретические положения и политические установки, выработанные XX и XXI съездами партии, уже получили всестороннюю (?!) проверку и полностью (?) подтвердились всемирной практикой борьбы за мир и социализм" и т.д. и т.п. без конца и без краю. И все это — всего три—шесть лет спустя после названных съездов и за два года до октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г., когда все мы перестали быть "во главе с Н.С. Хрущевым" и когда было поведено стране о тяжелом положении ее экономики и о политических бедах субъективизма и волюнтаризма (как стала именовать линия Н.С. Хрущева).

Ну что же, опять руководящая личность оказалась отягощенной какими-то отрицательными индивидуальными чертами? И опять можно облегченно вздохнуть, заметив, что вместе с этой личностью ушли на пенсию и ее несимпатичные черты, эта первопричина всех бед, согласно концепции П.Н. Федосеева? А время ли для облегченных вздохов — а ну как следующая-то "личность" да опять с какими-то изъянами в характере окажется, уж не к генетикам ли на поклон идти — пусть над генетическими кодами "личности" поколдуют, коли судьбы десятков миллионов от этих личностей зависят. Но, согласитесь, надежда на хороший характер — зыбкая основа для устойчивого и планового социалистического развития.

А, может быть, дело в другом. Может быть, суть явления "культ личности" далеко не в том, что *одного* человека над другими поднимают, а в том, что какая-то более или менее многочисленная *группа людей* над всеми другими оказывается? И потому, может быть, не очень многое изменится, если дело сведется просто к замене одного, самого видного из этой группы человека? Может, поэтому и название "культ личности" не проясняет, а затемняет дело: как-то фокусирует внимание на одной личности и на ее обожествлении, тогда как дело в группе личностей и в их экономических, политических и социальных привилегиях?

Вот почему так важен следующий вопрос. Помните, мы уже упоминали о высказывании П.Н. Федосеева, что в прежнее время "распространялись представления" о чудодейственности и абсолютной непогрешимости И.В. Сталина. И мы высказались в том смысле, что представления не "распространяются", а их распространяют. И надо обязательно ответить на вопрос — *кто и почему их распространял*.

Я знаю, что обычно, когда так ставится вопрос, раздается голоса: "Да зачем это? Зачем жаждать мести, желать крови, стремиться к сведению счетов?" и т.д. Но почему — мести? Почему обязательно "крови"? Видимо, восклицающие подобным образом о других судят по себе, по-видимому, они не представляют себе анализ уроков прошлого иначе, чем месть или расправу. Припоминается, как в 1957 г. снятый со своих высоких постов Л.М. Каганович, по известному свидетельству Н.С. Хрущева, звонил последнему по телефону и просил не расправляться с ним, как это делалось прежде, то есть как расправлялся с другими когда-то сам Каганович. Назвать тех, кто распространял, нужно даже не для того, чтобы кого-то морально "скомпрометировать" и затем "отстранить", а для того, чтобы действительно всем из прошлого извлечь уроки, сделать их зримыми, в том числе и для этих "распространителей", если они действительно хотят вместе со всеми участвовать в перестройке, — в перестройке общественных отношений и самих себя. Ведь речь идет не

просто о конкретных людях, но о *носителях* прежних отношений, прежних методов и способов мышления и действия. Нужен анализ (и самоанализ) их именно в этом качестве, нужно действительное извлечение уроков из прошлого. Смогут люди осуществить эту самокритику, начнут выдавливать из себя по капельке свою наднародность — перестройка их примет. Но это должен быть разговор на пределе искренности и откровенности, другой — просто неприемлем, ибо речь идет не о сбрашивании листьев, но о выкорчевывании корней. Останутся корешки — и со временем вновь поднимутся джунгли бюрократизма.

Надо же понять, надо же ясно сказать, что те, кто создавал и распространял, кто вбивал в головы других людей указанные выше “представления”, делали это не просто из большой любви к какой-то “личности”, но потому, что этот режим непогрешимости Авторитета работал и на авторитет “распространителей”; они были как бы целое с этим Авторитетом, они были его апостолами, его соколами, *создавали* эту силу и сами были ее частью.

Повторяю: тут нельзя ловчить, сваливая всю ответственность на одну личность. Это губительно для будущего, для дела перестройки.

То, что не в *одной* личности дело, ясно демонстрируется и фактами тех далеких 50-х годов. Ну вот, например, в своем очередном установочном докладе после XXII съезда партии в 1962 г. П.Н. Федосеев, в духе присущей ему методологии, говорил, что “одним человеком была присвоена роль единственного и непререкаемого научного авторитета”¹.

Неубедительность этого тезиса ну просто бросается в глаза. Если бы в то время можно было бы публично задавать Петру Николаевичу Федосееву нескромные вопросы, его, наверное, спросили бы: как же это “одному человеку” удалось “присвоить” подобную роль, что же другие-то смотрели, что же другие-то, которые получше, поскромнее и т.п., не “присвоили” себе такой роли. Да потому, что в одиночку этот человек ничего присвоить себе не смог бы, он мог это сделать только с другими людьми: они-то и помогли ему “присвоить” эту роль, *они* “присвоили” ее ему.

Ну в самом деле, вот П.Н. Федосеев с глубокой гражданской скорбью пишет о громадном ущербе, который нанесла делу развития философии работа этой обожествленной личности “О диалектическом и историческом материализме”. В этой работе обедняется-де материалистическая диалектика, которая сводится-де к четырем чертам диалектического метода и трем чертам материализма: “Эта небольшая популярная работа, представлявшая собой краткое изложение общеизвестных положений диалектического и исторического материализма, не могла служить примером дальнейшего развития марксистско-ленинской философии”².

Но давайте вместе припомним, кто ее примером-то сделал? Кто это писал: “В гениальной работе товарища Сталина “О диалектическом и историческом материализме” обобщено все то величайшее теоретическое богатство, которое создано марксистско-ленинской философией со времен появления “Коммунистического Манифеста”, и обогащено новейшими выводами о законах общественного развития, о законах борьбы за коммунизм в современную эпоху”? Это можно прочитать на 31-й странице брошюры 1948 г. издания “Манифест Коммунистической

¹ П. Н. Федосеев. Коммунизм и философия. М., 1962, с. 285–286.

² Там же, с. 290

партии" Маркса и Энгельса и материалистическое понимание истории". Как оказывается, приведенные слова тоже принадлежат уже упоминавшемуся не раз автору.

Или другая "установка", данная П. Н. Федосеевым после XXII съезда партии: "Сталин внес путаницу и в понимание соответствия производительных сил и производственных отношений", а именно: "Сталин выдвинул тезис о том, что у нас установились *полное* соответствие между производительными силами и производственными отношениями"¹. И снова: "Сталин внес", он виноват, он ответствен, он один и т.д. Но, простите, ведь в истории столько "путаниц" вносилось столькими людьми и по стольким вопросам, — но ведь люди науки эти путаницы отбрасывали, не давали засорять ими научные страницы; и путаницы эти оставались причудами отдельных людей, а не превращались в могущественные факторы общественной жизни. К сожалению, за подобной путаницей стояли те многие, кто нес мысли "сверху" в массы, обладая высокими научными званиями, или писал учебники, читал лекции, получая такие звания, принимал экзамены у студентов и слушателей академий, в том числе и Высшей партийной школы, где готовились руководящие кадры. Без знаний и нужной трактовки указанных "мыслей" эти кадры не могли получить ни диплом, ни руководящий пост. И они прилежно заучивали: "Таким образом, противоречие между производительными силами и производственными отношениями, которое, как доказано в "Коммунистическом Манифесте", является основным и неизлечимым противоречием капитализма, ведущим к его гибели, *полностью ликвидировано в СССР*. В результате сложилась новая историческая закономерность, которая характеризуется *полным соответствием между производительными силами и производственными отношениями* (разрядка, естественно, моя. — Г.В.). Товарищ Сталин дал гениальное обобщение этой открытой им закономерности общественного развития, свойственной социализму"².

Вот ведь как получается. Автор установочного доклада 1962 г. говорит: "путаница". А автор брошюры 1948 г. называет то же самое "гениальным обобщением". Кто прав? Поди разберись, если автор и доклада и брошюры один и тот же — да, это П.Н. Федосеев. Вот такая "гениальная путаница" получается!

Или далее. В своем установочном докладе 1962 г. П.Н. Федосеев отмечает изъяны, "необоснованные" положения во взглядах Сталина по вопросу о базисе и надстройке, у которого в итоге получается "не марксизм, а нигилизм"³. А вот как этот "немарксизм" Сталина в вопросах учения о надстройке характеризуется в лекции, прочитанной П.Н. Федосеевым в 1951 г. слушателям Высшей партийной школы и изданной отдельной брошюрой: "Товарищ Сталин дал гениальный анализ взаимосвязи производства и надстройки, разбил вульгаризаторские взгляды по этому вопросу"⁴.

¹ Там же, с. 297.

² П. Н. Федосеев. "Манифест Коммунистической партии" Маркса и Энгельса и материалистическое понимание истории М., 1948, с. 30.

³ П. Н. Федосеев. Коммунизм и философия. М., 1962, с. 308.

⁴ П. Н. Федосеев. Условия материальной жизни общества. М., 1951, с. 16.

Могут, правда, сказать: ну а все-таки, так ли это с точки зрения интересов дела, развития науки важно знать, что не кто-то, а именно данный ученый в такие-то времена "затушевывал", "обеднял", "недооценивал", "переоценивал" и т.д. Если этот ученый исправился и говорит разумные вещи, так чего же больше желать. Не самое ли важное то, что он говорит *сегодня*? А "сегодня" (т.е. во второй половине 50-х годов) наш автор и о Гегеле высоко отзывается, и о базисе с надстройкой прежней "путаницы" не повторяет, и закон отрицания отрицания читит, и не приходит в восторг от философских заметок прежнего Авторитета. Не это ли, в конце концов, главное? И почему бы не порадоваться этому?

Да чему же радоваться-то? Что не называет "гениальными" популярными (а то и просто ложные) философские высказывания Авторитета? Да после XX съезда партии для этого не нужно было никакой особой смелости и никакой особой пронизательности. Что признает закон отрицания отрицания, отсутствие "полного соответствия" базиса и надстройки при социализме, значение диалектики Гегеля и т.п.? Да это же элементарные вещи, это все равно что "признать", что Земля не на трех китах покоится.

Беда в том-то и состояла, что не были раскрыты масштабы (громадные!) отставания нашего философского знания от хода жизни, от ее действительных проблем. Критический анализ прошлого был легким и поверхностным, он шел по поверхности и касался вещей второстепенных. Творцы этого "критического анализа" как бы спешили дать свою, *облегченную версию прошлого*, закрепив ее традиционным методом строгих предписаний и указаний. О капитальном ремонте вопрос не ставился, шел "косметический" ремонт. Это был тот поверхностный тип критики, который, с одной стороны, не объяснял прошлое, а с другой стороны, вставал барьером на пути действительно реалистической, действительно глубокой критики. И потому эта "установочная" критика превращалась в видимость критики. Она не была инструментом обновления, она была инструментом сдерживания новых процессов.

Припомним еще раз ее опорные пункты. 1. "Кульм личности" — это всего лишь поднятие одной личности над людьми (а не определенный режим, не определенная система отношений), к тому же это во многом обусловлено ситуацией "осажденной крепости" и "естественным" приписыванием лидеру успехов, достигнутых всем народом; ответственность за культ несет сама эта личность, и никто больше; к этому прибавляется, что, несмотря на определенный принесенный ущерб, в общем-то "культ личности" ни на что существенно не повлиял, ничто существенно в "природе нашего строя" не изменил (а кто думает иначе — те "гнилые" люди). Вот таким пустячком, малозначимым эпизодом выглядит "культ личности" под пером П.Н. Федосеева. И это после революционного XX съезда! Чему же тут радоваться? 2. Причины отставания философской мысли видятся главным образом в "непонимании" одного, "недооценке" другого, "обеднении" третьего, т.е. в области мысли, а не в той социальной атмосфере, в которой существовала наука, не в административно-репрессивном аппарате "управления" ею; потому ставится задача не изменения бюрократического механизма функционирования науки, а простой замены одних философских положений другими: на смену системе старых догм приходит система догм новых. Чему же тут радоваться? 3. У руля общественной науки сохраняются все основ-

ные действующие лица предшествующего периода, создатели прошлой, удушающей для науки атмосферы.

Чему же тут радоваться, когда, не подвергнув себя публичной критике, бывшие научные вожди, заведшие научную армию в глухомань, снова поднимают руководящий жезл и уже покрикивают — как и куда идти...

Нет, давайте перестраиваться таким образом, чтобы с призывами и с программами перестройки в науке выступали в первую очередь те, кто и в периоды застоев стремился, жертвуя многим, а то и всем, перестраивать науку и общество. Вот почему важно обращаться к персонажам прошлого, дабы хорошо знать, кто тогда "распространял" "гениальную путаницу" и кто, в меру (и даже сверх меры) своих сил и возможностей, распространял золотые крупички истины. Это нужно не только для восстановления исторической справедливости, но и для того, чтобы знать, на кого можно опереться и на кого можно положиться в непростом деле революционных перестроек. А не объяснив глубоко прошлое, на поставив задачу слома административно-бюрократического механизма "управления наукой", не выработав поэтому стратегию действительной перестройки научной жизни, сохранив в руководящем наукой "штабе" ядро прежних "научных вождей", трудно ожидать каких-либо серьезных, принципиальных изменений в развитии науки. Так, к сожалению, и случилось в последующем десятилетии после XX съезда партии. Не получив необходимых импульсов и изменений, наука продолжала буксовать. И что же? Начала ли общественность страны получать из руководящих научных сфер какие-либо тревожные сигналы о состоянии общественных наук? Увы, статьи и доклады П.Н. Федосеева той поры полны неудержимого оптимизма: "Сейчас, как никогда, ярко и конкретно выявляется действие объективных законов социализма и их сознательное использование в изменении общественных отношений" (1959 г.); штаб политического руководства "во главе с товарищем Н.С. Хрущевым дал работникам общественных наук яркие и поучительные образцы творческого подхода к теории и практике" (1962 г.)¹.

Иначе говоря, это рапорт об успешном завершении перестройки: отставание преодолено, новые идеи разработаны, они уже прошли "всестороннюю проверку" на практике и "полностью подтвердились"².

Но вот почти детективное продолжение всех этих праздничных рапортов. В книге "Коммунизм и философия" П.Н. Федосеева есть такое место: "Культ личности противоречит основным принципам социализма как самого демократического строя"³, но сейчас он преодолен — идет "укрепление связей партии с массами, приближение партийных и советских органов к деловой, практической работе на местах, совершенствование руководства всеми участками коммунистического строительства, систематическое повышение жизненного уровня советских людей вызывает новый прилив сил и энергии в каждом коллективе трудящихся на предприятии, в колхозе, в учреждении"⁴. Так написано в 1-м издании книги в 1962 г. А во 2-м издании книги, вышедшем в 1971 г., в эту цитату добавлено одно-единственное слово. В самом начале: "культ

¹ П. Н. Федосеев. Коммунизм и философия. М., 1962, с. 226, 290.

² Там же, с. 284—285.

³ Там же, с. 99.

⁴ Там же.

личности противоречит..." и т.д. добавлено: "культ личности и субъективизм противоречат" и т.д.¹

Ну и что здесь такого, скажет читатель, ну добавлено одно слово для конкретизации: ведь "культ личности" связан с субъективизмом — поэтому и решил автор немного обогатить свою фразу: "культ личности и субъективизм". Не так все просто, читатель! Здесь, в издании 1971 г., "субъективизм" — не просто слово. Термином "субъективизм" стали после 1964 г. обозначать линию действия Н.С. Хрущева. И, стало быть, указанное предложение следует читать так: культ личности (И.В. Сталина) и субъективизм (Н.С. Хрущева) противоречат и т.д. Что же, при всем различии их методов мышления и действия определенное родство действительно между ними имеется: бюрократические извращения, администраторские увлечения были свойственны им обоим, но не это — предмет спора. Мы же тут обращаем внимание на одну довольно странную вещь. В книге 1962 г. издания про "субъективизм" (Хрущева), про то, что он "противоречит" демократическим принципам, ничего не говорилось. Более того, тогда отмечалось прямо противоположное: говорилось о преодолении "культа личности", и все эти оптимистические констатации об "укреплении" и "расширении" связей с массами относились именно к деятельности руководства "во главе с Н.С. Хрущевым", которая, следовательно, не "противоречила" демократическим принципам. А в 1971 г. та же самая деятельность оценивается уже как противоречащая демократизму, и, следовательно, никаких "укреплений" и "расширений" не было; "укрепление" и "расширение" осуществлялись лишь после 1964 г., в ходе преодоления "субъективизма". Итак, те восторженные слова, которые в 1962 г. автор относил к руководству "во главе с Н.С. Хрущевым", теперь он без всяких изменений относит их к новому руководству во главе с Л.И. Брежневым. Вот так пассаж!

Так при ком все-таки "укрепление связей с массами" происходило? — в недоумении спросит читатель, и, пораженный подобными методами анализа и оценок, он вдруг задумается: а можно ли вообще доверять подобным авторским оценкам и происходит ли на самом деле "укрепление связей с массами" в 1971 г.; не столкнется ли он в следующем, 3-м или 4-м издании книги с утверждением, что "культ личности, субъективизм и политика застоя противоречат" демократизму и дальше без изменений — об "укреплении" и "расширении", относимым уже к следующему руководству? (А мы удивляемся сегодня недоверию людей к печатному слову, а мы удивляемся сегодня расхождению слова и дела, существованию двойной морали и двойной бухгалтерии!..)

Итак, оптимистические оценки начала 60-х годов о развитии демократизма, преодолении авторитаризма, о "выдающихся образцах научного предвидения", прошедших "всестороннюю проверку" и "полностью подтвержденных практикой", оказались несостоятельными. Ну хоть после этого какие-то уроки были извлечены?

Увы, старое начиналось сызнова. Снова сетование на догматизм, начетничество, отрыв от действительности. Снова нет ответственных, кроме одной личности. Снова упреки в адрес безымянных авторов

¹ П. Н. Федосеев. Коммунизм и философия. М., 1971, с. 251.

которые занимались приукрашением, преувеличением экономических успехов и степени самостоятельности народных масс, снова список новых философских формул вместо "путаных", "ограниченных", "обедненных" старых. И снова бодрые рапорты о преодолении недостатков прошлого и о выходе общественной науки на новые рубежи, по-настоящему связывающие ее с живой действительностью.

Это было точное повторение уже однажды пройденного, это новые и вместе с тем удивительно знакомые дорожки и тропки, по которым мы уже однажды с вами, читатель, прогулялись.

И вот П.Н. Федосеев делает новый доклад на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений: "XXIV съезд КПСС и основные направления исследований в области общественных наук".

Ну-ка, вспомним прежние его схемы: с чего должен начинаться доклад? Да, верно, он именно так и начинается: с осуждения догматизма и схоластики и призыва к "творческому развитию теории", повороту к актуальным проблемам практики.

Что там шло далее? Ясная "установка", что конкретно и как "творчески развивать", в чем конкретно должен состоять "поворот" к практике и к какой именно "практике". Да, и здесь вот она "установка", только конкретное содержание рекомендаций иное: "В первую очередь следует выделить... характеристику развитого, или зрелого, социализма, основанную на глубоко научном обобщении опыта социалистического и коммунистического строительства в нашей стране, опыта других социалистических стран, на учете всех факторов, от которых зависит развитие нашего общества. Эта характеристика... позволяет, если так можно сказать, с естественнонаучной точностью определить реальное содержание нынешнего этапа, достигнутого нашим обществом"¹. Итак, характеристика "развитой социализм", как уверяет нас П.Н. Федосеев, есть результат "глубокого научного обобщения" опыта всех социалистических стран и вообще "всех факторов". Но где же тогда тут место для творчества, если "все факторы" и весь опыт уже глубочайшим образом обобщены? Нам всем остается только открывать рот и с наслаждением глотать этих жареных рябчиков глубочайших обобщений. А чего же ломать голову над тем, в какой точке кривой исторического развития мы находимся, когда уже руководящими деятелями науки "с естественнонаучной точностью" это определено: мы на этапе "развитого социализма". Впрочем, нет, кое-какие детали еще прописать необходимо — и каждая отрасль общественнознания получает свое задание. От экономистов, например, ждут "разработки проблем экономики развитого социалистического общества и создания материально-технической базы коммунизма"². Свое "творческое" задание по шлифовке обладающего естественнонаучной точностью понятия "развитой социализм" получают философы, историки и другие отряды обществоведения. А вскоре П.Н. Федосеев, по-видимому, для того, чтобы еще больше стимулировать процесс "творческого развития теории", чтобы дать ему дополнительные, идущие от "живой жизни" импульсы и в то же время обозначить

¹ П. Н. Федосеев. XXIV съезд КПСС и основные направления исследований в области общественных наук. М., 1971, с. 3.

² Там же, с. 24.

с "естественнонаучной точностью" верное русло исследований, указал: "Учение о развитии социалистическом обществе — крупный вклад в теорию марксизма-ленинизма"¹, в развитии социализме "осуществляется гармоничное развитие всех его сторон: экономической, социально-политической и идеологической"; ему присуще "планомерно организованное и неуклонно растущее народное хозяйство"; здесь "распределение осуществляется по количеству и качеству труда", а "социалистическая демократия получает всестороннее развитие, становится всенародной, охватывающей все стороны жизни общества", "национальные отношения развиваются в направлении полного единства наций"².

Вот так широко и четко, опираясь на реальные процессы "живой жизни", развернул П.Н. Федосеев программу основных направлений поистине творческого развития общественных наук. Не утаил он и образцы, которым должны следовать и которым должны — если смогут — подражать обществоведы: "Блестящим образцом органического соединения высшей идейности с повседневной жизнью и деятельностью, высоким эталоном неразрывной связи..." и т.д. и т.п. являются... Да, вы угадали: "Малая земля" и "Возрождение"³.

Ну, а после всего этого пришла пора революционной перестройки 80-х годов, и своей статьей "О перестройке работы в области общественных наук"⁴ П.Н. Федосеев как будто бы готовится к новому витку спирали...

Что делать?

Если кратко и главное — *сломать механизм торможения*. Для этого, конечно, надо хорошо понять, что это за механизм, научиться распознавать его (в какие бы "перестроечные" одежды он ни рядился), представлять, как ломать и что создавать вместо.

Собственно, выше мы с вами и познакомились не с чем иным, как с этим самым механизмом торможения в деле, с его приемами, методами действия в одной из сфер общественной и научной жизни. И это знакомство, надо думать, нам весьма пригодится сегодня. Встречая нечто подобное в наши дни, мы сможем уже достаточно уверенно утверждать: "Маска, я Вас знаю!"

И все же, чтобы знать, как ломать, насколько важна и сложна эта работа, надо ясно представлять себе не только манеру действий, но и природу, сущность этого механизма, надо знать характер и масштаб противостояния сил перестройки и торможения.

Вопросы эти новые и, по разным причинам, не простые. Основательный ответ на них предполагает разработку новых взглядов на некоторые важные моменты истории нашего общества, его экономические и политические механизмы, его социальную структуру и т.д. и т.п. — громадный труд, посильный лишь обществоведению в целом. Но несколько методологических замечаний — достаточных для этой статьи — можно уже сформулировать и сейчас.

"Торможение" — антипод "перестройки". Эти два явления могут быть поняты только вместе, в соотношении, в диалектическом единстве.

¹ П. Н. Федосеев. Марксизм в XX веке. М., 1977, с. 579.

² Там же, с. 584, 585.

³ См.: П. Н. Федосеев. Диалектика современной эпохи. М., 1978, с. 633.

⁴ *Вопросы философии*, 1987, № 5.

И вот, чтобы изначально встать на верный в методологическом отношении путь анализа, следует избежать одной, довольно часто встречающейся, но, на наш взгляд, не вполне точной версии перестройки. Необходимость ее иногда выводят из "ошибок", "промахов", "неудач", допущенных в предшествующий период.

"Ошибки" — да, они существенно повлияли на форму, тип, характер, на все содержание нынешней перестройки. И все-таки не с "ошибок" начал бы я анализ: "ошибки", несмотря на всю их важность, все-таки второй ряд причин, а первый, более глубоко лежащий ряд причин иной.

Перестройка — это в первую очередь процесс приведения всех общественных отношений в соответствие с изменившимися производительными силами общества, с изменениями в его социальной структуре, в сфере культуры и т.д. Она была бы необходима (конечно, значительно раньше и, разумеется, в иной форме), даже если бы не было сделано ни одной "ошибки". Перестройка была бы непростым делом и без предварительных "ошибок", ибо она предполагает ломку сложившихся в обществе структур, пересогласование интересов социальных групп, сформировавшихся на основе прежних общественных структур; она связана с возникновением социальной напряженности и борьбы между группами — теми, кто был более вписан в прежние структуры, более сращен с ними и в силу этого чувствовал себя комфортно именно в этих традиционных структурах, и теми, кто связан с новыми потребностями, с нарождающимися новыми экономическими и культурными структурами. Логикой исторического развития на повестку дня ставится вопрос о новом уровне и новом характере требований, которым "традиционные группы" уже не в полной мере соответствуют. Речь стало быть, идет и об изменении привычных типов деятельности — на всех уровнях — от самого "низа" до самого "верха"; идет смена лидеров на всех этажах общественной лестницы. Процесс непростой и болезненный.

Так было, например, в период перехода нашего общества от военного коммунизма к новой экономической политике, от периода гражданской войны к мирному строительству, когда шла смена ближайших ориентиров и приоритетов. Молодые революционные бойцы, героические ниспровергатели старого мира с трудом усваивали ленинские лозунги: "Учиться! Овладеть богатством культуры прошлого!"¹ Или совсем "невозможный" для многих героев гражданской войны призыв: "Коммунисты, учитесь торговать, учитесь хозяйствовать". Сколько драм и трагедий случалось на этих переходах — не просто личных, но трагедий целых социальных групп и слоев. Какое "потрясение" испытали многие молодые революционеры Европы, когда на III конгрессе Коминтерна их революционный вождь В.И. Ленин "вдруг" призвал их быть "поопportunистичней"², когда встала задача перейти от штурма враждебной капиталистической крепости к ее постепенной осаде, к окопной войне.

Мы в давнем и недавнем прошлом не очень хорошо представляли себе механизм развития своего общества, механизм переходов его с одной ступени на другую. Мы нередко чертили в своих головах и книгах плавно восходящие вверх линии, тогда как в действительности это —

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 298, 305.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 57, 59.

узловые линии (с "узлами" перестроек), и не всегда прямые, и не всегда идущие вверх, но иногда — зигзагом, в сторону, а в некоторые моменты и вниз. Сейчас становится все более очевидной закономерность развития социалистического общества — через рубежи периодических перестроек.

Мы повторяли слова К. Маркса о том, что в будущем обществе социальные эволюции перестанут быть политическими революциями, но о том, что эти "эволюции" будут непростыми, конфликтными (а в случае запозданий и ошибок — остроконфликтными), мы мало задумывались. А задумываться надо, потому что нам необходимо овладеть механизмом перестроек в лоне социализма, овладеть, дабы они не выливались в кризисные ситуации, в ситуации катастрофического типа.

В этой необходимости приведения в соответствие общественных отношений с изменениями в производительных силах и социальной структуре общества и состоит, таким образом, самая глубокая причина перестроек — этих форм социальных скачков при социализме.

Следующий вопрос: являются ли перестройки скачками *революционного типа*? Напомним, что революция — это коренное, принципиальное изменение производственных отношений, сопровождающееся приходом к политической власти нового социального класса. Есть ли хотя бы фрагменты, хотя бы отдельные аспекты подобного содержания в сущности перестроек?

Думается, это зависит от стадии развития социалистического общества. Когда социализм достигает высокой степени зрелости и развивается уже на своей собственной основе, то есть когда создана мощная материально-техническая база и в полной мере реализован общественный характер собственности, четко отлажено распределение по труду, осуществлено самоуправление народа, решены национальные и культурные проблемы и т.д., то на этой стадии скачки перестроек утрачивают революционный характер. Пока же такой уровень развития социализма не достигнут, пока идет процесс движения к этому уровню, перестройки неизбежно выступают как изменения *революционного типа*, ибо каждая из них реализует какую-то часть социально-политической задачи, решение которой начато в первый день социалистической революции. Именно такова нынешняя перестройка, ибо она только еще призвана обеспечить вступление социализма в фазу его развития на собственной основе.

Попытаемся же представить себе — конспективно-кратко — эту единую историческую линию развернутого во времени коренного социального преобразования и место перестроек в нем.

XX столетие — переломное в истории человечества. Речь идет о "переломе" всемирно-исторического масштаба, об изменении самого *типа* исторического развития, о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли переходом от предыстории человечества к его истории, скачком из царства необходимости в царство свободы, когда происходит переворачивание целей и средств в историческом процессе. Если в прежних формациях (и капитализм является наиболее полным проявлением этого) целью являлось вещное богатство, производство как таковое, а человек выступал в качестве *средства*, то новый тип исторического развития призван перевернуть цели и средства. Человек становится *целью* ("самоцелью"),

все остальное (экономика, техника, вещное богатство и т.д.) — *средствами* его развития. Это "переворачивание", эта "перестройка" целей и средств — дело весьма непростое. Чтобы человек (каждый и вместе со всеми) стал целью, стал, как любил говорить К. Маркс, господином условий своего существования, он (каждый и вместе со всеми) должен взять в свои руки производство, он должен быть господином и средств производства, и производимого с их помощью продукта. На точном и строгом языке марксизма такое "переворачивание" называется "социалистической революцией".

Начало перехода к новому типу исторического развития и положила социалистическая революция в октябре 1917 г. За истекшие семь десятилетий на этом направлении были сделаны крупные шаги, но в полной мере реализовать этот новый тип развития пока не удалось (по причинам объективного и субъективного характера).

Среди объективных причин, по-видимому, надо выделить то обстоятельство, что мы начали с низкой стартовой экономической площадки, а без высокого уровня развития экономики невозможно добиться всестороннего и универсального развития человека. По необходимости нам надо было в этой области многое "доделывать" за предшествующую формацию, т.е. за капитализм, решая задачу поднятия экономики на очень высокий уровень. Экономическое развитие по-прежнему выступало всеподчиняющей целью. "Переворачивания" не происходило; шло, так сказать, первоначальное экономическое накопление, подчас в форме чрезвычайных, экстраординарных, а не собственно социалистических методов и способов.

Я сейчас не даю всесторонней оценки этих чрезвычайных методов — всегда ли они были оправданны, всегда ли в них соблюдалась мера, — я также не рассматриваю здесь вопроса о том, не случилось ли, что эти чрезвычайные меры, вызванные чрезвычайной, своеобразно складывающейся конкретно-исторической ситуацией, выдавались за всеобщие закономерности, за образец социалистического развития, — все это вопросы чрезвычайно важные, но, повторяю, я их пока не касаюсь, ибо надо идти в своем анализе последовательно, ступенька за ступенькой. Пока же важно зафиксировать, что вследствие названных объективных причин, дополненных причинами субъективными (о которых речь ниже), скачок к новому типу исторического развития пока еще не завершился. Нынешняя перестройка и призвана стать важным звеном в этом всемирно-историческом *революционном* процессе перехода к новому типу исторического развития, начатого Октябрем 1917 г. Здесь, думается, и лежат истоки ее *революционного* характера.

Это требующее всестороннего осмысления обстоятельство, по-видимому, делает необходимым развитие, конкретизацию и обогащение марксистско-ленинской теории социалистической революции как длящейся во времени формы перехода от капитализма к социализму, как формы становления нового типа исторического развития, нового типа человеческой цивилизации.

При этом, думается, могли бы быть весьма полезны, особенно в методологическом отношении, идеи классиков марксизма-ленинизма о сложном многоступенчатом характере буржуазной революции как формы перехода от феодального к буржуазному обществу. Анализируя историю классической — французской — буржуазной революции, они

отмечали, что буржуазия не завоевала Францию ни в 1789 г., ни в 1794 г., она лишь *начала* это завоевание. 1789—1794 гг. — годы, которыми обычно датировались начало и конец революции, — в действительности были лишь годами перелома общественной жизни в пользу буржуазии, годами завоевания ею национального лидерства и социальной инициативы. Однако действительное господство буржуазии — и, следовательно, завершение революции — было еще впереди, и путь к нему был несравненно более сложный, нежели простое количественное накопление мощи буржуазией, занятие ею узловых пунктов в хозяйственной и политической жизни страны. История показала, что путь к господству всего буржуазного класса лежит через цепь новых революционных изменений, через революционные преобразования 1830 г. и 1848 г. Каждое такое отдельное революционное звено, каждое такое "частичное" революционное изменение может быть по-настоящему понято не само по себе, а как частица, как момент общего революционного процесса, как момент развития буржуазной революции. В свою очередь буржуазная революция может быть понята как единство этих "отдельных моментов". В ходе такого анализа и было выработано понятие, в котором фиксировалась сложность революции как явления неразового, как явления, развертывающегося в пространстве и длящегося во времени, как явления, в само содержание которого входит историческое время в качестве одного из его важнейших параметров. Речь идет о появившемся в работе Маркса "К критике политической экономии" понятии "эпоха социальной революции"¹.

Развивая эти идеи основоположников марксизма, В.И. Ленин впоследствии дал наиболее строгую и наиболее полную формулу механизма развития буржуазной революции, соотношения революции в целом (революции "в широком смысле") и отдельных ее фаз (революции "в узком смысле"). В.И. Ленин подчеркнул, что если говорить о "завершении" буржуазной революции "в широком смысле", то под ним следует разуметь «решение объективных исторических задач буржуазной революции, "завершение" ее, т.е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция *завершена* была лишь 1871 годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из "волн", если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций... Революция 1789 г. во Франции была "завершена", скажем, в 1794 г., несколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 годов»².

Конечно, здесь речь идет о *буржуазной* революции. И слишком большую аналогию с механизмом *социалистической* революции тут проводить не следует; последней присущи свои сущностные характеристики, свой тип этапов, ступеней и их связи. Но тем не менее, может быть, социалистическая революция — тоже "эпоха" со своими ступенями развития, может быть, тоже существует социалистическая революция "в широком смысле" и в "узком смысле" и в ней имеются свои "волны",

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 246—247.

последовательно разбивающие старый фундамент, устраняющие порождаемые им следствия, а также свои собственные окостенелости? И не является ли одной из таких "революционных волн" поднимающаяся сейчас перестройка?

Мы думаем, что является, ибо она продолжает еще не до конца реализованное дело Октябрьской революции.

А теперь пришла пора подключить к нашему анализу тему "ошибок" предшествующего периода и их воздействие на тип, формы и характер перестройки. "Ошибки" (мы берем этот термин в кавычки, ибо он не что иное, как сокращенное обозначение тех крупных недостатков и застоных явлений, которые были в прошлом), "ошибки", повторяем, обусловили то, что процесс нынешней перестройки принимает особо острый характер, поэтому ее революционная суть становится особенно зримой. Суть этих "ошибок" в давнем и недавнем прошлом: постоянные запоздывания с началом перестроек, недостаточное использование складывающихся объективных возможностей более быстрого движения к новому типу исторического развития. Механизмы общественного управления и развития утрачивали гибкость, терялась их обратная связь с практикой, не формировался механизм, нацеленный на периодическое осуществление перестроек. В результате дело подчас доходило до сложных и напряженных ситуаций, и только тогда возникало осознание необходимости перестраиваться. Так было в 1953—1956 гг., в 1964—1965 гг., так случилось и в начале 80-х годов, особенно серьезное запоздание произошло в 1970-е годы. Мощные социально-политические тормоза загромождали путь к ставшему уже возможным переходу к новому типу развития. Перестройка и поставила задачу: снять эти тормоза, перейти к новому, гуманистическому типу развития, в центре которого человек.

Что же конкретно означает этот "поворот к человеку", как описать его на языке политэкономии, политики, науки об общественном сознании?

"Поворот к человеку" осуществляется через цепочку взаимосвязанных изменений в трех главных сферах: в сфере экономической, где ставится задача реализации, полного раскрытия общественного характера собственности, в области политических отношений — это всемерное развитие демократии и самоуправления, и в сфере общественного сознания — формирование новой психологии и — шире — нового мышления. Речь идет о сдвигах действительно революционного типа. В самом деле, возьмите хотя бы "вопрос о собственности". Известно, что простое провозглашение, простое декретирование "отмены" частной собственности еще не превращает ее в собственность общественную. Общественный характер собственности проявляется, реализуется только через систему отношений людей — такую, в которой человек чувствует себя, является на деле не только номинальным, но реальным хозяином.

И вот в ряде секторов нашего хозяйства, поскольку там не была сформирована в должной мере подобная система отношений, придать собственности общественный характер далеко не всегда удавалось. Собственность в этом случае, как отмечалось на январском Пленуме ЦК КПСС, выступала как бы "ничейной" собственностью. Впрочем, "свято место пусто не бывает", в особенности такое, как собственность. Появились и начали расти группы людей, которые стали превращать эту "как бы ничейную собственность" в объект своего распоряжения и из-

влечения нетрудовых доходов. И вот уже в нашем "спартанском" обществе, где абсолютное большинство населения привыкло в течение многих лет к суровой экономии и сознательным ограничениям в личной, материальной жизни, стали появляться какие-то невероятно богатые люди, владеющие миллионами и крупной недвижимостью. Кстати, к кому они, эти внезапно выросшие на отечественной почве миллионеры, чувствуют большую близость — к миллионерам-собратьям за рубежом или к трудящимся своей страны и всего мира? Я думаю, этот вопрос тоже не следует упускать из виду, размышляя о революционных красках нашей перестройки.

"Ошибки", не позволявшие в полной мере и везде реализовать общественный характер собственности, "ошибки", приведшие во многих случаях к подмене демократических институтов бюрократическими, к отсутствию гласности, не просто "несколько приостанавливали" движение нашего общества, отодвигали сроки достижения нами высоких исторических рубежей. Они меняли *качество* нашего социального движения. Ведь с чем "опаздывали"? С разрешением противоречий. А известно, что, если незрелые социальные противоречия не разрешаются, в обществе появляются и разрастаются застойные явления, начинается омертвление и перерождение отдельных участков ткани общественной жизни. А на базе этих явлений застоя, на основе перерождающейся ткани формируются и социальные силы застоя, сопротивление которых обновлению тем сильнее, чем длительнее был застой.

Вот почему с такой твердостью на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС и была сформулирована задача: сломать механизм торможения, механизм застоя.

А сломать — это означает в первую очередь обеспечить развитие действительной демократии, самоуправления народа, гласности. "Демократия — суть перестройки", не случайно вопрос о дальнейшей демократизации нашего общества внесен в повестку XIX Всесоюзной партконференции.

В этом контексте и следует отвечать на вопрос: что конкретно означает демократизация науки?

Ответ этот отнюдь не лежит на поверхности, ибо здесь надо учесть целый ряд усложняющих дело факторов.

Ну прежде всего нельзя рассматривать науку как сферу чистого знания. Ибо магистральный путь развития научного знания проходит через его воплощение в практику. Наука и производство, наука и практика становятся единым, неразделимым комплексом. А современное производство и — шире — современная практика есть во многом сфера политики, сфера политических решений. Поэтому, если мы хотим понять, что означает процесс "демократизации науки", мы должны, двигаясь, как обычно, ступенька за ступенькой, рассмотреть вначале вопрос о демократизации науки как сферы производства знания, ибо, прежде чем двигаться к практике, надо иметь *что-то*, что можно в ней воплощать. Здесь есть своя специфика, например в ходе поиска учеными объективной истины не действует знаменитый принцип "подчинения меньшинства большинству" и т.п. Свои принципы и формы демократизации содержит комплекс "наука — практика", "наука — политика".

В такой последовательности и коснемся названных вопросов.

Мы уже отмечали, что главная беда в развитии общественных наук,

и философии в том числе, заключается собственно не в догматизме и вообще не в области методологии, теории. Опасен не догматизм сам по себе, не его теория и методология сами по себе. *Опасен, мы говорили, догматизм, поддерживаемый методами административного и политического воздействия.* Вот эти-то методы и способы и должны быть устранены прежде всего, что во многом и создает предпосылки для демократизации процесса добывания научного знания, движения к объективной истине.

Догматизм, как известно, — это твердое и неуклонное следование принципам, вне зависимости от изменений действительности. Это, конечно, плохо! Но лишь тогда, когда *доказано*, что действительность так изменилась, что прежние принципы в прежней форме уже не работают. Но это, повторяем, должно быть *доказано*, — и не иначе как в результате серьезной и напряженной теоретической работы и, может быть, острой, а порой и отчаянной полемики.

Ведь само по себе стремление держаться проверенных прошлой практикой принципов и не зазорно, и не догматично. Разобраться в том, что догма, а что — нет, иногда невозможно без долгих дискуссий, проверки теоретических положений практикой и т.д. Вспомним классическую полемику Ленина и Плеханова в начале XX в. о содержании и развитии революционного процесса в России. Были ли очевидными основания, позволявшие с самого начала дискуссии квалифицировать позицию Плеханова как догматическую? Ни в коем случае! Плеханов стремился твердо держаться идей Маркса и Энгельса. Нужен был опыт специфического хода истории России, уроков российской классовой борьбы, сличение этого опыта и этих уроков с выдвигаемыми теоретическими концепциями, нужен был гений Ленина, нужна была сама эта напряженная теоретическая дуэль Ленин — Плеханов, чтобы, наконец, увидеть догматическую ограниченность плехановского мышления, чтобы, далее, увидеть в ленинском анализе не “ревизионизм” (вспомним упреки Плеханова!), а творческое развитие теории, соединяющее верность теоретической традиции с верностью изменяющейся исторической действительности.

Дискуссия Ленин — Плеханов была не результатом просто чьих-то ошибок и заблуждений, которые нужно было опровергнуть, а *необходимой формой* развития теории. Теория с необходимостью развивается через противоречие традиционного и новаторского. Теория развивается через прокладывание путей от традиционного к новому, в ней постоянно идет этот живой процесс соединения прошлого с новым; границы, масштабы, способы этого соединения подвижны, неоднозначны, каждый раз различны. Потому в ходе развития теории, особенно в его переломные моменты, с неизбежностью возникают тенденции мышления, делающие больший акцент на традиционном, и тенденции, делающие акцент на новизне, то есть тенденции, способные увести к догматизму, с одной стороны, и ревизионизму, с другой. Но истину, как и наличие ошибок, можно выявить, повторяем, лишь в ходе и в атмосфере свободной теоретической дискуссии, в постоянном сопоставлении теории с развивающейся практикой.

Догматизм невозможно победить административными решениями или постановлениями. Ясно, что задача “организаторов”, “руководителей” науки и состоит в поддержке, поощрении и защите такой атмосферы.

Могут сказать, ну а если в этой дискуссии будут верх брать ошибочные идеи ("догматизм", "ревизионизм" и т.п.), разве не следует предпринять административное вмешательство. Но, простите, а кто определит верность или ошибочность научных идей? Неужели какая бы то ни было администрация располагает способами различать истинное и ложное, которые недоступны ученым? Неужели администрация, а не практика должна выступать в качестве критерия истины? Если бы так, зачем же делать двойную работу: сначала — ученые, а потом — глубже их понимающая дело и направляющая их администрация. Лучше уж сразу сами администраторы обеспечат развитие научного знания, тем более что они, по мнению некоторых, не способны ошибаться.

Нет, ложные в научном отношении взгляды могут быть по-настоящему преодолены только научными же методами и никакими другими. Миссия администрации весьма высокая и нужная — обеспечить нормальное функционирование науки и добросовестную проверку научных выводов практикой. Вмешательство политической администрации оправданно, допустимо и необходимо только тогда, когда какая-либо научная школа попытается обеспечить свое господство административными методами.

Настоящий ученый не боится "догматиков", полагающих, что надо и сегодня думать и действовать по-старому. Пусть изложат свои взгляды, пусть приведут развернутую аргументацию. Их миссия тоже важна — это необходимое в науке сопротивление. Честная полемика с добросовестными "староверами" очень полезна "обновителям"; новые положения проходят проверку на прочность. Без такой "лояльной оппозиции" невозможна нормальная жизнь науки.

В ответ на требования широкой демократии некоторые глубоко-мысленно заявляют: "Наука — не дискуссионный клуб". И очень ошибаются: наука именно и есть дискуссионный клуб, гигантский дискуссионный клуб.

В связи с этим еще об одной стороне дела, где должна быть большая ясность: о вопросах демократизации комплекса наука — практика, наука — политика. Их часто поднимают практики, политические работники. "Хорошо, — говорят они, — предположим, у ученых идут дискуссии. Различные школы, выясняя сильные и слабые стороны друг друга, не приходят пока к единому общему решению. Они могут еще долго спорить, а вот нам надо уже сегодня, сейчас решить: применять пропашную систему или травопольную, поднимать целину в таком-то районе или воздержаться, строить атомные электростанции или отказаться от них, и т.д и т.п., мы не можем ждать десятилетия, пока ученые все до конца выяснят; как же быть нам?"

Законный вопрос и законное требование. Только это уже — не область чистой науки, а область практики — политики, точнее — область, где наука соединяется с практикой, с политикой. И тут, конечно, несколько иные критерии и нормы демократической деятельности. Здесь мы и подходим к весьма непростой проблеме о взаимоотношении политики (практики) и науки. Дело в том, что политика — это не только наука, но и искусство. Она — наука, ибо ее строить надо на научной основе. Но одновременно политика — это практическое действие, которое нередко предпринимается в условиях, когда научные школы дают разные (иногда прямо противоположные) рекомендации или когда, в

силу сложности и многообразия конкретных обстоятельств, невозможно строго научно просчитать все возможные следствия принимаемых решений. Как поступать, чем руководствоваться в этих условиях политику, человеку практических действий?

Проблема, над которой размышлял еще Кант. Его антиномии, взаимоисключающие утверждения и были классическим выражением ситуации, когда наука по данному вопросу на данный момент не в силах выдать однозначного решения. И когда надо действовать и принимать определенные решения, человек должен, по мнению Канта, обращаться за помощью уже не к теоретическому разуму (полезному лишь в сфере научной дискуссии), а к практическому разуму, который должен бросить какой-то дополнительный аргумент на одну из уравновешенных чаш весов научного знания. Вот эта ситуация и есть сфера искусства, где большую роль играют интуиция, чутье и т.п. Кант связывал эту интуицию с нравственным началом. Он предлагал в ситуации равновесия научных аргументов обращаться к голосу нравственности: моральный фактор бросать на одну из чаш колеблющихся весов. Любопытное решение! Но все же ставить при выборе во главу угла таинственную нравственную интуицию — дело ненадежное. Сегодня хотелось бы иметь более серьезные основания для того или иного практически-политического выбора, а также более отработанные механизмы выбора. Однозначного рецепта и здесь, конечно, нет.

Принимая практическое решение, политик может выбрать позицию одной из научных сторон, исходя, например, из того, что за нее большинство ведущих ученых; а может не посчитаться с большинством и остановиться на точке зрения меньшинства, исходя, скажем, из того, что на стороне меньшинства — ученые, проницательность которых уже неоднократно подтверждалась предшествующей практикой; может, наконец, способствовать выработке учеными компромиссного решения и т.п. Единого рецепта, повторяю, тут нет. Но что совершенно необходимо и обязательно для политика — это, реализуя на практике одну из научных позиций, помнить о ее неполноте, о ее дискуссионных, не до конца выверенных сторонах, о возможной ее недостаточности. Претворяя в жизнь определенные научные рекомендации, мобилизуя людей на их реализацию, политику надо постоянно держать руку на механизме обратной связи "практика — теория", все время контролировать ситуацию, подтверждает ли практика сделанный научный выбор или нет, подтверждает ли она его полностью или частично. Под влиянием практики политик всегда должен быть готов к уточнениям, исправлениям выбранной им линии. При этом после того, как осуществлен политический выбор, представителей другой научной точки зрения ("научную оппозицию") вовсе не должно отстранять от дел, как то нередко случалось в прошлом; напротив, есть смысл именно их активно привлекать к контролю и анализу процесса реализации идей противоположной научной школы. Не "чернить" научных оппонентов, а предоставлять им право вести самую широкую критику практической реализации научных положений! И как знать, не заставит ли практика пересмотреть первоначально негативное отношение к их позиции? К таким поворотам политику надо быть готовым и не рассматривать их как ЧП. И как знать, не убедится ли "оппозиция" в своей неправоте и не признает ли правоту своих научных противников? В нормальных усло-

виях тут не должно возникать никаких братоубийственных коллизий.

Добиться гибкой, безотказной, совершенной работы этого механизма обратной связи "практика — теория" — одна из важнейших забот политического руководства. Вяжемся, провозглашал В.И. Ленин, а потом разберемся. То есть: "вяжемся" в практическую борьбу (на основе предварительного теоретического анализа и научных представлений), а затем, сообразуясь с практикой, сопоставляя теоретические прогнозы с ходом практической борьбы, "разберемся" (уточним свои "программы", подходы, лозунги и т.д.). Искусство политика и есть во многом искусство обеспечения указанной обратной связи. Образцы такой диалектической, недогматической политики нам оставлены В.И. Лениным. Догматизм в политике состоит в том, что, принимая политическое решение, считают делом чести довести его реализацию до последней намеченной буквы; это даже считается "железной последовательностью", "сильной политикой". Но поскольку решение — всегда огрубление действительности, беднее ее, поскольку в решении можно отобразить лишь важнейшие принципиальные тенденции, в нем невозможно предусмотреть все переплетения реальных связей и отношений, постольку попытки его безусловной реализации вплоть до последней буквы означают часто — ломать, что называется, через колено, не признавать никаких маневров и обходных путей, двигаться, пока не упруешься лбом в стену, пока не выскочишь вдруг на самый край пропасти... Ленин же умел по едва заметным показаниям практики быстро и решительно вносить коррективы в теорию. Для него наука выступала как средство, инструмент преобразования действительности, а действительность, в свою очередь, как средство, инструмент постоянной корректировки научного знания.

В деле революционного преобразования действительности для Ленина теория, действительно, была лишь руководством к действию, а не предусмотревшей все священной книгой. Речь шла о том, что при сохранении общей направленности исторического течения уметь своевременно и гибко — в соответствии с особенностями конкретной борьбы — менять его русло. Так корректировались после 1917 г. "принципы Парижской коммуны", так была скорректирована политика при переходе от военного коммунизма к нэпу, так по настоянию Ленина своевременно и гибко было изменено русло пролетарской борьбы после спада революционной волны в мире в начале 20-х годов.

Иначе говоря, ленинские идеи перестроек рождались не тогда, когда движение упиралось в тупик, а когда возникали первые признаки торможения. И дело не только в феноменальном политическом чутье Ленина (развитом, кстати, десятилетиями напряженной политической борьбы). Охватить все богатство связей и отношений социальной действительности, оценить их специфику и особенности — не под силу никакому гениальному человеку (вспомним высказывание Ленина, что все богатство отношений буржуазного общества не под силу описать даже семидесяти Марксам). Дело тут в первую очередь в том, что Лениным и его единомышленниками была сформирована атмосфера общественной жизни, когда миллионы и миллионы людей рассматривали дела страны как свои собственные, когда все знали обо всем и реально участвовали в управлении, когда вследствие этого постоянно, со всех сторон и со всех уровней шли ясные и правдивые сигналы о ходе реализации общих пла-

нов и программ, когда эти сигналы своевременно и компетентно обобщались, когда в соответствии с ними можно было быстро и решительно вносить коррективы в маршруты нашего движения.

Таким образом, политический догматизм — это недемократизм, а политическая диалектика, политическое творчество — это всесторонне развивающая демократия.

И еще. Политик — не просто “практик” в отличие от ученого — “теоретика”. Политик в реальной жизни соединяет диалектические противоположности — науку и практику (хозяйственную, культурную, социальную), обеспечивает их взаимодействие и обратную связь. И *тем* способствует как развитию науки, так и совершенствованию практики. Умение не на словах, не в книжках только, но в реальной жизни соединять противоположности Ленин считал высшим политическим искусством.

Деятельность политика не должна повторять, дублировать и тем более подменять деятельность ученого. Поэтому, между прочим, в политических документах не должны решаться вопросы конкретных наук. Политический документ — не учебник и не исследование по истории, философии, научному коммунизму, политической экономии и т.д. К сожалению, в некоторые периоды нашей истории политические документы претендовали на роль высшего научного законодательства и большинство ученых покорно соглашалось с этим, и в итоге деятельность этих ученых сводилась к повторению и комментированию политических формул. Выдвигать в сфере общественных наук положения, которых не касался политический документ, было нередко безнадежным делом. Наверное, каждый ученый-обществовед может припомнить не один случай, когда обладающий правом “пускать” и “не пускать” в печать редактор издательства или журнала, сталкиваясь с “неизвестной” формулировкой, категорически требовал: “Покажите политический документ, где было бы записано это положение”. Иначе говоря, критерием истинности научного положения было присутствие или отсутствие его в том или ином политическом документе. Прекрасные предпосылки для “творческого развития теории”, не правда ли? Разумеется, страдала не только теория, сама политика переставала питаться соком подлинной науки и быть научной политикой.

Это не парадокс, а очень простая и много раз проверенная жизнью истина: чем более научной желает быть политика, тем меньше ей надо подниматься “над” наукой, тем меньше ей надо подменять науку собой.

Вообще диалектика взаимодействия комплекса “наука — политика — практика” связана с двумя моментами: во-первых, с тем, чтобы ясно определить специфическую функцию каждой из этих сфер человеческой деятельности, т.е. различия, и, во-вторых, с тем, чтобы выявить их единство как единство разнообразного. Они — *различны*, у них своя арена, свои способы и методы, и ничего, кроме беды, не приносит, когда ученый высокомерно полагает, что его специфических научных способов и методов достаточно, чтобы умело решать любые политические проблемы, или когда политик с не меньшим высокомерием убеждает, что его политический подход способен обеспечивать решение запутанных научных проблем. Каждому — свое.

Но они — *едины*, они не обладают абсолютной самостоятельностью, они только моменты целостной деятельности общественного человека. И поэтому они должны взаимодополнять друг друга. Без этого взаимо-

дополнения, без взаимоперехода друг в друга они не только не могут обеспечить действительного успеха общей социальной деятельности, но и успеха в развитии своей сферы. Вот почему люди, специализирующиеся в одной из сфер деятельности, должны быть и достаточно квалифицированными "смежниками": ученый, оставаясь ученым, должен уметь мыслить политически, должен уметь слышать голос практики, а политик — голос науки и т.д. Они, повторяю, должны не подменять друг друга, но быть открыты друг для друга и совместными усилиями, взаимодополняя друг друга, согласовывая — демократически, диалектически — свои задачи, вести работу по преобразованию действительности.

Итак, еще раз: что делать? Ответ — ломать механизм торможения в науке и политике, что означает развивать диалектику в науке и демократию в политике и экономической практике, отдавая себе отчет в том, что демократия — это и есть не что иное, как политическая диалектика, а диалектика — демократический способ мышления и развития науки.

Какой счет?

В отличие от первых двух, этот вопрос как будто бы не требует слишком пространного ответа. И все же...

Нас долго приучали к мысли, что наш путь — одни сплошные победы, что мы просто обречены идти от успеха к успеху. Мы побеждали историю, мы били ее крупным счетом, под ноль. Почти без промахов, неудач и ошибок.

И тут пришел XXVII съезд партии. Тревожно прозвучало: "застой", "торможение", "факты коррупции, бюрократизма, взяточничества", "распространение двойной морали", "невыполнение планов", "сложная экономическая ситуация" и т.д. и т.п. И слышались некоторые растерянные голоса с несколько паническими интонациями: не мы историю, а она нас бьет — и с крупным счетом...

Не надо крайностей, побольше хладнокровия и выдержки! Процессы идут, конечно, весьма и весьма непростые, но отнюдь не неожиданные и не невероятные для марксистов. Противоречивую логику развития социалистической революции предсказывал еще Маркс — свыше ста лет тому назад. "...пролетарские революции... — писал он, — постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно: "...Здесь роза, здесь танцуй!"¹. Кажется, что это написано сегодня. Именно так: мы возвращаемся к тому, что казалось уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова. До победы еще далеко, нет еще даже перелома к ней. Но инициатива силами перестройки захвачена. Все решит борьба!

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 122—123.

ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗРАЗИТЬ

(Из личного опыта)

Когда мы говорим, что с перестройкой у нас наступила эпоха гласности, то вне зависимости от того, насколько оправдан здесь совершенный вид глагола, в этом утверждении явственно просвечивает вполне определенная характеристика прежнего, "доперестроечного" состояния нашей прессы. Того состояния, когда печать и прочие средства массовой коммуникации есть, а гласности тем не менее нет. То есть, конечно, не вовсе нет, но она существует в столь ограниченном, урезанном, бюрократически зарегулированном виде, что называть это гласностью не поворачивался язык. Если мы хотим преодолеть это состояние, и преодолеть необратимо, нам нужно его прежде всего как следует осознать. Предлагаемые заметки имеют в виду эту общую цель, хотя конкретный предмет их значительно уже. Речь пойдет о праве на полемическое выступление в печати. Притом о праве обеспеченном, о таком, каким каждый человек при желании мог бы воспользоваться.

Важность такого права едва ли нуждается в пространных пояснениях и доказательствах. Если оно не реализуется, это означает не что иное, как полную бесконтрольность прессы — в смысле отсутствия читательского, общественного контроля над нею, возможность без всяких ограничений манипулировать общественным сознанием. А это в свою очередь один из решающих признаков недемократичности соответствующей социальной структуры.

Нельзя сказать, чтобы и до нынешних времен (за вычетом разве второй половины 40-х годов, когда споры в печати сошли почти на нет) нас когда-либо вовсе лишали указанного права. Но и в том случае, когда публикуемый "отрицательный" отклик не был по тем или иным соображениям "организован" самой редакцией, между автором такого отклика и читателем всегда "как грозный часовой" стоял Редактор — лицо, которому вручено было право решать, какую критику и на какие произведения, явления или лица он может допустить, а на какие — нет. Ни о каких гарантиях тут не могло быть и речи.

Сейчас в данной области кое-что изменилось, однако решающие изменения пока еще впереди.

Позволю себе в этой связи предложить вниманию читателя некоторые эпизоды из собственной практики общения с печатью. Надеюсь, это не станет для него основанием заподозрить меня в нескромности или эгоцентризме. Просто свой опыт тем хорош, что тут уж знаешь все самолично и можешь отвечать за каждую деталь.

Первый эпизод — восьмилетней давности, но он весь в документах и, таким образом, может быть изложен без какой-либо деформации, обусловленной изменениями в позиции рассказчика.

1

Передо мной в машинописных копиях несколько писем: все они относятся к последним месяцам 1979 г. Это моя переписка с *Литературной газетой* по поводу одного тогдашнего интервью писателя Михаила Алексева. Привожу ее почти целиком, лишь смягчив для печати два-три выражения, опустив ради экономии места первое (сопроводительное) письмо в *Литгазету* и сделав еще некоторые сокращения, где это удалось без ущерба для развития сюжета.

Скажут, пожалуй (как нередко говорят в подобных случаях): не зря ли я напоминаю о том, что лучше было бы забыть? Чтобы не разжигать дурных страстей, не мешать "консолидации сил" и пр., и пр. Однако действительная консолидация возможна лишь на основе искренности ее участников. В том числе и искреннего покаяния тех, кто безгласность минувшей эпохи обращал в свою пользу. Но что-то пока не слышно таких покаяний. Наоборот, послушать, например, того же М. Алексева и некоторых других руководящих деятелей Союза писателей, так это они-то и были, оказывается, застрельщиками перестройки. И где-где, а в нашем датском (сиречь литературном) королевстве по части правды и гласности дело и раньше обстояло совсем неплохо, дай бог всякому...

Не развеивая подобных легенд, мы как бы вступаем тем самым в безмолвную сделку с их создателями, препятствуем утверждению в нашем обществе атмосферы действительного доверия и правды.

Итак, документ первый — открытое письмо, адресованное через газету автору помещенного в ней интервью.

Писателю Михаилу Алексеву

Михаил Николаевич!

В Вашем недавнем интервью *Литературной газете* (№ 32 от 8 августа 1979 г.) мое внимание привлек один пассаж, такая маленькая вставная новелла, основными персонажами которой являетесь Вы и Твардовский.

«Немало волнений, — рассказываете Вы, — пришлось пережить с повестью "Карюха". В *Новом мире* скорее всего подготовили на нее рецензию. Рецензия была разгромная. На редколлегии, где решалась судьба рукописи, разгорелись страсти. Редактировал журнал в эти годы Александр Трифонович Твардовский. Он, конечно, не мог читать все материалы, поступающие в журнал, и очень доверял вкусу, профессиональному чутью своих сотрудников. Но тут дело было спорное. Его убедили прочесть "Карюху". Он взял ее с собой домой. А на другой день звонит в редакцию и просит прислать ему "Хлеб — имя существительное", в свое время в пух и прах разнесенный на страницах того же журнала. А потом потребовал и "Вишневый омут"».

Далее Вы рассказываете о том, как "через несколько дней" после описанных событий, когда "праздновали юбилей М. Исаковского"

Александр Трифонович подошел к Вам и, "побагровев", произнес "ошарашившую" Вас фразу: "Алексеев, мы были к Вам несправедливы".

Нет нужды говорить о том, сколь интересно это сообщение, — в-первых, потому, что речь идет об одном из классиков русской поэзии, о центральной фигуре литературно-общественного движения 50—60-х годов; во-вторых, по той причине, что до сих пор читатель имел основания представлять себе отношение Твардовского к Вашему творчеству совсем по-другому. Но чем больше значимость сообщаемых Вами сведений, тем выше и требования, предъявляемые к их достоверности. Хотелось бы поэтому прояснить некоторые возникающие в связи с этим вопросы.

Прежде всего не вполне ясно, о какой рукописи и какой рецензии идет речь. О рукописи "Карюхи", предложенной Вами *Новому миру* и о так называемой "внутренней" рецензии на нее или же о готовящейся к печати рецензии на уже опубликованную Вами повесть? Если следовать первому предположению, то почему Вы не сообщаете, каков же был окончательный ответ редакции после того, как "Карюху" прочел Твардовский и, согласно Вашему рассказу, так расположился к Вам как к писателю? И почему тогда повесть была напечатана не в *Новом мире*, а в *Огоньке* (1967, № 18—21)? По-видимому, все-таки надо понимать Вас таким образом, что *Новый мир* готовился напечатать еще одну разгромную рецензию на опубликованное Вами произведение, да этому помешал прозревший относительно Вас Твардовский. Если так, то в таком случае возникает важный для историка литературы вопрос об источнике, из которого почерпнуты сообщаемые Вами сведения. (...)

Единственный достоверный историко-литературный факт, на который Вы могли бы опереться в своем рассказе, состоит в том, что в *Новом мире* не появилось никакого отклика на "Карюху". Но много ли можно извлечь из этого факта? Почему, спрашивается, журнал, только что (в 1965 и 1966 гг.) достаточно четко выразивший свое отношение к Вашему творчеству, должен был откликаться на каждое новое произведение Вашего пера? Я, например, легко могу себе представить такую ситуацию, быть может, каким-то дальним отголоском дошедшую и до Вас: отдел критики *Нового мира* предлагает отрецензировать "Карюху", а Твардовский и редколлегия отклоняют эту затею как излишнюю — вот и все.

Вы возразите, Михаил Николаевич, что помимо слухов основанием рассказанной Вами новеллы служит Ваша собственная память (эпизод на вечере М. В. Исаковского в ЦДЛ). Что ж, когда мемуарист памятливы и добросовестен, не заинтересован в сознательном искажении истины, ценность мемуарного свидетельства может быть достаточно высока. К сожалению, в обсуждаемом случае, несмотря на видимую конкретность повествования ("на другой день", "через несколько дней"), точность Вашей памяти оставляет желать много лучшего.

Судите сами. Как уже говорилось, "Карюха" Ваша была напечатана весной 1967 г. Юбилей же М. В. Исаковского пришелся на январь 1970-го. Таким образом, если упоминавшаяся рецензия была подготовлена даже не очень "скоренько", то и тогда между ее обсуждением и юбилейным вечером прошло не "несколько дней", а два с лишним года. Срок более чем достаточный, чтобы Александр Трифонович — если бы он действительно убедился в том, что прежние "новомирские" оценки Ваших произведений были несправедливыми, — смог высказать это

убеждение не только устно, но и печатно (что, кстати сказать, он, при своей принципиальности, в таком случае непременно бы и сделал). Между тем ничего такого не было. Напротив, было нечто совсем другое, о чем Вы, Михаил Николаевич, совершенно забыли упомянуть. Я имею в виду тот единственный случай, когда *Новый мир* Твардовского вновь вернулся к оценке Вашего творчества.

Дело происходило в 1969 г., через два года после "Карюхи". Летом этого года несколько органов нашей печати, включая *Советскую Россию* и даже далекую от литературы *Социалистическую индустрию*, дали дружный залп по *Новому миру* — уже не по отдельным его выступлениям, а по журналу в целом. Кульминационным пунктом этой хорошо организованной кампании, — за которой вскоре последовало решение о смене редколлегии *Нового мира*, вынужденный уход Твардовского, а затем и болезнь его, окончившаяся смертью, — явилось письмо одиннадцати литераторов под характерным "сигнализирующим" заглавием "Против чего выступает *Новый мир*?" (*Огонек*, 1969, № 30); первой — только ли благодаря алфавиту? — стояла под ним Ваша подпись. В свою очередь в заметке "От редакции" (*Новый мир*, 1969, № 7), написанной в ответ на это письмо при непосредственном участии Александра Трифонова, Вы были названы в числе авторов, которые "подвергались весьма серьезной критике на страницах *Нового мира* за идейно-художественную невзыскательность, слабое знание жизни, дурной вкус, несамостоятельность письма", и заинтересованный читатель отсылался к двум рецензиям на Ваши произведения: моей — на "Хлеб — имя существительное" (*Новый мир*, 1965, № 1), о которой столь лестно отозвались Вы в своем интервью, и Натальи Ильиной — на "Повесть о моих друзьях-непоседах" (*Новый мир*, 1966, № 1).

Размышляя над тем, почему столь знаменательный и к тому же печатно засвидетельствованный факт так бесследно изгладился из Вашей памяти, я прихожу к заключению, что причина тут, по-видимому, та же, что и у несообразностей с хронологией. Ведь если между 1967-м и 1970 годом прошло не "несколько дней" и если в промежутке между ними оказывается упомянутая характеристика ("дурной вкус" и проч.), то все Ваше построение, включая попытку отделить Твардовского от *Нового мира*, противопоставить его "своим сотрудникам", обрабатывается в карточный домик. Может ли история литературы доверять столь прихотливой памяти? И не следовало ли редакции *Литературной газеты* подвергнуть рассказ элементарной фактической проверке, прежде чем выходить с ним к своей обширной читательской аудитории?..

Хочу в заключение поставить перед Вами последний вопрос, относящийся, так сказать, к области психологии творчества. Не объясните ли, Михаил Николаевич, по каким причинам столь долго, чуть ли не десять лет, готовились Вы к своему нынешнему сенсационному заявлению? Не потому ли, что еще несколько лет назад выступить с ним было бы рискованно; даже не самый осведомленный в литературных делах читатель сказал бы: "Ну, это уж слишком". А сегодня уже многое забылось, риску стало меньше, возможностей больше... Глядишь, и пройдет. Правильна ли эта догадка, равно как и вообще правильно ли я понял совокупность мотивов, побудивших Вас попытаться задним числом привлечь Твардовского к переоценке выступлений *Нового мира* и "перецензурованию" собственного Вашего творчества? Очень хотелось бы

услышать Ваше авторитетное разъяснение на сей счет (разумеется, в печати).

Не взывайте, пожалуйста, если отказ от такого разъяснения — по всем поставленным выше вопросам — я в таком случае буду рассматривать как признание во лжи, а само Ваше интервью — как распространение тиражом *Литературной газеты* заведомо ложных сведений, оскорбляющих память одного из великих писателей нашей страны.

Ю. Буртин, член Союза писателей СССР,
автор статей о творчестве
А. Т. Твардовского

16 августа 1979 г.

Отправив письмо, я узнал, что раньше меня или одновременно со мною свои протесты по тому же поводу в *Литературную газету* послали М. И. Твардовская и некоторые из моих товарищей по старому *Новому миру* и что им уже приходят однотипные отписочные ответы. И хотя сам я — шла неделя за неделей — не получал в ответ ничего, становилось все более очевидным, что никаких публичных возражений М. Алексею редакция допустить не хочет. Тогда мне пришла мысль по крайней мере зафиксировать это обстоятельство, засвидетельствовать его документально. И я вновь написал в *Литгазету*.

Главному редактору "*Литературной газеты*"
А. Б. Чаковскому

В августе с.г. я направил в редакцию *Литературной газеты* открытое письмо писателю Михаилу Алексею — полемический отклик на его интервью *Литературной газете*, помещенное в № 32 от 8 августа 1979 г. Согласно почтовому уведомлению, письмо это было получено редакцией более месяца тому назад, но за это время я не только не увидел его напечатанным в Вашей газете, но и не получил никакого ответа на свою просьбу его опубликовать. Разумеется, редакция может не напечатать материал, содержание которого ей неприятно (хотя это означало бы признание в том, что ее участие в распространении ложных сведений об А. Т. Твардовском было вполне сознательной акцией), но в любом случае она была *обязана* в установленный срок прислать мне *мотивированный ответ*. Попытка уклониться от такого ответа представляет собой прямое нарушение хорошо известных ей правовых норм. Поэтому, продолжая настаивать на публикации моего письма М. Алексею, я еще более настоятельно прошу независимо от содержания редакционного ответа сообщить его мне в самое ближайшее время (разумеется, в письменной форме).

(Подпись)

26 сентября 1979 г.

По-прежнему упорное (и все более красноречивое) молчание. Подождав несколько недель, я написал снова.

Главному редактору "Литературной газеты"
А. Б. Чаковскому

Не получив ответа на два предыдущих моих письма в *Литературную газету* (...), я тем не менее решил, по прошествии еще двух месяцев, написать Вам в третий раз, чтобы сформулировать выводы, в которых утверждает меня, в частности, и сама односторонность нашей "переписки". Вот основной из них: выступление *Литературной газеты* и последующее ее поведение в данном вопросе представляет собой, если брать все это в целом, сознательный акт обмана, умышленное распространение заведомо ложных сведений об А. Т. Твардовском.

Действительно, можно ли посмотреть на дело иначе? В *Литературной газете* выступает литератор, чьи произведения рассматривались *Новым миром* Твардовского как характерный образец псевдонародности, безвкусицы, художественной неправды и который сам в свою очередь был известен как один из наиболее активных литературных противников Твардовского. Выступает с заявлением, что критика его сочинений в *Новом мире* объяснялась лишь тем, что главный редактор слишком поздно удосужился их прочитать и слишком доверился своим недобросовестным сотрудникам, а когда прочитал, то, побагровев от стыда, просил у него, Алексева, прощения. Твардовский опровергает новоявленную критику, и не в каком-нибудь частном пункте, а в том, что считалось выражением принципиальной линии журнала! Это ли не сенсация!

Дальше события развиваются следующим образом. Газета получает целую пачку писем, из которых явствует, что в рассказанной М. Алексеевым истории нет ни слова правды. Когда я писал ему свое открытое письмо, я (...) все-таки допускал, что в обман этот могли быть вкраплены, пусть в искаженном, перетолкованном виде, какие-то крохи реальности. В действительности, как выяснилось, ваш "мемуарист" обошелся даже и без таких крох. В своих письмах в *Литературную газету* вдова поэта М. И. Твардовская, люди, вместе с ним работавшие в журнале (В. Я. Лакшин, А. С. Берзер, К. Н. Озерова, Г. В. Койранская), а также критик Н. И. Ильина, опираясь не только на свою память, но и на разного рода документальные источники, засвидетельствовали, что

— ни рукописи "Карюхи", ни какой бы то ни было рецензии на нее в редакции *Нового мира* никогда не было; ни сама повесть, ни рецензия на редколлегии журнала не обсуждались;

— с произведениями М. Алексева, получившими отрицательную оценку на страницах *Нового мира*, Твардовский был знаком до опубликования соответствующих критических материалов; более того, он первым среди сотрудников журнала прочел "Повесть о моих друзьях-непоседах" и лично заказал Наталье Ильиной критический фельетон "Сказки брянского леса", который до конца своей жизни считал одним из лучших выступлений журнала; никакому пересмотру его отношение к сочинениям М. Алексева никогда не подвергалось;

— на юбилейном вечере М. В. Исаковского, состоявшемся не в ЦДЛ, а в зале им. Чайковского, Твардовский не председательствовал и с М. Алексеевым не беседовал.

Таким образом, было установлено, что не только по сути, но и по всем деталям, из коих М. Алексеев сплел сюжет рассказанной им истории, она представляет собой чистейшую выдумку. (...)

Как же ведет себя в подобной ситуации *Литературная газета*? Публикует эти письма, на чем настаивают авторы (кстати, четверо из них — члены Союза писателей) и как того требует элементарная журналистская этика? Печатает хотя бы одно из них? Каким-либо иным способом деэвидуирует свое сообщение? Нет, она не делает ни того, ни другого, ни третьего. Тогда, может быть, она — сама или с помощью того же М. Алексеева — что-либо возражает авторам писем, оспаривает какие-то приведенные ими факты? Опять-таки нет. Она либо молчит (в случае со мною — вот уже три месяца), не реагируя ни на какие напоминания, либо отвечает — за подписью члена редколлегии Ф. Чапчахова — короткой штампованной отпиской, содержание которой сводится к тому, что редакция не намерена возвращаться к интервью М. Алексеева, — с добавлением, столь же безграмотным по стилю, сколь фарисейским по существу, что это, дескать, “не способствовало бы памяти Твардовского”. Следовательно, когда М. Алексеев рассказывает всему свету, будто редактор *Нового мира* краснел перед ним и просил прощения, то это “способствует памяти Твардовского”, а когда приходят люди и с фактами в руках доказывают, что ничего подобного не было, то это, оказывается, “не способствует” и перед ними захлопывают дверь.

Что можно сказать по поводу подобных ответов (равно как и неотвечено; разница между теми и другими, как видим, невелика)? Прежде всего из них явствует, что ни М. Алексееву, ни газете сказать абсолютно нечего. Никаких аргументов, которые они могли бы привести в подтверждение своего сообщения, равно как и никаких возможностей оппорить то, что говорят авторы писем, у них нет. (...) Если до этих “ответов” между М. Алексеевым и уличающими его письмами еще как бы существовала ситуация спора, то теперь спор закончен, обман, совершенный им, не только доказан, но, по существу, подтвержден и самой *Литературной газетой*. А с другой стороны, из них же следует, что восстанавливать истину редакция не собирается, полученные опровержения намерена скрыть, а их авторам пытается тем или другим способом заткнуть рот. (...) Своим ярко выраженным стремлением, затоптав опровержения, закрепить рассказанное М. Алексеевым, придать ему статус признанного, никем не оспариваемого историко-литературного факта Ваша газета выявила то, что до поры оставалось в тени, — свою собственную роль в разбираемой истории. Стало очевидно, что мы имеем дело с сознательно, последовательно осуществляемой акцией, в которой М. Алексеев и газета соучаствуют как равнозаинтересованные партнеры. В свете всего вышеизложенного характер этой акции вполне однозначен: перед нами факт сознательного обмана *Литературной газетой* своей обширной читательской аудитории, прямое, умышленное преступление против истины.

На этой констатации я позволю себе закончить нашу одностороннюю “переписку”.

Без надежды на ответ

(Подпись)

24 ноября 1979 г.

Действительно, ответа я уже не ждал, и, в самом деле, на этом можно было бы закончить, но чтобы поставить последнюю точку над *i*, я решил сделать еще один шаг.

В секретариат правления Союза писателей СССР

Заявление

Настоящим заявлением я хочу привлечь внимание секретариата к акту сознательного обмана читателей, совершенному органом Союза писателей СССР — *Литературной газетой* при участии члена СП М. Н. Алексеева. Содержание дела видно из моего открытого письма М. Алексееву и ... моих писем в *Литературную газету*, копии которых прилагаю. О решении, которое будет принято секретариатом по данному вопросу, прошу известить меня по адресу...

(Подпись)

26 ноября 1979 г.

По всем нормам, секретариат обязан был рассмотреть заявление члена Союза писателей и дать на него официальный ответ. Даже если бы речь шла о чем-то гораздо более мелком, нежели обнаруженная перед руководством Союза писателей безнравственность поведения его главного органа. Тем не менее и секретариат мне тоже не ответил — ни письменно, ни устно. Зато некоторое время спустя я получил следующее письмо из *Литературной газеты*:

5 декабря 1979 г. № 49 635

Уважаемый Юрий Григорьевич!

В связи с Вашим заявлением в секретариат правления Союза писателей СССР сообщаем, что ответ на Ваше первое письмо в редакцию *Литературной газеты* был послан 24 сентября с.г. Второе письмо, по Вашим словам, от 26 сентября в редакцию не поступало. Поскольку Вы до сих пор не получили ответа из редакции, излагаю суть письма, аналогичного тем, что были посланы другим товарищам, обращавшимся к нам после публикации интервью с М. Алексеевым. Мы Вам писали, что не сможем опубликовать Ваше открытое письмо М. Алексееву. При этом редакция исходила из того, что такого рода полемика вокруг А. Твардовского вольно или невольно бросала бы тень на имя великого советского поэта.

С уважением Ф. Чапчахов, редактор отдела
русской литературы

Теперь уже пришлось отвечать мне.

В редакцию "Литературной газеты"

Ф. А. Чапчахову, редактору отдела русской литературы

Уважаемый Федор Аркадьевич!

Получил Ваше письмо. Из него следует, что моя переписка с *Литературной газетой* по поводу интервью М. Алексеева являет собой непрерывную цепь почтовых неурядиц. Вы посылаете ответ на мое первое письмо — он до меня не доходит. Я отправляю второе — редакция его не получает. Наконец, я посылаю третье — его постигает, по-видимому, та же участь, поскольку Вы о нем не упоминаете, содержания его не касаетесь ни единым словом, а реагируете только на мое обращение в секретариат СП СССР. Выходит, из четырех писем, составляющих нашу переписку

ску, пропало три! Просто наваждение какое-то. Рассказать эту историю министру связи — он схватился бы за голову.

Впрочем, не напрасно ли. Давайте проанализируем ситуацию.

Первую часть Вашего сообщения (о том, что Вы мне ответили, да подвела почта) я непосредственно проверить не могу и вернусь к ней чуть позже. Зато другая (о том, что редакция не получила моего второго письма) проверяется очень просто. Дело в том, что и это письмо я послал с уведомлением о вручении. Вот передо мной эта невзрачная открытка; на ней штамп "Издательство Литературной газеты" и подпись, удостоверяющие, что письмо было доставлено по адресу 27 сентября 1979 г. Догадайся я известить об этом редакцию — это избавило бы Вас от лишней лжи. Теперь о первом Вашем утверждении. В свете сказанного оно также представляется маловероятным. (...) Посудите сами. Редакция получает письмо, в котором ее упрекают в том, что она не отвечает на адресованную ей корреспонденцию. Если бы в действительности ответ был послан, как поступила бы редакция (тем более когда речь идет о такой скандальной истории)? Заключила бы, что он пропал, и ответила бы вторично, хотя бы копией своего прежнего ответа. Не так ли? Если же этого не происходит, если редакция молчит, то отсюда может следовать только одно: значит, и в первый раз она не отвечала, и почта тут вовсе ни при чем.

То же и с моим третьим письмом в *Литературную газету*. Вы делаете вид, будто ничего не знаете о его существовании. Но даже если и оно оказалось недоставленным (хотя отправлено заказным, есть квитанция), до Вас во всяком случае дошла его копия, приложенная к моему заявлению в секретариат Союза писателей. Значит, известен Вам и вывод, который там формулируется и обосновывается, — вывод, что своим выступлением и последующим затапыванием опровержений газета совершает умышленное преступление — как против Твардовского, которого она выставила в заведомо ложном свете, так и против своих читателей, которых обманула. Почему же Вы ни словом на него не отзываетесь? Все та же неискренность.

Нет, Федор Аркадьевич, почта не виновата, виновата ложь. Одна ложь тянет за собой другую. Первым пошел по этому пути М. Алексеев. Затем, когда его рассказы оказались под угрозой разоблачения, редакции *Литературной газеты* пришлось врать, что, оберегая их от критики, она заботится ни о чем ином, как о добром имени "великого советского поэта". Отговорка, конечно, слабенькая, если вспомнить, что жертвами псевдомемуаристов бывали многие великие люди (..) и добрые их имена лишь выигрывали от восстановления правды. Но что подделаешь, если ничего другого нельзя было придумать? В свою очередь неубедительность этой отговорки в конечном счете привела к тому, что пришлось сочинять сюжет с целой серией почтовых пропаж — и опять садиться в лужу...

Поучительная история, не правда ли? (...)

(Подпись)

10 декабря 1979 г.

На эти соображения и вопросы Ф. А. Чапчахов и представляемая им газета вновь никак не отозвались, а я, чтобы довести свой эксперимент

до логического конца, повторно обратился к руководству Союза писателей.

В секретариат правления Союза писателей СССР

26 ноября с.г. я направил в секретариат правления СП СССР заявление с просьбой рассмотреть факт умышленной дезинформации, совершенный органом СП — *Литературной газетой*. Никакого ответа пока не последовало, но на днях я получил письмо из *Литературной газеты* за подписью Ф. Чапхаова, написанное в связи с моим заявлением. Это письмо, целиком построенное (как показано в моем ответном письме Ф. Чапхаову) на замалчивании сути дела и прямой неправде, я, естественно, не могу считать ответом секретариата — ни формально, ни по существу. Оно лишь подтверждает справедливость вывода, сделанного в моем заявлении, и заставляет настаивать на рассмотрении его секретариатом. Копии письма Ф. Чапхаова и моего ответного письма прилагаю. О принятом решении прошу уведомить меня по адресу...

(Подпись)

12 декабря 1979 г.

Ответа на это, как, собственно, и на предыдущее свое обращение в секретариат правления Союза писателей, я жду вот уже девятый год. Срок, возможно, не предельный, но все же достаточный для того, чтобы не спеша обдумать вышеописанный эпизод. И чем больше я думал о нем, тем более показательным он мне представлялся, тем явственнее проступали в нем характерные черты того общего положения вещей, которое мы сейчас поставили задачей преодолеть.

В самом деле, о чем говорит тот факт, что ни мне, несмотря на все усилия, ни людям, гораздо более меня известным и авторитетным, не дали возразить М. Алексееву (чье заявление так до сих пор и остается непровергнутым)? Он знаменует собой то, что можно было бы назвать *бессилием правды*. Это не значит, конечно, что всюду царила одна сплошная ложь, правду же вообще никуда и ни по какому случаю не пускали на порог. Но — могли и не пустить. Если была не нужна, если в чем-то расходилась с "видами начальства", если кому-то или чему-то мешала, могли без дальних объяснений захлопнуть перед нею дверь.

В описанном выше случае на то были две легко угадываемые причины.

Первая заключалась в общественном положении М. Н. Алексеева (редактор толстого журнала, секретарь правления Союза писателей РСФСР и прочая, и прочая, и прочая). Конечно, не каждый на его месте мог решиться на такой необычный шаг. Но поскольку он на это решился, дальнейшее развитие событий было этим уже в значительной мере предопределено. Должен был сработать тот неписанный закон, который, как утверждают социологи, действует в элитарных группах и сводится, попросту говоря, к принципу взаимного невмешательства. Нас не трогай — мы не тронем. Если некто, обладающий силой, властью, связями, не меньшими, чем твои, считает нужным сделать какой-то шаг, против тебя ни прямо, ни косвенно не направленный, то предоставь ему его сделать, не становись у него на пути. Тогда и он в соответствующем слу-

чае не помешает тебе, а, глядишь, и поможет. В этом смысле, если бы даже редактору *Литгазеты* не слишком нравилась интересующая нас часть интервью М. Алексеева, потребовать ее исключения либо согласиться опубликовать какие-либо возражения на нее было бы с его стороны прямым нарушением названного принципа, более важного, чем какие-то "формальные" редакторские обязанности. Перед той же дилеммой оказались и руководители СП СССР, на которых пала досадная необходимость рассматривать мои заявления: дать им ход значило нарушить этот принцип не только по отношению к М. Н. Алексееву, но теперь уже и по отношению к А. Б. Чаковскому. И они (кто именно — оргсекретарь Ю. Н. Верченко или сам Г. М. Марков, на чье имя посылал я эти заявления, — не берусь судить) сделали точно такой же выбор: заявления были оставлены без ответа и положены под сукно.

Второй специфический момент заключался в самом Твардовском, вернее, в официальном отношении к нему тех времен, когда со многих сторон урезанный, отделенный от себя самого, с особенной беззащитностью "присваивался" он теми, против кого при жизни воевал. Тут была замешана тогдашняя "большая политика", и потому расчет М. Алексеева был безошибочен вдвойне: с человеком, который взял на себя инициативу заставить Твардовского признать правоту своих бывших противников и хотя бы в одном, но принципиальном пункте отмежеваться от "линии *Нового мира*", никто — ни редактор *Литгазеты*, ни секретариат Союза писателей — не могли и не захотели бы допустить открытого спора¹.

Все это так. Но разве и сами эти специальные причины не были выражением общего? Разве разгром *Нового мира* Твардовского не был в свою очередь самым красноречивым и крупномасштабным за всю историю советской журналистики пресечением "возможности возразить"? И разве, с другой стороны, страховый полис от критики, выданный М. Алексееву редактором *Литгазеты* и руководством Союза писателей, представлял собой что-нибудь исключительное? Здесь оградили от неприятных возражений одно из влиятельных в этом Союзе лиц, там — скажем, в областной или районной газете — отказали в публикации письма с критикой, например, какого-нибудь директора завода, поскольку он к тому же член бюро обкома или райкома... Истории разные, а суть одна: бессилие правды. И не было у нее в тогдашних условиях почти никаких реальных возможностей себя отстоять. Другая газета или журнал? В 70-е годы они в этом отношении мало отличались друг от друга да к тому же были незримо скреплены вышеупомянутой системой неформальных начальственных связей. Отговорка всегда оказывалась наготове. Вы несогласны с *Литгазетой*? — вот туда и обращайтесь. У них там в каждом номере "Спор идет", а нам с ними связываться ни к чему, нам это не по профилю, у нас все номера забиты на год вперед... Стандартные, заранее известные ответы.

Не отсюда ли то спокойствие, та незыблемая уверенность в собственной неуязвимости и безнаказанности, которая сквозила во всем поведении моих адресатов в вышеприведенной переписке? И М. Н. Алексева,

¹ С этой точки зрения рассматриваемый эпизод — прямое продолжение той общественно-литературной борьбы 50—60-х годов, об общем содержании и некоторых конкретных обстоятельствах которой мне уже приходилось писать (см. *Октябрь*, 1987, № 8 и 12).

заранее пренебрегшего неизбежными опровержениями в твердом убеждении, что ходу им не дадут. И Ф. А. Чапчахова с его высокомерно-одно-сложными отписками, даже и не претендующими на какую-либо убедительность, а лишь призванными показать, что автор их выступает "с позиции силы". И А. Б. Чаковского и его коллег по секретариату "большого Союза" с их совсем уже величественным, непробиваемым молчанием. Так вести себя можно было лишь в одном случае: когда твердо знаешь, что такое поведение и есть реальная общественная норма (как бы та же *Литературная газета* ни доказывала подчас противоположное, укоряя отмалчивающихся и отписывающихся заместителей министров).

Но что такое бессилие правды? Не что иное, как бессилие человека. Если член творческого союза раз и другой обращается к руководителям этого союза, а они ему даже не отвечают, то как в таком случае определить их взаимные отношения? Кто они по отношению к нему: товарищи по ремеслу, временно им уполномоченные на выполнение некоторых общецеховых организационных функций, или же вознесшая над ним привилегированная группа, практически не сменяемая, ни в малейшей степени ему не подконтрольная, более того, просто-напросто помыкающая им, как и прочими "рядовыми"? Ответ очевиден. Если кто-то посылает в газету (в наших условиях являющуюся государственным учреждением) свой протест против помещенного в ней материала, если он стучится туда раз, другой, третий — и встречает гробовое молчание, значит, как ни грустно это признать, его просто не считают за человека. Значит, записанные в Конституции его гражданские права, включая свободу слова и печати, попросту игнорируются как нечто, существующее только на бумаге. Безгласность, невозможность возразить есть в действительности не только недостаток гласности, но и нечто большее: по сути дела, это эквивалент бесправия и произвола, своего рода символ недемократических общественных отношений. Как, с другой стороны, и утверждающаяся ныне гласность — она тоже шире самой себя: она проявление иного взгляда на человеческую личность, иных, демократических, взаимоотношений между людьми.

2

Об успехах нынешней гласности трудно говорить без искреннего воодушевления. Однако если мы хотим не только праздновать, но и развивать эти успехи, нам следует вполне точно, не впадая в восторженные преувеличения, сознать реальные пределы достигнутого. В частности, и по отношению к тому, насколько выросла и упрочилась к настоящему времени доступная каждому из нас возможность возразить.

Позволю себе в этой связи еще некоторые из собственной авторской практики.

В конце 1986 — начале 1987 года я написал небольшую статью в виде отклика на помещенные в *Огоньке* фрагменты воспоминаний Ю. В. Трифонова, собственно, даже не статью, а историческую справку о последних месяцах Твардовского в качестве редактора *Нового мира*, включая подневную хронику его гражданского поведения во время операции по разгрому журнала в феврале 1970 г. Вместе с тем, не будучи непосредственно полемиической, она, конечно, несла в себе определенный крити-

ческий заряд — по отношению к тем, кто санкционировал и осуществлял этот разгром; некоторые из них были названы здесь поименно. И вот прежде чем увидеть свет, заметка эта побывала последовательно в редакциях трех московских газет и шести журналов. Везде к ней относились очень хорошо, предлагали своим главным редакторам, а возвращая мне текст, высказывали искреннее сожаление. Но... для одних она оказывалась слишком велика (а дробить такой материал нельзя!), для других слишком мала, недостаточно фундаментальна, для третьих в их трудных обстоятельствах несвоевременна. Мотивы отказа звучали различно, однако основной причиной, как откровенно признавались мне в иных редакциях, были именно упомянутые здесь имена: частичное обнаружение той роли, какую сыграли в проведении названной операции некоторые по-прежнему влиятельные литературные деятели. А в одном журнале не стали и темнить: твердо брались напечатать, если имена этих деятелей будут сняты. А еще в одном и вовсе чуть-чуть было не напечатали: главный редактор, вначале решившись на это, в последний момент изъял статью из номера, уже подписанного к печати главлитом!

Прошу поверить: я отнюдь не жалуюсь и не обвиняю. Просто хочу констатировать тот факт, что и в условиях минувшего года, когда, как казалось, наверное, многим, гласность прорвала все плотины, обусловленная ею "возможность возразить" оказалась в данном случае весьма труднодостижимой, — даром, что "возражение" относилось к событиям почти двадцатилетней давности. Но если эта заметка в конце концов все же была опубликована (*Октябрь*, 1987, № 12), то попытка высказать несогласие с одним уже сегодняшним выступлением ряда "значительных лиц" нашей литературы потерпела полную неудачу.

Весной прошлого года, когда я бродил по редакциям, ища пристанища для статьи о последних днях старого *Нового мира*, в еженедельнике *Литературная Россия* (1987, 24 марта) появился развернутый отчет о заседании секретариата правления Союза писателей РСФСР. Заседании, можно сказать, историческом. Своеобразие его состояло в том, что едва ли не впервые за время перестройки здесь одна за другой раздавались речи, выдержанные в одной и той же мрачной тональности, проникнутые общим чувством раздражения по поводу процессов, протекающих в последнее время в советской печати, литературе, критике. Один из ораторов сравнивал нынешнее положение вещей с тем, какое создалось "в июле 1941 года, когда прогрессивные силы, оказывая неорганизованное сопротивление, отступали под натиском таранных ударов цивилизованных варваров", и пророчествовал, что "если это отступление будет продолжаться и не наступит пора Сталинграда (!) — дело кончится тем, что национальные ценности... будут опрокинуты в пропасть". Ему вторил другой: "Кое-кто сегодня хочет свалить все духовные ценности в яму, и закопать, чтобы и духу не было прежних наших завоеваний в культуре". "У нас сложилась беспокойная обстановка в писательских организациях России", — сетовал третий. "Бог знает, куда мы докатимся", — пугал четвертый.

Откуда, хотелось спросить, эта осень весной, эти угрюмые интонации и образы чуть ли не конца света: "пропасть", "яма", "могила"? Почему и десять, и пять, и три года назад, когда положение страны (литературы и критики в том числе) становилось все более удручающим, те же ораторы, как можно судить по тогдашним их выступлениям, пребывали в

отличном настроении? Почему оно так резко испортилось именно теперь — с первыми шагами гласности, демократизации, общественного обновления?

Ответ напрашивался сам собою. Называя вещи своими именами, заседание, посвященное обсуждению "задач писателей России в свете решений январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС", вылилось на деле в своего рода форум людей, раздраженных и обеспокоенных перестройкой. Конечно, слегка прикрытый фиговыми листочками дежурных "одобряющих" фраз, но в целом достаточно откровенный в этом своем качестве. Примечательно, что ни во вступительном слове, ни в докладе, ни в выступлениях в прениях, судя по отчету, ни слова не было сказано о том, как отразилась обстановка безгласности и застоя на деятельности руководства СП РСФСР и его печатных органов и что предстоит сделать теперь, чтобы это исправить. Более того, один из выступавших пустился в рассуждения о том, что "в литературе должна быть совершенно другая перестройка. Литература должна вызреть" и т.п., будто кто-то когда-нибудь предлагал перестраивать работу Союза писателей "так, как перестраивается завод".

Неожиданно ли было подобное выступление именно данной группы лиц? Для человека того поколения, которое помнило, какую роль играли многие из них во второй половине 60-х годов, когда затаптывался процесс демократизации, начатый XX съездом партии, это не было неожиданностью. Любопытная деталь: трое из ораторов, чьи речи с особой отчетливостью выявили общую тенденцию заседания (М. Алексеев, П. Проскурин, Н. Шундик), подписали в 1969 г. упоминавшееся "письмо одиннадцати", добивавшее *Новый мир* Твардовского, а четвертый (А. Софронов) напечатал его на страницах тогдашнего *Огонька*.

То, что литературные представители сил торможения выступили и с трибуны, и в печати, — это само по себе можно было бы только приветствовать. Во-первых, на то и гласность, чтобы любая общественно значимая точка зрения имела возможность себя заявить. Во-вторых, их выступление положило конец ложному впечатлению, будто все у нас "за" и процесс перестройки может пройти гладко, без сопротивления. Плохо было, однако, другое: как видно из отчета, на подобные речи никто не возразил. Не дали слова? Или при данном составе участников заседания даже и охотников не было возражать?

Как бы то ни было, я почувствовал себя прямо-таки обязанным это сделать, в частности и как член республиканской писательской организации, от имени которой выступали означенные товарищи. Выразив свое мнение в виде короткого письма в редакцию *Литературной России* (близкого по содержанию к тому, что здесь изложено), в сопроводительной записке на имя главного редактора высказал надежду на то, что и мне его газета не откажет в равных возможностях гласности.

Надо отдать должное, он ответил мне буквально в тот же день.

14.IV.1987

Уважаемый Юрий Григорьевич!

Ваше "Письмо в редакцию" мы опубликовать не можем, так как оно касается не собственно редакционного материала, а отчета о состоявшемся секретариате правления СП РСФСР. Дело другое, если бы в письме

шла речь об искажении чьей-то мысли на этом секретариате, неточности, ошибке, допущенной редакцией. Вы же выражаете несогласие почти со всеми ораторами, а по существу оспариваете позицию всего секретариата. В таком случае Вам следует апеллировать к вышестоящему органу, а именно — к правлению Союза писателей РСФСР.

С уважением М. Колосов,
главный редактор *Литературной России*

Не знаю, как вам, читатель, мне же этот ответ кажется очень интересным. "Не можем опубликовать" — почему? Может быть, потому, что письмо неграмотно, бессодержательно, нелогично, содержит оскорбительные выпады личного характера? Нет, на этот счет не высказано никаких претензий. Тогда в чем же дело? Первое объяснение, предлагаемое М. М. Колосовым, состоит в том, что оно "касается не собственно редакционного материала, а отчета". Но откуда взялось такое ограничение? Разве наша печать не публикует — притом в большом количестве — отклики на заседания и пленумы различных руководящих органов, на речи, которые там произносятся и с которыми мы точно так же знакомимся по газетным отчетам? Нет, тут явно что-то не так, и М. М. Колосов, сам чувствуя неубедительность этой части своего ответа, называет чуть ниже уже настоящую причину: мое "несогласие почти со всеми ораторами", попытку оспорить "позицию всего секретариата". Вот это уже другой разговор, и его имеет смысл продолжить.

Итак, мне с достаточной откровенностью было заявлено, что мой отклик не напечатан потому, что он — против. Что быть помещенным на страницах *Литературной России* он имел шансы при двух условиях: если бы одобрял позицию секретариата или, в крайнем случае, если бы сводился к какому-нибудь мелкому уточнению — не более того. "Несогласному" же указывалась единственная возможность — "апеллировать к вышестоящему органу".

Прекрасный совет, разрешающий все вопросы. Кроме одного: какое отношение имеет он к гласности? Гласность, выражающуюся в праве на публичное одобрение руководящих речей и решений, а с другой стороны, на апелляцию в вышестоящие органы, — такую-то гласность имели мы и до перестройки... Самое главное, чем показался мне замечательным и, как хотите, симптоматичным ответ редактора *Литературной России*, — это то, что весь он соткан из *старого* материала, из старых представлений и норм, новое же, то, что называется "эпохой гласности", не отпечатались здесь ни единым мельчайшим штрихом. Это не ответ журналиста-демократа, который видит свой долг в полном и адекватном выражении общественного мнения и для которого самой главной из вышестоящих инстанций является читатель, то есть народ: это ответ чиновника в вицмундире Департамента печати. Озабоченного лишь мнением начальства, а по отношению к материалам, которые с этим мнением расходятся, видящего свою обязанность в том, чтобы "отбивать" их, закрывать им дорогу в печать. Желательно — вежливо, со сколько-нибудь правдоподобной мотивировкой, а по возможности и с добрым советом... уводящим в пустоту.

Признаюсь, я не последовал этому совету. И потому, что уже стучался в подобные двери — с результатом, известным читателю. В данном

же случае аналогичный результат был бы predetermined еще более однозначно, чем в прежнем, поскольку правление — это в реальности тот же секретариат, которому, таким образом, пришлось бы судить самого себя. И потому, что убежден в справедливости принципа, на котором всегда настаивал Твардовский: с опубликованным в печати лишь в печати же и следует спорить. Толкнувшись без успеха туда-сюда, оставил эту затею. Однако урок, преподанный мне редактором *Литературной России* (наряду со всеми прежними и некоторыми последующими опытами такого рода), я, понятно, не мог не принять во внимание. На протяжении 1987 года при чтении нашей прессы меня еще не раз подмывало схватиться за перо¹. Но вспоминался М. М. Колосов (и конкретный, и, так сказать, символический) — и пропадала охота писать лишь затем, чтобы заставить его поломать голову над очередной вежливой отпиской.

Разумеется, я далек от того, чтобы на базе каких-то не совсем благоприятных личных впечатлений последнего времени ставить под сомнение как общий прогресс в сфере гласности, так и расширение ее в рассматриваемой плоскости — критики, полемики, словом, "возможности возразить". Это было бы противно всякой очевидности, в том числе и моему собственному авторскому опыту. Ведь как бы то ни было, а заметка о конце старого *Нового мира*, хоть и с десятой попытки, все же увидела свет, — три года назад об этом нельзя было и помыслить. И разве могла быть в те времена возможна та публикация читательских писем, к которой эта заметка была присоединена? Я говорю не об одобрительных откликах, хотя и они тогда были столь же невозможны, как и сама поддерживаемая ими статья о последней поэме Твардовского и общественных процессах 60-х годов. Меня интересуют сейчас именно письма-возражения, письма-протесты. Те, что не только автора, но заодно и редакцию обличают в таких смертных грехах, что, помещая эти письма, она, кажется, сама на себя доносит куда следует. Можно ли было раньше представить себе в печати что-либо подобное?

Нет, конечно. Но вот что при этом бросается в глаза: едва ли не в

¹ Так, например, меня почти как личное оскорбление задела статья Василия Рослякова "Реванш?" — в той же *Литературной России* (28 августа) и с тем же, что в цитированных речах на секретариате СП РСФСР, апокалиптическим восприятием первых шагов гласности и демократизации. Только выраженным в ином — этаком мрачно-ерническом — тоне ("Вот и дождались мы, слава труду, наших светлых дней"). Приведя, к примеру, строки Ахматовой:

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего погребального дня, —

автор комментировал их так: "Они — это пострадавшие. "Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список, и негде узнать". Теперь дело идет к тому, что появятся и отнятые списки, и все, все будут названы поименно". Это глумливое "пострадавшие", отнесенное к бесчисленному множеству невинно растоптанных в 1937—1938 годах человеческих жизней, мало с чем сравнимо даже в нашей, выдавшей всякие виды печати. Разве что с выраженной в той же статье готовностью оправдать "любую цену", которой сначала крестьянству, а затем и всему народу нашему на протяжении многих десятилетий, вплоть до сегодняшнего дня, пришлось оплачивать сталинскую государственно-феодалную подмену ленинского кооперативного плана. Велико было желание ответить этому... патриоту, которому — поскольку "Отчизна в общем-то всегда права и никогда не бывает виноватой ни перед кем" — не жалко человеческих слез и крови и не дорога "любая цена", благо не им она плачена...

каждом протестующем письме звучит один и тот же мотив — неуверенность в том, что оно может быть опубликовано. Или даже уверенность в обратном. О чем это говорит? Я думаю, не о чем другом, как о том, что хотя подобные публикации сегодня уже не редкость, нормой они все-таки далеко не стали. Захочет редактор поместить такое письмо — поместит, не захочет — ограничится в лучшем случае почтовым ответом. Никакой обязательности для него тут нет, как нет, соответственно, никаких гарантий для самого “протестанта”.

Поэтому, между прочим, если бы меня спросили: возможно ли было бы сегодня что-либо подобное инциденту, изложенному и разобранным в первой части статьи, — я, пожалуй, не решился бы ответить на этот вопрос категорически отрицательно. Конечно, нынче его герой поостерегся бы дать цитированное интервью. Но если бы он, паче чаяния, отважился на это, последующее развитие событий могло бы не так уж сильно отличаться от того, какое известно читателю. Во всяком случае в *Литературной газете* и в Союзе писателей. И не столько даже потому, что все, без исключения, действующие лица той давнишней истории и ныне пребывают в прежних социальных ролях (что тоже само по себе знаменательно). Главное — в том, что хотя уровень гласности заметно вырос, однако институт гласности и связанные с ним *общественные отношения* не претерпели пока что сколько-нибудь значительного изменения. А это значит, что вся та мерзость безгласности и заведомого обмана, круговой поруки и наглого произвола, которая с прямо-таки художественной законченностью выразилась в этой истории, — вся эта старая мерзость лишь немного притихла, но в основаниях своих остается нетронутой. И она по-прежнему в силе, по-прежнему, хотя уже не так безраздельно, как вчера, распоряжается судьбами людей, судьбами той же гласности.

Что же, конкретно говоря, препятствует и сегодня свободному осуществлению гласности? Что ограничивает для нас с вами “возможность возразить”?

Попытка полного ответа на этот вопрос потребовала бы анализа всей нашей системы печати — задача, далеко выходящая за рамки статьи, основанной на личном опыте пишущего эти строки. Но и оставаясь в общем в пределах рассмотренного материала, нельзя пройти мимо некоторых бросающихся в глаза обстоятельств.

Одно из них состоит в том, что “возможность возразить” в известной мере лимитирована уже самим “рангом” издания. Так, например, районная газета, как правило, не может допустить на своих страницах ни сколько-нибудь серьезного спора с газетой областной, ни критики районного комитета партии, ни просто даже полемики с каким-либо выступлением секретаря райкома. Хочешь с этим выступить в печати — пиши в областную газету; хочешь критиковать обком — обращайся в *Правду*: авось тебе повезет и, извлеченная из тысяч приходящих туда писем, твоя полемическая заметка попадет на страницу главной газеты страны. Только велики ли шансы, даже теперь, когда подборки читательских писем печатаются гораздо обильнее, чем прежде?

Сказанное имеет отношение и к более общей ситуации нашей печати: к зависимому положению обеих ее главных фигур — Автора и Редактора. Автор (если только он не из тех, кого Редактор выходит встречать к подъезду) целиком зависит от Редактора, облеченного властью решать,

печатать его рукопись или нет. В свою очередь Редактор отвечает за свою деятельность не столько перед читателем (лишь морально), сколько — практически и материально — перед своим начальством, то есть прежде всего перед руководством того государственного или общественного института, органом которого является возглавляемый им журнал или газета. Именно эти люди его назначили (или, по крайней мере, представили к назначению), они же могут его и сместить (или, по крайней мере, сделать так, что он будет смещен). И не только могут, но даже чуть ли не обязаны так поступить, если он выкажет по отношению к ним какую-то самостоятельность и нелояльность¹. В свою очередь степень свободы Редактора, естественно, отражается на его взаимоотношениях с Автором, в том числе и на предоставляемой им последней возможности возражать и критиковать.

Вот почему, признаться, я не испытывал почти никаких личных чувств к М. М. Колосову, не позволившему мне публично возразить руководящим деятелям СП РСФСР. В качестве служащего он поступил самым обычным и нормальным образом (хотя *сегодня*, конечно, *мог бы* поступить и иначе). Точно так же меня ничуть не удивляло поведение тех редакторов, которые по сходным причинам один за другим отклоняли заметку о том, как добивали Твардовского-редактора. Более того, допускаю, что подобное решение могли принимать люди, в нравственном отношении весьма различные. И те, кто озабочен лишь собственным преуспеянием, и те, кого к сугубой осторожности побуждало нежелание слишком сильно рисковать *делом*, соединяющим в себе усилия и творческие судьбы многих людей. В качестве лиц служебно зависимых — притом не только от своего "официального" непосредственного начальства, но и от закулисно связанных с ним могущественных элитарных групп — они поступили так, как десятилетиями приучал их поступать сложившийся порядок вещей. Тот порядок вещей, в рамках которого печать с течением времени рассматривалась все больше как орган государства, все меньше как орган общества, все больше как инструмент руководства массами и все меньше, до минимума, как выражение их собственных мыслей и чувств, неофициального "мира мнений".

В свете всего предыдущего — вопрос: а может ли быть иначе? Не чуть-чуть, а существенно иначе, и не где-то там, в иные времена и в иных землях, а у нас и при нас?

Тот или иной ответ — прямое производное от возможностей и перспектив демократизации, перестройки.

3

Чтобы демократизация не осталась добрым пожеланием, она должна быть обеспечена организационно. Нужны целеустремленные и настойчивые поиски таких организационных форм, которые дали бы возможность сделать этот процесс, во-первых, достаточно интенсивным (ибо демократизация по чайной ложечке и "от сих до сих" явно не даст желаемого эффекта и вновь легко может стать фиктивной), во-вторых, само-

¹ В 1939 г. ЦК ВКП (б) специальным постановлением снял со своего поста одного редактора, допустившего на страницах областной газеты полемику против обкома, а самому обкому указал на недопустимую терпимость к такому факту.

движущимся, не зависящим от того, сколь часто и сильно подталкивается он сверху. Это относится и к такому инструменту демократии, как гласность. Необходимо безотлагательно выработать комплекс организационных мер, которые позволили бы превратить ее из щедрого, но случайного подарка судьбы в повсеместную и устойчивую норму.

В этой связи — два практических предложения, общая цель которых — уменьшить отмеченную выше зависимость Автора и Редактора.

1. Нужно сделать так, чтобы каждый гражданин Советского Союза мог при желании печатно оспорить любую публикацию прессы, не спрашивая на то чьего бы то ни было согласия.

Как бы это могло выглядеть? В каждом журнале и газете создается постоянный раздел "Полемика", достаточного фиксированного объема, где с корректорской и минимальной стилистической правкой, но без какой-либо иной редакции печатаются полемические отклики на любые публикации, появившиеся в этом издании. При наличии таких откликов редакция не может занимать отведенную им площадь никаким другим материалом. Вместе с тем она не отвечает за содержание данного раздела и следит лишь за тем, чтобы каждый из помещаемых в нем материалов не выходил за рамки установленного объема (скажем, не более трех страниц на машинке) и не заключал в себе чего-либо противозаконного (например, призывов к насилию, личных оскорблений, оскорблений национального или религиозного чувства, непечатных выражений и пр.). Отклики, не отвечающие этим требованиям, попросту возвращаются авторам с мотивировкой отказа в их публикации. Кроме названных причин, основанием отказа может быть только бессодержательность или невнятность отклика, а также совпадение его по содержанию с каким-либо ранее опубликованным. При наличии подобных однотипных откликов редакция может напечатать один из них, сопроводив его полным перечнем остальных корреспондентов, выразивших ту же точку зрения. Разумеется, существование такого раздела не лишает редакцию права печатать (вне его) как положительные отзывы на свои публикации, так и прямую полемику с собственной "Полемикой". Равно как и более развернутые критические выступления на те же темы — уже с обычной редактурой.

Особый статус названного раздела, его, так сказать, экстерриториальность в журнале или газете можно подчеркнуть безгонорарностью и, более того, платностью совершаемых в нем публикаций — примерно на тех же основаниях, как оплачивается подача объявлений, по особой таксе, в зависимости от объема.

Два вопроса. Как быть, если в каком-либо журнале или газете приток разнообразных по содержанию полемических откликов окажется устойчиво превышающим возможности предлагаемого раздела? И как распространить это предложение на книги и брошюры? Выходом представляется создание, помимо упомянутых разделов в периодике, специального всесоюзного издания такого же характера и назначения, лучше всего — еженедельника и, возможно, под тем же названием "Полемика". Оно же могло бы печатать материалы различных дискуссий на актуальные общественные темы, регулярные социологические исследования общественного мнения на основе полемических откликов в печати. При нем мог быть создан специальный арбитраж, разбирающий случаи необоснованного, по мнению авторов, отказа в опубликовании тех или иных полемических материалов.

Предложенная мера носит, конечно, частичный характер, но в случае последовательного проведения в жизнь — а что может этому помешать, кроме противодействия тех, кто не заинтересован в гласности, в демократизации? — она могла бы иметь весьма сильный и многосторонний эффект. Во-первых, уж тогда-то появление в печати чего-либо, подобного интервью М. Алексеева, было бы, пожалуй, полностью исключено, — а как бы одно это обстоятельство очистило атмосферу! Во-вторых, печатное слово, на которое любой может тут же печатно возразить, — оно и в целом с неизбежностью должно было бы стать гораздо взвешеннее, ответственнее, точнее. Насколько бы это повысило доверие к прессе, а значит и ее эффективность, силу ее воздействия на массы! В-третьих, — и это, может быть, самое главное, — человек, который знает, что в случае необходимости он может заявить о своем несогласии и будет услышан, — насколько больше он имеет внутренних оснований для социальной активности и уважения к себе для того, чтобы чувствовать себя (а значит и быть) человеком, гражданином!

2. Второе предложение — более общего порядка. Смысл его состоит в том, чтобы печать, которая в обозримый исторический период призвана у нас сыграть роль одного из главных двигателей процесса демократизации, — чтобы она сама стала более демократичной, менее официальной. Речь не о тех или иных способах ее внешнего “оживления” и “утепления”, — всего этого немало и сейчас. Речь идет о затронутой выше идейно-творческой самостоятельности органов печати и о том, что ее ограничивает, — об их административной подчиненности.

Сейчас у нас что ни газета, то орган каких-то руководящих — в сфере ее распространения — инстанций, целиком им подчиненный: районная — райкому и райисполкому, областная — обкому и облисполкому, “Медицинская” — Министерству здравоохранения и т.п. Так же обстоит дело и с подавляющим большинством журналов. Но почему, спрашивается, наши журналы и газеты должны почти обязательно носить какой-нибудь ведомственный или местнический мундир? Почему, к примеру, та же *Литературная Россия*, редактор которой в описанном выше случае столь красноречиво пренебрег гласностью в пользу субординации, — почему она не просто литературная газета, но “орган правления Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации”? И почему, скажем, *Москва*, *Наш современник* или *Октябрь* — органы того же республиканского союза, а *Новый мир* или *Знамя* — СП СССР? В чем смысл этой разницы и почему вообще как те, так и другие являются органами чего-то, а не просто литературными журналами? А с другой стороны, почему у каждого названного союза должно быть по “своей” газете и по несколько журналов? Разве в них печатаются только или хотя бы в основном члены Союза писателей? Или по крайней мере пользуются здесь какими-то узаконенными преимуществами перед “несоюзными” авторами? Нет, таких привилегий, слава богу, не существует. В чем же дело? Как-то не видно тут никакого иного резона, кроме того, чтобы над каждой газетой и почти каждым журналом было какое-то “свое” начальство, которое бы за ними надзидало и не давало бы им слишком много воли.

Но если это так, то не вреден ли этот порядок, оставшийся нам в наследство от сталинских времен, не противен ли он духу демократизации?

Конечно, нужны и официозы, то есть периодические издания, призванные в наиболее адекватном виде выражать как общую политическую линию партийно-государственного руководства, так и позиции его по тем или иным конкретным вопросам текущей жизни. Такие издания, естественно, должны быть официальными органами представляемых ими государственных или общественных организаций. Но одно дело — существование ограниченного круга подобных изданий (*Правда*, *Известия*, *Комсомольская правда*, *Труд*, *Красная звезда*, ведущие газеты в союзных республиках, некоторые центральные журналы, например, *Коммунист*, *Ведомости Верховного Совета СССР* и пр.), и совсем другое дело — та “сплошная официализация” прессы, внешним выражением которой является словечко “орган”, почти обязательно следующее за названием сотен и тысяч издающихся у нас газет и журналов. Она не приносит нашему обществу ничего, кроме вреда.

Предвижу вопросы и возражения со стороны тех читателей, для которых сложившийся порядок вещей представляется единственно правильным, единственно возможным. Дескать, как же это так, если, скажем, областная газета перестанет быть органом обкома и облисполкома? Не приведет ли это к ослаблению партийного руководства печатью? И не утратит ли она в таком случае свою роль коллективного пропагандиста, агитатора и организатора, — как обычно формулируются у нас, со ссылкой на Ленина, задачи прессы?

По-моему, совсем напротив: не утратит, а приобретет. В том-то и беда, что чем более официальной, замундиренной и зависимой становилась наша пресса, тем менее пригодной оказывалась она к действительному, неформальному выполнению таких задач. Чем больше и дольше она — на этот свой казенный лад, то есть равнодушно и фальшиво, — пропагандировала и агитировала, тем большее число людей отталкивала от провозглашаемых ею идеалов — кого в церковь, кого в вещизм, стяжательство и карьеризм, кого в пьянство и наркоманию, а всех вместе — в нравственное опустошение и общественную пассивность. Не одна она, конечно, это делала, но и ее вину не следует преуменьшать. И чем больше заявляла она организаторских претензий, то указывая колхозникам, когда им пахать и сеять, то обличая отстающих по удоям молока или по выплавке стали, тем шире разливалась и уже накрывала нас с головой стихия бесхозяйственности, бюрократизированной анархии производства.

Без самостоятельности нет позиции, а без позиции, без собственного взгляда на вещи не может быть ни убедительной пропаганды, ни горячей, увлекающей агитации, ни сколько-нибудь действенного организующего эффекта. В свою очередь газета или журнал с позицией, с самостоятельно выработанным направлением — они-то и убеждают, и увлекают, и воспитывают, и собирают вокруг себя единомышленников, даже если (как тот же *Новый мир* Твардовского) не прилагают к этому никаких специальных усилий.

Что же касается партийного руководства печатью, то весь вопрос в том, как его понимать. Если понимать его как надзорительство и командование, если рассматривать журналистов в качестве “подручных партии”, по выразительному определению Хрущева, то в таком случае нам от системы “органов”, от нынешней иерархической подчиненности печати отказываться нельзя. Если же видеть в печати инструмент демократии,

одну из основных форм осуществления социалистического самоуправления народа, а партийное руководство этими процессами мыслить как руководство *политическое*, то есть идейное, то его успех только затруднялся бы административным подчинением газеты или журнала тому или иному партийному комитету. Тут нужны тогда совсем иные взаимоотношения, и в таком случае уже вовсе не обязательно тому же обкому и облисполкому иметь "свою" газету, — достаточно и того, что в местной газете у них может быть свой постоянный отдел.

Итак, поменьше "органов", побольше просто журналов и газет, разнообразных по своему характеру и направлению, свободных от подчинения ведомствам или местным властям! Вполне разделяю в этом отношении общую мысль читателя *Огонька* (1988, № 2) инженера Ю. М. Карбовского, выраженную им, правда, в несколько робкой и половинчатой форме: "Быть может, следует создать Ассоциацию работников средств массовой информации при Совмине СССР и все органы информации сделать органами этой Ассоциации, выведя их из прямого исключительного подчинения инстанциям на местах." Едва ли правильно было бы пытаться удержать, хотя бы в таком ослабленном виде, бюрократический принцип официальности и зависимости печати, заменяя у нее над головой одно непосредственное начальство другим, да еще специально для этого созданным. Почему обязательно "орган"? Пример самого *Огонька*, одного из, правда, немногих наших журналов, не являющихся ничьим органом, за последние пару лет убедительно свидетельствовал в пользу вневедомственной прессы. А между тем разве тот же *Огонек* существует вне сферы партийного руководства и контроля?

Может возникнуть, однако, и такой вопрос: а не потерял ли я под конец свою тему, не уклонился ли, — толкуя об "официализации" нашей прессы и о том, как ее преодолеть, — от рассмотрения "возможности возразить" и обусловливающих ее обстоятельств? Думаю, что нисколько. Ведь, как уже отмечалось, возможности критики в печати тех или иных явлений и лиц, предоставляемые Автору Редактором, находятся в прямой зависимости от того, насколько он сам свободен и самостоятелен в своих решениях. А это в свою очередь непосредственно связано с проблемой "органа", его административной подчиненности и, шире, с общим социально-правовым положением печати. Как ни важно иметь в газете или в журнале специально выделенный раздел, куда могли бы безо всяких помех выплескиваться непросеянные и непричесанные критические мнения и оценки читателей, все же это была бы только маленькая форточка, постоянно открытая свежему воздуху гласности. А надо распахнуть ему все окно.

Тогда не потребуются с сотнями и тысячами сугубо местных конфликтов и проблем обращаться не иначе как в *Правду* или *Известия*. И тогда, можно надеяться, М. М. Колосов, обретя независимость по отношению к Союзу писателей РСФСР, перестанет на каждом шагу оглядываться на "вышестоящие инстанции", почувствует себя наконец не чиновником, а журналистом...

Было бы желательно, чтобы в готовящемся Законе о печати, принятие которого — одна из первоочередных современных нужд, поднятые вопросы получили полное, последовательное демократическое разрешение.

Конечно, в каком-то предельном смысле возможность возразить есть всегда. Возражали все наши истинные демократы и революционеры, начиная с Радищева и Герцена. В годы минувшего безвременья возражал Твардовский – и своим журналом, и своей последней поэмой. Возражали своими песнями Окуджава и Высоцкий. Возражал академик А. Д. Сахаров... Но общество, внутренне здоровое или по крайней мере жаждущее оздоровления, не может допустить, чтобы эта возможность оставалась горькой привилегией самоотверженных одиночек. Она должна быть открыта и обеспечена каждому. Без этого нельзя жить.

ПЕРЕСТРОЙКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

В последнее время не только в нашей стране, но и повсеместно повышается интерес к прошлому, к истории. Для этого много причин. Одна из них связана с тем, что наш мир становится все более хрупким и уязвимым, и у человека, где бы он ни жил, нарастает ощущение уходящей из-под ног почвы. Вызвано это и сгущением ядерной угрозы, реально нависшей над миром, и обострением экологических проблем, и нарастанием социальных проблем, ощущаемых уже глобально, и т.д. и т.п. И тут, как заметил французский историк П. Нора, в условиях усиливающейся неуверенности всем хочется "ощущать на сапогах побольше прилипшей к ним земли прошлого", т.е. чувствовать себя потверже стоящими на земле. Один из способов для этого, а их не так уж много, — это обращение к историческим корням: только ощутив ниточки связей, тянущихся к нам из прошлого, можно почувствовать себя устойчивее в нынешних условиях.

Но у нас в стране есть и свои, особые причины повышенного интереса к прошлому. Они умножились с весны 1985 года — с началом периода, который все мы связываем с перестройкой нашего общества.

Вступление на путь радикальных преобразований, совпавшее с 70-летним юбилеем Октября, заставляет всех нас задуматься, осмыслить пройденное и достигнутое. Несмотря на все пережитое обществом до сегодняшнего дня, в нем сохраняется присущее нашим людям духовное единство, питаемое испульсами, которые исходят из Октября 1917-го... И вместе с тем, несмотря на огромные усилия, порой, казалось бы, просто нечеловеческие; несмотря на упорный труд нескольких поколений советских людей; несмотря на огромные жертвы, у нас не получилось социализма в том виде, каким он представлялся Ленину и ленинской гвардии в 20-х годах. Именно поэтому после 70 лет строительства социалистического общества мы пришли к выводу о необходимости наше общество перестраивать. Не случайно же мы говорим о революционном характере перестройки. Отсюда сложность первого вопроса: почему мы строили так, что теперь надо перестраивать?

И если в ходе этого строительства мы свернули с пути, открытого Октябрем, то надо знать, где, когда, почему, при каких обстоятельствах это произошло.

Вопрос, как видите, не простой. Он затрагивает сущность нашего общежития, и на него историкам предстоит ответить, а самое главное —

предстоит еще осознать значимость этого вопроса и наличие его, этого вопроса, в нашем общественном сознании.

Пока что он формулируется по-разному. Высказываются разные точки зрения, порой полярные. Одни считают, что утвердившееся и ставшее реальностью в СССР общественное устройство, именуемое иногда "сталинизмом" (не будем здесь вдаваться глубоко в правомерность этого термина), было логически наиболее рациональным и даже триумфальным завершением Октябрьской революции, что никакой альтернативы этому пути не было. Другие утверждают, что такая историческая альтернатива существовала и что в 20-е годы она была представлена мощными силами, выразителем которых был Н. И. Бухарин.

Возможно, если бы мы более углубленно занимались исследованием — теоретически и конкретно-исторически — этих проблем, мы, наверное, лучше бы представляли себе и иные не реализованные в прошлом направления развития нашего общества. Это, в свою очередь, ставит перед нами более общий вопрос об альтернативности, вариантности истории, о необходимости избавления от нашего догматизированного исторического материализма, который представляет весь путь после Октября как прямолинейный процесс, управляемый априорными, заранее определенными "законами".

Осознание вариантности истории имеет большое значение и для самоориентации человека в настоящем. Ведь альтернативность — это не просто "или — или", это еще и постоянный выбор. Применительно к перестройке, например, это означает, что она есть выбор, сделанный уже, она — альтернатива сталинизму, застойности, беззаконию, коррупции. Но и в рамках этого уже сделанного выбора должно жить опять-таки только непрекращающимся выбором. Ведь сама перестройка — это не нечто заранее данное и навсегда определенное. Это всего лишь как бы общие рамки демократизации страны. Внутри этих рамок возможны разные выборы, которые, в свою очередь, будут определять природу этого процесса. Именно потому сегодня так важна полифония голосов, даже если они звучат диссонирующе. Важна сама возможность выражения разных идей, проектов, предложений, платформ в разных по направленности, отличающихся друг от друга типах изданий (в том числе, возможно, и в независимых, не являющихся обязательно чьим-то "органом").

Только открытое соревнование самых разнообразных идей может порождать свободный, демократический выбор путей углубления перестройки. Именно здесь и сливаются история и политика, прошлое и настоящее.

Таковы причины нынешней острой актуализации проблемы альтернативности истории, категории "выбора" как важнейшего элемента исторического становления. Для решения этих важнейших проблем, ранее не встававших перед нашим обществоведением с такой силой, в таких формах, как сегодня, требуется не только мужество, но и глубокие научные исследования, основанные на анализе исторических материалов.

Важно разобраться и в том, почему не удалась первая попытка перестройки нашего общества и его демократизации, предпринятая XX съездом КПСС и после него, какие силы блокировали перестройку к середине 80-х годов, почему критика так называемого культа личности Сталина оказалась тогда неполной, непоследовательной, а общественные структуры, которые сформировались в сталинские времена, возобладали

вновь, и то же самое явление — сталинизм — продолжало существовать в модифицированной форме еще десятилетия — до апрельского (1985 г.) Пленума ЦК партии. Да ведь и сейчас — разве можно сказать, что многие из этих структур уже в прошлом?

Эти вопросы социально-исторического характера нельзя оставить без ответа, если мы хотим успешно осуществить перестройку. Надо четко представлять, что же подлежит перестраивать из того, что сформировалось в нашем обществе за время после Октябрьской революции. Значит, ретроспективный взгляд подразумевает подчинение обозрения нашего прошлого успешному движению общества вперед.

Никуда не уйти нам и от нравственных проблем. Ведь такое явление, как сталинизм, связано с преступлениями, с колоссальными жертвами; его надо переосмыслить, преодолеть — и не только с помощью разума. Мы как бы вступаем в нравственный диалог с теми, кто жил в 30-е годы, кто жил после них, пытаемся их понять и на этой основе лучше представить себе, кто же мы сами есть такие? Иначе говоря, для успешного осуществления перестройки нам необходимо пройти и через нравственное испытание. Нам никуда не деться от национального покаяния — это у нас еще впереди (я имею в виду не единовременный ритуал, а нравственное самоочищение каждого человека и общества в целом). А обрести здоровое нравственное самоощущение тоже нельзя без всестороннего и глубочайшего знания того, что было в давней и недавней нашей истории.

Необходимость полного, объемного сознания прошлого во всех его противоречиях сформулирована и в документах партии, она выражена добровольно и большинством нашего общества. Ряд обществоведов уже приступил или приступает к решению этой задачи (правда, все мы, конечно, знаем, что историки и обществоведы в этом смысле оказались не в первых рядах, существенно уступив первенство литературе, публицистике, кинематографу, живописи даже...). В последние годы все настойчивее в обществоведческих публикациях реализуется любимый афоризм Маркса: "Подвергай все сомнению". И многое из того, что раньше принималось как символ веры, теперь ставится под вопрос.

Вот несколько примеров.

Мы привыкли считать, что у нас утвердилась общественная собственность. А является ли общественной та форма собственности, которую мы привыкли считать таковой? И одно ли и то же — общественная и государственная собственность?

В качестве важнейшего достижения в развитии нашего общества считается ликвидация частной собственности. А ликвидирована ли она на самом деле? Как, например, ответить Л. Карпинскому, обосновывающему идею, что мы имеем перед собой вставшую на дыбы частную собственность, проявляющуюся в форме собственности на функцию, на кресло, на должность?..

Что ответить на ряд публикаций экономистов, историков, социологов, считающих, что исторически первой и наиболее продолжительной формой реализации идеи социализма стало утвердившееся у нас общественное устройство, определенное Марксом как "грубый" или "казарменный социализм"? Авторы этих работ вслед за Марксом считают: воздействие всеобщей частной собственности на казарменный или грубый коммунизм так велико, что оно стремится уничтожить все, чем на нача-

лах частной собственности не могут обладать все; отсюда — тотальное подавление личности, органическое отторжение талантов (вспомним знаменитую формулу “незаменимых нет”). Отсюда — и то обстоятельство, что общество в целом на этой стадии (социализм такого типа) как бы обозлено невозможностью обретения собственного лица...

Правы ли Т. Заславская, Л. Карпинский, А. Бутенко и другие общественеды, утверждающие, что в 30-е годы у нас (в частности, с коллективизацией по-сталински) произошло отчуждение труженика от собственности, крестьянство как класс было ликвидировано, а крестьяне превратились в разновидность служащих у государства — иногда за зарплату, а иногда и вообще ни за что?..

Такие и иные поиски и размышления, казалось бы, вполне естественны для нормального состояния общества, для развития общественных наук: ведь важно попытаться переосмыслить весь пройденный за 70 лет путь. Однако некоторым эта естественная процедура познания кажется жуткой: из-за этого в определенных кругах появилось стремление приостановить поиски истины, прекратить такой процесс. Об этом свидетельствуют выступления ряда общественедов, писателей, публицистов на конференциях (в частности, на прошедшей в мае встрече историков и литераторов в АОН при ЦК КПСС), ряд публикаций, появившихся в центральной прессе (особенно в газете *Советская Россия*, больше других отличающейся до последнего времени стремлением спасти сталинизм). Наиболее характерной и показательной в этом отношении стала публикация пресловутого письма в редакцию Н. Андреевой — настоящего политического манифеста против перестройки, основанного одновременно и на фальсификации, и на догматизации истории.

Но столь откровенные, грубые выпады все-таки довольно редкие явления. У противников перестройки есть и более отточенное оружие. Это прежде всего практика полуправды, такие публикации и выступления, в которых тонко учитывается психология определенной категории современных читателей. В нашем обществе вообще накопилась огромная потребность в исторической правде: люди поняли, что их прошлое не было таким, как оно представлено в учебниках. Большинство настроено на восприятие новой информации, и вот под влиянием ложно понятого патриотизма некоторые консервативные авторы встают в позу защитников нашего “славного прошлого”, которое другие, с точки зрения этих авторов, якобы хотят “очернить”. Правда, такие авторы, пытаясь идти в ногу со временем, готовы пойти на легкую косметическую операцию нашей истории. Например, говоря о Троцком, Зинovieве, Каменеве, они несколько разряжают ряд обычно употреблявшихся в прошлом убийственных эпитетов. Однако общий мрачный фон их оценок в принципе остается неизменным. Остались нормой и прежние умолчания о наиболее существенных процессах, фактах и событиях, которые только и способны точно и полно представить прошлое в его полноте.

Троцкий, например, в их неоконсервативной трактовке теперь уже не агент иностранной разведки. Он вступал в партию большевиков в 1917 г. не для того, чтобы подорвать ее изнутри. Он даже был, оказывается, талантливым оратором, занимал высокие должности в 1917 г. и во время гражданской войны. И все же суть этих публикаций — не в продвижении к совокупной правде, а в стремлении удержать в сознании советских людей образ “врага народа” с помощью вроде бы “уточненно-

го" образа Троцкого. В конечном итоге воспроизводится все та же сталинская схема в оценке этой неординарной, как считал Ленин, политической фигуры, безусловно более сложной, чем та, что представлена привычной схемой из "Краткого курса истории ВКП (б)".

То же самое делается и в отношении Каменева и Зиновьева. Они теперь не преподносятся, как и Троцкий, в качестве злоумышленников, которые только и делали, что пытались навредить делу Октябрьской революции и построения социализма в нашей стране. Действительно, в жизни ведь все было гораздо сложнее. Известно, например, что против "Апрельских тезисов" наиболее активно и убедительно выступал именно Каменев. Но вот на Апрельской конференции вносится предложение избрать его в состав ЦК. И вносит это предложение не кто иной, как Ленин. Аргументирует он свое предложение тем, что Каменев обычно очень трудно в чем-то убедить — тот всегда занимает свою позицию. Но по тому, какую позицию Каменев занимает, в чем сомневается, — будет виднее, утверждает Ленин, как трудно убедить, завоевать на свою сторону те социальные слои и группы общества, чаяния которых Каменев выражает: именно поэтому и необходимо его присутствие в составе ЦК. Еще пример. В 1917 г., после известного выступления Каменева и Зиновьева в *Новой жизни*, они, как у нас утверждалось, были отстранены от активной политической работы. Но оказывается, Каменев принимал участие в заседании ЦК 24 октября и вносил предложение создать запасной штаб вооруженного восстания. Предложение это после дискуссии было принято. О том, что такое предложение было внесено, в нашей литературе говорится, но о том, что это было сделано Каменевым, — обязательно умалчивается, и даже в самых последних публикациях.

Все это совершается в строгом соответствии со сталинской логикой восприятия и интерпретации событий. Согласно этой логике, Каменев и Зиновьев как штрейкбрехеры никак не могли принимать участия в работе ЦК и вносить предложения, направленные на успех Октябрьского вооруженного восстания. Но тогда непонятно, почему на следующий день после вооруженного восстания Каменев становится первым президентом Советской республики — председателем ВЦИК. Не случайно же этот факт из нашей истории скрывался многие десятилетия. Однако если руководствоваться не сталинской, а ленинской логикой, то все встает на свои места. Ленин говорил, что меньшевизм Троцкого, равно как и октябрьский эпизод Каменева и Зиновьева нельзя вменить в вину им лично. Другими словами, Ленин рассматривал эти факты из биографий своих товарищей как проявления противоборства различных социальных сил, как проявление противоречий, имевших место в ходе революции. Он считал, что объяснять те или иные позиции политических деятелей только их личными качествами нельзя, — их надо объяснять, исходя из того, какие политические и социальные силы эти люди олицетворяют.

В публикациях, выдержанных в духе полуправды, вырисовывается по-прежнему ложная картина внутриполитической борьбы в партии в 20—30-х годах. А вся сталинская версия борьбы с уклонами остается, по существу, без изменений.

То же самое можно сказать и по поводу некоторых публикаций о коллективизации. (К сожалению, это относится и к публикации в *Советской России* от 11 октября 1987 г. статьи В. П. Данилова — историка, который очень многое сделал для утверждения правды о коллективиза-

ции и вызывает у меня глубокое уважение.) В некоторых из таких статей приводятся новые, ранее мало известные факты, меняются некоторые оценки. Вырисовывается общая не столь оптимистическая, как бывало, картина. Тем не менее, из них по-прежнему вытекает, что коллективизация в целом была продолжением и реализацией ленинского кооперативного плана. Хотя на деле она представляла собой — и это мы знаем опять-таки во многом как раз благодаря Данилову — нечто совершенно иное: коллективизация по-сталински перечеркнула ленинский кооперативный план, она стала первым наиболее крупномасштабным преступлением сталинского режима. В ходе коллективизации были впервые осуществлены массовые репрессии. Голод в 1932 г., вызванный этой акцией, унес миллионы человеческих жизней. В ходе коллективизации были впервые, и снова наиболее крупномасштабно, извращены ленинские принципы построения социализма: покончено с новой экономической политикой — изначальной основой социалистического строительства. Умалчивать об этом — значит ограничиваться полуправдой.

В последнее время появился и отрабатывается еще один прием — попытка создать в общественном сознании советских людей эдакий образ-гибрид, политический симбиоз, состоящий из двух половин: “с одной стороны — с другой стороны”. С одной стороны — массовые репрессии и преступления, с другой — каждодневная радость и рекорды. И никакого очернительства нашего славного прошлого!

Со “славным” можно было бы согласиться, если бы к этому добавить, что оно было таковым и со знаком “плюс”, и со знаком “минус”. Действительно, были стахановские и другие рекорды (хотя сейчас мы и с этим начинаем разбираться поглубже), но был и несомненный “рекорд” по убийству своих, который, как мне кажется, превзойден разве что Пол Потом, да и то лишь в относительных, но не в абсолютных величинах.

Что же до патриотизма, к которому часто взывают неоконсерваторы, то настоящий патриотизм должен быть пронизан светом критического разума и демократическими убеждениями. Иначе он превращается в нечто вредное для блага общества и страны, в предрассудок и даже в мракобесие. Один из самых замечательных патриотов в истории России — Петр Яковлевич Чаадаев. Его сочли клеветником и, как теперь сказали бы, очернителем, объявили сумасшедшим, запретили печататься. Тогда он написал “Апологию сумасшедшего”. И вот что было ясно Чаадаеву еще полтора года назад (в России эти слова были напечатаны только в начале нашего века, и их приходится втолковать кое-кому до сего дня): “Больше, чем кто-нибудь из вас, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа. Наверное, патриотическое чувство, воодушевляющее меня, не совсем похоже на то, чьи крики нарушили мое существование. Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее. Я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны Родине истиной”. Это было сказано где-то в середине 30-х годов прошлого столетия, но останется в силе, думается, навсегда.

Арифметическое сложение из “с одной стороны — с другой стороны”, конечно, никогда не будет способствовать синтетическому постижению прошлого. Здесь необходимо нечто гораздо большее. Преодолеть

прошлое — значит понять его, сделать своим, пропустить через себя, вступить в диалог на равных со всеми, со всеми без исключения, с “хорошими” и с “плохими” нашими предками. А это значит: свершить нечто вроде коллективного морального очищения. И мы, конечно же, не сможем продвинуться вперед, если вместо ползучих, постепенно и как бы свершаемых тайно, на брежневский манер, попыток реабилитировать Сталина, а вместе с тем реанимировать и сталинизм, будем сейчас, как некоторые это пытаются сделать, возлагать всю ответственность за наше общенародное горе только на одного Сталина.

Так Д. Волкогонов в статье, опубликованной в *Литературной газете*, сделал заявку на постижение “феномена Сталина”. Он, в частности, обращает внимание на то, что Сталин был, может быть, не вполне психически здоровым человеком, что у него были отклонения от нормы. (Другие исследователи пытаются сейчас во что бы то ни стало доказать также, что Сталин был агентом царской охранки.) Прояснение истины и в этих конкретных фактах тоже необходимо. Но не уводят ли нас такие изыскания в сторону от сути проблемы? Какой концептуальный смысл во всех этих изысканиях? В них, на мой взгляд, просматривается намерение представить Сталина человеком коварным, психически нездоровым, с низкими моральными и интеллектуальными качествами, со всевозможными грехами. И вот итог: Сталин, конечно, нанес ущерб, он, конечно, совершал преступления и тем самым омрачил светлый образ, дискредитировал идею социализма. Но сама система — она ни при чем. Все наши беды — в личных качествах вождя... Если сформулировать четко: многие хотели бы пожертвовать Сталиным во имя спасения сталинизма. А это и значит обойти самую суть проблемы, уйти от вопроса: в какой мере Сталин был творцом и в то же время продуктом системы, консолидировавшейся за время его нахождения у власти?

Я думаю, что без ответа на этот вопрос мы далеко продвинуться не сможем, неизбежно вернемся к тому, чем печально закончил Хрущев. Ему тоже казалось, что от наследия Сталина можно избавиться таким языческим актом, как вынесение его праха из Мавзолея, либо разоблачением его личных качеств и действий, в том числе и преступных. Но на таком уровне мы ни Сталина, ни сталинизм не смогли тогда понять. А не поняв — не смогли его преодолеть. Так что нам неминуемо придется углублять постижение тех экономических, социальных и духовных структур, которые сделали возможным этот “феномен”. А в этом направлении пока продвижение идет очень и очень медленно. Хотя именно здесь, как мне кажется, проходит грань между нашим теперешним подходом к прошлому и тем, что имело место во время хрущевской оттепели.

Итак, сегодня есть объективная потребность, выраженная на разных уровнях — и партийно-правительственном, и научно-публицистическом, — более глубоко и всесторонне познать наше прошлое, а с этим — и самих себя с целью наиболее успешного и полного осуществления перестройки. Обществоведам надо интенсивно работать в этом направлении. Но что же представляет собой сейчас наша историческая наука? Наше обществоведение вообще? Что представляет собой современное совокупное историческое сознание нашего общества во всех его поколениях? Этими вопросами задаются многие. В мощном выступлении Виктора Астафьева на упоминавшейся уже майской встрече историков и литераторов эта тема

прозвучала буквально как мороз по коже: человек, прошедший войну, не узнает эту войну в научных книгах. Что же знают о ней те, кому сейчас 25? Что бы мы знали о ней, если не было бы Симонова, Быкова, Бакланова, Адамовича?

А как историки? Давайте посмотрим опубликованное в *Правде* обращение, подписанное почти всеми членами Отделения истории АН СССР во главе с академиком С. Тихвинским. Почему оно такое беспомощное, страдательно-вымученное?

Есть и другие красноречивые свидетельства стремления официальной исторической науки уйти от острой постановки вопроса, и есть даже настроения охранительные. В конце марта *Московская правда* опубликовала заметку двух историков-академиков (Ю. С. Кукушкина и Б. А. Рыбакова) о школьных учебниках и ответ им председателя Госкомитета СССР по народному образованию Г. А. Ягодина. Академики утверждают, что с учебниками по истории в школе у нас все в порядке. А химик Ягодин говорит о важнейшей государственной, партийной проблеме — неблагополучии со школьными учебниками, о том действительно труднейшем положении, в котором оказывается сейчас советский учитель истории. В учебнике для 9-го класса по истории СССР, например, вы не найдете ни одной нефальсифицированной страницы. Весь учебник — ложь, которой учителя вынуждены забивать юные головы. То же самое представляют собой и вузовские учебники, особенно по советской истории и истории КПСС. За последние десятилетия мы почти не продвинулись концептуально за пределы сталинского "Краткого курса".

Мне кажется, если бы мы попытались совместными усилиями ответить на вопрос, что же представляет собой наше историческое знание сегодня, то пришли бы к выводу, что нет, пожалуй, в мире страны со столь фальсифицированной историей, как наша. Это касается прежде всего истории советского периода. Но не только. Фальсифицируя советскую историю, историки вынуждены были то же самое сделать и с дооктябрьской. Но я думаю, что винить тут одних историков, поддерживать миф, что, мол, наши историки дурные люди, было бы совершенно неправильно — не в них дело или не столько в них. Важно осознать, что сталинизму история нужна была лишь в качестве служанки пропаганды. И нас приучали называть вещи им не присущими, не принадлежащими им именами. Тоталитаризм мы называли демократией, не начавшееся еще — уже завершённым, а роящихся котлован называли штурмующими небо. Сталинский режим создал и собственную историю.

Отсюда и формулировка задачи — преодолеть эту мертвящую сталинщину в нашей исторической науке, как и в общественном сознании в целом. Решение ее дело непростое. Нельзя забывать, что удары, наносимые этим режимом по литературе, генетике, кибернетике, по другим наукам, с не меньшей силой наносились и по истории. И надо иметь мужество, ощущая свою боль, понять и боль другого: когда мы говорим о тех жертвах, которые понесли советская литература и наука, мы должны помнить и о погромах, которые учинялись и в исторической науке, начиная с дела Тарле и Платонова и кончая мрачным периодом трапезниковщины, когда травили Тарновского, Волобуева, Гефтера, долгое время издевались над Поликарповым.

Преодолеть сталинщину в историческом знании — это не только избавиться от невежества, от доходящего до самодурства авторитаризма в

руководстве наукой. Такие беды могут окончиться с уходом из ЦК, например, того же Трапезникова. Но главное в сталинщине — монополия. Монополия на свое собственное видение истории, на новое слово в общественных науках, на первочтение исторического источника.

Как видно, нам предстоит решить разнообразные и трудные задачи. И дело не сводится лишь к заполнению белых пятен в нашей истории. Нам предстоит восстановить, переосмыслить ее не только на событийном уровне, но и выразить ее в научных категориях, осмыслить ее теоретически.

В частности, следует обратить внимание на необходимость историотизировать наше прошлое, деидеологизировать историю. Именно в этой связи, например, я в целом негативно отношусь к публикации на страницах *Правды* объемного материала под названием "Ленинское завещание". По форме это — беседа с известным нашим историком В. Л. Наумовым, которого я очень уважаю и ценю. В ней есть интересные фразы и цитаты, которые полезно знать массовому читателю, но с основной авторской идеей этой публикации я согласиться не могу.

Ленин предстает в этой публикации человеком, четко знающим, как надо отвечать на все вопросы, ясно видящим, как надо строить социализм по всем направлениям. Мне представляется, что это не было так. В публикации Наумова говорится, что имеется разработанная Лениным концепция социализма, говорится о ее полноте и всесторонности, указывается, что эта концепция не только фиксировала данный момент — то есть время, когда ее разрабатывал Ленин, — но она пригодна была в готовом виде на отдаленное будущее. По моему мнению, корректнее говорить не о том, что Ленин разработал концепцию социализма, а о том, что он разрабатывал принципы построения социализма. При этом он никогда не разрабатывал годные на все времена принципиальные установки, а лишь размышлял над постоянно изменяющейся действительностью. Ленин ведь вообще не жил при социализме — только мечтал и думал, что из России нэповской будет Россия социалистическая, надеялся на это и разрабатывал принципы такого перехода. Для нас, историков, вопрос заключается еще и в том, а была ли Россия нэповская? Да, была новая экономическая политика, но вот успела ли Россия стать нэповской — это еще открыт вопрос. И надеяться, что Ленин уже тогда разработал концепцию социализма (не построения, а социализма) и что нам лишь остается извлечь ее с помощью научных процедур из ленинского наследия и реализовать в теперешних условиях, — это натяжка. Мы, как мне кажется, должны с помощью Ленина, опираясь на разработанные им принципы построения социализма, анализировать современную действительность и разрабатывать современную теорию построения социализма, теорию социализма вообще.

Такое отношение к ленинскому Завещанию было бы, по моему убеждению, с одной стороны, более корректным, а с другой — более мобилизующим нас на активные творческие поиски сегодня. И Ленин предстал бы еще более величественным, если бы был показан человеком, ищущим и не всегда находящим ответы на возникающие вопросы. Так ведь оно и было на самом деле. Мне представляется, что подлинное величие Ленина проявилось именно в последние годы его жизни, когда он мучительно искал ответы на те вопросы, которые его терзали, и иногда не находил их. Без этого, по-моему, невозможно понять главного в ленинском Заве-

щании. Без этого мы будем по-прежнему превращать живую, противоречивую, постоянно меняющуюся мысль Ленина в канонизированные догматы.

Вопрос о ленинском наследии влечет за собой более общий вопрос, тесно связанный с современной фазой развития нашего общества, с формированием нового мышления, требующего более критического отношения ко всему нашему идейно-теоретическому багажу — к марксизму-ленинизму. Основные черты его сохраняются до сих пор неизменными в том виде, в каком они кристаллизировались в 30-е годы. Именно тогда марксизм-ленинизм как бы “затвердел”, пронизавшись догматической схоластикой, стал препятствием, а не облегчением для понимания современного мира. Чтобы убедиться в этом, достаточно еще раз перелистать наши школьные и вузовские учебники, которые перечисляют, словно в катехизисе, 5 признаков империализма, 21 пункт переходного периода, 5 ошибок коммунаров, 5 общественно-экономических формаций и т.д.

“Попы марксизма”, появившиеся вскоре после смерти Маркса, с тех пор умножались и сейчас исчисляются десятками тысяч. Они совершенствовались, повышали квалификацию, но именно как попы. Теперь же мы стоим перед задачей, хотя и весьма трудной, но неизбежной, — избавиться от такой “поповщины”, критически переосмыслить марксизм, вернуться к его основаниям, покончить с догматическими наслоениями, которые сдавили — до удушья его — в своих объятиях. Это нужно прежде всего затем, чтобы обратиться к сердцевинным и по сей день актуальным мыслям Маркса о гуманизме, об отчуждении (т.е. об отношениях “человек — труд”, “человек — природа”) и пр., реализовав творческие способности этих гениальных прозрений.

Разумеется, марксизм в XX в. не может существовать в том же виде, как он существовал когда-то. Не только в силу общих закономерностей, присущих всей интеллектуальной истории человечества. Скажем, неоплатонизм не был повторением учения Платона, а совершенно новым его преломлением в новой ситуации. В неокантианстве конца XIX — начала XX в. были совершенно новые моменты по сравнению с тем, к чему пришел Кант. Все это относится и к марксизму, ибо марксизм по сути своей как бы включает в собственно теоретический корпус идею непрерывного самоотрицания. Пересмотр, критика, отрицание в нем — абсолютны, а сохранение — это и есть момент относительности. Творческий, “живой марксизм” — это марксизм, который находится в постоянной рефлексии по поводу себя, в постоянной критике себя; иначе говоря, периодическое и систематическое “сбрасывание кожи” — это и есть суть марксизма.

Все это в самой общей форме (марксизм — вечно живое, творческое учение) признают все. Сложности начинаются с того момента, когда предпринимаются попытки конкретно указать, какие положения классического марксизма на сегодня устарели и по каким направлениям он должен обновляться.

Известно, например, представление о трех источниках и трех составных частях марксизма — немецкая классическая философия, английская политическая экономия, французский утопический социализм. А новые источники? Ведь названные все относятся к XVIII и XIX вв. Они что, по-прежнему остаются основными источниками марксизма? А нельзя ли поставить вопрос так: источниками современного марксизма являются все наиболее талантливые и мощные интеллектуальные направления со-

временного мира при сохранении и углублении марксизмом своего, присущего ему своеобразия.

И диалектический материализм не может оставаться в его гегелевско-классической форме, и даже в форме, доработанной и критически переосмысленной.

В чем объективное основание такого непрерывного самообновления, перестройки марксизма? Любая форма мышления, дабы оставаться живой, должна постоянно пребывать в состоянии диалога с другими, развивающимися рядом, и быть способной благодаря этому к непрерывному обогащению своего собственного достояния. Это особенно важно на перевале второго и третьего тысячелетий, когда мы оказались перед лицом глубоко изменившейся социальной практики, перед качественно другой ситуацией, требующей нового мышления.

Чтобы пояснить эту мысль, укажу, например, на следующее.

Маркс и Ленин исходили из двух посылок, развивая учение о социализме, о победе революции. Первая: капитализм свою роль уже сыграл, он развил до предела свои производительные силы и создал те отношения, те политические надстройки, которые остается только взять и тут же начать использовать для социалистического развития. Но история показала иное. Тот этап, который наблюдал и изучал Маркс (и впоследствии Ленин, называвший его "империалистической стадией развития капитализма"), был, как теперь уже ясно, одним из ранних состояний капитализма. Даже самому гениальному человеку нелегко было предвидеть, что затем последует первая научно-техническая революция, вторая, да еще и третья. Основоположники марксизма-ленинизма думали, говоря современными терминами, что, раз возникло индустриальное общество, значит, созданы и предпосылки для социализма. Трудно было предвидеть, что затем будет общество постиндустриальное и даже постпостиндустриальное, электронная революция, атомная, лазерная, компьютерная и т.д.; революция сверхпроводимости, наконец, которая грянет только сейчас. Иными словами, историческая практика показала, что развитие машинного, индустриального производства есть лишь ранняя, незрелая ступень того технического прогресса, которому суждено было развиваться внутренним ходом, разворачиваться, перестраиваться, ломая все прежние формы, включая и частнокапиталистическую.

Ленин констатировал начало монополистической стадии капитализма. Но с течением времени мир подошел к системе, имеющей иные сложности — их нельзя уже анализировать с помощью того инструментария, которым располагали Маркс и Ленин. В этом смысле некоторые из их идей устарели.

Вторая посылка вытекала из первой. Наши великие учителя были убеждены, что они — современники кануна перехода в коммунизм. Маркс ждал его еще при своей жизни. Ленину тоже, при всем понимании им сложностей и трудностей перехода, сам переход виделся как относительно кратковременный — максимум какие-то десятилетия. Более того, большевикам сразу после захвата власти в 1917 г. казалось, что можно отказаться от рынка, от денег и начать строить коммунизм, пусть пока что и военный. Это не было просто заблуждением или утопией. Такое убеждение было основано на переоценке достижений капитализма, тех предпосылок, которые он создал. Казалось, что и в отсталой стране, какой была Россия, — и тем более в любой иной, развитой, — после захва-

та власти дальше все пойдет как по маслу. Жизнь показала, что это не так. После монополистической стадии мы уже пережили третью и четвертую стадии капитализма.

Переходная эпоха — это, как выяснилось, эпоха, в которой сосуществуют две системы — капитализм и социализм. Это никак не было предусмотрено классиками нашего учения. Они все-таки представляли, что один этап заканчивается, второй, следующий за ним, — то есть социализм — тут же начинается. Возможно, в России, но с непременным последующим распространением на весь мир. Сосуществование двух систем, однако, длится не год и не два, — оно продолжается несколько десятилетий и, возможно, растянется на целую историческую эпоху. И это значит, что обе системы должны вести постоянный диалог между собой, приспосабливаться друг к другу, взаимообогащаться и конкурировать, но не в ущерб, а на благо будущему.

Это, судя по всему, означает, что социализм — не на развалинах капитализма, к тому же отличающегося от прежнего рядом существенных признаков: он должен использовать не просто наследие капитализма, а и внутри себя использовать многие категории капиталистического общества в сочетании с перераспределением собственности и изменением характера власти.

Иными словами, я думаю, что мы должны по-иному посмотреть на Запад, освобождаясь при этом раз и навсегда от стереотипов, которые демонизируют капитализм. Другая сторона этой демонизации — фетишизация всего сделанного на Западе или, говоря более обобщенно, мифизация другого мира, представляющая собой лишь перевернутый образ нашей официальной версии о нас самих.

Более открытый взгляд на капитализм необходим, чтобы воспользоваться всем тем позитивным, что сопровождало его развитие в послевоенный период. Например, развитие демократии — необыкновенное, невиданное для XIX в., вызвавшее к жизни новые массовые движения, которых в том столетии не было, обусловившее иное соотношение общественного сектора в рамках капитализма и частного, — это тоже новое явление. Все это надо признать вовсе не для того, чтобы мы отказывались от своего своеобразия как особой социальной системы, а ради ее обогащения, с целью сделать ее более устойчивой, плодотворной и сильной.

Необходимо нам использовать и опыт капиталистических стран, включая Китай. Учиться и у них. Это шанс, который мы получаем сегодня вместе с расширением международной открытости, вместе с перестройкой и разоружением. Этот шанс нельзя упустить.

Разумеется, учет всех этих реалий влечет за собой и необходимость разработки новой теории социализма, адекватной обстановке, создавшейся в мире в конце XX в.

Итак, вместо старого, "классического" марксизма, во многом сведенного "попами" к схоластике, должна возродиться живая марксистская мысль, интеллектуально богатая, постоянно развивающаяся. По отношению к "старому" марксизму в качественно новом интеллектуальном состоянии выступает в роли творческого наследника, желающего самообновления, не согласного на роль популая. Многое надо осмыслить до конца. И, конечно, при этом было бы полезно — вернее, даже совершенно необходимо — соткать современную ткань диалога с западным

марксизмом, а еще лучше сказать — с западными марксизмами. Я имею в виду прежде всего Грамши и последовавшую за ним итальянскую традицию, а также Франкфуртскую школу и венгерских марксистов, развивавших в разных, пусть и небесспорных направлениях интересные концепции, касающиеся, например, отношений между государством и обществом в современном мире, и особенно вопросов политической роли государства, опасности огосударствления общества.

Кроме того, если мы хотим вернуть марксизму его критическую и философскую комплексность и неоднозначность, если мы хотим сделать его действительно открытой системой для интерпретации реальности, нам надо вступить в более тесные и разнообразные взаимодействия с западными гуманитарными и социальными науками вообще, для которых XX век оказался поистине “золотым”.

На наши взаимоотношения с немарксистской наукой я бы взглянул как на проблему общекультурную. Мне кажется, что в нашем отношении к немарксистскому обществоведению, в самой этой оппозиции “мы — они”, во всех ее модификациях за годы Советской власти можно усмотреть наше отношение к другому вообще, к другому миропониманию, другому образу жизни и т.д. Такой подход поможет нам лучше понять себя, точнее определить нашу интеллектуальную самоориентацию в современном мире и нашу духовность. Нет нужды говорить о том, насколько это важно, когда мы делаем первые шаги в соответствии с принципами Делийской декларации, весь богатый потенциал которой пока еще не раскрыт исследователями. Я надеюсь, что соответствующее этим принципам отношение к другому в сфере обществоведения — это отнюдь не стирание, граней, не какой-нибудь эклектизм, не беспринципность, а единственно возможная в наше время культура научного общения. Это один из способов сохранения целостности мира, его единства, проистекающего из различий.

К немарксистскому обществоведению следует относиться серьезно, как к науке без кавычек. И основанием для такого отношения является вся история этой науки, начиная с домарксистских времен. Конечно, мы должны вести споры с немарксистами, не соглашаясь с ними, когда это невозможно, но это должен быть диалог на равных, без заранее приписываемого себе превосходства, а немарксистским обществоведам — врожденной ущербности.

Вследствие такого предвзятого подхода к другому вообще мы с начала 30-х годов и практически до самого последнего времени пребывали в состоянии интеллектуальной самоизоляции. Уже третье поколение советских историков вступает в жизнь, оставаясь в массе своей в неведении относительно течений в зарубежной гуманитарной и социальной мысли. Мы жили без Дюркгейма, Мосса, Вебера, Тойнби, Фрейда, Ортеги-и-Гассета, Кроче, Шпенглера, Броделя, Сорокина, Маркузе, без Коллингвуда, Ясперса, Альтюссера, Якобсона, Гурвича, Сосюра, Трубецкого, Боаса — этот перечень можно продолжать очень и очень долго. Все эти имена — своего рода вершины немарксистской мысли со всеми ее оттенками, от светлых до мрачных, они являются достоянием мировой культуры, и знание их должно быть обязательным для любого образованного гуманитария. Незнание трудов этих ученых затемняет все основные тенденции зарубежного обществоведения, их закономерности, их достижения.

Если к этому добавить, что многие из нас сформировались без изучения значительной части и нашего отечественного историко-философского наследия, то можно себе представить, какие пробелы нам надо ликвидировать. В этом одна из причин того общего "склероза", который, как это ни больно признать некоторым, все же присущ нашему общественоведению, в этом причина его более чем пятидесятилетнего относительного бесплодия. Относительного в том смысле, что у нас были и есть талантливые гуманитарии, у нас выходили и выходят превосходные работы, но в целом не они определяют общую ситуацию и состояние нашей исторической науки, которое, с моей точки зрения, продолжает оставаться застойным.

На исходе XX в., в эпоху информатики, когда быстрота обращения и обмена информацией дошла до пределов, немыслимых в прошлом, любая культура не может жить изолированно, подпитываясь в одиночку. Поэтому для нас сегодня становится особенно важным интегрироваться в мировое интеллектуальное сообщество. Это не будет означать утерю нашей специфичности — нет, мы лишь найдем новые источники вдохновения, новые стимулы для дальнейшего самоутверждения. Достаточно подумать о судьбе Бахтина и Проппа — замечательных ученых, все еще недостаточно широко известных у нас, — осознать тот глубочайший резонанс, который они вызвали в западной культуре, чтобы стало очевидным: возобновить диалог с западной культурой — это и для нее возможность снова приобщиться к богатой российской традиции, которая в разные времена славилась в мире, а в 20-е годы занимала и авангардные позиции. Я вовсе не предлагаю, конечно, некритично принять все, что произведено в рамках западной культуры. Но для того, чтобы ее критиковать — а мы всегда это охотно делали, — надо сначала знать, изучать. Только в этом случае критика не превращается в бесплодный инструмент, радующий лишь цензуру, а становится живой основой интеллектуального поиска. Результаты этого поиска не могут быть даны заранее, как мы прежде думали, исходя из якобы навеки predetermined "научности" нашей системы мышления, основанного на марксизме-ленинизме, — хотя в действительности эта система на практике довольно часто имеет мало общего и с марксизмом, и с наукой.

В общей атмосфере удушения общественных наук в наиболее плачевном состоянии оказалась сегодня история. И вовсе не случайно, что те фрагменты памяти, которые воссоздаются в самые последние годы в коллективном сознании нашего народа, пришли в него благодаря перу публицистов и литераторов, а не ученых. В течение двадцати лет лежали в закрытых ящиках письменных столов "Жизнь и судьба" Гроссмана, "Дети Арбата" Рыбакова, "Новое назначение" Бека, "Белые одежды" Дудинцева и многие другие; более 10 лет была запрещена публикация книги Можая "Мужики и бабы". Этот список можно было бы продолжать и продолжать. А историки? Что в их ящиках лежало?

Так уж получилось, что наиболее мощно за необходимость знания нашего прошлого высказались деятели искусства, литературы, а не ученые. Почему же историки так долго молчали, почему они до сих пор не сказали своего слова в пользу углубления наших исторических познаний? Дело в том, что режиму, который сформировался в годы, когда у руля страны был Сталин, да и годам, отмеченным брежневским безвременьем, история в качестве науки не была нужна. Она тогда требо-

валась в качестве оправдания совершавшихся неправых дел. С этой точкой зрения можно спорить, безусловно, но я убежден, что это — так. Отсюда, как мне кажется, и вся фальсификация нашей истории. Белые пятна в ней — как разлившиеся озера, и в них отражается ужасная реальность: систематическое стирание коллективной памяти, которая просто не могла совпадать с тем, что хотелось бы удержать режиму в памяти официальной. Результат всего этого — кризис идентичности нашего современного общества; ведь историческая память — это наиболее важный, можно сказать, образующий элемент общественной идентичности.

Мы смотримся в зеркало и не можем узнать себя. Изображение разбивается на отдельные осколки. И именно в этом вакууме идентичности находится для себя пространство для обитания такие шовинистические, антисемитские группы, как, например, “Память”, которые, заигрывая с иррационально мыслящими, легко возбудимыми социальными элементами, способны предложить свой вариант идентичности, хотя он аисторический, мифический, расистский — как угодно его можно назвать. Но это уже другая проблема.

Поэтому я убежден, что судьбы перестройки и исторической науки неразрывно связаны. Чтобы глубокое преобразование нашего общества по пути демократизации было удачным и стало необратимым, нужно активное и сознательное участие в этом деле всех людей. И особенно нужно участие молодежи. Никакое человеческое сообщество не может нормально жить без представления о своей идентичности.

Чтобы превратить историю в науку, надо, в частности, раз и навсегда отказаться от схемы “Краткого курса” в отношении нашей отечественной истории. Надо, далее, переосмыслить само понятие “историческая правда” — краеугольный философский камень наших дней. Разумеется, надо всегда писать только историческую правду, если понимать под этим правду о событиях и фактах — правду на уровне событийности. Но эта правда не есть “историческая правда” как уникальная, единственно возможная интерпретация истории. Следует отказаться от всяческих претензий на монополию исторического знания, которая и есть, как уже отмечалось, наиболее характерная черта сталинского “наследства”. Поэтому я решительно против написания новой официальной истории, против создания, в частности, нового учебника по истории КПСС, к чему многие призывают. Я бы лично хотел не появления своего рода новой Главной книги, а появления проблемных публикаций, в которых наряду с солидной фактической и информационной базой было бы еще и многообразие гипотез, идей, интерпретаций. Нашим студентам не нужны ответы, им нужны вопросы. Они должны научиться думать своей головой, а не только повторять за преподавателем истины, установленные другими.

Нам необходимо глубокое методологическое обновление научных исследований. Большинство советских историков продолжают работать, не ведая о самых важных направлениях современной историографии, таких, как историческая антропология, история ментальности, историческая демография, структурализм, семиотика, герменевтика — и здесь список мог бы быть очень длинным. Нам следует пополнить этими и другими современными подходами и методами наше культурное достояние. Надо спорить с представителями этих научных направлений, если нужно, критиковать их, но и использовать их, учитывая относительность исторического знания, которое никогда не может быть заключенным в клетку

абсолюта. Открытие нами современной западной историографии должно распространиться и дальше. Нам надо начать серьезно спорить с западными историками, которые занимаются историей нашей страны. Мы не можем и дальше игнорировать работы таких историков, как Карр, Левин, Рабинович, Таккер, только потому, что мы уже поставили на них клеймо буржуазности.

Другой вопрос, который нам тоже предстоит решить, чтобы превратить историю в науку, — это вопрос архивов и спецхранов. Что касается спецхранов, то здесь в последнее время кое-что сделано: многие книги, журналы, газеты стали общедоступными. Но сам принцип существования этих спецхранов все еще не поставлен под вопрос. А зря. Что касается архивов, здесь положение еще печальнее. До сих пор нет закона, который регулировал бы архивное дело в нашей стране; пока есть только проект закона, который сработан так, что доступ к архивам не расширяется, а, скорее, наоборот — затрудняется. Думаю, что надо определить — как это имеет место во всех цивилизованных странах — срок, после которого секретные документы становились бы общедоступными. Кроме этого, следовало бы решить вопрос о создании единого архивного фонда страны, куда вошли бы и партийные архивы. Следует также шире открыть доступ к документам КПСС всем исследователям. Пока что в партийных архивах существует гораздо больше ограничений, чем в архивах государственных.

Конечно, путь, который открывается перед нами, — тяжелый. Но если мы хотим действительно преобразовать наше общество, нам надо вступить на этот путь без колебаний: только новые исторические исследования, свободные от идеологических догм, смогут помочь нам осмыслить во всей целостности и огромности наше прошлое, действительно освободиться от сталинизма и воссоздать нашу общественную идентичность.

Перестройка и историческая наука друг другу необходимы.

Возвращение к будущему

ПЧЕЛА И КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

“Дяденька,
что вы делаете тут,
столько
больших дядей?”
— Что?
Социализм:
свободный труд
свободно
собранных людей.

В. В. Маяковский “Хорошо!”

Как известно, человек отличается от пчелы тем, что он делает свое дело не автоматически. То, что он создает, сначала должно сформироваться **ИДЕАЛЬНО**, в виде представления о желаемом, в виде плана, мысленной модели. Итог деятельности может, конечно, получиться “не совсем тот” (лучше или хуже), но необходимости осознания цели это отменить не способно.

Вот уже 70 лет наш народ (и временами с большим воодушевлением) строит коммунизм. Естествен, согласитесь, вопрос: а что именно мы с вами строим? Ведь не слово же, а что-то, обладающее специфическими чертами, конструктивными особенностями!.. Однако порой, когда делаешь попытку выяснить у людей, “отдающих жизнь”, строительству коммунизма, за что же именно они отдают жизнь, приходишь в растерянность. Впечатление такое, что строим коммунизм мы, как пчелы, — без всякого предварительного проекта, по методике, выраженной пословицей “телега дорогу покажет!” Преувеличивают? Если исключить немногих индивидов, выпадающих из общей картины, то ничуть.

Обратимся к 30-м годам. Вот весьма показательный (это можно раскрыть на вполне серьезном материале) обмен репликами между дочкой профессора Татой и комсоргом с Метростроя Митей в повести С. Антонова “Васька”:

“ — Господи, боже ты мой! Как подумаешь, в какой стране мы живем, дух захватывает! Как ты думаешь, когда коммунизм будет? Через десять лет будет? А?

— Раньше. Мы оформляем Метрополитен драгоценными материалами: гранитом, мрамором, бронзой. С расчетом на коммунизм. Ясно? Я думаю, сперва коммунизм настанет в Москве, а потом на периферии”.

Скажете: так это было более полувека назад! Что ж, вот выдержки из сочинения куйбышевской девятиклассницы, написанного уже в 60-е годы: “1981 год. Коммунизм. Коммунизм — это изобилие материальных и культурных благ. Пройдитесь по одной из улиц нашего города. Вы чувствуете, какой чистый воздух, словно пропитанный ароматом лугов и рощ, веет вам в лицо?.. Весь транспорт города электрифицирован, вредные предприятия удалены за пределы города... Мы на Луне, мы идем мимо цветочных кустов, плодоносящих деревьев... Да, это

будет. И на нас, комсомольцев, возложена великая и почетная задача строить коммунизм...”

Видите, сколько уже лет мы с вами кушаем ананасы на Луне? А нам хотя бы помидоров у себя на Земле когда-нибудь досыта наесться!.. Несерьезно строить рассуждения на высказываниях мальчиков и девочек? Мальчики и девочки высказывают именно то, что утвердилось в сознании окружающих их людей: коммунизм — это когда всего много и можно не работать. Не даром родилась поговорка о преуспевающих жуликах и дармоедах: они уже живут при коммунизме! Тем не менее давайте посмотрим, что же высказывают о коммунизме не “мальчики” и не “девочки”.

“Высшая цель Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление”, — сказано в нашей Конституции¹. Нечто идентичное говорится и в Программе КПСС: “Коммунизм... — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление...”² Все верно, все бесспорно, но все слишком общо, неконструктивно, нетехнологично. Тут нет строительного проекта. Бесклассовость как отсутствие всяких классов, без оговорок о возможностях одного класса (класса управленцев-бюрократов, например) жить за счет труда других классов? Почему, спрашивается, такая цель должна нас вдохновлять? Мне, например, наличие в обществе рабочих и крестьян с их специфическими чертами ничуть не мешает. Цель уничтожения между ними различий тоже меня не “греет”. А выезды заводов осенью на уборочную во имя стирания граней между городом и деревней не кажутся магистральной дорогой к коммунизму. “Сознательность тружеников” при коммунизме будет выше, спору нет. Но слишком уж двусмысленное это слово. Десятилетия нам внушали, что главное проявление сознательности — безропотное подчинение начальству, терпение в “преодолении” тех “временных трудностей”, которые так талантливо создавались на пути к изобилию и порядку этим самым начальством. Новым содержанием пока это слово, увы, все еще не наполнилось. “Свобода?..” Тоже слишком относительное понятие. В разгар сталинско-бериевского террора, когда полстраны не спало ночами, прислушиваясь к шуму моторов и шагам по лестницам, мы декламировали бодро (адресуя слова зарубежным братьям по классу): “И твой сыночек будет свободен, как и мой...” Искренне веря при этом, что немислимо представить другое общество, “где так вольно дышит человек”. Не конструктивно мы мыслим о свободе и очень уж по-разному.

“Общественное самоуправление”... Слово “общественное” тут пустое. Какое еще иное, интересно, может быть самоуправление, государственное что ли? Ну, а слово “самоуправление” наоборот — слишком “наполненное”. Притом разными смыслами, в нем нам еще разбираться и разбираться, чтобы высокое (но неразработанное) понятие народовластия не подменить чем-то вроде локально хозяйственного “муниципального самоуправления”, а тем паче не свести его к спеку-

¹ Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., “Юридическая литература”, 1978, с. 4.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с. 138.

лятивно-декоративной имитации самоуправления. Чтобы осознать, как мало дают нам сами по себе слова, сколь бы расчудесными ни рисовались нам открываемые ими дали, можно вспомнить исполненные сарказма слова Энгельса о целях введения "самоуправления" в Пруссии в середине прошлого века: "Чтобы Пруссия еще раз могла себя показать как образцовое государство, в ней было введено так называемое самоуправление. Задача заключалась в том, чтобы устранить наиболее вопиющие остатки феодализма и в то же время на деле оставить по возможности все как было"¹. Чувствуете? "Самоуправление" вводилось вовсе не для утверждения народовластия, как мы привыкли бездумно-автоматически отождествлять для себя эти понятия, а совсем наоборот, "в интересах дальнейшего сохранения... феодальных привилегий" прусского юнкерства "лишь под слегка модернизированным названием"².

Очень серьезные изыскания и разъяснения требуются всем читателям программных документов для того, чтобы они могли реально отделить такого рода фикции от действительно коммунистического самоуправления. А то ведь как, бывало, оно у нас осуществлялось? Привезут из райцентра в колхоз кого-то бритого с пустыми глазами, покажут со сцены общему собранию трудящихся и вопрос ребром: "Кто против?" Зададут вопрос и блокнотики приготовят, чтобы переписать всех, кто против. Это именовалось выборами председателя артели. Самоуправлением. Сейчас, правда, стараются не одного, а двух привезти — одного бритого, второго — с бородой. Но глаза пока еще чаще всего пустые и у того и у другого. Так что вече в Древнем Новгороде, пожалуй, все еще способно больше дать представлений о коммунистическом самоуправлении, чем такого рода бюрократические спектакли.

Конституция и Программа партии — документы не просветительские для растолковывания понятий, которыми они оперируют. Существуют другие жанры, можно сказать в ответ, — энциклопедии, например, научно-популярные брошюры, монографии специалистов по научному коммунизму. Увы, не эти ли именно "жанры" и выработали в итоге коллективных усилий их творцов у представителей теперь уже многих поколений непоколебимую убежденность, что строительство самоуправляемого бесклассового общества и воспитание из всех нас "всесторонне развитых личностей", у которых "труд на благо общества станет вдруг первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью", — самое скучное и самое казенное занятие в пределах нашей Вселенной?

Для иллюстрации далеко ходить не требуется. Берем первый попавшийся учебник по научному коммунизму (они мало чем отличаются). Ну вот хотя бы этот: Л.В.Метелица, Э.В.Тадевосян, К.А.Тостановский. "Научный коммунизм. Учебно-методическое пособие к семинарским занятиям". М., "Московский рабочий", 1970. Листаем. Ага, вот актуальная тема: "Коммунизм и нации". Читаем: "Советский народ — это органическое единство и гармоническое сочетание общего и особенного, интернационального и национального" (с. 152)... Красиво сказано, не правда ли? Хоть на музыку перекладывая, только... Как-то мало дает подобная декламация для понимания того, что случилось в Алма-Ате

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 476.

² Там же, с. 478.

или Нагорном Карабахе. Что там с чем гармонировало — что было общим, а что особенным?.. “В духовном облике советских наций также, как уже отмечалось, решающее значение имеют не национально-специфические, а интернационально-общие черты”... (с. 153).

Вот это уже проливает некоторый свет на события в Нагорном Карабахе. В своей политике, руководствуясь такого рода учебниками, мы десятилетия старались в национальных отличиях видеть только помеху на пути к гармоническому слиянию всех на платформе чиновничьего умиления. Доумилялись.

Листаем дальше. “Воспроизводство населения — общественная функция социалистической семьи, обеспечивающая потребности социалистического общества в рабочей силе” (с. 161). Прочитал и понял наконец, зачем я в свое время женился. Не ясно только, почему сейчас-то не развожусь, когда общественную функцию пусть не ахти как (один работник всего поставлен в госсектор), но выполнил уже. И больше выполнять ее вроде бы не собираюсь, хоть из профсоюза меня исключайте! Но это я сейчас, при социализме, такой храбрый. Живи я при коммунизме, на меня бы с моим нежеланием пополнять трудовые резервы нашли управу, ибо, как утверждают специалисты по научному коммунизму, “при переходе к коммунизму усиливается органическая взаимосвязь семьи и всего общества. Это находит свое выражение и в возрастании роли общественности в регулировании семейно-бытовых отношений” (с. 162). Увы, похоже, что от энтузиастов домовых комитетов нашим потомкам будет еще труднее прятать свои маленькие семейные тайны, чем нам с вами сейчас, при социализме. И неустанное пополнение рабочей силы тоже, думается, будет осуществляться под неусыпным контролем общественности. В этом отношении авторы учебника дают достойный отпор распространителям аморальных слухов о свертывании и перерождении функций семьи в условиях лучезарного будущего. “Было бы неправильно считать, что при переходе к коммунизму роль и значение семьи будут падать и со временем семья совсем исчезнет. В действительности при коммунизме семья укрепитя, семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов, достигнут высокой чистоты и прочности. Это полностью опровергает измышления проповедников антикоммунизма, распространяющих лживую легенду о том, что коммунизм разрушает и упраздняет семью” (с. 162).

Авторы не называют фамилии распространителей сей лживой легенды, и когда я по собственной инициативе попробовал восполнить этот пробел, то ужаснулся. Ведь не кто иной, как именно Маркс с Энгельсом, перечисляя механизмы отчуждения человека от его общественной сущности, раз за разом, кроме частной собственности, религии, государства, неизменно называли, увы, и семью (вслушайтесь хотя бы в заглавие книги: “Происхождение семьи, частной собственности и государства”!).

“... Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок, — говорится в “Манифесте Коммунистической партии”. — Разве христианство не ратовало *тоже* против частной собственности, *против брака*, против государства?..”¹ (курсив наш. — А.Н.).

Высокая целомудренность авторов “Научного коммунизма” вынуждает их скрывать от широкого читателя высказывания классиков марк-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 449.

сизма о мрачных перспективах семейных "уз", они даже как бы отвергают саму возможность подобного аморализма со стороны столь уважаемых людей, адресуя подобную позицию злобным антикоммунистам, но целомудренность эта слишком уж отдает испорченным воображением. Помните даму, которая была убеждена, что мужчина — это неприлично. "Помилуйте, — говорили даме, — чего же в мужчине неприличного? Он ведь одет!" "Да, — отвечала дама, — но под одеждой-то он голый!"

Думается, что убеждение, будто стоит только вывести людей из-под надзора полицейских околотков и домовых комитетов, как все сразу же ударятся в беспробудное пьянство и безудержный разврат, абсолютно несовместимо с коммунистическим мировоззрением. Идеология — явление органическое, она не может быть "немножко полицейской, а в остальном коммунистической". Тут надо что-то одно выбирать. А выбрав коммунистическую, исходить из нее даже там, где для точных пророчеств нет пока достаточного фактического материала. В том, что когда-то в будущем с исчезновением частной собственности семья в современных ее формах исчезнет, сомневаться трудно. Стоит исследовать только причины и формы ее возникновения в далеком прошлом, чтобы это стало очевидным.

Но не надо торопиться на этом основании давать простор нашему испорченному воображению. Маркс с Энгельсом, конечно, никогда не брали на себя смелость определять, какими конкретно станут взаимоотношения мужчин, женщин и их детей при коммунизме "в действительности", но это не мешало им верить в здравый смысл будущих мужчин и женщин, в их нравственное здоровье и эстетическую разборчивость. И исходя из этих своих коммунистических убеждений, они верили, что будущему не надо навязывать наших прекраснодушных пошлостей, оно будет и умнее и чище всех наших сегодняшних морализаторских инструкций, ибо "вырастет свое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности..."¹.

Таким вот вполне земным, отнюдь не благостным, а исполненным страстей и исканий выглядит коммунизм у классиков. Сравните его с тем худосочным, кастрированным коммунизмом, которым пытаются нас соблазнить авторы канцелярских трактатов по научному коммунизму. Так вперед ли мы движемся в осмыслении своего будущего или вконец растеряли крупницы найденного когда-то?

Научная сухость оскотляет наши мечты? Заглянем в претендующие на занимательность популярные брошюры.

"На большом пригорке стоял пластмассовый домик. У миниатюрного пульта управления сидел загорелый юноша и, словно виртуозный пианист, бегал пальцами по клавишам... По полю ползли электроплуги,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 85.

глубоко вгрызаясь в землю..." Пластмассово-кнопочный рай! Да и люди в этом грядущем раю тоже какие-то... пластмассовые.

"На заводе случилось невероятное. Молодой инженер Андрей Орлов, увлекшись конструированием новой машины, стал пропадать на заводе ежедневно по 10—12 часов, все свободное время тратил на составление расчетов и схем, перестал заниматься гимнастикой, посещать театры и концерты... осунулся, похудел, перестал нормально питаться и отдыхать..."

Согласитесь, страшная картина, но она, пожалуй, в наше время не тронула бы сердца дам из домового комитета или завкома. Однако специалисты по научному коммунизму прозревают в будущем резкое возрастание общественного контроля за каждым шагом человека не только в семейном быту, но и на производстве. Не прошел у инженера Орлова этот номер насчет похудеть и перестать гармонически развиваться даже под маской изобретательского самозабвения.

"В большой аудитории заводского Дворца культуры собрался весь коллектив. Председательствующий коротко изложил существо проступка, врач привел данные об ухудшении состояния здоровья инженера, председатель заводского совета по контролю за всесторонним, гармоническим развитием коллектива рассказал об отставании Орлова в духовном развитии, образовании, физическом совершенствовании, общественной деятельности.

Слово предоставили виновнику. Низко опустив голову, он... просил дать ему еще полгода для завершения изобретения.

Зал негодуяще гудел. Молодая девушка стремительно поднялась на трибуну.

— Что нам теперь делать с такими людьми, как инженер Орлов, который знает требования, предъявленные коммунистическим обществом к гармоническому развитию человека? Дисгармония в его развитии сейчас такова, что если мы не примем сейчас мер, то через некоторое время он опять вернется к одностороннему развитию. Я предлагаю лишить инженера Орлова радостей творческого труда сроком на месяц. А в назидание поручить ему прочитать лекцию ученикам о побежденных привычках.

Срывающимся от волнения голосом Андрей просил не наказывать его так строго.

Люди были неумолимы... И разве могли они простить ему утрату великого счастья всесторонности, сдачу тех высот, которых достигли. Предложение девушки приняли единодушно..."

Можно ли пробудить мечту о будущем, изображая такого рода "всесторонне развитые" манекены? Сомнительно. Нет, не годятся для пропаганды коммунизма наемники. В этом деле требуется не только эрудиция, но и смелость, окрыленность души и фантазии, вдохновение, художнический талант. А люди, обладающие подобным редким сочетанием качеств к данной (весьма политически острой) проблематике и в эпоху культа, и в период застоя не подпускались на пушечный выстрел.

Позвольте, но разве не на порывах ума и сердца основано творчество писателей-фантастов? А уж их-то боевой отряд не меньше, чем Нагульнов в "Поднятой целине", весь "заострен" на будущее! Да и научности им не занимать. Никто, пожалуй, с такой полнотой и жадностью не аккумулирует любую информацию о будущем, как научные фан-

тасты, им ведь не отделаться смутными фразами про гармоническую личность и скачки производительности, им надо картины жизни воспроизводить со всеми деталями общественных отношений и быта.

В рассказе "Арапайма" приплывет вчера" писатель-фантаст Еремей Парнов приглашает нас совершить вместе с ним путешествие в двухтысячный год. Каких только чудес не видим мы во время того путешествия! Тут и 2000-местные ракетобусы; и командировки на Венеру; и диспансеры, в которых вам за полчаса выправят сердечный цикл, нормализуют давление, уничтожат аномальные клетки; и "бытовые тележки" вместо домработниц; и "настоящее шампанское из якутской морошки"; и движущиеся ленты скоростных тротуаров; и возможность обменяться на время (даже с роботом) своей индивидуальностью; и суггистологическая музыка; и даже бактерии-волосопожиратели, за две-три минуты бреющие вас и освежающие чем-то вроде тройного одеколona...

Согласитесь, для небольшого рассказика "соблазнительных деталей" более чем достаточно. И что же? Хочется вам пойти на великие жертвы в борьбе за такое вот будущее? Не знаю, как вам, меня совершенно в него не тянет. Уж лучше я буду скоблить свой подбородок по старинке — безопасной бритвой и ездить на работу в переполненных автобусах, не оснащенных "поляроидными устройствами", чем жить среди интеллектуально дефективных людей типа инженера Орлова и "стреми-тельной девушки", путем голосования распределяющих "радость творческого труда".

Пора бы и писателям осознать, что в будущее влекут нас не экзотика, не возможность сладко есть, мягко спать и быстро летать, а мечты о новых, справедливых, братских отношениях между людьми, о мудром регулировании конфликтов с природой, об интересной творческой работе и всеобщем счастье.

Увы, чем больше читаешь научно-фантастических и публицистических сочинений о коммунизме, тем меньше желания переселяться в воспеваемый в них технократический рай. Выглядит будущее в этих сочинениях любопытной заморской страной. Много в ней интригующего, и жизнь сытая, и труд легкий... Заглянуть туда ненадолго, покататься на самодвижущихся тротуарах, покуражиться над безответными домработницами на полупроводниках — это почему бы и нет? Но остаться там навсегда — нет уж, увольте. Да и чего в той стране коммунистического, спрашивается? И при капитализме можно покорять космос, конструировать роботов и объедаться планктоном.

Ну, а вообще-то, можно ли в принципе (и нужно ли) обсуждать картины будущего, то есть то, чего не дано знать никому, кроме бога, которого, к сожалению, нет? Не справедливо ли то, что у нас давно уже выражение "излагать утопии" означает "заниматься пустозвонством"? Классики марксизма, как известно, избегали в разговоре о будущем конкретных деталей, даже резко отрицали их уместность. "Ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества"¹, — утверждал Ленин.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 379.

Все так, но речь-то тут идет только о том, что жизнь развивается не по чьей-то указке или придумке. Никогда Ленин не ставил под сомнение важность выявить направление развития жизни, провидеть ход событий и повлиять на него в желаемую сторону. Фаталистическая иллюзия, будто "объективные законы истории" (в частности — потребности экономического или научно-технического прогресса) без наших усилий, без нашего творчества и борьбы, сами по себе выведут общество "куда положено", по словам Ленина, совершенно равносильна "отказу от социализма"¹. История ведь — это "не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека"². А раз так, то от четкости осознания людьми их целей прямо зависит ход истории и ее конечный результат, ведь "только имея всегда в виду "конечную цель"... можно гарантировать движение от ложных шагов и позорных ошибок"³.

Увы, мы не учли в свое время этого предупреждения, мы решили, что достаточно нам побольше выплавлять чугуна и выдавать на-гора антрацита, чтобы в 1981 году начать по потребностям кушать ананасы, гуляя по расцветшим садами лунным кратерам. Мы не уберегли своего движения ни от ложных шагов, ни от позорных ошибок. Возразите, что не только в смутности наших представлений о коммунизме тут дело? Разумеется. Но смутность эта — не столь второстепенный фактор в современном историческом процессе. Грех инфантильности тут, увы, к "детским" и "невинным" относить не стоит. У нас культ личности просто не могло бы получиться и в "болоте застоя" мы не увязли бы столь глубоко, если бы широкие слои населения не были убеждены, что принудительная коллективизация, доносы, аресты миллионов невинных людей, всевластие местных властей, отсутствие свободы слова, выборы по указке сверху и т. д. вполне совместимы с идеями коммунизма. До сих пор ведь многие убеждены, что все это в совокупности составляет пусть и не во всем приятный, но вполне закономерный, даже неизбежный этап в борьбе за коммунизм. В том и беда, что у нас не было в головах "эталона", с которым можно было бы сверять реалии жизни, выявляя их совместимость с коммунистической моделью. Да что там говорить о коммунизме! Даже элементарно демократической модели организации жизни у огромного количества наших людей не успело сложиться. И жизнь не способствовала, и сами не очень нагружали свои мозги, свою душу серьезной работой. Мы по сравнению с нашими предками как бы вроде бы утратили саму по себе способность мечтать: А стало быть — и действовать активно ради осуществления мечты.

А чтобы оправдать свою вялость, превратили слово "утопия" в ругательство. Но что такое "утопия" в исконном смысле? Это мечта о красивой, справедливой жизни. Мечта же совершенно не обязана быть "научной", расчетливой, взвешенной. Лишь красивой и человечной она должна быть. Тут мы скидок себе позволить не можем. Один из великих утопистов прошлого Шарль Фурье своему "гармонизму" (так он называл будущее счастливое общество) давал такое определение: "Это — вообще взаимное доброжелательство, которое может развиваться

¹ Там же, т. 6, с. 40.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 102.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 65–66.

только тогда, когда род человеческий будет богатым, свободным и справедливым"¹. Тут все сплошная "утопия": ни причин, почему люди вдруг станут все такими, ни путей, которые к этому приведут, не раскрыто. Зато тут есть страстная мечта о людской всеобщей доброжелательности, вера в возможность разумной, радостной жизни. Мало этого? Вдумайтесь тогда, почему утопический социализм признан классиками марксизма не только одним из трех источников их великого учения (учения, а не науки!), но и его "составной частью"? Без этого вечно живого, вечно продуктивного утопизма марксизм при любой мере научности умер бы, потерял душу, цель, порыв. Научное мышление целей не создает. Оно незаменимо в другом — в выявлении средств для достижения цели. Только исходя из этих констатаций, мы можем понять и такие "несерьезные" лозунги, как, например, "красота спасет мир". Не сама по себе она может "спасти мир", разумеется, а только став вектором нашей воли. И "антинаучные" понятия веры в будущее обретают с этих позиций глубочайший социальный смысл.

"Но вера в будущее — наше благороднейшее право, наше неотъемлемое благо; веруя в него, мы полны любви к настоящему.

И эта вера в будущее спасет нас в тяжкие минуты от отчаяния; и эта любовь к настоящему будет жива благими деяниями"², — писал А. Герцен. Не трудно понять, почему кое-кто у нас так рьяно ополчается во имя "научности" на веру. Вера в будущее обязывает к активности, стимулирует чувство личной ответственности, тревожит совесть, толкает на жертвы. Это беспокойно и невыгодно материально. Вот и прикрываем мы свои лень, трусость, эгоизм "мудрым" скептицизмом. Удобно это — и от драк в стороне, и в жизненной позе значительность наблюдается.

Почему уже несколько поколений людей выросли у нас, прямо скажем, неважными (теоретически малограмотными, идейно вялыми) коммунистами? Догматы "научного коммунизма" плохо они заучили? Да нет, стоит только послушать их экзаменационные ответы и почитать сочинения по литературе, чтобы стало ясно: с памятью у них все в порядке. А вот мечтать, верить, желать (свободы, равенства, братства, чистоты, красоты...) как-то не научились. Вот в чем, как мне кажется, одна из радикальных причин кризиса безыдейности (и безидеальности).

Само собой это состояние нашей идеологии в новое, "перестроенное" качество не перейдет. Тут требуется не меньшая коллективная работа ума и сердца, чем в поисках экономических стимулов, заслонов на пути бюрократизма, форм демократического переустройства жизни. Тут тоже надо много искать, думать, спорить, читать, но... Несколько лет назад я имел неосторожность заглянуть в тематические каталоги Дома детской книги. И убедился, что рекомендательные карточки книг о крепостном праве у нас в несколько раз превышают по объему карточки того, что написано о коммунизме. И это в стране, которая 70 лет ничем больше, как мы уверяем, вроде бы не занимается, кроме борьбы за коммунизм! В государстве, в Конституции которого тор-

¹ Ш. Фурье. Избранные сочинения в 4-х томах. Т. I. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1951, с. 42.

² А. Герцен. Избранные философские произведения в 2-х томах. Т. I. М., Госполитиздат, 1946, с. 88.

жественно объявлено высшей его целью “построение бесклассового коммунистического общества”.

Строить здание без проекта, без хотя бы приблизительного осознания того, что же строитель хочет построить, невозможно. Люди не пчелы, у них не получится. Но и перестраивать здание вслепую, наугад — тоже занятие рискованное. И проект этот надо создавать сообща, всенародно. Кредит доверия особо уполномоченным на то жрецам — “специалистам по коммунизму” — исчерпан. Так мне кажется.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРАВДА О СОЦИАЛИЗМЕ И СУДЬБА СОЦИАЛИЗМА

Вот уже три года мы учимся говорить, говорить, то что думаем, что чувствуем.

Трудна наука...

Кричащая немота была не страшным сном, а страшной явью. Десятилетия торжествующей лжи, краснойбайства, духовной неподвижности обрекали правду на косноязычие, невнятицу.

А теперь учимся говорить правду. Правду о себе. О нашем прошлом, о нашем настоящем. Учимся реально, без самообмана оценивать варианты будущего, которое мы формируем сегодня.

Проблема правды — не только личная проблема каждого из нас, проблема совести, нравственности, самоуважения, если угодно. Проблема правды, истины — решающая проблема общественной науки, социальной теории, без ренессанса которой перестройка обречена. Наличие хорошей теории не гарантирует успех перестройки, но отсутствие таковой гарантирует ее провал. Правда в науке — это та самая объективность, без которой любая наука теряет смысл, превращается в систему теоретических “приписок”, хололпской апологетики, мертвящего догматизма, по сравнению с которым средневековая схоластика кажется апофеозом творческой мысли. Блокируя науку, обрекая теорию на догматическую нищету, политическая практика утрачивала рациональные связи с реальностью, оказывалась в плену субъективистских, иллюзорных построений.

Демократизация, гласность, открывая путь к правде, тяжкий путь познания и самопознания, восстанавливают в правах марксистскую науку об обществе, ленинскую теорию социализма.

Уже первые дискуссии, первые прикосновения к живой, всамделишной, не придуманной жизни показали, какой огромный потенциал творческой энергии хранит, казалось бы, навеки погасший, погашенный вулкан. Но — трудна наука...

“Механизм торможения” — он тут, рядом. Он, как и положено, тормозит. Точнее, *они тормозят*. Люди, которые не хотят терять статус идеологических чревоутолетелей, знающих, что такое хорошо, а что такое плохо, что полезно социализму, а что ему вредно, что можно и нужно говорить, а о чем лучше бы и помолчать. Знают они, разумеется, и ту дозировку “правды”, при которой массовый героизм как бы нейтрализует, перекрывает массовые репрессии, красный флаг над рейхстагом

позволяет объявить ненужными вопросы о фашистской свастике над Эльбрусом, а телевизионные сцены братания армян и азербайджанцев оправдывают упорные попытки скрыть от общественного мнения страны то, что происходило в Нагорном Карабахе и вокруг него.

Будем надеяться, что "механики" торможения ведут арьергардные бои. Что мы сломаем "механизм", одолеем "механиков", даже — главных. Утверждается, должен утвердиться принцип: показывать окружающий нас мир таким, каков он есть, и нас самих в этом мире такими, каковы мы есть, "без всяких, — как писал Ф. Энгельс, — посторонних прибавлений".

И первый вопрос, который следует поставить перед собой каждому думающему человеку, первый вопрос, на который должна ответить наука, можно сформулировать примерно так: какое место занимает перестройка в широком контексте истории социализма и истории представлений о социализме? Или более драматично: что же произошло? Почему семь десятилетий социалистического строительства поставили нас перед необходимостью *качественной коренной, революционной* перестройки того, что было построено?

Стоит, пожалуй, заметить, что актуальность, первоочередность этого вопроса далеко не бесспорна. Осаживают, теснят контрвопросами. Кому это нужно — выдвигать на первый план всякие "почему?", уводящие в заведомо не безоблачное прошлое? Зачем подталкивать к размышлениям, которые могут породить сомнения и колебания, вызвать острую полемику и тем самым разобщить людей? Можем ли мы позволить себе такую роскошь, если у нас непечатый край проблем сиюминутных, сегодняшних, требующих смотреть не назад, а вперед?

Более изощренные, более лукавые умы действуют тоньше. Вопрос о причинах перестройки вполне закономерен. Но при чем тут драма? Идет естественный, нормальный процесс развития, совершенствования социализма. Каждый новый этап требует его видоизменения, доделывания и переработывания. Во второй половине 80-х годов наступил очередной такой этап, и партия начала перестройку. Так сказать, нечто вроде планового ремонта...

Все тот же "механизм", все те же "механики".

Однако острая жажда правды стала гражданской, политической позицией миллионов. Требование народа, партии восстановить историческую память, разобраться в том, что же произошло в период "между Лениным и Горбачевым", берет верх. И вот что важно. Направление процессов, протекающих на уровне здравого смысла, массового сознания, совпало с характером умозаключений в рамках сознания теоретического. Конечно же, нормальное развитие неотделимо от перемен. А если перемен не было? Или — если перемены меняли совсем не то, что следовало менять? В таком случае вряд ли рассуждения о нормальном развитии помогут нам понять суть перестройки. Нельзя идти вперед сегодня, не зная, почему мы зашли в тупик вчера. Нельзя решать задачи сегодняшнего дня, не уяснив себе, почему не оправдали себя решения задачи вчерашнего. Прошлое не может сказать нам, куда надо идти, но куда идти не надо, оно скажет — а это уже очень много.

Итак, что же случилось? Общий, самый общий ответ самоочевиден: в общественном здании, которое мы воздвигли и нарекли "развитым", "зрелым" социализмом, неудобно, неуютно жить. И все попытки пере-

строить, подновить его, используя старые чертежи, старые проекты, не только не улучшали дело, но и привели к появлению новых трещин, деформаций, перекосов. Это и означает в переводе на простой, будничный язык понятие "предкризисное состояние".

У Фридриха Энгельса есть выражение "ирония истории". Люди, писал он В.И. Засулич 3 апреля 1885 года, хвалившиеся тем, что "*сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели"¹. История как бы иронизирует, усмехается над попытками сознательно управлять событиями, формировать, "лепить" общественные формы по заданным образцам (идеалам). Люди, совершив революцию, изменив, как им казалось, по своей воле и разумению течение истории, вдруг с удивлением (разочарованием, недоумением) замечают — хотя сплошь и рядом стараются обмануть себя, отвернуться от замеченного, — что они сделали вовсе не то, что задумали, что хотели сделать.

Долгое время мы самонадеянно полагали, что мысль Ф. Энгельса не относится к пролетарским, социалистическим революциям, к коммунистическим партиям. Теперь мы видим, что ошиблись. Можно было бы сказать об этой ошибке в более обтекаемых, более "проходных", как говорят, словосочетаниях. Но, я надеюсь, мы стали настолько взрослыми, что не боимся называть вещи своими именами.

Дом, который мы построили, нуждается не в текущем и даже не в капитальном ремонте. Он нуждается именно в перестройке. И как раз решения XXVII партийного съезда, материалы последующих за съездом пленумов ЦК КПСС, начавшееся обновление социального и хозяйственного законодательства нагляднейшим образом показывают, сколь радикальной и всеобъемлющей, комплексной будет перестройка, какие глубокие изменения намечено произвести и в экономическом фундаменте нашего социалистического дома, и на его социальном, политическом и идеологическом этажах.

Многие западные идеологи торопятся интерпретировать происходящее как историческое поражение, крах социализма: социализм завел "русских" в тупик, и они приступили к демонтажу социализма; пока поначалу этот курс прикрывается марксистской фразеологией, но рано или поздно перестройка, демократизация приведут к тому, что западные, либеральные ценности возьмут верх, "рынок" победит "план", гласность, свобода разрушат "тоталитаризм". Наша борьба за радикальное обновление социализма порождает возрождение надежд на постепенную эрозию социализма, на его перерождение в некий "хороший", почти социалистический капитализм.

И снова приходится возвращаться к "механизму торможения". Открыто совать палки в колеса перестройки — занятие не модное и, пожалуй, по нынешним временам, опасное. Поступают иначе. Соглашаясь по существу с анализом "тех" идеологов, идеологи "наши" начинают защищать социализм: от "чересчур" радикальных идей, "чересчур" поспешных решений, "чересчур" откровенных дискуссий. Защищают социа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 263.

лизм от правды о социализме. Не сомневаюсь, что многие делают это вполне искренне, из лучших побуждений. Такие люди не в состоянии перестроить себя, понять ограниченность собственного опыта и знаний, переступить через свою биографию. Время для них остановилось, и они остаются в эпохе, которая уходит в прошлое. Тут не вина, тут беда, несчастье...

А вот другие "защитники" социализма защищают, скорее всего, не социализм, а свое удобное для них, насиженное, гарантирующее власть, привилегии, достаток, место в социализме. Они прекрасно знают наши нравы и привычки, еще действующие у нас законы мимикрии. И поэтому предпочитают любые споры переводить в плоскость идеологических выводов и политических дефиниций. Все, с чем они не согласны, — будь то новое отношение к индивидуальной трудовой деятельности или кооперативам, стремление сделать социалистическую демократию действительно демократичной, освобождение искусства, литературы от оскорбляющих художника запретов и ограничений, повышенный интерес общественности к ранее закрытым, "секретным" сюжетам послереволюционной истории, — все это объявляется чуть ли не "идеологической диверсией" и, уж во всяком случае, чем-то идеологически дурно пахнущим, подозрительным, наносящим ущерб интересам социализма, подрывающим его основы, разлагающим молодежь и т.д. и т.п. Фактически воспроизводится буржуазная интерпретация перестройки, но с обратным знаком. То, что "там" выступает как надежда, "здесь" превращается в пугало. Исходный пункт общий — неверие в силы, устойчивость социализма, в его способность переварить, ассимилировать правду о своей предыстории и радикально обновить свои основные структуры — материальные и духовные.

Аргументы, логику тех, кто надеется на эрозию социализма, и тех, кто пугает эрозией социализма, в конечном счете может опровергнуть только практика, успехи перестройки, словом — только будущее. Однако будущее, если иметь в виду не природные, а социальные процессы, состоит из неопределенностей, оно многовариантно, оно таит в себе как победы, так и поражения, как возможность подтверждения теоретических прогнозов, так и возможность их погружения в историческое небытие.

Часто задаются вопросом о гарантиях продолжения демократизации, о гарантиях перестройки. Нет и не может быть абсолютных гарантий. А относительные? Такие гарантии есть. Одна из главных — создание *правового* государства, подчинение власти праву. И еще одна гарантия, тоже — из главных, это — наша собственная деятельность, в основе которой верность идеалам социализма, готовность, несмотря на страхи слева и надежды справа, идти "до конца", более или менее правильное, научное представление о том, что и как надлежит делать.

Обязательная предпосылка выполнения программы перестройки, которую можно назвать основной программой партии, — последовательное научный взгляд на окружающие, обступающие нас проблемы. Ответом на эту острейшую потребность, вызванную волной революционных перемен, стала формула "новое политическое мышление". Разработка концепции нового политического мышления шла прежде всего по внешнеполитической, военно-стратегической линиям. Теперь ясно, что смысл, значение, роль нового политического мышления гораздо шире. Можно

спорить — и такие споры уже начались — о конкретном “наполнении” модной ныне формулы. Но, по-видимому, бесспорны некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением.

Реализм. Интеллектуальное бесстрашие в поисках истины, в постановке вопросов и получении выводов, которое предполагает четкую фиксацию фактов и последовательность умозаключений независимо от того, “приятны” эти факты или нет, совпадают или не совпадают полученные результаты с желаемыми, с конкретными политическими интересами. “Нам нужна полная и правдивая информация, — писал В.И. Ленин. — А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить”¹.

Самокритика. Понимание относительности, односторонности, ограниченности собственного опыта и собственных представлений. Критический анализ социальной практики, эффективности принимаемых решений. По Ленину: отношение к собственным ошибкам — признак политической зрелости.

Антидогматизм. Открытость для всего нового, неожиданного, идущего вразрез со сложившимися взглядами. Готовность пересматривать, ревизовать эти взгляды, если и когда они перестают отражать реальную жизнь. Понимание неисчерпаемости социальной реальности, принципиальной незавершенности социальной теории. Творческое взаимодействие с концепциями, возникающими на иной социальной почве.

Реализм, самокритика, антидогматизм — всеобщие определения мышления, претендующего на успех. Они давно сформулированы в рамках методологии научных исследований. Новым является перенос этих требований (и, будем надеяться, их последовательное проведение) в сферу политического анализа и политической деятельности. И, в частности, только на такой методологической базе можно по-новому взглянуть на историю и теорию социализма, научно оценить ход и опыт социалистического строительства в СССР.

Реальная, освобожденная от грима история социализма предстает перед нами как процесс непрерывных столкновений между идеалами и практикой, истиной и заблуждениями, между величием целей и ущербностью многих средств, использованных для достижения этих целей.

Всякая революция — прыжок в неизвестность. Революционер должен быть готов к неожиданным поворотам событий. Да, была теория, была программа, но они давали лишь самые общие, самые абстрактные параметры социализма (обобществление средств производства, ликвидация классов, отсутствие эксплуатации человека человеком, власть трудящихся, социальная справедливость) и почти ничего не сообщали о конкретных методах, способах перехода от предыстории к истории человечества.

Выступая в 1918 году на VII съезде РКП (б), В.И. Ленин говорил: “Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем”². Отсутствие разработанной теории открывало громад-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 446.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 65—66.

ный простор для экспериментирования, выбора вариантов, исторического творчества трудящихся, партии, ее политического и интеллектуального авангарда. И вместе с тем явная нехватка своего рода теоретических направляющих, научно обоснованных теоретических ориентиров усиливала зависимость как от субъективных факторов, так и от воздействия сил и обстоятельств конкретно-исторического, преходящего характера.

Две группы таких обстоятельств имели, на мой взгляд, решающее значение для формирования того облика социализма, который создавался в России. Во-первых, общая социально-экономическая отсталость страны, включая низкий уровень культуры производства, фактическое отсутствие демократических традиций и сильный "царистский синдром" в психологии и поведении масс, особенно – крестьянства. Во-вторых, одиночество первого социалистического государства, наличие враждебного, постоянно угрожающего войной капиталистического окружения.

Мы выжили, выдержали тяжелейшие испытания, уготованные на нашу долю историей, но за это пришлось заплатить очень высокую, немислимо высокую социально-политическую цену. Цена эта – разрыв между идеалами социализма и социальной действительностью. Цена эта – тяготы народной жизни, людские страдания, жертвы человеческие, которые по любым масштабам превысили политически и нравственно допустимый предел. Цена эта – дрящящая до сих пор экономическая, научно-техническая отсталость СССР и практически всех стран "реального социализма", его неспособность обеспечить высокое, соответствующее стандартам конца XX века качество жизни.

Каковы же наиболее характерные черты той модели социализма (назовем ее моделью "раннего социализма"), которая ныне подлежит радикальной перестройке?

– Максимальная, жесткая централизация политической и экономической власти на базе широкого и радикального обобществления средств производства.

– Унификация социальной практики, нежелание считаться с разнообразием местных условий, разбросом групповых интересов, неизбежным и плодотворным плюрализмом в духовной, интеллектуальной сфере.

– Административные, командно-приказные методы управления экономическими процессами, игнорирование закона стоимости; упор на экстенсивный экономический рост, явное увлечение количественными показателями и критериями в ущерб качественным (лучше больше хотя и хуже).

– Заметное сужение, формализация демократических норм партийной и государственной жизни, сворачивание гласности, отстранение "низов", основной массы коммунистов от принятия важнейших решений; физическое устранение подозреваемых в нелояльности к "вождю", к политическому режиму.

– Обеднение культуры, паралич общественных наук, атрофия исторического самосознания, самокритики, апологизация действительности, создание идеологических мифов, гнетущий, отравляющий общественную жизнь разрыв между словом и делом.

Наверное, в ходе движения научной мысли контуры, основные черты

социализма, начавшего утверждаться с конца 20-х годов в Советском Союзе, будут уточняться, избавляться от излишней, может быть, эмоциональной окраски, приобретать некую академическую респектабельность. Но это дело будущего. А мы не можем ждать. Разобраться, попробовать разобраться надо сегодня, сейчас...

Сегодня мы понимаем, что перечисленные выше признаки — всего лишь частные, переходящие, вызванные конкретными обстоятельствами особенности "раннего социализма", то есть его исторически первой, начальной модели. Сегодня понимаем. А вчера еще тирания догматического мышления, этакий возведенный в ранг государственной религии идеологический нарциссизм, самодовольство и самолюбование перекрывали дорогу теоретическому осмыслению происходящего, превращали частные, временные особенности нашего социализма в его общие, обязательные определения. Единичное и особенное возвышалось до степени всеобщности. Тем самым снималась, лишалась логической правомерности постановка вопроса о возможности иных моделей, иных форм организации и способов функционирования социалистического общества.

Была ли обозначенная выше модель социализма единственно возможной, неизбежной? Вопрос чрезвычайно сложный, требующий тщательной проработки значительного массива оставленных нам историей материалов, изучения партийных дискуссий конца 20-х годов. Но в первом приближении представляется, что такие альтернативы не исключались. В этой связи заслуживает особого внимания кратковременный эксперимент с энпом, который ждет развернутых, неподвзятых оценок.

Не исключая возможности иных альтернатив, иных решений, я хотел бы подчеркнуть, что, по моему разумению, давление объективных факторов создавало благоприятную почву, благоприятную среду именно для той модели социализма, которая была реализована. Или скажем так: давление объективных факторов оставляло мало места для реализации альтернативной, более "мягкой" модели.

Выступая в феврале 1931 года на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, И.В. Сталин в присущей ему манере заявил: "История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную..."

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут"¹.

Война началась ровно через десять лет. Нас крепко помяли, но смять уже не могли... Не могли смять, потому что в кратчайший, в фантастически короткий срок мы вырвали Россию из отсталости, заложили основу современной промышленности, создали новые индустриальные базы

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, с. 38, 39.

на востоке страны. Чтобы сделать все это, нужны были нечеловеческие усилия. Жертвы были необходимы. Ошибки были неизбежны. И жертвы, и ошибки были заложены в объективном ходе вещей.

Но преступления? Но уничтожение блестящей когорты революционеров-ленинцев? Но страх, холуйство, лицемерие, отравившие несколько поколений? Нет, все это отнюдь не диктовалось объективными условиями, все это не было необходимо, не было неизбежно. И здесь мы подходим к одному из самых трудных, самых острых, самых больших вопросов — к вопросу о Сталине.

Сталин занимает уникальное место в истории мирового социализма. Споры о том, какое именно место, разделяют и, видимо, долго еще будут разделять историков, политиков, публицистов, всех, кто хочет узнать или скрыть правду, составить собственное мнение о Сталине и его времени. И не только потому, как мне кажется, что так уж противоречива, неоднозначна, многолика фигура самого Сталина. А потому, что слишком по-разному относятся к нему разные люди, слишком разные масштабы и критерии используются для оценки одних и тех же фактов. Правда одна — интересы, убеждения, предубеждения разные. И они разбивают правду, растаскивают по кусочкам, разменивая историческую науку на идеологическую мелочь...

Буржуазная литература о Сталине, о сталинизме огромна. Марксистские исследования только начинаются. Но как разведка предшествует наступлению, так публицистика предшествует науке. Надеюсь, это меня извиняет.

Можно ли считать Сталина *крупным* историческим деятелем? По-моему, да, можно. Но был ли он *крупным социалистическим* деятелем — тут у меня большие сомнения.

В теперь уже пресловутой статье Н. Андреевой была воспроизведена характеристика Сталина, данная У. Черчиллем. "Он был выдающейся личностью, — писал Черчилль, — импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить... В его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов... Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И странное дело — держали руки по швам. Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения... Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов... Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием"¹.

Итак, энергия, эрудиция, воля, жесткость, беспощадность, мудрость. Предположим, Черчилль прав. Кстати, наделяя столь щедро Сталина

¹ Советская Россия, 13 марта 1938.

означенными достоинствами, Черчилль был, несомненно, уверен — не без оснований — в том, что сам он обладает ими в не меньшей мере. А Чингисхан? А Кромвель или Наполеон? А Петр I или Бисмарк? По-видимому, Сталин довольно легко вписывается в такой ряд. Не вписывается Ленин. И тут есть над чем задуматься...

К. Маркс писал, что Петр Великий использовал варварские методы, чтобы вытащить Россию из варварства¹. И по отношению к царю, императору, самодержцу слова Маркса звучат, скорее, как одобрение, чем как осуждение.

Попробуем рассуждать по аналогии. Исследуем варианты.

Предположим: Сталин использовал социалистические методы, чтобы "втащить" Россию в социализм. Фальшь, искусственность этого утверждения ныне уже не нуждаются в доказательствах.

Предположим далее: Сталин использовал несоциалистические методы, чтобы обеспечить победу социализма. "Теплее". Цель оправдывает средства. С точки зрения Макиавелли или Талейрана, а также Черчилля — так оно и есть, оправдывает. Но с точки зрения коммунистической идеологии, с точки зрения марксизма-ленинизма проблема видится иначе. Неправедные, варварские, преступные средства дискредитируют, деформируют цель. Не случайно тот социализм, который был построен под руководством и по методам Сталина, и поныне ставит нас — и коммунистов во всем мире — перед сложнейшими, мучительными проблемами.

Предположим, наконец: Сталин использовал несоциалистические методы, чтобы вытащить Россию из отсталости. Вот тут все (или — почти все) сходится. Сталин решил грандиозную для своего времени задачу. Он не предавался "абстрактному морализаторству". Рубил лес, не обращая внимания на щепки. И по критериям, применимым к оценке Петра I, Сталин заслуживает хоть и не безусловной, не безоговорочной, но все-таки похвалы. А по критериям, которые можно и должно применить к коммунисту, марксисту, к человеку, который называл себя "учеником Ленина"? Полезно задуматься...

Сделаем разговор более предметным. Обычно в перечне заслуг Сталина на первых местах значатся индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, победа в Великой Отечественной войне. Конечно же, имя Сталина неотделимо от важнейших страниц, важнейших глав в биографии Советского Союза. Но и здесь стоит подумать, еще и еще раз внимательно прочитать, перечитать эти страницы и главы.

Индустриализация была нужна как воздух. Но сам по себе процесс наращивания производительных сил, создания современной промышленности не является социалистическим. Решалась задача, которую начала уже решать, но "недорешила" царская Россия.

Социалистическими по природе, по направленности, по предполагаемому эффекту (догнать и перегнать!) должны были стать система планирования, производственные отношения, руководство народным хозяйством. Но как раз эта, социалистическая по своему характеру, задача не получила устойчивого решения. Административные рычаги хорошо сработали поначалу, обеспечили — во многом за счет импорта

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 30.

западной техники — бурный рост промышленности, создание ее новых отраслей, но оказались беспомощными перед необходимостью перевести количество в качество.

Коллективизация деревни тоже была необходима. И это — именно социалистическая мера. Но только как исключительно добровольная мера, как часть более широкого кооперативного плана, который начал намечать В.И. Ленин. На деле же никакой добровольности не было. Ленинский кооперативный план был “забыт”. Идея коллективизма была, если воспользоваться выражением классиков, отделена от интереса, от заинтересованности людей в создании коллективных хозяйств¹. На крестьянство, включая его середняцкую часть, обрушились репрессии. Коллективизация превратилась не столько в средство социалистического преобразования деревни, сколько в метод принудительной перекатки ресурсов из деревни в город (“нечто вроде дани”).

Давно все это было. Давно начали мы учить крестьянина, когда и где пахать, что и когда сеять, когда убирать. А платить по сталинским счетам приходится сегодня. И платим. Платим американцам, канадцам, австралийцам, аргентинцам, а теперь и Саудовской Аравии (!) — всем, у кого покупаем зерно и мясо. Наша “застенчивая” статистика не сообщает нам, сколько мы купили и сколько заплатили. Судя по отрывочным данным, опубликованным в юбилейном сборнике “Народное хозяйство СССР за семьдесят лет”, варварские методы коллективизации сельского хозяйства обошлись (импорт зерна, мяса, масла) в десятки миллиардов рублей. Тоже ведь своего рода “дань”, которую социализм платит капитализму.

В общем, ни индустриализация, ни коллективизация не решили главную для социализма задачу — не обеспечили высшую по сравнению с капитализмом производительность труда, то есть экономическое превосходство нового строя над старым. Сложившаяся при Сталине, созданная Сталиным и сохраненная его преемниками система руководства, управления, планирования обрекла советское народное хозяйство на отставание по всему фронту научно-технического прогресса, на хронический дефицит всего, что нужно человеку, — жилья, продуктов питания, товаров и услуг, обеспечивающих нормальный быт. Если это не так, если это неправда, то зачем тогда революционная перестройка?

О Великой Отечественной войне. Мы часто говорим и пишем, что потеряли на этой войне 20 миллионов человек. Страшная, чудовищная цифра! Но странная иногда слышится тональность: вот, мол, посмотрите, какие мы хорошие, мы 20 миллионов не пожалели, чтобы одержать победу... Как бы хвалимся числом жертв и ждем, что и нас похвалят за это... Обижаемся, когда не хвалят...

Давайте говорить серьезно. 20 миллионов жизней, немцы на берегах Волги и на Кавказе — это свидетельство того, что страна, армия оказались неготовыми к войне. И никакой “внезапностью” от этого не отговориться. Кто несет ответственность за позорное, беспорядочное отступление летом 1941 года? Ворошилов? Буденный? Молотов? Маленков? Берия? Наверное, и они тоже. Но главная ответственность — на Сталине. Утвердив свой непререкаемый авторитет и столь же непререкаемую

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 89.

власть, Сталин сам взвалил на свои плечи всю тяжесть ответственности за происходящее.

Да, нам не хватило десяти лет. Даже "несгибаемая воля" Сталина пасовала перед давлением неподвластных ему могучих сил и факторов объективного характера. И не в том дело, что Сталин, как и каждый человек, был не всесилен, мог неправильно оценивать возможности и опасности, допускать просчеты, ошибаться. Ошибки можно простить. Непростительны преступления.

Именно Сталин в середине 30-х годов обезглавил, деморализовал Красную Армию.

По неполным данным генерал-лейтенанта А.И. Тодорского, из 767 военачальников, имевших звание маршалов, а также — перевожу на современный язык — генералов и адмиралов, было репрессировано 512 человек. Общая цифра довоенных потерь офицерского корпуса РККА мне неизвестна. Генерал армии А.А. Епишев упоминал о десятках тысяч¹.

Комментируя указанные цифры, известный советский публицист С.Н. Ростовский писал в 1965 году: "Никакое поражение никогда не ведет к таким чудовищным потерям командного состава. Только полная капитуляция страны после проигранной войны может иметь следствием такой разгром. Как раз накануне решающей схватки с вермахтом, накануне величайшей из войн Красная Армия была обезглавлена. Это сделал Сталин"². Мне бы очень хотелось получить разумное, рациональное объяснение того, почему — если он был "в здравом уме и твердой памяти" — Сталин сделал это. Но такого объяснения я пока не встречал... Обычно пишут о том, что Сталин был "очень подозрительным". Добавляют еще, что он поверил немецкой провокации, которую Берлин провёл через Прагу. Патологический сюжет. Сталин больше верил Гитлеру, чем Тухачевскому. Как объяснить? Для Ричарда III не было бы вопроса. Гитлер далеко, Тухачевский близко. Не Гитлер, а Тухачевский может представлять опасность для единовластия Сталина. Придется согласиться с Ричардом III. Только патологическая, всепоглощающая жажда власти объясняет поведение Сталина.

Армия, а тем более наша, Советская Армия, — часть общества, связанная с "гражданкой" тысячами зримых и незримых нитей, дышащая одним воздухом с нею. Можно ли предположить, что развязанный Сталиным массовый террор, уничтожение партийных и советских руководителей, знаменитой ленинской гвардии, верхушки комсомола и профсоюзов, репрессирование многих известных на всю страну командиров производства, ученых, литераторов, огромного числа (до сих пор не названного) "просто" честных, хороших людей, можно ли предположить, что все это не отразилось на моральном духе советских солдат и офицеров? Вопрос риторический.

В.И. Вернадский записал в своем дневнике 2 ноября 1941 года: "Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных. Он сильно понизился в послед-

¹ *Военно-исторический журнал*, 1963, № 1, с. 4.

² *Дружба народов*, 1988, № 3, с. 234.

ние годы — в тюрьмах, ссылках и казнены лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны. Это сказалось очень ярко уже в первых столкновениях — в Финляндской войне, и сейчас сказывается катастрофически”¹.

Любовь к Родине, ненависть к фашистским захватчикам, порабителю, вера в идеалы социализма, которая для многих отождествлялась с верой в Сталина, позволили в конце концов переломить ход войны. И вот от Волги и Терека дойти до Шпрее. Но память о двадцати миллионах, жизнями которых Сталин оплатил победу, требует сказать правду: Сталин чуть не проиграл войну, выиграли ее наши солдаты, наши полководцы, женщины и дети, денно и нощно работавшие на фронт, выиграл войну советский народ.

Можно было бы надеяться — и многие надеялись на это, — что тяжелейшая полоса военных испытаний, великая победа сделают Сталина более человечным, более близким к народу, чей беспримерный подвиг вознес Сталина на пьедестал всемирной славы. Не сбылись надежды. Уже в 1946 году началось позорное поношение А.А. Ахматовой и М.М. Зощенко, жертвами которого стало множество деятелей культуры, обвиненных сначала в “низкопоклонстве”, а позже — в “космополитизме”. В 1948 году начинается погром в биологической науке, за которым последовали сталинские удары по физикам, химикам, физиологам, языковедам, экономистам. Была запрещена кибернетика. Великий Эйнштейн, как горько шутили тогда, превратился в “товарища Однокашкова”.

А затем — “ленинградское дело”, и снова аресты и расстрелы ни в чем не повинных людей. И под самый занавес, в январе 1953 года, дело “убийц в белых халатах”, которое было использовано для нагнетания антисемитизма...

Сталин не ограничился границами СССР. Процессы, подобные московским, прошли во многих, как тогда говорили, странах народной демократии. И снова аресты, пытки, кровь. “Сталин и кровь нерасторжимы, — пишет советский историк М.Я. Гефтер. — И не просто кровь человеческая, на ней история (вся!) жидется. Но он пролил ее столько, что весь, во всех своих действиях связан с ней так крепко, что это сокрушает всякое рациональное объяснение — и его самого, и нас, и нашей истории”². Таков итог. Предварительный? Может быть. Но кровавый — это уж точно и навсегда. “Гипертрофировать” тут ничего невозможно. Уточнения могут что-либо добавить, переакцентировки — сместить угол зрения. Однако доказанные, выверенные факты, совокупность, система таких фактов “уточнению” не подлежат.

Товарищи, которые возражают против преувеличенного, как они полагают, внимания к “культу личности”, к негативным, часто преступным сторонам деятельности Сталина, его политики, обычно обосновывают свою позицию следующим образом. Раздувание “темы репрессий”, говорят они, упор на злодеяния, преступления Сталина смазывают реальные достижения того времени, перечеркивают героические усилия целого поколения советских людей, наносят удар по чести и достоинству первопроходцев социализма. И еще: чрезмерное внимание к Сталину

¹ Литературная газета, 16 марта 1988 г.

² Рабочий класс и современный мир, 1988, № 1, с. 117.

игнорирует объективные законы истории, проявляющиеся в деятельности классов и масс.

Попробуем разобраться.

Я согласен с Черчиллем. Сталин, действительно, привел Россию от сохи к атомной бомбе, вывел Россию в разряд великих мировых держав. И критика "культы личности" вовсе не смазывает это достижение, вовсе не отрицает того факта, что Советский Союз вышел на второе место в мире по общему объему производства, превратился в страну грамотных людей и т.п. Критика разворачивается в другой плоскости. Критика утверждает, что превращение нашей страны в великую державу сопровождалось — в силу "специфики" сталинского курса — отступлением от идеалов социализма, их выхолащиванием.

Нет спора — Советский Союз, действительно, превратился в великую державу, стал "сверхдержавой". И фундамент этого заложен, несомненно, при Сталине и под руководством Сталина. Но было бы неправильно ограничиваться данной констатацией. Есть другой, и тоже весьма существенный, аспект того, что можно назвать анатомией достижений. Обычно перечисляется, что сделано. И чем больше сделано, тем больше достижений. Справедливо, но частично. Не менее важно, как сделано, какими способами, какими методами получены эти самые достижения. Методы, которые предпочитал Сталин, — это команда, приказ, директива, сводящие к минимуму возможности самостоятельно принимать решения, учитывать реальные потребности общества. Система получения достижений, которую мы унаследовали от Сталина и долгое время считали единственно соответствующей социализму системой, лишала основные производительные звенья народного хозяйства механизма саморазвития, внутренней потребности постоянно впитывать научно-технические новшества, совершенствовать качество продукции.

Опираясь на заложенную в годы первых пятилеток основу, мы создали гигантский производственный потенциал, многоотраслевое народное хозяйство, но в экономическом, научно-техническом отношении мы продолжаем заметно отставать от мирового уровня. Как правило, мы меряем себя американской меркой. От Америки как-то не стыдно отставать, привыкли к этому. Но ведь мы по *всем* качественным показателям экономики отстали от Финляндии и Австрии, Дании и Швейцарии, от Швеции и многих, многих других стран.

Наши недоброжелатели язвительно называют Советский Союз "Верхней Вольтой с ракетами". Обидно слышать такое. Зло берет. Но на кого обижаться, на кого злиться? Ведь поем же мы сами: "А также в области балета..." И вот эту нашу отсталость, фундамент которой тоже был заложен при Сталине и под руководством Сталина, никакие достижения "уравновесить" не могут.

Создание социалистического общества, то есть общества, находящегося выше капитализма по уровню производительности труда и материальному достатку трудящихся, по степени реализации социальной справедливости и социального равенства, по масштабам подлинного народовластия, отвечало самым жизненным интересам трудящихся. Поэтому Россия пошла за партией большевиков и ее вождями. Здесь же — коренная причина, истоки массового героизма, энтузиазма, готовности выдержать любые трудности, пойти на жертвы ради победы социализма. Люди, миллионы людей верили в новую жизнь, хотели, жаждали уско-

рять ее приход. Они смотрели вперед, в будущее, считая выпавшие на их долю тяготы, неустройства неизбежным спутником, следствием охватившей Россию социальной бури. И трудно найти подходящие, наиболее выразительные слова, чтобы по достоинству оценить исторический подвиг поколения первопроходцев социализма.

Воистину у нас за спиной великая история великого народа.

Сталин обманул "свой" великий народ.

Вожди, политические лидеры крупного калибра не являются марионетками, которых дергают за ниточки классы или некие "законы истории". Вожди и подвластный им аппарат, особенно если они выходят из-под контроля своего класса, своей партии, если они обретают практически абсолютную власть, обладают значительной степенью самостоятельности. Их деятельность может ускорять или замедлять ход естественно-исторического развития, и больше того — может направлять это развитие в русло, не совпадающее с общим "ходом истории".

Сталин обманул людей, верящих в социализм. В центре его внимания находились не столько интересы социализма, сколько прежде всего интересы "державные", требующие превращения России в могучее, способное выдержать натиск извне государство. Могут сказать: интересы "державные" не противоречат интересам социализма. Да, в принципе не противоречат. Чтобы выжить, мы должны были стать сильными. Люди понимали это и поддерживали политику Сталина. Но сталинское понимание "державности" возвышало Государство над гражданином, превращало суверенную личность в послушный, безропотный "винтик" огромной государственной машины. Что не имело ничего общего с интересами социализма.

Ничего общего с интересами социализма не имели и личные интересы Сталина, требующие устранения всех, кто мог бы претендовать на равное с ним положение, возражать против подмены диктатуры класса диктатурой вождя, настаивать на собственных оценках и суждениях. Но время, обстоятельства "работали" на Сталина. Россия, революция нуждались в сильной личности. И фигура Сталина отвечала этой потребности. На Сталина "работали" и отсутствие демократических традиций, и царистские, воспитанные веками настроения крестьянской массы, которая стала огромным резервуаром для пополнения быстро растущего рабочего класса, количественного роста партии, формирования партийного и государственного аппарата.

Так создавалась социально-политическая и психологическая среда для превращения первого среди равных в первого без равных. И такое превращение состоялось. Была выбита, раздавлена наиболее интеллектуально и политически развитая, самостоятельная, инициативная часть партии, прошедшая горнило революции и гражданской войны.

Опыт массовых движений показывает, что *верить* в идеал, идти за непогрешимым, мудрым, всесильным вожаком гораздо легче, чем понимать научное содержание этого идеала и ломать себе голову над характером отношений между вождем и массами. Вера в социализм была отожествлена с верой в Сталина и заменена последней.

А вера, слепая вера — в бога, в дьявола или в коммунизм — делает мысль бессильной, превращает ее в свою служанку, лишает человека возможности здраво, критично судить о предмете веры... В принципе вера — утешение слабых духом. Но и сильным иногда нужны кумиры.

Вера в Сталина облегчала жизнь, помогала уходить от больных вопросов, создавала и поддерживала иллюзию победоносного шествия, "от победы к победе". И современникам Сталина или тем, кто привык некритически воспринимать его деятельность, обидно, когда рушатся алтари и кумиры. Я вполне их понимаю. И, по моим представлениям, вера в Сталина никоим образом не умаляет заслуги людей, которым пришлось начинать путь в социалистическое будущее. Беда не в том, что они верили Сталину. Беда в том, что Сталин не отвечал им взаимностью. Он, повторяю, обманул партию, народ, людей советских.

Я не берусь реконструировать мысли, эмоции Сталина, мотивировку его поведения. Судя по всему, им владела "одна, но пламенная страсть" — жажда власти, стремление повелевать. Здесь в "дворцовой" политике, в интригах на византийский манер Сталину не было равных. Его главное "достижение" — собственный автопортрет, созданный, вылепленный им — при соавторстве многих сервильных натур — образ "величайшего полководца всех времен и народов", "отца всех народов", "корифея всех наук" и т.д. и т.п.

Создать такой образ, поощрять и поддерживать свой "культ" — задача далеко не элементарная. Сталин решил ее блестяще. Он тонко чувствовал ситуацию, понимал психологию людей, разбирался в страстях и слабостях человеческих.

Страх растлевает человека, превращает его в безвольное орудие чужой воли.

Надежда возвышает человека, дает ему силы, уверенность, стойкость в жизненных перипетиях.

Опираясь и на массовые репрессии, и на массовый героизм, Сталин использовал страх одних и спекулировал на надежде других. Он предавал и казнил друзей, он превратил заключенного, "зэка", в одну из самых массовых профессий. И он же фотографировался с Мамлакат, возвеличивал Стаханова, окружал заботой Чкалова, Папанина, Шмидта. Повсеместные проклятия в адрес "врагов народа" и рапорты о трудовых победах, выражение восторгов перед "ежовыми рукавицами" и "Марш энтузиастов", грубейшие нарушения законности и Сталинская Конституция — таковы парадоксы самого парадоксального периода в истории социализма.

Так где же здесь "законы истории", носителями которых являлись массы? Тот, кто делает историю, тот и отвечает за содеянное. Если принять логику людей, апеллирующих к народу, значит, народ, крестьяне отвечают за варварски проведенную коллективизацию? Значит, народ, рабочие отвечают за массовые репрессии, которые отвратили от социализма, от коммунистических партий миллионы людей во всем мире? Значит, народ наш, массы отвечают за трагедию 1941—1942 годов? Если именно народ делал историю, а Сталин лишь выполнял, аранжировал его волю, то на все эти вопросы придется дать положительный ответ.

Я не хочу углубляться в философию истории, излагать марксистскую концепцию роли масс в историческом процессе. Это дело философов и историков. Но мне как-то неловко, совестно возлагать на народ ответственность за те эксцессы, которыми сопровождалась история социализма и которые исказили, извратили суть социализма.

Предвижу возражение — каждый народ имеет то правительство, которое он заслужил. Верно. Но только в одном случае. Этот "случай" —

демократия. И перестройка дает нам шанс. То, как мы используем этот шанс, покажет — чего мы заслужили.

То, что я написал о Сталине, — не научный трактат. Это — отдельные заметки, штрихи, соображения. Это — контуры той правды о Сталине, которую я вижу, чувствую. Может быть, я в чем-то ошибаюсь. Само по себе прошлое неподвижно, оно застыло в мертвом, невозвратном времени. Но представления о прошлом, правда о прошлом зыбки, подвижны, часто противоречивы. Споры о Сталине невозможно закончить каким-либо "решением". Каждое новое поколение будет не только читать написанные до него книги о Сталине, но и писать свои. Время отсеет конъюнктурные, "воспитательные", "престижные" соображения, нейтрализует личные симпатии и антипатии, откроет архивы. И люди не перестанут изумляться, поражаться тому, что у истоков мирового социализма высветится мрачная фигура человека, словно пришедшего в наш век из шекспировского театра.

Такова ирония истории...

XX съезд КПСС открыл новые горизонты.

После тяжелейшей войны, после долгих лет сталинской диктатуры страна жаждала перемен. Урожайность зерновых была примерно 8 центнеров с гектара. Промышленность нуждалась в техническом перевооружении. Люди остро нуждались в жилье, продуктах питания, товарах широкого потребления. И чем дальше в прошлое уходил энтузиазм Победы, тем рельефнее проступали простые, будничные, касающиеся всех проблемы.

Н.С. Хрущев, как мне кажется, понимал это. Понимал и пытался поправить положение.

Клин клином вышибают. Арест и расстрел Берии и его ближайших сообщников были исполнены в классической сталинской манере. Но они явились предвестниками новых времен.

Мужественный, пронзительно откровенный, ошарашивающий доклад Н.С. Хрущева на закрытом заседании съезда был первым — и поэтому самым трудным — шагом к объективной, партийной оценке Сталина. Осуждение сталинского террора, восстановление законности заметно оздоровили обстановку в партии и стране. Был открыт путь к переменам и прежде всего — к переменам в политическом режиме. Начал осознаваться ограниченный, временный характер тех особенностей социализма, которые отражали чрезвычайные — объективные и субъективные — условия его формирования.

К сожалению, инерцию старого преодолеть не удалось. "Оттепель" осталась оттепелью. Весна не наступила. Ленинские принципы партийной и государственной жизни не были восстановлены до конца. Сказывались преимущественно "верхушечный" характер перемен, острая борьба в руководстве партии, сильные позиции тех, кто стремился свести к минимуму резонанс от решений XX съезда КПСС. Сказывалась неподготовленность широкой партийной общественности, народа к столь крутой переоценке недавнего прошлого. Сказывалось и давление со стороны руководителей многих коммунистических партий, которые опасались, что наращивание критики "культы личности" будет использовано буржуазией для ослабления авторитета и влияния коммунистов.

Хрущев метался. Со свойственной ему импульсивностью то громил художников-"абстракционистов", ругал Евтушенко и Вознесенского,

давал команду ударить по "ревизионистам", остановить нарастающий поток критики сталинизма, то — как это было на XXII съезде — снова начинал яростные атаки на Сталина...

Столь же импульсивной, взрывной, часто непродуманный характер имела реформаторская деятельность Хрущева. Он многое начал делать для того, чтобы вывести сельское хозяйство из прорыва, модернизировать промышленность, улучшить жизнь людей. Стала меняться вся атмосфера в стране. Но его постоянно заносило. Кукуруза — прекрасная вещь. Нужная очень. Но заставлять выращивать ее в Архангельской области значило дискредитировать идею. Великолепны, видимо, и торфоперегонные горшочки. Но видеть в них панацею, волшебную палочку-выручалочку значило пустить дело под откос. Сделать более конкретным, эффективным партийное руководство промышленностью и сельским хозяйством — полезное дело. Но разъединить, разъять партию и ее аппарат значило рубить сук, на котором сидишь.

Подвела Хрущева и традиционная, впитанная в сталинские годы вождистская психология, неготовность всерьез принять коллективное руководство. Борец с "культом личности" сам оказался его жертвой. Некритическое отношение к самому себе, попустительство славословию в свой адрес, самолюбование подрывали авторитет Хрущева, служили пищей для злых насмешек и анекдотов.

Величие Н.С. Хрущева в том, что он решился сказать правду о сталинских преступлениях и взял курс на обновление, очеловечивание социализма. Его слабости — непоследовательность, колебания, вера в собственную непогрешимость. Он не выдержал испытания властью и лишился ее.

В октябре 1964 года Пленум ЦК КПСС освободил Хрущева от партийных и государственных должностей "по состоянию здоровья". С докладом на Пленуме выступил М. А. Суслов. В докладе были правильные, справедливые оценки. Основной мотив критики в адрес Первого секретаря ЦК КПСС — нарушение коллегиальности, коллективности руководства, нежелание считаться с мнением товарищей, возрождение "культовой" атмосферы, а также дестабилизация общей обстановки из-за непродуманных реформ и частой смены кадров. Трудно сказать, насколько искренни были докладчик и те, кто ему аплодировали, каковы были их действительные намерения. Если же отвлечься от намерений, если встать на почву фактов, то мы увидим, что прозвучавшая на октябрьском Пленуме ЦК КПСС критика в значительной мере оказалась лицемерной.

В принципе Брежнев исходил из тех же посылок, что и Хрущев: люди хотят жить лучше, спокойнее; нужно во что бы то ни стало предотвратить войну; нужно решительно сдвинуть сельское хозяйство с мертвой точки, ускорить развитие "группы Б". Причем политика Брежнева, действительно, была более уравновешенной, более основательной на ряде направлений. И где-то до конца 60-х — начала 70-х годов давала, на мой взгляд, пусть ограниченные, но положительные результаты. Однако в дальнейшем — особенно после чехословацких событий 1968 года — курс на стабильность, не сопровождавшийся развитием демократии, необходимыми переменами, обновлением кадров, стал порождать застой, мертвящую неподвижность, которая в свою очередь стала источником бесконтрольной бюрократизации, нравственно-политического

разложения работников партийного и государственного аппарата. В партийных комитетах, в партийном аппарате стал увеличиваться удельный вес серых, невыразительных, бездуховных людей.

После ухода Хрущева давление сталинистов многократно усилилось. Отношение Брежнева к этой проблеме, насколько я могу судить, было неоднозначным. Как политик он понимал, что "полномасштабная", гласная, точнее, громогласная реабилитация Сталина невозможна, что она окажет в целом отрицательное воздействие на обстановку в стране, на авторитет СССР за рубежом. Но как человек, сформировавшийся в сталинские годы и Сталиным выдвинутый на руководящие посты, он симпатизировал Сталину и внутренне не мог принять его развенчание. В этом он находил полную поддержку многих товарищей из Политбюро и Центрального Комитета, которые прошли сходный жизненный путь и примерно одинаково оценивали Сталина. Имя Сталина стало все чаще всплывать в мемуарной литературе, в различного рода книжках и статьях. Плохо не то, что стали вспоминать Сталина — его не вычеркнуть из истории. Плохо то, что воспоминания эти имели, как правило, апологетический характер. Начался постепенный дрейф в сторону от решений XX и XXII съездов партии.

В отличие от Сталина или Хрущева Брежнев не обладал яркими личностными характеристиками. Его трудно назвать крупным политическим деятелем. Он был человеком аппарата и, по существу, слугой аппарата.

Если же иметь в виду человеческие качества, то, по моим наблюдениям, Брежнев был в общем-то неплохим человеком, общительным, устойчивым в своих привязанностях, радушным, хлебосольным хозяином. Любил охоту, домино, кино "про зверушек". Радовался доступным ему радостям жизни. Так было примерно до первой половины 70-х годов.

А дальше — дальше Брежнев стал разрушаться, разваливаться как личность и как политик. Всякая власть портит, абсолютная власть портит абсолютно. Но то, что раньше было трагедией, теперь стало фарсом. Неумеренное славословие принимало гротескные формы. Обилие наград и званий превысило все допустимые "нормативы". Явные следы болезни, которой официально вроде бы и не было, делали ситуацию вообще какой-то ирреальной, фантазмагорической. Брежнев полностью утратил самокритичный контроль за своими действиями. Верил в собственное величие. Всерьез воспринимал панегирики в свой адрес. Его политика, если здесь применимо это слово, создавала и поддерживала обстановку, в которой прогрессировала коррупция на всех уровнях, процветали очковитительство, обман, воровство. Многие партийные руководители в республиках и областях превратились в своего рода пожизненных феодальных князьков.

У меня такое впечатление, что все или почти все коммунисты — неважно, в "верхах" или на "низах", — все, кто способен думать, отдавали себе отчет в нелепости, парадоксальности, постыдности, наконец, происходящего. И все-таки — вот оно самое страшное, самое пугающее наследие Сталина! — вставали и аплодировали, аплодировали и вставали...

Отдельно — экономическая тема. На грани 50—60-х годов оставшаяся от Сталина административно-командная система управления экономикой, ориентированная на всеобъемлющий централизм, экстенсив-

ный рост, валовые, количественные показатели, игнорирование закона стоимости, подошла к пределу своих возможностей. В ходе развернувшейся тогда дискуссии становилось все яснее, что существующий хозяйственный механизм не может претендовать на всеобщность, что социализм вполне совместим и с иными вариантами системы руководства экономикой.

Реформы 1965 года наметили правильный путь.

Выступая 29 сентября 1965 года на Пленуме ЦК КПСС, Брежнев заявил: "Чтобы в полной мере использовать все возможности социалистического способа производства, предлагается усилить экономический метод управления хозяйством. С помощью системы экономических стимулов нужно создать прямую заинтересованность каждого рабочего, мастера, техника, инженера и служащего предприятия во внедрении новой техники, в совершенствовании технологии, повышении производительности труда и качества продукции. Этим же целям будет служить расширение прав каждого отдельного предприятия..." Подчеркивая необходимость глубокой теоретической проработки возникающих проблем, оратор поставил на первый план такие вопросы, как "социалистический хозяйственный расчет, использование в плановом управлении экономической прибыли, цены, кредита, хозяйственных договоров и т.д., разработка учения об организации и управлении социалистической промышленностью в условиях развертывающейся научно-технической революции, сочетание централизованного планирования с экономической самостоятельностью предприятий и другие"¹.

Намеченный путь не был пройден. Сторонники реформ не смогли сломить сопротивление накопленной инерции, старых привычек и порядков, за которыми стояли значительные, влиятельные группы партийных, советских и хозяйственных работников. Компромисс между сторонниками и противниками реформы ничего не мог решить. Важное, нужное дело было загублено непоследовательностью, полумерами, нерешительностью.

Если XX съезд считать первой попыткой перестройки, перевода социализма на новые, современные политические рельсы, то реформа 1965 года может рассматриваться как вторая попытка перестройки, на этот раз — в экономической сфере. Обе попытки, хотя и способствовали пробуждению мысли, самосознания, критического отношения к практике первых этапов строительства социализма, не удалась. Старое было все еще сильнее нового.

Не приняв реформу, отторгнув мелкие поправки и улучшения, затормозив, остановив десталинизацию, старая политическая и экономическая система продолжала жить по своим законам. В политике прочно утвердилась консервативная, антидемократическая тенденция. В экономике была несколько иная картина. Спорадически возникали и даже получали юридическое оформление проекты реформ (можно упомянуть в этой связи постановление ЦК КПСС "О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов", а также постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного меха-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. I. М., 1970, с. 210, 218.

низма на повышение эффективности производства и качества работы”, принятые в июле 1979 года, но так и оставшиеся на бумаге). Вполне здравые, подчас весьма актуальные и глубокие соображения о тех преобразованиях, в которых нуждается народное хозяйство, система и порядок управления им, неоднократно высказывал на партийных съездах и на пленумах ЦК Брежнев. Но слова не подкреплялись делами. Все сходило на нет, тонуло в чиновничьем болоте, в аппарате, который из инструмента, орудия политического руководства превратился в самостоятельную силу, направленную на самосохранение, на глушение нового, необычного, расходящегося с освященными традицией стереотипами.

Дорого обошлась нам почти тридцатилетняя пауза. Падали темпы роста. Поступательное движение экономики обеспечивалось растущими капиталовложениями, которые давали все меньшую отдачу. Недопустимо медленными темпами внедрялись результаты научно-технической революции. Хронической болезнью стали “дефициты”. Падала заинтересованность людей в производительном труде. Нарастали апатия, социальная пассивность. Социальной бедой обернулось пьянство. Увеличивалось число наркоманов. Падали рождаемость и продолжительность жизни.

Все это уже не говорило, все это кричало о том, что модель социализма, созданная в 30–50-е годы, полностью исчерпала все свои возможности. Ее искусственное сохранение вело к экономической стагнации, ставило советское общество на грань кризиса, ослабляло авторитет и влияние СССР на мировой арене.

Избрание Ю. В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС вдохнуло надежду. Высокообразованный, интеллигентный человек, с огромным опытом политической работы, прекрасно осведомленный о реальном положении дел, он понимал: дальше так нельзя, невозможно. Сделать почти ничего не успел.

Выдвижение К. У. Черненко, бесцветной, серой посредственности, было трагикомедией, позором для партии. Люди не знали, плакать или смеяться.

Предвижу вопрос: а где же народ, массы? Почему опять Хрущев и Брежнев, Андропов и Черненко? Почему снова просчеты и ошибки? Ведь народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция — осваивал целину, строил КамАЗ и БАМ, создавал ракеты и спутники. Народ продолжал строительство социализма...

Да, народ продолжал... Но все дело в том, что, как и раньше, народ был лишен права принимать решения по фундаментальным вопросам, определявшим направление, характер, темпы развития. Ведь не народ же решил, что мы уже создали развитое, зрелое социалистическое общество. Не народ спустил на тормозах решения XX съезда КПСС, реформу 1965 года. Не народ довел нашу экономику до предкризисного состояния. И не народ решил ввести “ограниченный контингент советских войск” на территорию Афганистана.

При том уровне демократизма, который существовал в нашей стране, говорить о народе как творческой исторической силе — значит вводить в заблуждение и себя и народ. Строить БАМ и строить социализм — не одно и то же. Народ мог строить и строил, но не мог сказать, что и как надо строить. Такова правда.

Есть и другая правда. Гегель выразил ее так: “Великим, бросающимся в глаза революциям должна предшествовать тихая, скрытая револю-

ция, совершающаяся в самом духе века, революция незримая для взора каждого, наименее доступная для наблюдения современников, столь же трудно выразимая в словах, сколько и трудно постижимая"¹. Видимая невооруженным глазом коррупция, наглое воровство, обман, подтасовки отчетности, рост "теневой экономики", разболтанность, расхлябанность на производстве отравляли жизнь, мешали работать каждому честному человеку. В глубинах народной жизни зрели гроздь гнева, накапливались недовольство, раздражение, все более острым становилось желание перемен — и перемен не косметических, не уравновешенных на весах придворных компромиссов, не сводящихся к длинной или короткой рокировке в "верхах", а перемен, затрагивающих основы устоявшихся порядков. Зрела перестройка.

И вот наступил апрель 1985 года. Политика М. С. Горбачева отразила назревшие и перезревшие потребности общественного развития. Она отвечала коренным интересам народа. Начиналась новая эпоха в жизни нашей страны, в истории мирового социализма.

Прорыв в новое, непривычное для нас социально-политическое пространство породил множество больших и малых проблем, вызвал острые споры, столкновения мнений, сделал очевидным наличие в нашем обществе различных социальных групп с далеко не одинаковыми интересами. В борьбе, в дискуссиях, которые тянули в свою орбиту миллионы коммунистов и беспартийных, уточнялась, конкретизировалась, наполнялась все более богатым содержанием программа перестройки, программа обновления социализма. Эта программа и в дальнейшем будет уточняться, совершенствоваться, видоизменяться. Но основные ее направления уже проступают достаточно четко.

1. Переход от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным; ускорение социально-экономического прогресса на самой передовой научно-технической базе; сочетание плана и рынка, планового руководства с механизмами саморегуляции экономической жизни, основанными на действии закона стоимости; возврат к ленинскому кооперативному плану; расширение индивидуальной трудовой деятельности и признание ее общественной значимости.

2. Последовательная демократизация всей политической системы; создание правового государства, включая комплекс институтов, гарантирующих регулярную сменяемость и подлинную коллегиальность руководства; превращение Советов — от сельского до Верховного — в реальные, действующие органы власти; утверждение гласности, социалистического плюрализма мнений, полная ликвидация всех зон, свободных от критики и общественного контроля; укрепление роли партии как политического авангарда советского общества.

3. Творческое развитие марксистско-ленинской теории, возрождение общественных наук; раскрепощение художественного творчества; утверждение высоких нравственных начал, социалистических ценностей во всех сферах общественной жизни; создание в стране и партии атмосферы подлинного товарищества, гражданственности, доброжелательства.

Разумеется, все перечисленное — лишь самые общие контуры того социализма, который должен стать результатом перестройки. Более кон-

¹ Гегель. Работы разных лет, т. I. М., 1972, с. 183—184.

кретный разговор о параметрах социалистического общества, о критериях социалистичности еще только начинается. Парадокс: надо было семьдесят лет строить социализм, чтобы поставить перед собой вопрос — что же такое социализм? Та же самая ирония истории... А то, что мы научились воспринимать ее, говорить о себе правду, задавать себе трудные вопросы, свидетельствует, если угодно, о нашем социальном здоровье, свидетельствует о том, что, пройдя сквозь исторические лихолетья, побывав в темницах духа, мы сумели сохранить свежесть и ясность мысли, способность изменить самих себя, а значит, и общество, в котором мы живем.

Теоретический анализ социалистического идеала, неизбежный пересмотр традиционных представлений о социализме предполагают ретроспективную оценку поисков, находок и потерь, которыми характеризуются прошлые этапы развития теории социализма. И здесь нужно преодолеть конъюнктуру, преодолевать самих себя. Ведь, к сожалению, мы привыкли жить без истории, привыкли не только “забывать”, вычеркивать из памяти тех, кто нами руководил, но и в угоду очередному начальству переписывать, переименовывать историю, перечеркивать то, что вчера еще казалось самоочевидным.

В этой связи хотелось бы упомянуть концепцию развитого, зрелого социализма. Наиболее ретивые, полностью “перестроившиеся” умы или делают вид, что ее не существует, или объявляют ее пустопорожней “выдумкой”. Между тем стоило бы не торопиться с выводами, подумать ...

Долгое время, как мы помним, ни о каких этапах в развитии социализма речь не шла. Рассуждали так: если ликвидирована частная собственность на средства производства, если нет уже эксплуататорских классов, то, значит, социализм построен и надо идти дальше — строить коммунизм. Именно такой вывод сделал XXI съезд КПСС, провозгласив курс на “развернутое строительство коммунизма”. В резолюции, утвержденной съездом 5 февраля 1959 года, говорилось: “Советский народ, сплоченный вокруг своей Коммунистической партии, достиг таких вершин, осуществил такие грандиозные преобразования, которые дают возможность нашей стране вступить теперь в новый важнейший период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества... Это будет решающий этап соревнования с капиталистическим миром, когда практически должна быть выполнена историческая задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Коммунистическая партия, весь советский народ полны уверенности, что эта задача будет решена успешно”¹. Формально все вроде бы было правильно, “по теории”: построили социализм, строим коммунизм. Но, оглядываясь вокруг себя, люди чувствовали фальшь, искусственность созданной ситуации, несоответствие теоретических выкладок и социально-экономической действительности.

Противоречие между “научно” констатируемой победой социализма и реальным, далеко не отвечающим идеалам социализма положением дел привело к отказу от привычной схемы.

Постепенно пришли к пониманию того, что мы пока находимся на первых, начальных этапах социалистического общества, что социализм —

¹ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959, с. 166.

это длительная полоса развития, включающая в себя последовательность сменяющих друг друга этапов, ступеней зрелости социализма. Впервые задача строительства "развитого социалистического общества" была поставлена Коммунистической партией Чехословакии¹. В ноябре 1960 года в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий отмечалось, что некоторые страны социализма "уже вступили в период строительства развитого социалистического общества"². Постановка вопроса о развитии, зрелом социализме предполагает, что "развернутому строительству коммунизма" должен предшествовать переход от исторически начальных, первых, ранних форм социализма к его более развитым, более зрелым формам, все полнее раскрывающим преимуществам нового общественного строя.

К сожалению, ценность этой концепции, ставящей во главу угла конкретно-исторический подход к социализму, была подорвана сделанным в ноябре 1967 года поспешным, явно опережающим время заявлением о том, что в СССР развитый, зрелый социализм уже построен³. Почти через двадцать лет последовала корректировка: наша страна находится на начальных этапах развитого социализма. Возможно, и эта оценка завышена. Но, как мне представляется, сама по себе идея различных этапов зрелости социализма вполне конструктивна. И как раз перестройка — это реальный и единственно возможный путь перехода от низших ступеней социализма к высшим, современным его формам.

Упомянувшиеся в начале статьи буржуазные интерпретаторы перестройки, указывая на такие моменты новой политики и новой практики, как сочетание плана и рынка, значительное расширение возможностей для индивидуальной и кооперативной трудовой деятельности, создание смешанных предприятий, отказ от монополии министерства внешней торговли на внешнюю торговлю, рассуждают об отступлении советских коммунистов, о возврате на позиции, которые вроде бы давно были оставлены позади. Думаю, в таких рассуждениях есть свои резоны.

Мы не должны пугаться слов. Политическая стратегия коммунистов отнюдь не исключает возможность маневрирования, отступления, если это диктуется обстоятельствами. Наши слова явно обогнали наши дела. Теория оторвалась от практики. Мы создавали и наделяли реальной жизнью, реальным содержанием понятия, которые такой жизнью и таким содержанием пока не обладают ("зрелый социализм", "новая историческая общность — советский народ", "новый советский человек" и т.д. и т.п.). Больше того. Господствующая у нас система производственных, хозяйственно-управленческих отношений (максимально высокий уровень обобществления, фактическое игнорирование закона стоимости, товарной природы производимой продукции со всеми вытекающими следствиями) заметно обогнала достигнутый уровень производительных сил и прежде всего обогнала уровень сознания главной производительной силы — человека.

На протяжении тысячелетий стимулом экономической активности, мотором, который заставлял работать человека, а значит и экономику,

¹ См.: Общегосударственная конференция КПЧ (Прага, 5—7 июля 1960 г.). М., 1961, с. 23.

² Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961, с. 46.

³ См.: Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, с. 92.

было деление на "мое" и "не мое" и стремление увеличить, умножить "мое" при — в лучшем случае — нейтральном отношении к "не моему". Социалистическая революция сломала этот мотор. Мы заменили его мотором принципиально иной конструкции, центральным элементом которой было не "мое" (или — "не мое"), а "наше". Индивидуалистическая модель развития экономики была заменена коллективистской.

Великие революции рождают и великие иллюзии. Большевики полагали, что за несколько лет, ну в крайнем случае десятилетий, можно будет перестроить психологию человека, подавить индивидуалистические, частнособственнические инстинкты и пустить на полные обороты новый коммунистический мотор.

Обращаясь 2 октября 1920 года к делегатам III Всероссийского съезда РКСМ, Владимир Ильич Ленин говорил, что поколение, которому теперь 15 лет, "через 10–20 лет будет жить в коммунистическом обществе"¹.

Впрочем, идея стремительного прорыва в коммунистическое общество довольно быстро стала корректироваться, размываться временем. Крах «военного коммунизма» заставил задуматься. В рамках общей концепции нэпа В. И. Ленин начинает разрабатывать мысль о соединении энтузиазма с "личным интересом", рассматривать кооперацию (не "колхозы", а кооперацию в целом) как оптимальный вариант "существования" индивидуалистического и коллективистского начал, как форму *постепенного*, опирающегося на личный опыт, на тот же личный интерес возврата тружеников к привычке работать на "наше", на общую пользу. Жизнь пошла иным путем. Стихия социальной бури, острота классовый борьбы, свойственное всем революционерам нетерпение, начавшееся в середине 20-х годов догматическое перерождение ленинизма взяли верх над идеей постепенности, переходных этапов, осторожного культивирования, выращивания ростков коллективизма. Победили более радикальные идеи. Как это ни парадоксально, но победил подход Троцкого, заимствованный и несколько "улучшенный" Сталиным.

Можно спорить, была ли эта поспешность, был ли этот радикализм необходимыми или их можно было избежать? Можно ли было реализовать ленинский кооперативный план или для этого не было объективных условий? Но бесспорно, теперь бесспорно, что темпы и размах перемен в экономических отношениях взвалили непосильную ношу и на государство, и на человека. Государство не смогло решить задачу, которую обязалось решить: обеспечить эффективность народного хозяйства, дать своим гражданам необходимые им товары и услуги. Человек не смог переломить себя и обеспечить производительный труд на основе коллективного интереса. Диалектика: второе обуславливает первое, первое усугубляет второе.

Так вот. Мы отступаем не от социализма, а от наших иллюзий, от созданной нами же мифологии. Суть совершенствования производственных отношений — а это, наряду с демократизацией, центр, нервный узел перестройки, — возвращение на рубежи, на позиции, учитывающие реальные возможности и государства, и человека. Мы даем новую жизнь некоторым формам экономической деятельности, которые, казалось бы, уже превзойдены теорией и практикой социализма. Чем прочнее полити-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 318.

ческая власть, тем большими возможностями она располагает для маневров, экспериментирования, опробования различных вариантов. Пусть с опозданием, но мы осознали: у нас есть необходимый запас прочности, чтобы использовать в интересах социализма и рыночные отношения, и иностранные инвестиции, и мелкого кооператора, и частника. Любой труд, который способствует удовлетворению человеческих потребностей, который нужен людям, имеет изначальную ценность и может "работать" на социализм.

Вероятно, усилится имущественная дифференциация, появятся большие заработки. Но мы так натерпелись от уравниловки, от фактического поощрения лентяев и бракоделов, что хуже того, что было, уже ничего не будет, не может быть. Умная налоговая политика, повышение количества и качества государственных товаров и услуг, рост эффективности экономики помогут обойти некоторые острые углы. А в общем, придется привыкать жить с острыми углами. Но именно жить, то есть вырваться из полосы застоя, из социальной спячки, развиваться, лучше делать дело, лучше работать.

Мы отступили, чтобы пойти вперед более уверенно, твердо. Меняя стратегию, мы поворачиваем не в сторону от социализма, а заменяем одну, уже износившуюся, изжившую себя модель социализма другой, более жизнеспособной, соответствующей новым историческим условиям.

Воздушные шарики иллюзий красивы, но слишком легки, легковесны. Мы учимся обходиться без иллюзий. Только так можно перестроить настоящее и обеспечить социализму будущее.

Некоторые международные аспекты.

Победа социалистической революции в России, ликвидация эксплуататорских общественных отношений, функционирование плановой экономики, основанной на общественной собственности, имели огромное международное значение. С одной стороны, эти фундаментальные сдвиги стимулировали подъем рабочего, коммунистического движения. С другой же — они подтолкнули процесс активного и сознательного приспособления капитализма к новым историческим условиям.

Вторая мировая война, разгром — при решающем участии СССР — наиболее реакционных сил мирового империализма привели к новому туру крупных социальных перемен. Сформировалась мировая система социализма. Развалились колониальные империи. В историческое творчество стали включаться сотни ранее "периферийных" народов. Широкие слои трудящихся в развитых капиталистических странах добились значительного улучшения своего социально-экономического положения. Во всех этих позитивных переменных отчетливо прослеживается влияние Советского Союза.

Вместе с тем ход мирового развития во второй половине XX века показал, что господствующее среди коммунистов представление о социальном прогрессе как о постоянном сужении позиций капитализма разошлось с действительным ходом истории. Перспектива социалистических преобразований в главных центрах капитализма отодвинулась на неопределенное будущее. Капитализм прочно утвердился в "третьем мире". Почти во всех странах социалистической ориентации обстановка остается неустойчивой, чреватой опасностью попятных движений. И в развитых капиталистических странах, и в странах развивающихся ком-

мунистические партии, за единичными исключениями, не смогли превратиться в массовые организации, обеспечить себе поддержку большей части рабочего класса, трудящихся, стать влиятельной политической силой.

Здесь действует ряд причин. Назову две основные.

Первая. Лидеры и идеологи капитализма второй половины XX века сумели, опираясь не только на классовый инстинкт, но и на рекомендации науки (социологии, политологии, психологии) разработать социальную стратегию, которая стабилизировала капитализм, во многом нейтрализовала опасные для власти капитала проявления социального протеста. Даже в условиях кризисных потрясений экономики буржуазии удалось избежать резкого ухудшения материального положения основной массы трудящихся, локализовать рост недовольства относительно узкими социальными группами. Структурная перестройка капитализма на основе новейших достижений научно-технической революции затрудняет деятельность организованного рабочего движения, сужаются позиции его революционного крыла. Под воздействием экономической, социальной, культурной и идеологической эволюции капитализма массовое сознание проявляет все меньшую восприимчивость к абстрактным и символическим формулам радикального преобразования общества, к осуществлению "тотального" переворота в общественно-политической системе¹.

Второе. Социализм не сумел доказать свои преимущества перед капитализмом во всех сферах социальной жизни.

Начальная, исторически первая, жесткая модель "раннего социализма" позволила в кратчайшие сроки решить ряд важнейших задач: резко, высокими темпами, без кризисов и потрясений двинуть вперед производительные силы, ликвидировать безработицу, перестроить международные отношения, совершить культурную революцию, повысить уровень жизни, укрепить социальную справедливость. На фоне капитализма 20–30-х годов это были грандиозные, захватывающие воображение победы, которые с энтузиазмом, с восхищением встречались пролетариатом, трудящимися всего мира.

Весна социализма захватила всех. Нам верили тогда и многое прощали.

Отношение к нам, к социализму стало меняться где-то в конце 40-х — начале 50-х годов. Капитализм вступил в полосу крупных реформ. Социализм, расширяясь, не пошел вглубь. Главная экономическая задача — обогнать капитализм по уровню производительности труда, по производству товаров и услуг на душу населения — оставалась нерешенной. Все больше стали отставать от мировых стандартов не только качество продукции, но и качество жизни. Мы не смогли стать во главе революционной ломки производительных сил, которую несет с собой научно-техническая революция. За семь десятилетий мы не смогли создать общество, которое могло бы стать примером, образцом для подражания, стимулом, побудительным мотивом в борьбе за социалистическое преобразование мира.

Горько, тяжело писать об этом. Почти сорок лет я в партии. Убже-

¹ См.: Г. Дилигенский. Революционная теория и современность. "МЭ и МО", 1988, № 3, с. 19.

денность в том, что история движется в направлении коммунизма, то есть справедливости, равенства и свободы, гуманизации и демократизации общественных отношений, стала, если угодно, моей "второй натурой". Но как раз эта убежденность требует не отворачиваться от крупных неудач, зигзагов, противоречий, кризисных и застойных явлений, которыми сопровождается путь к коммунизму. И снова: правда, только правда может дать нам мужество и силу, чтобы измениться самим и изменить общество, в котором мы живем, изменить судьбу социализма.

Однако вернемся от эмоций к реальности.

Показанные выше "первое" и "второе" можно коротко резюмировать так: раньше стоял один вопрос — капитализм или социализм? Теперь в массовом сознании есть два вопроса — какой капитализм? и какой социализм?

Наша часть работы — ответить на второй вопрос. И это должна сделать перестройка.

Меня очень смущают все чаще раздающиеся голоса, торжественно рапортующие об уже достигнутых, зримых, осязаемых плодах перестройки. Не надо обманывать самих себя. Не надо спешить с рапортами. Самодовольный оптимизм надоел всем хуже горькой редьки. Дел невпроворот. Спротивление продолжается, если не усиливается. 2—3 пятилетки как минимум нужно положить на то, чтобы создать только фундамент для устойчивого развития на современной, всегда остающейся современной научно-технической базе. Другой разговор — неотложные, повседневные нужды. Количество и качество продуктов питания. Одежда. Бытовые услуги. Медицина. Здесь время исчисляется не пятилетками, а годами. Здесь проходит первую проверку огромный кредит доверия, который мы, коммунисты, получили от народа. Здесь, наверное, нужны чрезвычайные, экстраординарные меры. Хотя, стоп! Ловлю себя на другой мысли: может быть, как раз "меры" в привычном для нас понимании (... "по дальнейшему совершенствованию"...) и не нужны. Нужны "антимеры". Не мешать людям хорошо работать и хорошо зарабатывать. Не понукать и не обманывать крестьянина. Не душишь кооператора и частника. Не ...

То, что происходит в Советском Союзе, наша перестройка — часть огромной преобразовательной работы, которая начинает охватывать мировую систему социализма. Проблемы, особенно формы их проявления — у каждой страны свои. Но очень много сходного, похожего. "Экономическое положение, в котором сейчас находятся европейские социалистические страны, — утверждает венгерский экономист профессор К. Печи, — оценивается как достаточно сложное. Возможно, не будет преувеличением охарактеризовать его словом "кризис". Темпы роста в начале—середине 70-х годов начали уменьшаться, усиливались экономические трудности и диспропорции. Восточноевропейские социалистические страны, а также содружество в целом не смогли адекватно противостоять кризису мирового хозяйства. По нашему мнению, речь идет о кризисе не только структурном, но и о кризисе существующей экономической модели"¹. Суммируя оценки господствующей, но подлежащей перестройке модели, К. Печи пишет, что "такая модель, и в особенности система управления обществом и экономикой, содержит в сжатом виде

¹ Рабочий класс и современный мир, 1988, № 1, с. 44.

некоторые элементы докапиталистических формаций, в ней отсутствуют стимулы для достижения эффективных результатов в условиях развитого товарного производства и уж тем более ориентация на эффективность. Кроме того, сам характер модели уже в период ее складывания делал ее неконкурентоспособной по отношению к наличным внешним условиям. Впоследствии положение еще более ухудшилось, поскольку "преодоление негативных аспектов товарного производства" и "совершенствование управления" в капиталистической системе прогрессиrowали"¹.

Каждая страна социализма действует, определяет характер задач и методы их решения, исходя из своего понимания обстановки, своих интересов и потребностей. Цель общая — положить на весы истории безусловные преимущества социализма. А как добиться этой цели — суверенное дело каждой страны, каждой правящей партии. "Реформа в каждой отдельной социалистической стране, — рассуждает югославский исследователь М. Шукович, — имеет свои собственные особенности. В некоторых странах этот процесс глубже, шире, динамичнее, имеет свойства своеобразной революции. В других охватывает лишь некоторые сферы общественной жизни и происходит медленнее или только начинается. Имеются различия и в содержании конкретных мер, решений и достигнутых уже результатов. Наряду с экономическими и культурно-историческими факторами здесь влияют и конкретные способности носителей реформ, и соотношение их сил и сил тех, кто сопротивляется реформам... Поэтому, — заключает М. Шукович, — в содержании происходящих реформ все еще невозможно *точно* разделить верное от неверного, известное от неизвестного, социалистическое от того, что может привести к другим результатам"². Будем учиться "точно отделять", сводить к минимуму возможные негативные социально-политические последствия начатых реформ. На собственном опыте будем учиться и на опыте друзей. Наиболее интересные с этой, "учебной", точки зрения процессы — со всеми их плюсами и минусами — протекают в Югославии, Венгрии, Китае. Многому там можно научиться, от многого предостеречься. Опыт каждой страны открыт для всех, но что взять из него, что "пересадить" на свою почву — везде решается самостоятельно.

Представляется очевидным, что успех перестройки, переход мирового социализма на качественно новую ступень предполагают радикальную перестройку сознания (и на теоретическом и на массовом, быденном уровнях), создание — не в формальном, разумеется, смысле — своего рода философии перемен, ориентированной на пластичность социализма, на готовность и способность лидеров, партий, народов постоянно совершенствоваться, видоизменяться, "приспосабливать" к новой обстановке социалистическое общество.

Перестройка сознания невозможно без овладения новым политическим мышлением, которое подчеркивает цельность существующей на Земле, скажем по-ученому, "социосферы", то есть мирового сообщества государств, народов, культур, религий, растущую взаимозависимость между всеми элементами, частями этой социосферы. Такой подход позволяет сформировать нужное, необходимое в нашу эпоху плане-

¹ Там же, с. 47.

² Социалистическая мысль и практика, 1987, № 3—4, с. 71.

тарное видение социальных процессов, определить место перестройки в общем контексте мирового развития.

И, наверное, настало время признать, что современная цивилизация — в самом широком, разноплановом, значении этого понятия — переживает кризис. Прежние представления о прогрессе как о триумфальном шествии разума, науки, культуры, безграничном экономическом росте, “покорении” природы натолкнулись на явные препятствия. Прорыв к свободе, независимости, благосостоянию, которым ознаменовался XX век, сопровождается нарастанием острейших противоречий, появлением смертельных для человечества опасностей. Прежние, традиционные способы объяснения мира явно перестали годиться для того, чтобы, опираясь на них, изменить мир.

Главная, основная причина кризиса цивилизации коренится, видимо, в том, что научно-техническая революция, прогресс материальной культуры опережают прогресс социальный и духовный. Накопив огромные запасы ядерного оружия, человечество обрело техническую возможность самоубийства, прекращения, обрыва истории. Но дело не только в оружии.

Созданная, взлелеянная человеком, составляющая предмет его гордости техносфера начинает выходить из-под разумного контроля и угрожать необратимым разрушением биосферы. Самонадеянно принимая за истину им же придуманную метафору “человек — царь природы”, человек стал вести себя как абсолютный, не ограниченный конституцией монарх. Но время монархий проходит. Система “человек — природа” явно разладилась, стала все чаще давать сбои. Пределы устойчивости биосферы против антропогенных воздействий не безграничны. И никто не знает, когда, где капля переполнит чашу и начнется цепная реакция необратимых перемен.

Весьма ограниченный ареал распространения научно-технического прогресса, неравномерное распределение его “товарных” результатов, традиционная отсталость, застойность многих обществ “третьего мира” ведут к усилению напряженности по линии Север—Юг, создают благоприятную почву для больших и малых конфликтов.

Затруднения, кризисы разной глубины и остроты, те или иные социальные недомогания переживают все существующие типы обществ.

Капитализм, показывая блестящие способности использовать научно-технический прогресс, создав эффективную систему социальных амортизаторов, продолжает, если иметь в виду макропараметры, оставаться во власти стихийных сил. Кризис реформистских методов государственно-монополистического регулирования, волна неоконсерватизма, активизация новых социальных движений — все это свидетельства неудовлетворенности — и “вверху” и “внизу” — существующим положением вещей. Идет активная борьба. Но не против капитализма. Антикапиталистические настроения существуют, но не они определяют общий тонус социальной и политической активности. Идет борьба за выбор путей улучшения, модернизации, перестройки капитализма.

О трудностях социализма достаточно подробно говорилось выше. Наш путь — возвращение к идеалу, вторая — после Октября 1917 года — попытка создать общество, где человеку во всех отношениях жилось бы лучше, чем при капитализме. Есть четкий критерий, которым будет определяться наш успех: количество людей, стремящихся уехать “туда”,

должно стать меньше количества людей, желающих приехать "оттуда". Возможно, эта мысль покажется наивной, чересчур простой. Так ведь сам сюжет прост. От добра добра не ищут. Тоже правда, которую надо себе сказать.

"Третий мир" сделал выбор в пользу капитализма. Отдельные исключения, может быть, не подтверждают, но и не опровергают этого вывода. Точно так же как отдельные исключения иного рода, демонстрирующие эффективность капиталистического выбора, не могут заслонить кризисный характер развития на огромных территориях Азии, Африки и Латинской Америки. Более чем триллионный долг — лишь хорошо видимая верхушка айсберга.

Разрушение, распад традиционных, веками сохранявшихся структур и порядков обгоняют формирование новых. Миллионы людей выбрасываются в чужой, непонятный им урбанистический, дымящийся и грохочущий мир. Растущие массы маргиналов, люмпенов готовы поддержать любого тирана, любого диктатора, лишь бы выбиться "в люди", лишь бы получить с барского стола хоть крохи власти.

Для многих стран, ищущих выход из кризиса, характерны попытки соединить, синтезировать в разных пропорциях элементы капитализма и социализма. Однако структуры такого рода пока не дали устойчивых, стационарных решений и остаются переходными, промежуточными, временными.

Во всех трех "мирах" конкурируют, вступают в столкновение разные мнения о том, что и как следует делать, в каком направлении складывать социально-политический курс, где искать выход из кризисных, предкризисных или послекризисных ситуаций. Предыдущая история приучила нас к тому, что выбор пути развития, модели развития, как правило, сопровождается острыми коллизиями, открытым столкновением политических сил, часто — вооруженной борьбой.

В наше время наблюдается тенденция смягчить, сделать более цивилизованными формы социальной классовой борьбы. Эта тенденция отчетливо прослеживается в развитых капиталистических странах, где за последние полвека господствовали парламентские формы "выяснения отношений". Исключениями можно считать "революцию гвоздик" в Португалии, а также военные перевороты и контрперевороты в Греции и Турции. Эта тенденция заметна и в социалистических странах. Но исключения тоже есть: Венгрия, Польша (1956), Китай (1958—1978), Чехословакия (1968), Польша (1980—...). Эта тенденция пока минует "третий мир", где проблемы выбора часто продолжают решаться в духе "классических" традиций классовой, политической борьбы: "железом и кровью".

Было бы крайне желательно, чтобы указанная тенденция возобладала повсеместно, чтобы социальные прогресс, перевод социальных стрелок происходили бескровно, без общественных катаклизмов. Но пока это невозможно. Диктаторы и диктатуры, как правило, сопротивляются до конца. Но, пожалуй, можно (или — уже можно, или — можно было бы) не отягощать внутренние коллизии и конфликты вмешательством извне, не делать их предметом борьбы, "соревнования" мировых сил, прежде всего Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Ситуации в Афганистане и Никарагуа поясняют мою мысль.

Наверное, было бы трудно разработать некий кодекс, регулирующий поведение третьих стран по отношению к участникам конфликта.

Я не могу себе представить, что Вашингтон или Москва откажутся в той или иной форме поддерживать своих друзей. Однако вполне можно пред- ставить разумную сдержанность, которая позволяла бы, во-первых, не раздувать, не затягивать региональные конфликты, а во-вторых, не превращать их в источник крупных международных осложнений, подрыва разрядки, роста напряженности между Востоком и Западом.

Глобальные аспекты практически каждого регионального кризиса, конфликта настоятельно требуют рассматривать эти кризисы и конфликты в общем контексте мировой политики, с точки зрения их воздействия на тонус, "температуру" мирного сосуществования. История, прогресс, вложив в руки человечества орудия самоубийства, поставили мировое сообщество перед очередным парадоксом: наладить, обеспечить, гарантировать неантагонистические отношения между антагонистическими по своей природе социальными полюсами нынешнего мира. Мирное сосуществование перестало быть "просто" наиболее желательным состоянием. Оно превратилось в категорический императив нашего времени, в жесткую альтернативу несуществованию. Мирное сосуществование — непереносимое условие, предпосылка выхода, любого выхода человечества из нынешней кризисной полосы развития.

Каким будет этот выход? Какой будет послекризисная цивилизация, которая, возможно, положит начало принципиально новому циклу истории? Только неисправимый догматик или шарлатан может быть уверенным, что у него есть конкретный ответ на этот вопрос. А если не конкретно, если в общем плане?

Моя гипотеза не оригинальна. Я исхожу из того, что капитализм изживает себя. Ибо он — в любых вариантах и разновидностях — противоречит сущности человека, полной реализации, всестороннему развитию личности. Частная собственность — свидетельство неразвитости, социальной нищеты человечества — не может служить фундаментом справедливости, равенства, свободы в их всеобщности, "абсолютности". Как не может быть таким фундаментом и общественная, точнее — государственная собственность эпохи раннего социализма. Вот почему радикальная перестройка социализма имеет всемирное, глобальное значение. Преобразовывая социализм в соответствии с его сущностными, пока еще идеальными определениями, она создает условия, возможности для преодоления кризиса цивилизации на основе социалистического выбора.

Параллельно с изменениями, совершенствованием социализма будет, несомненно, меняться, модифицироваться и капитализм. Идея конвергенции имеет плохую репутацию. Но время меняет репутации. Нельзя безоговорочно исключать, что перемены на обеих социальных полюсах будут способствовать их сближению. Что, как можно предположить, будет облегчать, делать более эффективным выбор в пользу социализма.

Если программа перестройки, которую мы наметили, будет выполнена, если мы сможем не только рассказывать о преимуществах нашего общества, но и "пересадить" их из речей, из книжек в повседневность, в рабочие, деловые будни, показывать их, социализм — и как система социальных отношений, и как образ жизни людей — сделает шаг вперед, равный по своему историческому значению Октябрьской революции 1917 года. А если иметь в виду и успехи модернизации в КНР, и совершенствование социализма в других странах, то начало XXI века может ознаменоваться крупным поворотом мирового общественного мнения

в сторону социализма. Социализм станет тем магнитом, поле которого будет определять общее направление и максимально безболезненные формы социальных процессов. На таком фоне нетрудно прогнозировать реальные меры в области разоружения, разрядку — военную и политическую — международной напряженности и утверждение мирного сосуществования в качестве универсального принципа международного общения.

Если же перестройка не удастся, если она будет существенно заужена, вновь сведена к паллиативам, к полумерам, если мы вновь испугаемся демократии, гласности, плюрализма оценок и мнений, если не социализм, а капитализм сумеет подняться на второй волне научно-технической революции, то нас ожидает довольно мрачное будущее. Резко снизятся авторитет и влияние Советского Союза, социализма в целом. Соотношение сил в мировом масштабе изменится в пользу капитализма. Начнет реализовываться капиталистический (неокапиталистический, посткапиталистический и т. д.) вариант преодоления кризиса цивилизации. Вполне вероятно возникновение конфликтных ситуаций, продолжающаяся милитаризация, наращивание вооружений, сохранение, а возможно, и увеличение угрозы ядерного (или какого-нибудь иного) апокалипсиса.

Таково значение перестройки, как оно видится сквозь призму судеб социализма, судеб цивилизации. Мы, советские коммунисты, взяли на себя тяжелейшую ответственность, ответственность перед советским народом, перед всем миром. Именно этой ответственностью должны определяться решительность, непреклонность борьбы с силами застоя и консерватизма, со всем, что мешает перестройке, и со всеми, кто ей мешает.

Давайте считать, что приказ № 227 зачитан. Отступать некуда.

Несколько заключительных замечаний.

Недавно в одном из научных журналов мне попались такие слова Канта: "Возможны обстоятельства, в которых я не смогу сказать, что хочу, но не может наступить время, когда я буду говорить то, чего не желаю".

Именно так приходилось утешать себя долгие годы. Чтобы не совестно было, чтобы считать себя порядочным человеком. Не могу утверждать, что данный императив действовал как категорический. Но все-таки действовал. И спасал.

Теперь, кажется, я дожил до такого времени, когда мало, преступно мало не говорить неправду. Теперь надо говорить правду. Хотя любителей прикрикнуть на журналистов, приструнить прессу еще хватает. Тем более надо говорить правду, добираться до правды, открыто, демократически сопоставляя позиции и аргументы.

Сила Сталина, сила всех, кто утверждает свой авторитаризм, свой "культ", свою безапелляционность, — в покорном молчании окружающих. Когда народ безмолвствует, царствуют самовластие и самодурство.

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО СОЦИАЛИЗМА

Сегодня много говорят о перестройке всех сторон нашей общественной жизни, называют перестройку революционным процессом или просто революцией, призванной утвердить социализм в новом его видении, придать социализму самые современные черты, зовут к тому, чтобы изменить не только форму, но и сущность социализма, призывают к новому мышлению и к тому, чтобы был реализован лозунг "Больше социализма! Больше демократии!".

Однако, высказывая все это, делают вид, будто не замечают, или сознательно отворачиваются от того, что в результате подобных формул, лозунгов и призывов в советском общественном мнении накапливается все разрастающийся комплекс логических противоречий, сохраняется ряд недоумений и не решенных пока вопросов, дезориентирующих не только начинающих пропагандистов, но и многих умудренных опытом общественников.

Каковы эти вопросы?

Первый из них таков: почему мы называем перестройку революцией, если известна мысль К. Маркса, согласно которой после политической революции рабочего класса и утверждения нового строя, "когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные революции* перестанут быть *политическими революциями*"¹. Перестанут, но, как видно, что-то не получается, если, признав в свое время победу социализма в Советском Союзе, говорят о сегодняшней перестройке как революции в настоящем смысле этого слова. Но тогда не следует прятать голову в песок, надо прямо признать: или Маркс был не прав, или мы перестройку называем революцией не по Марксу.

Не менее важен и *второй* вопрос: почему лозунгом сегодняшнего дня стал лозунг "Больше социализма!>? Разве его все еще нет? Разве советские люди обеспамятовали? Ведь им не нужно читать политические документы, журналы, книги, статьи, они хорошо помнят, что официальная идеология со второй половины 30-х годов и до сих пор называется общественный строй, утвердившийся в нашей стране, социализмом. А если так, если социализм был построен еще в конце 30-х годов, то может ли его быть мало или много сегодня, в конце 80-х годов? Не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 185.

содержится ли в названном лозунге определенный элемент сомнения в наличии социализма в нашей стране? Так почему не обсудить это сомнение прямо?

Можно сформулировать и *третий* вопрос: почему сейчас официально ставится задача — восстановить ленинскую концепцию социализма и претворить ее в жизнь. Разве на протяжении многих лет и десятилетий официально не заявлялось, что у нас была осуществлена именно ленинская концепция социализма, и пока отказа от этих заявлений никто не слышал. Но если это была не ленинская концепция, то какая же? И может ли осуществление неленинской концепции привести в жизни к настоящему социализму?

Каждый из этих вопросов и все они вместе упираются в сущности в один вопрос: каков характер того социально-экономического строя, который был создан в Советском Союзе в 20 — 30-е годы, является ли он социализмом? Ведь если это — настоящий, на основе марксистской науки построенный социализм, то зачем его коренным образом и всесторонне перестраивать? Ведь хорошее переделывать — только портить! Если же это не так, то что же тогда мы имеем?

Ответ на этот вопрос не допускает двусмысленностей, ведь общественная наука — это не упражнения в изящной словесности, когда ради развлечения читателей говорится об одном и еще намечается на другое. В науке должна быть предельная ясность и четкость, иначе это — не наука.

Так давайте же скажем прямо: построен у нас социализм или нет?

Стоит только так, со всей прямотой и откровенностью поставить главный вопрос как сразу же обнаруживается, что однозначно, безоговорочно на этот, что называется, в лоб поставленный вопрос мы ответить не готовы, и вовсе не потому, что у нас не хватает мужества, а совсем по другой причине: мы сегодня не имеем однозначного ответа на вопрос: а что такое социализм? Именно по этой причине мы не можем ответить и на вопрос: построен он в Советском Союзе или нет?

Почему же еще недавно все здесь было ясно, а теперь нет?

Дело в том, что не так давно, когда все казалось ясным и определенным в этом вопросе, когда на всех уровнях с полной уверенностью заявлялось, что социализм уже построен в нашей стране, то эта уверенность была порождена не тем представлением о социализме, которое вытекало из работ Маркса, Энгельса и Ленина, а вытекала из интерпретации их высказываний И. Сталиным. Как раз эта сталинская трактовка социализма, связывавшая его построение с государственным обобществлением средств производства в городе и их кооперированием в сельском хозяйстве, трактовка, вполне совмещавшая "построенный социализм" (или "в основном построенный социализм") с массовыми репрессиями и беззаконием 30-х годов, эта трактовка без обдумывания воспринималась и воспроизводилась всеми, а потому и господствовала уверенность, убежденность, что в СССР уже в конце 30-х годов был в основном построен социализм. Причем никто не добавлял, что это был социализм, построенный по-сталински, а вовсе не по-ленински, так как самого И. Сталина воспринимали в качестве марксиста-ленинца и такой же ленинской считалась проводимая им политика — и внутренняя и внешняя. Сейчас мы так не считаем и имеем для этого более чем достаточные основания.

Поэтому, исходя из всей совокупности нынешних обстоятельств, не будет ли правильно сказать: в результате особенностей исторического строительства нового общества в нашей стране в конце 30-х годов в Советском Союзе был построен социализм по-сталински, т.е. государственно-административный, государственно-бюрократический, казарменный социализм, а не тот, который предвидели основоположники научного коммунизма. Если мы открыто признаем этот факт, исчезнут многие недоразумения, логические противоречия и недоуменные вопросы. В самом деле: признав утверждение в советском обществе не настоящего, а государственно-бюрократического социализма с казарменным духом, можно вполне рационально объяснить революционный характер перестройки, призванной разрушить негативные структуры и сломать сопротивление поддерживающих их социальных сил прошлого и создать новые, истинно социалистические структуры, опирающиеся на всестороннюю поддержку трудящихся; равным образом можно будет разумно объяснить и лозунг "Больше социализма! Больше демократии!". Ведь в предшествующий период того и другого или не было, или не хватало; приобретает действительно глубокий смысл и призыв вернуться к ленинской концепции социализма.

Чтобы все это лучше уяснить, необходимо более детально выяснить, во-первых, можно ли вообще говорить о социализме там, где теория и практика строительства нового общества находятся в противоречии с марксистско-ленинской наукой; во-вторых, что собой представляет государственно-бюрократический социализм по-сталински и, наконец, в-третьих, как преобразовать социализм по-сталински в настоящий социализм, соответствующий современной марксистско-ленинской теории.

I. Есть ли другие социализмы, помимо научного?

Длительное время марксистское обществоведение, охраняя чистоту своей теории и доказывая избранность своего учения, утверждало, что в жизни не было, нет и быть не может никакого социализма, который бы утвердился где-нибудь, не будучи основанным на марксистско-ленинской теории, ибо, если он основан не на науке, он не может утвердиться, если же существующий строй создавался вопреки этой науке, он не может быть социализмом.

Но в последнее время, когда возникли, функционировали или сейчас функционируют общественные устройства наподобие полпотовского "самого радикального социализма", назрела необходимость сказать: что это? Социализм или капитализм? Имеет ли этот строй какое-либо отношение к марксизму-ленинизму и какое? Создавался и функционирует он на основе марксистской науки или нет?

Вот здесь-то и обнаруживаются снова трудности, вынуждающие говорить: и да и нет, не капитализм и вроде социализм, но только не наш. Другими словами, отвечая на вопрос: есть ли в жизни другие реально существующие социализмы, которые не соответствуют принципам марксизма-ленинизма, научного коммунизма, есть основание утверждать, что наше теоретическое мышление до недавнего времени было столь чуждо жизни, настолько привыкло ткать свою ткань из самого себя, из своих собственных логических конструкций, что на подобный вопрос

ему легче было ответить отрицательно, ибо оно считает, что действительный (а из этого делался не вытекающий отсюда якобы логический вывод: а значит, и любой реально утверждающийся) социализм может существовать, только опираясь на науку. А что сверх того — то от лукавого! Нельзя сказать, что сегодня мы уже так далеко ушли вперед по пути нового диалектического мышления, что уже не останавливаемся перед такими вопросами. Ничего подобного!

Когда мы анализируем общественный строй в Советском Союзе при И. Сталине, в КНР при Мао Цзэдуэ или полпотовский строй в Кампучии, мы вполне отдаем себе отчет в том, что все это — далеко не одинаковые общественные устройства и что они стоят в одной шеренге только потому, что официальная идеология в каждом случае выдавала соответствующие устройства за практическое воплощение марксистско-ленинского учения о социализме. Хотя все это мы осознаем, все же первый вопрос, который возникает перед каждым, обращающимся к данной проблематике, таков: а можно ли называть социализмом нечто на самом деле не отвечающее марксистско-ленинским представлениям о нем? Может быть, не следует говорить, скажем, о государственно-бюрократическом, казарменном социализме, раз мы наперед знаем, что в этих общественных устройствах принципы социализма слишком сильно деформированы, если не отсутствуют вовсе? А как же тогда называть такое реальное устройство? Капитализмом?

Отвечая утвердительно на вопрос о возможности использования термина "социализм" в указанном смысле, хочу прежде всего прибегнуть к авторитету К. Маркса и Ф. Энгельса, которые в "Манифесте Коммунистической партии" не стеснялись говорить, в частности, о феодальном, буржуазном и мелкобуржуазном социализме, причем без кавычек, вполне отдавая себе отчет в том, что эти разновидности социализма глубоко чужды научному социализму. Мы и наши современники тоже не сомневаемся в реальности христианского, этического социализма как определенных идейных течений. Но это еще ничего не говорит о применимости подобных понятий к реальному строю.

Поэтому более важным представляется не вопрос: можно или нельзя применить термин "социализм" к идеям и течениям, не связанным с марксизмом — кто может запретить? — а вопрос об основаниях, причинах, делающих возможным такое использование. В чем состоят эти причины?

Конечно же, первой, исходной причиной является причисление себя к социалистам самих участников того или иного общественного движения, т.е. основанием служит *субъективное мнение* участников о характере своего движения, о преследуемых этим движением социальных идеалах. Это, конечно, не отрицает того, что в подобных случаях (при наличии движения) всегда есть и его *объективное содержание*, или реальный смысл того или иного движения, его действительная нацеленность или ненацеленность на определенные изменения в общественном строе, на реализацию тех или иных социальных идеалов: упразднение частной собственности, совместный труд, ликвидация эксплуатации и эксплуататоров, утверждение строя социальной справедливости и т. д.

Уже здесь существует реальная возможность целого ряда извращений и заблуждений, сознательных фальсификаций и бессознательных искажений. Они, в частности, могут заключаться в том, что с социализ-

мом отождествляются цели, не имеющие ничего общего с действительным социализмом (скажем, уравнительное землепользование, прогрессивное налогообложение, антитрестовское законодательство, расселение на широкие круги населения социальная программа и т.п.), или же задачи, являющиеся только отдаленными предварительными условиями продвижения к социализму, сами по себе выдаются за социализм (скажем, ликвидация монополий, прогрессивный налог), или предлагаются нереальные средства продвижения к новому обществу и т.п. Но в каждом из этих случаев, т.е. при весьма недостаточных по тем или иным причинам основаниях, движение присваивает себе социалистическую этикетку.

Однако было бы неверно считать, что *заблуждение*, а не *корысть* является главной причиной злоупотреблений термином "социализм". Дело в том, что если обратиться не к смыслу, а к общественному значению той идеологии, которая претендует на формулировку социалистического идеала, т.е. пропагандирует, отстаивает, защищает социализм как желаемое общественное устройство (цель!), то необходимо различать у такой идеологии ее действительное содержание (смысл) и ее общественные функции. Давно известно, что не только смысл, или содержание, но и общественная функция здесь весьма важны. Почему? Так как все составные идеи социалистического идеала — вместе и взятые в отдельности — близки массам, выражают так или иначе их интересы и устремления, а потому импонируют им, привлекают их, то они (идеалы и их идеи) широко используются и добросовестными и недобросовестными агитаторами, идеологами и политиками для манипуляции массами в самых различных, вплоть до низменных, целях. Короче говоря, способность социалистической идеологии мобилизовывать массы, становиться идейным знаменем широких кругов населения, трудящихся очень рано привела к тому, что социализм как общественный идеал стал широко использоваться идеологами и политиками не из-за своего содержания, а в первую очередь из-за своих функциональных возможностей. Эти возможности ставились на службу как возвышенным, так и прагматическим целям.

Если же вернуться к содержанию, смыслу социализма как идеала, то все учения о социализме, кроме научного, — по самому понятию — являются в большей или меньшей мере *утопическими*, т.е. неосуществимыми¹. Причем чаще всего это утопия в одном из трех возможных планов: во-первых, в том плане, что даже полная реализация составляющих подобное учение о социализме идей (скажем, ограничение трестов, уравниловка, социальная политика для масс) не даст или не может дать социалистического общества (нет в идеале или чего-то существенного, или комплекса нужного); во-вторых, то устройство, которое рисует, недостижимо из-за средств (это особенно отчетливо проявилось при создании внутри буржуазного общества фаланг социалистов); и в-третьих, в том плане, что предлагаемая сумма идей вполне осуществима и осуществляется, но в силу условий, упрощений при своей конкретной реализации приносит такое "осчастливливание" населению, которое

¹ Важно отметить, что нет китайской стены между утопическим и научным социализмом: в первом есть научные догадки, во втором неоправдавшиеся утопические надежды.

только в абстрактном виде авторам этих идей и их окружению кажется счастьем, а самим людям отнюдь нет! Именно такими и были “социализмы” И. Сталина, Мао Цзедуна, Пол Пота и др., “осчастлививавшие” свои народы казарменным социализмом с теми или другими его жестокостями и антигуманизмом. Вот эта разновидность социалистического “осчастливливания” и подлежит нашему изучению.

Почему она возникает? Откуда берется? Почему ей верят?

Мы сейчас не касаемся всей истории социалистических идей, их возникновения и роли в развитии человеческого общества — это слишком широкая тема. Здесь же мы остановимся только на ненаучных учениях о социализме, причем появившихся уже после того, как возник и распространился марксизм, а его учение о социализме стало одним из авторитетнейших среди трудящихся масс. Именно последнее обстоятельство и привело к тому, что с этого времени ненаучные учения о социализме стали возникать не только за пределами революционного рабочего движения, шедшего под знаменами марксизма, но и внутри него, прикрываясь словесной верностью марксизму, а позже ленинизму. Причем и здесь формирование такого ненаучного социализма шло двумя путями.

Один из этих путей состоял в правой фальсификации научного социализма, когда в угоду буржуазии принималась только часть марксистского учения о социализме, причем приемлемая и для буржуазии. Так возник сначала праворевизионистский оппортунизм, а потом социалреформизм.

Другой путь — приверженцы которого особенно настойчиво цеплялись за свою верность марксизму, видя в этом крайне важное средство для маскировки своих действительных корыстных целей, — упрощал и вульгаризировал марксистский социализм, превращал его в ту левацкую фальсификацию, к которой как раз и принадлежали все лидеры, насильственно “осчастлививавшие” свои народы казарменным социализмом. К ним принадлежит и сталинский социализм, социализм посталинский. Трудно отрицать, что движущими стимулами подобного упрощения первоначально могли быть условия невысокоразвитой страны, давление определенных социально-классовых сил; но было бы неверно сбрасывать со счета и личные качества тех, кто стоял во главе движения.

Отличительными чертами сталинской левооппортунистической фальсификации, или извращения научного социализма, являются: во-первых, органическая связь с особенностями строительства социализма в высоко развитой капиталистической стране; во-вторых, особенно широкая спекуляция ленинизмом, верностью В. И. Ленину и его учению; в-третьих, тесная связь со строительством нового общества в стране, первой вступившей на этот путь и прошедшей значительную часть пути в условиях капиталистического окружения, осажденной крепости. Безусловно, все это, помимо индивидуальных качеств И. Сталина — невысокой его грамотности и культуры, присущих ему комплексов неполноценности, укorenившейся за ним оценки как “самой гениальной посредственности партии”, капризности, нeтерпимости, чрезмерной самовлюбленности и жестокости и т.п. и т.д., — все это так или иначе сказалось и на концепции и на реализации сталинского социализма.

Каковы же его отличительные черты?

2. Государственно-бюрократический социализм по-сталински

Одна из характерных черт социалистического строительства заключается в том, что оно везде осуществляется *не стихийно, а сознательно*. Что это значит? Это значит, что здесь общественный прогресс выступает не как результат несогласованных, сталкивающихся друг с другом и противодействующих один другому тысяч и миллионов поступков отдельных людей — как это имеет место в капиталистическом обществе, — а как следствие в общем и целом согласованных и направляемых единой волей действий в соответствии с заранее принятым планом или концепцией (моделью) построения социализма.

Таким характером развития социализма определяется огромная роль в обществе, строящем и совершенствующем социализм, научной обоснованности проводимой политики, правильности и взвешенности избранной концепции (модели) социализма.

Сознательная и согласованная деятельность миллионов трудящихся в направлении реализации принятой в обществе концепции (модели) социализма отличала и строительство нового общества в Советском Союзе. Однако здесь имела место одна существенная особенность. После смерти В. И. Ленина, разработавшего научную концепцию строительства социализма в нашей стране, возглавивший правящую партию и государственное руководство И. Сталин с определенного времени отошел от ленинской внутренней и внешней политики и стал осуществлять свое понимание, свою концепцию строительства социализма.

В самом деле, была ли марксистско-ленинской сталинская модель социализма?

При ответе на этот вопрос речь идет вовсе не о том, что говорила официальная пропаганда, что утверждал сам И. Сталин. Если с этих позиций подойти к вопросу, то все обстоит вроде бы благополучно. С первых дней после смерти В. И. Ленина И. Сталин непрерывно клялся в верности ленинизму, беспрестанно доказывал, что сам он верный марксист-ленинец, что вся политика возглавляемого им Политбюро, ЦК и всей большевистской партий суть марксистско-ленинская политика. Это говорилось и тогда, когда была подвергнута справедливой критике троцкистская позиция о невозможности построения социализма в Советском Союзе в условиях капиталистического окружения; клятвы в верности ленинизму давались и тогда, когда проводилось сталинское раскулачивание, распространявшееся и на часть середняков; заверения в верности ленинизму раздавались и тогда, когда выдвигалась формула обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму и когда с помощью этой формулы развязывались массовые репрессии против ленинской гвардии; когда под ударами сталинского деспотизма гибли лучшие сыны рабочего класса, всех трудящихся, и когда утверждалось, будто социал-демократия — левое крыло фашизма; и когда истреблялись руководящие кадры братских партий, объединенных в Коминтерне; и когда держали под домашним арестом Владислава Гомулку; и когда пытали Яноша Кадара, расстреливали Анну Паукер, Рудольфа Сланского, Ласло Райка и многих других коммунистов. Однако эти заявления о приверженности И. Сталина марксизму-ленинизму не имеют ничего общего с действительной верностью марксизму-ленинизму.

Короче говоря, сегодня только по большому недомыслию или из-

за крайнего упрямства можно причислять И. Сталина к марксистам-ленинцам, а соответственно его видение социализма считать научным. Но это, так сказать, негативная констатация, понимание того, чего делать нельзя, а именно: нельзя считать марксистско-ленинскими ни взгляды И. Сталина, ни его видение социализма, как нельзя считать соответствующей научным представлениям о социализме ту реальность, которая была создана у нас в результате осуществления И. Сталиным своего видения социализма.

И все же нельзя отрицать, что под руководством И. Сталина советское общество коренным образом изменилось: ликвидировалась частная собственность, тысячами колхозов и совхозов, фабрик и заводов покрылась страна. Исчезли эксплуататоры-капиталисты, не стало и капитализма. И. Сталин, указывая как раз на все это, сказал, и все поверили: "Социализм!"

Однако чем дальше, тем становилась яснее вначале не доходившая до сознания истина: жить без капиталистов — это еще далеко не значит жить по-социалистически! Получилось нечто третье. Что?

Поскольку И. Сталин был упрям и настойчив в своих действиях, то, подчинив своим целям и партию, и государственный аппарат, он, организуя с их помощью повседневную деятельность масс, добился своей цели: в Советском Союзе к концу 30-х годов было реализовано сталинское видение социализма, был в основном построен *сталинский государственно-административный социализм* с господством партийно-государственной бюрократии, с его массовыми репрессиями и человеческим страхом, без элементарной демократии и без гласности, социализм, вполне соответствовавший каноническим представлениям марксизма не о действительном, а о казарменном социализме.

Такова была реальность, начавшаяся со сталинской борьбы за власть и отказа от ленинской концепции социализма, ознаменованная решительным поворотом конца 20-х годов, разрывом с ленинской трактовкой и осуществлением нэпа, а затем отказом от ленинской аграрной политики и ленинского понимания индустриализации, пересмотром всех аспектов экономики и политики социалистического общества.

И. Сталин, организуя кооперирование, пошел на ревизию всех основных ленинских указаний, не посчитался он и с решениями XV съезда партии и XIV партийной конференции по этим вопросам. Чрезмерно форсированное, осуществляемое сплошь и рядом под административным нажимом и в противоречии с принципами добровольности и поэтапности, плохо подготовленное кооперирование крестьянских хозяйств сопровождалось чудовищным беззаконием при экспроприации кулака, при осуществлении изобретенного И. Сталиным поголовного раскулачивания, когда без суда и следствия тысячи и тысячи крестьянских семей разрушались и сгонялись с родной земли, их земля и средства производства экспроприировались, а главы семей репрессировались.

Сегодня много пишут об ошибках И. Сталина, выразившихся в распространении раскулачивания на часть середняков. Это, бесспорно, грубое извращение ленинского кооперативного плана. Но есть не менее принципиальный вопрос: а является ли само поголовное раскулачивание, осуществленное Сталиным, т.е. экспроприация кулака, политикой, соответствующей сути марксизма-ленинизма? В 1918 г. В. И. Ленин говорил: "Маркс сказал, что пролетариат должен экспроприировать капиталистов,

а мелкобуржуазные группы суметь использовать. И мы говорили, что у капиталистов надо забрать все, а кулаков лишь прижать и поставить под контроль хлебной монополии”¹. В проекте Программы РКП (б) Ленин так определял программные цели политики в этой области: “По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии политика РКП состоит в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской, социалистической, политике”², т.е. и здесь об экспроприации ни слова. Выступая в Коминтерне, он прямо отверг эту идею³.

Такова была оборотная сторона успехов в соревновании по быстрейшему созданию колхозного строя. Да и могло ли быть иначе? “Сталинским раскулачиванием” зимой 1929/30 г. местами охватывали до 10 — 15% крестьянских хозяйств, а удельный вес кулаков по стране в целом не превышал в 1927 г. 3,9%, а в 1929 г. 2,5 — 3%⁴. Такое кооперирование с искусственным обострением классовой борьбы не только приостановило рост производительных сил, о чем предупреждал В. И. Ленин, но и надолго вообще подорвало развитие сельского хозяйства.

Констатировать все это приходится не для того, чтобы “надрывать душу” (хотя кое-каким историкам-апологетам того времени и это не повредило бы!), а для того, чтобы лучше понять, откуда идут беды советского социалистического сельского хозяйства, почему так тяжело развивается здесь семейный подряд, чего боятся крестьяне, и уж совсем не для того, чтобы отказаться от с таким трудом и такой болью созданных социалистических форм, способных обрести адекватное современному уровню развития производства социалистическое содержание.

Думаю, что, говоря об этом, есть все основания утверждать, что сталинская аграрная политика глубоко чужда марксизму-ленинизму и представляет собой его левацкую оппортунистическую ревизию.

А была ли марксистско-ленинской внешней политика И. Сталина?

Ответить на этот вопрос не просто, ибо для ответа необходим обстоятельный анализ внешнеполитических идей и акций И. Сталина. Приято считать, что ускоренные темпы индустриализации и коллективизации, административный и партийный нажим были продиктованы неизбежностью войны, растущей угрозой нападения на Советский Союз гитлеровской Германии. Думаю, что этот вопрос нуждается в более обстоятельном изучении. Между положением дел внутри страны и на международной арене есть, несомненно, определенная связь, взаимозависимость.

Мне представляется, что и внешняя политика И. Сталина не может быть признана ленинской. Речь идет не только о принципиальных ошибках и просчетах, связанных с плохой подготовкой страны к войне. По моему мнению, не исключено, что, если бы во главе нашего государства стоял марксист-ленинец, проводивший научную внутреннюю политику, не вызывавшую той реакции, которую вовне вызывала сталинская политика, если бы это был более гибкий, более грамотный политический лидер, по-ленински проводящий внешнюю политику, можно было бы из-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 204.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 101.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 175 — 176.

⁴ См.: В. Данилов. Сельское хозяйство и коллективизация. — *Глобус*, 1987, № 28, с. 30.

бежать той международной изоляции, в которой оказался Советский Союз накануне войны. Возможно, в этом случае удалось бы избежать и заключения сначала договора о ненападении, а затем договора о дружбе и границе с фашистской Германией, что в значительной мере дезориентировало международное коммунистическое движение.

Сталинская концепция, согласно которой социал-демократия — это левое крыло фашизма, послужила разобщению фронта борцов за мир против гитлеровской угрозы. Этот фактор, а также разгром военных, государственных, научных и партийных кадров, слабость обороны — все это облегчало развязывание второй мировой войны и нападение фашистской Германии на Советский Союз.

Известно, что в те годы европейские коммунисты выдвигали отвергнутый И. Сталиным тезис о возможности предотвращения второй мировой войны. Конечно, сейчас трудно определить, кто был прав, а кто нет. Но бесспорно, что неизбежность второй мировой войны так же, как и возможность ее предотвращения в равной степени не доказаны. С этой точки зрения те жертвы, те издержки, которые были принесены на алтарь ускорения темпов социалистического строительства, не оправдываются тезисом Сталина о военной угрозе. Кстати, в конце 20-х годов, когда начало раскручиваться "ускорение" по-сталински, гитлеровской Германии еще не существовало, да и реальной внешней угрозы вообще еще не было.

Все эти проблемы также нуждаются в дополнительном изучении, чтобы отбросить штампы и догмы сталинских времен и прийти к научным выводам, иметь не сталинскую и не эклектическую, а научную концепцию развития в эти десятилетия, а главное — четко охарактеризовать тот общественный строй, который был создан.

Что же в самом деле представлял собой тот общественный строй или то общественное устройство, которое еще в 30-е годы И. Сталин, а вместе с ним и все другие называли социализмом?

Науке еще предстоит дать объективный и всесторонний анализ всего того, что сегодня мы называем *государственно-административным (государственно-бюрократическим) социализмом казарменного типа*. Здесь же, не вдаваясь в подробности, возьмем только политику и экономику, власть и собственность. Что предвидел марксизм и что оказалось на самом деле?

К. Маркс, а вслед за ним и В. И. Ленин исходили из того, что политическим условием перехода от капитализма к социализму должна быть власть рабочего класса и его союзников (диктатура пролетариата), важнейшей особенностью которой является то, что это — власть большинства (эксплуатируемых) против сопротивляющегося строительству социализма меньшинства эксплуататоров. К. Маркс особо подчеркивал, что эта власть будет применять государственное насилие только против эксплуататоров, будет означать "завоевание демократии" народом, а само новое государство не будет знать паразитической государственной машины и будет отмирающим государством, шаг за шагом уступающим свое место общественному коммунистическому самоуправлению¹.

¹ Развивая эту мысль К. Маркса, В. И. Ленин писал "о не совсем государственном характере диктатуры пролетариата" (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 171).

Условия Советской России, где численность буржуазии с семьями и численность рабочего класса с семьями перед первой мировой войной была примерно равной и где совершался первый переход к социализму, предопределили особую остроту классовой борьбы, что наложило свой отпечаток на психологию всего населения, предопределило то, что здесь власть рабочего класса по необходимости осуществлялась в своей крайней, самой суровой форме.

Невозможность сразу добиться того, чтобы правительственно-государственные служащие не получали больше, чем квалифицированный рабочий (что в Советской Республике было связано с необходимостью привлекать буржуазных специалистов с высокой зарплатой), а также невозможность — в силу неграмотности значительной части населения — с самого начала делать шаги в сторону превращения Советов из власти для трудящихся во власть *через* самих трудящихся и тем самым вести дело к отмиранию государства и утверждению безгосударственного самоуправления народа обернулась при И. Сталине тем, что функции власти в советском обществе, принадлежащие согласно Конституции народу, трудящимся, все больше узурпировала партийно-государственная администрация во главе с И. Сталиным. Создавая и развивая номенклатурную систему должностей, отчужденную от масс и неподотчетную трудящимся, И. Сталин тем самым все больше и больше оттеснял рабочий класс, трудящихся от реальной политической власти, вновь превращал их из субъекта в объект политики; а в обстановке 30-х годов, когда без суда и следствия проводилось массовое "раскулачивание", и позже в связи с массовыми репрессиями против так называемых "врагов народа" сталинская система власти, именовавшая себя социалистической властью трудящихся, полностью разорвала с марксизмом и социализмом: ее острие было направлено уже не против эксплуататоров и врагов социализма, а против самих трудящихся, причем зачастую против самых верных приверженцев социализма — ленинской гвардии, партийных, государственных и военных кадров советского общества.

Поэтому в "сталинской модели социализма" были растоптаны важнейшие ленинские принципы осуществления власти рабочего класса и развития социалистической демократии. Здесь реализовала себя предвиденная К. Марксом "опасность правительственной узурпации классового господства"¹: хотя "сталинская конституция" утверждала, что в Советском Союзе у власти стоит рабочий класс, трудящиеся, в действительности власть была узурпирована теми, кто творил беззаконие и осуществлял массовые репрессии, т.е. И. Сталиным и его ближайшим окружением. Сегодня те, кто пытается снять ответственность за все эти преступления с И. Сталина, утверждают, будто Сталин не знал о творимых преступлениях, что их от имени власти трудящихся творили неудачные представители народа. Это — прямая фальсификация истории². Таким

¹К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 548.

²"Иногда утверждают, — говорил М. С. Горбачев, — что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так" (М. С. Горбачев. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., Политиздат, 1987, с. 21). Чтобы здесь не осталось никаких неясностей, приведем следующую справку. В 1939 г., когда волна массовых арестов начала ослабевать и когда руководители территориальных партийных организаций начали обвинять членов НКВД в физическом давлении на заключенных, И. Сталин 20 января 1939 г. напра-

путем хотят вину за совершенные преступления взвалить на рабочий класс, трудящихся, поскольку по закону, по Конституции, именно они должны были стоять у власти. Должны были, но не стояли. Рабочий класс, трудящиеся, как уже говорилось, были оттеснены от власти, беззаконие творилось не рабочим классом, а узурпировавшими власть рабочего класса И. Сталиным и его ближайшим окружением. Это они злоупотребляли властью, именно И. Сталин и его подручные несут персональную ответственность перед историей за содеянное. "Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений"¹.

Узурпировав политическую власть, утвердив свое единоличное господство, И. Сталин не только создал себе из номенклатурного неподконтрольного народу слоя партийно-государственной администрации твердую опору, но и стал широко пропагандировать эту глубоко чуждую ленинизму и социализму политическую систему в качестве воплощения власти рабочего класса, реализации социалистического демократизма. Мало того, чтобы увековечить такую систему, И. Сталин ревизовал марксистско-ленинское учение об отмирании государства, о самоуправлении народа; предал забвению ленинский тезис о превращении Советов из власти для трудящихся во власть через самих трудящихся.

Опираясь на свою собственную, глубоко чуждую марксизму концепцию "обострения классовых борьбы по мере продвижения к социализму" (она широко использовалась для "обоснования" массовых репрессий и беззакония), И. Сталин выдвинул тезис об "устарелости" марксистско-ленинского учения об отмирании государства при социализме, выдвинул свой тезис о "сохранении и укреплении государства вплоть до коммунизма". Марксистская же идея самоуправления народа с определенного времени стала предаваться анафеме как порождение "югославского ревизионизма".

Восстанавливая ленинское видение социализма в этой области, представляется важным полностью восстановить ленинское понимание Советов как новой власти, которая по своему программному существу является властью самих трудящихся, т.е. полным народовластьем, и только на начальных этапах и в экстремальных условиях выступает как власть для трудящихся через их передовой отряд, а не через самих тру-

вил шифрованное предписание секретарям областных и районных комитетов, Центральным Комитетам республик, комиссарам органов внутренних дел и начальникам организаций НКВД. В нем говорилось, что применение метода физического давления, который использует НКВД, было разрешено с 1937 г. на основе согласия Центральных Комитетов коммунистических партий (большевиков) всех республик. И далее, известно, что все буржуазные службы контрразведки используют методы физического давления на представителей социалистического пролетариата, и притом в наиболее гнусных формах. Возникает вопрос, почему служба социалистической контрразведки должна проявлять больше человечности к агентам буржуазии, смертельным врагам рабочего класса и трудящихся колхозников. Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) считает, отмечалось в документе, что физическое давление должно и далее обязательно применяться против известных врагов народа, как оправданный и адекватный метод (см.: *Борба*, 25 — 26.VII.1987).

¹ М. С. Горбачев. Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 21.

дящихся. В этой связи важно выяснить, что и кто мешает тому, чтобы сейчас — при социализме — Советы были властью не для трудящихся, а властью самих трудящихся? Надо, отбросив сталинский тезис сохранения и укрепления, а значит, и разрастания государства вплоть до коммунизма, заменить его ленинским тезисом о социалистическом государстве как “отмирающем государстве”, восстановить вопреки сталинским фальсификациям ленинские идеи о социалистическом самоуправлении народа как организме, формирующемся с первых дней победоносной революции и идущем на смену государственно-политическому управлению, ставящем на его место “управление народа посредством самого народа”¹. Надо глубже уяснить, теоретически разработать и осуществить на практике ленинскую мысль о гласности как необходимой спутнице демократии, выступающей как меч, который сам исцеляет наносимые им раны, а главное — показать, что все время расширяющаяся социалистическая демократия — это тот здоровый воздух, без которого не может существовать социализм, что “нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии”².

Не менее важные “восстановительные работы”, имея в виду ленинскую концепцию социализма, необходимы не только в политике, но и в социально-экономической сфере.

Известно всем, что социальная революция пролетариата — глубочайший общественный переворот, имеющий своим содержанием освобождение труда. В свое время К. Маркс, говоря о коренных целях рабочего класса и их программном выражении в разных странах с учетом специфических условий, так писал о Готской программе: “Многие из пунктов программы не имеют значения вне Германии. Испания, Россия, Англия и Америка имеют свои программы, учитывающие особые трудности в каждой из этих стран. Единственное сходство этих программ состоит в общности их конечной цели... Эта цель — *освобождение труда*”³.

Однако можно ли сказать, что освобождение труда как общезначимое, интернациональное содержание того общественного переворота, который призван исторически осуществлять рабочий класс и его союзники по этой освободительной, революционной борьбе, одномерно и весьма просто по своему смыслу или может быть сведено, как это длительное время — и при И. Сталине, и при Л. Брежневе — почти повсеместно сводилось, к революционному захвату политической власти рабочим классом и обобществлению средств производства с помощью государства? Отнюдь нет! Для марксистов-ленинцев, вопреки упрощениям сталинского и брежневского периодов, емкая формула — “освобождение труда”, выдвинутая К. Марксом, имеет ряд аспектов: социально-экономический, общественно-политический и духовно-нравственный.

Остановимся на интересующем нас социально-экономическом аспекте. Анализируя в “Капитале” эволюцию капиталистического общества, К. Маркс показал, что действительное освобождение труда как содержание социальной революции рабочего класса предполагает по меньшей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 350.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 128.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 45, с. 471.

мере два качественных социально-экономических переворота. Во-первых, преодоление отчуждения *труда от собственности*, т.е. такое соединение непосредственного производителя со средствами производства, которое делает его самого их собственником. Во-вторых, преодоление обособления самой *собственности от управления* ею, что предполагает соединение в одном лице не только собственника и непосредственного производителя, но также и управляющего производством. Задача нового строя состоит в том, чтобы предоставить "каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами"¹. При этом, согласно марксизму, овладение трудящимися собственностью находится в прямой зависимости не от того, провозгласили их или нет хозяевами производства, хозяевами страны, а от того, насколько сами они действительно управляют, распоряжаются собственностью, что, очевидно, не может быть оуждествлено с конфискацией и национализацией и не может быть осуществлено в короткий срок.

3. Как преобразовать социализм по-сталински в настоящий социализм?

Не будет преувеличением сказать, что задачи, которые призвана осуществить перестройка в Советском Союзе, поистине уникальны. Еще никогда в истории не возникала задача совершить революционную перестройку государственно-административного, или государственно-бюрократического, социализма, каким является имеющийся общественный строй, в настоящий, действительный социализм. Как говорится, есть над чем подумать, есть от чего заболеть голове.

Прежде чем обратиться к более конкретным сторонам этой проблемы, остановимся на общем подходе. Поскольку и в исходном и в конечном пункте преобразования речь идет о социализме, а в целом о переходе от социализма (государственно-административного) к социализму же (настоящему, действительному), то этим и объясняются главные сомнения в характере самого преобразования: перестройка — революция это или нет, переход от одного к другому предполагает или нет борьбу социально-классовых сил?

Ответ на этот вопрос упирается, в конце концов, в выяснение того, каким общественным силам — классам, социальным группам, слоям — импонировал государственно-административный социализм и интересам каких сил он не соответствовал, необходима ли здесь борьба первых и вторых за осуществление своих интересов?

Второе, что необходимо решить, есть ли в рамках государственно-административного социализма созданные им структуры, формы, составляющие завоевания общественного прогресса, а потому подлежащие сохранению и усвоению действительным социализмом? Хочу обратить внимание, что здесь нас уже не интересует вопрос цены, т.е. вопрос о том, дешево или слишком дорого достались советскому народу те или иные достижения, а вопрос о том, есть ли такие действительные достижения?

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 113.

И могут ли они быть просто унаследованы или тоже нуждаются в переломе и какой?

Это — отнюдь не такой простой вопрос, как кажется на первый взгляд, но его решение имеет принципиальное значение для оценки перспектив развития советского общества. "Честное понимание как огромных наших достижений, так и прошлых бед, — говорил М. С. Горбачев, — полная и верная политическая их оценка дадут настоящий нравственный ориентир на будущее"¹.

Первый вопрос: имеет ли какие-либо завоевания государственно-административный социализм?

Думаю, что — с точки зрения развития производительных сил или, уже, орудий и средств труда — ответ на этот вопрос может быть только однозначным: за годы Советской власти наша страна из отсталой, невысокоразвитой превратилась в одну из двух "супердержав" мира, опирающуюся на могучую материально-техническую базу. Как бы мы сегодня ни критиковали эту базу, как бы ни были не удовлетворены ее состоянием, но несомненно то, что огромный материально-технический производственный аппарат нашей страны — главное позитивное завоевание предыдущего исторического развития. И чтобы не потерять эти плоды цивилизации, советское общество должно найти пути сохранения и умножения этого богатства.

И здесь естественен вопрос: как обстоит дело с социально-экономическими и общественно-политическими формами, сложившимися в обществе и тоже являющимися наследием прошлого? Вот здесь уже однозначно утвердительного ответа не получается.

Обратимся прежде всего к *коллективизации, ее результату — колхозному строю*.

Уже говорилось о ревизии И. Сталиным ленинского кооперативного плана и тех трагических событиях, которые были связаны с поголовным раскулачиванием и распространением раскулачивания на часть середняков. Да, из-за ошибок И. Сталина за совершенное таким путем кооперирование крестьянских хозяйств была заплачена невероятно высокая цена.

Как же, учитывая это обстоятельство, следует рассматривать не цену этого преобразования, а его результат — созданный в стране колхозный строй? "...Если в целом оценить значение коллективизации в укреплении позиций социализма в деревне, — говорил М. С. Горбачев, — то она в конечном счете была поворотом принципиального значения. Коллективизация означала коренное изменение всего уклада жизни основной массы населения страны на социалистических основах. Она создала социальную базу для модернизации аграрного сектора и перевода его на рельсы культурного хозяйствования, позволила значительно повысить производительность труда, высвободила значительную часть рабочих рук, необходимых для других сфер социалистического строительства. Все это имело исторические последствия"².

Я не выдам секрета, если скажу, что, раскрывая эти "исторические последствия", ряд авторов указывает только на их положительные сто-

¹ М. С. Горбачев. Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 22.
² Там же, с. 20.

роны: полученные накопления для индустриализации, емкий рынок для продукции промышленности, источник трудовых ресурсов и т.д. и т.п. И все это так. Но не менее правильно и другое. Поскольку проведенная по-сталински коллективизация "означала коренное изменение всего уклада жизни основной массы населения страны", то, заявляя, что эта новая жизнь строится на "социалистических основах", нельзя игнорировать того, что в действительности вводились "сталинские социалистические основы", когда колхозник работал от зари до зари, но сплошь и рядом получал за свой труд весьма скудную плату, отнюдь не эквивалентную его трудовому вкладу (иначе откуда же можно было бы получить средства для индустриализации — более разумного пути И. Сталин для этого не видел). А потому по-сталински функционирующий колхозный строй явился всесоюзной школой для "основной массы населения страны" труда не "по-социалистически", а по-сталински, когда труд не оплачивается, когда он сплошь и рядом — не радость, а результат принуждения, а получаемый заработок — уравнилельное распределение того, что пожертвуют, оставят администраторы из государственных инстанций, решающие, всю или не всю продукцию забрать у данного колхоза. Не эта ли "всесоюзная школа" готовила, воспроизводила и поставляла как в города, так и в села не просто трудовые армии, но и армии людей, потерявших всякую веру в возможность честно трудиться и честно зарабатывать, людей, шедших в промышленность не по добровольному выбору новой профессии, а по команде и разнарядке, но, безусловно, с радостью освобождавшихся от полупринудительного, неоплачиваемого даже по своей стоимости крестьянского труда в колхозах.

Еще следует изучать и изучать, какие разноплановые "все это имело исторические последствия".

Вопрос о том, какую школу прошла "основная масса населения страны", начинавшая познавать социализм именно в колхозах 30-х годов, — это большой не только экономический, но и социально-политический, а также идеологический вопрос. Сегодня можно возмущаться инертным отношением населения в селах и деревнях к семейному подряду, можно удивляться тому, что те широкие возможности, которые сегодня представляются колхозам и совхозам для повышения эффективности производства и сбыта своей продукции по рыночным ценам, не используются или почти не используются как следует. Но исходные, изначальные причины всего этого — хотим мы это признавать или не хотим — лежат в коллективизации по-сталински, в "сталинском кооперативном строе" со всеми их отступлениями от ленинизма и нарушениями принципов социализма.

Конечно же, было бы смешно на этом основании отказаться от существующего колхозного строя. Очевидно, что там, где колхозы, пережив все, устояли и окрепли как действительно социалистические формы хозяйствования, они и дальше должны сохраняться и развиваться. Вместе с тем нельзя не видеть и другое. Есть области, а иногда и более обширные районы, где колхозно-кооперативный строй давно и безнадежно болен, где он совершенно неэффективен и существует лишь за счет государственных дотаций. Не следует ли без всяких идеологических предубеждений и навешивания ярлыков всерьез заняться этой проблемой: не был ли здесь раздел земли (в землепользовании) между крестьянскими семьями (как это делается в КНР и СРВ) при сохранении колхозов, где

это целесообразно, и роспуске их, где это выгоднее, выходом из сложившегося положения?

Важно в этом социально-экономическом аспекте проанализировать и *индустриализацию*. Бесспорно, что вера масс в процессе приобщения к строительству первого в истории социалистического общества порождала чудеса трудового энтузиазма и героизма, готовность идти на жертвы и действительное принесение их. "Жизненность выдвинутых партией планов, понятых и воспринятых массами, лозунгов и замыслов, в которых был воплощен революционный дух Октября, — говорил М. С. Горбачев, — нашла свое выражение в том поразившем мир энтузиазме, с которым миллионы советских людей включились в строительство советской индустрии. В тяжелейших условиях, при отсутствии механизации, на полуголодном пайке люди творили чудеса. Их вдохновляло то, что они приобщались к великому историческому делу. Не будучи достаточно грамотными, они классовым чутьем понимали, участниками какого грандиозного, невиданного дела они стали"¹.

Зададим и здесь вопрос: а не эта ли обстановка жертвенности, готовности к лишениям имела своей оборотной стороной развитие технократического подхода, пренебрежения к элементарным условиям жизни тружеников, рост бюрократизма? Не из этой ли жертвенности выростала рабская покорность беззаконию, смирение с раскулачиванием и массовыми репрессиями, не на ней ли воспитывались поколения технократов и разрасталась командно-административная система управления?

Стоит задуматься над всем этим, и приходишь к выводу: рост производительных сил такими средствами и при таких социально-экономических условиях и политических институтах обернулся колоссальным разложением "человеческого фактора", что раньше или позже, но неизбежно должно было привести и привело к новым негативным последствиям.

Поэтому рост вещественных производительных сил, совершивших неимоверный скачок, на который другим странам понадобились десятилетия, в советском обществе был совершен тоже за счет человеческого фактора, за счет его физического перенапряжения, политического угнетения и нравственно-разложения. Все это еще больше усугубило обстановку: страна, не имевшая демократических традиций, еще больше уменьшила свои шансы для прогресса в этой сфере.

Вот с такими обстоятельствами и личностными силами в самом общем виде и имеет дело сегодняшняя перестройка. Очевидно, что нет никаких оснований удивляться тому, что она не идет быстро; быстро идти она и не может. Когда говорится об имеющихся здесь трудностях, речь идет не только о тех негативных последствиях: жертвенности, долготерпимости и безропотности, которые на протяжении многих десятилетий являл миру советский народ и каким он в значительной своей части и стал благодаря усилиям И. Сталина и правившей при нем и после него бюрократии, но и о том человеческом факторе, с которым строительство нового общества имеет у нас дело сейчас.

Когда появляются "безоблачные оптимисты", верящие в то, что партия сегодня призовет, а народ завтра поднимется и сделает в рево-

¹ М. С. Горбачев. Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 18.

люционной перестройке все, что скажет партия, то хочется спросить таких бодрячков: "А где вы были раньше? Спали? Не видели, как народу прививалась, вдалбливалась рабская психология? Так пойдите и посмотрите!" Равным образом, когда появляется "хныкающий пессимист" и, кивая на пассивность трудящихся, их медленную активизацию, а зачастую и неприятие тех или иных аспектов перестройки, начинает высказывать неверие в саму возможность революционной перестройки, тоже хочется сказать: "А вы что думаете, что все прошлое может исчезнуть сразу и бесследно? Вы что, надеялись в один день, одними призывами изничтожить то, что создавалось, воспитывалось десятилетиями негодной практики?"

Все эти и другие трудные вопросы — свидетельство того, что советское общество стоит перед принципиально новой, ни с чем не сравнимой, крайне трудной революционной задачей — революционной перестройки государственно-административного социализма в настоящий социализм на ленинской основе, и совершить это революционное преобразование будет очень нелегко. Но история нам не оставила выбора!

НАШ ПУТЬ К НОРМАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Современная ситуация перестройки вызывает не только энтузиазм одних и сопротивление других. Она вызывает еще и ощущение растерянности и оживление всегда присутствующих в сознании многих людей, которых история не баловала длительными периодами свободного и нормального развития, страхов: как бы не стало хуже. В предшествующей эпохе, эпохе застоя, было одно "достоинство" — предсказуемость. Разумеется, все понимали, что до бесконечности так быть не может. Но в обозримом будущем, "на нашем веку", как думало большинство, будет так. Зло было привычным, а привычное зло не так уж страшно. Сейчас мы как бы начали лечение очень застарелой болезни. Но хотя болезнь, если ее не лечить, обязательно в конце концов приведет к смерти и лечение необходимо, болезнь — привычна, а лечение не только трудно, но, может быть, и рискованно.

Ситуация сейчас переломная и неопределенная. Мы идем к каким-то принципиально новым общественным формам, и, как всегда в переломные моменты, возникает целый веер возможностей, и от нас, от наших решений сейчас зависит очень многое. Между тем при всем расширении гласности решения эти неизбежно приходится принимать при громадном количестве "иксов", неизвестных факторов. Мы настолько плохо знаем состояние дум и умов наших сограждан, у нас такие плохие инструменты для его познания (нет, например, сколь-либо налаженной системы изучения общественного мнения¹), что невольно возникает ощущение пути в тумане, где могут таиться какие-то неведомые опасности. В этой ситуации, чтобы не сбиться с пути и не прийти в панику от мелькающих в тумане силуэтов, на наш взгляд, необходимо постараться максимально прояснить для себя наши конечные цели и идеалы, их реалистичность и то, какие реальные опасности могут встретиться на пути к их осуществлению. Цель настоящих заметок — способствовать такому прояснению в одной сфере — сфере гласности и свободы культуры.

¹ Строго говоря, в отношении множества важнейших вопросов у нас общественного мнения еще просто нет — оно лишь зарождается. Как правило, когда у людей никто мнения не спрашивает и они знают, что от них ничего не зависит, у них никаких четких и ответственных мнений и нет — есть лишь что-то смутное и неопределенное. Ситуация вопроса, причем когда отвечающий знает, что от ответа что-то зависит, кристаллизует эту аморфность. Поэтому изучение общественного мнения неотделимо от его становления.

С тем, что расширение гласности — важнейшая сторона перестройки, залог возможности принятия ответственных демократических решений, согласны все. Требования гласности в ее разных формах — от правдивой статистики производства картофеля до издания Н. С. Гумилева — раздаются со всех сторон, и достижения наши в этой сфере за последние годы очень велики. Но в нашей политике расширения гласности много неясного. Например, мы издали (частично) В. В. Набокова. Значит ли это, что можно издать, допустим, В. В. Розанова? Или это нельзя сейчас, но можно будет в 2000 г.? А когда можно будет издать Библию, издать "нормально", не ограниченным тиражом для верующих (почему-то при периодически появляющихся сейчас в печати различных перечислениях того, что нужно издать, постоянно выпадает эта едва ли не самая важная книга в мировой культуре)? Вообще — где границы расширения гласности и чем они определяются?

Для того чтобы внести здесь ясность, поставим вопрос иначе. Для чего вообще люди скрывают или искажают какую-то информацию (попросту — лгут)? Здесь ответ предельно прост — потому что они боятся последствий распространения этой информации (попросту — боятся, что правду узнают). Это может быть и эгоистический страх за себя (например, за свое не по праву занимаемое положение) и альтруистический страх за других (например, когда мы скрываем от больного его безнадежное положение, боясь, что его сознание не справится со страшной правдой), это может быть страх невротический, лишенный реальной основы, и боязнь того, что опасно на самом деле, но это всегда — страх. Но совершенно то же самое можно сказать и об обществе. Оно может скрывать или искажать для своих членов информацию только по одной причине: из-за страха перед последствиями обнародования этой информации. Это одна из тех абсолютно очевидных истин, которые тем не менее не всегда ясны. То, что общество скрывает и чего оно боится, — это одно и то же. Если мы хотим представить себе характер и размеры наших страхов, надо просто посмотреть на размеры и содержание наших "спецхранов".

Но раз так, раз сокрытие информации неразрывно связано со страхом, значит, наоборот, ее обнародование, расширение гласности также неразрывно связано с исчезновением страхов. Но это означает, что гласность и стабильность, прочность общественной системы на самом деле неотделимы друг от друга. Без гласности не может быть стабильности, ибо, если скрытая важная информация вдруг становится явной (а это "вдруг" всегда рано или поздно происходит), это вызывает дестабилизирующий шок. Но и без стабильности не может быть гласности, ибо, если общество знает, что обнародование информации может привести к опасным последствиям, то, естественно, раскрывать ее не будет. Это — две стороны одного и того же.

Стабильность без гласности — это иллюзорная стабильность, которая рано или поздно должна привести к крайней нестабильности. Но действительно стабильно лишь то общество, в котором любая информация доступна каждому из его членов, ибо у такого общества нет причин бояться своих граждан.

Такое общество — идеал, поскольку его еще нет. Но одновременно

нельзя не увидеть, что в моральном плане — это просто норма. Ведь это всего лишь перенесение на общество тех моральных норм, которыми мы руководствуемся в повседневной жизни. Если, например, в семье на какие-то вопросы члены семьи отвечают друг другу ложью или “это — не твое дело”, такая семья — явно плохая. В семье мы, не чувствуя угрызенной совести, можем скрывать что-то лишь от детей (например, где лежат спички). Аналогично и в целом обществе. Соккрытие и искажение информации — признак или его ненормальности, или того, что руководство видит в рядовых членах детей, которым нельзя давать в руки спички, что, в общем-то, тоже ненормальность. Однако если моральная сторона здесь ясна, то менее ясно другое: действительно ли такое состояние общества достижимо, не есть ли это чисто субъективный и несбыточный идеал?

* * *

На наш взгляд, моральная нормативность достижения полной гласности совпадает с объективной неизбежностью ее достижения. Культура, основанная на полной свободе информации, — “нормальная” культура, поскольку общество не может к ней не стремиться, это “энтелехия” нашего культурного развития, как превращение в мужчину — это субъективная цель мальчика и моральное требование к нему и то, к чему устремлено его развитие объективно. Общество не может не стремиться к такой культуре, как ребенок не может не взрослеть, и “нормальная культура” — не только наша субъективная цель, к которой мы можем идти, а можем и не идти, но и сила, как бы притягивающая нас к себе из будущего. Но что же это за сила, что толкает нас к “нормальной культуре”?

Эта сила — развитие общественных производительных сил, и прежде всего основной производительной силы — науки. Современный человек уже не относится к науке с тем наивным энтузиазмом, с каким относились к ней люди в начале ее развития. Мы понимаем, что наука не несет с собой всеобщего счастья, ибо расширение знаний — это и умножение проблем и опасностей. Но наука, научно-техническое развитие — это то, что в принципе не может быть остановлено. Этот процесс, стартовавший в Западной Европе в XVII в., продолжает развиваться вширь и вглубь, ломая на своем пути все преграды. Этап развития производительных сил, основанного на науке, — это как бы зрелость человечества. Не достичь его (если только не погибнуть на пути к нему) просто нельзя. Движение к нему — неостановимо. Научно-техническое развитие ставит любое общество перед дилеммой: или оно приспосабливается к нему, создав благоприятные для такого развития условия, или оно просто гибнет, поскольку отстает от других обществ, которые начинают диктовать ему свою волю (или просто завоевывают его, как завоевали европейцы колонии).

Но каковы же благоприятные культурные и социальные условия для научно-технического развития? На наш взгляд, они достаточно ясны. Научно-техническое развитие — это творчество. Благоприятные условия для него — свобода в двух ее неотделимых друг от друга аспектах: свобода самого творчества, его нескванность догматическими канонами,

отсутствие у творца страха, и свобода доступа к научно-техническому и вообще культурному творчеству, отсутствие социальных ограничений, не дающих развиться и проявиться способностям людей. Та "нормальная культура", о которой мы говорили, это и есть состояние культуры, наиболее соответствующее потребностям научно-технического развития, и одновременно это состояние культуры, к которому объективно устремлено развитие общества, "подключившегося" к современному научно-техническому прогрессу. Все общественное развитие нового времени в его культурном аспекте может быть понято как движение к такой культуре, и все демократические и революционные движения нового времени — это одновременно движения за доступ народа к культуре, возможность для простых людей включиться в научное и вообще культурное творчество и за раскрепощение догматически закрепощенной культуры.

Нормальная культура не реализована, но она уже стала реальной нормой сознания современного человека. Новые нормы, нормы "взрослого мира", уже действуют, и поэтому любая современная тирания делает вид, что она избрана народом, любая современная олигархия делает вид, что она просто элита талантов, любая современная квазирелигиозная догма делает вид, что она — просто научная теория. Они могут быть более кровавыми, чем любой традиционный деспот, но они "стыдливы", ибо ощущают свою "нелегитимность" и непрочность (и сама их кровавость во многом от неуверенности в себе). Социальное развитие, базирующееся на научно-техническом развитии, которое уже смело тысячелетние структуры догм и власти, не дает им задержаться надолго. Как бы они ни были страшны, эти новые тирании и догмы — лишь временные остановки на пути движения к нормальной, демократической культуре и более того — специфические (и болезненные) формы движения к этой культуре, которая есть одновременно и требование современной экономики и требование современной совести.

Мы не только не можем не идти к нормальной культуре, но мы уже давно идем к ней, вместе со всем человечеством, и наш путь начался не в 1985 г. и не в 1917 г., а при Петре I, если не раньше. Современная перестройка — такой этап на этом пути, как открытие России для европейского знания при Петре I, как освобождение крестьян, как 1905 г., как 1917 г., поднявший к культуре и общественной жизни громадную народную массу, как разоблачение культа личности. И хотя нам предстоит еще большой путь, он неизмеримо меньше, чем тот, который мы уже прошли.

Но если это так, если то, чего мы хотим, обязательно будет, если наши стремления и объективное направление развития полностью совпадают, то не значит ли это, что бояться вообще нечего и надо просто как можно скорее все открыть и все разрешить? Нет, бояться есть чего. Неизбежность достижения нормальной культуры также не означает, что движение к ней — безопасно, как неизбежность взросления ребенка не означает, что процесс этот безопасен. Наоборот, как это знает любой родитель, это — процесс, в котором эксцессы почти неизбежны, процесс, при котором перепрыгивать через этапы так же опасно, как пытаться искусственно его задержать. Взросление — неизбежно, но педагогика — наука и искусство. То же самое и в истории. Движение к нормальной, "взрослой" культуре — основное направление современного культурно-

го развития, но это не мешает истории современности быть историей страшной и кровавой, где освобождение и демократизация достигаются через серию социальных катаклизмов, где этап на пути к стабильной и свободной Италии — Муссолини, а к стабильному и свободному Китаю — культурная революция.

* * *

Здесь, очевидно, не место вдаваться в проблемы истории и культурологии и искать в реформах Петра I и еще раньше, в выборе великим князем Владимиром греческого православия в 988 г., исторические корни той специфической культурной ситуации, которая сложилась в России в XIX в. и наложила позже свой отпечаток на нашу революцию и послереволюционное развитие. Поэтому мы ограничимся констатацией наиболее существенных аспектов этой ситуации.

Она характеризовалась колоссальным разрывом, во-первых, между передовой "европейской" культурой верхушечного интеллигентного слоя и совершенно средневековым сознанием темной и забытой народной массы, во-вторых, между прогрессистскими и даже революционными устремлениями значительной части интеллигентного общества и крайним консерватизмом и ригидностью социально-политического строя. Все эти характеристики взаимосвязаны, представляют собой единый комплекс. Европейский характер культуры российской интеллигенции, пронизанность ее идеями и ценностями более передовых и свободных стран подрывали в ее глазах легитимность самодержавия, побуждали стремиться к свободе. Но преобладание средневекового бытия народа делало эволюционный путь к свободе перспективой едва ли не бесконечно долгой и побуждало передовую интеллигенцию искать других, коротких, революционных путей, используя постоянную готовность средневековых крестьянских низов к бунту, поднимая этот бунт и направляя его в русло революции. Разумеется, революционеров было мало, ибо героев всегда мало, но революционные идеи были распространены поразительно широко. Либерализм был скорее трусливой, "применившейся к подлости" революционностью, чем действительным либерализмом. Но это же самое сковывало реформаторские потенции самодержавия, которое ощущало, что любые его либеральные шаги, любое "послабление" может быть началом революции. Оно ощущало, что стоит на тонком льду и в такой ситуации самое безопасное — просто не шевелиться. Но потому, что оно ни на какие реформы не шло, в обществе распространялись именно крайние идеологические формы, полностью отрицающие всю систему официальной идеологии, меняющие все знаки на противоположные: не вечные устои, а вера в прекрасное будущее, не православие, а атеизм, не "русская идея", а всеобщее братство народов. Внешняя незыблемость строя сочеталась с его реальной крайней непрочностью, вернее, насколько он был внешне незыблем, настолько же он был реально непрочен.

Этот порочный круг был разрушен русской революцией, которая пошла дальше, чем революция в любой другой европейской стране, именно потому что это была революция в стране с самой ригидной и жесткой социально-политической системой ("сила действия равна силе

противодействия” не только в физических явлениях, но и в исторических событиях). Внешне монолитная, но гнилая стена старого режима развалилась, и революционный энтузиазм, казалось, не имел никаких преград и мог, не оглядываясь назад, устремиться к полному преобразованию общества (и даже природы). Но именно в этой безудержной ломке старого таились зародыши последующего застоя.

Во-первых, в сознании интеллигентных революционеров, в их героизме и страстности были значительные “квазирелигиозные” догматические потенции (это вполне естественно, ибо отрицаемое всегда накладывает свой отпечаток на отрицающее). Во-вторых, и это неизмеримо важнее, революция всколыхнула, подняла снизу и привела к культуре и общественной жизни громадную массу с совершенно средневековым сознанием (в России во время Октябрьской революции было около 80% неграмотных – приблизительно столько, сколько сейчас в Иране). В сочетании с эмиграцией части дореволюционной элиты это не могло не привести к своеобразной “варваризации” культуры и общественной жизни: понижению уровня культуры за счет ее демократизации. В какой-то мере это происходило во всех революциях, но нигде в таких масштабах, ибо ни в одной европейской стране такой громадной средневековой массы просто не было. И именно это фактически религиозно-догматическое и монархическое сознание пробудившихся к общественной жизни народных масс помогло Сталину превратить революционное освобождение в новое закабаление, а революционную идеологию в гротескное подобие средневековой религии. Порочный круг, который был внутри русской дореволюционной культуры, как бы превратился в порочный круг истории, “развернулся во времени”, и в 1930-е гг., когда узкий слой революционеров, расколотый догматическими распрями 20-х гг., был фактически уничтожен, история как бы вернулась к исходной точке, причем ситуация в чем-то была еще хуже, чем исходная: в сталинских лагерях людей было больше, чем на николаевской каторге, да и деревне пришлося, пожалуй, хуже, чем при крепостном праве.

Но новое бюрократическое окостенение общества и догматизация культуры в условиях бурного (хотя, естественно, не столь бурного, каким оно было бы, не будь этих догматизации и окостенения) научно-технического развития и бурных социальных процессов (урбанизации, ликвидации неграмотности, роста высшего образования) неизбежно означают вновь постепенное накопление в культуре отрицательного потенциала. Идеальный протест принимает разные формы: стремление вернуться к идеалам революции, чисто негативное “западничанье”, но все больше – стремление вновь и радикально переменить идеологические знаки на противоположные, обратившись от атеизма к религии, от устремления к прекрасному будущему к мечте о “прекрасном прошлом”, от интернационализма к поискам национальных корней. Первые признаки такого движения умов заметны уже в сталинскую эпоху.

Когда-нибудь появится интереснейшее историческое исследование, которое покажет, как при Сталине, на самом пике догматизации революционной идеологии и ее формально абсолютного торжества, когда никаких открытых противников у нее не осталось и она вроде бы стала определять все сферы духовной жизни настолько, что даже в биологии и физике воцарились “марксистско-ленинские” направления, в культуру начинают активно “инфильтрироваться” элементы и символы

совершенно противоположной идеологии (чисто "животный" национализм, псевдоклассицизм в искусстве, слово "Верховный", золотые погоны, изменение отношения к церкви и т.д.)¹. Несоответствия этих элементов и официально провозглашенных идеологических принципов никто не замечает, и меньше всего сам Сталин, который мог одновременно видеть в себе и классика марксизма и нового Ивана Грозного. Никакого сознательного отвержения революционной идеологии здесь нет — здесь все на чисто бессознательном уровне.

В эпоху Хрущева, когда выходит на поверхность политической жизни и усиливается стремление возродить идеалы революции, идеалы Ленина, эта тенденция отступает в тень. Но в последующую эпоху она не только оживает, но в различных оттенках и формах начинает едва ли не преобладать в культуре. При этом протест против догмы, против "урезанной культуры", естественное разочарование в ходе послереволюционной истории принимают "неоромантические" формы тяготения к прошлому. Возникает ситуация, очень похожая на ситуацию прошлого века, но как бы в зеркальном отражении. Если в прошлом веке интеллигенция "из-под полы" читает левых, то в 70-х годах нашего века она "из-под полы" читает правых. При этом если при Сталине в самом начале этого процесса преобладает ориентация на внешние формы официальной русской культуры прошлого века, то в это время колоссальную популярность приобретает очень глубокая и мощная и одновременно очень озлобленная на доминирующие революционные и материалистические тенденции русская религиозно-философская мысль периода своего недолгого предреволюционного расцвета². То, что не слышалось (или очень плохо слышалось) обществом 1890 — 1910-х годов, казалось, наконец было услышано потомками. Как весь литературный и вообще культурный процесс прошлого века пронизан мечтой о прекрасном будущем, так теперь он пронизан пафосом возврата к прошлому и охране того, что от него осталось: возврат к национальным традициям, традиционным

¹ Основные носители этих тенденций, очевидно, поднявшаяся из низов часть бюрократии, которая, во-первых, унаследовала многие элементы традиционного крестьянского сознания, во-вторых, хочет не революционных бурь, а своего прочного положения и бессознательно ориентируется на символику дореволюционной верхушки (как буржуа-натуровики ориентировались на дворянство). В этом отношении совершенно не случайна известная любовь самого Сталина к "Дням Турбиных" М. А. Булгакова. Характерно при этом, что если революционная культура 20-х годов органически связана с расцветом русской предреволюционной культуры, то в 40-е годы господствует ориентация на академизм, искусство скорее повторяет формы официального искусства эпохи Николая II (для элиты 40-х годов XX в. культура 1900 — 1920-х годов — слишком высокая и недоступная).

² Сложной и интересной проблемой является отношение между вполне официальными и бессознательными тенденциями к возрождению элементов дореволюционной культуры при Сталине и совершенно неофициальным, сознательно протестующим, "неоромантическим" движением 70-х годов, для большинства представителей которого Сталин — воплощение зла.

Как это ни парадоксально, но "реставрационные" элементы в официальной идеологии 40-х — начала 50-х годов XX в. и принятие православия ненавидящим Сталина А. И. Солженицыным (и контрреволюционные тенденции в его мировоззрении) — разные формы проявления и разные стадии единого культурного процесса (как звенья одного процесса, например увлечение дохристианской античностью ренессансных пап и антихристианское и уж тем более антипапское мировоззрение рядившихся в античную тогу французских республиканцев).

моральным нормам старой деревни; охрана памятников (которые еще не успело разрушить в своем революционном энтузиазме предшествующее поколение отцов и дедов); охрана природы (которую не успели испортить обуруемые пафосом преобразования отцы и деды). Почему же начинает доминировать именно это "неоромантическое" течение? Да потому же, почему в прошлом веке доминировали течения материалистические и революционные. Сила действия равна силе противодействия. Тотальность подавления вызывает тотальность отрицания. Однако механизм порождения господствующим догматизмом именно стремления переменить все идеологические знаки следует рассмотреть более подробно.

* * *

Обращение значительных слоев нашей интеллигенции к идейным течениям, диаметрально противоположным официальной идеологии, громадный интерес к таким фигурам, как П. А. Флоренский и В. В. Розанов, В. С. Соловьев и К. Н. Леонтьев, — явление совершенно естественное и, если допустимо такое слово, правильное.

Во многом это — просто стремление к более богатой, разнообразной и свободной культуре. В конечном счете стремление к той же "нормальной культуре", о которой мы говорили, и тем более сильное, чем больше растет образование, чем более многочисленной (и действительно культурной) становится интеллигенция. Если для перебравшихся из деревень в города отцов вершиной премудрости был сталинский "Краткий курс" (а вершиной красоты — архитектура киевского Крещатика), то дети, естественно, устремились к неизмеримо более богатой культуре прошлого, обычно забывая при этом, что это была культура элитарная, как правило, для их дедов и прадедов недоступная, оборотной стороной которой была массовая неграмотность. Без интеграции в современную культуру культуры прошлого, в современную мысль мысли русских дореволюционных религиозных мыслителей "взрослой", нормальной советской культуры быть не может.

Но в обращении к культуре прошлого было не просто стремление к овладению культурным наследием. Здесь обнаружилась тенденция к идеям крайним, экстремистским и болезненным, наиболее яркое воплощение которых — идеология "Памяти". Почему?

Прежде всего именно в силу догматической закрытости культуры, в силу того, что свободная мысль загонялась в подполье (понимая подполье как всю сферу не открыто, не публично высказанных мыслей). Если бы книги мыслителей типа В. В. Розанова или К. Н. Леонтьева не нужно было доставать на черном рынке за бешеные деньги, не было бы шока от внезапного столкновения с их сильной мыслью, не было бы ощущения: "Так вот что от нас скрывали!" И будь возможность легального обсуждения прочитанного, столкновения с другими позициями, мысль "обратившегося", естественно, "трезвела" бы, как всегда становится более трезвой и реалистичной мысль в условиях диалога. Мысль в подполье — это мысль мечтательно-безответственная. В узком кругу своих можно договориться до чего угодно — никто тебя не опровергнет. В воображении и в разговорах "среди своих" человек компенсирует

свою реальную бесправность и задавленность. Мечтательный экстремизм — компенсация бесконечных и неизбежных нравственных компромиссов. Мысль подполья ближе к мечте, полусонному бреду, чем к действительной мысли (что отнюдь не значит, что при благоприятных обстоятельствах компенсаторные фантазии не могут превратиться в реальность).

Но господствующий догматизм порождает “контрдогматизм” еще и другим путем — как это ни парадоксально, он делает его более безопасным для носителя “контрдогматизма”. Здесь мы сталкиваемся с интереснейшей особенностью любого догматизма, вне зависимости от содержания догматической идеологии. Догматизм — это всегда победа формы над содержанием, духом, и поэтому он всегда борется с тождественным или близким содержанием, разнящимся по форме, и не замечает абсолютно иного содержания, если при этом не нарушается форма. Но борьбу из-за формул догматической идеологии, из-за ее частных, может вести лишь тот, для кого эта идеология — не пустой звук, кто разделяет ее основное содержание. Если же содержание не принимается полностью, форма и детали перестают иметь значение, и, если внешние причины не позволяют выбросить форму вместе с содержанием, она принимается целиком, но чисто внешне, формально. В условиях расхождения господствующей догмы и реального культурного процесса это означает, что чем дальше по содержанию какое-либо идейное течение от догматической идеологии, тем больше шансов, что догматики его “пропустят”, не заметят. Догматики способны увидеть только еретиков — отрицание настолько тотальное, что содержание догматической идеологии его просто не интересует, а чисто формальное подчинение перестает быть для него моральной проблемой, не видно через очки догмы. Артиллерия догматической идеологии так устроена, что она может бить только по своим (и чем более они “свои”, тем сильнее она по ним бьет)¹. Так было всегда.

Так было, например, во Франции перед революцией, когда католическая церковь “до последнего” боролась с протестантами, но пропустила все Просвещение. Протестанты были на виду, они не ходили к католической мессе, а просветители ходили посмеиваясь. Католический догматик просто не мог увидеть опасность идеологии Просвещения, ибо для того, чтобы сказать: “Франция идет к революции и атеизму”, ему надо было перестать быть самим собой — католическим догматиком. Своим лицемерным догматизмом, атмосферой лжи, которую она порождала, французская католическая церковь вызывала ощущение гадливости, вольтеровский крик: “Раздавите гадину!”, немислимый в соседней Англии с ее терпимой англиканской церковью. Поэтому французский католицизм сам породил революционный террор против духовенства и разрушение церквей (то, чего не было и не могло быть в Англии).

¹ У нас нет статистики погибших в терроре 1937–1938 гг., но все, известное нам, говорит о том, что бывшие троцкист и бухаринец выжить не могли, бывший меньшевик — мог, а бывший “белый” мог не только выжить, но и преуспеть. Во внешнеполитической сфере действуют несколько иные закономерности, но в 1939 г. и здесь установилось идеальное соответствие силы огня идеологической артиллерии и степени идеологической близости: по “интенсивности” сначала стрельба по троцкистам, бухаринцам, зиновьевцам, затем — по социал-демократам, затем — по буржуазным либералам, затем — по фашистам.

Так было и в царской России. Иногда она кажется страной удивительно терпимой. В конце концов, ведь легально издавались Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, их известный последователь В. В. Стасов был статским советником, И. Е. Репин (автор "Ареста пропагандиста" и "Отказа от исповеди") был официальным художником. Более того, в России был издан "Капитал" К. Маркса. Но это была не терпимость, а просто догматическая неспособность взглянуть в лицо реальности. Ведь в этой же царской России первый русский перевод Библии был просто уничтожен из-за страха ереси, переход из православия в другие исповедания карался по закону, А. С. Хомяков и В. С. Соловьев свои богословские работы печатали за границей, раскольников преследовали до 1905 г. Просто, что такое раскол, царские чиновники и православное духовенство знали, а что такое Маркс — нет. Раскольник крестился двумя перстами и готов был идти за это на смерть, а атеист, когда нужно, мог перекреститься как положено, не видя здесь особой моральной проблемы. Царизм и православное духовенство могли ощущать смутный, сковывающий их страх перед какими-то могучими, но непонятными силами, подтачивающими общество, но признаться, что формула "православие, самодержавие и народность" — фикция, они не могли — для этого им надо было перестать быть самими собой¹.

Нечто очень похожее происходило и у нас в советское время, особенно в 70-е годы. Достаточно спросить себя, что у нас легче издать — П. А. Флоренского (который уже частично издан) или Л. Д. Троцкого, А. С. Хомякова или Розу Люксембург, И. С. Аксакова или Н. И. Бухарина, что безопасней: объявить себя ревизионистом, троцкистом, или объявить себя православным и славянофилом, чтобы стала очевидной аналогия с прошлым веком. Как в прошлом веке для попа и чиновника Кальвин был еретик и издавать его было нельзя, а К. Маркс — какой-то немецкий экономист, так для нашего догматика еретик — Н. И. Бухарин, а П. А. Флоренского он просто никогда не читал. И как в прошлом веке "до последнего", до 1905 г., боролись с раскольниками, добившись лишь атеизма значительной части интеллигенции и полного равнодушия народа к религии, так у нас "до последнего" боролись с "ревизионистами" и "оппортунистами" — с очень похожими результатами. Когда-нибудь, в XXI веке, студенты, читая в энциклопедии: "N. N. — известный советский писатель 70-х гг. XX в., лауреат..., член таких-то и таких-то правлений, "по убеждениям — православный и славянофил, выражал симпатии к монархии", ничего не поймут. Им будет казаться, что 70-е гг. XX в. — время удивительной свободы и гласности. Но в том-то и дело, что так будет написано лишь в энциклопедиях XXI в., что даже если N. N. — достаточно честный и храбрый человек, чтобы не скрывать своих убеждений, они будут скрываться всеми почти как государственная тайна Советского Союза. Он может кричать — догматики заткнули уши, лишь бы не выходить из своего иллюзорного, но уютного мира на открытое, продаваемое

¹ Поэтому совершенно не случайно возникновение в недрах царской охранки "Протоколов сионских мудрецов", как и возникновение в недрах католической церкви легенды о масонском заговоре. Это — попытки как-то уяснить для себя то, что уяснить не получается, что уяснить слишком страшно. Так человек в архаических обществах, чувствуя приближение смерти, ищет, кто его околдовал. Колдовство — страшно, но все же оставляет надежду на "антиколдовство".

ветрами пространство реальности. Наше "предперестроечное" общество не было терпимо, как не был терпим и царизм, при котором легально печатались марксисты, но в нем был тот же страусов страх перед реальностью, та же атмосфера всеобщей лжи. Терпимость — это готовность к диалогу, но в нашем обществе не было диалога — в нем было два невнятных монолога: все более бессмысленные заклинания официальных догматиков, произносящих ритуальные формулы с давно утраченным и забытым смыслом, и все более громкий монолог догматиков с противоположным знаком.

В обществе накапливался отрицательный потенциал (и накопилось его уже достаточно), который рано или поздно должен был выйти наружу, в какой-либо оргии безумия. Кризис, к которому мы шли, — это не только экономический, но и культурный и политический. Этот кризис не остановил бы нашего движения к нормальной культуре — движение к ней вообще остановить нельзя, но задержал бы его, ибо ничто так не задерживает реальных изменений, как изменения внешние, ничто так не помогает сохранить старое содержание, как новые названия.

* * *

Перестройка и современное расширение гласности — наш шанс провать порочный исторический круг, сойти с накатанной всем нашим прошлым дороги, по которой почти и не надо идти: она "сама ведет". Реальность этого шанса связана не только с субъективными причинами — с приходом к власти нового руководства, но и с причинами объективными — с громадными социальными и культурными завоеваниями революции и послереволюционного развития.

Прежде всего у нас уже нет многомиллионной массы неграмотных крестьян с архаичным, средневековым сознанием. Разумеется, преувеличивать нашу грамотность не следует — даже формально высшее образование в сочетании с отсутствием десятилетиями нормальной пищи для ума может породить самые безумные идеи, и какие-то культурные и идейные шоки в ходе обогащения и освобождения нашей культуры, ее движения к нормальной культуре, видимо, неизбежны. И все же через "завоевание Римской империи варварами" и "темное средневековье" мы уже прошли, и этой угрозы у нас нет. Мы обеднили, урезали культуру, но в высшей степени ее демократизировали, поставили ее на неизмеримо более прочные основания.

Наша идеология — окостеневшая и "задогматизированная". Но это — догма реальности, а не принципа, она сложилась, а не провозглашена. Наоборот, ее исходные принципы — научны, адогматичны, динамичны. Наши олигархии, заинтересованные в сохранении догматизма, в урезанной и недемократической культуре, сильны, но эти олигархии опять-таки сложились "исподтишка", в обход наших же истинных принципов. У них нет сознания естественности своего положения. Наши выборы в значительной мере — ритуал, но это не только ритуал, это и вошедшая в плоть и кровь идея демократии, власти народа, а не власти господ, которая от Бога.

И все же шанс, данный нам перестройкой, — не более чем шанс. Для того чтобы реализовать его, нужно очень многое — сочетание решительности и терпения, смелости и осторожности.

И здесь мы вновь возвращаемся к тому, с чего мы начали нашу статью. Мы говорили, что наш путь — как бы путь в тумане при не всегда ясном понимании конечной цели.

Но конечная цель, во всяком случае в сфере культуры, не так уж неясна. Это — “нормальная”, “взрослая” культура, не знающая запретов, культура, в которой для человека равно доступны наследие К. Н. Леонтьева и Н. Г. Чернышевского, В. В. Розанова и Л. Д. Троцкого, Н. А. Бердяева и А. Грамши. Мы идем к ней и, более того, не так уж далеки от нее. Нам лишь нужно сделать эту объективную цель — энтелехию — целью и субъективной, сознательной, ясно и четко провозгласить ее. Такое провозглашение сразу же умерит лишние страсти, изменит сам характер борьбы вокруг того, надо или не надо обнародовать ту или иную информацию, издавать ту или иную книгу. Сейчас одни просто требуют что-то издать или обнародовать, а другие так же просто этого не разрешают. Но если ясно сказать, что наша цель — такое состояние общества, когда вся информация, которой обладает общество в целом, может быть доступна любому взрослому и нормальному его члену, все эти вопросы превращаются из вопросов принципа в вопросы сроков и последовательности.

В значительной мере ясно и то, чего надо бояться: дальнейшего накопления и внезапного резкого выхода наружу уже накопившегося за годы застоя потенциала отрицания, такого же догматичного, как и господствовавший догматизм. Но это уже проясняет проблему последовательности и приоритетов в ходе движения к нормальной культуре. Сейчас нет ничего более важного, чем оживление марксистской мысли, по отношению к которой в значительном слое интеллигенции уже выработался такой же иммунитет, какой был у дореволюционной интеллигенции по отношению к догмам православия и самодержавия. Поэтому прежде всего надо снять все ограничения с издания произведений “неортодоксального” марксизма, все ограничения с различных оттенков марксистской мысли. Это не значит, что надо вводить ограничения на мысль немарксистскую, но оживление марксистской мысли, по-моему, задача первостепенная, ибо без этого оживления не может быть стабильности и преемственности в нашем культурном и общественном развитии.

Наконец, дорогу надо освещать. Надо направить много сил на изучение реального общественного мнения. Пусть то, что откроется, — неутешительно, но нам не утешать себя надо, а строить свободное общество. Мы должны знать, с чем бороться. Кроме того, даже самая печальная картина особенно пугать не должна. Сейчас все только пришло в движение, мнения еще аморфны, накопившийся негативизм легко может исчезнуть. Как пример этого автор может привести самого себя. В основном написанное здесь сложилось у него уже давно, задолго до перестройки. Но еще три года назад, если бы у него спросили, думает ли он, что страна может прийти к нормальной “взрослой” культуре без страшных потрясений, он бы ответил: “нет”. Сейчас бы он ответил: “Может быть”.

ВОСКРЕШАЕМАЯ КУЛЬТУРА

В 1965 г. удалось добиться — с большим трудом — издания книги "Психология искусства" нашего великого психолога Льва Семеновича Выготского¹. Ее рукопись ждала издания 40 лет (срок не рекордный для сочинений тех наших ученых, о которых пойдет речь в этой статье). Л.С. Выготский (1896—1934), которому суждено было рано умереть, как будто торопился сделать как можно больше. В посвященной ему статье "Моцарт в психологии" американского ученого С. Тулмина, переведенной и у нас в *Вопросах философии* (№10 за 1981 г.), тот его называет "последним из чахоточных гениев", и в самом деле его жизнь подобна судьбе тех, кто, как Ф. Кафка, погибал, прожив короткую жизнь, но оставив такое наследие, которое потом весь мир осваивал на протяжении нескольких десятилетий. Выготский умер, не дожив до сорока лет, от тяжелой болезни в разгар организованной против него травли: какими злобными кличками его тогда не обзывали! Посмертно сразу же вышла его замечательная книга "Мышление и речь" и некоторые другие его работы, но остальным его сочинениям пришлось долго дожидаться, пока они увидят свет.

После двадцатилетнего перерыва книги Выготского переиздавали, а потом начали и издавать его рукописи начиная с 1956 г. Но снова были промежутки между изданиями, и долго готовившееся собрание его сочинений (в действительности совсем неполное — в нем не было сначала и "Психологии искусства") в 6 томах появилось только несколько лет назад. Но начиная с 50-х годов идеи Выготского совершают триумфальное шествие по всему миру: его работы переводят и изучают в США, Англии, Японии, Венгрии, Польше, у него множатся продолжатели и последователи. Во многих статьях и книгах о нем заговорили как о крупнейшем психологе XX в.

Почему признание пришло к нему так поздно на Родине? И чем он так изумил ученых других стран?

Выготский одним из первых попробовал связать воедино разные стороны изучения духовной жизни человека, прежде разделявшиеся. То, что до него называли объяснительной и описательной психологией, изучением аффекта (эмоций) и исследованием интеллекта (разума),

¹ Л. С. Выготский. Психология искусства. М., "Искусство", 3-е изд., 1986.

анализом реакции (или рефлексов) на внешние стимулы (даваемые экспериментатором), — все эти, казалось бы, разноречивые, а иногда и противоречащие друг другу стороны науки (как некоторым до Выготского казалось, несколько разных наук) о духовном мире человека и мотивах его поведения были осмыслены ученым с одной-единой точки зрения. Выготского занимало прежде всего, как в человеке соединяются биологически заданные его характеристики и черты культуры, как он сам и общество, внутри которого он находится, управляют его поведением посредством особых знаков. Выготский сам сравнивал свои открытия в области высших психических функций с фрейдовской психопатологией повседневной жизни. Как и Фрейд (отчасти и под его влиянием), Выготский в простых и как бы ускользающих от внимания проявлениях нашей психической жизни — таких, как раскладывание пасьянса, завязывание узелка на платке, загибание пальцев при счете, — стремился найти проявление некоторого общего принципа. Выготский одним из первых заметил, что всякий раз, когда человек сам не может овладеть своим поведением, он должен опираться на особые — им самим или обществом для него создаваемые — знаки. В этом отношении Выготского (как и некоторых других наших ученых этого поколения, о которых речь пойдет ниже) можно и нужно признать одним из главных предшественников нынешней науки о знаках — семиотики, завоевавшей себе признание в мире лишь начиная с 60-х годов нашего века.

Выготскому был глубоко чужд примитивный механический подход к человеческой психике, преобладавший в американском бихевиоризме и имевший параллели в аналогичных попытках в науке других стран (в том числе и у нас). От искушения рассматривать человека просто как хорошо усовершенствованную обезьяну его избавляло то, что изучение человеческой психики он начал с самых тонких и высоких ее форм. Еще юношей он по-взрослому серьезно изучил обширную литературу о "Гамлете" и, главное, вним в английский текст пьесы¹. Поражает глубина мыслей этого совсем молодого человека из глухой провинции (ранние годы Выготский провел в "черте оседлости" в Гомеле). Тот же фантастический местечковый космос, который как основной заряд оставался в полотнах и фресках Шагала вплоть до самых последних его вещей, раскрывается уже в этом поразительном чтении шекспировской трагедии. Для меня оно предвляло и пастернаковское понимание "Гамлета" (большинству читателей сейчас хорошо известное по одноименному стихотворению; в прозе подробнее о том же написано в "Заметках к переводам шекспировских трагедий"). Поэтому было уместным, давая юношеский текст Выготского о "Гамлете" приложением ко 2-му изданию "Психологии искусства" (20 лет тому назад), выбрать именно пастернаковский перевод, чтобы заменить им цитаты из английского подлинника у Выготского (издательство "Искусство" тогда считало, что читателю легче будет следить за мыслью Выготского, если мы заменим оригиналы переводом).

Когда вышло первое издание "Психологии искусства", я подарил один из экземпляров, полученных мною, В.Б. Шкловскому — замечательному литературоведу, чьи ранние работы критически оцениваются

¹ См.: Л. С. Выготский. Трагедия о Гамлете, принце датском. — В кн.: Л. С. Выготский. Психология искусств, с. 336—401.

в одной из глав книги Выготского. Шкловский через несколько дней сказал мне: "Это как будто из-под обломков встает целая цивилизация, которую мы не знали". Сравнение, принадлежащее одному из создателей этой цивилизации, мне кажется очень точным. Именно так и я смотрю на то, что было сделано — или только еще начинали делать — в нашей гуманитарной науке, особенно на рубеже 20-х и 30-х годов. Цель этих заметок постараться обратить внимание на огромность тогда достигнутого и до сих пор недооцененного.

Некоторые (хотя и далеко не все) из людей науки и искусства, работавших тогда (как мы теперь ретроспективно видим!) в одном направлении, были связаны между собой дружескими и деловыми узами. Из великих людей под стать Выготскому в его окружении рядом с его сотрудником и учеником-психологом А.Р. Лурия, давно уже ставшим всемирно знаменитым, назову хотя бы Сергея Михайловича Эйзенштейна (1898—1948). Судьба его письменного наследия, пожалуй, сложилась еще трагичнее, чем посмертные скитания по редакциям рукописей Выготского. Как создатель фильмов Эйзенштейн знаменит, как теоретик кино—постоянно подвергался поношениям (в особенности за его блестящую идею "интеллектуального кино", намного опередившую искусство века), а как семиотик, сопоставлявший искусство с другими системами знаков, до сих пор мало или почти совсем неизвестен.

Когда больше 20 лет назад я начал читать неизданные эстетические трактаты, а также многочисленные рукописные статьи и бесчисленные фрагменты, сохранившиеся в архиве Эйзенштейна, то был потрясен современностью его мысли. По сравнению с этими ошеломляюще новаторскими размышлениями присылавшиеся из Парижа новые структуралистские журналы и альманахи ("Tel Quel" и "Change") казались произведениями вчерашнего дня. Прочитал я и отдельные тома дневника, который Эйзенштейн вел всю жизнь (А.Р. Лурия давал мне хранившиеся одно время у него тома времени съемок мексиканского фильма). Это поразительно естественная современная проза, предельно откровенная, содержащая попеременно впечатления от ежедневных (огромных по количеству и разнообразию) чтений, от кинематографических и научных замыслов, опытов самоанализа (частично, но далеко не полностью связанного и с ранним увлечением Фрейдом), наконец (last but not least), от острых ощущений (самых разных — от публицистических до интимных) того дня, когда делалась запись. Подобно Стендалю, Эйзенштейн записывал свои мысли на разных языках — в мексиканском дневнике в ход шли пять языков: кроме знакомых ему с детства русского, немецкого (он вырос в Риге, тогда отчасти немецкоязычной), французского, английского, еще и испанский. Что делает его дневник очень волнующим для исследования психологии художника: он думал одновременно и на разных словесных языках, и на своем собственном зрительном языке. Поэтому и рисунки Эйзенштейна (сохранившиеся лишь частично), которые по свободе самовыражения могут соперничать с его дневниками, служат как бы естественным продолжением этих последних. Когда этот дневник, являющийся бесценным документом для истории культуры его времени, будет издан полностью, этот удивительный человек, родственник по своему типу таким универсально одаренным личностям, как Леонардо, Кокто, Пазолини, предстанет перед нами во всем своем неповторимом своеобразии. Мне позволяло легче понять

многое в Эйзенштейне, его замыслах и их воплощениях еще и знакомство с его большой библиотекой. Книги подобраны за всю его жизнь (совсем недолгую — полувековую, которую — при больном сердце, — несомненно, ускорили гонения, им испытанные). На каждой (он все их успел прочитать и часть даже перечитать) — его пометки, записки, в них вложены закладки, иногда рисунки Эйзенштейна. Я несколько дней посвятил пометкам Эйзенштейна на книге о древнекитайской мысли гениального французского этнолога-синолога Марселя Гране¹ (которого К. Леви-Строс считает одним из главных своих предшественников). Записи и пометки Эйзенштейна на полях этой книги, прочитанной им сразу же после ее выхода в свет (в 1934 г.), выписки из нее и мысли в связи с ней, вошедшие в два (до сих пор у нас не изданных) эстетических трактата Эйзенштейна: “Grand Problem” (“Основная проблема”) и “Метод”, позволяют считать и Эйзенштейна, как и Гране, одним из предшественников того структурного и семиотического подхода к изучению человека (и его творчества, в том числе и художественного), который в последнее время связывался с именем К. Леви-Строса и его последователей. Это и сближало Эйзенштейна с другим нашим предтечей современного изучения знаков культуры — Выготским.

Незадолго до своей смерти Выготский вместе с Лурией, Эйзенштейном и выдающимся лингвистом и филологом-кавказоведом Н.Я. Марром (много позднее посмертно изруганным Сталиным) создали небольшой кружок для занятий архаическими слоями сознания. Согласно мысли, которая оформилась у Эйзенштейна еще в начале 30-х годов (во время съемки мексиканского фильма, внезапно оборвавшегося из-за грубого вмешательства Сталина), для воздействия на зрителя (или читателя, или слушателя) искусство самой своей формой должно обращаться к древним, обычно остающимся неосознаваемыми слоям его психики. В соответствующих формулировках Эйзенштейна есть много удивительно сходного с размышлениями на аналогичную тему композитора Левкеркюна — героя романа Томаса Манна “Доктор Фаустус”. Сходство манновского доктора Фаустуса и Эйзенштейна разительно. Оба они считали, что в искусстве совмещается два разных аспекта — регрессивный, повернутый к прошлому и оттого так сильно действующий, и другой, обращенный к современному сознанию. Наличие формы, воздействующей непосредственно на архаические слои сознания, Эйзенштейна пугало. Он готов был полностью отказаться от занятий искусством именно по этой причине. Как он вспоминает в предисловии к своему ненапечатанному трактату “Grand Problem”, от намерения забросить искусство его отговорил Выготский. По словам самого Эйзенштейна, ему “Голгофой представлялся тогда трагический раздор души”².

Нужно представить себе подробнее атмосферу эпохи для того, чтобы лучше понять, почему Эйзенштейн хотел совсем забросить искусство еще до начала тех совместных занятий архаическим мышлением с Выготским, Лурией и Марром, которые были как бы аналогом психоаналитического лечения его собственной травмы.

¹ M. Granet. La persée chinoise. Paris, 1934.

² См.: Вяч. Вс. Иванов. Очерки по истории семиотики в СССР. М., “Наука”, 1976.

Эйзенштейна пугали возможности искусства, которое может заворожить свою аудиторию. В каком-то смысле оно не отличается от черной магии, думал он. Эти колдовские свойства искусства, адресованные низшим областям психики, должны уравниваться рациональным современным его содержанием. Но именно создание произведений с таким содержанием становилось в то время крайне трудным или невозможным. Кинопроизводство было в нашей стране деятельностью, зависящей от государства и при Сталине строго им контролировавшейся. В конце 20-х годов Эйзенштейн собирался попробовать силы в задуманном им жанре неигрового интеллектуального кино, поставив фильм "Капитал", где идеи Маркса должны были быть выражены посредством формы. Эйзенштейн намеревался посвятить фильм Дж. Джойсу (в то время внутренний монолог у Джойса представлялся Эйзенштейну наивысшим достижением в области художественной формы). Дневники Эйзенштейна полны деталей фильма (частично эти и другие записи к фильму напечатаны). Против замысла фильма "Капитал" возражал Сталин, встречавшийся с Эйзенштейном для обсуждения его планов. Не кажется случайным, что первая серьезная попытка выразить идеи Маркса кинематографическими средствами (отчасти в духе того, что много спустя было сделано Пазолини) наткнулась именно на сопротивление Сталина. Ведь Сталину кино было нужно для достижения совершенно иных целей, ориентированных на его собственную программу завоевания и удержания им неограниченной личной власти. Здесь отчетливо выразилось то, что обнаруживается и в других действиях Сталина: по сути он был политическим противником Маркса. Он был авантюристом того типа, который описан в "Восемнадцатом брюмере Луи Бонапарта".

Позицию Эйзенштейна мне хотелось бы пояснить сравнением с судьбой Владимира Маяковского — его товарища по ЛЕФу (Левому фронту искусства). Приход Сталина к единоличной власти обозначен трагическим событием в искусстве и литературе — самоубийством Маяковского. Какие бы другие факторы личного и биографического характера ни подтолкнули Маяковского к его решению, нельзя сомневаться в том, что его крайне угнетала ситуация искусства в нашей стране. Сохранились и опубликованы дневниковые записи и воспоминания близких Маяковскому кинорежиссеров Дзиги Вертова, Довженко, художницы В.М. Ходасевич. С каждым из них Маяковский говорил о том, что плохо стало все с общественным положением искусства, как мало осталось людей, которых это заботит. И с каждым договорился о встрече на тот день, в начале которого он покончил с собой. До конца жизни он оставался борцом, человеком действия. Действие могло быть направлено на тех, кто мешал искусству, на тех, кто пытался, по словам Блока в его пушкинской речи 1921 г. "О назначении поэта", "замутить источники творчества".

Мне представляется, что решение Эйзенштейна отказаться от искусства в начале тридцатых годов в чем-то было аналогичным самоубийству Маяковского (при всем различии их судеб). У людей, как Эйзенштейн и Маяковский, настроенных бунтарски и в своем глубоком свободолобии черпавших вдохновение, появление в стране и искусстве жесткой бюрократической регламентации не могло не вызвать протеста. В 1929 г. (в том самом году "великого перелома", когда упрочение власти Сталина ознаменовалось уже и травлей многих крупных предста-

вителей левого искусства) Эйзенштейн печатает замечательную статью "За кадром". В ней он говорит об "идеологическом униформировании", которое всегда, по его мнению, бывает связано с насаждением абсолютной власти. В искусстве, по мысли Эйзенштейна, это проявляется, в частности, в стремлении к введению единообразной прямой перспективы вопреки той, которая представляется более естественной (например, для ребенка). Весьма близкие взгляды на историю перспективы и ее роль в разные периоды высказывал замечательный ученый П.А. Флоренский.

Символическое (в других терминах — семиотическое) изучение перспективы может служить одним из примеров того, насколько едиными были темы занятий и подходы к ним у всех тех выдающихся деятелей нашей культуры, о которых здесь говорится. На первый взгляд могло бы показаться, что ничего не может быть более противоположного, чем священник Павел Флоренский и бунтарски настроенный левый художник С.М. Эйзенштейн, который в нескольких своих фильмах (в том числе в монтажной фразе "Боги" в фильме "Октябрь") говорил о том, как "Бог уходит от нас" (строка из написанного в те же годы стихотворного цикла "Бог" Марины Цветаевой). Но их взгляды на прямую и обратную перспективу были необычайно (до удивления) сходными, как и в целом присущий обоим выдающимся исследователям взгляд на знаковую ценность произведений искусства.

Напомню некоторые черты биографии Павла Александровича Флоренского (1882—1937(?)). Этот удивительно разносторонний ученый, еще в детстве всерьез заинтересовавшийся геологией и некоторыми другими естественными науками, получил математическое образование в Московском университете, где он учился у математика Н.В. Бугаева (отца писателя-символиста, взявшего себе псевдоним Андрей Белый). Под влиянием бугаевских лекций Флоренский увлекается ролью понятия прерывного (дискретного) в современной науке¹. Вскоре после завершения и публикации первых своих математических работ² Флоренский выбирает жизненный путь священника. В 1905 г. Флоренский по поводу казни лейтенанта Шмидта произносит проповедь "Голос крови", за которую на несколько месяцев попадает в тюрьму. Наряду с занятиями философией, историю которой он преподавал в Духовной академии, он продолжает изыскания в области семиотики, лингвистики, истории культуры, мифологии. Разнообразные его научные, эстетические и богословские интересы отразились и в первой большой его философской книге³, по всему стилю принадлежащей не только к научной, но и к художественной культуре своего времени. Следующий этап развития философских взглядов Флоренского отражен во второй (и завершающей) его книге "У водоразделов мысли". Она была в основном им написана к 1922 г., но напечатаны до сих пор только отдельные ее главы.

¹ См.: П. А. Флоренский. Введение к диссертации "Идея прерывности как элемент мирозерцания". — В кн. "Историко-математические исследования". Вып. 30. М., "Наука", 1986, с. 150—168.

² См.: П. А. Флоренский. О символах бесконечного. — *Новый путь*, 1904, т. 2, с. 173—235.

³ См.: П. А. Флоренский. Столп и утверждение истины. М., "Путь", 1914.

При общей семиотической ориентированности Флоренского на изучение роли знаков в культуре больше всего его занимали две проблемы. Во-первых, он принадлежал к числу тех ученых XX в., для которых (как, например, и для австрийского логика Витгенштейна и датского физика Нильса Бора) наука является прежде всего языком, символическим описанием (а не объяснением) мира. Занимаясь в 10–20-х годах электротехникой, Флоренский начал размышлять о возможности создания электрических приборов, перерабатывающих символы. Не подлежит сомнению, что он очень близко подошел к идее вычислительной машины. Он возглавляет лабораторию электротехнических материалов и много о них пишет для "Технической энциклопедии", одним из редакторов которой становится.

Во-вторых, с конца 10-х годов Флоренский много занимается семиотикой искусства, прежде всего русских икон. В развитие своей работы о перспективе Флоренский готовит курс лекций о пространственности в изобразительном искусстве, который он вскоре изложил в виде книги (из нее у нас пока напечатаны только отрывки)¹.

Научные исследования, которые вел Флоренский, дважды прерывались: в 1928 г. его отправляли в ссылку в Нижний Новгород, в 1933 г. он был снова арестован, отправлен в ссылку в Сибирь, а с 1935 г. переведен в Соловки, где лишен права переписки в 1937 г. и скорее всего в том же году расстрелян (дата смерти 1943 г. на справке о реабилитации П.А. Флоренского).

После реабилитации Флоренского его произведения все чаще печатаются, переиздаются и переводятся. Из изданий последних лет можно отметить воспроизведение его книги о мнимостях в геометрии с детальным библиографическим очерком знатока истории русской культуры М. Хагемейстера² и итальянский перевод искусствоведческих статей Флоренского с большой статьей о нем искусствоведа Н. Мислер³. О росте его мировой славы говорит и состоявшийся в январе 1988 г. в Италии в Университете Бергамо симпозиум о Флоренском и культуре его эпохи. На нем в составе большой делегации наших ученых вместе с С.С. Аверинцевым и Б.А. Успенским был и пишущий эти строки.

Во Флоренском больше всего удивляют многочисленные примеры его дальнедействующей интуиции, угадывающей будущие пути развития науки. Еще в 1904 г. он пишет о символе в выражениях, которые прямо предвосхищают нынешнюю семиотику. Из других наших крупных философов к идеям современной науки о знаковых системах был особенно близок Густав Густавович Шпет (1879–1940). В его рукописи "Герменевтика", законченной в 1928 г., уже содержится отчетливая классификация наук, основанная на том, в какой мере они имеют дело со знаками. В трех выпусках "Эстетических фрагментов" Шпета, вышед-

¹ См.: П. А. Флоренский. Анализ пространственности в художественно-образительных произведениях. — *Декоративное искусство СССР*, 1982, № 1, с. 25–29.

² P. A. Florenskij. Mnimosti v geometrii. Moskva, 1922; Nachdruck nebst einer einführenden Studie von Michael Hagemester (Specimina Philologiae Slavicae, Hrsg. von O. Horbatsch und G. Freidhof, Supplementband 14). München, Verlag Otto Sager, 1985.

³ Pavel Florenskij. Le prospettiva rovesciata editrice se altri scritti, a cura di N. Misler. Roma, casa del Libro, 1983.

ших в начале 20-х годов, не только намечено описание произведения словесного искусства по разным языковым уровням (фонетическому, грамматическому и т.п.), но и предпринята попытка создать схему такого описания в формальной записи. Увлекательна и во многом близка к позднейшим идеям Леви-Строса книга Шпета об этнической психологии. В книге о внутренней форме слова Шпет одним из первых обратил внимание на роль идей Вильгельма Гумбольдта для современной науки о языке; несколько десятилетий спустя эта тема становится чрезвычайно популярной (благодаря книге Н. Хомского о картезианской лингвистике). Разносторонность Шпета способствовала его деятельности в 20-е годы во главе Государственной академии художественных наук. Как и некоторые другие недолго тогда существовавшие институты литературоведческого и искусствоведческого профиля, эта академия отличалась новизной и научной смелостью тематики.

Когда Шпет лишился возможности продолжения своих философских и эстетических работ, он вплоть до своего ареста в 1938 г. занимался художественными переводами и такой связанной с этим деятельностью, как, например, комментирование "Посмертных записок Пиквикского клуба" Диккенса. Его комментарий, составивший целый том, представляет собой подробное описание эпохи и страны, изображенной Диккенсом. Подобная задача по отношению к новой западной литературе решалась впервые.

Мне — отчасти по причинам случайного биографического свойства — довелось знакомиться с библиотекой Шпета, пока она еще оставалась единым целым. Изумляет широта его начитанности в лингвистике и в таких смежных с ней областях, как психология языка. Вообще ученые, представители той культуры, о которых идет речь, отличались фантастической разносторонностью при глубине проникновения в каждую из занимавших их научных областей.

Среди филологов, для которых, как для Шпета, литература и язык были почвой для создания широких общих концепций, признанное первое место занял Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975). В отличие от того времени, когда мне довелось писать о нем впервые (еще при его жизни), сейчас его неоспоримые достоинства очень широко признаны в мире. Пожалуй, можно смело сказать, что он теперь — самый известный не только из представителей нашей гуманитарной мысли, но вообще из гуманистов, писавших в первой половине и в середине нашего века. Многочисленные симпозиумы и труды, ему посвящаемые, лучше всего говорят об этом. Трудно представить себе, что еще лет 20 назад об этом ученом, по существу, полжизни проведенном в ссылке (как он рассказывал, Саранск был единственным городом с пединститутом, где можно было жить с "минусом" в паспорте), мало кто вспоминал.

И все же напомним: Бахтин был (и сам себя считал) прежде всего исследователем в области философской антропологии. Прославившие его открытия в филологии и истории культуры — такие, как выявление диалогической структуры романа Достоевского, как различение разных видов "чужого слова", — были сделаны им как бы попутно. Но об одном из таких его открытий стоит поговорить подробнее: оно важно для выявления внутреннего единства занятий всех тех ученых и людей искусства, о которых говорилось выше. Я имею в виду идею Бахтина о различении "официальной" (церковной) культуры Средних веков и Возрож-

дения и культуры "неофициальной", или карнавальной. Эта мысль очень близка и ко многим наблюдениям С.М. Эйзенштейна, который в своей практике режиссера широко пользовался красками из палитры карнавала. Напомню хотя бы финал его мексиканского фильма, где дети носят карнавальные маски смерти в день поминовения мертвых.

Почему карнавал? Смеховая культура притягивала к себе и Бахтина, и Эйзенштейна, и замечательного фольклориста и теоретика смеха В.Я. Проппа (прославившегося, хотя и с опозданием на 20 с лишним лет, на весь мир своей вышедшей в 1928 г. "Морфологией сказки" — первой формальной грамматикой мотивов), и П.Г. Богатырева — одного из первых фольклористов, применивших к фольклору идеи семиотики. Ответ скорее всего относится к сфере преимущественных культурных пристрастий: описываемая эпоха чуждалась снобизма и интеллектуальной замкнутости. Она была подобна пушкинскому поэту, который

сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены.

Среди наших историков культуры, проникновенно занимавшихся карнавалом и его предысторией, особого упоминания заслуживает исследовательница античной литературы и мифологии О.М. Фрейденберг. К ней мировая слава в более широких кругах читателей пришла после опубликования ее переписки с ее двоюродным братом поэтом Б.Л. Пастернаком. Переписка говорит и о многих сходствах — генетических или связанных с одной культурной средой? — двух этих замечательных людей. Но Фрейденберг заслужила и того, чтобы ее творчество исследовалось отдельно. Одно из высших ее достижений — лекции, которые она приготовила к печати во время блокады Ленинграда, когда она оставалась в городе (как и другая великая женщина этой плеяды — Л.Я. Гинзбург, описавшая психологию интеллигента, переносящего блокадные тяготы). В этих лекциях Фрейденберг подвергает критическому пересмотру все основные социальные институты нашей цивилизации. Многие из них — такие, как тюрьмы, суды, ордена — сохраняются как пережитки очень далекого прошлого. Поражает и захватывает широта перспективы, безоглядная смелость, с которой Фрейденберг критикует установленное, многими — чуть ли не всеми — принимаемое за необходимое. Как и у Эйзенштейна, поражает напряженное внутреннее бунтарство исследовательницы.

Я не всех упомянул из тех, кто, безусловно, этого заслужил. Рядом с Фрейденберг надо бы назвать ее учителя и друга востоковеда И.М. Франк-Каменецкого, как и Фрейденберг (и добавим, как и Эйзенштейн), изучавшего отдаленные мифологические истоки явлений литературного стиля. Такое же современное понимание мифа обнаруживается и в посмертно напечатанной книге философа — специалиста по античности Я.Э. Голосовкера (в конце 40-х годов он был освобожден из лагеря, но и позднее не имел возможности жить в Москве, ютился на даче у знакомых в Переделькине). Из книг, написанных с внутренним бунтарством без всякой оглядки, нельзя не упомянуть и грандиозных очерков-синтезов по истории науки, которые сохранились в архиве В.И. Вернадского и теперь начинают печататься.

Но я меньше всего хотел бы перечислять. Каждый из названных

мною людей культуры уникален. Тем не менее труды их всех, вместе взятые, можно рассматривать и как единое целое. Они, по существу, открыли путь и той новой науке о человеческой культуре и ее знаках или символах, однако публикации достижений этой науки еще только начинают появляться. Но уже сейчас видно, как она необходима: без нее трудно представить себе будущее. Почему же мы так медлим с признанием и усвоением ослепительных открытий, сделанных названными учеными?

Трагичны их судьбы: одни погибли в лагерях и ссылках, как Флоренский и Шпет; другие побывали в ссылке, как Бахтин; третьи умерли в разгар гонений, как Выготский и Эйзенштейн. Но еще горше судьба их наследия: у многих не напечатано (как у Фрейденберг и Эйзенштейна) и малой доли написанного. Страдает от этого не только память о них, страдает вся страна.

Среди самых одаренных людей 20-х годов был недавно реабилитированный Н.Д. Кондратьев. Теория "Кондратьевских волн", сейчас популярная на Западе, строится на допущении, что в периоды экономического спада число технологических изобретений увеличивается. Их внедрение дает основу для нового подъема. Но для этого нужно уметь замечать изобретения и потом их внедрять. Мы пока этому не научились. Понадобится еще много усилий, чтобы те неслыханно богатые рукописные запасы, о которых здесь говорилось, были наконец изданы. Будем надеяться, что эта великая культура, очертания которой начали прорисовываться, будет обнародована и исследована по-настоящему. В этом есть насущная потребность.

ТРАВА ИЗ-ПОД СТОГА

Вопрос члену Конвента аббату

Сиейесу:

— А чем вы занимались в революцию?

Ответ:

— Я жил!

I

Перестройка еще не изменила ни наш экспорт-импорт, ни мифологию очередей (*что дают и сколько стоять, а почему* — пока неважно). Талоны на мясо в Казани-Рязани по-прежнему имеют место быть, а тайные выборы преда колхоза — по-прежнему нет. Острословы из ездящих за рубеж предлагают нашу валютную денежную единицу наименовать — по “сувенирам” — кофты. Один кофты, три кофты, шесть миллионов кофтов... Но вот знакомый инженер “с пятым пунктом” получил из ОВИР добро на отправку в Израиль — и отбивается теперь от визы. Стой, но ты ж просил, может — поедешь?

— Просил я в семидесятку, а уезжать — *теперь*?!

Что же такое это *теперь*?

В прошлом, 1987 году — по недосмотру, видимо, аппарата Союза писателей — я был на дискуссиях литераторов в пяти странах. Где — участником, менее или более активным, где — артистом миманса. Но ведь и миманс смышлен и многое понимает! Суть в том самом *теперь*. В мировой круговорот товаров мы, я ж говорю, вливаем все больше нефть, газ, руды, бревна. И “жигулят” сколько-то. Да, и тракторы минские. Если кабину заменить на шведскую, а “самару” за кордоном доделать — ни черта, заберут. Значит, не вовсе уж сырьевой придаток.

Но разве от этого перемена твоего самоощущения на зарубежной малолюдной панели — вдоль странно чистых стекол-витрин?

“Гласность, демократия и нулевой вариант (это — про разоружение) идут к нам с Востока!” — желтеет типографский плакат в рейнско-вестфальском городе Дортмунде. Ты понимаешь, что размножили левые, клеют сочувствующие Москве. Во времена Тельмана бывали, наверно, плакаты и потеплее к русским. (“Русским”? К пролетариям. “Русских” тогда, скорей всего, не было.) Но факт есть факт. Обозначен предмет того бесплотного экспорта, какой и определил твое новое самочувствие на интеллектуальных сидениях. Насколько они, интеллектуальные, продуктивны — еще вопрос, насколько далеки от русской толчи воды в ступе — тоже. Но у тебя есть фонд валюты: яростный интерес *дома* к тому, что пишет-вещает твой брат. Этот-то фонд и откидывает тебя, извините, на спинку кресла, он-то и отмечает презрительно конспекты-бумажки, ибо перед гуманитарной Европой ты — холодея и восторгаясь собой — намерен говорить как человек. Записывается? Да сколько угодно. Гласность идет с Востока.

— Помилуйте, но не считаете же вы триумфом демократии печатные романы, известных на Западе уже двадцать лет?

Это — славист и политолог. Говорит по-русски, наверно, правильной меня. Ему можно бы ответить, что приход письма в дом, куда оно было послано, и есть его *приход*; открытие "Реквиема", "Доктора Живаго", "Котлована", "Жизни и судьбы" для четверти миллиарда "адресных" читателей есть рождение (воскрешение? вызволение?) книги. Можно врезать, что "Белые одежды", "Дети Арбата", или пронзительная "Тучка" Приставкина — вовсе не из долголежавших книг, в них скорей выражена ирреальная способность сочинителей то ли предчувствовать перемены, то ли вынуждать к ним злостным неверием в прочность зла.

Но я накоплю вольт и, если уважаемый председатель выговорит-таки мою фамилию, сообщу о референдуме. Всесоюзном. Да-да, прошел. В каждой семье вечерами на кухне обсуждали списки кандидатов, добровольность волеизъявления была скрупулезно соблюдена — ни единого случая партийного нажима, ни единой вывернутой функционерами (и функционерам) руки — и результаты потрясающие.

Славист-ироник чувствует заготовленность экспромта, но дает тебе погулять. Ладно, классовый враг, дыми трубкой. У меня цифры, в день отъезда сбегал в заполюшю Союзпечать, а ты, всеведущий, здесь подотстал.

Говорю о советском феномене выбора публикой изданий — как проявлении соцплюрализма. О повсеместном голосовании ограниченными средствами рядовой семьи: что сейчас хорошо, а от чего помилуй бог? "Поддержкой каких политических взглядов и этических мер будет ваша полусотня рублей?" — таков вопрос плебисцита, а о результатах следуют пункты.

Новый мир ("Детей Арбата" печатал не он, от "Белых одежд" прежняя редколлегия отбилась, поэтому Твардовского здесь поместили после *Знамени*) увеличил тираж с четырехсот тысяч до миллиона с лишним. *Дружба народов* (конечно, роман А. Рыбакова определил погоду) подняла тираж вчетверо: печатается в 800 тысяч книжек! Дышавшее на ладан *Знамя* за один год возродилось до полумиллиона экземпляров. *Огонек*, желанное чтение грамотных, когда не подвезен материал, и публикатор лстящих старцам цветных фотографий, ныне весь полтора миллионный тираж заранее распродал подпиской, в киоски почти не дают. А его зарубежный спутник *Московские новости* распространила по подписке в Москве, базе его новостей, уже, кажется, сто экземпляров. По подписке. И видимо, смогла бы распродать вперед еще тысячу в 15—20 раз больше — не велят! В газете, естественно, никаких поэм-романов не печаталось. Ее популярность от прочного алэзновского нуля поднялась до стратосферных отметок (иностранцы с шести утра сбегают в холл — не привезли ли?) исключительно на публицистике. Габриель Гарсия Маркес передал, что у него теперь новый советский любимый писатель — Новедадес де Моску! Правительственный орган *Известия*, не знавший ограничений и прежде, прибавил два с половиной миллиона — и не советами огороднику, не детективами, только политическим путем. *Правда* относится к немногим потерявшим тираж — тут, видать, сказывается долготелная привычка аппарата, что новость произойдет тогда, когда о ней объявим.

Впрочем, *Ашхабад*, "заглазное просвещение" и некоторое тъмута-

раканское издание "на языке", скорей конституционное, чем литературное, в тиражах остались постоянными. И таких названий абсолютное большинство. Ничего странного. И дворцов прежде было много, но только взятие одного, на Неве, знаменовало коренной перелом.

— Коренной? — попыхивает трубкой славист.

Это он бьет в мое подлое ощущение (предчувствие? опасение?), что не все коту масленница: скоро все это прихлопнут. Зыбкое и сосущее чувство я угадывал не только у главных редакторов, не у киоскеров только, но и у чинов цензуры. Кстати говоря, это — вопреки расхожим взглядам — приохоченная к острой литературе публика, и я отлично помню, как редакторам старого *Нового мира* при их визитах на Китайский проезд тамошние читатели говаривали: "Ну, когда пришлете что-нибудь поинтересней?" По-настоящему обижен был тот начитанный народ только при публикации разрешенного Хрущевым в Пицунде "Теркина на том свете", где о вовсе уже негодных было сказано:

Тех, как водится, в цензуру,

На повышенный оклад.

— Вы-то наши оклады знаете? Побоялись бы бога, Александр Трифонович, — укорил редактора кто-то большой в Главлите. Поэма отчасти помогла...

Тот, с пахучим табаком, и скандинав, и южный славянин разом, знает куда жалить. Про себя-то я — все метафорой... Скажем, ребенок сегодня два шажка сделал, завтра — четыре, и мать трепещет, и бабушка в слезах, и отец, гражданин вполне порядочный, шажкам в пинетках радехонек, но в сумме они не только сомневаются, последуют ли дальше бег к песочнице, школьная стометровка, какой-нибудь дурацкий брейк, потом Эльбрус или поход за Шпаро, а как бы еще и ждут, что дитя завтра снова шлепнется на попу и опять поползет — и ползающим останется навеки.

Интеллектуальная среда сопоставляет число авианосцев в СССР и США, удивляется, что ракеты средней дальности будут буквально взрывать в штабелях на земле, не снимая с них ни электронику, ни целые килограммы золота; судачит — учел ли Китай бесперспективность командной экономики или же, в силу однопартийности, побредет по стезе отставания... Профессора бородатые и в джемперах, развившиеся из недавних хиппи, и американский политолог с растоптанной ученой поясницей, старательно невежливый в своих красивых подтяжках, спрят, получил ли русский народ ту свободу и то счастье, на какие имел право претендовать, и в чем фактически притягательность личности Горбачева, если отмести все то и прежде известное, что он говорит, и что будет с малыыми, но цветущими государствами сегодняшней Европы, если их оставить без "першингов", — не портретами же Горбачева, как ныне, будут они закрывать свою безопасность...

А ты думаешь, что дело-то, как ни занятно это издалека, именно в числе тех шажков здорового, пахнущего молочком и воробышком ребенка, в его храбрости, в желании снова и снова, набивая себе шишки, отрывать задок от пола и с визгом страха и радости бежать. Прямо по Шатрову: дальше... дальше... дальше!

— Вы правы, такой скачок тиражей на Западе немислим, — сбивает пепел славист. — Просто потому, что и накануне продавалось бы столько журналов, сколько было желающих купить.

Да у нас и продавать-то, дорогой сэр, год назад было нечего — и покупателя, если бы я смел признаться, еще отращивать надо было! Я б и не толковал про трехсотпроцентный рост тиражей, если б секрет был в одной “некрофилии” (так один эрудит, в жизни мужчина без извращений, определил желанье журналов печатать убитых или умерших за колючкой, определил — и прославился). Или в приманке Карамзиным. Или в ожидании новых “Детей Арбата” — внуков, так сказать.

— Публицистика, — пояснил публицист Сергей Залыгин. Его “Поворот” был переведен в ФРГ мгновенно — вопреки обычаю видеть в статьях-очерках голимую красную пропаганду.

— Я напечатал “Зубра” и небольшую статью о милосердии, — рассказывает Даниил Гранин. — Эффект от второй не в пример шумнее.

Юрий Карякин не поехал в отпуск, чтобы в Москве дожидаться девятого номера *Знамени* со своими “Граблями”. Сгорела путевка в Пизунду, но как я его понимаю!..

Восьмой номер *Октября* искали из-за статьи Ю. Буртина о *Новом мире* Твардовского — спасителе идей и духа XX съезда. Восьмой номер ловили из-за статьи Михаила Антонова “Так что же с нами происходит?” — опыт, так сказать, демозтики, шукшинский вопрос в разрезе экономики. Восьмой номер добывали из-за статьи Георгия Гачева о “Белых одеждах” Дудинцева. Даже не дубль, а... как назвать: триада?

Сценка в конце года в Ленинской библиотеке. Дирекция, узнав о моем знакомстве с Николаем Шмелевым (“Как, с тем самым? Вы не шутите?”), снимает со стены оправленную гравюрку с видом Пашкова дома и, украсив надписью “Самому читаемому автору 1987 года, глубокоуважаемому...” и т. д., просит вручить знаменитости. Николай Петрович дебютировал в *Знамени* повестью “Пашков дом”, так что в премии есть символика?..

— Нет, повесть нам хлопот не доставила, — отвечают. — А вот из-за “Авансов и долгов” в *Новом мире* троих самых бешеных пришлось лишиться читательских билетов. Смотрите, какие тифозы! И красные, и черные, и синие чернила, а ярость, а восторги — хоть прямо в музей книги. Мы и на ксероксе накатали оттисков двадцать — все равно ни часа за полгода “Авансы” на полках не лежали...

И главный редактор флагамена, и главная библиотека страны сходятся в объяснении:

— Публицистика.

II

— Но то, что вы выдаете за литературу, есть дело парламента, — усмеяется скандинав-хорват. — Нужен запрос депутата — о реках, о почвах или что там вас будоражит, создадут комиссию, проголосуют поправку к закону — и дело с концом. При чем тут литература?

Он только ироничен, не больше, а седой профессор-француз — тот на форуме в Палермо просто кричал:

— Борьба мнений — при одной только партии? Не смешите. Это борьба левой и правой рук — по команде или под контролем головного мозга.

В Конвенте было много партий, разные, а вот взяли Антуана Ла-

вуазье — и к гильотине. Не за выяснение роли кислорода в процессе горения, а — откупщик был. К тому ж дерзко протестовал против формулы — “революции ученые не нужны”. И заявлял, что разгромом Академии Конвент отбросит Францию назад — кажется, на полвека. И очень скоро тому Лавуазье устроили торжественное шествие перезахоронения — не потому, что откупщик, а потому, что оказался прав: академиком казнить не надо. Ни при одной партии, ни при многих.

В описываемом мной году отыскивали следователя, который академик Вавилова не бил, не истязал, а только говорил ему — “говно”. На Лубянке. Сколько раз вызывал на допрос, столько раз и говорил человеку, который был старше его, старшего лейтенанта НКГБ Хвата Алексея Григорьевича, на двадцать лет: “Мешок говна ты, а не академик”. Четыреста раз “говно”. Без гильотины. В интервью *Московским новостям* персональный пенсионер А. Г. Хват похвально отозвался о своем давнем подследственном и даже выразился, что ему, Хвату, повезло. Ни расправ, ни уличных оскорблений не было. Нельзя, нельзя обществу — без следствия, суда, слушания сторон — сводить счеты с инструментами расправ, быть может и одушевленными. Иначе уравниешь себя с Хватом. Разница не между правой и левой руками, а между нами — и Хватом.

Парламент? “Ты сказал”.

Разномыслие, стычка взглядов — без “псов и свиней” в качестве аргумента, без пули проигравшему спор. История с реками — столь же идейная, сколь и экономическая война. Чужому разобраться непросто. Экологов-немцев охватил тотемный ужас, когда из перевода статьи Залыгина они поняли, что переброской было занято два миллиона чиновников. Оказалось, ошибка: “только” 68 тысяч — проектировщиков, кандидатов и пр. Но потом федеративные немцы узнают, что всего управляющего аппарата в СССР — 18 с половиной миллионов и он давно уже перебрасывает, не ждет: нефть — туда, зерно — оттуда, свою кожу — на восемьсот миллионов пар домодельных башмаков, а восемьдесят миллионов — по импорту, чтоб было во что и обуться...

Да и не в числе дело. Пускай бы один Шараф Рашидович решал, куда и какую часть Иртыша перебросить и тогда могла, должна была даже созреть гроздь гнева. Экология — наружное. Дискутанты электричек и рабочих столовок не были подкованы, как кандидат наук Залыгин. Охлократически проблема излагалась примерно так: “Не давать господам ташкентцам иртышской воды! У них там шашлык и курага, они за гранаты рубаху снимают, — а еще им и Иртыш?..”

Что шашлыка-то реального в Узбекистане на душу населения едва ли не вдвое меньше, чем по стране (по целым областям — 20 кило на человека в год, острая белковая недостаточность), что монополия хлопчатника вывела скот, по детской смертности Аральский бассейн занимает лидирующее место в мире (до 87 смертей на тысячу родившихся в Каракалпакии!) — это выявилось уже в процессе (точней — в процессах разноязыких Адыловых). Перекачка из союзного бюджета, действительно существующая, питала чудовищное феодальное расслоение. Бюрократия тут возведена в куб: с классической “марксовой”, что всего лишь превращает задачу государственную в канцелярскую, а канцелярскую — в государственную, совместились адыловская, почти эмирская с покушением не только на “труд, и собственность, и время зем-

ледельца", но и на саму его жизнь — а это надо умножить на доски почета, на стихи и романы Рашидова, ордена-звезды, университеты марксизма, на использование карательной мощи государства для рабского послушания дехкан, на такое политическое ханжество, какого правверный эмир за ненадобностью чурался!

"Одна партия"... Оно у нас, по Щедрину говоря, *занятно*: простые детективы, грубо назвать — сыщики, оказываются сплошь да рядом честней и несравненно порядочней партийных функционеров о-го-го какого ранга! Говорит ему, следовательно, первый секретарь обкома партии: "Дам миллион, только чтобы мое дело рассматривал узбекский суд"¹, а следовательно: "Не пройдет, товарищ Каримов, мы у вас в республике даже секретарей ЦК Компартии Узбекистана взяли под стражу, первых секретарей обкомов — не пересчитать, министров, Председателя Совмина, заместителя Председателя Президиума Верховного Совета, управляющего делами ЦК партии, первого заместителя министра внутренних дел СССР, и то от цапнутых ими четырех миллиардов грошиком не поживились, так что держите тот миллион, чтоб сумму не разбивать".

Товарища Каримова Абдувахида Каримовича я наблюдал близко до перевода его заместителем министра мелиорации и водного хозяйства УзССР — именно в должности бухарского первого секретаря. При жизни и всей силе Рашидова "Сельский час" отчаялся снять телепередачу "Хлопка много-много, ситца мало-мало". Каримов никак не мог понять, чего я от него хочу. Расследование? Да вы же с виду психически здоровы. Хотите, устроим взрыв, снимете. Всего один вагон взрывчатки, я же мелиоратор. Нет, Абдувахид Каримович, не надо взрыва, отчего это нет волокна, а ситец — дефицит?.. Для него журналисты с камерой были фотографами. Тоже "холуями на цырлочках", только обученными — и чужими. Он рассказал, как младший сынок его любит труд, кормит хлебом своих чистокровных ахалтекинцев и как старший тянется к такой же, как у нас, работе — снимает японской камерой купола Бухары и вечером показывает дома по видеомагнитофону. Он был наивен в своем абсолютном покое. Нашу передачу кто-то невидимый и в Москве полгода пинал, кастрировал, пока она не вышла, полузадушенная, со странным названием "Где рвется нить", и только то уцелело от начального, что хлопковый жгутик рвался в пальцах с грохотом поднебесного взрыва, произведенного мелиоратором Каримовым. И все-таки этот "Сельский час" был первым звончком, потом, позже, дошло до высшей меры узбекскому хлопковому министру. А наш бухарский владыка так же доверчиво, с ночи полупьяный, в мелиораторском тайном дворце протянул следователю Гдлянэ руки под сталь наручников, и группа захвата неслась потом по пустыне, меняя номера, боясь — и обоснованно — не парадных уже взрывов...

"Мафия ничем не брезговала, вплоть до молчаливого согласия на активизацию ислама... доходили до крайних степеней унижения. Один из бывших секретарей ЦК Компартии Узбекистана, например, превращал подарки в деньги, сбывая подношения через магазин Совмина республики: сдал туда на четырнадцать тысяч рублей водки, халатов, меховых шапок..." — писала *Правда* в знаменитом репортаже "Кобры над золотом". Мафия? При чем же здесь, извините, мафия? Мы с тем

¹ Г. О в ч а р е н к о. Кобры над золотом.— *Правда*, 23 января 1988 г.

горячим французом-профессором следуем променадом в Палермо мимо тюремного замка, охраняемого в месяцы процесса над мафией бронетранспортерами. Карабинеры не шутят: только открой фотоаппарат — на тебя уже три автомата. Пронеси, господи. Но в особом бункере замка находятся не мафиози, а как раз прокуроры и судьи, и не потому, что брали взятки, а как раз оттого, что не брали, бандитам они враги! Чиновники автономной Сицилии годами, рискуя жизнью, норовят искоренить бандитизм — и их-то из целей безопасности содержат в недоступном для покушений бункере, вот какая штука. Конечно, бывает всякое, но в общем и целом “коза ностра” не только не сливается с полицией, но есть ей смутный супостат.

Кто спорит, парни из “коза ностра” — не вокресная школа, но чтоб облагать сицилийцев водкой-шапками? Обидно. Ты убиваешь, тебя могут убить — в известном смысле равенство. Но схватить безоружного председателя и в подвале истязать, выбивая хабар? Как-никак, за сицилианским тайным миром колеблется нечто робингудовское, хотя бы в прошлом они чьи-то заступники, за кого-то мстители... Вообразить “крестных отцов” Палермо берущими чьи-то халаты, чтобы потом через казну их сбывать? Стидно и слушать, сеньоры...

Следователям гласность еще отвесит поясной поклон! Если бы не народ из Прокуратуры Союза, если бы не ОБХСС высоких горизонтов, мне бы статья “Комбайн косит и молотит” вышла боком. Первый секретарь Ростовского обкома партии гневно выступил на самом верху с обвинением *Нового мира*, его редактора В. В. Карпова и, ясное дело, меня в торможении Продовольственной программы. Реагируя, М. В. Зимянин перед всеми главными редакторами заявил, что “Черниченко оправдывает свою фамилию”, чернит, нужны меры. Секретариат Союза писателей экстренно обсудил “грубую политическую ошибку” *Нового мира*, Карпов не сдавался, бился мужественно, не щадя живота своего, — и едва удержался на посту главного. Меня, естественно, года на полтора вычеркнули из сущих, статьи пошли в разбор, фильмы — на полку. Но неспешный-дотошный отряд капитанов меж тем разворачивал, распутывал “ростовское дело” — и подоспела подмога, многомиллионный клубок наяву, суд идет за судом, кто-то стреляется, Бондаренко срочно уходит на пенсию, блистательным “Доном” больше нечего прикрывать — и в качестве компенсации писателя Карпова В. В. выдвигают в Верховный Совет Союза именно по тому округу, где завод “Ростсельмаш” и им рожденная злосчастная статья. “Моя милиция меня бережет”...

Экологическая война Залыгина с ведомством водных перебросок не может быть оторвана от бунта против бюрократии вообще и от первых посадок чиновных воров. Остановка порабощения собственных народов рашидовыми-кунаевыми дала бухарскому дехкану избавление от налогов: за мясо (плати, раз сорван план), налога молочного, хлопкового, плодового и т.п. В этом межнациональный эффект войны. Негусто? Арал тает, в устье Дарьи буквально пьют отраву, из Дона в Волгу роют какой-то Дарьял? Все так. Но если б не свалили рашидовщину, если бы первый вор Бухары за все двадцать ее реков оставался у руля Минводхоза Узбекистана, проект переброски наверняка бы прошел — и должности продавались бы на золото.

И удушенный Кара-Богаз, и иртышский “проект века”, и гибель Арала — все это хронологически совместилось с перманентным триум-

фом Леонида Ильича Брежнева. Скважины славы быстро иссякали. Каждую неделю нужна была новая. Мастерство М. А. Суслова и К. У. Черненко позволило растянуть "Малую землю", "Возрождение", "Целину" на целые кварталы (вместе с Ленинской премией, изучением в школах, в системе поллитпросвета), но в книгах был скрыт какой-то конфуз. Культ впрямь — по писаному — повторялся как фарс. Едва ли не самый бессмысленный, кровавый эпизод войны, когда гитлеровцам — с гор в дол — предоставили многомесячный комфорт расстреливать батальоны на Малой земле, эпизод, отразивший многие из черт "полководца всех времен и народов", обходимый понятным молчанием десятилетия после Победы, был возведен в венец стратегии, заслонил и Сталинград, и "десять ударов". Срам в том, что и многие писатели-фронтовики, для которых годы Великой Отечественной не могли не быть святы, вступили в хор славословий — да солистами. Сергей Наровчатов перед собранием литераторов Москвы взволнованно, по тексту, благодарил Леонида Ильича от лица *Нового мира* за честь быть первым публикатором таких-то и таких (шли превосходные степени) воспоминаний и особенно за пристальное, поучительное внимание к тексту. Из речи Наровчатова сотни писателей узнали, что верстка "Малой земли" (или "Возрождения"?) была послана автору специальным самолетом, и он лично пером исправлял для усиления скромности: вместо "я приехал" — "мы прибыли" и т.д. Становилось ясно, что автор впервые видел свою рукопись. Было стыдно за хорошего поэта и гордого, с биографией человека. Статьи, тогда никто из писателей-ветеранов не говорил, не кричал — "до Волги осталось триста метров", приберегали, видать, для другой эпохи.

Жрец любви к руководящим лицам, Винни-Пух восторгался громче и искренней всех, он обрыдался, но все понимали, что это его профессия, и неловкости не испытывали. Тень конфуза была разве в мужском все-таки роде Винни-Пуха — сила его страсти приобретала от этого ненужный, двусмысленный оттенок.

Нужно было *дело*, чтобы пробудить к своему назначению *слово*.

Идея Залыгина была из толстовски-простых, вроде той, что ежели люди порочные соединяются, то и добрые люди должны делать то же. Его мысль, выраженная и на "экологическом" съезде писателей РСФСР, и в телевстречах, состояла в том, что если дом мой и я в нем живу, то мне лучше знать, где стоять столу, а где дивану, и если ворвутся ко мне переворачивать все вверх дном, за меня решать, где чему стоять, то я выгоню наглецов. Это и был парламентский запрос фракции Залыгина—Распутина—Белова — при наружной экологичности впервые поставленный вопрос, чья же *кратия* в стране: демо-кратия или бюро-, плуто-, мафио-кратия. Нехватка идей и нужда в величии подталкивают к водо-гигантизму традиционно. Верховная монополия на Беломорканал, Волго-Дон, волжский каскад с тридцатых годов была за Сталиным; преобразованием природы, т.е. подгонкой ее к меркам и представлениям одного, отдельно взятого, не живущего в ней человека, увлекся и Л. И. Брежнев; при полном декохте инициатив прибрег к мелиорациям осенью 1984-го и К. У. Черненко.

Юрий Буртин по-пименовски спокойно, словно из XXI века, очертил в новом *Знамени* суть брежневской эпохи:

"Общественная структура, утвердившаяся в результате такой опера-

ции вычитания (социализм минус демократия), была, конечно, во многих отношениях более эластичной, чем та, что существовала до середины 50-х годов, но как та, так и другая признавали неписаной нормой администрирование, авторитарно-бюрократический характер взаимоотношений между руководителем и массой, систему привилегий для высших этажей конусообразной социальной иерархии; как та, так и другая, провозглашая лозунги движения, в действительности были внутренне ориентированы на стояние, на поддержание и охрану существующего порядка вещей”.

В это стояние могли входить многомиллиардные переброски вод, галопное наращение добычи руд, мотовство нефтью, затопление новых миллионов гектар поим — все равно это была статика. А остановка лавины по диалектике оказывалась движением.

Если русская литература XIX века одновременно выполняла и роль национальной философии, то советской публицистике было назначено стать и расследователем, и информатором, и проповедником норм поведения, ей надлежало пестовать читающую публику — общество с самостоятельным и неподкупным взглядом на вещи. Учить можно было только на очевидном, столь же общедоступном, как некогда был динарий кесаря. И Овечкин, наверное, мог бы написать что-то про шахты, займы, лесоповал — Борзовых легко было найти всюду. Но именно крепостное состояние послевоенного колхоза оказалось фактурой “Районных буден” (победители Гитлера побеждены Борзовым). Армии Залыгина потребовались реки. Вернее, она им. Еще вовсю работала машина фирмиама, досыхал ниже дамбы-удавки Кара-Богаз, когда в июле 1982-го на сессии Верховного Совета РСФСР писательским словом была объявлена война переброске.

Не забуду, как Наполеон впервые предложил мировую. Летним днем восемьдесят пятого где-то за Тимирязевкой, в просторном холле Института водных проблем, коллегия Министерства мелиорации и водного хозяйства Союза (уже без спиртного на столах!) принимает “экологических” писателей с заявленным желанием установить общую премию “Человек и Земля” и прекратить таким образом распри и групповщину. Снова перебрали четки обкатанных цифр (весь прирост сельского хозяйства идет за счет орошения, на поливах производится треть всего), но никого это больше не задевало: липа была очевидна.

В сущности, удивление и злость верховных водников питало недоумение: ну почему — мы? А возьмите геологию, биологию, археологию — разве всюду не так? Капля крови взята из безымянного пальца левой руки, но не тот ли анализ даст и капля из мочки правого уха? Зачем же который год трубить, будто отравляет организм именно левый безымянный? Мне досталось за давнее пробивание платы за воду. В бесплатности, как заблуждался я, корень всего мотовства. Почему, обличали меня, в условия контроля рублем должен становиться Минмелиоводхоз, если земля, почвы, воздух бесплатны? Даже логично. И, понятно, следовала охрана интересов простых тружеников: если вода будет за плату, представляете, во что выльется цена хлопка, люцерны, риса?

В. В. Карпова на этом узком кругу не было, он, как выяснилось, не нашел в институт дороги и опоздал. Г. М. Марков старался убедить министра Н. Ф. Васильева и его зама П. А. Полад-заде в единомыслии писателей и их законопослушности, просто излишняя эмоциональность,

связанная с профессией, мешает им принять переброску. Но рулевые тяги подводили, передние колеса уходили с колеи, водитель был расстроен. Залыгин сказал о начале работ все, что думал. Сергей Викулов, добившись ясного "да, перебрасываем", объяснил министру, что больше ему, Викулову, к землякам ездить нельзя: журнал *Наш современник* не спас вологодские и каргопольские низины от затопления. Юрий Бондарев рассказал, что прошел на плотках по северным рекам и считает объем забора воды ограблением. Министр защищался обычной в таких случаях позой разъяснения: их не так поняли — вологодская контора называется не "Главсевводпереброска", а "Главсевводперераспределение" и т.д. Как ни утешал самое богатое из строительных министерств (10 млрд. рублей "освоения" ежегодно!) шокированный Марков, как ни звучно били по рукам вдвоем напоследок, факт имел место: просьбу о мире отвергли, впервые за советскую историю члену правительства им же приглашенные сказали в глаза, что словам его веры нет, а дела его обществу крайне опасны. Потом были литераторский выезд в Ленинград, "экологический" съезд писателей России, но, пожалуй, именно узкий круг за Тимирязевской академией породил 14 августа 1986 года. Постановление о прекращении работ по переброске рек сделало гласность измеряемой миллиардами практической силой.

III

Я продавал отечественную публицистику.

Задешево. Без гонорара! Лишь бы перевели и напечатали. Как, скажем, в Сицилии печатали Трифонова и Беллу Ахмадулину, а в Финляндии (мигом, с колес, тремя тиражами) "Белые одежды" Дудинцева. Продавал неумело, по-внешторговски, словно себя стыдясь и напирая на выгоду потенциального издателя: вот напечатаете под одной коркой Шмелева, Лисичкина, Стреляного, Ивана Васильева — и ваши поверят в перестройку.

Но рассеянный взор издателя и зевки переводчиков были ответом. Дудинцева — естественно, до "Худлита" — перевели в Китае, до издательства "Советский писатель" напечатали в Дании, а братьев-витий не берут! Ладно, кто-то из наших, а уж тем паче я сам — распространитель дрянной, может — традиции очерка нет, может — пошло бы, если б публицисты эти были мучениками, а не собирали полные вечерние залы до тысячи человек, словно Евтушенко в своем зените. Все может.

А не приходит тебе, продающий отчее слово, элементарное? Что издатели — хотя бы отдаленно — представляют, что за люди ныне в Москве печатаются? Что есть *кадровый* взгляд на вещи и что нынешних приближенно знают? Что биография никак не может не влиять на слово?

Николай Шмелев ("Авансы и долги") — лектор ЦК, зять Н. С. Хрущева (недолго, развелся), доктор наук. Геннадий Лисичкин, обозреватель *Правды*, доктор наук. Федор Бурлацкий (политический театр, "Штрихи к портрету" Хрущева) — аппарат ЦК, обозреватель *Правды*, доктор наук. Егор Яковлев (*Московские новости*, главный редактор) — член редколлегии *Правды*, снят с руководства журналом *Журналист* Суловым, было предписано "отсекать". Лен Карпинский, сын близкого Ленину партийца-подпольщика, секретарь ЦК ВЛКСМ, член редколлегии

Правды — снят за одну статью с Бурлацким, статью о театральной цензуре... Юрий Карякин ("Стоит ли наступать на грабли?") — *Проблемы мира и социализма*, редакция *Правды*. Отто Лацис, снят с ответственного поста в пражском журнале *Проблемы мира и социализма*, ныне автор статей в *Коммунисте*, доктор наук. Юрий Афанасьев, доктор исторических наук, ректор Московского историко-архивного института. Георгий Куницын ("Пришло ли времечко?" — *Литературная Россия*), ответственный сотрудник аппарата ЦК, позже член редколлегии *Правды*, доктор наук...

— Вы убеждены, что функционеры Старой площади — именно тот контингент, что докажет сегодняшний демократизм? Что члены редколлегий — персональное воплощение гласности? Что из этой автуры я и должен комплектовать советский дайджест?

М-да, вроде получается умысел, тенденция... Но, сеньор эдитор, герр редактор — "других писателей у меня для вас нет". Так будто бы заявил один гений колеблющемуся начальнику пропаганды. Вот этих как раз и читают, один молоденький физик-кандидат и назвал их "кипяточниками в общественном чане". В основном они битые, и крепко. *Трава из-под стога*, вынесшая и гнет, и темноту, и грибковую прель. Уцелели лучшие? Так говорить грех. Тогда надо заявлять — "с войны вернулись достойные".

Но это дети Двадцатого съезда, облученные на всю жизнь взрывом, который поколебал и накренил, не сумев свалить, монументальный идол Сталина. Тот съезд реабилитировал саму ценность стыда, само понятие порядочности. Высокие кабинеты и черные "Волги" принадлежали им недолго — пока густые колонны аппарата не исполнили команду "левое плечо вперед", и среди коллективов лишь опасный, странный *Новый мир* да всегда готовая к концу Таганка, имея "связь и часть", продолжали прежний курс.

Перед каждым человеком этого поколения была минута выбора: остаться безымянным в безопасном "мы" — или предпочесть неудобное, может быть, мучительное "я". Имя, личность. Страх и личная преданность — опоры Административной Системы — не могли вдруг оставить их: приходилось рвать с выпестовавшим тебя миром. Того скафандра с кислородом, что в виде художественного окружения давал жить любому актеру Таганки, не положено изгою-чиновнику. На многие пятилетия их аудиториями стали шестиметровые московские кухни, институтские курилки, симпозиумы туристских маршрутов. В доктора они пробились в силу закрытия иных путей, с меньшим значением интеллекта. Вперемешку с фольклором Высоцкого, с кислотным сарказмом Жванецкого эти — не всегда имеющие на обратное метро — ученые вели многолетний бесплатный спецкурс. Ссылка, увы, оказалась долгой: людям этого поколения всем за пятьдесят, иным и за шестьдесят. Но повторился феномен, когда-то поразивший молодого Толстого: возвращаемые из Сибири декабристы оказывались людьми моложе, чем служилая молодежь николаевской поры. "Удивительно не то, что он умер, а что мы — живы". Историческая фраза Грановского на ум, конечно, приходит, но к ним, детям Двадцатого, прямо отнесена быть, наверное, не может. Уж для них-то эпоха филателии орденов, эпоха канцелярского производства в великие, когда любой районный служака при своем кругозоре, своей этике, своем понимании "можно-нельзя" имел право сказать —

“и я бы мог”, эпоха, за само продление которой платилось, платилось, платилось миллиардами рублей внутреннего водочного акциза и миллиардами тонн внешних нефтяных распродаж, нуждавшаяся для своего продления в частокле ракет и отвлекающих “молниеносных” побед в чужом Гиндукуше, — эпоха разворота бюрократии во всю красу и ширь для них была заведомо мертвым-мертва. Дело было за фармакологией. Категория “реального социализма” и законы типа “экономика должна быть экономной” выводили не эти доктора.

А что писали эти, “авторы одной статьи”? Надо думать — книгу. За год они — кооперативно, альянсом журналов — ее напечатали. Еще до превращения в собственную книгу, “непериодическое издание в виде сброшюрованных листов печатного материала... орудие пропаганды знаний и воспитания”, она прочитана миллионами и возвратила общественным наукам уважение и внимание. Не тем буддийским заповедникам цитат и пайков, что у подъезда охраняются чинами милиции, но — “человеческому достоинству, свободной речи”. Сразу — тяп-ляп и корабль — сделать нельзя ничего, даже самолет Ту-144: рассыплется. Нужны наработка идей и отгага. Я знаю, что заготовки “Авансов и долгов” лежали у Шмелева года за три до публикации — в виде записок “наверх”. Знаю, что потом понадобилась достаточная доза смелости: планировалась статья на весенний номер, но — “мне голос был, он звал утешно...” — самим автором была снята, отложена. Однако же не явиться миру уже не могла — и вышла в шестом, в самый зенит года!

Эта “докторальная” публицистика впервые целый год толковала про небывалое, целинное: производственные отношения! Зоной очерка, и дотошного, и вроде неробкого, десятилетиями оставались производительные силы — в виде процента паров, железнодорожного хода, леса Ангары и эрозируемых черноземов Кубани. Первой доблестью очеркиста было много ездить и знать много “председательского корпуса”.

И вдруг — прорвало, плотина вся на берегах!.. Сейчас образ прорванной плотины широко тиражируется, и не худо бы напомнить авторские права на него.

“Истинные ораторы... такие, которые зажигают сердца человекoв, могут появляться только в таких странах, где долго существовал известного рода гнет, как, например, рабство, диктатура, канцелярская тайна, ссылка в места не столь отдаленные... Под давлением этого гнета в сердцах накапливается раздражение, горечь и страстное стремление прорвать плотину паскудства, опутывающего жизнь. В большинстве случаев, разумеется, победа остается на стороне гнета, и тогда ораторы или сгорают сами собой, или кончают карьеру в местах более или менее отдаленных. Но бывает и так, что гнет вдруг сам собою ослабнет и плотину с грохом и треском разнесет”.

Это замечание Н. Щедрина я помню тем крепче, что вместе с ним, размышлением мной цитированного классика, бдительный редактор тов. М. Казьмин запретил (уж разом, не мелочиться) весь мой очерк “Очерк про очерк”, считая, что при 15-тысячном тираже “Вопросов литературы” нельзя рисковать спокойствием миров.

Но при всей благодарной памяти я полагаю, что метафора с водой, материей безликой, все-таки патриархальна, и сейчас, памятуя НТР, можно применить что-то и поновее. Скажем, ЛАЗЕР. Если с английского это — “усиление света в результате вынужденного излучения”. Смотрите,

как много "попаданий" даже в короткой заметке энциклопедии! Главный элемент ЛАЗЕРА — *активная среда*. Методы "накачки" такие разные — и газ, и химическая реакция, и электронный пучок, уж где там тот стародавний гиперболоид инженера Гарина, утеха пионерского детства! А применение лучевого "резака" универсальнейшее, от лечения глаз до управляемого термояда... Необходимо, значит, и обязательна *активная среда* общества, а уж в "накачку" сгодятся экономика и история, этика и педагогика, политология и экология, демография, история революции, история генетики, история варфоломеевских лет...

Просто любопытно, что "рептильная словесность" (Ю. Буртин), достаточно активная по отношению к новой прозе, успевшая *объярлычить* романы громадного резонанса — "жареные" факты, общественно оно, дескать, ничего, но художественно, и не спорьте, слабо, — уклоняется от дуэли с "докторальной" публицистикой. Такой взыскательный вкус, художественности непременно подай — и застенчивое молчание относительно "самых читаемых авторов года"! За такой год — ни ударчика.

А оно не просто ныне, ударять-то! Хорошо было лет 20 назад с Лисичкиным: собрали в крайком передовиков, быстренько подписи под текстом, что, мол, огульно охаивает, мы работаем — он шельмует, и на всей проблеме плана и рынка — крест. Или как с автором данных строк: прилепить ему в *Сельской жизни* "социальную неразборчивость" — и пусть носит это прилагательное с существительным, обдумывая оставшийся путь.

Но о золотом червонце — как прикажете рассуждать? Хорош он или плох? Да черт его душу знает. Ясно, что материальный интерес не должен *превалировать*, что нельзя махать рублем, как флагом, что и внушает читателям *Комсомолки* Е. Лосото, моральные стимулы — надежней, они и прелестней. Но вот доктор наук Н. Петраков категорически в *Новом мире* заявляет: "Демократизация общественной жизни невозможна без твердого советского рубля, там, где нет хозяйственного расчета, возникает коррупция, извращается духовность, падает уровень художественного творчества". Как прикажете клеймить-опровергать, если он пишет о неравном — от вашей "товародоступности" — рубле внутри одной области и даже одного города, о кентавре карточно-хозрасчетного снабжения, о разболтанной денежной системе, подобной песчаному грунту, в котором вязнут ноги бегуна, не до ускорения, в пору ползти — калач, сразу видно, тертый! Раскопал же он, что впервые высказал идею вовсе аннулировать деньги некий С. Розентук еще в мае 1918 года на первом съезде совнархозов, предложив именные купоны на получение определенного вида продуктов — фондовое снабжение ни дать ни взять. С таким свяжись — репутацию подмочишь.

А представьте на миг, что пенсионер В. И. Конотоп, живо участвующий в журнальных дебатах, долгодетный руководитель Московской области, решил поставить на место Геннадия Лисичкина, неизвестно зачем гальванизирующего судебное дело 15-летней давности, дело И. А. Снимщикова, осужденного энергией и нажимом Василия Ивановича Конотопа и ныне полностью реабилитированного Верховным Судом. Лисичкин и на суде был, и сам в свое время работал колхозным председателем, уголовное дело изучил дотошно. Где обвинители говорят "зарплата", там указанный доктор смеется — чушь, в колхозе зарплаты

нет, только оплата по решению правления и собрания. Где выкладывают инструкцию Госкомтруда, для колхоза будто бы приказно-обязательную, там оный Лисичкин подговаривает плевать в потолок: обязателен только закон, а для кооперативно-колхозного сектора инструкции-бумажки практически имеют одну — неудобосказуемую — ценность. Он, Лисичкин, и до процесса над Снимщиковым писал о подмосковном промысловом колхозе и спустя 15 лет выручает осужденного — требуя теперь уже материальных возмещений измордованным проверками колхозам и даже персональных взысканий с быстрых на расправу чиновных лиц. Тут не до рецензий, не до разносов — еще и спасибо скажешь, лихорадочно пробежав статью, что не потребовал сфабриковавших “процесс” Снимщикова за ушко да на солнышко.

Хорошо, а главная тема года — бюрократия, ее физиология, генетика, расчленение ее внутренних дел и внутренних сношений? “Карьера, кабинет, оклад, премии, почести — это все формы *частного* интереса, личной (не общественной и не государственной) выгоды! Так почему, собственно говоря, такого рода деятельность, ради *корысти* и только ради *корысти*, индивидов мы не должны считать *частным предпринимательством*? Только потому, что стремящиеся к извлечению материальных благ любой ценой индивиды объединились в гигантскую, многоярусную организацию, подобную какому-то кошмарному экологическому Освенциму планетарного масштаба?” (Андрей Нуйкин, “Идеалы или интересы”).

“Зародыши бюрократии есть в любой организации. Но при нормальном социальном иммунитете они не получают развития, подавляются, локализируются... Однако когда основные принципы — компетентность, эффективность, объективность — нарушаются, если ослабло сопротивление бюрократическим тенденциям, более того, если эти тенденции начинают принимать за норму общественной жизни, необходимо срочное и комплексное лечение” (Владимир Шубкин, “Бюрократия”).

“...Образовался новый тип темных людей. Это темные люди с высшим образованием, узкие специалисты... но совершенно невежественные в общекультурном отношении, думающие только о выгоде, а все остальное относящие к области “эмоций”... Специалисты... совершенно равнодушные к красоте и величию природы, экономическим и нравственным последствиям их проектов, стали подлинным бичом нашей экономики” (Михаил Антонов, “Так что же с нами происходит?”).

Когда не шарж, не карикатуру тебе предьявляют, не фотографическую даже карточку, не дактилоскопическую твою печать краской, а прямо-таки анализ крови, лимфы, состав хромосом, электронные снимки тканей, когда аналогичный тебе организм чуть ли не синтезируют — как тут закричишь возмущенно про клевету, ложь, очернение? Модчание — золото.

IV

Ах, жизнь-жистянка, занятие Сиейеса! Каким потрясением было давным-давно, почти четверть века назад, зимой 65 года под елями Малеевки на семинаре молодых очеркистов услышать доклад (устный! “без бумажки!!”) члена редколлегии *Правды*, философа, необычайно

зрелого, несмотря на возраст, человека, выросшего, как обнаружилось, в "Доме на набережной" — Лена Вячеславовича Карпинского! Что это была за пугающая, ошеломительная и разом логичная, убеждающая, ставящая на место все твои смутные догадки речь! Марксизм — и бюрократия, именно Маркс, молодой, сверкающий журналистским талантом, — и набирающая силу глухая циничная мощь...

"Бюрократы — иезуиты государства и его теологи".

«Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои "формальные" цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с "реальными целями"»,

Всюду? Подумать только... Значит, никакой случайности ни в пыльном котле целины, ни в зарастании русского Севера?

"Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение".

Вот именно — врут, врут и, что забавно, догадываются о взаимном вранье, даже с достаточной точностью могут определить размер приписок, недодач, утечек, хищений! Значит, это закономерно, это давно и всем известно? Да как же нам-то писать — я ведь только напечатал "Русскую пшеницу"?

"Бюрократия имеет в своем обладании государство... Это есть ее *частная собственность*. Всеобщий дух бюрократии есть *тайна*, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства... представляется поэтому *предательством* по отношению к ее тайне. *Авторитет* есть поэтому принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее *образ мыслей*. Но в ее собственной среде *спиритуализм* превращается в *грубый материализм*..."

Я сперва не мог поверить, что это действительно Карл Маркс — статья "К критике гегелевской философии права" была намеренно мало известна. Да и была бы она в студенчестве читана — толку-то, ведь бюрократией считалось копанье в бумагах, "бумажный тигр" исправно уводил по ложному следу... А уж тайн, тайн! "Почему партийный публицист печатается в антипартийном журнале?" — в лоб спросил меня тогдашний редактор *Коммуниста* Егоров. Намек был, понятно, на *Новый мир*, я напечатал в нем первые три очерка. Пары, урожаи, белок в зерне — все это секреты.

"Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, в *погоню за чинами, в деланье карьеры*". Когда М. В. Зимянин — через девять лет — выгнал меня из газеты, он вызвал к себе в кабинет и наказал сурово, не поднимая глаз: "Не пиши! Смотри, я говорю, никуда не пиши!.." Он готовился переходить на другую, повыше, должность, и жалобы какого-то спельцора, выгнанного без КЗОТа, ему могли испортить рост. Это успокоило. Он просит, не я! Он опасается — и на здоровье! Эта смешная просьба у лишнего всяких перспектив газетера укрепила, утешила — со служебной карьерой у меня было покончено.

"...Иерархия карает чиновника, поскольку он грешит против иерар-

хии или поскольку он совершает такой грех, который иерархии не нужен, но она берет его под свою защиту всякий раз, когда сама иерархия совершает грех в его лице...”

Лена Карпинского под защиту не взяли, нет, его покарали уже года через два, да мстительно, с каким-то сладострастием — и началась череда его несчастий, бед, болезней, надежд и новых катастроф, воспринимаемых уже с ухмылкой... Тогда, в Малеевке, я сказал ему, лектору, что-то насчет монастырей: в них-то все и завязывалось... “Что? Не пойму,” — спросил он. Я сказал о Бруно, Копернике... “Нет, нет, я отрекусь!” — живо рассмеялся он. Однако же ни от чего не отрекся, прожил на Садовом тяжкую ссылку, вернулся — и я благодарен судьбе именно такому посвящению в живой марксизм.

Судьба Карпинского и многих публицистов, уже написавших нашу “думозтику”, книгу настолько значительную, что умный человек бросил бы все и засел бы, походив-поговорив, за повесть о *траве из-под стога*, об удивительном “кипятельном” поколении, как прежде другой, прозорливый и горячий человек, походил-поговорил, собрал плакаты, газеты, воззвания — и написал “Десять дней, которые потрясли мир”, — судьба многих необъяснима без так вовремя подоспевшего, будто по заказу созданного литературного героя. Говорю о Федоре Дежжине из “Белых одежд” (прежде роман назывался “Ключ от потаенной двери”, до того — “Неизвестный солдат”). Истовый лысенковец отпадает от камарильи Рядно — и становится тайным изменником злу, предателем негодяев. Грехопадение беса — сотворение человека. Федор Иванович живет двойной, но не двойственной, а как раз цельной, трудной, альтруистической и духовной жизнью. Это Штирлиц на родине, среди одноязычных.

А ему и не из кого было произойти, как из лысенковцев! И подполковнику Свешникову неоткуда произойти, как из заурядного штата КГБ. Главное — произойти, состояться — “и что бы была у меня за жизнь без этой травмы?” — как в романе говорит Цвях. По-украински это значит “гвоздь”. Украинский язык москвич Владимир Дмитриевич Дудинцев знает в совершенстве, говорит на нем с редким вкусом, “смаком”. Вообще автор удивительно похож на свою книгу!

Я проштудировал рукопись еще в мае 85-го — *Новый мир* прислал ее на рецензию. Моя реакция — “не может быть” в кубе! Не может вот так, после тридцати лет молчания, давно забытый человек написать роман, открывающий 80-е годы. Не может быть, чтобы о таком Рядно-Лысенко, который то “лось”, то “конь”, то “желтозубый бобер”, целый зверинец в одном хуторском Торквемаде, мракобесе-народнике, о таких действиях КГБ, таких бедах Родины у нас был напечатан роман! Тогда все станет с головы на ноги! Но и тем более не может быть, чтобы Москва не напечатала эту вещь, обрела ее на заключение.

Новый мир романа боялся — и как бы стул на него. Пойдите в ВАСХНИЛ, добейтесь прикрытия и поддержки. Иду. Ученый, которому принес книгу, человек хороший, но пуганный долго и умело, написал в отзыве, что все, конечно, так и было, да только партия и правительство своевременно исправили положение и возвращаться к прежнему незначем...

А у Дудинцева тяжелейший инфаркт. На 67-м году! А семьяща большая, и в доме — с хлеба на квас. Гонораров не было минимум две пяти-

летки. Между тем бóльшего раблезианца, гурмана, гедониста я не видал в жизни. "Приглашаю вас на осетра. Я, представьте, очень уважаю осетра целиком, чтоб зелень, знаете, из пасти". На какие шиши, интересно, вы будете его покупать, Владимир Дмитриевич? "Так роман выйдет!" Если и выйдет, так еще ведь надо достать — цельного-то. "А мы ему томик романа — он нам его, голубчика, да с икр-рой!"

Так и должно, наверно, говорить само мужество.

В редакции выклеили главы, касающиеся госбезопасности, и отвезли в Комитет на площадь Дзержинского.

Я, не зная, как помочь, взял папку на восемьсот страниц, пошел к Винни-Пуху. Винни-Пух любил литературный процесс, слово "щесный" и вопрос: "А что, разве еще что-то дадут?" Но вопросом кончать доклады не полагалось, и он, страдая, все повторял, встряхивая головой: "щес-ный, щесный...". Начальство он любил азартно, заразительно, но оно не всегда отвечало ему тем же: распускали слухи, что в молодости он грешил Гильгамешем, а так как отлично были известны связи того Гильгамеша с диким человеком Энкиду, то... ну, остальное понятно.

Винни-Пух тоскливо, не сразу найдя мотив отказа, глядел на угрожающе-толстую синюю папишу, выслушал мою рекламу — и отправил к своему заму. И спросил все-таки напоследок:

— А что, больше ничего не дадут?

...Нет-нет, зам рукопись сохранил в целости, и когда — через две недели — я за нею зашел, нам с секретаршами удалось найти ее на верхних полках.

Добра на вынутые главы *Новый мир* не получил.

Владимир Дмитриевич вышел из больницы. Какое-то время он, видать, был единственным человеком, верившим целиком и полностью в счастливую звезду книги. Потом к нему присоединился еще человек, конечно же доктор наук. Алесь Адамович на съезде писателей летом 86-го назвал "Белые одежды" великим романом. Адамович и соавтор его по "Блокадной книге" Даниил Гранин и были инициаторами увода романа из Москвы.

Вот магнитофонная запись сидящего у своего камина Дудинцева, эпизоды нашего фильма о нем:

— По вашим словам получается, что это очень легко. И я даже могу согласиться. Знаете, как на вопрос смотреть... Я же все время наблюдал! Я просто благословляю время и обстановку, что она меня поместила в эту среду. Когда на меня после "Не хлебом единым" стали нападать — да как нападать! — я просто иногда забывался, не чувствовал, что это они — на меня...

— Я наблюдал их странное поведение. Например, одна... не буду имен называть, мне их жаль... одна очень солидная писательница поднялась на трибуну и, разрывая на груди свои кружева, кричала — не говорила, а кричала: "Я сидела двадцать лет! (А она сидела 20 лет.) Вот у меня здесь под кружевами знаки тяжелейших пыток. Я же все время только благодарил родную партию, что она мне послала такие испытания. В результате чего я могла проверить сама свою твердость и продемонстрировать... А вот этот Дудинцев — ведь он же нигде не сидел, никто ему ничего не делал. Как же он мог?.."

— А что я мог, что мог? Как же я мог свое внимание направить на бюрократию? Как я мог начать возмущаться произволом бюрократов?..

Она вот это наблюдение мое над бюрократами выдает за измену родине. Вот, значит, если я верен родине, я должен стоять и терпеть, что над нами выкомаривают бюрократы.

— А другая, вышла вдруг другая писательница, лауреат, и говорит: "Если бы фашисты или американцы (я уж не помню, кто из них) напали на нас и оккупировали Москву, они бы всех нас перевешали, а вот этого Дудинцева они сделали бы мэром города!" Опять — за что же она меня так? За то, что я дерзнул напасть на бюрократию. Сейчас этот роман — "Не хлебом единым" — печатается, и говорят, что он весь выдержан в духе перестройки. Соединяя время то и нынешнее, можем сказать, что эти благополучные писательницы, увешанные орденами и лауреатскими медалями, целиком стояли на страже бюрократии, защищали ее интересы. Они сами были бюрократами, эти дамы! Вот что ужас. И на этом самом обсуждении я в первый раз в жизни потерял сознание, упал в обморок. Не от чего-нибудь — от человеческой речи!

— Это было тогда, когда Константин Михайлович Симонов поднялся на трибуну — и я подумал: ну, сейчас он за меня заступится. А он начал говорить: "Да, я ошибся в этом Дудинцеве. Я думал, он наш человек, а ведь какие бывают ошибки, как можно в человеке ошибиться?.." Тут у меня все померкло, я в ту же секунду очнулся, уже лежу, а мне несут воду. Вот такой был эпизод.

— Несмотря на это, я на Симонова ни капельки не обижаюсь. Это произошло со мной тогда просто от неожиданности и от неопытности. Я считаю, что Симонов так и должен был поступить! Он запустил свой спутник на орбиту, он напечатал меня, выпустил в свет. Он дал мне ход в жизнь. А сегодня, с нынешних позиций, я могу сказать, что он нанес бюрократии удар — мною! А после этого у него было два выхода: или сгорать вместе со мной, или сохранить себя для того, чтобы повторить удар. Я его благословил! Через день, через два — благословил: правильно поступил Константин Михалыч! И сегодня, если бы он был жив, я бы свой новый роман "Белые одежды" понес бы к нему. И я уверен, что у него бы роман пошел. Не так, как у тогдашней редакции *Нового мира*.

...Снова, значит, философия "Белых одежд": добро маскирует себя под небольшое зло, а зло — под великое добро.

Осенью 86-го роман уже был у редактора *Невы* Бориса Николаевича Никольского — и без купюр определен в первый—четвертый номера восьмидесят седьмого года.

Новый год мы встречали в Минске, у Адамовичей. Было тревожно: конец декабря, а номер *Невы* не подписан — снова задержка! Кто задержал, на каком горизонте — молчок, но в новогоднюю ночь звонит Гранин: собрали, дескать, редколлегия, решили стоять до конца, замены не готовить, отбили телеграмму в Москву на самый верх — так и так, просим срочной помощи.

Возвращались в Москву, когда из Питера пришло: ура, победа, четвертого января номер подписан, поздравляем страну с "Белыми одеждами"!

— У меня вскопчил любовный чирей ко всем сторонникам романа, — объявил дома Владимир Дмитриевич, — и вы напрасно подозреваете, что про осетра я легкомысленно забыл.

В Финляндии и в Китае книга вышла (в переводах) раньше, чем в наших издательствах, но это уже другой разговор.

Дорогой сэр, сеньор эдитор, герр шрифштеллер, я очень плохой реализатор книг, с публицистикой моя акция была убогим экспромтом. Забудем, извините.

К тому же — “такая корова нужна самому”.

V

Одну из премьер нашего фильма “Скакал казак...” краснодарцы устроили в Пашковской: и близко ехать, и население селянское, Репин запорожцев с них писал. Клуб как клуб, народ как народ, но одно меня стукнуло: рельсы! Именно трамвайные рельсы были главной игрушкой моего детства. Положить арбузную корку и ждать на корточках, пока ее располовинит трамвайное колесо. Пришла зима, в трамваях стали возить мешки с живыми лягушками, с водяными орехами. За Карасуном жгли камыш страшные существа — “беспризорники”. Год тек 1933-й.

Стойте, здесь был майдан с церковью? Ну, был. А Карасун, старица Кубани, вон там сзади? Сзади. Люди добрые, да клуб же на месте нашего дома! Квартиру у казачки снимали, мать боялась бросать меня одного, чтоб не украли (было, было на Кубани людоедство), сюда к нам приходила какая-то пухлая бабушка и все говорила матери: “Помоете посуду — не выливайте, я поплюю”. Я просил от нее сказок, но старуха не помнила и все вздыхала о своих детках, они поумирали. Лет старухе было, видать, не больше, чем моей матери. Мы были богатые: отец работал агрономом Пашковской МТС, для меня под ситом лежал особый корж из веничного сорго, я обламывал и это черное ел. Отец посылал ящички дедушке Максиму “на север”, в густой сад, потом дедушки не стало, но говорить об этом было нельзя... В ту зиму в Темиргоевской заворг райкома Овечкин раздал станичникам часть реквизированной у них же пшеницы — и до самой молотьбы ждал для себя “вышки”.

Кино — про наш хлебный импорт. Такое ли, сякое, а впервые показали и танкеры километровые, волокущие через океан по сотне тысяч тонн зерна, и порты, и моряков-хлебовозов, и дискуссии сельские — по-чем, дескать, там отдают и вообще — отчего это мы нахлебничаем? Потом критик было всяких, но один гордец особенно оскорблялся: хватит унижать наш народ каляканьем об импорте, ведь суммарно вывозим больше! Такой патриот...

А в Пашковской нас понесли не за импорт — за голодовку коллективизации! Людей полегло больше, чем в войну (тетки считали потери станиц), Каганович проехал — как Мамай прошел, а и сейчас ни гу-гу, словно не люди — собаки какие посдыхали. Когда вы (имелись в виду пишущие) всю правду говорить начнете, не по шматочку?

Старая Пашковка соединяла хлебный импорт СССР с голодом 1933 года.

Две тайны идут за мною всю жизнь. Тайна смерти деда и тайна хлебного закупа.

Дед умер плохо. И не сослали, и не кулачили, а вот... В плодороднейшей середине черноземов — между Белгородом и Харьковом, где голодной смерти не знавали от татар! Умер, смертью поправ триумф коллективизации. Отец через девять лет погиб в Крыму закон-

но, дед в 1933 году ушел *незаконно*. Подкулачно. Контрреволюционно. Лучше меня напишет двоюродная сестра Людмила.

"Дедушку Максима Васильевича помню хорошо, у него была белая пышная борода до самого пояса, выглядел молодцевато, носил толстовку из небеленого полотна, в карманах постоянно торчали черенки и нож садовый, кривой такой, для прививок. Сорта в саду были самые лучшие, мичуринские — антоновки лимонная и полуторафунтовая, груши—Бере зимняя Мичурина, сливы — знаменитые "ренглоты", крупные, с куриное яйцо. Жил дедушка в отчем доме с младшим сыном Федором, у дома стол стоял, сколоченный из нестроганных досок, а вокруг лавки для сиденья. Рядом росла яблоня, где было привито несколько сортов, и груша, ее груши падали прямо в миски с борщом, обдавая всех брызгами. Дедушка занимался и пасекой, было у них где-то десять-пятнадцать семей.

Умер дедушка в 33-м, трагически, голодной смертью. Мы в то время жили в Донбассе, в Сталино, в тот год к нам приехало 15 человек родственников. Знаешь, страшно вспомнить то время: опухшие, голодные... Отец спросил у теток, почему старика не привезли. Тетя Варя сказала — очень плохой, не доехал бы... "Но вы-то доехали — и он бы доехал". Стали по возможности собирать и отправлять посылки. Но дедушка был слаб ходить на почту и поручал получать посылки невестке Степаниде, она получала и кормила свою семью, все остались живы, а дедушки не стало".

Дальше сестра пишет, что сад дедова хутора площадью в десятину загодя был поделен между пятью женатыми сыновьями, дочери не в счет, а перед войной, "если ты помнишь, вышло постановление о ликвидации хуторов и о сселении их в колхозы, мы и передали сад колхозу". Дом деда разнесло снарядами в войну. Антоновки спалили. Отец похоронен у моря, почетно и законно, могилы молодцеватого деда нет.

Алесь Адамович, неутомимый в мобилизациях, уже не одному "деревенщику" страстно наказывает: вот вам диктофон, валяйте прямо в родную деревню, усаживайте стариков — уходят свидетели, тают строки необходимой, важнейшей страницы в книге народной судьбы...

Слава гласности, на основе опубликованных Госкомстатом столбцов я теперь могу не намеками, а вслух и прямо говорить про *малую* ложь, будто оно все было перелито—нерасплескано: взято у единоличника и влито в победный сосуд индустриализации, где и преобразилось в Магнитку и Уралмашзавод. Это ложь, утверждает ныне Госкомстат. За годы коллективизации (1929—1933) уничтожено, пало, забито в крупнейшей среди аграрных стран:

17,7 миллиона лошадей,

более 25 миллионов голов крупного рогатого скота,

в том числе 10 миллионов коров (поголовье молочных коров США сейчас близко именно к десяти миллионам),

более 10 миллионов свиней

и 71 миллион овец и коз.

Это такая война, настолько планетарная по размерам катастрофа, такой удар по производительным силам страны, что народная поэтика страха — Мамай и прочее — бледна и наивна. "Сельское хозяйство всегда отставало и будет отставать от промышленности", — вывел Сталин закон в 1928 году — и четверть века осуществлял его соблюдение. Даже по

сравнению с летальным уровнем 1918–1919 годов, когда страна — после огня германской войны — повсеместно полыхала пылом гражданской и пульс экономики где-то и не прощупывался, производство мяса в 1934 году было в два раза ниже! Ниже голодного 19-го упало к тридцать четвертому году и производство молока, яиц — представляете, сколько детских смертей? Может, дед Максим — нарочно?

Число "1933" в истории монополизировано Гитлером. Что ж, новенький нацизм, играя в Мюнхене мышцами, не мог не радоваться подготовке к войне, потому что — брехня! — не могли в Берлине не знать о хозяйственной катастрофе на шестой части Земли. Конечно, конец Тухачевского — удача фюрерской разведки. А что страна стала скотомогильником — абверу печаль? Что судьбу моего деда разделили миллионы? Что детки той междворки так и не выросли?

Я же до старой собаки должен благодарить те прозорливые усилия перед войной — войной, которая и выиграна, оказывается, лишь потому, что выжившие хлеборобы оказались все в колхозах, а шляхи Украины и проселки Кубани, прибрав умерших в лебеду, жить стали лучше, жить веселее, и производство мяса — молока — яиц к 1938 году стало подбираться к уровню осмеянного тринадцатого года. Какого мужества, скольких смертей от "мессершмиттов" стоил угон от немецких армий в тыл 2,4 млн. крупного рогатого, двухсот тысяч свиней, 0,8 млн. лошадей, 5 млн. овец — то ж все были стратегические воюющие ценности. Только Мамай-то уже прошел, уже в двадцать и тридцать раз больше позарыто за огородами — если оставалось кому зарывать.

Классы каждому народу свои. Но пепел их не стучит одним мертвым.

Сегодня трясущую-штудирующую красную — юбилейную — том "Народное хозяйство СССР за 70 лет" и не нахожу, поверьте, даже следка населенческой, людской трагедии начала тридцатых. А это значит, что дед Максим и детки опухшей побирушки поныне не реабилитированы! Уже и магаданским легче, а мертвые русских черноземов, не знавшие и пародии суда, все еще пропадают без вести.

И то я, конечно, помню, что повальный голод был организован в наиболее производящих, питающих экспорт регионах — Кубани и Таврии, в Поволжье и на Дону, про левобережную Украину напоминать нечего. Всплески, конечно, были, но возвращения СССР в ряд прочных и стабильных продавцов хорошего хлеба после ухода Деда — имя же ему легион — больше не было.

Я пока по малую ложь: перелито оно или вылито... А ложь *большая*, самая, может, большая ложь за жизнь моих ровесников выглядит для нас, всех с "полтинником", так привычно, так заученно, что глаз ее уже и не различает. Вся эта ложь, произнесенная миллиарды раз, укладывается в уравнение:

ленинская кооперация = сталинская коллективизация.

Всего делов. Просто, как "Сталин — это Ленин сегодня". Раз ты воспринял это равенство, то можно принимать за должное высылку целых станиц, сплошняком, с большевиками и подкулачниками, тысячу по двадцать народу в каждой, русского народу, казачества — без того дикого даже оправдания, что перед тобой калмык или чечен (не-ет, крымские татары и карачаевцы ехали уже наезженным *русским* путем), можно вполне одобрить и горячо поддержать обращение штыков против своего безоружного народа на тринадцатом году гражданского мира (не диви-

зи ли внутренних войск защищали от голодных сельских орд Харьков, Донбасс?). Можно будет сажать за карман колосков, можно всю жизнь, весь быт крестьян, когда-то честнейшего люда, пронизать воровством, можно будет кулачить тракторы, бить коров... Ты только освой уравнение и повтори на семинаре — и деда просто не станет.

Ложное уравнение породило вторую тайну, с которой я хожу четверть века. Четверть XX века, такую значительную в судьбе людского рода.

В фильме своем я признавался пашковцам с экрана, что помню, мол, страшную осень 1963-го. Зашел, дескать, к знакомому зерновнику Павлу Петровичу, а тот уронил голову на руки, не поднимает глаз: "Сегодня самый тяжкий день моей жизни. Мы у Канады купили хлеб". Говорил о бешеном темпе роста ввоза, о горе кадровых зерновиков, но скрытая министерская печаль как-то не тревожила кубанцев. Ну, покупают, "с горы виднише". Монополия внешней торговли, так сказать.

Что взять с пашковских, завязтые аграрии, сами, казалось, морфлотовцы, сыпавшие зерно в отмытые от нефти танки, — и те носили в себе какую-то дозу сомнения: а черт его еще знает, есть тот импорт или нет. Не пишется, так, может, и вправду — клеветуют?

Вступив в сельскую газетчину как раз в год смерти Сталина, в год т.е. сентябрьского Пленума ЦК КПСС и начала всегда *дальнейшего* подъема сельского хозяйства, я — через целину, Сибирь, Поволжье — постепенно вошел в сообщество самых неосведомленных в своем деле крестьян.

Дело крестьянина — путем заботы о своей семье хорошо кормить свой народ. Чтоб, кроме посвященных и заинтересованных, никто об этом и не думал! Ну, у нас-то думали все и всегда, а с 1963 года этот прокорм все в большей степени осуществляется некой третьей рукой, вырастающей откуда-то сзади, из области державных тайн. Насколько ей вообще можно доверять — рядовой агроном-председатель, могу присягнуть, не знает и не думал. Наши оратории и кантаты "Будь хозяином" от действия ирреальной, хоть перекрестись, руки звучат фантастически фальшиво: какой, к дьяволу, хозяин, если на тебя как полноценного кормильца уже махнули и в лицо одно, а за спиной знай возят! Внук Вася маленьким рассказывал мне так: "Баба-яга летает не на чистой силе". Вот именно, *не на чистой* силе летала та рука, потому что в противном случае даже в застойный период о природе ее деятельности было бы рассказано вслух.

Мой интерес цеховой, корпоративный. Если наш брат не в народность играет и не перед начальством егозит, а всерьез разбирает роль и значение процента паров, самоуправное размножение комбайна и долю клейковины в сухом зерне, если "деревенщики" по крохотке, по миллиончику тонн стараются вытянуть тот ли, иной регион к перекладине пристойных сборов, если и пишущему-снимающему срок на Продовольственную программу есть последний кредит людского доверия, а не договор Насреддина, падишаха и осла, то как же смею я не знать во всех деталях и частностях замещение нашего прокорма чужим, как допускаю неосведомленность в причинах временного (как и все на земле) российского хлебного импорта! Доколь же пробиваться слухами-намеками да кислотными цитатами из Щедрина, державшего фантазировать из Пруссии: "Вот увидите, что скоро отсюда к нам хлеб возить станут!"

Лично меня спасала дорожная жизнь. Раз ночью ехал в одном купе с доктором наук Евгением Сергеевичем. В 1963 году он волею судеб возглавлял советское торгпредство в Вашингтоне, и именно к нему прилетел тогдашний замминистра внешней торговли — закупать зерно. Целина выгорела, пыльные бури, без спешного импорта — карточки! Легко сказать — закупать, ведь эмбарго, после карибского кризиса торговать с “красными” официальный Вашингтон запретил. Однако — конгресс заинтересован, начались слушания, позвали экспертов, пошел на толковище и Евгений Сергеевич. Вопрос так: если это единовременная акция — не продавать, если постоянный торговый канал — пусть покупают! Консультанты, экономисты в один голос: не беспокойтесь, заклинило надолго. Целина — пыльный котел, старая пашня зарастает, разумно шлагбаум вверх — и сплавлять переходящие запасы фермеров. А законность, эмбарго? Президент Джон Кеннеди позвонил брату Бобу, верховному толкователю актов, — через полчаса в конгрессе был листок, что именно к СССР данное “нельзя” ну никак не относится...

Подлинность взгляда, что наши заокеанские заготовки — навсегда, проверялась в американском агробизнесе и мной самим. Наследник друга нашего села Рокузла Гарста, дружелюбный и философичный банкир Джон Кристалл, знающий наши степи, как графства своего штата, зажиточного штата Айова, на вопрос белорусского председателя Старовойтова, долго ли еще мы будем покупать у Америки хлеб, ответил азартно и громко:

— Форзэве! Всегда!

И, поняв реакцию, поторопился объяснить: русским выгоднее приобретать то, что у самих плохо получается, и тратить время-средства на что-то иное, в чем они сильны, а уж у Юнайтед Стейтс кукуруза и соя давно и дешево получаются — это знает весь божий свет.

Мы же золотые дождички американскому Среднему Западу выдавали за силу строя (вточь по Рязанову: “мы гордимся общественным строем!”), каковой (строй) не останавливается и перед поддержкой все еще отстающих колхозов-совхозов, принимая плату за вспомогательный хлеб на себя. Совсем как царь Борис у Пушкина: “Я отворил им житницы...” А что нефтерубли за отвор житниц принадлежат народу в лице и колхозов, и совхозов, и Советов народных депутатов — никогда, видимо, в голову не приходило.

То выплескивалось, будто нам на Дальний Восток ближе везти, потому — через океан и дома.

То алхимия пускалась в ход, переделка веществ: если перевести, дескать, хлопок и вывозимые удобрения в зерновые культуры, то вроде окажется, что мы отгружаем за кордон зерна больше, чем оттуда везем.

А больше эксплуатировалось трогательное средневековое невежество “самой читающей в мире” публики касательно — не “черных дыр”, не театра кабуки, не приемов Джуны — сельскохозяйственной азбуки. “Да это ж мы фуражное зерно ввозим. Чтоб скот кормить”. — “Ах, ско-о-от? Так это не для питания, нет? Ой, как же вы меня обрадовали! Какого же лешего нас пугают? Вы слышали — это ж импорт для животных, а с населением давно все в порядке. Частично покупаем кукурузу, ее есть нельзя, а в целом — очень деловой и современный мужик говорил! — в целом теперь порядок...”

Святая простота всегда для чего-то полезна. Вот ближний пример ее утилизации. Год 1988-й, двадцать пятый год импорта, популярная газета агитаторов и пропагандистов *Аргументы и факты*, днем с огнем не найдешь, номер пятый. Спрашивает М. Федоров из Ленинграда: "Знаю, что мы покупаем зерно в капиталистических странах. На какие нужды идет это зерно?" Отвечает Л. Ващуков, начальник Управления статистики агропромышленного комплекса Госкомстата СССР. "Производство зерна в стране в целом обеспечивает и удовлетворяет полностью потребности населения в хлебе и хлебобулочных изделиях, на это идет около 40 млн. т, или в среднем 133—134 кг на душу населения в год.

Для животноводства в целях получения большого количества мяса, молока, яиц зерна не хватает, и государство вынуждено его покупать, действительно затрачивая валюту. Надо признать, что это крайне невыгодно..."

Насилу, страдалец, выговорил. Но сказал ведь? И мы за это покаянное "невыгодно" объясним весь казус причиной недогляда. Казус состоит в том, что именно Госкомстат, именно управление аграрной его статистики месяца за три до этого ответа впервые в нашей истории в массовом издании "Народное хозяйство СССР за 70 лет" открыли цифры продовольственного ввоза с расшифровкой по культурам, что и позволяет отделить овец от козлиц — разогнать по разным амбарам фураж и продовольственное зерно.

Но до этого маленький техминимум: вдруг да кому-нибудь он нужен. Основное зерно развитого государства и есть фуражное, оно не частность, не малость, а именно главный расход, и поля работают по преимуществу как раз на фермы, а не на квартиры, это давнее и повсеместное завоевание цивилизации, как, скажем, электросвет и кухонный газ. Нам сказали, что людям хватает на еду 40 млн. т. А вот животноводству, как обозначил в книге объяснявший про импорт, идет у нас ныне в год 150 млн. т с лишком. В США этот перепад — между съедобным и "фермским" — еще выше, раз в десять, и вообще: чем питание данного народа лучше, разнообразней, калорийней, тем доля фуражного зерна в полевых занятиях страны выше. Потому-то и производится на душу населения в штатах 116 кг мяса, а не 64, как у нас (так пишет тот же самый объяснитель), что фуража там выращивают больше, и никто его за что-то второразрядное, низкосортное не выдает.

Далее. Лошади кушают овес и сено, люди же — пшеницу и рожь. Люди овса едят мало, только как геркулес, а скотине пшеница вообще не нужна. Животным она не полезна, и кормить скот ею не выгодно. Поэтому сельские хозяева производят съестное, продовольственное зерно людям на еду — и на продажу, если есть покупатель и нужда в деньгах, а животным запасают серые, фуражные хлеба: ячмень, овес, кукурузу и прочее.

В нашей стране пшеницы и ржи выращивают не 40 млн. т, а гораздо, намного, в два с половиной раза больше. Миллионов сто десять было в 1976—1980 годах, около ста десяти миллионов тонн остается и ныне. Из 210 млн. т общего сбора больше половины, значит, составляют продовольственные виды зерна. Ну, сорок миллионов, сказано, съедаем, а остальные семьдесят куда? Нет, не продаем, в том-то и дело, что почти не вывозим (ну, разве что миллион тонн с небольшим), а в массу стравливаем скоту. Правильно, это очень невыгодно. Верно, сельские хозяева

так не делают. Но делают-то *не сельские* и тем более — *не хозяева*. Это сеет-веет чиновничий аппарат. Он назначает, чего и сколько сеять, он и импортирует потом секретно от колхоза и всех 12 млн. колхозников...

Уже этого ликбеза довольно, чтоб понять, чего наговорил объяснявший и где он, мягко скажем, шутил. Отлучаться не стану ни в какую контору, за цифрами идти не надо. Вполне хватит опубликованного, доступного неленивым и любопытным.

Он шутил, утверждая, будто покупается для животноводства. В закупках недавнего, 1986 года подавляющую часть (15,7 млн. т из 26,8 млн. привезенных) составила пшеница. И в предыдущем, 85-м, почти половину (21,4 млн. т из 44,2 млн. закупа) занимала та же самая пшеница. И чуть подальше взглянуть — в 1980 году больше половины импорта (14,7 из 27,8, все в миллионах тонн) тянула продовольственная пшеница. В тех странах, откуда везут, пшеница вообще-то хорошая, она малоурожайна в сравнении с кукурузой, дает с гектара раза в три меньше, зато там гонятся за белком, хлеб из муки высокий, всхожий — хотя и не такой вкусный, как привычный наш. Одним словом, платится за продовольственное, людское зерно, чтоб оно улучшало качество домашних заготовок и позволяло в помольных смесях приближаться к хлебным стандартам. Спрашиваешь себя — зачем завозить то (по названию) зерно, какого уже и дома можно намолачивать с лихвой?

Тут, скорей всего, психология. Закупки на Миссисипи вершит тот, кто в 30-х реквизирует зерно в Пашковской, а в 80-е годы выбивает фураж в Белоруссии. Во всяком случае — по генотипу тот. Пшеница! Народ кормить! Мне тут какую-то сою подсовывают, да не на простака напали... Так аксакал из Ферганы твердо знает, что надо везти из магазинов Москвы: узконосые глубокие калоши! На "саламандре" его не проведешь...

Он шалит, толкователь, когда внушает, что в целом и полностью с зерном решено, а прикупать приходится какую-то ерунду. Довесок. Сопоставим объем закупа внутри страны с тем *довеском*, какой брался из-за океана, — до возможности нам рассуждать об этом, то есть в спокойное время глухой канцелярской тайны.

Средние внутренние закупки 1981—1985 годов — 66,6 млн. т. Внешний закуп 1985 года — 44,2 млн. Это — зерна, не считая круп, макарон и т.д. ... Но в тот же год импортированы производные из зерна: мясо (857 тыс. т) и сливочное масло (276 тыс. т); приобретено также 4,3 млн. т сахара, у которого тоже есть прямой зерновой эквивалент, и громадное количество — 813 тыс. т! — растительного масла. Туши мороженого мяса — только половина живого веса, а на кило привеса, как ни крути, шесть килограммов зерна уйдет. Значит, в виде мясных закупок мы привезли более 10 млн. т зерна. Схожий пересчет с коровьим маслом (умножать надо минимум на пятнадцать) даст четыре миллиона. Если греша перед экономикой, принимать белый сахар за ровню (по весу) зерну, а постное масло, продукт в изготовлении норовистый, учесть только как кило за пять, то выйдет еще 8 млн., и общий счет завезенного выразится в зерновом исчислении именно в 66 млн. т. Столько же было закуплено дома!

Значит, каждый второй кусок — съедаем ли его с бутербродным маслом, ломаем ли в хлеву кабанчику — привезен из-за рубежа. Значит, за спиной "не на чистой силе" не одна рука действует, а тоже две.

Но вернемся назад: как объясняют импорт?

В семидесятые годы мировые цены на нефть подскочили страшенно, чуть ли не в 20 раз, и было бы грешно не уловить конъюнктуру. Новый океан "черного золота" позволил колоссально, вчетверо за четверть века, увеличить добычу — мы даже Штаты обошли почти на двести миллионов тонн. Так не резон ли от многого взять немножко — и развязать продовольственные узлы? Правда, Северная Америка нефти у нас не покупает, танкеры через Атлантику топают порожними... Классические порты русского "отпуска" (экспорта) Новороссийск, Одессу, Ригу и др. удалось спешно переделать на приемку, морские галереи пронесли трубы пневматической выгрузки в глубь моря до самых рейдов, и сперва не очень ловко было видеть плакаты "Хлеб — бедствующей России", сами морячки отчасти конфузились промыслом, но с годами дело выросло в двадцать и более раз, все обтесалось, дорога в Новый Орлеан и вверх по Миссисипи с глубиной всего в 19 м, малой для крупных советских судов, стала привычной, нахоженной, лозунги насмешников исчезли: в три дня тебя загрузили и — гуд лак, Раша!

Теперь маркетинг все поменял, поймите. Что было хорошо для времени наркома Красина, то неприемлемо ныне. Мы основали дело всерьез и надолго. Наш министр за достижения во внешней торговле получил две Золотые звезды. Отстаиваем интересы, гуд лак.

Рассуждать в приступе объективности, что платится своим из одного кармана, а за кордоном — из другого, Госагропром, мол, только производит, а Минзаг — только покупает, Минторг ввозит только туши мяса и масло, Внешторг же (до последнего времени — особое министерство) опрично ведет негодии хлебом поверх их голов, — значит язычески надеяться на аппарат и снова лезть к нему с косметическим ремонтом. Ну сольют рубли, валютные и бумажные, в один котел — и ведомство станет вести себя иначе? Уже тоскливо и слушать...

Такие аргументы... А сам я считаю эпохи по рыбам. Нотатения. Потом — Хек. Ныне — Минтай. Всесоюзный минтай в банках. Как только повсеместно хватает? Дважды за мирное время страна вводила карточное нормирование еды: в пору ухода деда — и с семидесятых годов. Свою коллекцию талонов я начал со свердловской говядины, 1 кг к 60-летию Октября. На холмах Грузии талоны печатают цветными — закавказский вкус. Внук так и вытянулся выше меня в сознании, что саратовская родня должна ездить в Москву за харчем... Нет, чужим не наешься.

VI

По вере дедов, к которой в год великого перелома причастили и безмысленного меня, сравнительно скоро я должен встретиться с садовником Максимом Васильевичем, крестьянином чрезвычайной квалификации, и отчет неотвратим, а утаение не поможет — как не помогает оно и на земле.

Первым же вопросом будут тракторы и прочее железное, что и было для него колхозной реальностью, ради чего крупный колхоз и делался владыкой, а хуторам было велено сгинуть. Должен буду сказать, что трактор сбесился, множится и дорожает сам собой. Семьдесят лет надо работать заводам США, чтоб наделать столько комбайнов, сколько у нас

сейчас стоят поломанными! Уже в 16 раз выпускаем комбайнов больше, чем в Америке, но хлеб покупаем все-таки у них. Это не жуткая сказка, это посчитал главный журнал ЦК *Коммунист*. Вместо подъема качества круто подняли цены. Теперь "Дон" стоит одинаково с заграничным E-516, но тот служит долго, а "Дон"... Вообще неизвестно, сколько он служит, реальностью он не стал, но что платить за него придется чуть ли не полсотни тысяч — факт. Тракторов мы производим в 6,4 раза больше, чем в Штатах, но теперь ведомство "железных коней" строит крупнейший тракторный гигант в Елабуге, вообще сооружает всякого на 20 млрд. руб. — и скоро, наверно, и по тягачам добьемся комбайнового превышения. Околицы сделаны тракторомогильниками: "Время" демонстрирует побоища. Если сократить этот поток только на треть — можно сбечь одного каменного угля 5 миллионов тонн, хватит протопиться всему селу Юга, а то теперь топливо строго нормируют, а народ в хатах мерзнет. Но одолеть людям пока не удастся.

Новости дед всегда получал с рынка. Рынок в абсолютном смысле и есть поставщик новостей — товарных, ценностных, технологических. Появление нового сорта груш — в принципе тоже "хай технолоджи", только не микропроцессоры выбросили, а живое. Без рынка — запертость на хуторе: ни сортов, ни сбыта, ни умений. "Царство крестьянской ограниченности", которого так остерегался Ленин.

Вселенский оползень калек-машин и прикуп хлеба за кордоном и соединять не нужно — одно колечко. Странна будет только таинственность импорта. Вроде — от кого бы скрывать, от Айовы-Канзаса-Дакоты? Чтоб не измывались? Так они же продают, все считают до грошика, на биржевые табло урожай в СССР (прогнозируемый) всегда идет в Чикаго заключающей строкой, лично видал. И третий мир от них знает, значит — тайна от Белгорода и Пашковской. Продразверстка есть? Слово это дед узнал до Октябрьской революции и до Февральской тоже, его ввел царский министр земледелия Риттих, принудительные заготовки по уездам и селениям вызвали отказ везти хлеб в города, и "хвосты" стали запалами к взрыву. Февраль смел самодержавие вместе с разверсткой. Ну так есть продразверстка? А раз есть — как не быть "хвостам"?

Качественного и вдосталь хлеба колхоз не поставляет не потому, что не умеет вырастить (в Кургане вон уже сколько "канадцев"), а потому, что нет интереса. Ибо продразверстку, то есть отбор хлеба не за деньги, а за талоны на всяческий минтай, протащили и в компьютерный век. Следовательно — импорт. Для деда, говоря марксистски, тут необходимость рядилась бы под случайность. Случайность, что нашли именно нефть, что вздорожала именно она, а не, как у чеховского смешного персонажа, какая-то белая глина, найденная англичанами. Случайность и то, и это, но что принудительной выкачкой зерна и нежеланием карточек на хлеб придется от своих 150 млн. черноземных га идти на планетный торг — это необходимость.

На рынок ходили за нас — и что мы знаем о нем? Ну, что то превышение по нефти над США, за которое могли бы в ножки кланяться внуки, страна как раз и продает: 130 млн. т сыроу и 57 млн. — нефтепродуктами. Свои дизеля месяцами стоят — баки сухие, уже подчас скважин не хватает на обязательства, а везем. Такие эмираты... Ну, знаем еще, что вывозим из США на 1146 млн., а продаем им на 313. У Канады покупаем на 624 млн., а продаем ей миллионов на 10. В 62 раза меньше!

Но и этот-то обсчет примитивен, как и торг печенежский! И весь наш пишущий корпус — с докторами-новобранцами вкупе — в делах мирового маркетинга выглядит простеньким скифом в античном эскиловом театре. Любой счетовод вологодской кружевной кооперации 20-х годов, любой очкарь в толстовке в смысле мировых цен, реальной выгоды, собственной ответственности перед нанявшими его, перед женой Горького М. Ф. Андреевой, руководившей из Европы сбытом кустарного промысла, за пояс бы заткнул и тысячи красивых ребят из МГИМО, и пишущего популярного академика. Рынок, по Ленину, — жесткий учитель. В одной из предсмертных работ, резко возражая Бухарину, Владимир Ильич говорит о смешанных обществах, применяя столь крепкие выражение, что национальной гордости вроде и не выдержать. "Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат НКВТ, ибо при этой системе работают рядом и заграничный и русский купец. Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков"¹.

Рынок — это постоянная Олимпиада, где с белым равны черный, желтый, хоть лазоревый, только демонстрируют здесь не дышалку, а изделия, и норовят вывозить сегодняшний ум и труд, а не части своего жилого дома, пусть и подвальные, недряные части. Рынок школит и мучит, задает критерии, крайне ценит "качество имени", слезам не верит, лозунгам — тем более, на рынке (рынке, а не базаре!) если обманешь, так уж не продашь. И на том рынке, как говорил в ЦДЛ знакомец Н. Н. Смелякова, скромный миллионер-японец, "покупатель — король, а в СССР продавец — король". Гость ЦДЛ руговаривал по-японски: "корорь". На нефть этикетки не прилепишь, и в мировой галактике товаров отечественную фабричную марку легче всего встретить на "Столичной", и то ведь такой товар — не звезда, максимум — туманность.

Перестройка приняла крупномасштабные (для нас, на сегодня) меры к модернизации внешнеторговых связей. Двадцать два отраслевых министерства, 77 объединений получили прямой выход на мировой рынок. Сокращен импорт зерна на 17 млн. т. Но из осмысления ли наркотической пагубы заходить все дальше и дальше или только из-за крутого — с 34 до 18 единиц — падения мировых цен на нефть и оскудения недр, значит, нефтерубля — пока понять трудно.

Колхозов среди допущенных пока еще... Стоп, есть же "Адажи"! Продает финнам лес, для австрийцев льет спорттовары из пластика, валюты получает исполу, но достаточно, чтоб выйти в союзные лидеры. Прибалтийская раскованность, самоуважение. Но в хлебном отношении "Адажи" — колхоз невесомый. Кулундинского преда пока и силком не вытолкнешь на классово чуждый гулкий торговый майдан. Это сибиряк Залыгин помнит валютные акции кооператоров-маслоделов, а наш районный передовик и родился уже в "царстве крестьянской ограниченности". С производственной гимнастикой под команду начальницы цеха на Олимпиаду не попадешь.

А и не надо!

Нужно пока одно: создать конкурента Штатам в их торговле зерном с Советским Союзом.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, с. 336.

Не в лице Западной, скажем, Европы, та и сама продает нам свое избыточное зерно через Гавр, Антверпен и славный город Лондон. Не в лице ЕЭС, а в лице кооперированного колхоза. Колхозинторга, Зерноимпекса — или назовите этот орган иначе. Хоть горшком назовите, но открытое дома доступ к тем объемам золота, какие уходят в танкерах. Простой принцип аукциона: кто больше? Американский урожай вообще оч-чень дорог, наш из-за состава трат дешевле... Кто больше настоящего хлеба отдаст за настоящие деньги? Их можно и не держать в руках, тем более что инвалютный рубль неосязаем, как квант, как хозрасчет, как дух святой, но все, что за тем инвалютным рублем стоит, все 40 канадских дубленок дояркам ("на первый раз, товарищи, только дояркам!"), все три комбайна Е-516, способные решить наконец вопрос с уборочной техникой, все моющиеся обои Финляндии плюс метлахская плитка ФРГ — все представляющее в вакуумно-бестоварной глубинной степи магнит, даже непонятный для мира перепроизводства и экспортных заторов, способно вынуть золотой хлеб как из-под земли. "Явления товарного голода далеко еще не ликвидированы и, пожалуй, не скоро будут у нас ликвидированы", — дальнорочно сказал товарищ Сталин 60 лет назад. Только без минтая, без "встречных" приманок вроде чебоксарского трактора, какой от заводских ворот дешевле гнать во Вторчермет. Хватит минтая дома и долларов туда — пусть таможня задержит наконец увоз червонного золота. Не только сережку у нашей туристки, а и сотни тонн в слитках наконец-то приметит...

Тут он и хрястнет кулаком по столу, мой памятный читатель! Да, в сущности, уже и хрястнул. Еще не успел я про Хлебсоюз, Маслоцентр, Союзкартофель и Всекообанк с Московским народным банком в Лондоне, быстрые плоды ленинского плана кооперации, не успел про контрактацию, нацеленность зон-регионов на такое-то зерно; про призовского друга-приятеля Илью Рыбкина, который двадцать лет назад наградил меня мудростью, что "материальный интерес — то интерес к материалам", и чаем с сахаром поили бы ту пшеницу, если бы японскую технику за нее и германские стиральные машины; не успел про полтавские Новосанжары, что у Ворсклы на берегах айовскую сою освоили и готовы бы поставлять ее стране СССР — только, поймите правильно, не из-под палки, вообще про нацеленность на экспорт, на восстановление российско-советского традиционного хлебного вывоза, каковой в 100 раз пока реальнее, чем поставка ростовских комбайнов в Кёльн и литовских видеосистем в Нагасаки, — а уже кулак по столу: читатель негодует. Дает отлуп и за идейный сбой, и за протраверстку.

Журнальная исповедь руководящего пенсионера.

"С большим огорчением воспринимаю, когда одни из них (писатель. — Ю. Ч.) смакуют, аж облизываются, уже вторично на нашей памяти, трагические события 37–38-го годов, другие бессовестно уже, наверное, 50 лет пасутся на теме "председатель колхоза — "умник" не сдает хлеб сверх плана, а "дурак" секретарь райкома партии требует сдавать..." (Октябрь, 1988, № 1). Где про "других" — это ж явно карикатура на "деревенщиков". Только, позвольте, ни на каких "дураков"—"умных" мы, бессовестные, стороны не делим! Дело в твоём месте на лестнице. Третье уже, как минимум, председательское поколение на моем веку сменилось, и жизнь дала сотни примеров перехода из "умников" в "дураки". Вчерашний "зажимщик хлеба" (по терминологии Павлика Моро-

зова) с выходом в чины начинает ту же волынку, от которой сам о стенку головой бился, которая гноила и портила в нем мастера, делала хитроном, жуликом, лжецом, плутом, комбинатором столько хозяйственных лет. Дело, повторим, не в числе извилин, а в производственных отношениях, и наш разоблачитель — за отношения “начальник — подчиненный”, при них начальник умнее уже по открытости ему государственных задач, подчиненный будет же умен и отчасти государственен, когда станет слушаться, исполнять и не прекословить. Вон как у Островского-драматурга тема эта выражена, тоже пенсионная письменность важной персоны:

“Подчиненный же сытый и довольный получает несвойственные его положению осанистость и самоуважение, тогда как для успешного и стройного течения дел подчиненный должен быть робок и постоянно трепетен”.

Тут бы надо про трудность нескорого пути, сопротивление и риск, про овраги — через них же не прыгнешь, про трудное накопление реализма для постройки успешного порядка вещей, а я...

Первонаказ в той дедовой вере — “в поте лица твоего будешь есть хлеб”. Мол, кормись своим. Не нахлебничай — даже у бога. А так охота в формуле для Адама укрупнить ЛИЦО!.. Не медальный профиль, не плакатный анфас, не пьяное мурло — открытое, правдивое и чистое человеческое лицо, впрямь нужное для осанистости и самоуважения.

Обрети лицо — будешь есть хлеб.

ПЕРЕСТРОЙКА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

Необходимость перестройки

Через месяц после ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС в журнале "Коммунист" была опубликована моя статья об отраслевом управлении¹. В ней развивались следующие положения. Министерства — органы отраслевые, а в условиях научно-технической революции научно-технический прогресс стал преимущественно межотраслевым. В итоге наиболее эффективные участки НТП или дробятся между министерствами, или вообще остаются без хозяина. Поэтому предлагалось создать надминистерские органы для крупных, базисных отраслей.

На статью откликнулись два министра, их статьи журнал тоже опубликовал. Один был согласен с идеей перестройки, а другой — категорически против.

Как же аргументировал противник перестройки свою позицию? Очень четко: эффективной работой своего министерства. Логика его рассуждений такова: раз дела в отрасли идут хорошо, надо не перестраивать имеющееся управление, а укреплять его, развивать дальше, совершенствовать. И самое интересное состояло в том, что и министр, и автор статьи располагали одними и теми же фактами. А вот оценивали их по-разному.

Вот один факт. За десятую пятилетку производительность труда в отрасли возросла на 129,4%. Другой факт — объем производства составил к концу десятой пятилетки 200%, т.е. вырос в 2 раза. Министр утверждает: это большие успехи. Почему? Да потому, что по плану производительность труда должна была составить 126,5%. И объем производства превысил план на 104%.

Можно рассуждать иначе. Да, объем вырос в 2 раза, но капиталовложения по министерству увеличились в 3 раза. Затраты росли быстрее, чем результаты. Да, производительность труда выросла почти на одну треть. Но в начале пятилетки на 8 из 10 ферм скот поили с помощью машин, а через пять лет — только на 9 фермах. При таком темпе понадобится еще пять лет для механизации этой простой операции, не говоря уже о механизации других, более сложных.

Как видим, из одних и тех же фактов выводы можно делать разные. Министр оценивает факты с позиций администратора: было зада-

¹ *Коммунист*, 1982, № 18.

ние, оно перевыполнено. А надо — по экономическим критериям: во что обходится рост и каков его темп с точки зрения потребителей. И то, чем доволен министр, называется экстенсивным типом развития. Если идти этим путем, мы будем “проедать” ресурсы.

Следовательно, оценка управления зависит от оценки состояния дел в экономике. Если считать, что в экономике все идет нормально, то существующее управление надо только совершенствовать. А если в экономике необходимо добиться коренных изменений, осуществить экономический рывок, то и в управлении понадобится коренная перестройка.

Историческое значение решений партии, принятых после 1985 г., состоит в том, что в них состояние экономики было оценено предельно реалистично.

У нас есть успехи. Но темпы развития неудовлетворительны. Развитие идет за счет значительного расхода ресурсов: и трудовых, и материальных, и природных. Так развиваться дальше нельзя. Нужен перелом, скачок и в темпах роста, и в использовании источников экономического роста. В этом — ключ к решению проблем благосостояния народа: духовного и материального. В этом — ключ к обеспечению первого блага: гарантировать оборонную мощь страны, возможность жить в условиях мира.

Но мало знать, что необходимо ускорение. Надо найти его рычаги. На первый взгляд необходимы ресурсы. Но это только на первый взгляд.

Если они будут вложены в условиях, когда миллиарды уже омертвлены в незавершенном строительстве, то и новые вложения, скорее всего, приведут к его увеличению.

Чтобы новые затраты давали эффект, нужно что-то другое, помимо самих ресурсов. Что именно?

И здесь хотелось бы напомнить об одной работе В. И. Ленина, посвященной аграрному вопросу. В. И. Ленин считал, что по своей сути борьба российского крестьянства — борьба за землю. А известный тогда экономист А. А. Кауфман никакой проблемы тут не видел. Как борьба за землю? Опомнитесь! Посмотрите вокруг! В России, писал он, свободной земли сколько угодно!

Ответ В. И. Ленина исключительно глубок. Да, согласен он, земли у нас хватает. Ресурсов в стране сколько угодно. Чего же нет? Что мешает? Мешает одно: социально-экономический строй царской России. “Непригодным в значительной своей части этот фонд является в настоящее время не столько по силу *природных* свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие *общественных* свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность”¹. И далее В. И. Ленин пишет: “Эти многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России “ожидают” не только орошения и всякого рода мелиораций, они “ожидают” также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве”².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 229.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 230.

Октябрьская революция смела старый и создала новый общественный строй, соответствующий производительным силам, заинтересованный в росте производительности и способный организовать его поступательный рост.

Практика строительства социализма развеяла утопические надежды иных теоретиков и практиков на то, что после социалистического обобществления автоматически начнется экономический прогресс. Жизнь подтвердила глубокую правоту В. И. Ленина, который видел во взятии власти и переходе средств производства в руки трудящихся только первый шаг, только условие, только базу, только возможность ускоренного экономического развития. А непосредственно реализацию гигантских возможностей, заложенных в новых производственных отношениях, В. И. Ленин связывал с созданием эффективной системы управления экономикой.

Опыт реформы 1965 г.

Успех современной перестройки управления экономикой во многом зависит от глубины анализа наших прежних попыток реформ. Были разные реформы: и развивавшие самостоятельность, и ограничивавшие ее. Были хозяйственные реформы, были и политические. Но особый интерес представляет последняя крупная реформа — реформа 1965 г.

Хотелось бы сразу оговориться, что критические замечания в адрес 1965 г. не означают, что я не вижу тех огромных шагов вперед, которые были сделаны и без которых мы сейчас чувствовали бы себя гораздо менее уверенно. Не касаюсь я и личной, персональной стороны дела. Не хочу я также, чтобы моя сегодняшняя критика была воспринята как попытка выгородить себя: я разделял большинство надежд и был во власти большинства иллюзий тех лет.

И все же: почему не удалась реформа 1965 г.?

Есть группа причин, которые можно назвать *дефектами замысла*. Был впервые провозглашен принцип перехода от административных методов к экономическим. Но как это понималось?

Число централизованных показателей будет резко ограничено (до пяти). Среди них главными станут экономические показатели (прибыль и т.д.). Сокращение централизованного вмешательства будет компенсировано активностью самого предприятия, которая будет вызвана введением материальной заинтересованности в виде фондов предприятия. В этой, казалось бы, логичной схеме были — как показал опыт — фундаментальные дефекты. Показатели сокращались, изменялись, но оставались и централизованно устанавливаемыми, и директивными, административно обязательными. Экономическое пытались сочетать с административным, рождался своего рода "козлотур".

Не менее важным было то, что центром реформы сделали перестройку предприятия, перевод его на хозрасчет, хотя азбучная истина любого учебника политэкономии гласит, что главное звено в плановой экономике — централизм. Это звено в 1965 г. не только не переходило на экономические методы, а, напротив, укреплялось административно благодаря созданию министерств. Говоря в целом, сам замысел реформы заключал идею полюбовного мира экономического и администра-

тивного. Попытка эта завершилась победой той стороны, которая осталась более сильной — административной.

Есть группа причин, которые я бы назвал *дефектами исполнения*. Это — организация работы по внедрению нового механизма.

Было принято, что постановлений ЦК партии и Совета Министров СССР недостаточно и необходимы “конкретные” инструкции. Эти инструкции нередко топили сами идеи реформы.

Было принято, что перестройкой руководят вышестоящие органы, оставшиеся сугубо административными.

Было принято, что реформа чуть ли не с пеленок должна давать отдачу, и за ростом долей процента ревностно следили. Было принято, что пятилетний план составляется по-прежнему, а реформа — всего лишь дополнительный резерв его реализации.

За реформу отвечала комиссия, полностью подчиненная одному из ведомств — Госплану и своей властью по существу не располагавшая. Из межведомственной комиссии по проведению реформы она стала комиссией ведомств по взаимной помощи для уменьшения потерь ведомств от реформы.

Была *третья* группа причин, которые я бы назвал *административными капканами*. Речь идет о положениях, казавшихся процедурными и техническими, но оказавшихся на деле весьма важными.

Например, среди директивных показателей сохранилось то, что принято называть “обязательной номенклатурой”, — перечень тех изделий, которые предприятие обязано делать. В том, что конкретно за чем-то надо следить из центра, никто не сомневался. Но кто мог предположить, что уже через год-два удельный вес обязательной номенклатуры охватит все 100% выпускаемой предприятием продукции и сделает бессмысленным фонд развития, на деньги которого нечего купить — ведь потенциальный поставщик целиком загружен обязательной номенклатурой верха.

И наконец, причины, которые я бы назвал *целиной*. Это проблемы, которые реформа 1965 г. вообще не ставила.

Среди них я бы выделил ряд наиболее важных. Реформа 1965 г. так и не стала инструментом чистки экономики от предприятий, являющихся продуктами экономического волюнтаризма. Реформа так и не стала инструментом перегруппировки руководящих хозяйственных кадров: не отсеивала слабых, не выдвигала сильных.

Реформа 1965 г. так и не поставила трудовые коллективы в активную боевую позицию, сделав их главной силой перестройки; не ознаменовала начала “экономической гражданской войны” сторонников эффективного хозяйства против сторонников административного порядка и административной сбалансированности. Этого достигли, сохранив заводам гарантированный сверххру фонд заработной платы как основной и сведя роль премий к 10–15%-ной добавке, а также сохранив гарантированную оплату работникам всех хозяйственных органов независимо от итогов их работы.

Реформа исходила из идеи, что в стране возможно осуществить коренные экономические преобразования, не затрагивая социальную и политическую сферы жизни общества, не перестраивая механизма партийного руководства экономикой и механизма самой внутривнутрипартийной жизни.

Суть нового экономического механизма

Исходный пункт всякой системы управления — механизм активизации побуждения к труду основной производительной силы общества — работника. В условиях социализма работник одновременно выступает и как трудящийся, и как хозяин производства, собственник. Поэтому необходимо одновременно активизировать его и как труженика, и как хозяина производства. Без заинтересованного в конечных результатах работника все другие меры в области управления должного результата не дадут, угаснут, столкнувшись с безразличием и пассивностью.

Что побуждает работника заботиться о росте производительности своего труда, о внедрении новой техники? Это — экономические (материальные), административные и социальные рычаги, или, как еще говорят, мотивы, стимулы. И положительные — побуждающие к работе, и отрицательные факторы — наказывающие за пассивность. Остановимся на главной, материальной экономической мотивации. Исходное ее звено — оплата труда.

За что сегодня мы платим работнику? Конечно, за труд. Но принцип социализма “по труду” реализован сегодня так, что подавляющая часть оплаты как бы гарантирована сверху, а доплаты идут за относительный итог, за процент выполнения задания.

Конечным итогом нынешнего варианта реализации принципа оплаты по труду является тенденция к уравниловке. Тот, кто работает лучше, получает почти столько же, сколько и средний по производительности работник. Лучший наказан. А тот, кто работает хуже, опять-таки получает почти столько же, сколько средний работник. Ясно, что значительная часть гарантированной оплаты худшего идет за счет уменьшения выплат лучшему. Возникает социальная несправедливость, нетрудовые доходы.

Для стимулирования инициативы, производительности труда, повышения качества продукции, роста конечных результатов необходимо принципиально изменить систему оплаты труда. Надо найти новый, более полный вариант реализации принципа оплаты по труду. Чтобы быть уверенным в том, что деньги выплачены за дело, оплата труда должна быть тесно увязана с реальными результатами.

Общая доля средств, выделяемых сегодня для оплаты труда, достаточно велика. Поэтому можно смело перейти к системе, при которой гарантированная часть оплаты будет стабилизирована, а весь дальнейший рост производительности должен оплачиваться из фонда, который должен быть заработан.

Видимо, нужно глубоко вздуматься в смысл принципа “по труду”. Социализм, сделав всех совладельцами общественной собственности, дал каждому право на труд и его оплату. Но социализму надо повышать производительность до уровня, необходимого для перехода к коммунистическому распределению по потребностям. Путь к стимулированию роста производительности один — платить больше за итоги труда. Надо точнее разграничить то, что работник получает в результате права на труд как трудящийся собственник, и то, что он получает по результатам своего труда. Сегодня первая часть составляет большую долю заработка. В будущем же плата в основном должна

расти за счет приработка по итогам труда. Только такой путь может ускорить рост производительности.

В системе, полностью реализующей принцип оплаты по итогам труда, отстающие будут наказываться, и притом экономически. А лучшие вполне ощутят выгоду от того, что они старались, проявляли активность и предприимчивость. В результате у "средняка" усилится стремление перейти в лучшие. И общий темп роста ускорится. А это позволит со временем сначала обоснованно повышать уровень гарантированного минимума оплаты и размер общественных фондов потребления, а в перспективе приблизиться к нашему конечному идеалу — распределению по потребностям.

Предположим, мы создали эффективную, поощряющую рост производительности систему материального стимулирования труда рабочего, инженера, руководителя. Достаточно ли этого? Ведь для того, чтобы платить по реальным итогам труда рабочему или бригадам, надо, чтобы и все предприятие получало фонд зарплаты по итогам труда. Чтобы рост зарплаты рабочего был обеспечен ростом производительности труда, нужно, чтобы и фонд зарплаты зависел от величины производительности, т.е. нужен полный хозрасчет.

Каким должен быть полный, реальный хозрасчет, который бы преодолел недостатки прошлого? Три кита лежат в основе полного хозрасчета: остаточный принцип формирования фонда дополнительной оплаты, гарантированные проценты отчислений государственным органам, цены на заказ.

Сначала об отчислениях государству. Здесь можно ввести долевого принцип — каждый рубль дохода делится на твердо установленные части: государству (в том числе в госбюджет, отрасли, территориальным органам); в фонды технического и социального развития; в фонд оплаты. Главная часть, остаток — фонд дополнительной оплаты.

Основными итогами полного хозрасчета являются: самокупаемость и самофинансирование; зависимость всех средств, которые получает предприятие (на дополнительную оплату, на техническое развитие), от конечных итогов работы данного коллектива и гарантированность этих средств от изъятий; все факторы роста эффективности (и прежде всего НТП) начнут "работать" в полную силу.

Как отмечалось, один из главных уроков периода развития нашей экономики после начала реформы 1965 г. состоит в том, что стала очевидной невозможность изменить форму оплаты труда работников и форму хозяйственного расчета без коренной перестройки форм и методов централизованного руководства.

Сегодня директивное руководство стремится максимально регламентировать жизнь хозрасчетного звена: не только выход продукции, доход государства, но и внутреннюю деятельность объединения.

Нет уверенности, что совхоз сдаст запланированное количество молока, — начинают планировать поголовье коров, затем нормы запасов кормов, затем площади посева тех или иных культур и т.д. Но даже всеохватывающие установки директивных органов не обеспечивают результатов. Обнаруживаются срывы, отклонения. И центральные органы неизбежно начинают, помимо заданий на год, оперативно вмешиваться в текущую работу хозрасчетных звеньев.

И наконец, завершающая часть этой по-своему цельной системы.

Если решения вышестоящих органов экономически не оцениваются, то невозможно материально ни стимулировать, ни наказывать работников центральных органов.

Ясно, что переход к полной реализации принципа оплаты по итогам труда (а без этого не повысить его производительность) и переход к полному хозрасчету (а без этого не реализовать принцип оплаты по итогам труда, не ускорить научно-технический прогресс) требует коренного изменения формы деятельности центральных хозяйственных органов. Они также должны перейти от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам, к системе, которую можно назвать экономическим расчетом центра.

В материалах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС представлена программа коренной перестройки централизованного руководства экономикой на ближайшие годы. Основой перестройки является отказ от обязательности директивных объемных заданий — контрольных цифр. Их будут разрабатывать как информирующие и ориентирующие предприятия материалы.

Чем будут заменены директивные задания, определяющие конечные результаты деятельности предприятий? Во-первых, системой экономических нормативов. Центр регулирует не результаты, а правила экономической деятельности, и регулирует с помощью именно экономических правил. Во-вторых, центр определяет государственные заказы. Госзаказ касается только той доли всей производственной продукции, которая важна и нужна для решения общегосударственных задач. Если нормативы — инструмент управления деятельностью предприятия в целом, то госзаказы — инструмент ускоренного решения задач общегосударственной важности и особенно общегосударственных программ.

Консерваторы и авангардисты

Самое опасное сегодня — если существующей Административной Системе¹ удастся — как это бывало в 50-е и в 60-е годы — превратить перестройку в очередной капитальный ремонт Системы. Этот вариант теоретически может базироваться только на действиях консервативных сил: в одиночку или в связи с акциями авангардистов.

Я менее всего склонен преуменьшать мощь консервативных сил, в течение десятилетий вскормленных и взращенных миллиардами народных денег, научившихся манипулировать массами и приучивших их к роли пассивных исполнителей, сделавших свое администрирование обязательным компонентом каждой клеточки нашей жизни и, соответственно, капитальнейше защитив себя тем, что любое покушение на это администрирование обязательно становится попыткой сломать не только аппарат, но и сложившуюся систему жизни каждого из нас.

В перспективе глобальное столкновение с этими силами неизбежно.

Но в данный момент еще свежи и наглядны все результаты действия механизма торможения. Конкретных лиц можно назвать поименно, список их можно составить — это подтвердил анализ проекта пере-

¹ Суть этого термина раскрыта автором в статьях, опубликованных в журнале *Наука и жизнь* (№ 4 за 1987 г. и № 3 за 1988 г.).

броски вод северных рек. Поэтому пока консерваторы опасаются возможности выявления подлинных виновников наших бед. Но уже сейчас есть попытки приписать перестройке выявляющиеся благодаря ей зияющие пропасти. А в будущем попытки свалить на включенную лампочку беспорядок освещенной ею квартиры усилятся.

Важным фактором стали гласность и уроки правды о прошлом. Большой вклад в эти уроки внес доклад М. С. Горбачева в связи с 70-летним юбилеем Октябрьской революции. Это лишает консерватизм одной из его базисных опор — апелляций к традициям, к успехам прошлого, к делу "отцов и дедов". Корректируются и масштабы реальных цифр об успехах, непрерывно растет и счет того, чем за них заплатили наши народы. Попытки глобально защитить систему, пришедшую из такого освещенного правдой прошлого, очень затруднительны.

Но, пожалуй, наиболее важной является развертывающаяся критика идеологии прошлого. В жизни большинства народов нашей страны в силу их истории идеологические факторы, проблемы веры играли зачастую не менее важную роль, чем чисто материальные интересы. Получая сотни откликов на свои статьи, я выделил целый слой людей, готовых терпеть любые лишения и любые нарушения норм социализма, но нетерпимо относящихся к любым попыткам связать эти явления с некоторыми теоретическими догмами прошлого. Поэтому даже просто аргументированная и корректная критика идеологии прошлого — я не говорю уже о глубоком анализе ее со стороны общественных наук — кардинально ослабляет консерватизм.

Надо учитывать и то, что по самой своей природе консерватизм медлителен. Консерваторы все еще надеялись — и в 1985, и в 1986 годах, что гром где-то поухает и все затихнет. Только сейчас они начали — я не хочу сказать — бояться, я бы сказал — смутно беспокоиться в связи с ходом событий. В 1988 году консерваторы предприняли попытку наступления, опубликовав статью Н. Андреевой¹. Но это была "преждевременная" и потому во многом авантюристическая атака на перестройку, сразу же отбитая². Подлинная активизация консерваторов — еще впереди. Когда реальная угроза усилится, то, говоря словами писателя Р. Киреева, мирные аппаратные "Пал Палычи" превратятся "в грозных ратников".

Кроме того, у консервативных сил нет лидеров. Порой их интересы представляют люди, занимающие очень высоко стоящие в общественной иерархии посты. Но эти кадры — выдвиженцы аппарата в эпоху торможения, когда всем, кто хотя бы чуть-чуть обладал качествами лидера, на карьеру рассчитывать было трудно. Поэтому основную защиту консерваторов пока что осуществляли их "союзники" — порой неосознанно — типа экстремистов из общества "Память", анархистствующие защитники "народа", борцы за "чистоту" марксизма, непреклонные защитники сталинизма и т.д. А самим консерваторам еще предстоит искать и выдвигать подлинных своих вождей, способных вести борьбу со сторонниками перестройки на равных. А такого рода выдви-

¹ *Советская Россия*, 13 марта 1988 г.

² *Правда*, 5 апреля 1988 г.

жения для приверженных к соблюдению карьерной рутины консерваторов — дело не простое.

Теперь об авангардизме. Теоретически опасность авангардизма для перестройки связана с тремя моментами. Во-первых, с попыткой из страха и отчаяния перед пассивностью многомиллионных масс что-то навязывать сверху. Этот путь реализации чьих-то (пусть вызванных самыми благими намерениями) представлений о том, как должен жить народ, я называю концепцией "бесов перестройки". Когда ради осуществления чьих-то догм, верований, научных выкладок, тщеславия и амбиций должны быть брошены в дело и ресурсы страны, и даже жизни ее людей. Перестройка сверху может вылиться только в очередную бюрократическую утопию, с реальной перспективой большого террора, аналогичного проводившемуся в тридцатых годах, против всех, кого сочтут виновными в неосуществлении гениальных замыслов "бесов перестройки".

Во-вторых, авангардизм дает аргументы консервативным силам своими акциями, провоцирует их, позволяет оправдывать меры по сохранению торможения. Достаточно вспомнить иные речи на ноябрьском Пленуме Московского городского комитета КПСС в 1987 г., когда от обвинений "нож в спину партии" оставался всего лишь шаг до поиска специалистов по защите партии от ножей ее руководителей.

В-третьих, — и это, пожалуй, главное — демарши авангардистов расшатывают и ослабляют фронт сторонников перестройки, которые и без того часто находятся в меньшинстве.

В 1987 году авангардизм предпринял безуспешную попытку заявить о себе, требуя начать атаку на консерваторов, опирающуюся на меньшинство и поэтому обреченную. В. И. Ленин учил нас уметь бороться в меньшинстве, уметь работать в самых реакционных профсоюзах. Он честно назвал ошибкой большевиков тактику бойкота думы, когда революция еще была на подъеме. Тактика бойкотов, конфронтаций, экстремизма легко перерастает в изоляционизм. Отставками авангардизм ослабил силы перестройки и, надеюсь, какие-то уроки для себя извлек.

Аппаратный вариант перестройки

С 1988 г. началась реализация программы перестройки механизма управления экономикой. Но весь вопрос в том, чтобы реально оценить, в какой интерпретации это будет происходить и какими методами.

Все вводимые экономические рычаги (проценты отчислений, нормы амортизаций, нормативы фондов оплаты и т.д.) по своей величине решено определять *исходя из заданий пятилетнего плана*. Не экономические рычаги выявляют резервы и в итоге формируются все заказы и весь план, а, напротив, из плана извлекают экономические нормативы. Плановая основа — первая черта реализуемого варианта перестройки. Экономические рычаги сейчас не просто задаются планом. На них возлагается задача спасти административно составленный и поэтому несбалансированный план. Отсюда фантастические нормативы, когда государственный заказ составляет 105% плана.

Вторая черта нынешнего варианта перестройки состоит в том, что ее

главными действующими силами являются центральные экономические ведомства и отраслевые министерства. Из болота бегемота поручено вытаскивать ему же, хотя именно он загнал себя в болото.

При этом на эти органы не только возложена ответственность за перестройку. С них в то же время не снята ответственность за средние итоги — по республике, по отрасли, по стране. И это в условиях, когда решили начать с сокращения штатов. Итогом размышлений о средних показателях по отрасли и по стране и о своей судьбе стали такие нормативы, в которых сделана попытка переложить на трудовые коллективы максимальную ответственность за итоги работы. Но ведь итоги эти определены указаниями, а то и просто ошибками вышестоящих органов. За плохое качество, за невыполненные в срок поставки должны будут платить только трудовые коллективы. Нет сомнений, что за свою пассивность, терпимость к Административной Системе, отжившей и превратившейся в механизм торможения, за неоправданный рост доходов при недостаточных темпах роста экономики всей страны весь народ должен заплатить. Но почему эта ноша должна лечь только на переводимые на полный хозрасчет трудовые коллективы?

Из реализуемого в 1988 г. варианта перестройки можно прогнозировать такие следствия.

Во-первых, полный хозрасчет и госприемка заставят трудовые коллективы искать резервы, и несомненно, выявится определенный эффект. Но он не будет значительным, так как активность у предприятий ограничена "плановым" происхождением нормативов и стремлением "верха" добиться удовлетворительного среднего итога, ущемляя лучших и поддерживая отстающих. Естественно, сыграет роль и наличие объективного предела для санкций, которые можно будет наложить на трудовой коллектив, не доводя дело до взрыва. В итоге вряд ли удастся мало-мальски ускорить темпы. В лучшем случае — удастся достичь и без того заниженных темпов первой пятилетки периода до 2000 года. Так что одна из главных задач, положенных в основу нынешнего варианта перестройки, — выполнить план — окажется под вопросом.

Но самое главное — второе. Экономические нормативы "под план" не смогут создать такого экономического механизма, который необходим для составления нового пятилетнего плана. Созданный для реализации нынешнего административного плана, он даст нам ценный опыт, но не сможет стать основой того механизма, который нам нужен в будущем. И к началу новой пятилетки мы окажемся или перед перспективой вновь поставить телегу впереди лошади и, составив план, считать по нему нормативы, или же перед перспективой искать принципиально иные основы для экономических рычагов. Таким образом, второй довод за нынешний вариант перестройки — надежда в ходе этого варианта создать цельный экономический механизм для будущей пятилетки — тоже оказывается весьма спорным.

Это все, так сказать "чистый подход". А на практике будут сотни попыток под видом госзаказа сохранить все плановые задания. Попытки заказывать от имени государства даже поставки продукции внутри объединения, с завода на завод, из цеха в цех. Заказывать от имени государства все 100% объема продукции, превращая самофинансирование или в бессмысленность, или в финансирование своими ресурсами одобренных министерством и включенных им в госзаказ мероприятий.

Будут попытки превратить в бессмысленность выборы директора, ибо надо будет выбрать того, кто угоден министерству, так как от последнего зависит все: и норматив фонда оплаты, и объем "отоваривания" фонда развития и т.д.

Этот этап развития неизбежен. Он должен стать всеобщей школой. Научить трудовые коллективы тому, что такое хозрасчет, как надо работать самим и за что бороться во внешних связях. Убедить верхние хозяйственные (и не только хозяйственные) этажи в том, что вариант перестройки сверху, вариант аппаратной перестройки, конечно, спасает от потрясений и бурь, но только на первый взгляд, поскольку в конечном счете неизбежный при аппаратном варианте недостаточно высокий темп развития может только усилить глубинные коллизии.

Поэтому в целом в ближайшее время будет идти накопление опыта, учеба, кристаллизация идей о возможности иного варианта организации перестройки. Идеи перестройки полностью сохранятся, но начнут изменяться наши представления о путях осуществления этих идей.

Размышления о будущем

В ближайшее время будет усиленно идти поиск такого варианта реализации перестройки, при котором кардинальная перестройка станет кардинальной не только по содержанию мер, но и по методам своего осуществления. Речь идет о решительной перестройке. Быстрой. Глубокой. Когда главными действующими силами станут трудовые коллективы. Когда главную плату за перестройку внесет аппарат Административной Системы, так как именно он десятилетиями игнорировал необходимость перемен.

Очистительная экономическая буря скорее всего за два-три года отбросит нас по показателям назад, но смет все неэффективные предприятия, как монстров, рожденных администрированием, так и — главное — смет Административную Систему, которая, эксплуатируя в прошлом и свою неизбежность, и свои былые заслуги, на десятилетия продлила свое существование, вырождаясь в механизм торможения, обрекая страну на предкризисную ситуацию. Возникнет стартовая площадка бурного подъема.

Хозрасчетные предприятия возьмут на себя всю ответственность (так как получат и все права) за сферу текущего хозяйствования. А освобожденный от подсчетов того, сколько нужно женских колготок такого-то размера, центр сможет бросить свою мощь на решение ключевых для будущего страны проблем: роботизация, компьютеризация, биотехнология, создание современных форм здравоохранения или просвещения.

Вместе с уходом администрирования из экономики создадутся условия для его преодоления в культуре, науке и других областях.

Диалектика такова, что нельзя перестроить экономику, не перестраивая одновременно — и даже раньше — политику. Ибо политика — концентрированное выражение экономики, и надо начинать с нее.

Это все общие рассуждения. А если говорить конкретно, то разница реализуемого сейчас аппаратного варианта перестройки и демократи-

ческого ее варианта, который будет привлекать все больше внимания, состоит в следующем.

Вот семейная ферма знаменитого архангельского мужика. Вот городская семья, которая где-то работает, зарабатывает и покупает молоко с этой семейной фермы. При административном варианте перестройки между этими двумя трудовыми ячейками десятки, сотни административных инстанций — от колхоза и совхоза до РАПО, министерств, ведомств. Эти инстанции создают сотни бумаг, циркуляров, инструкций, планов, отчетов. Они нуждаются в учетчиках, бухгалтерях, завхозах, сторожах и т.д. Переполнены и задыхаются от обилия мнимой работы десятки учреждений. Они командуют и семейной фермой — что ей делать. Они командуют и семьей потребителя — где и по какой цене она может купить молоко. В ходе перестройки все эти звенья хотят сохраниться, получать зарплату и, главное, продолжать командовать. Но беда в том, что гарантии возможности покупки молока никто из них и не берется обеспечивать своей личной зарплатой. Это готова сделать только семейная ферма.

При демократическом варианте между семейной фермой и имеющей заработанные трудом деньги городской семьей или никого не будет и молоко будет доставляться прямо в квартиру в установленное время, в договоренном количестве и договоренной цене. Или, скорее всего, будут и вспомогательные звенья: ветеринар, агроном, врач санэпидемстанции, будут, возможно, и посредники по скупке и доставке молока.

Говоря кратко, административный вариант перестройки пытается прежде всего спасти весь механизм Агропрома и под этим углом зрения интересуется эффективностью производства. Демократический же вариант интересуется прежде всего эффектом и с этих позиций решает все вопросы, в том числе и судьбу органов Агропрома.

Вопрос, следовательно, в том, как и кем будет демонтироваться Административная Система, выродившаяся в механизм торможения. Или медленно, мучительно, своими силами. Или быстро, решительно, силами трудовых коллективов и демократически избранных органов народной власти.

Чтобы не повторять ошибок прошлого, надо, во-первых, начать реализовывать в экономике наиболее решительный вариант экономического механизма: с остаточным хозрасчетом, со свободными ценами, с госприемкой, с оплатой работников всех хозяйственных органов в зависимости от итогов их усилий, с ограничением права министерств командовать. Надо сделать так, чтобы никто, ни один человек не мог бы нигде отсидеться от активного участия в преодолении торможения.

Во-вторых, надо осуществить глубокую демократизацию, чтобы вырванные из экономических раковин торможения люди имели полную возможность выражать свои интересы, бороться за них. Эта демократизация должна охватить и политическую систему страны, и внутривластную жизнь.

Как отнесется хозрасчетный коллектив, сокративший всех излишних работников, к директиве послать людей на овощную базу? Нетрудно предположить, что он не захочет расплачиваться своей зарплатой за неспособность руководителей города за десятки лет решить проблему "поле — прилавок", давно не существующую ни в одном из городов ни в одной из развитых стран мира. Нетрудно предположить, что этот кол-

лектив захочет иметь такую систему выборов в местные Советы, при которой можно будет воздать по заслугам руководителям горисполкома.

Как отнесутся коммунисты хозрасчетного коллектива к тому, что райком каждую неделю по два раза отрывает избранного этим коллективом директора на разного рода активы и инструктажи, на вызовы его "на ковер", на выносимые этому директору выговоры? Не логичнее ли предположить, что коммунисты завода захотят иметь такую внутрипартийную демократию, при которой они смогут досрочно созвать районную конференцию, чтобы переизбрать руководителей, пытающихся сохранить то самое администрирование, от которого по призыву партии освобождается экономика?

Экономическая перестройка захлебнется без изменений в сфере политики, в методах партийного руководства. Именно так задумана XIX Всесоюзная партконференция, в повестку дня которой внесено два вопроса: ход перестройки управления экономикой и дальнейшая демократизация социалистического строя.

Перестройка, изменение самих основ жизни миллионов, может быть только их собственным делом. Что мы получим в ее итоге — целиком зависит от активности масс и от демократического механизма, позволяющего выявить реальную расстановку сил в этой активности. Подлинная перестройка — революция масс, а не реализация чьих-то замыслов и планов. И надо иметь механизм самостоятельности масс. И тогда мы получим то, до чего массы выросли, что они считают нужным.

Партия не может быть пассивным наблюдателем. Она, как авангард, должна быть самой активной силой перестройки. Но она должна так перестроить себя, чтобы адекватно и быстро отражать позицию всех передовых сил общества.

МЕХАНИЗМЫ ТОРМОЖЕНИЯ В НАУКЕ

Советские ученые стали очень редко делать яркие открытия. Это оскудение нашей научной нивы особенно бросается в глаза в сравнении с лавинообразным нарастанием числа открытий, которые делают в разных областях наши зарубежные коллеги. А ведь еще тридцать-сорок лет назад не мы, а они, там на Западе, кричали "Караул!", когда мы первыми создали водородную бомбу, а вскоре первыми запустили спутник. Сколько раз в те годы мы испытали законную гордость за нашу науку, слушая звенящий металлом, до боли знакомый левитановский голос. А наша славная школа теоретической физики? По учебникам Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица учились и сейчас учатся студенты во всем мире. Физика плазмы, химическая кинетика, почти все разделы математики... Можно долго перечислять те области, где нам было чем гордиться. Нельзя забывать, конечно, и о другом — о разгроме генетики, о мракобесии лысенковщины, лепешинковщины и т. д. Это, безусловно, прямой результат сталинизма. Но странное дело. Власть Лысенко значительно ослабла к концу 50-х, а в 1964 г., после снятия Н.С. Хрущева, Лысенко совсем был отстранен. Казалось, были сняты последние путы с нашей науки и она должна была сделать мощный рывок. Теперь мы видим, что этого не произошло. Напротив, мы неуклонно теряли позиции даже в тех областях, где раньше лидировали. Все реже с Запада стали доноситься крики "Караул!", а последнее время их что-то совсем не стало слышно.

Ясно, что нашей науке необходима перестройка. Но какая? Первое, что приходит в голову, — предоставить институтам, в соответствии с законом о государственном предприятии, полную самостоятельность. Увеличить права директора, дать ему самому решать, кого гнать, а кого поощрять, чем институту заниматься. А чтобы директор был "хороший", его надо выбирать всем миром. Вот и готовый рецепт, как перестроить науку. Но есть ли уверенность, что эти меры пойдут на пользу, а не нанесут нашей науке дополнительный ущерб? Прежде чем назначить лечение, нужен правильный диагноз. Так что давайте попробуем сначала разобраться, что же сегодня мешает нашей науке. А уже потом подумаем, как исправить положение.

Так случилось, что наука, во всяком случае наука фундаментальная, сосредоточена у нас главным образом в институтах Академии наук СССР и соответствующих республиканских Академий. На Западе наука, как правило, сосредоточена в университетах. Впрочем, и там есть аналоги нашей Академии — Институты Макса Планка в ФРГ (до войны они носили имя кайзера Вильгельма). Часто приходится слышать мнение, что причина болезни в оторванности нашей науки от высшей школы. Несомненно, это очень вредит нашему высшему образованию, но не науке как таковой. Тому есть много свидетельств. Это и опыт Институты Макса Планка, научная отдача которых резко возросла как раз в те годы, когда отдача нашей академической науки стала стремительно падать. В течение последних десятилетий при многих могущественных фирмах созданы очень сильные научно-исследовательские институты, эффективность которых просто поразительна. Наиболее яркий тому пример — институт знаменитой компьютерной фирмы ИБМ близ Цюриха. Два года подряд (1986 и 1987) Нобелевская премия по физике присуждалась сотрудникам этого небольшого института, в котором работает всего 40 физиков! Премию за 1987 г. двое сотрудников этого института получили за ошеломившее научный (и не только научный) мир открытие высокотемпературной сверхпроводимости. Причину такой сверхпродуктивности маленького "отраслевого" института видят в том, что его сотрудники пользуются не меньшей, а большей в сравнении с университетами свободой научного творчества.

Наша Академия изначально тоже была создана как такой оазис науки — место, где ученые, удостоившиеся чести быть членами Академии, пожизненно освобождены от заботы о хлебе насущном, от педагогической рутинны и могут спокойно, не думая о завтрашнем дне, заниматься наукой. Жесткая система отбора была призвана обеспечить попадание в члены Академии только достойнейших.

Когда возникала потребность, члены Академии обращались в правительство с просьбой выделить дополнительные средства для расширения научных исследований. Число служащих Академии неуклонно росло, параллельно рос и авторитет Академии и ее членов — ученых, достигших олимпийских высот в науке. Если когда-то академик работал в одиночку или с несколькими ассистентами, то в наше время академик — это, как правило, руководитель большого коллектива, включающего сотни научных сотрудников. Академия наук превратилась в могущественную организацию с многомиллиардным бюджетом.

Такие деньги на ветер не бросают. Со стороны партии и правительства возникло желание иметь возможность контролировать работу Академии изнутри. Решили "укрепить" Академию людьми, быть может не имеющими достаточного научного авторитета, но зато пользующимися доверием наверху. Впрочем, тогда многие всерьез считали, что ученому достаточно овладеть "единственно правильным учением", проштудировав "Материализм и эмпириокритицизм" Ленина и "Диалектику природы" Энгельса. Одолев эти высоты, сделать переворот в любой естественнонаучной дисциплине — сущий пустяк. И делали... И становились академиками. Казалось бы, жесткая система отбора должна была этого не допустить. Ведь Академия наук СССР пронесла даже через са-

мые трудные годы принцип истинной выборности, голосование всегда было тайным. В общем-то проблемы у властей были. Но если перед очередными выборами академикам напоминали, кто им платит жалованье, они становились более сговорчивыми. Применялись и еще более наглядные методы убеждения. Появилась фраза, которую любил повторять Л.Д. Ландау: "Лучше быть пять минут трусом, чем всю жизнь мертвецом". Ландау знал, что говорил. Он прошел годичный курс "перевоспитания" в сталинских застенках и был освобожден "на поруки" благодаря беспрецедентному заступничеству П.Л. Капицы. Ближайший друг Ландау, Матвей Петрович Бронштейн, тоже талантливейший физик, так и исчез навсегда в недрах ленинградского НКВД. Нужно быть гениальным Ландау, чтобы эти уроки не повлияли на научную продуктивность и бескомпромиссность в научных вопросах. Многих, слишком многих, те годы отучили на всю жизнь "свое суждение иметь". Стоит ли удивляться, что в этой обстановке всеобщего страха Академия утратила былую независимость. Единичные случаи неповиновения погоды не делали. Истинно достойные выбывали естественным или неестественным (как Н.И. Вавилов) путем. Им на смену все чаще приходили менее достойные или вовсе не достойные.

Необратимый характер этот процесс принял при Л.И. Брежнев. К тому времени состарились, а потом и умерли те, кто составлял совесть Академии, такие, как И.Е. Тамм, М.А. Леонтович, П.Л. Капица, а А.Д. Сахаров был отстранен от академических дел. Одновременно пришло новое поколение, воспитанное в период, когда в науку стало вмешиваться не только высокое начальство, но и партийные бюрократы всех рангов, включая местные райкомы. Тогда появилось мнение, что заведование лабораторией можно поручить только члену партии. Судить об ученом стали не по его научным трудам, а по анкете и по досье у так называемого куратора — сотрудника КГБ, приставленного к каждому институту. На руководящие должности "рванули" подхалимы и приспособленцы. В повседневный обиход вошли "единые политдни", во время которых под бдительным оком члена партбюро, а то и представителя райкома, завлабы совершали гражданское самоубийство, восхваляя "мудрую внутреннюю и внешнюю политику" руководства. Самое ужасное было то, что они прекрасно знали, что их сотрудники знали, что они сами знали, что лгут.

Зажатый между Сциллой карающей десницы КГБ и Харибдой жесткого партийного контроля, советский интеллигент запил. Да и было с чего. В те годы вошла в обиход совсем устрашающая форма "перевоспитания" — спецпсихбольницы. Всякий, кто осмеливался выступить против начальства, мог угодить туда на бессрочное "лечение" с диагнозом "реформаторский бред" или "навязчивая идея правдоискательства". Тогда возникла своеобразная культура "кухонной гласности". Приятели-интеллигенты собирались у одного из них на кухне и под звон стаканов обменивались мнениями об окружающей безрадостной действительности. Это было единственной отдушиной среди общей лжи, лицемерия и безудержного славословия. То, что теперь можно прочесть в газете или услышать с трибуны, тогда не выходило за пределы четырех стен интеллигентских кухонь. Не удивительно, что в этой атмосфере на очередной "промах" руководства — вторжение в Афганистан — наша научно-техническая интеллигенция дружно ответила... усиленным звоном стаканов. Прозвучал на весь мир лишь голос А.Д. Сахарова — и немедленно

Сахаров отправился в ссылку в Горький. Как же отреагировали на такое обращение с их сверхтитлованным коллегой наши жрецы науки? Известно как — потоком клеветы и брани, буквально захлестнувшим страницы газет. И вновь усилился звон стаканов на кухнях. Так традиционное кредо лучшей части русской интеллигенции, выражавшееся словами "Не могу молчать!", сменилось на кредо алкоголика "Не могу не пить!".

На фоне общего падения нравов как-то сама собой произошла подмена основной мотивировки, из-за которой ученый стремится стать членом Академии. Раньше туда стремились для того, чтобы иметь больше возможности двигать науку. Теперь же в Академии рвутся главным образом ради власти, ради денег и всевозможных привилегий.

Еще более стремительно шла деградация в "малых" Академиях — АМН, АПН, ВАСХНИЛ, республиканских АН, которые не имели славных традиций нашей большой Академии. В республиках местные партийные деятели вообще стали рассматривать ученые степени и звания как своего рода страховку на случай, если они чем-либо прощтрафятся и им придется уйти с партийной работы. Да и для успешной партийной карьеры дипломы стали не помехой, а подспорьем. Ведь мы живем в эпоху НТР! Республиканские Академии превратились в синекуры, забытые родственниками и протекже местных князьков. Так возникли целые могущественные национальные кланы, в которых было не разобрать, где партийный работник, где советский, где научный, где хозяйственник. Все были в равной степени взяточниками, казнокрадами, просто жуликами, а то и похуже... Хотя не в столь широких масштабах, этот процесс коснулся и большой Академии.

Глубоко трагична судьба Академии сельскохозяйственных наук, ВАСХНИЛ. Ее первым президентом был Н.И. Вавилов, при котором была создана широкая сеть научно-исследовательских институтов и опытных станций. Но в 30-е годы ВАСХНИЛ стала объектом особенно бесцеремонного вмешательства партийного руководства и органов ОГПУ — НКВД. Нанеся непоправимый ущерб сельскому хозяйству путем "раскулачивания", насильственного загона крестьян в колхозы, беспрецедентного по масштабам искусственного голода 1933 г., правители страны нашли в сельскохозяйственной науке козла отпущения, свалив на нее вину за свои преступления. Наиболее выдающиеся работники ВАСХНИЛ были отстранены от руководства, а затем арестованы. Президентом стал Т.Д. Лысенко. Перед печально знаменитой августовской сессией ВАСХНИЛ 1948 г. вместо намечавшихся выборов в состав ВАСХНИЛ было введено по личному указанию И.В. Сталина 35 новых членов, в подавляющем большинстве ставленников Лысенко. После полного разгрома генетики, учиненного Лысенко и его приспешниками на августовской сессии, ВАСХНИЛ превратилась в лженаучную мафию с Лысенко в качестве "крестного отца". С такими вот "начальными условиями" ВАСХНИЛ вступила в брежневский период, правда лишившись своего "крестного отца". Трудно поверить, чтобы после отстранения Лысенко его соратники бросились штудировать учебники по ненавистному им менделизму-морганизму. Опасаясь, как бы не лишиться кормушки, руководство ВАСХНИЛ пошло на "укрепление" своих рядов... за счет введения в свой состав нескольких членов большой Академии.

Когда место Учителя занимает "крестный отец", древо науки выси-

хает. Как же конкретно действовал и продолжает действовать механизм торможения в науке?

По замыслу, в идеале достойнейшие создают в Академии, этом храме Науки, наилучшие условия для научных занятий. Они выискивают талантливых молодых людей, учат их, всячески пестуют. Этот отбор должен быть абсолютно независим от любых привходящих обстоятельств — родства, национальности или социального происхождения. Как только этот святой принцип нарушается — махровым цветом расцветают национализм, шовинизм, кумовство. Здесь кончается наука и начинается совсем другое. И этого другого у нас в науке теперь гораздо больше, чем самой науки.

Долг достойнейших — добиваться для себя и для своих менее титулованных коллег обеспечения всем необходимым для научных занятий. Прежде всего — свободного доступа к информации. Информация — хлеб науки. Если в институтской библиотеке нет необходимого минимума научных журналов — институт не может быть продуктивным. А что, если во всем городе, да еще в столице громадной республики, нельзя ознакомиться с главным научным журналом в мире?! А это действительно так. Единственный экземпляр журнала *Нэйчур*, получаемый в Киеве, в течение многих лет находится в "спецхране", куда доступ — только по специальному разрешению. Всего СССР выписывает около 100 экземпляров этого важнейшего научного еженедельника, издающегося в Великобритании. Для сравнения — в США подписка составляет что-то около 15 тысяч. И это не исключение. С другими журналами ситуация еще хуже. Мы тратим миллиарды в валюте на закупку зерна, но экономим гроши на хлебе науки. Эта та экономия, которая ведет к полному разорению.

А что же наши академики? Их это не касается. Для них существует закрытый распределитель — специальный отдел Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНТИ). Этот отдел рассылает им оглавления всех журналов, они отмечают нужные им статьи, отсылают оглавления назад и через небольшой срок получают нужные им копии. Не правда ли, удобно? Ну а что прикажете делать рядовым сотрудникам? Высасывать информацию из собственного пальца?.. Если науку держать на голодном пайке — она перестает плодоносить.

Долг достойнейших — обеспечить для себя и для своих менее титулованных коллег возможность беспрепятственно публиковать свои научные труды. Существует два способа ознакомить коллег со своей работой — собственно публикация в научном журнале и доклад на конференции. Второй способ обнародования открытий приобрел особенно большое значение в последнее время. Говорят, на Западе обо всех новинках узнают на конференциях. Наши "олимпийцы" тоже большие приверженцы этой прогрессивной формы получения научной информации. Некоторые попросту не вылезают из-за границы.

Для рядового же сотрудника Академии, который попросит разрешить ему поехать за рубеж доложить свою работу, послушать других, есть краткий, но очень убедительный ответ — "нецелесообразно". Даже если от Академии не требуется денег — все расходы берут на себя организаторы конференции. Хотя официальный ответ в последнем случае будет тем же, в устной форме директору, поддержавшему прошение, напомнят, что главной добродетелью советского ученого всегда была скромность. И негоже рядовому сотруднику, не достигшему еще

олимпийских высот, получать подобные лестные приглашения.

Впрочем, однажды я удостоился более развернутой резолюции. Коллега из Франции, из очень престижного, старого института, прислал письмо с предложением о сотрудничестве. В качестве первого шага он пригласил меня посетить его институт. Все расходы французская сторона брала на себя. Руководство моего института поддержало предложение и послало бумаги в Президиум Академии. Последовала резолюция: "Сотрудничество поддерживаем. Подыщите более подходящую кандидатуру". На этом закончилось, так и не начавшись, сотрудничество, сулившее большие выгоды для нас.

Нет большего бесстыдства, чем когда убежденный сединами старец, рядящийся в тогу Учителя, призванного пестовать и поощрять, начинает "тащить и не пущать".

То же происходит с распределением любых благ — оборудования, реактивов, ставок, окладов, ученых степеней и званий.

Так что же, истинной науки у нас вовсе не осталось? Почти что так. И все же, хоть и на голодном пайке, но кое-где еще сохранились приличные лаборатории, такие реликты, оставшиеся от былых оазисов. Их впору заносить в Красную книгу. Как же им удалось сохраниться? Во-первых, остались еще достойнейшие, не потерявшие честь и совесть. И хотя не они делают погоду в нашей науке, защитить они иногда в состоянии. Правда, с каждым годом таких становится все меньше. Во-вторых, как это ни парадоксально, помогла наша закостенелая система, при которой не так-то просто избавиться от сотрудника. Особенно если он фанатично предан науке и готов ради нее терпеть бесчисленные унижения, материальную нужду, а часто и прямые оскорбления.

Только недавно, после прошедшей в 1986 г. "перестройки" науки, появилась наконец возможность беспрепятственно избавляться от негодных. Надо сказать, что сначала наши "олимпийцы" как-то даже не поверили в свалившуюся им на голову благодать. Они настолько отвыкли самостоятельно принимать решения, что растерялись, ожидая какого-то подвоха. Потом самые смелые попробовали — получилось. И тогда по Академии разнесся слух: "Можно! По-лу-чается! Дави их!" И пошли давить...

Чтобы разобраться, как так вышло, что перестройка, которая, как уверяли, должна была резко повысить эффективность нашей науки, приводит к прямо противоположным последствиям, нам придется спуститься с высот, где мы до сих пор витали среди "олимпийцев", на грешную землю, в лабораторию, туда, где делается наука.

II

Подобно тому, как живой организм устроен из клеток, научный "организм" также обязательно состоит из "элементарных ячеек", каковыми являются лаборатории. Впрочем, это может быть сектор, группа, кафедра — дело не в названии. Суть в том, что имеется ясно очерченная единица во главе с "шефом", завлабом, человеком, подобравшим коллектив и осуществляющим научное и административное руководство им. Шефом должен быть маститый ученый. Маститый — не значит старый, но обязательно уже сделавший себе имя в какой-то области науки. Для этого он должен был иметь в свое время своего шефа, тот —

своего и т. д. Подобно жизни, наука не самозарождается.

Продуктивность науки в целом определяется продуктивностью ее элементарных ячеек — лабораторий. Но что такое научная продукция, научный товар?

Важнейшая особенность научного товара, доставляющая массу хлопот его производителям, состоит в том, что он не знает государственных границ и таможенных ограничений. Попытки делить науку на "свою" и "чужую" ("арийскую" и "еврейскую", "материалистическую, марксистско-ленинскую" и "идеалистическую, буржуазную") делались не раз, но это неизменно приводило к катастрофическим последствиям. Наиболее яркий случай — лысенковщина.

Экстерриториальность науки означает, что, где бы ученый ни работал — в США или в Центральноафриканской республике, спрос с него один. Либо он выдает научную продукцию мирового класса, либо никакую. Третьего не дано. Но мало выдать научную продукцию. Как всякий товар, научный товар необходимо сбыть, реализовать.

Как же добиться того, чтобы на ваш товар, на вашу научную работу обратили внимание? Для этого прежде всего необходимо чувствовать, какая система доказательств будет признана убедительной на данном этапе развития данной науки. Это чувство — удел лишь профессионалов самой высокой пробы. И поэтому еще больше возрастает роль научной школы, научного лидера, завлаба. Воистину, каков поп, таков и приход!

Рынок есть рынок. Нравится нам это или нет, но нравы на рынке научной продукции мало чем отличаются от нравов, царящих на других мировых рынках. Многим это кажется несправедливым, даже дискриминационным, но очень часто самого факта, что работа выполнена в такой-то лаборатории, то есть одного фирменного знака, бывает достаточно, чтобы работа сразу же привлекла к себе внимание. И наоборот, работе, выполненной в никому ранее не известной лаборатории, очень трудно пробить себе дорогу. Все как с обычными фирмами.

Подчеркнем еще раз. Научный результат — это не сама научная работа и даже не публикация. Научный результат — это работа признанная, включенная в сумму знаний.

Как же узнать, находит научный товар сбыт или он "залеживается" на страницах научных журналов? Ведь за реализацию научной работы, за использование опубликованных результатов денег не платят. Никакой непосредственной финансовой прибыли своим исполнителям реализованная научная работа не приносит. Как же быть? Есть ли объективный критерий?

Такого же универсального критерия, как прибыль в экономике, в наукометрии нет. Но все же критерий, хотя и далеко не безупречный, существует. Это — знаменитый "Индекс цитирования" Гарфилда, в котором в алфавитном порядке (по фамилии и инициалам первого автора) указаны все статьи, цитировавшиеся хотя бы один раз во всех журналах мира в течение одного года (есть и сводные тома за 5 лет). Под каждым таким указанием перечислены все статьи, в которых за данный год (или пятилетие) указанная статья цитировалась. При всех своих недостатках индекс цитирования остается единственным источником, позволяющим объективно судить о вкладе в науку отдельных работ, ученых и лабораторий.

Не раз предпринимались попытки ввести индекс цитирования в

число параметров, учитываемых при аттестации научного сотрудника, как это уже давно делается за рубежом. Однако в практику наших ученых советов это так и не вошло. Простое упоминание об индексе цитирования аттестуемого многими рассматривалось как бестактность. Особенно теми, кто компенсировал отсутствие научных достижений кипучей "общественной работой". Так было раньше, когда аттестация проходила гласно, на ученых советах. Что уж говорить о сегодняшней ситуации, когда в результате уже упоминавшейся "перестройки" науки, прошедшей в 1986 г., ученые советы больше на занимаются аттестацией. Для этой цели создан новый орган — аттестационная комиссия. Эта комиссия назначается директором, состоит из десятка человек. Большая часть комиссии — представители администрации и общественных организаций. Есть еще одно кардинальное отличие аттестационной комиссии от ученого совета. Заседания ученого совета открытые. Каждый может прийти, послушать и даже выступить (голосуют, разумеется, только члены совета). Аттестационная комиссия заседает при закрытых дверях. Приглашают только завлаба, если аттестуют его сотрудника. Аттестуемому дают сказать краткое слово, ему задают вопросы, а обсуждение проводится без него.

Может быть, те, кто задумал и осуществил эту "перестройку", не ведали, что творят? Нет, как неоднократно указывалось, цель перестройки именно в том и состояла, чтобы предоставить директору всю полноту власти в институте, максимально усилить принцип единоначалия. Один очень высокопоставленный академик прямо заявил: "Я считаю, что директор должен быть диктатором в своем институте". К чему ведет такая диктатура, стало ясно очень скоро. Она буквально на глазах разрушает традиционную научную ячейку — лабораторию.

Стало нормой бесцеремонное вмешательство в дела лаборатории со стороны директора. Он фактически сам решает, при помощи полностью послушной его воле аттестационной комиссии, какую должность, какой оклад назначить тому или иному сотруднику института. Это приводит к конфликтам между директором и завлабами.

"Ну что же, — слышу голос искушенного читателя, — настоящая перестройка не может проходить безболезненно. Да, отдельным завлабам реорганизация не по душе. Зато после ее завершения вместо бесформенного конгломерата мелких лабораторий, каждая из которых занимается своими делами, институт превратится в монолит, способный по воле директора решать любые задачи, которые поставит перед ним руководство Академии".

Не правда ли, звучит заманчиво? А что? Действительно, почему бы не превратить в научную ячейку институт вместо лаборатории?

Нет, это невозможно. Коллектив из сотен ученых не может быть элементарной ячейкой науки. Во всяком случае, науки фундаментальной. Функции, которые должен исполнять истинный лидер научной ячейки (мы выше говорили об их значении, и это значение все возрастает с усложнением науки), предполагают, что он сам профессионально и с полной отдачей занимается наукой. А не вынужден практически все свое время тратить на административные заботы, что неизбежно для директора крупного, да и не очень крупного, института. Нет, опыт показывает, что директору трудно бывает оставаться истинным лидером даже одной своей лаборатории.

Как же поступает директор, поставленный в новые условия, когда он оказывается вынужденным стать лидером целого института? Причем попробуй не стань — сразу же обвинят в слабости, в нежелании перестраиваться. Дорожа своей репутацией, он стремится заниматься лишь самыми простыми, не глубокими, не сопряженными с риском и принятием ответственных решений, задачами. От сложных, ответственных проблем он "отпихивается" всеми правдами и неправдами. Элементарный инстинкт самосохранения диктует ему избавляться от всех "неудобных", кто не желает слепо подчиняться, а требует аргументов. Или по крайней мере сделать все, чтобы заткнуть им рты. У него просто нет времени на "бесплодные" дискуссии, на "болтовню".

Постепенно, а на практике очень быстро, директор полностью перестает считаться с общественным мнением, действительно превращается в диктатора. В общем-то, бывает достаточно заткнуть рот парочке наиболее маститых, титулованных, "не взирая на былые заслуги", чтобы у остальных отбить охоту высовываться. Ученые — народ смысленный. "Уж если этих сломали..." — ползет по институту шепоток. И становится тихо.

Еще год назад на заседания ученого совета института, где я работаю, приходили многие сотрудники. Там было что послушать. Оживленно обсуждались научные и организационные вопросы. Часто высказывались мнения, отличные от точки зрения дирекции, звучала резкая критика в ее адрес. И директор вынужден был считаться с мнением, которое поддерживали члены ученого совета. Противопоставлять свое мнение мнению ученого совета было небезопасно для директора. У ученого совета была возможность его "наказать", "завалив" при аттестации его протеже. Это случалось редко, но сама возможность, что такое может произойти, заставляла директора уважать мнение ученого совета и в других вопросах, не только в вопросах аттестации. После прошедшей "перестройки" ситуация коренным образом изменилась. Физически рот "крикунам" никто не затыкает — все-таки эпоха гласности. Но с мнением ученого совета директор больше не считается. Да и с какой стати? Ведь теперь от ученого совета вообще ничего не зависит. Заседания приобрели форму инструктажа, "доведения до сведения". В результате самые активные члены просто вышли из состава ученого совета, считая дальнейшее пребывание в нем бессмысленным. Заседания ученого совета перестали быть событием в жизни института, как это было раньше.

Да, с эдакой "перестройкой" годика через два, а то и раньше наша наука превратится уже в совершенную пустыню. И в самом деле, в пору караул кричать. Караул-то караул, но как спасти положение?

Прежде всего необходимо вырвать нашу науку из лап дельцов от науки, пока они ее вконец не придушили. Неужели кому-то требуются еще новые доказательства того, что любая реорганизация, проводимая этими людьми, будет превращена ими в лжеперестройку, направленную исключительно на усиление их личной власти и на расширение их привилегий. Как бы они ни камуфлировали свои истинные цели. Неужели не ясно, что как бы прогрессивно и цивилизованно ни выглядел и ни выступал каждый конкретный их представитель, они как группа, как корпорация, как неотъемлемая часть коррумпированного административно-бюрократического класса, в конце концов, просто-напросто не способны ни к чему другому.

Так что же, вывести академические институты из-под удрушающей опеки аппарата Академии и раздать по министерствам, как когда-то соби́рался сделать Н.С. Хрущев? Боже упаси! Как бы ни была плоха наша академическая наука, а ведомственная во сто раз хуже. Там бесчисленные бюрократы всех рангов так славно потрудились, что, похоже, ведомственная наука давно уже испустила дух. Во что обошлись ей одни кампании за укрепление дисциплины, приобретшие в совсем недавние времена форму настоящей паранойи. Вообще, самый быстрый способ искоренить науку — заставить всех научных сотрудников вовремя приходить в лабораторию и вовремя уходить. Это в первую очередь бьет по наиболее фанатичным, тем, кто в нормальной обстановке работает, не выходя из лаборатории сутками, а потом идет домой отсыпаться. Нет, при нынешнем примитивно-потребительском отношении к науке в министерствах академические институты там задохнулись бы мгновенно. Так что же, неужели нет выхода?

III

Выход есть. Он состоит в том, чтобы предоставить полную самостоятельность лабораториям. Институт должен представлять собой нечто типа научного кооператива. Руководить институтом должен "совет пайщиков", который можно по-прежнему называть ученым советом. Но то же, что и теперь, название не должно вводить в заблуждение. Сейчас ученый совет — "совещательный орган" при директоре, переставший после лжеперестройки играть какую-либо роль. После истинной перестройки ученый совет должен стать законодательным органом. В него должны входить завлабы и другие наиболее выдающиеся ученые института, но не должны входить представители общественных организаций и другие лица, которые не были бы включены в совет пайщиков, будь институт кооперативом.

Но даже ученый совет не вправе вмешиваться в дела лабораторий. Его задача контролировать, в том числе назначать и снимать, директора, который ни в какой мере не пыжится быть научным лидером института, а выполняет функции менеджера. Далее, ученый совет регулярно аттестует своих членов, исключает из своих рядов одних и принимает других. Все как в обычном кооперативе.

Следует предоставить лабораториям, то есть тем ячейкам, в которых и производится научная продукция, самостоятельность в изыскании средств на свои исследования. Эти средства должны поступать из множества независимых источников: из разного рода отечественных (в том числе республиканских и региональных) и международных фондов, специально созданных для стимулирования фундаментальной науки как в стране в целом, так и в отдельных регионах, а также от министерств, заинтересованных в тех или иных разработках. Система государственных заказов, спускаемых по бюрократической пирамиде, должна быть сведена к минимуму и касаться, быть может, оборонных работ.

Как же следует осуществлять финансирование? Институт должен иметь базовое госбюджетное финансирование. Его должно хватать на содержание (весьма скромного, а не непомерно раздутого, как сейчас)

административного и обслуживающего аппарата (бухгалтер, сантехник, библиотекарь, секретарь и т. д.) и на зарплату членов ученого совета (т. е. фактически завлабов). Все остальные средства (зарплата научных сотрудников, технического персонала, деньги, включая валюту, на оборудование, реактивы, командировки внутри страны и за рубеж) каждый завлаб должен обеспечить себе сам.

Чтобы получить все эти деньги, завлаб должен написать проект и представить его на рассмотрение в один или сразу несколько фондов. В проекте должно быть ясно (для специалистов) объяснено, что сделано мировой наукой и автором проекта по этой теме ранее и что он надеется сделать в ближайшие годы. Проект должен также содержать подробную калькуляцию необходимой для его осуществления суммы, куда должны входить все расходы, включая зарплату (частично или полностью) самого завлаба.

Попав в фонд, проект поступает на рассмотрение совета фонда, куда входят крупные ученые, привлеченные для экспертизы. Принципиально, чтобы срок участия в совете фонда был строго фиксирован и составлял 2—3 года. Только это позволит изжить научные мафии, которые отравляют атмосферу нашей науки сегодня. Члены совета лишь бегло знакомятся с каждым проектом. Их цель на этом этапе — назначить шесть рецензентов из числа специалистов в той области, к которой относится проект. Так как наука не знает государственных границ, половина из числа рецензентов должны быть зарубежными учеными. Так что проект должен быть представлен на двух языках — русском и английском. При необходимости фонд сам может обеспечивать перевод на английский, но это, конечно, приведет к задержке в рассмотрении проекта.

Привлечение к процессу рецензирования зарубежных ученых — абсолютно необходимое условие эффективности всей предлагаемой системы финансирования. Я глубоко убежден, что без этого нам ни за что не удастся поднять в короткий срок уровень научных исследований в стране. Промедление же смерти подобно.

Слышу вопль бюрократа: "Так ведь это форменная утечка информации! Присвоят же!" Чтобы этого не случилось и требуется шесть рецензентов. Зная, что тот же проект рассматривает еще пять коллег, никто на самоубийственный шаг не пойдет. Да и на практике такая система себя оправдала. Все знают, что фирмы США и, например, ФРГ — непримиримые конкуренты. И вместе с тем ученые ФРГ признают, что в результате привлечения зарубежных, в первую очередь американских, ученых к оценке западногерманских проектов наука в ФРГ сделала решительный рывок после ряда лет застоя. Американцы тоже рассылают свои проекты по всему свету. Мне самому приходилось оценивать проекты, представленные в Национальный научный фонд США.

Итак, проект размножен в шести экземплярах (три русских и три английских) и разослан рецензентам с просьбой рассмотреть в течение месяца или, если по каким-то причинам рассмотреть в этот срок рецензент не может, немедленно отослать назад. В последнем случае в рабочем порядке назначается новый рецензент.

Рецензент должен дать краткую характеристику проекта и оценить его в баллах (скажем, по пятибалльной системе). Далее оценки складываются. (Можно предварительно отбрасывать крайние оценки. Если

оценки резко расходятся (скажем, три единицы и три пятерки), давших негативные оценки рецензентов можно вызвать на совет фонда для объяснений.) Составляется последовательный список проектов в соответствии с полученными суммарными баллами. Параллельно суммируются необходимые для их реализации средства. Проекты, вышедшие за рамки выделенной фондом суммы, отклоняются. Лучшие проекты, уложившиеся в выделенную сумму, принимаются. Результаты утверждаются советом фонда.

Получив уведомление о принятии проекта, завлаб подыскивает сотрудников и технический персонал, заказывает необходимое оборудование и материалы. Во всем этом ему помогает административный аппарат института. Одобрение проекта выгодно прежде всего для конкретно завлаба, так как позволяет ему развернуть работу. Но это выгодно и институту в целом. Приобретенным оборудованием могут, естественно, пользоваться и другие лаборатории. Зарплата самого завлаба будет начисляться в период осуществления проекта из фонда, так что институт сможет использовать (целиком или частично) его зарплату, поступающую из госбюджета, по своему усмотрению.

Такая система, помимо прочего, значительно оздоравливает обстановку в институте. Все, а не только непосредственные участники проекта, заинтересованы, чтобы проект был принят и успешно выполнен. Это делает более вероятным одобрение следующих проектов, поднимает престиж института.

Конечно, неизбежны и издержки. Жизнь у всех станет более хлопотной: подготовка своих проектов, рецензирование чужих. Если проект не одобрен, завлаб фактически не может работать — у него нет ни сотрудников, ни оборудования. В конце концов ученый совет может решить, что данный завлаб не может более работать в институте, и предложить ему искать другое место работы. Сотрудники нанимаются лишь на время для реализации данного проекта и увольняются по завершении проекта. Опять ищи себе место. Хорошо, если удастся найти новое место в том же городе. А если нет? Придется перебираться всей семьей на новое место...

Эти издержки морального плана являются в то же время мощным стимулом в работе. Завлаб должен "крутиться", чтобы придумать стоящий проект, хорошо написать заявку, обеспечить выполнение проекта. Нанятый сотрудник знает, что через несколько лет он снова должен искать работу, и от того, как он работает, зависит, оставят ли его на следующий срок (если новый проект завлаба будет одобрен) или ему придется искать другое место. В последнем случае также очень важно, как он справился со своей работой (публикации в престижных журналах, индекс цитирования, рекомендации предыдущего шефа — все это будет учитываться).

Разумеется, вся система должна быть совершенно независимой от академических званий. Ни на каком этапе не должно отдаваться предпочтение членам Академии наук СССР или членам республиканских или иных академий. Система должна быть в истинном смысле неприкаянной. Более того, проект может предложить любой научный работник, даже нигде в данный момент не работающий, и если он получит одобрение, данное лицо обращается куда захочет с предложением взять его на работу. Это будет выгодное предложение, так как че-

ловек приходит с хорошей идеей и деньгами на ее осуществление.

Предвижу возражения чисто практического характера. Как согласовать предлагаемую систему, которая должна привести к интенсивному перемещению людей, с существующей системой прописки? Как обеспечить людей жильем и т. д., и т. п. Следует подчеркнуть, что такой круговорот ученых, причем не только внутри страны, но и обмен с другими странами, уже сам по себе дал бы мощный импульс развитию науки, обмену идеями и методами. Без этого нам не поднять уровень нашей науки! Поэтому существующая система прописки, это отвратительное наследие сталинизма, должна быть устранена.

Может возникнуть опасение, что при предлагаемой системе трудно будет уцелеть старым и сформироваться новым научным школам. Убежден, что этого не произойдет. О бесновательности этих опасений говорит и зарубежный опыт. Что действительно должно произойти — и чем скорее, тем лучше, — так это распад научных мафий, душащих и почти уже удушивших нашу науку. Истинные научные школы не пострадают и, более того, окрепнут. Сейчас они лишены кислорода — все захлывают могущественные мафии. От неприятного расщепления проектов, еще раз подчеркнем, с непременным привлечением зарубежных ученых именно истинные научные школы выигрывают в первую очередь. Поток валюты, оборудования, реактивов, возможность беспрепятственно перемещаться внутри страны и за ее пределами — все это подействует на них как живительный кислород на умирающе-го удушья.

Кому же должен подчиняться бывший академический институт? А кому подчиняется кооператив? Исполкому? Вот пусть и институты подчиняются своим исполкомам, Советской власти. То есть они и сейчас, наверное, ей подчиняются, только поскольку Советская власть, в отличие от Академии и райкомов партии, не вмешивалась в дела института, об этом ненавязчивом подчинении как-то забыли. И прекрасно — пусть оно и останется ненавязчивым.

На а как быть со "штабом" нашей науки, лишившимся полков, с Академией наук? Думаю, что ей придется довольствоваться скромной ролью других академий и научных обществ, таких, как Национальная академия наук США, Французская академия, Лондонское королевское общество. То есть она должна перестать быть государственным учреждением, фактически министерством науки, а быть неформальным объединением, элитарным клубом. Наверное, в связи с общим "бумом" по части неформальных объединений возникнут и другие научные общества, дискуссионные клубы ученых и инженеров. Потребность в них ощущается очень остро.

Необходимо энергично, но без спешки начать формировать фонды и их советы. Ни в коем случае председателем совета не должен быть член Академии, вообще ученый, пусть даже безупречной репутации. Лучше всего, если этот пост займет писатель, журналист, актер, режиссер, художник. Председатель подбирает состав совета фонда из числа наиболее активно работающих ученых, вне зависимости от степеней и званий. Через каждые 2—3 года состав совета должен полностью обновляться. При подборе состава совета председатель должен руководствоваться индексом цитирования, результатами опросов ученых, мнением зарубежных светил науки. Разумеется, эффективность работы

фонда будет в сильной степени зависеть от квалификации технического персонала. Работа председателя и штата фонда должна хорошо оплачиваться. Члены совета фонда и рецензенты исполняют свои функции бесплатно. Быть привлеченным к работе фонда — большая честь для ученого.

Скажут, что предлагаемая система — утопия. Но она уже многие годы прекрасно работает на Западе. И потом, у нас просто нет другого выхода, в этом я абсолютно убежден.

Признаться, я сам испытываю, как и многие, ностальгические чувства по старым добрым временам, когда Академия была оазисом науки. Что может быть желаннее свободного, ничем не ограниченного научного творчества под отеческим покровительством мудрых и справедливых наставников!

Но подобная идиллия канула в Лету безвозвратно. Не признавать это могут лишь те, кто самым бессовестным образом паразитирует на наших ностальгических чувствах. Надеяться вернуть былую идиллию путем бюрократических перетрясок, оставляя неизблемой патриархальную организационную структуру нашей науки, вот это — самая настоящая утопия.

ПОЧЕМУ СТАЛИНИЗМ НЕ СХОДИТ СО СЦЕНЫ?

Надо видеть: силы торможения существуют и в духовной сфере. Может быть, здесь даже сильнее, чем в любой иной.

М.С. Горбачев

На четвертом году перестройки, пройдя уже большой путь, мы опять и опять возвращаемся к выводу: главное — в трудностях изменения сложившейся общественной психологии.

Недавно политический обозреватель газеты *Известия* Станислав Кондрашов взял интервью у известного политолога, профессора общественных наук и международных отношений, директора Научно-исследовательского института международных перемен при Колумбийском университете США Северина Биалера. Американский профессор высказал, на мой взгляд, очень важное соображение, касающееся нашей перестройки и той ее стороны, которая составляет предмет обсуждения настоящей статьи. Приведу это высказывание почти целиком: "Сила перестройки заключается в мышлении, в том, что сказано, написано, обсуждено и продумано вашими людьми, — утверждает Северин Биалер. — Некоторые видят в этом, напротив, слабость перестройки, говорят, что это еще не действие, что жизнь не изменилась. Но чтобы по-другому действовать, по-другому работать, вы должны начать думать по-другому". Здесь же заключена, по мнению Биалера, и главная трудность перестройки. "Перестройка пришла после такого длительного периода застоя, что инерция, апатия, боязнь рисковать во имя нового составляют, по-моему, величайшую трудность. В оппозиции к перестройке находятся укоренившиеся интересы бюрократов. Но еще большее препятствие представляют старые идеи. С ними бороться труднее, чем с укоренившимися интересами бюрократии. Ключевая борьба происходит в сознании каждого человека".

Соглашаясь с мнением американского политолога, я попытаюсь рассмотреть некоторые аспекты этой "ключевой" борьбы в сознании.

* * *

Существенно, что сам процесс перестройки уже позволил советской общественности разглядеть и обнажить идеологию торможения, противостоящую идеологии обновления, психологию сопротивления перестройке, ее корни и носителей, а также ее основные разновидности.

Даже при беглом взгляде видно, что корни, из которых вырастают буквально все разновидности торможения перестройки в любой области жизни и во всех ее поворотах, паразитально одинаковы: по сути, налицо

один разветвленный *системный* корень, представленный сталинизмом. Дело в том, что сталинизм — это не только Сталин и не просто культ его личности; сталинизм — огромный клубок социальных взаимосвязей, крепко сколоченный во всех своих частях агломерат экономических, политических, идеологических и моральных формирований, которые в предшествующие годы устоялись во всем обществе.

Очень важно сразу сказать: несовместимость социалистического идеала с происходившим в действительности касалась определенного общественного комплекса, именно системно связанных между собой злокачественных явлений, которые явно выпадали из усвоенного нами классического образа социализма. Новое осознание общественных реальностей, принесенное апрелем 1985 года и последующей познавательной и преобразующей работой, не оставило сомнений: этим злокачественным комплексом долгие годы была и все еще остается, хотя и принципиально подорванная, бюрократическая структура. В этом смысле период застоя явился позднейшим этапом эволюции сталинизма, — эволюции, протекавшей уже без Сталина, но именем которого эта специфическая структура была наречена. Системный характер сталинизма и генетическая связь между ним, механизмами застоя и торможения теперь достаточно очевидны. "Давайте же признаем, наконец, честно, — пишет в газету *Известия* инженер Л. Канунников из Благовещенска, — что административно-командная система — не просто наследие Сталина, а привычная среда обитания чиновников, привыкших всех и во всем поучать. Будь их воля, они бы ничего не меняли".

Итак, сталинизм воплощен в административно-командной системе управления обществом. А что собой представляет сама эта система и каковы ее исторические основания?

Касаясь проблемы современной перестройки управления, сегодня пишут примерно так: "Исторически мы находимся на пути перехода от формального обобществления — "огосударствления" — к действительному обобществлению, свойственному социализму". С этим можно согласиться с одной, на мой взгляд, очень важной оговоркой: "огосударствление" оказалось чем-то гораздо более серьезным, нежели просто "верхушечное", формальное обобществление. "Огосударствление", скорее, замещает, фактически перечеркивает обобществление.

"Огосударствление" и высокая роль государства в обществе — далеко не одно и то же. Это не вопрос о значении государства, а вопрос о его демократизме. При "огосударствлении" общество остается собственником средств своей жизнедеятельности только в лице государства, но государство, пользуясь слабостью демократии, распоряжается этой общей собственностью исключительно в лице своего аппарата, обходясь без общества. Не государство входит в общество, а общество "вбирается", ассимилируется государством, бюрократический аппарат которого и приспосабливает к себе весь общественный процесс, разбухая до невероятных размеров.

Если у нашей бюрократии и есть какие-то "заслуги" перед историей, то прежде всего в том, что она неопровержимо доказала: не может быть общественной собственности на средства производства без общественного же распоряжения средствами управления. В противном случае обобществление становится бюрократизацией и получает "ценность" выеденного яйца с юридической скорлупой в остатке. Именно этот

случай, увы, реализовался в сталинизме. «По Ленину, социализм невозможен без демократии, — замечает читатель *Правды* В. Федин, — по Сталину, возможен. Но последняя “модель” социализма неизбежно ведет к отчуждению трудящихся от общественной собственности, с одной стороны, и от политической власти — с другой, и ни к чему иному, кроме новых невосполнимых потерь и кризисных состояний, этот путь приведет не может».

Одним из тяжких преступлений сталинизма явилось внедрение рабской психологии в жизнь народа. Полная зависимость людей от предписаний “сверху”, гнет бесчисленных “нельзя” на каждом шагу перешли в стойкий социальный опыт.

С мироощущением раба в перестройке делать нечего. Но и сама перестройка весьма проблематична, пока это мироощущение живет в массе людей. Вот главный узел, который понадобится развязать в ближайшие годы. А затягивался он десятилетиями. Теперь в том и трудность, что административно-приказная система к середине 80-х годов уже не оставалась только голым “скелетом” общества, некой общей схемой, стоящей над отдельным человеком и давящей на него лишь извне. Бюрократия не просто Молох. Она бесцеремонно расположилась внутри нас: поселилась в умах, завладела душами, “вживилась” в сокровенное “я” наших личностей.

Под сталинизмом, стало быть, следует понимать не только реальную административно-бюрократическую систему, охватившую практическую жизнь общества, но и систему соответствующих взглядов и представлений, навязанную общественному сознанию. Сталинизм обернулся неким идейно-психологическим комплексом, содержание которого только сегодня начинает до конца проясняться.

Проясняется, что этот комплекс отражал и закреплял в сфере духа односторонне направленное усиление “сверху вниз”, являясь своего рода аналогом иерархических отношений командования и подчинения. Он был при этом глобальным, охватывающим все общество и каждую его “клеточку” во всех областях жизнедеятельности, не оставляя свободного пространства для независимых соображений, для какого-нибудь иного, кроме официально предписанного, образа мыслей. Страна надолго утратила голос, что применительно к человеческому сообществу означает притупление также зрения и слуха. Существование общества в “слепоглухом” варианте, разумеется, не могло обойтись даром. Оставленные один на один с системой и ее идеологической диктатурой люди вынуждены были смиренно принять лицемерные пропагандистские штампы, которыми этот бюрократический мир навязчиво заполнял их сознание.

Под прессом стереотипов сталинизма разум свелся к рассудку, а рассудок — к предрассудкам. Мы столкнулись с ситуацией, очень знакомой в истории человечества, когда наряду с крупными истинными знаниями о своем обществе широчайшее хождение имели устойчивые общие иллюзии, принявшие вид “общих истин”. При том — “истин абсолютных”, официально декретированных. Эти ходячие представления отражают вовсе не подлинное устройство реального мира, а всего-навсего кем-то желаемое и для кого-то удобное мнение о мире. Оно не отражало действительности, а *противостояло* ей как параллельная “действительность”, помогающая одним людям господствовать над другими, а этим другим —

существовать в придавленном положении, считая себя "счастливыми".

Следовательно, идейно-психологический комплекс сталинизма можно считать "комплексом неполноценности" общественного сознания. Что касается его структуры, то в ней различаются следующие составные части: догматы, мифы и стереотипы. Здесь же присутствуют верования, предрассудки и прочие модификации ненаучного мышления, известные с древних времен. Хотя границы между названными формами условны, попробуем пояснить их особенности.

Примеры догматики. Сюда относятся постулаты типа "обострения классовой борьбы" по мере успехов строительства социализма, обязательной "мелкобуржуазности" крестьянства в любых исторических условиях, "абсолютного превосходства" всего государственного над общественным, "буржуазности" рынка и закона стоимости, примата классовых интересов над общечеловеческими ценностями и т.п. Недавно доктор философских наук М. Капустин высказался о сталинистской догматике так: "Та марксистско-ленинская философия, которую мы преподаем, совсем не является марксистско-ленинской и лишь слегка является философией. Преподается конгломерат безграмотных теоретических положений, эклектически соединенных в сталинскую эпоху благодаря стараниям придворных философов".

Идеологи бюрократии видели свою задачу в *замещении* действительного знания об обществе мнимым. Поэтому отрыв теории от действительности — не просто затянувшееся недоразумение. Подозреваю, что именно в этих целях было изобретено и пущено в оборот понятие "реального социализма", призванное подкрепить схоластическую модель социализма ссылкой на реальность. Смысл изобретения состоял отнюдь не в том, чтобы, идя от реальности, научно перепроверить степень ее соответствия коренным принципам социализма. Такая работа развернулась в стране лишь с перестройкой. Догматикам же надо было только всеобщее смирение с наличным состоянием общества как единственно возможным: каков реальный облик общества — таков и социализм, остальное "от лукавого". Устами своих теоретиков бюрократия сообщала обществу, что она согласна лишь на такой социализм, где она вечно присутствует на руководящей работе. В прикладном значении этот своеобразный "реализм" представлял собой ведомственную инструкцию насчет дозволенных мыслей и высказываний о социализме, очередной циркуляр по общественно-политическим суждениям, за которым в мантии ученого стоял все тот же самоуверенный чиновник.

Вообще любая схоластика (и наш догматизм также), будучи, по-видимому, отлетом от жизни в дебри абстракций, на деле всегда была и остается методом заинтересованного вмешательства в жизнь, орудием жесткого вторжения в действительность с целью пресечь ее живое дыхание, лишить жизнь истинного знания о самой себе.

Если бюрократический режим в целом ставит человека по стойке "смирно", то догматический режим в идеологии держит в этой же стойке человеческую мысль. Перефразируя известное изречение Ж.Ж. Руссо, можно сказать: "Творческий ум был создан божеством, враждебным бюрократическому спокойствию". И бюрократия, оберегая свое спокойствие, ответила творчеству небывалой враждебностью. Этим она продемонстрировала свою враждебность самой человеческой личности. Наука подсказывает, что творческая способность личности вырастает из соеди-

нения всех ее свойств, является их своеобразным синтезом. Поэтому достаточно “придавить” творчество, чтобы, ослабив этот узел, “распустить”, разрушить личность.

Догматизм всегда бессердечен потому, что приносит людей в жертву выгодным догматике постулатам.

Примеры мифов. Главный из них: “Сталин — это Ленин сегодня!”; без Сталина мы бы не создали могучую индустрию и не победили в Великой Отечественной войне; путь, по которому повел страну Сталин, был единственно возможным и объективно predeterminedен историей.

Людям вообще свойственно персонифицировать идею, особенно великую, “встраивать” ее в осязаемый человеческий образ. Народ просто верил Сталину, видя в нем олицетворение своей мечты о социализме, вождя партии и единственного наследника Ленина. А как было не сосредоточиться на Сталине, если из ближайшего окружения Ленина усилиями того же Сталина и его приспешников остался, в сущности, один Сталин. Много лет жил этот миф о единстве вождя с народом, и только время отчасти позволило развеять его. Можно добавить — наше время, время перестройки. Гласность обнаружила, “кто есть кто”. Вполне выяснилось, что Сталин, стоя в центре нас, был с нами всего лишь попутно, “между прочим”: а по существу, преследуя цели самовластия, шел *против* нас. И в этой роковой “неувязке”, пожалуй, и заключена главная драма нашей истории.

Настаивая на абсолютной predeterminedенности сталинистского выбора, творцы этого мифа не принимают во внимание знаменитое предупреждение Н.Г. Чернышевского: “Исторический путь — не тротуар Невского проспекта”. Развивая этот тезис, Ленин в конце жизни писал: “Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится”, и дорога к социализму, “теоретически представляя прямую, в жизни никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной”. Как раз самое трудное реально оценить исторические события задним числом. И именно — из-за наличия готовых, восторжествовавших результатов уже совершенного когда-то выбора. Наличные результаты заслоняют и перечеркивают бывшие возможности, исключив их потенциал из реального хода истории. Польский сатирик Ст.Ежи Лец как-то едко заметил, что “наказание часто влечет за собой вину”. Так, “наказанный” в свое время Сталиным, прерванный и загубленный нэп теперь в глазах мифопоклонников “виноват” в том, что “не смог” стать основой индустриализации и гарантией обороноспособности страны. Но их следует спросить: а дали ли ему такой шанс, подобную возможность?

Одним из характерных мифов, укорененных в исторической памяти, является представление о победах первых (“сталинских”) пятилеток. Но цена этих побед мифологией в расчет не берется. Забыто, что “выкачка” зерна у крестьян, на которое было приобретено импортное оборудование, унесла только на Украине и в Поволжье три миллиона жизней. Заводы строили вручную, с нечеловеческими усилиями, люди жили в нечеловеческих условиях. Так, на строительстве магнитогорского металлургического гиганта умерло от тифа и других болезней около 60 тыс. человек. Однако сталинская мифология избегает скорбных сообщений.

Примеры стереотипов. Самый вредный и живучий из них — стереотип запретительства. В отношении любой самостоятельной инициативы

долгие годы действовала “презумпция виновности”: все, что специально не разрешено, нельзя. Не менее устойчивым стереотипом оказалась гигантомания, погоня за огромными цифрами и масштабами, служившими на бюрократическом языке символами достижений. Считалось нормальным, например, распахать миллионы гектар и собирать мизерный урожай с каждого, увеличить территорию колхоза до размеров среднего европейского государства, но развалить там хозяйственную жизнь, довести деревни до полного запустения. Время, наоборот, следовало постоянно ужимать вопреки его объективной природе.

Нетрудно видеть, что упомянутые и множество других догм, мифов и стереотипов были порождены бюрократической системой, исправно работали на ее сохранение и воспроизводство. Служебная функция догматизма, и поныне формирующая всю идеологию торможения, состоит в защите особых интересов партийно-государственной бюрократии, которая нуждается в квалификации любого посягательства на эти интересы как покушения на завоевания революции и социализма. Такая возможность делает ее непогрешимой и поэтому всевластной и безнаказанной.

Издавна известны две системы мышления: “система верований” и “система положительных доказательств”. “Система верований”, как правило, проще, доступнее, даже сильнее в психологическом смысле — в ее рамках нет места сомнению, не нужна мучительно трудная работа по сопоставлению фактов. “Система положительных доказательств” (и опровержений) сложнее, с ее помощью нельзя “быстро развернуться”, объяснить все одним махом, с ней связаны бесстрашный реализм и уважительное отношение к фактам, даже подрывающим ранее принятую удобную версию. Сегодня в стереотипных восприятиях жизни на базе “системы верований” появились бреши. У кого-то возникает растерянность вплоть до панической перемены всех оценочных знаков — с плюсов на минусы и обратно. Воинствующая слепота стереотипов и легенд, доходящая до угодливой апологетики, превращается в отрицание общих идеалов. Слепота эта вовсе не безобидна и отнюдь не бескорыстна: прикрываясь интересами народа, догматизм и мифология отражают положение лиц, для которых действительные перемены представляют угрозу их привилегиям. Гласность их раздражает, вызывает опасения; поэтому мифы и догматические легенды выдаются за непреложные принципы, а подлинные принципы отбрасываются или искажаются. Гласность и перестройка становятся делом возрождения и отстаивания свободы: для себя, для страны, для истории. Они должны дать новую форму свободы, присущую именно социализму. В огромной степени это борьба за освобождение народного сознания от ига сталинизма. Так понимают задачу уже миллионы. Пришел к такому же пониманию и ленинградец А. Слобожан, написав в *Правду*: “В сущности, общество, к которому мы хотим прийти, должно сильно отличаться от того, к которому мы привыкли. И жить в нем должны люди с непугаными душами”.

* * *

Противоборство нового мышления — “системы положительных доказательств” — со старым — “системой верований” — протекает сегодня

по множеству каналов и по всей шкале социального времени. В обсуждение одинаково активно вовлечены наше прошлое, настоящее и будущее. В такой последовательности мы и рассмотрим некоторые "горячие точки" современной идеологической полемики.

К истории теперь интерес особый. Как только мы приступили к Большой Уборке в своем Доме, назвав это перестройкой, стала очевидной необходимость тщательно разобраться в составе унаследованного "имущества": какое наследство брать, а от какого отказаться. "История — это ведь не просто то, что было, — писал когда-то Юрий Трифонов, — история — с нами, в нас". Принципиально важным было уяснить, что борьба, которая развернулась сегодня в обществе за его обновление, на самом деле началась гораздо раньше — пришла к нам из нашей же истории. Проблема сталинизма — это не высосанная из пальца проблема, и в последнее время она чрезвычайно обострилась. В чем же дело, почему, когда требуется двигаться вперед, вокруг фигуры Сталина, оставшейся, казалось бы, далеко позади, не умолкают ожесточенные споры? Причины неоднозначны. Коренная, как было показано выше, состоит в том, что крепко еще "постамент"—авторитарно-бюрократическая структура, на которой покоится идеология сталинизма. В этом смысле корни, так сказать, "начальственного" сталинизма сравнительно просты — обоготворение авторитета, бесконтрольная власть, гарантирующая положение и блага, тоска по беспрекословному повиновению трудящихся. Историческая память тех, кто по-прежнему стремится все и всех "держать в кулаке", переживать упоение властью, складывается элементарно. Попросим мысленно этого человека "повернуть голову назад" и, обзрев прошлое, рассказать нам, что он там заметил, что ему понравилось и что бы он оттуда извлек для будущего. Он определенно заметит и выделит в прошлом все тот же "кулак" — административную систему, которая действовала свойственными ей приказными методами и тем, по его мнению, обеспечила грандиозные успехи страны. Таким образом, бюрократ найдет в истории героическую историю бюрократии и ее кумиров. Он склонен толковать о славе отечества, но в этой славе видит прежде всего славу административного "кулака" и нарекает его, при наличии минимального поэтического воображения, Кулаком-Спасителем Отечества. Такого в общих чертах бюрократическая память.

Однако этот элементарный вариант — не единственный и, пожалуй, уже не главный. Сложнее со сталинизмом "народным". Здесь и искреннее отождествление Сталина с идеалами социализма, и привычное неверие в то, о чем "пишут", — дескать, клеветают, оговаривают, сваливают вину. Здесь и ностальгия по своей боевой молодости, и фронда по отношению к тем, кто разоблачает и осуждает, а делает нечто похожее. Здесь и розовая дымка, подернувшая с возрастом прошлое. Есть и еще причина. Индивидуальная и коллективная слабость людей в их борьбе за свои права, собственное достоинство и справедливость вызывает потребность в защите, "верховой" отеческой силе, которая накажет порок, вознаградит добродетель и все расставит по своим местам.

Все же, думаю, есть тут интерес менее осязаемый, но не менее жгучий (собственно психологического происхождения и поэтому, формально говоря, идеального свойства). Не случайно известный американский экономист Кейнс считал, что надо опасаться не укоренившихся интересов, а укоренившихся идей. Его надо понимать, очевидно, в том смысле,

что идея сама способна стать важнейшим интересом избравшего и полюбившего ее человека. Не только привычка, но и идея, если она сколько-нибудь значима, может быть "второй натурой". В данном случае мы и имеем дело с мифологическим сознанием, наглядным примером "системы верований" в действии.

Вот рассуждение представителя старшего поколения, инвалида войны Л. Мушкетика из Киева: ему решительно не нравятся авторы, считающие, что "положительные изменения в нашей стране произошли, минуя Сталина, а все зло — дело рук Сталина". Допустим. Но как именно он аргументирует этот свой протест? «В настоящее время, — считает Л. Мушкетик, — с оценкой довоенного периода в нашей литературе выступают преимущественно репрессированные или разделяющие их мнение люди. Но именно они видят лишь одну сторону вопроса. А думаете ли вы, товарищи журналисты и писатели, о нас, которых гораздо больше, — миллионах инвалидов и участников Великой Отечественной войны, о тех, кто отдал жизнь за Советскую власть? Ведь мы, еще не оперившиеся юнцы, шли в бой со словами: "За Родину! За Сталина! Ура!" И для многих это были их последние слова! И вы хотите, чтобы мы этот период вычеркнули из жизни, вы хотите, чтобы мы признали, что отдавали свою жизнь, остались калеками в борьбе за несправедливость?!» Дальше автор предлагает некое методологическое правило, касающееся оценки событий "далеких лет". "Мы к ним подходим с меркой и исходя из обстановки сегодняшнего дня, а ведь в то время мораль и обстановка были совершенно иными".

Полагаю, что более сильного обвинительного акта против сталинизма и самого Сталина, чем это письмо, трудно себе представить. Война дедула человека физическим калекой, сталинизм покaleчил его ум и душу. И эта вторая "инвалидность" едва ли не страшнее первой. Но об этом чуть ниже.

Миф — не просто вздор, пустая выдумка. Мифы выполняют важную социальную функцию, мифотворчество вырастает на почве определенных реальных потребностей. Если "сверху" сталинистские мифы распространялись и намеренно насаждались, то "снизу" их подхватывали, за них держались, так сказать, для собственного утешения. Миф на время способен становиться важнее, "действительнее" самой действительности. То же самое относится к массовым стереотипам.

Есть некая односторонность в мнении, будто культ вождя только принижает массу, превращает подданных в страдающих исполнителей воли верховного владыки. В конечном счете это, конечно, так. Но опыт истории вносит свои дополнения. Разве мало людей пребывают в состоянии восторга от сознания своей причастности "богоносному" властелину, разве не растут в собственных глазах, когда на них падает отсвет его "неземного" величия? Поэтому культ Сталина питался еще представлениями обыкновенного человека о своем кровном государственном единстве с вождем "всех времен и народов"; они как бы живут и работают вместе, в одно время. Великий и маленький соединялись в мыслях и чувствах последнего в некое общее целое, обнимающее их как детей одной славной эпохи, в которой и маленький, прислонясь к великому, выглядел больше, крупнее, значительнее. В несравненных достоинствах своего предводителя народ жадно искал воплощение своей собственной избранности. Подобно тому, как люди сживаются друг с другом, они так

же срастаются с излюбленными образами, мыслями, символами действительности, заполнившими их жизни. Разорвать — тут все равно что тяжело ранить, ампутировать какую-нибудь жизненно важную часть тела.

Культ Сталина, несомненно, выражал и персонифицировал иной культ — культ революции и исключительной страны, строящей образцовое общество, прокладывающей всему человечеству путь к благоденствию. Это был культ рулевого державы, призванной, согласно вере миллионов, осчастливить мир и прославить, вознести державу. Идеи великой революции и великой державы соединились вместе и, взаимно усилив друг друга, слились в образе новоявленного самодержца. Ведь надо иметь в виду, что народ выступает главным действующим лицом истории не только как производительная сила, но и в роли носителя общей идеи. А общая идея в сознании народа не принимает тут же форму научной теории. Тем более в стране, где уровень культуры давал для этого слишком мало оснований.

Идея овладевает массами прежде всего в наглядно-образном виде, если хотите, в виде портрета идеолога с приложением нескольких простых и осязаемых лозунгов. Таким "портретом" явился Сталин. Стремящийся к лучшей жизни народ гипотетически мог бы обойтись и без Сталина или какого-либо иного олицетворения, но тогда только на освоение социалистической идеи, ее обработку у него бы ушли десятки, а то и сотни лет. (Как это и на самом деле необходимо.) Однако жизнь коротка, и люди нетерпеливы. "Народ тоже себя напрасно тратить не любит, — писал Андрей Платонов, — и, кроме того, его тоска бывает велика, ему ждать некогда, и он рождает и питает свой дар в отдельном, одном человеке, передоверяя ему на время свое живое существо". В упрощенной персонифицированной форме авторитета идея-обещание выглядела и сразу доступной, и быстро достижимой. Ведь культ Сталина явился не от изобилия благ и избытка довольства народа, а от его крайней нужды, тяготеющего над ним кошмара прошлого, с которым хотелось поскорее свести счеты, от сознания, что так больше нельзя — болезненно и голодно, безнадежно и уныло — жить на свете. Скорбный опыт угнетения и память о судьбах, часто смертоносных, предков заставляли революционное поколение искать ускоренный, по меркам истории почти мгновенный, выход в новую жизнь. Это неистовое массовое искание быстрого счастья и отлилось в фигуре Сталина, сойдясь в его образе. Так большинство народа оказалось под обманчивым покровом истории, обмануто ее фантазмагорией.

Поскольку конечный результат без понимания пути, к нему ведущего, далеко не все может объяснить, надо, очевидно, обратиться к начальным истокам современной драмы сталинистского сознания. Каким голосом пропела наша революция, к чему взывал и продолжает взывать ее дух? Можно ответить словами молодого Гегеля: "Стремитесь к солнцу, друзья мои, чтобы скорее созрело счастье рода человеческого! Что значит мешающие нам сучья и ветви? Продирайтесь сквозь заросли к солнцу! А устанете — тоже не беда, тем слаще будете спать!" Подобная песнь революции, магия ее вечно молодой идеи долго владели умами и сердцами большинства советских людей. Они действительно продирались сквозь "заросли" невероятных исторических препятствий, терпя неслыханные лишения, стойко преодолевая все невзгоды, и проделали немалый путь. Они были уверены, что "штурмуют небо" и тогда, когда

под водительством лицедеев фактически уже “рыли котлован” — и для себя, и для своей любимой идеи. Но скрытая подмена не могла без конца оставаться незамеченной. Ладно бы на пути помешали только отдельные “сучья” и “ветви”. Встали преграды куда более сложные, легли западни более коварные.

Не глядя под ноги, народ разлетелся навстречу всем ветрам — и споткнулся. Он ожидал законных удовольствий, наивно полагая, что его новая “планета” действительно уже оборудована для полного счастья, а взамен получил сильные ушибы, тяжелые увечья. Что же случилось в результате с социалистической идеей, звонким голосом и светлым духом революции? Думаете, только разочарование, полное безверие и мрачный скепсис? Ничуть не бывало, реакция сознания оказалась гораздо изобретательнее. Да, пахучие розы радужных ожиданий в течение 30-х годов завяли и облетели, но значительная часть людей предпочла заменить их искусственными бумажными цветами, чтобы прикрыть ими торчащие отовсюду острые шипы. Нельзя сказать, что так распорядились своим сознанием все, но что многие — несомненно. Сознание таким образом проявило свою защитную функцию, помогая страдающим от невзгод уйти от действительности в иллюзорный мир придуманного. Став особой разновидностью религиозного утешения, сталинистское сознание, насквозь пропитанное фальшивыми парадными представлениями о созданной действительности, не столько эту действительность отражало, сколько противостояло ей в качестве знаменитой “башни из слоновой кости”: в ней можно было укрыться от противоречий реальной жизни и сохранить хотя бы подобие социальной устойчивости.

Человек хватается за мнимую “картину мира”, видя в ней щит против сложностей этого мира и защиту от ударов судьбы. В устах официальной пропаганды сталинистские подделки под социалистический идеал были просто ложью, но в восприятии рядовых людей это была “ложь во спасение”. И в этом своем качестве она укрепилась в массовом сознании как своя собственная, высшая правда — как новая *вера*, превосходящая по ценности знание. По сути, сталинизм явился коллективным идолопоклонничеством огромных масштабов. Обрушив храмы, мы возомнили, что покончили с религией и в ее сокровенном смысле *потребности веры*. Между тем эта потребность по-прежнему существует и, как правило, сильнее потребности знания. Верую! Пусть неправда, но *своя* — та, которой испокон доверился и которой живу. А с верой расстаться не просто. Отсюда и то относительное непротравление народа, например, репрессиям конца 30-х годов: жертвы сталинского террора представлялись людям, оглушенным лживой пропагандой, вовсе не безвинными жертвами, а настоящими “врагами народа”, злобно противостоящими его великому историческому предначинанию. Поэтому и современная критика сталинизма и прежде всего самого Сталина все еще выглядит ударом по патриотическому сознанию большого количества людей.

Но вернемся к письму Л. Мушкетика по существу. Жертвы сталинизма и сегодня, когда уже раскрыты и обнародованы факты неслыханных злодеяний сталинской клики, автор именует “репрессированными”, то есть официальным термином того времени для обозначения “врагов народа”, понесших якобы заслуженную кару. Не желает ли он этим сказать, что по-прежнему считает миллионы несчастных виновными или по

крайней мере подозрительными? Видимо, так он и считает, раз призывает судить о периоде культа, "исходя" из его же "морали" (точнее — аморализма) и его "обстоятельств". Другие его единомышленники открывают. Некто Миронов из г. Баку пишет: "Я сам инвалид Великой Отечественной войны, и обидно, что такого человека, как Сталин, сравнили с мусором. Сталин был чист перед советским народом, он расстреливал тех людей, которые ему и всему советскому народу мешали правильной и честной жизни". Далее — для чего Л. Мушкетнику понадобилась ложь об общественной критике сталинизма как об одностороннем "мнении репрессированных" (может ли быть два "мнения" о Сталине у тех, кто прошел тюремные застенки и лагеря?) и пошедших у них на поводу писателей? Для того, видимо, чтобы настоять на своей главной мысли — о *неравенстве людей*, заслуживающих сегодня внимания общества¹. Здесь проявляется внутренняя корысть сталинистской мифологии. И выглядит она, надо сказать, не просто заблуждением, а откровенно эгоистическим сознанием, построенным не на истине или же желании знать истину, пусть горькую, а на личной выгоде, которую преследует носитель мифов ради собственного душевного удобства. Возможно, и сам автор письма шел в бой с именем Сталина. Но ему теперь нет никакого дела до неприглядной правды о самом Сталине, который своей политикой и практическими действиями заставил народ понести жертвы, едва ли не большие, чем потери от гитлеровской военной машины. "За Родину! За Сталина!" — ведь тут Сталин всего-то при Родине, как бы прислонился к ней, а не Родина вдобавок к Сталину. И без Сталина, просто "за Родину!" в атаку не грех подняться. А за одного Сталина без Родины, не сознавая за собой Отчизны, — какая-то бессмыслица. Какое же понятие в центре боевого клича? Так нет, не хотят разделить и взвесить: что почем.

Попытка сталинистов вбить клин между народом-победителем и народом-жертвой (пострадавшими от фашистской агрессии и от сталинистских репрессий) не только аморальна, но и, по существу, абсолютно несостоятельна. Фальшивым является прежде всего это "взвешивание" миллионов: каких пострадавших больше и какие "важнее". Как будто одни смертные миллионы служат оправданием, а не причиной других. Учитывают ли такие "счетоводы" гигантское умножение наших военных потерь именно вследствие сталинского террора и сталинской политики в целом? Разве прямое уничтожение или убийство голодом миллионов крестьян в начале 30-х годов не вычли из нашей мощи ту самую величину, какую пришлось через десять лет оплатить кровью новых миллионов крестьян в солдатских шинелях? Или, может быть, расстрелянные до войны командиры Красной Армии не стали массой убитых, раненых и плененных в начале войны, когда мы терпели

¹ Это и понятно: многолетнее царство "застоя", кроме великой путаницы в умах, породило четкую установку: "на равенство надейся, а сам не плошай". Поскольку действительная задача человека в сообществе, поставленном на костыли привилегий, состоит, естественно, не в том, чтобы жить наравне со всеми, а как раз в том, чтобы выделиться и попасть в число избранных, он обращается с равенством, как, скажем, фокусник с монетой. "Где же равенство?" — громко возмущается человек, если видит, что кто-то его обходит. "Прочь уравниловку!" — гневно требует он же, когда ему самому необходимо что-то прихватить. В равенстве он видит возможность неравенства в свою пользу.

поражение за поражением? А преступная доверчивость Сталина заверениям Гитлера? А его невежественное, но непрерываемое вмешательство в ход военных действий, стоившее нам огромных людских потерь? Пишут, что имя Сталина нередко было последним звуком в устах солдат. Но не из-за самого ли Сталина этот звук часто становился последним?

Что говорят об этом бывалые люди? Полковник в отставке, участник гражданской войны, войны с фашизмом в Испании и Великой Отечественной войны Иван Стариков утверждает: «Победили мы в Великой Отечественной войне не благодаря сталинскому "мудрому руководству", а вопреки его ошибкам и преступлениям, заплатив за эту победу большой кровью». Прибавим сюда такой результат репрессий и общей удушающей атмосферы сталинизма, как охватившее народ состояние страха, разобщенности, придавленности, взаимного недоверия: не свела ли множество людей в могилу эта моральная язва, занесенная на фронт? Да и тот, кто поныне выгораживает Сталина, явно в немецком плену не был: а то бы сам сегодня ходил в числе "репрессированных" или что-то вроде этого. Ведь сталинская военная доктрина не признавала понятия плена. Как бы безысходно ни было положение воинов, плен официально считался предательством, несмотря на героизм сражавшихся в окружениях. Подозрительное, нечеловеческое отношение к тем, кто пережил муки плена, бьют не только по этим жертвам, но и по естественному народному чувству сострадания и справедливости. Даже сейчас, заполняя анкету, человек обязан отвечать на вопрос, не был ли он или кто-то из его ближайших родственников в плену. И все это постыдное сталинское наследие. То же относится к оставшемуся без защиты мирному населению. Люди, прожившие под оккупацией врага, оказались "мечеными", вызывавшими недоверие. Не война, а сталинизм, вросший в общество и шагнувший в войну, привел к тому, что народ стал делиться на "чистых" и "нечистых". Это отвратительное деление некоторые сталинисты хотели бы продолжить и сегодня.

Рядом с легендой о роли Сталина в войне ходит легенда о его благодеяниях в мирное послевоенное время: "Народ жил хорошо, всего было вдоволь". Ссылаясь на скудный прилавок современных продовольственных магазинов или сделки вокруг дефицита, поклонники Сталина восклицают: "А еще критикуют Сталина!" Товарные нехватки, спекуляция, коррупция до сих пор действительно отравляют нашу жизнь. Но из того факта, что народ и сегодня испытывает лишения, отнюдь не следует, что он "жил хорошо" во времена Сталина и благодаря Сталину. Наоборот, именно бюрократическая система, созданная при Сталине и под его прямым воздействием, привела экономику страны на грань развала.

Миф о "счастливых временах" Сталина как бы освобождает от трудных размышлений об истинных причинах сложившегося положения в обществе, убавкивает сознание простыми решениями. Особенно махровый эгоизм проступает в легенде о "правильных расстрелах" сталинского периода. Откуда тупое упорство сторонников этой жестокой легенды? Возникает подозрение, что она им лично нравится, чем-то дорога. А может быть, сталинские расстрелы некоторым до сих пор кажутся "правильными" оттого, что их-то самих пуля палача обошла, как говорится, "пронесло". Ведь, как тогда считалось, "зря не брали" и, следовательно, зря на свободе тоже не оставляли. Значит, что? За особые заслу-

ги? Не думают ли иные преуспевшие в то время лица, избежавшие кровавой мясорубки, что их в отличие от их близких и многих знакомых просто наградили, отметили, выделили как лиц более высокого сорта и чистой породы? Не запало ли в эти "деревянные души" ощущение своего превосходства над пострадавшими, своей избранности и особого гражданского достоинства верных сынов народа в противоположность "врагам" народа? Не греются ли они и сегодня в лучах этого бывшего злодательства? Во всяком случае, подобные вопросы явно имеют под собой почву.

Сталинизм нес человеку не только омертвление ума, но и очерствление сердца. На обоих этих увечьях, причиненных людям, держится сталинистская мифология.

Основной вопрос — какой Сталин находится сегодня под судом? Критики сталинизма имеют в виду реального Сталина, каким он был в действительности, разоблачая палача и могильщика социализма. Исходя из фактов, они показывают звериный оскал сталинизма. Защитники же сталинизма, наоборот, продолжают лелеять розовый муляж "отца народов", некий лубочный образ, живущий только в их болезненном воображении, в их обманутой памяти. Им дорог портрет, который в прошлом сопровождал их много лет; обновляющемуся обществу, думающему о будущем, важно знание оригинала. Опасность в том, что забота о неприкосновенности Сталина естественным образом питает житейскую и нравственную программу современных, порой только еще начинающих властолюбцев. «Чиновник и бюрократ, — пишет ветеран труда и инвалид войны Петр Чаплин, — делец, объевшийся на дармовых хлебах, а то, глядишь, и юнец, еще не знавший жизни, почем фунт лиха, бьет себя в грудь и орет: "Я сталинист!" Это уже понимаем, что ему все дозволено, все можно, все ничем, все ничем, ходи хоть по головам: ведь он — сталинист!» Есть своя "идейная" преемственность у деспотизма, произвола.

Но если вся эта мифология благодаря гласности будет выбита из-под ног, выметена из душ человеческих, то к чему им "прислониться", что в состоянии держать души? Ответ ясен: правда и еще нечто, именуемое нравственным законом внутри нас, или совестью — негласным судом над каждой личностью ее предков, современников и потомков. Такой суд уже идет в гигантских масштабах всей страны. И для того, чтобы суд правды и совести стал справедливым и праведным, следовало прежде всего "вспахать" поле познания, освободить его от заскорузлых идеологических штампов, вытащить исследовательскую мысль из клетки самоуверенных догматических предписаний, претендующих на роль неизбежных образцов нашей исторической памяти. Надо было распахнуть двери архивов, допустить людей к документам и фактам, впустить в каналы массовой информации раскрепощенную стихию народной жизни и народных представлений об этой жизни. Известная доля сунбура, который, возможно, сопровождает наше самопознание, на мой взгляд, выполняет свою позитивную задачу: новый разговор потребовал и нового языка. Образно-событийная мозаика особенно уместна на стадии, когда главным образом необходимо расшатать и похоронить ходячие стереотипы.

В результате огромного притока информации образовалось как бы два спорящих, но сосуществующих исторических ряда. Ряды

даже многообразно взаимодействуют, образуя общий гигантский клубок событий: единый и противоречивый. Новое здесь состоит именно в зримом наличии противоречия — в том, что “красная” прядь восходящей революции то и дело пересекается, перебивается “черными” нитями зла и поражений. Зло многоoliko — от прямых политических преступлений, преступлений против самой человечности до самодовольной, разрушительной тупости разнообразных людских “эгоизмов”. Но мы все это узнаем сами, без былых “фигур умолчаний” и “выборочных сокращений”. Поэтому знакомые все лица и события, а поворот новый, круговой. Видим прошлое и с этой, и с другой стороны. Люди героически сражаются и нелепо гибнут, самоотверженно работают и терпят неимоверные лишения; рабочие, не щадя себя, возводят знаменитые заводы-“гиганты” первых пятилеток, и они же живут в бараках, постоянно недоедают; крестьяне обзаводятся хозяйством, везут на подводах хлеб государству, и они же вместе с семьями, на тех же подводах отправляются в небытие; славные патриоты-полярики таранят льды и пробиваются все дальше на север, но на тот же север (в места, конечно, не столь отдаленные) тянутся на сталинскую каторгу нескончаемые колонны их безвинных сограждан; кипит постройка новых зданий, и варварски взрываются сооружения — памятники Отечества; вот сыны Отечества уже в космосе, а на ногах страны тяжелые гири парадной суеты и застоя; среди вождей народа — старатели революции, и среди них же — ее прихлебатели и палачи. И все это “мы”...

И вот что на удивление получается: тень не затмевает и не убавляет света. Наоборот, света от контраста становится больше. Прирастает, усиливается светлое начало в образе нашей истории, и это работа гласности, ее добрая “колдовская” проделка. Правда обладает самостоятельной способностью распределять на полотне истории светотени — совсем не так, как в казенной бухгалтерии составляют приходно-расходный баланс. Многолетнее насаждение “бухгалтерского метода” в научном познании с целью получения идеологического “дохода” нас так и не украсило, не увеличило нашего оптимизма. В дутых победах “позитива” над “негативом” мы быстро находили все те же постылые “приписки”. Даже самые яркие румяна на лице истории в конце концов его очерняют, так как не позволяют увидеть в истинном свете. И как можно открыть перспективу, разглядеть выход из положения и воодушевиться, если неизвестно само положение? Теперь-то мы в полной мере поняли и оценили значение ленинской мысли о невозможности обновления, “если наш вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов”. Хорошо сказал драматург Михаил Рошин: «Мы находимся в удивительном периоде своего общественного самосознания: мы изучаем себя. Большая стирка, чистка, уборка, и надо в самом деле перебрать книги на полках, все статуэтки и портреты. “Страна должна знать своих героев”, — говорили в тридцатые годы. Героев подлинных и “героев” в кавычках».

Плоды самопознания, стимулированного обстановкой гласности, уже значительны: новое мышление празднует свои ежедневные большие и маленькие победы. Перестройка утверждает свою роль эпохи просвещения народа.

Под влиянием гласности и приносимой ею правды люди приходят к отказу от прежних, сталинистских заблуждений. Интереснейшее письмо,

раскрывающее трудный процесс десталинизации мировоззрения, прислал в редакцию журнала *Знамя* Владимир Смирнов — тридцатисемилетний рабочий из Московской области. «Несмотря на то, — пишет он, — что мы с женой относительно молоды, в недалеком прошлом мы были ярыми сталинистами. Причина незатейлива: мы чувствовали, что государство регрессирует, и казалось, только стальная рука может вывести из застоя. В спорах с друзьями я, не уставая, пропагандировал сталинские методы. Причем доказывал свое мнение не голословно, а на основе сталинских работ, а также используя “неотразимые” доводы: победы в коллективизации, индустриализации, строительстве социализма, войне. То есть тот же нехитрый набор, какой используют сталинисты и сейчас. Однако ни я, ни моя жена не были твердолобыми сталинистами, и появляющиеся у нас сомнения мы пытались объяснить в условиях “исторического вакуума” логическими построениями. Сомнения еще больше возросли, когда я начал изучать в вечернем институте диалектический и исторический материализм. И именно в это время начали появляться первые публикации о “белых пятнах” истории. Теперь свое увлечение сталинизмом я считаю позорным пятном своей биографии и, наверное, никогда не смогу простить себе той моральной, нравственной и политической близорукости, которую теперь часть именуют шорами на глазах».

Автор письма приходит к выводу, что фактически это была мировоззренческая революция — “перелом в сознании”, который, хотя и происходил болезненно, теперь представляется ему “настоящим благом”. По сути, в письме затронуты все структурные моменты подобного переворота, показано его главное внутреннее условие — способность к самостоятельному “логическому построению”. То, что еще Кант именовал “способностью к суждению”, автор назвал отсутствием “твердолобости”, а мы определили ранее как умение мыслить по “системе положительных доказательств”. Развить с помощью демократии и гласности такое умение в обществе — не в этом ли сегодня основная задача идеологии обновления, обретение силы, способной окончательно похоронить идейно-психологический комплекс сталинизма? Ведь те, кто вывешивает сегодня портретики Сталина у себя дома или в кабине автомобиля, рассылают по редакциям письма в защиту “великого вождя”, никаких разумных доводов в обоснование своих поступков привести не могут.

Потребность в свободе, связанная с бременем ответственности, и привычка к покорности, избавляющей, однако, от крупных забот, сегодня спорят между собой чуть ли не в каждой человеческой душе, если, конечно, это не “мертвая” душа, для которой и вопроса подобного уже нет. Такая противоречивость “человеческого фактора” перестройки выдвинулась в число наиболее острых ее проблем.

По сути дела, сталинизм создал свой вариант “массовой культуры” — явления, которое у нас долго соотносилось исключительно с капиталистическим Западом. Но “массовая культура” административно-бюрократического образца ничуть не лучше своего буржуазного (коммерческого) аналога. Через средства массовой информации велось активное наступление на критически мыслящую личность. Духовные идеалы заменялись системой “звезд” и эталонов реакций, преподносивших на “доступном языке” и имеющих низкий общий культурный знаменатель. И наша “массовая культура” означала планомерную обра-

ботку сознания с целью превращения его в стандартное мышление и поведение, лишенное избирательности, самостоятельности. Поскольку человек вынужден был думать не то, что ему хочется, а то, что предписано его положением в обществе и ролью, которую он стремится играть, стереотипные мысли и чувства служили для него символом престижа, предназначенным обеспечить одобрение со стороны его общества. Постепенно он начинал считать, что и сам этого хотел. Так возникали "вставные мозги", принимаемые за собственные. Эту проблему прекрасно поставил критик Бенедикт Сарнов, напомнив о романе Виктора Гюго "Человек, который смеется", — о компрачикосах, которые выращивали людей в особых кувшинах. Вот растешь, растешь и не замечаешь, как принимаешь форму кувшина. В результате общество ежедневно пытается себя вопросами и ищет ответы. Кто осуществит перестройку? Люди. А кто или что переделает людей? Сам процесс перестройки. Несмотря на то что "кольцо" кажется замкнутым, из него уже видны выходы. Схема "люди или система" оказывается слишком грубой, чтобы дать верное решение. Фактор человеческий и фактор системный, люди и обстоятельства — эти стороны не противостоят, а взаимодействуют и дополняют друг друга. Решение вырисовывается в диалектическом единстве обоих начал: перестройку системы начинают уже *готовые* к этому люди, сформировавшиеся ранее под сводами старой системы как ее убежденные критики, стойкие оппоненты, а сдвинутая с места и "пошедшая" система открывает двери в процесс перестройки *новым* человеческим силам. И так — от этапа к этапу.

* * *

Допустимо сказать: чтобы восторжествовало новое мышление, необходимо формирование новой культуры мышления, преобразование самих *способов* мышления. Речь, таким образом, идет о настоящей культурно-психологической революции в обществе, которая бы затронула *корневые* структуры самосознания миллионов людей и помогла им в полной мере приобрести "способность к суждению". Характерное обстоятельство, порожденное уже условиями гласности, состоит в том, что народ сам выдвигает эту проблему, ищет ее решение.

Пишет девятиклассница Лена Семенова из якутского поселка Нюрба: "Про нас говорят, что у нас нет своего идеала, что мы поэтому ни во что не верим, что на наших глазах всех разоблачают. А мы верим, только не во всем можем разобраться. Так помогите нам в этом!" Письмо было написано после того, как у них на уроке истории возникла дискуссия о культе личности и выяснилось, что ученики имеют "крайне смутное представление" об истории. «Что мы знаем о Сталине? — продолжает Семенова. — То, что он был человеком несгибаемой воли, что он был бесстрашным революционером. Он очищал партию от врагов, но сколько честных людей "спутал" с троцкистами. Он привел наш народ к победе в Великой Отечественной войне, но безжалостно обезглавил командный состав Советской Армии. Не потому ли враг дошел почти до Москвы? Но не потому ли мы и победили, что солдаты шли в бой "За Родину, за Сталина!"? А может, люди, испуганные смертью Ленина, инстинктивно пошли за новым вождем, боясь остаться сиротами в ог-

ромном капиталистическом окружении? Вопросов много, но почему-то всюду пишут о жертвах репрессий, но не объясняют, почему Сталин стал таким, что привело его к этому. Что?!»

Помогите разобраться: что к чему и почему? Вовсе не только детское это требование. Для того чтобы полностью преодолеть судорожные попытки цепляться за старые стереотипы в понимании социализма, сросшегося в таких стереотипах со сталинизмом, расщепить эти два несовместимых образа, необходима фундаментальная работа общественной мысли, в результате которой теперешнее состояние общества и его история предстали бы не только в фактах и событиях, но и в теоретических понятиях, научных обобщениях. Как соединялись, сплетались между собой победы и поражения, открытия и заблуждения, радость и трагическое, революционный энтузиазм народа и произвол власть имущих, поднятых над собой тем же народом, но употребивших его доверие и энтузиазм в своих эгоистических, а подчас и преступных целях? И главное тут — участие самого народа в пересмотре “картины мира”, именуемого миром социализма.

Не случайно, например, вызвала такой бурный отклик у миллионов читателей пьеса Михаила Шатрова “Дальше... дальше... дальше!”, опубликованная журналом *Знамя*. Вокруг пьесы не прекращаются яростные споры, и именно потому, что в ней ставится коренная тема: “Социализм по Ленину — да, по Сталину — нет!” Как и школьница из Якутии, письмо которой вы только что прочли, драматург задает вопросы: почему на сцену нашей истории вышел Сталин и что его сделало таким? Тут и началось: группа историков, явно воспитанных на “системе верований”, ополчилась на драматурга за якобы “произвольную” трактовку исторических событий и проявленный при этом “субъективизм”. Поскольку в этом заметном эпизоде нашей идеологической жизни выявились *углубление* самого предмета противостояния нового и старого мышления, а также методология борьбы старого мышления против нового (в расчете для начала уцелеть, а потом, конечно, и контратаковать), есть смысл уделить ему внимание.

Выразив неудовольствие “версией исторической объективности”, предложенной драматургом, историки-догматики первым делом, понятно, поспешили заручиться авторитетом “азбучных истин” марксизма. Они выбрали из этих истин и самоуверенно преподнесли следующую: объективная закономерность исторического развития действует “помимо воли и желания отдельных исторических лиц, роль которых определяется тем, насколько полно они реализуют эту закономерность на практике”. Это схоластическое словопостроение, от которого так и тянет нафталином, должно было послужить доводом против “художественного беспорядка”, будто учиненного драматургом вразрез с исторической наукой. По М. Шатрову, дескать, выходит, что “без Ленина в состязании и споре разнородных, нередко взаимоисключающих направлений и тенденций побеждает не самый умный, а самый беспощадный”. А так думать нельзя, теория не велит. Теория, известная догматиком, учит, что от смены “героя” жизнь “не будет протекать иначе”, а будет все так же идти согласно “объективной закономерности”, что “ход развития социализма — не сценическое действие, которое по желанию драматурга может пойти туда, а может пойти обратно”.

О сокровенном смысле этого наставления несколько позже, сейчас

же — об “азбучных истинах”. Согласно тому же марксизму, объективная закономерность никак “помимо” воли и желания исторических лиц действовать не может, а действует она именно в форме переплетения этих воли и желаний живых людей, в качестве результата их собственной деятельности. Истории, может быть, и “хотелось” бы обойтись без людей — да люди не позволяют. Принципиальное присутствие субъективного, человеческого фактора в истории человеческого общества нелепо оспаривать. История, как считали те же классики марксизма, не есть “отдельное лицо” наряду с другими человеческими лицами, и все, что совершает история, совершают сами люди. Согласитесь, что указанное обстоятельство из разряда тех же “истин” сильно меняет дело. Ведь тогда можно спросить: почему, собственно, роль исторических лиц определяется только тем, насколько полно их поступки соответствуют какой-нибудь одной объективной тенденции? А если противоречат? Если тормозят ее действие, блокируют эту тенденцию (например, ту, которая ведет к созданию нового общества), опираясь на другую, противоположную? Скажем, направленную на перелицовку старых отношений собственности в какой-нибудь неожиданной для всех “версии”? Такие противодействующие исторические лица тоже играют роль в судьбах общества, и еще какую роль! Особенно в системе власти, где появление личности, сосредоточившей в своих руках все бразды правления, не выпадает из образа самой системы, а является ее важнейшим внутренним свойством. Разве у истории только один вариант развития? По этой самой причине Ленин и написал свое “Письмо к съезду”, в котором, как бы вопреки собственному обычаю, придает решающее значение “лично-моменту”.

От реального соотношения человеческих сил ход развития социализма, оказывается, и в самом деле “может пойти сюда, а может пойти обратно”. Таким “обратным ходом” социализма и явился сталинизм. Исключительно важная и вполне объективная закономерность истории состоит в том, что революция разжигает разные страсти, дает выход разным (разнонаправленным) стремлениям. Состязание разнородных интересов происходило и происходит прежде всего в самой действительности, и только поэтому — в головах и поступках политических деятелей. “Оттого, что произошла революция, люди не стали святыми”, — утверждает М. Шатров, целиком следуя здесь ленинской мысли. Рядом с рыцарями освободительного движения замаскировано, но нагло и терпеливо, умея долго притворяться, пробивают себе дорогу люди, как выразился о них известный историк, “хотевшие составить себе карьеру через революцию”, “надевающие маску подвижника для прирятия плутовства”.

Грандиозная социальная битва, какой является революция, будучи персонифицирована и представлена в действиях живых людей, всегда является также гигантской нравственной схваткой, противостоянием бескорыстия и корысти, альтруизма и эгоизма, высоких революционных добродетелей и сильного своим цинизмом аморализма. При этом в силу ряда причин “бесы” нередко, хотя бы и временно, одолевают “ангелов”: интриганы берут верх над энтузиастами, беспощадные — над бескорыстными, прагматический расчет — над мечтательностью, честолюбие — над человеколюбием, “крысиный яд” отравителей — над рыцарской шпагой честных фехтовальщиков.

И поэтому за общей рамкой группового портрета не обязательно царит единство нравственных понятий, подлинная духовная общность. Хватит заблуждаться насчет того, что попавшие в один список какого-нибудь руководящего органа, пусть и революционного, всегда являют собой идейное содружество. Среди общего "мы" с самого начала скрывались "они". Ведь отзывался же Ленин о Троцком: "С нами, а — не наш". И о Сталине: в рекордные сроки "сосредоточил в своих руках необъятную власть" (не сама же она залетела ему в руки!), и нет никакой уверенности в том, что он, капризный и грубый Сталин, сумеет этой властью правильно распорядиться. У Горького можно найти прекрасную мысль об исторической драме народной массы: "Тысячелетия живет она стремлением к лучшему, но это стремление создает из плоти ее хищников, которые ее же поработают, ее кровью живут". Люди-хищники как бы "перехватывают" это стремление к лучшему у народа и "досрочно" реализуют для самих себя. Такими хищниками в истории нашей революции ворвались Сталин, его ближайшее и даже отдаленное окружение из состава аппарата власти.

Развивая эту ключевую для понимания истоков сталинизма и происхождения Сталина тему, публицист Андрей Нуйкин справедливо предлагает: «Не пора ли нам расчлнить наконец это лукавое слово "мы"? Для меня, к примеру сказать, "мы" включает в себя Ленина, Макаренку, Вавилова, Булгакова... Но исключает Сталина, Берию, Лысенко, Рашидова. А для тех, кому они до сих пор "мы", я категорически отказываюсь быть своим, с чем они, думаю, охотно согласятся». И вслед за разграничением "нас" от "них" автор выдвигает критерий такой необходимой "пересортицы" в общественном сознании. "Мы действительно совершали ошибки, у нас были заблуждения, просчеты, и именно потому, что мы не накопили еще тогда опыта. Но в двадцать девятом, а тем паче в тридцать седьмом году не мы делали ошибки, а они совершали преступления. Наша же ошибка в том, что значительно раньше просмотрели мы момент, когда они набрали силу, сконцентрировали слишком много власти в своих руках, стали бесконтрольными со стороны народных масс". Ту же мысль применительно к поздней фазе сталинизма проводит известный литературный критик Владимир Лакшин, оспаривая попытку некоторых деятелей культуры, процветавших в застойное время, "затесаться в толпе" и распространить свою ответственность на всех. Когда эти деятели теперь говорят: "Мы жили какой-то двойной жизнью", "голосовали за то, с чем были не согласны", "аплодировали заведомо лживым речам" и т. п., — позвоительно спросить, замечает Лакшин: "Кто это мы? Не значит ли это, что мы все и, к примеру, я — все были одинаковы: хором воспевали, хором прозрели, хором занялись перестройкой?" Нет, не так. Перестройку действительно готовили и "выстрадали" люди, но, к сожалению, не все. Иные как раз занимались тем, что топтали ее ростки, ее первые "всходы" в прошлом, разрушая силы и отдаляя время ее осуществления.

Таким образом, субъективная, а точнее, субъектная сторона истории, что бы ни твердили догматики, имеет фундаментальное значение. Так называемые объективные условия — лишь скелет общественного процесса, который облегается живой плотью человеческих действий. Кроме того, субъект субъекту — рознь. Более ста лет назад великий русский драматург А. Островский ввел в оборот понятие "самодурство",

пояснив, что “самодур решительно никого не слушает”, а “как топнет ногой: кто я? — Тут уже все домашние ему в ноги должны, так и лежат, а то беда...”. Беда тысячекратно возрастает от “огосударственного” самодурства, составляющего существо сталинизма, всеобъемлющий аппарат которого стремился распоряжаться во всем обществе, как в собственном доме, требуя от всех “в ноги”. Перед нами частное присвоение коллективного исторического деяния путем использования авторитета установленной революцией общепризнанной власти. Купаться в персональном сиянии высшей революционной власти оказалось роскошью, не уступающей той, которую приносит обычное буржуазное богатство в другой форме; корыстолюбие слилось с властолюбием, умножив и без того демоническую силу последнего. При этом одно дело — особый человек на рядовом положении, другое — заурядный человек на особом положении, огражденном властью. Последний, конечно, будет стремиться обезопасить от всяких случайностей это свое положение, сделав его, а вместе с ним и себя “неприкасаемым”. Он непременно организует поход против демократии, догадываясь, что демократия — верное средство проверить его дееспособность и, если нужно, потеснить с привилегированного места. Он устроит облаву вообще на всех “подозрительных”. Инстинкт самосохранения заставит его укрываться под сенью мировых идей, прятать свое, в общем-то, беспомощное “я” в их ослепляющем величии.

Много лет подряд, надзирая с помощью административной силы над наукой и искусством, догматики хлопотали главным образом о “партийности” и как-то неохотно вспоминали об “объективности”. Нужды не было. Партийность в их трактовке служила идеологической гильотиной, работающей без отдыха на усечение правды. Сегодня, в соответствии с девизом оппортунизма “смотря по удобству”, все будто перевернулось. Теперь, оказывается, необходимо глубокое почтение к объективности. Но вот что характерно: эта абстрактная объективность опять очень смахивает на лезвие гильотины, предназначенное отсекаать. Его пускают в ход, когда некий недвусмысленный вывод решительно не устраивает идеологов торможения. Эти перевертыши настаивают ныне на объективности не ради полноты и всесторонности знания, а против полноты и определенности осмысления добытого знания. Как только народному сознанию открывается что-то определенное, чему может быть дана оценка, ему тут же указывают на непостижимую глубоко-мысленность исторического процесса. В идеологии воспроизводится то, что всегда служило бюрократии на практике: ссылки на объективные причины, снимающие вопрос о человеческой ответственности, а также об уроках из человеческой безнаказанности. Словом, нас опять пугают: “Не судите да не судимы будете”. И если бы мы ждали от боязливого племени казенных историков (которые, по общему признанию, крупно осрамились), пока они наконец-то постигнут все “объективные тенденции” и родят высоконаучные директивы, то наше знание собственной истории до сих пор оставалось бы в первобытных границах сталинских прописей. Но этого, как известно, не случилось.

Еще недавно догматик поучал и наставлял, а знать самостоятельно обыкновенно не позволял; теперь фактическая история как бы открывается, но закрывается ее уроки. Раньше он прятал факты, замещающая их непререкаемыми логическими построениями, ныне фактологию

вроде бы уступает, но логику — под замок, а ключи опять в карман. Традиция не прерывается — догматики, взявшись “заклеймить” пьесу М. Шатрова, опять показали себя “оккупантами” живого духовного процесса обновления, попытавшись упрятать его за “колючую проволоку” сталинистских стереотипов.

Надо заметить, что в тот момент бывшим просто догматикам, а теперь также “честным объективистам” было сделано знаменитое предупреждение: “Стоит ли наступать на грабли?” Однако жизнь показала, что они не вняли.

В разные редакции и государственные учреждения рекой текут письма, в которых господствуют не вопросы и сомнения, а доктринерство и нетерпимость к происходящей переоценке ценностей. Те, кого очень устраивал вчерашний застойный день, ринулись в бой против перестройки. Одни советуют — “хватит каяться”, а то “прошлое нам еще отомстит”. Во всех этих письмах ностальгия по прошлому прикрыта заботами о “порядке, уважении к авторитету, единстве народа, верности принципам социализма”.

В историю борьбы за десталинизацию и общественное обновление, несомненно, навсегда войдут события конца марта — начала апреля 1988 года, когда острая идеологическая схватка в печати закончилась поражением консервативных сил и внушительной победой нового мышления. Речь идет о “внезапном” появлении в газете *Советская Россия* так называемого “письма” ленинградки Нины Андреевой “Не могу поступаться принципами” и об ответном критическом выступлении газеты *Правда* с редакционной статьей “Принципы перестройки: революционность мышления и действий”. Н. Андреева и стоящие за ней лица собрали вместе и изложили все основные стереотипы и догмы сталинизма, назвав их “принципами” и направив, по существу, против идеологии и практики перестройки. Воспроизводить этот сталинистский комплекс утверждений смысла нет: о нем так или иначе сказано выше. Отметим лишь опасные особенности вновь предпринятой попытки консерваторов приостановить процесс перестройки.

Любая точка зрения как таковая, разумеется, могла быть высказана. Одна из задач гласности как раз и состоит в поляризации общественного мнения, необходимой для выработки правильных, взвешенных решений. Многообразие взглядов и предложений — как раз реальное завоевание нашего обновляющегося общества. Окрик ради правды почти так же плох, как окрик во имя лжи: окрик негоден в принципе. Дело в другом: статья в *Советской России*, претенциозная и нетерпимая по духу и языку, отразила позиции догматического мышления в целом и, таким образом, приобрела обобщенно-программный характер, послужила своего рода платформой для объединения консервативно настроенных лиц, в том числе — из партийной, советской и хозяйственной бюрократии. И она по справедливости расценена в *Правде* как идейное кредо, манифест антиперестроечных сил.

В какой момент перестройки и для чего была выдвинута эта платформа? Момент крутой, ответственный. Еще не ясно, как заработает в экономике хозрасчет, а от этого зависит раскрепощение экономического сознания коллектива и личности. В обществе постепенно утверждаются уважение к правде, реальность народной власти. Но процессы эти идут отнюдь не триумфально. В толще народа еще бродит раздражение нере-

шенностью острых проблем: жилищной, продовольственной и других. Есть достаточное число людей, которые винят во всем перестройку, а не торжоза перестройки, "сконструированные" еще эпохой застоя. Именно такого рода настроениям, путающим причины и следствия, перекладывающим, что называется, с больной головы на здоровую, вознамерились подыграть составители антиперестроечного манифеста. Вопрос о том, быть или не быть перестройке, теперь уже не предмет для дискуссий — народ сказал: быть! И альтернативы ей нет, поворот вспять невозможен. Вот на это-то и было совершено покушение. "Письмо" Нины Андреевой не просто критиковало перестройку, оно ставило под сомнение новый облик социализма, к которому мы стремимся, и призывало повернуть назад, к сталинизму. Так, доктор экономических наук П. Лузан из Смоленска, оценивая смысл этого текста, писал: "Явно просматривается попытка под флагом защиты ... социализма объединить белое и черное".

Но, как говорится, нет худа без добра. Вылазка сталинистов, направленная против демократизации и гласности, больно задела чувства миллионов людей, успевших связать свои надежды с перестройкой; она выявила наличие новых ценностей — ценностей перестройки, показала, что большинство уже не собирается ими жертвовать. Вся обстановка демократизации знаменательна. Вначале она побудила людей задуматься над своей жизнью, потом заставила заговорить вслух, а сейчас уже требует действовать. Миллионы людей реально ощутили, как "мертвые хватают живых", и поднялись на защиту живого. В частности, студенты Ленинградского технологического института, того самого, где работает Нина Андреева, пришли к выводу: «Консервативные силы впервые так открыто "поиграли мускулами". И знаете, кто их лучший союзник? Да мы сами, наша пассивность и политическая наивность. А пассивность — от страха: вдруг завтра гласности и демократизации снова "перекроют кислород"?»

В этот короткий период времени люди осознали, что демократия — не только гласность. Демократия — деятельность. И когда она утвердится в этом своем качестве, перестройка станет воистину необратимой. А вот как бы подводящее итог народного отношения к событию письмо в *Правду* жительницы Рыльского Курской области А. Колгановой: «Дорогая редакция! Статья "Принципы перестройки: революционность мышления и действий" потрясла меня до глубины души. Читала ее — и, поверьте, плакала. Плакала за всех, кто страдал так мучительно все эти "застойные" годы, как и я. Страдал от несправедливости, беспомощности, невозможности отстаивать правду. Сколько иронии пришлось мне услышать от родных и друзей, когда я пыталась убедить, что правда восторжествует! Как больно мне было видеть товарищей по работе, которые "ломались"! Теперь оно пришло, долгожданное время. И кто-то еще пытается усомниться в необходимости перестройки?! Как воздух нужна она нашему советскому человеку, нашей молодежи!»

Противодействие перестройке, сконцентрированное в тексте "Не могу поступаться принципами", вызвало встречное действие, значительно превосходящее первое по масштабам и последствиям. Выявились, что перевес на стороне сил перестройки, и в ответ на платформу консерваторов была коллективно сформулирована идеологическая программа новаторов.

Если до апреля 1985 г. значительная часть народа еще считала, что справиться с бюрократизмом должен "сильный хозяин" типа Сталина, то за последние годы пробило себе дорогу противоположное понимание: чтобы покончить с бюрократией, необходим полный демонтаж сталинизма, в форме которого бюрократия возросла и укоренилась. Не сразу, но необратимо в сознании миллионов людей зреет убеждение, что их великие жизненные старания по-настоящему очерняет только сам сталинизм, а не его критика, что пришла, следовательно, пора отделить народный подвиг от сталинского преступления и, таким образом, обрести собственную гордость, противостоящую позору сталинизма и спеси сталинистов. У народа достаточно своих нетленных заслуг, чтобы не хранить их под колпаком сталинизма.

Массовая самоотверженность людей, их чистая вера в близкое всеобщее счастье тоже были реальностью. Героизм не перестает быть героизмом, если на его "костях" воздвигают фундамент корысти, тирании и преступлений. "Демифологизация событий и людей требует предельной взвешенности и деликатности, — считает журналист Григорий Симонович. — Иначе это обернется не новым мышлением, а опасной переоценкой важнейших гуманистических ценностей". С какой стати патриотам послушно ставить крест на своем прошлом только из-за того, что необходимо переоценить известные обстоятельства этого прошлого? Почему смиряться с ролью "козлов отпущения" чужих грехов, хотя бы власть имущие греховодники и втягивали — очно и заочно, кнутом и пряником — миллионы людей в *исполнение* своих скрытых преступных замыслов? По какому случаю, не имея прав, нести ответственность? Уместно ли в социалистическом сообществе это языческое, варварское требование жертвоприношений? Допустимо ли превращать захоронение сталинизма в "братскую могилу" поколения сталинских времен и времен власти — солдат и работников? Вот суть тех вопросов, которые тревожат сегодня многих. Но ведь они-то как раз и означают необходимость содрать "ржавчину" с тела социализма и его истории. Эта задача носит принципиальный характер: только удаление коросты позволяет выявить и постигнуть *живую плоть*. Торжество принципов нового мышления и явится окончательным крахом идейно-психологического комплекса сталинизма, революцией в общественном сознании.

В финале пьесы М.Шатрова "Дальше... дальше... дальше!" в центре сцены остается Ленин. Но и Сталин не спешит удалиться. Реплика автора: "Очень хочется, чтобы Сталин ушел. Но пока что он на сцене..." Всем понятен символический смысл этой концовки: Сталин еще задержался, "застрял" в экономических и политических структурах общества, и не в последнюю очередь — в его сознании. По знаменательному закону обоснованных совпадений, продемонстрировав в своем "письме" образцы сталинистского мышления, Нина Андреева с большим нажимом заканчивает: "На том стояли и стоять будем!" Что ж, могут сказать люди, стойте, если еще не настоялись за годы застоя. А нам — вперед: дальше, дальше, дальше... И в этом безостановочном движении прозаическое и насущное, как черный хлеб, условие нашего выживания и вставания в неподдельный социализм.

Перед читателем — советская политическая книга нового поколения, рожденная временем перестройки. Ее первая отличительная черта — свободное и полное изложение взглядов авторов, людей, весьма различных по возрасту, профессиям, жизненному опыту. Отсюда — весьма ощутимые различия в предлагаемых решениях проблем сегодняшнего и завтрашнего дня. Объединяет всех откликнувшихся на наше обращение авторов искренняя заинтересованность в успехе перестройки, понятное и близкое всем нам желание уже сегодня, сейчас, выявить и устранить многочисленные факторы торможения, поддерживаемые искусной и все еще могущественной бюрократической системой. С горьким, а для многих и драматичным опытом прошлых неудач социальных и экономических реформ связан и вполне понятный максимализм взглядов, радикальность отдельных выводов и предлагаемых решений. Даже сегодня, когда общественное мнение одной из непрременных норм своей политической культуры начинает признавать честность и определенность занимаемой позиции, многое в этой книге все еще может показаться непривычно острым и даже резким. Но пора нам отвыкнуть пугаться дискуссий, когда ведутся они с помощью серьезных аргументов и с целью изменения ситуации к лучшему.

Есть еще одна важная особенность у этой книги. В происходящем процессе очищения духовной жизни общества, его нравственной атмосферы особо обострилась необходимость ускоренного и всестороннего развития культуры во всем ее многообразии и сложности. Впервые за многие десятилетия начинает осознаваться общественная потребность в восстановлении традиционного культурного авторитета и роли самих издательств, в приобретении ими некогда законного, но впоследствии укороченного права воздействовать на культурные, политические и общественные процессы, на их формирование и развитие. Ослабление, а порой и полная потеря издательского голоса — одна из причин непреодоленного зстоя в общественных науках, политической книге, художественной литературе. Восстановление этого голоса — процесс не одного дня, но нельзя более откладывать его начало на будущее... Эта книга — "Иного не дано" — прояснение нашей издательской позиции в перестройке.

Иного не дано... Этот кажущийся простым, но выстраданный нашим обществом вывод о необходимости революционных преобразований с

каждым днем приобретает все новых убежденных сторонников. Вопросы дальнейшего движения советского общества, партии по демократическому пути станут центром дискуссий на XIX всесоюзной партконференции. Пусть книга поможет делегатам, станет для них наказом, вобравшим в себя мысли и надежды значительной части советского общества.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. Афанасьев</i>	
Несколько слов от редактора	5
СУДЬБЫ ПЕРЕСТРОЙКИ	
<i>Т. Заславская</i>	
О стратегии социального управления перестройкой	9
<i>Н. Моисеев</i>	
Зачем дорога, если она не ведет к храму	51
<i>Е. Амбарцумов</i>	
О путях совершенствования политической системы социализма . . .	77
<i>А. Мигранян</i>	
Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления	97
<i>А. Сахаров</i>	
Неизбежность перестройки	122
<i>В. Гинзбург</i>	
Против бюрократизма, перестраховки и некомпетентности	135
<i>Л. Баткин</i>	
Возобновление истории	154
<i>В. Селюнин</i>	
Реванш бюрократии	192
<i>М. Малютин</i>	
Неформалы в перестройке: опыт и перспективы	210
	673

<i>С. Залыгин</i>	
Наступаем или отступаем?	228
<i>А. Яблоков</i>	
Экологическое невежество и экологический авантюризм. Завалы на пути перестройки	238
<i>М. Лемешев</i>	
Экономические интересы и социальное природопользование	254
<i>А. Адамович</i>	
Воспоминание о будущем, которого не должно быть	270
ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ	
<i>И. Виноградов</i>	
Может ли правда быть поэтапной?	277
<i>М. Гефтер</i>	
"Сталин умер вчера. . ."	297
<i>С. Дзарасов</i>	
Партийная демократия и бюрократия: к истокам проблемы	324
<i>Д. Гранин</i>	
Кого мы прячем? Зачем?	343
<i>В. Киселев</i>	
Сколько моделей социализма было в СССР?	354
<i>В. Сироткин</i>	
От гражданской войны к гражданскому миру	370
<i>В. Фролов</i>	
Чтобы это не повторилось	392
<i>Ю. Карякин</i>	
"Ждановская жидкость" или против очернительства	412
<i>Ф. Бурлацкий</i>	
Хрущев (Штрихи к политическому портрету)	424
<i>Г. Водолазов</i>	
Кто виноват, что делать и какой счет?	441

<i>Ю. Буртин</i>	
Возможность возразить (Из личного опыта)	468
<i>Ю. Афанасьев</i>	
Перестройка и историческое знание	491
ВОЗВРАЩЕНИЕ К БУДУЩЕМУ	
<i>А. Нуйкин</i>	
Пчела и коммунистический идеал	509
<i>А. Бовин</i>	
Перестройка: правда о социализме и судьба социализма	519
<i>А. Бутенко</i>	
О революционной перестройке государственно- административного социализма	551
<i>Д. Фурман</i>	
Наш путь к нормальной культуре	569
<i>Вяч. Иванов</i>	
Воскрешаемая культура	581
<i>Ю. Черниченко</i>	
Трава из-под стога	591
<i>Г. Попов</i>	
Перестройка управления экономикой	621
<i>М. Франк-Каменецкий</i>	
Механизмы торможения в науке	634
<i>Л. Карпинский</i>	
Почему сталинизм не сходит со сцены?	648
От издательства	671

Иного не дано. — М.: Прогресс, 1988. — 680 с.

И 67 В сборник включены статьи ведущих представителей советской интеллигенции по наиболее острым вопросам коренной перестройки всех сфер жизни советского общества. Читатели ознакомятся с точкой зрения академиков Т. И. Заславской, А. Д. Сахарова, Н. Н. Моисеева, таких видных ученых, как Г. Х. Попов, А. В. Яблоков, М. Я. Лемешев, писателей С. П. Залыгина, Д. Гранина, А. Адамовича, журналистов А. Е. Бовина, Ю. Д. Черниченко и многих других. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

И 0201000000 — 482
006 (01) — 88 без объявления

ББК 66.3 (2)

Научная, научно-художественная литература

ИНОГО НЕ ДАНО

Редактор-составитель: *А. А. Протвицк*

Редакторы *В. И. Евсевича, Х. Х. Кобо,
Н. К. Сазанович, О. М. Фролова*
Мл. редакторы *Н. И. Борисова, О. В. Тимофеева*
Художник *А. Н. Разумов*
Художественный редактор *О. И. Барвенко*
Технический редактор *Л. В. Житникова*

ИБ № 17424

Сдано в набор 04.05.88. Подписано в печать
с РОМ 06.06.88. № А13203. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура "Универс".

Печать офсетная. Условн. печ. л. 42,5.

Усл. кр.-отт. 42,5. Уч.-изд. л. 50,94.

Тираж 50000 экз. Заказ № 0254 Цена 3 р. 10 к.

Изд. № 45371.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
"Прогресс" Государственного комитета СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская
типография № 7 "Искра революции"
Союзполиграфпрома Государственного
комитета СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли.
Москва, 121019, пер. Аксакова, 13.

ВЫХОДИТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ПРОГРЕСС"
в сентябре 1988 г.

**Рольф Эдберг, Алексей Яблоков. ТРУДНЫЙ
ПУТЬ К ВОСКРЕСЕНЬЮ (Диалог на пороге
третьего тысячелетия)**

"Мы — представители разных идеологий. У нас разные биографии, разный жизненный опыт... мы прежде не встречались, не знали друг друга... именно поэтому было заманчиво попытаться выяснить, могут ли два человека, не занимающие официальные посты и представляющие только самих себя, прийти к единому мнению по вопросам, волнующим миллионы людей в современном мире...

Как два обеспокоенных путника на маленькой планете, мы намеревались задать друг другу вопрос, занимающий многих людей Востока и Запада: какая судьба ожидает нас и нашу планету, когда мы вступим в новое тысячелетие?"

Вот несколько строк из диалога авторов этой книги — людей во многом незаурядных.

Рольф Эдберг — писатель, общественный деятель, член-корреспондент Академии Швеции, автор уже известного советскому читателю книг "Письма Колумбу" и "Дух долины".

Алексей Яблоков — член-корреспондент АН СССР, биолог, автор ряда книг по экологии.

**ВЫХОДИТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ПРОГРЕСС"
в 1989 г.**

**С. Козн. Н.И. БУХАРИН. ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИОГРАФИЯ**

Книга американского исследователя, специализирующегося по истории советского общества, представляет собой политическую биографию близкого соратника Ленина — Н.И. Бухарина, который в течение двух десятилетий после Октябрьской революции играл большую роль в жизни Советского государства и в международном коммунистическом движении.

На основании изучения исторических документов, прессы 20 — 30-х гг. и работ самого Бухарина автор дает обстоятельный, хотя и не всегда бесспорный анализ его теоретических и политических взглядов, показывает его роль в борьбе с троцкистской оппозицией, рассматривает его деятельность в период, когда он был членом Политбюро ВКП (б) (до 1929 г.), главным редактором газет "Правда" и "Известия", руководителем Коминтерна (1926 — 1929), рассказывает о последних драматических годах его жизни. Книга иллюстрирована.

Рассчитана на широкие круги читателей.

ВЫХОДИТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ПРОГРЕСС"

Гэлбрейт Дж., Меньшиков С. КАПИТАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ, СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

Книга представляет собой живой диалог советского и американского экономистов о современных проблемах капитализма и социализма, перспективах развития двух систем, мирном сосуществовании и путях сотрудничества СССР и США. В ходе диалога обсуждаются успехи и трудности развития социализма на протяжении 70 лет, состояние капиталистической экономики, возможности разрешения глобальных проблем человечества. Реалии ядерного века, по мнению авторов, требуют нового мышления в международных делах, отказа от военной конфронтации, установления отношений между странами и народами в той цивилизованной форме, которая необходима для поддержания всеобщего мира.

Дорогой друг!

*Правление Центрального Дома кинематографистов
приглашает Вас на вечер*

„ТРУДНО ЛИ ГОВОРИТЬ ПРАВДУ?“

„И Н О Г О Н Е Д А Н О“

Представляем
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС“

*В вечере принимают участие
советские историки, публицисты,
американские советологи*

С. Коэн

Д. Таккер

*Вечер состоится 13 мая 1989 года в Большом зале
Центрального Дома кинематографистов (Васильевская ул., 13)*

Начало в 19 часов

971-200
ДВА ЛИЦА

ПРИГЛАШЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

представляет книгу
"ИНОГО НЕ ДАНО"

Это издание, выходящее в свет в преддверии XIX Всесоюзной партконференции, можно по праву назвать советской политической книгой нового поколения.

"Судьбы перестройки", "Вглядываясь в прошлое", "Возвращение к будущему" – в этих трех разделах сборника, составленного из специально написанных для него статей, изложены взгляды многих видных представителей советской интеллигенции на острейшие проблемы современной жизни советского общества, наше прошлое и будущее. Среди авторов – академики Т. Заславская, Н. Моисеев, А. Сахаров, писатели А. Адамович, С. Залыгин, Д. Гранин, публицисты В. Селюнин, Ю. Черниченко, А. Бовин, экономист Г. Попов, историки Ю. Афанасьев, М. Гефтер и многие другие.

В представлении книги принимают участие Ю. Афанасьев – ответственный редактор сборника, А. Адамович, Л. Баткин, Т. Заславская, Ю. Карякин, Г. Попов и другие авторы.

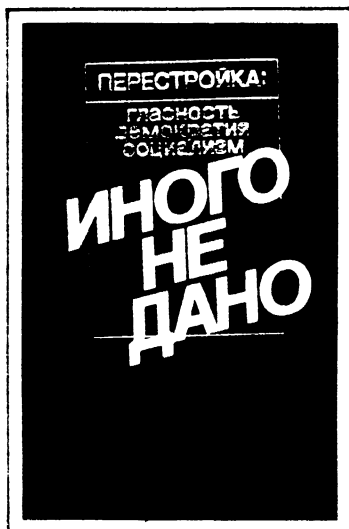
Представителям прессы, радио и телевидения будут переданы рецензионные экземпляры книги.

Представление книги состоится 21 июня в 16–00 час. в конференц-зале издательства "Прогресс" по адресу:

Зубовский б-р, 17, 8-й этаж.

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО ЧТО ИЗДАННАЯ КНИГА ОБ ИСТОКАХ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ ПЕРЕСТРОЙКИ. ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Ю. АФАНАСЬЕВА В НЕЙ СОБРАНЫ СТАТЬИ ТРИДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ АВТОРОВ. ЭТО ИЗВЕСТНЫЕ УЧЕНЫЕ, ПИСАТЕЛИ, ЖУРНАЛИСТЫ, КОТОРЫЕ СЕГОДНЯ СЛОВОМ И ДЕЛОМ РЕШИТЕЛЬНО БОРЮТСЯ ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ, ВЫСТУПАЮТ ОТКРЫТО, ИСКРЕННЕ, В ДУХЕ НАШЕГО ДЕРЗКОГО ВРЕМЕНИ. КАК ОТМЕЧАЕТ В СВОЕМ ПРЕДИСЛОВИИ

АФАНАСЬЕВ, В КНИГЕ ДАЖЕ СРАВНИТЕЛЬНО С ТЕМ, К ЧЕМУ МЫ УЖЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ ПРИВЫКЛИ В ПОРУ ПЕРЕСТРОЙКИ И ГЛАСНОСТИ, НЕМАЛО НЕПРИВЫЧНОГО, ОТКРОВЕННОГО И РЕЗКОГО. БОГ ЗНАЕТ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ БЫ С АВТОРАМИ ЭТОЙ КНИГИ, ВОСКЛИЦАЕТ АФАНАСЬЕВ, В СОВСЕМ НЕДАВНИЕ ВРЕМЕНА, В КОТОРЫЕ, ВПРОЧЕМ, ТАКОЙ СБОРНИК И НИКАК НЕ МОГ БЫ ПОЯВИТЬСЯ. А СЕГОДНЯ ОН — ЕЩЕ ОДНО НАГЛЯДНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД.

ИНОГО НЕ ДАНО

зательство предложило авторам написать о перестройке то, что они считают нужным, поразмышлять о ходе текущих изменений и о том, что и кто им мешает. Примечательно заявление Афанасьева: он, и как редактор сборника, и как ученый, вряд ли может согласиться со всем, что сказано авторами. С его точки зрения, многие их соображения являются спорными, требуют обсуждения, анализа. Они высказывают разные мнения по той или другой проблеме, зовут читателя к дискуссии, будят мысли и чувства. Книгу можно сравнить с зеркалом, отражающим бурное море общественного мнения, оно взбудоражено свежими ветрами перемен и, надо надеяться, не скоро еще успокоится.

О стратегии социального управления перестройкой пишет Т. Заславская. Свою статью она начинает с анализа социальных факторов торможения перестройки, которая, по ее мнению, идет пока с трудом. Она отмечает, что если изменения в сфере печати и гласности пусть с некоторой натяжкой можно назвать революционными, то модернизация механизма управления экономикой носит еще компромиссный характер. Среди многих интересных и глубоких мыслей автора обращает на себя внимание попытка классифицировать разное отношение в обществе к проходящим в нем процессам. Заславская выделяет такие типы отношения к перестройке: 1. Идеологи и инициаторы пе-

рестройки. 2. Ее сторонники. 3. Социальные союзники. 4. Квазисторонники. 5. Наблюдатели. 6. «Нейтралы». 7. Консерваторы. 8. Реакционеры. Каждая из этих групп подробно характеризуется автором.

«Неизбежность перестройки» — так назвал свою статью академик А. Сахаров. Этот тезис он развивает и доказывает на примере нашей истории, на примере нескольких десятилетий. Нравственную деградацию общества он считает не менее трагичной, чем его экономическое несовершенство. Сахаров спрашивает: реальна ли программа перестройки? И отвечает: «Прежде всего я хочу подчеркнуть, что убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима. Но неизбежны большие трудности и препятствия экономического, психологического, организационного характера». Размышления академика об этих трудностях и препятствиях, о путях их преодоления, несомненно, заинтересуют читателей.

Должно победить что-то одно, утверждает В. Селонин в своей работе «Рваный бюрократ»: или экономическая реформа вытеснит чиновников, или они сведут ее на нет. Как и во многих других статьях сборника, в его словах звучит тревога, призыв к активным действиям сегодня, немедленно, потому что завтра будет поздно. Надо решаться на перемены! Время, отпущенное нам историей, считает автор, истекает, счетчик аключен. По его мнению, уже в 1989 и 1990 годах мы должны успеть провести глубокую экономическую реформу, чтобы вступить в тринадцатую пятилетку, располагая работоспособным хозяйственным механизмом.

В откровенном и обеспокоенном разговоре его участники делятся сомнениями и опасениями. «Наступаем или отступаем?» — спрашивает себя и других С. Залыгин. На примере развернувшейся борьбы вокруг «проекта века» по гребброске части стока северных и сибирских рек он показывает, как сильна еще инерция прошлого, застойных времен, как до сих пор широко распространен и агрессивно вредоносен административно-командный образ мышления. Если Залыгин берет экологическую и нравственную стороны отживших принципов жизни, то А. Адамович рассматривает их с точки зрения будущего нашей цивилизации перед лицом ядерной угрозы. «Наша перестройка спасает мир» — пишет он. — Это безусловно. Но зачем и перестройка, если мир рухнет, пока мы будем озабоченно решать лишь «насущные задачи», упуская из виду глобальные? Не упускаем ли — в горячке буден?»

«Может ли правда быть позтапной?», «Сталин умер вчера...», «Кого мы прячем? Зачем?», «Чтобы это не повторилось», «Кто виноват, что делать и какой счет?», «Партийная демократия и бюрократия: к истокам проблемы», «Перестройка и историческое знание» — таковы названия некоторых статей, собранных в разделе «Вглядываясь в прошлое». О многом говорят уже сами эти названия. В том же разделе обращает на себя внимание страстное выступление Ю. Карякина против ждановского стиля руководства литературой, против тех, кто пытается обвинить глашатаев перестройки в очернительстве нашей истории. О поучительных уроках истории говорится и в оригинальной работе Ф. Бурлацкого «Хрущев (Штрихи к политическому портрету)».

Завершается книга серией материалов, объединенных в разделе «Возвращение к будущему». Свою статью «Перестройка: правда о социализме и судьба социализма» А. Бовин начинает так:

«Вот уже три года мы учимся говорить, говорить то, что думаем, что чувствуем.

Трудна наука...

Кричащая немота была не страшным сном, а страшной явью. Десятилетия торжествующей лжи, красноречия, духовной неподвижности обрекали правду на косноязычие, невнятицу.

А теперь учимся говорить правду. Правду о себе. О нашем прошлом, о нашем настоящем. Учимся реально, без самообмана оценивать варианты будущего, которое мы формируем сегодня».

А Бовин пишет о тех, кто тормозит перестройку из-за боязни потерять статус «идеологического чревоущителя». Он размышляет не только о «механизмах» торможения, но и о его «механизме», высказывает свою точку зрения на годы правления Хрущева и Брежнева. Он заканчивает статью так:

«Теперь, кажется, я дожил до такого времени, когда мало, преступно мало не говорить неправду. Теперь надо говорить правду. Хотя любителей прикрикнуть на журналистов, приструнить прессу еще хватает. Тем более надо говорить правду, добираться до правды, открыто, демократически сопоставляя позиции и аргументы.

Сила Сталина, сила всех, кто утверждает свой авторитаризм, свой «культ», свою безапелляционность, — в покорном молчании окружающих. Когда народ безмолвствует, царствуют самовластие и самодурство».

Эта книга, несомненно, сыграет свою роль в борьбе за перестройку. Не только содержание, но и сам процесс ее создания свидетельствует о том, что обновление всюду набирает силу. Судите сами. Книга была сдана в набор 4 мая этого года, подписали ее в печать 6 июня, а в июле она пришла к читателю. Правда, тут приходится сделать оговорку. Тираж у нее почему-то маленький — всего 50 тысяч. Уже не потому ли, что она такая необычная и острая?

Владимир НИКОЛАЕВ

«Иного не дано», Москва, «Прогресс», 1988 г., 680 стр.

Озонак 31 июля 1988

СОЦИАЛИЗМ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ — КОММУНАЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ

(Окончание)

Начало на 7-й стр.)

няя до корневой проблеме, легче найти ее уязвимые места. И тут уже «работает» не один холодный расчет, который обычно обитает в кабинетах, начинается «действовать» человеческое сопереживание. Потому что нельзя брать за большое дело, руководствуясь лишь экономическим расчетом. Нет, в партийной работе — и это особенно важно понять — должна быть движущая эмоция, если угодно, страсть. Иногда меня призывали: будь спокойнее, будь сдержаннее, ведь так солидарности больше. Я лично этого не понимаю. Ленин был очень эмоциональным, страстным человеком, и в то же время это не мешало ему решать грандиозные задачи. А мы, ведь его ученики. Да это же абсурд — называть себя ленинцем и носить в груди ледяное сердце. Да и почему я по чьему-то указанию или прихоти должен менять свою физиономию, свою натуру? Во первых, это, наверное, невозможно сделать, и во-вторых, не считаю нужным превращаться в ледяной модуль.

Я старался узнать проблемы Москвы не из кабинетного окна. Однако не отрицая и работу в кабинете — именно там были наши «нарисованные» 24 программы развития Москвы до 2000 года. К счастью, все они действовали и понимают.

Теперь о моем отношении к элитарности. Повторяю, что никогда не хотел противопоставить свой «стиль» кому-то другому. Но что тогда мы называем перестройкой? Экономическая реформа? Она жизненно необходима, но ведь без разрушения старых стереотипов мы не осилим и реформу. Тот, кто считал или считает мои методы работы неправильными, думаю, тот сам находится в плену предрассудков. Наоборот тому, кто так думает, надо немедленно перестраиваться. Нужно идти к людям и разговаривать с ними на человеческом языке. Как зоркое предупреждение я понимаю слова В. И. Ленина, сказанные мне на XI съезде РКП (б): «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою массу, и вся машина развалится».

В газете «Московские новости» (17 июля с. г.) в интервью В. Коротича корреспондент газет «Гардиан» (Великобритания), «Идлер» (штатдальберг) (ФРГ), «Корриере делья сера» (Италия) написали о вас... Например, дается разъяснение относительно вашего интервью журналу «Огонек».

— Которое, кстати, до сих пор не опубликовано. Возможно, здесь в санатории (санаторий «Рижский зал» — прим. авт.) «Московские новости» не выписывают, а может быть, они просто мне не попали в глаза.

(Появился слушатель, я передал В. И. Ельцину имеющийся у меня экземпляр «Московских новостей», и он тут же стал читать беседу В. Коротича с иностранными журналистами. Статья называлась «Демократия — это трудная работа. Чтобы читателям легче было понять, о чем в беседе с товарищем Ельциным дальше пойдет разговор, я процитирую «Московские новости». Итак, вопрос к Коротичу: «почему ваш журнал не опубликовал интервью с Борисом Ельциным». Ответ Коротича: «В интервью было несколько мест, которые поставили меня в трудное положение. Первое. Большое число высказываний в адрес других членов ЦК партии. По логике вещей, я

должен был бы дать им интервью и попросить их написать ответ. Это было в тот момент довольно сложно. Второе, ставит в неловкое положение самого Ельцина. Он рассказывает, как его жена ходит в магазины, стоит в очередях, и подает это как подвиг. Напечатать такое в стране, где большинство людей стоит в очередях, вы вряд ли повысите авторитет самого Ельцина. Я попросил его материал доработать, более подробно изложить позитивную программу — как первого заместителя Председателя Государства СССР. Думаю, в конце июня начнется Ельцина мы опубликуем»).

— Я категорически не согласен с утверждениями Коротича. Он явно передеформирует суть моих высказываний. Никогда ни я сам, ни моя жена не считали подвигом ходить в магазин, как это действительно делают миллионы советских людей. Не о героизме моей жены идет речь, а о том, чтобы наконец опустить ответственных работников на грешную землю, и начинать это надо с руководителей высшего звена власти. Только их пример даст надежду на торжество социальной справедливости. Однако, хоть это и не подвиг, о чем говорит Коротич, но очень редко ответственные работники и их близкие отказываются от привилегий. Это первое. Во-вторых, ни о какой доработке моего интервью не было и речи. Наоборот, в журнале «Огонек» извинились и обещали напечатать его в ближайших номерах. Более того, был даже указан конкретный срок публикации. Я дал интервью АПН — не печатают, беседа три часа по просьбе «Огонька» — август. Теперь, слава богу, нашли оправдание. Правда, неубедительное. И сейчас я не знаю, о чем будет интервью в «Огоньке».

Если о работе Госстроя, то об этом у нас совершенно не было разговора. Да я и не имею морального права об этом говорить, поскольку работа в Госстрое всего несколько месяцев. Поэтому дайте оценку отрасли я попросту не могу.

— На партконференции во многих выступлениях звучали упреки в адрес журналистов. Вскать «благодаря их усилиям началась конфронтация «инициативы» с «верхами». Один из делегатов расскал даже пошлый анекдот о муже, газете и руководителе...

— Я, например, считаю так: наиболее оперативно перестроились наши средства массовой информации. Когда в конце 1986 года я встречался с корпусом журналистов, я призывал их не выводить баланса положительных и отрицательных материалов. Ведь известно, как только такая работа появится, считая, процесс гласности окажется заваленным демагогической шелухой. «Нам нужна полная и правдивая информация. А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить». — В 1921 году писал В. И. Ленин. В контексте этого ленинского постулата у нас состоялся разговор с работниками средств массовой информации. Как только начнется мензурочная отмерка критических и так называемых положительных публикаций, на гласности можно поставить крест. Если только газеты, радио, ТВ допустят, все пойдет назад. Другое дело, что сейчас сейчас убавится прошлым и не всегда.

— Я заметил острый проблем сегодняшний день. К сожалению в последнее время публицистический накал несколько ослаб, острый проблем на страницах газет становится меньше. Это бросается в глаза. Вот почему я

полностью поддерживаю журналистов и считаю, что те делегаты, которые недоброжелательно отзывались о средствах массовой информации, мягко говоря, неправы. Они напуганы и не могут этого скрыть.

— На конференции вы высказали сомнения относительно совещания функций первых секретарей партийных комитетов и руководителей советских органов. Не изменился ли ваш подход к этому вопросу?

— Решение на этот счет уже принято, и я, как коммунист, обязан ему подчиняться. Но как избиратель могу сказать следующее: главное, чтобы такое совещание осуществлял умный, образованный, добрый человек. Но и этого еще мало. Надо, чтобы он знал от «за» до «я» всю советскую работу. А если не будет знать? Если пойдет по верхкам, не затрагивая глубины? К сожалению, и среди первых секретарей есть такие, которые дальше своего носачика не хотят видеть. А уж о творческом подходе к делу и речи нет. Впрочем, демократические Советы, как в зеркале, будут отражать уровень такого руководителя.

— Если судить по редакционной почте, люди больше всего хотят связать перестройку со справедливостью. Вообще, чувство справедливости, наверное, родилось раньше нас. Но как-то еще нерешительно выходит на авансцену эти социальные справедливости. Ведь не секрет, что рубль много руководит или бирюкрата, торгующего перестройкой, далеко не эквивалентен рублю рабочего или инженера...

— Принципы социалистической справедливости измеряются не только рублем, да еще и престижной путевкой. И это, разумеется, плохо, но я хочу сказать о другом. Мы духовно задавили человека. Он оказался под прессом дутых авторитетов, приказаний, непрекращаемых распоряжений, бесконечного количества постановлений и т. д. Мы приучили людей к единодушию, а не к единодушию. Разве это социально справедливо? Если мы голосуем, то непременно почти на все 100 процентов, если поднимаются руки, то все поголовно «за». Стыдно, что слово «плюрализм» пришло к нам из лексикона наших идеологических противников.

— Что же касается вопросов «енормированного» материального обеспечения отдельных групп нашего общества, то здесь работы хоть отбавляй. В этом смысле незаслуженные блага не устроятся, а создается впечатление, что они даже наращиваются. Возможно, мне это кажется. Но в одном я твердо уверен: придет время, и вопросы социальной справедливости будут решены. А кто на этот счет еще не прозрел — жизнь заставит это сделать.

— Нет большого греха в строительно ведомственных дач, санаториях, баз отдыха — что ж, есть деньги, строите на здоровье. Но должна быть мера. Когда она переступается, то вместо блага превращается в вопиющую несправедливость. Когда в каком-то городе еще стоят бараки, и тут же по соседству возводится роскошная вилла для начальника, тут трудно отказать и нарек на справедливость.

— Мы есть слон населения, между которыми нет балансируемости в заработной плате. Один трудится больше, но получает меньше, другой же живет на «лотыни» государства. Это, я считаю, несправедливо. Если у нас в

обществе чего-то не хватает, то нужно, чтобы это почувствовали все. Руководитель агропрома, которому на дом привозят изысканные продукты, никогда «грустно» не пойдет на борьбу за Продовольственную программу. Для него она уже давно решена. Социалистическая справедливость — это отнюдь не утопия, как некоторые пытаются ее представить. Если она не будет торжествовать, это рано или поздно вызовет у народа недовольство. Недовольство к партии, Советской власти. К социализму вообще. А мы, коммунисты, кому служим? Народу, но никак не наоборот.

— Если не ошибаюсь, М. С. Горбачев, будучи в Мурманске, так и сказал: партия для народа, а не народ для партии. Борис Николаевич, на конференции вас утешили в том, что вы тогда были первым секретарем Свердловского обкома партии, а тогдашний обком был на талончике. В этот день у людей возникло недоуменное: человек, который «разорил» целый регион, вдруг показывают и приглашают работать в Кремле.

— Это неправда. Каждый день я получаю большую пачку писем, и в одном из них был затронут этот вопрос. Мой корреспондент с помощью справочника ЦСУ, доказал, что Свердловская область в указанный мой критический период не была жидковенной. Во всяком случае уровень производства и потребления продуктов питания был в Свердловске выше, чем по стране в целом. Нельзя не учитывать и другое: Свердловская область относится к очень индустриально насыщенным регионам. Там всего пять процентов населения, занятого в сельском хозяйстве. Естественно, такими силами мы не могли обеспечить себя всеми продуктами. Но по договоренности с ЦК, 10 лет назад, нам не стали повышать дотацию на мясо, а все, что мы будем дополнительно у себя приращивать, остается в области. И это было справедливо, ибо мы никого не обделяли.

— К сожалению, в речи делегата конференции товарища Егора Лигачева искажена сама суть наших отношений к различным проблемам перестройки — особенно к вопросу социальной справедливости. Но пусть это останется на совести моего оппонента.

— Ваш сторонник сказал на конференции, что Ельцин жесток, даже жестоким человеком. Но если это допустить, то не могут ли быть перечеркнуты эти свойства вашего характера все ваши благие намерения?

— Не могу объяснить, почему он так сказал. В слове Ожегова слово «жесткий» трактуется так: суровый, грубый, резкий. Жестокость — это крайняя суровость, безжалостность, беспринципность. Какое из этих определений мне больше всего подходит — судить не мне. Пусть об этом судят мои бывшие и настоящие коллеги. Жесткий я или жестокий. Произнесенное слово воспринимается разными людьми по-разному. Для человека обидчивого, сверхчувствительного важен даже оттенок интонации, по которым он уже может «вынести приговор» произнесшему это слово. Амбициозный, спесивый человек на любое замечание может реагировать резко отрицательно, даже агрессивно. Работник, которого уличили в лени, безответственности, сутяжничестве и прямо сказали ему об этом — может сказать жестким и даже злодеем. В данный момент он вас по-иному и не воспринимает. Но я никогда не забы-

вал и о другом: чтобы требовать от кого-то, нужно с двойной меркой требовательности подходить к себе. Да когда я был первым секретарем Московской парторганизации, я работал с 8 утра до 24 часов. И требовал полной отдачи от других. Многим это было не под силу, некоторые стали роптать и обвинять меня в жестокости. Но я считал и считаю, что в период перестройки без самопожертвования не обойтись. И в этом смысле я могу признать себя в какой-то мере жестким, даже скорее чрезмерно требовательным, но никак не жестоким. Для безответственного работника обыкновенная требовательность иногда превращается в необыкновенную жестокость.

— В комитете вышесказанного напрашивается и такой вопрос: правда ли, как об этом было заявлено на партконференции, что один из секретарей райкома партии из-за своего и моего отношения покончил жизнь самоубийством?

— Этот человек уже давно не работал в райкоме партии. Когда с ним, случившись это несчастье, он трудился в Минцветмете. Расследование факта смерти показало, что она никак не связана с освобождением его от должности секретаря райкома.

— Вам, конечно, известно о рупонисе — якобы вашем выступлении на пленуме ЦК КПСС (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, которая ходит по рукам.

— Да, я об этом знаю. Но не одна рукопись ходит по рукам — три варианта, которые я все читал. Что по этому поводу я могу сказать? В целом это фальшивка, хотя кое-какие мои высказывания там использованы. Я считаю, что не было бы «самиздатских» статей, если бы речь, произнесенная на октябрьском Пленуме прошлого года, публиковалась. Только открытость в партии приведет к пониманию народом сути перестройки, всей ее грандиозности и необходимости.

— С вашего позволения, вернемся еще раз к интервью В. Коротича в «Московских новостях». Иностранцы корреспонденты спросили у него: «Ельцин поставил вопрос о своей политической реабилитации. Не вад он не был лишены никаких гражданских прав, не был приговорен ни к каким срокам». Ответ В. Коротича: «Да, на фоне реабилитации рассуждений о прошлом людей требование Ельцина о своей политической реабилитации звучало странно. Думаю, ему не следовало становиться в один ряд с Бухариным или Камениным. Поэтому, когда он затронул о своей реабилитации то, что раньше походило на трагедию, стало напоминать фарс».

— Я не считаю себя виноватым ни перед партией, ни перед народом и потому поставил вопрос о моей политической реабилитации. И сделать это могли или партийный съезд или прошедшая партконференция — решить вопрос о моей виновности или невиновности. Реабилитация — это восстановление прежней репутации. И совсем необязательно, как считает Коротич, испытать чашу Бухарина или Каменина, чтобы затем быть реабилитированным. И я, наверное, сильно разочарую редактора «Огонька», если дам ему честное слово, что ни сном ни духом я не стремился становиться «в один ряд с Бухариным или Камениным». Вообще я представлял редактора журнала «Огонек» более объективным человеком, имеющим собственное, неизменное, мнение.

— Спасибо, Борис Николаевич, за беседу.

Евгений АЛЕКСАНДР ОЛЬБИК
Фото автора.

**Слово
книголюба**

ПО СЛУХАМ
И НА САМОМ ДЕЛЕ

**«ЗАПРЕЩЕННАЯ»
КНИГА**

Три дня назад у нас в редакции раздался телефонный звонок. Читатель «Книжного обозрения», почему-то пожелавший остаться анонимным, взволнованно сообщил:

— В сотом магазине, что на улице Горького, снята с продажи книга «Иного не дано». Говорят, что она запрещена.

Тут же на редакционной машине отправляюсь в московский книжный магазин № 100.

— У вас есть книга «Иного не дано»? — спрашиваю продавца отдела политической литературы.

— У нас ее и не было. То же сказала и заведующая отделом. Иду в справочно-библиографический отдел. Беру из картотеки прихода карточку.

23 июня в магазин поступило 264 экземпляра книги. 24 из них были отправлены в киоск Совета Министров РСФСР, 144 — в киоск гостиницы «Москва» для делегатов конференции, 96 — на пресс-конференцию для журналистов.

— Вчера, да и сегодня, — говорят товароведы Е. Федорова и В. Карчевская, — звонков было как никогда много. Спрашивают, правда ли, что книга у нас есть, но ее запретили продавать. Отвечаем, что это слухи, ложь. Книгу никто не запретил.

Подобные звонки, оказывается, раздавались и раздаются в Московском Доме книги, Доме политической книги и других книжных магазинах Москвы, в издательстве «Прогресс» и книготорговой базе, в Госкомиздате СССР. И не только от москвичей, но и от ленинградцев, из Оренбурга и Орла, Киева и Ташкента.

С того дня, когда газета опубликовала фрагменты книги «Иного не дано», выпущенной издательством «Прогресс» оперативно к XIX партконференции, постоянно нам задавали одни и те же вопросы:

— Где можно купить? Когда? Почему нет в продаже?

«Судя по материалам «КО», по рецензиям в других газетах, по информации радио и телевидения, книге «Иного не дано» суждено стать бестселлером. — пишет из Кургана пропагандист В. Матвеев. — Но познакомиться с этим изданием, а тем более приобрести его нет никакой возможности. На вопрос о книге в магазинах и библиотеках отвечают: «Нет».

Директор магазина № 100 Т. Урдова так прокомментировала эту ситуацию:

— Такие книги надо издавать большими тиражами, чтобы покупатель мог их свободно приобрести.

А. ШАХМАТОВ.

Р. С. Как нам сообщили в издательстве «Прогресс», первые 10 тысяч экземпляров тиража «Иного не дано» предназначались для делегатов и гостей XIX Всесоюзной конференции КПСС, а сейчас идет сдача на книготорговую базу оставшихся 40 тысяч. Кроме того, принято решение выпустить еще 50 тысяч экземпляров.

И все же читателям это кажется мало. Вот только одна из записей в «Книжном обозрении» № 100: «Почему так долго не поступает на прилавки книга «Иного не дано»? Книгу надо издать массовыми тиражами — 1 млн. экземпляров для начала и как можно скорее. Эту просьбу прошу передать в Госкомиздат СССР и издательство «Прогресс». Ю. Вронский (г. Раменское Московской обл.)».

МОСКВА ЧИТАЮЩАЯ

21 июля московские книжные магазины вышли на улицы столицы. В этот день широкая торговля книгами шла на проспекте Маркса, у Большого театра Союза ССР, на старом Арбате и в других уголках Москвы. На сменах В. Ларина — книжный ерзаваз и певичника первопечатнику И. Федорову и счастливые обладатели интересных изданий.

— москвичи и гости столицы — с раннего утра направлялись в Измайлово, где проходила Московская книжная ярмарка, организованная ВГО «Союзкнига». Книголюбцы не обманулись в своих ожиданиях: щедрыми оказались прилавки книготорговцев Москвы, Украины, Белоруссии, Молдавии, Азербайджана, республик Прибалтики...

А 23 и 24 июля тысячи книголюбов

● ВЕСТИ ИЗ ОРГАНИЗАЦИИ ВОК ● ВЕСТИ ИЗ ОРГАНИЗАЦИИ ВОК ● ВЕСТИ ИЗ ОРГАНИЗАЦИИ ВОК

НЕ В «СПАСИБО» ДЕЛО

Как и все книголюбцы страны, первичная организация книголюбов нашего научно-исследовательского института поддерживает всесоюзную акцию «Спасибо».

Но хотелось бы вернуться к событиям, происходившим несколько лет назад. Узнав о землетрясении в Таджикистане (в 1985 г.), поддержав обращение «Книжного обозрения», книголюбцы нашего НИИ решили собрать для пострадавших библиотек. Небольшой коллектив институтского собрал 539 томов. Некоторые книголюбцы сдали по 10—15 книг. Книжки были отправлены в Душанбе по адресу, указанному в «Книжном обозрении». Книголюбцы интересовало, куда поступили эти издания, выказывались желание, чтобы они попали в одно место, например, в сельскую библиотеку. Мы готовы были оказать шеф-

скую помощь какой-либо первичной организации книголюбов Таджикистана. Однако обратная связь не возникла. Ни благодарности, ни просто подтверждения о получении книг не получено. А ведь прошло 2,5 года. Помните, мы не напрасиваемся на «спасибо». Дело в другом. Возникает сомнение, а нужны ли были наши книги жителям Таджикистана?

Может быть, прочитав эту заметку (если «Книжное обозрение» сочтет нужным ее опубликовать), наши книголюбцы получат письмо от тех, кто имеет и читает наши книги? Хотя надежд мало, на всякий случай сообщаем наш адрес:

277004, г. Кишинев, ул. Алевсандра, 24, правление ДОК МССР.

И. ЛИФШИЦ,
председатель общества книголюбов.

СИБИРСКИЙ АУКЦИОН

Красноярский крайкинготорг и общество книголюбов впервые провели Сибирский книжный аукцион. Огромную помощь в его организации оказали библиотеки города. В магазине «Знание» они сделали выставку представленных на аукцион rarитетов. Помогли библиофилы составить и каталог.

На аукционе первыми были проданы этнографические очерки Я. Руднева «Народы мира» (изд. П. П. Сойкина, 1928 г.), исторический труд В. Венгера «Рим: История и культура римского народа для любителей классической древности и для самообразования» (изд. т-ва М. О. Вольф, 1902 г.), «История православной церкви до начала разделений церквей» (изд. 1892 г.), переводной двухтомник М. Неймара «История Земли» (изд. 1904 г.).

Ведущий сибирского аукциона артист Красноярского театра им. Ленинского комсомола С. Кудряшов семь раз повышал первоначальные цены в «борьбе» за издания Ж. Лапорта «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового света...», т. 4 (изд. 1782 г.), Ф. Петрушевского «Свет и цвета сами по себе и по отношению к живописи» (изд. 1883 г.).

Украшением аукциона стал «Пушкинский сборник», вышедший к 100-летию со дня рождения великого поэта в 1899 г. (изд. А. С. Суворина). Пятнадцать раз ведущий начал отсчет новой цены на это уникальное издание, которое в итоге приобрела Красноярская краеведческая научная библиотека.

О. ХОНИНА.

г. Красноярск.